

НЮРНБЕРГСКИЙ
ПРОЦЕСС

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

ДИПОЛОМ

НА Д. ТАВРИИ

ИМЕНЕМ

БОГА

ИМПЕРАТОРА

И ЕГИПТА

И ЕГИПТА

И ЕГИПТА

И ЕГИПТА

И ЕГИПТА

И ЕГИПТА

И ЕГИПТА

И ЕГИПТА

И ЕГИПТА

И ЕГИПТА

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

НАД ГЛАВНЫМИ
НЕМЕЦКИМИ
ВОЕННЫМИ
ПРЕСТУПНИКАМИ

Сборник материалов

В СЕМИ ТОМАХ

Под общей редакцией
Р. А. РУДЕНКО

Государственное Издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1961

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

ТОМ
VII

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ
ГЛАВНЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА
ПОДСУДИМЫХ

ПРИГОВОР

Государственное Издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1961

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС
Том VII

Составители
*Г. Н. Александров, А. Ф. Волчков,
Д. С. Карев, М. Ю. Рагинский*

Редакторы
И. Т. Никитченко, А. И. Полторак

Редактор *Г. К. Большакова*
Художник-оформитель *Ю. М. Сигов*
Художественный редактор *Ю. В. Алексеев*
Технический редактор *А. Н. Макарова*
Корректоры *Н. П. Визгина, Л. И. Ушаева*

Сдано в набор 6/IX 1960 г. Подписано в печать 27/XII 1960 г. Формат бумаги 60×92^{1/16}.
Объем: физ. печ. л. 48,5 (в том числе вклейки); условн. печ. л. 48,5; учетно-изд. л. 53,57.
Тираж 46 000. А-10683. Цена 1 р. 85 к. Зак. 1791.

Госюриздат — Москва, Б — 64, ул. Чкалова, 38—40.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Измайловский пр., 29.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ ГЛАВНЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ

РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ОТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
РОБЕРТА ДЖЕКSONА

[Произнесена 26 июля 1946 г.]

Господин председатель, господа члены Трибунала!

Редко юристу приходится сталкиваться с более сложной задачей, чем выбор аргументов для заключительной речи при таком громадном несоответствии между отведенным ему временем и объемом материала, которым он располагает. В течение восьми месяцев, а это — недолгий срок для процесса государственной важности, мы представляли доказательства, которые охватывают столь широкую и разнообразную картину событий, что едва ли нечто подобное было когда-либо охвачено рамками одного судебного процесса. Невозможно, резюмируя, нарисовать широкими мазками более чем контуры основных моментов выразительной и печальной летописи этого процесса, которая останется в истории как свидетельство позора и извращенности XX столетия.

Принято думать, что наше время является вершиной цивилизации, вершиной, с которой мы можем покровительственно взирать на недостатки предшествовавших веков в свете того, что считается «прогрессом». В действительности положение вещей таково, что взятая в перспективе история нашего столетия не будет выглядеть с благоприятной стороны, если только вторая его половина не искупит пороки первой. Эти четыре десятка лет XX столетия будут занесены в летопись истории в числе самых кровавых в ее анналах. Мировые войны оставили столько убитых, что число их превышает численность всех армий, участвовавших в древних и средневековых войнах. Никогда в течение полустолетия не происходило такого количества кровавых убийств и в таком масштабе, не совершалось таких жестокостей и бесчеловечных поступков, не производилось такого массового угона людей в рабство, такого уничтожения национальных меньшинств.

Террор Торквемады¹ бледнеет перед нацистской инквизицией. Эти деяния войдут в историю как неопровержимые факты, по которым будущие поколения будут судить о нашем десятилетии. Если мы не сумеем уничтожить причины и предотвратить повторение подобного варварства, можно будет с основанием сказать, что XX столетие приведет к гибели цивилизации.

Руководствуясь этими фактами, мы предприняли шаги для того, чтобы стереть эти ужасные деяния со страниц нашей эры. Подсудимые жалуются, что мы двигаемся вперед слишком быстро. Создавая Устав этого Трибунала, мы полагали, что лишь регистрируем уже достигнутое в развитии международного права. Однако они говорят, что мы обогнали наше время, что мы предвосхитили процесс, который только должен произойти, но еще не совершился. Лондонское соглашение, независимо от того, является ли оно оригинальным или лишь регистрирует достигнутое, при всех обстоятельствах знаменует собой сдвиг в международном праве, который в общих чертах соответствует эволюции во внутреннем законодательстве, заключавшейся в том, что люди перестали карать преступление, совершенное внутри страны, «преследованием и криками» и стали руководствоваться при определении наказания доводами рассудка и результатами расследования. Сообщество народов выросло из примитивного закона «преследований и криков», из закона «лови и убивай». Оно стремится применять санкции для того, чтобы утверждать международное право, но руководствоваться в этом применении санкции законом и разумом, а не интуитивным протестом. Подсудимые отрицают закон, по которому они привлекаются к ответственности. Их отвращение к закону, который осуждает их, не является оригинальным. Уже прежде было замечено, что «вор, который чувствует на своей шее веревку, не может придраться к хорошему мнению о законе».

Я не стану касаться правовых основ данного процесса. Позиция, которую занимают Соединенные Штаты, была достаточно разъяснена в моей вступительной речи. Мой достойный коллега Генеральный Прокурор Великобритании² даст ответ от имени всех Главных обвинителей на возражения подсудимых относительно правовой основы данного процесса. На данной стадии судебного разбирательства я остановлюсь на законе, относящемся к данным преступлениям, в соответствии с тем, как он изложен в Уставе. Подсудимые, которые вообще не имели бы

¹ Торквемада — доминиканский монах, деятель инквизиции в Испании, первый «великий инквизитор». Отличался исключительной жестокостью, приговорил к сожжению на костре более 10 тысяч «еретиков», добился изгнания в 1492 году из Испании евреев. — Составители.

² Имеется в виду Главный обвинитель от Великобритании Х. Шоукросс. — Составители.

права быть заслушанными, если бы Устав не предоставил им такого права, теперь требуют уничтожения правовой основы данного процесса. Этот Трибунал, конечно, не имеет полномочий отвергнуть или изменить соглашение между четырьмя державами, к которому присоединились 18 других стран. Формулировки Устава являются обязательными для всех участников этого судебного разбирательства.

Однако при толковании Устава мы не должны забывать о том, какой исключительный, чрезвычайный характер имеет этот Трибунал как Международный Военный Трибунал. Он не является частью установленной конституцией системы юстиции ни одной из подписавших соглашение сторон. Германия безоговорочно капитулировала, однако еще не подписан никакой мирный договор и не достигнуто соглашение по поводу такого мирного договора. Формальные союзники все еще находятся в состоянии войны с Германией, хотя политическая и военная система противника прекратила свое существование. Как Военный Трибунал этот суд является продолжением военных усилий союзников. Как Международный Трибунал он не связан никакими процессуальными или иными тонкостями системы юриспруденции или конституционной системы каждой из наших стран; его решения также не внесут новых прецедентов во внутреннюю систему их гражданской юстиции. Как Международный Военный Трибунал он подымается над местным и преходящим и стремится руководствоваться не только международным правом, но и основными принципами юриспруденции, которые присущи цивилизации и давно уже нашли воплощение в кодексах всех народов.

Мы можем быть уверены в одном — будущим поколениям никогда не придется с недоумением вопрошать, что же могли сказать нацисты в свое оправдание. История будет знать: все, что они могли сказать, им было позволено сказать. Они получили возможность предстать перед судом такого рода, право на который в дни их процветания и славы они не предоставляли никому.

Но справедливость — это не слабость. Необычайная справедливость этого судебного разбирательства является атрибутом нашей силы. Обвинение сейчас, к концу процесса, оказалось внутренне неуязвимым потому, что оно покоилось столь основательно на германских документах, аутентичность которых неоспорима. Но именно долгие недели этого судебного разбирательства, в течение которых подсудимые один за другим пытались уязвить достоверность этих доказательств, продемонстрировали подлинную их силу. Несомненным фактом является то обстоятельство, что показания подсудимых устранили всякое сомнение в их виновности, которое ввиду необычайного характера и размаха этих преступлений могло существовать

до того, как они выступили здесь. Они помогли написать себе обвинительный приговор.

Справедливость этого процесса не имеет ничего общего с некоторыми из аргументов, выдвинутыми подсудимыми или их защитниками. Ни прежде, ни теперь не являлось необходимым оценивать достоинства туманной и извилистой философии подсудимых. Мы не судим их за их дурные идеи. Они вправе, если желают, порочить вклад древних иудеев в цивилизацию, частью которой некогда являлась Германия. Нас не касается также то обстоятельство, что они отвергают эллинское влияние. Интеллектуальное банкротство и моральная извращенность нацистского режима не касались бы международного права, если бы они не были использованы для того, чтобы провести «расу господ» гусиным шагом через границы государств. Мы вменяем им в вину как преступление не их идеи, а их враждебные акции. Их кредо и их учение имеют значение лишь постольку, поскольку они свидетельствуют о мотивах, целях, намерениях, осведомленности в происходящем.

Мы вменяем подсудимым в вину незаконную агрессию, но мы не судим их за те мотивы, надежды и лишения, которые могли толкнуть Германию на путь агрессивных войн в качестве инструмента политики. Закон в отличие от политики не занимается вопросами добра и зла при статус-кво, он не рассматривает также вопроса о состоятельности возражений против статус-кво. Он просто требует, чтобы статус-кво не нарушалось силой и чтобы политика не проводилась в жизнь с помощью войны.

Мы можем признать, что смешение этнических и культурных групп, стирание экономических барьеров, столкновение национальных интересов создали в 30-х годах, как будто создавать и впредь, серьезные проблемы для Германии точно так же, как и для остальных народов Европы. Мы можем также признать, что мир не сумел найти политического или правового средства для того, чтобы противопоставить его как достойную и реальную замену войне. Мы не можем сослаться ни на этику, ни на мудрость ни одной из стран, в том числе моей собственной, перед лицом этих проблем. Но мы утверждаем, что теперь точно так же, как уже в течение некоторого времени до 1939 года, для Германии или для любой другой страны являлось незаконным и преступным осуществлять свои притязания или стремиться к экспансии, прибегая для этого к агрессивной войне.

Разрешите мне подчеркнуть один кардинальный момент. У Соединенных Штатов нет интересов, которые могли бы выиграть от того, что кто-либо из подсудимых будет осужден в том случае, если не будет доказана его виновность, по крайней мере, по одному разделу Обвинительного заключения из инкриминируемых ему. Достижение любого результата, который будет

осужден как несправедливый критическим и беспристрастным судом будущих поколений, не явится победой ни для одной из стран, объединившихся в ведении этого судебного разбирательства. Но в итоге перед нами сейчас имеются проверенные доказательства преступности; мы заслушали шаткие оправдания и трусливые увертки подсудимых.

Предварительное суждение, основываясь на котором мы открывали этот процесс, не является более достаточным. Наступило время для принятия окончательных решений, и если дело, по которому я выступаю, сейчас кажется трудным и не допускающим компромиссов, это объясняется тем, что таким его делают представленные доказательства.

Быть может, лучше всего будет, если я попытаюсь извлечь это дело из бездн деталей, которыми полон протокол¹, и представить перед Вами лишь общие его контуры, впечатляющие самой своей простотой.

Правильно, что многие тысячи страниц свидетельских показаний и тысячи документов по данному делу охватывают целую эпоху, целый континент и касаются почти всех сторон человеческого существования. Они освещают различные стороны профессиональной деятельности — дипломатию, развитие морского флота и морскую войну, сухопутную войну, происхождение воздушной войны, политический механизм прихода нацистов к власти, финансовые вопросы и экономику, связанные с тотальной войной, социологию, уголовное право, психологию масс.

Я должен предоставить экспертам заниматься выбором доказательств и писать томы по их специальности, в то время как я сам широкими мазками нарисую картину нарушений права, признание которых законными угрожало бы самому существованию цивилизации. Я должен, как сказал Киплинг², «кистью из хвоста кометы бросить краски на полотно в десять лиг длиной».

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА

Обоснованность обвинения этих подсудимых по разделу о заговоре, доказать которое поручено Соединенным Штатам, заключается в простоте этого обвинения. Оно включает лишь три основных вопроса: первый — были ли совершены акты, которые определяются Уставом как преступление, второй — были ли они совершены в ходе осуществления общего плана или заговора, и третий — находятся ли эти подсудимые в числе тех, кто несет за это уголовную ответственность.

¹ Имеется в виду протокол судебного заседания. — Составители.

² Киплинг (1865—1936 гг.) — английский писатель, апологет британского империализма. — Составители.

Обвинение требует рассмотрения преступной политики в целом, а не собрания отдельных бесплановых или спорных преступлений. Существование основных преступлений, на которых мы строим обвинение и которые представляют собой либо конечную цель общего плана, либо средство ее осуществления, уже признано. Краеугольный камень, на котором покоится обвинение в заговоре, представляет собой пять категорий преступных деяний, характер и размах которых является важным моментом для оценки доказательства существования заговора.

ЗАХВАТ ВЛАСТИ И ПОДЧИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ

Нацистская партия захватила контроль над германским государством в 1933 году. «Захват власти» является термином, которым пользуются подсудимые и свидетели защиты, причем термином столь подходящим, что он вошел как в историю, так и в повседневную речь.

Нацистская клика в первые дни своего существования жила в постоянном страхе переворота. Геринг в 1934 году указывал, что врагам нацизма имя — легион, и заявлял: «Поэтому были созданы концентрационные лагеря, в которые мы прежде всего заключили тысячи коммунистов и социал-демократов».

В 1935 году Геринг предвосхитил всю программу преднамеренных жестокостей и репрессий, публично заявив: «Тот, кто в будущем попытается поднять руку на представителя национал-социалистского движения или государства, должен знать, что очень скоро после этого он лишится жизни».

Для достижения этой цели были совершены новые политические преступления. Была объявлена изменой родине, наказуемой смертью, организация или поддержка какой-либо другой партии, кроме нацистской. Преступлением объявлялось распространение ложных или преувеличенных слухов или слухов, которые вредили государству или даже партии. Были введены столь двусмысленные законы, что они могли быть использованы для наказания почти всякого, даже невинного, поступка. Так, преступлением признавались любые акты, противоречащие общественному благополучию.

Министр юстиции Гертнер разъяснил, что национал-социализм рассматривал всякое противодействие целям, которые поставила перед собой каждая община, преступным *sui generis* (по самой своей сути) и что такой акт мог быть наказуем даже в том случае, если он не противоречил существующим «формальным» законам.

Гестапо и СД являлись инструментами системы шпионажа, которая пронизывала всю общественную и частную жизнь. Ге-

ринг контролировал все частные телефонные переговоры. Неприкосновенность переписки была уничтожена. На каждые 50 домов¹ были назначены партийные блоклейтеры, которые постоянно шпионили за теми, кто жил в их квартале. На основании их шпионских сведений людей бросали в места превентивного заключения и в концентрационные лагеря без какой-либо судебной процедуры и без предъявления каких бы то ни было обвинений. Политическая полиция, действовавшая по собственному усмотрению, была освобождена от всякой законной ответственности за свои действия.

После того как контроль над всеми государственными учреждениями перешел в руки нацистов и рейхстаг был лишен какой бы то ни было законодательной силы, последним препятствием на пути к царству террора оставалась система юстиции, но ее независимость скоро была уничтожена и она была реорганизована для того, чтобы творить продажное правосудие. Судьи смещались по политическим или расовым соображениям, за ними постоянно шпионили и на них оказывали давление с тем, чтобы заставить их вступить в нацистскую партию.

После того как верховный суд оправдал трех из четырех подсудимых, которых нацисты обвиняли в поджоге рейхстага, юрисдикция по делам об измене родине была передана вновь организованному «народному суду»², который состоял из двух судей и пяти партийных чиновников. В германском фильме о деятельности этого суда, который мы демонстрировали в этом зале, показано, как председательствующий изливает поток оскорблений по адресу бессловесных подсудимых. Были созданы специальные суды для того, чтобы судить за политические преступления. Только члены партии назначались на должности судей, «письма к судьям» инструктировали марионеток-судей, какой «генеральной линии» им следовало придерживаться.

Результатом этого явилось устранение всех мирных способов противодействия или смены правительства. Прокравшись через дверь к власти, нацисты хлопнули этой дверью перед лицом всех других, кто мог пожелать войти в нее. Поскольку законом считалось то, что нацисты называли законом, оппозиция в любой форме искоренялась и каждому, кто пытался высказывать недовольство, затыкали рот. Германия очутилась в тисках полицейского государства, которое использовало угрозу заключения

¹ Судья по некоторым нацистским документам, блоклейтер назначался на каждые 40—60 домов. — Составители.

² Речь идет о так называемой «народной судебной палате», которая играла немаловажную роль в общей системе гитлеровского террористического режима; она была создана для рассмотрения в порядке упрощенного судопроизводства дел о государственных преступлениях. — Составители.

в концлагеря как средство подавления сопротивления. Партия стала государством, государство — партией, террор днем и умерщвления ночью являют собой политику, принятую и партией, и государством.

ПОДГОТОВКА И ВЕДЕНИЕ АГРЕССИВНЫХ ВОЙН

С момента захвата власти нацисты начали лихорадочно, хотя и тайно, в нарушение Версальского договора, вооружаться для войны. В 1935 году у них не было воздушного флота. К 1939 году у них была 21 эскадра, состоявшая из 240 эскадрилий, насчитывавших примерно 2400 самолетов первой линии и имевших учебные и транспортные самолеты. В 1933 году они располагали армией, состоявшей из трех пехотных и трех кавалерийских дивизий. В 1939 году они сформировали и вооружили армию, состоящую из 51 дивизии, в том числе: четыре — полностью моторизованных и четыре — танковых дивизии. В 1933 году их военно-морской флот состоял из одного крейсера и шести легких крейсеров. В 1939 году они создали военно-морской флот, состоявший из четырех линейных кораблей, одного авианосца, шести крейсеров, 22 эсминцев и 54 подводных лодок. Они также создали за этот период промышленность вооружения, такую же мощную, как военная промышленность любой другой страны.

Созданное оружие было введено в действие в сентябре 1939 года, когда в нарушение многократных гарантий началась целая серия необъявленных войн против народов, с которыми Германия имела договоры об арбитраже и о ненападении. 1 сентября 1939 г. перевооруженная Германия напала на Польшу. Апрель следующего года стал свидетелем вторжения в Данию и Норвегию и оккупации их, май увидел захват Бельгии, Голландии и Люксембурга, в следующую весну под ударом оказались Югославия и Греция, и в июне 1941 года началось вторжение в Советскую Россию. Затем Япония, которую Германия приветствовала как своего союзника, без предупреждения нанесла удар по Пирл-Харбору в декабре 1941 года, и через четыре дня после этого Германия объявила войну Соединенным Штатам.

Нам нет необходимости заниматься рассмотрением абстрактных трудностей, возникновение которых можно себе умозрительно представить при определении того, что в сомнительных случаях должно считаться агрессией. Я покажу вам, рассматривая вопрос о заговоре, что по всем критериям, когда-либо выдвигнутым компетентными организациями, по всем законам здравого смысла эти войны являлись незаконными, агрессивными войнами в нарушение договоров и гарантий.

ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ ВОПРЕКИ НОРМАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Нет необходимости детально трактовать этот пункт на основе фактического материала. Геринг утверждал, что законы сухопутной войны устарели и что никакой народ не мог вести тотальную войну в их рамках. Он показал, что нацисты отменили бы конвенции, которые в качестве одной из сторон подписала и Германия, но генерал Йодль хотел, чтобы захваченные в плен германские солдаты продолжали пользоваться преимуществами соблюдения конвенций союзниками.

Однако в отношении советского народа и советских военнопленных тевтонская ярость не знала границ, несмотря на предупреждение адмирала Канариса о том, что такого рода обращение являлось нарушением международного права.

Поэтому для рассмотрения раздела о заговоре нам нет необходимости приводить вопиющие подробности умерщвления голодом, избиений, убийств, умерщвления холодом и массовых уничтожений, которые, как было признано, совершались по отношению к солдатам на Востоке. Мы также можем считать установленным и признанным, что имели место незаконные действия, например, расстрел британских и американских летчиков, жестокое обращение с военнопленными из западных стран, принуждение французских военнопленных принимать участие в военных усилиях Германии и другие преднамеренные нарушения Гаагской и Женевской Конвенций, а также то, что все это совершалось во исполнение приказов высших властей.

ПОРАБОЩЕНИЕ И ОГРАБЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ОКУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Подсудимому Заукелю, генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы, принадлежит заявление о том, что «из 5 миллионов иностранных рабочих, которые прибыли в Германию, даже 200 тысяч не приехали туда добровольно». Подсудимому Розенбергу официально доносили, что на подчиненных ему территориях «применялись такие методы вербовки рабочей силы, которые, быть может, берут свое начало в самых черных периодах торговли рабами». Сам Заукель сообщал о том, что агенты — мужчины и женщины охотились за людьми, спаивали их и затем «обманом увозили в Германию». Этих пленников перевозили в поездах, которые не отапливались, они не получали пищи и были лишены элементарных санитарных условий. Трупы умерших выбрасывались из вагонов на станциях, а новорожденных выбрасывали из окон на ходу поезда.

Заукель приказал, чтобы «все рабочие получали лишь такое питание, кров и обращение, которые обеспечивали бы максимальную их эксплуатацию при минимальных затратах». Из этих рабочих около 2 миллионов было непосредственно занято в производстве вооружения и боеприпасов. Директор паровозостроительного завода Круппа в Эссене жаловался своей фирме, что русские, находящиеся на этой принудительной работе, настолько недоедают, что они слишком истощены, чтобы справиться со своей работой. Врач фирмы Круппа также подтвердил сообщения об их жалком состоянии. Советские рабочие были заключены в лагеря, охраняемые гестапо. Охране разрешалось наказывать за неповиновение заключением в концлагеря или смертью через повешение на месте.

Население оккупированных территорий эксплуатировали и другими способами, его безжалостно угнетали. Террор был поставлен в порядок дня. Гражданских лиц арестовывали без предъявления каких-либо обвинений, им не было предоставлено право иметь защитников, их казнили без суда. Уничтожали целые деревни, мужское население расстреливали или отправляли в концентрационные лагеря, женщин направляли на принудительные работы, а детей их рассылали по различным районам. Масштабы этой бойни в одной только Польше были указаны Франком, который сообщал: «Если бы я хотел вывесить одно объявление о расстреле каждых семи поляков, то в Польше не хватило бы лесов для производства бумаги для всех этих объявлений».

Нельзя ожидать, что те, которые поработают, воздержались бы от того, чтобы грабить. Хвастливые отчеты показывают, как тщательно и «научно» ресурсы оккупированных стран поглощала германская военная экономика, вызывая инфляцию, голод и нужду населения. Кроме этого грандиозного плана оказания помощи германским военным усилиям, проводилась также гнусная деятельность эйнзатцштаба Розенберга, который грабил сокровища искусства для Геринга и других членов его банды. Трудно сказать, трагично или комично зрелище, героем которого является второй по значению фюрер Германии, убеждающий свой народ отказаться от всяких удобств и приложить все силы для выполнения необходимых работ военного времени, в то время как он сам мечется с одного места на другое, руководя конфискацией предметов искусства и отправляя их целыми эшелонами. В любом случае его действия преступны.

Во все времена, до и во время этой войны, международное право точно и авторитетно определяло положение по охране прав гражданских лиц любой оккупированной страны; торговля рабами и грабеж оккупированных стран всегда рассматривались как беззаконие.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ИСТРЕБЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ И ХРИСТИАН

Нацистское движение навсегда оставит о себе дурную память в истории из-за преследований евреев — самого яростного и самого широкого по масштабам расового преследования в истории народов. Хотя антисемитизм не является ни изобретением, ни монополией нацистской партии, ее руководители с самого начала приняли его, раздули и использовали в своих целях. Они использовали его как «психологическую искру, которая воспламеняет толпу». После захвата власти антисемитизм стал официальной политикой.

Преследование евреев началось целым рядом дискриминирующих законов, отстранявших евреев от государственной, профессиональной деятельности и от участия в экономической жизни. Увеличиваясь в своих масштабах, оно дошло до применения изоляции евреев в гетто и до высылки их. Партийные руководители инсценировали беспорядки с целью ограбления еврейских предприятий и поджога синагог; еврейская собственность была конфискована, и на евреев наложен коллективный штраф в миллиард марок. Неистовство и безответственность этой программы привели к «окончательному решению». Оно состояло в отправке всех трудоспособных евреев в концентрационные лагеря на рабский труд и в отправке всех нетрудоспособных, включая детей моложе 12 лет и стариков старше 50 лет, и других лиц, объявленных эсэсовскими врачами нетрудоспособными, в концлагеря для умерщвления.

Адольф Эйхман, зловещий исполнитель программы уничтожения, подсчитал, что операции против евреев привели к уничтожению 6 миллионов евреев. Из этого числа 4 миллиона были уничтожены в специальных учреждениях для истребления людей и 2 миллиона были убиты эйнзатцгруппами, мобильными частями полиции безопасности и СД, которые преследовали евреев в гетто и в их домах, массами уничтожали их в душегубках, расстреливали в противотанковых рвах и использовали для уничтожения все средства, которые только могла выдумать нацистская изобретательность. Настолько тщательной и безжалостной была эта программа, что евреи в Европе как раса больше не существуют. Таким образом, осуществлялось дьявольское «пророчество» Адольфа Гитлера, сделанное в начале войны.

Конечно, любая такая программа должна была считаться с оппозицией христианской церкви. Нацисты это поняли с самого начала. Подсудимый Борман писал всем гаулейтерам в 1941 году, что «национал-социализм и христианские догматы несовместимы» и что народ должен быть отделен от церкви и влияния церкви должно быть полностью ликвидировано. Подсудимый

Розенберг даже писал целые трактаты, выдвигая новую, противоестественную нацистскую религию.

Гестапо назначило «специалистов по делам церкви» и дало им инструкции — в качестве конечной цели стремиться к уничтожению конфессиональной церкви¹. Протокол этого судебного разбирательства полон конкретными примерами преследований священнослужителей, конфискации церковного имущества, вмешательства в выпуск религиозных изданий, запрещений религиозного воспитания и подавления религиозных организаций.

Основным средством преследования и истребления были концентрационные лагеря, порожденные подсудимым Герингом и возвращенные под руководством подсудимых Фрика и Кальтенбруннера.

Ужасы этих черной памяти мест были наглядно вскрыты документами и показаниями свидетелей. Трибунал завален грудой материалов, изображающих графически и воспроизводящих в письменном виде показания свидетелей об ужасах в этих лагерях.

Из протокола явствует, что концентрационные лагеря были первым и самым страшным орудием угнетения в арсенале национал-социалистского государства и что они использовались прежде всего как средства для преследования христианской церкви и истребления еврейской расы. Это признали перед судом и некоторые подсудимые. Скажем словами Франка: «Пройдут тысячелетия, а эта вина Германии все еще не будет смыта».

Таковы были пять групп наиболее существенных преступлений нацистского режима. Совершение их не может быть опровергнуто, оно полностью доказано. Подсудимый Кейтель, который по своему положению должен знать факты, представил Трибуналу то, что кажется довольно точным резюме всего обвинения, основанного на этих фактах.

Подсудимый заявил, что он «признает, что содержание общих положений Обвинительного заключения было доказано с объективной и фактической точек зрения (другими словами, не в отношении каждого отдельного подсудимого), а также в соответствии с регламентом данного Трибунала. Бессмысленно, несмотря на возможность опровержения некоторых документов или отдельных фактов, доказывать несостоятельность Обвинительного заключения в целом».

Перехожу теперь к вопросу о том, являлись ли эти группы преступных действий составными частями общего плана или заговора.

¹ См. том I, страница 785. — Составители.

ОБЩИЙ ПЛАН ИЛИ ЗАГОВОР

Обвинение утверждает, что эти пять категорий преднамеренно совершенных преступлений не представляли собою отдельных и независимых явлений, а были совершены в соответствии с общим планом или заговором. Защита признает совершение этих категорий преступлений, но она отрицает, что они были связаны друг с другом как части единой программы.

Центральным преступлением в этой цепи преступлений, центральным связующим звеном, которое их объединяет, является заговор в целях ведения агрессивной войны. Именно этот факт является главной причиной преступности этих действий с точки зрения международного права.

Доказали ли мы наличие плана или заговора для ведения агрессивной войны?

Отдельные признанные или неоспоримо доказанные факты помогают нам ответить на этот вопрос. Первым из них является тот факт, что агрессивные войны в действительности имели место. Во-вторых, признано, что с самого момента прихода нацистов к власти все они, как и все подсудимые, трудились, как бобры, чтобы подготовиться к «некоей» войне. В связи с этим встает вопрос: готовились ли они к той войне, которая произошла, или к той войне, которая никогда не стала реальностью? Вполне возможно, что на ранней стадии никто из них не знал, в каком именно году и в каком месяце начнется война, какие именно разногласия ускорят ее развязывание, против кого она будет направлена в первую очередь — против Австрии, Чехословакии или Польши. Но я утверждаю, что подсудимые или знали, или должны были знать, что война, к которой они готовились, будет агрессивной войной со стороны Германии. Частично это объясняется тем, что не было никакой реальной опасности, что какая-нибудь держава или какой-нибудь союз держав нападет на Германию. Но главным образом это может быть объяснено тем, что по своей внутренней природе германские планы должны были рано или поздно натолкнуться на сопротивление и, следовательно, они могли быть осуществлены лишь путем агрессии.

Планы Адольфа Гитлера об агрессии были столь же «секретными», как и «Майн кампф», которая была издана в Германии более чем шестимиллионным тиражом. Он не только открыто призывал к ликвидации Версальского договора, его требования выходили далеко за пределы простого исправления несправедливостей, якобы причиненных Версалем. Он признал, что намеревался напасть на соседние государства и захватить их земли, которые, как он говорил, необходимо было завоевать «силой».

победоносного меча». В этих словах для каждого немца звучали «голоса предков, предсказавшие войну».

В этом зале Геринг, рассказывая о своей первой встрече с Гитлером задолго до захвата власти, показал: «Я заметил, что Гитлер определенно придерживался мнения, что протесты бесполезны, и полагал, что Германия должна быть освобождена от Версальского договора... Мы не говорили, что нам необходима война и разгром наших противников. Это было целью, а методы должны были приспособляться к политической ситуации». Когда спросили, предполагалось ли достижение этой цели, в случае необходимости, путем войны, Геринг не отрицал такой возможности, но уклонился от прямого ответа и сказал: «Мы даже не обсуждали подобных вещей в то время». Он сказал затем, что цель уничтожения Версальского договора не скрывалась и была общезвестной и что, по его мнению, «каждый немец был за его изменение, и это, несомненно, являлось большим стимулом для вступления в партию».

Итак, ни один из тех, кто помогал Гитлеру достичь абсолютной власти над германским народом или сотрудничал с его режимом, не может сослаться в качестве оправдания на то, что он не знал о природе тех требований, которые Гитлер впоследствии собирался предъявить соседям Германии.

Немедленно после захвата власти нацисты приступили к осуществлению этих агрессивных намерений путем военных приготовлений. Сначала они включили немецких промышленников в секретную программу перевооружения. Через 20 дней после захвата власти Шахт принимал Гитлера, Геринга и еще 20 руководящих промышленников. Среди них был Крупп фон Болен, представлявший громадный военный концерн «Крупп», представители «И. Г. Фарбениндустри» и других концернов тяжелой промышленности Рура. Гитлер и Геринг разъяснили свою программу промышленникам, которые так восторженно встретили ее, что решено было собрать 3 миллиона марок для укрепления и упрочения власти партии. Через два месяца Крупп пытался добиться согласования деятельности реорганизованного объединения германской промышленности с политическими целями нацистского правительства. Позже Крупп хвастливо говорил о том, как удалось втайне сохранить германскую военную промышленность и держать ее наготове, несмотря на требования Версальского договора о разоружении. Он также вспоминал восторженное признание промышленниками великих намерений фюрера в период перевооружения 1933—1939 гг. Примерно через два месяца после того как Шахт организовал эту первую встречу, чтобы добиться поддержки промышленников, нацисты начали подчинять промышленность своим агрессивным планам.

В апреле 1933 года Гитлер приказал доктору Лею «взять на себя руководство профсоюзами», насчитывающими около 6 миллионов членов. Руководствуясь этой партийной директивой, Лей захватил профсоюзы, их имущество и фонды. СС и СА подвергли профсоюзных руководителей превентивному заключению и бросили их в концентрационные лагеря. Свободные профсоюзы были заменены нацистской организацией под названием «Германский трудовой фронт» во главе с доктором Леем. Количество ее членов постоянно увеличивалось, пока не достигло 23 миллионов человек. Отменены были коллективные договоры, рабочие больше не имели права голоса по вопросам, касающимся условий труда. Условия трудового договора диктовались уполномоченными по труду, назначаемыми Гитлером. Военная направленность этой трудовой программы была открыто признана Робертом Леем через пять дней после начала войны, когда в своей речи он заявил:

«Мы, национал-социалисты, за период последних семи лет взяли под свой контроль все ресурсы и энергию, чтобы быть подготовленными к великому испытанию боем».

Нацисты начали сразу приспособлять также правительственную систему к требованиям войны. В апреле 1933 года кабинет образовал совет обороны, рабочий комитет которого впоследствии часто собирался. На заседании 22 мая 1933 г. под председательством подсудимого Кейтеля его члены были проинструктированы о том, что «ни один документ не должен быть утерян, так как иначе вражеская пропаганда воспользуется им. То, что передается устно, не может быть доказано, и мы поэтому сможем отрицать это в Женеве».

В январе 1934 года в присутствии подсудимого Иодля совет разработывал мобилизационный план и составил проект приказа о мобилизации примерно для 240 тысяч промышленных предприятий. Собравшиеся пришли к соглашению ничего не записывать с тем, чтобы «нельзя было обнаружить военные цели совещания».

21 мая 1935 г. был издан совершенно секретный закон об обороне империи. Подсудимый Шахт был назначен генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики с задачей тайно подготовить всю экономику к войне и в случае мобилизации обеспечить финансирование войны. Эта тайная деятельность Шахта была дополнена в октябре 1936 года назначением подсудимого Геринга уполномоченным по четырехлетнему плану с задачей привести за четыре года всю экономику в состояние готовности к войне.

Проведение секретной программы накопления сырья и иностранных кредитов, необходимых для широкого перевооружения, также началось немедленно после захвата власти. В сентябре

1934 года министр экономики уже жаловался, что «задача накопления осложняется отсутствием иностранной валюты и что требования секретности и маскировки также тормозят работу».

Немедленно был введен контроль над иностранной валютой. Задача финансирования была поручена «кудеснику» Шахту, который своим волшебством создал счета МЕФО¹, имевшие двоякую цель: использовать кратковременные кредиты для перевооружения и в то же время скрывать размеры этих затрат.

Существование всей нацистской государственной деятельности было резюмировано в высказываниях Геринга 27 мая 1936 г. на заседании совета министров, на котором присутствовал также и Шахт. Геринг тогда заявил: «Все мероприятия следует рассматривать с точки зрения обеспечения ведения войны».

Генеральный штаб, конечно, должен был включиться в эти военные приготовления. Большинство генералов, привлеченных возможностью реорганизовать свои армии, стали добровольными соучастниками. Однако бывший военный министр фон Бломберг и начальник штаба генерал фон Фрич, недружелюбно относившиеся к возрастающей агрессивности политики гитлеровского режима, были дискредитированы и смещены с должностей в январе 1938 года в результате порочного и грязного заговора против них. После этого Гитлер принял на себя верховное командование вооруженными силами, и посты фон Бломберга и фон Фрича были заняты другими, которые стали, говоря словами Бломберга о Кейтеле, «популярным орудием в руках Гитлера для выполнения любого его решения».

В своих приготовлениях генералы не ограничивались лишь военными вопросами. Они участвовали во всех главных дипломатических и политических маневрах, например, во время встречи в Оберзальцберге, во время которой Гитлер при поддержке Кейтеля и других руководящих генералов предъявил ультиматум Шушнигу.

Еще 5 ноября 1937 г. план о нападении начал принимать определенные очертания в отношении установления времени и жертв. На заседании в присутствии подсудимых Редера, Геринга и фон Нейрата Гитлер цинично сформулировал свои цели: «Вопрос для Германии состоит в том, где можно добиться больших завоеваний наименьшей ценой».

Он разобрал возможные планы вторжения в Австрию и Чехословакию, ясно указывая на то, что считает захват этих стран не конечной целью, а лишь средством для осуществления дальнейших завоеваний. Он указал на значительные военные и политические выгоды, которые будут сопутствовать владению

¹ См. том I, страница 787. — Составители.

этими странами, и обсуждал возможность комплектования из них населения новых армий численностью около 12 дивизий. Он прямо и открыто заявил, что его целью является приобретение дополнительного жизненного пространства в Европе, и признал, что германский вопрос может быть решен только силой.

Через шесть месяцев, окрыленный бескровной австрийской победой, Гитлер в секретной директиве Кейтелю писал о своем «неуклонном решении разбить Чехословакию военными силами в ближайшем будущем». В тот же день Иодль записал в своем дневнике, что фюрер заявил о своем окончательном решении уничтожить Чехословакию в ближайшем будущем и приступил ко всеобъемлющим военным приготовлениям. К апрелю план был усовершенствован таким образом, что предусматривал нападение на Чехословакию с «молниеносной быстротой» в результате какого-либо «инцидента».

Во всех областях приготовления все больше принимали очертания приготовлений к завоевательной войне на основе предположения, что она разовьется в мировую войну. В сентябре 1938 года адмирал Карлс официально заявлял о «проекте ведения морской войны против Англии»:

«Мы вполне согласны с основной темой этого трактата.

1. Если, согласно решению фюрера, Германия хочет занять положение мировой державы, ей нужно не только достаточное количество колониальных владений, но также безопасные морские коммуникации и безопасный выход к океану.

2. Оба требования могут быть осуществлены лишь вопреки англо-французским интересам и путем ограничения господствующего положения этих стран как великих держав. Считается маловероятным, чтобы это могло быть достигнуто мирным путем. Следовательно, решение возвысить Германию в ранг мировых держав толкает нас на необходимость проводить соответствующие военные приготовления.

3. Война с Англией в то же время означает войну против Британской империи, против Франции и, возможно, против России и против большого количества заокеанских стран, другими словами, против $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ всего мира.

Она может быть оправдана и может рассчитывать на успех, лишь если она будет подготовлена с экономической точки зрения так же, как и с точки зрения политической и военной, будет вестись с целью завоевания для Германии выхода к океану».

Трибуналу известны те категорические заверения, которые немцы давали обеспокоенному общественному мнению после аншлюсса, после Мюнхена и после оккупации Богемии и Моравии в том, что все требования Германии удовлетворены и что у Гитлера «нет больше территориальных требований в Европе». Протокол заседания этого Суда показывает, что эти заверения

были преднамеренно ложными и что те, кто занимал высокие посты в кровавом братстве нацизма, знали об этом.

Уже 15 апреля 1938 г. Гитлер указывал Муссолини и Чиано, что обладание этими территориями сделает возможным нападение на Польшу. Один из чиновников министерства Риббентропа писал 26 августа 1938 г., что «после ликвидации чехословацкого вопроса все будут считать, что Польша будет следующей на очереди».

После вторжения в Польшу Гитлер бахвалился, что именно триумф в Австрии и Чехословакии явился «основой для действий против Польши». Геринг рационально использовал этот триумф и отдал немедленные инструкции об эксплуатации сначала Судетов, а затем и всего протектората для усиления германского военного потенциала.

В мае 1939 года подготовка, проводимая нацистами, достигла такого состояния, что Гитлер признался подсудимым Герингу, Редеру, Кейтелю и другим, что он готов «напасть на Польшу при первой представившейся возможности», хотя он и признавал, что «дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без кровопролития». Грабительские мотивы, лежавшие в основе этого решения, будут поняты из следующей цитаты, которая вторит лейтмотиву «Майн кампф»:

«Обстоятельства должны приспособляться к целям; это невозможно без вторжения в другие государства и без захвата их собственности. Жизненное пространство, пропорциональное могуществу государства, является основой всякой власти. Дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без расширения нашего жизненного пространства на Востоке...»

В то время, как доверчивый мир был убаюкан и окутан паутиной лживых заверений о мирных намерениях, нацисты готовились не просто, как прежде, к войне вообще, а к определенной войне. Подсудимые Геринг, Кейтель, Редер, Фрик, Функ и другие собрались в июне 1939 года в качестве членов имперского совета обороны. Протокол этого совещания¹, аутентичность которого удостоверена Герингом, является ярким свидетельством того, каким образом каждый пункт нацистского плана представлял собой звено в общей цепи. Пять главных подсудимых за три месяца до того, как первое танковое соединение пересекло границу Польши, уже планировали «использование населения в военное время» и зашли так далеко, что стали определять очередность отдельных отраслей промышленности в отношении снабжения их рабочей силой, «после того, как будет мобилизовано 5 миллионов рабочих». Они выработали меры с тем, чтобы избежать «неразберихи

¹ См. том II, страница 77. — Составители.

в ходе мобилизации», и объявили, что намерены «захватить и удерживать инициативу в первые и самые решающие недели войны». Далее они намеревались использовать в промышленности военнопленных, уголовных преступников и заключенных концентрационных лагерей. После этого они приняли решение о «трудовой повинности для женщин во время войны». Они к тому времени уже обратились с просьбой о доставке 1172 тысяч рабочих-специалистов и утвердили использование 727 тысяч из них; это мероприятие было отнесено к числу совершенно необходимых. Они бахвалились тем, что повестки о явке на работу «лежат наготове в пачках в управлениях по труду». Они решили увеличить снабжение промышленности рабочей силой путем привоза в Германию «сотен тысяч рабочих» из протектората, которых они собирались расквартировать в бараках.

Именно из протокола этого весьма важного совещания, на котором присутствовали многие из главных подсудимых, явствует, каким образом план о начале военных действий сочетался с планом ведения войны путем использования в промышленности незаконных источников рабочей силы.

Гитлер, уже объявляя о своем плане нападения на Польшу, предвидел в качестве одного из логических последствий этого плана проведение программы рабского труда; при этом он под секретом сообщил подсудимым Герингу, Редеру, Кейтелю и ряду других, что населением Польши «можно будет располагать в качестве источника рабочей силы». Эта часть плана была приведена в исполнение Франком, который в качестве генерал-губернатора сообщил Герингу, что он поставит империю по крайней мере миллион сельскохозяйственных и промышленных рабочих, и Заукелем, под давлением которого в результате вербовки, проводимой на оккупированных территориях, было собрано количество рабочих, подчас равное количеству всего населения некоторых из более мелких европейских стран.

Здесь снова выявляется связь между работой на военные нужды и концентрационными лагерями, которые представляли собой источник рабочей силы, используемый все шире и со все увеличивающейся жестокостью. Соглашение между Гиммлером и министром юстиции Тираком, заключенное в 1942 году, предусматривало, что «для приведения в исполнение вынесенных им приговоров антисоциальные элементы должны передаваться рейхсфюреру СС с тем, чтобы умерщвлять их тяжелым трудом».

По директиве СС заключенные, прикованные к постели, предназначались для работ, которые могли выполняться в кровати. По приказу гестапо было арестовано 45 тысяч евреев в целях «пополнения концентрационных лагерей рабочей

силой». Из Венгрии было доставлено 100 тысяч евреев с тем, чтобы пополнить лагерь рабочей силой. По инициативе подсудимого Деница рабочая сила из концентрационных лагерей использовалась при постройке подводных лодок. Таким образом, концентрационные лагеря, с одной стороны, были включены в военную промышленность и, с другой, — в систему отправления правосудия и осуществления политических целей нацистов.

Использование рабочей силы военнопленных, как это предусматривалось по плану, увеличивалось с ростом потребностей Германии. В период, когда каждый германский солдат был нужен на фронте и в тылу не хватало людей, русских военнопленных заставляли обслуживать зенитные орудия, направленные против самолетов союзников. Фельдмаршал Мильх в следующих словах показывал, как забавляли нацистов эти вопиющие нарушения международного права: «Очень забавно, что русским приходится обслуживать орудия».

Приказы об обращении с советскими военнопленными были настолько жестокими, что адмирал Канарис, указав на то, что «следствием их являются произвол в обращении с заключенными и убийства», обратился в ОКВ с протестом против этих приказов, основываясь на том, что они представляют собой нарушение международного права. Кейтель ответил весьма недвусмысленно:

«Возражения строятся исходя из концепции рыцарского способа ведения войны! Это губительно для идеологии! Поэтому я одобряю и поддерживаю эти мероприятия!»

Женевская Конвенция была бы открыто выброшена за борт, если бы Иодль не представил своих возражений, так как он хотел извлечь преимущества из дальнейшего соблюдения статей этого договора союзниками, в то время как Германия не чувствовала бы себя ни в коей мере ими связанной.

В процессе ведения войны с подобной же тщательностью подготавливались другие преступления, которые ставили своей целью победу германского оружия. В октябре 1938 года, почти за год до начала войны, уже намечалась политика последующих нарушений установленных правил ведения войны в самых крупных масштабах. Верховное командование издало совершенно секретный список для лживых объяснений, которые должны были в подобных случаях приводиться министром пропаганды. Еще ранее командующим вооруженными силами был отдан приказ использовать любые способы ведения войны в случае, если они могут облегчить победу. Уже в ходе войны приказы становились все более и более беспощадными. Характерный приказ Кейтеля, требовавший применения «самых жестоких мер», гласил: «Войска обязаны применять любые меры

без ограничения, направляя их даже против женщин и детей, если такие меры гарантируют нам успех».

Германские военно-морские силы были в той же степени заражены такой же теорией, как сухопутные войска. Редер каждый раз, когда это было необходимо для достижения стратегических успехов, издавал приказы о нарушении существующих правил ведения войны. Дениц требовал, чтобы экипажи его подводных лодок не спасали оставшихся в живых команд торпедированных вражеских судов с тем, чтобы наносить урон торговому флоту союзных наций, опустошая ряды его моряков.

Таким образом, военные преступления против войск союзников и преступления против человечности, совершаемые на оккупированных территориях, неоспоримо представляют собой часть программы ведения войны, так как по расчетам немцев они являлись обязательным условием осуществления надежд Германии на успех.

Подобным же образом все преступления, совершенные до начала войны, включая преследования внутри Германии, подобно камням в мозаике, складываются в тонкий узор вокруг плана ведения агрессивной войны. Нигде так ясно не видно, что вся система преступлений нацистского гнета и террора, совершенных внутри Германии, тесно переплетается с военными преступлениями, как в той смеси легкомыслия и мудрости, которую представляют собой показания Германа Геринга. Описывая цели нацистской программы до захвата власти, Геринг сказал: «Прежде всего вставал вопрос о том, чтобы добиться установления в Германии политического строя, который дал бы Германии возможность выступить не просто с протестом против ограничений [Версальского договора], но и с протестом такого рода, с которым нельзя будет не считаться».

Геринг признал, что с этой целью был составлен план свержения Веймарской республики, захвата власти и проведения нацистской программы всеми необходимыми для этого методами, вне зависимости от того, имели ли они законный характер.

Из перекрестного допроса Геринга явствует, как неизбежно следовали за этим все элементы программы преступлений. В связи с тем, что нацисты признали необходимым создание сильного государства для того, чтобы избавиться от Версальского договора, они приняли принцип фюрерства. Захватив власть в свои руки, нацисты пришли к выводу, что необходимо эту власть защищать путем упразднения парламентарного правительства и подавления всей организованной оппозиции со стороны политических партий. Это получило отражение в философской концепции Геринга, гласившей, что опера важнее, чем рейхстаг. Не допускалась даже «оппозиция со стороны

отдельных лиц, за исключением тех случаев, когда затрагиваемые вопросы не имели никакого значения».

Для того чтобы гарантировать подавление оппозиции, необходимо было создать тайную политическую полицию. В целях подавления «неисправимых» противников необходимо было создать концентрационные лагеря и учредить институт превентивного заключения. Превентивное заключение, в соответствии с показаниями Геринга, означало следующее:

«Арестовывались и направлялись в превентивное заключение люди, не совершившие какого-либо преступления, но способные в том случае, если бы они остались на свободе, совершить всевозможные действия, направленные к причинению вреда германскому государству».

Те же цели доминировали и в вопросе об истреблении евреев. Вначале главную роль играли фанатизм и политический расчет, так как антисемитизм и связанная с ним теория «козла отпущения» представляли собой ту тележку, на которой нацисты ехали к власти. Именно по этой причине развратник Штрейхер и богохульник Розенберг были радушно встречены как участники партийных съездов, именно поэтому их сделали руководителями и высшими чиновниками государства и партии. Однако вскоре нацисты стали рассматривать евреев как авангард оппозиции, направленной против полицейского государства. В качестве причины, объяснявшей необходимость отстранения евреев от участия в политической и экономической жизни Германии, приводились опасения по поводу их пацифистских настроений и их оппозиции по отношению к ярко выраженному национализму. В связи с этим евреев, как скот, перевозили в концентрационные лагеря, где их насильственно использовали как рабочую силу для работы на военные нужды.

На совещании, имевшем место 12 ноября 1938 г., через два дня после неистовых еврейских погромов, спровоцированных Геббельсом и проведенных руководящим составом партии и СА, Геринг, Функ, Гейдрих, Геббельс и другие нацисты, занимавшие высокие посты, разработали программу устранения евреев из германской экономики.

Принятые к проведению мероприятия включали заключение евреев в гетто, сокращение их продовольственного снабжения, «аризацию» их магазинов и ограничение для них свободы передвижения. Здесь вкрался еще один довод, заключавшийся в том, что полная конфискация их собственности содействовала финансированию германского вооружения. Хотя план Шахта получить иностранную валюту в качестве выкупа за еврейское население Германии не был принят, тем не менее евреев ограбили до такой степени, что Геринг получил возмож-

ность сообщить имперскому совету обороны о том, что критическое состояние имперской казны, вызванное перевооружением, было облегчено «благодаря миллиардному штрафу, наложенному на еврейство, и благодаря доходам, полученным Германией в результате аризации еврейских предприятий».

Общий взгляд, брошенный на скамью подсудимых, позволяет заключить, что, несмотря на междуособные распри, каждый подсудимый в своей области действовал согласованно с другими, все они активно помогали осуществлению общего плана. Это противоречит практике, согласно которой люди с такой различной подготовкой и способностями, по-видимому, только по случайному совпадению содействуют друг другу в достижении своих целей.

Важная и разносторонняя деятельность Геринга носила полумилитаристский и полубандитский характер. Он тянулся своими грязными руками за каждым куском пирога. Он использовал своих молодчиков из СА для того, чтобы привести банду к власти. Для того чтобы закрепить эту власть, он задумал сжечь рейхстаг, основал гестапо и создал концентрационные лагеря. Он также стоял за истребление оппозиции и за инсценировку скандальных инцидентов для того, чтобы избавиться от упрямых генералов. Он создал военно-воздушные силы и бросил их на своих беззащитных соседей. Он был одним из самых активных участников изгнания евреев из страны. Путем мобилизации всех экономических ресурсов Германии он сделал возможным ведение войны, в планировании которой принял большое участие. Он являлся вторым после Гитлера лицом, координировавшим деятельность всех подсудимых.

Роль, которую играли остальные подсудимые, хотя она и была менее представительной и менее наглядной, чем роль рейхсмаршала, тем не менее являлась дополняющим и необходимым вкладом в общие усилия; без любого из подсудимых успех общего дела был бы поставлен под угрозу срыва. Винодность этих людей в совершении целого ряда отдельных действий была здесь доказана. Нет никакого смысла рассматривать сейчас все те преступления, с которыми предъявленные доказательства связывают имена подсудимых; кроме того, я не располагаю для этого достаточным временем. Тем не менее, рассматривая заговор как единое целое и как механизм в действии, мне хотелось бы бегло остановиться на наиболее значительных услугах, которые каждый из этих людей оказал общему делу.

Фанатик Гесс, перед тем как его обуяла страсть к странствованиям¹, был инженером, управлявшим механизмом

¹ Обвинитель имеет в виду полет Гесса в Англию. — Составители.

партии, передававшим руководящему составу партии пропагандистские установки, осуществлявшим надзор над всеми сторонами деятельности партии и сохранившим ее наготове как преданное и послушное орудие власти.

Когда за границей начинали осознавать положение вещей и тем самым ставился под угрозу успех нацистских захватнических планов, на сцену выступал двуличный *Риббентроп* — торговец ложью, который должен был лить масло на взволнованную подозрениями воду, выступая с проповедями об ограниченных и мирных намерениях.

Кейтель, безвольное и послушное орудие, передал партии орудие агрессии — вооруженные силы и направлял их при выполнении поставленных перед ними преступных задач.

Кальтенбруннер, великий инквизитор, принял от Гейдриха его кровавый плащ с тем, чтобы задушить оппозицию и добиться покорности террором; он утвердил власть национал-социализма на трупах безвинных жертв.

Розенберг, духовный отец и высокий проповедник теории «расы господ», явился создателем доктрины ненависти, которая послужила первым импульсом к уничтожению еврейства и вызвала применение его атеистических теорий на практике на восточных оккупированных территориях.

Фанатик *Франк* утвердил нацистский контроль путем установления новой власти, основанной на беззаконии, тем самым превращая волю партии в единственный критерий законности; он экспортировал свою систему беззакония в Польшу, которой он правил с тиранией Цезаря, и сохранил в живых лишь жалкие остатки ее населения.

Фрик, безжалостный организатор, помогал партии при захвате власти, руководил полицейскими учреждениями с тем, чтобы сохранить для нее власть, и приковал экономику Богемии и Моравии к германской военной машине.

Штрейхер, ядовитый пошляк, составлял и распространял непристойные расовые пасквили, которые побуждали народ одобрит все усиливавшиеся по своей безжалостности операции по «расовому очищению» и содействовать их проведению.

В качестве министра экономики *Функ* ускорял темпы вооружения, а в качестве президента рейхсбанка помещал на хранение в банк золотые коронки с зубов жертв концентрационных лагерей. Это, по всей вероятности, самый жуткий источник дохода в истории банков.

Шахт, скрываясь под личиной накрахмаленной респектабельности, ранее служил удобной ширмой (приманка, на которую ловились сомневающиеся элементы); впоследствии его махинации дали возможность Гитлеру финансировать колоссаль-

ную программу перевооружения, сохраняя при этом полную секретность.

Дениц, принявший от Гитлера в качестве наследства поражение, способствовал успеху нацистских агрессий, инструктируя свою свору убийц с подводных лодок вести морскую войну с незаконной свирепостью джунглей.

Редер, политический адмирал, украдкой построил военно-морской флот Германии вопреки Версальскому договору и затем предоставил его для использования в серии агрессий, в планировании которых он принимал большое участие.

Фон Ширах, отравивший целое поколение, посвятил германскую молодежь в суть нацистской доктрины, подготовил ее в легионах для службы в СС и вооруженных силах и передал нацистской партии как фанатичную, послушную исполнительницу воли последней.

Заукель, самый крупный и самый жестокий работорговец со времен египетских фараонов, добывал остро необходимую рабочую силу путем угона народов других стран в страну рабства, причем в таких масштабах, которые были неизвестны даже в древние дни тирании в царстве на Ниле.

Иодль, предатель традиций своей профессии, руководил вооруженными силами, нарушая их собственный кодекс военной чести для того, чтобы осуществлять варварские цели нацистской политики.

Фон Папен, благочестивый агент атеистического режима, держал стремя, когда Гитлер вскакивал в седло, помог аннексировать Австрию и посвятил свою дипломатическую изворотливость делу достижения нацистских целей за границей.

Зейсс-Инкварт, возглавлявший пятую колонну в Австрии, возглавил правительство своей собственной страны лишь для того, чтобы преподнести ее Гитлеру в качестве подарка, и затем, двинувшись на север, принес террор и угнетение в Нидерланды, разграбил их экономику ради германского неумолимого бога Кришна¹.

Фон Нейрат, дипломат старой школы, который метал бисер своего опыта перед нацистами, руководил нацистской дипломатией в ранние годы, успокаивал опасения будущих жертв и как имперский протектор Богемии и Моравии укрепил позицию Германии для будущего нападения на Польшу.

Шнеер в качестве министра вооружения и военной промышленности начал сотрудничать в планировании и проведении в жизнь программы принудительной доставки военнопленных и иностранных рабочих для германской военной

¹ Кришна — герой древнеиндийской эпической поэмы «Махабхарата» — стал одним из воплощений бога Вишну. — Составители.

промышленности, добившись того, что выпуск продукции этой промышленности повышался, в то время как рабочие таяли, вымирая от голода.

Фриче, шеф радиопропаганды, подтасовывая факты, добивался от германского общественного мнения яростной поддержки режима и таким образом парализовал у населения способность к самостоятельному суждению, так что оно, ни о чем не спрашивая, подчинялось приказам своего хозяина.

Борман, который не принял нашего приглашения на этот форум, управлял регулятором огромных и мощных моторов партии, направляя ее во всех областях безжалостного проведения нацистской политики, начиная от бичевания христианской церкви и кончая линчеванием захваченных союзных летчиков.

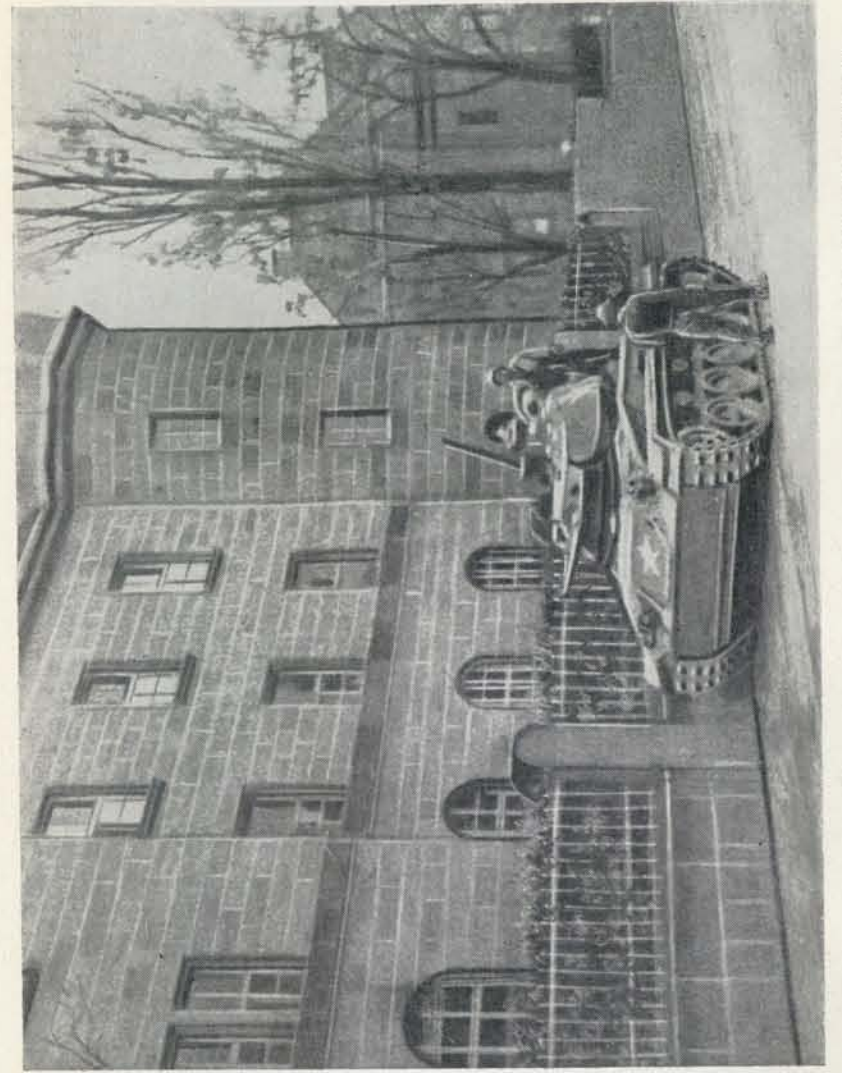
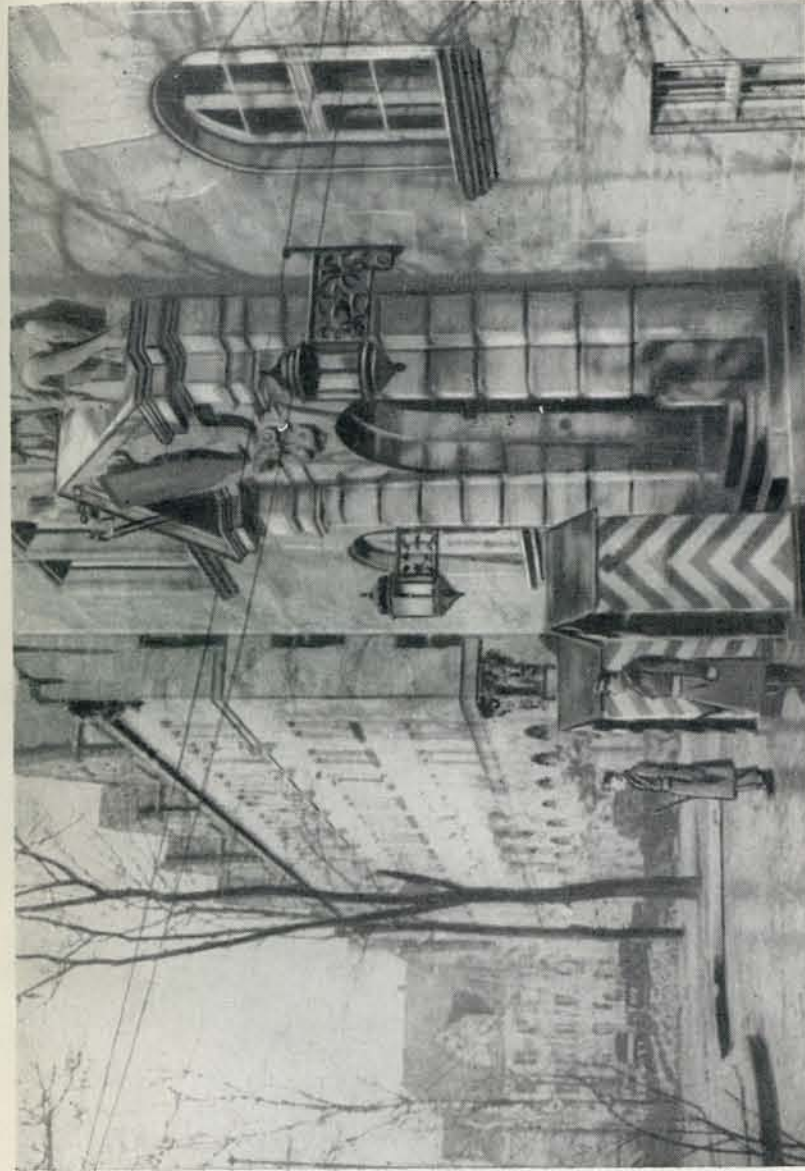
В своей деятельности все эти подсудимые, несмотря на их различное происхождение и способности, присоединились к усилиям других заговорщиков, которые сейчас не находятся на скамье подсудимых, но которые тем не менее играли важную роль в выполнении других задач общего плана. Они представляли собой хорошо слаженный, четко работавший механизм, движимый стремлением к общей цели: перекроить карту Европы силой оружия.

Некоторые из этих подсудимых были ревностными членами нацистского движения с первых дней его существования.

Другие, менее фанатичные, вошли в общее дело позднее, после того как успехи сделали привлекательным участие в нем, так как оно сулило награды. Эта группа новообращенных более позднего периода возместила критическую нехватку первоначальных искренних последователей, поскольку, как это указывал в своих выводах доктор Зиммерс¹, «среди национал-социалистов не было специалистов для выполнения особых задач. Большинство из сотрудников национал-социализма ранее не занималось профессиями, требовавшими технического образования».

Роковая слабость нацистской банды в первый период ее существования заключалась в том, что у членов ее отсутствовали технические знания. Они не могли создать из своих собственных рядов правительство, способное провести в жизнь все планы, необходимые для реализации целей нацистского движения. Именно отсюда и проистекают преступления и предательство людей, подобных Шахту и фон Нейрату, Шпееру и фон Папену, Редеру и Деницу, Кейтелю и Йодлю.

¹ Адвокат, защищавший на процессе подсудимого Редера. — Составители.

Дворец юстиции в Нюрнберге, где происходил процесс главных немецких военных преступников

Сомнительно, могли ли преуспеть нацисты в проведении своего плана господства без участия имевшей специальное образование интеллигенции, которой они с такой охотой предоставляли руководить осуществлением этого плана.

Эти люди действовали, хорошо зная о широко объявленных целях и методах нацистов, и продолжали свою службу даже тогда, когда на практике увидели, куда вел путь, по которому они шли.

Их превосходство над обычной нацистской посредственностью не оправдывает их. В этом — их обвинительный приговор. Из тысяч страниц материалов этого процесса с определенностью явствует, что главное преступление из всей группы нацистских преступлений — нападение на мир во всем мире — было преднамеренно запланировано.

Агрессивные войны не начались из-за того, что население стихийно схватилось за оружие в порыве негодования.

За неделю до вторжения в Польшу Гитлер сказал своим военным командующим:

«Я дам пропагандистский повод для начала войны. Неважно, будет ли он правдоподобным. Победителя потом не спросят — говорил ли он правду. В начале и при ведении войны значение имеет не право, а победа».

Инцидент пропагандистского характера был должным образом сфабрикован при помощи использования заключенных концентрационных лагерей, переодетых в польскую военную форму для того, чтобы создать видимость польского нападения на германскую пограничную радиостанцию.

План оккупации Бельгии, Голландии и Люксембурга впервые появился в августе 1938 года в связи с планом нападения на Чехословакию.

Намерение напасть оформилось в программу в мае 1939 года, когда Гитлер заявил своим командующим, что «голландские и бельгийские авиационные базы должны быть оккупированы с помощью вооруженных сил. Заявления о нейтралитете следует игнорировать».

Таким образом, войны, которые должны были последовать, планировались прежде, чем начиналась первая война. Это были наиболее тщательно спланированные войны в истории.

Вплоть до того времени, когда все преступные акты агрессии в их ужасающей последовательности и развитии уже были давно завершены, не было сделано ни одного шага, который бы не соответствовал искусно составленному плану или последующим графикам и расписаниям.

Военные преступления и преступления против человечности также не являлись бесплановыми, отдельными или стихийными актами.

Даже если оставить в стороне наши неоспоримые доказательства существования заговора, достаточно спросить: разве возможно было выделить 6 миллионов человек из нескольких народов на основании их расовой принадлежности и происхождения, умертвить, а тела их уничтожить, если эта операция не являлась частью общей схемы, разработанной правительством? Разве можно было поработить 5 миллионов рабочих, насильственно их завербовать и вывезти в Германию, распределить на те работы, где они могли быть наиболее полезны, организовать систему их снабжения, если медленная смерть от голода вообще может быть названа снабжением, и осуществить их охрану — если все это не являлось частью общего плана? Разве могли быть созданы сотни концентрационных лагерей по всей Германии, рассчитанных на сотни тысяч жертв и требовавших материалов и рабочей силы для своего строительства, персонала и руководства для своего обслуживания и включения их в качестве составной части в экономику страны; разве могли быть затрачены все эти усилия при германской автократии, если они не были частью плана? Разве тевтонская страсть к организации стала знаменитой из-за своей терпимости и бесплановой деятельности?

Каждая отдельная часть плана была тесно связана со всеми остальными. Программа рабского труда была согласована с нуждами промышленности и сельского хозяйства, а они, в свою очередь, приспособлялись к потребностям военной машины. Сложный пропагандистский механизм приводился в движение для осуществления программы господства над народом и побуждения его к войне, в которой должны были сражаться его сыновья. Промышленность вооружения черпала рабочую силу из концентрационных лагерей. Концентрационные лагеря черпали ее из гестапо. Гестапо опиралось на шпионскую систему нацистской партии. Нацистский железный закон исключил все, что не соответствовало нацистской программе. Все значительные события, происходившие в этом регламентированном обществе, были лишь проявлениями заранее запланированной и открыто объявленной программы захвата для нацистского государства места под солнцем ценой ввержения во мрак всех остальных.

Подсудимые отвечают на это небывалое обвинение по-разному: одни, признавая ограниченную ответственность; другие, перекадывая вину на других; а некоторые утверждают, что, хотя колоссальные преступления действительно совершались, преступников все же нет.

Ограниченное время не позволяет мне рассмотреть в отдельности построение защиты каждого подсудимого. Однако

есть много моментов, общих для отдельных дел, и они заслуживают некоторого рассмотрения.

Защитники многих подсудимых пытаются опровергнуть обвинение в заговоре или наличии общего плана на том основании, что характер нацистского плана не соответствует понятию заговора, применимому в германском праве, — заговора о разбое на большой дороге или о краже со взломом. Их представление о заговоре ассоциируется со встречей украдкой глухой ночью в уединенном, скрытом месте, где подсудимые обдумывают каждую деталь отдельного преступления.

Устав исключает возможность применения в качестве критерия такой ограниченной и узкой концепции заговора, взятой из внутреннего права, употребляя дополнительный и не специальный термин «общий план». Если мы совершенно опустим термин «заговор», то Устав гласит, что руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или осуществлении общего плана, направленного к совершению любого из названных преступлений, «несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана».

Концепция общего плана, изложенная в Уставе, представляет собой в действительности принципиальное понимание термина «заговор» в международном праве. Общий план или заговор для захвата государственной машины, для совершения преступлений против мира во всем мире, для того, чтобы стереть с лица земли целую расу, поработить миллионы, покорить и ограбить целые народы, не может рассматриваться в тех же рамках, что и планирование менее значительных преступлений, хотя и в данном случае применимы те же самые основные принципы.

Обыкновенные бандиты могут планировать — кто из них возьмет револьвер и кто стилет, кто подойдет к жертве спеша, кто сзади и где именно они ее подстергут. Но при планировании войны револьвер становится вооруженными силами — «вермахт», а стилет — военно-воздушным флотом.

Выбор места для удара ограничивается не темной аллеей, а пространствами всего мира. В эту операцию входят в качестве элементов: умелое обращение с общественным мнением, государственные законы, полицейская служба, промышленность и финансы. Там, где в обыкновенном заговоре использовались угрозы и обещания, здесь была пущена в ход внешняя политика нации. Также степень секретности, которая указывает на преступный умысел заговора, зависит от ее цели. Тайные приготовления государства, направленные против народов других стран мира, даже если они и скрыты от других стран, могут быть совершенно открыты и широко известны его народу.

Но не тайна является существенной составной частью такого замысла. Некоторые части общего плана могут объявляться с крыш домов, как это было с антисемитизмом, а другие могут держаться в секрете, как это было в течение долгого времени в отношении программы вооружения.

Исключительно соображения стратегического характера определяют, какая именно часть подготовительных мероприятий должна быть обнародована, как, например, это было с заявлением, которое сделал Геринг в 1935 году о создании военно-воздушного флота, и какая их часть должна сохраниться в тайне, как, скажем, это было в связи с использованием нацистами лопат для обучения «трудовых отрядов» обращению с оружием.

Этот заговор большого размаха аморфен по форме и оппортунистичен по средствам его выполнения. Однако ни то, ни другое не может помешать закону проникнуть в его существо.

Подсудимые, однако, утверждают, что не могло существовать заговора, предусматривавшего ведение агрессивных войн, во-первых, потому, что никто из нацистов не желал войны; во-вторых, потому, что целью вооружения было лишь обеспечение усиления Германии с тем, чтобы и ее голос был слышен в семье народов, и, в-третьих, потому, что войны, по существу, не являлись агрессивными, а были лишь оборонительными войнами против «большевистской угрозы».

Когда мы анализируем доводы, приведенные в доказательство того, что нацисты не хотели войны, мы видим, что в сущности своей они сводятся к следующему:

«С точки зрения объективной, факты выглядят довольно скверно, но если вы рассмотрите мое душевное состояние, то убедитесь, что я лично субъективно ненавидел войну. Мне были известны ужасы войны, я хотел мира».

Я не так уж уверен в этом. И еще менее склонен согласиться с определением, данным Герингом генеральному штабу, который он назвал пацифистской организацией.

Однако нашему делу не повредит, если мы примем в качестве абстрактного предположения, что никому из этих подсудимых не нравилась война. Но они хотели получить то, что, как они знали, они не могли получить без войны. Они хотели получить земли и богатства своих соседей. Их философия, как кажется, сводилась к тому, что, если эти соседи не уступят добровольно, они тем самым станут агрессорами и на них нужно будет возложить ответственность за развязывание войны.

Однако остается фактом то обстоятельство, что война никогда не казалась нацистам ужасной до тех пор, пока она не

вошла к ним в дом, до тех пор, пока не был раскрыт обманый характер их заверений германскому народу о том, что германские города, подобные тому разрушенному городу, в котором произошла наша встреча, останутся неуязвимыми.

Начиная с этого времени, война стала ужасной и для них. Но опять-таки подсудимые пытаются доказать: «Конечно, мы производили пушки, но не для того, чтобы стрелять, — они должны были только придать нам вес при переговорах».

В лучшем случае этот аргумент сводится к утверждению, что военные силы были предназначены для шантажа, а не для военных действий.

Угроза военного вторжения, с помощью которой силой был навязан «аншлюсс» Австрии, угрозы, предшествовавшие Мюнхену, угроза Геринга подвергнуть бомбардировке прекрасный город Прагу, если президент Чехословакии не согласится на создание протектората, являются примерами того, что имели подсудимые в виду, когда они говорили об использовании вооружения как аргумента при ведении переговоров. Но из самой природы германских требований ясно, что должен был наступить день, когда какая-нибудь страна откажется купить себе мир, откажется внести за себя выкуп, потому что «конец этой игры — угнетение и позор, и народ, который играет в нее, — погиб».

Намеревались ли в таком случае эти подсудимые отказываться от германских требований или Германия собиралась настаивать на них и проводить пропаганду таким образом, чтобы возложить вину за ведение войны на тот народ, который оказался столь безрассудным, что стал сопротивляться? События ответили на этот вопрос, а документы, подобные меморандуму адмирала Карлса, ранее мною цитировавшемуся, не оставляют никакого сомнения в том, что события совершались именно так, как это предполагалось.

Некоторые подсудимые заявляют, что войны не были агрессивными и целью их было защитить Германию от новой возможной опасности — «угрозы коммунизма», которая являлась своего рода навязчивой идеей многих нацистов.

С самого начала этот довод о самозащите терпит крах, поскольку в этом случае полностью игнорируется роковое сочетание фактов, установленных материалами Суда. Во-первых, быстрые и колоссальные по размаху германские приготовления к войне; во-вторых, неоднократные, открыто объявленные намерения руководителей Германии совершить нападение (о которых я говорил ранее), и, в-третьих, тот факт, что имела место целая серия таких войн, когда германские силы первыми наносили удары без предупреждения и пересекали границы стран других народов. Даже если бы могло быть доказано, а это

невозможно, что война с Россией на самом деле носила оборонительный характер, совершенно очевидно, что дело обстоит иначе в отношении всех тех войн, которые предшествовали ей.

Кроме того, можно также указать на то, что даже те, которые хотели бы убедить Вас в том, что коммунизм угрожал Германии, соперничают друг с другом в попытках доказать, что они были против этой пагубной авантюры. Можно ли поверить, что они выступали бы против такой войны, если бы она была на самом деле оборонительной?

Легкомысленное отношение к фактам, характерное для этой теории самозащиты, защитники пытаются возместить, как это часто делают адвокаты, ссылками на теорию права. Доктор Ярайсс в своей «ученой» речи от имени защиты указывает, что ни одно условие договора, ни одно положение права не лишает Германию, как суверенную нацию, права на самооборону. Он далее утверждает, ссылаясь на авторитет классического международного права, что каждое государство должно само решить вопрос о том (я цитирую), «является ли война, которую оно ведет в данном случае, оборонительной».

Нет необходимости рассматривать основательность абстрактного принципа, не относящегося к фактам настоящего дела. Я не сомневаюсь, что, если какая-нибудь нация пришла бы к решению, что она должна прибегнуть к войне в целях самозащиты, исходя из условий, дающих достаточное основание для того, чтобы честно принять такое решение, любой Трибунал придал бы этому большое и, возможно, решающее значение, даже если бы последующие события показали, что такое решение было заблуждением.

Но факты на данном процессе не допускают никакой скидки на честное решение, потому что нацисты даже не пытались сделать вид, что они пришли к такому решению; еще в меньшей степени оно являлось честным.

Ни в одном из документов, которые раскрывают планирование и детализацию планов этих нападений, не было и не может быть процитировано ни одного предложения, которое указывало бы на действительное опасение по поводу нападения извне. Вполне возможно, что у государственных деятелей других наций не хватило мужества немедленно и полностью разоружиться. Возможно, они подозревали Германию в тайном перевооружении. Но если они и медлили с отказом от вооружения, они во всяком случае не побоялись пренебрегать развитием промышленности вооружения.

Германия отлично знала, что ее бывшие враги довели свое вооружение до упадка, столь маловероятной казалась им возможность другой войны. Германия противостояла Европе, которая не только не хотела нападать, но которая была слишком

слаба и пацифистски настроена даже для того, чтобы соответствующим образом защищаться, и должна была заплатить чуть ли не своей честью, а может быть и большим, чтобы купить себе мир. Те протоколы о секретных нацистских совещаниях, которые мы Вам представили, не называют потенциального агрессора. В них чувствуется дух агрессии, а не оборонительной войны. Они всегда замыслили территориальную экспансию, а не сохранение территориальной целостности.

Военный министр фон Бломберг в своей директиве от 1937 года, в которой устанавливались общие принципы для подготовки вооруженных сил к войне, опроверг эти жалкие притязания на самозащиту. Он заявлял в то время следующее: «Общая политическая обстановка оправдывает предположение относительно того, что Германии не грозит нападение ни с какой стороны. Основанием этого предположения является то, что почти все страны, и особенно западные державы, не испытывают желания вести войну, и, кроме того, в целом ряде государств, и в России особенно, ведется недостаточная подготовка к войне».

Тем не менее он предлагал «постоянно готовиться к войне с тем, чтобы: а) быть в состоянии в любое время нанести контрудар и б) суметь использовать в военных целях благоприятную политическую ситуацию, если таковая представится».

Если эти подсудимые могут сейчас цинично привести в свое оправдание довод о самозащите, хотя ни один из ответственных лидеров в тот период искренне не заявил и не считал, что самозащита является необходимой, то тем самым доводятся до полного абсурда, с правовой точки зрения, все договоры о ненападении. Они становятся лишь дополнительным средством обмана в руках агрессора и ловушкой для миролюбивых стран. Даже если договоры о ненападении предусматривают возможность для каждого народа на основе доверия (*bona fide*) решить вопрос о необходимости самозащиты против непосредственной угрозы нападения, они тем не менее ни в коей мере не могут служить прикрытием для тех, которые никогда не приходили к решению такого рода.

В своей вступительной речи я осмелился предсказать, что не будет серьезных опровержений того, что преступления, которые вменяются в вину подсудимым, были совершены действительно, и что речь будет идти об ответственности отдельных подсудимых. Подсудимые действительно показали, что мое пророчество сбылось. Вообще говоря, они не отрицают того, что все это имело место, но утверждают, что все это имело место «само по себе», а не являлось результатом общего плана или заговора.

Одним из основных доводов отрицания подсудимыми наличия заговора является довод относительно того, что при

диктатуре заговор невозможен. Далее подсудимые аргументируют свое заявление тем, что все они должны были повиноваться приказам Гитлера, которые имели силу закона в германском государстве, и, следовательно, повинение нельзя считать основной для предъявления обвинения в совершении преступления. В том же духе приводятся объяснения, что, хотя массовые убийства и совершались, убийц не было.

Этот довод преследует цель обойти статью 8 Устава, согласно которой приказ правительства или начальника не освобождает подсудимого от ответственности, но может только приниматься во внимание как смягчающее вину обстоятельство.

Эта статья Устава является справедливой и отвечает действительному положению вещей, как об этом заявил подсудимый Шпеер, определяя, что он подразумевает под общей ответственностью руководителей германского государства:

«...В отношении вопросов, имеющих решающее значение, должна существовать общая ответственность.

Общая ответственность должна существовать постольку, поскольку данное лицо является одним из руководителей, ибо кто еще может принять на себя ответственность за развитие событий, как не непосредственные сотрудники, которые работают вместе, рядом с главой государства?»

Он далее заявил Трибуналу:

«...Невозможно после катастрофы уклоняться от общей ответственности. Если бы война была выиграна, то руководители также приняли бы на себя полную ответственность».

Утверждение относительно того, что неограниченная власть фюрера исключала возможность существования заговора, как и многое другое в абстрактных аргументах защиты, явно опровергается теми фактами, которые имеются в судебных протоколах. Фюрерский принцип абсолютизма, как указал Геринг, был сам по себе частью общего плана.

Подсудимые могли стать рабами диктатора, но именно он был их диктатором. И Геринг заявил в своих показаниях: с самого начала цель нацистского движения заключалась в том, чтобы сделать его таковым. Каждый нацист произносил следующую присягу: «Я обещаю, что я буду вечно верен Адольфу Гитлеру. Я обещаю безоговорочно повиноваться ему и фюрерам, назначенным им».

Более того, они заставили всех тех, кто находился в их власти, также принести такую присягу. Эта присяга была незаконной согласно германскому праву, ибо стать членом организации, в которой дается присяга о повиновении неизвестному начальнику или о безоговорочном повиновении известному начальнику, согласно закону считалось преступным.

Эти люди уничтожили свободное правительство в Германии, а сейчас просят освободить их от ответственности, потому что они стали рабами. Они находятся в положении мальчика из сказки, который убил своего отца и мать, а затем просил о снисхождении, потому что остался сиротой. Но эти люди не заметили того, что действия Адольфа Гитлера — это их действия. Именно эти люди из миллионов других, и именно они, руководя миллионами других, создали Адольфа Гитлера и облекли эту психопатическую личность властью не только принимать решения по многочисленным общим вопросам, но и разрешать важнейший вопрос о войне и мире. Они допьяна напоили его властью и заставили людей заниматься перед ним низкопоклонством. Они разжигали его ненависть и вселяли в него чувство страха. Вложив в протянутые руки Гитлера заряженное ружье, они именно ему предоставили нажать курок, и когда он это сделал, все они это в то время одобрили.

Его вина признается одними подсудимыми неохотно, другими с чувством мести. Но его вина — эта вина всех вместе и каждого из них в отдельности, кто находится на скамье подсудимых. Защита убеждает нас, что эти подсудимые не могли создать общий план или быть соучастниками одного и того же заговора, потому что между ними происходила борьба и они принадлежали к различным фракциям и кликам. Нет необходимости в том, чтобы люди были согласны абсолютно по всем вопросам для того, чтобы они сумели сговориться между собой в такой степени, что их сговор можно рассматривать как преступный заговор.

Без сомнения, были заговоры и внутри заговора, так же как интриги, соперничество и борьба за власть. Шахт и Геринг разошлись во мнениях по вопросу о том, кто из них должен осуществлять контроль над хозяйством страны, но у них не было разногласий в отношении того, что все хозяйство должно быть регламентировано для проведения подготовки к войне.

Геринг заявлял, что действовал помимо общего плана, аргументируя это тем, что через Далеруса он вел некоторые переговоры с влиятельными людьми Англии как раз перед польской войной. Однако совершенно ясно, что это было сделано не для того, чтобы предотвратить агрессию против Польши, а имело своей целью обеспечение успеха и безопасное проведение этой агрессии, добившись нейтралитета Англии. Розенберг и Геринг, быть может, были не во всем согласны по вопросу о том, как распределить награбленные произведения искусства, но в отношении того, как следует производить этот грабеж, у них никаких разногласий не было. Йодль и Геббельс, быть может, расходились во мнениях по вопросу о том, следует ли денонсировать

Женевскую Конвенцию, но у них никогда не было разногласий по поводу нарушения ее.

Подобным же образом обстояло дело на всем протяжении подлой истории их заговора. Мы не встретили ни единого случая, когда бы один из подсудимых поднялся и заявил против остальных: «Это неправильно, я не буду делать этого». Как бы они ни расходились во мнениях, спорным всегда являлся лишь вопрос о методе или компетенции, но эти разногласия никогда не выходили за рамки общего плана.

Некоторые подсудимые также утверждают, что во всяком случае не существовало заговора для совершения военных преступлений и преступлений против человечности, потому что члены кабинета никогда не встречались с военными руководителями для того, чтобы планировать такого рода действия. Эти преступления являлись только неизбежным и случайным результатом осуществления плана агрессии для расширения жизненного пространства («лебенсraum»).

На совещании командующих Гитлер заявил: «В Польше главная задача заключается в том, чтобы уничтожить противника, а не достичь определенной географической линии».

Франк подхватил этот мотив и заявил, что после того, как из них будет выжата вся рабочая энергия, «...можно будет превратить в котлету поляков, украинцев и всех тех, кто находится поблизости, неважно к чему это приведет».

Рейхскомиссар Кох на Украине вторил ему в тон: «Я выгоню из этой страны всех, вплоть до последнего человека. Я пришел сюда не для того, чтобы изливать благодать».

Такова была изнанка «жизненного пространства».

Могли ли люди с таким практическим складом ума, как у них, рассчитывать на то, что им удастся даром получить соседние земли от их владельцев, без совершения преступлений против человечности?

И, наконец, последним доводом каждого из подсудимых является утверждение, что даже если заговор и существовал, то он лично в нем не был замешан. Поэтому очень важно при рассмотрении их попыток избежать ответственности знать прежде всего, что именно подразумевается под обвинением в участии в заговоре и за что оно предусматривает наказание.

При рассмотрении вопроса об участии в заговоре мы не наказываем одного человека за преступление, совершенное другим.

Мы стараемся наказать каждого за его собственное преступление, за его участие в осуществлении общего преступного плана, в котором также принимали участие и другие. Степень преступности плана, а поэтому и виновности каждого, кто принимал участие в его проведении, несомненно, представляет собой общую сумму преступлений, совершенных всеми участни-

ками при осуществлении этого плана. Но сущность обвинения заключается в участии в разработке или осуществлении этого плана. Таков закон, который каждое общество считает необходимым для того, чтобы покарать таких людей, как эти подсудимые, которые сами никогда не марали руки в крови, но разрабатывали планы, приведшие в результате к кровопролитию.

Сейчас по всей Германии в каждой оккупационной зоне все мелкие исполнители, которые по приказу проводили в жизнь эту преступную политику, предаются суду и подвергаются наказанию. Было бы величайшей и непростительной пародией на справедливость дать этим людям, которые планировали эту политику и направляли этих мелких исполнителей, возможность избежать кары. Эти люди, находящиеся на скамье подсудимых, перед лицом фактов, отразившихся в судебном протоколе, не могут отговориться незнанием этой преступной программы или отдаленным и неопределенным к ней отношением.

Именно они являются творцами этой программы. Посты, которые они занимали, показывают, что мы избрали подсудимых, ответственность которых совершенно очевидна. Это — самые высокопоставленные из оставшихся в живых представителей власти, каждый из которых играл главную роль в своей области и в нацистском государстве в целом.

В настоящее время нет в живых никого, кто бы, по крайней мере, вплоть до последнего момента войны, стоял выше Геринга по занимаемому положению и располагал большей властью и влиянием. Никто в армии не стоял выше Кейтеля и Иодля, никто во флоте не занимал более высокого поста, чем Редер и Дениц. Кто может нести большую ответственность за двуличную дипломатию, чем министры иностранных дел фон Нейрат и Риббентроп и их подручный Папен? Кто должен нести ответственность за деспотическое управление оккупированными странами, как не гаулейтеры, протекторы, губернаторы и комиссары, такие, как Франк, Зейсс-Инкварт, Фрик, фон Ширах, фон Нейрат и Розенберг? Где искать тех, кто мобилизовал все хозяйство для тотальной войны, если мы забудем о Шахте, Шпеере и Функе? Кто был хозяином этого огромного рабовладельческого предприятия, как не Заукель? Чья рука, как не рука Кальтенбрунера, направляла деятельность концлагерей? Кто подхлестывал ненависть и страх в народе и искусно направлял партийные организации на подстрекательство к этим преступлениям, если не Гесс, фон Ширах, Фриче, Борман и недостойный упоминания Юлиус Штрейхер?

Список подсудимых состоит из лиц, которые играли главные, связанные между собой роли в этой трагедии. Фотографии и фильмы вновь и вновь показывают их вместе в дни важных событий. Документы свидетельствуют, что они были согласны по

вопросу о политике и методах и об агрессивной деятельности, направленной на расширение территории Германии силой оружия. Каждый из этих подсудимых внес вклад в дело нацистского плана, каждый из них играл в нем главную роль. Лишите нацистский режим того, что было сделано Шахтом, Заукелем, фон Папенем или Герингом, и этот режим перестанет быть самим собой. Взгляните на этих падших людей и представьте себе их такими, какими они изображены на фотографиях и в документах в дни их величия и славы. Имеется ли среди них хотя бы один, чья деятельность значительно не продвинула бы этот заговор вперед по кровавому пути к достижению кровавой цели? Можем ли мы допустить, что огромные усилия этих людей были направлены на достижение тех целей, о существовании которых они никогда не подозревали?

Защищая себя, все подсудимые единодушно пытаются уйти от ответственности, вытекающей из их деятельности на занимаемых ими постах. Мы слышим, как один и тот же припев повторяется вновь и вновь: у этих людей не было власти, они ничего не знали, не пользовались никаким влиянием.

Функ подводит итог этому самоуничтожению подсудимых в своей жалобной ламентации: «Я всегда, так сказать, подходил к двери, но мне никогда не разрешалось в нее войти».

В своих показаниях каждый подсудимый по некоторым вопросам оказывается в тупике. Никто ничего не знал о том, что происходило. Время от времени мы слышим голоса, раздающиеся со скамьи подсудимых: «Я слышу об этом впервые, только здесь».

Эти люди не видели зла, ничего не говорили, и ничего не было сказано в их присутствии. Это заявление могло бы звучать вполне правдоподобно, если бы оно было сделано одним подсудимым. Но когда мы складываем все их показания вместе, то о «Третьей империи», которая должна была существовать в течение тысяч лет, создается очень смешное впечатление.

Если мы объединим повествования всех подсудимых первой скамьи, то получится нелепая картина правительства Гитлера. Оно состояло из: человека № 2¹, который ничего не знал об эксцессах созданного им гестапо и никогда не подозревал о программе истребления евреев, хотя он лично подписал более десятка декретов, которые касались вопроса преследования этой расы; человека № 3², который был просто невинным посредником, передающим, подобно почтальону или посыльному, приказы Гитлера, которых он сам даже не читал; министра иностранных дел, который очень мало знал о внешнеполитических

проблемах и ничего не знал о внешней политике; *фельдмаршала*, который издавал приказы вооруженным силам, но не имел ни малейшего представления о результатах, к которым приведут эти приказы на практике; *начальника службы безопасности*, который считал, что полицейские функции возглавляемого им гестапо и СД являлись по своему характеру чем-то вроде регулирования уличного движения; *партийного философа*, который интересовался исследованиями в области истории и не имел ни малейшего представления о насилии, которое породила его философия в XX веке; *генерал-губернатора Польши*, который царствовал, но не управлял; *гаулейтера Франконии*, обязанность которого заключалась в том, чтобы фабриковать грязные документы относительно евреев, но который не имел никакого представления о том, будет ли их кто-нибудь читать; *министра внутренних дел*, который не знал даже, что происходит внутри его собственного ведомства, еще меньше знал о том, что творится в его собственном министерстве, и абсолютно ничего не знал о том, что происходит внутри Германии; *президента рейхсбанка*, который совершенно не знал о том, что поступало и что изымалось из сейфов его банка; *уполномоченного по вопросам военной экономики*, который втайне перестраивал всю экономику для производства вооружения, но не имел при этом никакого представления о том, что в какой-либо степени имеет отношение к войне.

Это может показаться фантастическим преувеличением, но именно к таким выводам Вы должны были бы прийти для того, чтобы оправдать этих подсудимых.

Они действительно слишком много протестуют. Они отрицают, что знают то, что являлось общезвестным. Они отрицают, что знали о планах и программах, которые были настолько же общезвестными, как и «Майн кампф» и программа партии. Они даже отрицают, что им известно содержание документов, которые они получали и в соответствии с которыми они действовали.

Почти все подсудимые высказывали две или более противоречащие одна другой точки зрения. Давайте проиллюстрируем несовместимость их точек зрения на записи показаний одного из подсудимых, одного, который, если бы мы настаивали, охотно бы согласился с тем, что он самый умный, честный и невинный человек из всей скамьи подсудимых. Это — Шахт. Таково впечатление от его показаний.

Но не следует забывать, что все это я выдвигаю не только против него одного, поскольку большое количество внутренних противоречий свойственно показаниям нескольких подсудимых: Шахт открыто не присоединялся к нацистскому движению до тех пор, пока оно не победило, так же как открыто не покидал

¹ См. том I, страница 780.

² См. там же, страница 795.

этого движения до тех пор, пока оно не потерпело краха. Он признает, что никогда публично не выступал против этого движения, но утверждает, что лично никогда не относился к нему лояльно.

Когда мы его спрашиваем, почему он не остановил режим на его преступном пути, режим, при котором он был министром, он заявляет, что был лишен всякого влияния. Когда мы его спрашиваем, почему он продолжал оставаться членом этого преступного режима, он заявляет нам, что, оставаясь на службе этого режима, он надеялся сделать его программу более умеренной. Подобно брамину среди неверных, он не мог себе позволить общаться с нацистами, но он также никогда не мог позволить себе порвать с ними политические связи. Из всех агрессивных действий нацистов, которыми, как он теперь утверждает, он был потрясен, нет ни одного, которому бы он не оказывал поддержку перед лицом всего мира авторитетом своего имени, своим престижем.

Вооружив Гитлера и дав ему тем самым возможность шантажировать континент, он сейчас обвиняет Англию и Францию в том, что они поддались шантажу Гитлера. Шахт всегда боролся за свое положение в рамках существовавшего режима, который сейчас он пытается презирать.

Иногда он не соглашался со своими нацистскими сообщниками относительно средств для достижения своих целей, но никогда не расходился с ними во мнениях по вопросу о самой цели. Он действительно порвал с ними, когда наступили сумерки этого режима, но это было сделано по тактическим, а не по принципиальным соображениям. С этого времени он никогда не переставал призывать других рисковать своим положением и жизнью для того, чтобы оказывать содействие в осуществлении его планов, но никогда, ни в одном случае, он не подвергал риску свою собственную жизнь.

Теперь он хвастает, что собственноручно застрелил бы Гитлера, если бы для этого представилась возможность, но германская кинохроника показывает, что даже после падения Франции, когда он встретился с живым Гитлером, он выступил вперед для того, чтобы пожать руку человеку, к которому, как он говорит, он питает огромное отвращение, и ловил каждое слово человека, которого, как он теперь говорит, считал недостойным доверия.

Шахт говорит, что неуклонно «саботировал» гитлеровское правительство. Однако самая безжалостная секретная разведка в мире никогда не обнаружила даже следов его вредоносных действий по отношению к режиму даже через много времени после того, как он узнал, что война проиграна и что нацизм обречен на гибель. Шахт всю жизнь лавировал и обеспечивал себе

такое положение, чтобы можно было заявить, что он не принадлежит ни к какому лагерю.

Его защитительные доводы при анализе оказываются столь же показными, сколь убедительными они кажутся на первый взгляд. Шахт является представителем самого опасного и отвратительного типа оппортунизма. Он представляет собой человека, занимающего влиятельное положение, который готов присоединиться к любому движению, зная, что оно является порочным, лишь потому, что оно, по его мнению, побеждает.

Эти подсудимые не могут отрицать того, что они являлись людьми, занимавшими очень высокое положение; они не могут также отрицать, что преступления, о которых я говорил, действительно были совершены; они знают, что их собственные опровержения будут неправдоподобными, если только они не смогут переложить вину на кого-нибудь другого.

Подсудимые были единодушны, когда под давлением они старались свалить вину на других лиц — то на одного, то на другого. Но имена, которые они неоднократно называли, были — Гитлер, Гиммлер, Гейдрих, Геббельс и Борман. Все они мертвы или исчезли. Как бы настойчиво мы ни пытались добиться признаний от подсудимых, они, называя виновных, никогда не указывали на тех, кто находится в живых.

Соблазнительно размышлять о чудесной, замечательной изобретательности судьбы, которая умерщвляла всех виновных и оставляла в живых всех невинных.

Главным злодеем, на которого возлагается вся вина, — некоторые подсудимые соревнуются друг с другом в подыскании наиболее подходящих эпитетов, — является Гитлер, на которого почти каждый из подсудимых поднимает указующий перст. Я не оспариваю этого единодушного мнения так же, как не отрицаю того, что на всех этих мертвых и исчезнувших лиц в равной степени падает вина. В преступлениях, которые требуют такого наказания, что степень виновности утрачивает даже свое значение, они, может быть, играли самую ужасную роль. Но их вина не может оправдать подсудимых. Гитлер не унес всю вину с собой в могилу. Вся вина не окутана саваном Гиммлера. Именно этих мертвецов находящиеся здесь лица избрали в качестве своих партнеров в этом обширном сообщничестве заговорщиков, и за преступления, которые они совершали вместе, они должны отвечать все до одного. Можно с полным основанием сказать, что последнее преступление Гитлера было преступлением против земли, которой он правил.

Он был безумным мессией, который беспричинно начал войну и беспричинно ее продолжал. Поскольку он не мог уже властвовать, для него была безразлична судьба Германии. Как нам заявил здесь Фриче, Гитлер пытался использовать поражение

Германии для самоуничтожения германского народа. Он продолжал войну, зная, что не может победить, а продолжение войны означало лишь катастрофу. Шпеер в этом зале изложил это следующим образом: «Жертвы, которые понесли обе стороны после января 1945 года, были бессмысленны.

Мертвые, погибшие в этот период, будут обвинять человека, несущего ответственность за продолжение этой войны, — Адольфа Гитлера — так же, как и руины городов, разрушенных в период этой последней фазы, городов, которые утратили огромные культурные ценности и огромное количество жилых домов. Германский народ до самого конца оставался верным Адольфу Гитлеру. Он сознательно предал этот народ. Он пытался столкнуть его в бездну...»

Гитлер приказал каждому сражаться до конца и затем отступил, покончив жизнь самоубийством. Он ушел из мира таким, каким жил, — обманщиком. Он оставил сообщение о том, что погиб в бою, в качестве официальной версии. Это был человек, которого подсудимые возвеличили до положения фюрера. Именно они вступили в заговор для того, чтобы передать ему абсолютную власть над всей Германией. И в конце концов он и система, которую они создали для него, привели их всех к катастрофе.

Шпеер заявил следующее при перекрестном допросе (я цитирую): «...Однако огромная опасность, содержащаяся в этой тоталитарной системе, стала совершенно явной лишь в тот момент, когда мы приближались к концу. Только тогда стал ясен смысл принципа, что любой приказ должен выполняться беспрекословно. Все, что содержалось в приказах, которые выполнялись без обсуждения, в конце концов оказывалось ошибочным.

Эта система... Разрешите мне это изложить следующим образом: к концу существования этой системы стало совершенно ясным, какая громадная опасность таилась в системе такого рода, даже если оставить в стороне гитлеровский принцип фюрерства. Сочетание Гитлера и этой системы, таким образом, принесло ужасающую катастрофу в этот мир».

Я позволю себе на минуту превратиться в адвоката дьявола. Я допускаю, что Гитлер был главным злодеем. Но возлагать всю вину на него одного будет немужественно и несправедливо со стороны подсудимых. Нам известно, что даже глава государства так же ограничен своими умственными способностями и количеством часов в сутки, как и все остальные. Он должен доверять другим быть его глазами и ушами, чтобы следить за всем, что происходит в «великой» империи. Он должен иметь ноги, которые выполняли бы его поручения; руки, которые выполняли бы его планы.

На кого полагался Гитлер в выполнении всего этого, как не на тех, кто находится здесь на скамье подсудимых? Кто внушил ему, что он имеет непобедимую военно-воздушную армаду, как не Геринг? Кто скрывал от Гитлера все неблагоприятные сообщения? Разве не Геринг запретил фельдмаршалу Мильтху предупредить Гитлера о том, что, по его мнению, Германии не по силам война с Россией? Разве не Геринг согласно заявлению Шпеера сместил генерала Галланта с поста командующего военно-воздушными силами за то, что тот говорил о недостаточной активности военно-воздушных сил? Кто, как не Риббентроп, Нейрат и фон Папен, пытались убедить Гитлера, который сам совершенно никуда не выезжал, в колебаниях и робости демократических народов? Кто, как не Кейтель, Иодль, Редер и Дениц, питали его иллюзиями о непобедимости Германии? Кто, как не Штрейхер и Розенберг, сильнее разжигали в нем ненависть к евреям? Кого бы назвал Гитлер в качестве человека, который ввел его в заблуждение относительно условий в концентрационных лагерях, как не Кальтенбруннера, который также пытался обмануть и нас?

Эти люди имели доступ к Гитлеру и часто могли контролировать поступавшую к нему информацию, на основе которой он должен был строить свою политику и издавать приказы. Они являлись преторианской гвардией¹, и хотя они подчинялись приказам цезаря, цезарь всегда был в их руках.

Если бы мертвые могли встать и ответить здесь на то, что было сказано против них, быть может, тогда перед нами была бы менее искаженная картина того, какую роль играли эти подсудимые. Представьте, какое бы волнение произошло на скамье подсудимых, если бы они увидели Адольфа Гитлера, направляющегося к свидетельскому пульту, или Гимmlера с кипой досье, или Геббельса, или Бормана с сообщениями его партийных шпионов, или убитого Канариса?

Защита, оправдывающая кровавые деяния, утверждает, что мир может требовать возмездия лишь от мертвых, — аргумент, достойный преступлений, которые она стремится оправдать.

Мы представили Трибуналу неопровержимое обвинение, опирающееся на обвинительные документы, которых даже без объяснений вполне достаточно для того, чтобы предъявить

¹ Преторианцы — в Древнем Риме вначале солдаты личной охраны полководцев, а затем солдаты привилегированной императорской гвардии. Преторианская гвардия должна была служить непосредственной военной опорой императора.

В переносном смысле преторианцы — наемные войска, служащие опорой власти, основанной на грубой силе. Именно в этом смысле Р. Джексон говорит о подсудимых как о преторианской гвардии Гитлера. — Составители.

требование о признании каждого из подсудимых виновным по первому разделу Обвинительного заключения. При вынесении окончательного решения встает единственный вопрос: могут ли показания самих подсудимых уравновесить на чашах весов документы и другие доказательства их виновности. Какова в таком случае ценность их показаний?

Дело в том, что обыкновение нацистов говорить как можно меньше правды лишь выбивает почву из-под ног их собственной защиты.

Ложь всегда была самым испытанным оружием в нацистском арсенале. Гитлер в «Майн кампф» проповедовал ложь как политику. Фон Риббентроп признавал использование «дипломатической лжи». Кейтель предлагал держать в строгом секрете тот факт, что Германия перевооружалась, с тем чтобы наличие его можно было отрицать в Женеве. Редер лгал относительно создания нового военно-морского флота в Германии в нарушение условий Версальского договора. Геринг просил Риббентропа сообщить «законную ложь» британскому министерству иностранных дел относительно «аншлюсса» и таким образом направлял его по тому же пути, по которому шел сам. Геринг дал свое честное слово Чехословакии и затем нарушил его. Даже Шпеер предлагал вводить в заблуждение французов для того, чтобы выявить лиц со специальной подготовкой из числа французских военнопленных. Но ложь не являлась единственным способом обмана.

Все они говорят лживым языком нацистов с тем, чтобы ввести в заблуждение доверчивых. В нацистском лексиконе «окончательное разрешение» еврейской проблемы означает — уничтожение; «особое обращение» с военнопленными означает — убийство; «превентивное заключение» означает — заключение в концентрационные лагеря; «обязательная трудовая повинность» означает — рабский труд, а приказ «занять решительную позицию» или «проводить решительные меры» означает — действовать с несбужданной жестокостью.

Прежде чем согласиться с тем объяснением слов, которое дают они, мы всегда должны искать скрытый смысл этих слов. Геринг заверил нас под присягой, что имперский совет обороны никогда не собирался «как таковой». Когда мы представили стенографический отчет совещания, на котором он председательствовал и в основном говорил, он напомнил нам о значении слов «как таковой» и объяснил, что это не было совещание совета «как такового» (я подчеркиваю значение слов «как такового»), поскольку на совещании присутствовали другие лица. Геринг отрицает, что он «угрожал» Чехословакии; он лишь сказал президенту Гаха, что ему «было бы чрезвычайно неприятно подвергать бомбардировке прекрасный город Прагу».

Помимо явного лицемерия и лживых заявлений имеются также другие извращения в фантастических объяснениях и абсурдных утверждениях. Штрейхер торжественно заявил, что единственным его стремлением в отношении евреев было переселить их на остров Мадагаскар. Причиной для разрушения синагог, мягко заявил он, являлась их уродливая архитектура. Розенберг, по заявлению его защитника, всегда стремился к «рыцарскому разрешению» еврейского вопроса. Когда после «аншлюсса» появилась необходимость устранить Шушнига, Риббентроп пытался убедить нас в том, что австрийский канцлер отдыхал на «вилле».

В ходе перекрестного допроса удалось установить, что этой «виллой» был концентрационный лагерь Бухенвальд. В протоколе имеется масса других примеров лицемерия и изворотливости. Даже Шахт показал, что он также принял нацистскую точку зрения о том, что всякая удачная выдумка — правда. Когда ему во время перекрестного допроса был предъявлен длинный список нарушенных клятв и лживых заявлений, он в свое оправдание заявил следующее:

«Я считаю, что можно добиться значительно больших успехов в руководстве людьми, не говоря им правды, чем говоря им правду».

Такова была философия национал-социалистов. Если в течение ряда лет они обманывали мир и маскировали свою ложь искусством внушать доверие, может ли кто-нибудь удивляться тому, что сейчас, находясь на скамье подсудимых, они продолжают вести себя так, как привыкли вести себя в течение всей своей жизни? Вопрос о достоверности является одним из основных вопросов данного процесса. Только те, кого ничему не научили горькие уроки последнего десятилетия, могут сомневаться в том, что те люди, которые всегда играли на слепой доверчивости своих великодушных противников, остановятся перед тем, чтобы сделать то же самое и сейчас.

Именно в свете этих событий подсудимые сейчас просят Трибунал признать, что они не виновны в планировании, осуществлении и составлении ими заговора для совершения длинного списка преступлений и злодеяний.

Они стоят перед этим Судом подобно тому, как стоял запятнанный кровью Глостер¹ над телом убитого им короля. Он умолял

¹ Герцог Глостер — один из главных персонажей трагедий Шекспира «Генрих VI» и «Ричард III». Герцог Глостер (ставший затем королем) показан Шекспиром исключительно жестоким и вероломным честолюбцем, беспощадно борющимся за власть. Он убивает Эдуарда, принца Уэльского, затем короля Генриха VI, своего брата, жену, маленьких принцев, своих же сообщников и т. д. Р. Джексон цитирует диалог (из трагедии «Ричард III») между Глостером и вдовой короля Генриха VI. — Составители.

вдову так же, как они умоляют Вас: «Скажи, что я не убил». И королева ответила: «Тогда скажи ты, что они не были убиты. Но ведь они убиты, тобой убиты, гнусный раб!»

Признать этих людей невиновными — значит с тем же основанием сказать, что не было войны, не было убийств, не совершалось преступлений.

РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ХАРТЛИ ШОУКРОССА

[Произнесена 26—27 июля 1946 г.]

Господа судьи! Как и мой коллега господин Джексон, с которым я не смею надеяться сравниться в сжатости, убедительности и красноречии, от имени британского обвинения я хотел бы представить Трибуналу некоторые замечания (боюсь, что они окажутся несколько длинными) по поводу тех молчаливых и необычайных в своей убедительности доказательств, которые, по нашему мнению, доказывают виновность этих подсудимых.

Хотя в настоящем процессе представители обвинения работали в самом тесном содружестве и согласии и хотя по некоторым вопросам я буду выступать от имени всех обвинителей, мы считали, что на этой конечной стадии процесса, быть может, даже за счет неизбежного повторения тех же вопросов, каждому из нас следует подготовить свою заключительную речь самостоятельно, чтобы Трибунал и страны, которые мы представляем, знали, на каком основании мы требуем осуждения этих людей. И если окажется, что некоторые из нас будут указывать на одни и те же доказательства и мы придем к одним и тем же выводам, как это, несомненно, случится, самое это совпадение, быть может, явится лишним подтверждением того, что, как мы утверждаем, каждый из этих подсудимых виновен в нарушении норм права.

Не подлежит сомнению, что эти подсудимые принимали участие и несут ответственность за преступления, столь ужасающие, что при самой мысли о них воображение отказывается их постичь.

Хорошо запомним слова подсудимого Франка, которые Вы снова слышали сегодня утром: «Пройдут тысячелетия, но эта вина Германии не будет смыта».

Тотальные и тоталитарные войны вопреки торжественным решениям и в нарушение договора; большие города — от Ковентри до Сталинграда, — стертые в прах; опустошенные деревни и неизбежные последствия такой войны — голод и болезни, распространившиеся по всему миру, миллионы бездомных,

искалеченных, обездоленных. И в могилах своих вопиют не о мщении, а о том, чтобы это больше никогда не повторилось, 10 миллионов тех, кто мог бы сейчас жить в мире и спокойствии, 10 миллионов солдат, моряков, летчиков и мирных людей, павших в боях, которых не должно было быть.

Но это не единственное и не самое большое преступление. Когда в любой из наших стран, быть может, в порыве страстей или по другим причинам, которые заставляют терять самообладание, совершается убийство, оно становится сенсацией, и мы не успокаиваемся до тех пор, пока преступника не постигнет кара и не восторжествует правосудие. Должны ли мы сделать меньше, когда совершено убийство не одного, а по самым скромным подсчетам, 12 миллионов мужчин, женщин и детей не в бою, не в порыве страстей, а в результате холодного, расчетливого и преднамеренного стремления уничтожить народы и расы, сломать традиции, учреждения и прекратить самое существование свободных и древних государств. Двенадцать миллионов убитых! Уничтожено две трети еврейского населения Европы, более 6 миллионов, по данным самих убийц. Убийства совершались подобно серийному производству в какой-нибудь из отраслей промышленности, в газовых камерах и печах Освенцима, Дахау, Треблинки, Бухенвальда, Маутхаузена, Майданека и Ораниенбурга.

Должен ли мир пройти мимо возрождения рабства в Европе, мимо порабощения 7 миллионов мужчин, женщин и детей, которых увезли из-под родного крова, с которыми обращались, как с животными, которых морили голодом, избивали и умерщвляли.

Весьма возможно, что вина Германии не будет смыта, потому что немецкий народ в большой степени разделяет ее, но именно эти люди вместе с горсткой других навлекли эту вину на Германию и растлили германский народ.

«Моя вина в том, — признался подсудимый Ширах, — что я воспитывал германскую молодежь для человека, который совершал миллионы убийств».

За такие преступления можно было бы с полным основанием покарать этих людей без суда и следствия, и, если бы эта мера, в применении которой они участвовали по отношению к миллионам невинных людей, была применена к ним самим, они вряд ли могли бы жаловаться. Но этот Трибунал должен определить их вину не только с точки зрения моральной, или этической, но и на основании закона.

Та же самая естественная справедливость, которая требует не оставлять эти преступления безнаказанными, требует также и того, чтобы никто не был наказан до тех пор, пока путем терпеливого и тщательного расследования фактов не будет доказано, что он разделяет вину за то, что было совершено.

И вот в течение этих долгих месяцев Трибунал расследовал факты и теперь должен применить закон для того, чтобы, с одной стороны, совершить правосудие в отношении этих людей и восстановить справедливость ради их бесчисленных жертв и, с другой, — оповестить мир о том, что в конце концов правосудие будет уничтожено и справедливость будет руководить отношениями между государствами, потому что решения этого Суда выйдут далеко за рамки наказания двадцати с лишним виновных.

Здесь поставлены на карту вопросы гораздо более важные, чем их судьба, хотя от их судьбы в известной мере зависит решение этих вопросов.

Для истории не будет иметь никакого значения, длился ли этот процесс два месяца или десять. Но зато будет иметь очень большое значение то обстоятельство, что в результате справедливого и терпеливого разбирательства была установлена истина о деяниях, столь ужасных, что след их никогда не изгладится, и что в конце концов восторжествуют справедливость и закон.

На протяжении года доказательства, во много раз превосходящие по объему те, которые когда-либо прежде в истории были представлены какому-нибудь трибуналу, собирались, рассматривались и были затем представлены Вам.

Почти все доказательства представляют собой захваченные протоколы и документы того правительства, к которому принадлежали эти люди, и почти все они непосредственно указывают на то, что каждый из этих подсудимых знал и участвовал в той или иной группе преступлений, совершенных нацистским государством.

Эти доказательства не опровергнуты, и они навсегда сохранят свою силу, чтобы противостоять тем, кто, быть может, попытается впоследствии найти оправдание или смягчающие обстоятельства тому, что было совершено.

И все же теперь, когда Вам уже представлена вся эта масса доказательств, я попрошу Вас на некоторое время отвлечься от деталей для того, чтобы обратиться к ним в целом и рассмотреть эту сумму убедительных доказательств как некое единство.

Лишь случайно, благодаря захвату этих документов, мы получили возможность установить наличие преступлений на основании того, что говорили сами преступники, но дело против этих подсудимых может строиться на более широкой основе и должно рассматриваться в свете исторических событий.

Когда рассматриваешь характер и огромный масштаб совершенных преступлений, с несомненностью выступает ответственность тех, кто занимал высшие государственные посты и пользовался большим влиянием в нацистском государстве.

Долгие годы в мире, где сама война была объявлена преступлением, германское государство организовывалось для ведения войны. Долгие годы евреев подвергали бойкоту, лишали элементарных прав на собственность, свободу и самую жизнь. Долгие годы честные граждане жили под страхом доносов и ареста одной из тех организаций, которые мы обвиняем как преступные и с помощью которых эти люди правили Германией. Долгие годы миллионы иностранных рабов трудились на фабриках и в деревнях по всей Германии и, как скот, транспортировались по всем дорогам, по всем железнодорожным линиям Германии.

Эти люди вместе с Гитлером, Гиммлером, Геббельсом и несколькими другими сообщниками являлись одновременно руководителями германского народа и его движущей силой. Именно тогда, когда они занимали самые высокие государственные посты и пользовались огромным влиянием, были запланированы и совершены все эти преступления. Если не они несут ответственность, тогда кто же несет ее? Если их креатуры, подобные Достлеру, Экку, Крамеру¹ и сотням других, которые лишь выполняли их приказы, уже заплатили самой высокой ценой, разве они, эти люди, должны понести меньшую ответственность? Как можно говорить, что государственные учреждения, которыми они руководили, не принимали в этом участия? Начальник имперской канцелярии Ламмерс, их собственный свидетель, сказал в 1938 году:

«Несмотря на полную концентрацию власти в лице фюрера, не имеет места излишняя и не вызванная необходимостью централизация административных функций в руках фюрера в области управления государством.

Полномочия подчиненных руководителей исключают вмешательство в те приказы, которые они издают. Фюрер придерживается этого принципа в государственном руководстве таким образом, что, например, положение имперских министров практически гораздо более независимо сегодня, чем оно было прежде, хотя теперь имперские министры и подчинены неограниченной власти фюрера и его приказам. Готовность нести ответственность, умение принимать решения, наступательная энергия и подлинная авторитетность — вот каких качеств прежде всего требует фюрер от подчиненных ему руководителей. Поэтому он предоставляет им величайшую свободу для исполнения их задач с тем, чтобы они могли полностью добиться их осуществления».

Пусть даже они, уже заклеенные именем убийц, пытаются теперь всячески преуменьшать власть и влияние, которыми они

¹ Немецкие военные преступники, осужденные военными судами к смертной казни. — Составители.

пользовались, достаточно только вспомнить то бахвальство, с которым они шагали по арене Европы, для того чтобы увидеть, какую роль они играли. Тогда они не говорили германскому народу и остальному миру, что они — лишь невежественные и бесильные марионетки в руках фюрера.

Подсудимый Шпеер говорил: «Даже в тоталитарном государстве должна существовать тотальная ответственность... Невозможно после катастрофы избежать этой тотальной ответственности. Если бы война была выиграна, руководители также взяли бы на себя полную ответственность за это». Что же — следует предполагать, что если бы война была выиграна, то эти люди отошли бы в сторону и заняли позицию сравнительно непричастных обывателей?

Такая возможность не была исключена для них до того, как началась война, если бы они пожелали отмежеваться от того, что происходило. Они избрали иной путь. С самого начала, с того времени, когда сопротивление могло бы уничтожить все это дело в зародыше, они пропагандировали легенду о Гитлере, они помогали консолидировать нацистскую власть, создавать идеологию и направлять ее деятельность до тех пор, пока, подобно громадному осьминогу, она не распустила свои щупальцы по всей Европе и не протянула их через весь мир. Разве эти люди не знали о целях, к которым стремился фюрер уже после прихода к власти? Пауль Шмидт, переводчик Гитлера, свидетель, располагающий большим знанием фактов, показал:

«Общие цели нацистского руководства были ясны с самого начала — господство над европейским континентом, которое должно было быть достигнуто прежде всего включением всех говоривших по-немецки групп населения в состав империи и, во-вторых, территориальной экспансией под лозунгом: «жизненное пространство».

Этот лозунг «жизненное пространство» — эта целиком фальшивая идея о том, что самое существование германского народа зависело от территориальной экспансии под нацистским флагом, — с самого начала являлся открыто признанной частью нацистской доктрины; таким образом, всякий мыслящий человек должен был знать, что она не может не привести к войне.

Это было оправданием, которое Гитлер предложил своим сообщникам по заговору на тех секретных совещаниях 5 ноября 1937 г., 23 мая и 23 ноября 1939 г., на которых была решена судьба столь многих стран.

Не являясь столь конкретной, эта идея, тем не менее, не была менее фальшивой, чем требование о пересмотре Версальского договора. Так называемая несправедливость Версальского договора, которой так хитроумно пользовались для того, чтобы собрать народ под нацистское знамя, сумела объединить

вокруг нацистов многих немцев, которые в другом случае не поддерживали бы некоторых из остальных пунктов нацистской программы.

Об эффективности этой пропаганды можно судить хотя бы по многочисленным попыткам, которые сделала здесь защита, развивать аргументацию по поводу этой предполагаемой несправедливости договора. Независимо от того, был он справедлив или нет, это был договор, и ни одно правительство, которое хотело жить в мире, не должно было сетовать на его положения. Даже если бы эти жалобы были справедливы, довольно скоро для них не осталось никаких оснований. Положения Версальского договора могли быть и в некотором смысле действительно были пересмотрены путем мирных переговоров. В 1935 году, за четыре года до того, как мир был брошен в пучину войны, эти люди открыто отвергли договор, и в 1939 году они были не только свободны почти от всех его ограничений, на которые они сетовали, но, более того, они захватили территории, которые никогда в течение всей европейской истории не принадлежали Германии. Версальский договор послужил уловкой для привлечения людей к выполнению порочных, агрессивных целей. Но даже эта уловка была менее дьявольской, чем антисемитские вопли и требования чистоты расы, с помощью которых эти люди стремились, с одной стороны, собрать и консолидировать различные группы извращенного общественного мнения внутри страны, с другой стороны, посеять раздоры и разногласия среди народов других стран. Раушнинг приводит заявление Гитлера (я цитирую):

«Антисемитизм является удобным революционным средством. Антисемитская пропаганда во всех странах является почти необходимым условием для проведения нашей политической кампании. Вы увидите, как мало времени нам потребуется для того, чтобы перевернуть представления и критерии всего мира только и просто с помощью нападок на еврейство. Вне всякого сомнения, это — самое сильное оружие в моем пропагандистском арсенале».

В качестве примера результатов этой злонамеренной пропаганды я напоминаю Вам слова Бах-Зелевского, который, когда его спросили, как могло случиться, что Олендорф с находившимися под его командой людьми убил 90 тысяч человек, ответил:

«Я придерживаюсь мнения, что, когда в течение долгих лет, в течение десятилетий проповедуется доктрина о том, что славяне являются низшей расой, а евреи вообще не являются людьми, такой исход неизбежен».

Таким образом, с самых первых дней были ясны цели нацистского движения: экспансия, господство над Европой, уничтоже-

ние евреев, необузданная агрессия, безжалостное пренебрежение правами всех других народов, кроме их собственного.

Таково было начало. Я не буду задерживать Вашего внимания на том, чтобы рассматривать шаг за шагом приход нацистов к власти. Я не буду рассматривать, каким образом, как писал автор истории СА, они обнаружили, что «господство над улицами — ключ к власти в государстве». Я не буду рассматривать, каким образом с помощью организованного террора, который здесь описывал свидетель Зеверинг, штурмовые отряды коричневорубашечников запугивали народ в то время, как нацистская пропаганда, возглавляемая «Дер штюрмер», обливала грязью всех противников нацизма и возбуждала народ против евреев.

Я не буду рассматривать этот период, как бы ни были серьезны уроки, которые демократические народы должны извлечь из него, потому что может оказаться нелегким точно сказать, когда именно каждый из этих подсудимых должен был осознать, если фактически он не знал об этом и не участвовал в этом с самого начала, что истерические излияния Гитлера в «Майн кампф» являлись реальным выражением его намерений и первоосновой нацистского плана.

Некоторые из них, такие, как Геринг, Гесс, Риббентроп, Розенберг, Штрейхер, Фрик, Франк, Шахт, Ширах и Фриче, без сомнения, поняли это очень рано. В отношении одного-двух других, например, Деница и Шпеера, это могло случиться несколько позднее. Немногие могли оставаться в неведении после 1933 года. Все должны были быть активными участниками в 1937 году. Когда вспоминаешь впечатление, создавшееся за границей в течение этого периода, не остается никакого сомнения в том, что эти люди, почти все бывшие руководители Германии и, начиная с 1933 года, близкие сотрудники Гитлера, имевшие доступ на его секретные совещания, бывшие полностью в курсе его планов и происходивших событий, не только примирились с тем, что происходило, но и являлись активными, добровольными участниками происходившего...

...Тоталитарное правительство не терпит никакой оппозиции... Цель оправдывает любые средства, а непосредственной целью было, не считаясь ни с чем, достичь полного контроля над германским государством и ожесточить и подготовить его народ к войне. Что мешало этому в январе 1933 года? Во-первых, члены других политических партий; во-вторых, демократическая система выборов и общественных собраний; организация рабочих в профессиональные союзы; в-третьих, моральные устои германского народа и церковь, которые воспитали его.

Поэтому нацисты совершенно сознательно начали уничтожать эту оппозицию: первую группу — заключая в тюрьмы и подвергая

террору своих противников; вторую — объявив незаконными все элементы терпимости и либерализма, поставив вне закона профессиональные союзы и оппозиционные партии; превратив демократические собрания в фарс и взяв под свой контроль проведение выборов; третью — систематическим третированием и преследованием религии, заменой христианской этики поклонением фюреру, превращенному в кумир, культом крови и введением сурового контроля над образованием и молодежью. Молодежь систематически готовили к войне и учили ненавидеть и преследовать евреев. Для осуществления планов агрессии был нужен народ, тренированный в жестокости и обученный тому, что вторжение в страны других народов является одновременно и необходимым, и героическим.

Насколько зловредна и эффективна была эта внутренняя политика, можно судить по тому, что после шести лет пребывания у власти нацисты сумели, не встретив затруднений, вовлечь этот развращенный народ в величайшее в истории преступное предприятие.

Быть может, имеет смысл выбрать из материалов дела несколько примеров, иллюстрирующих, как развивалась эта политика в течение шести лет, и рассмотреть их здесь...

...Начнем с уничтожения политических противников. В течение шести недель после того как нацисты пришли к власти в январе 1933 года, германские газеты, основываясь на данных из официальных источников, сообщали, что в тюрьмы было заключено 18 тысяч коммунистов; в числе 10 тысяч заключенных в тюрьмах Пруссии было много социалистов и представителей интеллигенции. Судьба многих из этих людей была описана Зеверингом, по подсчету которого по крайней мере 1500 социал-демократов и такое же количество коммунистов было убито в концентрационных лагерях, незадолго до этого созданных Герингом как начальником гестапо.

Эти лагеря, контролируемые партийными организациями, были умышленно организованы таким образом, чтобы устрашить всю страну. Говоря словами свидетеля Зеверинга, концентрационные лагеря были в глазах народа «олицетворением всего ужасного».

Геринг заявил: «Мы считали необходимым не допускать существования никакой оппозиции». Он также признал, что арестовывали и подвергали превентивному заключению людей, не совершивших никакого преступления. Геринг добавил: «Если каждый будет знать, что если он будет действовать против государства, то он кончит концентрационным лагерем... это нам только выгодно».

Вначале лагеря управлялись как СА, так и СС и, по словам Геринга, были созданы «в качестве орудия, которое во все времена являлось внутренним политическим орудием власти».

Гизевиус, который в то время только что вступил в гестапо, как Вы помните, дал следующее описание событий¹:

«Не пробыв и двух дней на своей службе, я заметил, что там царят ужасные порядки. Это была не та полиция, которая бы выступала против нарушений, убийств, грабежей, против лишения свободы. Это была полиция, которая защищала преступников, позволяющих себе подобные эксцессы. Арестовывались не те люди, которые были виновниками этих преступлений, арестовывались те, которые обращались за помощью в полицию. Не было полиции, которая предпринимала какие бы то ни было меры по устранению беспорядков, а это была полиция, которая ставила своей задачей маскировать преступления и, более того, способствовать им, так как те отряды СС и СА, которые представляли частную полицию, все время подбодрялись, поддерживались так называемой тайной государственной полицией, им оказывалась всевозможная помощь... Были созданы специальные концентрационные лагеря для арестованных гестапо. И названия их останутся навсегда позорным пятном в истории. Это были Ораненбург и собственная тюрьма гестапо на Бабельштрассе — Колумбия-Хауз, или, как ее еще цинично называли «Колумбийский притон».

...Я спросил одного из моих коллег (он был членом старой политической полиции и перешел в новую полицию): «Скажите, что, я здесь в учреждении полиции или просто в разбойничьей пещере?» Я получил ответ: «Вы в разбойничьей пещере и будьте готовы ко всему. Вам предстоит еще очень многое пережить».

Далее Гизевиус описывает приказ Геринга об убийстве национал-социалиста Штрассера и то, как он дал «карт бланш» политической полиции, подписав бланки, гарантировавшие амнистию полицейскому, и оставив незаполненным место для имени человека, за убийство которого гарантировалась эта амнистия.

Если потребуется подтверждение показаний этих свидетелей защиты, то их можно найти в серии докладов прокурора Мюнхена министру юстиции в мае и июне 1933 года, находящихся в материалах Суда, в которых зафиксирован бесконечный ряд убийств, совершенных чиновниками СС в концентрационном лагере Дахау.

В 1935 году имперский министр юстиции в письменном виде изложил Фрику свой протест против многочисленных случаев жестокого обращения в концентрационных лагерях, включая «избиение как меру дисциплинарного взыскания...», «жестокое обращение главным образом с политическими заключенными, для того чтобы заставить их говорить» и «жестокое обращение

¹ См. том I, страница 724.

с заключенными исключительно для развлечения или по садистским мотивам».

Далее он жаловался, что «избиение находящихся в заключении коммунистов рассматривается как обязательная полицейская мера, необходимая для более эффективного подавления коммунистической деятельности».

После приведения примеров пыток он заключил:

«Эти несколько примеров показывают степень жестокости, которая оскорбляет чувство каждого немца».

Чувства Фрика, очевидно, были не столь нежными. Уже на следующий год он получил подобный же протест от одного из своих собственных подчиненных, и вскоре после этого он издал декрет о подчинении всех полицейских сил Гиммлеру, то есть тому самому человеку, который, как он знал, являлся ответственным за эти зверства.

Эти жестокости, как мы полагаем, хорошо известные министрам, не исчерпывались тайной концентрационных лагерей.

Пожалуй, имеет смысл привести один случай из тысячи ему подобных, происшедших с людьми, пострадавшими от этой политики.

Трибунал помнит отчет Зольмана, социал-демократа и депутата рейхстага с 1919 по 1933 год. Он говорил об инциденте, имевшем место 9 марта 1933 г., когда, говоря его собственными словами:

«Члены СС и СА пришли в мой дом в Кельне, поломали мебель и уничтожили мои личные записи. В то время меня взяли в «коричневый дом» в Кельне, где в течение нескольких часов мучили, избивали и пинали ногами.

Затем меня перевели в обычную государственную тюрьму в Кельне, где два врача оказали мне медицинскую помощь, а на следующий день меня освободили. 11 марта 1933 г. я покинул Германию».

Вторая задача — подавление всех демократических институтов — была сравнительно простой. Были проведены законы, необходимые для того, чтобы поставить профессиональные союзы вне закона; деятельность рейхстага немедленно превратилась в фарс, оппозиционные партии были распущены, а члены их брошены в концентрационные лагеря. Свидетель Зеверинг¹ говорил об обращении с членами рейхстага. В 1932 году по приказу фон Папена он, занимавший тогда пост министра внутренних дел Пруссии, был насильственно удален с этого поста. Через короткое время после 30 января 1933 г. коммунистическая и социал-демократическая партии были объявлены незаконными и были

¹ Показания Зеверинга см. том I, страница 760. — Составители,

запрещены все общественные выступления, кроме нацистских. Эта мера была преднамеренно запланирована.

Фрик сказал уже в 1927 году, что «национал-социалисты всегда стремились к тому дню, когда они смогут положить бесславный, но полностью заслуженный конец этой дьявольской бутафории — парламенту — и открыть дорогу для расовой диктатуры».

Сейчас, когда демократическая форма правления добивается своего восстановления во всем мире, не следует забывать об отношении нацистов к выборам. Свободные выборы, конечно, не могли быть допущены.

Геринг, пытаясь добыть в промышленности денег для партии, сказал Шахту в феврале 1933 года (я цитирую):

«Промышленности будет, несомненно, легче принести те жертвы, о которых ее просят, если вы учтете, что выборы 5 марта будут последними на следующие 10, а возможно и на следующие 100 лет».

Учитывая эти обстоятельства, не приходится удивляться тому, что после этого, как явствует из таких доказательств, как отчет СД о проведении плебисцита в Каппеле, происходившие время от времени народные выборы, которые всегда объявлялись как триумф нацистов, проводились нечестными методами.

Я обращаюсь к третьей группе оппозиции — к церкви.

В меморандуме Бормана, направленном в декабре 1941 года всем гаулейтерам и разосланном СС, резюмируется сущность отношения нацистов к христианству:

«Национал-социалистские и христианские идеи несовместимы... Если, поэтому, в будущем наша молодежь ничего не будет знать о христианстве, чьи доктрины во многом уступают нашим, христианство исчезнет само собой.

Все влияния, которые могут ослабить или нанести ущерб народному руководству, которое осуществляется фюрером при помощи НСДАП, должны быть устранены: народ должен быть все более и более отделен от церкви и ее рупора — пасторов».

Печальная летопись о преследовании церковей.

Из обильного материала, который был представлен Трибуналу, я позволю себе процитировать отрывок из отчета, адресованного Фрику в начале 1936 года:

«За последнее время половина докладов полиции касается вопросов, связанных с церковью. У нас имеются бесчисленные петиции от кардиналов, епископов и других сановников церкви. Большая часть этих жалоб касается вопросов, входящих в область юрисдикции имперского министерства внутренних дел, хотя последнее не издало соответствующих правил по этому вопросу».

И затем после ссылки на хаос, создавшийся в результате разделения власти между различными полицейскими организациями, в отчете говорится о результатах борьбы с религией, о том, что в последнее время случаи грубых вмешательств в церковные службы очень быстро увеличиваются, часто вызывают необходимость вмешательства дежурного полицейского наряда.

«После того, как мы отказались от резиновой дубинки, положение, в которое мы ставим наших оперативных работников, которые во время крупных беспорядков на собраниях могут быть вынуждены прибегать к холодному оружию, является нетерпимым».

Дневник министра юстиции за 1935 год изобилует многочисленными примерами такого рода поведения, которое поощрялось «гитлеровской молодежью», руководимой подсудимым Ширахом, и подсудимым Розенбергом.

«Гитлеровская молодежь», число членов которой увеличилось примерно с 108 тысяч в 1932 году почти до 8 миллионов в 1939 году была организована на военной основе. Тесное сотрудничество между Кейтелем и Ширахом в военном воспитании этой молодежи было уже описано.

Суду уже были представлены материалы об имевшейся особой договоренности между Ширахом и Гиммлером, в соответствии с которой «гитлеровская молодежь» стала организацией, поставляющей членов для организации СС. Вы не забыли слова заместителя Шираха: «С течением лет мы хотим добиться того, чтобы немецкий мальчик так же уверенно обращался с оружием, как и с пером».

Какая ужасная доктрина!

Запугивания, убийства и преследование политических противников, роспуск всех организаций, дающих возможность возникновению оппозиции, критическим высказываниям или даже свободному выражению своих мыслей, систематическое извращенное воспитание молодежи и подготовка ее к войне — все это, однако, создает неполную картину, если исключить преследование евреев.

Пусть никто не будет введен в заблуждение метафизическими объяснениями этих ужаснейших преступлений. То, что Гитлер сам в этом самом городе назвал фанатической борьбой против евреев, является неотъемлемой частью политики создания «херренфолька» — «расы господ», которая должна стоять во главе Европы и всего мира. Таким образом, истребление евреев широко популяризировалось в течение всего периода существования нацистского режима. Оно являлось своего рода учебной мишенью для молодежи и давало ей возможность пройти практическую школу зверств.

Суд идет! Перед началом речи Главного обвинителя от США Р. Джексона

С приходом гитлеровцев к власти преследование евреев стало еще более неистовым. Тогда было задумано окончательное решение этого вопроса путем массовых убийств.

В книге «Майн кампф» — библии нацизма — Гитлер высказал сожаление о том, что в течение последней войны для уничтожения евреев не применялся отравляющий газ.

Уже в 1925 году Штрейхер заявил: «Давайте положим сегодня начало уничтожению евреев». Возможно, что он даже раньше Гитлера, Гимmlера и других мысленно видел уничтожение евреев, но нацисты сначала не были готовы полностью пренебречь мировым общественным мнением и ограничили себя преследованием евреев и созданием для них в Германии невыносимых условий существования. Под несмолкавший аккомпанемент «Штюрмера» и официальной нацистской прессы проводились и поощрялись кампании преследования евреев.

Розенберг, фон Ширах, Геринг, Гесс, Функ, Борман и Фрик подали руку Штрейхеру и Геббельсу.

Приход нацистов к власти ознаменовался бойкотом в апреле 1933 года, который был только пробой по сравнению с тем, что за этим последовало. Он сопровождался демонстрациями и битьем оконных стекол — акцией «зеркало», как ее называли здесь в Суде.

Описание типичных инцидентов дается в письменных показаниях свидетеля Гейста, который говорил о событиях в Берлине 6 марта 1933 г. Я цитирую: «Массовые нападения на коммунистов, евреев и на людей, подозреваемых в том, что они являлись теми или другими; толпы членов СА, которые слонялись по улицам, избивали, грабили и даже убивали».

В 1935 году последовали позорные нюрнбергские законы. В 1938 году в результате так называемых «стихийных демонстраций», которые были организованы по всей Германии, сжигались синагоги и было брошено в концентрационные лагеря 20 тысяч евреев. Это сопровождалось штрафами, аризацией имущества и приказом о ношении желтой звезды.

Цинизм этих людей и безжалостный характер их политики по отношению к евреям проявились на совещании у Геринга 12 ноября, когда присутствовавшие соперничали друг с другом в предложениях методов уничтожения и преследования их беспомощных жертв. Ни Гитлер, ни Гимmlер, которых сегодня они¹ стараются обвинять, не присутствовали на этом совещании. Кто, прочтя протокол этого совещания, может еще сомневаться в том, какой конец был уготован евреям в Европе?

На этом совещании Гейдрих сообщил о событиях 11 ноября, когда по всей империи была сожжена 101 синагога, 76 были разрушены, разбито 7800 магазинов. Приблизительная стоимость

¹ Подсудимые. — Составители.

стекол, которые нужно было вставить вместо разбитых, составляла 6 миллионов рейхсмарок, и ущерб, причиненный только одному магазину в Берлине, составлял 1700 тысяч рейхсмарок. Гейдрих также сообщил о 800 случаях ограбления, об убийстве 35 евреев и оценил общий ущерб, причиненный собственностью, мебели и товарам, в несколько сот миллионов рейхсмарок. Вы припомните приказ Гейдриха о погроме, включая аресты евреев и помещение их в концентрационные лагеря.

Указав, что следует ожидать демонстрации в связи с убийством чиновника германской миссии в Париже, которое имело место в ту ночь, он дал инструкции полиции по поводу предполагаемого сожжения синагог, разрушения контор и жилых домов евреев, а также о том, что полиция не должна чинить препятствий демонстрантам: «Полиция должна лишь обеспечить соблюдение инструкции». И, наконец, (я цитирую): «...во всех областях должно быть арестовано столько евреев, в особенности богатых, сколько может быть размещено в имеющихся в наличии тюрьмах. В настоящее время должны быть арестованы только здоровые и не слишком старые мужчины. По аресте их следует связаться немедленно с соответствующими концентрационными лагерями для того, чтобы как можно скорее направить их в эти лагеря».

Из материалов, представленных Трибуналу, нам теперь известны факты, касающиеся захвата Нейратом и Розенбергом домов, принадлежавших евреям. Для этого был отдан приказ ориентироваться на самых богатых.

Эти события не происходили тайно и не скрывались. Министры писали о них друг другу и обсуждали их. Задолго до 1939 года они были общеизвестны не только в Германии, но и во всем мире. Каждый из этих подсудимых должен был много раз слышать рассказы, подобные истории Зольмана.

Почти каждый из них пытался получить хорошую репутацию тем, что помог одному или двум евреям. Вы вспомните показания о существовании специального отдела в министерстве Геринга, созданного для того, чтобы рассматривать протесты, и показания его свидетеля¹ Кернера, который с гордостью заявил, что Геринг всегда вмешивался в эти дела, защищая отдельных лиц. Быть может, им давало некоторое удовлетворение или облегчало их совесть время от времени демонстрировать свое влияние, освобождая какого-нибудь несчастного, который искал их защиты от ужасов того режима, который они постоянно поддерживали. Но эти лица участвовали в правительстве, которое руководило, не принимая во внимание ни соображений человеческой порядочности, ни установленного закона. Нет ни одного

¹ Имеется в виду свидетель, вызванный по ходатайству Геринга. — Составители.

среди них, который, будучи членом правительства, в течение этого периода не обагрил бы руки кровью своих соотечественников.

Геринг и Фрик создали концентрационные лагеря. Показания свидетеля Зеверинга и оглашенные документы свидетельствуют об убийствах, которые там совершались в то время, когда эти два человека несли за это непосредственную ответственность.

Даже Геринг не смог оправдать все убийства, совершенные 30 июня 1934 г.¹ Он вместе с Гессом и Фриком несет ответственность за нюрнбергские законы. Протокол совещания от 12 ноября 1938 г. и инициалы Геринга на приказе Гейдриха от 9 ноября не требуют комментариев.

Как послу в Англии Риббентропу должны были быть хорошо известны факты, хотя бы из английских газет, в то время как его заместитель Верман признал, что имели место зверства, о которых было доложено на совещании от 12 ноября 1938 г.

Прежний владелец его имения господин фон Ремиц был сослан в концентрационный лагерь, и Риббентроп в беседе с господином Донно 8 декабря 1938 г. выразил свое мнение относительно евреев следующим образом (я цитирую):

«Поэтому германское правительство решило приравнять их (евреев) к уголовным элементам населения. Собственность, которую они приобрели незаконно, будет отобрана у них. Мы вынудим их жить в районах, обычно заселяемых преступными элементами».

Гесс, который в 1933 году создал управление расовой политики, также несет ответственность за нюрнбергские законы. На совещании 12 ноября был дан полный отчет о проведении подобных же мер против евреев в Австрии, и вполне очевидно, что подсудимый Кальтенбруннер как верный член партии оказал полную поддержку в проведении необходимых мер.

Доказательства относительно того, что Зейсс-Инкварт сыграл в этом деле свою роль, уже представлены Трибуналу.

Розенберг писал «Миф XX века» и принимал активное участие в борьбе с церковью и в проведении антисемитской политики правительства, и даже Редер в «день героев» в 1939 году говорил (я цитирую): «о ясном и вдохновляющем призыве бороться с большевизмом и международным еврейством, чью деятельность, разрушающую расы, мы достаточно испытали на нашем собственном народе».

Фрик как министр внутренних дел несет ответственность за непревзойденные ужасы в концентрационных лагерях и за гестапо, в то время как Франк, будучи министром юстиции

¹ Речь идет о подавлении так называемого путча Рема. — Составители.

в Баварии, по-видимому, получал отчеты об убийствах в Дахау. Он был главным юристом партии, членом центрального комитета, который проводил бойкот евреев; в марте 1933 года и в марте 1934 года он выступил по радио с заявлениями, оправдывающими расовое законодательство и уничтожение враждебных политических организаций. Он также присутствовал на совещании у Геринга.

Трибуналу не придется напоминать о роли, которую играл Штрейхер. В марте 1938 года газета «Дер штюрмер» начала последовательно пропагандировать идеи истребления евреев; первая из той серии статей, которые должны были печататься в течение последующих 7 лет, статья, подписанная Штрейхером, заканчивалась следующими словами (я цитирую): «Перед нами чудесные времена — Великая Германия без евреев!»

Функ как вице-президент имперской палаты культуры начиная с 1933 года принимал участие в истреблении евреев; он присутствовал на совещании у Геринга в 1938 году, на котором, как следует помнить, Геринг заявил, что лучше всего было бы убить 200 евреев, после чего Гейдрих упомянул о том, что в действительности было убито всего 35 евреев.

Шахт лично признал, что уже во второй половине 1934 года и первой половине 1935 года он убедился в том, что он был неправ, предполагая, что Гитлер придаст более умеренный характер «революционным» силам нацизма. Он признал также, что пришел к выводу, что Гитлер ничего не предпринимал для того, чтобы прекратить эксцессы отдельных членов партии или партийных групп, проводя «политику террора». Тем не менее он остался на своей должности и принял золотой значок партии в январе 1937 года, когда фон Эльц отказался от него.

Ширах подтвердил свою роль в том, что молодое поколение Германии росло яркими антисемитами. Он не может уклониться от ответственности за то, что обучал молодежь запугивать евреев, преследовать церковь, готовиться к войне. Это растление детей, быть может, является самым гнусным из преступлений нацистов.

Заукель, который вступил в партию в 1921 году, занял пост гаулейтера Тюрингии. Он не мог не знать о преследовании церкви, профсоюзов, других политических партий и евреев в этой весьма важной области империи, и есть все основания предполагать, что он оказывал полную поддержку этой политике и тем самым завоевал себе положение в нацистском кругу.

Папен и Нейрат были в состоянии, конечно, лучше, чем кто-либо другой из подсудимых, оценить эту политику, поскольку именно их политические коллеги подвергались преследованию; например, несколько человек из собственного штата Папена были убиты, а сам он арестован и едва остался в живых.

Отношение Нейрата к евреям явствует из его речи, произнесенной в сентябре 1933 года (я цитирую): «Пустые разговоры на тему о чисто внутренних делах страны, как, например, о еврейском вопросе, очень скоро прекратятся, когда каждый поймет, что необходимое наведение порядка в общественной жизни должно временно повлечь в отдельных случаях личные лишения и нужду, но что тем не менее это поможет установлению непоколебимой власти правосудия и закона в Германии...»

...Никто из подсудимых не мог не знать того, что было известно всему миру, но в то же время никто из них не заявлял, что он резко протестовал против этого режима зверств и террора. Все эти люди продолжали оставаться на своих постах в правительстве и занимать ответственные должности.

Каждый из них на своем посту служил злему делу, конечная цель которого была так хорошо им известна, насаждал доктрины зла, которые являлись важным условием для достижения этой цели...

...Моралисты могут спорить относительно того, что является самым большим преступлением с точки зрения морали, но это, вероятно, следовало бы сказать с самого начала. Некоторые заявляют, что не существует такого преступления, как преступление против мира, и те пошлые философы, которые на данном процессе или, сидя в мягких креслах, где-нибудь в другом месте подвергают сомнению правомочность данного судебного разбирательства, много говорили именно в этом разрезе. О том, насколько основательна эта аргументация, я скажу сейчас несколько слов. Однако необходимо ясно себе представить, что эти подсудимые обвиняются также в обыкновенных убийствах.

Это обвинение само по себе заслуживает высшей меры наказания, и включение этого обвинения в качестве самостоятельного в Обвинительное заключение не может увеличить наказание, которое и без того может быть вынесено этим людям.

Что же, тогда включение этого вопроса в Обвинительное заключение является лишь моментом чьей-то личной воли?

Мы считаем, что это не так и главным образом потому, что здесь на карту поставлено нечто гораздо большее, чем судьба этих людей. Не преступление ли, заключающееся в развязывании войны, является одновременно целью и источником других преступлений — преступлений против человечности, военных преступлений и обыкновенных убийств?

Это происходит тогда, когда люди обращаются к тотальной войне как к орудию политики, преследующей агрессивные цели. Кроме того, если мы рассмотрим это преступление, преступление против мира, отдельно, то увидим, что оно явилось причиной смерти в бою 10 миллионов человек и привело на край гибели всю духовную и материальную культуру нашей цивилизации.

Хотя и ничем нельзя усилить ту меру наказания, которая может быть определена для этих лиц, все же основная задача этого процесса заключается в том, чтобы навсегда установить, что международное право имеет силу, которая вытекает из самой его сущности, чтобы объявить войну преступлением и покарать тех, кто подстрекает к ней свои государства. Я еще вернусь к вопросу о праве, но прежде разрешите мне сослаться на факты...

...Обзор, представленный защитниками, обходит молчанием два факта, имеющих первостепенное значение в этом деле, а именно, что уже со времени появления «Майн кампф» все цели политики нацистов сводились к территориальной экспансии, агрессии, господству и что демократическим державам приходилось иметь дело с Германией, которая вне зависимости от отдельных неискренних заверений в мирных намерениях ставила перед собой именно эти основные цели. Если вообще могла идти речь о мире, то он был возможен лишь за счет Германии. И зная, что эта цена не должна и не может быть уплачена добровольно, немцы решились обеспечить мир силой.

Одновременно с психологической подготовкой германского народа к войне проводились необходимые меры для перевооружения. На совещании 23 ноября 1939 г. Гитлер в следующих выражениях резюмировал события этого периода: «Я должен был перестроить все, начиная с народных масс и кончая вооруженными силами. Прежде всего, внутренняя перестройка — искоренение очагов разложения и пораженческих идей, воспитание в духе героизма. Проводя внутреннюю реорганизацию, я начал одновременно осуществление второй задачи — освобождение Германии от ее международных обязательств. Выход из Лиги Наций и уход с конференции по разоружению...

После этого приказ о перевооружении... В 1935 году введение обязательной воинской повинности. После этого ремилитаризация Рейнской зоны».

Заговорщики намеревались прежде всего избавиться от политических уз, которые мешали проведению перевооружения. В октябре 1933 года Германия вышла из Лиги Наций, а в мае 1935 года отказалась от тех пунктов Версальского договора, которые касались вооружения, и сообщила миру о создании военно-воздушных сил, большой регулярной армии и установлении обязательной воинской повинности. Был создан имперский совет обороны, и уже 26 апреля 1935 г. состоялось второе заседание его рабочего комитета с участием представителей из каждого отдела.

Трудно поверить, не правда ли, что, читая протоколы этих совещаний, как они это должны были делать, Нейрат, Фрик, Шахт, Геринг, Редер, Кейтель и Иодль (причем последние двое

обычно присутствовали на совещаниях) могли предполагать, что режим не намеревается вести войну. В экономической сфере Шахт, будучи уже президентом рейхсбанка и министром экономики, был назначен в мае 1935 года генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики. Это назначение должно было держаться в полном секрете. Свои заслуги в этом отношении он прекрасно сформулировал сам: «Возможно, что ни один банк в мирное время не проводил такой смелой кредитной политики, как это делал рейхсбанк с момента захвата власти национал-социалистами. Однако с помощью этой кредитной политики Германия создала непревзойденное вооружение, и это вооружение, в свою очередь, позволило добиться достигнутых нами результатов».

Речь Шахта от 29 ноября 1938 г. не кажется пустым бахвальством, когда рассматриваешь ее в связи с отчетом его заместителя — документом, представленным в качестве доказательства. Этот отчет свидетельствует о том, что под руководством Шахта 180 тысяч промышленных предприятий было осмотрено с целью установления их пригодности для военных целей. Были разработаны экономические планы о производстве основных 200 видов материалов. Система военных заказов была пересмотрена, был разрешен вопрос о распределении угля, горючего для моторов и энергии, 248 миллионов рейхсмарок было затрачено на одно лишь строительство складских помещений, были разработаны планы эвакуации квалифицированных рабочих и военных материалов из зон военных действий, 80 миллионов продовольственных карточек военного времени были напечатаны и разосланы на места; кроме того, была подготовлена особая картотека на 20 миллионов квалифицированных рабочих с указанием их профессии.

Самая детальная и тщательная подготовка, о которой говорится в этом отчете, проводилась не без ведома всех членов правительства; нельзя найти более наглядного доказательства наличия общей цели, а также доказательства и того, что об этой цели, связывавшей все ведомства в государстве, было известно, чем протокол второго заседания имперского совета обороны, состоявшегося 25 июня 1939 г. под председательством подсудимого Геринга — уполномоченного по проведению четырехлетнего плана.

Подсудимые Фрик, Функ, Кейтель и Редер присутствовали на этом заседании, а Гесс и Риббентроп послали на него своих представителей.

Методическая детальность планов, которые разрабатывались, и проведение подготовки рабочей силы с расчетом на использование рабочих из концентрационных лагерей и несчастных рабов из протектората являются красноречивым свидетельством

масштабов той борьбы, которую, как этим лицам уже было известно, Германия собралась начать.

Вопросами проведения перевооружения занимались главным образом подсудимые Геринг, Шахт, Редер, Кейтель и Иодль, но другие также принимали в этом участие, каждый в своей области. Розенберг, Ширах и Штрейхер — в области образования, Дениц — в подготовке подводного флота, Нейрат и Риббентроп — в области внешней политики, Функ и Фриче занимались вопросом реорганизации пропаганды и системы получения последних известий до тех пор, пока первый из них не заменил Шахта и не стал сначала министром экономики, а в сентябре 1938 года генеральным уполномоченным по вопросам экономики. Как уполномоченный Функ нес ответственность за обеспечение экономических условий для производства промышленности вооружения в соответствии с требованиями верховного командования. Фрик как чрезвычайный имперский уполномоченный по администрации империи вместе с Функом и Кейтелем вошел в состав «коллегии трех», занимавшейся планированием специальных административных мероприятий и подготовкой декретов на случай войны. Нет необходимости для оценки деятельности, связанной с перевооружением, приводить какие-либо другие цитаты, кроме слов Гитлера из меморандума, который, как заявил Иодль, был написан самим Гитлером в течение двух ночей и который был им послан подсудимому Редеру, Герингу и Кейтелю. В этом меморандуме от 9 октября 1939 г. Гитлер полностью опровергает показания этих подсудимых, заявлявших, что Германия никогда не была в достаточной степени подготовлена к войне (я цитирую):

«Обучение нашего народа использовать свою мощь в военных целях проводилось таким образом, что, по крайней мере, в течение короткого времени никак невозможно добиться значительных улучшений».

И далее:

«Военное снаряжение германского народа, по крайней мере в отношении огромного количества германских дивизий, в настоящее время больше по количеству и лучше по качеству, чем в 1914 году, а само оружие, с точки зрения его устройства в настоящее время, — гораздо более современное, чем оружие любой другой страны мира.

Германское оружие только что доказало свои высокие боевые качества в победоносной кампании. Что касается мощи вооружения других стран, то она еще не была продемонстрирована. В настоящее время по некоторым видам вооружения Германии принадлежит совершенно неоспоримое превосходство».

И далее, говоря о боеприпасах, которыми располагала Германия после окончания польской кампании, он писал:

«Нет доказательств, которые бы могли подтвердить, что в мире имеется страна, обладающая в целом лучшими боеприпасами, чем германская империя. Военно-воздушный флот в настоящее время в численном отношении является самым сильным в мире. Противовоздушная артиллерия не имеет себе равной в мире».

Это было практическим результатом шестилетнего интенсивного вооружения, которое проводилось за счет и с ведома всего германского народа.

Тем временем молодежь Германии воспитывали и муштровали для войны в полувоенных формированиях и затем, по достижении призывного возраста, призывали для прохождения интенсивной тренировки. Это проводилось по всей Германии наряду с огромной работой в области экономической подготовки. Можно ли поверить тому, что никто из этих лиц не догадывался, точнее говоря, не знал о целях этих громадных усилий?

Если действительно кто-нибудь из них и сомневался, то успешные действия, в которых, если говорить словами одного из свидетелей по делу Нейрата, «нацисты пожинали лавры без войны путем успешно проводимой практики обмана и внезапности», должны были открыть им глаза.

Первым шагом явился захват Рейнской зоны, и этот метод стал затем образцом для проведения последующих агрессивных действий. 21 мая 1935 г. Гитлер дал торжественные заверения в том, что условия Версальского и Локарнского договоров неуклонно соблюдаются. Еще тремя неделями раньше, в день заключения франко-советского пакта, который позже был использован в качестве формального оправдания для ремилитаризации Рейнской области, а также был выдвинут в качестве оправдательного аргумента на данном процессе, была издана первая директива начальникам различных родов войск. Подсудимый Иодль, быть может, обратив внимание на важность этой даты, пытался убедить Трибунал в том, что его первое признание относительно того, что «операция Шулунг» касалась оккупации Рейнской области, было неправильным и что этот термин относится к каким-то военным экскурсиям в Тироль. Однако еще 26 июня он сам обратился к рабочему комитету имперского совета обороны с речью относительно планов новой оккупации и сообщил, что оружие, снаряжение, знаки различия и серая полевая военная форма уже находятся в складах на этой зоне, где хранятся под большим секретом. Может ли кто-нибудь, кто будет читать эти слова, сомневаться в том, что эта операция продолжалась в течение, по крайней мере, семи недель?

Любой из представителей неисчислимых департаментов, который присутствовал на этом совещании 26 июня 1936 г. и слушал замечания Иодля, или тот, кто впоследствии читал

протоколы совещания, знал, чего следует ожидать. 2 марта были отданы последние приказы; они были переданы военноморскому флоту на четыре дня позже.

Подсудимые Кейтель, Иодль, Редер, Фрик, Шахт и Геринг все вместе принимали участие во всех необходимых оперативных мероприятиях, и если подводные лодки действовали в соответствии с инструкциями от 6 марта, то к их числу следует также отнести и подсудимого Деница.

С самого начала Вы можете заметить, что был разработан общий план каждой стадии, причем таким образом, как он мог быть разработан лишь в том случае, если каждый из этих людей сыграл в его составлении свою, соответствующую роль.

Первый период — период видимого спокойствия, во время которого заключались договоры, давались заверения, произносились торжественные заявления о дружбе, в то время как под прикрытием этого «Аусландорганизацион», руководимая Гессом и Розенбергом, начала свою подрывную и разрушительную деятельность. Жертва вводилась в заблуждение открытыми обещаниями и ослаблялась тайными методами воздействия. Затем принималось решение о нападении и убыстрялся темп военной подготовки.

Если жертва начинала проявлять признаки недоверия, количество заверений в дружественных намерениях удваивалось.

Тем временем наносились последние штрихи на творение, созданное в результате деятельности пятой колонны. Затем, когда все уже было подготовлено, подбирался, как говорил Гитлер, так называемый «пропагандистский повод для начала войны», фабриковались пограничные инциденты, угрозы и оскорбления сменяли красивые слова, и делалось все для того, чтобы запугать жертву и привести ее в состояние покорности. Наконец, наносился неожиданный удар без всякого предупреждения. План изменялся в деталях от случая к случаю, но по существу он оставался неизменным; вновь и вновь повторялся этот же метод предательства, запугивания и убийств.

Следующей жертвой агрессии явилась Австрия. Прежде всего нацисты в 1934 году подстроили убийство Дольфуса. После того как были представлены доказательства по делу подсудимого Нейрата, остается мало сомнений в том, что план убийства был задуман в Берлине и разработан Габихтом и Гитлером за какие-нибудь шесть недель до этого. Провал этого путча сделал необходимым приспособление по времени и обстоятельствам, и в соответствии с этим в мае 1935 года Гитлер дал заверения Австрии в мирных намерениях.

В то же время подсудимый Папен был послан в Австрию для того, чтобы подорвать основы Австрийского правительства. После оккупации Рейнской области следующей на очередь была

поставлена Австрия, но Гитлер все еще не был готов; именно этим объясняется заключение торжественного соглашения в июле 1936 года. К осени 1937 года в сообщениях Папена говорилось о наличии определенного прогресса, и поэтому на так называемом «совещании Госсбаха» был оглашен этот план. Однако необходима была некоторая отсрочка для удаления военачальников из армии; в феврале 1938 года Папен вместе с Зейсс-Инквартом закончили разработку плана, тогда как Гитлер, Риббентроп и Кейтель запугивали Шушнига, заманив его в Берхтесгаден. Вскоре после этого наступила конечная фаза, Геринг сыграл свою роль в Берлине. Подсудимые Геринг, Гесс, Кейтель, Иодль, Редер, Фрик, Шахт, Папен и Нейрат все были осведомлены об этом заговоре в отношении Австрии, причем Нейрат и Папен знали об этом плане с самого начала.

За исключением Геринга, каждый из подсудимых пытался оправдаться тем, что якобы не знал об этом, — это утверждение может показаться лишь смешным в свете имеющихся документов. Никто из них не заявлял, что протестовал против этого, и все они продолжали оставаться на своих постах.

План в отношении Чехословакии уже был готов к тому времени: он обсуждался на так называемом «совещании Госсбаха» в ноябре 1937 года. Через три недели после Мюнхенского соглашения был отдан приказ о подготовке к вторжению, и 15 марта 1939 г., после того как президент Гаха был соответствующим образом запуган Гитлером, Риббентропом, Герингом и Кейтелем, Прага была оккупирована, и Нейрат и Фрик установили там протекторат.

Вы помните поразительное признание Геринга в том, что хотя он действительно угрожал подвергнуть Прагу бомбардировке, он, однако, никогда фактически не намерен был этого делать. Риббентроп, по-видимому, также считал, что в дипломатии допустима любая ложь. Теперь была подготовлена арена для операций против Польши. Согласно объяснению Иодля (я цитирую):

«Разрешение чешского конфликта присоединением Чехословакии округлило территорию великой Германии таким образом, что сделало возможным рассматривать польскую проблему в свете более или менее благоприятных стратегических предположений».

Теперь наступил тот подходящий момент, когда, говоря словами Гитлера, «Германия должна разделаться с двумя своими ненавистными врагами — Англией и Францией».

И вслед за этим начала проводиться политика, изложенная Риббентропом в январе 1938 года (я цитирую):

«Создание в строгом секрете, но с подлинным упорством коалиции против Англии».

Однако в отношении Польши германское министерство иностранных дел уже за месяц до Мюнхенского соглашения дало следующее указание Риббентропу: «Неизбежно, что отказ Германии от завоевательных планов на юго-востоке и обращение ее к востоку и северо-востоку должно заставить поляков настояться».

Дело в том, что после разрешения чешского вопроса все будут считать, что следующей на очереди будет Польша. Но чем позднее это предположение войдет в международную политику как определяющий фактор, тем лучше. Однако в этом отношении важно в настоящее время проводить германскую политику под хорошо известными и оправдавшими себя лозунгами права на автономию и расовое единство. Все другое может быть интерпретировано как откровенный империализм с нашей стороны и породит сопротивление нашему плану со стороны Антанты, которое начнется гораздо раньше и в более энергичной форме, чем то, которому могут противостоять наши силы».

Поэтому теперь были вновь повторены обычные заверения, а Гитлер и Риббентроп вновь и вновь выступали с самыми «чистосердечными» заявлениями.

Тем временем предпринимались обычные меры, и вслед за совещанием от 23 мая 1939 г., которое Редер охарактеризовал как академическую лекцию на тему о войне, была проведена окончательная военная, экономическая и политическая подготовка для войны против Польши, — и в назначенное время война началась.

«Победителя позднее не спросят о том, говорил ли он правду. В развязывании и ведении войны имеет значение не правда, а победа».

Это были слова Гитлера, но эти люди всякий раз и на каждой стадии повторяли и употребляли эти слова. Эта доктрина являлась краеугольным камнем нацистской политики. Шаг за шагом заговорщики достигли решающей стадии, бросили Германию в борьбу за установление господства в Европе и принесли всему миру неопишуемые страдания. Ни один из этих подсудимых не выступал против режима. Никто из них, за исключением Шахта, к значительной роли которого в создании нацистского чудовища я возвращусь позднее, не ушел в отставку, и даже он продолжал разрешать нацистскому правительству использовать свое имя.

После того как была оккупирована Норвегия, ход войны вскоре показал, что военные цели Германии и интересы ее стратегии будут достигаться путем дальнейшей агрессии.

Я не намерен сейчас занимать время для того, чтобы вновь касаться различных этапов их действий. Как заявил Гитлер на совещании в ноябре 1939 года, «нарушение нейтралитета Бель-

гии и Голландии не имеет значения. Никто не будет сомневаться в том, что когда мы победим, мы не будем говорить о нарушении нейтралитета, как это было в 1914 году».

Норвегия и Дания были оккупированы. Ни тогда, ни сейчас ничего не было представлено для оправдания оккупации Дании, но со стороны подсудимых были сделаны самые энергичные попытки в ходе этого процесса для того, чтобы доказать, что вторжение в Норвегию было предпринято лишь потому, что немцы были уверены, что союзники имели то же самое намерение. Даже если бы это было правдой, это не могло послужить ответом. Но германские документы совершенно опровергают предположения о том, что именно по этой причине немцы нарушили силой нейтралитет Норвегии. Гитлер, Геринг и Редер еще в ноябре 1934 года договорились о том, что (я цитирую) «никакая война не могла бы проводиться, если бы военно-морской флот не смог обеспечить безопасность импорта руды из Скандинавии».

Поэтому как только приблизился период битвы в Европе, 31 мая 1939 г. с Данией был заключен пакт о ненападении, последовавший за обычными заверениями, которые были уже даны Норвегии и Дании за месяц до этого.

С началом войны Норвегии были даны дальнейшие гарантии, за которыми 6 октября последовали новые заверения. Через четыре дня после этих заверений Гитлер обсуждал с Редером скандинавскую проблему и свои политические намерения в отношении северных государств, которые отражены в дневнике адмирала Асмана следующим образом: «Северогерманское сообщество с ограниченным суверенитетом и в полной зависимости от Германии».

9 октября, через три дня после его последних заверений, в своем меморандуме для информации Редера, Геринга и Кейтеля Гитлер писал об огромной опасности блокирования союзниками выхода для подводных лодок между Норвегией и Шотландией и о вытекающей отсюда важности «создания баз для подводных лодок помимо тех, которые имеются в Германии».

Характерно, что уже на следующий день Дениц представил отчет о сравнительных преимуществах различных баз Норвегии, после того как он обсудил этот вопрос за шесть дней до этого с Редером. Стратегические преимущества были очевидны для всех этих лиц, и неискренние заявления защиты о том, что вторжение в Норвегию было предпринято лишь потому, что ожидалось вторжение союзников, полностью разоблачаются после рассмотрения заявлений, содержащихся в меморандуме Гитлера, в абзаце, предшествующем тому, который я только что цитировал:

«Если только не появятся совершенно не предвиденные факторы, в будущем следует продолжать заверения в уважении их

нейтралитета. Продолжение торговли между Германией и этими странами кажется возможным даже в условиях затяжной войны».

В то время Гитлер еще не предвидел угрозы со стороны союзников.

Розенберг и заместитель Геринга Кернер еще в июне установили связь с Квислингом и Хагелином, и из последующего отчета Розенберга явствует, что Гитлера все время держали в курсе событий. В декабре настало время составлять планы, и соответственно на совещании между Гитлером и Редером было принято решение проводить подготовку к вторжению. Вскоре после этого Кейтелем и Иодлем были изданы необходимые директивы, и через определенное время, поскольку это вызывалось необходимостью, в проведение подготовки включились Геринг, Дениц и Редер.

9 октября, как я уже упоминал, Гитлер был вполне уверен в том, что северным государствам не грозит никакая опасность со стороны союзников. Все упоминавшиеся здесь отчеты разведывательной службы даже в самой отдаленной степени не подтверждают того, что предполагаемое вторжение основывалось — это звучит смехотворно — на необходимости самозащиты.

Верно, что в феврале 1940 года Редер указал Гитлеру на то, что в случае оккупации Норвегии Англией возникнет угроза поставкам руды из Швеции в Германию; однако 26 марта он сообщил, что в связи с прекращением русско-финского конфликта нельзя более считать серьезной угрозой высадку союзников. Тем не менее Гитлер предложил, чтобы вторжение, по поводу которого были уже изданы все директивы, было проведено в следующем новолунии, 7 апреля. Интересно отметить, что в личном военном дневнике Редера, подписанном им самим и начальником его оперативного отдела, содержится подобное же мнение, причем запись сделана за четыре дня до этого.

Если бы понадобились дальнейшие доказательства того, что при проведении вышеуказанных мероприятий совершенно не принималась во внимание возможность вмешательства со стороны Запада, их можно было бы обнаружить в телеграммах германского посла в Осло и германского посла в Стокгольме, а также германского военного атташе в Стокгольме, в которых германскому правительству сообщалось, что скандинавские правительства, нисколько не беспокоясь о вторжении британцев, опасаются, что именно немцы собираются произвести нападение.

Возможно, замечание, сделанное Иодлем, и его записи в дневнике от марта о том, что «Гитлер все еще ищет предлог», неуклюжие попытки Редера объяснить, что это замечание относится к содержанию дипломатической ноты, которая должна была быть послана, и уверения Риббентропа относительно того,

что ему сообщили об этом вторжении всего лишь за день или за два перед тем, как оно произошло, более чем что-либо иное позволяют сделать вывод о лживости этого защитительного аргумента. Еще раз все эти люди, каждый в своей сфере деятельности, сыграли заранее назначенные им роли, главным образом, разумеется, Розенберг, который прокладывал путь, Геринг, Редер, Кейтель, Иодль и Риббентроп, которые проводили в жизнь необходимые оперативные мероприятия. Никто из них даже не протестовал. Даже Фриче приводит в качестве единственного аргумента в свою защиту, что ему очень долго ничего не сообщали до самого момента, когда он, как обычно, должен был произнести речь по радио. Он даже не говорит о том, что протестовал. Вновь в нарушение всех договоров и гарантий было предпринято безжалостное вторжение на территорию двух стран лишь потому, что со стратегической точки зрения было желательно получить норвежские базы и обеспечить за Германией скандинавскую руду.

Так продолжалось и в дальнейшем. Югославия, судьба которой была определена еще до начала войны, Греция и затем Советская Россия. Из меморандума Гитлера, изданного спустя шесть недель¹, явствует, что подпись Риббентропа ничего не стоила. Гитлер замечает (я цитирую):

«Все стороны в течение последних лет показали, насколько ничтожно значение договоров о дружбе»...

...Тогда² и были изданы первые директивы по поводу нападения в другом направлении — против Советской России. Совершенно достоверно — и это следует отметить как интересное явление, — что в данном случае целый ряд подсудимых выступили с возражениями. При наступлении на маленькую Норвегию возражений не возникало: там не угрожала никакая опасность. При захвате мужественных Нидерландов и Бельгии имело место счастливое единодушие. Теперь, однако, речь шла о враге, который мог зажечь страх в сердце забияки. Возражения подсудимых основывались, конечно, исключительно на соображениях военного характера, хотя Редер и говорил, что в своих возражениях он руководствовался сознанием той моральной несправедливости, которую повлекло бы за собой нарушение германо-советского договора. Решать должны Вы. Эти угрызения совести со стороны подсудимого, которые могли бы найти прекрасное применение при целом ряде других случаев, нашли свое выражение лишь в инциденте, когда один из подчиненных ему офицеров захотел жениться на женщине сомнительной репутации.

¹ После германо-советского договора от 23 августа 1939 г. — Составители.

² В конце 1940 года. — Составители.

Дело в том, что к тому времени уже многие из этих людей¹ начинали предвидеть недоброе. Сопротивление, оказываемое Великобританией, заставило их призадуматься. Не вступит ли Гитлер в борьбу еще с одним противником, которого он не в силах победить? Однако после того как решение уже было принято, все они взялись за выполнение своих обязанностей и играли предназначенные им роли с обычным пренебрежением к законам морали и простой порядочности.

Ни в едином случае началу военных действий не предшествовало официальное объявление войны... Сколько тысяч безвинных и беззащитных мужчин, женщин и детей, спавших в своих постелях в счастливой уверенности в том, что их страна находится и будет находиться в состоянии мира, были внезапно перенесены в иной мир смертью, которая без всякого предупреждения упала на них с неба? В какой мере отличается вина подсудимых от вины простого убийцы, который бесшумно подкрадывается к своим жертвам, чтобы убить их и забрать себе их пожитки?

Как явствует из документа, в каждом отдельном случае мероприятия осуществлялись в соответствии с общим планом. Нападение должно было проводиться «блицартигшнель» — без предупреждения, с быстротой молнии: Австрия, Чехословакия, Польша. Редер повторял директивы Кейтеля по поводу «нанесения тяжелых ударов без предупреждения»: Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Россия. Как заявил Гитлер в присутствии многих из этих людей¹:

«Соображения по поводу того, справедливо это или нет и отвечает ли это имеющимся соглашениям, не имеют к этому никакого отношения».

Убийство солдат, во время войны оправдывается как международными, так и национальными законами лишь в тех случаях, если сама война носит законный характер. Если же война является незаконной не только как война, начатая без каких-либо предупреждений или объявлений, совершенно ясно, что убийства во время такой войны не могут быть ничем оправданы и что подобные убийства ничем не отличаются от убийств, совершаемых стоящими вне закона разбойничьими бандами.

Все эти люди знали об этих планах на той или иной стадии их развития. Каждый из них молчаливо соглашался с тактикой их проведения, прекрасно зная о том, что они должны были означать для человеческих жизней. Как же теперь может кто-либо из них заявлять о том, что он не являлся соучастником жесточайших убийств, получивших столь широкое распространение?

¹ То есть подсудимых. — Составители.

Сейчас, однако, я занимаюсь не вопросом об убийствах, уже одного совершения которых вполне достаточно для осуждения этих людей, а преступлениями против мира. С Вашего разрешения я хотел бы коротко рассмотреть этот вопрос с правовой точки зрения в связи с тем, что правительство Его Величества придает большую важность точному определению этого понятия и, насколько я понимаю, все Главные обвинители придают этому вопросу также большое значение.

«Выдающаяся» речь от имени защиты¹ совершенно недвусмысленна: ее целью было доказать, что, несмотря на то, что пакт Бриана — Келлога и другие международные декларации рассматривали агрессивную войну как незаконный акт, они не объявляли ее преступной. В качестве подтверждения заявляли, что эти соглашения и не могли признать агрессивную войну преступной, так как это противоречило бы суверенным правам государств, и что во всяком случае вся система запрещений войны рухнула перед началом второй мировой войны и перестала быть законом; далее, здесь утверждали, что все эти соглашения не принимались всерьез многочисленными юристами и журналистами, мнения которых здесь цитировались, и вообще не предназначались для того, чтобы их рассматривали серьезно, так как они даже не предусматривали разрешения проблемы мирного изменения статус-кво.

Что касается самого Парижского пакта², защита утверждает, что вообще не может быть и речи о преступном или даже незаконном нарушении Парижского пакта, так как по этому пакту всем государствам, включая Германию, самим разрешалось устанавливать, имеют ли они право начать войну в целях самозащиты. И, наконец, утверждалось, что государство вообще не может нести уголовной ответственности, а на случай, если это положение не будет принято, утверждалось, что преступление было совершено германским государством в целом, а не отдельными его членами, потому что в германском государстве, которое повело эту войну против всего мира, не существовало воли отдельных лиц, а была лишь одна верховная, не подвергающаяся контролю окончательная воля, воля его диктатора — фюрера.

Господин председатель, возможно, для меня было бы достаточно указать, что вся эта цепь аргументов не относится к существу дела и не может быть заслушана данным Трибуналом, так как содержание их противоречит Уставу, который безоговорочно устанавливает, что планирование — я подчеркиваю слово

¹ Ироническое замечание Х. Шоукросса относится к выступлению адвоката Ярайсса, который должен был «теоретически» обосновать позицию защиты на процессе. — Составители.

² См. том I, страницы 789 и 780. — Составители.

«планирование», — подготовка и развязывание агрессивной войны или ведение войны агрессивной или нарушающей международные договоры, соглашения и гарантии, являются преступлением, подсудным настоящему Трибуналу. Поэтому очевидно, что единственная возможность для подсудимых избежать ответственности заключается в том, чтобы убедить настоящий Трибунал, что эти войны не были агрессивными и не велись в нарушение договоров. Этого им сделать не удалось, и, поскольку это так, возникает вопрос, какова же цель тех аргументов, которые были здесь выставлены от имени подсудимых? Ставят ли они своей целью оспорить правомочность Трибунала рассматривать эти вопросы? Или, быть может, что более вероятно, эти аргументы представляют собой политическое воззвание, обращенное к какой-то находящейся вонне аудитории, на которую легче произвести впечатление жалобами на то, что подсудимых судят здесь на основании применения обратной силы закона?

Что бы ни являлось целью приведения этих доводов, весьма важно, чтобы они не были оставлены без опровержения. Я стремлюсь не занимать напрасно время Трибунала, повторяя то, что я уже сказал в своей вступительной речи по поводу изменений, возникших в понимании термина «война» в международном праве, происшедших в результате заключения целого ряда договоров и в особенности общего договора об отказе от войны. Я уже указывал, что этот договор, подписанный большим числом стран, чем любой другой международный договор, создал новые положения международного права, торжественности и ясности которых могут позавидовать другие договоры. Я также утверждал, что коренные изменения, которые они повлекли за собой, — и это чрезвычайно важно, хотя, в сущности, еще в период средневековья умели проводить грань между справедливыми и несправедливыми войнами, — нашли свое отражение в весьма весомых декларациях правительств и государственных деятелей. Я утверждаю, что эти положения международного права объявили незаконным обращение к войне в нарушение договоров, они также предусматривали, что при нарушении закона, которое влечет за собой гибель миллионов и прямое посягательство на самые основы цивилизации, перестает существовать различие между беззаконием и преступлением. Я не хочу также занимать время Трибунала, подробно отвечая на всю эту, если мне будет позволено ее так назвать, странную цепь правовых аргументов, выдвинутых защитой, как, например, на утверждение о том, что договор не имеет силы, которую ему придали подписавшие его страны, на том основании, что во многих кругах этот договор принимался с недоверием и цинизмом.

Для обычного правового мышления еще более странным представляется тот довод, что во всяком случае этот договор,

так же как и другие договоры и гарантии, заключенные впоследствии, потерял свою законную силу в 1939 году в связи с тем, что к этому времени распалась вся система коллективной безопасности. В качестве примера распада этой системы приводился тот факт, что в 1939 году Соединенные Штаты объявили себя нейтральным государством, как будто бы Соединенные Штаты были связаны каким-либо обязательством законного характера действовать иначе. Но какое значение имеет сейчас тот факт, что система, которая должна была укрепить эти договоры, предотвратить и покарать преступное обращение к войне, потерпела крах? Разве агрессивные действия Японии и Италии, двух других стран, вовлеченных в заговор оси, за которыми последовала агрессия Германии против Австрии и Чехословакии, лишили эти соглашения их законной и обязательной силы просто потому, что эти преступления увенчались временным успехом? С каких пор цивилизованный мир принял тот принцип, что в случае, если преступник временно избежал наказания, не только закон теряет свою обязательную силу, но и само преступление получает законное основание?

Следует, между прочим, отметить, что в случае как японской, так и итальянской агрессии Совет и Ассамблея Лиги Наций рассматривали эти действия как нарушение Устава Лиги Наций и всеобщего договора об отказе от войны и что в обоих случаях были изданы декреты о применении санкций. Возможно, что полицейские не действовали так эффективно, как этого хотелось бы. Но это уже вина полицейских, а не закона.

Однако, не удовлетворяясь тем поразительным утверждением, что агрессоры отменили закон против агрессии путем совершения самой агрессии ввиду нежелания миролюбивых государств братья за оружие для борьбы с направленными против них шантажом и попытками запугать, подсудимые подняли вопрос о самозащите. Они, правда, не решались утверждать, что эти войны являлись оборонительными. Так далеко не зашел даже Геббельс в своих самых диких измышлениях, но поскольку Парижский пакт сохранил не только право государств на самозащиту, но также и суверенное право каждого государства определять, можно ли при данных обстоятельствах оправдать самозащиту как повод к войне, то, по их мнению, он вообще не содержит в себе никаких обязательств правового характера. Мы категорически утверждаем, что это совершенно ложный аргумент. Действительно, в декларациях, изданных до и во время подписания и ратификации Парижского пакта, самозащита не только была признана неотъемлемым и неоспоримым правом стран, подписавших этот договор, но все эти страны сохранили за собой исключительное право решать, оправдывают ли данные обстоятельства применение этого права.

Таким образом, встает вопрос о том, уничтожило ли это право на самозащиту целевую установку и правовое значение этого договора. Если Германия имела право начать войну в целях самозащиты и если она совершенно свободно могла решать, при каких обстоятельствах она может применять это право, можно ли считать, что она нарушила торжественные обязательства этого договора? На этот вопрос защита пыталась ответить отрицательно. Но подобный ответ равняется утверждению о том, что торжественный договор, подписанный более чем шестьдесятю нациями, представляет собой лишенный всякого значения клочок бумаги. Результатом такого утверждения явилось бы то, что всякое запрещение или ограничение права на ведение войны ничего собой не представляет, если особо оговаривается право на самозащиту. Я настоятельно прошу Трибунал отвести этой пародии на правовую аргументацию то место, которое ей пристало.

Ни Парижский пакт, ни любой другой договор не намеревался и не мог отнять право на самозащиту. Этот договор также не лишал страны, подписавшиеся под ним, права определять, в первую очередь, грозит ли опасностью отсрочка и вызываются ли непосредственной необходимостью немедленные операции по самозащите.

Вот что означает оговорка, гласящая, что каждое государство само решает, необходимо ли выступление в порядке самозащиты. Но это не значит, что действующее таким образом государство является единственным судьей правильности и законности своих поступков. Оно действует на свой риск. Так же как отдельное лицо отвечает за использование своих прав на самозащиту по общему праву, так и государство несет ответственность, если оно злоупотребляет своей свободой действия, если оно превращает «самозащиту» в орудие завоеваний и беззакония, если оно превращает естественное право самозащиты в орудие хищнического увеличения территории и удовлетворения своих посягательств. Окончательное решение в отношении законности действия, которое объясняют необходимостью самозащиты, не принадлежит заинтересованному государству. По этой причине право на самозащиту независимо от того, оговорено оно особо или подразумевается, не уменьшает правомочности договора создавать правовые обязательства воздерживаться от войны.

Согласно Уставу Лиги Наций Япония первая имела право решать, оправдывалось ли применение силы в целях самозащиты событиями в Маньчжурии. Однако беспристрастной организации было поручено установить, и она действительно установила, что фактически не существовало оснований для выступления в порядке самозащиты.

В качестве еще более современного примера упомянем статью 51 Устава Объединенных Наций, которая гласит, что ничто в Уставе не умаляет неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самозащиту в случае вооруженного нападения. Однако Устав оставляет за Советом Безопасности категорическое право окончательного действия и решения. Следует надеяться на то, что приговор, который вынесет этот Трибунал, пресечет с соответствующей решительностью всякое желание в будущем ссылаться на то, что, если договор оговаривает за подписавшими его сторонами право действовать в порядке самозащиты, он тем самым теряет силу налагать на подписавшие его стороны какие-либо действенные правовые обязательства не вести войну.

Теперь я перейду к аргументу о том, что понятие об уголовной ответственности несовместимо с понятием о национальном суверенитете. Профессор Ярайсс, адвокат, выступавший от имени защиты по общеправовым вопросам, согласен с тем, что государство может совершить нарушение международного права, но он утверждает, что наложение на государство уголовной ответственности и наказание его явятся отрицанием суверенитета государства.

Странно видеть, что подсудимые, которые в качестве членов германского правительства опустошали большинство европейских государств и грубо попирали их суверенные права, которые с кичливым и чванливым цинизмом подчиняли суверенитет завоеванных государств новому понятию «гроссрауморднунге», странно видеть, что эти подсудимые взывают к мистической силе святости суверенитета государства. Не менее удивительно, быть может, что они обращаются к ортодоксальному международному праву для того, чтобы защитить побежденное германское государство и его правителей от справедливой кары победоносных держав. Но в международном праве не существует положения, к которому они смогли бы прибегнуть в этом отношении.

В некотором смысле настоящий процесс не ставит своей целью наказание германского государства. Он занимается наказанием отдельных лиц. Однако выглядело бы довольно странно, если бы отдельные лица несли уголовную ответственность за действия государства, которые сами не являлись бы по существу преступлениями. Совершенно беспочвенной является точка зрения, что положения международного права исключают уголовную ответственность государств и что, так как, будучи суверенными, государства не могут быть подвергнуты принуждениям, все их действия являются законными. Пусть пуристы права¹

¹ Пуризм — показное стремление к строгости нравов. В данном случае — показное стремление придерживаться определенных правовых доктрин. — Составители.

утверждают, что все, что не предписано сверху суверенным органом, уполномоченным принуждать к повиновению, не является законом. Такое понятие, которого придерживаются юристы-аналитики, никогда не применялось к международному праву. Если бы оно применялось, не могло бы существовать несомненных обязательств государств в отношении договоров и нарушений права.

Возможно, правильно, что до войны в международных отношениях не существовало верховного органа, который одновременно предписывал бы нормы международного права и требовал их соблюдения. Но, по крайней мере, в международных отношениях существование закона никогда не зависело от наличия соотносящейся с ним санкции, существующей помимо самого закона. Международное право всегда основывалось на принципе общего согласия, и, поскольку существует комплекс правил, которые по общему согласию или договору являются обязательными для членов всемирного сообщества, данные правила становятся законом для этого общества, несмотря на то, что согласие не было достигнуто путем принуждения и, быть может, не применялись санкции для того, чтобы обеспечить повиновение. Дело в том, что абсолютный суверенитет в старом смысле этого слова, к счастью, перестал существовать. Это — понятие, совершенно не соответствующее обязательствам, налагаемым любым международным договором.

В процессе работы Постоянной Палаты Международного Правосудия¹ ссылка на суверенные права государств стала избитым аргументом для доказательства того, что, так как государства суверенны, принятым ими договорным обязательствам следует давать, по крайней мере, ограниченное толкование. Постоянная Палата последовательно боролась с этой точкой зрения. В самом первом своем решении, решении против Германии по Вимбледенскому делу, она отклонила аргумент о суверенности как основание для ограниченного толкования договорных обязательств. Постоянная Палата отказалась рассматривать договор, согласно которому государство обязуется следовать определенной линии поведения, как отказ от своего суверенитета. Постоянная Палата напомнила Германии о том, что самое право принять на себя международные обязательства является атрибутом суверенитета государства. Право заключать договоры и право на свободу действия находятся, как мне кажется, в вечном противоречии.

Но точно так же, как отдельное лицо обеспечивает себе свободу тем, что придерживается законов, суверенные государства подобным же образом сохраняют свои суверенные права. Уже

¹ См. том I, страница 791. — Составители.

давно отказались от точки зрения, что, поскольку государство суверенно, оно не может быть подвергнуто принуждению.

Устав Лиги Наций в статье 16 предусматривал санкции в отношении суверенных государств, санкции, являющиеся не чем иным, как принуждением, очевидно принуждением, носящим характер наказания. Устав Объединенных Наций последовал этому примеру в еще более решительной форме.

Правильно, что из-за отсутствия инстанции, компетентной осуществлять принудительную юрисдикцию, уголовное преследование государств является беспрецедентным в истории права. Однако это в такой же степени относится к гражданской ответственности, которая, несомненно, существует, потому что ни один Международный Трибунал не сможет принудительно осуществлять свою юрисдикцию, если он не будет исходить в своем решении из этих договоров. Первый человек, которого судили за убийство, мог жаловаться на то, что ни один суд не разобрал такого дела ранее.

Процессуальные нормы, специфические меры наказания, соответствующие суды могут быть всегда определены последующей декларацией. Единственное нововведение настоящего Устава заключается в том, что он создал, с большим опозданием, организационный аппарат для проведения в жизнь уже существующего закона. Совершенно беспочвенными являются жалобы на то, что Устав декретирует применение обратной силы закона как в пункте, объявляющем агрессивные войны преступными, так и в декларации о том, что государство не может быть освобождено от уголовной ответственности.

Затем выдвигается следующий довод: даже если государство должно нести ответственность, то именно государство, а не отдельное лицо может быть привлечено к ответственности с точки зрения международного права. Этот довод повторяется в самых разнообразных формах. Говорят, например, что только государства, а не отдельные лица являются субъектами международного права. Однако такого положения в международном праве не существует.

Достаточно лишь упомянуть судебное преследование за пиратские действия, нарушение блокады или за шпионаж, чтобы натолкнуться на многочисленные примеры привлечения отдельных лиц к ответственности согласно нормам международного права.

Всегда признавалось, что совершение военных преступлений делает отдельных лиц субъектами международного права. В Англии и в США наши суды неизменно действовали, придерживаясь принципа, что общепринятые положения международного права являются обязательными для подданных и граждан страны. В основном такое же положение существует в большинстве других стран. В самой Германии статьей 4 Веймарской

конституции было установлено, что общепринятые положения международного права должны рассматриваться как составная часть германского федерального права. И, действительно, что это может означать, кроме того, что положения международного права являются обязательными для отдельных лиц? Разве мы должны отклониться от этого принципа только потому, что в данном случае имеем дело с тяжчайшими из преступлений — с преступлениями против мира, народов и преступлениями против человечности?

Закон — это нечто живое, развивающееся. Ни в какой другой области не является столь необходимым утверждать, что права и обязанности государств являются правами и обязанностями людей. Нелепо предполагать, что те, кто помогает, поощряет и содействует совершению преступления, те, кто выступает в качестве советника при совершении преступлений, сами ответственности не подлежат. В этом отношении преступления против международного права не отличаются от преступлений против национального права. Затем этот довод преподносится в другой форме: если данное действие совершено государством, то лица, которые являются орудием государства в его совершении, не несут личной ответственности и, как утверждают, имеют право прятаться за суверенитет государства.

Конечно, не приводится утверждение, что этот довод в какой-либо степени применим к военным преступлениям, а поскольку мы утверждаем, что каждый из данных лиц виновен в совершении бесчисленных военных преступлений, этот довод можно было бы просто отклонить как академический. Но, быть может, поступить так означало бы умалить ценность, которую этот судебный процесс представляет для дальнейшего развития международного права.

Правда, имеется ряд решений, в которых различные трибуналы утверждали, что одно государство не властно над другим суверенным государством или над его главой или представителем. Эти решения основывались на принципах взаимного признания прав и обычаев между нациями и на мирных и нормальных международных отношениях, они в действительности не зависят ни от какой «святости» суверенитета иностранного государства, за исключением тех случаев, когда само признание суверенитета способствует нормализации международных отношений. Они не оставляют места для утверждения, что лица, входящие в состав государственных органов, то есть те, кто стоит за действиями государства, имеют право укрываться за метафизическим единством, которое они создают и контролируют, — в тех случаях, когда по их указаниям это государство разрушает то самое взаимное признание прав и обычаев, на котором покоится международное право.

Предположим, что какое-нибудь государство пошлет на территорию другого государства группу лиц с указаниями убивать и красть. Будут ли эти лица пользоваться правом неприкосновенности потому, что, выполняя свое преступное задание, они действовали в качестве органа другого государства? Предположим, что отдельные лица, пославшие эту группу с грабительскими целями, попадутся в руки государства, которое подверглось нападению, — могут ли они ссылаться на право неприкосновенности? Я утверждаю, что, несомненно, не могут. Однако приведенный пример в точности соответствует данному случаю. В действительности эта попытка оставить преступление без наказания потому, что причина, побудившая к его совершению, носит скорее политический, нежели личный характер, не подкрепляется никаким правовым принципом, а основывается лишь на произвольных политических доктринах, относящихся скорее к области политики держав, чем к области права.

Наконец, указывается, что эти «несчастные» люди являлись лишенным власти орудием в руках Гитлера, которым приказывали то, что, по их словам, они делали против своей воли. Тот факт, что приказ был получен сверху, в качестве защитительного аргумента исключается Уставом, однако статья 8 предусматривает, что в известных случаях он может рассматриваться как смягчающее вину обстоятельство, если Трибунал сочтет, что этого требует справедливость.

Но Устав лишь регистрирует существующие положения права. В международном праве нет такого положения, которое предусматривало бы неприкосновенность лиц, выполняющих приказы, которые независимо от того, законны они или нет в стране, где они созданы, — являются явно противоречащими самому закону природы, из которого выросло международное право. Если международное право вообще следует применять, оно должно стоять выше национального права в том отношении, что оно должно определять законность или незаконность какого-либо действия, применяя критерии международного, а не национального права. Согласно любому критерию — критерию международного права, международной совести, согласно элементарному понятию человечности, эти приказы, если действительно эти люди действовали во исполнение приказов, были незаконными. Следует ли из этого, что этих людей надо оправдать?

Диктатура, за которой эти люди пытаются укрыться, была создана ими самими. Желая добиться для себя власти и положения, они создали систему, при которой они получали такие приказания. Продолжение существования этой системы зависело от продолжения оказываемой ими поддержки. Даже если и правда то, что сказал Иодль, а именно, что этих людей могли сместить, быть может, даже заключить в тюрьму, если бы они

не повиновались полученным ими приказам, — разве такой исход, во всяком случае, не был бы лучшим, чем если бы они отдавали себя в распоряжение начальников для совершения вышеупомянутых действий? Но это не соответствует действительности. Эти люди были членами тайных советов, они сами планировали, сами осуществляли запланированное и были единственными, кто мог советовать Гитлеру, удержать, остановить Гитлера, вместо того чтобы поощрять его в его дьявольских мероприятиях. Принцип коллективной ответственности членов правительства не является искусственной теорией конституционного закона. Он является основой защиты прав человека и общества народов; международное право правомочно защищать свое собственное существование, применяя этот закон.

Разрешите мне перейти к разделам III и IV Обвинительного заключения. В этих разделах идет речь о военных преступлениях и о тех преступлениях, которые мы называли, — и они действительно ими являются — преступлениями против человечности.

Что касается военных преступлений, то я хотел бы прежде всего высказать некоторые соображения правового характера. Нет необходимости давать пространные пояснения по поводу закона, касающегося военных преступлений, так как закон достаточно ясен и не вызывает никаких сомнений. Эти преступления по своим масштабам ужаснее всего, что было известно до сих пор, но тем не менее их легко квалифицировать согласно уже существующим нормам международного права.

Совершенно очевидно также, что они подсудны как национальному, так и международному Трибуналам. В данном случае полностью отсутствует применение обратной силы закона или применение законов постфактум. В положении Устава о том, что те, кто нес основную ответственность за совершение этих ужасных деяний, должен нести индивидуальную ответственность, нет ничего нового. Правильно, что юристы и государственные деятели, которые в прошлом в Гааге и в других местах составляли кодекс законов и устанавливали обычаи, с помощью которых мир пытался смягчить жестокости войны и охранить от ее крайностей не участвовавшее в военных действиях мирное население, даже не могли себе представить подобных массовых убийств.

Но убийство никогда не перестанет быть убийством только потому, что жертвами его являются не один человек, а десятки миллионов. Преступления не перестают быть преступлениями потому, что они совершаются по политическим мотивам. Эти преступления многочисленны и многообразны. Нет смысла приводить здесь их подробный перечень. Они весьма различны по количеству жертв: умерщвление пятидесяти военнопленных, бе-

жавших из Шталага Люфт-3; уничтожение сотен «командос» и летчиков; тысячи умерщвленных заложников из числа гражданского населения; десятки тысяч моряков и пассажиров, погибших во время проведения кампании пиратских атак; сотни тысяч военнопленных и гражданских лиц, умерших из-за лишений и жестокостей, которым их подвергали, если их вообще не убивали, многие миллионы убитых и жертв медленной смерти от голода, 6 миллионов из которых были уничтожены лишь потому, что они принадлежали к еврейской расе или исповедовали еврейскую религию.

Одно лишь число жертв не может служить настоящим критерием преступности действия. Величие смерти, сочувствие к невиновному, ужас и отвращение перед лицом подлости, совершенной по отношению к человеку, созданному по образу и подобию божьему, — все это не может явиться объектом математического подсчета. Тем не менее в известной степени цифры имеют отношение к делу, потому что мы не рассматриваем здесь случайные проявления жестокости, которые имеют место в ходе всякой войны.

Возможно, что война раскрывает лучшие черты в человеке, но в ней, несомненно, проявляются худшие его черты. Это не игра в крикет. В любой войне и, несомненно, в ходе и этой войны, причем безусловно с обеих сторон, было совершено множество жестокостей и зверств. Эти жестокости должны были казаться ужасными тем, по отношению к которым они были совершены. Я не хочу ни извинять, ни преуменьшать их. Однако они были явлением случайным, неорганическим и представляли собой отдельные действия отдельных людей. Мы рассматриваем здесь нечто совсем иное. Мы рассматриваем здесь систематические массовые действия, совершенные в результате преднамеренных расчетов, произведенных в высших кругах.

Таким образом, главным военным преступлением как по размаху, так и по масштабу, в котором мы обвиняем этих людей, является нарушение наиболее твердо установленных и наименее противоречивых правил ведения войны, а именно правил о том, что мирное население не должно являться непосредственным объектом военных действий. Какое издевательство пытались немцы совершить над четвертой Гаагской Конвенцией о законах и обычаях ведения войны, над Конвенцией, которая лишь формулировала то, что являлось уже прежде основным законом. «Честь и права семейные, жизнь людей и частная собственность, так же как религиозные убеждения и отправления религиозных культов, должны быть уважаемы».

Убийства миллионов мирных жителей, совершаемые по приказу германского правительства, члены которого сидят здесь на скамье подсудимых, производимые на территориях,

оккупированных военными частями, командиры которых сидят здесь на скамье подсудимых, независимо от того, были ли они совершены в ходе осуществления политики расового уничтожения, в результате или в связи с угоном на рабский труд, вследствие желания покончить с идейными и политическими руководителями стран, которые были оккупированы, или являлись частью общей политики террора, проводившегося путем массовых репрессалий против мирных жителей и заложников, — эти убийства миллионов мирных жителей являются военными преступлениями. В такой же мере эти преступления можно считать преступлениями против человечности.

Воображение и ум, потрясенные ужасом этих действий, не в силах вложить эти величайшие в истории преступления в сухую форму «военное преступление», употребляемую в учебниках. Тем не менее важно помнить, что именно таковы эти преступления. В основном, независимо от того, где они совершались и к какой расе или национальности принадлежали жертвы, — это были преступления против гражданского населения, совершенные вопреки законам войны вообще и законам военной оккупации в частности. Истина состоит в том, что массовые, преднамеренные, систематические убийства стали неотъемлемой частью хорошо укрепившейся и по видимости не тревожимой опасениями системы военной оккупации. Никто не пытался оспаривать, что это является военным преступлением. Однако были сделаны попытки оспаривать незаконность трех других групп действий, которые также инкриминируются этим людям: угона на рабский труд в Германию, преступлений на море в связи с подводной войной и расстрела бойцов «командос». Разрешите мне кратко остановиться на этих вопросах.

Угон гражданского населения на рабский труд безусловно является преступлением как с точки зрения международных обычаев, так и с точки зрения общепринятых норм международного права, сформулированных в Гаагской Конвенции. Статья 46 четвертой Гаагской Конвенции предусматривает, что оккупирующая держава должна уважать «честь и права семейные» и «жизнь людей». Статья 52 той же Конвенции устанавливает, что «нельзя требовать от муниципалитетов и населения никаких услуг, кроме тех, которые необходимы для нужд оккупационной армии», и что «они должны находиться в соответствии с ресурсами страны и должны носить такой характер, чтобы не накладывать на население обязанности принимать участие в военных действиях против их родной страны».

Эти простые и четкие формулировки мы должны противопоставить потрясающим масштабам мероприятий, которые направлял подсудимый Заукель и в которых принимали участие другие подсудимые. Мы должны их противопоставить той без-

жалостности, с которой мирных жителей отрывали от их семей, привычной обстановки и работы, условиям, в которых их перевозили, обращению, которому их подвергали по прибытии, условиям, в которых они работали и умирали тысячами и десятками тысяч, характеру работы, которую их принуждали выполнять в качестве непосредственных участников процесса производства вооружения, боеприпасов и других орудий войны против их собственной страны и против народа, к которому они принадлежали.

Кажется, высказывалось предположение, что запрещения, сформулированные в международных законах, в известной степени устарели перед лицом современного развития тотальных войн, которые предусматривают широчайшее использование и эксплуатацию материальных ресурсов оккупированной территории и ее рабочей силы. Признаюсь, что я лично не понимаю, каким образом размах деятельности, которую собирается вести воюющая сторона, размер усилий, которые она должна совершить для того, чтобы избежать поражения, может расширить ее права по отношению к мирному населению или позволить ей отменить законы ведения войны. Мы не можем постфактум отменить установления международного права для оправдания его нарушителей.

Не существует также и тени правового обоснования, которое могло бы в какой-либо степени изменить положение вещей, явившись оправданием их преступлений, совершенных на море, — преступлений, которые стоили жизни 20 тысячам одних лишь британских моряков. Мы не должны строить обвинение лишь на нарушении общепринятых правил ведения войны в том виде, как они сформулированы в Лондонских протоколах от 1930 и 1936 гг., подписанных Германией и запрещающих потопления без предупреждения или даже с предупреждением, если не были приняты необходимые меры для спасения пассажиров и команды.

Мы не должны увлекаться здесь интересным спором о том, изменяет ли практика вооружения торговых судов положение вещей. Не следует также терять времени на рассмотрение вызывающего удивление заявления о том, что потопление нейтральных судов получило законную силу в результате издания письменного приказа, запрещающего этим судам не входить в определенную военную зону, над которой Германия осуществляла непосредственный контроль, но появление их на всей колоссальной территории всех семи морей.

Нет необходимости в таком рассмотрении хотя бы потому, что ни одно положение не вызывает споров по поводу его правовой основы. Если Вы считаете доказанным, что следовало предпринимать шаги для того, чтобы не дать спастись

пассажирам и команде с тонущих судов, что было указание применять оружие, исключавшее всякую возможность спасения, если Вы считаете все это доказанным, то для Вас не явится никакого сомнения в том, что все, что совершалось, противоречило закону. Не может явиться оправданием то обстоятельство, что спасение мирных людей влекло за собой большой риск для нападающих. Убийца не может быть прощен вследствие того, что он заявляет, что ему было необходимо убить жертву для того, чтобы впоследствии она не могла опознать его.

То же относится к приказам об уничтожении бойцов «командос». Новые методы ведения войны, новые формы нападения сами по себе не отменяют уже установленных норм права.

Святость жизни одетого в форму солдата, который сдается в плен, выполнив свой долг и не совершив никаких военных преступлений до того, как он был захвачен в плен, является и — я прошу Вас провозгласить это — останется неизблемым принципом международного права. Те, кто независимо от мотивов, которые ими руководят, попирают этот принцип вопреки закону, человечности и нормам рыцарского поведения, должны заплатить за это хотя бы тогда, когда, наконец, торжествует закон.

Я не буду более останавливаться на этом вопросе или детализировать другие типы военных преступлений, которые содержатся в Обвинительном заключении, потому что все эти действия, различные по способу и методу их совершения, несомненно являлись преступлениями против установленного закона. Трибунал должен будет лишь подтвердить закон и решить вопрос о том, в какой мере эти подсудимые замешаны в его нарушении...

...По самому своему размаху военные преступления являлись преступлениями против человечности. Преступления против человечности были в еще большей степени военными. Однако преступления против человечности, рассмотрение которых входит в юрисдикцию данного Трибунала, ограничиваются следующим: они должны являться преступлениями, совершение которых известным образом было связано с планированием или осуществлением преступлений против мира или военных преступлений в точном смысле этого слова, которые вменяются в вину подсудимым. Такова квалификация, которую дает статья 6 Устава.

Однако соображения, применимые в данном случае, отличаются от тех, которые касаются других типов нарушений — преступлений против мира или обычных военных преступлений. Вы должны считать доказанным не только то, что совершенные действия являлись преступлениями против человечности,

но также и то обстоятельство, что совершение их не являлось чисто внутренним делом, а что прямо или косвенно оно было связано с преступлениями против других стран и народов, и что эти преступления, в частности, были предприняты для того, чтобы помочь нацистской партии в проведении ее политики достижения господства с помощью агрессии или в устранении политических противников — престарелых евреев, существование которых могло помешать проведению политики тотальной войны.

Предположим, что в тот период расовая политика, направленная против евреев, являлась лишь обратной стороной доктрины расы господ. В «Майн кампф» Гитлер заявил, что одним из решающих факторов в поражении Германии в 1918 году было то, что немцы не сумели осознать значение... расовой проблемы и еврейской угрозы. Борьба против евреев являлась одновременно секретным оружием — надежным оружием пятой колонны, направленным на раскол и ослабление демократических держав, и методом объединения германского народа для ведения войны. В речи 4 октября 1943 г. Гиммлер ясно указал, что все мероприятия, направленные против евреев, были тесно связаны с военной политикой. Он заявил:

«Потому что мы знаем, как трудно было бы нам сейчас, если бы... сегодня евреи населяли каждый город, тайно саботируя, проводя агитацию и сея беспокойство».

Таким образом, преступления против евреев в той мере, в какой они являются преступлениями против человечности, а не военными преступлениями, представляют собой преступления, которые мы вменяем в вину, так как они тесно связаны с преступлениями против мира.

Такая квалификация является, несомненно, очень важной, и это обстоятельство не всегда оценивается теми, кто поставил под вопрос возможность применения данной юрисдикции. Оставляя место для изменений в свете этой квалификации, мы, однако, полагали правильным рассматривать действия, которые уголовное право всех стран, естественно, определило бы как преступные: убийство, уничтожение, порабощение, преследование по политическим, расовым или экономическим соображениям. Все эти действия, совершенные по отношению к населению воюющей страны или, как это было в данном случае, совершенные по отношению к населению оккупированной территории, являлись обычными военными преступлениями, судебное расследование которых не представит ничего нового.

Будучи совершены в отношении других, они явились бы преступлениями против национального права, если бы германское право, отступающее от всех установлений цивилизованного судопроизводства, не разрешало бы совершение их

государству или лицам, действующим от имени государства. Хотя это обстоятельство ни в коей мере не поставит данных подсудимых в более тяжелое положение, народы, подписавшие Устав данного Трибунала, сочли необходимым и правильным в интересах цивилизации заявить, что такие действия, даже если они были совершены в соответствии с законами германского государства, созданного и управляемого этими людьми и их вожаками, являлись в том случае, если они совершались с намерением задеть интересы международного сообщества, то есть в связи с другими вменяемыми в вину преступлениями, не только действиями внутреннего характера, но преступлениями против международного права.

Я не преуменьшаю значения, которое будет иметь для будущего политическая и правовая доктрина, связанная с этим. В обычных случаях международное право предоставляет государству решать вопрос о том, как оно будет обращаться со своими собственными подданными; этот вопрос является предметом внутренней юрисдикции, и хотя социальный и экономический совет ООН стремится сформулировать хартию прав человека, Устав Лиги Наций и Устав ООН признают это общее положение.

Однако международное право в прошлом стремилось установить предел суверенности государства и установить такое положение, при котором человек, являющийся основным субъектом всякого закона, не лишается права защищать человечество в том случае, если государство попирает его права таким образом, который возмущает совесть человечества. Гроций, создатель основ международного права, в известном смысле имел в виду этот принцип еще в то время, когда различие между справедливой и несправедливой войной было установлено более ясно, чем в XIX столетии; он называл справедливой войну, предпринятую для защиты подданных иностранного государства от несправедливостей, совершаемых его правителями. Он утверждал в отношении жестокостей, совершаемых тиранами против своих подданных, что вмешательство в таком случае является оправданным, поскольку «права социальных связей в таком случае не уничтожаются». Та же мысль была высказана Джоном Уэстлейком, самым выдающимся из британских теоретиков международного права. Он писал:

«Бесполезно в таких случаях настаивать на том, что долг соседних народов состоит в том, чтобы спокойно наблюдать за происходящим. Законы созданы для людей, а не являются плодом воображения, а поэтому эти законы не должны создавать или терпеть таких ситуаций, которые являются нетерпимыми».

Исходя из той же точки зрения, действовали европейские державы, когда в прошлом они выступали на защиту христиан,

подвергаемых в Турции жесточайшим преследованиям. Право гуманного вмешательства путем войны не является новеллой в международном праве. В таком случае может ли юридическое вмешательство быть незаконным? Устав Трибунала предусматривает благотворный принцип, гораздо более ограниченный, чем некоторые того бы желали, и содержит предупреждение для будущих диктаторов и тиранов, маскирующихся под законное государство, предупреждение о том, что если для того, чтобы содействовать своим преступлениям против сообщества народов, они будут пренебрегать святостью прав человека в своей собственной стране, они поставят самих себя под угрозу, поскольку тем самым оскорбят международное право народов.

Что касается критики относительно применения обратной силы закона, о которой говорится, что она объявляет преступным то, о чем совершавший действия не знал, что оно является таковым во время совершения им преступных действий, то как она может быть применена здесь?

Вы не оставите без внимания, даже если эти подсудимые постоянно пренебрегали ими, бесчисленные предупреждения, делавшие иностранными государствами и иностранными государственными деятелями по поводу линии, которой придерживалась Германия до войны. Несомненно, эти люди рассчитывали на победу и мало думали о том, что сами они будут призваны к ответу. Но можно ли позволить хоть одному из них говорить здесь, что если он вообще знал об этих вещах, он не знал, что они были преступлениями, вопиющими к небу об отщепенности?

Разрешите мне сначала обратиться к тому, что они делали с военнопленными, так как только это одно, самое явное из всех преступлений, требует их осуждения и навсегда кладет пятно на честь германского оружия.

8 сентября 1941 г. за подписью генерала Рейнеке, начальника управления по делам военнопленных при верховном командовании, были изданы правила по обращению с советскими военнопленными во всех лагерях для военнопленных.

Они являлись результатом соглашения с СС и гласили следующее:

«Большевистский солдат поэтому потерял право претендовать на обращение с ним, как с честным противником, в соответствии с Женевской Конвенцией. Следует действовать безжалостно и энергично при малейшем намеке на неповиновение, особенно в тех случаях, когда речь идет о большевистских фанатиках. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно сломлены силой оружия (штыки, приклады и огнестрельное оружие)...

При выполнении этого приказа каждый, кто не употребит своего оружия или употребит его с недостаточной энергией, подлежит наказанию... В военнопленных, пытающихся бежать, следует стрелять без предварительного оклика. Не производить предупредительного выстрела. Использование оружия против военнопленных является, как правило, законным...

Внутри пространства, огороженного колючей проволокой, лагерная полиция может быть вооружена палками, кнутами или другим оружием такого рода для того, чтобы иметь возможность эффективно выполнить свой долг.

Далее в этих правилах содержится указание об изоляции гражданских лиц и политически неблагонадежных военнопленных, взятых в плен в течение восточной кампании.

После того, как указывается, что важной задачей вооруженных сил является отделяться от всех тех элементов среди военнопленных, которых можно рассматривать как носителей и возбудителей большевизма, подчеркивается, что для этого необходимы особые меры, свободные от бюрократических административных влияний; соответственно как метод для достижения «намеченной цели» предлагается передавать таких лиц полиции безопасности и СД.

То, что Кейтель, который непосредственно отвечает за этот приказ, прекрасно знал, что именно под ним подразумевалось, ясно из меморандума адмирала Канариса от 15 сентября 1941 г., являющегося протестом, в котором точно излагается правовая сторона этого вопроса:

«Женевская Конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными.

С XVIII столетия эти принципы постепенно устанавливались на той основе, что пребывание в плену не является ни мстью, ни наказанием, но лишь только превентивным заключением, единственной целью которого является исключение возможности дальнейшего участия солдат в войне. Этот принцип развивался в соответствии с разделявшейся всеми армиями точкой зрения о том, что убийство беспомощных людей или нанесение им увечий противоречит военной традиции...

Приложенные к сему декреты об обращении с советскими военнопленными базируются скорее на противоположной точке зрения».

Далее Канарис указывал на скандальный характер приказов о применении оружия охраной и о вооружении лагерной полиции дубинками и кнутами.

На этом меморандуме Кейтель написал (я уже напоминал об этом утром): «Возражения возникли из военной идеи о ры-

царском ведении войны. Это — подрыв идеологических основ. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры. К.»

После изучения этого документа вряд ли может остаться сомнение в том, что Кейтель знал, что передача пленных полиции безопасности и СД должна была означать их ликвидацию.

Канарис пишет о проверке нежелательных лиц (я цитирую): «Решение их судьбы определяется эйнзатцгруппами полиции безопасности и СД», о которых Кейтель, в особенности выделяя полицию безопасности, говорит как об «очень действенных»; в то время как в связи с дальнейшей критикой Канариса о том, что «принципы, на которых они строят свои решения, неизвестны военным властям», Кейтель замечает: «ни в какой мере».

Параллельная инструкция для полиции безопасности и СД содержит соглашение с верховным командованием; после приказа о тесном сотрудничестве между сотрудниками полиции и комендантами лагерей и списка лиц, подлежащих передаче, эта инструкция гласит:

«Казни не должны проводиться в лагере. Если лагеря в генерал-губернаторстве расположены в непосредственной близости от границы, заключенных нужно перевести, если это возможно, на советско-русскую территорию для специального обращения с ними».

Нет необходимости напоминать Вам о количестве показаний, которые были даны в связи с численностью советских и польских заключенных, содержащихся в концентрационных лагерях. О том, чтобы судить, каково было обращение с ними, достаточно вспомнить лишь отчет коменданта концентрационного лагеря Гросс-Розен, который докладывал 23 октября 1941 г. о расстреле 20 русских заключенных между 5 и 6 часами дня, и циркуляр Мюллера из той же книги документов, в котором говорится:

«Коменданты концентрационных лагерей жалуются на то, что от 5 до 10 процентов советско-русских людей, приговоренных к смертной казни, прибывают в лагеря мертвыми или полумертвыми. Поэтому создается впечатление, что постоянные лагеря (шталаги) этим путем избавляются от таких пленных».

В особенности было замечено, что при переходе пешком, например, по дороге от станции железной дороги до лагеря, значительное число военнопленных падает мертвыми от истощения или полумертвыми от голода и их должна подбирать идущая сзади грузовая машина.

Нельзя предотвратить того, чтобы немецкое население не замечало этих случаев».

Обратил ли кто-нибудь из подсудимых внимание на эти события, которые не могли быть скрыты от немецкого народа? Я продолжаю:

«Хотя подобные перевозки до концлагерей, как правило, осуществляются германской армией, население все-таки запишет такое положение дел на счет СС.

Для того чтобы в будущем по возможности избежать подобных явлений, я приказываю, чтобы с сегодняшнего дня всех советских пленных, в отношении которых существует подозрение в заболевании и с очевидностью обреченных на смерть (например, от сыпного тифа) и поэтому неспособных больше к напряжению, связанному с краткими пешими переходами, в будущем в основном исключать из списков перевозимых в концентрационные лагеря для смертной казни.

Прошу немедленно дать соответствующие указания командирам эйнзатцкоманд».

2 марта 1944 г. начальник полиции безопасности и СД направил своим местным отделам следующий приказ ОКВ относительно обращения с пленными, захваченными при попытке к бегству. За исключением англичан и американцев, которых следовало возвращать в лагеря, все остальные подлежали отправке в Маутхаузен, где с ними расправлялись согласно инструкции под шифром «Кугель» («Пуля»), которая, как Трибунал помнит, предусматривала немедленный расстрел. В случае наведения справок родственниками, другими заключенными, странами-гарантами и Международным Красным Крестом следовало поступать таким образом, чтобы судьба этих людей, солдат, единственное преступление которых заключалось в том, что они выполняли свой долг, осталась навсегда неизвестной.

Вскоре после издания приказа об операции «Кугель» 80 английских офицеров королевских воздушных сил совершили попытку к бегству из Шталага Люфт-3 для военнопленных летчиков, находящегося в Сагане. Подсудимые, непосредственно связанные с этим вопросом, не отрицали, что расстрел 50 офицеров из этого числа являлся умышленным убийством и был осуществлен согласно решению, принятому высшими инстанциями. Несомненно, что Геринг, Кейтель и, возможно, Риббентроп принимали участие в принятии этого решения и что Йодль, Кальтенбруннер и Риббентроп, если даже он и не принимал непосредственного участия, были прекрасно осведомлены об этом в то время. Факт участия Геринга в принятии этого решения с несомненностью вытекает из следующих трех обстоятельств:

1. Приказ был отдан Гитлером.

2. Вестгоф — начальник управления по делам военнопленных в ОКВ заявил, что, как сообщил ему Кейтель, Геринг по-

рицал его за то, что он не присутствовал на заседании, на котором принималось это решение.

3. В министерстве Геринга, которое было ответственно за обращение с военнопленными летчиками королевского воздушного флота, Вальде слышал 28 марта о приказе на заседании начальников штабов и сказал об этом генералу Крошу. Крош сообщил об этом Форстеру, который немедленно отправился к Мильху, начальнику штаба Геринга, и вновь возвратился к Крошу с тем, чтобы уведомить его о том, что Мильху уже передано это сообщение, и чтобы он сделал необходимые замечания. Вы сами решите, может ли существовать большее вероломство, чем отказ Геринга и Мильха признаться в том, что они принимали участие в принятии решения.

Кейтель признал, что Гитлер приказал «передать их СД» и что «он боялся», что их могут расстрелять. Он заявил своим офицерам Гревенитцу и Вестгофу (я цитирую): «Мы должны дать урок. Они будут расстреляны, а, возможно, некоторые — уже расстреляны». Когда Гревенитц запротестовал, он добавил: «Мне наплевать». На основании этих показаний его собственных офицеров, без сомнения, вопрос о его соучастии вполне ясен.

Йодль заявил, что в то время, когда Гиммлер докладывал о побеге, он разговаривал по телефону в соседней комнате. Вдруг он услышал громкий разговор и, подойдя к дверям с тем, чтобы узнать, в чем дело, понял, что речь шла о побеге военнопленных из Сагана. Неправдоподобно, чтобы при данных обстоятельствах, даже если он сам и не принимал участия в решении, он не узнал бы о нем от Кейтеля тут же после совещания. И зная об этом, он продолжал выполнять свою часть работы в заговоре.

Что касается виновности Кальтенбруннера, то на заседании, на котором Вальде было сообщено об этом решении, присутствовали также Мюллер и Небе — подчиненные Кальтенбруннера. И, наконец, решающим доказательством являются показания Шелленберга относительно беседы между Небе, Мюллером и Кальтенбруннером, состоявшейся в то время по поводу запроса, присланного Международным Красным Крестом, относительно 50 английских и американских военнопленных. Шелленберг слышал, как Кальтенбруннер давал указания своим подчиненным относительно того, какой ответ следует дать на этот щекотливый запрос, и никто не может сомневаться в отношении полной осведомленности Кальтенбруннера в этом вопросе.

В настоящее время общепризнано, что ответ, направленный Риббентропом странам-гарантам и Международному Красному Кресту, представлял собой сплошную ложь. Следует ли верить

тому, что Риббентроп также не участвовал в принятии этого решения? То, что любой из этих подсудимых был бы готов принять подобное решение сам лично или согласиться с ним в случае, если оно будет принято Гитлером, — вполне ясно, как мы полагаем из приказов о линчевании и расстрелах летчиков, которых немцы называли террористами. Эти документы свидетельствуют о том, что ни Кейтель, ни Иодль не испытывали никаких колебаний в данном вопросе, в то время как Геринг и Риббентроп были согласны с проектом приказа.

Вспомните те совещания, которые предшествовали этой переписке, — прежде всего совещание между Герингом, Риббентропом и Гиммлером, на котором было решено изменить (я цитирую): «первоначальное предложение, сделанное имперским министром иностранных дел, который предлагал считать любые террористические акты в отношении германского гражданского населения действиями, оправдывающими такого рода меры».

В заключение было сказано:

«Суд Линча должен стать общим правилом».

На последующем совещании между Варлимонт и Кальтенбруннером было решено, что (я цитирую): «те летчики, которым удалось избежать суда Линча, должны в соответствии с порядком, который будет установлен, передаваться с тем, чтобы быть подвергнутыми «особому обращению».

И, наконец, Кейтель сделал следующую пометку на деле: «Я против судебной процедуры. Она не оправдывает себя».

Подобные же доказательства мы находим при рассмотрении точки зрения, принятой в феврале 1945 года, когда Гитлер хотел отказаться от соблюдения Женевской Конвенции.

Дениц тогда посоветовал, что (я цитирую): «лучше было бы провести те меры, которые будут сочтены необходимыми, без предупреждения и любой ценой сохранить свою репутацию перед внешним миром». С этим решением согласились представители Иодля и Риббентропа.

Их защитительный довод, заключающийся в том, что эта мера была лишь чисто тактической и что фактически они не намеревались совершать какие-либо конкретные действия, опровергается меморандумом Иодля по всему этому вопросу (я цитирую):

«Насколько неправильным было то, что мы в 1914 году сами торжественно объявили войну всем тем странам, которые в течение долгого времени хотели вести войну против нас, и из-за этого в глазах всего внешнего мира полностью возложили на свои собственные плечи всю вину за войну, и насколько неправильно было признать, что необходимый проход войск через Бельгию в 1914 году был нашей собственной ошиб-

кой, настолько же неправильно было бы сейчас открыто отказаться от принятых нами обязательств международного характера и, таким образом, снова выглядеть виновной стороной в глазах внешнего мира».

После этого примечательного заявления он добавил, что ничто не могло помешать ему потопить английское госпитальное судно в порядке репрессалий, а потом выразить свое сожаление и назвать это потопление ошибкой...

...Я хочу очень кратко рассмотреть вопрос об использовании военнопленных согласно статье 31 Женевской Конвенции. Это использование военнопленных разрешалось на некоторых работах, связанных с подготовкой сырья для военной промышленности. Но заявление, сделанное Мильхом на заседании центрального управления по планированию 16 февраля 1943 г. в присутствии Шпеера и Заукеля, не имело никакого законного оправдания. Он сказал:

«Мы обратились с просьбой издать приказ о том, что определенный процент людей, работающих в противовоздушной артиллерии, должны составлять русские. Всего для этой цели потребуется 50 тысяч человек...»

Такое использование военнопленных было явно незаконным. Ни у кого не могло возникнуть по этому поводу ни малейшего сомнения.

В протоколах не записано по этому поводу никаких возражений. Там не отмечено, что Геринг или кто-нибудь из других лиц, которые должны были прочесть эти протоколы и должны были знать, что происходило, не видели что-либо необычайное в этом грубом нарушении существующих правил со стороны человека, занимавшего в то время пост руководителя германских военно-воздушных сил.

Те циничные выражения, в которых Гиммлер 4 октября 1943 г. в Познани говорил о русских военнопленных, захваченных в первые дни кампании, следует здесь процитировать с тем, чтобы они вошли в историю:

«В то время мы еще не ценили человеческие массы так, как мы ценим их сейчас, то есть как сырье, как рабочую силу. То, что военнопленные десятками и сотнями тысяч умирали от голода и истощения, сейчас вызывает сожаление, так как при этом терялась рабочая сила; однако, рассматривая это в масштабах поколений, в этом раскаиваться не стоит».

Я перехожу к вопросу об убийстве «командос».

Доказательства, представленные в связи с приказом о «командос» от 18 октября 1942 г., показывают, что в этом деле были непосредственно замешаны Кейтель, Иодль, Дениц, Редер, Геринг и Кальтенбруннер. Согласно статье 30 Гаагских Правил:

«Шпион, захваченный на месте преступления, не должен подвергаться наказанию, не будучи предварительно предан суду».

Даже правила, содержащиеся в памятной книжке каждого немецкого солдата, предусматривают, что «сдающийся враг не должен быть убит даже в том случае, если он партизан или шпион. Захваченные таким образом лица должны быть наказаны по приговору суда».

Эти люди не были шпионами, это были солдаты в военной форме. Здесь не утверждалось, что хотя бы один человек, с которым расправлялись по этому приказу, до расстрела был подвергнут суду. С точки зрения закона нет оправдания тем подсудимым, которые передавали и применяли этот отвратительный приказ; даже Иодль признал, что при проведении этого приказа в жизнь совершались убийства, а Кейтель в сознании своего позора признал его незаконность.

Редер признал, что этот приказ не соответствовал праву; даже Дениц заявил, что, после того как теперь ему стали известны действительные факты, он более не считает этот приказ правильным. Единственные защитительные аргументы, выдвинутые в этой связи, заключались в том, что каждый подсудимый не приводил этого приказа в исполнение, что он считал первый параграф приказа оправдывающим эти действия в качестве репрессалий, что он делал все возможное, чтобы уменьшить воздействие этого приказа, и что он не смел подвергать сомнению спущенные сверху директивы. Но никто из них серьезно не опроверг того, что передача в руки СД в этом контексте буквально означала расстрел без суда.

Ответом на эти защитительные доводы в той мере, в какой эти доводы не являются попросту бесчестными, может служить следующее: предосторожности, предпринимаемые в целях безопасности, о которых упоминалось в самом приказе, с исключительной ясностью говорят о том, что факты, упомянутые в первом параграфе, не представляют собой оправдания, которое можно было бы вынести на дневной свет. Небольшие предосторожности были предприняты в связи с приказами «Пуля», «Мрак и туман» и другими подобными им зверскими приказами. То, что инцидент с заковыванием в кандалы, имевший место в Дьеппе, не имел ничего общего с этим приказом, явствует из меморандума, исходящего из штаба Иодля и датированного 14 октября 1942 г., в котором говорится, что Гитлер ставил своей целью прекратить метод ведения войны при помощи «командос», заключающийся в том, что высадившиеся небольшие отряды при помощи подрывных операций и другими методами приносили колоссальный урон и затем сдавались в плен.

Отмена этого приказа в 1945 году является дальнейшим доказательством того, что люди, несущие за него ответственность, признавали свою вину, которая, возможно, получила наилучшее свое выражение в записи в дневнике военных действий военно-морского штаба относительно расстрела «командос», захваченных в военной форме в Бордо. «Новое в международном праве» — так озаглавлен этот отрывок. Тем не менее Редер и начальник его штаба с готовностью поставили свои инициалы под этим отрывком из дневника. Осведомленность Кальтенбруннера об этом приказе ясно вытекает из его письма от 23 января 1945 г. в штаб по планированию при командовании вооруженными силами, в котором он детально останавливался на этом приказе и обсуждал его применение к отдельным категориям лиц. Некоторые лица уже были приговорены к смерти за приведение в исполнение этого приказа, лица, единственный защитительный довод которых состоял в том, что они выполняли приказ своих начальников. Я имею в виду членов СД, которые были казнены в Норвегии за убийство экипажа МГБ-345, и генерала Достлера, казненного в Италии. Бесчисленные выдержки из их собственных записей являются доказательствами против этих подсудимых. Неужели они избегают кары? Вы припомните, как реагировал в 1944 году нацистский суд на попытку оправдаться выполнением приказов сверху. Приказ о «командос» по своей жестокости и зверству не может сравниться даже с приказом «Мрак и туман» от 7 декабря 1941 г.

В директиве Гитлера, подписанной Кейтелем, после указания — карать смертью всех лиц, своими действиями ставящих под угрозу безопасность оккупируемых держав, указывается, что лица, расправа над которыми не может быть произведена в наикратчайший срок, должны перевозиться в Германию, причем таким образом, чтобы не поступало никаких дальнейших известий об их судьбе. Сопроводительное письмо Кейтеля от 12 декабря приводит следующее основание этому:

«Эффективного и длительного устрашения можно добиться или решительными карами или путем мероприятий, при которых родственники лиц, совершивших преступление, и население не будут знать об их судьбе. Эта цель достигается увозом преступников в Германию».

Интересно противопоставить это заявление, написанное в то время, когда Кейтель считал, что Германия выигрывает войну, тому, что он показал перед Трибуналом.

...В феврале 1944 года этот приказ все еще проводился в жизнь, причем комендантам примерно 18 концентрационных лагерей напомнили о целях этого приказа и указали, как избавиться от трупов лиц, заключенных согласно приказу «Мрак и

туман», не обнаруживая места их смерти. Обращение с этими военнопленными описывалось здесь норвежским свидетелем Каппеленом, и члены Трибунала не забыли его рассказа о переброске 2500—2800 заключенных согласно приказу «Мрак и туман» из одного концентрационного лагеря в другой в 1945 году, когда в пути погибло 1347 человек. Пускай мы, говорящие о человеческом достоинстве, не забудем этого.

«Мы были так слабы, — показал Каппелен, — что не могли идти достаточно быстро. Они схватили свои ружья и изо всех сил ударили ими по головам людей, идущих в пятерке непосредственно перед нами. Это действие сопровождалось возгласами: «Если вы не будете идти так, как полагается, вы увидите, что с вами будет...». Наконец, после шести-восьми часов ходьбы мы подошли к железнодорожной станции. Было очень холодно, и на нас, конечно, была только полосатая арестантская одежда и худая обувь, но мы говорили: «О, как мы рады, что пришли на станцию. Лучше стоять в вагоне для скота, чем в середине зимы идти пешком. Было очень, очень холодно, я думаю, от 10 до 12 градусов. Очень холодно. Для нас был приготовлен длинный поезд из открытых товарных платформ. В Норвегии мы называем их товарными платформами для песка. Нас вталкивали на эти платформы примерно по 80 человек на каждую... На этой товарной платформе мы сидели около пяти дней без пищи, в холоде, без воды. Когда шел снег, мы делали вот так (показывает) для того, чтобы набрать в рот немного воды; через долгое, долгое время — мне, естественно, показалось, что прошли годы — мы приехали в местечко, которое, как я впоследствии узнал, называлось Дора и находилось в окрестностях Бухенвальда. Итак, мы туда прибыли. Нас начали сталкивать с платформ, но многие из нас были уже мертвы. Человек, сидевший рядом со мной, также был мертв, но я не имел права отойти от него. В течение последнего дня я должен был сидеть рядом с мертвецом; я видел, что примерно половина людей уже мертва и окостенела, хотя, естественно, не мог определить точного числа погибших. Нам сообщили, и я впоследствии услышал эту цифру в Доре, что число погибших на нашем поезде равнялось 1347. О том, что произошло в Доре, я уже плохо помню, так как все время находился в полумертвом состоянии. Я всегда был оптимистом и человеком веселого нрава. Обычно я держался сам и поддерживал друзей, но тут я почти перестал сопротивляться. Затем, когда наши страдания близились к концу, нас спасли и привезли в Нейенгамм близ Гамбурга; когда нас туда доставили, я встретил там нескольких своих друзей, студента из Норвегии, вывезенного в Германию, несколько заключенных, доставленных из Саксенхаузена и других лагерей, и немного, сравнительно не-

много, неизвестных норвежцев, заключенных согласно приказу «Мрак и туман», которым приходилось жить в исключительно тяжелых условиях.

Многие из моих друзей все еще находятся в госпитале в Норвегии, некоторые умерли по возвращении домой».

За приказом «Мрак и туман» последовал в июле 1944 года еще более решительный приказ. 30 числа этого месяца Гитлер издал директиву относительно террора и саботажа, в которой указывалось, что со всеми актами насилия, совершаемыми не германским населением на оккупированных территориях, следует бороться как с актами террора и саботажа. Лица, не уничтоженные на месте, должны были передаваться в руки СД, женщины должны были направляться на принудительные работы; шадилы только детей. В течение месяца Кейтель расширил действие этого приказа, указав, что он распространяется также на лиц, ставящих под угрозу безопасность и готовность к войне любыми иными методами, чем акты террора и саботажа; далее излагались обычные требования о соблюдении секретности приказа, и его распространение в письменном виде было ограничено до минимума. Гитлер далее указал, что директива о терроре и саботаже должна лечь в основу систематического инструктажа по текущей работе кадров вооруженных сил, СС и полиции. Этот приказ должен был распространяться на преступление, посягнувшие на интересы Германии... По соглашению отдельных командующих с высшими руководителями СС в этой связи могли издаваться новые распоряжения. Иными словами, любые нарушения, произведенные любым лицом на оккупированных территориях, подходили под этот приказ.

9 сентября 1944 г. состоялось торжественное совещание между представителями высшего военного командования и СС, на котором обсуждалось соотношение между приказом «Мрак и туман» и директивой о терроре и саботаже. Было высказано мнение о том, что приказ «Мрак и туман» стал излишним, и затем совещание перешло к рассмотрению вопроса о перевозке 24 тысяч не германских гражданских лиц, задержанных СС и СД в соответствии с этим приказом. Далее, на совещании обсуждался вопрос о нескольких гражданах нейтральных стран, которые были «окутаны туманом» по ошибке.

...Может быть, излишне напоминать Трибуналу о том случае, когда Кристиансен — генерал германских военно-воздушных сил в Голландии просил дать ему право расстрелять баствовавших железнодорожников в связи с тем, что передача их в руки СД, как это следовало бы сделать по декрету, слишком окольным путем вела бы к расправе с ними. Кейтель в ответ на эту просьбу, копии которой были разосланы в адмиралтейство

и министерство военно-воздушных сил, а также всем верховным командующим на оккупированных территориях, немедленно согласился с выдвинутым предложением, заявив, что если передача заключенных СД вызывает трудности, то «следует безжалостно и самостоятельно применять другие эффективные меры».

Иными словами, генерал Кристиансен мог расстрелять железнодорожников, если находил это нужным.

Не будем забывать, рассматривая ситуацию в Европе в тот период, что для человека, которому не приходилось жить на территории, оккупированной немцами, нелегко понять те страдания и то состояние ужаса и постоянной настороженности, которые пришлось испытать народам Европы в течение долгих лет подчинения.

Франк 16 декабря 1941 г. писал:

«Мы принципиально сохраним жалость лишь по отношению к немецкому народу и более ни к кому на свете».

Излишне говорить о том, что эти люди не имели жалости даже к своему народу, настолько неотступно они следовали этому принципу!

Сейчас я перехожу к действиям против партизан. Если оставалось еще какое-то сомнение в том, что во главе германских вооруженных сил стояли не честные солдаты, а бессердечные убийцы, оно разрушается доказательствами о той поразительной безжалостности, с которой они пытались разгромить партизан. Свидетель Олендорф показал здесь, что методы ведения войны против партизан были изложены в письменном соглашении, заключенном между германским высшим военным командованием и СС. В результате этого соглашения каждому штабу армейской группы была придана эйнзатцгруппа, которая по согласованию с военными властями руководила работой эйнзатцкоманд, действовавших в районе этой армейской группы. Если здесь нужно приводить подтверждение того, что армия поддерживала эти действия, знала о них и одобряла их, то следует лишь обратиться к отчету эйнзатцгруппы «А», касающемуся деятельности этой группы в течение первых трех месяцев после начала кампании против Советского Союза.

«Наша задача состояла в том, чтобы срочно установить личный контакт с командующими войсками и с командующим армии на территории тыла. Следует с самого начала подчеркнуть, что сотрудничество с вооруженными силами было в общем хорошее, в некоторых случаях... оно было очень тесным, почти сердечным...»

...После неуспеха чисто военных мероприятий, как, например, размещение караульных и прочесывание целыми дивизиями вновь оккупированных территорий, даже вооруженным

силам пришлось изыскивать новые методы борьбы. Оперативная группа занялась изысканием таких новых методов. Поэтому вскоре вооруженные силы воспользовались опытом полиции безопасности и принятыми ею методами борьбы с партизанами».

Один из этих методов описывается в том же отчете следующим образом:

«По окружении деревни всех жителей силой сгоняли на главную площадь. Подозрительных согласно секретным сведениям лиц и прочих жителей допрашивали, и таким образом в большинстве случаев становилось возможным обнаружить лиц, оказавших помощь партизанам. Этих последних или немедленно расстреливали, или, если дальнейший допрос мог оказаться полезным в смысле получения сведений, их доставляли в штаб. После допроса их расстреливали. Для того чтобы добиться устрашающего действия, дома тех, кто помогал партизанам, в некоторых случаях сжигались дотла».

И далее, после указания на то, что крестьянам постоянно угрожали сожжением всей деревни, в отчете добавлялось:

«Тактика противопоставления террора террору удалась великолепно».

По заявлению Олендорфа, эйнзатцкоманды подчинялись Кальтенбруннеру, но приказы, согласно которым они действовали, не могли превзойти своей суровостью те, которые были подписаны Кейтелем. Приказ от имени фюрера, изданный Кейтелем 16 декабря 1942 г. о борьбе с партизанами, гласил:

«Если борьбу с партизанами на Востоке и на Балканах не вести самыми жестокими методами, мы скоро дойдем до такого положения, при котором имеющихся сил будет недостаточно для контроля над этими территориями. Поэтому не только вполне оправдано, но и необходимо, чтобы войска использовали все без исключения средства, даже по отношению к женщинам и детям, если эти средства могут обеспечить успех».

Три дня спустя, во время завтрака, Кейтель и Риббентроп сообщали своим итальянским коллегам о том, что «фюрер заявил, что сербские заговорщики должны быть уничтожены и что этого невозможно достигнуть мягкими мерами».

Тогда Кейтель вставил замечание: «...каждая деревня, в которой обнаружены партизаны, должна быть сожжена дотла».

Два месяца спустя Риббентроп убеждал итальянского посла в Берлине принимать более жесткие меры против партизан в Кroatии. Он говорил:

«Банды следует истреблять, причем членами банд нужно считать мужчин, женщин и детей, так как продолжение их

существования ставит под угрозу жизни немцев и итальянцев — мужчин, женщин и детей».

Геринг помогал Гиммлеру набирать необходимые кадры для борьбы с партизанами. Один из советников кабинета записал, что 24 сентября 1942 г. Геринг заявил, что он ищет дерзких людей для использования их на Востоке в отрядах особого назначения и что он рассматривает вопрос о привлечении для этой цели осужденных и браконьеров.

Через месяц Геринг описал дуче (Муссолини) германские методы борьбы с партизанами в следующих выражениях:

«Прежде всего с данной территории вывозится весь скот и все продукты питания для того, чтобы лишить партизан каких-либо источников питания. Мужчины и женщины увозятся в трудовые лагеря, дети — в детские лагеря, а деревни сжигаются. В случае нападения все мужское население деревни выстраивалось с одной стороны, а женщины — с другой; затем женщинам говорили, что все мужчины будут расстреляны, если они (женщины) не укажут, кто из мужчин не является жителями этой деревни. Для того чтобы спасти своих мужчин, женщины всегда указывают, кто не из их деревни».

Использование этих методов не ограничивалось Востоком. Они применялись на всем пространстве оккупированных территорий. Если оказывалось малейшее сопротивление, немцы подавляли его с наибольшей жестокостью. Было бы нетрудно привести сотни примеров, которые могли бы выдержать сравнение с событиями в Лидице и в Орадур-сюр-Глане.

Одно из самых жестоких мероприятий — захват заложников — явилось предметом приказа германского верховного командования от 16 сентября 1941 г.

Кейтель приказывал:

«Не взирая ни на какие частные обстоятельства, в каждом случае сопротивление германским оккупационным силам следует расценивать как сопротивление, вызванное коммунистами.

Для того чтобы пресечь эти коварные действия в зародыше, следует принимать самые энергичные меры немедленно при появлении самых первых их признаков с тем, чтобы сохранить власть оккупационных сил и помешать дальнейшему их распространению. В этой связи следует помнить, что в странах, где еще не установлен порядок, человеческая жизнь часто ничего не стоит и устрашающее действие может быть достигнуто лишь необычайной суровостью. В таких случаях смертная казнь для 50—100 коммунистов должна обычно рассматриваться как соответствующее возмездие за жизнь одного германского солдата. Форма, в которой приговор приводится в исполнение, должна еще более усиливать устрашающее действие».

У Кейтеля и Кальтенбруннера не было расхождений во взглядах; германским солдатам было приказано соревноваться с эсэсовцами на местах.

Две недели спустя после издания этого приказа Кейтелю, чьим единственным защитительным доводом является то, что он требовал казни от 5 до 10 заложников за одного немца вместо 50—100, пришла еще одна мысль. 1 октября 1941 г. он высказал мнение о том, что будет целесообразно, если военные командиры будут всегда иметь в своем распоряжении некоторое число заложников различных политических взглядов: националистических, демократически-буржуазных или коммунистических. Он добавил:

«Очень важно, чтобы среди них имелись хорошо известные, выдающиеся личности или члены их семей, чьи имена должны быть преданы гласности. В случае нападения должны быть расстреляны заложники соответствующей группы, в зависимости от партийной принадлежности виновного».

На оригинале документа имеется зловещая пометка: «Применяется во Франции и Бельгии».

Действие этих приказов в германской армии можно хорошо видеть из трех примеров мероприятий, осуществленных одним из командиров на местах.

В Югославии через месяц после первичного приказа Кейтеля один местный комендант сообщил, что в отместку за убийство 10 германских солдат и ранение других 26 германских солдат было расстреляно 2300 человек, то есть 100 за каждого убитого и 50 за каждого раненого германского солдата.

11 июля 1944 г. комендант района Коволо в Италии в публичном объявлении угрожал расстрелять 50 человек за каждого раненого члена германских вооруженных сил, военного или штатского, и расстрелять 100 человек за каждого убитого немца. В случае убийства или ранения более чем одного солдата или штатского все мужчины района подлежали расстрелу, дома — сожжению, женщины — интернированию, а скот — немедленной конфискации. Кессельринг сообщил, что в июне того же года 560 человек, включая 250 мужчин, были заключены в тюрьму с угрозой быть расстрелянными в течение 48 часов, так как партизанами был захвачен один германский полковник.

Лицами, непосредственно замешанными в совершении этих жестокостей, являются Геринг, Риббентроп, Кейтель, Йодль и Кальтенбруннер, но кто вообще может сомневаться в том, что всем подсудимым, сидящим на этой скамье, были известны эти приказы и о том, как германские вооруженные силы поучали убивать мужчин, женщин и детей и что они это делали по всей Европе? Редер, который говорит, что он осуждал

такую линию поведения в Норвегии, указывает, что он попытался разубедить Гитлера, однако он продолжал занимать свой пост и давать свое имя для того, чтобы его использовал режим, во время которого такие действия совершались.

Я перехожу к тем вопросам, за которые он и Дениц несут самую непосредственную ответственность. Ведение войны на море являет собой совершенно такое же пренебрежение к праву и к нормам порядочности. Существует мало примеров возможности так подробно проникнуть в мысли двух морских командующих с помощью их документов, как это возможно в отношении подсудимых Редера и Деница в данном случае.

Уже 5 сентября 1939 г. германский военно-морской флот в меморандуме, адресованном министерству иностранных дел, стремился получить разрешение топить без предупреждения суда противника и торговые суда нейтральных стран в нарушение Лондонских Правил подводной войны, своих собственных правил по взятию призов и международного права. Целый ряд документов, изданных в течение следующих шести недель, обнаруживает наличие постоянного давления на министерство иностранных дел со стороны Редера с тем, чтобы добиться его согласия на проведение этой политики.

16 октября 1939 г. Редер представил меморандум об интенсификации морской войны против Англии. В этом документе, декларируя право на «крайнюю жестокость» в случае необходимости и намерение уничтожить в кратчайший срок боевой дух Великобритании, Редер заявил:

«Главной целью является торговое судно и не только вражеское, но вообще всякое торговое судно, идущее по морю с целью снабжения военной промышленности противника, как в отношении импорта, так и в отношении экспорта».

Именно в этом документе содержится позорный отрывок:

«Желательно все принимаемые военные меры основывать на существующем международном праве; однако меры, считающиеся необходимыми с военной точки зрения, в случае если от них можно ожидать решающего успеха, следует применять, даже если они не соответствуют существующим нормам международного права. Поэтому в принципе следует прибегать, обосновывая их какой-нибудь правовой концепцией, к любым военным средствам, способным сломить сопротивление врага, даже если они повлекут за собой создание нового кодекса морской войны».

В другом меморандуме от 30 декабря он призывал к дальнейшей интенсификации операций, особенно в отношении нейтральных стран. Далее он предложил, что, поскольку они так или иначе должны вторгнуться в нейтральные государства, не имеет большого значения, если на море они зайдут немного

дальше. Я цитирую: «Усиление мер по линии ведения войны на море с политической точки зрения сыграет лишь небольшую роль в общей интенсификации военных действий».

Вы уже, вероятно, заметили, что эти меморандумы о ведении войны на море лишь повторяют точку зрения верховного командования относительно будущей войны, изложенную за полтора года до этого следующим образом:

«Применение обычных правил войны по отношению к нейтральным странам может соблюдаться лишь в той мере, в какой оно повлечет за собой большие преимущества или причинит большой ущерб воюющим странам».

Было ли это простым совпадением? Во всяком случае таким был план, изложенный Редером и повторенный Деницом. С самого начала штаб военно-морских сил не имел ни малейшего намерения соблюдать законы ведения войны на море. Аргумент защиты, заключающийся в том, что потопление союзных торговых судов без предупреждения оправдывается действиями союзников, столь же неоснователен, сколь и утверждение, что потоплению нейтральных торговых судов при их появлении предшествовало предупреждение, что соответствовало требованиям международного права. Вы видели, какие распылчатые и неопределенные предупреждения делались нейтральным судам, а также знакомились с меморандумом штаба военно-морских сил, который показывает, что эти предупреждения намеренно делались в таких общих выражениях потому, что Редеру было известно, что задуманные им планы действия против нейтралов были совершенно незаконными. Мне нет необходимости напоминать Вам документ, в котором говорится, что приказы должны передаваться устно, о фальшивой записи в судовом журнале, о том самом методе, который был использован в деле с «Атенией» или о записи в дневнике самого Редера, в которой говорилось, что следует топить тщательно опознанные нейтральные суда во всех тех случаях, когда применение электрических торпед даст немцам возможность утверждать, что судно действительно выпустило мину.

Вы можете найти подтверждение этому в опровержениях, подготовленных Редером в ответ на протесты Норвежского и Греческого правительств по поводу потопления «Томаса Вальтона» и «Гаруфалия», и в неохотном признании в связи с потоплением «Детфорда». Все эти три судна были потоплены в декабре 1939 года одной и той же подводной лодкой. Ничто не раскрывает лучше цинизм, с которым Редер и Дениц относились к нормам международного права, чем контраст в их отношении к потоплению испанского судна в 1940 году и в сентябре 1942 года.

В 1940 году Испания ничего не значила для Германии, в 1942 году она приобрела значение.

Не требуется снова повторять подробности о различных мерах, последовательно принятых во время введения в действие политики потопления судов без предупреждения, но существуют два момента в ведении этими двумя подсудимыми морской войны, которые я подчеркиваю. Во-первых, они продолжали уверять мир, что не нарушают Лондонских Правил и своего собственного порядка взятия призов. Причина тому явствует из меморандума Редера от 30 декабря 1939 г., в котором он заявил:

«Настоятельно следует возразить против публичного объявления о проведении усиленных мероприятий по ведению морской войны для того, чтобы снова не запятнать военно-морской флот в глазах истории ведением неограниченной подводной войны».

Это, как Вы видите, является одним из моментов общего плана. Этот же самый аргумент был выдвинут Иодлем и Деницем в феврале 1945 года в поддержку политики нарушения Женевской Конвенции вместо объявления всему миру об отказе Германии от этой Конвенции. Здесь мы снова сталкиваемся с доктриной военной целесообразности: если Германии выгодно нарушать какой-нибудь закон, это нарушение всецело оправдано, если оно производится таким образом, что этого не знает и не может осудить мировое общественное мнение.

Не следует думать, что, вводя практику потопления судов без предупреждения и игнорируя законы ведения морской войны, Редер был более решителен, чем Дениц. Защищая себя, Дениц делал усиленные попытки объяснить задним числом свой приказ от 17 сентября 1942 г. Поэтому я прошу Трибунал вспомнить его содержание. Я цитирую:

«Не следует делать никаких попыток спасти членов команды потопленных кораблей... Спасение противоречит элементарным требованиям ведения войны об уничтожении вражеских судов и команд».

Запись в его дневнике от того же числа, подтверждавшая этот приказ, начинается следующими словами:

«Вновь обращается внимание всех командующих офицеров на тот факт, что все попытки спасения... противоречат элементарным требованиям ведения войны...»

Подсудимый отрицал, что это означало, что команды должны были быть уничтожены или истреблены. Но предыдущие события совершенно ясно показывают нам, что этот приказ явился указанием командирам подводных лодок уничтожать команды тонущих торговых судов, но в то же время он составлен таким образом, что оставляет Деницу лазейку для оправдания в слу-

чае нужды, и, действительно, в настоящее время такая необходимость возникла. Этот приказ в сущности был составлен в соответствии с идеями, высказанными Гитлером Осиме¹ 3 января 1942 г., когда Гитлер сказал, что «он должен отдать приказ о том, что, если взять иностранных моряков в плен окажется невозможным, подводные лодки должны всплыть на поверхность после торпедирования и затем обстреливать спасательные лодки».

Признано, что Гитлер настаивал на этом на совещании 14 мая, на котором присутствовали Дениц и Редер, и что он снова поднял этот вопрос 5 сентября. Сам Дениц ссылаясь на нажим Гитлера во время инцидента с «Лаконией». Вы располагаете подтверждением того, что приказ, изданный 17 сентября, был составлен в такой форме, что он вполне подтверждает обвинения, выдвинутые свидетелями Хейзингом и Мелле, которые были вызваны обвинением...

Тот самый аргумент, который Гитлер выставил Осиме, а именно, необходимость не дать союзникам возможности найти кадры для проведения в жизнь гигантской американской программы строительства военных судов, являлся аргументом, который, как сам Дениц признает, был выдвинут им 14 мая, аргументом, который, как он признает, и послужил причиной издания последующего приказа о том, что следовало предпочтительно атаковать конвой, а не топить спасательные суда. Перед Вами примеры «Антоник», «Норин Мэри» и «Полус». А человек, ужасающийся при одной только мысли о возможности издания такого приказа, по собственному признанию, видел судовой журнал лодки, потопившей «Шпер Мид», и видел бесчеловечную запись в этом журнале, описывающую страдания тех, кто оставался в воде. Дениц в своих показаниях заявил, что «издание подобной директивы может быть оправдано лишь в том случае, если таким образом может быть достигнут решающий военный успех». Не потому ли был издан этот приказ, что, как это явствует из его собственных документов, процент потопленных в сентябре 1942 года судов, помимо судов конвоя, был столь высок, что было возможно достигнуть решающего военного успеха, в то время как в апреле 1943 года, в период, когда почти все потопленные суда относились к судам конвоя, не было необходимости в издании еще одного приказа, сформулированного в более точных выражениях?

Обвинение самым настоятельным образом утверждает, что подсудимый Дениц этим приказом намеревался поощрить и заставить как можно большее количество командиров подводных лодок уничтожать команды торпедированных торговых судов,

¹ Осима — японский посол в Берлине, осужден как военный преступник Международным Военным Трибуналом для Дальнего Востока. — Составители.

но преднамеренно сформулировал приказ так, чтобы он мог утверждать обратное, если обстановка этого потребует. В свете показаний адмирала Вагнера о том, что главный морской штаб утвердил приказ от 17 сентября 1942 г. по поводу уничтожения оставшихся в живых членов команд потопленных судов, Редер не может уйти от ответственности. И на самом деле, поскольку он присутствовал на совещании у Гитлера в мае 1942 года, а также 5 сентября того же года, когда он получил приказание фюрера об издании инструкции по поводу уничтожения спасавшихся членов команд потопленных судов, не может быть никаких сомнений в том, что он также несет полную ответственность и за эти действия своих подчиненных.

Несмотря на то, что через несколько месяцев союзные военно-воздушные силы сделали невозможным для подводных лодок в большинстве районов всплывать после торпедирования и этот вопрос стал менее актуальным, все же интересно отметить, что, когда 7 октября следующего года вышел приказ, направленный против спасательных лодок, в нем снова встречалась фраза «уничтожение команд судов».

Несмотря на опровержение капитан-лейтенанта Экка, не может быть никаких сомнений в том, что, будучи проинструктирован Хэле, он осуществил намерения вышестоящих начальников. Почему следует предполагать, что у человека, который через месяц безропотно принял приказ Гитлера о «командос», не хватило духу приказать уничтожать моряков, находящихся на плотах или на обломках, оставшихся после крушения, после того как Гитлер объяснил военную необходимость этого мероприятия? Экк, который выполнял приказы Редера и Деница, заплатил за это высшей мерой.

Неужели эти люди понесут меньшую кару?

Я перехожу теперь к рассмотрению еще одного военного преступления — использованию рабского труда. Еще задолго до начала военных действий подсудимые оценили значение его для германской военной машины. Гитлер упомянул об этом в «Майн кампф» и подчеркнул значение этого фактора на совещании в мае 1939 года.

Несколько недель спустя в июне имперский совет обороны (Геринг, Функ, Фрик, Редер и представители всех остальных министерств) планировал использовать в будущей войне 20 тысяч заключенных концентрационных лагерей и сотни тысяч рабочих из протектората.

План Гитлера в отношении Польши, раскрытый им Шираху и Франку, гласил:

«Идеальная картина такова: поляк может владеть лишь незначительным имуществом в генерал-губернаторстве, которое до некоторой степени снабдит его и его семью пищей. Деньги,

которые ему нужны для приобретения одежды и еды, он должен заработать в Германии. Генерал-губернаторство должно стать центром снабжения нас неквалифицированной рабочей силой, в особенности сельскохозяйственными рабочими. Этим рабочим при всех условиях будут гарантированы средства к существованию, так как они всегда могут быть использованы там, где требуется дешевый труд».

Эта политика была, конечно, рассчитана на короткий срок, а конечной ее целью фактически было уничтожение восточных народов. Заукель был назначен генеральным уполномоченным, и перед ним была поставлена задача дать замену 2 миллионам немецких рабочих, которые были призваны на военную службу. Он сам говорит, что после того как Гитлер подчеркнул, что такие мероприятия являются военной необходимостью, он не стал стесняться в средствах и спустя месяц после своего назначения направил Розенбергу свою первую программу мобилизации рабочей силы.

Я цитирую: «Если мы не сумеем обеспечить нужное количество рабочей силы на добровольных началах, нам придется немедленно ввести насильственную трудовую мобилизацию... огромное количество новых иностранных рабов — мужчин и женщин — является несомненной необходимостью».

Эту программу он сам вызвался провести в жизнь «путем всевозможного давления и безжалостного использования всех имеющихся в нашем распоряжении средств».

Нет необходимости приводить доказательства, показывающие ход выполнения этой политики мобилизации рабочей силы. Достаточно будет привести цитату из обращения Заукеля к центральному управлению по планированию в марте 1944 года:

«...Специально обученные агенты — мужчины и женщины — насильственно угоняли мужчин на работу в Германию... Из 5 миллионов иностранных рабочих, которые прибыли в Германию, даже 200 тысяч не приехали добровольно».

Методы, которые применялись при насильственном угоне, обратительны по своей жестокости; и каждый из этих подсудимых должен был знать о них. 3 апреля 1941 г. Гиммлер в речи перед офицерами СС лейбштандарта «Адольф Гитлер» сказал:

«Очень часто военнослужащие войск СС задумываются над угонем этих людей сюда. Эти мысли возникли у меня сегодня, когда я наблюдал эту крайне трудную работу, которую выполняет полиция безопасности при помощи ваших людей. То же самое случилось в Польше, где мы должны были отправлять десятки и сотни тысяч людей при сорокаградусном морозе».

И дальше:

«Умрут или не умрут от изнеможения 10 тысяч русских баб при рытье противотанковых рвов — интересует меня лишь».

постолюку, поскольку этот противотанковый ров, нужный Германии, будет закончен... Когда кто-либо обращается ко мне и говорит: «Я не могу допустить, чтобы этот ров рыли женщины и дети: это их убьет», я отвечаю: вы — убийца людей собственной крови, потому что, если этот ров не будет вырыт, погибнут немецкие солдаты, а они — сыновья немецких матерей... Мы должны помнить, что в Германии имеется 6—7 миллионов иностранцев... Число пленных в Германии, возможно, достигает 8 миллионов. Они безопасны для нас до тех пор, пока мы будем принимать жесточайшие меры в связи с пустяковыми преступлениями»¹.

В августе 1943 года потребность в рабочей силе еще больше возросла. Гиммлер приказал:

«Все молодые трудоспособные женщины должны быть отправлены в Германию на работу через агентства имперского генерального уполномоченного Заукеля. Дети, пожилые женщины и старики должны быть собраны вместе и использованы в женских или детских лагерях».

Приказы, отданные группенфюрерам СД, действовавшим на Украине, содержали такие же настоятельные требования:

«Деятельность министерства труда... должна быть поддержана в наибольшей степени. Временами нельзя будет воздержаться от применения силы. При обыске деревень, в особенности в тех случаях, когда явится необходимость сжечь целую деревню, местное население должно быть принудительно передано в распоряжение уполномоченного². Как правило, детей расстреливать более не следует. Если мы временно ограничиваем наши строгие меры на основании вышеприведенного приказа, это делается из следующих соображений: нашей важнейшей целью является мобилизация рабочей силы».

Шпеер признал, и как он мог отрицать это, что он знал и одобрял порядок мобилизации и доставки рабочих в Германию против их воли.

Кальтенбруннер писал своему другу Блашке:

«Между тем по специальным соображениям я приказал отправить несколько транспортов с эвакуированными в Вену, в ближайшее время должны быть отправлены около 12 тысяч евреев. Они должны прибыть в Вену через несколько дней... Нетрудоспособные женщины и дети этих евреев, предназначенные для специального обращения и подлежащие дальнейшему перемещению, должны содержаться в лагере, охраняемом и в дневное время».

Опять мы встречаем эту зловещую фразу, значение которой они так хорошо знали, — «специальное обращение», «специаль-

¹ Эта цитата из речи Гиммлера от 4 октября 1943 г. — Составители.

² Речь идет о ведомстве Заукеля. — Составители.

ное действие». Убийство остается убийством независимо от того, каким эвфемизмом убийцы вздумают его прикрыть.

Нужда в рабочей силе стала такой острой, что не только евреев не отправляли в газовые камеры, пока они были трудоспособны, но даже хватали детей и их заставляли работать.

Это все, что относится к насильственному угону людей в Германию. Какая участь ожидала их по прибытии?

Еще в марте 1941 года районные объединения крестьян получили инструкции о том, как обращаться с польскими сельскохозяйственными рабочими, которых они должны были получить. Рабочим не предоставлялось права подавать жалобы; религиозным людям запрещалось посещать церкви; запрещались все виды развлечений, пользование общественными транспортными средствами. Их наниматели получали право применять телесные наказания и ни в коем случае «не могли быть привлечены к ответственности официальными учреждениями». В конце приказавалось (я цитирую): «Сельскохозяйственные рабочие польской национальности должны жить вне села и не в домах; их можно поместить в конюшни и т. д. Чувство жалости не должно помешать проведению таких мероприятий».

Обращение с теми, кто был занят в промышленности, было еще хуже. Я напомним показания польского врача в Эссене, который по мере сил пытался обслуживать русских военнопленных:

«Эти люди содержались в таких страшных условиях, что нельзя было оказать им медицинской помощи. Мне кажется, что держать людей в таких условиях было ниже человеческого достоинства. Каждый день ко мне приводили по крайней мере 10 человек с синяками от постоянных избиений резиновыми шлангами, стальными прутьями или палками. Люди часто корчились от боли, и я не мог им оказать ни малейшей медицинской помощи. Мне тяжело было смотреть, как могли заставлять людей, которые так мучились, производить такие тяжелые работы. Мертвые тела оставались лежать на соломенных тюфяках по два или три дня, пока они не начинали издавать такое зловоние, что их соседи по заключению выносили их и где-нибудь закапывали. В беседе с некоторыми русскими женщинами они мне лично говорили, что они работали на заводе Круппа и что их ежедневно зверски избивали. Избиения были в порядке вещей».

К концу 1943 года более 5 миллионов мужчин, женщин и детей работали в империи, и если сюда добавить военнопленных, то общее количество работавших в то время в Германии достигало 7 миллионов. К этому числу следует добавить сотни тысяч доставленных в течение 1944 года. Миллионы мужчин и женщин были выгнаны из своих домов самым зверским образом, их привозили в любую погоду на транспорте для скота со всех концов Европы; они работали на фермах и заводах по всей империи.

часто в отвратительных условиях. Детей отнимали у родителей, и некоторые дети навсегда оставались сиротами, так как они не знали ни своих настоящих имен, ни откуда они родом. Их забирала тогда, когда они были еще слишком малы, чтобы помнить, откуда они приехали.

Какой мерой следует заплатить за это преступление? Ни один подсудимый не может отрицать того, что он знал об этом или был к этому причастен. Протоколы центрального управления по планированию, несомненно, читались во всех отделах всех министерств. Вы видели, каков объем доказательств, связывающих военных руководителей и все другие ответвления правительственных организаций с этой колоссальной программой применения рабского труда. Ни один подсудимый не может быть оправдан за совершение этого преступления. Никто из них не мог не знать о масштабах этого преступления и о зверствах, при помощи которых оно осуществлялось.

Я перехожу к вопросу, связанному с предыдущим, но еще более ужасному — к общим методам проведения подсудимыми военной оккупации захваченных ими территорий. Доказательства, говорящие о том, что эти территории являлись местом, где в масштабах, непревзойденных в истории, господствовали убийство, рабство, террор и грабеж в нарушение всех элементарных правил оккупации воюющей стороной, не были ничем серьезно опровергнуты. Эти преступления не являлись ни в коей мере случайными или совершенными в результате садизма какого-нибудь Коха в одном месте или жестокости какого-нибудь Франка в другом. Преступления были неотъемлемой частью преднамеренного и систематического плана, в котором мероприятия в отношении рабского труда были лишь побудительным симптомом. Чтобы создать «тысячелетнюю империю», нацисты приступили к истреблению или ослаблению расовых и национальных групп в Европе или таких прослоек, как интеллигенция, от которых в главной мере зависит существование этих групп.

Эта ужасная попытка прекратить существование свободных и древних наций проистекает из всей нацистской доктрины о тотальной войне, которая отказывается от понятия, что войны являются лишь войнами государств и армий, как это предусматривает международное право. Нацистская тотальная война явилась также войной против гражданского населения, против народа в целом. Гитлер заявил Кейтелю в конце польской кампании: «Жестокость и суровость должны лежать в основе этой расовой борьбы для того, чтобы освободить нас от дальнейшей борьбы с Польшей». Эта цель биологического истребления расы (геноцида) была сформулирована Гитлером в разговоре с Германом Раушнингем в следующих выражениях: «После войны французы жаловались, что немцев на 20 миллионов больше, чем

нужно. Мы соглашаемся с этим заявлением. Мы приветствуем регулирование численности населения. Но нашим друзьям придется нас извинить, если мы каким-либо другим образом разрешим вопрос об этих 20 миллионах. После всех этих веков хныканья о защите бедных и угнетенных пришло время для нас решиться защищать сильных против слабых. Одна из основных задач германского государственного управления заключается в том, чтобы навсегда предотвратить всеми возможными средствами развитие славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают нам не только необходимость побеждать своих врагов, но и уничтожать их. В прежние времена победитель получал прерогативу на уничтожение целых племен, целых народов. Осуществляя это постепенно и без кровопролития, мы демонстрируем нашу гуманность».

...Их цели выходили далеко за пределы стремления германизировать другие народы и перестроить их культуру по германскому образцу. Гитлер твердо решил изгнать всех не германцев с той земли, которая была нужна ему и которую он собирался заселить германцами.

Это ясно сказано в его книге «Моя борьба»:

«Польская политика в смысле германизации Востока, проведения которой требовали столь многие, к сожалению, почти всегда основывалась на одном и том же неправильном заключении. Многие считали возможным германизировать польские элементы одним лишь чисто лингвистическим преобразованием и превращением их таким путем в людей германской национальности. Результат был бы неблагоприятным, так как народ другой расы, выражающий свои, чуждые нам мысли на немецком языке, умалил бы величие и достоинство нашей нации своей неполноценностью».

Гиммлер говорит об этом еще более откровенно:

«В нашу задачу не входит германизация Востока в старом смысле этого слова, а именно: в смысле обучения народа немецкому языку и введения германских законов. Наша задача — проследить, чтобы на Востоке жили люди чисто германской крови».

Подсудимые тщательно скрывали свои истинные цели от своих жертв. В захваченном донесении от января 1940 года можно прочесть следующее:

«Для того чтобы освободить жизненное пространство от поляков в генерал-губернаторстве и на освобожденном Востоке, следует перебрасывать дешевые рабочие руки сотнями тысяч, используя их в течение нескольких лет в старой империи и, таким образом, препятствуя их естественному биологическому размножению». Документ заканчивается следующими словами: «Следует принимать особые меры с тем, чтобы секретные циркуляры, меморандумы и официальная переписка, содержание инструкций,

направленных против поляков, хранились под замком, чтобы они не могли попасть на страницы «Белых книг», выпускаемых в Париже и в США».

И снова за день до назначения Розенберга министром по делам восточных областей Гитлер сказал ему в присутствии Кейтеля, Геринга и Бормана: «Мы должны здесь действовать точно таким же образом, как мы действовали в Норвегии, Дании, Голландии и Бельгии. В этих случаях мы также не разглашали наши конечные цели, и благоразумие требует продолжать ту же политику и теперь. Таким образом, мы будем снова подчеркивать, что мы были вынуждены оккупировать и охранять определенную зону и управлять ею и что в интересах самого населения то, что мы занялись наведением порядка, вопросами питания, коммуникациями и пр. Отсюда следуют все наши мероприятия. Никто не сумеет определить, что все это ведет в конечном итоге к заселению. Все это отнюдь не значит, что мы не должны прибегать ко всем необходимым мерам, к расстрелам и пр., и мы будем прибегать к ним».

Вспомните, как, предупредив таким образом своих соучастников, Гитлер продолжал тщательно разрабатывать свои планы уничтожения советских народов. Он заявил, что из Крыма должны быть эвакуированы все местные жители и он должен быть заселен одними лишь немцами.

«Теперь перед нами стоит задача разрезать территорию этого громадного пирога так, как это нам нужно, с тем чтобы суметь: во-первых, господствовать над ней, во-вторых, управлять ею, в-третьих, эксплуатировать ее».

Эта программа имела своим образцом бесстыдный план, разработанный Нейратом и Карлом Германом Франком в отношении Богемии и Моравии, тем самым Нейратом, чей защитник позавчера призывал Вас уважать святость личности. Как я сказал, программа эта имела своим образцом план для Богемии и Моравии. Не может быть представлено ни одного более веского доказательства, чем этот ужасный документ, представленный на этом процессе и полностью разоблачающий лживость лозунга о «жизненном пространстве», которым пытаются оправдать насилие, совершенное над Чехословакией. Этот план требовал уничтожения интеллигенции — хранительницы традиций чехословацкой истории и обычаев этой страны. Так как полная эвакуация всех чехов из страны и замена их немцами требовали значительного срока и, кроме того, не было достаточного количества германцев, чтобы заселить страну немедленно, то было найдено более скорое разрешение этой проблемы — германизация оставшегося населения.

Это должно было быть осуществлено путем превращения их языка в диалект, уничтожения системы высшего образования,

установления особой системы брака, ограниченного специальными предварительными расовыми обследованиями. Вы помните выводы, сделанные Франком: «Помимо пропаганды за германизацию и некоторых поблажек в отдельных случаях, следует применять против всех саботажников строжайшие полицейские меры с высылкой и особым режимом».

Вы также помните план в отношении Польши, который обсуждался Риббентропом, Кейтелем и Иодлем в поезде Гитлера 12 сентября 1939 г., о котором говорил в своих показаниях свидетель Лахузен и дальнейшее обсуждение которого состоялось тремя неделями позже, после обеда на квартире фюрера между Гитлером, Ширахом и подсудимым Франком:

«У поляков должен быть только один хозяин — немец. Не могут и не должны существовать два хозяина рядом, поэтому все представители польской интеллигенции должны быть уничтожены. Это звучит жестоко, но таков закон жизни».

Таковы были их планы против Советского Союза, против Польши и против Чехословакии. Биологическое истребление расы (геноцид) не ограничивалось истреблением еврейского народа или цыган. В различных формах оно применялось в Югославии и против не германского населения Эльзас-Лотарингии, против народов Нидерландов и Норвегии. Тактика менялась в зависимости от национальности и от народа. Но основная цель была одна и та же во всех случаях.

Методы были одни и те же: прежде всего, широкая, преднамеренно разработанная программа убийств, прямого уничтожения. Подобные методы применялись против польской интеллигенции, против цыган и евреев. Нелегко было, даже пользуясь газовыми камерами и массовыми расстрелами, уничтожить миллионы людей.

Подсудимые и их соучастники применяли также методы постепенного уничтожения, причем самым излюбленным методом было постепенное умерщвление тяжелым трудом, особенно после договора Гимmlера с министром юстиции Тираком в сентябре 1942 года, согласно которому все «антиобщественные элементы» передавались в руки СС для того, чтобы умерщвлять их тяжелым, непосильным трудом.

Другим излюбленным способом уничтожения было умерщвление голодом. Розенберг — архитектор и создатель этой национальной политики убийства — говорил своим сотрудникам в июне 1941 года:

«Цель накормить германский народ в этом году, несомненно, является одним из первоочередных требований, которые Германия предъявляет к восточным территориям. И здесь южные пространства и Северный Кавказ должны будут послужить дополнительным источником пищевых продуктов для германского

народа. Мы не видим абсолютно никаких оснований для каких-либо обязательств с нашей стороны кормить также и русское население продуктами, полученными с этих дополнительных территорий. Мы знаем, что такова жестокая необходимость, далекая от каких-либо эмоций. Несомненно, будет необходима эвакуация в самых широких масштабах и совершенно очевидно, что в будущем русским предстоят очень тяжелые годы».

Методом, применяемым в Эльзасе, являлась депортация. Захватенный отчет гласит:

«Первая акция по вывозу населения была проведена в Эльзасе в период с июля по декабрь 1940 года. В ходе этой операции 105 тысяч человек было либо увезено, либо задержано на месте и не имело возможности вернуться домой. В основном это были евреи, цыгане и другие элементы иной расы, преступники, антиобщественные элементы и неизлечимые душевнобольные, а кроме того, французы и франкофилы. В результате этих «прочищений» население, говорившее на местном французском диалекте, было вывезено точно так же, как эльзасцы».

Далее в отчете говорится, что готовятся новые акции по увозу, и после того как приводятся категории, подлежащие увозу, суммируются меры, которые применяются в ходе увоза. Я цитирую: «Прежде всего следует иметь в виду проблему расы, причем разрешать ее таким образом, чтобы лица, обладающие ценностью с расовой точки зрения, увозились в собственно Германию, а расово неполноценные — во Францию».

Нацисты пользовались также различными биологическими методами, как они их называют, для того, чтобы добиться биологического истребления рода (геноцид). Они намеренно понижали рождаемость в оккупированных странах путем стерилизации, кастрации и абортов, разлучая жен и мужей, отделяя женщин от мужчин и запрещая браки.

«Мы обязаны освободить пространства от населения, — сказал Гитлер Раушнингу, — это — часть нашей миссии по сохранению населения Германии. Мы должны разработать методы этого устранения населения. Если вы спросите меня, что я подразумеваю под термином «освободить от населения», я скажу, что я имею в виду устранение целых расовых групп. Именно это я собираюсь провести в жизнь, такова в общих чертах моя задача. Природа жестока, поэтому и мы должны быть жестокими. Если я могу бросить цвет германской нации в ад войны, не испытывая никакой жалости перед пролитием драгоценной германской крови, тем более я, несомненно, имею право устранить миллионы представителей низшей расы, которые размножаются, как паразиты».

Вы видели, как Нейрат применял этот биологический метод в своем плане действий в Чехословакии.

Послушайте, каковы директивы Бормана для восточных территорий; они суммированы одним из подчиненных Розенберга:

«Славяне должны работать на нас. В той мере, в какой они нам не нужны, они могут вымирать. Поэтому обязательное проведение прививок и медицинское обслуживание со стороны немцев является излишним. Размножение славян нежелательно. Они могут пользоваться противозачаточными средствами и делать аборт, и чем больше, тем лучше. Образование опасно. Для них достаточно уметь считать до ста. В лучшем случае приемлемо образование, которое готовит для нас полезных марионеток».

Гиммлер вторил ему:

«Мы должны ...вести себя по-товарищески по отношению к людям одной с нами крови, и более ни с кем. Меня ни в малейшей степени не интересует судьба русского или чеха. Мы возьмем то, что народы могут нам предложить по части хорошей крови нашего типа. Если будет необходимо, мы будем для этого выкрадывать их детей и воспитывать их в нашей среде. Живут ли народы в достатке или умирают с голоду, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны нам как рабы для нашей культуры, в остальном это меня совершенно не интересует».

В противоположность методам искусственного сокращения рождаемости на оккупированных территориях в самой Германии искусственно повышали рождаемость.

В феврале 1941 года подсудимый Зейсс-Инкварт ввел систему выдачи замуж голландских девушек за германских солдат. В нарушение статьи 43 Гаагской Конвенции он распорядился об изменениях в голландском законодательстве с тем, чтобы иметь возможность осуществлять вместо родителей родительские и опекунические права в отношении девушек, чьи родные отказывались разрешать им вступать в брак с немецкими солдатами.

Эта политика Зейсс-Инквarta была впоследствии одобрена высшими представителями власти в германской империи — Гитлером, Кейтелем и Ламмерсом 28 июля 1942 г., когда был издан декрет, предоставлявший пособия и преимущества при поступлении на работу голландским и норвежским женщинам, рождавшим детей солдатам и офицерам германской армии (и они теперь имеют наглость говорить о святости личности!). Это было просто план, имевший своей целью поставить биологические ресурсы Голландии и Норвегии, как если бы они были товаром, на службу германскому народу.

Гиммлер был одним из апологетов теории выкрадывания детей. Как он заявил 14 октября 1943 г., «совершенно очевидно, что при таком смешении народов всегда найдутся расово неполноценные типы. Поэтому я считаю нашим долгом забирать к себе их детей, удалять их из окружения и, если будет необходимо,

даже выкрадывать или отнимать их силой. Или мы заберем себе всех тех, кто, обладая полноценной кровью, может быть использован, и дадим им место в нашем народе, или... мы уничтожим их».

В России Кейтель, который, эксплуатируя Польшу, научился применять установку — «умная политика и жестокость», наметил веки своими приказами от 13 мая и 23 июля 1941 г. Я цитирую последний приказ, проект которого был составлен, по его собственному признанию, Иодлем.

«Имея в виду большие размеры оккупированных восточных территорий, военные силы, которыми мы располагаем для охраны безопасности на этих территориях, являются достаточными лишь в том случае, если всякое сопротивление будет подавляться не преследованием виновных судебным порядком, а проведением вооруженными силами такого террора, который будет достаточным фактором для искоренения всякого намерения к сопротивлению среди населения. Командующие должны изыскать способы для поддержания порядка не путем истребления дополнительных сил для охраны безопасности, а путем применения соответствующих драконовских мер».

Несомненно, что лишь непосредственные нужды военной машины спасли западные территории от такой же судьбы, однако Трибуналу представлены исчерпывающие доказательства относительно грабежей во Франции, Нидерландах и на других территориях, которые эти люди эксплуатировали в самой большой степени. Если принять во внимание, какова была их политика убийств, нет ничего удивительного в том, что люди, которым они поручили проводить эту политику, были скотами.

Так, в сфере деятельности Розенберга подвизался Кох, которого Розенберг рекомендовал на пост комиссара Москвы именно потому, что он отличался «абсолютной безжалостностью». Именно Кох учинил кровавую расправу над несколькими сотнями невинных людей в Цуманском лесу для того, чтобы устроить для себя охотничий заповедник.

Другим представителем Розенберга был Кубе, который писал:

«Мы ликвидировали за последние десять недель приблизительно 55 тысяч евреев в Белоруссии. На территории Минской области евреи были уничтожены без ущерба для поставок рабочей силы; в городе Риге было уничтожено 16 тысяч евреев» и так далее.

...Стараясь понять проблемы, стоящие перед Восточной Европой, мы должны понять, что невозможно описать в подробностях это мученичество Польши. Треть населения была убита, миллионы ввергнуты в нищету, искалечены, разбиты болезнями, стали беспомощными.

Освободители пришли как раз вовремя для того, чтобы спасти древний народ от полного выполнения той ужасной программы, которую замыслили эти люди.

Существовала одна группа населения, в отношении которой политика уничтожения применялась в таких громадных масштабах, что я считаю своим долгом специально на этом остановиться. Я имею в виду уничтожение евреев. Если бы это было единственным преступлением, совершенным этими людьми, единственным, в котором замешаны они все, его одного было бы достаточно, чтобы осудить их.

История не знает подобных ужасов.

Как только возможность второй мировой войны стала реальностью, Штрейхер, который начал проповедовать эту постыдную доктрину еще в 1925 году, стал совершенно серьезно выступать за уничтожение евреев.

Так же как, по собственному признанию, проведением долгодней пропаганды в пользу расовых законов он содействовал изданию нюрнбергских декретов, так в январе 1939 года в ожидании войны, которая должна была начаться, он «при полной поддержке высших имперских властей» стал выдвигать в статьях, публикуемых в «Дер штюрмер», яростные требования физического истребления еврейского народа.

Если только слова не совсем еще утратили свой смысл, то что иное, кроме убийства, означают такие выражения: «Они должны быть вырваны с корнем», «тогда преступная раса будет выкорчевана навсегда», «тогда евреи будут вырезаны в массовом масштабе», «приготовьте им могилу, из которой они не смогут восстать».

Почти сразу после начала войны началось организованное истребление еврейской расы.

Гесс¹ сказал Вам:

«Полное разрешение еврейского вопроса означает полное уничтожение всех евреев в Европе. В июне 1941 года я получил указание подготовить необходимые для уничтожения условия в Освенциме. К тому времени в генерал-губернаторстве существовало уже три лагеря уничтожения: Бельзен, Трелинка и Волчек».

За обедом у фюрера в октябре 1940 года Франк разъяснил:

«Деятельность генерал-губернаторства можно считать весьма успешной. Теперь евреи Варшавы и других городов заперты в гетто. Краков скоро будет очищен от них.

Рейхслейтер фон Ширах заметил, что у него в Вене еще имеется 50 тысяч евреев, которых Франк должен у него забрать».

¹ Речь идет о коменданте гитлеровского лагеря уничтожения Освенцима. — Составители.

Когда вышел самый приказ, подготовительные меры в той степени, в которой они касались Польши и Германии, уже были проведены в жизнь.

Красноречивым свидетельством акции, проведенной в Варшаве, уничтожения гетто и кровавой расправы с его населением является отчет генерала Штропа. Но судьба евреев в Варшаве была лишь типичным примером судьбы евреев во всех других гетто Польши.

Если их не убивали в самих гетто, их отправляли в газовые камеры. Гесс, комендант освенцимского лагеря, следующим образом описывал эту процедуру:

«Я поехал в Трешлинку, чтобы узнать, как они проводили операции по уничтожению. Начальник лагеря Трешлинка сказал мне, что он ликвидировал 80 тысяч человек на протяжении периода в полгода. Он главным образом занимался ликвидацией евреев из Варшавского гетто».

Гесс описывает усовершенствование, которое он ввел в Освенциме. Он ввел в употребление новый газ — циклон «В», который «умерщвлял людей в газовой камере за время от 3 до 15 минут, в зависимости от температурных условий. Мы узнавали о том, что люди задохнулись, потому, что они переставали кричать. Второе наше усовершенствование по сравнению с Трешлинкой заключается в том, что мы построили газовые камеры, рассчитанные на одновременное уничтожение 2 тысяч человек, в то время как в Трешлинке десять газовых камер были оборудованы лишь на двести человек каждая».

И далее он описывает, как отбирались жертвы из ежедневно прибывавших транспортов:

«Те, кто был пригоден для работы, отправлялись в лагерь. Остальные немедленно посылались на установки для уничтожения. Дети раннего возраста уничтожались без исключения, поскольку они не могли вследствие своего возраста быть использованы на работе. Следующее усовершенствование, которого мы достигли по сравнению с Трешлинкой, заключалось в том, что в Трешлинке жертвы почти всегда знали, что их ведут на уничтожение, а в Освенциме мы старались одурачить их и заставить их думать, что они должны пройти санитарную обработку. Конечно, очень часто они понимали, каковы были наши истинные намерения. Очень часто женщины прятали своих детей под одежду, но, найдя их, мы направляли этих детей на уничтожение...»

От нас требовали, чтобы мы проводили эти уничтожения в обстановке самой строгой секретности, но, конечно, отвратительный и тошнотворный запах постоянно сжигаемых человеческих тел пропитал воздух в окрестностях, и все жители

окружающих селений знали о том, что в Освенциме производится уничтожение людей».

Об этом также должны были знать те, кто жил близ Бельзена, Трешлинка, Волчека, Маутхаузена, Саксенхаузена, Флосенбурга, Нейенгамма, Гузена, Натцвейлера, Люблина, Бухенвальда и Дахау.

Я не для того повторяю все это, чтобы заставить кровь стынуть в жилах. Следует выбрать эти несколько примеров из большого количества доказательств, собранных здесь, для того чтобы увидеть все эти события в перспективе и правильно в целом оценить общее значение того, что было здесь доказано.

За германскими армиями, вторгшимися в Россию и в прибалтийские государства, шли по пятам эйнзатцкоманды. И их ужасная работа была заранее подготовлена и запланирована. В папке, где содержится описание действий специальной группы «А», имеется карта Прибалтики, на которой показано, сколько евреев, подлежащих изгнанию и умерщвлению, проживало в каждом из прибалтийских государств.

На другой карте показаны результаты этой двух- или трехмесячной работы — 135 567 уничтоженных евреев.

В другом отчете о деятельности эйнзатцкоманд за октябрь 1941 года содержится заявление о том, что они продолжали «идти вслед за наступающими войсками в секторы, которые были выделены для них».

Эти акции — дело рук не только Гимmlера и СС. Они проводились в сотрудничестве с армейскими командирами и с ведома Кейтеля и Йодля и, несомненно, учитывая, что каждый солдат в армии на Востоке должен был знать о них, также с ведома всех членов правительства и командующих вооруженными силами.

«Наша задача, — говорится в отчете специальной группы «А», — заключалась в быстром установлении личного контакта с командующими армиями. Необходимо с самого начала подчеркнуть, что сотрудничество с частями регулярной армии было, как правило, хорошо налажено. В некоторых случаях, как, например, с четвертой танковой группой под командованием генерал-полковника Геппнера, оно было очень тесным, почти сердечным».

Германские генералы, плавая в крови сотен тысяч беззащитных невинных мужчин, женщин и детей, действовали «почти сердечно». Быть может, им нравилась эта работа, так же как она, очевидно, нравилась самим членам эйнзатцкоманд.

«Следует упомянуть, — говорится в отчете, — что командиры вооруженных отрядов СС и регулярной полиции, находясь в запасе, заявили о своем желании остаться в составе полиции безопасности и СД».

Снова и снова в отчетах об успехах эйнзатцкоманд подчеркивается роль, которую в них сыграло сотрудничество с армейскими организациями. После описания того, каким образом тысячи литовских евреев были «обезврежены» во время одного из погромов в июне, в одном из отчетов говорится:

«Эти мероприятия по самоочищению проходили гладко благодаря тому, что армейские организации, которые были поставлены об этом в известность, проявили должное понимание этой задачи».

Армейские организации проявляли не одну только «сердечность» и понимание задач. В некоторых случаях они брали инициативу в свои руки. После описания умерщвления больных из психиатрической больницы, которые попали в руки эйнзатцкоманды, в отчете говорится:

«Иногда армейские власти просили нас подобным же образом очистить другие учреждения, помещения которых были нужны для расквартирования войск. Однако поскольку интересы полиции безопасности не требовали такого вмешательства, армейским властям предоставлялось самим, с помощью их собственных частей, провести необходимые мероприятия».

И далее:

«Продвижение частей оперативной группы «А», которая должна была действовать в Ленинграде, производилось по договоренности с танковой группой и в соответствии с выраженным желанием танковой группы 4».

Могло ли случиться, что операции такого рода, длившиеся в течение месяцев и лет на громадных территориях, проводившиеся в сотрудничестве с вооруженными силами по мере их продвижения и на тыловых территориях, которыми они управляли, оставались неизвестными руководителям Германии? Даже их собственные уполномоченные на оккупированных территориях заявляли протесты. В октябре 1941 года уполномоченный по Белоруссии направил имперскому уполномоченному по делам восточных территорий в Риге отчет об операциях в своем округе. На основании этого отчета можно получить некоторое представление об ужасах этих мероприятий.

«Несмотря на тот факт, что евреи подвергались самому ужасному и варварскому обращению на глазах белорусов, самих белорусов также «обрабатывали» резиновыми дубинками и ружейными прикладами... Все это зрелище в общем было более чем ужасно... Я не присутствовал на расстрелах за городом, поэтому я не могу говорить о их жестокости, но достаточно будет сказать, что «расстрелянные» сами выкапывали себя из могил через некоторое время после того, как их засыпали землей».

Однако протесты такого рода ни к чему не вели, массовые убийства продолжались с ужасающей жестокостью.

В феврале 1942 года в оперативном отчете Гейдриха о деятельности эйнзатцкоманд в СССР, отчете, копия которого была адресована лично Кальтенбруннеру, говорилось:

«Нашей целью является полное очищение восточных территорий от евреев... Эстония уже очищена от них. В Латвии, в Риге, где было 29 500 евреев, количество их сокращено до 2500 человек».

В июне 1943 года уполномоченный по Белоруссии снова протестовал. После того как он упомянул о том, что 4,5 тысячи человек было убито, он писал:

«Политический эффект таких операций широкого масштаба на мирное население ужасен, в особенности, если учесть многочисленные расстрелы женщин и детей».

Имперский комиссар, передавая этот протест Розенбергу, имперскому министру по оккупированным восточным территориям в Берлине, добавил:

«Тот факт, что евреи должны быть подвергнуты особому обращению, не требует дальнейшей дискуссии. Однако с трудом можно поверить тому, что это делается таким образом, как это описано в докладе генерального комиссара. Что такое Катюнь по сравнению с этим! Вообразите только, что эти события станут известны противной стороне и будут использованы ею! Наиболее вероятно, что такая пропаганда не окажется действенной, но только потому, что люди, которые услышат или прочтут об этом, не смогут поверить этому».

Как правильно то, что здесь говорится! Разве даже сейчас мы можем поверить этому!

Описывая трудности в установлении различия между врагом и другом, он говорит:

«Тем не менее было бы возможно избежать зверств и похоронить тех, которые были ликвидированы. Запирать мужчин и женщин в амбары и поджигать их — не подходящий метод борьбы с бандами, даже если желательно уничтожить население. Этот метод не достоин миссии Германии и наносит жестокий ущерб нашей репутации».

Из всех евреев, убитых в Белоруссии и Прибалтике, более 11 тысяч было умерщвлено в Либавском округе и 7 тысяч из них в самом военном порту».

Как может кто-нибудь из этих подсудимых заявлять, что он ничего не знал об этом? Когда Гиммлер говорил об этих действиях открыто перед своими генералами СС и остальными офицерами дивизий СС в апреле 1940 года, он сказал им:

«Антисемитизм — это точно то же самое, что санитарная обработка. Избавление от вшей не вопрос идеологии, это вопрос —

гигиены. Точно так же для нас и антисемитизм являлся не вопросом идеологии, а вопросом гигиены, которым мы скоро практически займемся. Скоро мы избавимся от «вшей». У нас осталось только 20 тысяч «вшей», и затем с этим вопросом будет покончено во всей Германии».

Тем временем массовое уничтожение евреев в Освенциме и в других центрах уничтожения стало отраслью государственной промышленности, производящей большое количество побочных продуктов. Тюки волос, некоторые из них, как Вы вспомните, все еще заплетенные в косы, в таком виде, как они были срезаны с девичьих голов; тонны одежды, игрушек, очков и других предметов направлялись в империю для набивки стульев в домах жителей нацистской Германии и для того, чтобы служить им одеждой. Золото с зубов жертв, 72 полных транспорта, были направлены в Германию с тем, чтобы заполнить сейфы рейхсбанка Функа. Даже тела жертв использовались для того, чтобы возместить вызванный войной недостаток мыла. Жертвы прибывали со всей Европы. Евреев из Австрии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Голландии, Советской России, Франции, Бельгии, Польши, Греции собирали вместе для того, чтобы депортировать в лагеря уничтожения или убивать на месте.

В апреле 1943 года Гитлер и Риббентроп оказывали давление на регента Хорти с тем, чтобы он предпринял действенные меры против евреев в Венгрии. Хорти спросил:

«Что он может сделать еще с евреями после того, как он лишил их почти всех возможностей существования; не может же он убить их. Имперский министр иностранных дел заявил, что «евреи должны быть или истреблены или посланы в концентрационные лагеря. Другой возможности не существует».

...В сентябре 1942 года статс-секретарь Риббентропа Лютер писал:

«Имперский министр иностранных дел инструктировал меня сегодня по телефону о том, что нужно ускорить, насколько это возможно, эвакуацию евреев из различных стран...»

После краткого обзора проходящей сейчас эвакуации в Словении, Кroatии, Румынии и на оккупированных территориях имперский министр иностранных дел приказал, чтобы мы вступили в переговоры с Болгарским, Венгерским и Датским правительствами с тем, чтобы в этих странах также началась эвакуация».

К концу 1944 года 400 тысяч евреев из одной только Венгрии были казнены в Освенциме. В архивах германского посольства в Бухаресте в числе прочих имеется меморандум, который я цитирую:

«110 тысяч евреев эвакуируют из Буковины и Бессарабии в два леса в районе реки Буг. Цель этого мероприятия — ликвидация этих евреев».

День за днем в течение долгих лет женщины поднимали на руках своих детей и указывали им на небеса в то время, как они ждали своей очереди перед пропитанной кровью общей могилы. 12 миллионов мужчин, женщин и детей погибли, таким образом, в результате хладнокровного убийства; миллионы и миллионы оплакивают сегодня своих матерей, отцов, мужей, жен и детей.

Какое право на милосердие имеет тот, кто принимал хотя бы косвенное участие в подобном преступлении?

Пусть Грабе снова расскажет нам о Дубно (я цитирую): «5 октября 1942 г., когда я посетил строительную контору в Дубно, мой десятник сказал мне, что поблизости от строительного участка евреев из Дубно расстреливали в трех больших ямах — 30 метров длины и 3 метров глубины каждая. Ежедневно убивали около 1500 человек, 5 тысяч евреев, которые еще оставались в живых в Дубно до погрома, должны были быть ликвидированы. Так как расстрелы происходили в то время, как десятник там находился, он был вообще страшно подавлен. Вслед затем я поехал на строительный участок в сопровождении моего десятника и увидел вблизи от участка большую насыпь земли около 30 метров длины и 2 метров высоты. Несколько грузовиков стояло перед этой насыпью.

...Мой десятник и я направились прямо к ямам. Никто нам не помешал. Затем я услышал нестройный ружейный залп, раздавшийся из-за одной насыпи.

Люди, которые сошли с грузовиков, — мужчины, женщины и дети всех возрастов — должны были раздеться по приказу членов СС, имевших при себе кнуты или плетки. Они должны были сложить свою одежду в определенных местах, таким образом соответственно рассортировывались обувь, верхняя одежда и белье.

Я видел груды обуви, приблизительно от 800 до 1000 пар, огромные кипы белья и одежды. Без криков и плача эти люди, раздетые, стояли вокруг семьями, целовали друг друга, прощались и ожидали знака от другого эсэсовца, который стоял около насыпи также с кнутом в руке. В течение 15 минут, пока я стоял там, я не слышал ни одной жалобы, ни одной мольбы о милосердии. Я наблюдал за семьей, состоявшей из 8 человек: мужчины и женщины — в возрасте около 50 лет с детьми, около 8 и 10 лет, и двумя взрослыми дочерьми, около 20 и 24 лет. Старая женщина со снежно-белыми волосами держала на руках годовалого ребенка, пела ему и играла с ним. Ребенок ворковал от удовольствия. Родители смотрели на него со слезами в глазах. Отец держал за руку мальчика приблизительно лет 10 и что-то мягко говорил ему. Мальчик боролся со слезами. Отец указывал на небо, гладил рукой его по голове и, казалось, что-то объяснял

ему. В этот момент эсэсовец у насыпи крикнул что-то своему товарищу. Последний отсчитал около 20 человек и приказал им идти за насыпь. Среди них была и та семья, о которой я говорил. Я запомнил девушку, стройную, с черными волосами, которая, проходя близко от меня, показала на себя и сказала: «23». Я обошел вокруг насыпи и оказался перед огромной могилой. Люди тесно были сбиты друг к другу и лежали друг на друге, так что были видны только их головы. Почти у всех по плечам струилась кровь из голов. Некоторые из расстрелянных еще двигались. Некоторые подымали руки и повертывали головы, чтобы показать, что они еще живы. Яма уже была заполнена на две трети. По моему подсчету, там уже было около тысячи человек. Я поискал глазами человека, производившего расстрел. Это был эсэсовец, сидевший на краю узкого конца ямы; ноги его свисали в яму. На его коленях лежал автомат, он курил сигарету. Люди совершенно нагие сходили вниз по нескольким ступенькам, которые были вырублены в глиняной стене ямы, и карабкались по головам лежавших там людей к тому месту, которое указывал им эсэсовец. Они ложились перед мертвыми или ранеными людьми, некоторые ласкали тех, которые еще были живы, и тихо говорили им что-то. Затем я услышал автоматную очередь. Я посмотрел в яму и увидел, что там бились в судорогах люди; их головы лежали неподвижно на телах, положенных до них. Кровь текла из затылков. Я был удивлен, что не получил приказа уйти, но затем увидел, что вблизи находились еще два или три почтальона в форме.

Следующая группа уже приближалась. Они спускались в яму, легли на линию против предшествовавших жертв, и были расстреляны. Когда я, возвращаясь, огибал насыпь, я заметил другой, только что прибывший грузовик, нагруженный людьми. На этот раз это были больные и дряхлые люди. Старая, очень худая женщина со страшно тонкими ногами была раздета другими, уже обнаженными, в то время, как 2 человека поддерживали ее. Женщина, очевидно, была разбита параличом. Обнаженные люди пронесли ее вокруг насыпи. Я покинул это место вместе со своим десятником и уехал в машине обратно в Дубно.

Утром следующего дня, когда я снова посетил строительный участок, я увидел около 30 обнаженных людей, лежавших вблизи от ямы, примерно в 30—50 метрах от нее. Некоторые из них были еще живы, смотрели прямо перед собой остановившимися глазами и, казалось, не замечали ни утреннего холода, ни рабочих моей фирмы, которые стояли вокруг. Девушка около 20 лет заговорила со мной и попросила дать ей ее одежду и помочь бежать. В этот момент мы услышали шум быстро приближавшейся машины, и я заметил, что это была команда СС. Я отошел обратно на свой строительный участок.

Через 10 минут мы услышали выстрелы со стороны ям. Еще живым евреям было приказано бросить тела в яму; затем они сами должны были туда лечь, и были расстреляны выстрелами в затылок».

То, что ни один человек из сидящих на этой скамье не мог оставаться в неведении об ужасах, которые совершались для того, чтобы поддержать нацистскую военную машину и политику биологического уничтожения, становится еще более ясным, когда Вы рассматриваете судебный материал в отношении другого огромного преступления, о котором мало слышали в течение этого процесса и которое так же ясно, как и любое другое, иллюстрирует безнравственность и порочность этих людей и их режима, — убийство около 275 тысяч людей, так называемое убийство из «милосердия». Какие низменные поступки прикрывали они этим высоким словом!

Летом 1940 года Гитлер издал секретный приказ убить всех больных и престарелых людей Германии, которые не могли уже больше продуктивно работать для германской военной машины. Фрик больше, чем кто-либо иной в Германии был ответствен за то, что произошло в результате этого приказа. Имеется обильный материал, свидетельствующий об этом и о том, что это было известно огромному количеству людей в Германии.

В июле 1940 года епископ Вурм писал Фрику:

«В течение нескольких последних месяцев умалишенные, слабоумные и эпилептики — пациенты государственных и частных медицинских учреждений — были переведены в другое медицинское учреждение по приказу имперского совета обороны. Их родственников, даже в тех случаях, когда пациент содержался на их счет, информировали о переводе только после того, как он уже совершался. В большинстве случаев лишь через несколько недель после этого их информировали о том, что данный пациент скончался в результате болезни и что в связи с опасностью инфекции тело его должно было быть подвергнуто кремации. По приблизительному подсчету несколько сот пациентов только из одного медицинского учреждения в Вюртенберге умерли таким образом...

В связи с многочисленными запросами из города и провинции и из самых различных кругов я считаю своим долгом указать имперскому правительству, что этот факт является причиной особого возбуждения в нашей маленькой провинции. Транспорт с больными людьми, которые разгружаются на маленькой железнодорожной станции Марбах, автобусы с темными стеклами, которые доставляют больных с более отдаленных железнодорожных станций или непосредственно из госпиталей, дым, поднимающийся из крематория и заметный даже на большом расстоянии, — все это дает пищу для размышлений,

поскольку никому не разрешается входить в то место, где происходят казни. Каждый убежден в том, что причины смерти, которые опубликовываются официально, выбраны наугад. Когда в довершение всего в обычном извещении о смерти выражается сожаление о том, что все попытки спасти жизнь пациента оказались напрасными, это воспринимается как издевательство. Но, кроме всего, атмосфера тайны будит мысль о том, что происходит нечто противоположное справедливости и этике и поэтому правительство не может выступить в защиту этого. Это положение постоянно подчеркивается простыми людьми и в многочисленных устных и письменных заявлениях, которые к нам поступают».

Уши Фрика были глухи, когда к нему взывали о справедливости и этике. Через год, в августе 1941 года епископ Лимбургский писал имперским министерствам: внутренних дел, юстиции и по церковным делам.

Я цитирую:

«Примерно в восьми километрах от Лимбурга, в маленьком городке Хадамар, на холме, возвышающемся над городом, имеется учреждение, которое прежде служило для различных целей, но с недавнего времени использовалось как инвалидный дом. Это учреждение было отремонтировано и оборудовано как место, в котором, по единодушному мнению, приблизительно с февраля 1941 года в течение нескольких месяцев систематически осуществляется предание людей вышеупомянутой «легкой смерти». Этот факт стал известен за пределами административного округа Висбаден... Несколько раз в неделю автобусы с довольно большим числом таких жертв прибывают в Хадамар. Окрестные школьники знают этот автобус и говорят: «Вот снова идет ящик смерти».

После прибытия автобуса граждане Хадамара видят дым, поднимающийся из трубы, и с болью в душе думают о несчастных жертвах, в особенности, когда до них доходит отвратительный запах. В результате того, что здесь происходит, дети, посорившись, говорят: «Ты сумасшедший, тебя отправят в печь в Хадамар».

Те, которые не хотят или не имеют возможности жениться, говорят: «Жениться?! Никогда! Произвести на свет детей с тем, чтобы их потом бросили в эти мясорубки». Часто можно слышать, как старики говорят: «Не посылайте меня в государственную больницу: после того как будет покончено со слабоумными, настанет очередь следующих бесполезных едоков — стариков...»

Говорят, что чиновники государственной тайной полиции стараются подавить обсуждение событий в Хадамаре путем применения суровых угроз. Это может быть вызвано хорошими на-

мерениями в интересах общественного спокойствия, но осведомленность и негодование населения не могут быть этим изменены.

Убеждение укрепится после осознания того, что обсуждение запрещено под угрозами, но сами действия не преследуются уголовным правом. Факты говорят сами за себя».

Если простой народ Германии знал об этих сравнительно незначительных по масштабам убийствах и жаловался по этому поводу, если министерства юстиции, внутренних дел и по делам церкви получили протесты от епископов двух округов, далеко отстоявших один от другого, о том, что было общеизвестно в их епархиях, то насколько более серьезной являлась проблема обеспечения тайны в деятельности эйнзатцкоманд на Востоке. В мае 1942 года руководитель СС, докладывая в Берлин по поводу своей инспекторской поездки по проведению мероприятий по умирщвлению, писал о газовых автомобилях:

«Приказав прорубить по одному окну с каждой стороны в маленьких автомобилях и по двум окнам с каждой стороны в больших автомобилях, — таких, как можно часто видеть в крестьянских домах в деревне, — я добился того, что автомобили группы «D» стали выглядеть, как автомобили, приспособленные для жилья. Они настолько хорошо известны, что не только власти, но и гражданское население называют такие автомобили «машины смерти», как только они появляются. По моему мнению, даже при маскировке нельзя будет держать это в секрете хоть сколько-нибудь продолжительное время».

Могли ли эти подсудимые оставаться в неведении? Что именно ниспослало им провидение для того, чтобы не дать им узнать об этом, чтобы спасти их от того, чтобы они узнали о том, что было их собственным делом? Эти убийства престарелых и слабоумных — предмет толков во всей Германии и тема статей в мировой прессе — должны были быть известны каждому из этих людей.

Насколько больше еще они должны были знать о концентрационных лагерях, которые в течение этих лет покрыли, как сыпь, всю Германию и оккупированные территории! Если они могли молча согласиться с «убийствами из милосердия», то с каким одобрением они должны были рассматривать убийства евреев!

В 1939 году существовало шесть основных концентрационных лагерей: Дахау, Саксенхаузен, Бухенвальд, Маутхаузен, Флосенбург и Равенсбрюк.

Бюджетный отчет Фрика, составленный за 1939 год для министерства внутренних дел, включает сумму в 21 155 тысяч рейхсмарок для вооруженных отрядов СС и концентрационных лагерей, сумму, которая представляет собой не менее одной пятой общего бюджета. К апрелю 1942 года к этим лагерям прибавилось еще девять. Позднее было создано еще много других

лагерей. Однако эти лагеря были только сердцевиной этой системы, причем, подобно тому, как планета имеет своих спутников, сопутствующих ей, так и каждый из этих лагерей имел свои вспомогательные лагеря.

Цирайс¹ дал Вам некоторое представление о масштабах этой системы. Он описывает вспомогательные лагеря, которые были у одного только лагеря Маутхаузен. Он упомянул названия 33 из этих лагерей, указав при этом число заключенных в каждом из них, причем общее их число превышает 102 тысячи.

Помимо этих 33 лагерей, было уже 45 других, которые также управлялись комендантами лагеря Маутхаузен.

Все Вы видели карту Европы, на которой было показано расположение всех тех основных и вспомогательных концлагерей, которые стали известными. Более 300 из них отмечены на этой карте. К августу 1944 года общее число заключенных в этих лагерях составляло 1 миллион 136 тысяч, из них 90 тысяч человек из Венгрии, 60 тысяч из полицейской тюрьмы и гетто Литманнштадта, 15 тысяч поляков из генерал-губернаторства, 10 тысяч осужденных из восточных территорий, 17 тысяч бывших польских офицеров, 400 тысяч поляков из Варшавы и от 15 тысяч до 20 тысяч человек, постоянно прибывавших из Франции. Это были только лица, пригодные для физической работы, поэтому они были постоянными заключенными этих лагерей, постоянными по крайней мере до тех пор, пока в силу физического изнурения уже больше не были способны приносить какую бы то ни было пользу, после этого их существование приносило только неприятности. Затем этих людей ежедневно отправляли в газовые камеры.

День за днем из труб крематориев исходило тошнотворное зловоние, распространявшееся по всей окружающей местности. Если епископ Лимбургский мог написать Фрику об отвратительном запахе, исходившем из сравнительно небольших печей Хадмара, можем ли мы сомневаться в правдивости показаний Гесса относительно того, что «отвратительный тошнотворный запах от постоянно сжигаемых тел распространялся по всей местности и все население окружающих населенных пунктов знало, что в Освенциме происходило истребление людей».

День за днем поезда с жертвами, обреченными на истребление или рабство, курсировали по железным дорогам всей империи. Многие прибывали умирающими или даже мертвыми из-за тех ужасных условий, в которых им приходилось путешествовать. Один чиновник из управления железнодорожной станции

¹ Штандартенфюрер СС Франц Цирайс, — последний комендант концлагеря Маутхаузен, был арестован и 13 августа 1945 г. дал подробные показания о совершенных злодеяниях. — Составители.

в Эссене описал прибытие рабочих из Польши, Галиции и Украины следующим образом: «Они прибыли в товарных вагонах, в которых перевозился картофель, строительные материалы и скот. Вагоны были битком набиты людьми. Я лично считаю, что перевозить людей подобным образом просто бесчеловечно. Люди были так тесно прижаты друг к другу, что даже не было места свободно повернуться. Каждый порядочный немец пришел бы в ярость, если бы видел, как били этих людей, ударяли их ногами и вообще подвергали их жестокому обращению. Уже в самом начале, как только прибыл первый эшелон, мы могли видеть, как бесчеловечно обращались с этими людьми. Каждый вагон был настолько переполнен, что казалось невероятным уместить такое количество людей в одном вагоне. Одежда военнопленных и гражданских рабочих была в ужасном состоянии. Это были просто лохмотья, обувь была в таком же состоянии. В некоторых случаях они должны были выходить на работу, намотав на ноги тряпки. Даже в самую плохую погоду и ужасный холод я никогда не видел, чтобы хоть один вагон отапливался».

Эти люди не были предназначены для концентрационных лагерей. Насколько ужаснее было положение тех, которые были предназначены для них!

Большие колонны людей также проходили пешком по шоссейным дорогам Германии. Они шли до тех пор, пока могли идти, а затем они падали и умирали на обочине дороги.

Цирайс в своем предсмертном признании говорит:

«В присутствии Бальдура фон Шираха и других я получил следующий приказ от Гимmlера: «Все евреи, проживающие на юго-востоке, работающие в так называемых командах по строительству укреплений, должны быть посланы пешком в Маутхаузен».

В результате этого приказа мы ожидали получить 60 тысяч евреев в Маутхаузен, но в действительности только небольшая часть этого количества прибыла на место назначения. Я помню, что из одной конвоируемой партии, состоявшей из 4500 евреев, которая была направлена в лагерь из одного местечка внутри страны, прибыло на место назначения только 180. Женщины и дети были разуты, раздеты и покрыты насекомыми. В этой партии были целые семьи, которые отправились в путь все вместе, но очень многие из них умерли в пути от воздействия погоды, слабости и т. д.».

Что бы ни было спрятано от постороннего взгляда за колючей проволокой концентрационных лагерей, эти факты могли видеть все. Каждый из этих подсудимых должен был это видеть, как он должен был видеть тысячи заключенных в концентрационных лагерях, работавших на полях и фабриках, в равной форменной одежде, которая была так же знакома всем, как

и любая другая форма в Германии. Как мог каждый из этих подсудимых, если в нем была хоть искра человеческой жалости, продолжать принимать активное участие в поддержке той системы, которая была ответственна за подобные страдания? Но у них не было никакой жалости. С помощью своей идеологии и воспитания они отучили и германский народ проявлять чувство жалости. Цирайс описывает тот страшный конец, который Кальтенбруннер предназначал для концентрационных лагерей и заключенных в них, когда приближение наступавших союзных армий вызвало угрозу захвата этих лагерей и раскрытия виновности нацистского правительства.

Я цитирую:

«Заключенные должны быть введены в туннели фабрики Бергкристалл, и оставленный единственный вход должен быть завален с помощью взрывчатых веществ, таким образом заключенные должны быть умерщвлены».

Даже Цирайс — убийца 65 тысяч заключенных Маутхаузена — испугался и отказался от выполнения этого приказа. Эти показания подтверждаются совершенно определенно письменным приказом, изданным начальником ЗИПО и СД в генерал-губернаторстве. Этот приказ был представлен в качестве доказательства. Я цитирую его:

«Следует заранее провести подготовку с тем, чтобы, если этого потребует положение на фронте, можно было полностью очистить лагерь от заключенных. Если же события будут разворачиваться совершенно неожиданно и таким образом, что будет невозможно эвакуировать заключенных, то все заключенные должны быть умерщвлены и по возможности следует уничтожить их тела (сжигание, подрыв зданий и т. д.).»

Если будет необходимо, то с евреями, которые все еще использовались в промышленности вооружения или на других работах, следует расправиться подобным же образом. При всех обстоятельствах следует избегать того, чтобы заключенные или евреи были освобождены противником, безразлично — будь то враг с запада или Красная Армия. Они не должны также попасть в их руки живыми».

И Кальтенбруннер лично заботился о том, чтобы эти приказы были выполнены. Располагая этим доказательством, мы можем придать только одно значение той телеграмме, которая была найдена среди документов при его аресте: «Прошу сообщить рейхсфюреру СС и доложить фюреру о том, что я лично позаботился сегодня о проведении всех мероприятий против евреев, политических заключенных и заключенных концентрационных лагерей в протекторате».

...Положение, которое Вас просят считать признанным, заключается в том, что человек, который был министром или играл

какую-нибудь другую ведущую роль в государстве, которое в течение шести лет перевезло в ужасных условиях 7 миллионов мужчин, женщин и детей на работу, истребило 275 тысяч старых и душевнобольных людей, уничтожило в газовых камерах или расстреляло по минимальным подсчетам 12 миллионов человек, не мог не знать об этом и не может быть освобожден от ответственности за совершение этих преступлений.

Вас просят также согласиться с тем, что ужасы транспортировки этих людей, условия рабского труда, используемого в трудовых лагерях по всей стране, зловоние от сжигаемых тел — все это было известно всему миру и не могло быть неизвестно тем 21 человеку, согласно приказам которых осуществлялись все эти действия.

В то время, как они выступали и писали об оказании поддержки этой ужасной политике биологического истребления народов, Вас просят признать, что, хотя они и высказывались за поддержку политики, они это делали потому, что не знали об этих фактах.

Решить, что же правильно, должны Вы.

Геринг, Гесс, Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Функ, Шахт, Дениц, Редер, Ширах, Заукель, Иодль, фон Папен, Зейсс-Инкварт, Шпеер, фон Нейрат, Фриче, Борман — вот люди, которые виновны в этом.

Разрешите мне сделать краткие замечания о каждом из них, но особенно я остановлюсь на тех, чье тесное соучастие в совершении этих подлых преступлений и зверских убийств было, возможно, менее очевидным.

Ответственность Геринга за все эти преступления вряд ли возможно отрицать. Скрываясь за маской показного добродушия, он не меньше, чем все остальные, был творцом этой дьявольской системы. Кто же еще, помимо Гитлера, был более осведомлен о том, что происходило, или имел большую силу повлиять на ход этих событий?

Руководство правительством в нацистском государстве, последовательное проведение подготовки к войне, заранее рассчитанная агрессия, зверства — все это не происходит самопроизвольно или без тесного сотрудничества людей, возглавляющих различные высшие учреждения государства. Люди сами по себе не вступают на чужую территорию, не спускают курок винтовки, не сбрасывают бомб, не строят газовых камер, не сгоняют вместе свои жертвы, если только их не организуют для этого и им не приказывают делать этого.

В преступлениях, совершаемых систематически и в национальном масштабе, должен был быть замешан некто, кто являлся необходимым звеном этой цепи, ибо без участия такого

человека выполнение агрессивных планов в одном месте и проведение массовых убийств в другом было бы невозможным.

Принцип фюрерства, согласно которому нацисты передали себя, душой и телом, в распоряжение своего фюрера, был созданием нацистской партии и этих людей. Когда я выступал перед Вами в начале процесса, я отметил, что наступает время, когда приходится сделать выбор между своей совестью и своим фюрером. Ни один из тех, кто, как эти люди, предпочел отречься от своей совести ради этого чудовища, которое они сами создали, не может теперь жаловаться на то, что их привлекают к ответственности за их соучастие в действиях этого чудовища.

И меньше всего Гесс. Роль Гесса в нацистской партии точно установлена. Не удовлетвовавшись созданием этого чудовища, он оказывал ему помощь во всех областях его чудовищной деятельности. Я приведу только один пример. Вы помните указание, данное им партийным чиновникам в связи с вопросом об истреблении восточных народов, об оказании помощи набору в войска СС. Он сказал: «Они состоят из национал-социалистов, являющихся наиболее подходящими по сравнению с другими вооруженными войсками для выполнения особых задач на оккупированных восточных территориях, благодаря их усиленной национал-социалистической подготовке по расовым и национальным вопросам».

Роль Риббентропа также ясна. Никто в истории не проводил такой извращенной дипломатии; никто не был виновен в более низком предательстве. Но он, как и все остальные, также являлся просто обыкновенным убийцей. Именно Риббентроп начиная с 1940 года направил свои креатуры в посольствах и миссиях по всей Европе, чтобы ускорить проведение этих «политических мер», то есть мер по расовому истреблению. Не Гиммлер, а имперский министр иностранных дел, — тот, кто гордо доложил дуче в феврале 1943 года, что «все евреи были вывезены из Германии и с оккупированных ею территорий в гетто на Восток».

Его наглые советы Хорти, высказанные через два месяца после этого, и протокол совещания, созванного Штейнграхтом, его постоянным заместителем, выдают смысл этих чудовищных эвфемизмов. Никто так не настаивал на проведении беспощадных мер на оккупированных территориях, как Риббентроп. Вы припомните его совет итальянцам относительно того, как справляться с забастовками. «В подобном случае только проведение безжалостных мер может привести к каким-нибудь результатам. На оккупированных территориях мы ни к чему не придем, применяя мягкие методы в попытках достичь соглашения». Этот совет он еще раз подкрепил, с гордостью ссылаясь на успехи, достигнутые проведением «жестоких мер» в Норвегии,

«жестоких мероприятий» в Греции, и на успех «драконовских» мер во Франции и Польше.

Были ли Кейтель и Йодль менее ответственны за убийства, чем их сообщники? Они не могут отрицать своей осведомленности и своей ответственности за действия эйнзатцкоманд, с которыми их собственные командующие работали в тесном и сердечном содружестве. Примером отношения верховного командования к этому вопросу в целом может служить замечание Йодля относительно эвакуации евреев из Дании:

«Я ничего не знаю об этом. Если политическое мероприятие в Дании должно проводиться командующим, ОКВ должно быть извещено об этом министерством иностранных дел».

Вы¹ не можете скрыть убийство тем, что назовете его политической мерой.

Кальтенбруннер, начальник главного имперского управления безопасности, должен быть признан виновным. Отчеты эйнзатцкоманд посылались ему ежемесячно. Вы вспомните слова Гизевнуса, свидетеля защиты:

«Мы спрашивали себя, можно ли было себе представить, что существует еще более жестокий человек, если существует такой изверг, как Гейдрих... Появился Кальтенбруннер, и положение ухудшалось с каждым днем... Мы на опыте убедились, что импульсивные акты убийств Гейдриха не были уже столь плохими в сравнении с хладнокровной правовой логикой юриста, который создал такое ужасное орудие, как гестапо».

Вы вспомните его² описание этих ужасных званых завтраков, на которых Кальтенбруннер обсуждал в деталях убийства в газовых камерах и технику массовых убийств.

Виновность Розенберга как философа и теоретика, который подготовил благоприятную почву для развития нацистской политики, несомненна. Невероятно, чтобы, будучи имперским министром по вопросам оккупированных восточных территорий, он не знал и об уничтожении гетто и не помогал этому, а также не знал о действиях эйнзатцкоманд. В октябре 1941 года, когда деятельность эйнзатцгрупп достигла высших пределов, один из начальников отдела министерства Розенберга в письме к имперскому уполномоченному по делам Востока в Риге информировал его о том, что главное имперское управление безопасности недовольно тем, что он запретил уничтожение евреев в Либаве, и просил прислать объяснения по этому поводу. 15 ноября в ответ на это пришло сообщение, адресованное имперскому министру по делам оккупированных восточных территорий (я цитирую):

¹ Обращаясь к подсудимым, говорит обвинитель. — Составители.

² Гизевнуса. — Составители.

«Я запретил зверское уничтожение евреев в Либаве, поскольку оно не было законным в том виде, в каком оно проводилось. Я желал бы получить информацию относительно того, следует ли ваш запрос от 31 октября рассматривать как директиву относительно уничтожения всех евреев на Востоке и следует ли это проводить независимо от пола, возраста и экономических интересов.

...Конечно, очищение Востока от евреев является крайне важным, однако разрешение этого вопроса следует согласовать с необходимостью выпуска военной продукции».

Франк, если недостаточно того, что он виновен в том, что был ответственным за управление генерал-губернаторством и за участие в одной из наиболее кровавых жестоких глав нацистской политики, сам заявил: «Нельзя убить всех вшей и всех евреев в один год».

Не случайно, что он говорит языком Гимmlера.

И далее:

«Что касается евреев, то я хочу вам сказать совершенно откровенно, что они должны быть уничтожены тем или иным путем... Джентльмены, я должен просить вас отказаться от чувства жалости. Мы должны уничтожать евреев всюду, где бы мы их ни находили, и всегда, когда это возможно, для того чтобы сохранить структуру империи в целом. Мы не можем расстрелять или отравить 3 миллиона 500 тысяч евреев, то тем не менее мы сможем принять меры, которые приведут к их уничтожению».

Мог ли Фрик как министр внутренних дел не знать о политике уничтожения евреев? В 1941 году один из его подчиненных — Гейдрих писал министру юстиции: «Можно безошибочно сказать, что в будущем не будет более евреев на захваченных восточных территориях».

Мог ли он как имперский протектор Богемии и Моравии отказать от ответственности за вывоз сотен тысяч евреев с этой территории и за помещение их в газовые камеры в Освенциме, расположенном всего лишь в нескольких милях по ту сторону границы?

Что касается Штрейхера, то о нем нет необходимости говорить. Этот человек, возможно, более, чем кто-либо другой, ответствен за совершение наиболее ужасных из всех преступлений, которые когда-либо были известны миру. В течение 25 лет уничтожение евреев являлось ужасной целью его жизни. В течение 25 лет он воспитывал немцев в духе ненависти, жестокости и убийства. Он учил и подготавливал их поддерживать нацистскую политику, одобрять и участвовать в жестоких преследованиях и уничтожении миллионов своих соотечественников. Без него этого бы не могло быть. Он давно уже потерял всякие права на жизнь.

Тот факт, что подсудимые Шахт и Функ занимались главным образом экономическими вопросами, не должен отвлекать внимание Трибунала от того, что они играли важную роль в осуществлении общего плана. Шахт сказал, что он непричастен к этому. Дело Трибунала решить этот вопрос. Шахт сыграл свою роль в приходе Гитлера к власти. Он сказал, что, по его мнению, Гитлер был «человеком, с которым можно было сотрудничать», и заверил Гитлера в том, что он может всегда на него рассчитывать «как на надежного помощника».

Он способствовал укреплению положения нацистов и являлся главной фигурой в сборе среди промышленников фондов для проведения выборной кампании. Затем в его функции стала входить задача создания экономического плана и механизма, необходимого для начала проведения и осуществления агрессии. Он знал о политике, проводимой, отношении евреев, он знал о методах, которые применял Гитлер для укрепления своей власти, он знал, что конечной целью была агрессия. Но он продолжал принимать участие в осуществлении этих планов. Мессерсмит следующим образом резюмировал содержание его деятельности:

«Однако благодаря находчивости Шахта, совершенно безжалостным методам, которых он придерживался в финансовой политике, и своему абсолютному цинизму Шахт смог сохранить и стабилизировать позицию нацистов. Несомненно, без полной передачи всех его способностей в руки нацистского правительства Гитлеру и нацистам было бы невозможно создать вооруженные силы, достаточные для того, чтобы дать возможность Германии вести агрессивную войну».

Тот факт, что это являлось стремлением Шахта, явствует весьма определенно из очень давнего секретного отчета министерства экономики от 30 сентября 1934 г. Я уже ссылался на отчет его помощника, в котором говорилось о поразительной тщательности, с которой были разработаны планы для подготовки к управлению германской экономикой в период войны до ухода Шахта в отставку в 1937 году. Неудивительно, что в день шестидесятилетия Шахта тогдашний германский военный министр Бломберг сказал ему: «Без вашей помощи, мой дорогой Шахт, не могло бы быть создано это вооружение».

Здесь на процессе Шахт показал, что уже во второй половине 1934 года и в первой половине 1935 года он понял, что «был неправ в своих предположениях» относительно того, что Гитлер придаст умеренный характер «революционным силам» нацизма, и что он понял, что Гитлер не сделал ничего для того, чтобы приостановить эксцессы отдельных членов партии, а также партийных групп. Гитлер проводил «политику террора».

Это совпадает с заявлением Шахта американскому послу в сентябре 1939 года, когда он сказал:

«Гитлеровская партия полностью посвятила себя войне; народ также проявляет желание вести войну и готов к этому, лишь некоторые правительственные чиновники сознают опасность этого и выступают против такого решения».

Дальнейшие объяснения Шахта относительно того, что цель его участия в правительстве заключалась в том, чтобы быть критическим началом и тормозом, нельзя совместить с его собственными действиями; исходя из своих собственных соображений, он не должен был становиться министром экономики, но тем не менее он это сделал. В мае 1935 года, когда он принял на себя функции генерального уполномоченного по вопросам военной экономики с тем, чтобы (я цитирую) «поставить все экономические ресурсы на службу войне и обеспечить германский народ в экономическом отношении», он писал Гитлеру:

«Все расходы для других целей, в которых нет особой необходимости, должны быть приостановлены, и вся финансовая мощь Германии должна быть сконцентрирована и направлена для достижения одной цели — вооружения».

В мае 1936 года на секретном совещании нацистских министров он заявил, что его программа финансирования вооружения означала «использование для этой цели с самого начала всех резервных фондов». Шахт сказал, что будет продолжать работать, поскольку он (я цитирую) «относится с неизменной лояльностью к фюреру, так как он полностью признает все основные идеи национал-социализма».

В 1937 году, когда Гитлер наградил его золотым значком партии, Шахт призвал всех своих коллег и заявил: «В дальнейшем я буду отдавать всю свою душу, все свои силы делу фюрера, делу империи. Будущее Германии находится в руках нашего фюрера».

В свете этих выдержек нет ничего неожиданного в том, что посол Додд, которого Шахт включил в число своих друзей, вспоминал в своем дневнике в записи от 21 декабря 1937 г.:

«В такой же степени, как ему¹ не нравилась диктаторская политика Гитлера, он, Шахт, так же как большинство других выдающихся немцев, желал аннексии, по возможности, без войны или путем войны, если Соединенные Штаты не будут в это вмешиваться».

Эта цитата, по нашему мнению, ясно показывает, что Шахт очень хорошо знал гораздо раньше, чем он это утверждает, о том, что целью Гитлера являлась война. Однако он признает, что ему было известно также и о том, что дискредитация генерала фон Фрича означала войну. Несмотря на то, что ему было известно об этом, 9 марта 1938 г. он принял пост президента рейхсбанка

¹ Шахту. — Составители.

дополнительно еще на четыре года. Он с радостью принял участие в захвате бывшего австрийского национального банка 21 марта 1938 г. и 7 июня 1939 г. писал Гитлеру:

«С самого начала рейхсбанк отдавал себе полный отчет в том, что успех внешней политики может быть достигнут лишь путем реорганизации германских вооруженных сил. Поэтому огромная ответственность возлагается на финансирование вооружения, несмотря на очевидную опасность, которая может в результате грозить денежному обращению. Оправдание этого — необходимость, которая отодвинула все другие соображения на задний план, немедленно начать перевооружение из ничего, и, более того, маскируя его, с тем чтобы увеличить престиж Германии во внешней политике».

Эти выражения и другие, подобные им, свидетельствуют, что Шахт знал, что Гитлер был готов вести войну для достижения своих целей. Интеллект Шахта и положение, которое он занимал в международном общественном мнении, лишь увеличивают безнравственность его преступлений. Более того, Шахт должен встать перед лицом этих фактов. Трибунал располагает в качестве доказательства фильмом, который показывает, как он льстиво расшаркивался перед Гитлером в 1940 году. Задолго до 1943 года он должен был знать о том, как обращались с евреями, и о господстве террора в оккупированных странах. Однако до 1943 года Шахт оставался министром без портфеля и, во всяком случае, отдал себя и свое имя делу этого режима ужаса.

Функ продолжал работу Шахта. Он оказал неоценимую услугу заговорщикам, организовав министерство пропаганды. Начиная с 1938 года он занимал пост министра экономики, президента рейхсбанка и главного уполномоченного по вопросам экономики, мобилизуя экономику для целей агрессивной войны и хорошо зная о нацистских планах агрессии. Мы находим его работающим в различных областях: он участвует в совещании, проводимом Герингом 12 ноября 1938 г., в совещании имперского совета обороны в июне 1939 года. Он дает советы по изданию декретов против евреев на первом совещании и относительно использования рабского труда и труда заключенных концентрационных лагерей — на втором.

В качестве окончательного доказательства того, как доброжелательно он относился к агрессии, можно привести его письмо к Гитлеру от 25 августа 1939 г., накануне дня, первоначально намеченного для наступления на Польшу. Он заявил: «Как счастливы и как благодарны вам должны мы быть за то, что нам довелось жить в такое великолепное время, меняющее судьбы мира, когда мы имеем возможность вносить свой вклад в грандиозные события этих дней. Генерал-фельдмаршал Геринг сообщил мне вчера вечером, что вы, мой фюрер, в принципе

одобрили подготовленные мною мероприятия, касающиеся финансирования войны, установления системы цен и заработной платы и осуществления плана по изысканию дополнительных средств. С теми планами, которые были мною разработаны в отношении безжалостного прекращения всех маловажных расходов и всех издержек и финансирования проектов, не нужных для военных целей, мы сможем удовлетворить все наши финансовые и экономические потребности без серьезных для нас последствий».

Нет необходимости говорить здесь еще что-нибудь о его участии в войне, но мне хотелось бы сослаться на протоколы центрального управления по планированию, на его соглашение с Гиммлером по поводу использования того, что было награблено СС и, как он знал, привозилось в подвалы рейхсбанка на грузовиках из Освенцима и других концентрационных лагерей. Трибунал также вспомнит тот документ, который показывает, что министерство экономики получало также колоссальное количество гражданского платья, оставшегося после гибели несчастных жертв.

Разве Дениц был в неведении, когда он перед 600-тысячной аудиторией моряков военного флота выступал с речью о «распространении заразы еврейства»?

Неужели об этом не знал Дениц, который нашел возможным передать военно-морскому штабу директиву Гитлера относительно расправы с всеобщей стачкой в Копенгагене, — «на террор нужно отвечать террором», который направил запрос о доставке 12 тысяч рабочих из концентрационных лагерей для использования их на судостроительных верфях и предложил применить коллективные репрессии против скандинавских рабочих ввиду эффективности подобных мер во Франции.

Разве руки Редера не испачканы в крови от совершенных убийств? Еще в 1933 году он писал буквально следующее:

«Гитлер совершенно ясно заявил, что, с политической точки зрения, к 1 апреля 1938 г. ему нужно иметь такие вооруженные силы, которые он мог бы бросить на весы как орудие своей политической мощи».

Поэтому, когда затем он получил приказ вести борьбу, если внешняя политика Гитлера приведет к войне, он прекрасно понимал, что эта война означала определенный риск в случае неудачи этой политики. Вновь и вновь он получал об этом предупреждения: в первый раз, когда Германия ушла с конференции по разоружению, затем во время переговоров по поводу военно-морского соглашения в 1935 году, во время возникновения вопроса о Рейнской области и позднее, когда он присутствовал на известном «совещании Госсбаха». Он пытался убедить Трибунал в том, что выступления Гитлера на этих совеща-

ниях казались ему только разговорами; однако мы знаем, что они вызвали у Нейрата сердечный припадок.

С его старыми товарищами по службе — фон Бломбергом и фон Фричем, которые были настолько недалекими, что выступили с возражениями на совещании, которое определило судьбу Австрии и Чехословакии, обошлись так, что, по его собственным словам, тогда пошатнулась не только вера в Геринга, но и в Гитлера.

Разве мог Редер не знать об убийствах тысяч евреев в Либаве, Прибалтике? Вы припомните, что по имеющимся у нас показаниям по этому поводу многие евреи были убиты в военно-морском порту. Об этих фактах офицеры местного военно-морского штаба сообщили в Киль. Из отчета эйнзатцгруппы, которая расправлялась с евреями в Либаве, мы теперь знаем, что к концу января 1942 года в одном этом районе было уничтожено 11 860 евреев. Ведь Редер в 1939 году в «день героев» обратился с недвусмысленным и вдохновляющим призывом бороться с международным еврейством. Можете ли Вы действительно поверить в то, что Редер, который, по его собственным словам, всегда оказывал помощь отдельным евреям, никогда не слышал об ужасах концентрационных лагерей и об убийстве миллионов? Однако он не отступал от намеченной цели.

Фон Ширах. Что следует сказать о нем? Сказать, что лучше всего было бы повесить ему на шею мельничный жернов? Именно этот подлец совращал миллионы невинных немецких детей с тем, чтобы, когда они вырастут, сделать из них то, чем они стали, — слепое орудие политики убийства и господства, проводимой этими людьми.

«Акция сено», получившая позорную известность и заключающаяся в том, что 40—50 тысяч советских детей были насильно увезены в рабство, является делом его рук.

Вы припомните еженедельные отчеты СС по поводу истребления евреев, обнаруженные в его отделе.

Каково преступление Заукеля, гаулейтера той области, на территории которой находился покрывший себя позором лагерь Бухенвальд?

Заукель может теперь пытаться истолковывать в благоприятном свете свой приказ об увозе в рабство французов; он может пытаться отрицать, что выступал за повешение префекта или мэра города с тем, чтобы подавить оппозицию; он может утверждать, что ссылки на безжалостные действия относились к межведомственным спорам и что исправительные трудовые лагеря были чисто образовательными учреждениями. Вы, которые видели документы, объясняющие совершенные ужасы тем, что они называют «вынужденным положением» — острой необходимостью в рабочих для нацистской военной машины, Вы, которые

слышали и читали об условиях, в которых 7 миллионов мужчин, женщин и детей были вырваны из-под родного крова и увезены в рабство по его приказам, нуждаетесь ли Вы в дальнейших доказательствах его виновности?

Папен и Нейрат находятся в положении, сходном с положением Редера. Как и последний, они притворно придерживались старых семейных и профессиональных традиций, что накладывает на них колоссальную ответственность, от которой свободны такие люди, как Риббентроп и Кальтенбруннер. В течение тех 18 месяцев, когда он продвигал Гитлера к власти, Папен знал, что правительство Гитлера означало притеснение оппозиционных элементов, жестокое обращение с евреями и преследование церковью, включая ту, к которой он сам принадлежал. Его недавние политические друзья, такие люди, как фон Шлейхер и фон Бредов, были брошены в концентрационные лагеря или убиты. Сам он был подвергнут аресту, два его сотрудника были убиты, а третьего заставили присутствовать при убийстве. Ни одна из этих подробностей не ускользнула от Нейрата, тем не менее он продолжал оставаться на своем посту.

В 1934 году Папен писал Гитлеру льстивые письма, и вскоре после этого мы видим его в Австрии на службе у человека, которого он знал как убийцу, готовящего подрыв государственной системы, которую внешне он полностью признавал. Даже после аншлюсса он все еще работал на укрепление режима, который, как он знал, использовал убийство в качестве орудия своей политики. Потеряв еще одного секретаря, который был убит, он готов был принять новый пост в Турции. Конкордат с церковью, к которой он принадлежал, конкордат, по поводу которого он лично вел переговоры, рассматривался, употребляя его собственное выражение, как «ключок бумаги», и все католики — от архиепископа до простых верующих людей — были сильно возмущены этим. Он говорил: «Гитлер — самый большой обманщик, который когда-либо жил на свете». Резюмируя в одной фразе точку зрения обвинения, можно сказать, что, будучи обо всем прекрасно осведомлен, Папен оказывал Гитлеру поддержку и сотрудничал с ним потому, что жажда власти и высокого положения привела его к принципу: «лучше царствовать в аду, чем прислуживать на небе».

Адвокат пытался изобразить Папена как защитника мира. Если он предпочитал достигнуть целей заговора методом убийства, запугивания или шантажа скорее, нежели открытой войной, то это объяснялось, как явствует из его собственных показаний, его боязнью, что «если разразится мировая война, то положение Германии будет безнадежным».

Что касается Зейсс-Инкварта, то мне хотелось бы напомнить Вам о тех инструкциях, которые он получил от Геринга 26 марта

1938 г. относительно применения антисемитских мероприятий в Австрии, и об отчете от 12 ноября, составленном одним из чиновников по поводу хода этих операций. Он признал свою осведомленность в том, что евреев депортировали из Нидерландов, однако заявил, что не мог приостановить этого, так как приказ исходил из Берлина. Он, далее, заявил, что ему было известно об их отправке в Освенцим, но сказал, что направил туда запрос об их судьбе и ему сообщили, что они хорошо устроены, после чего он добился для них разрешения пересылать письма из Освенцима в Голландию. Разве можно поверить тому, что Зейсс-Инкварт, признавая свою осведомленность о преступлениях, совершаемых в огромных масштабах против евреев в Нидерландах, признавая, например, что он знал «о мерах, направленных к тому, чтобы заставить евреев подвергаться стерилизации», признавая, что в концентрационных лагерях в Голландии имели место многочисленные и крупные эксцессы и что в военное время он действительно «считал это почти неизбежным», — разве можно поверить, что Зейсс-Инкварт, который заявил Суду, что по сравнению с другими лагерями (я цитирую) «в Нидерландах было, быть может, не так уже плохо», действительно был введен в заблуждение и что его убедили в том, что в Освенциме заключенные были «сравнительно хорошо устроены»?

Теперь я перехожу к подсудимым Шпееру и Фриче, которые предстали на настоящем процессе в качестве специалистов¹.

Шпеер признал, что благодаря его ответственности за мобилизацию рабочей силы общее число подведомственных ему рабочих удалось довести до 14 миллионов. Он заявил, что к тому времени, когда он в феврале 1942 года занял свой пост, все преступления и нарушения международного права, в которых он мог обвиняться, были уже совершены. Тем не менее он далее сказал: «Рабочих доставляли в Германию против их воли. Я не имел возражений против того, чтобы их насильственно привозили в Германию. Напротив, в первое время, до осени 1942 года, я, несомненно, тратил немало энергии на то, чтобы подобным образом было доставлено в Германию как можно больше рабочих. Затем рабочие передавались в распоряжение Заукеля, который нес ответственность за их распределение на работу». Он признал, что в августе 1942 года был доставлен в Германию 1 миллион советских рабочих. 4 января 1944 г. он обратился с запросом о доставке 1 миллиона 300 тысяч рабочих для использования в текущем году.

¹ Шоукросс имеет в виду утверждения подсудимых Шпеера и Фриче о том, что они якобы были лишь специалистами, а не политиками. — Составители.

Шпеер не выдвинул никаких защитительных аргументов по этому поводу, однако заявил, что начиная с 1943 года он стоял за оставление французских рабочих во Франции, что, в сущности говоря, представляет собой лишь мероприятие смягчающего характера. Сдержанный характер Шпеера не должен оставлять в тени того факта, что его политика, которую он оптимистически воспринимал и проводил в жизнь, означала самые ужасные несчастья и страдания для миллионов советских семей и семей других национальностей.

Эта политика еще раз демонстрирует полнейшее безразличие к судьбе других народов, красной нитью проходящее в доказательствах, представленных на настоящем процессе. Никакие побуждения духовного характера, возникшие в связи с интересами германского народа (я подчеркиваю «германского народа») в конце войны, не могут оправдать участие в этих ужасных деяниях.

В отношении обращения с иностранными рабочими основная точка зрения Шпеера состоит в том, что доказательства, представленные по этому поводу обвинением, касаются всего лишь отдельных случаев дурного обращения и не могут относиться к общему положению. Если бы имела место постоянная практика дурного обращения, он принял бы на себя за это ответственность. Обвинение считает, что предъявленные здесь нами доказательства, рассматриваемые в целом, представляют собой решающие доказательства по поводу существовавших тогда общих условий, которые были чрезвычайно тяжелыми.

Нейрат, который заявил, что он присоединился к правительству Гитлера с намерением привить этому правительству миролюбивые тенденции и сделать его респектабельным, однако уже через несколько недель узнал о преследовании евреев, о том, что достойные доверия иностранные и немецкие газеты приводили официальные цифры числа интернированных граждан, выражавшиеся в 10—20 тысячах человек. Он узнал, что таких оппозиционных элементов, как коммунистов, тред-юнионистов и социал-демократов, уничтожали как политическую силу. Затем последовала кровавая чистка, но Нейрат, тем не менее, не отступал и поддерживал Гитлера в его нарушении Версальского договора. Из показаний Пауля Шмидта мы узнаем, что убийство Дольфуса и попытка организовать путч в Австрии серьезно смутили сотрудников министерства иностранных дел, в то же время пакт о взаимопомощи между Францией и Советским Союзом рассматривался ими как новое, весьма серьезное предупреждение о скрытых последствиях германской внешней политики. Я цитирую слова Шпеера:

«На этот раз сотрудники, по крайней мере, поделились своими опасениями с министром иностранных дел Нейратом. Я не

знаю, высказал ли Нейрат в свою очередь эти опасения Гитлеру».

Однако в то время как Редер издавал приказ об опасности обнаружить «энтузиазм по отношению к войне», фон Нейрат хочет заставить Вас поверить в то, что он не осознавал роста этого энтузиазма. Он так же, как и Редер, наблюдал последующие события и принимал в них участие, например, в секретных совещаниях, в мероприятиях против фон Бломберга и фон Фрича.

Это он в период аншлюсса, несмотря на то, что больше не являлся министром иностранных дел, позволил использовать свое, еще не слишком запятнанное имя для поддержки этого мероприятия Гитлера посредством лживых сообщений в опровержение британской ноты и посредством заверений чехам. Этих заверений никогда не следует забывать: существует немного примеров более мрачного цинизма, чем образ фон Нейрата, слушающего речь Гессбаха, в которой этот последний торжественно заявлял г-ну Мастны о том, что Гитлер будет соблюдать договор об арбитраже с Чехословакией. Как только Гитлер вошел в Прагу, именно он, фон Нейрат, стал протектором Богемии и Моравии. Вы слышали его признания в том, что он применял все декреты об обращении с евреями, появившиеся в Германии между 1933 и 1939 гг.

Работа Фриче заключалась в том, чтобы организовать всю германскую печать с тем, чтобы она стала «постоянным орудием министерства пропаганды». Пропаганда была самым могучим фактором всей нацистской стратегии.

В свою очередь этот фактор сделал всю печать самым мощным своим оружием. Тот факт, что Фриче знал об использовании своей организации и участвовал в этом использовании, доказывался его попыткой обелить последовательные пропагандистские мероприятия, которые повели к каждой из соответствующих агрессий, упомянутых в его письменных показаниях. Так, он заявил: «Все проверенные мною известия были тенденциозны или вымышлены».

Совершенно невероятно, что, периодически проводя определенные мероприятия и являясь каждый раз свидетелем практических результатов этих мероприятий, он не отдавал себе отчета в бесчестности, с которой проводилась германская политика, или в том, что целью германского правительства являлась агрессивная война. Его личные способности в качестве радиокomentатора привели к тому, что он был фактически назначен официальным комментатором. Цитирую его собственные слова: «Я хотел бы добавить, что мне известно о том, что в самых отдаленных уголках германских колоний и за границей речи, которые я проносил по радио, воспринимались, так сказать, как политические комментарии».

Он подчеркнул, что в этих комментариях ему была предоставлена полная свобода действий. Подлежит ли сомнению, что это происходило потому, что он был готов передавать по радио любую ложь по желанию Геббельса? Говоря о том, как использовалось его влияние, он сам заявляет: «Снова и снова меня просили возбуждать ненависть к отдельным лицам и системам».

Вы видели пример этого в его радиопередаче об «Атении». Уже в 1940 году он в достаточной мере освободился от чувства стеснения, которое пытался изобразить, давая свидетельские показания, чтобы называть поляков «низшей расой» и «животными в человеческом облике».

18 декабря 1941 г. он высказывался о судьбе европейских евреев следующим образом: «Судьба европейского еврейства оказалась такой неприятной, как фюрер предсказал ее в случае войны в Европе. После распространения войны, подстрекаемой евреями, эта неприятная судьба может также распространиться и на Новый Свет, так как едва ли можно предположить, что народы Нового Света простят евреям те несчастья, которые не простили им народы Старого Света».

Среди всех этих миазмов нацистской лжи о евреях одним из наиболее ужасных и подстрекающих к ненависти являлось лживое утверждение, что они являются поджигателями войны, принесшей человечеству такие ужасные несчастья. Однако такое заявление было умышленно сделано этим образованным и рассудительным подсудимым.

Трудно себе представить более низкое и подлое толкование гитлеровской агрессии, чем его речь 9 октября 1941 г., в которой среди прочего говорилось следующее:

«...И мы особо благодарны за эти молниеносные победы потому, что, как фюрер это подчеркнул в прошлую пятницу, они дали нам возможность предпринять организацию Европы и вывезти сокровища нашего старого материка уже в самый разгар войны, не будучи связанными необходимостью держать под ружьем миллионы германских солдат...»

Возможно, что сокрытие военных преступлений явилось основным принципом пропаганды Фриче. Я цитирую: «Но решающую роль для нас в этом информационном аппарате играют не подробности, а фундаментальная основа, на которой строится пропаганда. Решающим является вера в чистоту руководителей государства, на которую должен опираться каждый журналист».

Практически почти до самого конца Фриче поддерживал прекрасные отношения с Геббельсом. Когда Трибунал представит себе, каким крайним экстремистом и яростным антисемитом, по описанию других подсудимых, являлся Геббельс, трудно вообразить, что поклонение его ближайшего сотрудника могло быть основано на невинном неведении.

Обвинение утверждает, что смехотворным является то положение, в котором этот человек старается Вас убедить, что, будучи в неведении об этих ужасах, он призывал и убеждал немецкий народ следовать по пути своей гибели. Фриче разделяет со Штрейхером, Розенбергом и Ширахом ответственность за полное падение германского народа; это они «закрыли перед человечеством врата милосердия». Из-за них происходили события, подобные тем, которые имели место на еврейском кладбище в Швеце в воскресенье утром в октябре 1939 года, где совершались убийства женщин и детей, привезенных сюда на грузовике, убийства, которые кейтелевские «честные солдаты» германской армии наблюдали без ропота и сомнений. Вспомните, как об этом рассказал один из них (я цитирую):

«В субботу утром один товарищ по роте рассказал мне, что в тот день некоторое число поляков было расстреляно на еврейском кладбище. Весть об этом разнеслась по роте с молниеносной быстротой. На следующее утро я отправился на это кладбище в 8 часов с двумя товарищами по роте. Там я увидел очень много солдат из других рот нашего батальона, а также из частей, стоявших в Швеце. На кладбище находилось приблизительно от 200 до 300 солдат. В 9 час. 30 мин. прибыл автобус, в котором были женщины и дети. Я стоял у общих могил, приготовленных заранее, и видел, как одна женщина шла от автобуса ко рвам, держа правой рукой за руку мальчика, а левой — одну или двух девочек. Несколько секунд спустя я увидел, что женщина стоит в могиле, а эсэсовцы подают ей одного из мальчиков. Затем мы повернулись и пошли, так как я не хотел быть свидетелем расстрела этих детей. Тотчас же вслед за этим я услышал выстрелы. Вскоре после этого прибыл еще один автобус, в котором были поляки. Один эсэсовец закричал солдатам, стоящим вокруг: «Теперь вы все можете подойти ближе и посмотреть!» Тогда я подошел еще раз и увидел, как группа в четыре человека опускалась в ту же самую общую могилу, в которой была расстреляна ранее та женщина. Им приказали лечь, затем их умертвили выстрелом в затылок с очень близкого расстояния. Куски человеческих тел и мозги валялись повсюду в могиле, и ими была запятнана военная форма наблюдавших за этой картиной солдат. У самого края могильного рва стояло около 80 солдат. Все происходящее могли также наблюдать жители города из окон своих домов напротив еврейского кладбища».

Вас просят поверить тому, что эти 21 человек министров и ведущих государственных деятелей не знали об этом и не отвечали за это. Вам надлежит решить этот вопрос.

Много лет тому назад Гёте сказал про германский народ, что однажды судьба его накажет...

«Накажет его, потому что он предал самого себя и не хотел оставаться тем, что он есть. Грустно, что он не знает прелестей истины; отвратительно, что ему так дороги туман, дым и отвратительная неумеренность; достойно сожаления, что он искренне подчиняется любому безумному негодяю, который обращается к его самым низменным инстинктам, который поощряет его пороки и поучает его понимать национализм как разобшение и жестокость».

Как пророчески звучат его слова, так как ведь именно они — эти безумные негодяи совершили эти деяния.

Возможно, что некоторые больше виноваты, чем другие; некоторые играли более деятельную и более непосредственную роль, чем другие, в этих ужасающих преступлениях. Но, когда эти преступления таковы, как те, которые Вы должны рассматривать здесь: обращение в рабство, массовые убийства и всемирная война, когда последствия преступлений выражаются в смерти 20 миллионов наших собратьев, опустошении целого материка, распространении по всему миру неописуемых трагедий и страданий, каким же смягчающим обстоятельством может явиться то, что некоторые играли меньшую роль, чем другие, что некоторые были главными персонажами, а другие — более второстепенными? Какое имеет значение тот факт, что некоторые заслужили стократную смерть, тогда как другие заслужили миллион смертей?

В некотором отношении судьба этих людей значит очень немного: их личная возможность творить зло навсегда уничтожена. Они обвиняли и дискредитировали один другого и в конце концов уничтожили легенду, которую они создали вокруг образа своего фюрера. Но от их судьбы может еще зависеть очень многое, так как будущее правды и справедливости в отношениях между народами всего мира, надежда на международное сотрудничество в будущем в деле свершения правосудия находятся в Ваших руках. Этот процесс должен стать краеугольным камнем в истории цивилизации, принеся не только возмездие этим преступникам, не только показав, что в конце концов право торжествует над злом, но также показав, что все люди во всем мире (и здесь я не делаю разницы между друзьями и врагами) теперь будут определенно знать, что отдельный человек должен стоять выше государства. Государство и закон созданы для человека с тем, чтобы он с их помощью мог более полно пользоваться жизнью, жить более целесообразно и более достойно. Государства могут быть великими и могучими. В конечном итоге права человека, созданного, как все люди, по образу и подобию божьему, являются самыми важными. Когда какое-нибудь государство либо потому, что, как в данном случае, его руководители жаждали власти, территорий, либо под тем благо-

видным предлогом, что цель оправдывает средства, нарушает этот принцип, он, возможно, временно придет в забвение и останется в тени. Но он вечен, и в конечном итоге он станет еще более непоколебимым, и вечная его сущность станет еще более очевидной. Итак, после этой голгофы, через которую заставили пройти человечество, человечество, которое борется теперь за то, чтобы восстановить во всех странах мира самые обычные и простейшие вещи: свободу, любовь, взаимопонимание, обращается к настоящему Трибуналу и восклицает: «Вот наши законы, пусть они восторжествуют!»

И тогда, как мы должны надеяться, не только для германского народа, но и для всего сообщества народов будут претворены в жизнь слова Гёте: «Так должен вести себя германский народ, даря миру и принимая от него дары, держа свои сердца открытыми для всех плодотворных чудесных источников, будучи великим, благодаря своему пониманию других и любви, благодаря общению и духовной близости с людьми — таким он должен быть, таково его предназначение».

РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ФРАНЦИИ ШАМПЕТЬЕ ДЕ РИБА¹

[Произнесена 29 июля 1946 г.]

В продолжение девяти месяцев на этой трибуне мы вызывали в памяти события истории за пятнадцать лет...

Германские архивы, которые нацисты не успели уничтожить перед поражением, раскрыли нам их тайны.

Нами были заслушаны многочисленные свидетели, чьи воспоминания остались бы неизвестными истории, если бы не этот процесс.

Все факты изложены с предельной объективностью, которая никогда не допускала ни увлечения, ни чувствительности. Трибунал исключил из обсуждения все, что казалось ему недостаточно убедительным, все, что смогло бы показаться продиктованным чувством мщения.

Вот почему, господа судьи, настоящий процесс имеет значение прежде всего в силу своей исторической правдивости.

Благодаря этому процессу историк будущего, так же как и летописец сегодняшнего дня, узнает правду о политических, дипломатических и военных событиях наиболее трагического периода нашей истории, он узнает о преступлениях нацизма, а также о колебаниях, слабостях и упущениях миролюбивых демократий.

Он узнает, что то, что было создано за 20 веков цивилизации, которую считали вечной, едва не рухнуло в связи с возвращением варварства древних времен, обретшего новую форму, варварства, которое было еще более свирепым, потому что оно опиралось на серьезные научные познания.

Он узнает, что достижения в области техники, новейшие методы пропаганды и дьявольские приемы, которые использовала полиция, горделиво попиравшая наиболее элементарные человеческие права, что все это позволило кучке преступников в течение нескольких лет преобразить коллективное сознание целого народа и превратить народ Гёте и Бетховена в народ Гимлера и Геббельса, если говорить лишь о тех, кто мертв.

¹ Печатается с сокращениями. — Составители.

Он узнает, что преступления этих людей заключались прежде всего в том, что они замыслили гигантский план достижения мирового господства, и в том, что они стремились осуществить этот план всеми средствами. Всеми средствами, то есть, разумеется, путем нарушения данного слова и путем развязывания худшей из агрессивных войн, но прежде всего с помощью методического, научно разработанного уничтожения миллионов человеческих существ, а именно — ряда национальных и религиозных групп, чье существование мешало гегемонии германской расы.

Столь чудовищное преступление никогда не было известно истории до того, как появился гитлеризм, и поэтому для определения этого преступления потребовалось создание неологизма «геноцид», а для того, чтобы поверить в то, что такое преступление возможно, пришлось собирать документы и свидетельские показания.

К стыду тех времен, в которые мы живем, это преступление оказалось возможным. Плодотворное сотрудничество обвинителей от четырех стран позволило это доказать, и Франция полагает, что она оказала поддержку общему делу в рамках тех разделов Обвинительного заключения, которые ей были предоставлены.

После того как подсудимые и защитники пространно говорили перед Трибуналом о необходимости обеспечения безопасности ни в чем не повинного гражданского населения как об очевидном принципе, мы установили, что подсудимые умышленно нарушали этот принцип в обращении с гражданским населением, полностью пренебрегая человеческой жизнью. Есть ли необходимость в том, чтобы напомнить чудовищную фразу подсудимого Кейтеля: «Человеческая жизнь на оккупированных территориях ничего не стоит».

Возродив традицию, символизирующую практику наиболее примитивных войн, подсудимые вновь стали использовать систему взятия заложников. Они ставили свою подпись под общими приказами о захвате и казни тысяч несчастных мучеников. Только во Франции было расстреляно 29 тысяч заложников.

Мы знаем, что участники движения Сопротивления, чьим патриотизмом подсудимые сегодня восхищаются, были зверски замучены, их подвергали пыткам, помещали в заключение для того, чтобы медленно уничтожать. Нам известно, что под предлогом карательных действий, выполняя приказы, или же, наконец, в результате жестокости отдельных лиц, которая прикрывала участие командования в этих деяниях, были казнены совершенно произвольно отобранные лица из числа гражданского населения, были сожжены целые деревни: Орадур-сюр-Глан и Майе во Франции, Пюттен — в Голландии.

У всех нас живо воспоминание о зверских приказах, которые были отданы фельдмаршалом Кессельрингом для того, чтобы подавить с помощью террора действия партизан. Мы видели офицера, который приказал казнить в качестве репрессии 50, 100 или же всех местных жителей — мужчин в ответ на отдельные акты, направленные против германской армии. Выполнение этого приказа санкционировалось инструкциями командующего театром боевых действий, который, в свою очередь, руководствовался инструкциями более общего порядка подсудимого Кейтеля.

Этот пример показывает, сколь тесным было сотрудничество национал-социалистских должностных лиц, сколь тесным было сотрудничество внутри государства, и вместе с тем этот пример подтверждает, если в этом есть еще необходимость, что ответственны все руководители режима.

Нам известно, что тысячи людей оторвали от очага и заставили ковать оружие против их собственных стран.

Зверское обращение с воюющими военнослужащими нас тем более потрясло, что Германия — все равно, имеется ли в виду Германия с обычной властью, или же Германия нацистская, или же Германия, которая излагает жалкие аргументы в свою защиту на скамье подсудимых, — Германия всегда заявляла о всеобщих законах воинской чести и о необходимости уважать всех сражающихся. И, несмотря на это, мы видим, что сам Кейтель торопил Геринга принять преступные предложения относительно обращения с попавшими в их руки летчиками.

Такие документы, как показания Грюнера, не позволяют оспаривать того, что преступные приказы о казни и линчевании летчиков были составлены в соответствии с принятой формой и переданы в органы, которым было поручено их выполнять.

Не возникает никакого сомнения ни в отношении принципов, которыми руководствовались при составлении приказа о «командос», ни в отношении того, как этот приказ проводился в жизнь на различных военных театрах. Обвинение представило по этому вопросу цепь бесспорнейших доказательств.

Мы были еще более потрясены, когда у нас создалась уверенность в том, что зверские приказы о казнях или о заключении под стражу были отданы для уничтожения людей, которые уже находились в беспомощном состоянии, будучи в лагерях для военнопленных.

В нашей памяти сохранилась мрачная история лагеря Саган, о котором не раз говорили в ходе судебного разбирательства; сами подсудимые ограничились попыткой ускользнуть от ответственности, не отрицая в то же время, что это является зверством и что эти события действительно имели место. Нами было показано, как совершившие побег непокорные офицеры и унтер-

Общий вид зала заседаний Трибунала

офицеры, чьи предшествующие действия и поведение свидетельствуют об их стойкости, были казнены.

Наконец, нацистская Германия разоблачила свой план экспансии и мирового господства, организовав систематическое уничтожение населения оккупированных ею территорий.

Это деяние, доказательства которого мы представили, первоначально заключалось в политическом, экономическом и моральном уничтожении народов оккупированных стран. Средствами служили грубый и последовательный захват суверенитета или осуществление неустанного вмешательства германских властей в самые различные сферы, безжалостное проведение в жизнь программы ограбления народного хозяйства в целях уничтожения и полного истощения оккупированных стран, в целях полнейшего подчинения их оккупантам и в заключение нацификация государств и их граждан, связанная также с уничтожением культурных и моральных ценностей.

Но это методическое уничтожение производилось и в конкретной форме — в форме массовых убийств людей.

Разве необходимо напоминать о том, чем явились эти колоссальные истребления групп людей, которые были сочтены неспособными ассимилироваться в национал-социалистском мире, разве необходимо напоминать о гигантском кладбище концлагерей, в котором погибло 15 миллионов человек, разве необходимо напоминать о последствиях чудовищных деяний эйнзатцгрупп, которые были описаны с неоспоримой точностью Олендорфом?

Мы считаем также подтвержденным доказательство того, что эти злостные попытки уничтожения были, как это явствует из их рассмотрения, одним из наиболее ярких выражений политики, которую проводили подсудимые. Я хочу указать на преднамеренное неудовлетворительное снабжение продовольствием лиц не германского происхождения, которые попадали под какую-либо категорию при нацистских властях, на то, что в качестве репрессии заставляли голодать целые народы, на то, что граждан оккупированных территорий подвергали жестокому rationированию, которое входило в систему ограбления этих территорий. Трибунал помнит речь Геринга перед гаулейтерами (этот документ был предъявлен под номером СССР-170), в которой он сказал:

«Мне совершенно безразлично, если вы сообщите, что ваши люди падают от истощения. Пусть это будет так для того, чтобы ни один немец не умер от голода».

И далее, относительно Голландии:

«Наша задача заключается не в том, чтобы кормить народ, который в душе нас ненавидит. Тем лучше, если этот народ в такой степени ослабел, что не может поднять руки там, где мы не используем его на работе...»

Результатом этого явились голод, предельное физическое истощение и снижение жизненного уровня, причем все это, как и медленное умерщвление голодом военнопленных, входило в общий план уничтожения населения для расширения германского жизненного пространства.

С этим же стремлением связано содержание в плену или, как это имело место в отношении лиц, угнанных на работы, заключение, которое почти равнялось плену, молодых, здоровых людей, чье пребывание на родине было необходимо для будущего их стран.

Все это было подтверждено результатами последних репортажей.

Из этих результатов мы установили, что во всех оккупированных Германией странах численность населения уменьшилась от 5 до 25 процентов, в то время как Германия является единственной страной в Европе, численность населения которой возростала.

Все эти преступления мы доказали. После предъявления документов, после того как были заслушаны свидетели, после демонстрации кинофильмов, при просмотре которых даже сами подсудимые содрогнулись от ужаса, никто в мире не сможет утверждать, что лагеря уничтожения, расстрелянные военнопленные, умерщвленные мирные жители, горы трупов, толпы людей, изуродованных душой и телом, газовые камеры и кремационные печи, — что все эти преступления существовали лишь в воображении антинемецки настроенных пропагандистов, этого не сможет утверждать никто.

А разве нашелся хотя бы один подсудимый, который оспаривал бы справедливость сообщенных нами фактов? У них нет силы их отрицать. Они лишь пытались освободиться от ответственности, переложив ее на плечи тех из числа своих сообщников, которые сами совершили над собой суд.

«Нам не было ничего известно об этих ужасах», — говорят они, или же «мы делали все, чтобы этому воспрепятствовать, но всемогущий Гитлер отдавал приказы и не допускал, чтобы ему не подчинялись, он не допускал даже ухода в отставку».

Жалкая защита! Кого они могут заставить поверить в то, что лишь им одним не было ничего известно о том, о чем знал весь мир, в то, что их служба подслушивания никогда не сообщала им об официальных предупреждениях, которые делали по радио руководители Объединенных Наций преступникам войны.

Они не могли не подчиняться приказам Гитлера, они не могли подать в отставку? Прекрасно! Но ведь Гитлер мог располагать ими самими, но не их волей: не подчиняясь ему, они, быть может, рисковали бы жизнью, но тогда, по крайней мере, они сохранили бы честь. Трусость никогда не являлась ни оправданием, ни даже смягчающим обстоятельством.

Истина заключается в том, что все они прекрасно знали доктрину национал-социализма, так как участвовали в ее разработке, им было прекрасно известно, к каким чудовищным преступлениям приведет сторонников этой доктрины и тех, кто проводил ее в жизнь, стремление к мировому господству, и они взяли на себя ответственность за это, так как получили материальные и моральные выгоды, которыми воспользовались.

Но они твердо верили в то, что останутся безнаказанными, так как были уверены в победе, были уверены, что перед лицом торжествующей силы не возникнет вопрос о правосудии. Они убеждали себя, что так же, как это было после войны 1914 года, никакое международное правосудие никогда не сможет свершиться. Они считали, что всегда будет сохраняться пессимистское суждение Паскаля о человеческой справедливости в сфере международных отношений: «Справедливость является предметом споров. Силу легко узнать, она неоспорима. Вот почему не смогли сделать так, чтобы справедливое было сильным, а сделали сильно справедливое».

Они ошиблись. После Паскаля медленно, но верно появились понятия Мораль и Справедливость, эти понятия обрели плоть в международных обычаях цивилизованных наций и для спасения мира от варварства. Победа Объединенных Наций утвердила сегодня союз силы и справедливости, об этом упоминает Устав, на основании которого учрежден настоящий Трибунал, и это будет подтверждено Вашим приговором.

Трибунал, несомненно, помнит, что в заключительной части изложения материалов французское обвинение уточнило ответственность всех подсудимых, «виновных в том, что, будучи главными гитлеровскими руководителями германского народа, они запланировали, одобрили, приказали совершать или же только допустили, сохранив молчание, систематические убийства и другие бесчеловечные деяния, систематические насилия над военнопленными и лицами гражданского населения, производили систематические, ничем не мотивируемые уничтожения, являвшиеся преднамеренными средствами для того, чтобы достигнуть европейского и мирового господства, к которому они стремились с помощью террора и путем уничтожения целых народов для расширения жизненного пространства германского народа».

Нам остается лишь показать, что судебное разбирательство, которое развернулось перед Вами, лишь подтвердило и усилило обвинение и определение состава преступления, которые мы уже в начале процесса сформулировали в отношении главных военных преступников, представших во исполнение Устава перед этим Трибуналом для того, чтобы были удовлетворены требования справедливости и Объединенных Наций.

Я прошу Трибунал разрешить господину Дюбосту продолжить это выступление¹.

Я напому факты, изложенные французской делегацией. Они свидетельствуют о том, каков был вклад, сделанный нами в настоящий процесс. Но мы вовсе не намерены выделять нашу часть из общего целого, которое составляют выступления обвинителей всех четырех делегаций и результаты судебного разбирательства. Основываясь на этом, мы продолжим нашу обвинительную речь и рассмотрим вопрос об индивидуальной ответственности подсудимых. Все последовательно рассмотренные действия, за которые они ответственны, сводятся к убийствам, квалифицированным кражам и прочим тяжким деяниям в отношении интересов отдельных лиц и имущества, то есть к деяниям, которые караются во все времена во всех цивилизованных странах.

Подсудимые не являлись физическими исполнителями этих преступлений, они ограничились тем, что отдавали приказы об их совершении. Следовательно, они являются соучастниками, согласно французскому праву. За исключением некоторых различий в форме, в большинстве стран виновники тяжких преступлений и те, кто стал их соучастниками, караются смертной казнью и другими суровыми наказаниями, приговариваются к каторжным работам и тюремному заключению.

Таков и англо-саксонский порядок. Также и во Франции об этом свидетельствует применение статьи 221 и других статей французского уголовного кодекса. В Германии согласно статье 21 германского уголовного кодекса карается убийство, согласно статье 221 — умерщвление, статьям 223—226 — пытки, статье 229 — отравление и умерщвление с помощью газа, статье 234 — обращение в рабство, порабощение, призыв на военную службу для несения ее за границей, статьям 242 и 243 — кражи и грабежи, статье 130 — подстрекательство населения к совершению насилий. Наказание соучастников и виновников предусматривается статьями 47 и 49.

Аналогичные положения существуют и в советском законодательстве, а также во всех законодательствах больших цивилизованных государств.

Руководители империи, сообщники фюрера ответственны за преступления, совершенные в период их правления, и их ответственность перед лицом мирового сознания является более тяжелой, чем ответственность простых исполнителей.

Двое подсудимых — Франк и фон Ширах — признали, что их ответственность более велика, чем ответственность простых исполнителей. Франк показал: «Я никогда не создавал лагерей

¹ Далее речь продолжил представитель обвинения от Франции господин Дюбост. — Составители.

для уничтожения евреев. Я также не способствовал тому, чтобы такие лагеря существовали, но если Адольф Гитлер возложил на плечи своего народа такую страшную ответственность, то эта ответственность ложится также и на меня, так как мы на протяжении долгих лет вели борьбу с евреями, мы выступали против них с самыми различными заявлениями».

И эти последние слова Франка выносят приговор как ему, так и всем тем, кто в Германии либо за ее пределами проводил кампанию преследования евреев.

Примем к сведению также ответ Франка на вопрос его защитника касательно обвинений, выдвинутых против Франка в Обвинительном заключении. Этот ответ распространяется на всех подсудимых и более всего на тех, кто был ближе к Гитлеру, чем сам Франк. «Что касается этих обвинений, то я скажу лишь следующее, — показал Франк, — я прошу Трибунал в результате судебного разбирательства решить вопрос о степени моей виновности, но я лично хотел бы сказать, что после всего, что я увидел на протяжении этих пяти месяцев процесса, благодаря чему я смог получить общее представление обо всех совершенных ужасах, у меня создалось чувство моей глубокой виновности...»

В свою очередь фон Ширах показал: «Вот в чем моя вина, за которую я отвечаю перед богом и перед германским народом. Я воспитывал нашу молодежь для человека, которого на протяжении долгих и долгих лет считал вождем нашей страны. Я воспитал для него молодежь, которая видела его таким, каким видел его я.

Моя вина заключается в том, что я воспитал эту молодежь для человека, который был убийцей, который погубил миллионы людей... Каждый немец, который после Освенцима еще придерживается расовой политики, является виновным...

Вот что я считаю своим долгом сегодня заявить».

В ходе настоящего процесса такие крики, продиктованные совестью, раздавались редко; значительно чаще, подражая вздорному тщеславию Геринга, подсудимые пытались оправдаться, ссылаясь на политический неомакиавеллизм, который якобы освобождает руководителей государства от всякой личной ответственности. Отметим только, что ничего подобного не записано нигде, ни в каком законе ни одной цивилизованной страны, а, наоборот, акты произвола или посягательства на свободу личности, гражданские права и конституцию караются тем более строго, если они совершены государственным чиновником, высшим государственным служащим, и самому суровому наказанию должны быть подвергнуты сами министры.

Но ограничимся сказанным. Наше намерение заключается в том, чтобы напомнить, что основные деяния, инкриминируемые подсудимым, деяния, о которых говорилось здесь, могут

рассматриваться, взятые порознь, как нарушение уголовных законов внутреннего позитивного права всех цивилизованных стран или, кроме того, международного уголовного права. Таким образом, наказание за совершение каждого из этих действий не является необоснованным, напротив, если принять во внимание изложенное выше, то можно считать справедливыми наиболее суровые наказания.

Однако необходимо пойти еще далее, так как, несмотря на то, что анализ ответственности подсудимых в свете внутренних законов не устраняет ни одного из преступных деяний, он является лишь первой, приблизительной стадией, которая позволит нам преследовать подсудимых только как соучастников, а не как главных виновников. Мы не замедлим доказать, что они были действительно главными виновниками.

Мы надеемся достичь этого, разлив три следующих положения:

1. Действия подсудимых являются элементами преступного политического плана.
2. Взаимодействие различных учреждений, во главе которых стояли эти люди, предполагает тесное сотрудничество между ними в целях осуществления их преступной политики.
3. Они должны быть осуждены в связи с тем, что они проводили эту преступную политику.

ДЕЙСТВИЯ ПОДСУДИМЫХ ЯВЛЯЮТСЯ ЭЛЕМЕНТАМИ ПРЕСТУПНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАНА

Подсудимые занимались самой различной деятельностью. Политики, дипломаты, военные и морские специалисты, экономисты, финансисты, юристы, публицисты или пропагандисты — они представляют почти все формы государственной и общественной деятельности. Однако без затруднений можно определить связь, объединяющую их. Все они поставили на службу гитлеровского государства все, что у них есть самого лучшего или самого худшего. В определенной мере они представляли собой мозг этого государства. Взятые порознь, они не вызывают сомнений, что каждый из них являлся важной частью этого мозга. Они замыслили политику государства. Они хотели, чтобы мысль их претворялась в действие, и все почти в равной степени этому способствовали. Это справедливо как в отношении Гесса, Геринга — профессиональных политиков, которые признали, что они никогда не имели другой профессии, нежели агитатор или государственный деятель, так и в отношении Риббентропа, Нейрата, Папена — дипломатов при этом режиме; Кейтеля, Йодля, Деница или Редера — военных; Розенберга, Штрейхера, Франка, Фрика — мыслителей (впрочем, можно ли их так назы-

вать?! — выразителей идеологии режима; Шахта, Функа — финансистов, без которых режим обанкротился бы и рухнул под ударами инфляции до того, как было начато перевооружение; публицистов и пропагандистов — Фриче и того же Штрейхера, преданно служивших делу распространения общей идеи; технических специалистов — Шпеера и Заукеля, без которых мысль никогда бы не была так претворена в действие, как это произошло; полицейских, — например, Кальтенбруннера, который с помощью террора подчинял умы; либо просто гаулейтеров — Зейсс-Инкварты, Ширахы или снова Заукеля — администраторов, должностных лиц и в то же время политиков, которые облекли в конкретные формы общую политику, намеченную всей совокупностью государственного и партийного аппарата.

Я знаю, что тень отсутствующих витает над этим залом, и сегодняшние подсудимые напоминают нам об этом беспрестанно... «Гитлер хотел, Гиммлер хотел, Борман хотел», — говорят они. — «Я лишь повиновался». А защитники наперебой раздувают это! Гитлер — чудодейственный тиран, навязывающий свою волю с нестрашимой сверхъестественной силой. Это слишком примитивно. Это слишком общее утверждение.

Нет человека, категорически отвергающего возражения, внушения, влияния, и Гитлер, как и всякий другой, не был таким человеком. Это неопровержимо явствует из всего судебного разбирательства, которое позволяет нам догадываться о борьбе различных влияний, разыгравшихся в окружении этого «великого человека». Плелись коварные и скрытые интриги, распространялась клевета — и порой во время судебного разбирательства это заставляло нас думать о небольших дворах эпохи итальянского Возрождения. Здесь было все, вплоть до убийства. Разве не так, что Геринг до того, как он сам впал в немилость, избавился от Рема и других, вступивших в заговор не против своего хозяина, а против него, как сообщил нам об этом свидетель Гизевиус. Такое воображение, такое упорство, когда речь идет о зле, а также такая эффективность — все это показывает нам, что Гитлер уже не был так нечувствителен по отношению к действиям и интригам в своем окружении. Почему бы такие интриги не использовать для доброго дела!

Относительно того, насколько Гитлер поддавался влияниям, мы слышали прямое свидетельское показание — это показание Шахта, указавшего, помимо этих людей, и на германскую толпу, в которой все разжигали нездоровые страсти и стремились уничтожить всякое собственное суждение.

Разве Шахт не так сказал во время судебного заседания о Гитлере: «Я полагаю, что сначала у него были не более чем дурные наклонности; без сомнения, он думал, что желает добра, но мало-помалу он пал жертвой поклонения, которое он внушал

толпе, ибо тот, кто начинает с развращения толпы, кончает тем, что сам бывает развращен ею. Подобные отношения между вождем и тем, кто ему подчиняется, приводят к тому, что он ошибочно подчиняется инстинктам толпы, чего должны стараться избегать все политические вожди».

Итак, в чем же заключалась основная идея, которая всех их преследовала? Бесспорно, она заключалась в завоевании жизненного пространства всеми способами, даже наиболее преступными.

В тот период, когда Германия оставалась еще разоруженной и следовало соблюдать осторожность, Шахт, находясь в окружении Гитлера, требовал колоний — мы помним это из свидетельских показаний Гиршфельда, — но Шахт скрывал, он часто маскировал эту основную идею государственного агитатора, к числу сторонников которой он принадлежит, и нам было бы труднее вскрыть эту основную идею, если бы к нам не пришла на помощь вызывающая смущение откровенность «великого человека», поведавшего миру еще 10 годами ранее все свои бредовые планы.

Я оглашаю выдержку из «Майн кампф»:

«Мы, национал-социалисты, должны неуклонно придерживаться наших внешнеполитических целей: обеспечить германскому народу ту территорию, которая для него предназначается. И это действие, которое вызовет пролитие крови, единственное, которое может быть оправдано перед богом и грядущими германскими поколениями; перед богом потому, что мы пришли на эту землю, чтобы зарабатывать здесь свой насущный хлеб ценой вечной борьбы, пришли как существа, которым ничего не было дано без боя и которые будут обязаны своим господствующим положением на земле лишь своему уму и отваге, благодаря которым они смогут завоевать и сохранить такое положение...»

«Государство, которое в эпоху деградации рас ревностно следит за сохранением лучших элементов своей расы, должно в один прекрасный день стать господином на земле...»

«...Более сильная раса изгонит слабые, так как окончательный стремительный натиск вперед к жизни разорвет смехотворный путь пресловутого индивидуалистически настроенного человечества и освободит место для человечества, действующего согласно закону природы, который уничтожает слабых, чтобы предоставить их место сильным...»

«...Гитлер разъяснил свою мысль в узком кругу лиц, и не все нацисты положительно восприняли его высказывания. Осведомленные о намерениях своего господина они, тем не менее, остались рядом с ним, и уже это их обрекло. Разве не так обстоят дела с Редером?»

«Речь идет не о завоевании народов, а о завоевании территорий, которые могут быть культивированы...», — сказал Гитлер

на совещании с фон Бломбергом, фон Фричем и Редером 5 ноября 1937 г.

«Экспансию можно осуществить, лишь сокрушая жизни и идя на риск...»

После того как фон Фрич и фон Бломберг оказались в опале, Кейтель и Иодль, избранные благодаря их рабскому служению целям нацистского режима, получили в руки солидную военную машину. Перевооружение продолжалось. Накануне конфликта Гитлер напомнил свою идею:

«Обстоятельства должны приспособляться к целям, которые необходимо достигнуть. Это невозможно без вторжения в иностранные государства или без захвата чужого имущества.

Жизненное пространство, соответствующее величине государства, является основой всякой мощи. На время можно отказаться от рассмотрения этой проблемы, но она должна быть разрешена в конечном итоге тем или иным путем. Выбор таков: прогресс или упадок. Через 15 или 20 лет мы будем вынуждены найти решение. Ни один государственный деятель Германии не сможет долее избежать этого вопроса.

В настоящий момент мы пребываем в состоянии патристического рвения, которое разделяется двумя другими государствами — Италией и Японией.

Период, который остался позади, был хорошо использован. Были предприняты все конкретные меры, находящиеся в соответствии с поставленными нами целями.

После шести лет положение на сегодня таково: политическое и национальное объединение немцев достигнуто, если не считать некоторых политических деятелей. Последующих успехов достичь нельзя без пролития крови. Данциг отнюдь не является предметом спора. Это вопрос расширения нашего жизненного пространства на Востоке и обеспечения продовольственного снабжения...

Население не германских территорий не будет нести воинской повинности, оно будет являться источником рабочей силы. Польская проблема неразрывно связана с конфликтом на Западе». (Это выдержка из протокола совещания, состоявшегося 23 мая 1939 г. в имперской канцелярии, на котором присутствовали Гитлер, Геринг, Редер и другие, документ Л-79, США-27.)

И началась война, которая несколько месяцев спустя позволила всей Германии считать, что сила ее неотразима и она может приступить к завоеванию мира.

Все, что включала в себя самого жестокого и чудовищного фраза Гитлера: «Мы... должны неуклонно придерживаться наших внешнеполитических целей: обеспечить германскому народу ту территорию, которая для него предназначается. И это действие, которое вызовет пролитие крови, единственное, которое

может быть оправдано перед богом и грядущими поколениями...», — было развито Гитлером в заявлении по вопросу о восточных территориях на совещании 16 июля 1941 г. (документ Л-221): «...Мы снова будем подчеркивать, что были вынуждены занять район, навести в нем порядок и установить безопасность... Не должно быть распознано, что дело касается окончательного регулирования. Тем не менее вопреки этому и несмотря на это, мы все же будем применять все необходимые меры: расстрелы, выселения и т. п.».

И далее: «Партизанская война даст нам одно преимущество: она позволит нам искоренить всех тех, кто оказывает нам сопротивление»...

Эта же идея была подхвачена и цинично провозглашена другими рупорами государства, ее донесло к нам на данный процесс.

В одной из своих речей Гиммлер заявил (документ ПС-1919):

«То положительное, что могут предложить нам нации благородной крови, мы, в случае необходимости, воспримем, взяв воспитание их детей, и будем воспитывать их среди нас».

В той же речи: «Процветают ли нации или издыхают от голода, — интересует меня лишь постольку, поскольку мы можем использовать их как рабов в интересах нашей цивилизации.

Умрут или не умрут от измождения 10 тысяч русских баб при рытье противотанковых рвов, это меня интересует лишь постольку, поскольку этот ров, нужный Германии, должен быть закончен...»

Из той же речи: «Если кто-нибудь придет и скажет мне: «Я не могу допустить, чтобы этот ров рыли женщины и дети: это их убьет», — я отвечу: «Вы убийца людей собственной крови, так как, если этот ров не будет закончен, то германские солдаты погибнут, а они — сыновья германских матерей».

Из той же речи по вопросу об истреблении евреев: «Мы истребили микроб. Мы не хотим дольше терпеть такой заразы и умирать от нее. Мы выполнили этот долг из любви к нашему народу. Наш дух, наш характер не пострадали от этого».

Завоевание жизненного пространства, то есть территорий, население которых было ликвидировано всеми возможными средствами, в том числе путем его уничтожения, — вот в чем заключалась основная идея партии, режима, государства, а следовательно, и этих людей, стоявших во главе важнейших государственных и партийных органов.

Вот та основная идея, в служении которой они объединились, во имя которой они прилагали свои усилия. Все средства

были хороши для ее осуществления: нарушение договоров, вторжение и порабощение в мирное время слабых и миролюбивых соседей, ведение агрессивных тотальных войн со всеми теми ужасами, которые за ними скрываются. Во всем этом они принимали духовное и физическое участие; Геринг и Риббентроп в этом цинично признались, а генералы и адмиралы всеми силами содействовали этому.

Шпеер использовал вплоть до полного истощения и гибели рабочую силу, которую набирали для него Заукель и Кальтенбруннер, гаулейтеры и генералы. Кальтенбруннер использовал газовые камеры, для которых Фрик, Ширах, Зейсс-Инкварт, Франк, Иодль, Кейтель и другие поставляли жертвы. Но создание этих газовых камер стало возможным из-за разработки соответствующей политической теории, за которую ответственны все: Геринг, Гесс, Розенберг, Штрейхер, Фрик, Франк, Фриче, даже сам Шахт. Разве он не сказал:

«Я хочу, чтобы Германия стала великой, и для этого я готов заключить союз с самим чертом».

Он заключил этот союз и с чертом и с адом... Ответствен даже Папен, который видел, как умерщвляли его секретарей, друзей, он продолжал тем не менее принимать официальные назначения в Вену и Анкару, потому что, как он полагал, служба Гитлеру, он его умиротворял.

Не все находятся здесь, среди отсутствующих виновных имеются мертвые и живые, например, промышленники, использовавшие рабочую силу порабощенных стран после того, как они привели Гитлера и его режим к власти, предоставив деньги, без которых ничто не могло бы свершиться; эти промышленники привели их к власти из националистического фанатизма, а также и потому, что они надеялись, что нацизм будет стоять на страже их интересов.

Одно опиралось на другое, все было неразрывно связано, так как политика тоталитаризма, тотальная война, подготовка и проведение плана уничтожения народов для завоевания жизненного пространства — все это требовало согласованной тесной связи между всеми органами власти.

Теперь мы приступаем ко второму положению, которое должны раскрыть.

КООРДИНАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ РАЗЛИЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ,
ВО ГЛАВЕ КОТОРЫХ СТОЯЛИ ЭТИ ЛЮДИ,
ОПРЕДЕЛЯЕТ ТЕСНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ НИМИ

Защита пытается установить существование непроницаемых перегородок между различными составными частями германского государства. Если в это поверить, то это значит

согласиться с тем, что существовали лишь параллельные и лишь вертикальные нити между различными государственными и партийными органами, между управлениями министерств и между национал-социалистскими организациями. Связь якобы осуществлялась лишь самим главой государства, стоявшим на верху иерархической лестницы. Согласно заявлению защиты господствующим принципом в структуре германского государства якобы являлась связь, осуществляемая одним лицом, а не согласованность и сотрудничество.

Это неверно. Это противоречит принципам нацистского государства, противоречит нуждам государства, в котором все силы были направлены к достижению одной цели, а также противоречит той германской действительности, которую выявило судебное разбирательство...

...Примеров этому множество, и эти примеры можно найти во всех государственных учреждениях...

...Во всех террористических мероприятиях, направленных против интеллигенции, были замешаны Риббентроп и Кальтенбруннер; СД и Вильгельмштрассе¹ также были замешаны в организации нападения на радиостанцию в Глейвице, что должно было послужить предлогом для нападения на Польшу. Из отчетов германской военной администрации о разграблении произведений искусства во Франции явствует, что виновниками являются как специальный штаб Розенберга, так и германское посольство в Париже (документ РФ-1505). Вильгельмштрассе и армия действовали совместно с полицией в мероприятиях против заложников, в карательных действиях и в угоне населения. Можно было бы умножить эти примеры. Мы не намереваемся исчерпывающе освещать этот вопрос, а лишь хотим наглядно подтвердить наше мнение по нему.

Рассмотрим теперь деятельность организации Розенберга. Розенберг, в соответствии с возложенными на него функциями, координировал деятельность различных ответвлений германского государства. Его внешнеполитическое управление было включено в министерство иностранных дел. Помимо этого, он был идеологом режима, министром по делам восточных оккупированных территорий и начальником специального штаба, который ведал произведениями искусства². В сотрудничестве с ним действовали СД и тайная полиция (документы Л-188 и ПС-946).

¹ Улица в Берлине, где находилось германское министерство иностранных дел. — Составители.

² Имеется в виду «эйнзатцштаб Розенберга», который занимался разграблением произведений искусства на всех оккупированных гитлеровцами территориях. — Составители.

Следует отметить, что в вопросе о принудительном использовании рабочей силы внутри государства существовали такая же связь и такая же согласованность. Их осуществляли все министры и высшие должностные лица, например гаулейтеры, либо потому, что они замыслили или подготовили это мероприятие, либо лишь потому, что они оказали поддержку в проведении этого мероприятия, либо, наконец, потому, что им это было выгодно.

Мы помним межминистерские совещания в Берлине по этому вопросу и совещание Заукеля, Кальтенбруннера, Шпеера, Функа и представителей ОКВ, которые описываются в документе ПС-3819; мы помним о совещании в Париже под председательством Заукеля, в котором участвовали представители армии, полиции и посольства (документ РФ-1517)...

...Во время войны под руководством Функа осуществлялось тесное сотрудничество между экономическими и административными управлениями армии и министерства экономики (документ РФ-3-бис). Для развития планов экономической германизации министерство экономики привлекло полицию (документы РФ-803 и 804). Министерство финансов субсидировало организацию СС для проведения научных экспериментов над заключенными, принудительно используя их для этих опытов (Л-002). Задолго до войны под руководством Шахта аналогичные связи, сначала скрытые, а затем гласные и гораздо более тесные, чем в какой-либо другой стране мира, объединяли политику, финансы и экономику с армией. В речи 29 ноября 1938 г. Шахт так высказался о проделанной им работе:

«Возможно, что ни один банк в мирное время не проводил такой смелой кредитной политики, как это делал рейхсбанк с момента захвата власти национал-социалистами... Однако с помощью этой кредитной политики Германия создала непревзойденное вооружение, и это вооружение позволило нашей политике добиться желаемых результатов...»

В области права также не существовало больше независимости. Министерство юстиции совместно с полицией принимало участие в наиболее преступных деяниях. В документе ПС-654 приводится запись совещания, состоявшегося между Тираком, Гиммлером и другими, во время которого было решено, что антисоциальные элементы и заключенные концлагерей: цыгане, русские, украинцы, поляки, приговоренные к заключению на срок более трех лет, будут в дальнейшем передаваться Гиммлеру для их истребления путем использования на работах и что в будущем лиц, принадлежащих к этим же категориям, больше не будут предавать обычным судам, а будут немедленно направлять в органы Гиммлера.

Наконец, во время войны террористическая деятельность армии и государственной и тайной полиции переплеталась. Иногда полиция подчинялась армии, иногда она действовала более или менее самостоятельно в соответствии с приказами РСХА. Таково было положение в Бельгии. Во Франции, несмотря на то, что полиция была независима от армии, между ними существовало тесное сотрудничество. Вместе с ЗИПО и СД армия принимала участие в преследовании евреев, в управлении лагерем для интернированных в Компьене, в отборе заложников (документы РФ-1212 и 1212-бис) и в их казни (документ РФ-1244). Как мы это рассмотрели, армия и полиция совместно участвовали в террористических мероприятиях, направленных против мирного населения. Органы военно-морского флота и полиция также объединялись для уничтожения «командос», а полиция умерщвляла некоторые категории военнопленных, несмотря на то, что все военнопленные находились в ведении ОКВ (документ ПС-1165).

Можно было бы умножить число примеров тесного сотрудничества партийных органов и государственных учреждений, согласованности их действий, доходившей иногда до симбиоза. Все эти органы стремились тем или иным путем реализовать ведущую политическую идею — завоевать жизненное пространство любыми средствами.

Из этого безусловно явствует, что существовало сотрудничество между подсудимыми. Помимо точных фактов, свидетельствующих о сотрудничестве, которые были нами приведены, то, что нам известно об общем функционировании тотального государства, связанного с судьбами партии, о его непреклонной суровости в отношении оппозиции, для которой были уготованы концлагеря и газовые камеры, — все это позволяет нам утверждать, что подсудимые в качестве министров, сановников или высших чиновников, облеченных властью государством или партией, образовали одно целое вместе с другими, которых здесь нет и которые или мертвы, или предназначены для последующего судебного преследования. Этим единым целым являлось правительство рейха, этим единым целым являлось партийное государство или государственная партия; возможно, это было единым существом, но существом сознательным и преступным, которое для того, чтобы безгранично расширить пределы империи, заставляло истреблять миллионы людей.

Действия подсудимых не ограничиваются лишь теми деяниями, которые мы только что подробно разбирали в свете внутреннего уголовного законодательства наших стран и стран подсудимых. Дело их рук также являются все действия германского государства, которому они отдали жизнь, совесть, мысли, волю, за что они теперь должны в полной мере и до

конца нести ответственность ввиду того, что они не смогли сами избежать совершения этих преступлений.

Мы подходим к третьему положению.

ПОДСУДИМЫЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОСУЖДЕНЫ В СВЯЗИ С ТОЙ
ПРЕСТУПНОЙ ПОЛИТИКОЙ, ИНИЦИАТОРАМИ И ОРУДИЕМ
КОТОРОЙ ОНИ ЯВЛЯЛИСЬ

Разве не заявил доктор Зейдль, защищавший Франка, следующее:

«Является признанным принципом, а этот последний явствует из положений уголовного права всех цивилизованных наций, принцип, согласно которому однородные и естественные действия должны оцениваться в целом, и что следует дать оценку всем обстоятельствам, которые могут быть рассмотрены для того, чтобы создать основу для вынесения приговора».

Все преступления подсудимых связаны с их политической жизнью. Эти преступления являются, как мы знаем, составными частями преступной политики государства. Рассматривать подсудимых как уголовных преступников, забыть о том, что они действовали от имени германского государства и в интересах этого государства, применить по отношению к ним те же нормы, как к хулиганам и убийцам, означало бы уменьшить масштабы настоящего процесса, неправильно определить характер их преступлений.

Преступления, которые обычно рассматриваются в судах наших стран, являются нарушениями общественного порядка. Эти преступления являются деяниями отдельных лиц. Их масштабы носят ограниченный характер. Их последствия — также. Эти преступления к тому же затрагивают лишь небольшое число жертв, и в архивах наших стран нельзя обнаружить примеры методических убийств, совершенных террористическими организациями, жертвами которых явились бы более ста человек. Таковы самые значительные преступные заговоры, которые создавались в наших странах. Это произошло также потому, что организация, расстановка и полномочия общественных сил и правовых институтов наших стран могут обуздать преступников еще до того, как они в полной мере осуществят свои преступные намерения.

Эти подсудимые захватили германское государство и превратили его в разбойничье государство, подчинив своим преступным намерениям всю исполнительную мощь государства. Они действовали в качестве начальников или руководителей политического, дипломатического, юридического, военного, экономического и финансового штабов. Деятельность этих штабов обычно согласуется в любой стране ввиду того, что они преследуют общую цель, намеченную общей политической идеей. Но

мы знаем, что в национал-социалистской Германии эта согласованность была усиленной из-за взаимного проникновения партийных и административных органов. Преступления отдельных лиц превратились в общие преступления, став преступлениями государства. К тому же они явились результатом политических устремлений каждого: «Завоевать жизненное пространство любой ценой».

Государственные преступления, совершенные кем-либо из тех, кто контролировал одно из главных учреждений, могли быть совершены только потому, что этому содействовали все руководители всех прочих основных учреждений и оказывали этому поддержку. Если бы некоторые учреждения уклонились от этого, это вызвало бы крушение государства, уничтожение его преступной мощи и в итоге положило бы предел газовым камерам или сделало технически невозможным их создание. Но ни одно из учреждений не хотело уклониться, так как газовые камеры и уничтожение в целях приобретения жизненного пространства являлись выражением высшей идеи режима, а этим режимом были они сами.

Разве доказательством этого единства в преступлении не служат заявления самих подсудимых, их постоянные усилия и постоянные попытки их защитников доказать, что их учреждения были автономны, для того, чтобы свалить ответственность армии на полицию, министерства иностранных дел на главу правительства, управления по использованию рабочей силы на управление по четырехлетнему плану, ответственность гаулейтеров на генералов, — одним словом, для того, чтобы заставить нас поверить в то, что в Германии все происходило под отдельными «колпаками», в то время как взаимная зависимость государственных и партийных органов и сложная система многочисленных органов связи и контроля, существующих между государством и партией, свидетельствуют об обратном.

...Таким образом, господа судьи, с помощью фактов и помимо какого-либо юридического толкования заговора и сообщничества, которое, возможно, может явиться предметом спора в зависимости от различного юридического мышления, мы представляем Вам доказательства солидарности и общей виновности всех подсудимых в совершенном преступлении.

Для доказательства того, что они действительно совершили преступления, достаточно, что они являлись руководителями и высшими должностными лицами партии или одного из главных государственных органов, а также того, что, действуя в интересах государства, они, чтобы содействовать расширению германского жизненного пространства любыми средствами, замыслили, выразили желание, приказали или же только способствовали, сохраняя молчание, чтобы договоры, обеспечивающие

независимость других стран, были нарушены, чтобы были подготовлены и развязаны агрессивные войны, чтобы систематически совершались массовые убийства и прочие зверства, чтобы систематически производились ничем не мотивируемые опустошения и грабежи.

Эти преступления являются преступлениями германской империи, и все подсудимые содействовали их совершению. Мы покажем это в отношении каждого подсудимого на материалах судебного разбирательства.

В отношении каждого подсудимого высказанные три основных положения сводятся к следующему:

1. Каждый подсудимый занимал в государственном и партийном аппарате видное положение, которое предоставляло ему власть над целым учреждением или несколькими учреждениями.

2. В том случае, если подсудимый и не замыслил «завоевания жизненного пространства любыми средствами», тем не менее он был согласен с этой установкой режима.

3. Каждый подсудимый своей собственной деятельностью принял личное участие в политическом развитии этой установки.

В отношении Геринга и Гесса, без сомнения, Трибунал освобождает меня от пространного изложения этих положений. Они являлись назначенными преемниками фюрера. Они примкнули к движению с самого начала. Гесс взял на себя ответственность за расовые законы. И тот и другой содействовали проведению в жизнь политической идеи режима, которую они олицетворяли в глазах масс. Своими речами, своими докладами они распространяли эту идею во всех кругах населения.

Геринг активно содействовал экономической подготовке и ведению агрессивных войн.

Он является создателем гестапо и концентрационных лагерей, в которых погибли миллионы предполагаемых противников режима и в которых был осуществлен почти весь геноцид.

Значительная часть его преступной деятельности связана с проведением четырехлетнего плана, который согласно представленным доказательствам был направлен на подготовку к войне. Так же, как и другие, он ответствен за угон рабочих, за жестокости по отношению к ним, за их назначение на работу в производство, которое было направлено против их собственных стран. Помимо этого, он участвовал в назначении военнопленных и политических заключенных на работы, непосредственно связанные с военными усилиями империи. Он организовал уничтожение и разграбление народного хозяйства оккупированных стран.

Он также организовал с помощью эйнзатцштаба Розенберга разграбление в крупных масштабах произведений искусства, часто для того, чтобы пополнить свои собственные коллекции.

Декретом фюрера от 21 апреля 1933 г. Гесс получил полномочия разрешать все вопросы партийного руководства. Он принимал участие в подготовке всех законов и декретов и даже в предварительной разработке приказов фюрера. Он участвовал в назначении правительственных чиновников и руководителей по использованию рабочей силы. Он обеспечивал контроль партии над внутренней жизнью Германии. Он оказывал непосредственное влияние на армию и на внешнюю политику. Участие, которое он принимал в развитии антисемитизма, распространяет на него ответственность за преступные последствия этого движения.

Риббентроп был одной из важнейших пружин в механизме партии и государства. Он был назначен на Вильгельмштрассе Гитлером, который относился с недоверием к дипломатам «старой школы». Риббентроп прилагал все усилия, чтобы создать благоприятную дипломатическую обстановку для агрессивных войн, что являлось важным средством для завоевания жизненного пространства. Мы помним документ, предъявленный нашими британскими коллегами, из которого явствует, что Риббентроп заверял Чиано в августе 1939 года, что Германия будет воевать, даже если ей уступят Данциг и Коридор. Как это было доказано, он был замешан в террористических действиях и в уничтожении населения оккупированных стран.

В отношении ответственности Кейтеля мое выступление будет также кратким. Условия, при которых он занял по указанию Гитлера посты, которые ранее занимали фон Фрич и фон Бломберг во главе верховного командования армии, его вступление в состав правительственных советов и его политическая активность на этих постах, выражавшаяся в том, что он вместе с фюрером был в Годесберге, позднее участвовал с ним в переговорах с Петэном и Хорти, а также в подписании приказов, из которых инструкция к приказу «Мрак и туман» не является наименее известной, — все это показывает, что речь идет не о рядовом военном, а о генерале — политическом деятеле.

Приговором ему служит та роль, которую он играл в арестах и убийствах патриотов. Он, вне всякого сомнения, участвовал в уничтожении некоторых категорий военнопленных, например, в передаче их для «специального обращения» полиции. Более того, мы не забыли о связи его управления с полицией и с вооруженными силами партии. У всех нас живы в памяти последствия сотрудничества его учреждений с гестапо.

Кальтенбруннер вступил в партию и в СС в Австрии в 1932 году. Он был статс-секретарем по вопросам безопасности в австрийской полиции, а затем начальником полиции Вены и начальником РСХА с 30 января 1943 г. вплоть до капитуляции. В течение этого последнего периода он был ответственным

за деятельность гестапо, полиции, СД и концентрационных лагерей.

Он был одним из важнейших элементов в преступном аппарате, в проведении политики уничтожения и геноцида. Его ответственность за массовые убийства доказана. Он издавал приказы о заключении в концлагеря и о казнях.

Как он заявлял, «меры, связанные с помещением в превентивное заключение, оправдываются войной».

Он пытался заставить поверить, что был против тех мер, которые применялись. В это невозможно поверить, нам хорошо известно, что он осуществлял верховную власть над лагерями.

Нам известно, сколь важное место занимал Розенберг в «третьей империи». Одно из учреждений носило его имя. Помимо этого, он был министром по делам восточных оккупированных территорий и пропагандистом. В своей книге «Кровь и честь» он использовал и развил положение, согласно которому пресловутой германской расе должно принадлежать жизненное пространство. Исходя из ни на чем не основанных утверждений о том, что «распространение нордизма создает основу для развития человечества» и что «повсюду существует упадок в том случае, когда эта нордическая культура вместо того, чтобы обречь на постоянное рабство азиатов и семитов, соединяется с этими нечистыми элементами», — он заключает, что континент должен быть подчинен идее германской расы и самой германской расе.

Темой его речи, произнесенной в Нюрнберге в 1933 году, было то, что Германия должна любыми средствами достигнуть расовой чистоты. Он предусмотрел истребление евреев, и мы знаем, что это не было лишь простым ораторским приемом. Кроме того, в докладе фюреру 11 августа 1943 г. (документ ПС-042) он писал:

«Меры, направленные на то, чтобы не способствовать росту населения на Украине, и для того, чтобы не применять статью 218 германского уголовного кодекса, начали рассматриваться в прошлом году, и их рассмотрение было возобновлено в связи с поездкой директора министерства здравоохранения...»

На Украине меры по предупреждению эпидемий были приняты не в интересах других народов, а исключительно для охраны германских оккупационных сил и для сохранения рабочей силы, используемой в интересах германской военной экономики».

Наконец, Розенберг был замешан в агрессии против Норвегии и с помощью своего особого штаба производил систематическое разграбление художественных ценностей Европы.

Франк одним из первых вступил в партию. Он являлся ее консультантом по правовым вопросам и участвовал в составлении

ее программы. Он был также советником фюрера, министром юстиции в Баварии, затем имперским министром, которому было поручено согласование юридических вопросов в Германии, и, наконец, он был генерал-губернатором Польши. Он был одним из важнейших элементов государственного механизма. Именно он пытался облечь в юридическую форму государственную и партийную программу преследования и уничтожения людей. В 1936 году он защищал в «Журнале германского права» создание концентрационных лагерей и объявил, что второе основным законом гитлеровской Германии является расовое законодательство. Его личная деятельность в Польше способствовала уничтожению большого числа поляков. Он этим кичился на протяжении всего своего дневника.

Фрик был членом партии с 1925 года. Он стал рейхсleiterом, затем генеральным уполномоченным по имперской администрации с 30 января 1933 г. по 20 августа 1943 г. Он возглавлял учреждение по присоединению Австрии к Германии, по включению в состав империи Судетской области, Мемеля, Данцига, территории на Востоке, Эйпена, Мальмеди и Моренэ. Кроме того, он был директором центрального управления протектората Богемии и Моравии, губернаторства Нижней Штирии, Верхней Каринтии, Норвегии, Эльзаса, Лотарингии и всех остальных оккупированных территорий. Более года он был протектором Богемии и Моравии. С момента захвата власти он был имперским министром внутренних дел, был членом совета обороны. Будучи избран в рейхстаг, предложил издать антисемитские законы. Сохраняя полнейшее повиновение, он неоднократно был рупором политической мысли режима...

...Это он, Фрик, назначил Гимmlера. Фрик ответствен за антисемитское законодательство. Наконец, он заставил подвергнуть стерилизации людей, принадлежащих к цветным расам. Помимо этого, он приказал уничтожать всех душевнобольных, признанных неизлечимыми.

Штрейхер вступил в партию почти сразу же после ее основания. Он отдался целиком необузданной пропаганде против евреев как в своих выступлениях, так и в статьях и призвал немецкий народ преследовать и истреблять евреев. Он был гаулейтером. Он не отказывается от того, что было сделано.

Он показал: «Если ознакомиться с тем, сколь глубокой была личность фюрера, так, как это узнал я, и если учесть (что я узнал потом из его завещания), что он умышленно отдал приказ об истреблении евреев, — в таком случае я заявляю — он имел право на это».

Функ вступил в партию в 1931 году. Он был награжден золотым значком партии. Он возглавлял печать в империи, был статс-секретарем по пропаганде и, наконец, в 1937 году — пре-

емником Шахта в министерстве экономики. В 1941 году он был назначен главным уполномоченным по экономике и президентом рейхсбанка.

В 1932 году он был посредником между Гитлером и рядом руководителей германской промышленности. Он участвовал в совещании промышленников 20 февраля 1933 г., созванном Герингом для получения политической и финансовой помощи у промышленников для проведения нацистской программы.

Функ показал 4 мая 1946 г.: «Как статс-секретарь по пропаганде, я официально несу ответственность. Я, естественно, покровительствовал пропаганде, как это делал каждый, занимавший ответственное положение в Германии, так как пропаганда заполнила и проникла во все тайники духовной жизни народа...»

Он требовал, чтобы евреи были сняты с ответственных должностей, и издавал декреты для того, чтобы провести эту мысль в жизнь. Он получил от эсэсовцев груды золотых зубов и драгоценностей, принадлежащих жертвам массовых истреблений. Наконец, он создал военную экономику и подписал секретный закон от 4 сентября 1938 г.

Дениц был главнокомандующим военно-морского флота. Он был преемником Гитлера вместе с Зейсс-Инквартом, ставшим министром иностранных дел. Он получил золотой партийный значок. Бесспорно то, что он выражал согласие с преступной политикой режима...

...Он рекомендовал использовать на работах заключенных лагерей уничтожения для того, чтобы, как он говорил, производительность труда превысила 100 процентов. Как он сам заявил, он провозгласил тотальную подводную войну и приказал своим морякам «быть жестокими», не принимать в дальнейшем мер по спасанию утопающих. Наконец, он одобрял и поощрял убийства коммунистов.

Редер был главнокомандующим военно-морского флота до Деница. Он участвовал в совещаниях у Гитлера, во время которых тот развивал свои планы. На протоколах этих совещаний им были сделаны пометки. Он поставил флот на службу нацистского режима, осуществлял тайное перевооружение и принимал участие в подготовке агрессии против Польши и Норвегии. Известно, что он пренебрегал положениями международного права. Это явствует из его докладной записки от 15 сентября 1939 г.

Ширах был членом партии с 18 лет. Он вступил в партию в 1925 году; был руководителем гитлеровской молодежи с 1931 года по 1940 год, гаулейтером Вены вплоть до капитуляции, был одной из важнейших фигур режима. Это он, Ширах, сформировал немецкую молодежь в соответствии с идеологией

партии и взял на себя ответственность за последствия единственной тогда формы воспитания. Он разрешил Гимmlеру вербовать эсэсовцев из рядов гитлеровской молодежи.

Начиная с 1943 года, согласно его собственному признанию, ему было известно об обращении с евреями, но он уже с давних пор придерживался весьма определенной позиции в отношении этого вопроса и вел активную антисемитскую пропаганду.

Заукель вступил в партию в 1925 году; был гаулейтером Тюрингии, уполномоченным по использованию рабочей силы; ему было присвоено почетное звание обергруппенфюрера СС, он занимал видное положение в партийно-государственном аппарате.

Будучи ярким пропагандистом, он произнес более 500 речей, посвященных развитию национал-социалистской идеологии. Он одобрял политику истребления и заявил: «Что касается истребления антиобщественных элементов, то Геббельс считает, что мысль о том, что их следует истреблять использованием на работах, является лучшей из всех возможных по этому вопросу» (документ ПС-682).

Он также заявил: «...Фюрер сказал, что мы должны пересмотреть свои школьные понятия относительно переселения народов... и желание фюрера заключается в том, чтобы через 100 лет, начиная с сегодняшнего дня, 250 миллионов людей, говорящих на немецком языке, были размещены в Европе» (документ ПС-025).

Он принимал активное личное участие в подготовке истребления. Он сказал по этому вопросу 18 мая 1940 г.: «Добиться хороших результатов в производстве можно только путем экономичного использования рабочей силы».

Не считая миллионов граждан других стран, он принудил около 2 миллионов французов принимать участие в работах на военные нужды. Для их вербовки он прибегал к силе и вмешательству полиции, СС и армии.

«Я доверил, — как он заявил, — исполнительную власть в отношении рабочей силы нескольким толковым людям под руководством высшего руководителя СС и полиции. Я вооружил и обучил их, и я должен просить министерство вооружения снабдить их необходимым обмундированием...»

Иодль был начальником оперативного штаба ОКВ. Он так же, как и Кейтель, пользовался полным доверием фюрера. Он принимал участие в последовательной разработке агрессивных планов. Его вдохновляло на служение Гитлеру то обстоятельство, что при Гитлере состояли такие консерваторы, как Нейрат, Папен и Шахт. Он передал 22 марта 1943 г. приказ относительно угона евреев из Дании и помещения их в заключе-

ние в Германии, он также обеспечил исполнение приказа Гитлера относительно уничтожения «командос» (приказ от 18 октября 1942 г.).

Он принимал участие в обсуждении мер против летчиков собитых самолетов, подписывал директиву верховного командования вооруженных сил относительно «борьбы с бандами», директиву, содержащую предписания, противоречащие законам человечности.

Папен подготовил приход Гитлера к власти. В связи с составом его кабинета 30 мая 1932 г., деятельность последнего не соответствовала обычной деятельности парламентских институтов. Второго июня он издал приказ о роспуске рейхстага и одновременно предоставил полную свободу гитлеровскому террору. Он заявил о своей встрече с Гитлером в июне 1932 года: «Я согласился с требованием Гитлера относительно предоставления права ношения формы членами СС и СА».

Тем не менее, он не строил иллюзий относительно последствий для своей партии в связи с гитлеровским движением, которому он сам дал толчок, но он предпочитал Гитлера демократии. После выборов 30 июля он принял меры для того, чтобы заставить Гинденбурга признать Гитлера, и в течение ноября ему это удалось.

В отношении расовой проблемы Папен занял весьма благосклонную и весьма определенную позицию.

...У нас всех живы в памяти выдержки из его речи в Глейвице в 1934 году.

...Папен служил партийно-государственному аппарату вплоть до капитуляции, и его деятельность не прерывалась ни в связи с убийствами, ни с арестами его сотрудников, в чем были виновны государство и партия.

Зейсс-Инкварт стал членом национал-социалистской партии 13 марта 1938 г. Он занимал различные посты как в самой партии, так и в правительстве и, наконец, стал заместителем генерал-губернатора Польши, а затем имперским комиссаром Голландии. Он заявил (я цитирую документ ПС-2219):

«...Я непоколебимо и неразрывно связан с тем, во что я верю: в великую Германию и фюрера».

В речи от 23 января 1939 г. он заявил: «...Задача поколения, то есть движущая сила народа, рассматривается нами как создание и сохранение жизненного пространства, культуры и экономики этого народа».

Он также заявил: «...Все наше поколение должно поставить перед собой задачу, чтобы вся территория по реке Висле, а не только захваченные на Востоке территории, была заселена немцами... Нынешняя Словакия, нынешняя Венгрия и нынешняя Румыния должны быть реорганизованы».

Ситуация мне кажется подходящей... Я думаю, что вся эта территория должна находиться под единым германским руководством». (Выдержка из письма Зейсс-Инкварт Борману от 20 июля 1940 г., документ ПС-3645.)

Зейсс-Инкварт работал для того, чтобы претворить в жизнь основную политическую идею партии: завоевать пространство любой ценой. Он прилагал все силы для аннексии Австрии, выходцем из которой он был (он признался в том, что в течение 20 лет работал для осуществления идеи аншлюсса). Доказано, что им было заключено соглашение с Конрадом Генлейном относительно присоединения территории Судетской области к Германии. Наконец, что касается Нидерландов, то он политически и экономически связывал принудительно эту страну с империей...

Кроме того, он также несет индивидуальную ответственность за систематический грабёж в Голландии, за высылку части населения и за те мероприятия, которые привели к голоду.

Шпеер вступил в партию в 1933 году. Он стал личным архитектором Гитлера и в качестве такового стал пользоваться его полным доверием. Он возглавлял организацию Тодта с февраля 1942 года. Был начальником отдела вооружения в управлении по четырехлетнему плану с марта 1942 года и с сентября 1943 года был министром вооружения. Он был одним из важнейших деятелей государства и партии. Шпеер эксплуатировал в организации Тодта больше миллиона человек и только в одном Руре около 50 тысяч французов, угнанных в 1943 году. Он ответствен за зверское обращение с иностранными рабочими на германских заводах, в частности на заводах Круппа. Он использовал более 400 тысяч военнопленных на военных заводах, нарушая существующие конвенции. Его уполномоченным вменялось в обязанность при посредстве ОКВ посещать концентрационные лагеря и отбирать там квалифицированных рабочих. По его собственному признанию, он использовал более 32 тысяч человек из числа заключенных концентрационных лагерей.

Он посетил лагерь Маутхаузен и разделяет ответственность за угон евреев в специальные трудовые лагеря, где их уничтожали, а также за угон 100 тысяч венгерских евреев на авиационные заводы.

Нейрат, министр иностранных дел с 1932 года, остался на этой должности и после захвата нацистами власти в 1933 году. Он оставался на этом посту до 1939 года. И он и его учреждения были введены в состав партийно-государственного аппарата по мере того, как этот аппарат создавался.

Так как он был членом правительства с самого начала его образования, ему была известна политическая идеология движения. Если он пытается утверждать, что был потрясен в 1937 году,

когда узнал, что Гитлер собирается предпринять агрессивные меры, то он тем не менее не покинул своего поста и ничего не предпринял для того, чтобы разубедить Гитлера. Напротив, именно он благосклонно отнесся к мысли о занятии левого берега Рейна, вдохновил на этот шаг, являвшийся первым этапом агрессивных войн в целях захвата жизненного пространства, Гитлера. Он оставался имперским министром вплоть до самого конца.

Так как сам Нейрат был консерватором, его участие в правительстве вдохновляло консервативную Германию на сотрудничество с Гитлером. Выполняя важнейшую роль в партийно-государственном аппарате, фон Нейрат был тесно связан с ним в преступлениях, заключавшихся в уничтожении людей, о чем ему было известно.

31 августа 1940 г. он направил доктору Ламмерсу два меморандума: один из них был составлен им самим, а другой — статс-секретарем Франком. Оба эти меморандума предусматривали полную германизацию Богемии и Моравии, а также истребление чешской интеллигенции.

Один из этих меморандумов, ответственность за которые Нейрат признает потому, что он их пересылал (это документ ПС-3859), содержит следующие строки:

«Все, что относится к вопросу устройства Богемии и Моравии, должно быть направлено к одной цели, которая ставится в отношении этой территории, определяющей политическими и национально-политическими соображениями.

С точки зрения политической существует только одна цель: полное включение в великую Германию. С точки зрения национально-политической — заселение этой территории немцами. Беглый взгляд с точки зрения политической и национально-политической на современное положение, каким оно является по наблюдениям и по опыту со времени аннексии, указывает путь, который надо избрать для достижения этой ясной и вполне определенной цели.

Положение таково, что надо будет принять определенное решение в отношении судьбы чешского народа и достигнуть цель, заключающуюся в полном присоединении этой страны и возможно быстром и полном заселении ее немцами».

Фриче работал в партии до захвата власти, но вступил в нее только в 1933 году и вскоре стал известным пропагандистом. Во время войны он был руководителем управления по радиовещанию. Выражая основную идею режима, он подстрекал к убийству евреев.

Кроме того, своими неоднократными выступлениями он стремился внедрить в умы немецкого народа мысль о том, что евреи и демократия подвергают опасности самую жизнь этого народа

и поэтому народ должен полностью полагаться на дальновидных людей, которые им руководят.

Шахт занимает особое положение.

Я более подробно остановлюсь на его деле. Он хочет представить себя жертвой режима и делает вид, что удивлен тому, что находится на одной скамье с Кальтенбруннером, который был его тюремщиком. Шахт заявил, что он не симпатизировал программе партии. Однако бывший министр Зеверинг показал на судебном заседании 21 мая 1946 г., что в 1931 году он узнал из сообщения полиции Берлина, что Шахт вел переговоры с руководителями партии. Он также добавил, что отношения между Шахтом и представителями плутократии и милитаризма казались ему чрезвычайно компрометирующими и что он никогда бы не вступил в один кабинет с Шахтом.

Нам известно, что с 1930 года Шахт вступил в деловые отношения с Гитлером и представил ему свои кредиты в Германии и за границей. Национал-социалисты использовали их в широких масштабах. В октябре 1931 года на совещании национального фронта в Гарцбурге Шахт занял место рядом с Гитлером, Гугенбергом и Зельдтом. Он предпринимал попытки ввести Гитлера в правительство Брюнинга. В результате совещания крупнейших промышленников у Геринга, на котором выступал Гитлер, он организовал финансирование выборов в марте 1933 года, имевших решающее значение (документ США-874). С момента захвата власти Шахт играл видную роль в аппарате партии и правительства. Он стал председателем рейхсбанка и министром экономики.

19 января 1939 г. он оставил свой пост в рейхсбанке и стал имперским министром. Он оставался на этой должности до 21 января 1943 г.

Ловкий, изворотливый, он умел прикрывать свои мысли личной иронией или наглостью, он никогда не был откровенен. Тем не менее, установлено, что он настойчиво требовал расширения германского жизненного пространства. Когда он пытался ввести в заблуждение, говоря о требовании колоний, и его собеседники обращали внимание на то, что никакие колониальные приобретения при существующем положении вещей не могут помочь Германии в разрешении ее внутренних проблем, он не обращал на это внимания.

Он умел применять угрозы в отношении демократических государств, прибегал даже к запугиванию с помощью шантажа. Во время одной из своих поездок в Америку после одного из успехов партии он заявил: «Я предупредил вас в самой определенной форме, сказав: если вы, иностранцы, не измените своей политики в отношении Германии, то скоро будет гораздо больше членов и сочувствующих партии Гитлера».

Какую роль он играл в развитии преступной политики?

Со времени его вступления в рейхсбанк начала осуществляться программа финансирования крупных сооружений. Строительство новых железных дорог, автострад — все эти работы преследовали стратегические цели.

Помимо этого, значительная часть кредитов была секретно использована исключительно на военные нужды.

Начиная с 1935 года, темпы перевооружения возросли, чему весьма способствовали новые финансовые мероприятия, которые были им задуманы.

Классический и неподкупный экономист, он становится мошенником, чтобы осуществить основную установку партии. С помощью векселей МЕФО было финансировано перевооружение. Выпущенные акции не были ничем обеспечены, было организовано другое, аналогичное общество, которое не оплачивало векселей первого общества.

Получая первый вексель, векселедатель присоединял к нему долгосрочные векселя, срок оплаты которых был назначен на период между январем и мартом 1942 года. То, что именно эта дата была намечена, имеет глубокий смысл. Шахт избрал 1942 год как срок завершения своего мошеннического мероприятия. Он надеялся, что до этого война поможет ему разрешить финансовую проблему. Подлинные векселя были включены в счета рейхсбанка. Векселя не облагались налогом для того, чтобы контроль над количеством векселей не мог быть осуществлен с помощью изменений в выручке от налогов. Тайна окружала эти операции. Все кредиты, которые можно было получить в марках, были вложены рейхсбанком в эти акции вооружения, начиная с 1935 года. К концу 1938 года в активе рейхсбанка имелось на 6 миллиардов векселей МЕФО, из них векселя на 3 миллиарда не были покрыты. В итоге Шахту должно было быть ясно, что имелось лишь три возможных решения:

1. Консолидация долга с помощью иностранных займов, но в этих займах нацистской Германии, которая перевооружалась, отказывали.

2. Инфляция, подобная инфляции 1923 года, и это означало бы гибель режима.

3. Война.

Не следует забывать, что Гитлер в письме к Шахту от 19 января 1939 г. писал: «Ваше имя для нас всегда и прежде всего будет связано с первым этапом национального перевооружения».

С 1 апреля 1935 г. по 31 декабря 1938 г. расходы Германии на вооружение, о которых нам известно, возросли до 345 миллиардов 415 миллионов франков. В то же самое время Франция израсходовала лишь 35 миллиардов 964 миллиона франков. Это — результаты деятельности Шахта.

Такой размах ясно показывает цель, которую преследовал Шахт. То же соотношение существовало в 1940 году на полях сражения во Франции, где одной французской бронетанковой дивизии противостояло 10 германских.

Уход Шахта из рейхсбанка и из министерства экономики не может быть истолкован в его пользу. Между Герингом и им возникли трения по вопросу о проведении четырехлетнего плана. Шахт не хотел находиться в подчинении у Геринга. Он вышел в отставку из министерства экономики 26 ноября 1937 г., но продолжал оставаться президентом рейхсбанка и министром без портфеля. 7 января 1939 г. он вручил Гитлеру меморандум, в котором сообщал, что имеющееся в обращении количество векселей МЕФО по его вине создает угрозу инфляции. Оставаться в рейхсбанке ему было невозможно по техническим причинам, следовательно, его уход был вызван не политическими соображениями, а соображениями технического порядка, связанными с организацией экономики. К тому же он продолжал оставаться министром без портфеля. Он ушел в отставку с этой должности лишь в январе 1943 года, во время разгрома немцев под Сталинградом, в то время, когда нацистский партийно-государственный аппарат начал трещать по швам. Несомненно то, что в это время он уже не мог быть полезен. Но также очевидно и то, что он мог стать снова полезен позднее в качестве посредника для заключения компромиссного мира.

Какое значение имеет все это, когда речь идет о человеке, который сумел сгруппировать вокруг себя все пангерманские финансовые и промышленные силы, чтобы подвести их к Гитлеру и дать ему возможность захватить власть, о человеке, который своим присутствием внушал доверие к нацистской Германии, о человеке, который сумел своим финансовым искусством обеспечить Германии самую мощную в то время военную машину, человеку, который позволил партийно-государственной машине устремиться на завоевание жизненного пространства? Этот человек был одним из лиц, которые несут главную ответственность за преступную деятельность партийно-государственного аппарата.

Его финансовые способности были способностями нацистского государства, его участие в преступлении этого государства не может быть истолковано двояким образом. Он полностью виновен и несет ответственность в полной мере.

Что касается последнего приближенного Гитлера — Бормана, то нам известно, что он взял на себя истребление евреев. Говорить больше было бы бесполезно.

На этом я заканчиваю изложение вопроса об индивидуальной ответственности каждого подсудимого, но не потому, что эта тема исчерпана, а потому, что время, которое Трибунал отводит каждому представителю обвинения для обвинительной речи, по-

зволяет нам говорить лишь о плане работы, которая заслуживала бы того, чтобы быть систематически изложенной. Примеры, иллюстрирующие наши тезисы, могут быть умножены. Все факты, которые в продолжение девяти месяцев были сообщены представителями четырех делегаций, свободно могут быть включены в наш план, и уже это одно показывает, что наше суждение убедительно и что оно полностью соответствует действительному положению вещей.

Итак, мы считаем, что доказательства подтверждаются и что все подсудимые принимали участие в совершении преступлений германского государства.

Мы считаем, что все эти лица были действительно связаны стремлением к одной политической цели, что все они тем или иным образом содействовали совершению наиболее тяжкого преступления — геноцида, содействовали истреблению рас или народов, гибель которых дала бы им возможность завладеть так называемым жизненным пространством, которое они считали необходимым для германской расы.

Мы заслушали возражения защиты. С наибольшей силой они были изложены доктором Зейдлем (стр. 25 его защитительной речи по делу Франка):

«Действующие законы исходят из основного положения, которое гласит о том, что субъектом преступления в международном праве является лишь суверенное государство, а не отдельные лица...»

В заключение он отрицает Ваше право судить этих людей.

Начнем с того, что ни один из подсудимых не был тем «отдельным лицом», о котором говорит доктор Зейдль.

Мы полагаем, что доказали наличие между ними сотрудничества и единодушия, подкрепленных действиями партии, которые существовали помимо связи между министрами и руководителями управлений, имеющейся во всех демократических странах.

Заметим также, что совести претило бы сохранение безнаказанными людей, которые поставили на службу этому единому целому — «государству» свой ум и свою волю, чтобы использовать мощь и материальные возможности государства для того, чтобы, как это имеет место в данном случае, умерщвлять миллионы человеческих существ, проводя в жизнь задолго до этого преднамеренно задуманную преступную политику. Суверенность государства, которой прикрывались эти люди, была лишь маской. Снимите эту маску — за ней скрывается ответственность человека. Господину Зейдлю это так же известно, как и нам. Но он утверждает — «таково действующее международное право».

Какое уважение он проявляет к этому действующему праву, но сколь удивительно звучат в его устах следующие

далее слова, когда, он, спустя немного времени, рассматривает Гаагские Конвенции 1907 года, которые, как мы заметим, не были денонсированы ни одним из подписавших их государств, даже Германией, и учтиво подчеркивает, что положения этих Конвенций, основанные на практике войн XIX века, не имеют силы в XX веке. Современные войны якобы решительно вышли за рамки, предусмотренные Гаагскими Конвенциями.

Так, он заявляет:

«Положения Гаагской Конвенции, касающиеся ведения сухопутной войны, даже в самом широком их толковании, даже при внесении в них поправок или при их сохранении, неприемлемы для того, чтобы с их помощью сформулировать индивидуальную уголовную ответственность».

Итак, для доктора Зейдля международное право не терпит никаких отступлений, когда он стремится извлечь из этого выгоду, и это же международное право отступает, когда оно осуждает его подзащитного.

Подобная диалектика, в интересах которой используются ложные умозаключения, создает видимость правдоподобия. Господин Зейдль ловок в софистике, но он не сумеет убедить никого...

...Речи защитников создают впечатление, что большинство из них возлагает все надежды на ограниченно юридический или псевдоюридический подход.

Многочисленные вопросы явились предметом дебатов. Существуют ли справедливые и несправедливые войны, войны оборонительные и войны агрессивные, существует ли мировое юридическое сознание, существует ли недвусмысленный критерий агрессии? Вот что волнует защиту, а не интерес к тому, как следует покарать тех, кто принимал участие в функционировании этого механизма уничтожения.

Когда защитники говорят о «действующем праве», то это они делают для того, чтобы отрицать право настоящего Трибунала на вынесение приговора, и доктор Ярайсс отрицает какой бы то ни было авторитет права «в том виде, в каком оно должно было бы пониматься в свете морали и прогресса». Все они забывают, что действующее право, то единственное право, на которое они ссылаются, не является правом, созданным в прошлом, действующее право является также тем правом, которое провозглашают судьи в конкретном случае на процессе. Все они забывают, что юридическая наука движется вперед. И в тех случаях, когда не существует писаных законов, то можно самое большее говорить о предшествующих традициях и исследовать, продолжают ли они обладать силой и можно ли на них ссылаться.

Но не будем далее останавливаться на защитниках. Мы сами хотим избежать дискуссий.

Единственное деяние из числа тех, которые рассматривались на этом процессе, стоит над всеми прочими деяниями — это методическое и систематическое истребление людей, занимавших жизненное пространство, на которое зарилась Германия.

Конечно, совершались и другие преступления, но они являлись лишь средством, о них старались говорить как об имеющих второстепенное значение, как о побочных преступлениях, в такой мере основное преступление превосходило их по своему зверскому характеру.

Было бы целесообразно вникнуть в характер этого зверства, серьезно установить, какую опасность оно могло представлять для человечества, для того чтобы подыскать соответственно с этим и наказание.

Преступление, совершенное этими людьми, не является простым. Мы это уже показали. Обычный преступник знает свою жертву, он ее видит. Он сам наносит ей удар, знает, какое действие этот удар оказывает. Далее, если он является только соучастником, он достаточно тесно связан в моральном и психологическом отношении с главным виновником, чтобы разделять с ним в какой-то определенной мере его опасения и следить за реакцией, когда удар нанесен и жертва падает.

Геноцид, убийства или какое-либо другое преступление, совершенное государственным аппаратом, становится анонимным. Никто не несет главной ответственности. Все ее разделяют: и тот, кто своим присутствием поддерживает аппарат, и тот, кто совершает преступление, и тот, кто выражает желание, чтобы оно было совершено точно так же, как и тот, кто издал приказ о его совершении. Что касается того лица, которое приводит в исполнение приказ, то он сам себе повторяет: «Приказ есть приказ» и выполняет свои обязанности палача.

Тот, кто принимает это решение, делает это без содрогания, он, может быть, и не представляет себе точно, конкретно все последствия, к которым приводят изданные им приказы. Только так следует толковать то оцепенение, которое овладело некоторыми подсудимыми в течение нескольких минут, когда демонстрировали фильм о концлагерях. Что касается тех, кто своим общим участием в деле партии и государства допускал совершение преступления, то у них было такое чувство, как будто они присутствуют, играют пассивную роль в действии, не имея к ним никакого отношения. При этом они считали, что им нечего бояться какого бы то ни было наказания.

Согласно германскому плану государство и партия сильны и полны решимости просуществовать тысячу лет. Они уничтожили правосудие.

Взятое в международном аспекте действующее право обеспечивает неприкосновенность личности, по крайней мере так

полагают. Кроме того, не существует никакой постоянной международной юрисдикции, которая обратилась бы против разбойничьих государств. Что касается возможности военного поражения, то об этом никто не думал, так как они считали, что были приняты достаточные меры предосторожности. Примечательно к тому же то, что кульминационная точка в массовых убийствах — приказ, который явился причиной использования газовых камер, относится к тому времени, когда государство и весь режим были уверены в победе или еще не принимали всерьез предвестников поражения...

...Обстановка благоприятствовала тому, чтобы не возникло реакции. Факты показали, что ни один из этих людей не испытывал потребности что-нибудь изменить в этих условиях.

Большинство подсудимых хорошо понимали, что они участвовали в трагедии. Я полагаю, что они прилагали больше усилий для того, чтобы очистить свою совесть, чем для того, чтобы обмануть судей, перекладывая свою вину на кого-нибудь из своих соседей по скамье подсудимых.

Только немногие имели мужество сознаться, как это сделали Ширах и Франк, что, являясь частью государственного аппарата, они не могут освободиться от ответственности, рискуя свалить всю вину на немецкий народ, который не сумел сбросить своих хозяев. Другие подсудимые все отвергали. При предъявлении доказательств по их делу они старались всячески умалить свою ответственность, надеясь, что им это удастся, но, как сказал Зевелинг, после выступления бургомистра Ораниенбурга и бургомистра Бухенвальда, как подтвердил и Франк, повсюду в Германии перешептывались, что люди умирали в лагерях. Это теперь уже известно всему миру. Надеются ли они еще, что им удастся заставить нас поверить в то, что лишь им одним ничего не было известно?

Те из них, которые менее виновны, если можно вообще установить какую-нибудь иерархию среди главных преступников, не смели оказывать сопротивления, но их преступная трусость привела к таким ужасным последствиям, что не может быть и речи о каком-нибудь смягчении им наказания.

Характер преступности, по-видимому, стал усугубляться во всех государствах, несмотря на то, что совершенствовались методы наказания. В международной сфере имеет место аналогичное явление. Оно имеет лишь большой размах, так как до сих пор не существовало никаких средств для наложения наказания. Промышленная революция и развитие естественных наук умножили потенциальные силы государства.

Пусть государство концентрирует в своих руках естественные богатства и их эксплуатацию, пусть оно захватывает кредиты, производя этим путем всякие валютные манипуляции, увеличи-

вает налоги, увеличивает принудительные и добровольные займы. Пусть оно еще больше свяжет народы со своей судьбой развитием вспомогательных общественных учреждений, пусть руководит умами при помощи пропаганды по радио. Все преступные средства находятся в его распоряжении, для него приемлемы, и оно может располагать ими по своему усмотрению до тех пор, пока вы, господа судьи, не введете в международное право положения о наказаниях. Необходимо отныне сделать возможным пресечение преступной деятельности любого разбойничьего государства...

Мы знаем, к чему смогли привести нацистские доктрины. Свидетель Розер сообщил о высказываниях молодого германского солдата, который, описав резню в одном из гетто, заключил свое повествование: «Друг мой, это ужасно, но... приказ есть приказ».

Трибунал обнаружит в конце документа РФ-655, который находится в книге документов, представленных французской делегацией, страшное замечание Крамера. Крамер, до того как он стал начальником лагеря в Берген-Бельзене, возглавлял лагерь в Натцвейлере (Эльзас), и там он лично отравил с помощью газа 80 человек. У нас есть доказательства этого. На вопрос: «Что бы вы сделали, если бы не все умерли?», он ответил: «Я постарался бы вновь отравить их, добавив в камеру еще одну порцию газа. Я не испытывал никакого волнения, совершая эти действия, так как я получил приказ казнить 80 заключенных тем способом, о котором я вам сообщил. Впрочем, меня воспитали таким». Какое страшное обвинение против всей системы! Этот человек, прежде чем стать по приказу убийцей, был счетоводом в Аугсбурге... И теперь невинная кровь вопиет о мщении.

Вам известно преступление! Вам известно, по какой причине и с помощью каких средств оно было совершено! Это чудовищное преступление, не имеющее прецедента, — преступление национал-социалистского государства. Но все подсудимые в качестве руководителей национал-социалистской партии и высших руководителей государства несут главную ответственность за то, что они замыслили или совершили это преступление. Их участие в преступлении государства, партии является их личной виной, которая не может быть прикрыта какой бы то ни было личной неприкосновенностью! Они должны понести кару.

Вам известны также, господа судьи, те опасности, которым их преступление подвергло мир, вам известны те страдания и бедствия, которые они обрушили на людей.

Следует ли покарать безжалостно и сурово?

Да будет справедлив приговор, — этого достаточно!

Конечно, степень виновности в некоторой мере различна. Но разве из этого вытекает, что и наказание должно быть

различным? Ведь даже тот, кто, как мы считаем, виновен менее всех остальных, заслуживает смерти!

Сразу же после того как закончится настоящий международный процесс, после того как главные военные преступники будут наказаны, мы возвратимся в свои страны и, возможно, там мы подвергнем судебному преследованию тех, кто лишь выполнял приказы национал-социалистского государства, тех, кто выступал лишь в роли палачей.

Но как смогли бы мы потребовать смертной казни для какого-нибудь нового Крамера, какого-нибудь нового Гесса, для начальников лагерей, на чьей совести жизнь миллионов человеческих существ, которые были казнены по приказу, если сегодня у нас возникнут колебания в отношении того, следует ли применить высшую меру наказания к тем, кто являлся движущим рычагом преступного государства, государства, издававшего эти приказы.

Кроме того, судьба этих людей находится целиком и полностью во власти Вашей совести.

Их судьба не находится более в наших руках, наша задача закончена. Теперь Вы, удаляясь на совещание, должны в молчаливом раздумье внять призывам крови невинных, взывающих к правосудию.

РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР Р. А. РУДЕНКО

[Произнесена 29—30 июля 1946 г.]

Господин председатель!

Господа судьи!

Мы подводим итоги судебного следствия в отношении главных немецких военных преступников. В течение девяти месяцев самому тщательному, детальному исследованию были подвергнуты все обстоятельства дела, все доказательства, представленные Суду обвинением и защитой. Ни одно деяние, вменяемое в вину подсудимым, не осталось без проверки, ни одно обстоятельство, имевшее значение, не было упущено при рассмотрении данного дела. Впервые в истории преступники против человечества несут ответственность за свои преступления перед Международным Уголовным Судом, впервые народы судят тех, кто обильно залил кровью обширнейшие пространства земли, кто уничтожил миллионы невинных людей, разрушал культурные ценности, ввел в систему убийства, истязания, истребление стариков, женщин и детей, кто заявлял дикую претензию на господство над миром и вверг мир в пучину невиданных бедствий. Да, такой судебный процесс впервые проводится в истории правосудия. Судит Суд, созданный миролюбивыми и свободолюбивыми странами, выражающими волю и защищающими интересы всего прогрессивного человечества, которое не хочет повторения бедствий, которое не допустит, чтобы шайка преступников безнаказанно готовила порабощение народов и истребление людей, а потом осуществляла свой изуверский план.

Человечество призывает к ответу преступников, и от его лица мы, обвинители, обвиняем в этом процессе. И как жалки попытки оспорить право человечества судить врагов человечества, как несостоятельны попытки лишить народы права карать тех, кто сделал своей целью порабощение и истребление народов и эту преступную цель много лет подряд осуществлял преступными средствами. Настоящий процесс проводится таким образом, что подсудимым, обвиняемым в тяжчайших преступлениях, были предоставлены все возможности защиты, все необходимые

законные гарантии. В своей стране, стоя у руля правления, подсудимые уничтожили все законные формы правосудия, отбросили все усвоенные культурным человечеством принципы судопроизводства. Но их самих судит Международный Суд с соблюдением всех правовых гарантий, с обеспечением подсудимым всех законных возможностей для защиты.

Мы подводим сейчас итоги судебного следствия, делаем выводы из рассмотренных на Суде доказательств, взвешиваем все данные, на которых основано обвинение. Мы спрашиваем: подтвердилось ли на Суде предъявленное подсудимым обвинение, доказана ли их вина? На этот вопрос можно дать только один ответ: судебное следствие полностью подтвердило обвинение. Мы вменяем подсудимым в вину только то, что на Суде доказано с полной несомненностью и достоверностью, а доказаны все чудовищные преступления, которые в течение многих лет подготавливала банда оголтелых преступников, захвативших в Германии государственную власть, и в течение многих лет их осуществляла, не считаясь ни с принципами права, ни с элементарными нормами человеческой морали.

Эти преступления доказаны, их опровергнуть не могли ни показания подсудимых, ни доводы защиты, их опровергнуть и нельзя потому, что нельзя опровергнуть истину, а именно истина является прочным результатом настоящего процесса, надежным итогом наших длительных и упорных усилий. Обвинение доказано во всех его элементах. Доказано, что существовал общий план или заговор, в котором принимали участие подсудимые для подготовки агрессивных войн, нарушающих нормы международного права, для порабощения и истребления народов. Наличие такого плана или заговора является несомненным, как несомненной является руководящая роль в нем подсудимых по этому делу. В этой части обвинение подтверждено всеми данными судебного следствия, бесспорными документами, показаниями свидетелей и самих подсудимых. Вся деятельность подсудимых была направлена к подготовке и развязыванию агрессивных войн.

Вся их так называемая «идеологическая работа» заключалась в культивировании зверских инстинктов, во внедрении в сознание немецкого народа нелепой идеи расового превосходства и практических задач уничтожения и порабощения людей «неполноценных рас», представлявших якобы лишь удобрение для произрастания «расы господ». Их «идеологическая работа» заключалась в призывах к убийствам, грабежам, разрушению культуры, истреблению людей.

Подсудимые готовились к этим преступлениям давно, а затем их осуществляли, нападая на другие страны, захватывая чужие территории, истребляя людей.

Когда же возник этот план или заговор?

Конечно, установить точную дату, день и час, когда подсудимые договорились совершить свои преступления, вряд ли возможно.

Мы не можем и не будем основывать свои выводы и утверждения на догадках и предположениях. Но с полной несомненностью следует считать установленным, что с того момента, когда фашисты захватили в Германии государственную власть, они приступили к реализации своих преступных планов, они использовали власть для подготовки агрессивной войны.

Вся деятельность подсудимых была направлена к подготовке Германии к войне.

Факт вооружения и перестройки экономики для целей войны совершенно бесспорен, он установлен документально, его признают подсудимые.

Спрашивается, к какой же войне подсудимые стали готовиться сразу после захвата власти? Неужели к оборонительной войне?

Ведь никто не собирался на Германию нападать, ни у кого не было такой цели, по-моему, и не могло ее быть.

Если Германия готовилась не к оборонительной войне, то, поскольку факт подготовки к войне установлен, ясно, что она готовилась к войне агрессивной. Такова логика фактов, и таковы факты. Германия начала и развязала ту самую войну, которую она подготавливала, и в 1937—1939 гг. произошло то, что подготавливалось с 1933 года. Отсюда вывод: план или заговор, существовал, по крайней мере, с 1933 года, то есть с того момента, когда фашисты захватили государственную власть и использовали ее для своих преступных целей.

Это факты, а слова подсудимых, произнесенные ими тогда, когда они не предполагали, что будут подсудимыми, только подтверждают эти факты.

Достаточно указать на выступления Шахта, Круппа и других о том, как готовилось фашистское правительство к войне и как этой цели подчинили все области политической и экономической жизни.

Я считаю доказанным обвинение подсудимых в том, что в 1933 году, когда гитлеровцы захватили власть в Германии, они разработали план или заговор, включающий совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности.

Судебным следствием полностью доказано совершение преступлений подсудимыми против мира, заключающихся в планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн в нарушение международных договоров, соглашений и обязательств.

Здесь сами факты говорят за себя: это — те войны, которые повлекли невиданные жертвы и опустошения и агрессивный характер которых установлен с несомненностью.

Вина подсудимых в совершении преступлений против мира полностью доказана.

Доказано полностью обвинение в совершении военных преступлений, заключающихся в ведении войн методами, противоречащими законам и обычаям войны. Ни подсудимые, ни их защитники ничего не могли возразить против самих фактов совершения таких преступлений. Все, что они могли сказать по этому поводу, это то, что подсудимые сами непосредственно не совершали этих зверств — уничтожение людей в «душегубках» и концентрационных лагерях; своими руками не истребляли евреев и даже не знали отдельных подобных фактов, а что факты эти были, — против этого не спорят и подсудимые. Подсудимые признают эти факты.

Бесплодный способ защиты!

Конечно, подсудимым, занимавшим высшие руководящие посты в гитлеровской Германии, не было никакой нужды самим своими руками расстреливать, вешать, душить, замораживать живых людей в виде эксперимента. Это делали по их указаниям их подчиненные, палачи, выполнявшие, так сказать, черную работу, а подсудимым нужно было только давать приказания, исполняемые беспрекословно.

Поэтому безнадежна попытка подсудимых разорвать свою связь с этими палачами, отгородиться от них. Эта связь несомненна и беспорна. И если комендант Освенцима Рудольф Гесс вырывал золотые зубы у мертвецов, то имперский министр Вальтер Функ открывал для хранения этих золотых зубов специальные сейфы в подвалах имперского банка.

Если подчиненные Кальтенбруннера умерщвляли людей в «душегубках», то строились эти «газенвагены» на заводах Зауэра, Даймлера и Бенца, подчиненных подсудимому Шпееру.

Если военнопленных уничтожали профессиональные палачи из соединения «Тотен копф» («Мертвая голова») и лагерная охрана, то приказы об уничтожении подписывались фельдмаршалом германской армии Кейтелем; именно подсудимые назначали сроки уничтожения, отдавали приказы о создании специальной техники умерщвления, идеологически обосновывали «право высших рас» на уничтожение, истребление «неполноценных народов».

Это они спокойно и безжалостно наблюдали за замученными жертвами и, как Ганс Франк, произносили парадные речи «о еще новом шаге», пройденном германским фашизмом по пути очищения «жизненного пространства» от «низших рас».

За каждое убийство, за каждую каплю невинной крови, пролитой гитлеровскими палачами, несут ответственность подсудимые, ибо между ними и непосредственными исполнителями преступлений, убийств, истязаний разница только в ранге и масштабе деятельности: те непосредственные палачи, а они главные палачи, начальники палачей, палачи высшей марки. Они во много раз опаснее, чем те, которых они воспитывали в духе человеконенавистничества и изуверства и от которых, спасая себя, теперь отрекаются.

Полностью доказана вина подсудимых в совершении военных преступлений, в том, что они организовали систему уничтожения военнопленных, мирного населения, женщин, стариков и детей; в том, что по их вине всюду, где ступала нога немецкого солдата, оставались горы убитых и замученных людей, развалины и пожарища, опустошенные города и села, оскверненная и залитая кровью земля.

Доказаны полностью преступления против человечности, совершенные подсудимыми.

Мы не можем пройти мимо тех преступлений, которые подсудимые совершали в самой Германии за время своего господства в ней: массовое уничтожение всех тех, кто в какой-то мере выражал недовольство нацистским режимом; рабский труд и истребление людей в концентрационных лагерях; массовое истребление евреев, а затем тот же рабский труд и то же уничтожение людей в оккупированных странах — все это доказано, и обвинение не поколеблено. Какие же средства защиты были использованы подсудимыми и их защитниками, какие доказательства и аргументы они могли противопоставить обвинению?

Средства защиты подсудимых можно разделить на две основные группы. Это, во-первых, ряд свидетелей, вызванных защитниками. Эти свидетели должны были своими показаниями смягчить вину подсудимых, умалить их действительную роль в совершении злодеяний, обелив их во что бы то ни стало. Эти свидетели в подавляющем большинстве случаев являлись обвиняемыми по другим делам.

О какой объективности и достоверности показаний таких свидетелей защиты можно говорить, если невинность подсудимого Функа должен был подтвердить его заместитель и соучастник, член СС с 1931 года, Хойлер, имеющий чин группенфюрера СС; если в пользу Зейсс-Инкварта был призван свидетельствовать преступник Рейнер — член фашистской партии с 1930 года, гаулейтер Зальцбурга, а затем Каринтии?

Эти так называемые «свидетели», такие, например, как Бюлер — правая рука подсудимого Франка и соучастник его во всех преступлениях — или Боле — один из основных руководителей шпионско-диверсионной деятельности гитлеровцев за

границей и заведующий заграничным отделом фашистской партии, — приходили сюда для того, чтобы, совершив клятвopепреступление, попытаться выгородить своих бывших хозяев и сохранить свою собственную жизнь.

И все же большинство «свидетелей защиты» во время их допроса неизбежно превращалось в свидетелей обвинения. Их самих изобличали «немые свидетели» — документы, причем преимущественно немецкие, и они сами принуждены были изобличать тех, кого они хотели оправдывать.

Другая группа средств защиты — это доводы и соображения юридического порядка.

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССА

Обвинение в данном процессе, опирающееся на огромный и бесспорный фактический материал, прочно стоит на позициях права и законности. Поэтому уже в первых вступительных речах обвинителей было уделено много внимания уголовноправовому обоснованию ответственности подсудимых.

Защита в своих выступлениях перед Трибуналом вновь поставила ряд правовых вопросов:

- а) о значении принципа «Nullum crimen sine lege»¹,
- б) о значении приказа,
- в) об ответственности государства и отдельных лиц,
- г) о понятии заговора и др.

В связи с этим считаю необходимым вновь вернуться к некоторым правовым вопросам в ответ на попытки защиты запутать простые и ясные положения и превратить юридическую аргументацию в дымовую завесу, призванную скрыть от Суда кровавую быль фашистских преступлений.

ПРИНЦИП «NULLUM CRIMEN SINE LEGE»

Защита пыталась отвергнуть обвинение, доказывая, что в момент совершения подсудимыми инкриминируемых им деяний, последние не были предусмотрены действовавшими законами, а потому подсудимые не могут нести за них уголовную ответственность.

Я мог бы просто отвести все ссылки на принцип «Nullum crimen sine lege», так как Устав Международного Военного Трибунала, являющийся непреложным законом, подлежащим обязательному исполнению, устанавливает, что этот Трибунал «имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах

¹ «Нет преступления без указания на то в законе». — Составители.

европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организаций», совершили любое из преступлений, перечисленных в статье 6 Устава.

Следовательно, юридически для вынесения приговора и применения наказания не требуется, чтобы совершенные подсудимыми преступления были предусмотрены уголовными законами в момент их совершения. Однако не подлежит сомнению, что действия подсудимых являлись преступными с точки зрения законов, действовавших в момент, когда эти преступления имели место.

Нормы уголовного права, содержащиеся в Уставе Международного Трибунала, представляют собой выражение принципов, содержащихся в ряде международных договоров, перечисленных в моей вступительной речи 8 февраля 1946 г., и в уголовном законодательстве всех цивилизованных государств. Законодательство всех цивилизованных народов предусматривает уголовную ответственность за убийства, истязания, насилия, грабежи и т. д.

То обстоятельство, что эти преступления были организованы подсудимыми в превосходящих человеческое воображение размерах и в неслыханных по своей садистской жестокости формах, конечно, не исключает, а лишь многократно усиливает ответственность преступника. Если бы подсудимые совершили преступления на территории и в отношении граждан какой-либо одной страны, то они согласно Декларации глав правительств СССР, Великобритании и США, опубликованной 2 ноября 1943 г.¹, в полном соответствии с общепринятыми началами уголовного и уголовно-процессуального права были бы судимы в этой стране и по ее законам.

Эта Декларация гласила, что «германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы».

Однако подсудимые являются военными преступниками, «преступления которых не связаны с определенным географическим местом» (статья I Соглашения четырех держав от 8 августа 1945 г.), и потому их преступления подсудны Международному Военному Трибуналу, действующему на основании Устава.

¹ Речь идет о Московской Декларации 1943 года (см. том I, страница 20). — Составители.

Защитник подсудимого Гесса позволил себе утверждать: «Не может быть никакого сомнения в том, что преступления против мира, как изложено в статье 6, абзац 2 Устава, не существует».

Нет нужды здесь делать ссылки на международные договоры (я их называл в своей вступительной речи 8 февраля), в которых агрессивная война была признана международным преступлением.

Подсудимые обвиняются в действиях, которые цивилизованное человечество и ранее признавало преступлениями.

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИКАЗА

Некоторые подсудимые в своих показаниях Трибуналу пытались представить себя убогими карликами, слепыми и покорными исполнителями чужой воли — воли Гитлера.

В поисках правовой базы для этой позиции защитник Ярайсс много говорил о значении приказов Гитлера. По мнению защитника Ярайсса, приказ Гитлера «был чем-то совершенно иным», чем приказ любого другого руководителя, что приказ Гитлера являлся актом, «неприкосновенным в правовом отношении». Поэтому защитник Ярайсс утверждает: «Что бы ни понимал Устав Трибунала под приказами, которые он отрицает как основание, исключающее уголовное преследование, можно ли все-таки под этим подразумевать приказ Гитлера? Может ли этот приказ подойти под понятие приказа, предусмотренное Уставом?»

Право толкования закона — неоспоримое право каждого судебного работника, в том числе, конечно, и защитников. Представляется, однако, совершенно непостижимым, какими логическими или иными методами руководствовался защитник, утверждая, что положение Устава, специально разработанного для Суда над главными военными преступниками фашистской Германии, именно условий деятельности этих преступников не имело в виду?

О каких же приказах, кем изданных, в какой стране, говорит Устав Трибунала?

Бесспорно, разумеется противоположное: авторы Устава были в полной мере ориентированы в специфической обстановке гитлеровской Германии, были в полной мере ориентированы (по материалам Харьковского и иных процессов) в попытках подсудимых прятаться за приказы Гитлера, и именно потому они специально оговорили, что исполнение явно преступного приказа не освобождает от уголовной ответственности.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ

В известной мере, надо полагать, сами авторы этой попытки скрыть большую группу министров, гаулейтеров и военных начальников за спину Гитлера усомнились в убедительности подобного защитительного маневра, ибо на помощь этому маневру выдвигается новая линия обороны.

«Если германская империя начала наступление вопреки еще действовавшему договору о ненападении, — говорил защитник Ярайсс, — то она совершила международный деликт и должна отвечать за него по нормам международного права..., только империя, но не отдельное лицо».

Нельзя, прежде всего, не отметить, что приведенная точка зрения не блещет новизной: до выступления официальной защиты на настоящем процессе некоторые неофициальные защитники военных преступников охотно пропагандировали версию, что не физические лица, а германское государство и германский народ должны нести ответственность за преступную агрессию и военные преступления.

Нарушение субъектом международного права — государством норм международного права влечет те или иные последствия международного характера, во всяком случае, не уголовную ответственность государства.

Те или иные действия государства в сфере международных отношений совершаются физическими лицами, должностными лицами и агентами государства. При выполнении этих действий лица могут совершать самые разнообразные нарушения как гражданско-правового, так и уголовно-правового характера. За последние, то есть содержащие состав преступления, они несут в подлежащих случаях уголовную ответственность по законам и перед судом как своего, так и чужого государства, в зависимости от обстоятельств.

В данном случае не только гитлеровское государство нарушило нормы международного права, последствием чего являются меры, принятые в отношении государства, но и отдельные физические лица, совершая эти акты нарушений, персонально совершили уголовные преступления, за которые они в соответствии с Уставом Трибунала подлежат уголовной ответственности перед Международным Военным Трибуналом.

О ПОНЯТИИ ЗАГОВОРА

Защита единодушно, хотя и в разных формах и вариантах, пытается оспаривать обвинение подсудимых в преступном заговоре. Вытаскивая из различных источников односторонние и тенденциозно подобранные определения заговора, защитники

стремятся доказать, что Геринг, Гесс, Риббентроп и другие не могут рассматриваться в качестве участников заговора.

Я хотел бы привести несколько аргументов в доказательство несостоятельности положения защиты.

Заговор предполагает наличие преступного сообщества, созданного и действующего для достижения общих преступных целей. Такое сообщество бесспорно имелось. Разумеется, в настоящем случае, поскольку заговорщиками было захвачено управление государством, нити и рычаги, связывающие членов заговорщического преступного сообщества, весьма сложны.

В любом преступном сообществе, а в особенности в разветвленном и многочисленном, отдельные участники выполняют такие преступные акты, которые охватываются общим планом заговора, но конкретно могут оставаться неизвестными ряду членов сообщества. Тем не менее, поскольку эти преступления вытекают из единого преступного плана, общего для всего сообщества, за них несут ответственность и те участники, которые лично не совершали этих отдельных преступных деяний и конкретно о них не были осведомлены.

В настоящем деле наличие заговора не исключается тем обстоятельством, что, например, Ширах мог не знать об отдельных мероприятиях работаровца Заукеля или погромщика Штрейхера.

Наличие заговора не исключается и разногласиями по частным вопросам, существовавшими между отдельными участниками заговора (интриги Геринга против Бормана и т. п.). Такие столкновения могут иметь место в любой шайке разбойников и воров, но от этого шайка или банда не перестает быть таковой.

Почти в каждом сообществе существует определенная иерархия среди его участников. Весьма часто атаману преступной шайки присваивают себе неограниченную власть над другими членами шайки, вплоть до права жизни и смерти.

Однако ни одному юристу в мире, кажется, не приходило в голову отрицать наличие преступного сообщества на том лишь основании, что участники его не были равны, а один имел власть над другими.

По меньшей мере странно отрицать наличие заговора в настоящем случае на основании того бесспорного факта, что в руках главаря — Гитлера была сосредоточена огромная личная власть. Равным образом, наличие заговора не исключает, а предполагает определенное распределение ролей между участниками преступной группы в достижении общей преступной цели (один координирует всю преступную деятельность, второй ведает вопросами идеологической подготовки, третий готовит армию, четвертый организует работу военной промыш-

ленности, пятый ведет дипломатическую подготовку и т. д.). Поэтому фашистский заговор не перестает быть заговором, но и является заговором особо опасным, ибо в руках заговорщиков находятся государственный аппарат и огромные людские и материальные ресурсы.

В руках международных преступников, в руках Геринга, Кейтеля и других подсудимых огромные армии людей становятся орудием тяжчайших преступлений.

Вот почему те специфические черты, которые отличают заговорщиков фашистской Германии от любой иной банды, не меняя правовой природы заговора, лишь придают ему особо опасный характер.

На этом я заканчиваю краткий анализ юридических аргументов защиты, на которых подробно останавливались мои уважаемые коллеги.

Как Вы видели, господа судьи, аргументы защиты оказались несостоятельными и неспособными поколебать обвинение.

Перехожу к рассмотрению вопроса о виновности отдельных подсудимых.

Геринг

Подсудимый Геринг являлся в гитлеровской Германии вторым после фюрера лицом, его первым преемником. Он взял себе огромные полномочия и захватил самые ответственные должности. Он — председатель совета министров по обороне Германской империи, диктатор по руководству германской экономикой, генеральный уполномоченный по четырехлетнему плану и главнокомандующий военно-воздушными силами. Главное — эту обширную область он использовал и все силы посвятил организации и осуществлению тех преступлений, которые указаны в Обвинительном заключении.

Как мы уже знаем, сущность этого заговора состояла в том, чтобы покорить Европу, а затем добиться мирового господства гитлеровской Германии, не останавливаясь ни перед какими средствами, как бы они ни были преступны и бесчеловечны. Чтобы достичь этой цели, надо было расчистить путь, надо было, как говорил Гитлер еще в феврале 1933 года на совещании с виднейшими германскими промышленниками, уничтожить парламентскую систему.

Этим и занялся Геринг. Он энергично принялся за уничтожение политических противников фашизма, для чего производил массовые аресты членов неугодных нацизму политических партий. Он организовал концентрационные лагеря, куда без суда направлял людей, не согласных с фашистами. Он создал гестапо, в котором с самого начала его создания установился

кровавый террористический режим. Он требовал от всех должностных лиц лагерей и гестапо не останавливаться ни перед чем — дикие расправы над людьми, изувечение их и убийства под его руководством стали основным методом работы.

Ему, Герингу, принадлежат слова: «Каждая пуля, вылетевшая из дула пистолета полицейского, есть моя пуля; если кто-то называет это убийством, значит это я убил». (Из книги Геринга «Восстановление нации», написанной им в 1934 году.)

Так он расчистил дорогу фашизму, так он прокладывал путь к тому, чтобы фашистский заговор мог беспрепятственно развиваться и реализовываться.

Геринг был неистощимым в искоренении всего и всех, что мешало укреплению этого заговора. И Гитлер всячески расхваливал его за это. Так, он заявил в рейхстаге 13 июля 1934 г., что Геринг «...своим железным кулаком сокрушил атаку на национал-социалистское государство прежде, чем она могла развиться».

Вся эта террористическая деятельность Геринга была рассчитана на то, чтобы расчистить путь для осуществления основной цели фашистского заговора — покорить Европу, а затем добиться мирового господства гитлеровской Германии.

Судебное следствие подтвердило виновность Геринга в планировании и подготовке всех агрессивных войн гитлеровской Германии. Суду были представлены многочисленные документы, говорящие об активной роли Геринга в развертывании агрессивных войн. Напомню заявление Геринга в 1935 году на собрании офицеров военно-воздушных сил. Там он заявил, что «...намеревается создать военно-воздушные силы, которые будут брошены на врага как удар возмездия. Еще до начала поражения враг должен чувствовать, что он пропал». И это намерение, как мы знаем, он осуществлял, готовясь к войне изо дня в день.

На совещании руководителей германской авиационной промышленности 8 июля 1938 г. Геринг дал понять, что война близка и что, если Германия выиграет эту войну, она будет величайшей державой в мире, господствующей на мировом рынке, и она станет богатой страной. «Надо рисковать, чтобы добиться этой цели», — это лозунг, который бросил тогда Геринг.

14 октября 1938 г., незадолго до предъявления требований Польше, Геринг заявил, что «приступил к проведению в жизнь гигантской программы, в сравнении с которой меркнет все, что было до сих пор».

«В кратчайшее время военно-воздушные силы должны быть увеличены в пять раз; военно-морской флот должен более быстрыми темпами вооружаться; армия должна получать более

мощное вооружение.., особенно тяжелую артиллерию и тяжелые танки. Наравне с этим должно быть увеличено производство военных материалов и горючего».

С полной несомненностью установлено активное участие Геринга в подготовке агрессии против СССР.

В отчете о совещании от 29 апреля 1941 г. по вопросу о структуре экономического штаба «Ольденбург», в отчете о совещании у генерала Томаса от 28 февраля 1941 г., а также в показаниях самого Геринга в судебном заседании 21 марта 1946 г. Трибунал найдет доказательства того, что Геринг уже с ноября 1940 года активно участвовал в разработке плана нападения на СССР.

Это Геринг совместно с Розенбергом, Кейтелем и Борманом на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г. конкретизировал планы расчленения Советского Союза, порабощения народов и разграбления богатств СССР. Это при его участии тогда планировалось «сравнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам». Это он выдвинул палача Коха в качестве рейхскомиссара Украины, как «личность с очень большой инициативой и хорошей подготовкой».

Так что с несомненностью можно считать доказанным, что Геринг виновен в планировании и подготовке агрессивных войн гитлеровской Германией, и за это он должен нести ответственность.

Мои коллеги уже останавливали внимание Суда на преступном отношении к военнопленным.

Я позволяю себе только напомнить Трибуналу показание свидетеля Мориса Лампа в вечернем заседании 25 января 1946 г. о казнях советских, английских, французских и других офицеров в концлагере Маутхаузен, о лагерях уничтожения Освенцим и Майданек, о предъявленных Суду нотах Народного комиссара иностранных дел СССР от 25 ноября 1941 г. и 27 апреля 1942 г., о чудовищных издевательствах германских военных властей в отношении советских военнопленных, об издевательствах, за которые большая доля ответственности ложится на Геринга. Я напомню также о показаниях свидетеля Гальдера 31 октября 1945 г., в которых свидетель сообщил о совещании у Гитлера по вопросу о неприменении положений Гаагской Конвенции при обращении с русскими военнопленными и о директиве из ставки Гитлера от 12 мая 1941 г. об обращении с захваченными в плен русскими командирами и политработниками.

Все эти с неоспоримостью установленные на Суде факты злодеяний не нуждаются в дополнительном освещении, так как защита не привела в своих речах каких-либо опровергающих эти доказательства доводов.

В «Двенадцати заповедях поведения немцев на Востоке» от 1 июня 1941 г. (шестая заповедь) сказано:

«Вы должны уяснить себе, что вы на целое столетие являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции в новой Европе. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которых требует от вас государство».

С именем Геринга связано начало организованного подавления и истребления еврейского населения. Именно он подписал члеловеконравистические нюрнбергские законы, декреты о лишении евреев собственности, о наложении штрафа на евреев в один миллиард и другие, эта деятельность вполне соответствует всему каннибальскому мирозерцанию Геринга.

На Суде он отрицал, что являлся сторонником расовой теории, между тем в 1935 году Геринг произнес в рейхстаге речь в защиту нюрнбергских расовых провокаторов. Тогда он громко заявил: «Бог создал расы, он не хотел равенства, и поэтому мы энергично отвергаем всякую попытку извратить концепцию чистоты расы...»

Многочисленные документы, предъявленные обвинением Трибуналу, изобличают преступные действия Геринга в отношении других наций.

Директива Геринга от 19 октября 1939 г. ясно показывает отношение подсудимого к польскому народу, к Польскому государству.

В директиве об экономической политике на Востоке от 23 мая 1941 г., изданной перед нападением на СССР, Геринг следующим образом пишет об отношении к русским:

«Германия не заинтересована в поддержании производительности на этой территории. Она снабжает продуктами питания только расположенные там войска... Население в этих районах, в особенности городское население, обречено на голод. Необходимо будет вывозить это население в Сибирь».

Как уполномоченный по четырехлетнему плану Геринг отвечает за разграбление и расхищение государственной собственности и личной собственности граждан, произведенные фашистами на оккупированной части территории СССР, в Чехословакии, Польше, Югославии и других странах. Именно Геринг возглавил деятельность фашистских заговорщиков по экономическому ограблению оккупированной территории СССР.

Еще до вероломного нападения на СССР, 29 апреля 1941 г., состоялось совещание по разработке экономических мероприятий по варианту «Барбаросса». В результате этого совещания

был создан экономический штаб особого назначения «Ольденбург», подчиненный Герингу. Было предусмотрено создание в крупнейших городах СССР специальных хозяйственных инспекций и команд, перед которыми были поставлены обширные задачи в области использования и разграбления советской промышленности и сельского хозяйства.

В папке окружного сельскохозяйственного фюрера содержались инструкции для сельскохозяйственных фюреров, которым предоставлялась полная свобода в выборе методов для достижения своих преступных целей. Выдвигалось требование о беспощадном обращении с советскими людьми, в первую очередь с русскими, украинцами, белорусами.

Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии СССР о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в Киеве, в Сталинской области и других местах, говорят о том, что эти преступные планы подсудимого Геринга и его сподвижников были в значительной степени реализованы.

Для обеспечения немецкой военной промышленности и сельского хозяйства рабочей силой и вместе с тем в целях физического уничтожения и экономического ослабления поработанных народов подсудимый Геринг и его соучастники по нацистскому заговору использовали рабский труд иностранных рабочих.

Использование принудительного труда было запланировано фашистами еще до начала войны. Достаточно напомнить о совещании у Гитлера, в котором принимал участие и подсудимый Геринг, от 23 мая 1939 г. На совещании 7 ноября 1941 г. и в приказе от 10 января 1942 г. Геринг требовал от всех подведомственных ему органов обеспечения любыми методами германской промышленности рабочей силой за счет населения оккупированных советских территорий.

6 августа 1942 г. Геринг провел совещание с рейхскомиссарами оккупированных областей и представителями военного командования. Обращаясь к участникам совещания, Геринг говорил:

«Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам народов, а для того, чтобы выкачать все возможное...»

Вы должны быть, как лягавые собаки, там, где имеется еще кое-что.

Я намереваюсь грабить, и именно эффективно».

Эти намерения были реализованы. Грабил Геринг, грабили рейхсминистры и рейхскомиссары оккупированных областей, грабили представители военного командования, начиная от генерала и кончая рядовым солдатом.

Так действовал подсудимый Геринг.

Нет ни одного мероприятия фашистской партии, ни одного шага гитлеровского правительства, в котором не участвовал бы Геринг.

Он активно участвовал во всех преступлениях фашистской банды, и за все свои действия он должен понести должное наказание.

Гесс

Подсудимый Рудольф Гесс уже с момента зарождения фашистской партии занимал ведущее положение среди нацистских заговорщиков.

Это Гесс был руководителем фашистской организации Мюнхенского университета, это он участвовал в мюнхенском путче, это он совместно с Гитлером работал над библией фашизма — книгой «Майн кампф», выполняя обязанности личного секретаря Гитлера, это он в 1932 году являлся председателем центральной политической комиссии фашистской партии, а после захвата власти в качестве заместителя фюрера проводил в жизнь звериную политику фашистских головорезов.

Именно Гессу декретом Гитлера от 21 апреля 1933 г. было предоставлено «полное право принимать решения от имени Гитлера по всем вопросам, касающимся руководства партией».

Вслед за тем Гесс продолжал прибирать к своим рукам все новые и новые посты в гитлеровском государстве. С 1 декабря 1933 г. он — имперский министр без портфеля для обеспечения близкого сотрудничества партии и штурмовых отрядов с гражданскими властями; 4 февраля 1938 г. он назначается членом тайного совета; 30 августа 1939 г. — членом совета министров по обороне империи, а 1 сентября 1939 г. Гитлер объявляет Гесса своим преемником после Геринга. Гесс получает также звание обергруппенфюрера СС и СА.

Декретом от 27 июля 1934 г. Гитлер обязал руководителей всех ведомств и министерств Германии представлять Гессу все законопроекты на предварительное утверждение.

Гесс занимался подбором и расстановкой руководящих фашистских кадров. Об этом свидетельствуют указ Гитлера от 24 сентября 1935 г. и другие документы, представленные Трибуналу обвинением.

Особо следует отметить активную роль Гесса в планировании и проведении агрессивных войн. Все агрессивные акции гитлеровской Германии намечались и готовились при самом непосредственном участии Гесса и подчиненного ему партийного аппарата фашистов.

Еще 12 октября 1936 г., выступая в Баварии, Гесс призвал немцев «употреблять немного меньше жира, немного меньше свинины, немного меньше яиц... Мы знаем, — говорил

Гесс, — что иностранная валюта, которую мы этим самым сберегаем, идет на вооружение. И на сегодня действителен лозунг: «Пушки вместо масла».

Об этом же говорил Гесс и накануне своего отлета в Англию — 1 мая 1941 г., выступая на заводе Мессершмидта с призывом к продолжению агрессивной войны.

Вместе с Гитлером, Герингом и другими руководящими деятелями фашистского заговора Гесс подписывал указы о присоединении к Германии захваченных территорий.

В человеконенавистнических нюрнбергских законах, за издание которых несет ответственность и подсудимый, имеется специальный пункт, уполномочивающий Фрика и Гесса издавать необходимые декреты для проведения в жизнь этих законов. Гесс подписал закон «об охране крови и чести», указ от 14 сентября 1935 г. о лишении евреев права голоса и права работы в общественных учреждениях, а также указ от 20 мая 1938 г. о распространении нюрнбергских законов на Австрию.

На данном процессе уже достаточно освещен вопрос о роли Гесса в организации сети шпионажа и террористических групп за границей, в создании СД (службы безопасности) и комплектовании частей СС.

Само положение Гесса в фашистской партии и гитлеровском правительстве говорит об активном руководящем участии подсудимого в подготовке и осуществлении общего преступного плана фашистских заговорщиков, а следовательно, об огромной доле его вины и ответственности за преступления против мира, и за военные преступления, и за преступления против человечности.

Господа судьи, чтобы еще более правильно оценить значение преступной деятельности подсудимого Гесса, как одного из видных руководителей нацистской партии и гитлеровского правительства, я напому статью в газете «Национал цейтунг» от 24 апреля 1941 г., посвященную Гессу:

«Много времени тому назад — это было еще до начала войны — Рудольфа Гесса называли «совестью партии». Если мы спросим, почему заместителю фюрера было дано это почетное звание, то на этот вопрос нетрудно ответить: нет ни одного события в нашей общественной жизни, которое не было бы связано с именем заместителя фюрера. Он настолько многогранен и своеобразен в своей работе и в сфере своей деятельности, что это нельзя сказать несколькими словами... многие мероприятия, проведенные правительством, особенно в сфере военной экономики и в партии, проводились полностью по инициативе заместителя фюрера».

Гесс отказался давать объяснения Трибуналу. Его защитник Зейдль с ложным пафосом заявил, что Гесс считает

настоящий Трибунал некомпетентным для суда над германскими военными преступниками... и тотчас без паузы приступил к предъявлению доказательств в защиту Гесса.

Гесс даже пытался объявить себя сумасшедшим, чтобы избежать заслуженного наказания. Но когда Гесс убедился, что такой маневр ему не поможет, он вынужден был заявить в Суде, что он симулировал потерю памяти, что это была тактическая уловка с его стороны, и должен был признать, что несет полную ответственность за все то, что он сделал и подписал вместе с другими.

Итак, на Суде полностью разоблачена неуклюжая попытка Гесса уйти от ответственности, и Гесс должен в полной мере понести наказание за участие в общем плане или заговоре для совершения преступлений против мира, в военных преступлениях, тягчайших преступлениях против мира и человечности, которые совершены им совместно с другими подсудимыми.

Б о р м а н

Имя подсудимого Мартина Бормана неразрывно связано с созданием гитлеровского режима. Он был одним из тех, кто совершал самые дикие преступления, направленные на уничтожение сотен тысяч невинных людей.

Совместно с подсудимым Розенбергом Борман с жестокой последовательностью проводил пропаганду расовой теории и преследование евреев.

Им были изданы многочисленные директивы, направленные на дискриминацию евреев в гитлеровской Германии, сыгравшие впоследствии роковую роль и повлекшие истребление миллионов евреев. Этой своей деятельностью он заслужил большое доверие у Гитлера, ему было «предоставлено право представлять партию в сфере государственной жизни...» (постановления и распоряжения партийной канцелярии, том II, страница 228), и он ее представлял. Так, в качестве начальника партийной канцелярии он принимал непосредственное участие в уничтожении евреев, цыган, русских, украинцев, поляков и чехословаков.

НСДАП под его руководством превратилась в полицейскую организацию, находившуюся в самом тесном взаимоотношении с германской тайной полицией и СС.

Борман не только знал о всех агрессивных планах гитлеровского правительства, но и принимал активное участие в их осуществлении. Он привлек весь партийный аппарат НСДАП на реализацию агрессивных планов гитлеровского правительства, а партийных гаулейтеров назначал уполномоченными по обороне империи в тех областях, в которых они действовали.

Партийный аппарат НСДАП и лично Борман принимали активное участие в мероприятиях немецких военных и гражданских властей по бесчеловечному использованию военнопленных. Об этом свидетельствуют многочисленные директивы и указания, изданные Борманом.

Материалами обвинения и судебного следствия сейчас установлено, к какой массовой гибели привело зверское обращение с военнопленными.

Партийный аппарат и лично подсудимый Борман принимали непосредственное участие в мероприятиях гитлеровского правительства, связанных с угоном в рабство населения оккупированных территорий.

С одобрения Бормана производилась тайная доставка в Германию украинских девушек, предназначенных для насильственного онемечивания.

Приказом Гитлера от 18 октября 1944 г. на Бормана и Гимmlера было возложено руководство фольксштурмом, состоявшим из всех мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, способных носить оружие.

Накануне краха гитлеровской Германии Борман возглавлял созданную для диверсионной и подрывной деятельности в тылу союзных войск подпольную организацию «Вервольф».

Борман непосредственно участвовал в разграблении культурных, исторических и других ценностей на оккупированных территориях.

Он внес в 1943 году предложение о необходимости усиления экономического разграбления оккупированных территорий.

Таковы преступления подсудимого Бормана, ближайшего сподвижника Гитлера, разделяющего всю полноту ответственности за бесчисленные преступления гитлеровского правительства и фашистской партии.

Р и б б е н т р о п

Один из главных вдохновителей и руководителей внешней политики гитлеровской Германии — Иоахим фон Риббентроп был и одним из самых активных участников преступного заговора.

Официально вступив в нацистскую партию в 1932 году, подсудимый, однако, еще до прихода фашистов к власти активно содействовал ее захвату и стал в скором времени официальным советником партии в качестве «сотрудника фюрера по вопросам внешней политики».

Продвижение Риббентропа по служебной линии находится в неразрывной связи с развитием деятельности фашистских заговорщиков, направленной против интересов мира.

В своих показаниях Риббентроп заявил: «Он (Гитлер) знал, что я являлся его верным сотрудником». Именно поэтому Гитлер 4 апреля 1938 г., как убежденного, преданного фашиста, назначил Риббентропа официальным руководителем внешней политики, которая являлась одним из важнейших рычагов осуществления всего фашистского заговора.

Однако Риббентроп не ограничивал своей деятельности сферой внешней политики. Как член гитлеровского правительства, как член имперского совета по обороне империи, как член тайного совета он участвовал в разрешении всего комплекса вопросов, связанных с подготовкой агрессивных войн. Вот почему он, Риббентроп, будучи министром иностранных дел, принимал участие в решении и проведении в жизнь таких далеко отстоящих от внешней политики вопросов, как использование рабочей силы во время войны, организация концлагерей и т. п. В этой связи следует отметить, что Риббентропом было заключено специальное пространное соглашение с Гиммлером об организации совместной разведывательной работы.

Имперским министром иностранных дел Риббентроп стал как раз в начале осуществления планов агрессии, рассчитанных на покорение Германией Европы. Это совпадение не случайно. Не без основания Риббентроп считался самым подходящим человеком для осуществления этого преступного заговора. Его предпочли даже такому специалисту международных провокаций, как Розенберг, на что последний, не без некоторого основания, подал официальную жалобу. И Гитлер не ошибся в Риббентропе. Доверие Гитлера он полностью оправдал.

Уже 12 февраля 1938 г., через неделю после своего назначения, Риббентроп совместно с Гитлером и подсудимым Папеном, возглавлявшим в течение долгого времени до этого подрывную работу нацистских агентов в Австрии, принял участие в совещании в Оберзальцберге, где он от австрийского канцлера Шушнига и его министра иностранных дел Шмидта, под давлением угроз, ультимативно требовал согласия на отказ от независимости Австрии и добился этого.

В качестве министра Риббентроп присутствовал на совещании 28 мая 1938 г., на котором было принято решение о введении в действие «плана Грюн» — плана агрессии против Чехословакии.

В соответствии с тактикой фашистов ослаблять изнутри будущую жертву Риббентроп постоянно поддерживал тесную связь и оказывал материальную помощь сначала партии судетских немцев, а потом и словацким националистам с тем, чтобы вызвать внутренний раскол и братоубийственную войну в Чехословакии.

Захватив Чехословакию, фашистские заговорщики, и в числе их подсудимый Риббентроп, перешли к подготовке и осуществлению следующего акта агрессии, заранее намеченного ими в плане преступлений против мира, — к нападению на Польшу.

Будучи вынужден в связи с только что закончившимся захватом Австрии и Чехословакии временно скрывать дальнейшие намерения Германии, Риббентроп сам и через своих дипломатов старался усыпить бдительность европейских государств, лицемерно заявляя, что никаких других территориальных требований Германия не имеет.

26 января 1939 г. в Варшаве министр иностранных дел фашистской Германии Риббентроп заявил, что «укрепление дружественных отношений между Германией и Польшей на основании существующих соглашений составляет важнейший элемент внешней политики Германии».

Прошло немного времени, и Польша испытала ценность этих заверений Риббентропа.

Я не останавливаюсь здесь на той вероломной роли, которую сыграл подсудимый Риббентроп в германской агрессии против Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии и Люксембурга, так как об этом достаточно убедительно говорили мои коллеги.

Подсудимый Риббентроп принял непосредственное активное участие в проведении агрессии против Югославии и Греции.

Прибегая к излюбленному своему методу обманных гарантий для сокрытия готовящейся агрессии, подсудимый Риббентроп 20 апреля 1938 г. дал заверение Югославии, что после аншлюсса германские границы с Югославией рассматриваются как «окончательные и нерушимые». В то же время при деятельном участии подсудимого Риббентропа велась всесторонняя подготовка к агрессии. 12 и 13 августа 1939 г. на совещании Гитлера и Риббентропа с Чиано в Оберзальцберге было достигнуто соглашение о «ликвидации нейтралов одного за другим».

При непосредственном и прямом участии подсудимого Риббентропа фашистские заговорщики планировали, подготавливали и осуществляли также и вероломное нападение на Союз Советских Социалистических Республик 22 июня 1941 г.

Подсудимый Риббентроп сам признал здесь, в зале Суда, что в конце августа — начале сентября 1940 года, то есть когда уже проводилась разработка «плана Барбаросса» (как это с очевидностью следует из показаний генерала Варлимонта, генерала Мюллера и фельдмаршала Паулюса), подсудимый Кейтель беседовал с ним по вопросу о нападении на СССР.

Деятельность подсудимого и министерства, которым он руководил, играла первостепенную роль в организации войны

против СССР с участием Финляндии, Венгрии, Румынии и Болгарии.

Уже после начала агрессии Германии против Советского Союза подсудимый Риббентроп продолжал прилагать усилия к тому, чтобы привлечь на сторону Германии новых союзников. Так, в телеграмме к германскому послу в Токио от 10 июля 1941 г. он писал: «Я прошу вас всеми находящимися в вашем распоряжении средствами повлиять на Мацуока, чтобы Япония как можно скорее вступила в войну с Россией. Чем быстрее это произойдет — тем лучше. Конечной целью должно оставаться и в дальнейшем то, что Япония и мы перед наступлением зимы протянем друг другу руку на Сибирской железной дороге...»

Как установлено на Суде, Риббентроп совместно с другими подсудимыми подготавливал ту политику уничтожения и разграбления, которую гитлеровцы наметили, а затем и проводили на временно оккупированных территориях Советского Союза. Подсудимый Розенберг, который разрабатывал планы эксплуатации оккупированных территорий Восточной Европы, проводил совещание по этому вопросу с ОКВ, министерствами экономики, внутренних дел, иностранных дел. В своем «Отчете о подготовительной работе по восточно-европейскому вопросу» он писал: «В результате переговоров с МИД, последнее назначило в качестве своего представителя к Розенбергу генерального консула господина Брейтигама».

Таким образом, бесспорно, что Риббентропу не только было известно о подготовке военного нападения на СССР, но он вместе с другими заговорщиками заранее намечал планы колонизации территорий Советского Союза, порабощения и истребления советских граждан.

Подсудимый был вынужден признать, что ему были известны ноты Народного комиссара иностранных дел СССР о злодеяниях гитлеровцев на временно оккупированных территориях Советского Союза. Ему, как и другим заговорщикам, были известны и другие декларации глав союзных правительств о той ответственности, которая ложится на нацистское правительство за совершение гитлеровцами чудовищных злодеяний в оккупированных странах.

Риббентроп, как это подтвердил свидетель защиты по его делу — бывший статс-секретарь министерства иностранных дел Штейнграхт, был один из организаторов и намечался в качестве почетного члена международного антиеврейского конгресса, который немцы предполагали созвать в июле 1944 года в Кракове.

Сам Риббентроп признал на Суде, что он вел переговоры с правительствами европейских стран относительно массового изгнания евреев.

Согласно протоколу беседы Риббентропа с Хорти, «министр иностранных дел заявил Хорти, что евреи должны быть либо уничтожены, либо направлены в концентрационный лагерь. Другого решения не может быть».

Этот факт в достаточной мере подтверждает, что Риббентропу было известно о существовании концентрационных лагерей, хотя он упорно пытался доказать здесь обратное.

Риббентроп оказывал поддержку другим фашистским руководителям и прежде всего подсудимому Заукелю в угоне на германскую каторгу жителей оккупированных стран.

Кроме того, подсудимый Риббентроп, во исполнение общего плана заговорщиков, включавшего уничтожение национальной культуры народов оккупированных стран, активнейшим образом участвовал в разграблении культурных ценностей, являющихся общенародным достоянием.

Для выполнения этой задачи по указанию Риббентропа был создан «батальон особого назначения» при министерстве иностранных дел, который в течение всей войны, следуя за передовыми частями, реквизирует и вывозит в Германию согласно указаниям Риббентропа всевозможные культурные ценности с оккупированных территорий на Востоке.

Таким образом, подсудимый Риббентроп участвовал в захвате фашистами власти, играл руководящую роль в планировании, подготовке и развязывании агрессивных грабительских войн, вместе с другими заговорщиками принимал участие, согласно фашистским планам, в руководстве совершения тягчайших преступлений против народов, территория которых была временно оккупирована гитлеровскими захватчиками.

ВОЕННАЯ ГРУППА

Несколько подсудимых в этом процессе главных преступников войны как бы образуют группу собственно военных. Если оставить в стороне Геринга, как фигуру совершенно специфическую — и политика, и хозяйственника, и военного в одном лице, — то мне надо будет назвать Кейтеля, Иодля, Деница и Редера. В процессе судебного следствия в отношении этих лиц также были не только полностью подтверждены все данные обвинительного акта, но оснований к обвинению стало еще больше.

Документальные доказательства, показания свидетелей, в том числе частично и тех, которых вызывали по ходатайству защиты, не могли не лечь тяжким грузом на чашу весов обвинения.

Защитники этих подсудимых пытались убедить в том, что их подзащитные волей судьбы, против своего желания, стали участниками зловещей трагедии.

Сами подсудимые — Кейтель, Иодль, Дениц и Редер — здесь, на Суде, пытались выступить в роли благородных простаков. Надо отдать справедливость, что в меру своих сил защита помогла им в этом деле. Мы слышали много о чести солдата, о воинской дисциплине, о верности долгу и присяге, о вынужденном в связи с этим выполнении ими гитлеровских приказов, даже тех, которые вызывали в их душах сомнение и прямой протест. Такое освещение их позиции совершенно искажает реальное положение вещей.

Я считал бы нужным перед тем, как говорить о виновности Кейтеля, Иодля, Деница и Редера, поставить и разрешить четыре вопроса.

Первый: знали ли эти подсудимые, что гитлеровская Германия в нарушение международных обязательств готовит целую серию агрессивных, захватнических, грабительских войн?

Второй: принимали ли они сами активное участие в планировании, подготовке, развязывании и проведении этих войн?

Третий: виновны ли они в циничном попрании законов и обычаев войны?

Четвертый: отвечают ли они за зверски растерзанных и уничтоженных мирных жителей, за потопленные пассажирские и госпитальные пароходы, за города и деревни, уничтоженные военной машиной гитлеровского рейха?

Я думаю, что после столь тщательного судебного расследования каждый, кто не хочет сознательно заблуждаться, ответит утвердительно на все эти четыре вопроса.

Представленные Суду документальные доказательства с полной очевидностью подтвердили виновность военной группы преступников в тягчайших преступлениях, их активное участие в планировании и осуществлении общего преступного заговора.

То обстоятельство, что совершали эти преступления люди в военных мундирах, не только не снижает, а, как мне представляется, существенно усиливает их ответственность.

Как можно им в оправдание ссылаться на «долг солдата», «честь офицера», на «обязанность выполнить приказ»? Да разве можно с «долгом солдата» и «честью офицера» совместить растерзание без суда и клеймение военнопленных, массовое уничтожение женщин, стариков и детей?

Единственно правильное, реальное объяснение тому удивительному факту, что эти генералы и адмиралы занимались грязными, по существу уголовными преступлениями, состоит в том, что они были генералами и адмиралами гитлеровской формации. Это люди особого качества. Это фашисты в военных мундирах, душой и телом преданные фашистскому режиму.

Именно этим нужно объяснить, что Гитлер приблизил их к себе и столь длительно сотрудничал с ними. Этим только

можно объяснить, что они сотрудничали с Гитлером в совершении беспримерных в истории гнуснейших преступлений. Они друг другу вполне подходили и друг друга вполне понимали.

Кейтель

Переходя к группе военных, я, естественно, хотел бы начать с подсудимого Вильгельма Кейтеля.

Ведущее положение в гитлеровской военной машине Кейтель занял с первых лет ее организации. Адвокат Кейтеля признает, что «декрет (от 4 февраля 1938 г.) преподнес Кейтелю чудесное должностное наименование — начальника верховного командования вооруженных сил».

И несколько далее: «...Фактическое значение работы Кейтеля было громадным... Это была чудовищная, неблагодарная работа, мизерным вознаграждением за которую было блестящее положение в непосредственной близости от главы государства».

В свете всех последующих событий надо считать, что начальным этапом будущих агрессивных войн было все то, что связывалось с секретными вооружениями Германии после Версальского мира.

Трудно преуменьшить значение всего сделанного тогда еще полковником Кейтелем в комитете экспертов, который последовательно и настойчиво изыскивал и находил пути для обхода или прямого нарушения договора. В частности, именно полковник Кейтель, а не кто иной, давал указания о том, что в Женеве можно говорить все, что угодно, лишь бы не оставлять письменных следов.

Это циничное заявление полностью соответствует той роли, которую играл Кейтель в последующей подготовке и проведении агрессивных войн.

Во время переговоров Гитлера с Шушнимгом живым напоминанием о готовности Германии применить оружие была фигура Кейтеля.

Кейтель давал директивы двинуть войска в Чехию, когда президент Гаха был вероломно вызван в Берлин «для продолжения переговоров».

Это ОКВ, а не какая-либо иная организация, была готова через отдел «Абвер» спровоцировать пограничный инцидент с Чехословакией, чтобы оправдать вторжение германских полчищ, готовых ринуться в Чехию.

Своим совершенно секретным меморандумом Кейтель требовал от Гесса и Гимmlера заранее сообщать ОКВ о всех мерах, проводимых партийными организациями или полицией, которые не предусмотрены «планом Грюн».

Фактически сплошной ложью были декларации об отсутствии каких-либо дальнейших претензий Германии в Европе после захвата Чехословакии. Это было звеном в цепи агрессивных войн.

Я хочу подчеркнуть ведущую роль ОКВ в подготовке и осуществлении агрессии. Директива относительно ведения войны и вторжения в Польшу известна нам как директива Гитлера и Кейтеля от 10 мая 1939 г. Она была направлена командованию ВВС, военно-морского флота и сухопутных сил. Как можно после этого говорить о том, что ОКВ не было руководящей головкой всех видов вооруженных сил фашистского рейха?

Если еще раз взглянуть на документы, относящиеся к германской агрессии против Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Югославии и Греции, мы не раз встретимся с именем Кейтеля. Он выступает то в качестве участника ответственных совещаний, то как автор секретных приказов, адресованных Редеру, Герингу и генеральному штабу. Собственноручные инициалы Кейтеля и Иодля мы находим и на секретной директиве, подписанной Гитлером, о проведении «операции Марита».

Много говорилось здесь о «плане Барбаросса» и его авторах. Сейчас нам важно подчеркнуть, что документ этот рожден в недрах ОКВ по непосредственной инициативе этой организации, что запланированные методы вероломного нападения на СССР являлись его¹ работой.

Каждому ясна роль визы военного специалиста на документе. Некоторые подсудимые пытались лживо объяснить нападение на СССР как войну превентивную. Заявления эти в такой мере несостоятельны и противоречат установленным в Суде неопровержимым доказательствам (немецким же документам), что я не вижу необходимости отнимать время у Трибунала.

Защитник Кейтеля заявил, что защита этого подсудимого строится под тем углом зрения, что Кейтель «борется не за свою голову, а за свое лицо».

Я хочу помочь Суду увидеть подлинное лицо Кейтеля. Для этого мне нужно напомнить Вам о нескольких кейтелевских директивах, которые по праву займут одно из первых мест среди позорных документов о бесчеловечности германской военщины, ее низости и безгранично подлом поправлении понятий о правилах и обычаях ведения войны.

Начиная с документов о расстреле политических работников, Кейтель, этот солдат, как он любит себя называть, игнорируя присягу, беззастенчиво врал на предварительном следствии американскому обвинителю, говоря, что этот приказ носил характер ответной репрессии и что политических работников отде-

¹ То есть Кейтеля. — Составители.

ляли от остальных военнопленных по просьбе самих военнопленных. На Суде он был изобличен. Предъявлением документов РФ-351, ПС-884 было доказано, что директива была дана до начала военных действий. Нами был также предъявлен документ под номером СССР-62 (текст письма немецких военнопленных). Из этого документа видно, как еще до нападения на СССР полевые войска инструктировались по поводу обязательного истребления советских женщин-военнослужащих и политического состава.

А что можно сказать о фразах, страшных по своему беспредельному цинизму: «Человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит... Устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости»?

А директива о применении военной подсудности в районе «Барбаросса» от 13 мая 1941 г.? А приказ от 16 сентября 1941 г. о казни от 50 до 100 коммунистов за каждого убитого немца? Что мог сказать здесь Кейтель о документе, известном под названием «Нахт унд небель»?

Это кровавые документы. Никто не может подсчитать, сколько тысяч военнопленных солдат и офицеров Красной Армии было убито и замучено в лагерях фашистской Германии. Вы помните, как на вечернем заседании 25 января 1946 г. свидетель Ламп рассказал, что из расстрела 50 советских офицеров в лагере Маутхаузен устроили развлечение для Гимmlера. Вы помните показания свидетеля Блахы, как весной 1944 года были истерзаны пытками, а затем убиты 94 советских офицера, отказавшиеся давать сведения военного характера.

Я хочу упомянуть о показаниях эсэсовца Пауля Вальдмана об истреблении русских военнопленных. Вы помните, о каком конвейере издевательств и мучений для каждого советского человека, попавшего в немецкий плен, показывал свидетель Кивелиша. Могли ли я умолчать о директиве Кейтеля клеймить советских военнопленных?

Нельзя забыть директиву Кейтеля от 16 декабря 1942 г. Она называется «Борьба с бандами». Под «бандами» подсудимый Кейтель понимал всякое движение Сопротивления и требовал от войск применения жесточайших мер без ограничения, в том числе против женщин и детей.

Под номером СССР-162 советское обвинение предъявило показание Ле-Курта. Ле-Курт заявил, что расстреливал и сжигал советских граждан, поджигал их дома. Только он один лично расстрелял 1200 человек, за что ему досрочно было присвоено звание обер-ефрейтора, и он был награжден восточной медалью. Он действовал в соответствии с указаниями Кейтеля. Директива Кейтеля о военной подсудности в районе «Барбаросса»

делала подобных людей безнаказанными. На Кейтеле кровь убитых Ле-Куртом и ему подобными.

Выполняя директиву Кейтеля о том, что жизнь в восточных странах абсолютно ничего не стоит, солдаты и офицеры гитлеровской Германии совершали свои злодеяния.

Обвинением предъявлен документ СССР-51 о том, как 28 августа 1941 г. немецкие войска перед своими боевыми порядками, идя в атаку, гнали женщин, детей и стариков. А в деревне Колпино, заставив крестьян строить для немцев мосты и блиндажи, фашисты потом всех расстреляли.

В Югославии массовые расстрелы заложников стали повседневной практикой военного командования и военной администрации.

В секретном докладе от 15 февраля 1940 г. на имя Геринга ОКВ оправдывает заложничество.

Я хочу закончить документом СССР-356 (ЕС-338). Вы помните, господа судьи, этот документ. В нем адмирал Канарис сообщал Кейтелю о произволе в лагерях военнопленных, голоде, массовых расстрелах советских военнопленных. Даже матерый фашистский разведчик Канарис, боясь ответственности, не мог пройти мимо вопиющих фактов произвола и нарушения всех общепринятых законов и обычаев войны.

Вы помните также резолюцию Кейтеля на этом докладе:

«Я одобряю и покрываю эти мероприятия».

Я спросил подсудимого Кейтеля во время перекрестного допроса 6 апреля¹:

«Вы, подсудимый Кейтель, именуемый фельдмаршалом, неоднократно здесь перед Трибуналом именовавший себя солдатом, вы своей кровавой резолюцией в сентябре 1941 года подтвердили и санкционировали убийства тысяч безоружных солдат, попавших к вам в плен. Это правильно?»

Кейтель вынужден был признать этот факт.

Уже одна такая резолюция полностью раскрывает действительное, подлинное лицо фельдмаршала Кейтеля. Никакие изощренные доводы защиты не смогут снять с Кейтеля ответственность за кровь и бесчисленные человеческие жизни, оборванные рукой фашистской военщины во исполнение приказов и директив, подписанных рукой подсудимого Кейтеля.

И о д л ь

Подсудимый Альфред Иодль несет равную ответственность с подсудимым Кейтелем в качестве его заместителя и ближайшего военного советника Гитлера.

¹ 1946 года. — Составители.

Все то, что касается подготовки и осуществления агрессивных планов гитлеровской Германии, неразрывно связано с именем Иодля, так же как и с именем Кейтеля.

Нет необходимости в том, чтобы снова перечислять все те агрессивные акции гитлеровской Германии, которые теперь достаточно хорошо известны и каждая из которых была задумана и осуществлена при непосредственном участии подсудимого Иодля.

Я хочу как представитель Союза Советских Социалистических Республик подчеркнуть еще раз, что преступный план вероломного нападения на Советский Союз, названный гитлеровцами именем горе-завоевателя Фридриха Барбароссы, наряду с подписями Гитлера и Кейтеля имеет подпись подсудимого Иодля. Но это не только подпись.

Еще летом 1940 года в Рейхенгалле Иодль провел первое совещание офицеров своего штаба, на котором обсуждался вопрос о возможности нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Не кто иной, как подсудимый Иодль, еще до нападения на СССР, издал известные «Указания о применении пропаганды в районе «Барбаросса». В этих «Указаниях» прямо указывалось, что «пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза».

Таким образом, подсудимый Иодль заранее знал о действительных целях нападения Германии на СССР, о грабительском, захватническом характере войны, предусматривающей расчленение Советского Союза.

Это он, Иодль, участвовал в подготовке и организации провокационного инцидента на границе Чехословакии с целью оправдания агрессивной акции гитлеровской Германии против этой миролюбивой страны. Это он, Иодль, подписал приказ от 28 сентября 1938 г. относительно порядка использования так называемого «корпуса» Генлейна на случай реализации «плана Грюн».

Издавательски звучат слова подсудимого Иодля о «солдатской чести», когда читаешь его приказ об уничтожении Ленинграда, Москвы и других городов Советского Союза.

Не кто иной, как тот же Иодль, на совещании у Гитлера 1 декабря 1941 г. с неповторимым цинизмом утверждал, что советских патриотов немецкие войска могут безнаказанно «вешать, вешать головой вниз, четвертовать».

Ближайший военный советник Гитлера, непосредственный участник подготовки и осуществления всех кровавых агрессивных планов гитлеровской Германии — подсудимый Иодль по праву занимает место в ряду главных немецких военных преступников.

Дениц и Редер

Мой английский коллега столь убедительно и обстоятельно доказал виновность подсудимых Карла Деница и Эриха Редера, что я не вижу необходимости особо останавливаться на этих grossадмиралах гитлеровской Германии, запятнавших позором тягчайших преступлений свои адмиральские мундиры.

Дениц при допросе его советским обвинением сказал, что ему не ясны причины, в силу которых именно его Гитлер избрал своим преемником. Я не думаю, чтобы Дениц был совершенно искренен, говоря это. Следует только обратиться к стенограмме судебного заседания от 8 мая и в последующие дни, чтобы и без признания Деница понять, почему он оказался преемником Гитлера в тот момент, когда корабль гитлеровского «рейха» шел ко дну. Не в том дело, что нужен был адмирал в подобную минуту, а в том, что только нацистский grossадмирал Дениц, по мнению сошедшего со сцены Гитлера, мог что-то сделать для спасения гибнущего корабля.

При Гитлере Дениц был командующим подводными силами Германской империи. Мы помним, какую роль в этой войне играл германский подводный флот. В этой связи стоит подчеркнуть, что сам Дениц гордился авторством так называемой «тактики волчьей стаи». Советские люди не забыли, как подводные лодки Деница топили в Балтийском и Черном морях госпитальные суда и пароходы, на которых эвакуировались мирные жители, женщины и дети.

Последний глава гитлеровского государства одним из первых должен ответить за все те преступления, которые послужили поводом к преданию Суду Международного Военного Трибунала главных военных преступников.

С именем Редера связана кошунственная директива об уничтожении Ленинграда.

На процессе Редер пытался разыграть роль «честного военного». Но уже одно то, что именно он вместе с Гитлером и Кейтелем замыслил «стереть с лица земли» Ленинград и уничтожить более чем трехмиллионное население великого города, имя которого неразрывно связано с развитием человеческой культуры и истории, делает Редера одним из главных военных преступников.

Редер участвовал в разработке всех важнейших планов агрессии германского фашизма. Этот участник преступного фашистского заговора должен поэтому понести наказание наравне с другими его соучастниками.

Советские обвинители и сотрудники советской делегации в зале заседаний Трибунала

Кальтенбруннер

Подсудимый Эрнст Кальтенбруннер был тем, кого Гиммлер считал наиболее достойным назначить на место казненного чешскими патриотами палача Гейдриха.

30 января 1943 г. он был назначен начальником главного управления полиции безопасности и СД. Многочисленными документальными данными, в частности приказами за подписью Кальтенбруннера о массовом направлении людей в концлагеря, показаниями своих подчиненных, в том числе показаниями бывшего начальника главного разведывательного управления (амт VI) Вальтера Шелленберга и начальника внутренней разведки и СД (амт III) Отто Олендорфа, Кальтенбруннер полностью изобличен в совершении тягчайших преступлений.

На судебном заседании 12 апреля 1946 г., при допросе Кальтенбруннера, были оглашены показания Иоганна Кандутора, бывшего заключенного Маутхаузена. В своих показаниях Кандутор рассказывает о том, как проводил время Кальтенбруннер при посещениях лагеря.

«Кальтенбруннер со смехом вошел в газовую камеру; затем людей привели из барака на казнь, и потом были продемонстрированы все три вида казни — повешение, расстрел в затылок и отравление газом».

Я не стану останавливаться на имеющихся многочисленных доказательствах, они достаточно освещены перед Судом. Но на одном обвинении из числа предъявленных Кальтенбруннеру я все же считаю нужным остановиться.

Вместе с другими учреждениями РСХА Кальтенбруннер принял после Гейдриха пять эйнзатцгрупп. Граждане Советского Союза хорошо помнят эти злодейские организации германского фашизма, возглавленные Кальтенбруннером.

Эйнзатцгруппа «А» дошла до подступов к Ленинграду. Это она организовала «форт смерти № 9» под Каунасом, тайный пункт массового умерщвления людей в Понарах, осуществляла расстрелы в Саласпилском и Бикернекском лесу под Ригой, ставила ряды виселиц в парках одного из пригородов Ленинграда — Пушкине.

Эйнзатцгруппа «В» остановилась под Смоленском. Это она сжигала заживо крестьян Белоруссии, расстреливала людей при страшной акции в Пинске, топила тысячи белорусских женщин и детей в Мозырских болотах, травила «душегубками» в Минске, ликвидировала гетто в районе Верхних Садков в Смоленске.

Эйнзатцгруппа «С» дислоцировалась в Киеве. Эта группа осуществляла беспримерную по жестокости массовую акцию немцев в Бабьем Яру под Киевом, где за один день было уничтожено сто тысяч советских людей.

Эйнзатцгруппе «D» были отданы на растерзание южные области из числа временно оккупированных областей Советского Союза. Эта группа впервые испытывала на советских людях «душегубки» в Ставропольском крае и Краснодаре.

Решая судьбу Кальтенбруннера, нельзя позабыть этих людей, отравленных в «душегубках» под Ставрополем, зарытых живыми в могилы под Киевом и под Ригой, заживо сожженных в пылавших деревнях Белоруссии.

Эти невинные жертвы — на его грязной совести.

Преемник палача и сам палач Кальтенбруннер осуществлял наиболее отвратительную функцию в общем преступном плане гитлеровской клики.

Розенберг

Перехожу к доказательству вины и ответственности подсудимого Розенберга.

Как бы ни пытался Розенберг умалить свою роль и значение, как бы он ни подтасовывал исторические факты и события, ему не уйти от того, что он был официальным идеологом нацистской партии, что он еще четверть века тому назад заложил «теоретические» основы фашистского гитлеровского государства и на протяжении этого периода морально растлил миллионы немцев, «идейно» подготовив те неслыханные в истории чудовищные преступления гитлеровцев, которые составляют предмет разбирательства на данном процессе.

Когда на процессе Розенбергу был поставлен вопрос: «Вы были ближайшим сподвижником фюрера?», он даже не ответил, а закричал: «Нет, это неправда, я никогда не был». Но как бы ни отрекался Розенберг от своего «фюрера», ему не смыть канову печать «одного из старейших и самых верных боевых товарищей Гитлера». На протяжении 25 лет Розенберг, вначале совместно, а затем под руководством Гитлера, разрабатывал и содействовал осуществлению сумасбродных планов мирового господства, избрал для оправдания этих преступных планов человеконенавистническую расовую теорию.

Может ли иметь значение для решения вопроса о виновности и ответственности Розенберга то, что он использовал в своих целях отбросы науки и позаимствовал кое-что у Карла Льюгера и Поля Лагарда, графа Гобино и Лапужа, Освальда Шпенглера и Артура Меллера?!

Важно то, что Розенберг, собрав все эти «научные» отходы, довел все расовые воззрения до предела расового изуверства и в этом духе воспитывал членов нацистской партии, немецкую молодежь. И когда представители «высшей расы» разрабатывали и совершали акты агрессии, когда немецкие оккупанты

порабощали и уничтожали нации и народы, когда создавали комбинаты смерти в Майданеке и Освенциме, Трешлинке и Хелмно, во всем этом немалая доля ответственности Розенберга.

В этом сказался результат фашистской расовой идеологии, сущность которой состоит в том, что «арийская» — «северогерманская» — раса есть «раса господ», а все остальные расы и нации — «низшая порода».

Защитник Розенберга говорил: «Трибунал должен рассматривать преступления, а не мировоззрения». Этот аргумент в отношении Розенберга явно неубедителен. Ибо Розенберг не только исповедовал, но сознательно распространял и внедрял в сознание немецкого народа фашистскую расовую теорию, которая стала прямой угрозой существованию демократических государств Европы. Носителя бацилл надо изолировать, а того, кто сознательно распространяет бациллы, надо судить.

Преступная деятельность Розенберга не ограничивалась идеологической подготовкой агрессии и проповедями человеконенавистничества. Она очень многогранна.

На процесс уже была достаточно освещена деятельность внешнеполитического отдела НСДАП, ведавшего сетью полулегальной нацистской агентуры за границей, которой много лет руководил подсудимый Розенберг. Влияние этой организации на внешнеполитические мероприятия гитлеровской Германии и на развязывание агрессивных войн очень велико.

В одном из представленных защитником Нейрата и принятых Судом документов прямо говорится: «...Одно время в Берлине даже существовало три вида министерств иностранных дел: министерство Розенберга, министерство Риббентропа и официальное министерство на Вильгельмштрассе».

Наконец, о своем реальном влиянии на внешнюю политику гитлеровской Германии и своих «заслугах» в этой области указывал сам Розенберг в письме к Гитлеру от 6 февраля 1938 г., когда он просил назначить его членом тайного совета министров.

Я не вижу необходимости анализировать всю преступную деятельность Розенберга и намерен только кратко остановиться на его деятельности в качестве сначала «уполномоченного фюрера», а затем имперского министра восточных оккупированных территорий. На этом поприще Розенберг наиболее активно проявил себя как участник преступного заговора.

Розенберг заявляет, что он был против войны с СССР, что о подготовке военного нападения на Советский Союз он узнал от Гитлера тогда, когда уже все приказы по военной линии были отданы, что он никогда не имел реального влияния на внешнюю политику гитлеровской Германии. Я утверждаю,

господа судьи, что все эти заявления Розенберга ничего общего не имеют с действительностью.

Общеизвестно, что внешняя политика национал-социалистов, изложенная в новогоднем номере 1921 года газеты «Фелькишер беобахтер», начинается с плана германского крестового похода против Советской России и автор этой политики — Альфред Розенберг. Это он вместе с Гитлером, будучи инспирирован Людендорфом и Рехбергом, проповедовал внешнюю политику, направленную на создание антисемитской, антибольшевистской и антибританской континентальной Европы.

Выступления Розенберга с планами «обмена» Польского коридора на Украину, его «дипломатические» поездки в некоторые страны после прихода фашистов к власти, его неуклюжие попытки осуществить внешнеполитическую программу нацистов были широко освещены в печати.

Из представленных документов видно, какую лихорадочную деятельность развил Розенберг в апреле 1941 года — в период, непосредственно предшествовавший нападению Германии на СССР, когда он был назначен «уполномоченным фюрера по центральному контролю над вопросами, связанными с восточно-европейскими областями».

За две недели до своего назначения Розенберг 7 апреля 1941 г. направил Гитлеру свои предложения о разделе Советского Союза на рейхскомиссариаты и назначении фашистских правителей в оккупируемые области. В предложениях Розенберга фигурируют Белоруссия и Украина, Минск и Киев, Ростов и Тбилиси, Ленинград и Москва. И в качестве рейхскомиссара Москвы Розенберг рекомендовал небезызвестного Эриха Коха.

Мы слышали о беседах Розенберга с Браухичем и Редером, его совещании с Функом, генералом Томасом, статс-секретарем Бакке и другими по вопросам экономической эксплуатации восточных областей, о его переговорах с Риббентропом, начальником штаба СА, руководителем германской контрразведки адмиралом Канарисом. Уже за полтора месяца до нападения на СССР он разработал инструкцию для всех рейхскомиссаров оккупируемых восточных областей, в которой он предусмотрел «рейхскомиссариат России», «рейхскомиссариат Кавказ», а Белорусскую республику включил в «рейхскомиссариат Остланд».

Розенберг пытался заверить, что он не разделял захватнических, грабительских целей войны против СССР, а в качестве министра восточных оккупированных территорий чуть ли не благодетельствовал население этих областей. Это говорилось после того, как в инструкции рейхскомиссару Прибалтики и Белоруссии указывалось, что его целью являлось «...создание германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть великой Германской импе-

рии путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов».

Это говорилось после того, как в другой директиве Розенберга о задачах германского управления в оккупированных восточных областях предписывалось:

«Первой задачей... является проведение интересов империи. Положения Гагской Конвенции о ведении сухопутной войны не имеют действия, так как СССР надо считать уничтоженным... Поэтому допустимы также все мероприятия, которые германской администрации кажутся необходимыми и удобными».

Розенберг поторопился объявить СССР уничтоженным, он проболтался, выдал свои тайные замыслы. Но этот документ является неопровержимым доказательством, отмечающим все попытки подсудимого переложить ответственность за чудовищные преступления, творимые немецко-фашистскими захватчиками на оккупированной территории СССР, на отдельных чиновников и полицейских, на Коха и Гимmlера.

Это Розенберг разрешил попираť решения Гагской Конвенции и применять все мероприятия, которые окажутся «удобными». Когда Кох для своего удобства уничтожил население целого района Цуман, то он действовал в духе этой директивы Розенберга.

Розенберг здесь говорил о своих разногласиях с Кохом, о том, что он придерживался гуманной политики и даже ввозил сельскохозяйственные машины. Если Розенберг и возражал иногда против действий Коха, то только потому, что боялся преждевременной огласки, боялся, что беспримерное издевательство Коха над украинским народом вызовет усиление движения Сопротивления. Не гуманностью, а боязнью руководствовался при этом Розенберг.

Подлинная политика Розенберга изложена во многих документах, ставших теперь известными мировой общественности и имеющихся в делах Трибунала.

В «официальной заметке для фюрера» от 16 марта 1942 г. Розенберг писал о целях германской политики на оккупированных территориях СССР и прежде всего на Украине. Это «...использование полезных ископаемых, в определенных областях создание немецкой колонии, никакого искусственного интеллектуального развития населения, а сохранение его как рабочей силы».

В докладе о преобразовании Кавказа Розенберг писал:

«Проблема Востока состоит в том, чтобы перевести балтийские народы на почву немецкой культуры и подготовить широко задуманные военные границы Германии. Задача Украины состоит в том, чтобы обеспечить продуктами питания Германию и

Европу и снабдить сырьем континент. Задача Кавказа прежде всего является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от Кавказского перешейка на Ближний Восток».

Я хочу, наконец, напомнить, что не кто иной, как Розенберг, выступая на заседании «германского трудового фронта», по вопросу о политике на оккупированных территориях СССР говорил: «Видимо, если подчинить себе эти народы, то произвол и тиранья будут чрезвычайно подходящей формой управления».

Защита утверждает, что Розенберг и его эйнзатцштаб занимались не разграблением культурных ценностей, а их сохранением. Это также не имеет ничего общего с правдой. Как установлено оглашенными на Суде многочисленными документами, уже в апреле 1941 года, то есть за два с лишним месяца до нападения на СССР, Розенберг готовил специальные команды, создавал штабы, разрабатывал планы вывоза культурных ценностей из Советского Союза.

16 октября 1941 г. в письме Гитлеру Розенберг указывал:

«Теперь я дал указание аналогичному оперативному штабу моего аппарата провести выполненную на западе работу также в оккупированных восточных областях».

... Имея образовавшуюся таким образом мощную картину, можно было удовлетворить все справедливые желания и требования великой Германской империи. На этой основе я бы взял на себя также гарантирование того, чтобы все произведения искусства, которые могут быть использованы для ваших личных планов, в отношении музея в Линце и других музеев, действительно были использованы в этих целях».

Розенберг 17 октября 1944 г. писал Борману, что для транспортировки «учтенного» его организациями добра понадобилось 1 418 тысяч железнодорожных вагонов, а 427 тысяч тонн, кроме того, было перевезено водным путем. В этом же письме Розенберг писал, что из захваченных товаров отправлено в Германию 9 тысяч вагонов сельскохозяйственных и прочих машин. И после этого он смеет говорить о каких-то машинах, якобы ввезенных на Украину!

И последнее: о смехотворной теории так называемого «благородного антисемитизма» Розенберга. Нелепо полемизировать с защитником Розенберга, утверждавшим, что существует «благородный антисемитизм», ни тем более с самим Розенбергом.

В своем заявлении перед Трибуналом я обратил внимание на фашистскую пропаганду, содержащуюся в защитительной речи. Сейчас я хочу напомнить Суду содержание двух документов Розенберга.

В директиве от 29 апреля 1941 г. он писал: «Общее разрешение еврейской проблемы должно сейчас проводиться методом

временного разрешения ее. Рабский труд для евреев, создание гетто и т. д. должны быть разрешением этой проблемы».

Еще более цинично, еще более откровенно Розенберг, будучи министром восточных оккупированных областей, высказывался в ноябре 1942 года на заседании «германского трудового фронта».

«Мы не должны, — говорил Розенберг, — довольствоваться тем, что евреи будут выселены в другое государство и, может быть, там или здесь будет находиться большое еврейское гетто, нет, наша цель должна оставаться прежней. Еврейский вопрос будет решен в Европе и Германии только в том случае, если на европейском континенте не останется больше евреев».

И все эти операции «Котбус», истребление евреев в городах прибалтийских республик, на Украине и в Белоруссии — все производилось на основе установок Розенберга и с его согласия.

В 1937 году Розенберг получил германскую национальную премию. В связи с этим фашистская печать написала о нем:

«Альфред Розенберг блестяще помог своими книгами заложить научные и духовные основы, усилить и укрепить философию национал-социализма».

Только будущее сумеет полностью оценить глубину влияния этого человека на философские основы национал-социалистского государства».

И это будущее — стало настоящим. И я уверен, что Трибунал надлежаще оценит не только влияние Розенберга «на философские основы национал-социалистского государства», но и его активную роль во всех преступлениях против мира и человечности, совершенных гитлеровцами.

Ф р а н к

Юрист по образованию, подсудимый Ганс Франк был тем, кто любил говорить о рецепции «старонемецкого» права для немцев, о «принципах справедливости» для «избранных» и о «праве избранных» на уничтожение народов и государств.

В 1939 году именно этому человеку, длительное время растлевавшему немецкую юридическую мысль, Гитлер вверил судьбу поработенной Польши.

Франк прибыл в Польшу для того, чтобы практически осуществить на территории страны с многовековой историей и самобытной высокой культурой программу порабощения и уничтожения народа, который гитлеровцы считали навсегда покоренным.

Я хотел бы напомнить Суду некоторые высказывания Франка, относящиеся к первым месяцам его пребывания

в Польше, взятые из его так называемого «дневника». Вряд ли стоит полемизировать с защитником о доказательственной силе этого документа.

Сам Франк заявил следователю, что «это документ исторического значения», и на вопрос, «являются ли истинными утверждения, содержащиеся в дневнике», ответил: «Это полностью соответствует тому, что мне известно».

19 января 1940 г. Франк с циничной откровенностью заявил на совещании руководителей отделов:

«15 сентября 1939 г. я получил задание принять на себя управление завоеванными восточными областями и чрезвычайный приказ беспощадно разорять эту область, как территорию войны и как трофейную страну сделать ее грудой развалин с точки зрения ее экономической, социальной, культурной и политической структуры».

31 октября 1939 г. в присутствии Геббельса на совещании руководящих сотрудников «генерал-губернаторства» он заявил: «Следует совершенно четко выделить различие между германским народом — народом господ — и поляками».

Он вспомнил тогда же и о польской культуре, о которой, как говорил здесь защитник Зейдль, Франк проявлял много забот. Он заявил: «...Полякам можно предоставить только такие возможности образования, которые доказывали бы безнадежность судьбы их народа. Речь может идти поэтому о плохих фильмах или о таких, которые демонстрируют величие и мощь немцев».

Одним из первых распоряжений Франка был приказ о расстреле заложников. Затем подобные приказы стали исчисляться сотнями и тысячами, пока не закончились, наконец, изданием «постановления» от 2 октября 1943 г.

10 ноября 1939 г. Франку донесли о том, что близится день польской независимости. На некоторых домах были вывешены плакаты, напоминавшие полякам о дне их национального праздника. Тогда в дневнике Франка появилась запись: «Господин генерал-губернатор распорядился о том, чтобы из каждого дома, на котором остается висеть такой плакат, расстреливали одного жителя мужского пола. Поляк должен чувствовать, что мы для него не намерены строить правовое государство».

Приведенный нами короткий отрывок из речи Франка на совещании руководителей отделов «генерал-губернаторства» характеризует этого гитлеровского «юриста» значительно лучше, чем обширные выдержки из его парадных речей, которые мы вынуждены были выслушивать здесь.

Преступная деятельность Франка в Польше настолько многообразна, что нет никакой возможности в краткой речи восстановить перед Судом все многочисленные доказательства

виновности Франка, предъявленные в этом зале и, очевидно, свежие еще в памяти судей.

Но в преступной деятельности Франка в Польше нужно выделить главное, и этим главным является преступная деятельность Франка как убийцы миллионов людей.

Конечно, он грабил, он был уполномоченным Геринга по четырехлетнему плану и грабил, так сказать, «по должности».

Он послал более двух миллионов поляков на каторгу в Германию. Только на предположении о том, что, кроме адвоката, никто не изучал дневников Франка, могут покоиться попытки защиты представить Франка «врагом насильственных методов вербовки». Ибо Франк никуда не может уйти от таких документов, как протокол заседания руководителей отделов от 12 апреля 1940 г., запись совещания с гаулейтером Заукелем от 18 августа 1942 г., стенограмма совещания с Бюлером, Крюгером и другими от 21 апреля 1940 г.

Но он посылал людей на каторгу для того, чтобы выжать из них все возможное в интересах рейха перед тем, как обречь их на смерть. Режим, установленный Гансом Франком в Польше на всех стадиях временного немецкого господства в этой стране, был бесчеловечным режимом умерщвления миллионов людей различными, но одинаково преступными методами.

Не случайно (как убедился в том Суд из недавно прозвучавших в этом зале показаний бывшего заместителя бургомистра Смоленска — профессора Базилевского) на режим, установленный Франком в Польше, как на пример для своих действий, ссылались те немецко-фашистские убийцы, которые уничтожили 11 тысяч пленных польских офицеров в Катынском лесу.

Я считаю особенно важным подчеркнуть здесь, как представлялась Франку политика в отношении польского населения после войны.

«Я настоятельно обращаю внимание на то, — говорил Франк, — что в случае заключения мира в этом обращении ничего не изменится. Этот мир будет означать, что мы тогда как мировая держава будем еще интенсивнее, чем до сих пор, проводить в жизнь нашу общую политическую линию. Он будет означать, что мы должны будем проводить колонизацию в еще более грандиозном масштабе, но ничего в принципе не изменит».

Это говорилось в 1940 году, когда Франк замыслил первое массовое убийство польской интеллигенции, так называемую операцию «АВ».

В 1944 году на совещании сельскохозяйственных фюреров в Закопане Франк сказал:

«Если бы мы выиграли войну, то тогда, по моему мнению, поляков и украинцев и все то, что околачивается вокруг

генерал-губернаторства, можно превратить в рубленое мясо. Лишь бы удержать их во время войны в подчинении. Пусть будет, что будет».

Уже не от Франка зависело то, что в 1944 году он, мечтая о том, как обратить поляков и украинцев в рубленое мясо, должен был добавить неопределенную формулу «если бы мы выиграли войну». В то время он не мог быть столь определенным в своих выражениях, как 2 августа 1943 г., когда на приеме функционеров НСДАП в королевском зале Краковского дворца заявил о судьбе уничтоженных польских евреев:

«Здесь мы начали с трех с половиной миллионов евреев, сейчас от них осталось лишь несколько рабочих рук. Все другие, скажем мы когда-нибудь, эмигрировали».

Как сам Франк, так и его защитник пытались утверждать, что подсудимый ничего не знал о происходившем в концентрационных лагерях «генерал-губернаторства». Однако в том самом «секретном рапорте» Франка на имя Гитлера, который пыталась использовать в интересах Франка защита, можно найти подтверждение того, что Франк был отлично информирован о происходившем в концлагерях. Там говорилось: «Большая часть польской интеллигенции не поддается влиянию известий из Катыни и противопоставляет немцам подобные же злодеяния в Освенциме».

Затем Франк приводит в высшей степени характерную фразу, описывая реакцию польских рабочих на провокационные сообщения немцев о Катыни. «Ведь имеются же концентрационные лагеря в Освенциме и Майданеке, где массовые убийства поляков производились по конвейеру». И далее: «Сегодня, к сожалению, польская общественность и не только интеллигенция сравнивает Катынь с массовой смертностью в германских концентрационных лагерях и с расстрелами мужчин, женщин и даже детей и стариков при проведении куммулятивных наказаний в районах».

После «секретного рапорта» на имя Гитлера не было никакого «нового курса» Франка. Наоборот, Франк издал то свое постановление от 2 октября 1943 г., которое сам подсудимый при допросе его защитником назвал «ужасным». После введения в действие этого постановления жертвами его стали многие тысячи невинных людей. Число казнимых все увеличивалось, пока в Варшаве не достигло 200 человек, одновременно расстреливаемых за одну казнь. То же самое происходило на улицах всех польских городов, где так называемые «полицейские суды» осуществляли казни, как сказано в тексте самого постановления, немедленно за приговором. Обреченных на смерть привозили на место казни одетыми в одежду из бумаги, с губами, заклеенными пластырем, или ртом, наполненным але-

бастром, обескровленных в тюрьмах. На правительственном заседании в Кракове 16 декабря 1943 г., где Франк с удовлетворением констатировал, что казни имели «благоприятные последствия», одновременно обсуждался другой вопрос. В протоколе этого совещания сказано:

«Нужно обсудить, не является ли возможной организация особых мест для казни, так как установлено, что польское население стекается к доступным местам казни, набирает в сосуды пропитанную кровью землю и несет ее в церкви».

Защита пыталась здесь говорить о бесконечных разногласиях Франка с полицией, который был якобы не согласен с ее действиями. Посмотрим — что это за разногласия?

Первая же «зондер-акция», произведенная в Польше, а именно операция «АВ» — физическое уничтожение нескольких тысяч польских интеллигентов — была произведена не по инициативе полиции, а по инициативе самого Франка. Согласно декрету Гитлера от 2 мая 1942 г. руководитель полиции был подчинен генерал-губернатору. Когда между Франком и начальником полиции Крюгером действительно начались некоторые разногласия, то с поста начальника полиции должен был уйти Крюгер, а Франк остался генерал-губернатором Польши. Что касается сменившего Крюгера обергруппенфюрера Коппе, то кто, как не Франк, 16 декабря 1943 г. выразил ему благодарность за расстрел заложников, признательность за его плодотворную работу и с удовлетворением отметил, что «во главе полиции в генерал-губернаторстве стоит крупнейший специалист». Непонятно, о каких разногласиях Франка с полицией говорил адвокат Зейдль.

Защита пыталась даже изобразить Франка «своеобразным мирным антисемитом», который хотя и отрицательно относился к еврейскому народу, но не только не организовывал сам убийств евреев, но даже и не подстрекал к ним.

Непостижимо, как в таком случае могут быть истолкованы защитником следующие слова Франка:

«Евреи — это раса, которая должна быть уничтожена. Где бы мы ни поймали хотя бы одного, с ним будет покончено».

Или его заявление на правительственном заседании от 24 августа 1942 г., когда он говорил:

«То, что мы приговариваем к голодной смерти 1,2 миллиона евреев, само собой понятно. Разумеется, что если эти евреи не умрут с голода, то это, вероятно, вызовет, как следствие, ускорение, активизацию мероприятий, направленных против евреев».

Преступная деятельность палача польского народа Франка привела к гибели миллионов людей.

«Вы видите, как работают государственные органы, вы видите, что они ни перед чем не останавливаются и ставят людей дюжинами к стенке», — так сам Франк характеризовал насажденный им в Польше режим кровавого террора на совещании штабсартенфюреров 18 марта 1942 г.

«Я не постеснялся заявить, что за одного убитого немца будет расстреляно до ста поляков», — эти слова были произнесены Франком 15 января 1944 г. на заседании политических руководителей НСДАП.

«Если бы я пришел к фюреру и сказал ему: «Мой фюрер, я докладываю, что я снова уничтожил 150 тысяч поляков», то он бы сказал: «Прекрасно, если это было необходимо» — заявил 18 марта 1944 г., произнося речь в Рейхсгофе, тот самый Франк, который ныне пытается уверить Суд в том, что имел какие-то «принципиальные разногласия» с Гитлером и Гиммлером.

Те заявления, которые сделал Франк в первые месяцы своего пребывания в Польше, были настоящей программой убийств, осуществляемых подсудимым планомерно, методично и беспощадно.

Франк, конечно, хорошо понимал, что в случае, если война не принесет победы, ему придется нести ответственность за преступления, совершенные в Польше, и за участие в фашистском заговоре. Еще в 1943 году на заседании с сообщниками Франк говорил об этом. И надо отдать должное, он как юрист гораздо более правильно представлял и формулировал понятие преступного заговора, чем некоторые адвокаты на этом процессе, которые, опираясь на устаревшие понятия, пытаются оспаривать обоснованность обвинения в заговоре.

На этом правительственном заседании совместно с полицией 25 января 1943 г. тогдашний генерал-губернатор заявил «гиенам Гиммлера»:

«...Я хотел бы подчеркнуть одно: мы не должны жеманничать, когда слышим о 17 тысячах расстрелянных. Эти расстрелянные тоже являются жертвами войны. Давайте вспомним сейчас, что все мы, собравшиеся здесь, фигурируем в списке преступников господина Рузвельта. Я имею честь быть номером первым. Мы стали, так сказать, сообщниками в масштабах мировой истории. Именно поэтому мы должны держаться вместе и разделять общие идеи, и было бы просто смешно, если бы мы стали выносить сор из избы, касающийся споров о методах».

Этот призыв к убийствам очень далек от «бесконечных споров с полицией», о которых говорил здесь защитник Франка.

Подсудимый ошибся в одном — он неверно определил свое место на скамье подсудимых. Но он не ошибся в основном — как преступник «в масштабах мировой истории» он сел на скамью подсудимых.

Фрик

С именем подсудимого Вильгельма Фрика неразрывно связана история развития нацистского движения в Германии и многочисленные преступления гитлеровцев.

В качестве министра внутренних дел гитлеровского правительства Фрик участвовал в издании многочисленных законов, указов и других актов, направленных на уничтожение в Германии демократии, преследование церкви, дискриминацию евреев и т. д. В этой роли Фрик активно способствовал созданию в Германии гитлеровского тоталитарного государства.

В течение ряда лет в подчинении подсудимого Фрика находилась получившая мрачную известность германская государственная тайная полиция (гестапо).

Не кем иным, как подсудимым Фриком, в 1940 году был издан приказ об уничтожении душевнобольных и престарелых.

В качестве министра внутренних дел гитлеровской Германии Фрик, как показал об этом в Суде и свидетель Гизевиус, был полностью осведомлен о широко развитой в третьей империи системе концентрационных лагерей и о существовавшем в них изуверском режиме.

Значительная роль принадлежит подсудимому Фрику в подготовке и осуществлении агрессивных планов гитлеровского правительства. Он являлся членом совета министров по обороне империи и генеральным уполномоченным по вопросам администрации.

Все документы, которыми гитлеровские заговорщики «узаконивали» присоединение к Германии захваченных территорий, в числе других гитлеровских главарей были подписаны также Фриком.

Лично Фрик в качестве протектора Богемии и Моравии несет ответственность за все преступления, совершенные гитлеровцами на этой территории.

Возглавляемое Фриком министерство внутренних дел после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз принимало самое активное участие в создании администрации на захваченных территориях СССР. Из числа служащих министерства внутренних дел комплектовался в основном аппарат немецких оккупационных властей на Востоке.

Нет необходимости повторять, какую роль в истреблении, угоне в рабство и других бесчеловечных действиях в отношении мирного населения оккупированных территорий сыграл этот аппарат, созданный при самом активном участии подсудимого Фрика.

За все эти преступления Фрик как активный участник фашистского заговора несет прямую и полную ответственность.

Штрейхер

Несмотря на то, что в годы войны посудимый Юлиус Штрейхер формально не занимал должностей, непосредственно связанных с осуществлением убийств и массовых казней, — трудно переоценить преступления, совершенные этим человеком.

Наряду с Гиммлером, Кальтенбруннером, Полем, теми, кто замыслил, конструировал и приводил в действие газовые камеры, «душегубки», наряду с теми, кто непосредственно осуществлял массовые акции, Штрейхер должен нести ответственность за наиболее жестокие преступления германского фашизма.

Разжигание национальной и расовой розни, воспитание извращенной жестокости и призыв к убийствам были не только долголетней партийной обязанностью, но и доходной специальностью этого человека.

И не случайно так высоко расценил заслуги «Дер штюрмер» и его главного редактора Гиммлер в своем, известном уже Суду, приветствии Штрейхеру, датированном апрелем 1937 года.

Штрейхера можно считать подлинным «духовным отцом» тех, кто разрывал надвое детей в Треблинке. Без «Штюрмера» и его редактора германский фашизм не смог бы так быстро воспитать те массовые кадры убийц, которые непосредственно осуществили преступные планы Гитлера и его клики, уничтожив более 6 миллионов евреев Европы.

В течение долгого ряда лет Штрейхер духовно растлевал детей и молодежь Германии. Суду были представлены гнусные «детские издания» «Штюрмера». И поэтому вместе с Бальдуром фон Ширахом Штрейхер должен нести ответственность за то, что морально изуродованная им «гитлерюгенд» использовала в качестве мишеней еврейских детей, взятых из Львовского гетто. Не случайно фон Ширах так высоко ценил «исторические заслуги» Штрейхера.

Изуверские нюрнбергские законы были для этого «юдофоба № 1», как он сам называл себя, и организатора первых еврейских погромов лишь «началом борьбы». Как помнит Суд, после издания этих законов Штрейхер, призывая к физическому уничтожению евреев Европы, писал: «...только тогда, когда мировое еврейство будет уничтожено, эта проблема будет разрешена».

Я не стану возвращаться также к тем лживым и позорным «ритуальным номерам «Штюрмера», которые должны были натравить эсэсовцев на убийство миллионов беззащитных людей и оправдать любые зверства в отношении евреев. Эти доказательства виновности Штрейхера, предъявленные Суду в числе других, общеизвестны и бесспорны.

В 1939 году он, предвкушая Майданек и Треблинку, писал о том, что «возможно, только могилы евреев заявят о том, что они существовали в Европе».

В 1943 году, когда газовые камеры Треблинки и Освенцима уже принимали миллионы жертв, в «Штюрмере» были опубликованы статьи, подстрекающие к ликвидации гетто, статьи, полные лжи и злорадства, и, наконец, «Штюрмер» с садистским удовлетворением констатировал: «Евреи в Европе исчезли».

Штрейхер лгал всю свою жизнь. Он пытался лгать и здесь во время Суда. Я не знаю, рассчитывал ли он обмануть кого-нибудь этой ложью или лгал по привычке и от страха.

Но мне кажется, что самому подсудимому должно быть ясно: его последняя ложь уже никого не обманет и не принесет ему спасения.

Шахт

Подсудимый Гельмар Шахт играл выдающуюся роль в подготовке и осуществлении преступных планов фашистского заговора, выполняя большую и сложную работу.

Защитительная позиция Шахта чрезвычайно проста.

Если ему поверить, он пришел к гитлеризму исключительно из патриотических побуждений, он был против агрессивных войн, но за вооружение Германии с целью сохранения мира. Он был за возврат Германии колоний с целью установления экономического равновесия в Европе.

Убедившись в том, что политика гитлеровского правительства преследует чрезмерное вооружение и таким образом угрожает развязыванию второй мировой войны, Шахт перешел в оппозицию к Гитлеру, саботировал мероприятия гитлеровского правительства и в результате как участник заговора против Гитлера был репрессирован.

Свои восторженные письма, адресованные Гитлеру и полные выражений преданности, подсудимый Шахт пытался представить как метод маскировки его подлинных оппозиционных настроений к гитлеровскому режиму.

На самом деле Шахт уже в 1930 году сблизился с нацистским движением. Шахт тяготел к национал-социалистам, а Гитлер и Геринг добивались поддержки Шахта, который имел обширные связи в промышленных и финансовых кругах Германии и, как никто иной, мог оказать и в действительности оказал неоценимые услуги гитлеризму.

Уже 29 августа 1932 г. в письме Гитлеру Шахт заверил его в своей преданности. Эти заверения не остались словами. Не кто иной, как подсудимый Шахт, сыграл решающую роль в приходе Гитлера к власти. Именно он, Шахт, был организатором

обращения промышленных кругов Германии с требованием назначения Гитлера рейхсканцлером. Именно он, Шахт, еще в 1932 году заявил тогдашнему рейхсканцлеру Германии фон Папену — отдайте свой пост Гитлеру. Именно он, Шахт, в 1933 году, накануне выборов в рейхстаг, организовал совещание промышленников, на котором был создан выборный фонд для нацистской партии в несколько миллионов марок.

Роль и значение Шахта в создании гитлеровской Германии характеризует ближайший сподвижник Гитлера Геббельс. В своем дневнике он записал 21 ноября 1932 г.:

«В беседе с доктором Шахтом я убедился, что он полностью отражает нашу точку зрения. Он один из немногих, кто полностью согласен с позицией фюрера».

Сам Шахт в своем выступлении на весенней ярмарке в Лейпциге 4 марта 1935 г. так определил свою роль в гитлеровском государстве:

«Я могу уверить, что все, что я говорю и делаю, имеет полное согласие фюрера и что я ничего не буду делать и говорить, что не получит одобрения фюрера. Таким образом, хранителем экономического разума являюсь не я, а фюрер...»

Заслуги подсудимого Шахта были, как этого и ожидал сам Шахт, достойно оценены Гитлером. После прихода к власти в 1933 году Гитлер сразу же назначил Шахта президентом рейхсбанка, а затем — министром экономики и, наконец, генералом уполномоченным по вопросам военной экономики.

Материалами обвинения и судебным следствием доказана исключительная роль подсудимого Шахта в подготовке вооружения Германии и тем самым в развязывании агрессивных войн.

Бывший военный министр Бломберг в своих показаниях сообщил, что в 1937 году планы развития вооруженных сил были близки к выполнению и что Шахт был информирован об этих планах и необходимом финансировании.

Шахт являлся одним из наиболее последовательных сторонников преступных планов гитлеровцев. В беседе с послом США Фуллером 23 сентября 1936 г. Шахт заявил ему, что «...колонии необходимы Германии. Если возможно, мы приобретем их путем переговоров, если нет — мы захватим их...»

Выступая в Вене в марте 1938 года, Шахт заявил:

«Слава богу, это не могло помешать великому германскому народу продолжать свой путь потому, что Адольф Гитлер объединил германскую волю и германскую мысль. Он подкрепил это вновь усиленными вооруженными силами, и, в конце концов, он придал внешней форму внутреннему единству между Германией и Австрией».

Подсудимый Шахт был наделен чрезвычайными полномочиями в области военной экономики.

В течение ряда лет Шахт одновременно являлся президентом рейхсбанка, министром экономики и генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики.

Уже в силу одного этого своего положения подсудимый Шахт сыграл огромную и решающую роль в создании и возрождении военной экономики и вооруженных сил гитлеровской Германии.

Эта роль Шахта достаточно освещена в неоднократных хвалебных письмах Гитлера к Шахту.

Не кто иной, как Шахт, являлся создателем авантюристического метода «МЕФО», при помощи которого в германскую экономику на цели вооружения было вложено сверх бюджетных ассигнований 12 миллиардов марок.

Как уже указывалось, Шахт пытался в разные периоды своей деятельности подчеркнуть свои все будто бы обострившиеся разногласия с гитлеровским режимом. На самом деле Шахт проводил двойную игру, предохраняя себя от ответственности за преступную политику зарвавшегося гитлеровского правительства заигрыванием с людьми, стремившимися к свержению гитлеровского режима, и в то же время сохраняя на всякий случай свою лояльность к этому режиму.

Только в 1943 году, когда для такого прожженного политика, как Шахт, стал очевиден крах гитлеровской Германии, он установил связь с оппозиционными гитлеровскому режиму кругами, но, оставаясь верным себе и страхуя себя и в этом случае, ничего реального для свержения гитлеровского режима лично не сделал и именно поэтому был сохранен Гитлером.

Таков облик подсудимого Шахта, такова его роль в общем заговоре и военных преступлениях — роль творца военной экономики гитлеровской Германии и поджигателя развязанной преступным гитлеровским правительством второй мировой войны.

Ф у н к

Вальтер Функ стал нацистом задолго до своего официального вступления в 1931 году в члены НСДАП и оставался нацистом до конца. Свои экономические знания, свой опыт журналиста, свои обширные связи с руководителями германской промышленности, торговли и финансов он поставил на службу гитлеровским заговорщикам.

В опубликованной в газете «Дас рейх» от 13 августа 1940 г. статье под названием «Вальтер Функ — пионер национал-социалистского мышления» указывалось:

«Вальтер Функ оставался себе верен потому, что он был, есть и будет национал-социалистским борцом, посвящающим все свои труды победе идеалов фюрера».

Каковы были идеалы Гитлера, достаточно хорошо известно. Этим идеалам Функ посвятил полтора десятка лет своей жизни.

Функ утверждал, что он ничего общего не имел с СС, но не кто иной, как Функ, превратил кладовые рейхсбанка в место хранения ценностей, награбленных эсэсовцами в восточных и других оккупированных областях.

Лично Функ после переговоров с Гиммлером распорядился принять в рейхсбанк золотые зубы, коронки, оправы от очков и другие ценные вещи замученных жертв многочисленных концлагерей.

Заместителем Функа был группенфюрер СС Хойлер. Под руководством Функа работал Олендорф — убийца 90 тысяч человек.

Функ, продолжая мероприятия Шахта, поставил на службу агрессивным планам гитлеровцев всю экономику Германии, а впоследствии и экономику территорий, оккупированных Германией.

Еще в мае 1939 года Функ и его заместитель Ландфрид разработали планы военного финансирования и использования для войны всех экономических ресурсов Германии и захваченной немцами Чехословакии.

23 июня 1939 г. Функ участвовал в заседании имперского совета обороны, на котором были приняты детальные планы перевода всего народного хозяйства на военные рельсы.

Уже тогда Функ не только был осведомлен о готовящемся нападении Германии на Польшу, не только способствовал осуществлению этих агрессивных планов, но и экономически подготавливал новые войны, захват новых областей. Это и были «большие политические цели фюрера», о которых спустя несколько месяцев Функ писал в своей статье «Хозяйственная и финансовая мобилизация».

Я напомним еще об этом документе. 25 августа 1939 г. Функ писал Гитлеру: «Переданная мне господином фельдмаршалом Герингом весть о том, что мой фюрер вчера вечером в основном одобрил подготовленные мною мероприятия по финансированию войны, по образованию цен, тарификации заработной платы и по проведению подписки на принудительные пожертвования, меня глубоко ошастливила».

Задолго до вероломного нападения Германии на СССР Функ принял участие в разработке планов по разграблению богатств Советского Союза.

Функ прикомандировал к министерству Розенберга и хозяйственному штабу «Ост», этому грабительскому центру, своих сотрудников. Люди Функа принимали также участие в разграблении Чехословакии, Югославии и других оккупированных стран.

Функ являлся президентом компании «Континенталь Ойль», организованной для эксплуатации немцами нефтяных богатств

восточных оккупированных территорий, в особенности грозненской и бакинской нефти. Функ полностью разделял грабительские цели войны гитлеровской Германии против СССР. Выступая 17 декабря 1941 г. в Праге, он говорил, что Восток является будущей колониальной областью Германии.

Функ принимал участие в совещании у Геринга 6 августа 1942 г., на котором намечались наиболее эффективные меры экономического разграбления оккупированных территорий СССР, Польши, Чехословакии, Югославии, Франции, Норвегии и других стран. На этом совещании, а также на заседаниях управления «центрального планирования» Функ принимал участие в разработке планов угона в рабство миллионов людей оккупированных областей.

Таковы основные этапы активной преступной деятельности гитлеровского заговорщика подсудимого Функа — личного советника Гитлера по экономическим вопросам еще в 1931 году, имперского министра и генерального уполномоченного по вопросам экономики, президента рейхсбанка и члена имперского совета обороны — в период подготовки и осуществления общего преступного плана (заговора).

Виновность Функа — активного участника фашистского заговора — в совершении преступлений против мира, в участии в военных преступлениях, преступлениях против человечности полностью доказана, и он должен понести ответственность за совершенные им злодеяния.

Ширах

С 1931 года и до конца войны подсудимый Бальдур фон Ширах возглавлял руководство нацистской молодежи.

После издания 1 декабря 1936 г. закона о «гитлеровской молодежи» фон Ширах в качестве имперского руководителя молодежи был подчинен непосредственно Гитлеру.

В своих показаниях на Суде подсудимый Ширах, пытаясь избежать ответственности за воспитание немецкой молодежи в духе национал-социалистских идей, неоднократно ссылаясь на то, что «гитлерюгенд» являлась самостоятельной, независимой от нацистской партии и гитлеровского правительства молодежной организацией.

В целях своей защиты Ширах считал возможным и уместным сослаться на великого Гете, слова которого «сама юность воспитывает молодежь», с неприкрытым цинизмом были использованы Ширахом.

Гете был, конечно, прав, когда говорил, что «сама юность воспитывает молодежь». Но он имел в виду здоровую,

полноценную жизнедеятельную юность, а не юность, растленную мракобесием гитлеризма, ярко выраженным в словах Гитлера, сказанных им Раушнингу:

«Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир, молодежь резкую, требовательную, жестокую. Я этого хочу. Молодежь должна обладать всеми этими качествами, она должна быть безучастной к страданию. В ней не должно быть ни слабости, ни нежности. Я хочу видеть в ее взоре блеск хищного зверя».

И подсудимый Ширах, методически внедряя идеи гитлеризма в сознание немецкой молодежи, воспитывал немецкую молодежь в духе требований Гитлера, по образцу и подобию матерых вожаков гитлеровской банды.

На перекрестном допросе подсудимый Ширах в конце концов все же вынужден был признать, что немецкая молодежь воспитывалась в духе национал-социалистских идей, что к ее воспитанию были привлечены члены СА, офицеры немецких вооруженных сил и СС, что в гитлеровской Германии проводилась усиленная военная подготовка молодежи.

В этих целях между имперским руководством «гитлерюгенд» и ОКВ, в лице подсудимого Кейтеля и рейхсфюрера СС Гимлера, были заключены специальные соглашения, предусматривавшие воспитание молодежи в духе воинственного милитаризма и соответствующую вербовку и подготовку молодежи для германских вооруженных сил и соединений СС.

Роль и участие подсудимого фон Шираха в общем заговоре, военных преступлениях и преступлениях против человечности лучше всего характеризуется поведением во время войны немецкой молодежи, воспитанной в «гитлерюгенд».

Советское обвинение представило Трибуналу под номером СССР-6 в порядке статьи 21 Устава Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немцев на территории Львовской области. В этом сообщении приводилось заявление французской подданной Иды Вассо об изуверской расправе членов «гитлерюгенд» над малолетними детьми, из которых они делали мишень для стрельбы.

В своих письменных показаниях от 16 мая 1946 г., а также в ответах на опросный лист защитника подсудимого Шираха Ида Вассо полностью подтвердила свое заявление.

Убедительные показания о действиях членов «гитлерюгенд» в составе немецких вооруженных сил были даны военнопленным немецким солдатом Гертом Кнителем, который сам с 1938 года являлся членом «гитлерюгенд» и в возрасте 18 лет в 1942 году был призван в немецкую армию.

Описывая свое участие в многочисленных злодеяниях, Герт Кнителю сообщил:

«В местечке Липайск наша рота в июне 1943 года подожгла дом с находившимися там людьми... Всех пытавшихся выпрыгнуть из дома мы расстреливали, только одну старуху не расстреляли, так как на наших глазах она сошла с ума...»

За все эти преступления несет полную ответственность вместе с Гертом Кнителем и десятками тысяч ему подобных и подсудимый фон Ширах.

Сам Ширах, конечно, не стрелял, не занимался поджогами, но это он вложил оружие в руки морально развращенной им и подготовленной к осуществлению любых зверств немецкой молодежи.

Но этими преступлениями не исчерпывалась преступная деятельность «гитлерюгенд» и подсудимого Шираха во время войны.

«Гитлерюгенд» активно участвовала в подготовке агрессивных войн путем создания пятых колонн в Польше и Югославии, о чем свидетельствуют представленные Трибуналу официальные доклады Польского и Югославского правительств.

Организация «гитлерюгенд» принимала активное участие в мероприятиях министерства оккупированных восточных территорий, о чем свидетельствует представленный Трибуналу под номером ПС-1039 отчет подсудимого Розенберга, а также активно участвовала в угоне в рабство с оккупированных территорий детей в возрасте от 10 до 14 лет, о чем свидетельствует представленный Трибуналу документ под номером ПС-031.

Будучи имперским наместником и гаулейтером Вены, Ширах принимал личное руководящее участие в выселении из Вены 60 тысяч евреев, которые затем были истреблены в концентрационных лагерях на территории Польши.

Предъявленные обвинением документы — еженедельные отчеты, поступавшие к Шираху, устанавливают, что он был осведомлен о многочисленных злодеяниях, чинимых немецкими войсками и оккупационными властями на Востоке, и, в частности, о трагической судьбе насильственно вывезенных из Вены десятков тысяч евреев.

Подсудимый Ширах в 1940 году требовал в своей телеграмме на имя Бормана в ответ на убийство палача Богемии и Моравии Гейдриха уничтожить воздушной бомбардировкой один из культурных городов Великобритании.

Одна эта телеграмма достаточно ярко и убедительно рисует моральный облик фон Шираха.

Преданный до конца гитлеровской клике, осведомленный о всех ее преступных делах, в которых сам принимал самое активное участие, подсудимый фон Ширах являлся одной из наиболее зловещих фигур «третьей империи».

Заукель

Я уже указывал в своей вступительной речи, что в длинной цепи подлых преступлений немецко-фашистских захватчиков особое место занимал насильственный угон в Германию на рабочий труд мирных граждан — мужчин, женщин и детей.

Подсудимому Фрицу Заукелю принадлежит решающая роль в этом мрачном преступлении.

В судебном заседании во время перекрестного допроса подсудимый Заукель был вынужден признать, что в промышленности и частично в сельском хозяйстве Германии во время войны было использовано около 10 миллионов подневольных рабочих, как вывезенных с оккупированных территорий, так и из числа военнопленных.

Признавая вывоз в Германию с оккупированных территорий миллионов рабочих и использование их, прежде всего, в интересах военной экономики гитлеровской Германии, Заукель отрицал преступный характер этих действий, утверждая, что вербовка рабочих производилась будто бы добровольно.

Это не просто ложь, это клевета на миллионы честных патриотов Советского Союза, Чехословакии, Югославии, Польши, Франции, Голландии, преданных своей родине, насильственно угнанных на рабочий труд в гитлеровскую Германию.

Попытки подсудимого Заукеля представить свою роль в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы как лица, только координирующего и инспектирующего деятельность других государственных органов по использованию рабочей силы, являются несостоятельными.

В качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Заукель был наделен Гитлером чрезвычайными и всеобъемлющими правами и был подчинен в своей деятельности непосредственно и лично Гитлеру.

И Заукель широко использовал эти полномочия для угона в Германию рабочей силы с оккупированных территорий.

Нет нужды ссылаться на многочисленные документальные доказательства, представленные Трибуналу и с бесспорностью устанавливающие преступный характер методов массового угона в рабство населения оккупированных территорий и организаторскую роль в этих преступлениях подсудимого Заукеля.

Насколько далеко зашли эти преступления, свидетельствует проведенная немецкими военными и гражданскими властями операция, зашифрованная под названием «Сено», которая предусматривала насильственный угон в рабство детей в возрасте от 10 до 14 лет и угон украинских девушек, предназначенных Гитлером для онемечивания.

Подсудимый Заукель пытается уверить Трибунал в том, что он будто бы строго выполнял требования Женевской и Гаагской Конвенций об использовании труда военнопленных. Однако его же собственные директивы полностью разоблачают его ложь.

Заукель заранее планировал принудительное использование советских военнопленных в военной промышленности Германии и не проводил никакой разницы между ними и гражданской рабочей силой.

О нечеловеческих условиях, в которых находились угнанные в рабство иностранные рабочие и военнопленные, свидетельствуют многочисленные документальные доказательства. Сам подсудимый Заукель был вынужден признать, что иностранные рабочие содержались в лагерях за колючей проволокой и были обязаны носить специальные опознавательные знаки.

Вызванный в судебное заседание по ходатайству защитника Заукеля свидетель доктор Вильгельм Егер нарисовал страшную картину тех условий, в которых находились подневольные рабочие на предприятиях фирмы Круппа.

Смехотворно после всего этого звучат показания другого свидетеля — Фрица Висгофера, который, желая выгородить Заукеля, явно переусердствовал, сообщив Трибуналу, что он будто бы видел разгуливающих и веселящихся в венском Пратере иностранных рабочих.

Подсудимый Заукель проявлял большую активность в совершении всех этих преступлений. В апреле 1943 года в целях форсирования вывоза рабочей силы он лично посетил города Ровно, Киев, Днепропетровск, Запорожье, Симферополь, Минск, Ригу, а в июне того же года — Прагу, Краков, снова Киев, Запорожье и Мелитополь.

Именно в результате своей поездки на Украину в 1943 году Заукель объявил благодарность за успешную мобилизацию рабочей силы рейхскомиссару Украины Коху, известному своими драконовскими, бесчеловечными мерами, которые он широко применял в отношении украинского населения.

И не случайно поэтому преступная деятельность Заукеля находила высокую оценку в гитлеровской Германии.

6 августа 1942 г. на совещании рейхскомиссаров оккупированных областей подсудимый Геринг заявил:

«...Я не хочу хвалить гаулейтера Заукеля. В этом он не нуждается. Но то, что он сделал в этот короткий срок для того, чтобы быстро собрать рабочих и доставить их на наши предприятия, это является единственным в своем роде достижением. Я должен сказать всем, господа, если каждый в своей области приложил бы только десятую часть той энергии, которую приложил гаулейтер Заукель, тогда действительно были бы легко выполнимы задачи, которые возложены на вас...»

В статье, опубликованной в «Рейхсарбейтсблатт» за 1944 год и посвященной 50-летию Заукеля, говорилось: «Верный своей политической задаче, он с непоколебимой последовательностью и упорством, с фанатической верой идет по своему ответственному пути. Как один из наиболее верных сторонников Гитлера он черпает свои созидательные и духовные силы в доверии фюрера».

Давая оценку преступной деятельности Заукеля, Высокие судьи, несомненно, учтут слезы, пролитые миллионами томившихся в немецком рабстве людей, тысячи замученных в нечеловеческих условиях рабочих лагерей — учтут и воздадут ему должное.

Зейсс-Инкварт

Подсудимый Артур Зейсс-Инкварт был назначен Гитлером в начале сентября 1939 года начальником гражданской администрации Южной Польши, а с 12 октября того же года — заместителем генерал-губернатора Польши. На этом посту он находился по май 1940 года.

На протяжении семи месяцев Зейсс-Инкварт лично, а также под руководством Франка и совместно с ним насаждал в Польше террористический режим, принимал активное участие в разработке и осуществлении планов уничтожения многих тысяч людей, экономического ограбления и порабощения народов Польского государства.

17 ноября 1939 г. Зейсс-Инкварт выступил с речью перед начальниками управлений и отделов варшавского губернаторства, в которой, между прочим, указал, что при осуществлении германской администрации в генерал-губернаторстве «руководящим принципом должны быть интересы германской империи.

Путем строгого и негибкого управления эта область должна быть использована германской экономикой, а для того, чтобы не проявлять излишнего милосердия, следует помнить о том, как польская раса узурпировала германскую территорию».

Через два дня Зейсс-Инкварт по этому же вопросу инструктировал люблинского губернатора — бригаденфюрера СС Шмидта:

«Ресурсы и жители этой страны должны служить Германии, и процветать они могут только в этих пределах. Нельзя разрешить развитие независимого политического мышления. Может быть, Висла будет иметь еще большее значение для судеб Германии, чем Рейн».

Из отчета о служебной поездке Зейсс-Инкарта устанавливается: что губернатор Варшавы Фишер осведомил подсудимого о том, что все ценности варшавских банков в золоте, дра-

гоценных металлах и векселях были переведены в рейхсбанк, причем польское население было обязано оставлять свои вклады в банках; что немецкая администрация применяет принудительный труд; что люблинский губернатор Шмидт заявил в присутствии Зейсс-Инкарта: «Эта территория с ее ярко выраженным болотистым характером могла бы служить областью для евреев, где можно было бы создать условия для расстрела каждого десятого».

Я обращаю внимание Трибунала на то, что именно в Люблине, на Майданеке гитлеровские палачи создали огромный комбинат смерти, в котором они истребили около полутора миллионов человек.

Известно также, что Зейсс-Инкварт в качестве заместителя Франка выполнял от его имени «чрезвычайные задания».

Зейсс-Инкварт 8 декабря 1939 г. принял участие в конференции, на которой шла речь: о назначении Франка доверенным уполномоченным по четырехлетнему плану и задачах генерал-губернатора «по получению для империи самого лучшего и полезного из хозяйства генерал-губернаторства»; о том, что из вновь присоединенных областей с 1 декабря прибыло много поездов с поляками и евреями и эти перевозки, как указал обергруппенфюрер СС Крюгер, будут продолжаться до середины декабря; об издании дополнительного распоряжения, согласно которому трудовая повинность распространяется на возраст от 14 до 18 лет.

21 апреля 1940 г. подсудимый принимал участие в совещании, на котором были разработаны мероприятия по принудительному вывозу польских рабочих в Германию.

16 мая 1940 г. подсудимый принимал участие в разработке операции «АВ», которая являлась не чем иным, как планом заранее обдуманного массового истребления польской интеллигенции.

В связи с назначением Зейсс-Инкарта имперским комиссаром Нидерландов Франк и его достойный заместитель обменялись прощальными речами.

«Я весьма рад, — говорил Франк, — заверить вас, что память о вашей работе в генерал-губернаторстве сохранится навсегда при создании будущей мировой империи германской нации...»

«Здесь, — ответил Зейсс-Инкварт, — я изучил многое... и в первую очередь, в области инициативы и твердого руководства в том виде, в каком я их увидел в моем друге д-ре Франке...»

...Все мои мысли связаны с Востоком. На Востоке мы имеем национал-социалистскую миссию, на Западе мы имеем функцию».

Какова была на Западе функция Зейсс-Инкварт, как и прочих имперских министров и комиссаров во всех оккупированных немцами территориях, известно — это функция палача и грабителя.

Мои коллеги подробно говорили о преступной роли Зейсс-Инкварт в захвате Австрии и осуществлении других агрессивных планов гитлеровских заговорщиков, наглядно показали, как Зейсс-Инкварт применил в Нидерландах кровавый опыт, приобретенный им в сотрудничестве с Франком в Польше. И это дает мне все основания полностью поддерживать в отношении Зейсс-Инкварт обвинения, как оно сформулировано Обвинительным актом.

Папен

Подсудимый Франц фон Папен еще в 1932 году, будучи рейхсканцлером германской республики, активно способствовал развитию в стране фашистского движения.

Папен отменил декрет своего предшественника Брюнинга о запрещении деятельности штурмовых отрядов (СА). Им же было свергнуто социал-демократическое правительство Брауна-Зевринга в Пруссии. Эти мероприятия в весьма значительной степени усилили положение фашистов и способствовали приходу их к власти.

Так Папен расчистил путь Гитлеру. Обеспечив власть фашистам, сам Папен занял в кабинете Гитлера пост вице-канцлера. На этом посту фон Папен участвовал в принятии и проведении ряда законодательных актов, направленных на укрепление немецкого фашизма.

И в дальнейшем в течение многих лет, вплоть до разгрома гитлеровской Германии, фон Папен остался верен своим фашистским друзьям, принимая посильное участие в осуществлении преступного заговора.

Подсудимый фон Папен пытается сейчас объяснить свою роль в развитии фашистского движения и в захвате власти Гитлером той политической ситуацией в стране, которая будто бы сделала приход Гитлера к власти неизбежным. Действительные мотивы, которыми руководствовался фон Папен, состоят в том, что он сам был убежденный, преданный Гитлеру фашист.

Выступая во время выборной кампании в рейхстаг в Эссене 2 ноября 1933 г., Папен заявил:

«С тех пор, как судьба призвала меня стать пионером национального пробуждения и возрождения нашей родины, я пытался поддерживать всеми своими усилиями работу национал-социалистского движения и его руководителя. Так же, как, став

канцлером, я выступал за то, чтобы проложить дорогу молодому боевому движению освобождения, так же, как 30 января я был избран милостивой судьбой для того, чтобы передать власть в руки нашего канцлера и фюрера, так и сегодня я должен сказать германскому народу и всем тем, кто сохранил ко мне доверие, — милостивый бог благословил Германию тем, что в дни глубоких страданий дал ей такого руководителя с надежной интуицией государственного деятеля, который поведет ее через все несчастья и слабости, через все кризисы и опасности к счастливому будущему».

Международный Военный Трибунал даст должную оценку преступной деятельности подсудимого фон Папена, который сыграл решающую роль в захвате Гитлером власти, широко использовал провокационные методы в своей дипломатической деятельности, всеми силами способствуя созданию темных сил фашизма, которые ввергли мир в кровопролитные войны и причинили неисчислимые бедствия.

Шпеер

Архитектор Альберт Шпеер еще до захвата власти нацистами был личным другом архитектурного чертежника Гитлера и остался им до конца. Их сблизила и сроднила общность не только профессиональных интересов, но и политических.

Шпеер начал свою карьеру в 1932 году с реконструкции «коричневого дома» — штаба НСДАП — в Берлине, а через 10 лет он возглавлял все военное строительство и военное производство фашистской Германии.

Начав со строительства здания имперского «партейтага», Шпеер закончил строительством «Атлантического вала».

Шпеер занимал выдающееся место в государственном и военном механизме гитлеровской Германии и принимал самое непосредственное активное участие в планировании и осуществлении преступного заговора.

В чем заключается «линия обороны» Шпеера на Суде? Шпеер представляет дело таким образом, что пост министра ему был навязан Гитлером: он был близким другом Гитлера, но о планах Гитлера ничего не знал, он в течение 14 лет состоял членом нацистской партии, но от политики был далек и даже не читал «Майн кампф». Правда, будучи изблещен, Шпеер признался, что солгал во время допроса на предварительном следствии.

Шпеер лгал, когда отрицал свою принадлежность к СА, а затем и к СС. В распоряжении Суда имеется подлинное дело члена СС Альберта Шпеера, который состоял в личном штате рейхсфюрера СС Гимmlера.

Шпеер занимал довольно высокий ранг и в нацистской партии. Он был в партийной канцелярии делегатом по всем техническим вопросам, возглавлял главное управление техники НСДАП, руководил союзом германских техников национал-социалистов, был уполномоченным штаба Гесса, руководителем одной из крупных организаций «германского трудового фронта».

Можно ли после этого серьезно принимать во внимание заявление Шпеера, что он был аполитичным специалистом? В действительности ближайший сотрудник Гитлера, Гесса, Лея и Геринга — Шпеер руководил германской техникой не только в качестве имперского министра, но и как нацистский политический руководитель.

Став преемником Тодта, Шпеер, как он сам выразился в речи перед гаулейтерами, беззаветно отдался разрешению военных задач.

Путем безжалостной эксплуатации населения оккупированных областей и военнопленных союзных государств, за счет здоровья и жизни сотен тысяч людей Шпеер увеличивал выпуск вооружения и боеприпасов для германских армий. Путем разграбления сырьевых и иных ресурсов оккупированных территорий Шпеер всячески усиливал военный потенциал гитлеровской Германии.

Его полномочия росли с каждым месяцем войны. Указами Гитлера от 2 сентября 1943 г. Шпеер стал уполномоченным и ответственным за снабжение сырьем, за руководство и производство военной промышленности. Ему даже было поручено регулирование товарооборота, а указ Гитлера от 24 августа 1944 г. фактически делал Шпеера диктатором над всеми германскими инстанциями как внутри самой Германии, так и на оккупированных территориях, деятельность которых в какой бы то ни было мере имела отношение к усилению военной мощи Германии.

И когда фашистские летчики бомбардировали мирные города и села, убивая женщин, стариков и детей, когда немецкие артиллеристы обстреливали из тяжелых орудий Ленинград, когда гитлеровские пираты топили госпитальные суда, когда «Фау» разрушали города Англии, — это был результат деятельности Шпеера.

Это под его руководством было широко развернуто производство газов и других средств химической войны. Сам подсудимый при допросе его господином Джексоном на Суде признал, что три фабрики готовили продукцию для газовой войны и до ноября 1944 года они работали на полном ходу.

Шпеер не только знал о применяемых Заукелем методах при угоне в рабство населения оккупированных областей, но и

сам принимал участие вместе с Заукелем на совещаниях у Гитлера и в управлении «центрального планирования», где принимались решения об угоне в Германию миллионов людей с оккупированных территорий.

Шпеер имел тесный контакт с Гиммлером: он получал от Гиммлера заключенных для работы на военных заводах; на многих заводах, подведомственных Шпееру, были организованы филиалы концентрационных лагерей. За услуги Гиммлера Шпеер, в свою очередь, предоставлял СС опытных специалистов и дополнительное военное снаряжение.

Шпеер очень много говорил здесь о том, что он резко критиковал близкое окружение Гитлера и что у него якобы были очень серьезные разногласия с Гитлером, что в своих письмах к Гитлеру он указывал на бессцельность дальнейшего ведения войны. Когда представитель советского обвинения спросил Шпеера, кого именно из близкого окружения он критиковал и в связи с чем была эта критика, подсудимый ответил: «Я вам этого не скажу».

Совершенно очевидно, что Шпеер не только не хотел, но и не мог этого сказать по той простой причине, что он никого из близкого окружения Гитлера не критиковал, да и не мог критиковать, так как сам был убежденным нацистом и входил в это близкое окружение. Что касается так называемых «серьезных разногласий», то, как признал Шпеер, они начались после того, как ему стало ясно, что Германия проиграла войну.

Письма Шпеера к Гитлеру датированы мартом 1945 года. Тогда-то Шпеер мог без особого риска обрисовать безнадежное положение Германии. Оно уже было ясно для всех и не составляло предмет разногласий. И не случайно, что после этих писем Шпеер продолжал оставаться фаворитом Гитлера. Именно Шпеера Гитлер назначил 30 марта 1945 г. руководить мероприятиями по тотальному разрушению индустриальных объектов, обязав все партийные, государственные и военные учреждения оказывать ему всемерную помощь.

Таков истинный облик и истинная роль подсудимого Шпеера в преступлениях гитлеровской клики.

Нейрат

Константину фон Нейрату принадлежит выдающаяся роль в укреплении власти нацистских заговорщиков, в подготовке и осуществлении их агрессивных планов.

На протяжении многих лет, каждый раз, когда нужно было замести следы, когда нужно было дипломатическими манипуляциями прикрыть агрессивные акты, на подмогу гитлеровцам появлялся со своим многолетним опытом в области

внешней политики Нейрат — нацистский дипломат в чине генерала СС.

Я напомним официальную оценку деятельности Нейрата, которая была опубликована 2 февраля 1943 г. во всех газетах фашистской Германии.

«Самыми яркими политическими событиями после прихода к власти, в которых барон фон Нейрат как имперский министр иностранных дел играл решающую роль и с которыми вечно будет связано его имя, являются уход с конференции по разоружению в Женеве 14 октября 1933 г., возвращение Саарской области и денонсирование Локарнского договора...»

В качестве имперского протектора Богемии и Моравии Нейрат представлял для гитлеровских заговорщиков те «твердые и надежные руки», о которых писал в своем меморандуме генерал Фредериче и которые должны были превратить Чехословацкую республику в «неотъемлемую часть Германии». Для достижения этой цели Нейрат насаждал пресловутый «новый порядок», сущность которого теперь всем известна.

Нейрат пытался здесь уверить, что все зверства творились полицией и гестапо по прямому приказу Гиммлера, а он о них вовсе и не знал. Можно понять Нейрата, когда он это утверждает, но согласиться с ним никак нельзя.

Допрошенный 7 марта 1946 г. Карл Франк показал, что Нейрат регулярно заслушивал доклады командующего полицией безопасности и лично Франка о «важнейших событиях в протекторате, имевших отношение к полиции безопасности», что Нейрат имел возможность и давал директивы государственной полиции безопасности, а в отношении СД (службы безопасности) его права были еще шире и не зависели ни при каких обстоятельствах от согласия главного имперского управления безопасности.

Я напомним также параграфы 11, 13 и 14 декрета совета министров имперской обороны от 1 сентября 1939 г., устанавливающие, что рейхсфюрер СС и начальник германской полиции проводит административные мероприятия в Богемии и Моравии с ведома имперского протектора и что органы германской полиции безопасности в протекторате обязаны осведомлять имперского протектора, а также ему подчиненные учреждения и держать их в курсе важных событий.

Если к этому еще добавить, что подсудимый Нейрат назначил 5 мая 1939 г. своим политическим референтом фюрера СД и уполномоченного полиции безопасности, если вспомнить оглашенные на Суде показания бывшего при Нейрате президента Чехии Рихарда Бинерта, в которых говорится, что гестапо производило аресты по распоряжению имперского протектора, — разве могут быть сомнения в том, что Нейрат санкцио-

нировал массовые аресты, казни без суда и другие бесчеловечные акты, совершенные гестапо и полицией в Чехословакии?

Я перехожу к событиям 17 ноября 1939 г., когда девять студентов были без суда расстреляны, свыше тысячи студентов было брошено в концентрационные лагеря и все чешские высшие учебные заведения были закрыты на три года.

Нейрат говорил, что он узнал об этих террористических мероприятиях постфактум. Но мы предъявили Суду сообщение о расстреле и аресте студентов, на котором значится подпись Нейрата. Нейрат пытается найти другую лазейку: он заявляет, что Франк подписал сообщение его, Нейрата, именем, а для убедительности Нейрат еще добавил, что позднее он от одного чиновника узнал, что Франк часто злоупотреблял его именем на документах. Правдоподобны ли эти заявления Нейрата? Достаточно бегло проанализировать факты, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно.

Нейрат говорит, что Франк злоупотреблял его именем. Что же предпринял он? Может, он потребовал отставки Франка или наказания его за подлог? Нет. Может быть он официально сообщил кому-либо об этом подлоге? Тоже нет. Напротив, он продолжал сотрудничать с Франком, как и прежде.

Нейрат говорит, что он узнал о злоупотреблениях Франка от «одного чиновника». Кто же этот чиновник? Как его фамилия? Почему не было ходатайства о вызове его в Суд или хотя бы о получении его письменных показаний?

Все дело в том, что никто Нейрату не говорил о злоупотреблениях Франка с подписью Нейрата на документах и не мог говорить, так как самих злоупотреблений не было. Зато в распоряжении Суда имеются доказательства, подтверждающие, что сообщение от 17 ноября 1939 г. подписано Нейратом и террористические мероприятия, о которых в этом сообщении говорится, были санкционированы Нейратом. Я имею в виду два показания Карла Франка — непосредственного участника этих кровавых событий.

Карл Франк на допросе 26 ноября 1945 г. показал: «Этот документ был датирован 17 ноября 1939 г. и подписан фон Нейратом, который не протестовал ни против расстрела девяти студентов, ни против числа студентов, которые должны были быть отправлены в концентрационные лагеря».

Я цитирую второе показание Карла Франка по этому вопросу от 7 марта 1946 г.: «Имперский протектор фон Нейрат своей подписью, которую он поставил под официальным сообщением, доведившим до сведения о расстреле студентов, утвердил эту акцию. Я точно проинформировал Нейрата о ходе расследования, и он подписал сообщение. Если бы он не был согласен и потребовал бы изменения, например, смягчения, на

что он имел право, то я должен был бы присоединиться к его мнению».

В августе 1939 года Нейрат издал так называемое «предупреждение» в связи с «чрезвычайным положением», в котором он объявил Богемию и Моравию «составной частью великой Германской империи» и установил, что «ответственность за все акты саботажа несут не только отдельные лица, но и все чешское население», то есть установил принцип коллективной ответственности, ввел систему заложничества.

Если расценить события 17 ноября 1939 г. в свете этого распоряжения Нейрата, мы найдем еще одно неопровержимое доказательство против Нейрата.

Начиная с 1 сентября 1939 г. в Чехии и Моравии были арестованы как заложники около 8 тысяч чехов, большинство из которых было отправлено в концентрационные лагеря, многие были казнены или умерли от голода и пыток. Вы, господа судьи, слышали по этому поводу показания Бинерта, Крейчи и Гавелки.

Разве эти террористические действия против чешской интеллигенции не совершались на основе указанного выше так называемого «предупреждения» Нейрата?

Мне нет необходимости излагать все то, что произошло в Лидице, а затем в селении Лежаки, — это широко известно. Разве там немецкие оккупанты не действовали исходя из «предупреждения» Нейрата и установленного им принципа: «ответственность несут не только отдельные лица, но и все чешское население»?

Это Нейрат в августе 1939 года положил начало массовому террору против народов Чехословакии, это на нем лежит кровь многих тысяч женщин и мужчин, стариков и детей, убитых и замученных. И я не вижу разницы между бароном фон Нейратом и другими главарями преступного нацистского режима.

Ф р и ч е

Роль подсудимого Ганса Фриче в общем заговоре, военных преступлениях и преступлениях против человечности, несомненно, более значительна, чем это может показаться на первый взгляд.

Преступная деятельность Фриче, ближайшего помощника Геббельса, проводимая систематически, изо дня в день, являлась важнейшим звеном в общем преступном плане (заговоре) и самым активным образом способствовала созданию тех условий, при которых зародились и культивировались многочисленные преступления гитлеровцев.

Все попытки подсудимого Фриче и его защиты умалить его значение и роль в этих преступлениях явно провалились.

Какая совершенно особая роль отводилась лживой пропаганде в гитлеровской Германии, свидетельствуют высказывания Гитлера в «Майн кампф».

Он писал: «Вопрос о возрождении германского могущества гласит не «как мы сфабрикуем оружие?», а «как мы произведем дух, который сделает народ способным носить оружие?» Если этот дух овладеет народом, воля найдет тысячу путей, из которых каждый приведет к оружию».

Не случайно также, что на съезде нацистской партии в Нюрнберге в 1936 году были провозглашены лозунги:

«Пропаганда помогла нам прийти к власти»,

«Пропаганда поможет нам удержать власть»,

«Пропаганда поможет нам завоевать весь мир».

Подсудимый Фриче по своему положению, несомненно, был одним из наиболее видных пропагандистов и одним из наиболее информированных людей в гитлеровской Германии, пользовавшийся особым доверием Геббельса.

Как известно, Фриче с 1938 года по 1942 год являлся руководителем важнейшего в министерстве пропаганды отдела немецкой прессы, а с 1942 года до разгрома гитлеровской Германии руководил немецким радиовещанием.

Выросший на журналистском поприще в реакционной прессе Гугенберга и являясь членом фашистской партии с 1933 года, Фриче в качестве правительственного радиокомментатора своей личной пропагандой сыграл большую роль в распространении в Германии фашизма, в политическом и моральном растлении немецкого народа.

Об этом подробно сообщили в своих письменных показаниях свидетели — бывший генерал-фельдмаршал германской армии Фердинанд Шернер и бывший вице-адмирал германского флота Ганс Фосс.

Представленные трибуналу под номерами ПС-3064 и СССР-496 тексты перехваченных британской радиовещательной компанией выступлений по радио подсудимого Фриче полностью подтверждают эти выводы обвинения.

В своей деятельности германская пропаганда и лично подсудимый Фриче широко использовали методы провокации, лжи и клеветы, причем особенно широко применялись эти методы с целью оправдания агрессивных акций гитлеровской Германии.

Гитлер в «Майн кампф» писал: «При помощи умелого и длительного применения пропаганды можно представить народу даже небо адом и, наоборот, самую убогую жизнь представить как рай».

Фриче оказался самым подходящим человеком для такой грязной роли.

В своем заявлении Трибуналу 7 января 1946 г. Фриче подробно описал широко применяемые немецкой пропагандой и лично им самим провокационные методы в связи с агрессивными акциями против Австрии, Судетской области, Богемии и Моравии, Польши и Югославии.

9 апреля и 2 мая 1940 г. Фриче выступил по радио с лживыми объяснениями причин оккупации Германией Норвегии. Он заявил, что «никто не был ранен, ни один дом не был разрушен, жизнь и труд текли обычным путем».

Между тем в представленном Норвежским правительством официальном докладе указывалось: «Германское нападение на Норвегию 9 апреля 1940 г. ввергло Норвегию в войну впервые за 126 лет. В течение двух месяцев война велась по всей стране, принося разрушения... Более 40 тысяч домов было повреждено или разрушено, и около тысячи человек из числа гражданского населения убито».

Наглая клевета была распространена немецкой пропагандой и лично Фриче в связи с потоплением английского пассажирского парохода «Атения».

Особенную активность немецкая пропаганда проявила в связи с вероломным нападением гитлеровской Германии на Советский Союз.

Подсудимый Фриче пытался утверждать, что о нападении на СССР он будто бы впервые узнал, будучи вызван в 5 часов утра 22 июня 1941 г. на пресс-конференцию к министру иностранных дел Риббентропу, и что об агрессивных целях этого нападения ему стало известно в результате его личных наблюдений лишь в 1942 году.

Подобные утверждения опровергаются таким документальным доказательством, каким является отчет подсудимого Розенберга. Этим документом устанавливается, что Фриче еще задолго до нападения на СССР знал о соответствующих приговорах и в качестве представителя министерства пропаганды участвовал в разработке министерством восточных оккупированных территорий пропагандистских мероприятий на Востоке.

Отвечая во время перекрестного допроса на вопросы советского обвинения, Фриче заявил, что, если бы ему были известны преступные приказы гитлеровского правительства, о которых он узнал только здесь, на Суда, он не пошел бы с Гитлером.

И в этом случае — перед лицом Международного Военного Трибунала Фриче сказал неправду. Он вынужден был признать, что преступные гитлеровские приказы об истреблении евреев и

расстреле советских комиссаров были ему известны еще в 1942 году, однако и после этого он продолжал оставаться на своем посту и заниматься лживой пропагандой.

В своих выступлениях по радио 16 июня и 1 июля 1944 г. Фриче широко пропагандировал применение Германией новых видов оружия, всячески стремясь побудить армию и народ на дальнейшее бессмысленное сопротивление. Уже накануне краха гитлеровской Германии, а именно 7 апреля 1945 г., Фриче выступил по радио с призывом к немецкому народу о продолжении сопротивления союзным войскам и вступлении для этой цели в организацию «Вервольф».

Так до самого конца подсудимый Фриче оставался верен преступному гитлеровскому режиму. Он всего себя отдал осуществлению фашистского заговора и всех преступлений, намеренных и проводимых для осуществления этого заговора. Он — активный участник всех гитлеровских преступлений и должен понести за них тягчайшую ответственность.

Господа судьи!

Перед Вами прошли все подсудимые — люди, лишенные чести и совести, ввергшие мир в бездну несчастий и страданий, причинившие огромные бедствия собственному народу.

Политические авантюристы, не останавливавшиеся ни перед какими злодеяниями для достижения своих преступных целей, низкие демагоги, прикрывавшие свои разбойничьи планы лживыми идеями, палачи, убившие миллионы невинных, — они объединились в клику заговорщиков, захватили власть и превратили аппарат германского государства в орудие своих преступлений.

Ныне наступил час расплаты.

В течение девяти месяцев мы наблюдали бывших правителей фашистской Германии. Перед лицом Суда, на скамье подсудимых, они притихли и присмирели. Некоторые из них даже осуждали Гитлера. Но они корят сейчас Гитлера не за провокацию войны, не за убийство народов и ограбление государств, единственно чего не могут они ему простить — это поражения.

Вместе с Гитлером они были готовы истребить миллионы людей, поработить все передовое человечество для достижения преступных целей мирового господства.

Но иначе судила история: победа не пришла по следам злодеяний. Победили свободолюбивые народы, победила правда, и мы горды тем, что Суд Международного Военного Трибунала — это Суд победившего правого дела миролюбивых народов.

Защитники подсудимых говорили о гуманности. Мы знаем, что цивилизация и гуманность, демократия и гуманность, мир и гуманность — нераздельны.

Но борцы за цивилизацию, демократию и мир, — мы решительно отвергаем бесчеловечный гуманизм, внимательный к палачам и безразличный к их жертвам. Защитник Кальтенбруннера тоже говорил здесь о человеколюбии. В сочетании с именем и делами Кальтенбруннера слова о любви к человеку звучат кощунственно.

Господин председатель! Господа!

Моей речью заканчиваются выступления обвинителей.

Выступая на этом Суде от имени народов Союза Советских Социалистических Республик, я считаю полностью доказанными все обвинения, предъявленные подсудимым. И во имя подлинной любви к человечеству, которой исполнены народы, принесшие величайшие жертвы для спасения мира, свободы и культуры, во имя памяти миллионов невинных людей, загубленных бандой преступников, представших перед Судом передового человечества, во имя счастья и мирного труда будущих поколений — я призываю Суд вынести всем без исключения подсудимым высшую меру наказания — смертную казнь.

Такой приговор будет встречен с удовлетворением всем передовым человечеством.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА ПОДСУДИМЫХ

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА ПОДСУДИМЫХ¹

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 31 августа 1946 г.]

Председатель: Статья 24 (пункт j) Устава предусматривает право каждого из подсудимых выступить с последним словом перед Трибуналом. Поэтому я сейчас спрашиваю подсудимых, хотят ли они воспользоваться этим правом и выступить с последним словом? Подсудимый Герман Вильгельм Геринг.

Геринг: Обвинители в своих заключительных речах объявили защиту и ее доказательства совершенно несостоятельными. Показания, данные подсудимыми под присягой, признавались ими абсолютно истинными лишь тогда, когда они служили для поддержки аргументов обвинения, и объявлялись ложными и нарушающими присягу, когда эти показания опровергали доводы обвинения. Это очень примитивно и недостаточно основательно для доказательств обвинения.

В качестве доказательства того, что я должен был знать и знал обо всем, что происходило, обвинители приводят тот факт, что я был вторым человеком в государстве. Они не приводят никаких документальных или других веских доказательственных материалов там, где я оспариваю под присягой, что я знал о чем-либо или стремился к совершению этого. Таким образом, утверждение обвинения основывается на следующем предположении: кто же должен был знать об этом, как не Геринг в качестве премьера фюрера.

Мы слышали здесь, что как раз самые тяжкие преступления были совершены самым тайным образом. О том, что я самым строгим образом осуждал эти ужасные массовые убийства и

¹ В целях пресечения попыток подсудимых использовать последнее слово для провокационных заявлений, для пропаганды нацизма или для того, чтобы всячески затянуть процесс, Трибунал вынес соответствующие решения (см. том I, страницы 238—239). Однако, как это видно из публикуемой стенограммы, подсудимые сделали еще одну попытку злоупотребить предоставленным им правом на защиту и обойти решения Трибунала. Эти попытки продолжались и после того, как председательствующий вынужден был прервать последнее слово подсудимого Гесса и вновь указать на то, что последнее слово не может повторять защитительную речь или касаться вопросов, не относящихся к судебному процессу. — Составители.

что я не могу постичь, при каких обстоятельствах они были совершены, я должен здесь еще раз категорически заявить. Я хочу еще раз перед Высоким Судом ясно заявить: я никогда ни в одном из периодов своей жизни не отдавал в отношении кого-либо приказа об убийстве, а также не отдавал приказов о жестокостях и не попустительствовал им там, где я имел силу и мог воспрепятствовать этому.

Утверждение господина Додда в заключительной речи о том, что я приказал Гейдриху умерщвлять евреев, лишено всякого доказательства и не соответствует действительности. Нет ни одного приказа, который я дал бы или который был бы подписан по моему приказанию о расстреле летчиков противника или передаче их СД. Не было также установлено ни одного случая, когда подразделения авиации совершали бы подобные преступления.

Обвинение частично предъявило документы, в которых якобы имеются записи высказываний, сделанных третьими или четвертыми лицами. Я, однако, никогда ранее не видел этих документов и поэтому не имел возможности выяснить те заблуждения или недоразумения, которые в них содержатся. Как легко, однако, в тех случаях, когда третьи лица дают письменные показания, могут возникнуть записи, совершенно извращающие смысл высказываний, доказывают и стенографические записи заседаний данного Суда, часто требующие проверки и исправлений. Обвинение приводит высказывания за период в 25 лет, включая и сделанные при совершенно иных условиях, и не давая никакого анализа им, приводит их в качестве доказательств предумышленности действий и их преступности, — высказывания, которые когда-либо имели место на протяжении четверти столетия.

Вероятно, из числа наших противников нет ни одного руководящего деятеля, который в течение последних 25 лет не выступал бы или не писал бы подобно тому, что вменяется нам. Из всего того, что происходило в течение этих 25 лет — совещаний, речей, законов, действий и решений, — обвинение делает вывод об имевшейся якобы последовательности и тесной связи и о том, что будто бы согласно этому все с самого начала было предусмотрено и запланировано именно таким образом. Это совершенно неправильное и лишненное всякой логики утверждение, которое история когда-либо исправит.

Господин Джексон в заключительной речи заявил, что державы, подписавшие соглашение, находятся еще в состоянии войны с Германией и что сейчас имеется лишь перемирие, возникшее в результате безоговорочной капитуляции Германии. Однако международное право должно иметь равную силу для обеих сторон. Поэтому если все, что сегодня происходит со стороны держав, оккупировавших Германию, допустимо с точки

зрения международного права, то до этого Германия, по крайней мере в отношении Франции, Голландии, Бельгии, Норвегии, Югославии и Греции, находилась в равном положении...

Далее господин Джексон заявил, что нельзя судить и карать государство и что ответственность за действия последнего необходимо возлагать на его руководителей. Обвинение, однако, показало, что Германия являлась суверенным государством (была суверенной империей), и ее законодательство в отношении немецкого народа не подпадает под юрисдикцию иностранных государств. Ни одно государство никогда путем предъявления какой-либо ноты не обратило внимания империи на то, что деятельность в этой империи в духе национал-социализма будет подвергаться судебному преследованию. Таким образом, если сейчас отдельных лиц, в первую очередь нас, руководителей, привлекают к ответственности и хотят осудить, — пусть будет так, однако нельзя карать немецкий народ. Немецкий народ доверял фюреру и при его тоталитарном образе государственного правления не имел никакого влияния на события. Не зная о тяжелых преступлениях, о которых сегодня известно, народ был верен фюреру, был храбр и готов был к самопожертвованию... Немецкий народ не виновен.

Я не хотел войны и не способствовал ее развязыванию. Я делал все для того, чтобы предотвратить ее путем переговоров. Однако, когда она началась, я делал все, чтобы обеспечить победу, так как три величайшие мировые державы со многими другими нациями выступили против нас. В конце концов мы потерпели поражение перед лицом подавляющего превосходства.

Я отвечаю за то, что сделал. Я, однако, самым решительным образом отмечаю то, что мои действия диктовались волей и стремлениями поработать чужие народы путем войны, убивать, грабить, совершать зверства или преступления...

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Рудольфу Гессу.

Гесс: С самого начала я обращаюсь к Суду с просьбой, учитывая состояние моего здоровья, дать мне возможность произнести мое слово сидя.

Председатель: Пожалуйста.

Гесс: Некоторые из моих товарищей могут здесь подтвердить, что я в самом начале этого процесса предсказал следующее:

Во-первых, что здесь выступают свидетели, которые под присягой будут давать неправильные показания, причем эти свидетели могут производить абсолютно надежное впечатление и располагать наилучшей репутацией;

Во-вторых, что надо учитывать возможность получения Судом письменных показаний, содержащих недостоверные данные;

В-третьих, что подсудимые в результате показаний нескольких свидетелей-немцев будут весьма неприятно поражены;

В-четвертых, что некоторые подсудимые будут вести себя странным образом, они будут произносить бесстыдные высказывания о фюрере и обвинять свой собственный народ, частично будут обвинять друг друга, причем неправильно, и, может быть, даже будут сами себя обвинять, причем тоже неправильно.

Все эти предсказания оправдались, причем письменные показания свидетелей, данные ими под присягой, и показания подсудимых во многих случаях противоречивы. Я назову в этой связи хотя бы имя Мессерсмита, который показал, что он якобы говорил с гроссадмиралом Деницем в Берлине именно в то время, когда он, как я знаю, находился в районе Тихого или Индийского океана.

Я предсказывал это не только здесь в начале процесса, но еще и за несколько месяцев до начала процесса в Англии, в том числе сопроводившему меня доктору Джонстону. В тот период я в письменном виде заявил об этом, и это можно доказать.

Я основывался в моих предсказаниях на некоторых событиях, которые происходили в негерманских странах. Я хотел бы сейчас еще раз подчеркнуть, что если я понимаю эти события, то с самого начала убежден, что соответствующие правительства ничего не знают и не знали о них. Поэтому я не упрекаю эти правительства... Речь идет о тайном средстве. Я цитирую буквально то, что говорилось в газете «Фелькишер беобахтер», основывающейся в свою очередь на статье в «Ле жур»: «Это средство дает возможность заставить действовать и говорить жертвы, которые избраны, так, как это им приказывается».

Я подчеркиваю, что в этой статье говорится о том, что можно заставить не только говорить, но и действовать согласно данным указаниям. Последнее имеет огромную важность при рассмотрении необъяснимого образа действий обслуживающего персонала немецких концентрационных лагерей, включая научных деятелей и врачей, предпринимавших ужасные опыты над заключенными. Действия, которые нормальные люди, в особенности научные деятели и врачи, ни в коем случае не могли бы совершить, однако совершались ими. Они давали эти указания и приказы о совершении зверств в концентрационных лагерях, они, включая самого фюрера, давали приказы о расстреле военнопленных, о суде Линча и т. д.

Я напомним показания свидетеля генерал-фельдмаршала Мильха о создавшемся у него впечатлении, что в последние годы фюрер находился не в нормальном душевном состоянии. И ряд моих товарищей здесь независимо друг от друга и не зная того, о чем я буду говорить, сказали мне, что выражение

лица и глаз фюрера в последние годы носило в себе нечто ужасное, выражавшее даже безумие...

Люди, окружавшие меня во время моего пребывания в плену в Англии, вели себя странным и непонятным образом, позволявшим сделать вывод, что они находятся в ненормальном душевном состоянии и действуют в соответствии с ним. При этом эти люди, окружавшие меня, время от времени сменялись. Некоторые из них, а именно те, которые сменяли старых, имели странное выражение глаз. Это были глаза, имевшие стеклянное и зачарованное выражение. Этот симптом, однако, проявлялся только в течение нескольких дней. Затем они опять производили совершенно нормальное впечатление, их нельзя было более отличить от нормальных людей.

Не только я обратил внимание на это странное выражение глаз, но и врач, который находился тогда при мне, — доктор Джонстон, английский военный врач. Весной 1942 года ко мне пришли несколько посетителей, из которых один держался весьма странным образом по отношению ко мне. Этот посетитель имел такие же странные глаза. Вслед за этим доктор Джонстон спросил меня, каково мое мнение об этом посетителе? Я сказал, что у меня такое впечатление, как будто бы он по какой-то причине не был совершенно нормальным. Однако вопреки моему ожиданию доктор Джонстон не стал возражать против этого, а в свою очередь согласился со мной и спросил меня, не обратил ли я внимания на его глаза, которые имели какое-то необычное выражение. Доктор Джонстон не предполагал, что он сам, когда пришел ко мне, имел такое же выражение глаз.

Я уже сказал, что убежден в том, что соответствующие правительства ничего не знали об этих действиях. Поэтому не в интересах Английского правительства было бы умалчивать и скрывать от общественности то, что я пережил во время своего заключения в плену, так как иначе возникает впечатление, как будто бы в действительности что-то здесь затушевывается и что британское правительство принимало участие в этом. Однако я убежден в том, что как правительство Черчилля, так и теперешнее правительство давали указания о том, чтобы со мной до самого конца обращались корректно, согласно правилам Женевской Конвенции.

Я сознаю, что все то, что я должен сказать об обращении со мной, на первый взгляд кажется невероятным. Однако, к моему счастью, еще в гораздо более ранний период лица, обслуживавшие военнопленных, обращались с ними таким образом, что когда первые слухи об этом проникли в мир, то на первый взгляд это казалось совершенно невероятным. Слухи заключались в том, что военнопленных преднамеренно заставляли

голодать, что та скудная пища, которую они получали, содержала в себе молотое стекло, что врачи, которые обслуживали пленных, вводили вредные вещества в лекарства и таким образом увеличивали страдания, в результате чего число жертв увеличивалось.

Все эти слухи впоследствии подтвердились. Историческим фактом является то, что женщинам и детям, умершим в британских концентрационных лагерях в большинстве случаев от голода, был построен памятник. Многие англичане, среди них и Ллойд Джордж, самым решительным образом протестовали тогда против таких действий в британских концлагерях. То же относится и к английскому свидетелю-очевидцу мисс Эмили Опфордс.

Мир, английский народ и даже британское правительство стояли тогда перед неразрешимой загадкой в отношении событий в южноафриканских лагерях, так же как мир, немецкий народ, члены германского имперского правительства и остальные подсудимые здесь и на других процессах стоят перед такой же загадкой в отношении событий в немецких концлагерях¹.

Было бы само собой разумеющимся и имело бы огромное значение, если бы то, что я говорил в отношении событий, имевших место во время моего пленения в Англии, было сказано под присягой. Однако я не смог побудить ни моего, ни другого защитника поставить мне соответствующие вопросы во время допроса.

Большое значение имеет, чтобы то, что я говорю, было сказано под присягой. Поэтому я заявляю: клянусь всемогущим и всеведущим богом, что я говорю чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю.

Прошу Высокий Суд поэтому считать все, что я скажу далее, сказанным под присягой. Хотел бы еще добавить в отношении моей присяги. Я не являюсь последователем церкви, не имею внутренней связи с церковью, однако являюсь глубоко религиозным человеком. Я убежден в том, что моя вера в бога является сильнее, чем вера в бога у других людей. Поэтому я прошу Суд оценить еще в большей степени то, что я скажу под присягой, ссылаясь на свою веру в бога.

Председатель: Я должен обратить ваше внимание, подсудимый Гесс, на тот факт, что вы говорите уже в течение 20 минут,

¹ Никакой загадки в этом, разумеется, нет. Подсудимый Гесс, продолжая разыгрывать роль психически ненормального, чтобы придать этому большую правдоподобность и убедительность, в последнем слове пытался нести околесицу и в то же время представить дело так, что главари нацистской Германии якобы были в неведении относительно творившихся злодеяний и что эти злодеяния будто бы совершались под влиянием какого-то дьявольского наваждения. — Составители.

поэтому Трибунал не может на данной стадии процесса разрешить вам говорить более продолжительное время, чем всем остальным подсудимым. Трибунал желает, чтобы вы заканчивали свое выступление.

Гесс: Господин председатель, я хочу обратить внимание на следующее: я считаю, что являюсь единственным подсудимым, который до сих пор не мог высказаться здесь, так как то, что я хочу сказать, я мог бы сказать только в том случае, если бы мне были заданы соответствующие вопросы. Как я уже говорил...

Председатель: Я не намерен, подсудимый, вступать с вами в спор. Трибунал вынес решение о том, что подсудимые в последнем слове ограничатся краткими заявлениями. Вы имели полную возможность давать здесь свои объяснения, если бы этого желали. Сейчас вы выступаете с последним словом и должны подчиниться решению Трибунала так же, как ему подчиняются все остальные подсудимые.

Гесс: Поэтому, господин председатель, я откажусь от тех высказываний, которые я хотел сделать в этой связи. Я прошу только разрешения сказать несколько заключительных слов, которые не имеют ничего общего с тем, что я только что говорил.

Те выводы, к которым пришел защитник здесь, на этом Суде, от моего имени в отношении оценки моего народа и истории, являются для меня важными. Я не защищаюсь от того, что выдвинуто обвинителями, которые, по моему мнению, не имеют права обвинять меня и моих соотечественников. Я не придаю значения тем упрекам, которые касаются событий, являющихся суверенным делом Германии и поэтому не относящихся к компетенции иностранцев. Я не протестую против высказываний, которые имели своей целью опорочить меня... Я рассматриваю такие выпады противников как бесчестные. Мне было дано право в течение долгих лет моей жизни действовать в условиях, которые немецкий народ породил на основе многовековой истории. Даже если бы я мог, я не хотел бы исключать это время из своей жизни. Я счастлив сознанием, что выполнил свой долг... в качестве национал-социалиста, в качестве верного последователя моего фюрера. Я ни о чем не сожалею. Если бы я опять стоял у начала моей деятельности, я опять-таки действовал бы так же, как действовал раньше, даже в том случае, если бы знал, что в конце будет зажжен костер, на котором я сгорю. Независимо от того, что делают люди, я в настоящее время нахожусь перед Судом всевышнего. Только перед ним я несу ответственность и знаю, что он оправдает меня.

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Иохиму Риббентропу.

Риббентроп: Этот процесс должен был выявить историческую правду. С точки зрения немецкой внешней политики я могу сказать только следующее. Этот процесс войдет в историю как образец того, как, ссылаясь на неизвестные до сих пор юридические формулы и на справедливость, хотят обойти кардинальные проблемы 25-летнего периода, наполненного историческими событиями. Если корни нашего несчастья находятся в Версальском договоре, — а они действительно находятся в нем, — то, видимо, целесообразно было запретить обсуждение его. Прозорливые люди в самом начале видели в нем будущее зло и тогда уже самые умные из них заявили, что в случае какой-либо ошибки Версаль приведет к новой мировой войне.

Свыше 20 лет моей жизни я посвятил предотвращению этого несчастья, а в результате оказалось, что иностранные государственные деятели, которые знали об этом, в своих письменных показаниях заявляют, что они мне не верили. Они должны были написать, что не хотели верить мне в интересах своих стран.

На меня возлагают ответственность за руководство внешней политикой, которой, однако, руководил другой. Но я знаю о ней во всяком случае столько, чтобы заявить, что она никогда не имела целью установление мирового господства, а занималась лишь устранением последствий Версальского договора и вопроса снабжения продовольствием немецкого народа.

Если я оспариваю то, что эта немецкая внешняя политика планировала и подготавливала агрессивную войну, то это не отговорка. Достоверность этого подтверждается фактами, а именно тем, какие силы развернулись у нас в ходе второй мировой войны и насколько слабыми мы были по сравнению с ними к началу этой войны. История поверит, если я скажу, что мы значительно лучше подготовили бы агрессивную войну, если бы действительно думали вести ее. То, что мы намеревались сделать, заключалось в том, чтобы обеспечить самые элементарные условия существования, подобно тому, как Англия использовала свои интересы для того, чтобы подчинить себе пятую часть всего мира, как США захватили весь континент или как Россия, самая большая континентальная держава мира, использовала свою гегемонию. Единственная разница в политике этих стран по сравнению с нашей политикой заключалась в том, что мы требовали Данциг и Коридор, которые вопреки всякому праву были у нас отняты, в то время как другие государства привыкли думать о целых континентах. При создании Устава этого Трибунала державы, подписавшие Лондонское соглашение, очевидно, придерживались другой точки зрения в отношении международного права и политики, чем сегодня... Сегодня для Европы и мира осталась лишь одна основная проблема: овладеет ли Азия Европой или западные державы смогут

ликвидировать влияние Советов на Эльбе, на Адриатическом побережье и в районе Дарданелл. Другими словами, Великобритания и США сегодня практически стоят перед той же дилеммой, как и Германия...

Что же на данном процессе говорилось о преступном характере немецкой внешней политики и что было доказано? Из предъявленных защитой документов 150 были отвергнуты без всякого обоснования. Архивы других стран и даже Германии были недоступны для защиты, заявление о дружественных заверениях, которые дал мне Черчилль, и о том, что слишком сильная Германия будет уничтожена, на основе чего можно было бы дать оценку мотивов немецкой внешней политики, было признано на данном форуме не относящимся к делу. Революцию нельзя лучше понять, если рассматривать ее с точки зрения заговора. Судьба сделала меня одним из представителей этой революции. Я отрицаю те ужасные преступления, которые должны якобы опорочить эту революцию... Можно рассматривать теорию заговора как угодно, но для критического наблюдателя это является лишь выходом из неудачного положения. Тот, кто понимает судьбу третьей империи, знает, что это является исторической неправдой, и текст Устава своим изобретением показывает, мышление какой среды он отражает.

Если я обращаю внимание на мои действия, то могу сказать лишь одно. Единственное, в чем я чувствую себя виновным перед моим народом, а не перед данным Судом, является то, что мои внешнеполитические планы оставались безуспешными.

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Вильгельму Кейтелю.

Кейтель: В показаниях на Суде я признал свою ответственность в границах моего служебного положения. Сущность и значение этого служебного положения изложены в порядке представления доказательств и в защитительной речи моего защитника.

Я далек от того, чтобы умалять долю моего участия в случившемся. В интересах исторической правды возникает необходимость пояснить некоторые ошибки в заключительных речах обвинения.

Господин американский обвинитель заявил в заключительной речи: «Кейтель — безвольное и послушное орудие, передал партии орудие агрессии — вооруженные силы».

«Передачу» вооруженных сил партии нельзя совместить с моими функциями ни до 4 февраля 1938 г., ни после этого периода, когда Гитлер назначил непосредственно себя верховным главнокомандующим вооруженными силами и с этого времени получил неограниченную власть над вооруженными силами и над партией.

Я не помню, чтобы в ходе этого процесса было предъявлено доказательство, которое смогло бы подтвердить это утверждение обвинения. Представление доказательств также показало, что утверждение, будто бы «Кейтель руководил вооруженными силами при осуществлении преступных намерений», — ошибочно. Это утверждение противоречит также и материалам англо-американских досье, из которых ясно видно, что я не имел никаких прав отдавать приказы. Поэтому неправ также и господин британский обвинитель, когда он говорит обо мне как о «фельд-маршале, который отдавал приказы вооруженным силам». И если он приписывает мне слова: «Я не имел ни малейшего понятия о том, какие практические результаты достигались этим», то, мне кажется, это не совсем так, как я сказал во время моего допроса. Я сказал:

«Но если приказ был отдан, то я действовал, по моему мнению, по долгу службы, не давая себя смущать возможными и не всегда представляемыми последствиями».

Утверждение о том, что «Кейтель и Иодль не могут отрицать своей ответственности за действия эйнзатцкоманд, с которыми в тесном сотрудничестве работали их собственные командиры», не основывается на результатах допроса свидетелей. ОКВ было исключено из числа высших командных инстанций на советском театре военных действий, ему не подчинялись войсковые начальники.

Господин французский обвинитель сказал в заключительной речи: «Необходимо вспомнить ужасные слова подсудимого Кейтеля о том, что «человеческая жизнь в оккупированных областях ничего не стоит».

Эти ужасные слова — не мои. Не я их придумал и я не клал их в основу содержания приказа. Надо мной достаточно сильно тяготееет сознание того, что мое имя связано с передачей приказов фюрера.

В другом месте господин Шампетье де Риб говорит: «Этот приказ — речь шла о борьбе с партизанами — выполнялся на основании указаний командующего фронтом, который в свою очередь действовал согласно общим указаниям подсудимого Кейтеля».

Здесь опять говорится об «указаниях Кейтеля», хотя в самой обвинительной речи французского обвинения говорится, что я, как начальник ОКВ, не мог непосредственно отдавать приказы составным частям вооруженных сил.

В заключительной речи представителя советского обвинения говорится:

«Начиная с документов о расстреле политических работников, Кейтель, этот солдат, как он любит себя называть, игнорируя присягу, беззастенчиво врал на предварительном след-

ствии американскому обвинителю, говоря, что этот приказ носил характер ответной репрессии и что политических работников отделяли от остальных военнопленных по просьбе самих военнопленных. На Суде он был изобличен».

Речь идет о документе ПС-884. Обвинение во лжи необоснованно. Советский обвинитель не учел, что протокол моего допроса на предварительном следствии по этому вопросу не был принят Трибуналом в качестве доказательства. Поэтому он не должен был также использоваться в заключительной речи обвинения. Я не видел протокола допроса на предварительном следствии и не знаком с его текстом. Если этот текст достоверен, то он содержит разъяснение заблуждения, которое возникло в результате того, что мне не был предъявлен этот документ. Во время прямого допроса я правильно изложил обстоятельства дела моему защитнику.

На последней стадии процесса обвинители попытались выдвинуть против меня серьезное обвинение в том, что мое имя связано с приказом о подготовке к бактериологической войне. Свидетель — бывший генерал медицинской службы доктор Шрайбер в своем заявлении писал: «Начальник ОКВ, фельд-маршал Кейтель, издал приказ о подготовке бактериологической войны против Советского Союза».

Давая свидетельские показания, этот свидетель, правда, говорил о «приказе фюрера». Но и это неправильно.

Принятые Трибуналом с согласия обвинения показания полковника Бюркнера доказывают, что я осенью 1943 года энергично и категорически отклонил предложение санитарной инспекции сухопутных сил и управления вооружения сухопутных сил об активизации опытов с бактериями, как буквально говорит Бюркнер, «указав на то, что об этом не может быть и речи, ведь это запрещено!».

Это — правильно. Генерал-полковник Иодль также может подтвердить, что никогда не издавался приказ такого характера, о котором говорит свидетель. Наоборот, Гитлер запретил ведение бактериологической войны, когда с разных сторон поступили соответствующие предложения.

Тем самым противоположные утверждения свидетеля доктора Шрайбера оказываются не соответствующими действительности.

Я сам считал моим долгом во всех вопросах, также и в тех случаях, когда я давал показания не в свою пользу, говорить правду, во всяком случае я пытался, несмотря на широкий круг моей деятельности, по мере сил способствовать выяснению действительного положения дел. И в конце этого процесса я хочу открыто заявить о том, к каким выводам я пришел, и изложить мое кредо.

Мой защитник во время процесса задал мне два принципиальных вопроса. Первый из них, заданный несколько месяцев назад, гласил:

«В случае победы вы отказались бы от участия в дележе ее лавров?»

Я ответил: «Нет, я был бы безусловно горд этим».

Второй вопрос гласил:

«Как бы вы поступили, если бы еще раз попали в аналогичное положение?»

Мой ответ: «В таком случае я лучше избрал бы смерть, чем дал бы затянуть себя в сети таких преступных методов».

Пусть Высокий Суд на основании этих двух ответов вынесет мне приговор. Я верил, я заблуждался и не был в состоянии предотвратить то, что необходимо было предотвратить. В этом — моя вина.

Трагедия состоит в том, я должен признать это, что то лучшее, что я мог дать как солдат — повиновение и верность, было использовано для целей, которые нельзя было распознать, и в том, что я не видел границы, которая существует для выполнения солдатского долга. В этом — моя судьба.

Пусть на основании ясного определения причин, гибельных методов и ужасных последствий этой войны для немецкого народа появится надежда на новое будущее в семье народов.

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Эрнсту Кальтенбруннеру.

Кальтенбруннер: Обвинители возлагают на меня ответственность за концентрационные лагеря, за уничтожение евреев, за действия эйзатцгрупп и т. д.

Все это не соответствует ни предъявленным доказательствам, ни истине. Обвинители, так же как и подсудимые, находятся в опасности, которая связана с коллективным осуждением. Правильно то, что я должен был взять на себя должность начальника главного имперского управления безопасности, однако в одном этом факте еще не содержится вины. Такие концентрационные лагеря имеются также и в других государствах. Задача, которая была мне поручена, и деятельность, которую я должен был вести с 1938 года, состояла почти исключительно в реорганизации политической и военной службы информации, но не в качестве преемника Гейдриха. Это произошло почти через год после его смерти, когда возникло подозрение о том, что Канарис в течение многих лет служит иностранной разведке. Когда это подозрение возникло, я должен был взять, как офицер, выполнение на себя его функции. В течение короткого времени я установил в огромном масштабе ужасные факты деятельности Канариса и его пособников из пятого и шестого управлений главного имперского

управления безопасности, которые подчинялись мне лишь формально, но никогда де-факто.

Схема, предъявленная здесь, и те выводы в отношении полномочий, которые были здесь сделаны, являются неверными и вводящими в заблуждение.

Гиммлер, который мастерски умел разделить СС, представлявшую единую организацию, на мельчайшие группы и подчинить их своему влиянию, насколько это было необходимо, вместе с Мюллером — начальником гестапо совершал преступления, о которых мы знаем сегодня. Вопреки общераспространенному мнению я решительно и категорически заявляю, что не знал о деятельности Гиммлера, его пособников и управлений, которые ему подчинялись. Я знал лишь об этом столько, сколько было мне необходимо для моей специальной задачи.

В вопросе о евреях я также долго заблуждался, как заблуждались и другие высшие деятели. Я никогда не попустил биологическому уничтожению евреев. Антисемитизм в указах партии и государства был объявлен необходимым мероприятием во время войны, и в таком духе я с ним соглашался, но антисемитизм, как он представлен был здесь, являет собой варварство, и я в этом не принимал участия. Однако, как я потом на этом остановлюсь, меры, предпринятые к тому, чтобы смягчить положение евреев, можно и следует объяснить моим влиянием.

Во время представления доказательств был предъявлен целый ряд фотографий, которые свидетельствуют о том, что я знал о преступлениях в концентрационных лагерях Маутхаузен и других. Я никогда не был в лагере Маутхаузен и только наблюдал за работами в каменоломне, где были заняты преступники. Однако я не видел среди людей, находившихся там, евреев или политических заключенных. Фотографии не показывают ни здания управления лагерей, ни каких-либо других мест. Документ США-909 и фотографии с Ф-840 до 848¹ являются недостоверными и неправильными. Фотографии показывают место, находившееся в 75 километрах от лагеря Маутхаузен.

Показания свидетеля доктора Моргена являются в основном правильными, однако они требуют дополнений, поскольку касаются меня. Свидетель слишком много говорил о себе и не говорил о том, что он был направлен по моей просьбе в другое управление для того, чтобы в качестве судебного чиновника расследовать действия, которые совершались в концентрационных лагерях. Он не смог подтвердить, что я якобы знал

¹ Речь идет о фотографиях, заснятых в концлагерях и представленных Трибуналу французскими обвинителями в качестве доказательств под № Ф-840—Ф-848. — Составители.

о дальнейших событиях, имевших место в концентрационных лагерях, в противовес Мюллеру, который, получив этот ответ, бешенствовал. Я в тот же день послал подробный отчет Гиммлеру в ставку, который обещал мне произвести расследование против Поля, он обещал, что учредит специальный суд для того, чтобы произвести необходимые расследования и аресты. Поля должен был быть немедленно уволен... Мою просьбу о направлении на фронт Гитлер отклонил, указав на то, что меня нельзя заменить в информационной службе. Эйхман был арестован, и об этом мне было сообщено. Директивы Гиммлера от октября 1944 года Гитлер подтвердил, и это является дьявольским поступком Гиммлера.

Если обвинение не видит до сих пор противоречий в том обстоятельстве, что пятое управление главного имперского управления безопасности не может отвечать за те преступления, которые совершили четвертое управление и тайная клика преступников, и в том, что он¹ скрыл преступления, совершенные этими преступниками, то я в этом вижу доказательства того, что я никогда не знал о настоящем положении дел, и когда узнал, то возражал, насколько это было в моих силах. Я должен был в тот период, симулируя болезнь, уйти в отставку или приложить все силы и бороться за то, чтобы было прекращено варварство, которое не имело до сих пор прецедента. Только это является здесь моей виной и должно было быть обсуждено здесь, но это ничего не изменяет.

Предъявленные здесь письма, которые производят впечатление таких обличающих меня документов в бытность мою бургомистром Вены, и другие доказательства выдвинутых против меня обвинений — всего этого я не помню, я не помню, чтобы я подписывал письма. Сегодня мне ясно, что все 12 тысяч лиц, которые тогда вместе с десятками тысяч немецких женщин и мужчин были использованы на работах восточнее Вены вместе с другими 2 тысячами лиц в Кунцкирхене (Верхняя Австрия), обслуживались Международным Красным Крестом по моему предложению.

При возбуждении, которое у меня было во время перекрестного допроса, я забыл, что в тот период уже давно в лагерях действовали представители пятого управления, и я не мог предполагать об этом. Тогда вопрос стоял о достоверности моих показаний. Если бы соответствующий запрос был послан Международному Красному Кресту в Женеву, это недоразумение могло бы быть выяснено.

Если ставится вопрос, почему я оставался на моем посту после того, как узнал, что мои предшественники совершали

¹ Кальтенбруннер имеет в виду Гиммлера. — Составители.

преступления, я могу лишь ответить, что не мог ничего выяснить о их деятельности. Даже Суд здесь не в состоянии установить полностью их вину.

В последние дни обвинители инкриминировали мне участие в убийстве французского генерала. Я слышал об убийстве немецкого генерала Бродовского и о приказе Гитлера, чтобы рассмотреть вопрос об ответной репрессии. Об убийстве французского генерала я впервые услышал здесь несколько дней тому назад.

Панцингер был начальником военно-следственного отдела в имперском управлении уголовной полиции и не подчинялся никому, кроме Гиммлера, в качестве начальника резервной армии и начальника по делам военнопленных. Он не был чиновником гестапо, как утверждает обвинение.

В отношении моей подписи под телеграммой от 30 декабря 1944 г., в которой говорится о приказе, посланном из Берлина, я хочу прежде всего отметить, что с 23 декабря до 3 января находился в Австрии со своей семьей. Эту телеграмму я не видел и не мог ее подписывать. В ноябре 1944 года я имел категорический приказ о том, чтобы сообщение имперского начальника прессы Дитриха об убийстве немецкого генерала во Франции было проверено. Результаты расследования я должен был сообщить в ставку для рассмотрения этого вопроса соответствующей инстанцией.

Я сожалел о том, что Гитлер в ситуации, которая сложилась к началу моего вступления на должность, не занимал лучших позиций по отношению к церкви, как это принято во всех государствах. Мои представления были неправильны. Я честно старался доказать это. Это показали предъявленные документы. Однако обвинение из этого не сделало соответствующих выводов. Я знаю лишь, что все свои силы отдавал моему народу, веря Адольфу Гитлеру. Я, как немецкий солдат, служа в контрразведке, мог только бороться с теми силами, которые довели Германию до катастрофы. Сегодня после разгрома империи я вижу, что меня обманывали. Если я совершал незаконные действия, то это следует объяснить неправильным пониманием чувства долга. Если принять во внимание, что все приказы, которые имеют кардинальное значение, были изданы до того, как я занял мою должность, то следует сделать вывод, что мною руководила судьба. Гиммлер и другие должны были судить о том, правильно ли они использовали меня, и о том, что я сделал. Я прошу Вас принять во внимание судьбу и честь сотен людей, находившихся в «общих СС», в войсках СС и среди чиновников... Я прошу не связывать их с тем проклятием, которое они справедливо послали на голову Гиммлера. Я полагаю, что действовал в соответствии с законом.

Председатель: Последнее слово предоставляется Альфреду Розенбергу.

Розенберг: Обвинители не ограничились повторением прежних обвинений. Они с особой силой выдвинули новые: как будто все мы собирались на тайные совещания для разработки планов агрессивной войны, а затем якобы приказали убить, как здесь утверждали, 12 миллионов человек. Все эти обвинения объединены под одним названием «геноцид» — истребление народов. В связи с этим я должен заявить следующее: от такой вины, от содействия в истреблении народов моя совесть совершенно чиста.

Я выступал не за то, чтобы уничтожить культуру и подавлять национальные чувства народов Восточной Европы, я боролся за улучшение физических и духовных условий их существования. Не за то, чтобы лишать их личной безопасности и попирали их человеческое достоинство, а, как уже было доказано, я боролся всеми силами против всякой политики насилия и строго требовал, чтобы немецкие чиновники были справедливы в своих действиях и чтобы восточные рабочие подвергались гуманному обращению. Я не обращал детей в рабство, как это утверждают, а оказывал им защиту и проявлял особую заботу о детях из разоренных войной областей. Не уничтожал я и религию, а изданием эдикта о веротерпимости восстановил свободу церкви в восточных областях.

Исходя из моего мировоззрения, я требовал в Германии свободы совести, относился с терпимостью ко всякому противнику и никогда не занимался преследованием религии.

Мыслей о физическом уничтожении славян и евреев, то есть о действительном уничтожении народов, у меня никогда не было, я никогда этому не способствовал и не помогал. Я считал, что еврейский вопрос должен быть разрешен путем предоставления прав национальным меньшинствам, путем выезда или размещения евреев на национальной территории в результате переселения, которое протекало бы в течение десятков лет. «Белая книга» британского правительства от 24 июля 1946 г. показывает, как ход исторических событий может вызвать приращение никогда ранее не намечавшихся мер.

Вскрытая здесь на процессе практика германского государственного руководства в период войны была совершенно отличной от моей точки зрения. Адольф Гитлер все в большей степени приближал к себе таких лиц, которые были не моими товарищами, а моими противниками. Об их пагубном влиянии я хочу немного сказать. Это было вовсе не осуществлением национал-социализма, ради которого боролись верившие в него мужчины и женщины, а просто извращением, которое я целиком осуждал.

Я от души приветствую ту идею, что истребление народов должно быть заклеено международным соглашением как преступление и должно строжайшим образом наказываться. Однако я, естественно, предполагаю при этом, что ни сейчас, ни в будущем оно ни в какой мере не будет допущено по отношению к германскому народу.

Советский обвинитель заявил, что «вся так называемая идеологическая деятельность» являлась «подготовкой к преступлениям». В связи с этим я хочу заявить следующее. Национал-социализм выражал идеи преодоления разлагающей народ классовый борьбы и имел целью создание единства сословий в рамках общности всего народа. Так, путем трудовой повинности он восстановил честь обрабатывания матери-земли и обращал внимание немцев на необходимость создания крепкого крестьянства. Посредством кампании «зимней помощи» он пробудил в целой нации чувство товарищества по отношению ко всем оказавшимся в нужде соотечественникам, вне зависимости от их прежней партийной принадлежности. Он создал дома «матери и ребенка», туристские базы, общежития для фабричных рабочих. Он привлек миллионы людей к неизвестным им до тех пор сокровищам искусства. Всею этому служил и я.

В моей любви к свободной и сильной германской империи я никогда не забывал о долге по отношению к Европе. К поддержанию и мирному развитию Европы я призывал еще в 1932 году в Риме. Во имя идеи духовного завоевания народов Восточной Европы я боролся, когда в 1941 году стал министром по делам Востока и до тех пор, пока это было возможно. Поэтому в час испытаний я не могу отречься от идеи всей моей жизни, от идеала социально умиротворенной Германии и знающей себе цену Европы; я остаюсь верен этой идее.

При всех несовершенствах человеческой природы честная служба этому мировоззрению не была заговором. Мои действия никогда не были преступными. Я считаю, что и моя борьба, подобно борьбе многих тысяч моих товарищей, велась во имя благороднейшей идеи, за которую уже боролись и знамя которой подняли более чем 100 лет тому назад.

Я прошу Вас поверить, что это — правда. Тогда этот процесс не смог бы породить гонений на иноверцев. Тогда, по моему убеждению, был бы сделан первый шаг к новому взаимопониманию между народами, без предрассудков, без неприязни и без ненависти.

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Гансу Франку.

Франк: Господа судьи. Адольф Гитлер, главный подсудимый, не сказал немецкому народу и всему миру своего последнего слова. В годину тяжких невзгод, переживаемых его нацией,

он не нашел исцеляющих слов. Он окаменел и не выполнил своего долга фюрера. Он ушел в неизвестность и во тьму, как самоубийца. Что это было? Робость, отчаяние или упрямство против бога и людей? «Если я паду, то пусть падет и немецкий народ». Кто может обосновать это? Мы. И если я говорю «мы», то имею здесь в виду себя и тех национал-социалистов, которые единодушно поддерживают меня в этом заявлении. Но я не имею в виду подсудимых, от имени которых не уполномочен говорить.

Мы не хотим оставить народ на произвол судьбы, не скажем ни слова. Мы не хотим просто сказать: «Теперь смотрите, как вы сами одолеете эту разруху и это поражение, которое осталось вам в наследство от нас». Мы и сейчас, как никогда ранее, несем большую духовную ответственность. Мы, начиная свой путь, не знали, что отречение от бога будет иметь такие пагубные, такие смертельные последствия и что мы неизбежно будем все больше и больше углубляться в вину и окутываться ею.

Мы не могли в то время знать, что эта величайшая верность и величайшее самопожертвование немецкого народа будут нами так плохо направлены. Итак, мы стали позорными потому, что отреклись от бога, и мы должны были пасть. Это не были технические неполадки или какие-либо несчастные обстоятельства, в результате которых мы проиграли войну. Это не было несчастьем или предательством. Бог вынес свой приговор над Гитлером и привел его в исполнение по отношению ко всей системе. И надо сказать, что эта система была далека от бога.

Поэтому я хотел бы, чтобы наш народ пошел по другому пути, не по тому, по которому мы вели его с Гитлером. Я прошу наш народ не отчаиваться, не идти более ни шагу дальше по этому пути, ибо гитлеровский путь был проклят, это — путь без бога, путь отречения от христианства и, наконец, путь политических безумств, путь уничтожения и смерти. Путь Гитлера был просто авантюрой, без совести и чести, как я сегодня знаю, когда кончился процесс.

Мы зовем немецкий народ, руководители которого повели его по этому пути, уйти с него и пойти по пути божеского права и справедливости, по которому пойдет каждый, везде, во всем мире. Через гробницы миллионов убитых этой второй мировой войной прошел этот государственный процесс, и это была, так сказать, юридическая концовка.

Я благодарен за то, что мне дали возможность защищаться и оправдываться против тех обвинений, которые были мне предъявлены. Я благодарю всех и думаю о тех жертвах, о тех ужасах, которые принесли с собой события войны. Ведь миллионы должны были погибнуть в эти дни. Я открыл дневник

войны и объяснил мои действия. И если я когда-либо был жесток, то это было в тот момент, когда я думал, что не оставляю после себя никакой вины. Я принял на себя вину и ту ответственность, которую должен нести. Я ничего не добавляю к словам моего защитника. Я должен только внести одну поправку — я не могу взять на себя ответственность, которую должен был нести Гитлер...

После ужасов военного времени и после того, как началось мирное развитие, в котором, может быть, примет участие и наш народ, я говорю это с надеждой, что наступит, наконец, торжество справедливости, справедливости божьей по отношению к нашему народу и ко мне. И я преклоняюсь перед этой справедливостью.

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Вильгельму Фрику.

Фрик: Перед лицом обвинения я стою с чистой совестью. Вся моя жизнь была посвящена служению народу и моей родине. Я убежден, что ни один патриот-американец или гражданин какого-либо другого государства не действовал бы по-другому, находясь на моем месте в своей стране, так как другие действия означали бы преступления против родины и измену родине. Я считаю, что за исполнение моего морального долга я не должен понести наказание...

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Юлиусу Штрейхеру.

Штрейхер: Господа судьи, в начале этого процесса господин председатель спросил меня, считаю ли я себя виновным в предъявленных мне обвинениях. Я ответил на этот вопрос отрицательно. Проведенный процесс и представленные доказательства показали правильность моего ответа. Установлено, что, во-первых, массовые убийства все были произведены по приказу главы государства Адольфа Гитлера; во-вторых, проведение массовых убийств происходило без ведома немецкого народа, в совершенной секретности, причем проводилось это рейхсфюрером Генрихом Гиммлером.

Обвинение утверждало, что без Штрейхера и без его «Штурмера» массовые убийства были бы невозможны. Однако в подтверждение этого обвинение не представило доказательств и даже не ходатайствовало о приобщении подобных доказательств.

Установлено, что я в 1933 году проводил так называемый «день бойкота» и в 1938 году участвовал в демонстрации, которую приказал проводить Геббельс. И я должен сказать, что, руководя этими мероприятиями, я не принимал никаких мер насилья, ничего не предпринимал против евреев и не участвовал в каких-либо мероприятиях против евреев.

Далее установлено, что во многих статьях моей газеты «Штюрмер» я считал совершенно естественным разрешение еврейского вопроса путем создания еврейского государства. Я требовал создания этого государства и поддерживал это требование. Эти факты доказывают, что я не хотел, чтобы еврейский вопрос был решен с применением насилия. Если в некоторых статьях моей еженедельной газеты «Дер штюрмер» я или другие авторы говорили об уничтожении или искоренении еврейства, то это были, так сказать, контрвысказывания, направленные против провокационных заявлений еврейских писателей...

Приказ Адольфа Гитлера о проведении массовых убийств, по его последнему заявлению и разъяснению, должен был представлять возмездие за неблагоприятный ход войны, который тогда стал ясно выявляться. Эти действия главы государства объясняются точкой зрения, отличной от моей. Гитлер хотел наказать евреев, так как считал их ответственными за развязывание войны и за воздушные налеты на немецкое население.

Обвинение в массовых убийствах я, таким образом, также отклоняю, как их отклоняет каждый честный немец.

Господа судьи! Будучи гаулейтером и политическим писателем-журналистом, я не совершал никаких преступлений и поэтому с чистой совестью встречу Ваш приговор. Вам, господа судьи, судьба вручила силу и дала право произнести приговор, любой приговор. Господа судьи, не произносите такого приговора, который заклеймит бы весь немецкий народ как бесчестный народ.

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Вальтеру Функу.

Функ: Во время глубочайших страданий своего народа примкнул я к политическому движению... Легальным путем это движение стало руководящим в государстве. Этому государству я служил как чиновник, основываясь на служебном долге, и как исполнитель немецких законов. Я чувствовал себя в высшей степени обязанным выполнять этот долг во время угрозы военной опасности и во время самой войны, когда величайшая опасность угрожала существованию родины. А во время войны государство зависит от лояльности и верности своих чиновников.

Теперь здесь раскрылись кошмарные преступления, в которые были втянуты частично и руководимые мною учреждения. Об этом узнал я впервые лишь здесь, на Суде. Я не знал об этих преступлениях и не мог знать о них. Я тщательно проверял совесть и память, открыто и честно сказал Суду все. Эти преступления заставляют меня краснеть. Я сказал Суду все, что знал, и ничего не умолчал.

В отношении вкладов СС в рейхсбанке я тоже действовал как президент рейхсбанка, выполняющий мой обязательный служебный долг.

Прием золота и девизов относился согласно законному назначению к деловым операциям рейхсбанка. То, что происходила конфискация этих ценностей подчиненными Гиммлеру органами СС, не могло возбудить во мне никакого подозрения. Гиммлеру подчинялись вся полиция, пограничная охрана, а также люди, занимавшиеся отслеживанием девизов в государстве и во всех оккупированных областях. Но Гиммлер обманул меня, обошел меня. Вплоть до этого процесса я не знал и не подозревал, что среди переданных рейхсбанку ценностей находилось колоссальное количество жемчуга, ценных камней, украшений, различных золотых вещей, оправы для очков и золотые зубы. Этому мне никогда не сообщали, и никогда я об этом не знал.

До этого процесса я также ничего не знал о том, что происходили убийства миллионов евреев в концентрационных лагерях и силами эйнзатцкоманд — на Востоке. Ни разу ни один человек не говорил со мной о подобных случаях. Мне было неизвестно о существовании таких лагерей уничтожения. Я не знал ни одного из названных здесь лагерей.

То, что часть полученного рейхсбанком золота и девизов сдавалась концлагерями, я все-таки предполагал, но с самого начала я сам говорил об этом во время всех допросов. Каждый должен был согласно немецкому закону сдавать такие ценности рейхсбанку. Кроме того, меня подробно не знакомили со способом и объемом этих поставок. Как же я мог хотя бы только предполагать, что СС добыла эти ценности путем физического воздействия?

Если бы я знал эту кошмарную связь, мой рейхсбанк никогда не взял бы такие ценности на хранение и для реализации. Я отказался бы от этого, даже не взирая на ту опасность, которая мне угрожала, даже если бы это могло мне стоить жизни. Если бы я знал об этих преступлениях, я не сидел бы сегодня на скамье подсудимых. В этом Вы можете быть уверены. Легче было бы мне лежать в земле, чем эта мучительная и позорная жизнь, которую я влачу из-за выдвинутых против меня обвинений и клеветы.

В результате принятых мною мер не погиб ни один человек. Я всегда уважал чужую собственность, всегда думал о том, чтобы оказать людям помощь в их нужде, поскольку я имел возможность внести в их существование радость и счастье. И многие будут и останутся мне за это благодарны.

Человеческая жизнь состоит из заблуждений и вины. Я также во многом заблуждался, и во многом меня обманули,

и я должен открыто признать, что во многих вещах я был слишком беспечным и легковерным — в этом я вижу свою вину. Но я не чувствую себя виновным в преступлениях, которые я совершил бы, выполняя мой долг по руководству моими учреждениями.

Я не виновен, в этом отношении моя совесть точно так же чиста, как в тот день, когда 10 месяцев тому назад я впервые переступил порог этого судебного зала.

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Гельмару Шахту.

Шахт: Чувство справедливости во мне глубоко оскорблено тем, что в заключительных речах обвинение полностью игнорировало результаты представления доказательств на этом процессе. В соответствии с Уставом единственным обвинением против меня является то, что я стремился к войне, желал войны, но целый ряд доминирующих доказательств по моему делу показал, что я был фанатическим противником войны и пытался как активно, так и пассивно, прибегая к протестам, саботажу, хитрости и силе, предотвратить войну. Как может обвинение после этого утверждать, что я выступал за войну? Как может русский обвинитель заявлять, что я отвернулся от Гитлера лишь в 1943 году, в то время как я предпринял мою первую попытку совершить государственный переворот осенью 1938 года?

Наконец, судья Джексон в заключительной речи выдвинул против меня новое обвинение, о котором до этого вообще не говорили на процессе, — якобы я планировал отпустить евреев из Германии за выкуп, оплаченный иностранной валютой.

Это неправда. Будучи возмущенным еврейским погромом в ноябре 1938 года, я добился от Гитлера согласия на проведение плана, который должен был облегчить эмиграцию евреев. Я хотел передать в ведение Международного комитета полтора миллиарда рейхсмарок из конфискованного еврейского состояния с тем, что Германия должна была взять на себя обязательство уплатить эту сумму комитету в 20-летний срок, в частности, в иностранной валюте. Следовательно, это совершенно обратное тому, что утверждал здесь судья Джексон.

Я обсуждал этот план в декабре 1938 года в Лондоне с лордом Бершtedтом, лордом Винтартоном и с американским представителем мистером Рабли. Все они благосклонно отнеслись к этому плану.

Но так как Гитлер вскоре после этого устранил меня из рейхсбанка, дело заглохло. Если бы этот план был проведен в жизнь, то ни один немецкий еврей не погиб бы.

Мое враждебное отношение к политике Гитлера было известно как внутри страны, так и за границей, и причем настолько хорошо, что поверенный в делах США мистер Керк еще в 1940 году, прежде чем он покинул свой пост в Берлине, про-

щаясь со мной, заявил, что он относится ко мне как к человеку, совершенно не запятнавшему себя, о чем подробно говорил свидетель Гюльзе в доказательстве № 37-б моей книги документов.

Вместо этого обвинение целый год в мировой печати выставило меня к позорному столбу как разбойника, убийцу и обманщика. Я обязан этому обвинению тем, что на закате моей жизни лишен средств к существованию и родины. Но обвинение заблуждается, если оно думает, что может причислить меня к «жалким поникшим фигурам», как оно заявило во вступительной речи.

Безусловно, у меня были политические заблуждения. Я никогда не претендовал быть политическим деятелем, но моя экономическая и финансовая политика в деле устранения безработицы путем предоставления кредитов оправдала себя. Число безработных упало с 7 миллионов до нуля. В 1938 году так сильно повысились государственные доходы, что были полностью гарантированы платежи по кредитам рейхсбанка. То, что Гитлер отказался от уплаты, которую он торжественно пообещал, явилось чудовищным обманом, который я не мог предвидеть.

Моя политическая ошибка заключалась в том, что я недостаточно скоро разгадал размах преступной природы Гитлера. Но я не замарал моих рук ни одним незаконным или безнравственным поступком. Террор гестапо не запугал меня, потому что любой террор бессилен перед зовом совести. Несмотря на это, судья Джексон считал нужным упрекнуть меня в оппортунизме и трусости, и это после того, как война застала меня после десятилетнего пребывания в лагере уничтожения в Флоссенбурге, где я только милостью судьбы избежал приказа Гитлера, предвещавшего смерть.

Я стою перед завершением этого процесса, будучи потрясенным в глубине моей души тем невыразимым несчастьем, которое я пытался предотвратить, жертвуя собой и прибегая ко всем доступным средствам, но которое мне не привелось устранить не по моей вине. Поэтому я по-прежнему высоко держу голову, веря в то, что мир исцелится не с помощью насилия, а с помощью силы духа и соблюдения нравственности в поступках.

Председатель: Последнее слово предоставляется Карлу Деницу.

Дениц: Я хочу высказаться по трем вопросам.

Первое. Говорите и судите о справедливости подводной войны, проводимой Германией, так, как это подсказывает Вам Ваша совесть. Я считаю, что такое ведение войны допустимо. Я действовал, сообразуясь с моей совестью. Я хотел вести ее точно так же, как делал это раньше. Мои подчиненные, которые выполняли мои приказы, действовали, полагаясь на меня,

действовали без тени сомнений относительно справедливости приказов и необходимости их выполнения. Моего мнения не изменит и предстоящий приговор, если он признает, что они боролись несправедливо.

Второе. Здесь много говорили о заговоре, который якобы существовал у подсудимых. Я считаю это заявление политической догмой. Как таковую, ее нельзя доказать, в нее можно верить или отрицать. Но большая часть немецкого народа не поверит никогда, что такой заговор явился причиной его несчастья. Пускай политические деятели и юристы спорят об этом. Эти споры только приведут к тому, что немецкому народу будет трудно сделать выводы на основании этого процесса — выводы, которые являются очень важными для определения отношения немецкого народа к прошедшему и действиям будущего. Ему будет трудно понять, что принцип фюрерства как политический принцип являлся неверным. Принцип фюрерства в военном отношении оправдал себя во всех армиях мира. Поэтому я считал такой принцип правильным и в политическом руководстве, в особенности в тот момент, когда народ находится в тяжелом положении, в таком положении, в каком находился немецкий народ в 1932 году. Огромные успехи нового правительства и неизвестное дотоле чувство счастья для нации, казалось, оправдали этот принцип. Если же, несмотря на весь идеализм, честь и самоотверженность всего немецкого народа, принцип фюрерства не принес ничего, кроме несчастья для немецкого народа, в таком случае этот принцип является неверным, потому что человек, очевидно, не может использовать силу этого принципа для совершения хорошего и подпадает под власть злой воли.

Третье. Моя жизнь была посвящена моей профессии и служению немецкому народу. Как последний главнокомандующий военно-морского флота и как последний руководитель государства, глава государства, я считаю себя по отношению к немецкому народу ответственным за все то, что я сделал, и за все то, что я приказывал делать.

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Эриху Редеру.

Редер: К концу представления доказательств процесс привел к результатам, которые были нежелательными для обвинителей... Показаниями свидетелей... опровергнуто обвинение в том, что мы якобы знали об убийстве миллионов евреев и других людей или, более того, даже участвовали в этом уничтожении. Обвинители на предварительных допросах уже выявили истину, и тем не менее включили эти обвинения в Обвинительное заключение, уточняли их в перекрестных допросах. Обвинители как проповедники морали все время поддерживали свои обвинения... но эта попытка не увенчалась успехом,

Вторым результатом процесса является тот факт, что на основании представленных доказательств было подтверждено, что немецкий военно-морской флот честно боролся и соблюдал законы. Я и военно-морской флот стоим перед всем миром, перед историей и перед этим Судом чистыми, наше знамя не запятнано. Попытки господина Шоукросса поставить подводную войну на одну карту со зверствами мы полностью отвергаем, так как результаты представления доказательств не подтвердили этого, в особенности обвинения в том, что военно-морской флот якобы никогда не намеревался придерживаться законов ведения морской мойны. Это утверждение оказалось лишенным оснований. Было доказано, что руководство военно-морским флотом никогда не пренебрегало законами ведения войны...

Доказано, что руководство военно-морскими силами все время пыталось вести войну, которая бы отвечала требованиям законов и человечности, так же как это пыталась делать наши противники. Я очень сожалею о том, что обвинители все время пытались обесчестить меня и весь военно-морской флот, как это показывает вторая часть Обвинительного заключения, отличающаяся от первой только тем, что в ней больше резких выражений и нападок...

Я также убежден, что английские и американские обвинители сослужили плохую службу своему собственному военно-морскому флоту, представляя противника лишенным моральных устоев, хотя с этим противником их флоты долгие годы вели войну. Я убежден, что адмиралы этих двух государств¹ не принимают меня и знают, что они боролись не против преступников...

Я резюмирую: как солдат я исполнял мой долг, так как был убежден, что служу немецкому народу и немецкому отечеству... И если я мог оказаться виновным вообще, то только в том отношении, что, несмотря на мое чисто военное положение, я был не только солдатом или, вернее, должен был быть не только солдатом, но и политическим деятелем. Это противоречило всем традициям немецкой армии, но это была вина только по отношению к немецкому народу и это не может сделать меня военным преступником. Эту вину я признаю не перед Судом, который проводится людьми, а перед богом.

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Бальдуру Шираху.

Ширах: 24 мая я сделал здесь заявление², за которое готов нести ответственность перед богом и перед моей собственной

¹ Англии и США. — Составители.

² Ширах напоминает о своих показаниях, в частности, о следующем своем заявлении: «Моя вина заключается в том, что я воспитал эту молодежь для человека, который был убийцей, который погубил миллионы людей...» — Составители.

совестью, заявление, которое полностью остается действительным и сегодня, так как оно выражало и выражает мое честное внутреннее убеждение.

Английский обвинитель в заключительной речи заявил, что Ширах погубил миллионы немецких детей для того, чтобы сделать их тем, чем они являются сегодня — послушным орудием той политики убийств и насилий, которую проводили эти люди.

Если бы это обвинение было обоснованным, я не сказал бы ни слова в свое оправдание. Но это обвинение не обосновано, это неправда. Кто хотя бы в некоторой степени учитывает результаты представленных доказательств на этом процессе и честно отдает этим доказательствам должное, тот не может предъявить мне обвинения в том, что я мог моей воспитательной работой погубить молодежь и отравить ее душу.

Те принципы и те цели, которые я ставил перед молодежью, посредством которых я направлял весь коллектив, созданный под моим руководством, силами самой молодежи, были следующими: готовая на самопожертвование любовь к родине; преодоление сословных предрассудков и классовой вражды; постоянная забота о здоровье и укреплении организма туризмом, спортом и играми; развитие профессионального обучения и, в особенности, товарищеское взаимопонимание молодежи за рубежом.

Эти принципы и цели я всегда помнил в молодости и считал их идеалом будущего немецкого национального воспитания. Эти принципы и цели не были мне предписаны партией и государством, и если бы Гитлер присутствовал здесь, то для моей защиты это не имело бы ни малейшего значения, ибо как имперский руководитель молодежи я ссылаюсь не на него, а только на самого себя. Принципы этого воспитания, существование которых ясно доказывается всеми моими речами, статьями и директивами, принципы, которым я оставался верным, будучи имперским руководителем молодежи, являются, по моему твердому убеждению, принципами, направляющими каждого руководителя молодежи, сознающего свой долг перед народом и молодежью.

Дела нашей молодежи, ее нравственное поведение доказали мою правоту и доказали, что молодежь никогда не была испорченной и не была мною погублена. Немецкая молодежь была и осталась трудолюбивой, нравственной, честной и идеалистической. В мирное время она честно работала над собой, а во время войны смело выполняла свой долг перед нашим народом, нашим отечеством.

И в час, когда я в последний раз обращаюсь к этому Военному Трибуналу четырех держав-победительниц, я с чистой совестью хочу подтвердить нашей немецкой молодежи, что она

Последние слова подсудимых. С последним словом выступает подсудимый Кальтенбруннер

совершенно неповинна в вырождении и извращениях гитлеровского режима, что она никогда не хотела войны и что ни в мирное время, ни во время войны она не принимала участия в каких-либо преступлениях.

Я был в течение многих лет руководителем молодежи германской империи и хорошо знаю развитие, настроения и поведение нашего молодого поколения. Кто может лучше знать его, чем я? Я всегда радовался, глядя на эту молодежь. В ее кругу я был всегда счастлив и всегда гордился ею. Я знаю, что на протяжении всех этих лет, когда я был руководителем молодежи империи, несмотря на то, что число членов исчислялось миллионами, молодежь (вообще и без исключения) не совершала поступков, за которые теперь она должна была бы краснеть.

Она ничего не знала о мучениях, зверствах, совершенных немцами, так же как она ничего не знала о совершаемой несправедливости, она и не хотела этой несправедливости. Даже самые ожесточенные люди послевоенного времени не могут подумать о том, что немецкая молодежь должна быть обвинена как преступная организация.

Беззаветная дружба в движении молодежи, которая как раз самым бедным детям народа несла большую любовь, верность к родине, увлечение спортом и честное взаимопонимание с молодежью других народов, — вот что являлось целью молодежи и содержанием ее воспитания с первых и до последних дней моей работы в качестве имперского руководителя молодежи. Эта молодежь действительно не заслужила той тяжкой судьбы, которая сейчас выпала на ее долю.

Моя собственная судьба — это дело второстепенное, но молодежь — надежда всего нашего народа, и если я в последнюю минуту высказываю просьбу, то эта просьба заключается в следующем. Вы, как судьи, помогите устранить искаженное представление о немецкой молодежи, представление, которое сегодня часто возникает в мире и которое не может выдержать исторической проверки. Скажите в своем приговоре всему миру, что использованный обвинителем пасквиль некоего Грегора Циммера не содержит ничего, кроме злостной клеветы человека, который свою ненависть против всего немецкого перенес и на молодежь.

Помогите и Вы, как судьи, тому, чтобы организации молодежи Ваших народов опять бы установили связь с немецкой молодежью и как раз именно там, где эта связь в 1939 году была прервана не по вине молодого поколения.

Сердца нашей молодежи переполнились благодарностью, когда она услышала слова лорда Бевириджа, который, как человек дальновзоркий, со страстью выступил за оправдание

немецкой молодежи. Радостно она пожмет протянутую ей через развалины и руины руку.

Внесите своим приговором вклад в дело создания для молодого поколения атмосферы взаимного уважения, свободной от ненависти и мести. Это — моя последняя просьба, искренняя просьба за нашу немецкую молодежь.

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Фрицу Заукелю.

Заукель: Господа судьи, бесчеловечные действия, выявленные на этом процессе, поразили меня в самое сердце. Я с глубоким смирением склоняю свою голову перед жертвами всех наций и перед теми несчастьями и страданиями, которые разразились над моим собственным народом.

Я происхожу из совершенно иной среды, чем лица, сидящие со мной вместе на скамье подсудимых. В душе и мыслях своих я остался моряком и рабочим.

После первой мировой войны мой жизненный путь определился моими собственными переживаниями, связанными с заботами и горестями моего народа, боровшегося за свое существование. Внутренние конфликты вынудили меня заняться политикой. Я не мог быть не кем иным, как социалистом. Я никогда не был противником религии или даже атеистом, как раз наоборот, я был глубоко верующим человеком. Я вел тяжелую борьбу с самим собой.

Таким образом, наконец, я познал социалистскую любовь и справедливость по отношению к тем, все богатство которых составляют их здоровые рабочие руки. Тем самым я соединил мою судьбу с судьбой всей нации. В этом я видел единственную возможность для соединения социалистского мировоззрения с истинной любовью к родине. Эти признания и эта вера определили мою жизнь и мою деятельность. Я не видел, чтобы это признание находилось в противоречии с законами гуманизма. В фюрерстве и принципе повинения ни в коей степени не видел неограниченной диктатуры или тирании.

Моя ошибка, очевидно, заключалась в том, что чувства и крайнее доверие затмили мой разум, что мое почитание Гитлера не имело пределов. Я знал его лишь как защитника жизненных прав германского народа, я видел его доброжелательное отношение к рабочим, женщинам и детям. Того Гитлера, который предстал перед нами на данном процессе, я никогда не знал.

Вторая моя ошибка, возможно, заключалась в моем одиночестве и в углублении в мир моих идей. Общественных связей с лицами, занимавшими высокие посты, у меня почти не было. Все небольшое свободное время я отдавал моей семье. Я был горд и сейчас горд тем, что моя жена — дочь рабочего, который был социал-демократом и остался таковым.

Я торжественно заявляю в этом моем последнем слове: все внешнеполитические события и начало военных действий были для меня совершенно неожиданными. Ни при каких обстоятельствах я не принимал участия ни в планировании, ни в осуществлении безумного намерения вызвать дух, развязавший агрессивную войну.

Я стал национал-социалистом потому, что осуждал классовую борьбу и гражданскую войну и глубоко верил в стремления Гитлера добиться мирным путем взаимопонимания и созидательного труда. В моей сфере деятельности я всегда прилагал все усилия к тому, чтобы предотвратить возможность всяких перегибов и произвола. Я сам был рабочим и был достаточно наивен для того, чтобы вопреки установкам Гимmlера и Геббельса написать манифест об использовании рабочей силы, который требовал корректного и гуманного обращения с иностранными рабочими во всех организациях, и добиться его утверждения.

Я никогда не мог бы вынести без протеста тяжести сознания того, что мне известно об ужасных тайнах и преступлениях, я не мог бы предстать, зная об этом, перед глазами моего народа или моих невинных детей.

Я не принимал участия в каком-либо заговоре против мира или человечности и никогда не терпел никаких убийств. Во время войны я должен был выполнять мой долг. Должность генерального уполномоченного по использованию рабочей силы я получил совершенно неожиданно в 1942 году. Я был связан уже существовавшими законами о труде, поручениями фюрера и распоряжениями совета министров. Я не знаю, почему именно я получил эту должность. В моем гау я завоевал доверие рабочих, крестьян и ремесленников и уже в 1933 году был избран подавляющим большинством голосов на основании свободных выборов главой правительства провинции.

Я считаю, что провидение одарило меня хорошими способностями в области организации и практической деятельности, а также способностью воодушевляться. Может быть, поэтому я получил эту должность. Она возложила на мои плечи тяжелое бремя. Воздух Берлина был мне совершенно чужд. И потому что я рабочий, я никогда не думал о том, чтобы превратить свободных людей в рабов. Я всегда требовал, чтобы с людьми обращались должным образом. И если я требовал такого обращения с людьми, это не значит, что я думал их эксплуатировать. Я требовал разумного обращения и использования этих людей и никогда не намеревался совершать преступления против международного права, правил ведения войны и законов человечности. Ни минуты я не сомневался в законности и

легальности моих задач, так как не считал, что германское правительство нарушит нормы международного права.

Если против меня были выдвинуты обвинения в том, что в оккупированных областях не применялись немецкие законы о труде, то я должен возразить, что даже высокопоставленные французы, бельгийцы, поляки, русские заявляли мне, что они поддерживают Германию, выделяя в ее распоряжение рабочую силу, потому что они хотят спасти Европу от коммунистической системы и потому что они хотят предотвратить безработицу и массовую нужду.

Но я не только с максимальной энергией взялся за выполнение моих задач. Я одновременно прилагал все силы для того, чтобы любыми средствами ликвидировать прорыв в организации и снабжении иностранных рабочих, который возник в результате зимней катастрофы 1941—1942 годов, и устранить все неполадки и неувязки. Я считал также, как это показывают мои документы, что при корректном обращении, которого я требовал, иностранных рабочих можно было привлечь на нашу сторону.

Может быть, в глазах Гимmlера и Геббельса я был безнадежным утопистом. Они были моими противниками. Однако я честно боролся за то, чтобы все иностранные рабочие имели одинаковые права и были бы поставлены в равные условия с немцами. Об этом свидетельствуют большое количество документов моего защитника и все показания свидетелей, которые даны были здесь перед лицом Высокого Суда.

Если мой труд не был завершен, никто не может об этом больше и сильнее сожалеть и ощущать это болезненнее, чем я сам. К сожалению, это лишь частично зависело от меня, как доказал это мой защитник. Предъявленные доказательства показали, что в оккупированных областях, находившихся в ведении военной администрации, и в рейхскомиссариатах происходили события, на которые учреждения, ведавшие использованием гражданской рабочей силы, не имели никакого влияния. Ко мне поступали жалобы с предприятий и из учреждений, подававших заявки на рабочую силу, о том, что постоянно не хватало рабочих и что я виновен в том, что военной экономике и продовольственному снабжению угрожал кризис. Эта ответственность и заботы настолько владели моей душой, что у меня оставалось слишком мало времени, чтобы думать о чем-либо другом. Я теперь сожалею об этом. За мои распоряжения всем подчиненным мне инстанциям несу ответственность я. Протоколы бюро центрального планирования я увидел впервые только на этом процессе. В противном случае я уточнил бы неправильные места или места, вводящие в заблуждение, например, место о вероятно плохих условиях 200 тысяч добровольно прибывших

в Германию рабочих. Это относится также к ряду моих высказываний, которые записывались третьими лицами, но не превращались в жизнь.

Потому что я рабочий, я испытывал чувство благодарности по отношению к иностранным рабочим, так как они хорошо работали в Германии и помогали нам. Это может служить доказательством того, что с ними в основном обращались корректно и по-человечески. Я сам их часто посещал, потому что сам был рабочим. В 1943 и 1944 годах я провел рождество среди иностранных рабочих Запада и Востока, чем показал свое истинное отношение к ним. Мои собственные дети работали на фабриках рядом с иностранными рабочими и в одинаковых с ними условиях. Мог ли я, или какой-либо другой германский рабочий, или германский народ рассматривать это как рабство? Это тяжелое положение было вызвано войной. Германский народ и германские рабочие никогда бы не потерпели у себя такого состояния, которое можно было бы приравнять к рабству.

Мой защитник правдиво изложил мое дело, основываясь на подлинных фактах. Я благодарен ему всей душой. Он был строг и корректен при подготовке материалов по делу. Моя совесть и мои желания заключались в том, чтобы все ужасное, что было вызвано этой войной, было устранено. Я сам готов принять любую судьбу, которую ниспошлет мне провидение, как было уже с моим сыном. Гаулейтеры, которые стали затем моими уполномоченными по использованию рабочей силы, имели задачу заботиться о корректном обращении и должном снабжении германских и иностранных рабочих.

Да защитит бог мой любимый народ и дело его тружеников, ради которых я жил! Да ниспошлет он подлинный мир человечеству!

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Альфреду Иодлю.

Иодль: Господин председатель, господа судьи! Моя непоколебимая вера заключается в том, что история более позднего времени выскажет объективное и справедливое суждение о высших военных руководителях и об их соратниках. Ибо они и вместе с ними вся германская армия стояли перед неразрешимой задачей, а именно: вести войну, к которой они не стремились, которой они не хотели, находясь под руководством верховного главнокомандующего, доверием которого они не пользовались и которому они сами не вполне доверяли, с применением методов, часто противоречащих их принципам и взглядам, унаследованным от прошлого и проверенным на практике.

Они должны были вести войну с использованием войск и полицейских частей, не полностью подчинившихся их приказам, и с такой разведкой, которая работала отчасти в пользу

противника. И все это при ясном сознании того, что война решала, будет существовать или погибнет любимое отечество. Они служили не аду и не преступнику, а своему народу и своему отечеству.

Что касается меня, то я думаю следующим образом: ни один человек не может совершить лучшего поступка, чем избрать из целей, представившихся в его положении, самую возвышенную. Это и только это давно было руководящим началом моих действий. И поэтому какой бы приговор ни вынесли Вы, господа судьи, я покину этот судебный зал с так же высоко поднятой головой, с какой вошел в него несколько месяцев назад. Тот, кто скажет, что я предал честь и принципы германской армии, или тот, кто будет утверждать, что я остался на своем посту, будучи движим личными эгоистическими побуждениями, про того я скажу, что он далек от истины.

Во время такой войны, как эта, когда градом бомб уничтожали женщин и детей и когда партизаны применяли любые средства, которые казались им целесообразными, жестокие меры, хотя они и должны были казаться сомнительными с точки зрения международного права, не представляют собой преступления против морали и совести.

Я верю и признаю, что долг по отношению к своему народу и своей родине стоит превыше всего. Я считал своей честью и своим высшим законом выполнять этот долг. Я горжусь этим. Пусть этот долг в будущем, более счастливые времена, уступит место еще более возвышенному долгу — долгу по отношению ко всему человечеству.

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Францу Папену.

Папен: Милорд, Высокий Суд! Когда я в 1919 году возвратился на родину, я увидел народ, разобщенный политическими распрями различных партий и пытавшийся после катастрофы найти новые формы жизни. В эти дни несчастья, постигшего мою родину, мне как немцу, сознающему свою ответственность, казалось, что я не вправе стоять в стороне без дела. Мне было ясно, что возрождение родины могло произойти только в мирной обстановке с помощью духовной борьбы, которая затрагивала бы не только политические формы, но и значительно в большей степени решение насущных социальных проблем, являющихся предпосылкой для любого умиротворения внутри страны.

Противостоя атакам рационалистической идеологии, нужно было сохранить (и это было моим самым сильным убеждением) христианскую веру как исходный момент для новой созидательной работы. От того, каков будет исход этой внутренней борьбы, должно было зависеть сохранение мира в Европе.

Все лучшие годы моей жизни были посвящены этому вопросу, в общине, в парламенте, в прусском государстве и в империи. Тот, кто знаком с фактами, знает, что в 1932 году я не добивался высокого поста. Настойчивый призыв Гинденбурга от имени отечества явился для меня приказом.

Если я решился в тяжелой обстановке 1933 года к сотрудничеству с бесчисленным количеством людей, занимая при этом значительный пост, то только потому, что считал, что в этом заключается мой долг, и потому, что думал о возможности направить развитие национал-социализма по мирному пути, на котором созревала бы вся ответственность. Я надеялся, что сохранение христианских принципов явится лучшим противовесом идеологическому и политическому радикализму и обеспечит мирное развитие в области как внешней, так и внутренней политики. Эта цель не была достигнута. Силы зла оказались могущественнее, чем добрые силы, и неотвратимо увлекли Германию к катастрофе.

Должны ли быть прокляты те, которые высоко держали знамя веры в ее борьбе с безверием? Дает ли это судьбе Джексону основание для заявления, что я был лишь ханжествующим агентом атеистического правительства? А что дает право сэру Хартли Шоукроссу говорить с издевательством, насмешкой и презрением: «Он предпочел господствовать в аду, нежели служить на небе».

Господа обвинители, не Вам выносить такие суждения! Не Вам судить меня! Другие меня будут судить за это. Разве сегодня вопрос о защите преходящих ценностей не стоит еще более остро, в самом центре усилий по переустройству мира?

Я считаю, что могу с чистой совестью держать ответ. Любовь к родине и народу была единственным решающим мотивом всех моих действий. Когда я должен был говорить, я говорил без страха перед людьми. Я служил не нацистскому режиму, а родине. Когда не сбылись надежды в области внутренней политики, я пытался на дипломатическом посту предотвратить войну, спасти мир.

Обращаясь к моей совести, я не нахожу никакой вины там, где ее ищет и находит обвинение. В историческом плане она, эта вина, может быть, заключается в трагическом 2 декабря 1932 г., когда, несмотря на банкротство конституции и угрозы Шлейхера начать гражданскую войну, я не сделал попытки всеми средствами побудить рейхспрезидента не изменять принятые им накануне решения.

Разве обвинение действительно хочет проклясть всех людей, которые согласились сотрудничать, будучи руководимы самыми хорошими чувствами? Разве обвинение хочет утверждать, что в 1932 году германский народ избрал Гитлера потому, что он

хотел войны? Разве оно действительно хочет утверждать, что германский народ в большинстве своем принес эти огромные духовные и материальные жертвы и даже пожертвовал своей молодежью на поле битвы в этой войне для утопических и преступных целей Гитлера?

Перед Высоким Судом стоит очень трудная задача: сразу же после катастрофы выявить причины и следствия исторического развития и их действительную связь между собой. Если Высокий Суд установит историческую истину, будет выполнена и историческая миссия этого процесса. Тогда германский народ, несмотря на то, что его империя разрушена, поймет свои ошибки, но он также найдет в себе силу для выполнения своих задач в будущем.

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Артуру Зейсс-Инкварту.

Зейсс-Инкварт: Господин председатель, в заключительном слове я хочу внести последний вклад в дело установления ясности в вопросы, явившиеся здесь предметом разбирательства, изложить личные мотивы и соображения, которыми я руководствовался в моих действиях.

Я мало что могу сказать по вопросу об Австрии. Я рассматриваю аншлюсс изолированно от более поздних событий как исключительно внутригерманское явление. Для каждого австрийца аншлюсс являлся самоцелью и никогда ни в чем не представлял собою шага по подготовке агрессивной войны. Идея аншлюсса была слишком важной и слишком благородной целью германского народа.

«Я докладываю германскому народу о том, что закончена величайшая миссия моей жизни». Я повторил эти слова фюрера, произнесенные 15 марта 1938 г. в Гофбурге в Вене. Они были правдивы.

11 марта 1938 г. в 8 часов вечера, после того как был полностью устранен всякий другой политический и государственный авторитет, я избрал путь, предложенный Берлином. Причина этого заключалась в следующем: оказание неоправданного сопротивления тому, чтобы проводились упорядоченные выборы, практически и психологически проложило бы дорогу для совершения радикальных действий. Я спрашивал себя: имею ли я право выступать против этих методов после того, как стало очевидно, что путь оказался непроходимым. Поскольку акт присоединения казался оправданным, я чувствовал себя обязанным внести ту долю, которую я мог вложить, учитывая обстановку.

Я уверен, что именно от этого участия зависит то, что основной переворот, в частности в ночь на 12 марта, произошел при сохранении спокойствия и без какого бы то ни было кровопро-

лития, хотя у австрийских национал-социалистов накопилась сильная злоба. При всех обстоятельствах я был за объединение немцев независимо от того, какова будет форма правления в Германии.

Мне кажется, что обвинение ссылается на документы, относящиеся к периоду после аншлюсса, для того, чтобы усмотреть в них мое стремление к аннексиям и к агрессии. Здесь идет речь о документах ПС-3640 и ПС-3645, которые предъявило французское обвинение в своей заключительной речи, и о документах ПС-3391 и ПС-2278, следовательно, о высказываниях относительно Дунайского бассейна и Чехословакии после 1 октября 1938 г. и о бассейне реки Вислы после 1 сентября 1939 г., после начала войны. Я и сейчас признаю эти высказывания, и время подтвердило их правильность. Пока Дунайский бассейн входил в состав Австрийской монархии, он процветал на благо всем, и германские элементы развивали не империалистическую, а культурную, экономически прогрессивную примирительную деятельность.

С тех пор, как это пространство оказалось расколотым в результате полной победы национального принципа, в нем не стало спокойствия. Помня это, я думал о создании общего жизненного пространства, которое, как я открыто говорил, обязательно должно было дать всем, то есть немцам, чехам, словакам, венграм и румынам, такой социальный порядок, чтобы каждому в отдельности жизнь была бы дорога. Так я думал и о Чехословакии, вспоминая при этом уравнение языков в Моравии, которому я сам был свидетелем.

И если я после 1939 года говорил о бассейне реки Вислы как о пространстве, которое должно решить судьбу Германии, то делал это, стараясь предотвратить опасность на будущее, опасность, которая с момента начала войны стала реальностью и которая сегодня для каждого немца превратилась в ужасную действительность. Для доказательства того, что существовало намерение вести агрессивную войну, это высказывание не может иметь доказательной силы...

Итак, началась эта война, которая, как я сразу понял и все время говорил, для германского народа была борьбой не за жизнь, а за смерть. На требование безоговорочной капитуляции я мог только ответить безоговорочным «нет» и безоговорочной отдачей всех моих сил. Я верю в то, что говорил Ратенау: «Смелые народы могут быть сломлены, но не могут быть поставлены на колени».

Что касается Нидерландов, то я хочу констатировать следующее: в Нидерландах имущественное состояние и личная свобода ни в одном случае не были ограничены из-за того, что человек во время оккупации был враждебно настроен по

отношению к империи или нацистам. Никого не заставляли придерживаться определенных политических убеждений.

Я уже говорил о том, что в отношении эвакуации евреев у меня были серьезные, человеческие опасения и опасения правового характера. Сегодня я должен сказать себе, что, кажется, в самом деле мы имели право осуществлять эвакуацию в больших масштабах и на длительный срок...

Начиная с середины 1944 года на основании приказа непосредственно фюрера полиция расстреливала лиц, уличенных как диверсантов и террористов. Только о таких расстрелах я слышал в этот период, но ничего не слышал о расстрелах заложников в точном смысле этого слова.

Нидерландские патриоты, пожертвовавшие своей жизнью во время оккупации, по праву считаются сегодня погибшими героями. Разве это геройство умалется, если эти поступки рассматриваются как поступки, принесенные в жертву преступлению, когда высказывается та точка зрения, что их борьба не была бы для них столь опасной, если бы оккупационные власти вели себя корректно? Все они добровольно и активно участвовали в движении Сопротивления. Они разделили судьбу фронтовиков, пуля попадает в того, кто находится под огнем.

Разве я мог быть другом нидерландцев, если они выступали против моего народа? Я мог только сожалеть, что пришел в эту страну не как друг, но я не был там палачом, ни (насколько мне позволяли обстоятельства) грабителем, как это утверждало советское обвинение. Мою совесть успокаивает то обстоятельство, что в тот период моей деятельности, за который я несу ответственность, то есть в период до середины 1944 года, положение нидерландского народа в биологическом отношении было лучшим, нежели во время первой мировой войны, хотя тогда не было ни оккупации, ни блокады. Об этом свидетельствуют цифры браков, рождений, данные о смертности и болезнях. Несомненно, это в известной степени является следствием ряда принятых мною мер, таких, как повсеместное страхование больных, материальная помощь при заключении браков и рождении детей, установление социальной градации при взимании подоходного налога и т. д. Наконец, я не выполнил данного мне приказа подвергнуть страну разорению и по собственной инициативе провел приготовления к окончанию оккупации, предпринятой с целью обороны, когда сопротивление в Нидерландах потеряло всякий смысл.

Я еще хочу высказаться по двум вопросам; они касаются тех двух областей, в которых мне больше всего пришлось действовать.

Во-первых, относительно Австрии. Если австрийские немцы хотят сделать свою область самостоятельной или присоединиться

к имперским немцам — не надо насильно ставить преград и позволять посторонним личностям вмешиваться в это решение...

Во-вторых, относительно действий законов международного права во время войны. Германия в своих собственных интересах не должна желать войны, она должна следить за тем, чтобы никто не вложил в ее руки оружие. Другие народы также не хотят войны, но тем не менее, несмотря на все отвращение, питаемое народами к войне, возможность ее не исключена. Поэтому неправильно было бы стараться приукрасить будущую войну и тем самым ослабить силу сопротивления народов, создавая у них представление, что грядущая мировая война будет еще каким-то образом удерживаться в рамках Гаагской Конвенции о правилах ведения сухопутной войны или каких-либо иных международноправовых соглашений.

Теперь мне остается сделать еще только одно заявление — о моем отношении к Адольфу Гитлеру. Он видел меру всех вещей только в самом себе. Показал ли он себя неспособным к осуществлению задачи, решающей весь исход войны, оказался ли он человеком, который доходил в своих действиях до непостижимых крайностей в сопротивлении исходу неумолимой судьбы, для меня он остался человеком, сделавшим великую Германию действительной реальностью в германской истории. Ему, этому человеку, я служил.

Что же случилось потом? Я не могу кричать сегодня: «Распните его!» после того, как еще вчера я провозглашал ему осанну.

В заключение я благодарю моего защитника за ту предусмотрительность и старание, которые он проявил, защищая меня...

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Альберту Шпееру.

Шпеер: Господин председатель, господа судьи! Гитлер и крах его системы причинили германскому народу невероятные страдания. Бесплезное продолжение войны и ненужные разрушения затруднили восстановление. Лишение и нужду терпит немецкий народ. После этого процесса немецкий народ будет презирать Гитлера и проклинать его как зачинщика всех несчастий... Диктатура Гитлера отличалась в одном принципиальном положении от всех его исторических предшественников. Это была первая диктатура индустриального государства в эпоху современной техники, она целиком и полностью господствовала над своим собственным народом и техникой. Многие из выявленных здесь феноменов установления диктатуры были бы невозможны без помощи техники. С помощью таких технических средств, как радио и громкоговорители, у 80 миллионов людей было отнято самостоятельное мышление, они были подчинены

воле одного человека. Телеграф, телефон и радио давали, например, возможность высшим инстанциям передавать свои приказы непосредственно низшим организациям, где они ввиду их высокого авторитета беспрекословно выполнялись. Это приводило к тому, что многочисленные инстанции и штабы были соединены непосредственно с верховным руководством, от которого они получали ужасные приказы; следствием этого был надзор за каждым гражданином государства и строгое засекречивание преступных действий. Для постороннего этот государственный аппарат покажется неразберихой среди всех проводов телефонной станции, но так же, как и станция, этот аппарат управлялся единой волей.

Прежние диктатуры нуждались в квалифицированных сотрудниках для низших организаций, в лицах, которые могли думать и действовать самостоятельно. Авторитарная система в период господства техники может отказаться от них, одни только средства связи позволяют механизировать деятельность низших звеньев управления государством. Как следствием этого возникает новый тип бессловесного исполнителя приказов.

Мы наблюдали только начало этого развития, кошмарное видение многих людей того, что однажды техника будет господствовать над людьми — в диктаторской системе Гитлера. Это видение стало почти действительностью...

Гитлер использовал технику не только в целях господства над германским народом. Ему чуть не удалось благодаря своему техническому преимуществу подчинить себе Европу. Только некоторые серьезные ошибки в вопросах взаимодействия между отдельными руководящими органами, которые ввиду отсутствия критики являются типичными при диктатуре, были причиной того, что Гитлер не имел в 1942 году вдвое больше танков, самолетов и подводных лодок.

Но если современное государство использует свою интеллигенцию, свою науку, развитие техники и свою продукцию в течение ряда лет для того, чтобы сделать шаг вперед в области вооружения, то оно может использовать людей для того, чтобы полностью победить мир, если другие нации в это время будут заняты тем, чтобы использовать успехи в развитии техники для культурного прогресса человечества.

Чем сильнее развита в мире техника, тем большую она таит опасность, тем больший вес имеют технические средства ведения войны.

Эта война окончилась самолетами-снарядами, самолетами, летающими со скоростью распространения звука, новыми видами подводных лодок и торпедами, которые сами находят свою цель, атомными бомбами и перспективами на ужасную химическую войну. Следующая война неизбежно явится войной, кото-

рая будет вестись под знаком новых разрушающих открытий человеческого разума.

Военная техника через пять-десять лет даст возможность проводить обстрел одного континента с другого при помощи ракеты с абсолютной точностью попадания. Такая ракета, которая будет действовать силой расщепления атома и обслуживаться, может быть, всего десятью лицами, может уничтожить в Нью-Йорке в течение нескольких секунд миллион людей, достигая цели невидимо, без возможности предварительно знать об этом, быстрее, чем звук, ночью и днем. Появилась возможность распространять в различных странах заразные болезни среди людей и животных и при помощи бактерий уничтожать урожай. Химия нашла страшные средства, чтобы причинить беспомощному человеку невыразимые страдания.

Неужели найдется такое государство, которое использует технические достижения этой войны для подготовки новой войны, в то время как весь остальной мир будет использовать технические преимущества этой войны на пользу человечества и, таким образом, попытается избавиться его от этого ужаса?

Как бывший министр высоко развитой промышленности вооружения, я считаю своим последним долгом заявить:

Новая мировая война закончится уничтожением человеческой культуры и цивилизации. Ничто не может задержать развития техники и науки и помешать им завершить свое дело уничтожения людей, которое начато в таких страшных формах во время этой войны. Поэтому этот процесс должен способствовать тому, чтобы в будущем предотвратить опустошительные войны и заложить основы для мирного сожительства народов. Что значит моя собственная судьба после того, что случилось, и перед лицом такой высокой цели!

Германский народ в предыдущие столетия внес большой вклад в развитие человеческой культуры. Этот вклад он вносил часто даже в такие времена, когда был таким же беспомощным и слабым, как и сейчас. Выдающиеся люди не поддаются отчаянию. Они создают новые творения, которые в условиях невероятного гнета, тяготеющего над всеми, будут еще величественнее.

Если немецкий народ в это неизбежное время своей бедности и бессилия, но одновременно и своего развития создает новые произведения культуры, то этим самым он вносит в мировую историю ценнейший вклад, какой в состоянии только внести в своем положении. Историю человечества определяют не только битвы войн, но и высшие достижения культуры, которые когда-нибудь станут достоянием всего человечества. А народ, который верит в свое будущее, не погибнет. Да защитит бог Германию и западную культуру.

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Константину Нейрату.

Нейрат: Проникнутый убеждением, что и перед этим Высоким Судом правда и справедливость пробьют себе дорогу сквозь всю ненависть, клевету и искажение истины, я считаю, что мне остается добавить к словам моего защитника только одно: вся моя жизнь была посвящена служению правде и чести, сохранению мира и согласия между народами, человечности и справедливости, и моя совесть чиста как перед самим собой, так и перед историей и германским народом.

Если же, несмотря на это, Ваш приговор объявит меня виновным, я сумею его перенести и принять на себя его тяжесть, как последнюю жертву, которую я приношу моему народу, служение которому составляло весь смысл и содержание всей моей жизни.

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Гансу Фриче.

Фриче: Высокий Суд! Главные обвинители повторили в своих заключительных речах некоторые направленные против меня обвинения, хотя они, по моему мнению, явно опровергнуты в результате представления доказательств.

В основном речь идет о следующих пунктах. Я сейчас не намереваюсь оглашать их, но если это не будет противоречить правилам Трибунала и если это будет угодно Трибуналу, то я попрошу Высокий Суд принять к сведению эти пункты, которые составлены мной и перевод которых уже готов. Я хотел бы сказать следующее. Если бы я в моем радиовещании занимался пропагандой, которую мне ставят в вину, если бы я пропагандировал учение о расе господ, ненависть по отношению к отдельным народам, призывал бы к агрессивной войне, насилию, убийству и бесчеловечности, если бы я делал все это, то германский народ отвернулся бы от меня и отверг бы систему, в пользу которой я выступал. Даже если бы я делал это в завуалированной форме, германский народ отвернулся бы от меня, он отклонил бы систему, за которую я выступал. Но несчастье заключается именно в том, что я не придерживался всех тех тезисов, в соответствии с которыми тайно действовал Гитлер со своим маленьким кругом приспешников, кругом, который согласно показаниям свидетелей Гесса, Рейнке и Моргена постепенно вырисовывался из тумана, закутывавшего его.

Я верил заверениям Гитлера о его честном стремлении к миру. Я верил во все официальные германские опровержения иностранных сообщений о немецких зверствах. Моей верой я укреплял веру немецкого народа в честность германского государственного руководства. Вот в чем заключается моя вина. Ни больше, ни меньше.

Обвинители выразили свое возмущение по поводу тех зверств, которые совершались. Но ведь они никогда не ожидали ничего хорошего от Гитлера и все-таки они поражены объемом всего того, что действительно происходило. Попробуйте представить себе возмущение тех, кто ожидал от Гитлера лишь хорошего и кто увидел, что их верой, их доброй волей и их идеализмом злоупотребляли. Я нахожусь на положении человека, пережившего разочарование вместе со многими и многими другими немцами, о которых обвинители говорят, что они могли понять то, что происходило, видя дымящиеся трубы в концентрационных лагерях и просто то, как выглядели заключенные.

Я воспринимаю как огромное несчастье то обстоятельство, что обвинение изображает вещи таким образом, словно вся Германия была необъятной преисподней, в которой совершались преступления. Несчастье в том, что обвинение обобщает преступления, которые уже сами по себе ужасны. В противовес этому я должен констатировать: кто верил в Гитлера в годы мирного строительства, тот должен был продолжать верить, проявлять мужество и готовность приносить жертвы до тех пор, пока не смог увидеть в нем дьявола и раскрыть старательно скрывавшиеся тайны. Только таким образом можно объяснить ту борьбу, которую вела Германия в течение 68 месяцев. Такая готовность приносить жертвы зиждется не на преступной основе, а на идеализме и доброй вере в умную и якобы справедливую организацию.

Я сожалею о том, что обвинение обобщило преступления, потому что это еще больше увеличит ту ненависть, которой объят сейчас весь мир. Но уже давно наступило время остановить круговорот нового посева ненависти, которая до сих пор господствует в мире. Наконец, убийство 5 миллионов — грозное предостережение, а человечество сегодня владеет техническими средствами для самоуничтожения. Поэтому я считаю, что обвинения не должно прибавлять к доньше существовавшей новую ненависть. Я имею право говорить об этом перед лицом своей совести... Даже среди самых ожесточенных боев я всегда поднимал голос за человеколюбие. Это доказывает большое количество моих обращений, которыми всегда можно опровергнуть высказывания моих противников.

Вполне возможно, даже может быть понятно, что буря мирового возмущения, вызванная свершившимися злодеяниями, развееет границы индивидуальной ответственности. Если это случится, если коллективная ответственность должна коснуться и людей, доверчивостью которых злоупотребили, тогда господа судьи, привлекайте и меня к ответственности. Я не спрячусь, как уже подчеркивал мой защитник, за миллионы людей, доверчивостью которых злоупотребляли. Я встану впереди тех, для

которых благородство моих мыслей было дополнительной гарантией чистоты целей системы.

Эта моя ответственность относится, однако, только к доверчивым, а не к зачинателям, соучастникам или знавшим о злодеяниях, — начиная от убийств и кончая выбором живых людей для анатомических коллекций.

Между этими преступлениями и мной существует только одна единственная связь. Они использовали меня только иным образом, чем тех, которые пали их жертвами. Может быть, очень тяжело говорить о наличии таких преступлений и о наличии идеализма германского народа. Но ничего невозможного нет. Если это утверждение все-таки будет подтверждено, тогда и германскому народу, и всему миру будет значительно легче.

Председатель: Трибунал внимательно рассмотрит заявления, сделанные подсудимыми, а теперь объявит перерыв и удалится на совещание для вынесения приговора. Прежде чем удалиться на совещание Трибунал хотел бы отметить ту добросовестность, с которой представители обвинения и защиты выполнили свои обязанности.

У Трибунала есть сведения о том, что защитники все время получали письма от немцев, содержащие несправедливую критику поведения защитников на этом процессе. Трибунал считает необходимым оградить защитников от этой критики в той степени, в какой это будет необходимо, пока будет продолжаться процесс. Совершенно несомненно, что Контрольный Совет после окончания процесса также будет ограждать их от таких нападок. По мнению Трибунала, защитники выполняли очень важный общественный долг, в соответствии с высокими традициями своей профессии, и Трибунал благодарит их за оказанную ими помощь.

Теперь Трибунал объявляет перерыв до 23 сентября и удалится на совещание для вынесения приговора. В этот день приговор будет оглашен. В том случае, если будет необходимо отложить дату оглашения приговора, будет сделано соответствующее объявление.

ПРИГОВОР

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ,

заседавший в Нюрнберге (Германия) в составе:

достопочтенного лорда судьи Джеффри Лоренса (члена Трибунала от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии) — председателя,

достопочтенного судьи Нормана Биркетта (заместителя члена Трибунала от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии),

генерал-майора юстиции И. Т. Никитченко (члена Трибунала от Союза Советских Социалистических Республик),

подполковника А. Ф. Волчкова (заместителя члена Трибунала от Союза Советских Социалистических Республик),

достопочтенного Фрэнсиса Биддла (члена Трибунала от Соединенных Штатов Америки),

достопочтенного Джона Дж. Паркера (заместителя члена Трибунала от Соединенных Штатов Америки),

господина профессора Анри Доннедье де Вабра (члена Трибунала от Французской Республики),

господина советника Робера Фалько (заместителя члена Трибунала от Французской Республики),

с привлечением уполномоченных, назначенных Трибуналом для допроса свидетелей по делу организаций: подполковника А. М. Нива — главного уполномоченного; господина И. В. Разумова; капитана Джозефа Ф. Губриди; господина Джорджа Р. Тэйлора; господина И. Д. Мак-Иллрейта; господина Армана Мартен-Авара и Секретариата Трибунала в составе: Генерального Секретаря: а) бригадного генерала Вильяма И. Митчелла с 6 ноября 1945 г. до 24 июня 1946 г., б) полковника Джона Е. Рея с 24 июня 1946 г.; секретаря от Союза Советских Социалистических Республик майора А. И. Полторака; секретаря от Соединенных Штатов Америки: а) Гарольда Б. Вилли с 6 ноября 1945 г. до 11 июля 1946 г., б) Вальтера Гилкисона с 16 июля 1946 г.; секретаря от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии И. Д. Мак-Иллрейта; секретаря от Французской Республики А. Мартен-Авара;

рассматривал дело по обвинению: Германа Вильгельма Геринга, Рудольфа Гесса, Иоахима фон Риббентропа, Роберта Лея, Вильгельма Кейтеля, Эрнста Кальтенбруннера, Альфреда Розенберга, Ганса Франка, Вильгельма Фрика, Юлиуса Штрейхера, Вальтера Функа, Гельмара Шахта, Густава Круппа фон Болен унд Гальбах, Карла Деница, Эриха Редера, Бальдура фон Шираха, Фрица Заукеля, Альфреда Иодля, Мартина Бормана, Франца фон Папена, Артура Зейсс-Инкварта, Альберта Шпеера, Константина фон Нейрата и Ганса Фриче индивидуально и как членов любой из следующих групп или организаций, к которым они соответственно принадлежали, а именно: имперский кабинет, руководящий состав национал-социалистской партии, охранные отряды германской национал-социалистской партии (известные под названием СС), включая службу безопасности (известную под названием СД), государственная тайная полиция (известная под названием гестапо), штурмовые отряды германской национал-социалистской партии (известные под названием СА), генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил, — всех, как они названы в приложении «В» к Обвинительному заключению;

С участием Главных обвинителей:

от Соединенных Штатов Америки — господина судьи Роберта Х. Джексона;

от Союза Советских Социалистических Республик — государственного советника юстиции 2-го класса — Р. А. Руденко;

от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии — сэра Хартли Шоукросса, адвоката Королевской скамьи, члена парламента;

от Французской Республики — господина Шампетье де Рибя

и защитников:

подсудимого Геринга	д-ра Отто Штамера
» Гесса	д-ра Альфреда Зейдля
» Риббентропа	д-ра Мартина Хорна
» Кейтеля	д-ра Отто Нельте
» Кальтенбруннера	д-ра Курта Кауффмана
» Розенберга	д-ра Альфреда Тома
» Франка	д-ра Альфреда Зейдля
» Фрика	д-ра Отто Панненбекера
» Штрейхера	д-ра Ганса Маркса
» Функа	д-ра Фрица Заутера
» Шахта	д-ра Рудольфа Дикса
» Деница	капитана Отто Кранцбюллера
» Редера	д-ра Вальтера Зимерса
» фон Шираха	д-ра Фрица Заутера

подсудимого Заукеля	д-ра Роберта Серватиуса
» Иодля	проф. Франца Экснера
» фон Папена	д-ра Эгона Кубушка
» Зейсс-Инкварта	д-ра Густава Штейнбауэра
» Шпеера	д-ра Ганса Флехснера
» фон Нейрата	д-ра Отто фон Людингхаузена
» Фриче	д-ра Гейнца Фрица
» Бормана	д-ра Фридриха Бергольда

имперского кабинета (рейхсрегирунг) — д-ра Эгона Кубушка,

руководящего состава национал-социалистской партии — д-ра Роберта Серватиуса,

охранных отрядов национал-социалистской партии (известных под названием СС) — д-ра Бабеля и д-ра Пелькмана,

службы безопасности (известной под названием СД) — д-ра Ганса Гавлика,

государственной тайной полиции (известной под названием гестапо) — д-ра Рудольфа Меркеля,

штурмовых отрядов национал-социалистской партии (известных под названием СА) — д-ра Георга Бёма,

генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил — д-ра Ганса Латернера.

ПРИГОВОР¹

8 августа 1945 г. Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Правительство Союза Советских Социалистических Республик, Правительство Соединенных Штатов Америки и Временное Правительство Французской Республики вступили в соглашение, в соответствии с которым учрежден Трибунал для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом.

В соответствии со статьей 5 Правительства следующих государств, входящих в Объединенные Нации, заявили о своем присоединении к соглашению: Греции, Дании, Югославии, Голландии, Чехословакии, Польши, Бельгии, Эфиопии, Австралии, Гондураса, Норвегии, Панамы, Люксембурга, Гаити, Новой Зеландии, Индии, Венесуэлы, Уругвая и Парагвая.

¹ Приговор поочередно оглашали члены Трибунала и их заместители. Последнюю, резолютивную часть приговора, содержащую лишь меры наказания подсудимым, признанным виновными, огласил председательствующий лорд судья Д. Лоренс, причем каждому подсудимому в отдельности и в присутствии остальных. — Составители.

Устав, приложенный к соглашению, определил организацию, юрисдикцию и функции Трибунала.

Трибунал был облечен властью судить и наказывать лиц, которые совершили преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, как они определены в Уставе.

Устав также предусматривает, что при рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией.

18 октября 1945 г. в Берлине, в соответствии со статьей 14 Устава, Трибуналу было представлено Обвинительное заключение в отношении вышеперечисленных подсудимых, которые были названы Комитетом Главных Обвинителей подписавших соглашение держав главными военными преступниками. Экземпляр Обвинительного заключения на немецком языке был вручен каждому подсудимому, находившемуся в заключении, по крайней мере, за 30 дней до начала процесса.

Согласно Обвинительному заключению подсудимым вменяется в вину совершение преступлений против мира путем планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивных войн, которые являются также войнами в нарушение международных договоров, соглашений и гарантий; военные преступления и преступления против человечности. Кроме того, подсудимым вменяется в вину участие в создании и осуществлении общего плана или заговора для совершения всех этих преступлений.

Обвинение далее просило Трибунал объявить все вышеназванные группы или организации преступными в том смысле, как это определено Уставом.

Обвиняемый Роберт Лей 25 октября 1945 г. покончил с собой в тюрьме. 15 ноября 1945 г. Трибунал вынес постановление о том, что обвиняемый Густав Крупп фон Болен унд Гальбах не может предстать перед Судом в связи со своим физическим и умственным состоянием, но что обвинения, предъявленные ему по Обвинительному заключению, остаются в силе и обвиняемый должен будет впоследствии предстать перед судом, если его физическое и умственное состояние позволит это.

17 ноября 1945 г. Трибунал постановил слушать дело подсудимого Мартина Бормана в его отсутствие, в соответствии со статьей 12 Устава. После обсуждения аргументов и рассмотрения подробных медицинских заключений и заявления самого подсудимого 1 декабря 1945 г. Трибунал решил, что умственное состояние подсудимого Гесса не является основанием для

откладывания рассмотрения его дела. Подобное же решение было вынесено в отношении подсудимого Штрейхера.

В соответствии со статьями 16 и 23 Устава подсудимые, находящиеся в заключении, либо сами выбрали себе защитников, либо, по их желанию, защитники были назначены Трибуналом.

В связи с отсутствием подсудимого Бормана Трибунал назначил ему защитника, а также назначил защитников для названных выше групп или организаций.

Процесс начался 20 ноября 1945 г. и велся на четырех языках — английском, русском, французском и немецком. Все подсудимые, кроме Бормана, не признали себя виновными.

Предъявление доказательств и речи сторон закончились 31 августа 1946 г. Состоялось 403 открытых судебных заседания Трибунала. 33 свидетеля обвинения дали устные показания против отдельных подсудимых; кроме 19 подсудимых, был допрошен 61 свидетель защиты. Еще 143 свидетеля защиты дали показания путем представления письменных ответов на опросные листы. Трибунал назначил уполномоченных для подбора доказательств, относящихся к организациям. 101 свидетель защиты дал показания перед уполномоченными, и было представлено 1809 письменных показаний других свидетелей. Было также представлено 6 отчетов, резюмирующих содержание большого числа других письменных показаний. 38 тысяч письменных показаний, подписанных 155 тысячами человек, было представлено по делу политических руководителей; 136 213 — по делу СС; 10 тысяч — по делу СА; 7 тысяч — по делу СД; 3 тысячи — по делу генерального штаба и ОКВ и 2 тысячи — по делу гестапо.

Трибунал сам заслушал 22 свидетеля по делу организаций. Документы, представленные в качестве доказательств по обвинению отдельных подсудимых и организаций, исчисляются несколькими тысячами. Во время процесса производилась полная стенографическая запись всего, что говорилось на Суде, а также электрозвукозапись всех заседаний Трибунала.

Копии всех документов, представленных в качестве доказательств обвинения, передавались защите на немецком языке. Ходатайства подсудимых о вызове свидетелей и истребовании документов в некоторых случаях вызвали серьезные затруднения в связи с неустойчивостью в стране. Было также необходимо ограничить число свидетелей, вызываемых в Трибунал, для того, чтобы обеспечить скорый суд в соответствии со статьей 18 Устава. Трибунал после их рассмотрения удовлетворил все ходатайства, которые, по его мнению, имели отношение к защите любого из подсудимых или любой из названных групп или организаций и не являлись кумулятивными. Через Генеральный секретариат, учрежденный Трибуналом, была предо-

ставлена возможность доставки свидетелей и документов, ходатайства о вызове и истребовании которых были удовлетворены.

Большая часть доказательств, представленных Трибуналу обвинением, являлась документальными доказательствами, захваченными союзными армиями в германских армейских штабах, в правительственных зданиях и других местах. Некоторые из документов были обнаружены в соляных копиях, зарытыми в землю, спрятанными за ложными стенами и в других местах, которые считались недоступными с точки зрения обнаружения этих документов.

Таким образом, обвинение против подсудимых базируется в большей степени на документах, составленных ими самими, аутентичность которых не оспаривалась, за исключением одного или двух случаев.

ПОЛОЖЕНИЯ УСТАВА

Отдельные подсудимые обвиняются по статье 6 Устава, которая гласит:

«Трибунал, учрежденный Соглашением, упомянутым в статье 1 настоящего Устава для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации, совершили любое из следующих преступлений.

Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

(а) *преступления против мира*, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

(б) *военные преступления*, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

(с) *преступления против человечности*, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или

религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана».

Эти положения представляют собой правовую основу для Трибунала при рассмотрении данного судебного дела. Позднее Трибунал обсудит эти положения более детально, но перед этим необходимо остановиться на фактах.

С целью дать представление об обстановке, предшествовавшей агрессивной войне, и условиях совершения военных преступлений, инкриминируемых Обвинительным заключением, Трибунал начнет с обзора некоторых событий, последовавших за первой мировой войной, и, в частности, проследит за ходом развития нацистской партии под руководством Гитлера вплоть до момента, когда она стала той верховной властью, которая управляла судьбой всего немецкого народа и готовила почву для всех тех преступлений, в совершении которых обвиняются подсудимые.

НАЦИСТСКИЙ РЕЖИМ В ГЕРМАНИИ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЦЕЛИ НАЦИСТСКОЙ ПАРТИИ

5 января 1919 г., не более чем через два месяца после заключения перемирия, которым закончилась первая мировая война, и за шесть месяцев до подписания мирных договоров в Версале, в Германии появилась небольшая политическая партия под наименованием Германская рабочая партия. 12 сентября 1919 г. Адольф Гитлер стал членом этой партии и на первом открытом собрании, состоявшемся в Мюнхене 24 февраля 1920 г., объявил программу партии. Эта программа, оставшаяся неизменной до момента, когда партия была распущена в 1945 году, содержала 25 пунктов, из которых следующие 5 представляют особый интерес, поскольку они освещают те вопросы, рассмотрением которых занимается Трибунал:

«Пункт 1. Мы требуем объединения всех немцев в великую Германию на основе права народов на самоопределение.

Пункт 2. Мы требуем для германского народа равных прав с другими нациями; аннулирования Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров.

Пункт 3. Мы требуем земли и территории для существования нашего народа и для колонизации их нашим избыточным населением.

Пункт 4. Только тот, кто принадлежит к германской расе, может быть гражданином; только тот принадлежит к германской расе, в чьих жилах течет германская кровь, независимо от вероисповедания. Следовательно, ни один еврей не может принадлежать к германской расе...

Пункт 22. Мы требуем уничтожения наемных войск и создания национальной армии».

Одной из этих целей, которая, очевидно, рассматривалась как самая важная и о которой говорилось почти во всех публичных выступлениях, было уничтожение «позора» перемирия и ограничений Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров. Типичной является речь Гитлера, произнесенная в Мюнхене 13 апреля 1923 г., в которой он, например, заявил относительно Версальского договора:

«Договор был создан для того, чтобы привести к гибели 20 миллионов немцев и погубить германскую нацию... При своем возникновении наше движение выдвинуло три требования: 1) аннулирование мирного договора, 2) объединение всех немцев, 3) земля и территория для нашего народа».

Требование о воссоединении всех немцев в пределах великой Германии сыграло важную роль в событиях, предшествовавших захвату Австрии и Чехословакии; отказ от Версальского договора стал ведущим мотивом в попытке оправдать политику германского правительства.

Требования земельных приобретений должны были послужить оправданием для захвата «жизненного пространства» за счет других народов. Исключение евреев из расового единства германской крови привело к зверствам против еврейского народа, а требования национальной армии не могли не привести к мероприятиям по перевооружению в самом широком масштабе и впоследствии к войне.

29 июля 1921 г. партия, переименованная в национал-социалистскую германскую рабочую партию (НСДАП), была реорганизована, и Гитлер стал ее первым председателем. Именно в этом году были основаны штурмовые отряды, или СА, во главе с Гитлером, являвшиеся полувоенными отрядами личной охраны, которые якобы предназначались для защиты руководителей НСДАП от нападения со стороны соперничавших с ней политических партий и для поддержания порядка на митингах НСДАП, а на самом деле использовались для борьбы с политическими противниками на улицах. В марте 1923 года подсудимый Геринг был назначен руководителем СА.

Внутрипартийная жизнь строилась на непреложном соблюдении «принципа фюрерства» («фюрерпринцип»). Согласно этому принципу каждый фюрер имел право управлять, администрировать и издавать распоряжения без всякого контроля и по своему собственному усмотрению, руководствуясь только указаниями сверху. Этот принцип осуществлялся, прежде всего, в отношении самого Гитлера как фюрера партии и затем, в меньшей степени, в отношении всех других партийных чиновников. Все члены партии давали клятву в «вечной верности» фюреру.

Существовало только два пути, при помощи которых Германия могла достичь этих трех главных целей: путем переговоров или силой. В 25 пунктах программы НСДАП не указываются специально те методы, которыми руководители партии предполагали действовать, однако история нацистского режима показывает, что Гитлер и его последователи были готовы вступить в переговоры только при том условии, если их требования будут удовлетворены, и что в противном случае ими применялась сила.

В ночь на 8 ноября 1923 г. в Мюнхене произошел неудавшийся путч. Гитлер и несколько его последователей ворвались на митинг в погребке «Бюргерброй», на котором выступал баварский премьер-министр Кар, с намерением добиться от него решения идти на Берлин. Однако утром 9 ноября баварцы не оказали им поддержки, и гитлеровская демонстрация была встречена вооруженными частями рейхсвера и полиции. Было сделано всего несколько залпов, и после того, как несколько десятков его последователей было убито, Гитлер убежал, спасая свою жизнь, и демонстрация кончилась. Подсудимые Штрейхер, Фрик, Гесс принимали участие в этой попытке к восстанию. Гитлер позднее предстал перед судом по обвинению в государственной измене, был осужден и приговорен к тюремному заключению. СА была объявлена вне закона.

Гитлер был освобожден из тюрьмы в 1924 году, и в 1925 году были созданы охранные отряды, или СС, якобы в качестве егличной охраны, а в действительности для того, чтобы терроризировать политических противников.

В том же году Гитлер опубликовал свою книгу «Майн кампф», где изложил свои политические взгляды и цели, которая стала рассматриваться впоследствии как первоисточник нацистской доктрины.

ЗАХВАТ ВЛАСТИ

В течение восьми лет, последовавших за опубликованием «Майн кампф», НСДАП широко распространила свою деятельность по всей Германии, сосредоточив свое внимание прежде-

всего на воспитании молодежи в духе идей национал-социализма. Первая нацистская молодежная организация начала свое существование в 1922 году, но лишь в 1925 году «гитлеровская молодежь» была официально признана НСДАП. В 1931 году Бальдур фон Ширах, который вступил в НСДАП в 1925 году, стал имперским руководителем молодежи НСДАП.

Партия приложила все усилия для того, чтобы завоевать политическую поддержку германского народа. Она выставила свои кандидатуры как в рейхстаг, так и в ландтаги.

Руководители НСДАП не делали никаких серьезных попыток для того, чтобы скрыть тот факт, что единственной целью их участия в политической жизни Германии являлась ликвидация демократического строя Веймарской республики и замена его нацистским тоталитарным режимом, который позволил бы им открыто проводить свою политику, не встречая оппозиции.

Готовясь к тому дню, когда он намеревался захватить власть в Германии, Гитлер в январе 1929 года назначил Генриха Гиммлера рейхсфюрером СС, возложив на него специальную задачу превращения СС в мощную, отборную группу, на которую можно было бы рассчитывать при любых обстоятельствах. 30 января 1933 г. Гитлеру удалось добиться назначения его президентом фон Гинденбургом на пост канцлера империи. Подсудимые Геринг, Шахт и фон Папен очень активно действовали с тем, чтобы заручиться поддержкой для достижения этой цели.

Фон Папен был назначен рейхсканцлером 1 июня 1932 г. 14 июня он отменил декрет кабинета Брюнинга от 13 апреля 1932 г., которым распускались нацистские полувойенные организации, в том числе СА и СС. Это было сделано по соглашению между Гитлером и фон Папеном, хотя фон Папен отрицает, что это соглашение было заключено уже 28 мая, как это утверждает доктор Ганс Фольц в «Датах из истории НСДАП», но в своих показаниях фон Папен признает, что это было результатом такого соглашения.

Выборы в рейхстаг 31 июля 1932 г. имели своим результатом огромный рост силы НСДАП, и фон Папен предложил Гитлеру пост вице-канцлера, от которого тот отказался, настаивая на предоставлении ему поста канцлера.

В ноябре 1932 года руководящими промышленниками и финансистами была подписана и представлена президенту фон Гинденбургу петиция, призывавшая его доверить канцлерство Гитлеру, причем Шахт принял видное участие в сборе подписей под этой петицией.

Выборы 6 ноября, которые последовали за поражением правительства, сократили число членов НСДАП, но фон Папен прилагал дальнейшие усилия к тому, чтобы склонить Гитлера войти в состав правительства, однако безуспешно.

12 ноября Шахт писал Гитлеру:

«Я не сомневаюсь в том, что настоящее развитие событий может привести только к тому, что Вы станете канцлером. Как мне кажется, наша попытка собрать подписи в деловых кругах с этой целью в общем не была напрасной...»

После того как 16 ноября Гитлер отказался от поста, фон Папен ушел в отставку и за ним последовал генерал фон Шлейхер, но фон Папен все еще продолжал свою деятельность. Он встретился с Гитлером в доме кельнского банкира фон Шредера 4 января 1933 г. и также вместе с подсудимыми Герингом и другими присутствовал на совещании в доме подсудимого Риббентропа 22 января. 9 января он также имел беседу с президентом Гинденбургом и, начиная с 22 января, официально обсуждал с Гинденбургом вопрос о формировании кабинета во главе с Гитлером.

Гитлер созвал первое заседание своего кабинета в день своего назначения канцлером, на котором по долгу службы присутствовали подсудимые Геринг, Фрик, Функ, фон Нейрат и фон Папен.

28 февраля 1933 г. было подожжено здание рейхстага в Берлине. Этот поджог был использован Гитлером и его кабинетом для издания декрета, отменявшего конституционные гарантии свободы. Декрет был подписан президентом Гинденбургом и скреплен подписью Гитлера и подсудимого Фрика, который занимал тогда пост имперского министра внутренних дел. 5 марта произошли выборы в рейхстаг, на которых НСДАП получила 288 мест из общего количества 647 мест. Кабинет Гитлера стремился провести «Закон о защите народа и империи», который дал бы ему полную законодательную власть, включая полномочия на отход от принципов конституции. Однако они¹ не имели необходимого большинства в рейхстаге для того, чтобы осуществить это конституционным путем. Поэтому они воспользовались декретом об отмене гарантии свободы и подвергли так называемому «превентивному заключению» большое число коммунистов — депутатов и партийных работников.

Сделав это, Гитлер внес «Закон о защите народа и империи» на рассмотрение рейхстага, и после того как он ясно показал, что в случае, если закон не пройдет, будут приняты дальнейшие насильственные меры, этот закон был принят 24 марта 1933 г.

КОНСОЛИДАЦИЯ ВЛАСТИ

Достигнув таким образом власти, НСДАП стала забирать в свои руки все области германской жизни. Другие

¹ То есть Гитлер и его клика. — Составители.

политические партии преследовались, их собственность и имущество конфисковывались, и многие их члены были направлены в концентрационные лагеря.

26 апреля 1933 г. Геринг основал в Пруссии государственную тайную полицию, или гестапо, и сказал заместителю начальника гестапо, что главной задачей гестапо являлось уничтожение политических противников национал-социализма и Гитлера.

14 июля 1933 г. был издан закон, объявлявший НСДАП единственной политической партией и считавший преступлением существование или создание любой другой политической партии. Для того чтобы передать полный контроль над правительственной машиной в руки нацистских руководителей, была издана серия законов и декретов, которые ограничивали полномочия областных и местных правительств¹ во всей Германии, превращая их в ведомства, подчиненные правительству империи. Правительственные законодательные органы в провинциях были уничтожены, и вместе с ними были ликвидированы все местные выборы.

Затем правительство перешло к обеспечению контроля над деятельностью государственных учреждений. Это было достигнуто путем централизации и в результате тщательной чистки всей гражданской администрации.

Закон от 7 апреля предусматривал отставку чиновников «не арийского происхождения»; устанавливалось также, что «следует увольнять с работы чиновников, которых в связи с их прошлой политической деятельностью нельзя с уверенностью рассматривать как людей, которые отдадут себя безоговорочно на службу национал-социалистскому государству».

Закон от 11 апреля 1933 г. предусматривал увольнение «всех гражданских служащих, принадлежащих к коммунистической партии». Подобным же образом под контроль были взяты и судебные органы. Судьи снимались со своих постов по политическим и расовым мотивам. За ними шпионили, и они подвергались сильнейшему давлению с тем, чтобы вынудить их вступить в нацистскую партию, причем в ином случае им грозило увольнение. Когда верховный суд оправдал трех из четырех подсудимых, обвиняемых в причастности к поджогу рейхстага, дела о государственной измене были изъяты из его юрисдикции и переданы вновь образованному «народному суду»², состоявшему из двух судей и пяти чиновников нацистской партии. Были учреждены специальные суды для преследования лиц, совершивших политические преступления, причем только члены партии назначались на должность судей. Граждане

¹ Речь идет о правительствах земель. — Составители.

² Речь идет о так называемой «народной судебной палате». — Составители.

арестовывались СС по политическим мотивам, содержались в тюрьмах и концентрационных лагерях, причем судьи не имели никакой власти каким-либо образом препятствовать этому. Члены нацистской партии, осужденные за совершение преступления, амнистировались. В 1935 году несколько должностных лиц концентрационного лагеря Хохштейн были обвинены в зверском обращении с заключенными. Высокопоставленные нацистские чиновники пытались оказать влияние на суд, и после того, как эти должностные лица были осуждены, Гитлер всех их освободил. В 1934 году правительство рассылало всем германским судьям «письма судьям», инструктировавшие их, «какой генеральной линии» им следует придерживаться.

В своей решимости устранить все источники оппозиции руководители НСДАП обратили свое внимание на профессиональные союзы, церковь и евреев. В апреле 1933 года Гитлер приказал ныне умершему подсудимому Лею, который был тогда руководителем отдела кадров политической организации НСДАП, «взять на себя руководство профессиональными союзами». Большинство профессиональных союзов в Германии было объединено в две большие федерации — «свободные профессиональные союзы» и «христианские профессиональные союзы». В союзах, не входивших в эти две большие федерации, состояло только 15 процентов всех членов профсоюзов. 21 апреля 1933 г. Лей издал директиву НСДАП, объявляющую о назначенной на 2 мая «акции по координации» против свободных профсоюзов. Директива предусматривала участие членов СА и СС в запланированном «захвате собственности профессиональных союзов и в помещении в превентивное заключение работников профсоюзов». По завершении этого мероприятия официальное пресс-бюро НСДАП сообщало, что национал-социалистские ячейки на предприятиях «устранили прежнее руководство свободными профсоюзами» и взяли руководство ими в свои руки. Подобным же образом 3 мая 1933 г. пресс-бюро НСДАП объявило, что «христианские профсоюзы безоговорочно отдали себя под руководство Адольфа Гитлера». Вместо профсоюзов нацистское правительство создало «германский трудовой фронт», контролируемый НСДАП, в который практически были обязаны вступать все рабочие Германии. Председатели союзов были взяты под стражу и подвергались жестокому обращению, которое включало все, начиная от физического насилия и побоев и кончая убийством.

В своем стремлении бороться с влиянием христианской церкви, доктрины которой находились в полном противоречии со взглядами и практикой национал-социализма, нацистское правительство действовало более медленно. Нацисты не пошли на такую крайнюю меру, как запрещение исповедования

христианской религии, но год за годом они делали все, что могли, для того, чтобы ограничить влияние христианства на германский народ, поскольку, по словам подсудимого Бормана, обращенным к подсудимому Розенбергу в официальном письме, «христианская религия и национал-социалистские доктрины несовместимы». В июне 1941 года подсудимый Борман издал секретный декрет об отношениях между христианством и национал-социализмом. Декрет гласил: «Впервые в истории Германии фюрер сознательно и полностью держит руководство в своих руках. В лице партии, ее составных частей и примыкающих к ней организаций фюрер создал для себя, и тем самым для Германской империи, орудие, которое делает его независимым от договора¹... Следует все более и более изолировать народ от церкви и ее органов — пасторов... Никогда более нельзя уступать влияния на народ и руководство им церкви. Это влияние должно быть уничтожено целиком и навсегда. Только имперское правительство и, по его указанию, партия, ее составные части и примыкающие к ней организации имеют право руководить народом».

С самых ранних дней существования НСДАП антисемитизм занимал видное место в национал-социалистском мышлении и пропаганде. Считалось, что евреи не должны были иметь права на германское гражданство и что на них должна была возлагаться главная ответственность за все те бедствия, которые были причинены нации в результате войны 1914—1918 гг. Далее, антипатия к евреям усиливалась благодаря утверждению о превосходстве германской расы и крови. Вторая глава книги «Майн кампф» посвящена теории так называемой «расы господ» — доктрине арийского превосходства над другими нациями и праву немцев, в силу своего превосходства, господствовать над другими народами и использовать их для достижения собственных целей. С приходом нацистов к власти в 1933 году преследование евреев стало официальной государственной политикой. 1 апреля 1933 г. нацистский имперский кабинет одобрил бойкот еврейских предприятий, и в течение последующих лет была проведена серия антисемитских законов, ограничивавших деятельность евреев в гражданских учреждениях, в правовых учреждениях, в журналистике и в вооруженных силах. В сентябре 1935 года были изданы так называемые нюрнбергские законы, наиболее важным последствием которых явилось лишение евреев германского гражданства. Таким образом, влияние еврейских элементов на положение вещей в Германии было ликвидировано, и еще один потенциальный источник оппозиции нацистской политике был устранен.

¹ Речь идет о конкордате, см. том I, страница 785. — Составители.

При любом рассмотрении вопроса о подавлении оппозиции не следует забывать кровавой резни 30 июня 1934 г. Она стала известна под названием «чистки Рема» или «кровавой бани» и раскрыла методы, к которым Гитлер и его ближайшие пособники, включая подсудимого Геринга, были готовы прибегнуть для подавления всякой оппозиции и для консолидации своей власти. В тот день Рем, бывший начальником штаба СА с 1931 года, был убит по приказу Гитлера, и «старая гвардия» СА была истреблена одним ударом без всякого суда. Этот случай был использован для уничтожения большого количества людей, которые в тот или иной период выступали против Гитлера.

Причиной для убийства Рема послужило то, что он замыслил свергнуть Гитлера, и подсудимый Геринг показал, что этот замысел дошел до его ушей. Нет необходимости устанавливать, было это действительно так или нет.

3 июля кабинет одобрил действия Гитлера, назвав это «законной самозащитой государства».

Вскоре после этого Гинденбург умер, и Гитлер стал одновременно имперским президентом и канцлером. Во время последовавшего за этим плебисцита, который проводился под контролем нацистов, 38 миллионов немцев выразили свое одобрение, и, после того как рейхсвер присягнул в верности фюреру, вся власть оказалась в руках Гитлера.

Германия приняла диктатуру со всеми ее террористическими методами, с ее циничным и открытым отрицанием управления посредством законов.

Помимо политики разгрома потенциальных противников нацистского режима, гитлеровское правительство предприняло активные шаги для того, чтобы укрепить свою власть над германским народом. В области образования было сделано все для того, чтобы германская молодежь воспитывалась в духе национал-социализма и воспринимала национал-социалистские идеи. Еще 7 апреля 1933 г. был принят закон о реорганизации государственной службы, который дал возможность нацистскому правительству устранить всех учителей, «занимающихся подрывной деятельностью и неблагонадежных в политическом отношении», и за этим последовало проведение целого ряда других мер, которые обеспечивали уверенность в том, что школы будут укомплектованы такими учителями, которым можно было доверить внедрение в сознание учеников национал-социалистских доктрин. Кроме внедрения национал-социалистских идей в школах, нацистские руководители опирались также на организацию «гитлеровской молодежи» для обеспечения фанатической поддержки своему режиму со стороны молодого поколения.

Подсудимый фон Ширах, который с 1931 года был имперским руководителем молодежи НСДАП, в июне 1933 года был назначен фюрером молодежи Германской империи. Вскоре все молодежные организации были распущены или поглощены «гитлеровской молодежью», за исключением организации католической молодежи. «Гитлеровская молодежь» была организована по строго военному принципу, и уже в 1933 году вермахт принимал участие в проведении допризывной подготовки гитлеровской молодежи.

Нацистское правительство пыталось объединить народ для поддержки его политики путем усиленного использования пропаганды. В Германии был учрежден целый ряд официальных агентств, в обязанность которых входило осуществление контроля и оказание влияния на прессу, радио, кино, издательства и т. д. и надзор за развлечениями, искусством и культурой. Все эти официальные агентства были подчинены министерству народного просвещения и пропаганды, возглавляемому Геббельсом, которое вместе с соответствующей организацией в НСДАП и с имперской палатой культуры несло полную ответственность за осуществление этого надзора. Подсудимый Розенберг играл ведущую роль в распространении национал-социалистских доктрин от имени партии, а подсудимый Фриче вместе с Геббельсом выполнял такую же задачу от имени государственных органов.

Особенно подчеркивалась высшая миссия германского народа — руководить и господствовать в силу его нордической крови и расовой чистоты, и таким образом была подготовлена почва к осуществлению идеи мирового господства.

В результате эффективного контроля над прессой и радио немецкий народ начиная с 1933 года был подвергнут сильнейшему воздействию пропаганды в пользу режима; и не только враждебная критика, но и всякая критика была запрещена. Независимые суждения, основанные на свободе мысли, стали совершенно невозможными.

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПЕРЕВООРУЖЕНИЮ

В течение лет, непосредственно следовавших за тем, как Гитлер стал канцлером, нацистское правительство приступило к реорганизации всей экономической жизни Германии и, в особенности, промышленности производства вооружения. Это было проведено в больших масштабах и исключительно тщательно.

Было необходимо заложить финансовый фундамент для создания вооружения, и в апреле 1936 года подсудимому Герингу была поручена координация вопросов, связанных с сырьем и с иностранной валютой, и он был уполномочен осу-

ществлять надзор за деятельностью государственных и партийных учреждений в этой области. В соответствии с этими обязанностями он собрал у себя одновременно военного министра, министра экономики, имперского министра финансов, президента имперского банка и министра финансов Пруссии для обсуждения вопросов, связанных с военной мобилизацией; 27 мая 1936 г. в выступлении перед вышеупомянутыми лицами Геринг возражал против какого-либо ограничения развития военной промышленности по финансовым соображениям, при этом он добавил: «Все меры должны рассматриваться с точки зрения обеспечения ведения войны».

На партийном съезде в Нюрнберге в 1936 году Гитлер объявил об утверждении четырехлетнего плана и о назначении Геринга уполномоченным по его проведению. В это время Геринг уже осуществлял строительство мощных военно-воздушных сил, а 8 июля 1938 г. он заявил нескольким видным представителям авиационной промышленности Германии, что военно-воздушные силы Германии превосходят английские как по количеству, так и по качеству. 14 октября 1938 г. на другом совещании Геринг объявил, что Гитлер дал ему указания организовать проведение в жизнь гигантской программы вооружения, по сравнению с которой покажутся незначительными все предыдущие достижения. Он сказал, что ему было приказано в максимально короткий срок построить военно-воздушные силы, в пять раз превосходящие прежние, ускорить перевооружение армии и флота и обратить внимание на постройку наступательного оружия, в частности, тяжелой артиллерии и тяжелых танков. Затем он предложил конкретную программу по выполнению этих задач. Размеры, которых достигло вооружение, характеризуются Гитлером в его меморандуме от 9 октября 1939 г., после окончания польской кампании:

«Применение силы нашего народа в военных целях было проведено в таких размерах, что в течение короткого периода времени никакими усилиями нельзя добиться большего воздействия... Немецкий народ в настоящее время имеет больше дивизий, чем в 1914 году, и они вооружены в количественном и качественном отношении лучше.

Само оружие, в основном, является более современным, чем в других странах мира в настоящее время. Оно только что доказало свое военное превосходство в победоносной кампании... Нет никаких доказательств того, что какая-либо страна мира располагает лучшим вооружением, чем Германская империя... Ни одна страна мира не имеет такой зенитной артиллерии».

При этой реорганизации экономической жизни Германии для военных целей нацистское правительство встретило со стороны германской промышленности вооружения полное желание

сотрудничать и сыграть свою роль в программе перевооружения. В апреле 1933 года Густав Крупп фон Болен от имени имперской ассоциации германских промышленников представил Гитлеру план реорганизации германской промышленности, который, как он заявил, характеризовался желанием координировать экономические меры с политической необходимостью. В самом плане Крупп заявил, что «поворот в политических событиях согласуется с желаниями, которые я сам и правление лелеяли в течение долгого времени». То, что Крупп хотел сказать этим заявлением, полностью раскрывается в проекте текста речи, которую он предполагал произнести в университете в Берлине в январе 1934 года, но эта речь никогда не была произнесена.

Касаясь периода с 1919 по 1933 год, Крупп писал:

«Одной из великих заслуг всей германской военной экономики является то, что она не оставалась праздною в течение этих тяжелых лет, несмотря на то, что ее деятельность по совершенно понятным причинам не могла быть предана гласности. В годы тайной работы была заложена научная основа и подготовлен фундамент для того, чтобы в назначенный час быть готовыми снова работать для германских вооруженных сил без потерь времени, используя опыт. Только благодаря тайной деятельности германских предприятий и опыту, полученному в тот же период путем производства товаров мирного времени, стало возможным после 1933 года идти в ногу с новыми задачами, возникшими в ходе восстановления германской военной мощи».

В октябре 1933 года Германия покинула Международную конференцию по разоружению и вышла из Лиги Наций. В 1935 году нацистское правительство решило, что оно может предпринять первые открытые шаги для снятия с себя обязательств по Версальскому договору. 10 марта 1935 г. подсудимый Геринг объявил, что Германия приступила к строительству военно-воздушных сил.

Через шесть дней, 16 марта 1935 г., был принят закон, подписанный, в числе прочих, подсудимыми Герингом, Гессом, Франком, Фриком, Шахтом и фон Нейратом, согласно которому вводилась обязательная воинская повинность и предусматривалось создание германской армии мирного времени численностью в 500 тысяч человек. Пытаясь вновь успокоить общественное мнение других стран, правительство 21 мая 1935 г. объявило, что Германия, несмотря на отказ от выполнения обязательств по статьям о разоружении, продолжает придерживаться территориальных ограничений, предусмотренных Версальским договором, и будет соблюдать Локарнский пакт. Несмотря на это, именно в тот день, когда было сделано это заявление,

был принят секретный закон об обороне империи, опубликование которого было запрещено Гитлером. Полномочия и обязанности канцлера и других министров на случай вступления Германии в войну были определены этим законом. Из этого закона явствует, что к маю 1935 года Гитлер и его правительство пришли к такому этапу в осуществлении своей политики, когда им было необходимо иметь соответствующий аппарат для администрации и управления Германией в том случае, если их политика приведет к войне.

В то время, как проводилась подготовка германской экономики к войне, сами германские вооруженные силы подготавливались к восстановлению военной мощи Германии. Особенно активную подготовку проводил германский военно-морской флот. Официальные лица, занимавшиеся историей германского военно-морского флота, Асман и Гладиш, признают, что Версальский договор был в силе всего несколько месяцев до того, как он был нарушен, особенно в отношении создания подводного флота. Труды капитана Шустлера и полковника Шерфа, которые издавались под общим наблюдением подсудимого Редера, были предназначены для того, чтобы показать германскому народу огромный размах усилий флота в области перевооружения вопреки Версальскому договору. Полное содержание этих изданий представлено Суду в качестве доказательств.

12 мая 1934 г. Редер окончил разработку совершенно секретного плана вооружений, так называемой третьей фазы вооружения. В нем содержалась следующая фраза:

«Все теоретические и практические приготвления «А» должны быть закончены заблаговременно в расчете на готовность к войне без какого-либо предварительного периода приведения в боевую готовность».

Месяц спустя, в июне 1934 года, подсудимый Редер имел беседу с Гитлером, во время которой последний проинструктировал его о том, что он должен держать в тайне предпринятое тогда строительство подводных лодок и военных кораблей водоизмещением свыше 10 тысяч тонн.

2 ноября 1934 г. подсудимый Редер имел другую беседу с Гитлером и подсудимым Герингом, во время которой Гитлер заявил, что он считает жизненно необходимым, чтобы германский военно-морской флот был «увеличен в соответствии с планом, поскольку никакая война не может вестись, если военно-морской флот не будет в состоянии обеспечить безопасность транспортировки руды из Скандинавии».

Крупные заказы на строительство, поступившие в 1933 и 1934 гг., оправдываются подсудимым Редером на том основании, что к тому времени уже велись переговоры между Германией и Великобританией о соглашении, разрешающем Германии

строительство кораблей сверх цифры, установленной Версальским договором. Это соглашение, подписанное в 1935 году, ограничивало тоннаж германского военно-морского флота одной третью по отношению к британскому, за исключением подводных лодок, относительно которых согласились на ограничение до 45 процентов, причем предусматривалось право превышения этих установленных ограничений при условии предварительного уведомления Английского правительства с тем, чтобы оно имело возможность рассмотреть этот вопрос.

В 1937 году последовал англо-германский договор, согласно которому обе стороны обязались давать подробные сведения о своей программе строительства, по крайней мере, за четыре месяца до проведения какого-либо мероприятия. Признано, что Германия не придерживалась этих условий. Например, данные о водоизмещении кораблей линейного класса были на 20 процентов фальсифицированы, в то время, как относительно подводных лодок немецкие историки Асман и Гладиш говорят следующее:

«Быть может, именно в области строительства подводных лодок Германия менее всего соблюдала ограничения англо-германского договора».

Значение этих нарушений договора становится ясным при рассмотрении причин этого перевооружения.

В 1940 году подсудимый Реддер писал:

«До последнего момента фюрер надеялся, что он сможет оттянуть нависший конфликт с Англией до 1944—1945 года. К этому времени военно-морской флот будет располагать кораблями, подавляющую часть которых будут составлять подводные лодки, и более выгодным соотношением сил в отношении всех других типов кораблей и особенно тех, которые предназначены для войны в открытом море».

21 мая 1935 г. нацистское правительство объявило о своем намерении уважать территориальные ограничения Версальского договора. 7 марта 1936 г. германские войска вопреки Версальскому договору вступили в демилитаризованную зону Рейнской области. Гитлер, объявляя об этом в рейхстаге, пытался оправдать это ссылаясь на только что заключенные договоры о союзе между Францией и Советским Союзом; а также между Чехословакией и Советским Союзом. Он также пытался предупредить враждебную реакцию, которую он, несомненно, ожидал в результате нарушения договора, заявляя: «У нас нет территориальных притязаний к Европе».

ОБЩИЙ ПЛАН ИЛИ ЗАГОВОР И АГРЕССИВНЫЕ ВОЙНЫ

Трибунал теперь обращается к рассмотрению преступлений против мира, которые инкриминируются Обвинительным заключением.

Раздел I Обвинительного заключения вменяет подсудимым в вину составление общего плана или заговора для совершения преступлений против мира.

Раздел II Обвинительного заключения вменяет подсудимым в вину совершение конкретных преступлений против мира путем планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны против ряда государств.

Будет удобнее рассматривать вопрос о наличии общего плана и вопрос об агрессивной войне одновременно и остановиться на вопросе об индивидуальной ответственности этих подсудимых в последующих частях приговора.

Обвинение, содержащееся в Обвинительном заключении, а именно, обвинение в планировании и ведении подсудимыми агрессивных войн, является наиболее серьезным обвинением.

Война по самому своему существу — зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тяжчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных.

Первым актом агрессии, который инкриминируется подсудимым, согласно Обвинительному заключению, является захват Австрии и Чехословакии, а первая агрессивная война, упомянутая в Обвинительном заключении, — это война против Польши, начатая 1 сентября 1939 года. До рассмотрения всего обвинения необходимо подробно остановиться на некоторых событиях, которые предшествовали этим актам агрессии. Война против Польши не была внезапным ударом грома среди ясного неба. Из представленных доказательств с очевидностью явствует, что эта война, так же как захват Австрии и Чехословакии, была преднамеренным и тщательно подготовленным актом и началась лишь после того, как было решено, что наступил подходящий момент для проведения ее, как определенной части заранее намеченной схемы и плана, потому что агрессивные планы нацистского правительства не возникли случайно в связи со сложившейся политической обстановкой в Европе и в мире. Они явились заранее предусмотренной и весьма существенной частью внешней политики нацистов.

С самого начала национал-социалистское движение претендовало на то, что целью его является объединение германского народа в сознании его миссии и предназначения, объединение, основанное на чертах, внутренне присущих ему, как расе, и осуществляемое под руководством фюрера.

Для достижения этого объединения считалось необходимым добиться двух целей: уничтожения порядка, сложившегося в Европе со времени подписания Версальского договора, и создания великой Германии в более широких границах, чем границы 1914 года. Это с несомненностью означало захват чужих территорий.

Война считалась неизбежным или, по крайней мере, очень вероятным условием достижения этих целей. Поэтому германский народ и все его ресурсы должны были быть организованы в громадную военно-политическую армию, выученную беспрекословно повиноваться любому политическому курсу, объявленному правительством.

ПОДГОТОВКА АГРЕССИИ

В книге «Майн кампф» Гитлер очень ясно изложил эту точку зрения. Следует помнить, что «Майн кампф» — это не личный дневник, в который записывались тайные думы Гитлера. Скорее можно сказать, что содержание этой книги объявлялось с крыш домов. Эта книга использовалась в школах и университетах, среди гитлеровской молодежи, в СС и СА и вообще среди германского народа, вплоть до того, что один экземпляр этого издания вручался в качестве подарка всем молодоженам. В 1945 году уже было распространено шесть с половиной миллионов экземпляров этой книги. Общее ее содержание хорошо известно. Снова и снова Гитлер проповедовал в ней свое убеждение в необходимости применять силу в качестве средства разрешения международных проблем, как это выражено в следующей цитате:

«Земля, на которой мы сейчас живем, не была даром небес нашим предкам. Они должны были завоевать ее, рискуя жизнью. Точно так же и в будущем наш народ не получит территорий и тем самым средств к существованию как благоденствие от какого-нибудь другого народа; он должен будет завоевывать их силой торжествующего меча».

«Майн кампф» содержит много таких заявлений и открыто превозносит силу как орудие внешней политики.

Конкретные цели этой политики силы также подробно изложены в этой книге. Уже на первой странице утверждалось, что «Германо-Австрия должна быть воссоединена с великой германской матерью-родиной» и не на экономической основе, а по-

тому, что «народы одной крови должны жить в пределах одной империи».

Восстановление германских границ 1914 года объявлялось недостаточным, и говорилось, что если Германия вообще хочет существовать, она должна существовать в качестве мировой державы и обладать необходимыми для этого обширными территориями.

В «Майн кампф» совершенно ясно указывалось, где именно следует искать эти территории для расширения пространства Германии:

«Поэтому мы, национал-социалисты, совершенно намеренно зачеркнули линию поведения, которой следовала предвоенная Германия в своей внешней политике. Мы положили конец вечному германскому продвижению на Юг и Запад Европы и обратили наши взоры к землям на Востоке. Мы, наконец, положили предел колониальной политике и торговой политике предвоенных времен и перешли к территориальной политике будущего. Но когда мы говорим о новых территориях в Европе сегодня, мы должны, главным образом, думать о России и о пограничных государствах, подчиненных ей».

«Майн кампф» не должна рассматриваться как простое литературное упражнение или как изложение неизменной политики или плана, который не может быть модифицирован. Важное значение этой книги заключается в безусловной ее агрессивной тенденции, которая ясно проходит через все ее содержание.

ПЛАНИРОВАНИЕ АГРЕССИИ

Доказательства, содержащиеся в захваченных документах, показывают, что Гитлер провел четыре секретных совещания, на которых Трибунал намеревается специально остановиться в силу того, что они проливают особый свет на вопрос об общем плане и агрессивной войне.

Эти совещания состоялись 5 ноября 1937 г., 23 мая 1939 г., 22 августа 1939 г. и 23 ноября 1939 г. На этих совещаниях Гитлер сделал важные заявления о своих целях, которые в самых своих формулировках совершенно исключают возможность ошибки.

Эти документы, излагающие содержание совещаний, были подвергнуты некоторой критике со стороны защиты. В сущности, их аутентичность не отрицается, но заявляется, например, что они не являются точными стенограммами речей, которые в них записаны, что документ, относящийся к совещанию 5 ноября 1937 г., датирован числом на пять дней более поздним, чем дата совещания, и что два документа, относящиеся

к совещанию от 22 августа 1939 г., отличаются друг от друга и не подписаны.

Полностью учитывая критику такого рода, Трибунал придерживается мнения, что эти документы являются документами очень большого значения и что их аутентичность и достоверность их содержания являются установленным фактом.

Они с очевидностью представляют собой тщательную запись событий, которые в них изложены, и именно в качестве таковых они хранились в архивах германского правительства, где и были захвачены. Такого рода документы никогда не могут быть оспорены как выдуманные или даже неточные и искаженные. Они просто излагают события, которые в действительности имели место.

Совещания 23 ноября 1939 г. и 5 ноября 1937 г.

Быть может, будет более целесообразно прежде всего рассмотреть совещание от 23 ноября 1939 г., на которое Гитлер созвал своих высших командующих. Протокол того, что говорилось, был записан одним из присутствовавших. К тому времени, когда происходило совещание, Австрия и Чехословакия уже были включены в состав Германской империи, Польша была захвачена германскими армиями, а военные действия против Англии и Франции все еще находились в статическом состоянии. Наступил подходящий момент для обзора истекших событий. Гитлер информировал командующих, что целью совещания являлось дать им представление об образе его мыслей и сообщить им о его решениях. Он затем сделал обзор политических задач, начиная с 1919 года, напомнил о выходе Германии из Лиги Наций, об уходе с конференции по разоружению, о приказе о перевооружении, о введении обязательной воинской повинности, о ремилитаризации Рейнской области, захвате Австрии и операциях против Чехословакии.

Он заявил: «Через год пришла очередь Австрии; этот шаг тоже рассматривали как сомнительный. Он принес с собой значительное усиление империи. Следующим шагом были Богемия, Моравия и Польша. Это тоже было невозможно осуществить в течение одной кампании. Прежде всего нужно было закончить строительство укреплений на Западе. Невозможно было достигнуть этой цели одним усилием. Для меня было ясно с самого начала, что я не могу довольствоваться Судетской территорией, принадлежавшей ранее Германии. Это было только частичное решение. Тогда было принято решение вступить в Богемию. Затем последовало создание протектората и тем самым была создана основа для действия против Польши; но в то

время мне было еще не совсем ясно, должен ли я выступить сначала на Востоке, а потом на Западе, или наоборот. В основном я создал вооруженные силы не для того, чтобы не наносить удара. Решение нанести удар всегда существовало во мне. Рано или поздно я хотел разрешить эту проблему. По необходимости было решено, что сначала будет произведено нападение на Востоке».

Это сообщение, в котором приводится обзор прошедших событий и вновь подтверждаются агрессивные намерения, существовавшие с самого начала, не оставляет никаких сомнений относительно характера операций против Австрии и Чехословакии и войны против Польши, потому что эти операции были проведены в соответствии с планом, и характер этого плана должен быть теперь рассмотрен несколько более подробно.

На совещании 23 ноября 1939 г. Гитлер оглядывается на уже завершенные мероприятия. На более ранних совещаниях, которые будут нами рассмотрены теперь, он смотрел вперед и раскрывал перед своими сообщниками новые планы. Весьма поучительно сравнить эти совещания.

На совещании, состоявшемся в Берлине в имперской канцелярии 5 ноября 1937 г., присутствовал подполковник Госсбах, личный адъютант Гитлера, который составил подробную запись совещания, датировав ее 10 ноября 1937 г., и подписал ее.

На совещании присутствовали: Гитлер, подсудимые: Геринг как главнокомандующий военно-воздушными силами, фон Нейрат как имперский министр иностранных дел и Редер как главнокомандующий военно-морским флотом, а также генерал фон-Бломберг — военный министр и генерал фон Фрич — главнокомандующий сухопутными силами.

Гитлер начал с заявления о том, что тема совещания является настолько важной, что в других государствах она была бы подвергнута обсуждению на заседании кабинета. Затем он заявил, что содержание его речи является результатом его долгих размышлений и его опыта за четыре с половиной года пребывания в правительстве. Он требовал считать заявления, которые он собирался сделать, его последней волей и завещанием на случай его смерти. Лейтмотивом выступления Гитлера явился вопрос о жизненном пространстве, причем он рассматривал несколько возможных решений лишь с тем, чтобы отклонить их. Затем он заявил, что захват жизненного пространства на европейском континенте является поэтому необходимым, и изложил свои мысли следующим образом: «Речь идет не о захвате народов, а о захвате пространства, пригодного для сельского хозяйства. Будет также рациональнее искать территории, производящие сырье, в Европе, в непосредственной близости к империи, а не за океаном, и это решение должно быть проведено в жизнь

одним или двумя поколениями... История всех времен — история Римской империи и Британской империи — доказала, что всякая территориальная экспансия возможна лишь путем преодоления сопротивления и в результате риска. Неизбежны даже неудачи. Ни раньше, ни теперь не существовало территорий без владельца. Нападающий всегда сталкивается с владельцем».

Он заключил свою речь следующим замечанием:

«Вопрос для Германии заключается в том, где возможны наибольшие завоевания при наименьших затратах».

Ничто иное не могло более ясно раскрыть агрессивные намерения Гитлера; последующие события доказали реальность этих намерений. Невозможно принять точку зрения, что Гитлер, по существу, не имел в виду войну, потому что после того, как он заявил, что Германии следует ожидать противодействия со стороны Англии и Франции, и проанализировал силу и слабость этих держав при определенных обстоятельствах, он продолжал: «Проблемы, стоящие перед Германией, могут быть разрешены лишь силой, а это никогда не может быть сделано без риска... Если мы сделаем решение применять силу и идти на риск основой наших стремлений, тогда нам останется лишь ответить на вопросы «когда» и «как». В этой связи мы должны рассмотреть три различных случая».

В первом из этих трех случаев проводилось гипотетическое международное положение, при котором он должен был начать действовать не позже чем в 1943—1945 гг., причем он говорил: «Если фюрер все еще будет жить в то время, его непоколебимым решением явится разрешить германскую проблему пространству не позже чем в 1943—1945 гг. Необходимость действовать до 1943—1945 гг. будет рассмотрена в случаях втором и третьем».

Второй и третий случаи, на которых остановился Гитлер, обнаруживают явное намерение захватить Австрию и Чехословакию, и в этой связи Гитлер заявил:

«Для улучшения нашего военно-политического положения нашей первоочередной задачей при любом случае втягивания в войну является завоевать Чехословакию и Австрию одним ударом для того, чтобы устранить всякую угрозу с флангов в случае возможного продвижения на Запад».

Далее он добавил:

«Аннексия этих двух государств Германией в военном и политическом отношении даст нам значительное облегчение, благодаря тому, что мы получим более короткие и более удобные границы, освободив войска для других целей, и получим возможность создать новые армии, численностью примерно до 12 дивизий».

Это решение захватить Австрию и Чехословакию обсуждается довольно подробно и принимается решение провести эту операцию сразу же после того, как представится благоприятный момент.

Военная мощь, которую Германия создавала, начиная с 1933 года, должна была теперь быть направлена против двух определенных стран — Австрии и Чехословакии.

В своих показаниях подсудимый Геринг заявил, что он в то время не считал, что Гитлер в действительности имел в виду напасть на Австрию и Чехословакию, и что целью совещания было лишь оказать давление на фон Фрича с тем, чтобы ускорить перевооружение армии.

Подсудимый Редер показал, что ни он, ни фон Фрич, ни фон Бломберг не верили, что Гитлер в действительности имел в виду войну, причем подсудимый Редер утверждает, что он придерживался этого убеждения до 22 августа 1939 г. Основанием для такого рода убеждения была надежда на то, что Гитлер добьется «политического решения» проблем, стоящих перед Германией. Однако, если вникнуть в смысл, эти слова означают лишь уверенность в том, что позиция Германии будет столь хорошей, а военная ее мощь столь подавляющей, что желаемые территории будут получены без борьбы. Следует также помнить, что высказанные Гитлером намерения в отношении Австрии были фактически осуществлены через четыре с лишним месяца после совещания, а менее чем через год была захвачена первая часть Чехословакии, а еще через несколько месяцев — Богемия и Моравия. Если в ноябре 1937 года у некоторых из его слушателей могли еще быть сомнения, то после марта 1939 года уже не могло оставаться никаких сомнений в том, что Гитлер был абсолютно серьезен в своем решении прибегнуть к войне.

Трибунал считает доказанным, что в своем существе отчет подполковника Госсбаха об этом совещании является правильным и что присутствовавшие знали, что Австрия и Чехословакия будут аннексированы Германией при первой представившейся возможности.

ЗАХВАТ АВСТРИИ

Вторжение в Австрию являлось преднамеренным агрессивным актом с целью содействовать дальнейшему осуществлению плана ведения агрессивных войн против других стран.

В результате фланги Германии были прикрыты, а фланги Чехословакии — значительно ослаблены. Это был первый шаг по пути захвата «жизненного пространства». Было получено много новых дивизий обученных солдат, и после захвата резервов иностранной валюты была значительно укреплена основа для выполнения программы перевооружения.

21 мая 1935 г. Гитлер заявил в рейхстаге, что Германия не имеет намерения ни нападать на Австрию, ни вмешиваться в ее внутренние дела. 1 мая 1936 г. он в открытом выступлении объединил Чехословакию и Австрию, заявив о своих мирных намерениях в отношении как одной страны, так и другой. И еще 11 июля 1936 г. он договором признал полнейший суверенитет Австрии.

Австрия была фактически захвачена Германией в марте 1938 года. В течение многих лет до этого национал-социалисты в Германии сотрудничали с национал-социалистами в Австрии для того, чтобы добиться конечной цели — включения Австрии в состав Германской империи. Путч 25 июля 1934 г., приведший в результате к убийству канцлера Дольфуса, имел своей целью захват Австрии. Но путч не удался и имел своим последствием объявление национал-социалистической партии в Австрии вне закона.

11 июля 1936 г. между двумя странами было заключено соглашение, статья 1 которого гласит:

«Германское правительство признает полный суверенитет федерального государства Австрии в духе заявления германского фюрера и канцлера от 21 мая 1935 г.».

Статья 2 декларировала: «Каждое из двух правительств рассматривает внутренний политический порядок (в том числе вопрос об австрийском национал-социализме), существующий в другой стране, как внутреннее дело этой другой страны, на который оно не будет оказывать ни прямого, ни косвенного влияния».

Однако национал-социалисты в Австрии продолжали свою подпольную деятельность втайне, а национал-социалисты в Германии оказывали партии активную поддержку; возникавшие в результате «инциденты» подхватывались германскими национал-социалистами как повод для вмешательства во внутренние дела Австрии. После совещания 5 ноября 1937 г. количество этих «инцидентов» стало быстро увеличиваться. Отношения между двумя странами постоянно ухудшались, и в конце концов подсудимый фон Папен и другие убедили австрийского канцлера Шушнига добиваться встречи с Гитлером, которая в действительности произошла в Берхтесгадене 12 февраля 1938 г. Подсудимый Кейтель присутствовал на совещании, на котором Гитлер угрожал доктору Шушнигу немедленным вторжением в Австрию. Шушниг в конце концов согласился на политическую амнистию в отношении различных категорий нацистов, осужденных за преступления, и на то, чтобы назначить нациста Зейсс-Инкварта министром внутренних дел и безопасности и передать ему контроль над полицией.

9 марта 1938 г., пытаясь сохранить независимость своей страны, доктор Шушниг решил провести плебисцит по вопросу о независимости Австрии и назначил его на 13 марта 1938 г. Через два дня Гитлер направил Шушнигу ультиматум, в котором требовал отмены плебисцита.

В течение дня и вечера 11 марта 1938 г. подсудимый Геринг предъявил целый ряд требований Австрийскому правительству, причем каждое из них подкреплялось угрозой вторжения. После того как Шушниг согласился на отмену плебисцита, было выдвинуто новое требование о том, чтобы Шушниг ушел в отставку, а подсудимый Зейсс-Инкварт был назначен канцлером. В результате Шушниг вышел в отставку, а президент Миклас, сначала отказавшийся назначить Зейсс-Инкварта канцлером, впоследствии уступил и назначил его на этот пост.

В то же самое время Гитлер отдал окончательный приказ германским войскам пересечь границу на рассвете 12 числа и дал инструкцию Зейсс-Инкварту использовать военизированные формирования австрийских национал-социалистов для того, чтобы сместить Микласа и захватить контроль над Австрийским правительством. После того как германским войскам был отдан приказ вступить в Австрию, Геринг позвонил по телефону в германское посольство в Вене и продиктовал текст телеграммы, которую по его настоянию Зейсс-Инкварт должен был послать Гитлеру с тем, чтобы оправдать военные действия, приказ о которых был уже отдан. Телеграмма гласила:

«Временное правительство Австрии, которое после отставки правительства Шушнига считает своей задачей установить мир и порядок в Австрии, направляет германскому правительству настойчивую просьбу поддержать его в выполнении этой задачи и помочь ему предотвратить кровопролитие. С этой целью оно просит германское правительство как можно скорее прислать германские войска».

Кепплер, один из сотрудников германского посольства, ответил:

«Отряды СА и СС маршируют по улицам, но все спокойно».

После дальнейшего обсуждения Геринг сообщил:

«Прошу вас показать текст этой телеграммы Зейсс-Инкварту и сообщить ему, что мы просим..., что уже ему нет даже необходимости посылать телеграмму. Все, что он должен сделать, это сказать «согласен».

Зейсс-Инкварт никогда не посылал этой телеграммы, он даже никогда не телеграфировал: «согласен». Оказывается, что как только он был назначен канцлером, в течение дня после 10 часов утра он посетил Кепплера и просил его позвонить Гитлеру и передать ему протест против оккупации.

Этот шаг привел в ярость подсудимого Геринга, потому что это нарушило бы покой фюрера, который собирался поехать в Австрию на следующий день.

В 11 час. 15 мин. вечера чиновник министерства пропаганды связался по телефону с германским посольством в Вене, и Кепплер сказал ему: «Сообщите генерал-фельдмаршалу, что Зейсс-Инкварт согласен».

На рассвете 12 марта 1938 г. германские войска вступили в Австрию, не встретив сопротивления. В германской прессе было объявлено, что Зейсс-Инкварт был назначен преемником Шушнига, и телеграмма, текст которой предложил Геринг, но которая никогда не была послана, цитировалась с тем, чтобы показать, что Зейсс-Инкварт просил о присылке германских войск для предотвращения беспорядков. 13 марта 1938 г. был издан закон о воссоединении Австрии с Германской империей. Зейсс-Инкварт требовал, чтобы президент Миклас подписал этот закон, но последний отказался сделать это и ушел в отставку. Его место занял Зейсс-Инкварт, подписавший закон от имени Австрии. Этот закон затем был принят как имперский закон декретом имперского кабинета, изданным в тот же день и подписанным Гитлером и подсудимыми Герингом, Фриком, фон Риббентропом и Гессом.

Перед Трибуналом было выдвинуто утверждение, что аннексия Австрии была оправдана сильным стремлением к союзу между Австрией и Германией, которое высказывалось во многих кругах. Утверждалось также, что у этих народов было много общих черт, которые делали этот союз желательным, и что в результате цель была достигнута без кровопролития.

Эти утверждения, даже если они являются правильными, фактически не существенны потому, что факты с определенностью доказывают, что методы, применяемые для достижения этой цели, были методами агрессора. Решающим фактором была военная мощь Германии, которая готова была вступить в действие в том случае, если бы она встретила какое-нибудь сопротивление. Более того, ни одно из этих соображений, как явствует из отчета Госсбаха о совещании 5 ноября 1937 г., не являлось мотивом действий Гитлера. Как раз наоборот, в этом документе подчеркивается прежде всего то преимущество, которое приобретает Германия в военном отношении в результате аннексии Австрии.

ЗАХВАТ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Совещание 5 ноября 1937 г. с полной очевидностью показало, что захват Чехословакии Германией был окончательно предрешен. Единственным нерешенным вопросом было подыскание

удобного момента для осуществления этого захвата. 4 марта 1938 г. подсудимый Риббентроп написал подсудимому Кейтелю о предложении, сделанном Риббентропу венгерским послом в Берлине, что возможные цели войны против Чехословакии должны быть обсуждены германской и венгерской армиями. В этом письме Риббентроп писал:

«У меня возникло много сомнений в отношении таких переговоров. Если же мы будем обсуждать с Венгрией возможные военные цели против Чехословакии, то существует опасность, что другие страны также смогут узнать об этом».

1 марта 1938 г. Геринг сделал два отдельных заявления господину Мастны, чехословацкому полномочному министру в Берлине, о том, что развитие действий в Австрии в то время ни в коей мере не окажет губительного влияния на отношения между Германской империей и Чехословакией, и подчеркнул постоянное искреннее стремление со стороны немцев к улучшению отношений между обеими странами. 12 марта Геринг попросил господина Мастны посетить его и повторил вышеупомянутые заверения.

Замысел успокаивать Чехословакию, пока осуществлялся захват Австрии, является типичным маневром со стороны подсудимого Геринга, который он позже повторил в случае с Польшей, когда прилагал все усилия для того, чтобы изолировать Польшу в приближающейся борьбе. В тот же день, 12 марта, подсудимый фон Нейрат говорил с господином Мастны и заверил его от имени Гитлера, что Германия все еще считает себя связанной германо-чехословацкой конвенцией об арбитраже, заключенной в Локарно в октябре 1925 года.

Доказательства устанавливают, что после оккупации Австрии германской армией 12 марта и аннексии Австрии 13 марта Конрад Генлейн, который был руководителем партии судетских немцев в Чехословакии, встретился с Гитлером в Берлине 28 марта. На следующий день на заседании в Берлине, на котором присутствовал Риббентроп вместе с Генлейном, было обсуждено общее положение, и позднее подсудимый Иодль сделал в своем дневнике следующую запись:

«После аннексии Австрии Гитлер заявляет, что нет надобности спешить для того, чтобы разрешить чешский вопрос, так как Австрия должна быть сначала переварена. Однако приготовления к проведению «Зеленого плана» (то есть плана против Чехословакии) должны проводиться энергично; они должны быть заново подготовлены с учетом изменившихся стратегических позиций в результате аннексии Австрии».

21 апреля 1938 г. состоялось совещание между Гитлером и подсудимым Кейтелем в отношении «Зеленого плана», которое показало совершенно ясно, что приготовления для нападения

на Чехословакию являлись предметом подробного рассмотрения. 28 мая 1938 г. Гитлер приказал, чтобы были сделаны приготовления для начала военных действий против Чехословакии 2 октября, и, начиная с этого времени, план нападения на Чехословакию постоянно находился в процессе рассмотрения.

30 мая 1938 г. Гитлер подписанной в этот день директивой объявил о своем «неуклонном решении разгромить Чехословакию с помощью вооруженных сил в ближайшем будущем».

В июне 1938 года, как видно из документа, захваченного в архиве СД в Берлине, был предложен тщательно разработанный план для использования СД в Чехословакии. Этот план предусматривал, что «СД будет следовать по мере возможности непосредственно за передовыми частями армии и возьмет на себя обязанности, сходные с теми, которые она выполняет в Германии...»

Представителям гестапо предписывалось взаимодействовать с СД в проведении некоторых операций. Специальные агенты должны были пройти предварительную подготовку с тем, чтобы предотвращать диверсии. Эти агенты должны были быть осведомлены «заблаговременно до нападения... с тем, чтобы дать им возможность скрыться и избежать ареста и высылки...»

«В начале можно ожидать партизанской войны, поэтому необходимо оружие...»

Должны были быть составлены справочные картотеки со следующими пометками: «арестовать...», «ликвидировать...», «конфисковать имущество...», «лишить паспорта...» и т. д.

План предусматривал временное деление страны на большие и малые территориальные единицы и рассматривал всякого рода так называемые «предложения» о включении в Германскую империю районов Чехословакии с проживающим в них населением. Окончательное «предложение» включало всю страну, вместе со Словакией и Закарпатской Украиной, с населением примерно в 15 миллионов человек. План был изменен в некоторых отношениях в сентябре после Мюнхенской конференции, но тот факт, что такой план существовал, был так детально разработан и был изложен в таком воинственном духе, указывает на существование заранее обдуманного намерения прибегнуть к силе.

31 августа 1938 г. Гитлер утвердил меморандум Йодля от 24 августа 1938 г. о времени издания приказа о вторжении в Чехословакию и по вопросу оборонительных мероприятий. Этот меморандум содержал следующее:

«Зеленый план» будет приведен в действие при помощи инцидента в Чехословакии, который даст Германии повод для военной интервенции; установление точного момента для совершения этого инцидента имеет первостепенное значение».

Эти факты свидетельствуют о том, что оккупация Чехословакии планировалась детально, задолго до Мюнхенской конференции.

В сентябре 1938 года совещания и беседы с военными руководителями продолжались. Ввиду создавшегося исключительно критического положения британский премьер-министр господин Чемберлен полетел в Мюнхен, а потом отправился в Берхтесгаден для того, чтобы встретиться с Гитлером. 22 сентября господин Чемберлен встретился с Гитлером для дальнейших переговоров в Бад-Годесберге. 26 сентября 1938 г. Гитлер заявил в речи, произнесенной в Берлине по поводу упомянутой беседы, следующее:

«Я заверил его и, более того, повторяю это здесь, что, когда эта проблема будет разрешена, для Германии не останется больше никаких территориальных проблем в Европе. Я далее заверил его, что с того момента, как Чехословакия разрешит свои другие проблемы, то есть когда чехи урегулируют свои отношения с другими нацменьшинствами мирно и без принуждения, я больше не буду заинтересован в чешском государстве, и в той мере, в какой это касается меня, я даю в этом полную гарантию. Нам не нужны чехи».

29 сентября 1938 г. после совещания между Гитлером, Муссолини, британским и французским премьер-министрами в Мюнхене было подписано Мюнхенское соглашение, по которому Чехословакия должна была согласиться на передачу Судетской области Германии. «Клочок бумаги», который британский премьер-министр привез с собой в Лондон, подписанный им самим и Гитлером, выражал надежду на то, что в будущем Великобритания и Германия смогут жить в мире. Тот факт, что вскоре после подписания соглашения Гитлер запросил у подсудимого Кейтеля сведения о вооруженных силах, которые, по его мнению, будут необходимы для преодоления всякого сопротивления чехов в Богемии и Моравии, является доказательством того, что Гитлер никогда не намеревался придерживаться Мюнхенского соглашения. Кейтель дал свой ответ 11 октября 1938 г. 21 октября 1938 г. Гитлер издал, а подсудимый Кейтель скрепил своей подписью директиву вооруженным силам в отношении их дальнейших задач, в ней говорилось: «Ликвидация остальной части Чехословакии. Следует обеспечить возможность раздавить в любой момент остальную часть Чехословакии, если ее политика станет враждебной по отношению к Германии».

Нет необходимости пересматривать события последующих месяцев. 14 марта 1939 г. чешский президент Гаха и его министр иностранных дел Хвалковский приехали в Берлин по предложению Гитлера и встретились с ним. При этом также

присутствовали подсудимые Риббентроп, Геринг, Кейтель и другие. Гаха было предложено подписать соглашение, предусматривающее немедленное включение чешского народа в состав Германской империи, и было обещано, что в этом случае Богемия и Моравия будут спасены от уничтожения. Он был поставлен в известность, что германские войска уже получили приказ выступить и что любое сопротивление будет сломлено физической силой. Подсудимый Геринг добавил к этому угрозу полностью уничтожить Прагу с воздуха. Поставленные перед этой страшной альтернативой Гаха и его министр иностранных дел в 4 час. 30 мин. утра подписали соглашение, которое от них требовали; со стороны Германии соглашение было подписано Гитлером и Риббентропом.

15 марта германские войска оккупировали Богемию и Моравию, и 16 марта был издан германский декрет, включавший Богемию и Моравию в империю в качестве протектората. Этот декрет был подписан подсудимыми Риббентропом и Фриком.

АГРЕССИЯ ПРОТИВ ПОЛЬШИ

К марту 1939 года план аннексии Австрии и Чехословакии, который обсуждался Гитлером на совещании 5 ноября 1937 г., был осуществлен. Наступило время для руководителей Германии рассмотреть вопрос о дальнейших актах агрессии, которые было легче провести благодаря осуществлению предыдущего.

23 мая 1939 г. было созвано совещание в кабинете Гитлера в новой имперской канцелярии в Берлине. Гитлер объявил о своем решении напасть на Польшу, изложил свои причины для этого и рассмотрел вопрос о том, каково будет воздействие такого решения на другие страны. С точки зрения времени это было вторым из важнейших совещаний, на которые уже делались ссылки. Для того чтобы полностью оценить значение сказанного и сделанного, необходимо кратко изложить некоторые главные события из истории германо-польских взаимоотношений.

Еще в 1925 году в Локарно был заключен договор об арбитраже между Германией и Польшей, предусматривавший разрешение всех споров между этими двумя странами. 26 января 1934 г. была опубликована германо-польская декларация о ненападении, подписанная от имени германского правительства подсудимым фон Нейратом. 30 января 1934 г. и вновь 30 января 1937 г. Гитлер выступил с речами в рейхстаге, в которых высказал свою точку зрения относительно того, что Польша и Германия могут жить в мире и согласии. 20 февраля 1938 г. Гитлер в третий раз выступил с речью в рейхстаге, во время которой сказал следующее в отношении Польши:

«Таким образом, был успешно проложен путь к дружескому взаимопониманию — взаимопониманию, которое, начавшись с Данцига, сегодня, вопреки попыткам некоторых интриганов, в конце концов устранило фактор, отравлявший отношения между Германией и Польшей, превратило их в искреннее и дружественное сотрудничество. Полагаясь на свои дружественные отношения, Германия не остановится ни перед чем для того, чтобы спасти тот идеал, который создает базу для выполнения стоящей перед нами задачи — установления мира».

26 сентября 1938 г., в разгар судетского кризиса, Гитлер произнес в Берлине речь, которая уже цитировалась, и заявил, что он сообщил британскому премьер-министру, что после разрешения чехословацкой проблемы для Германии не будет более существовать территориальных проблем в Европе. Тем не менее, 24 ноября того же года была издана директива ОКВ германским вооруженным силам, касающаяся подготовки нападения на Данциг. В ней говорилось:

«Фюрер приказал:

1. Подготовка должна также производиться для внезапной оккупации свободного города Данцига германскими войсками».

Несмотря на приказ о военных приготовлениях к оккупации Данцига, Гитлер 30 января 1939 г. в речи в рейхстаге заявил:

«В период тревожных месяцев прошлого года дружба между Германией и Польшей являлась одним из успокаивающих факторов политической жизни Европы».

За пять дней до этого, 25 января 1939 г., Риббентроп в речи в Варшаве заявил:

«Таким образом, Польша и Германия могут смотреть в будущее с полной уверенностью в прочность своих взаимоотношений».

После оккупации Германией 15 марта 1939 г. Богемии и Моравии, что являлось явным нарушением Мюнхенского соглашения, Великобритания 31 марта 1939 г. завершила Польшу в том, что в случае любого действия, которое явно будет угрожать независимости Польши и которому Польское правительство сочтет необходимым оказать сопротивление своими вооруженными силами, Великобритания будет считать себя обязанной немедленно оказать Польше всю возможную помощь. Французское правительство заняло аналогичную позицию. Интересно отметить в этой связи, что один из доводов, часто выдвигавшихся защитой на данном процессе, заключается в том, что именно согласие других держав побуждало подсудимых думать, что их действия не являются нарушением международного права. Декларации Великобритании и Франции показывают, по крайней мере, несостоятельность этой точки зрения.

3 апреля 1939 г. была издана новая, измененная директива ОКВ, предназначенная для вооруженных сил, в которой после освещения вопроса о Данциге говорилось о варианте «Вейс» (военное кодовое обозначение германского вторжения в Польшу) следующее:

«Фюрер добавил следующие указания к варианту «Вейс»:

1. Вести приготовления таким образом, чтобы операция могла быть предпринята в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.

2. Верховному командованию вооруженными силами было поручено составить точное расписание для операций варианта «Вейс» и путем совещаний согласовать во времени взаимодействие трех составных частей вооруженных сил».

11 апреля 1939 г. Гитлером была подписана другая директива вооруженным силам, и в одном из приложений к этому документу имеются следующие слова:

«Необходимо избегать возникновения трений с Польшей. Однако, если Польша займет угрожающую позицию по отношению к Германии, необходимо будет окончательно разделиться с ней, несмотря на имеющийся договор с Польшей. В таком случае наша цель будет заключаться в том, чтобы сокрушить польскую военную мощь и создать на Востоке положение, которое будет отвечать требованиям обороны. Свободный город Данциг будет включен в состав Германии сразу же после начала военных действий. Целью нашей политики является локализация войны в пределах Польши, и это считается возможным ввиду внутреннего кризиса Франции и вызванной этим обстоятельством сдержанности Англии».

Несмотря на содержание этих двух директив, Гитлер 28 апреля 1939 г. произнес в рейхстаге речь, в которой он, осветив вопрос о нежелании Польского правительства якобы принять сделанное ему предложение относительно Данцига и Польского коридора, заявил следующее:

«Я глубоко сожалею об этой непонятной позиции, занятой Польским правительством, но это одно не является решающим фактором. Гораздо хуже то, что Польша, подобно тому как Чехословакия год назад, под давлением лживой международной кампании поверила в то, что она должна мобилизовать войска, хотя Германия со своей стороны не призвала ни одного человека и даже не помышляла о каких-либо действиях против Польши. Намерение Германии совершить нападение является попросту измышлением международной прессы».

Через четыре недели после этой речи Гитлер 23 мая 1939 г. созвал важное военное совещание, о котором уже говорилось выше. Среди участвовавших были подсудимые Геринг, Редер и Кейтель. Дежурным адъютантом был подполковник Шмундт,

который произвел запись всего происшедшего и заверил подлинность записанного своей подписью. Целью этого совещания было дать возможность Гитлеру изложить свои взгляды на политическую ситуацию и ближайшие задачи руководящему составу вооруженных сил и их штабам. Дав оценку политической ситуации, перечислив события, происшедшие в период с 1933 года, Гитлер объявил о своем решении напасть на Польшу. Он признал, что причиной для нападения явились не споры с Польшей о Данциге, а необходимость расширения «жизненного пространства» Германии и обеспечения снабжения продовольствием. Он заявил:

«Для разрешения этой проблемы нужна смелость. Принцип уклонения от разрешения проблемы путем приспособления к обстоятельствам недопустим. Обстоятельства должны быть приспособлены к целям. А это невозможно без вторжения в иностранные государства или посягательства на чужую собственность».

Позднее в своих обращениях он добавил:

«Поэтому не может быть речи о жалости к Польше и нам остается лишь напасть на нее при первой подходящей возможности. Мы не можем надеяться, что дело пойдет так же, как в Чехословакии. Будет война. Наша задача — изолировать Польшу. Успешность изоляции явится решающим фактором... Изоляция Польши — вопрос искусной политики».

Записи подполковника Шмундта на совещании подтверждают, что Гитлер в полной мере осознавал возможность поддержки Польши Великобританией и Францией. Поэтому в том случае, если бы не могла быть достигнута изоляция Польши, Германия, по мнению Гитлера, должна была бы первой напасть на Великобританию и Францию или же взять курс, главным образом, на войну на Западе для того, чтобы быстро разгромить Великобританию и Францию или, по крайней мере, уничтожить их военный потенциал. Тем не менее Гитлер подчеркнул, что война с Англией и Францией будет борьбой не на жизнь, а на смерть, которая может продлиться долгое время, и что поэтому следует подготовиться к ней соответствующим образом.

В течение недель, последовавших за этим совещанием, было создано еще несколько совещаний и были изданы директивы о подготовке к войне. Подсудимый Риббентроп был послан в Москву для ведения переговоров с Советским Союзом относительно пакта о ненападении.

22 августа 1939 г. имело место то важное совещание, о котором уже говорилось выше. Обвинением были представлены в качестве доказательства два захваченных неподписанных документа, которые, по-видимому, являются записями, произведенными на этом совещании лицами, присутствовавшими на нем.

Первый документ озаглавлен: «Речь фюрера перед главнокомандующими от 22 августа 1939 г.». Целью речи было объявление решения начать немедленную войну в Польше. Гитлер начал со слов:

«Мне было ясно, что рано или поздно мы подойдем к конфликту с Польшей. Это решение я принял еще весной, но я думал, что сначала через несколько лет я выступлю против Запада и только после — против Востока. Я хотел установить приемлемые отношения с Польшей для того, чтобы иметь возможность выступить сначала против Запада. Но этот вполне приемлемый для меня план не мог быть приведен в исполнение после того, как изменился ряд существенных моментов. Мне стало ясно, что Польша нападет на нас в случае конфликта с Западом».

Затем Гитлер продолжал объяснять причину, по которой он пришел к заключению, что именно теперь настал удобный момент для начала войны.

«Теперь, — сказал Гитлер, — Польша как раз в таком положении, какого я желал..., я опасаюсь только того, что в последний момент какая-нибудь свинья сделает предложение о посредничестве..., ликвидация гегемонии Англии начата».

Этот документ очень сходен с одним из документов, предъявленных в качестве доказательства по делу подсудимого Редера. Упомянутый документ содержит краткий обзор той же самой речи, составленной в день ее произнесения неким адмиралом Бемом по записям, сделанным им во время совещания. Суть документа состоит в том, что настал момент решить спор с Польшей путем военного вторжения; что, хотя конфликт между Германией и Западом когда-нибудь неизбежен, вероятность того, что Великобритания и Франция придут на помощь Польше, — невелика; и что, если даже завяжется война с Западом, первой задачей будет сокрушение польской военной мощи. Он также содержит заявление Гитлера о том, что будет дан соответствующий пропагандистский повод для вторжения в Польшу, правдоподобность которого не имеет значения, так как «победителей не судят».

Второй неподписанный документ, представленный обвинением и озаглавленный «Вторая речь фюрера от 22 августа 1939 г.», представляет собой изложение основных моментов речи Гитлера. Из них ниже приводятся некоторые:

«Каждый должен ясно представлять себе, что мы с самого начала были полны решимости воевать с Западом. Борьба не на жизнь, а на смерть... Прежде всего уничтожение Польши. Задача — уничтожение живой силы, а не достижение какой-либо определенной географической линии. Если даже завяжется война с Западом, уничтожение Польши будет основной зада-

чей... Я дам пропагандистский повод для начала войны — неважно, будет ли он правдоподобен. Победителя никто никогда не спросит, говорил ли он правду. В начале и ходе войны важно не право, а победа... Приказ о начале, по всей вероятности, будет дан утром в субботу» (т. е. 26 августа).

Несмотря на то, что это выступление называется второй речью, есть достаточное количество общих мест с двумя ранее упомянутыми документами, дающих возможность считать этот документ отчетом о той же речи, не столько подробным, как два других, но в сути своей совпадающим.

Эти три документа устанавливают, что окончательное решение относительно даты начала уничтожения Польши, намеченной и обсужденной ранее в том же году, было принято Гитлером незадолго до 22 августа 1939 г. Они показывают, что, хотя он надеялся избежать войны с Великобританией и Францией, он полностью отдавал себе отчет в наличии опасности пойти на этот риск.

События последних дней августа подтвердили это решение. 22 августа 1939 г., в тот же день, когда была произнесена эта речь, на которую мы только что ссылались, премьер-министр Великобритании обратился с письмом к Гитлеру, в котором писал:

«Таким образом, выяснив наши позиции, я хочу повторить вам мое убеждение в том, что война между нашими народами будет величайшим из возможных бедствий».

23 августа Гитлер ответил:

«Решение вопроса о разрешении европейских проблем на мирной основе зависит не от Германии, а главным образом от тех, кто с момента преступления, совершенного созданием Версальского диктата, упорно и настойчиво противился его мирному пересмотру. И только после изменения позиции несущих за это ответственность держав могут произойти изменения в отношениях между Англией и Германией».

Затем в адрес Гитлера последовал ряд обращений с тем, чтобы предотвратить превращение польского вопроса в войну, в частности, от президента Рузвельта — 24 и 25 августа, от его святейшества папы римского — 24 и 31 августа и от господина Даладьё, премьер-министра Франции, — 26 августа. Однако Гитлер остался глух к этим призывам.

25 августа Великобритания подписала пакт о взаимопомощи с Польшей, подтвердивший обязательства, данные Англией Польше в начале года. Это вместе с известиями о нежелании Муссолини начать войну на стороне Германии заставило Гитлера некоторое время колебаться. Вторжение в Польшу, начало которого было запланировано на 26 августа, было отложено до следующей попытки убедить Великобританию не вмешиваться.

Гитлер предложил Великобритании заключить широкое соглашение, как только вопрос будет разрешен. В ответ на это Великобритания сделала контрпредложение разрешить польский вопрос путем переговоров. 29 августа Гитлер сделал заявление британскому послу о том, что правительство Германии, несмотря на свое скептическое отношение к результатам, будет готово начать непосредственные переговоры с польским представителем, если последний прибудет в Берлин до полуночи следующего числа, 30 августа, и будет облечен чрезвычайными полномочиями. Польское правительство было поставлено в известность об этом, но, помня пример Шушнига и Гаха, решило не посылать такого представителя.

В полночь 30 августа подсудимый Риббентроп бегло прочитал британскому послу документ, в котором впервые приводилось точное изложение германских требований Польше. Он, однако, отказался дать послу копию документа и заявил, что в любом случае уже слишком поздно, так как полномочный представитель Польши не прибыл.

Трибунал считает, что характер ведения Гитлером и Риббентропом этих переговоров делает совершенно ясным, что они начали их не с честными намерениями и не стремились с их помощью добиться сохранения мира, а руководствовались лишь желанием предотвратить выполнение Великобританией и Францией гарантий по отношению к Польше.

Одновременно с этими переговорами Геринг предпринимал безуспешные попытки изолировать Польшу, стараясь убедить Великобританию не сдерживать данного ею слова через некоего Биргера Далеруса, шведа. Далерус, который вызывался в качестве свидетеля защиты по делу Геринга, имел обширные сведения об Англии и о положении вещей в Англии, и в июле 1939 года он был исполнен желания помочь Англии и Германии добиться лучшего взаимопонимания в надежде предотвратить войну между этими двумя странами. Он вошел в контакт как с Герингом, так и с официальными кругами в Лондоне; во второй половине августа Геринг использовал его в качестве неофициального посредника для того, чтобы отговорить правительство Великобритании от противодействия германским намерениям в отношении Польши. Далерус, конечно, в то время не знал о решении Гитлера, секретно сообщенном 22 августа, а также и о германских военных директивах относительно нападения на Польшу, которые уже существовали. Согласно его показаниям, только после 26 сентября, то есть после того, как захват Польши был в основном закончен, он впервые осознал, что целью Геринга было заручиться согласием Великобритании на захват Польши Германией.

После того как все попытки убедить Германию согласиться на урегулирование спора с Польшей на разумных основаниях провалились, 31 августа Гитлер издал свою окончательную директиву, в которой отметил, что нападение на Польшу должно начаться ранним утром 1 сентября, и дал указания о необходимых мерах в случае вступления Англии и Франции в войну на стороне Польши.

По мнению Трибунала, события в дни, предшествовавшие 1 сентября 1939 г., свидетельствуют о решимости Гитлера и его приспешников любой ценой осуществить объявленное им намерение захватить Польшу, несмотря на обращения к нему со всех концов света. Имея перед собой все новые и новые доказательства того, что это намерение приведет к войне также с Англией и Францией, Гитлер бесповоротно решил не отклоняться от взятого курса.

Трибунал считает полностью доказанным, что война, начатая Германией против Польши 1 сентября 1939 г., была явно агрессивной войной, которая не могла впоследствии не превратиться в войну, охватившую почти весь мир, и обусловила совершение бесчисленных преступлений как против законов и обычаев войны, так и против человечности.

ВТОРЖЕНИЕ В ДАНИЮ И НОРВЕГИЮ

Агрессивная война против Польши была только началом. Агрессия нацистской Германии быстро распространялась от одной страны к другой. С точки зрения времени первыми двумя странами, подвергшимися агрессии, были Дания и Норвегия.

31 мая 1939 г. между Германией и Данией был заключен договор о ненападении; он был подписан подсудимым Риббентропом. В нем торжественно провозглашалось, что договаривающиеся стороны «полны решимости поддерживать мир между Данией и Германией при любых обстоятельствах». Несмотря на это, Германия вторглась в Данию 9 апреля 1940 г.

2 сентября 1939 г., после начала войны с Польшей, Германия направила следующие торжественные заверения Норвегии: «Правительство Германской империи, учитывая дружественные отношения, существующие между Норвегией и Германией, не намерено ни в коем случае нарушать целостность и неприкосновенность Норвегии и будет уважать территориальную неприкосновенность Норвежского государства.

Естественно, правительство империи надеется, делая подобное заявление, что Норвегия со своей стороны будет соблюдать безусловный нейтралитет по отношению к империи и не потерпит никаких возможных нарушений нейтралитета Норвегии какой-либо третьей стороной. Если королевское правительство

Норвегии отклонится от этого договора и в результате произойдет подобное нарушение нейтралитета третьей стороной, имперское правительство, очевидно, будет вынуждено охранять интересы империи таким образом, как потребует сложившаяся в результате этого обстановка».

9 апреля 1940 г., согласно своему плану действий, Германия вторглась в Норвегию.

Установлено, что идея нападения на Норвегию исходила от подсудимых Редера и Розенберга.

3 октября 1939 г. подсудимый Редер подготовил меморандум о «захвате баз в Норвегии»; среди рассмотренных вопросов был следующий: «Можно ли против воли Норвегии приобрести базы путем применения военной силы, если невозможно этого достигнуть, не прибегая к войне». Несмотря на это, три дня спустя Германия дополнительно заверила Норвегию в том, что «интересы Германии никогда не сталкивались с интересами северных государств и между ними не существовало и не существует спорных вопросов». Три дня спустя подсудимый Дениц составил меморандум на эту же тему о базах в Норвегии и предложил создать базу в Тронхейме или снабжаться топливом из Нарвика. В то же время подсудимый Редер переписывался с адмиралом Карлсом, который указал Редеру на важность оккупации норвежского побережья Германией, и 10 октября Редер доложил Гитлеру о том невыгодном положении, которое создается для Германии в случае, если Англия оккупирует Норвегию. В октябре и ноябре Редер продолжал разрабатывать планы возможной оккупации Норвегии совместно с «организацией Розенберга». «Организация Розенберга» представляла собой внешнеполитический отдел НСДАП, и Розенберг в качестве рейхслейтера руководил им. В начале декабря Квислинг, известный норвежский предатель, посетил Берлин и был принят подсудимыми Розенбергом и Редером. Он предложил план государственного переворота в Норвегии. 12 декабря подсудимый Редер и штаб военно-морского флота, совместно с подсудимыми Кейтелем и Иодлем, совещались с Гитлером, и тогда Редер доложил о своей встрече с Квислингом и изложил взгляды Квислинга. 16 декабря Гитлер сам беседовал с Квислингом по этим вопросам.

В докладе о деятельности внешнеполитического отдела НСДАП за период 1933—1943 гг., озаглавленном «Политическая подготовка к военной оккупации Норвегии», говорится, что в беседе с Квислингом Гитлер заявил, что он предпочел бы нейтральную позицию Норвегии, так же, как и всей Скандинавии, так как он не желал увеличивать театра военных действий или вовлекать в конфликт другие государства. В случае, если противник попытается бы распространить войну, он был бы вынужден защищаться против подобных действий. Он обещал Квис-

лингу финансовую поддержку и дал указание специальному военному штабу подготовить связанные с этим вопросы военного характера.

27 января 1940 г. подсудимым Кейтелем был составлен меморандум относительно планов вторжения в Норвегию. 28 февраля 1940 г. подсудимый Иодль записал в своем дневнике:

«Я предложил сначала начальнику ОКВ и затем фюреру, чтобы «вариант Гельб» (то есть операция против Нидерландов) и «вариант Везер» (то есть операции против Норвегии и Дании) были составлены таким образом, чтобы быть независимыми друг от друга в отношении времени и занятых сил».

1 марта 1940 г. Гитлер издал директиву по поводу «варианта Везер», в которой говорится следующее:

«Развитие событий в Скандинавии требует, чтобы велась все приготовления к оккупации Дании и Норвегии частью германских вооруженных сил. Эта операция должна предотвратить британское вторжение в Скандинавию и Балтику. Далее эта операция должна гарантировать безопасность наших рудных баз в Швеции и должна будет дать нашим военно-морским и воздушным силам более протяженный исходный рубеж в борьбе против Англии.

Переход датской границы и высадка в Норвегии должны произойти одновременно... Чрезвычайно важно, чтобы наши мероприятия явились неожиданностью для скандинавских государств и западных противников».

24 марта были изданы приказы о проведении военно-морских операций в соответствии с «вариантом Везер», и 30 марта 1940 г. подсудимый Дениц, главнокомандующий подводным флотом, издал оперативный приказ об оккупации Дании и Норвегии. 9 апреля 1940 г. германские вооруженные силы вторглись в Норвегию и Данию.

Из этого изложения событий явствует, что вопрос о вторжении в Норвегию обсуждался уже в октябре 1939 года. Защита утверждает, что Германия была вынуждена напасть на Норвегию, чтобы опередить вторжение союзников, и поэтому ее действия были превентивными.

Следует помнить, что превентивные действия на чужой территории оправданы только в случае «немедленной и настоятельной необходимости самообороны, когда уже не представляется возможности для выбора средств и для обдумывания». (Дело Каролины, Сборник примеров из судебной практики по международному праву, II, 412, Мур.)

Трудно с точностью определить, в какой степени влиятельные германские круги разделяли мнение о том, что союзники намеревались оккупировать Норвегию. Квислинг утверждал, что союзники вторгнутся в Норвегию с молчаливого согласия

Норвежского правительства. Германская миссия в Осло не разделяла этой точки зрения, хотя военно-морской аташе миссии разделял ее.

В дневнике боевых действий военно-морского оперативного штаба 13 января 1940 г. говорится, что начальник военно-морского оперативного штаба считал, что самым благоприятным разрешением вопроса было бы сохранение нейтралитета Норвегии, но он был твердо убежден, что Англия намеревалась оккупировать Норвегию в ближайшем будущем, рассчитывая на молчаливое согласие Норвежского правительства.

В директиве Гитлера от 1 марта 1940 г. относительно нападения на Данию и Норвегию говорится о том, что операция «должна предотвратить вторжение Англии в Скандинавию и в Балтику». Однако следует помнить, что в меморандуме подсудимого Редера от 3 октября 1939 г. говорится не о предупреждении действий союзников, а лишь о «цели улучшения наших стратегических и оперативных позиций». Сам меморандум озаглавлен «Приобретение баз в Норвегии». Это же замечание с учетом изменившихся обстоятельств относится к меморандуму подсудимого Деница от 9 октября 1939 г.

Далее, 13 марта подсудимый Йодль записал в своем дневнике следующее:

«Фюрер еще не дает приказа о начале «В» («вариант Везер»). Он все еще ищет предлога».

14 марта 1940 г. он снова записал:

«Фюрер еще не решил, какой повод найти для осуществления «варианта Везер».

21 марта 1940 г. Йодль указал в своих записях на опасения, высказанные оперативной группой XXI относительно длительного интервала между объявлением состояния боевой готовности и завершением дипломатических переговоров, и добавил:

«Фюрер отклоняет всякие преждевременные переговоры, так как в этом случае будут обращаться за помощью к Англии и Америке. Если будет оказано сопротивление, необходимо его безжалостно подавить».

2 апреля Йодль записал, что все приготовления уже закончены.

4 апреля был отдан оперативный приказ военно-морскому флоту, и 9 апреля началось вторжение.

Из всего этого ясно, что, когда составлялись планы о нападении на Норвегию, они не были составлены с целью предупреждения грозившей высадки союзников, в лучшем случае в них ставилась цель предотвратить оккупацию союзниками в будущем.

В день, когда были даны окончательные приказы о германском вторжении в Норвегию, 23 марта 1940 г., в дневнике военно-морского оперативного штаба было записано: «Не следует

ожидать в настоящее время массового вторжения англичан в норвежские территориальные воды».

В записках адмирала Асмана от 26 марта говорится следующее: «Угроза высадки англичан в Норвегии не считается серьезной».

На документах, которые были впоследствии захвачены немцами, основываются для того, чтобы показать, что план союзников по захвату портов и аэродромов в западной Норвегии был вполне конкретным планом, хотя во всех пунктах он значительно отставал по времени от германских планов, согласно которым фактически было проведено вторжение.

Эти документы показывают, что 20 марта 1940 г. был окончательно принят измененный план, согласно которому конвой должен был отправиться из Англии 5 апреля, минирование норвежских вод должно было начаться в тот же день и что время выхода в море было перенесено с 5 апреля на 8 апреля. Но эти планы не были причиной германского вторжения в Норвегию.

Норвегия была оккупирована Германией для того, чтобы обеспечить Германию базами, с которых можно было бы проводить более эффективные налеты на Англию и Францию согласно планам, подготовленным задолго до того, как появились какие-либо планы у союзников, на которые теперь ссылаются при попытке поддержать теорию самообороны.

Далее утверждалось, что Германия одна могла решить, в соответствии с оговорками, сделанными подписавшимися державами во время заключения пакта Бриана — Келлога, является ли проведение превентивных действий необходимостью, и что при принятии этого решения ее мнение было окончательным.

Вопрос о том, являются ли действия, предпринятые якобы с целью самозащиты, фактически агрессивными или оборонительными, должен быть подвергнут рассмотрению и окончательно решен, если мы вообще хотим, чтобы торжествовали принципы международного права.

Подсудимые не высказывали никакого предположения о том, что имелся какой-либо план у любой воюющей страны, кроме Германии, по оккупации Дании; никогда не выдвигалось никакого оправдания этой агрессии.

Как только германские войска вступили в Норвегию и Данию, германские меморандумы были вручены Норвежскому и Датскому правительствам; в них содержалось заверение, что германские войска пришли не как враги, что они не намереваются использовать пункты, занятые германскими войсками, в качестве баз для операций против Англии, если их не принудят к этому меры, принятые Англией и Францией, и что они

прибыли защищать Север от предполагаемой оккупации норвежских крепостей англо-французскими силами.

В меморандумах также говорилось, что Германия не намеревается нарушать территориальную целостность и политическую независимость королевства Норвегии ни в настоящее время, ни в будущем. Несмотря на это, в меморандуме германского военно-морского флота 3 июня 1940 г. говорилось об использовании Норвегии и Дании и выдвигалось на рассмотрение предложение о том, чтобы территории Дании и Норвегии, приобретенные в ходе войны, продолжали оставаться оккупированными и организованными таким образом, чтобы в дальнейшем они могли считаться германскими владениями.

В свете всех доступных доказательств нельзя признать, что вторжение в Данию и Норвегию являлось в каком-либо отношении оборонительным актом, и, по мнению Трибунала, оно, несомненно, представляет собой агрессивную войну.

ВТОРЖЕНИЕ В БЕЛЬГИЮ, НИДЕРЛАНДЫ И ЛЮКСЕМБУРГ

План захвата Бельгии и Нидерландов рассматривался в августе 1938 года, когда планировалось нападение на Чехословакию и рассматривалась возможность войны с Францией и Англией. Подчеркивались преимущества, которые может получить Германия от использования этих стран в своих целях, особенно от использования в качестве воздушных баз в войне против Англии и Франции. В мае 1939 года, когда Гитлер принял твердое решение напасть на Польшу, он, предвидя возможность войны с Англией и Францией как результат этого нападения, говорил своим военным командующим:

«Голландские и бельгийские военно-воздушные базы должны быть захвачены..., заявления о нейтралитете должны игнорироваться».

22 августа этого же года он говорил своим военным командующим, что Англия и Франция, по его мнению, «не будут нарушать нейтралитет этих стран». В то же время он заверил Бельгию, Голландию и Люксембург, что он будет уважать их нейтралитет, и 6 сентября 1939 г., после польской кампании, он вновь повторил эти заверения. 7 октября генерал фон Браухич приказал армейской группе «Б» подготовиться к «немедленному вторжению на голландскую и бельгийскую территории, если такая необходимость будет вызвана политической ситуацией». В ряде приказов, подписанных подсудимыми Кейтелем и Йодлем, дата нападения была намечена на 10 ноября 1939 г., но время от времени откладывалась, вплоть до мая 1940 года,

в связи с метеорологическими условиями и трудностями с транспортом.

На совещании 23 ноября 1939 г. Гитлер говорил:

«Наша Ахиллесова пята — Рур. Успех войны будет зависеть от того, будет ли нам принадлежать Рур. Если Англия и Франция проникнут в Рур через Бельгию и Голландию, мы окажемся в величайшей опасности. Несомненно, Англия и Франция нападут на Германию, как только они вооружатся.

Англия и Франция смогут оказать влияние на Бельгию и Голландию с тем, чтобы они обратились к Англии и Франции за помощью. Бельгия и Голландия полностью сочувствуют Франции и Англии... Если французская армия вступит в Бельгию для того, чтобы напасть на нас, это будет слишком поздно для нас. Мы должны опередить их... Мы создадим минные поля вдоль побережья Англии, и их нельзя будет разминировать.

Эта минная война в сочетании с воздушной войной требует других предпосылок. Англия не может существовать без импорта. Мы сможем прокормить сами себя.

Беспрерывное минирование вод у английского побережья поставит Англию на колени. Однако это может произойти лишь после оккупации Бельгии и Голландии. Мое решение непоколебимо. Я нанесу молниеносный удар по Франции и Англии и в самый благоприятный момент.

Вопрос о нарушении нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет никакого значения; никто не будет говорить об этом после нашей победы.

Мы не будем нарушать нейтралитет так глупо, как это было в 1914 году. Если мы не нарушим нейтралитета, тогда его нарушат Англия и Франция. Без нападения война не может закончиться победоносно...»

10 мая 1940 г. германские войска оккупировали Нидерланды, Бельгию и Люксембург. В этот же день германские послы вручили правительствам Нидерландов и Бельгии меморандум, в котором говорилось, что британские и французские армии с одобрения Бельгии и Голландии планировали проход через территорию этих стран с тем, чтобы напасть на Рурскую область, оправдывая этим свое вторжение в эти страны. Однако Германия заверила Нидерланды и Бельгию, что она будет уважать неприкосновенность их владений.

Такой же меморандум был вручен Люксембургу в тот же день.

Трибунал не располагает доказательствами, оправдывающими утверждение, что вторжение Германии в Нидерланды, Бельгию и Люксембург было совершено потому, что Англия и Франция планировали их оккупацию. Британский и французский генеральные штабы сотрудничали в составлении некоторых

планов военных операций в Нидерландах, но целью этих планов являлась защита этих стран в случае нападения Германии.

Вторжение в Бельгию, Голландию и Люксембург было ничем не оправданным актом. Оно было проведено в соответствии с долго подготовлявшейся и заранее обдуманной политикой и, несомненно, являлось актом агрессивной войны. Решение о вторжении было принято лишь исходя из соображений дальнейшего развития агрессивной политики Германии.

АГРЕССИЯ ПРОТИВ ЮГОСЛАВИИ И ГРЕЦИИ

12 августа 1939 г. Гитлер имел беседу с Чиано и подсудимым Риббентропом в Оберзальцберге. Он тогда говорил:

«Вообще говоря, самое лучшее, что может случиться, — это ликвидация нейтралов одного за другим. Проведение этого мероприятия может быть значительно облегчено, если в каждом случае одна страна оси будет охранять другую, в то время как она расправляется с ненадежным нейтралом. Италия может вполне рассматривать Югославию как нейтральную страну такого рода».

Это замечание было сделано через два месяца после того, как Гитлер заверил Югославию, что он будет рассматривать ее границы как окончательные и неприкосновенные. По случаю визита принца-регента Югославии в Германию 1 июня 1939 г. Гитлер в публичной речи заявил:

«Твердо установившиеся надежные взаимоотношения Германии с Югославией, поскольку сейчас, благодаря историческим событиям, мы стали соседями и имеем общие границы, установленные навсегда, не только обеспечат длительный мир между нашими двумя народами и странами, но и явятся успокаивающим фактором на нашем континенте, находящемся в состоянии нервного напряжения. Этот мир является целью всех, кто стремится проводить действительно созидательную работу».

6 октября Германия повторила свои заверения Югославии после того, как Гитлер и Риббентроп безуспешно пытались убедить Италию вступить в войну на стороне Германии и напасть на Югославию. 28 октября 1940 г. Италия вторглась в Грецию, но военные операции не были успешными. В ноябре Гитлер писал Муссолини относительно вторжения в Грецию и распространения войны на Балканы и указал, что никакие военные операции не могут проводиться на Балканах до марта следующего года и поэтому Югославия, если это вообще возможно, должна быть завоевана другими средствами и другим путем. Но 12 ноября 1940 г. Гитлер издал директиву о проведении военных действий, в которой говорилось:

«Балканы. Главнокомандующий сухопутными силами должен провести подготовку для оккупации греческого материка севернее Эгейского моря и, в случае необходимости, прохода через территорию Болгарии».

13 декабря он издал директиву, касающуюся операции «Марита» (кодовое обозначение для вторжения в Грецию), в которой говорилось:

«1. Исход боев в Албании еще не решен. Благодаря опасной ситуации в Албании вдвойне необходимо помешать попытке англичан создать воздушные базы под защитой Балканского фронта, что будет угрожать прежде всего Италии и румынским нефтяным районам.

2. Поэтому мой план заключается в следующем:

а) создать постоянно усиливающуюся оперативную группу в южной Румынии в течение следующего месяца,

б) после установления благоприятной погоды, вероятно в марте, послать оперативную группу для оккупации северного побережья Эгейского моря через Болгарию и, в случае необходимости, занять весь материк Греции».

20 января 1941 г. во время встречи Гитлера и Муссолини, на которой присутствовали подсудимые Риббентроп, Кейтель, Иодль и другие, Гитлер заявил:

«Сосредоточение войск в Румынии преследует тройную цель:

а) операции против Греции,

б) защита Болгарии от России и Турции,

в) обеспечение гарантий по отношению к Румынии.

Желательно завершить это развертывание сил без вмешательства противника. Поэтому следует раскрыть карты как можно позже. Мы должны стремиться к тому, чтобы пересечь Дунай в последний момент и сосредоточиться для наступления как можно раньше».

В директиве ОКВ от 19 февраля 1941 г. относительно операции «Марита» говорится:

«18 февраля фюрер принял следующее решение относительно проведения операции «Марита» — устанавливаются следующие сроки: приступить к строительству моста 28 февраля; пересечь Дунай 2 марта».

3 марта 1941 г. британские войска высадились в Греции для помощи грекам в оказании сопротивления итальянцам; 18 марта во время беседы Гитлера с подсудимым Редером, на которой также присутствовали подсудимые Кейтель и Иодль, подсудимый Редер просил подтвердить, «что вся Греция должна быть оккупирована даже в случае мирного решения». На это Гитлер ответил: «Полная оккупация является необходимой предпосылкой для любого решения».

25 марта по случаю празднования присоединения Югославии к тройственному пакту на митинге в Вене подсудимый Риббентроп от имени германского правительства подтвердил решимость Германии всегда уважать суверенитет и территориальную целостность Югославии. 26 марта югославские министры, которые присоединились к тройственному пакту, по их возвращении из Вены были отстранены от должностей в результате государственного переворота в Белграде, и новое правительство денонсировало этот пакт. Тогда 27 марта на совещании верховного командования в Берлине, на котором присутствовали все время подсудимые Геринг, Кейтель и Иодль и некоторое время подсудимый Риббентроп, Гитлер заявил, что Югославия является ненадежным фактором в предполагаемом нападении на Грецию и еще более ненадежным в отношении нападения на Россию, которое должно начаться несколько позже. Гитлер объявил, что он полон решимости, не дожидаясь возможных деклараций о лояльности нового правительства, сделать все приготовления для уничтожения Югославии в военном отношении и как национальной единицы. Он заявил, что он будет действовать с «беспощадной жестокостью».

6 апреля германские силы вторглись в Грецию и Югославию без предупреждения, и Белград был подвергнут бомбардировке германскими военно-воздушными силами. Это вторжение происходило настолько быстро, что даже не было времени предварительно спровоцировать какие-либо «инциденты», как обычно делалось, или найти и опубликовать подходящие «политические» объяснения. В начале нападения 6 апреля Гитлер объявил германскому народу, что оно являлось необходимою, потому что наличие в Греции британских войск (которые помогали грекам защищаться от итальянцев) является показателем попытки Великобритании распространить войну на Балканы.

Из этого изложения событий ясно, что агрессивная война против Греции и Югославии давно подготавливалась, по крайней мере, с августа 1939 года. Тот факт, что Великобритания пришла на помощь грекам и в результате смогла бы причинить большой ущерб интересам Германии, был использован для оккупации обеих стран.

АГРЕССИВНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

23 августа 1939 г. Германия подписала пакт о ненападении с Союзом Советских Социалистических Республик.

Представленные доказательства безошибочно показывают, что Советский Союз со своей стороны придерживался условий

этого пакта; и действительно, само германское правительство получало заверения в этом из авторитетных германских источников. Так, германский посол в Москве сообщил правительству, что Советский Союз будет воевать только в том случае, если на него нападет Германия, и это заявление зафиксировано в германском дневнике боевых действий от 6 июня 1941 г.

Однако уже в конце лета 1940 года Германия начала подготовку к нападению на СССР, невзирая на пакт о ненападении. Эта операция планировалась секретно под условным названием «план Барбаросса», и бывший фельдмаршал Паулюс показал, что 3 сентября 1940 г., когда он стал сотрудником германского генерального штаба, он продолжал разработку «плана Барбаросса», которая окончательно была завершена к началу ноября 1940 года, и даже тогда германский генеральный штаб не имел никаких сведений о том, что Советский Союз подготавливается к войне.

18 декабря 1940 г. Гитлер издал директиву № 21, на которой стояли инициалы Кейтеля и Иодля и которая требовала окончания всех приготовлений, связанных с выполнением «плана Барбаросса», 15 мая 1941 г.

Эта директива гласит:

«Германские вооруженные силы должны быть подготовлены, чтобы разгромить Советскую Россию в быстрой кампании, до окончания войны с Англией. Должны быть приняты особые меры предосторожности для того, чтобы не были обнаружены намерения совершить нападение...»

До издания директивы от 18 декабря 1940 г. подсудимый Геринг сообщил об этом плане генералу Томасу — начальнику управления военной экономики ОКВ, и генерал Томас составил обзор экономических возможностей СССР, включая сырьевые ресурсы, энергетические мощности, транспортную систему и его производственную мощь в области вооружений. В соответствии с этим обзором под непосредственным руководством Геринга был создан экономический штаб по делам восточных территорий со многими военно-хозяйственными учреждениями (инспекциями, командами, группами). Совместно с военным командованием эти учреждения должны были добиться как можно более полной и эффективной экономической эксплуатации оккупированных территорий в интересах Германии.

После совещаний и помощи со стороны подсудимых Кейтеля, Иодля, Редера, Функа, Геринга, Риббентропа, Фрика, Шираха и Фриче или их представителей подсудимый Розенберг в течение трех месяцев разрабатывал основы будущей политической и экономической организации оккупированных территорий. Это явилось предметом очень подробного отчета, составленного немедленно после вторжения.

В этих планах намечалось уничтожение Советского Союза как независимого государства, его расчленение, создание так называемых имперских комиссариатов и превращение Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и других территорий в германские колонии.

В то же время Германия вовлекла в войну против СССР Венгрию, Румынию и Финляндию. В декабре 1940 года Венгрия согласилась принять участие в войне, за что Германия обещала ей некоторые территории за счет Югославии.

В мае 1941 года было достигнуто окончательное соглашение с Антонеску — премьер-министром Румынии — по поводу нападения на СССР, согласно которому Германия обещала Румынии Бессарабию, Северную Буковину и право оккупировать советскую территорию до Днепра.

22 июня 1941 г. без объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленными планами.

Доказательства, представленные Трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную державу, для того чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток, в соответствии с ее стремлениями. В «Майн кампф» Гитлер писал:

«Если мы хотим приобрести новую территорию в Европе, то это может быть сделано в основном за счет России, и опять новая германская империя должна следовать по стопам тевтонских рыцарей. Но на этот раз земли для германского плуга будут приобретены германским мечом, и таким образом мы обеспечим нации хлеб насущный».

Но существовала еще одна, более непосредственная цель, и в одном меморандуме, изданном ОКВ, указывалось, что эта ближайшая цель заключалась в том, чтобы прокормить немецкие армии за счет советских территорий на третьем году войны, даже если «в результате этого погибнут многие миллионы людей от голода вследствие того, что мы вывезем из страны все необходимое для нас».

Конечные цели нападения на Советский Союз были сформулированы на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г., в котором принимали участие подсудимые Геринг, Кейтель, Розенберг и Борман.

«Создание военной державы западнее Урала не может снова стать на повестку дня, даже если бы нам для этого пришлось воевать 100 лет... Вся Прибалтика должна стать частью империи. Крым с прилегающими районами (область севернее Крыма) также должен быть включен в состав империи. Приволжские районы точно так же, как и район Баку, должны быть включены в империю. Финны хотят получить Восточную Каре-

лию. Однако ввиду больших залежей никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии».

От имени подсудимых выдвигалось утверждение о том, что нападение на СССР было оправдано, потому что Советский Союз намеревался напасть на Германию и готовился к этому. Невозможно поверить, что эта точка зрения когда-либо являлась искренним убеждением.

Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия.

ВОЙНА ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Через четыре дня после того, как Япония совершила нападение на флот Соединенных Штатов в Пирл-Харборе 7 декабря 1941 г., Германия объявила войну Соединенным Штатам.

27 сентября 1940 г. между Германией, Италией и Японией был заключен тройственный пакт, и начиная с этого времени вплоть до нападения на СССР подсудимый Риббентроп вместе с другими подсудимыми пытался побудить Японию напасть на британские владения на Дальнем Востоке. Считали, что это ускорит поражение Англии и предотвратит вступление Соединенных Штатов в войну. Возможность непосредственного нападения на Соединенные Штаты обсуждалась и считалась вопросом будущего. Майор фон Фалькенштейн, офицер связи воздушных сил при оперативном штабе ОКВ, суммируя военные проблемы, которые подлежали обсуждению в Берлине в октябре 1940 года, говорил о возможности «вступления в войну против Америки позднее». Также ясно, что германская политика, заключавшаяся в том, чтобы предотвратить, если возможно, вступление Америки в войну, не мешала Германии обещать поддержку Японии даже против Соединенных Штатов.

4 апреля 1941 г. Гитлер сообщил японскому министру иностранных дел Мацуока в присутствии подсудимого Риббентропа, что Германия «нанесет удар без промедления», если нападение Японии на Сингапур приведет к войне между Японией и Соединенными Штатами.

На следующий день сам Риббентроп настоятельно требовал от Мацуока вступления Японии в войну.

28 ноября 1941 г., за 10 дней до нападения на Пирл-Харбор, Риббентроп подстрекал Японию через ее посла в Берлине к нападению на Великобританию и Соединенные Штаты и заявил, что в случае, если Япония будет вовлечена в войну с Соединенными Штатами, Германия немедленно вступит в войну.

Через несколько дней японские представители сообщили Германии и Италии, что Япония ведет подготовку к нападению на Соединенные Штаты, и просили их оказать поддержку. Германия и Италия согласились на это, хотя в тройственном пакте Германия и Италия давали обязательство помочь Японии только в том случае, если она подвергнется нападению. Когда было совершено нападение на Пирл-Харбор, подсудимый Риббентроп, как сообщается, был «вне себя от радости», и позднее, во время церемонии в Берлине, когда японский посол Осима был награжден германской медалью, Гитлер указал на то, что он одобряет японскую тактику затягивания переговоров с Соединенными Штатами и нанесения затем сокрушительного удара без всякого объявления войны.

Хотя Гитлер и его сообщники действительно вначале не считали, что война с Соединенными Штатами будет выгодной для их интересов, однако вполне очевидно, что в 1941 году эта точка зрения изменилась, и Японию всячески подстрекали проводить такую политику, которая почти без сомнения должна была втянуть Соединенные Штаты в войну. Когда Япония напала на флот Соединенных Штатов в Пирл-Харборе и таким образом начала агрессивную войну против Соединенных Штатов, нацистское правительство заставило Германию немедленно вступить в эту войну на стороне Японии, само объявив войну Соединенным Штатам.

НАРУШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Устав определяет как преступление планирование или ведение войны, которая является агрессивной войной или войной в нарушение международных договоров. Трибунал установил, что некоторые из этих подсудимых планировали и вели агрессивные войны против 12 государств и поэтому являются виновными в совершении этих преступлений. Это освобождает от необходимости детально обсуждать или даже сколько-нибудь подробно рассматривать, в какой степени эти агрессивные войны являлись также войнами «в нарушение международных договоров, соглашений и заверений». Эти договоры изложены в приложении «С» Обвинительного заключения. Важнейшими являются следующие:

ГААГСКИЕ КОНВЕНЦИИ

В Конвенции от 1899 года подписавшиеся державы согласились на том, что «прежде чем обратиться к оружию..., следует прибегнуть, насколько это позволят обстоятельства, к добрым

услугам или посредничеству одной или более дружественных держав». Подобное положение было включено в Конвенцию о мирном урегулировании международных споров от 1907 года. В Конвенции, относившейся к началу военных действий, в статье 1 имеется та же мысль, изложенная гораздо более точно: «Договаривающиеся державы признают, что военные действия между ними не должны начинаться без предварительного и ясного предупреждения либо в форме объявления войны с изложением мотивов, либо в форме ультиматума с объявлением войны в случае несогласия на его условия». Германия участвовала в этих Конвенциях.

ВЕРСАЛЬСКИЙ ДОГОВОР

Обвинение основывалось также на нарушении некоторых положений Версальского договора: не укреплять левый берег Рейна (статьи 42—44), строго соблюдать независимость Австрии (статья 80), отказаться от каких-либо прав в Мемеле (статья 99) и в свободном городе Данциге (статья 100), признать независимость Чехословацкого государства, а также положений, касающихся сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил в Германии, положений, направленных против перевооружения Германии и изложенных в части V.

Нет никаких сомнений в том, что германское правительство действовало вопреки всем этим положениям, которые подробно изложены в приложении «С».

Что касается Версальского договора, обвинение основывается на следующих положениях:

1. Нарушение статей 42—44 в отношении демилитаризованной зоны в Рейнской области.
2. Аннексия Австрии 13 марта 1938 г. в нарушение статьи 80.
3. Включение в состав империи района Мемеля 22 марта 1939 г. в нарушение статьи 99.
4. Включение в состав империи свободного города Данцига 1 сентября 1939 г. в нарушение статьи 100.
5. Включение в состав империи провинций Богемия и Моравия 16 марта 1939 г. в нарушение статьи 81.
6. Нарушение положений договора, касавшихся военного, морского и воздушного вооружения Германии, в марте 1935 года или до этого срока.

21 мая 1935 г. Германия объявила, что, хотя она отказывается от тех положений Версальского договора, которые касаются разоружения, она все же будет уважать территориальные ограничения и выполнять условия Локарнского пакта. Поэтому в отношении инкриминируемых пяти первых нарушений Трибунал считает обвинение доказанным.

ДОГОВОРЫ О ВЗАИМНЫХ ГАРАНТИЯХ, АРБИТРАЖЕ И НЕНАПАДЕНИИ

Нет необходимости обсуждать в деталях различные договоры, заключенные Германией с другими державами. Договоры о взаимных гарантиях были подписаны Германией в Локарно в 1925 году с Бельгией, Францией, Великобританией и Италией с заверением о соблюдении территориального статукво. Договоры об арбитраже также были заключены Германией в Локарно с Чехословакией, Бельгией и Польшей.

Статья I последнего договора, являющаяся типичной, предусматривает: «Все споры любого рода между Германией и Польшей..., которые, может быть, не окажется возможным разрешить дружелюбно нормальными методами дипломатии, будут представлены арбитражному суду для вынесения им решения...»

Конвенции об арбитраже и согласительной процедуре были заключены между Германией, Нидерландами и Данией в 1926 году и между Германией и Люксембургом в 1929 году. Германия заключила договор о ненападении с Данией и СССР в 1939 году.

ПАКТ БРИАНА — КЕЛЛОГА

Парижский пакт был подписан 27 августа 1928 г. Германией, Соединенными Штатами, Бельгией, Францией, Великобританией, Италией, Японией, Польшей и другими странами, а впоследствии еще и другими державами. Трибунал подробно остановится на характере этого пакта и его правовых последствиях в другом разделе этого приговора. Поэтому нет необходимости в дальнейшем рассмотрении этого вопроса, за исключением того, что необходимо заявить, что, по мнению Трибунала, этот пакт был нарушен Германией во всех случаях агрессивных войн, инкриминируемых Обвинительным заключением. Следует отметить, что 26 января 1934 г. Германия подписала декларацию о поддержании постоянного мира с Польшей, которая была непосредственно основана на Парижском пакте и в которой обращение к силе объявлялось незаконным на период в 10 лет.

Трибунал не считает необходимым рассматривать ни один из других договоров, упоминавшихся в приложении, и ни одно из повторных соглашений и заверений о мирных намерениях Германии, которые были ею сделаны.

ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ, ВЫТЕКАЮЩЕЕ ИЗ УСТАВА

Юрисдикция Трибунала определена Соглашением и Уставом, и преступления, подлежащие юрисдикции Трибунала и влекущие за собой индивидуальную ответственность, изложены в статье 6.

Правовые нормы, вытекающие из Устава, являются руководящими и обязательными для Трибунала.

Создание Устава являлось осуществлением суверенных законодательных прав тех стран, перед которыми безоговорочно капитулировала Германская империя, и несомненное право этих стран осуществлять законодательные функции для оккупированных территорий признано всем цивилизованным миром. Устав не является произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов, но, с точки зрения Трибунала, как это будет показано, он является выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания, и в этом смысле сам является вкладом в международное право.

Подписавшиеся державы создали этот Трибунал, определили закон, который он должен был применить, и разработали процедуру для правильного проведения этого судебного процесса; сделав это, они сделали совместно то, что любая из них могла сделать в отдельности, так как нет никакого сомнения в том, что любая страна имеет право таким образом создавать специальные суды для применения закона. Что же касается организации судебного процесса, то все, что имеют право требовать подсудимые, — это справедливое суда на основании фактов и закона.

Устав определяет планирование или ведение агрессивной войны и войны в нарушение международных договоров как преступление, и поэтому, строго говоря, нет необходимости рассматривать вопрос о том, являлось ли ведение агрессивной войны преступлением до заключения Лондонского соглашения и если являлось таковым, то в какой степени.

Однако, учитывая большое значение затронутых правовых вопросов, Трибунал полностью заслушал доводы обвинения и защиты и выразил свое мнение по этому вопросу.

От имени подсудимых защита настаивала на том, что основным принципом как международного, так и внутригосударственного права являлось то, что преступление не может караться, если ранее не существовало соответствующего закона: «Nullum crimen sine lege, nullum poene sine lege».

Далее говорилось, что наказания «экс пост факто» несовместимы с законами цивилизованных наций, что ни одно суверенное государство не объявило агрессивную войну преступлением в то время, когда были совершены эти якобы преступные

действия, ни один статут не дал определения агрессивной войны, не было установлено никакой кары за ее ведение и что не было создано никакого суда для преследования и наказания нарушителей.

Прежде всего следует заметить, что принцип «нуллум кримен сине леге...» не означает ограничения суверенности, а лишь является общим принципом правосудия. Совершенно очевидно, что неправильным является утверждение о несправедливости наказания тех, кто вопреки договорам и гарантиям напал без предупреждения на соседние государства. При таких условиях нападающий должен знать, что он совершает неправо дело, и не только не будет несправедливостью наказать его, но, напротив, будет несправедливо оставить безнаказанным совершенное им зло.

Занимая те посты, которые они занимали в правительстве Германии, подсудимые или, по крайней мере, часть из них должны были знать о договорах, подписанных Германией и объявляющих вне закона обращение к войне для урегулирования международных споров; они должны были знать, что действовали вопреки международному праву, когда совершенно преднамеренно осуществляли свои замыслы агрессии и вторжения. Если рассматривать этот вопрос только в свете настоящего дела, то можно сделать вывод, что этот принцип при данных обстоятельствах неприменим.

Правильность этой точки зрения в той степени, в которой это касается агрессивной войны, в значительной степени подтверждается при рассмотрении состояния международного права в 1939 году.

Общий договор об отказе от войны от 27 августа 1928 г., более известный как Парижский пакт, или пакт Бриана — Келлога, к началу войны в 1939 году связал обязательствами 63 страны, включая Германию, Италию и Японию. В преамбуле подписавшиеся стороны объявили, что они, «глубоко осознавая свой торжественный долг содействовать благополучию человеческого рода, убеждены в том, что настало время, когда должен произойти искренний отказ от войны, как от инструмента национальной политики, с тем, чтобы мирные и дружественные отношения, существующие сейчас между их народами, были сохранены навсегда... все изменения в отношениях между странами производить лишь при помощи мирных средств... объединив тем самым цивилизованные государства мира в общем отказе от войны, как от инструмента их национальной политики...»

Первые две статьи гласят:

«Статья I. Высокие договаривающиеся стороны торжественно объявляют от имени своих народов, что они осуждают обращение к войне для разрешения международных споров и

отказываются от нее, как от инструмента национальной политики в своих отношениях друг с другом.

Статья II. Высокие договаривающиеся стороны соглашаются на том, что урегулирование или разрешение всех споров или конфликтов, какого бы характера или происхождения они ни были, которые могут возникнуть между ними, никогда не будет осуществляться при помощи каких-либо других средств, кроме мирных».

Встает вопрос о том, каковы были правовые последствия этого пакта. Государства, подписавшие пакт или присоединившиеся к нему, безоговорочно осудили использование войны как инструмента политики в будущем и категорически отвергли ее. После подписания пакта любая нация, прибегающая к войне как к инструменту национальной политики, становится нарушителем этого пакта.

По мнению Трибунала, торжественный отказ от войны как от инструмента национальной политики с необходимостью предполагает, что такая война является незаконной в соответствии с международным правом и что те, кто планирует такую войну с ее неизбежными и ужасными последствиями, действуя таким образом, совершают преступление.

Война для разрешения международных противоречий, принятая в качестве инструмента национальной политики, с очевидностью включает агрессивную войну. Следовательно, подобная война в соответствии с пактом является незаконной войной. Как заявил в 1932 году господин Генри Л. Стимсон, бывший тогда государственным секретарем Соединенных Штатов, «стороны, подписавшие пакт Бриана — Келлога, отказались от войны между государствами. Это значит, что она стала практически почти во всем мире... незаконным действием. С этого времени государства, вступившие в вооруженный конфликт, оба или одно из них, должны были быть названы нарушителями этого закона, установленного общим договором. Мы объявляем их нарушителями закона».

Однако утверждают, что пакт прямо не квалифицирует такие войны как преступление и не учреждает судов для того, чтобы преследовать тех, кто ведет подобные войны. В такой же мере это относится к законам войны, изложенным в Гагской Конвенции.

Гагская Конвенция 1907 года запретила обращение к некоторым методам ведения войны. Сюда входили бесчеловечное обращение с военнопленными, применение отравленного оружия, неправильное использование флага о перемирии и другие действия подобного рода. Многие из этих запретов были введены в силу задолго до подписания Конвенции. Но начиная с 1907 года они стали безусловными преступлениями, наказуемыми как

нарушения правил ведения войны. Тем не менее Гагская Конвенция нигде не определяет такие действия как преступные, она также не предусматривает никакого наказания и не говорит ничего об учреждении суда с тем, чтобы судить и наказывать нарушителей. В течение долгих лет в прошлом военные трибуналы, однако, судили и карали отдельных лиц, виновных в нарушении правил ведения войны на суше, установленных этой Конвенцией.

По мнению Трибунала, те, кто ведет агрессивные войны, совершают действия, которые являются столь же незаконными и гораздо более серьезными, чем простое нарушение одного из правил Гагской Конвенции.

При толковании формулировок пакта следует помнить, что международное право не является продуктом международного законодательства и что такие международные соглашения, как Парижский пакт, должны рассматривать общие принципы, а не формальные вопросы процедуры. Законы ведения войны можно обнаружить не только в договорах, но и в обычаях, и в практике государств, которые постепенно получили всеобщее признание, и в общих принципах правосудия, применявшихся юристами и практиковавшихся в военных судах. Это право не является неизменным, но путем постоянного приспособления оно применяется к нуждам изменяющегося мира. В действительности во многих случаях договоры лишь выражают и определяют для большей формальной точности принципы уже существующего права.

Та точка зрения, которой придерживается Трибунал в отношении правильного толкования пакта, подкрепляется историей международных отношений, предшествовавших этому пакту. В 1923 году Лига Наций предложила проект договора о взаимопомощи. В статье I этого договора было объявлено, что «агрессивная война является международным преступлением» и что договаривающиеся стороны «согласились на том, что ни одна из них не будет виновна в его совершении». Этот проект договора был представлен 29 государствам, и около половины из них высказалось в пользу принятия этого текста. Основное возражение, очевидно, заключается в трудности определения тех актов, которые должны составить агрессию, скорее, нежели в каких-либо сомнениях в самом факте преступности агрессивной войны. В преамбуле протокола Лиги Наций от 1924 года о мирном урегулировании международных споров («Женевский протокол») после слов: «признавал солидарность членов международного сообщества» объявляется, что «агрессивная война представляет собой нарушение этой солидарности и является международным преступлением». Далее там объявляется, что договаривающиеся стороны «полны желания облегчить полное

применение системы, предусмотренной в статуте Лиги Наций, для мирного урегулирования споров между государствами и для обеспечения проведения борьбы с совершением международных преступлений». Этот протокол был рекомендован членам Лиги Наций в единодушной резолюции, принятой на ассамблее 48 членов Лиги Наций. В число этих членов входили Италия и Япония, но Германия в то время не была членом Лиги Наций.

Хотя этот протокол никогда не был ратифицирован, он был подписан руководящими государственными деятелями мира, представлявшими подавляющее большинство цивилизованных государств и народов, и может рассматриваться как убедительное доказательство намерения заклеить агрессивную войну как международное преступление.

На заседании Ассамблеи Лиги Наций 24 сентября 1927 г. все присутствовавшие делегации (включая германскую, итальянскую и японскую) единогласно приняли декларацию об агрессивных войнах. В преамбуле этой декларации было заявлено:

«Ассамблея, признавая солидарность, объединяющую сообщество народов, вдохновленная горячим желанием поддержать общий мир, убежденная в том, что агрессивная война никогда не может служить средством урегулирования международных споров и вследствие этого является международным преступлением...»

В единогласно принятой на шестой Гаванской конференции 18 февраля 1928 г. резолюции 21 американская республика заявила, что «агрессивная война является международным преступлением против рода человеческого».

Все эти выражения мнений, так же как и другие, которые могли бы быть процитированы, сделанные столь торжественно, усиливают то значение, которое Трибунал придает Парижскому пакту и которое заключается в том, что обращение к агрессивной войне является не только незаконным, но и преступным. Запрещение ведения агрессивной войны, которого требует совесть мира, находит свое выражение в серии пактов и договоров, на которые Трибунал только что ссылаясь.

Также необходимо помнить, что статья 227 Версальского договора предусматривала создание специального трибунала, состоявшего из представителей пяти союзных и присоединившихся к ним держав, находившихся в состоянии войны с Германией во время первой мировой войны, для судебного преследования бывшего императора Германии «за грубейшие нарушения в области международной морали и несоблюдение святости договоров».

Назначение этого процесса, как было заявлено, заключалось в том, чтобы «реабилитировать торжественные обязательства международных соглашений и действенность международной

морали». В статье 228 договора германское правительство ясно признало право союзных держав «привлекать к суду международных трибуналов лиц, обвиняемых в том, что они совершали действия в нарушение законов и обычаев ведения войны».

Утверждалось, что международное право рассматривает лишь действия суверенных государств, не устанавливая наказания для отдельных лиц, и далее утверждалось, что там, где рассматриваемое действие являлось действием, совершенным государством, то лица, которые практически осуществили это, не несут личной ответственности, а стоят под защитой доктрины о суверенности государства.

По мнению Трибунала, оба эти утверждения должны быть отвергнуты. Уже давно было признано, что международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц так же, как и на государства.

В имевшем не так давно место деле «Экс Парте Квири» (1942, США-317), разбиравшемся в Верховном суде Соединенных Штатов, обвиняемым вменялась в вину высадка на территории Соединенных Штатов во время войны с целью шпионажа и диверсий. Покойный главный судья Стоун, выступая от имени суда, заявил:

«С самого начала своего существования данный суд применял законы ведения войны, как включающие в себя ту часть международного права, которая предписывает статус, права и обязанности вражеских государств, а также их отдельных представителей во время войны».

Он представил далее целый список дел, разбиравшихся в судах, где отдельные лица обвинялись в нарушении международного права и в особенности законов ведения войны.

Можно было бы процитировать еще целый ряд других авторитетных источников, но сказанного достаточно для того, чтобы показать, что за нарушение международного права могут быть наказаны и отдельные лица.

Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права.

Положения статьи 228 Версальского договора, уже упомянувшиеся выше, иллюстрируют и подтверждают эту точку зрения по вопросу об индивидуальной ответственности. Принцип международного права, который при определенных обстоятельствах защищает представителя государства, не может быть применен к действиям, которые осуждаются как преступные согласно международному праву. Исполнители этих действий не могут прикрываться своим должностным положением, чтобы избежать наказания в надлежащем порядке.

Статья 7 Устава с определенностью гласит:

«Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государств или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания».

С другой стороны, самая сущность Устава заключается в том, что отдельные лица имеют международные обязательства, которые превышают национальный долг повиновения, наложенный отдельным государством.

Тот, кто нарушает законы ведения войны, не может остаться безнаказанным на основании того, что он действует в соответствии с распоряжениями государства, если государство, давая свою санкцию на подобные действия, выходит за пределы своей компетенции, предоставляемой ему согласно международному праву.

От имени большинства подсудимых утверждалось, что в своей деятельности они руководствовались приказами Гитлера и поэтому не могут нести ответственности за действия, совершенные ими во исполнение этих приказов. Устав специально предусматривает в статье 8: «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания...»

Положения этой статьи соответствуют законам всех наций. То, что солдат убивал или подвергал пыткам по приказу в нарушение международных законов ведения войны, никогда не рассматривалось как защитительный довод против обвинений в подобных жестоких действиях. Как это предусмотрено указанной статьей Устава, сам факт наличия приказа может быть выставлен лишь в качестве смягчающего вину обстоятельства при назначении наказания. Подлинным критерием в этом отношении, который содержится в той или иной степени в формулировках в уголовном праве большинства государств, является не факт наличия приказа, а вопрос о том, был ли практически возможен моральный выбор.

ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ, ПРИМЕНИМОЕ В ОТНОШЕНИИ ОБЩЕГО ПЛАНА ИЛИ ЗАГОВОРА

Из вышеприведенного изложения фактов, относящихся к агрессивной войне, явствует, что планирование и подготовка войны проводились самым систематическим образом на всех стадиях.

Планирование и подготовка весьма существенны для ведения войны. По мнению Трибунала, агрессивная война является преступлением с точки зрения международного права. Устав определяет это преступление как планирование, подготовку,

развязывание и ведение агрессивной войны «или участие в общем плане или заговоре для совершения... вышеупомянутого». Обвинительное заключение следует этому разграничению. Раздел I инкриминирует общий план или заговор. Раздел II инкриминирует планирование и ведение войны. Одни и те же доказательства представлялись для обоснования обвинения, содержащегося в обоих разделах. Поэтому мы будем рассматривать оба раздела вместе, поскольку они по своему существу одинаковы. Подсудимым инкриминируются преступления, предусмотренные общими разделами, и виновность их должна быть определена в соответствии с каждым из разделов.

«Общий план или заговор», инкриминируемый Обвинительным заключением, охватывает период в 25 лет, начиная от образования нацистской партии в 1920 году до конца войны в 1945 году. Партия определяется как орудие сплочения подсудимых для осуществления целей заговора: уничтожения Версальского договора, приобретения территорий, утраченных Германией в последней войне, и «жизненного пространства» в Европе с помощью, если необходимо, вооруженных сил, с помощью агрессивной войны. Захват власти нацистами, применение террора, уничтожение профсоюзов, нападки на христианское учение и церковь, преследование евреев, муштровка молодежи — все это рассматривается как намеренно предпринятые шаги для осуществления общего плана. Он нашел свое выражение, как это утверждается, в программе секретного перевооружения, в уходе Германии с конференции по разоружению и из Лиги Наций, во введении всеобщей воинской повинности и в ремилитаризации Рейнской области. Наконец, согласно Обвинительному заключению, в 1936—1938 гг. была запланирована и осуществлена агрессия против Австрии и Чехословакии, за которой последовало планирование и ведение войны против Польши и последовательно против десяти других стран.

Фактически обвинение утверждает, что всякое значительное участие в деятельности нацистской партии и правительства является доказательством участия в заговоре, который по существу своему является преступным. Понятие заговора никак не определяется в Уставе. Но, по мнению Трибунала, заговор должен иметь совершенно точно определенную преступную цель. Он не должен быть слишком отдален от времени решения и действия. Для того чтобы быть преступным, планирование должно не просто покоиться на декларациях партийной программы, таких, какие содержатся в 25 пунктах нацистской партии, объявленных в 1920 году, или в политических утверждениях, высказанных в «Майн кампф» в более поздние годы. Трибунал должен выяснить, существовал ли конкретный план ведения войны, и определить участников этого конкретного плана.

Нет необходимости решать вопрос о том, было ли установлено доказательствами наличие единого общего заговора между подсудимыми. Следует, конечно, помнить о захвате власти нацистской партией и о последующем господстве нацистского государства во всех сферах экономической и общественной жизни при рассмотрении позднейших планов для ведения войны. Тот факт, что планы для ведения войны составлялись уже 5 ноября 1937 г., а возможно, и в более ранний период, совершенно очевиден. После этого такого рода приготовления продолжались проводиться во многих сферах и были направлены против мира многих стран. Действительно, угроза войны и, если необходимо, сама война являлась неотъемлемой частью нацистской политики. Но доказательства с несомненностью устанавливают существование многих отдельных планов, скорее чем единого заговора, охватывающего все эти планы. Тот факт, что Германия быстро шла к абсолютной диктатуре с самого момента захвата нацистами власти и постоянно шла к войне, доказан с непреложной убедительностью последовательно совершавшимися агрессивными актами и войнами, уже описанными в данном приговоре.

Трибунал считает, что доказательства достаточно ясно устанавливают факт общего планирования для подготовки и ведения войны определенными подсудимыми. Нет необходимости устанавливать, полностью ли доказано наличие заговора в том масштабе и в тот период, как об этом говорится в Обвинительном заключении. Непрерывавшееся планирование, имевшее своей целью агрессивную войну, доказано вне всякого сомнения. Действительное положение очень хорошо изложено официальным переводчиком министерства иностранных дел Германии Паулем Шмидтом в следующих выражениях:

«Главной целью нацистского руководства, очевидной с самого начала, являлось завоевание господства на европейском континенте; это должно было быть достигнуто сначала путем объединения в империи всех народов, говорящих на немецком языке, а затем путем территориальных захватов под лозунгом «Лебенсraum». Однако осуществление этих основных целей характеризовалось импровизированными действиями. Очевидно, что каждый последующий шаг предпринимался по мере того, как создавалась новая ситуация, но все они проводились в соответствии с главной целью, о которой было сказано выше».

Аргумент, что подобное общее планирование не могло существовать там, где господствовала диктатура, несостоятелен. План, в выполнении которого принимала участие определенная группа лиц, продолжает оставаться планом, даже если он был задуман всего лишь одним из них, и тот, кто участвовал в осуществлении этого плана, не может избежать ответственности,

доказав, что он действовал согласно указанию человека, который замыслил этот план. Один Гитлер не мог вести агрессивной войны. Он нуждался в сотрудничестве со стороны государственных деятелей, военных лидеров, дипломатов и дельцов. И когда они, зная о его целях, начали сотрудничать с ним, они сделали себя участниками того плана, который он создал. Их нельзя считать невиновными лишь потому, что Гитлер использовал их, если они знали, что делали. Тот факт, что они получали задания от диктатора, не избавляет их от ответственности за совершенные ими действия. Отношение между руководителем и исполнителем уменьшает ответственность в данном случае не в большей степени, чем это имеет место в подобных случаях тирании при совершении преступлений внутри страны членами одной организованной шайки по приказу главаря.

Однако раздел I вменяет в вину не только заговор для ведения агрессивной войны, но и заговор для совершения военных преступлений и преступлений против человечности. Но Устав не определяет заговор как отдельное преступление, если он не связан с актом ведения агрессивной войны.

Статья 6 Устава предусматривает: «Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана». Трибунал считает, что эти слова не добавляют нового и отдельного преступления к преступлениям, уже поименованным. Их назначением является установление ответственности отдельных лиц, участвовавших в общем плане. Поэтому Трибунал не будет рассматривать обвинение подсудимых по разделу I, заключающееся в том, что они принимали участие в заговорщической деятельности для совершения военных преступлений и преступлений против человечности, а будет рассматривать лишь общий план для подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Доказательства относительно военных преступлений были колоссальными по объему и очень подробными. Невозможно в рамках данного приговора соответствующим образом вновь рассмотреть их или перечислить массу документальных и устных доказательств, которые были представлены на Суде. Остается истиной, что военные преступления совершались в та-

ком широком масштабе, которого не знала история войн. Они совершались во всех странах, оккупированных Германией, и в открытых морях и сопровождалась жестокостью и террором в масштабах, которые трудно себе представить. Не может быть никакого сомнения в том, что большинство этих преступлений возникло из нацистской идеи «тотальной войны», лежавшей в основе ведения агрессивных войн, поскольку в этой идее «тотальной войны» моральные нормы, на которых основаны конвенции, стремящиеся сделать войну более гуманной, не рассматривались больше как имеющие силу или действующие. Все подчиняется всеподавляющим требованиям войны. Правила, установления, заверения и договоры — все не имеет никакого значения, и, освободившись от ограничивающего влияния международного права, нацистские руководители вели агрессивную войну самым варварским образом. В соответствии с этим военные преступления совершались тогда, когда и где это считали нужным фюрер и его ближайшие помощники для достижения своих планов. В большинстве случаев они являлись результатом холодного и преступного расчета.

В некоторых случаях военные преступления преднамеренно планировались задолго вперед. В случае войны с Советским Союзом разграбление территорий, подлежащих оккупации, и жестокое обращение с гражданским населением были разработаны в мельчайших подробностях до того, как началось нападение. Уже осенью 1940 года рассматривался вопрос о нападении на Советский Союз. Начиная с этого времени методы, которые должны были быть использованы для уничтожения всякой оппозиции, которой можно было ожидать, постоянно обсуждались.

Точно так же, планируя в самых широких масштабах использование населения оккупированных стран для рабского труда, германское правительство рассматривало эту меру как неотъемлемую часть военной экономики и планировало и организовывало это конкретное военное преступление до последней малейшей детали.

Другие военные преступления, такие, как убийство военнопленных, бежавших из лагерей и вновь захваченных в плен, или убийство командиров или захваченных в плен летчиков, или уничтожение советских комиссаров, были результатом прямых приказов, передаваемых по официальным каналам.

Поэтому Трибунал предполагает на данной стадии рассматривать вопрос о военных преступлениях в общих чертах и обратиться к ним более подробно при рассмотрении ответственности индивидуальных подсудимых в связи с ними. Военнопленные подвергались жестокому обращению, пыткам и убийствам не только вопреки установленным нормам международного права, но и при полном игнорировании элементарных требований гуманности.

Та же судьба выпала на долю гражданского населения на оккупированных территориях. Все население вывозили в Германию для рабского труда на оборонительных работах, в промышленности, производящей вооружение, и для выполнения других подобных задач, связанных с военными усилиями. Из числа лиц гражданского населения во всех оккупированных странах гитлеровцы брали в большом количестве заложников и расстреливали их по своему усмотрению. Общественная и частная собственность подвергалась систематическому разграблению и расхищению для того, чтобы увеличить ресурсы Германии за счет остальной Европы. Города, населенные пункты и деревни бесцельно уничтожались, что не оправдывалось никакой военной необходимостью.

УБИЙСТВА ВОЕННОПЛЕННЫХ И ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С НИМИ

Статья 6 (b) Устава определяет военные преступления следующими словами:

«Военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления».

За время войны многих сдавшихся немцам в плен солдат союзных армий немедленно расстреливали, часто в результате злонамеренной и рассчитанной политики. 18 октября 1942 г. подсудимый Кейтель разослал утвержденную Гитлером директиву, которая предусматривала, что все члены союзных соединений «командос», часто даже те, кто был одет в военную форму, независимо от того, были они вооружены или нет, должны были «уничтожаться до последнего человека», даже если они пытались сдаться в плен. Далее предусматривалось, что если такие части союзных войск попадали в руки военных властей после того, как они были захвачены местной полицией или каким-либо иным путем, они должны были немедленно передаваться СД. Этот приказ время от времени дополнялся и действовал на протяжении всего остального периода войны, хотя после высадки союзников в Нормандии в 1944 году было дано разъяснение, что этот приказ не относится к «командос», захваченным непосредственно в зоне военных действий. Согласно положениям этого приказа, отряды «командос» из войск союзников и другие военные части, действовавшие самостоятельно, уничтожались в Норвегии, Франции, Чехословакии и Италии.

Многих из членов отрядов «командос» убивали на месте, а тем, кого убивали позднее в концентрационных лагерях, ни в одном из случаев не было предоставлено возможности предстать перед каким-либо судом. Например, американская военная миссия, которая высадилась за германской линией фронта на Балканах в январе 1945 года, насчитывавшая от 12 до 15 человек, одетых в военную форму, была доставлена в Маутхаузен в соответствии с этим приказом, и, согласно письменному показанию, данному под присягой Адольфом Зутте, адъютантом из концентрационного лагеря Маутхаузен, все они были расстреляны.

В марте 1944 года командование сухопутными силами издало декрет «Пуля», согласно которому все бежавшие военнопленные офицеры и унтер-офицеры, за исключением английских и американских военнопленных, в случае, если их захватывали вновь, должны были быть переданы ЗИПО и СД.

ЗИПО и СД разослали этот приказ своим районным управлениям. Эти бежавшие офицеры и унтер-офицеры должны были посылаться в концентрационный лагерь Маутхаузен, где по прибытии их должны были убивать выстрелом в затылок.

В марте 1944 года 50 офицеров британского королевского воздушного флота, бежавших из лагеря в Сагане, где они находились в качестве пленных, были расстреляны по прямому приказу Гитлера после того, как были пойманы. Их трупы были немедленно подвергнуты кремации, а урны, содержавшие их прах, возвращены в лагерь. Подсудимые здесь не оспаривали то, что это являлось явным убийством, совершенным в явное нарушение международного права.

Когда союзные летчики были вынуждены совершать посадку в Германии, гражданское население иногда убивало их на месте. Полиция была инструктирована не принимать мер к предотвращению этих убийств, и у министра юстиции имелись указания не привлекать никого к ответственности за участие в этих убийствах.

Обращение с советскими военнопленными характеризовалось особенной бесчеловечностью. Смерть многих из них являлась результатом не только действий отдельных членов охраны или условий жизни в лагерях, доходивших до крайностей. Она являлась результатом систематического плана совершения убийств. Более чем за месяц до вторжения Германии в Советский Союз ОКВ подготовило специальные планы того, каким образом следует обращаться с представителями политической власти, находящимися в советских вооруженных силах, которые могли быть захвачены в плен. Одно из предложений в этой связи заключалось в том, что «политические комиссары армии не должны рассматриваться как военнопленные, их следует

уничтожать в пересыльных лагерях для военнопленных». Подсудимый Кейтель показал, что германской армии были даны инструкции, включавшие вышеупомянутые предложения.

8 сентября 1941 г. были изданы правила об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях, подписанные генералом Рейнеке — начальником управления по делам военнопленных при верховном командовании. В этих правилах говорилось:

«Большевистский солдат потерял поэтому право на то, чтобы с ним обращались как с честным противником, в соответствии с правилами Женевской Конвенции... При малейшем намеке на неподчинение, особенно в случае с большевистскими фанатиками, должен быть отдан приказ о безжалостном и энергичном действии. Неподчинение, активное или пассивное сопротивление должны быть сломлены немедленно силой оружия (штыки, приклады и огнестрельное оружие)... Каждый, кто при проведении этого приказа не прибегнет к своему оружию или делает это недостаточно энергично, подлежит наказанию... В военнопленных, пытавшихся бежать, следует стрелять без предварительного оклика. Никогда не следует делать предупреждающего выстрела. Использование оружия против военнопленных является, как правило, законным».

Советские военнопленные были лишены необходимой одежды, раненые не получали медицинской помощи, они голодали и во многих случаях были обречены на смерть.

17 июля 1941 г. гестапо издало приказ, предусматривавший убийство всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма. Приказ гласил:

«Задачей командиров ЗИПО и СД, находящихся в шталагах, является политическая проверка всех заключенных лагеря, устранение и дальнейшая «обработка»: а) всех политически преступных или по каким-либо другим причинам нежелательных элементов, находящихся среди них; б) всех лиц, которые могут быть использованы для восстановления оккупированных территорий... Далее, эти командиры должны с самого начала приложить усилия для выявления среди заключенных тех элементов, которые кажутся надежными независимо от того, являются они коммунистами или нет, для того чтобы использовать их в целях разведки внутри самого лагеря или, если это окажется целесообразным, позднее также на оккупированных территориях. Путем использования таких информаторов и путем использования всех других существующих возможностей должно продолжаться шаг за шагом обнаружение всех элементов среди заключенных, которые должны быть уничтожены...»

Прежде всего должны быть обнаружены следующие лица: все крупные деятели государства и партии, в особенности про-

фессиональные революционеры... Все комиссары Красной Армии, руководящие деятели государства., руководящие деятели промышленности и хозяйства, сотрудники службы разведки и контрразведки, все евреи, все лица, в отношении которых будет доказано, что они являются агитаторами или фанатичными коммунистами. Казни не должны иметь место в самом лагере или в непосредственной близости от него... Если возможно, заключенные должны быть вывезены для применения к ним «специального обращения» на территории бывшей советской России».

Письменные показания под присягой Варлимонта — заместителя начальника штаба вооруженных сил, показания Олендорфа, бывшего начальника третьего управления главного имперского управления безопасности, и Лахузена, начальника одного из отделов контрразведки (Абвер) — разведывательной службы вооруженных сил — все указывают на ту тщательность, с которой проводился этот приказ.

Письменные показания, данные под присягой Куртом Линдов, бывшим начальником гестапо, гласят:

«В лагерях для военнопленных на восточном фронте существовали небольшие оперативные команды, эйнзатцкоманды, возглавлявшиеся младшим офицерским составом тайной полиции (гестапо). Эти команды были приданы начальникам лагерей, и их обязанностью было выделять тех военнопленных, которые являлись кандидатами на казнь, согласно данным им приказам, и докладывать о них в управление тайной полиции».

23 октября 1941 г. начальник концентрационного лагеря Гросс-Розен сообщил Мюллеру, начальнику гестапо, список советских военнопленных, которые были также казнены накануне.

Описание общих условий и обращения с советскими военнопленными в течение первых восьми месяцев после нападения Германии на Россию дано в письме, посланном подсудимым Розенбергом подсудимому Кейтелю 28 февраля 1942 г.

«Участь советских военнопленных в Германии, напротив, является величайшей трагедией... Большая часть из них умерла от голода или погибла в результате суровых климатических условий. Тысячи также умерли от сыпного тифа.

Начальники лагерей запретили гражданскому населению передавать заключенным пищу, они предпочитают обрекать их на голодную смерть.

Во многих случаях, когда военнопленные не могли больше идти от голода и истощения, их расстреливали на глазах охваченного ужасом населения, а тела их не убирали.

Во многих лагерях пленным вообще не предоставляли никакого жилища, они лежали под открытым небом во время дождя и снегопада. Им даже не давали инструментов для того, чтобы вырыть ямы или пещеры».

В некоторых случаях советских военнопленных клеймили специальным стандартным клеймом. В качестве доказательства был представлен приказ ОКВ от 20 июля 1942 г., который гласил:

«Клеймо имеет форму острого угла приблизительно в 45° при длине его сторон в 1 см, направленного вверх, выжигаемого на левой ягодице...

Это клеймо делается с помощью ланцета, имеющегося в каждой воинской части. В качестве краски используется тушь».

За выполнение этого приказа несли ответственность военные власти, однако начальник ЗИПО и СД широко распространил этот приказ среди чиновников немецкой полиции.

Советских военнопленных делали также объектами медицинских опытов, которые проводились самым жестоким и бесчеловечным образом. В июле 1943 года началась экспериментальная работа, связанная с подготовкой к кампании бактериологической войны. Советских военнопленных использовали для этих медицинских опытов, исход которых в большинстве случаев оказывался для них смертельным. В связи с этой кампанией подготовки бактериологической войны также были сделаны приготовления для разбрызгивания бактериологической эмульсии с самолетов с тем, чтобы уничтожить посевы и вызвать голод. Эти мероприятия никогда не были осуществлены, возможно, в связи с быстрым ухудшением военного положения Германии.

Довод, выдвигаемый в защиту против обвинения в убийстве и жестоком обращении с советскими военнопленными, заключающийся в том, что СССР не являлся участником Женевской Конвенции, является совершенно неосновательным. 15 сентября 1941 г. адмирал Канарис протестовал против правил обращения с советскими военнопленными, подписанных генералом Рейнеке 8 сентября 1941 г. Он заявил тогда:

«Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными. Начиная с XVIII века, они устанавливались постепенно на той основе, что пребывание в военном плену является ни мстью, ни наказанием, но исключительно превентивным заключением, единственной целью которого является воспрепятствовать данному военнопленному принимать дальнейшее участие в военных действиях. Этот принцип развивался в соответствии с точкой зрения, разделявшейся всеми армиями, о том, что убивать беззащитных людей или наносить им вред противоречит военной традиции... Приложенные к сему распоряжения об обращении с со-

ветскими военнопленными базируются на совершенно противоположной точке зрения».

Этот протест, который правильно излагал положение вещей с точки зрения права, был игнорирован. Подсудимый Кейтель написал в этом меморандуме следующее:

«Возражения возникают из идеи о рыцарском ведении войны. Это означает разрушение идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры».

УБИЙСТВО ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С НИМ

Статья 6 (b) Устава гласит, что жестокое обращение с мирным населением оккупированных территорий или на оккупированных территориях..., убийство заложников..., бесцельное разрушение городов и деревень будут рассматриваться как военные преступления.

В основном эти положения являются лишь выражением существующих законов ведения войны, сформулированных в Гаагской Конвенции в статье 46, которая гласит:

«Честь и права семейные, жизнь людей и частная собственность, так же как и религиозные убеждения и отправление религиозных культов, должны быть уважаемы».

Управление на территориях, оккупированных Германией, производилось в нарушение правил ведения войны.

Подавляющие своей убедительностью доказательства говорят о существовании системы насилия, зверств и террора. 7 декабря 1941 г. Гитлер издал директиву, которая впоследствии получила известность под названием «Нахт унд небель эрлас» (приказ «Мрак и туман»); согласно этому приказу лица, совершившие действия, направленные против империи или германских войск на оккупированных территориях, за исключением тех случаев, когда данное лицо вне всякого сомнения должно было быть подвергнуто смертной казни, подлежали тайному увозу в Германию и передаче в руки ЗИПО и СД для суда над ними и наказания их в Германии. Этот приказ был подписан подсудимым Кейтелем. После того как этих гражданских лиц привозили в Германию, ни одно слово о них не должно было доходить до страны, откуда они были вывезены, или до их родственников; даже в тех случаях, когда они умирали в ожидании суда, их семьям не сообщали об их судьбе; это делалось с целью вызвать беспокойство у семей арестованных лиц. Подсудимый Кейтель в сопроводительном письме, датированном 12 декабря 1941 г., следующим образом изложил те цели, которые руководили Гитлером при издании этого приказа:

«Эффективное и продолжительное устрашение может быть достигнуто либо суровым наказанием, либо путем проведения мероприятий, при которых родственники преступников и остальное население остаются в неведении относительно судьбы этих преступников. Эта цель достигается при увозе преступников в Германию».

Даже те, которые хотя бы подозревались в том, что они противились каким-либо политическим мероприятиям германских оккупационных властей, подвергались аресту, при аресте подвергались допросу гестапо и СД самыми постыдными методами. 12 июня 1942 г. начальник полиции безопасности и СД через Мюллера, начальника гестапо, издал приказ, санкционировавший применение методов «третьей степени» при допросах в тех случаях, когда предварительное следствие установило, что допрашиваемый мог бы дать показания по важным вопросам, например, о подрывной деятельности, хотя и не с целью вынудить заключенного признаться в собственных преступлениях. Этот приказ гласил:

«Методы третьей степени могут применяться только против коммунистов, марксистов, «свидетелей Иеговы», саботажников, террористов, членов движения Сопротивления, агентов-парашютистов, асоциальных элементов, польских и советских бездельников или бродяг; во всех остальных случаях следует предварительно испрашивать моего разрешения... Методы третьей степени применительно к обстоятельствам состоят, наряду с другими методами, из сокращенного рациона (хлеб и вода), жесткой постели, темной камеры, запрещения спать, изматывающих упражнений, а также порки (в случае, если назначается более 20 ударов, следует консультироваться с врачом)».

Политика жестокого подавления всякого сопротивления немецкой оккупации не только сводилась к суровым мерам по отношению к лицам, подозреваемым в принадлежности к движению Сопротивления, но и распространялась также на членов их семей. 19 июля 1944 г. командир ЗИПО и СД в Радомском районе в Польше издал приказ, распространенный через высших руководителей СС и полиции, о том, что во всех случаях убийства немцев, или покушения на их жизнь, или при попытке диверсантов разрушить важные объекты следовало расстреливать не только виновных, но и всех их родственников мужского пола, родственники же женского пола в возрасте свыше 16 лет должны направляться в концентрационный лагерь. Летом 1944 года эйнзатцкоманда ЗИПО и СД в Люксембурге отправила людей в заключение в концлагерь Саксенхаузен только потому, что они являлись родственниками дезертиров и поэтому могли «представить опасность для интересов Германской империи, если они останутся на свободе».

Для предупреждения различных видов беспорядков среди гражданского населения и для борьбы с ними немцы прибегали к системе взятия заложников. Приказ, изданный подсудимым Кейтелем 16 сентября 1941 г., предлагал лишать жизни 50 или 100 человек населения оккупированных областей Советского Союза за каждого убитого немца. В приказе говорилось: «Следует помнить, что человеческая жизнь в странах, где еще не установлен порядок, часто ничего не стоит, и устрашения можно добиться только чрезвычайной суровостью». Точное число убитых в результате этой политики неизвестно, много было убито во Франции и в других оккупированных районах Запада, в то время как на Востоке массовое уничтожение проводилось в еще больших масштабах. Кроме убийства заложников, в некоторых случаях уничтожались целые города; массовые убийства, подобные тем, которые имели место в Орадурсюр-Глане во Франции и Лидице в Чехословакии, описанные в деталях Трибуналу, представляли собой примеры организованного террора, применявшегося оккупантами для подавления и искоренения всякого противодействия их владычеству.

Среди средств терроризирования населения оккупированных стран самой позорной известностью пользовались концентрационные лагеря. Они впервые были организованы в Германии в момент захвата власти нацистским правительством. Первоначальным их назначением являлось заключение без суда тех лиц, которые были против правительства или которых германские власти считали ненадежными элементами. С помощью отрядов тайной полиции эта практика получила широкое распространение, и с течением времени концентрационные лагеря превратились в место организованного систематического убийства, где уничтожались миллионы людей.

В системе управления оккупированными территориями концентрационные лагеря являлись орудием подавления всех оппозиционных элементов. Лиц, арестованных гестапо, как правило, направляли в концентрационные лагеря. Они перевозились в лагеря в большинстве случаев без элементарной заботы о них; очень многие умирали в дороге. Те, которые прибывали в лагеря, систематически подвергались жестокому обращению. Их принуждали к тяжелому физическому труду, им не давали достаточного количества пищи и одежды; им не предоставляли помещений, пригодных для жилья; режим, которому они должны были постоянно подчиняться, был бездушным и бесчеловечным; они были жертвами прихотей отдельных охранников. В донесении отдела военных преступлений военной прокуратуры третьей армии США от 21 июня 1945 г. сообщаются результаты обследования условий в концентрационном лагере Флоссенбург; можно привести следующий отрывок из донесения:

«Флоссенбургский концентрационный лагерь можно лучше всего описать как фабрику смерти. Хотя на первый взгляд основным назначением лагеря являлось использование массового рабского труда, он имел другое назначение — уничтожение людей путем применения специальных методов при обращении с заключенными. Голод и голодная смерть, садизм, плохая одежда, отсутствие медицинского обслуживания, болезни, избиения, виселицы, замораживание, вынужденные самоубийства, расстрелы и т. п. — все это играло главную роль в достижении их цели¹. Заключенных убивали без разбора; преднамеренные убийства евреев были обычны; впрыскивание яда, расстрелы в затылок были ежедневными событиями; свирепствовавшие эпидемии брюшного и сыпного тифа, которым предоставляли неистовствовать, служили средством уничтожения заключенных; человеческая жизнь в этом лагере ничего не значила. Убийство стало обычным делом, настолько обычным, что несчастные жертвы просто приветствовали смерть, когда она наступала быстро».

В некоторых концентрационных лагерях были оборудованы газовые камеры для массового уничтожения заключенных и специальные крематории для сжигания трупов убитых. Некоторые из лагерей фактически использовались для уничтожения евреев, как один из методов «окончательного решения» еврейского вопроса. Большинство заключенных не евреев использовалось на работе, причем условия, при которых они работали, делали эту работу почти равносильной смерти. Тех заключенных, которые заболели и не были больше в состоянии работать, либо уничтожали в газовых камерах, либо посылали в специальные изоляторы, где они не получали никакого медицинского обслуживания, а их пища была еще хуже, чем у работавших заключенных, и таким образом они были обречены на смерть.

Убийства гражданского населения и жестокое обращение с ним достигли предела при обращении с гражданами Советского Союза и Польши. Примерно за четыре недели до начала вторжения в Россию части специального назначения ЗИПО и СД, называемые эйнзатцгруппами, были созданы на основании приказа Гимmlера, и их назначением было следовать за германскими армиями в Россию, ведя борьбу с партизанами и членами групп Сопротивления, уничтожать евреев и коммунистов-руководителей, а также другие группы населения. Вначале были созданы четыре такие эйнзатцгруппы: одна из них действовала в Прибалтике, другая — на Московском направлении, третья — на Киевском и последняя — на юге России.

¹ То есть цели гитлеровцев. — Составитель.

Олендорф, бывший начальник третьего управления РСХА, руководивший четвертой группой, заявил в своем письменном показании:

«Когда немецкая армия вторглась в Россию, я командовал эйнзатцгруппой «D» в южном секторе, и в течение года моего пребывания на этой должности эйнзатцгруппа «D» уничтожила приблизительно 90 тысяч мужчин, женщин и детей.

В большинстве своем это были евреи. Среди уничтоженных были также партийные работники-коммунисты».

В приказе, изданном подсудимым Кейтелем 23 июля 1941 г., проект которого был разработан подсудимым Иодлем, говорилось:

«Учитывая громадные пространства оккупированных территорий на Востоке, наличных вооруженных сил для поддержания безопасности на этих территориях будет достаточно лишь в том случае, если всякое сопротивление будет караться не путем судебного преследования виновных, а путем создания такой системы террора со стороны вооруженных сил, которая будет достаточна для того, чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться. Командиры должны изыскать средства для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер».

Из доказательств явствует, что этот приказ безжалостно проводился в жизнь на территории Советского Союза и в Польше. В документе, который был направлен в 1943 году подсудимому Розенбергу имперским комиссаром по делам восточных территорий, содержатся важные иллюстрации тех мер, которые в действительности применялись. Он писал:

«Можно было бы избегать зверств и хоронить тела тех, кого ликвидировали. Сжигать в сараях запертых там мужчин, женщин и детей, — вряд ли это подходящий метод, даже если желательно уничтожить население. Этот метод недостойн дела Германии и чрезвычайно вредит нашей репутации».

Трибунал располагает письменными показаниями некоего Германа Грабе от 10 ноября 1945 г. с описанием массовых убийств, свидетелем которых он был. Он являлся управляющим и главным инженером, возглавлявшим филиал фирмы Иосифа Юнга (Золинген) в Здолбунове на Украине с сентября 1941 года по январь 1944 года. Сначала он описывал нападение на еврейское гетто в Ровно:

«Затем были включены мощные электрические фонари, установленные по всей территории гетто. Члены СС и полиции группами от 4 до 6 человек входили или по крайней мере пытались войти в дома. Там, где двери и окна были закрыты и жители не открывали их после стука, члены СС и полиции врывались в окна и взламывали двери с помощью балок и

домов и входили в жилище. Жильцов выволакивали на улицу в том виде, в каком они были, независимо от того, были ли они одеты или спали... Наполнялась одна машина за другой. Крики женщин и детей, шелканье кнутов и ружейные выстрелы наполняли гетто».

Далее Грабе описывал массовую казнь в Дубно 5 октября 1942 г.:

«...Затем из-за насыпи послышались выстрелы в быстрой последовательности один за другим. Люди, которые сходили с грузовиков, — мужчины, женщины и дети всех возрастов, — должны были раздеваться согласно приказаниям одного эсэсовца, который имел в руках хлыст... Без крика и плача эти люди раздевались, собирались в маленькие группы по семьям, целовались и прощались друг с другом, а затем ожидали приказания от другого эсэсовца, который стоял около ямы также с хлыстом в руке... В этот момент эсэсовец, стоявший у ямы, крикнул что-то своему товарищу. Последний отсчитал около 20 человек и приказал им идти на насыпь... Я перешел на другую сторону насыпи и оказался перед огромной могилой; тесно прижавшись друг к другу, люди лежали один на другом так, что были видны только их головы. Яма была уже наполнена на $\frac{2}{3}$; по моим подсчетам там находилось около тысячи человек... Теперь подошла следующая группа людей, они спустились в яму, легли на предыдущие жертвы и были расстреляны».

Изложенные выше преступления против гражданского населения являются чудовищными. Из представленных доказательств явствует, что во всяком случае на Востоке массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным войскам. В Польше и Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами. В том же духе Гитлер писал в «Майн кампф»; этот план был совершенно ясно изложен Гиммлером в июле 1942 года, когда он писал:

«В наши задачи не входит германизация Востока в том смысле, как это понималось раньше, то есть германизация, заключающаяся в обучении населения немецкому языку и немецким законам; мы хотим добиться того, чтобы на Востоке жили исключительно люди чистой немецкой крови».

В августе 1942 года один из подчиненных Розенберга следующим образом суммировал политику в отношении восточных территорий, которая была ранее сформулирована Борманом:

«Славяне должны на нас работать. Если они нам более не нужны, они могут умереть. Поэтому обязательные прививки и медицинское обслуживание немецкими врачами представляются излишними. Рост славянского населения является нежелательным».

В октябре 1943 года Гиммлер вновь заявил:

«Меня ни в малейшей степени не интересует судьба русского или чеха. Мы возьмем от других наций ту здоровую кровь нашего типа, которую они смогут нам дать. Если в этом явится необходимость, мы будем отбирать у них детей и воспитывать их в нашей среде. Вопрос о том, процветает ли данная нация или умирает с голоду, интересует меня лишь постольку, поскольку представители данной нации нужны нам в качестве рабов для нашей культуры; в остальном их судьба не представляет для меня никакого интереса».

Еще в сентябре 1938 года польская интеллигенция была предназначена к уничтожению; в мае 1940 года подсудимый Франк писал в своем дневнике об «использовании того обстоятельства, что внимание общественного мнения всего мира приковано к Западному фронту, для массовой ликвидации тысяч поляков, прежде всего ведущих представителей польской интеллигенции». В более ранний период Франку было поручено довести состояние «всей польской экономики до абсолютного минимума, необходимого лишь для поддержания самого скудного существования жителей страны. Поляки должны стать рабами великой Германской мировой империи». В январе 1940 года Франк писал в своем дневнике, что «дешевые рабочие должны вывозиться из генерал-губернаторства сотнями тысяч. Это предотвратит биологическое размножение польского народа». Германия проводила эту политику в Польше настолько успешно, что к концу войны треть населения была убита, а вся страна предана опустошению.

То же самое происходило на оккупированных территориях Советского Союза. В начале германского нападения — в июне 1941 года Розенберг заявил своим сотрудникам:

«Цель, заключающаяся в снабжении продуктами питания германского народа, стоит в этом году несомненно первой в числе тех требований, которые Германия предъявляет Востоку; в этом отношении южные территории и Северный Кавказ должны будут восполнить дефицит в продуктах питания для германского народа... Необходимо будет весьма интенсивно вывозить продукты, и, без сомнения, в будущем русским предстанут очень тяжелые годы».

Через три или четыре недели после этого Гитлер обсуждал с Розенбергом, Герингом, Кейтелем и рядом других лиц план

эксплуатации советского народа и советских территорий¹; этот план среди прочих вопросов включал эвакуацию населения Крыма и заселение его немцами.

Подобная же судьба была уготована для Чехословакии подсудимым фон Нейратом в августе 1940 года; интеллигенция страны должна была быть изгнана; остальное население предлагалось не изгонять или истреблять, а подвергнуть германизации, так как ощущался недостаток в немцах, которые могли бы занять их место.

На Западе жертвой германской «операции по высылке» стало население Эльзаса. Между июлем и декабрем 1940 года 105 тысяч эльзасцев были изгнаны из домов или были лишены возможности вернуться в них. Захваченный германский отчет от 7 августа 1940 г. предусматривал в отношении Эльзаса следующее:

«Прежде всего будет обращено внимание на расовую проблему; этот вопрос должен быть разрешен таким образом, чтобы лица, представляющие ценность в расовом отношении, вывозились в Германию, а представители низшей расы отправлялись во Францию».

РАЗГРАБЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Статья 49 Гагской Конвенции предусматривает, что оккупирующие державы имеют право взимать денежную контрибуцию с оккупированных территорий для оплаты расходов на содержание оккупационной армии и издержек по управлению данной территорией. Статья 52 Гагской Конвенции разрешает оккупационным властям производить реквизицию в натуре только для нужд оккупационных войск, и размеры подобной реквизиции должны соответствовать ресурсам страны. Эти статьи вместе со статьей 48 о расходовании средств, собранных в форме налогов, и статьями 53, 55 и 56 об общественной собственности делают совершенно ясным, что согласно правилам ведения войны от экономики оккупированной страны можно требовать лишь оплаты расходов по оккупации данной страны, причем размеры этих расходов не должны превышать возможностей, разумно допустимых для экономики данной страны. Статья 56 гласит:

«Собственность муниципалитетов, религиозных и благотворительных обществ, учебных заведений, культурных и научных

¹ Речь идет о совещании 16 июля 1941 г., см. том II, страница 581. — Составители.

учреждений, хотя она и принадлежит государству, должна рассматриваться как частная собственность. Преднамеренный захват, разрушение и повреждение подобных заведений, исторических памятников, произведений науки и искусства запрещаются и должны преследоваться».

Однако из доказательств по данному делу ясно, что территории, оккупированные Германией, были подвергнуты эксплуатации для военных усилий Германии, причем эксплуатации жестокой, без учета масштабов местной экономики, явившейся следствием заранее обдуманного плана и политики. Фактически это являлось «систематическим ограблением общественной и частной собственности», что является преступлением согласно статье 6 (b) Устава. Немецкая политика оккупации была с исчерпывающей ясностью охарактеризована в речи, произнесенной подсудимым Герингом 6 августа 1942 г. перед различными представителями немецких оккупационных властей.

«Всевышний знает, — вас послали туда не для того, чтобы заботиться о благосостоянии людей, над которыми вы поставлены; вы посланы для того, чтобы получить от них все, что возможно, с тем чтобы немецкий народ мог жить. Именно этого я ожидаю от вас. Эти вечные заботы об иностранцах должны быть прекращены раз и навсегда. Передо мной лежат доклады о том, что вы должны собрать. Это ничто по сравнению с размерами ваших территорий. Поэтому мне совершенно безразлично, если вы в связи с этим скажете, что ваши люди будут обречены на голодную смерть».

Методы, применявшиеся для эксплуатации ресурсов оккупированных территорий в максимально возможных пределах, были различными при применении их в разных странах. В некоторых оккупированных странах на Востоке и Западе подобная эксплуатация ресурсов проводилась силами существовавшего хозяйственного аппарата. Местная индустрия была передана под германский надзор, а распределение военных материалов строго контролировалось. Отрасли промышленности, которые имели значение для военной экономики Германии, в принудительном порядке продолжали работать, а большинство из остальных предприятий было закрыто. Сырье и готовая продукция конфисковались в одинаковой мере для нужд немецкой промышленности. Еще 19 октября 1939 г. подсудимый Геринг издал директиву, содержащую подробные указания по управлению оккупированными территориями, в которой говорилось:

«Назначение экономических мероприятий в различных районах различно, и они зависят от того, является ли данная страна страной, которая будет политически воссоединена

с Германской империей или генерал-губернаторством, которое, по всей вероятности, не будет сделано частью Германии. На территории первой группы должна заключаться в том, чтобы сохранить все их производственные возможности и систему снабжения, а также в том, чтобы в возможно более короткий срок добиться полного слияния их с немецкой экономической системой. С другой стороны, с территорий генерал-губернаторства должны быть вывезены все сырье, утиль, машины и т. п., которые могут быть полезными для немецкой военной экономики. Предприятия, которые не являются абсолютно необходимыми, должны быть переведены в Германию, если такой перевод не потребует слишком большого периода времени и если не будет более выгодным эксплуатировать эти предприятия на их прежнем месте расположения, давая им заказы из Германии».

В результате этой директивы сельскохозяйственные продукты, сырье, необходимое для немецких фабрик, машины, транспортное оборудование, другие готовые изделия и даже вклады в иностранной валюте и иностранные ценные бумаги подлежали реквизиции и отправке в Германию. Подобная реквизиция ресурсов проводилась без учета экономических ресурсов данных стран, и впоследствии она привела к голоду, инфляции и возрастающей активности «черного рынка». Сначала германские оккупационные власти пытались бороться с «черным рынком», потому что это был канал, по которому местные продукты уходили из германских рук. Когда подобные попытки провалились, было организовано немецкое закупочное агентство для производства закупок для Германии на «черном рынке» и, таким образом, было проведено в жизнь заверение Геринга о том, что «необходимо, чтобы все знали, что если где-нибудь будет голод, то только не в Германии».

Во многих оккупированных странах Востока и Запада власти сохраняли видимость того, что они платят за все захваченное ими имущество. Эта хитро задуманная видимость оплаты лишь скрывала тот факт, что товары, посылаемые в Германию из этих оккупированных стран, оплачивались ими самими либо под предлогом чрезмерных расходов по оккупации или путем принудительных займов в форме кредитного расчета «по клирингу», который существовал только номинально.

В большинстве оккупированных стран Востока не соблюдалась даже эта видимость законности; экономическая эксплуатация превратилась в преднамеренное разграбление. Эта политика прежде всего была введена в действие аппаратом генерал-губернаторства Польши. Эксплуатация сырья на Востоке главным образом касалась сельскохозяйственных продуктов, и

очень большое количество продовольствия было отправлено из генерал-губернаторства в Германию.

Доказательства о широко распространенной смертности от голода среди польского населения генерал-губернаторства свидетельствуют о том, с какой безжалостностью и жестокостью проводилась эта политика эксплуатации.

Оккупация территории Советского Союза характеризуется преднамеренным и систематическим грабежом. Перед нападением на Советский Союз был создан специальный экономический штаб — «Ольденбург» — для обеспечения наиболее эффективной эксплуатации территорий Советского Союза. Немецкие армии должны были находить продовольствие на советской территории, даже если «многие миллионы людей будут обречены на голодную смерть».

Директива ОКВ, изданная перед нападением, гласила:

«Обеспечение возможности получения максимального количества продовольствия и сырой нефти для Германии является главной экономической целью данной кампании».

Таким же образом подсудимый Розенберг 20 июня 1941 г. выступал за использование сельскохозяйственной продукции южной части России и Северного Кавказа для обеспечения немецкого населения продовольствием. Он заявил:

«Мы не видим никаких оснований для того, чтобы мы кормили также и русское население за счет продуктов, полученных на этих дополнительных территориях. Мы знаем, что это является жестокой необходимостью, далекой от каких-либо чувств».

Когда советская территория была оккупирована, эта политика была проведена в жизнь: проводилась в широких масштабах конфискация сельскохозяйственных продуктов без всякого учета нужд населения оккупированной территории.

Наряду с захватом сырья и готовой продукции производился в широких масштабах захват произведений искусства, мебели, текстильных товаров и т. п. во всех захваченных странах.

29 января 1940 г. Гитлер назначил подсудимого Розенберга главой центрального исследовательского института по вопросам национал-социалистской идеологии и воспитания, после чего организация, известная под названием «Эйнзатцштаб Розенберга», проводила свои операции в очень широких масштабах. Предназначенная первоначально для создания научно-исследовательской библиотеки, она превратилась в систему, использовавшуюся для захвата культурных ценностей. 1 марта 1942 г. Гитлер издал еще один декрет, дававший Розенбергу полномочия обыскивать библиотеки, жилые дома и культурные учреждения с тем, чтобы изымать материалы из

этих учреждений, точно так же как и сокровища искусства, принадлежавшие евреям. Подобные директивы были изданы также в отношении тех ценностей, владельцев которых нельзя было точно установить.

Декрет предусматривал сотрудничество верховного командования вооруженных сил и указывал, что деятельность Розенберга на Западе должна проводиться им как рейхслейтером, а на Востоке — как имперским министром.

Впоследствии деятельность Розенберга была также распространена на все оккупированные территории. В отчете Роберта Шольца, начальника специального штаба изобразительного искусства, говорилось:

«За период с марта 1941 года по июль 1944 года специальный штаб изобразительного искусства направил в империю 29 больших партий грузов, в том числе 137 товарных вагонов, груженых 4100 ящиками с произведениями искусства».

В отчете Шольца упоминается 25 коллекций картин, содержащих наиболее ценные произведения искусства из художественной коллекции, захваченной на Западе, и врученных Гитлеру в качестве подарка. 39 томов, подготовленных эйнзатцштабом, содержали фотографии картин, тканей, мебели, канделябров и многих других предметов искусства и иллюстрировали стоимость и размеры созданной коллекции. Во многих оккупированных странах частные коллекции были расхищены, библиотеки и частные дома — разграблены. Музеи, дворцы и библиотеки на оккупированных территориях СССР систематически подвергались разграблению. Эйнзатцштаб Розенберга, особый батальон Риббентропа, имперские комиссары и представители военного командования захватывали культурные и исторические ценности, принадлежавшие народам Советского Союза, и отправляли их в Германию. Таким образом имперский комиссар Украины вывез все картины и произведения искусства из Киева и Харькова в Восточную Пруссию. Редкие издания книг и произведений искусства из Петергофа, Царского Села и Павловска были вывезены в Германию. В своем письме к Розенбергу от 5 октября 1941 г. имперский комиссар Кубе заявил о том, что ценность произведений искусства, вывезенных из Белоруссии, исчисляется миллионами рублей. О масштабах грабежа видно также и из письма, посланного отделом Розенберга фон Мильде-Шредену, в котором говорилось о том, что в течение лишь октября 1943 года было вывезено в империю около 40 товарных вагонов, нагруженных культурными ценностями.

Необходимо сказать несколько слов в отношении утверждения, что целью захвата сокровищ искусства были их охрана и сохранение. 1 декабря 1939 г. Гиммлер в качестве импер-

ского уполномоченного по «укреплению германской нации» издал декрет, адресованный районным офицерам тайной полиции на присоединенных восточных территориях и начальникам службы безопасности в Радоме, Варшаве и Люблине. Этот декрет содержал административные указания по проведению программы захвата сокровищ искусства, и в первом пункте его говорилось:

«С целью укрепления германской нации, ради защиты империи все предметы, упомянутые в разделе 2 настоящего декрета, подлежат конфискации... Они конфискуются для блага Германской империи и передаются в распоряжение имперского уполномоченного по укреплению германской нации».

Тот факт, что скорее существовало намерение обогатить Германию в результате этих захватов, нежели сохранить захваченные предметы, явствует из недатированного отчета доктора Ганса Несса, директора Дрезденской государственной картинной галереи:

«Я имел возможность получить некоторые сведения относительно государственных и частных коллекций точно так же, как и относительно церковной собственности в Кракове и в Варшаве.

Правильно, что мы не можем слишком рассчитывать на возможность обогатиться за счет приобретения великих произведений живописи и скульптуры, за исключением алтаря Вита-Ствоша, гравюр Ганса фон Каульнбаха из церкви Св. Марии в Кракове... и нескольких других работ из Национального музея в Варшаве...»

ПОЛИТИКА РАБСКОГО ТРУДА

Согласно статье 6 (b) Устава жестокое обращение с населением и угон на рабский труд или для других целей гражданского населения оккупированных территорий или с оккупированных территорий считается военным преступлением. Законы, касающиеся принудительного труда населения оккупированных территорий, изложены в статье 52 Гагской Конвенции, которая предусматривает:

«От органов местного самоуправления и населения не следует требовать поставок в натуре и трудовой повинности, кроме случаев, когда это необходимо для оккупационных войск, причем это должно производиться в соответствии с ресурсами данной страны и таким образом, чтобы не заставить население принимать участие в военных действиях против его собственной страны».

Политика немецких оккупационных властей находилась в явном противоречии с положениями этой конвенции. Об этой

политике можно получить некоторое представление из заявления Гитлера в речи от 9 ноября 1941 г.:

«Население территорий, которое в настоящее время работает на нас, равняется 250 миллионам человек, а население территорий, которое косвенно служит нашим интересам, равняется 50 миллионам человек. Что касается мер, проводимых на немецкой территории, то есть в той области, которой мы правим, то они безусловно поведут к тому, что мы сумеем запрячь в работу на нас все население до последнего человека».

Правда, это полностью осуществлено не было, но все же немецким оккупационным властям удалось заставить большую часть населения оккупированных территорий помогать военным усилиям Германии и насильственно угнать по меньшей мере 5 миллионов человек в Германию для работы в ее промышленности и сельском хозяйстве.

На ранних стадиях войны рабочая сила на оккупированных территориях находилась под контролем различных оккупационных властей, и практика использования этой рабочей силы была различной в каждой стране. На всех оккупированных территориях очень скоро была введена трудовая повинность. Население оккупированных территорий заставляли работать по месту жительства на германскую военную экономику. Во многих случаях жителей заставляли работать по возведению германских укреплений и военных сооружений. По мере того, как местные ресурсы сырья и возможности местной промышленности перестали удовлетворять запросы Германии, начал практиковаться насильственный угон рабочей силы в Германию. В середине апреля 1940 года в генерал-губернаторстве был отдан приказ о насильственном угоне рабочей силы в Германию, аналогичный порядок вводился и в других восточных странах по мере их оккупации. В апреле 1941 года Гиммлер описал, как происходил этот насильственный угон из Польши. В своей речи перед офицерами СС он вспоминал, как при 40-градусном морозе им приходилось «вывозить тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч». В другом случае Гиммлер заявил: «Если десять тысяч русских баб падут от изнеможения во время рытья противотанковых рвов, — то это будет интересовать меня лишь в той мере, в какой будет готов этот противотанковый ров для Германии. Мы должны понять, что в Германии 6 или 7 миллионов иностранцев. Они не представляют никакой опасности до тех пор, пока мы принимаем суровые меры по каждому пустяку».

В течение первых двух лет немецкой оккупации Франции, Бельгии, Голландии и Норвегии, однако, делались попытки получить необходимую рабочую силу на основе добровольного набора. Насколько безуспешным являлся этот набор, можно увидеть из отчета о заседании центрального управления по пла-

нированию 1 марта 1944 г. Представитель подсудимого Шпеера, некто Керрль, говоря о положении во Франции, заявил: «За этот период большое число французов было набрано и добровольно направлено в Германию». Его прервал подсудимый Заукель:

«Не только добровольно, — некоторые были набраны принудительно».

На что Керрль ответил:

«Принудительный набор начался после того, как добровольный призыв перестал давать достаточные результаты».

На что подсудимый Заукель ответил: «Из 5 миллионов рабочих, прибывших в Германию, даже 200 тысяч не прибыли туда добровольно».

И Керрль ответил ему:

«Давайте теперь забудем, было или не было оказано некоторое незначительное давление. По крайней мере формально они были добровольцами».

Были созданы специальные комитеты содействия вербовке и проводилась усиленная кампания по пропаганде среди рабочих, чтобы сагитировать их добровольно поступить на службу Германии. К числу методов этой пропаганды относится, например, обещание, что за каждого добровольца, уезжающего работать в Германию, будет освобождаться один военнопленный. Помимо этого, в некоторых случаях тех рабочих, которые отказывались ехать в Германию, лишали продовольственных карточек или увольняли с работы, лишали пособий по безработице и возможности работать в другом месте. В некоторых случаях тем рабочим и их семьям, которые отказывались ехать в Германию, полиция угрожала репрессиями. 12 марта 1942 г. подсудимый Заукель был назначен генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы с полномочиями распоряжаться «всей наличной рабочей силой, включая рабочих, набранных за границей, и военнопленными».

Подсудимый Заукель был поставлен в непосредственное подчинение подсудимому Герингу как уполномоченному по четырехлетнему плану, и согласно декрету Геринга от 27 марта 1942 г. все его полномочия в отношении рабочей силы были переданы Заукелю. Согласно инструкциям Заукеля иностранные рабочие должны были набираться на основе добровольности, но в них предусматривалось, что «однако, там, где на оккупированных территориях призыв добровольцев окажется недостаточным, при всех обстоятельствах следует прибегать к обязательной трудовой повинности и к принудительному набору». Правила, предусматривавшие отбывание трудовой повинности в Германии, были опубликованы на всех оккупированных территориях. Заукель установил число рабочих, которые должны

были быть предоставлены местными властями, и последние получали инструкции, в случае необходимости, выполнять эти требования путем принудительного набора. Однако тот факт, что принудительный набор был скорее правилом, нежели исключением, подтверждает уже цитировавшееся заявление Заукеля от 1 марта 1944 г.

Подсудимый Заукель часто утверждал, что с рабочими из иностранных государств обращались гуманно и что условия, в которых они жили, были хорошими. Но каковы бы ни были намерения Заукеля и как бы он ни хотел, чтобы с иностранными рабочими обращались гуманно, представленные Трибуналу доказательства устанавливают, что во многих случаях набор рабочей силы осуществлялся насильственными и решительными методами. «Ошибки и промахи» имели место в очень широких масштабах. За людьми охотились на улицах, в кино, даже в церквях, а в ночное время — в частных домах. Иногда дома сжигались, а семьи забирались в качестве заложников, — действия, которые были описаны подсудимым Розенбергом, как берущие начало в «самых темных периодах работоторговли». Методы, использовавшиеся при наборе рабочей силы на Украине, явствуют из приказа офицерам СД, который гласил:

«Не всегда будет возможно воздержаться от применения силы... При облавах в деревнях, в особенности когда возникает необходимость сжигать деревни, все население в принудительном порядке должно передаваться в распоряжение уполномоченного.

Как правило, более не следует расстреливать детей. Если настоящим приказом мы на время ограничиваем применение суровых мер, это делается лишь по следующей причине: самое важное теперь — набор рабочих».

При проведении этой политики абсолютно не принимались во внимание ресурсы и нужды оккупированных стран. При обращении с рабочими руководствовались инструкцией Заукеля от 20 апреля 1942 г., где говорилось, что «все рабочие должны получать такую пищу и такое жилище и подвергаться такому обращению, которые давали бы возможность эксплуатировать их в самой высокой степени при самых минимальных затратах».

Доказательства устанавливают, что рабочие, предназначенные для империи, посылались под стражей в Германию, причем их часто грузили в поезд без соответствующего отопления и не давали им необходимой пищи, одежды и санитарного обслуживания. Доказательства далее устанавливают, что обращение с ними в Германии во многих случаях было жестоким и унижительным. Доказательства, относящиеся к заводам Круппа, показывают, что рабочие подвергались самым зверским наказаниям. По крайней мере теоретически рабочие получали зар-

плату, жилище и пищу от ДАФ («Германский трудовой фронт»), им даже было разрешено пересылать свои сбережения и посылать письма и посылки в свою родную страну. Но ограничивавшие их правила по существу отнимали часть их зарплаты; лагеря, в которых они были размещены, отличались антисанитарными условиями, а количество пищи часто было даже ниже минимума, необходимого для того, чтобы дать рабочим силу для работы.

В отношении поляков, работавших в крестьянских хозяйствах в Германии, нанимателям было разрешено применять телесные наказания; им было также приказано расселять рабочих по возможности в конюшнях, а не в своих домах.

Рабочие постоянно подвергались надзору со стороны гестапо и СС, и, если они пытались уйти от работы, их посылали в исправительные или концентрационные лагеря. Концентрационные лагеря использовались для увеличения поставок рабочей силы. Начальникам концентрационных лагерей было приказано заставлять заключенных работать до предела их физических возможностей. В течение последних стадий войны концентрационные лагеря оказались столь продуктивными в некоторых видах работ, что гестапо получило инструкции о проведении арестов определенных категорий рабочих с тем, чтобы они могли быть использованы таким образом. На военнопленных союзных стран также смотрели как на возможный источник рабочей силы. Давление оказывалось на унтер-офицеров — их пытались заставить согласиться работать и переводили в дисциплинарные лагеря тех из них, которые на это не соглашались. Многих военнопленных назначали на работу, непосредственно связанную с военными операциями, что является нарушением статьи 31 Женевской Конвенции. Их заставляли работать на военных заводах, заставляли даже снаряжать бомбардировщики, переносить боеприпасы и рыть окопы, очень часто в чрезвычайно опасных условиях. Это в особенности относится к советским военнопленным. 16 февраля 1943 г. на заседании центрального управления по планированию, на котором присутствовали подсудимые Заукель и Шпеер, Мильх заявил:

«Мы потребовали, чтобы был издан приказ, согласно которому известный процент зенитчиков составляли бы русские. Забавная вещь, что русские должны обслуживать пушки».

4 октября 1943 г. в Познани Гиммлер, говоря о русских военнопленных, захваченных в первые дни войны, сказал:

«В то время мы не ценили массы людей так, как мы ценим их сейчас, — как сырье, как рабочую силу. То, о чем в конечном счете, с точки зрения будущих поколений, нам нечего жалеть, в настоящее время должно вызывать сожаление, что

пленные умирали от истощения и голода, и из-за этого происходила потеря рабочей силы».

Общая политика, лежавшая в основе мобилизации рабского труда, была сформулирована Заукелем 20 апреля 1942 г. Он сказал:

«Целью этой новой гигантской мобилизации рабочей силы является использование всех богатейших и огромнейших источников, которые мы завоевали и приобрели борьбой наших вооруженных сил под командованием Адольфа Гитлера, для вооружения армий, а также в качестве продовольственной базы нашей страны. Сырье, так же как плодородные земли, на покоренных территориях и их ресурсы рабочей силы должны быть использованы полностью и самым добросовестным образом на благо Германии и ее союзников... Все военнопленные с территорий Запада, а также Востока, которые уже находятся в Германии, должны полностью влиться в германскую промышленность вооружения и ее пищевую промышленность. Следовательно, нам необходимо немедленно использовать человеческие резервы покоренной советской территории в максимальных пределах. Если нам не удастся получить необходимое количество рабочей силы на добровольных началах, тогда мы должны немедленно ввести мобилизацию или принудительный труд... Полное использование всех военнопленных так же, как и использование гигантского количества новых иностранных рабочих — мужчин и женщин, стало бесспорной необходимостью для разрешения вопроса о мобилизации рабочей силы в этой войне».

Следует также остановиться на политике, которая проводилась в Германии уже в 1940 году, согласно которой все престарелые, душевнобольные и неизлечимо больные — «лишние рты» — переводились в особые учреждения, где их убивали, а их родственникам сообщали, что они умерли естественной смертью.

Жертвами были не только немецкие граждане, но и иностранные рабочие, потерявшие трудоспособность и ставшие по этому бесполезными для военной машины Германии. Согласно подсчетам в больницах, госпиталях и домах для душевнобольных, находившихся под юрисдикцией Фрика как министра внутренних дел, было убито около 270 тысяч человек. Невозможно определить, сколько именно иностранных рабочих входило в это число.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ

Подобные доказательства, представленные Трибуналу, устанавливают факт преследования евреев нацистским правитель-

ством. Это — история бесчеловечности, осуществлявшейся последовательно и систематически в самых широких масштабах.

Олендорф, являвшийся начальником третьего управления главного имперского управления безопасности с 1939 года по 1943 год и командовавший одной из эйнзатцгрупп во время войны с Советским Союзом, в своих показаниях описал методы, применявшиеся при истреблении евреев. Он заявил, что он использовал боевые отряды для расстрела жертв с тем, чтобы уменьшить сознание моральной ответственности у своих людей, и 90 тысяч мужчин, женщин и детей, которые были убиты этой группой в течение одного года, являлись в основном евреями.

Когда свидетеля Бах-Зелевского спросили, как могло случиться, что Олендорф, как он признал, с находившимися под его командой людьми убил 90 тысяч человек, он ответил:

«Я лично считаю, что, когда в течение долгих лет, десятилетий проповедуется доктрина о том, что славянская раса является низшей расой, а евреи даже не являются людьми, подобный результат неизбежен».

Подсудимый Франк произнес последние слова этой главы нацистской истории, когда он давал показания на Суде:

«Мы боролись против еврейства, мы боролись против него в течение ряда лет, нам принадлежат некоторые изречения (и мой дневник может стать в связи с этим свидетелем против меня самого) — изречения, которые ужасны... Пройдут тысячелетия, но эта вина Германии все еще не будет смыта».

Антисемитская политика была сформулирована в пункте 4 партийной программы, который гласил следующее:

«Только представитель расы может быть гражданином, а представителем расы может быть только тот, в ком течет германская кровь, независимо от его вероисповедания. Следовательно, ни один еврей не может быть представителем расы».

В других пунктах программы констатировалось, что с евреями нужно обращаться, как с чуждым элементом, что им нельзя разрешать занимать государственные посты, что их нужно изгнать из империи, если невозможно прокормить все население государства, что им нужно отказать в дальнейшей иммиграции в Германию и что им нужно запретить издание немецких газет. Нацистская партия проповедовала эти доктрины в продолжение всей своей истории. «Штурмеру» и другим изданиям разрешалось пропагандировать ненависть к евреям, а в выступлениях и в публичных заявлениях нацистских вождей над евреями открыто насмехались и выражали презрение к ним.

С захватом власти преследование евреев усилилось. Был опубликован ряд законов, дискриминирующих евреев, которые ограничивали круг должностей и профессий, разрешаемых евреям; вводились всевозможные ограничения в их семейной

жизни и в их гражданских правах. К осени 1938 года нацистская политика в отношении евреев достигла стадии, принявшей форму полного вытеснения евреев из жизни Германии. Были организованы погромы, во время которых сжигали и уничтожали синагоги; еврейские предприятия подвергались разграблению, а видные еврейские дельцы — арестам. На евреев был наложен коллективный штраф в один миллиард марок; был санкционирован захват еврейского имущества, и передвижение евреев было ограничено определенными районами и определенными часами. Гетто создавались в чрезвычайно широком масштабе, и по приказу полиции безопасности евреев заставляли носить желтую звезду на груди и на спине.

Обвинение утверждало, что некоторые стороны этой антисемитской политики были связаны с планами агрессивной войны. Жестокие меры, принятые против евреев в ноябре 1938 года, проводились под предлогом расплаты за убийство одного чиновника германского посольства в Париже. Но решение о захвате Австрии и Чехословакии было вынесено за год до этого. Был наложен штраф в миллиард марок и издан приказ о конфискации финансов, находившихся во владении евреев; это происходило в то время, когда расходы Германии на военные нужды поставили в затруднительное положение германское казначейство и когда обсуждался вопрос о снижении этих расходов. Более того, эти шаги были предприняты с одобрения подсудимого Геринга, который был ответственным за проведение экономических мероприятий подобного рода и который являлся ярым защитником расширенной программы перевооружения, невзирая на финансовые трудности.

Далее говорится¹, что связь между антисемитской политикой и агрессивной войной также не ограничивалась лишь экономическими вопросами. Бюллетень министерства иностранных дел Германии в номере от 25 января 1939 г. в статье под заголовком «Еврейский вопрос как фактор внешней политики Германии в 1938 году» описывает новую фазу в нацистской антисемитской политике следующим образом:

«То, что роковой 1938 год приблизил решение еврейского вопроса одновременно с осуществлением идеи великой Германии, конечно, не является совпадением, так как еврейская политика была и основой и результатом событий 1938 года. Рост влияния евреев и пагубный еврейский дух в политике, экономике и культуре парализовал силу и волю германского народа к тому, чтобы снова подняться, возможно, даже в большей степени, чем оппозиция политике силы со стороны бывших вражеских союзных держав в мировой войне. Поэтому излечение

¹ Речь идет о доводах обвинителей. — Составители.

народа от этой болезни было, без сомнения, одной из наиболее важных задач, требовавших применения силы, и это в 1938 году привело к объединению великой Германии вопреки всему миру».

Нацистское преследование евреев в Германии до войны, хотя оно было жестоким и безжалостным, не идет, однако, ни в какое сравнение с политикой, проводимой во время войны в оккупированных территориях. Первоначально эта политика была схожа с той, которая осуществлялась и внутри Германии: все евреи должны были проходить регистрацию, их заставляли жить в гетто, они должны были носить желтую звезду, и их использовали для рабского труда. Летом 1941 года, однако, начали разрабатываться планы «окончательного решения» еврейского вопроса в Европе. Это «окончательное решение» означало уничтожение всех евреев, которое, согласно угрозам Гитлера, в начале 1939 года должно было явиться одним из следствий разразившейся войны; для проведения в жизнь этой политики был организован специальный отдел гестапо, который возглавлял Адольф Эйхман, начальник отдела 4-B.

План уничтожения евреев был разработан вскоре после нападения на Советский Союз. Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД, созданные для того, чтобы сломить сопротивление населения территорий, лежащих в тылу германских армий на Востоке, получили задание уничтожить евреев в этих областях. Эффективность деятельности эйнзатцгрупп видна из того, что в феврале 1942 года Гейдрих был в состоянии доложить, что Эстония уже очищена от евреев и что в Риге число евреев снизилось с 29 500 до 2500 человек. Всего эйнзатцгруппы, оперировавшие в прибалтийских странах, убили за 3 месяца свыше 135 тысяч евреев.

Эти специальные отряды не действовали независимо от германских вооруженных сил. Имеются явные доказательства того, что руководители эйнзатцгрупп сотрудничали с армейскими командирами. В одном случае взаимоотношения между эйнзатцгруппой и военными властями описывались как «очень близкие, почти дружеские», в другом случае успешный ход операций эйнзатцкоманды был приписан «пониманию проводимых мероприятий» военными властями. Части полиции безопасности и СД на оккупированных территориях Востока, находившиеся в ведении гражданской администрации, получили аналогичное задание. Обдуманый и систематический характер преследования евреев лучше всего иллюстрируется докладом бригадного генерала СС Штропа, на которого было возложено руководство по уничтожению гетто в Варшаве, фактически проведенному в жизнь в 1943 году. Этот отчет был представлен трибуналу в качестве доказательства и был иллюстрирован

фотографиями, и на его первой странице была сделана надпись: «Еврейское гетто в Варшаве больше не существует». Этот том содержит ряд отчетов, посланных Штропом высшему руководителю СС и полиции на Востоке. В апреле и мае 1943 года в одном из отчетов Штроп писал:

«Сопротивление, которое оказывали евреи и бандиты, могло быть подавлено лишь в результате сильных боев наших отрядов, не прекращавшихся ни днем, ни ночью. Поэтому рейхсфюрер СС приказал 23 апреля 1943 г. очистить гетто, применяя крайнюю жестокость и проявляя беспощадное упорство. Было решено уничтожить и сжечь все гетто, невзирая на то, что там имелись военные заводы. С этих заводов мы систематически вывозили оборудование, а затем сжигали их. Обычно евреи выходили из тех мест, в которых они скрывались, но часто они оставались в горевших зданиях и выпрыгивали из окон только тогда, когда жара становилась невыносимой. Тогда они пытались, несмотря на переломы костей, переползая по улице в те здания, которые еще не были охвачены огнем. Жизнь в канализационных трубах не была приятной. Мы не раз слышали громкие голоса в канализационных трубах... Мы стали бросать туда в отдушины слезоточивые бомбы и таким образом выгнали евреев из канализационных труб и захватили их. Бесчисленное количество евреев было ликвидировано в канализационных трубах и бункерах во время взрывов, и чем дольше продолжалось сопротивление, тем более жестокими становились люди из войск СС, полиции и вооруженных сил, всегда образцово исполнявшие свои обязанности».

Штроп говорит в своем отчете, что в результате его мероприятий в Варшаве уничтожено 56 065 человек. К этому мы должны добавить тех, которые были убиты во время взрывов, при пожарах и т. д., количество которых учесть невозможно.

Мрачные показания о массовых убийствах евреев были также представлены Трибуналу путем демонстрации фильма, показывавшего общие могилы сотен жертв, впоследствии обнаруженных союзниками. Все эти зверства были присущи политике, начатой в 1941 году, и нет ничего удивительного в том, что, согласно показаниям, один или два немецких чиновника тщетно пытались протестовать против тех зверских методов, которыми проводилось умерщвление. Но методы, к которым прибегали, никогда не были схожи один с другим. Резня в Ровно и Дубно, о которой говорил немецкий инженер Грабе, представляла собой один метод, систематическое истребление евреев в концентрационных лагерях явилось другой частью «окончательного разрешения проблемы», выразившейся в том, что со всей оккупированной немцами Европы евреев сгоняли в концентрационные лагеря. Их физическое состояние решало для

них вопрос жизни или смерти. Всех трудоспособных людей использовали для рабского труда в концентрационных лагерях; всех неспособных работать уничтожали в газовых камерах, после чего их трупы сжигали. Для этой цели были специально выделены некоторые концентрационные лагеря, например, Трелинка и Освенцим.

По вопросу об Освенциме Трибунал заслушал показания Гесса, являвшегося с 1 мая 1940 г. по 1 декабря 1943 г. комендантом лагеря. Он заявил, что только в одном лагере Освенцим за этот период времени было истреблено 2 500 тысяч человек, помимо того, что 500 тысяч погибли от болезней и голода.

Гесс на Суде в следующих словах рассказал о том, каким образом отбирались те люди, которых предполагалось уничтожить:

«В Освенциме было два дежурных врача, занимавшихся осмотром транспортов прибывавших заключенных. Заключенных прогоняли мимо одного из врачей, который тут же на месте, пока они проходили мимо него, принимал решение относительно их трудоспособности. Трудоспособные заключенные направлялись в лагерь. Остальных немедленно направляли на установки для уничтожения.

Дети раннего возраста непременно уничтожались, так как слабость, присущая детскому возрасту, не позволяла им работать. Мы ввели еще одно усовершенствование по сравнению с Трелинкой: в этом лагере жертвы почти всегда знали о том, что их собираются истребить, в то время как в Освенциме мы пытались обманывать заключенных, заставляя их думать, что они должны пройти санобработку. Они, конечно, нередко разгадывали наши действительные намерения, и в связи с этим нам приходилось иметь дело с беспорядками и различными затруднениями. Очень часто женщины прятали детей под свою одежду, но, конечно, когда мы их находили, мы отбирали детей и истребляли».

Он в следующих словах описывает процесс убийства:

«На убийство людей в газовых камерах обычно уходило от 3 до 15 минут в зависимости от температурных условий. Мы знали, когда люди умирали, так как со смертью прекращались их крики. Перед тем, как открыть двери и удалить тела, мы обычно выжидали в течение получаса. После того как тела выносили из камер, наши специальные команды снимали с них кольца и извлекали золото с зубов, выданных у трупов».

Избиения, голод, истязания и убийства были всеобщим явлением. Заключенных подвергали жестоким экспериментам. В августе 1942 года в Дахау жертвы погружались в холодную воду и оставались там до того, пока температура их тел

не понижалась до 28° по Цельсию, после чего они немедленно умирали.

Остальные эксперименты включали опыты по определению условий на больших высотах, когда жертвы помещались в камеры с пониженным давлением, опыты, целью которых служило определить, сколько времени человеческое существо может прожить в ледяной воде, опыты с отравленными пулями, опыты с заразными болезнями, опыты по стерилизации мужчин и женщин рентгеновскими лучами и путем применения других методов. Были представлены доказательства относительно судьбы заключенных до и после их уничтожения.

В показаниях было указано, что у женщин перед тем, как их убить, обрезали волосы, которые отправлялись в Германию, где они использовались для производства матрацев. Одежда, деньги и драгоценности заключенных также присваивались и направлялись в соответствующие отделы для дальнейшего распределения. После того как жертвы умерщвлялись, у трупов вынимали золотые зубы и пломбы, которые пересылались в рейхсбанк. После кремации трупов зола использовалась в качестве удобрения, а в некоторых случаях делались попытки использовать жировой слой, имевшийся на телах жертв, для выработки мыла, предназначенного для продажи. По Европе разъезжали специально созданные группы лиц, выскивавшие евреев для так называемого «окончательного разрешения» вопроса. В некоторые страны-сателлиты, как Венгрия и Болгария, были направлены германские миссии, которые должны были организовывать в вышеупомянутых целях отправку евреев в лагерь уничтожения в Германию. Известно, что к концу 1944 года 400 тысяч евреев из Венгрии были умерщвлены в Освенциме. Имеются показания об эвакуации 110 тысяч евреев из Румынии для ликвидации. Адольф Эйхман, которому Гитлер поручил проведение этой программы, подсчитал, что в результате проводившейся политики было убито 6 миллионов евреев, из которых 4 миллиона было убито в пунктах для истребления людей.

ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ К РАЗДЕЛУ О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Статья 6 Устава гласит:

«b) *Военные преступления*, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей граждан-

ского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

с) *преступления против человечности*, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

Как здесь указывается, Устав не выделяет тот или иной заговор в отдельное преступление, за исключением заговора, упомянутого в статье 6 (а) и касающегося преступлений против мира.

Трибунал, несомненно, связан теми определениями, которые дает Устав как в отношении военных преступлений, так и в отношении преступлений против человечности. Однако, что касается военных преступлений, как уже указывалось, преступления, определяемые статьей 6 (b) Устава, уже признавались как военные преступления международным правом. Они предусматривались статьями 46, 50, 52 и 56 Гаагской Конвенции 1907 года и статьями 2, 3, 4, 46 и 51 Женевской Конвенции 1929 года. Тот факт, что нарушение этих норм являлось преступлением, за которое отдельные лица подлежали наказанию, слишком хорошо известен для того, чтобы допустить хоть тень сомнения.

Выдвигалось утверждение о том, что Гаагская Конвенция здесь неприменима в соответствии с пунктом о распространении действия Конвенции в статье 2 Гаагской Конвенции 1907 года. Этот пункт предусматривал:

«Положения, содержащиеся в правилах ведения войны на суше, упомянутых в статье 1, так же как и правила настоящей Конвенции, распространяются только на подписавшие стороны и только в том случае, если все воюющие стороны являются участниками данной Конвенции».

Некоторые воюющие стороны в последней войне не были участниками этой Конвенции.

По мнению Трибунала, нет необходимости решать этот вопрос. Правила ведения войны на суше, сформулированные в Конвенции, несомненно, являлись шагом вперед по сравнению с существовавшим во время ее принятия международным правом. Но Конвенция определенно устанавливает, что это была

попытка «пересмотреть общие законы и обычаи войны», которые она, таким образом, признавала существующими. Однако в 1939 году эти правила, изложенные в Конвенции, были признаны всеми цивилизованными народами и рассматривались как выражение законов и обычаев ведения войны, на которые имеется ссылка в статье 6 (b) Устава.

Утверждалось также, что Германия не была более связана правилами ведения войны на суше на многих территориях, оккупированных во время войны, потому что Германия полностью покорила эти страны и включила их в состав Германской империи; это обстоятельство якобы дало Германии право действовать в отношении этих оккупированных стран таким образом, как если бы они были частью Германии. По мнению Трибунала, в настоящем деле нет необходимости решать вопрос, является ли эта «доктрина покорения», в какой бы мере она ни зависела от военных завоеваний, применимой в тех случаях, когда покорение возникает в результате агрессивной войны. Эта доктрина никогда не рассматривалась как применимая до тех пор, пока существует действующая армия, которая пытается вернуть оккупированную страну ее настоящему владельцу, и поэтому в настоящем деле эта доктрина не может быть применена в отношении какой-либо из территорий, оккупированных после 1 сентября 1939 г. Что касается военных преступлений, совершенных в Богемии и Моравии, в качестве ответа достаточно будет сказать, что эти территории никогда не были присоединены к империи, но над ними был просто установлен протекторат.

Что касается преступлений против человечности, то не допускает никаких сомнений тот факт, что политические противники умерщвлялись в Германии до войны и что многие из них содержались в заключении в концентрационных лагерях в условиях жестокости и террора. Политика террора, несомненно, проводилась в широких масштабах, и во многих случаях она была организована и систематической. До войны 1939 года в Германии самым безжалостным образом проводилась политика преследования, подавления и убийства всех лиц из числа гражданского населения, о которых можно было предположить, что они настроены враждебно по отношению к правительству. Также несомненно является установленным факт преследования евреев в течение того же периода. Действия, инкриминируемые в период до момента начала войны, могут считаться преступлениями против человечности только в том случае, если они совершались в ходе или в связи с любым из преступлений, подлежащих юрисдикции Трибунала. Трибунал считает, что не было с достаточной убедительностью доказано то, что эти действия совершались во исполнение или в связи с любым таким преступлением,

насколько бы отвратительными и ужасными многие из них ни являлись. Поэтому Трибунал не может сделать заявления общего характера относительно того, что действия, совершенные до 1939 года, являются преступлениями против человечности в том смысле, как они определены Уставом.

Однако с самого начала войны в 1939 году военные преступления, которые также являлись преступлениями против человечности, совершались в широких масштабах, и хотя бесчеловечные действия, вменяемые в вину в Обвинительном заключении и совершенные после начала войны, не составляют военных преступлений, — все они совершались при ведении агрессивной войны или в связи с ней, и поэтому они являются преступлениями против человечности.

ОБВИНЯЕМЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья 9 Устава предусматривает:

«При рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией.

После получения Обвинительного акта Трибунал сделает такое объявление, какое он найдет нужным, о том, что обвинение намеревается ходатайствовать перед Трибуналом о вынесении определения о признании организации преступной. Любой член организации будет вправе обратиться в Трибунал за разрешением быть выслушанным Трибуналом по вопросу о преступном характере организации. Трибунал будет вправе удовлетворить или отклонить эту просьбу. В случае удовлетворения такой просьбы Трибунал может определить, каким образом эти лица будут представлены и выслушаны.

Из статьи 10 Устава явствует, что решение о признании преступного характера обвиняемой организации является окончательным и не может подвергаться оспариванию на любом последующем процессе по делу отдельных членов организаций.

Статья 10 гласит:

«Если Трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из Подписавшихся Сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию».

Последствия признания Трибуналом преступного характера организаций со всей ясностью иллюстрируются в Законе № 10 Контрольного Совета Германии, принятом 20 декабря 1945 г., который предусматривает:

Каждое из следующих действий рассматривается как преступление:

... (d) Членство в определенных категориях преступных групп или организаций, преступный характер которых будет признан Международным Военным Трибуналом.

...3. Любое лицо, признанное виновным в любом из упомянутых выше преступлений, может быть в случае осуждения наказано таким образом, как Трибунал это сочтет справедливым. Такое наказание может соответствовать одному или нескольким из следующих пунктов...:

(a) Смертная казнь...

(b) Пожизненное тюремное заключение или заключение на определенный срок с каторжными работами или без каторжных работ.

(c) Штраф или тюремное заключение с каторжными работами или без каторжных работ вместо этого штрафа.

(d) Конфискация имущества.

(e) Изъятие (реституция) незаконно присвоенного имущества.

(f) Лишение некоторых или всех гражданских прав.

Поэтому член организации, которую Трибунал признает преступной, может быть впоследствии осужден за преступление, заключавшееся в принадлежности к этой организации, и наказан за это преступление вплоть до смертной казни. Это не предполагает, что международные или военные суды, которые будут судить этих лиц, не будут применять соответствующих правовых норм. Это — новая процедура, предполагающая далеко идущие последствия. Применение ее, если не будут приняты необходимые меры предосторожности, может привести к большой несправедливости.

Следует отметить, что статья 9 содержит следующие слова: «Трибунал может признать». Таким образом, Трибунал облечен полномочиями решать по своему усмотрению вопрос, объявит ли он ту или иную организацию преступной. Однако это право решать по своему усмотрению основывается на правовых нормах и не позволяет прибегать к произвольному суждению; оно должно применяться в соответствии с прочно установившимися правовыми принципами, самый важный из которых заключается в том, что преступная виновность является индивидуальной и следует избегать массового наказания. Если Трибунал считает доказанной преступную виновность любой организации или группы, он должен без колебания признать ее преступной, не опасаясь того, что теория «преступность группы» является

новой, или того, что она может быть несправедливо применена в последующих судебных разбирательствах трибуналами. С другой стороны, Трибунал должен вынести решение о преступности по возможности таким образом, чтобы не были наказаны невиновные.

Преступная организация аналогична преступному заговору в том, что по существу они предполагают сотрудничество ради преступных целей. Должна существовать группа, связанная и организованная для осуществления общей цели. Эта группа должна быть создана или использована в связи с совершением преступлений, предусмотренных Уставом. Поскольку решение в отношении организаций или групп определит, как уже было указано, преступность членов этой организации, это решение должно исключить тех лиц, которые не были осведомлены о преступных целях или действиях организации, и тех, которые были призваны в эту организацию государственными органами, за исключением тех случаев, когда они были лично замешаны в совершении действий, объявленных преступными в соответствии со статьей 6 Устава, в качестве членов этой организации. Формальное членство не подпадает под действие этого решения.

Поскольку решения о преступности, принятые Трибуналом, будут использоваться в других судах в процессах против отдельных лиц за их членство в организациях, которые будут признаны преступными, Трибунал считает уместным сделать следующие рекомендации:

1. Поскольку это возможно, классификация преступлений, санкции и мера наказания должны быть однообразными на всех четырех зонах оккупации Германии. Основной целью в той мере, в какой это практически возможно, должно быть соблюдение единообразия при рассмотрении дел. Это, конечно, не означает, что суды должны быть лишены права решать дела по своему усмотрению, однако это право действовать по усмотрению должно быть ограничено рамками, соответствующими характеру преступления.

2. Закон № 10, на который мы уже ссылались, оставляет решение вопроса о наказании полностью на усмотрение суда, разбирающего дело, вплоть до предоставления ему права выносить смертный приговор.

Однако закон о денацификации от 5 марта 1946 г., изданный для Баварии, Гросс-Гессена и Вюртенберг-Бадена, предусматривает определенное наказание для каждого вида преступлений. Трибунал рекомендует, чтобы ни в коем случае наказание, предусмотренное Законом № 10 в отношении любого члена группы или организации, признанной Трибуналом преступной, не превосходило по своим размерам наказания, установленного законом о денацификации. Никто не должен быть наказан по обоим законам.

3. Трибунал рекомендует Контрольному Совету внести поправку в Закон № 10 с тем, чтобы предусмотреть ограничение в наказании, которое может быть вынесено за членство в преступной группе или организации, таким образом, чтобы это наказание не превосходило наказания, предписываемого законом о денацификации.

Обвинительное заключение требует, чтобы Трибунал признал преступными следующие организации: руководящий состав нацистской партии, гестапо, СД, СС, СА, имперский кабинет, генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил.

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ НАЦИСТСКОЙ ПАРТИИ

Структура и составные части

Руководящий состав нацистской партии назван в Обвинительном заключении как группа или организация, которая должна быть объявлена преступной. Руководящий состав нацистской партии фактически состоял из официальной организации нацистской партии и возглавлялся Гитлером в качестве фюрера. Фактическое руководство руководящим составом нацистской партии осуществлялось начальником партийной канцелярии (Гессом, а затем Борманом) с помощью имперского партийного директората, или рейхслейтунга, который состоял из рейхслейтеров, руководителей функциональных организаций, так же как и из руководителей различных главных управлений и учреждений, примыкавших к имперскому партийному директорату. Начальнику партийной канцелярии подчинялись гаулейтеры, осуществлявшие территориальную юрисдикцию над главными административными партийными единицами — гау.

Гаулейтерам помогал партийный директорат по делам гау, или гаулейтунг, который по своей структуре и характеру деятельности соответствовал имперскому партийному директорату. Ниже гаулейтеров в партийной иерархии стояли крейслейтеры, осуществлявшие территориальную юрисдикцию над крейсрами, обычно состоявшими из одной общины; им помогал партийный директорат по делам крейса, или крейслейтунг. Крейслейтеры стояли на самой нижней ступени партийной иерархии и являлись партийными работниками, получавшими заработную плату. Непосредственно ниже крейслейтеров стояли ортсгруппенлейтеры, затем целленлейтеры и, наконец, блоклейтеры.

Директивы и инструкции исходили из имперского партийного директората. Задачей гаулейтеров являлась интерпретация этих директив и передача их в нижестоящие инстанции. Крейслейтеры располагали некоторой свободой в толковании

этих директив, но ортсгруппенлейтеры не обладали этой свободой и действовали по определенным инструкциям. Инструкции передавались в письменном виде только до ортсгруппенлейтера. Блок- и целленлейтеры обычно получали инструкции в устной форме. Принадлежность ко всем рангам руководящего состава являлась добровольной.

28 февраля 1946 г. обвинение исключило из требуемого им признания виновными всех сотрудников аппарата ортсгруппенлейтеров и всех помощников целленлейтеров и блоклейтеров. Решение Трибунала, которого требует обвинение в отношении признания виновным руководящего состава нацистской партии, таким образом, должно включать фюрера, рейхслейтеров, гаулейтеров и сотрудников их аппарата, крейслейтеров и сотрудников их аппарата, ортсгруппенлейтеров, целленлейтеров и блоклейтеров, то есть группу общей численностью по меньшей мере в 600 тысяч человек.

Цели и характер деятельности

Основной целью руководящего состава с самого начала являлась помощь нацистам в приобретении, а затем, после 30 января 1933 г., в сохранении контроля над германским государством. Механизм руководящего состава использовался для широкого распространения нацистской пропаганды и для тщательного контроля над политическими настроениями германского народа. В этой деятельности особенно важную роль играли низшие слои политических руководителей. Партийный справочник инструктировал блоклейтеров сообщать ортсгруппенлейтерам обо всех лицах, распространяющих вредные слухи или критикующих режим. Ортсгруппенлейтеры на основе информации, получаемой ими от блоклейтеров и целленлейтеров, вели картотеку на всех жителей, входивших в ортсгруппу, содержащую данные, которые могли быть использованы при вынесении решения относительно их политической благонадежности. Руководящий состав был особенно активен в период плебисцитов. Все члены руководящего состава очень активно действовали для обеспечения голосования и наиболее высокого процента голосов «за». Ортсгруппенлейтеры и политические руководители высших рангов часто сотрудничали с гестапо и СД в мероприятиях по установлению тех лиц, которые отказывались принять участие в голосовании или голосовали «против», а также в принятии соответствующих мер против них, применяя даже арест и заключение в концентрационный лагерь.

Преступная деятельность

Эти действия, которые связаны только с консолидацией контроля нацистской партии, не являются преступными с точки

зрения заговора для ведения агрессивной войны, который был уже выше изложен. Однако руководящий состав также использовался для аналогичных действий в Австрии и в тех частях Чехословакии, Литвы¹, Польши, Франции, Бельгии, Люксембурга и Югославии, которые были включены в состав империи и в гау нацистской партии. На этих территориях механизм руководящего состава использовался для германизации населения при помощи уничтожения местных обычаев и выявления и ареста лиц, противодействовавших германской оккупации. Это являлось преступным в соответствии со статьей 6 (b) Устава в отношении тех территорий, где действовали Гаагские Конвенции о ведении сухопутной войны, и преступным в соответствии со статьей 6 (c) Устава в отношении остальных территорий.

Руководящий состав сыграл свою роль в преследовании евреев; он был замешан в мероприятиях по экономической и политической дискриминации евреев, которые были введены в действие вскоре после прихода нацистов к власти. Гестапо и СД получили инструкции координировать с гаулейтерами и крейслейтерами действия во время погромов 9 и 10 ноября 1938 г. Руководящий состав также использовался для того, чтобы предотвратить реакцию германского общественного мнения против мер, предпринимавшихся в отношении евреев на Востоке.

9 октября 1942 г. всем гаулейтерам и крейслейтерам был разослан секретный информационный бюллетень, озаглавленный «Подготовительные меры к окончательному разрешению еврейского вопроса в Европе. Слухи о положении евреев на Востоке». В этом бюллетене говорилось о том, что возвращающиеся с Востока солдаты распространяют слухи относительно положения евреев на Востоке, которые некоторые немцы могут не понять, и далее в подробностях излагалось официальное объяснение, которое следовало давать. Этот бюллетень не содержал определенных указаний на то, что евреи уничтожались, но в нем говорилось, что их направляли в трудовые лагеря, о том, что их полностью отделяли от остального населения, а также о необходимости проявлять к ним безжалостную суровость. Таким образом, даже на первый взгляд этот бюллетень указывал на то, что механизм руководящего состава использовался для того, чтобы удержать немецкое общественное мнение от протестов против программы, которая, как утверждалось, включала в себя осуждение евреев в Европе на пожизненное рабство. Эти сведения все время поступали к политическим

¹ Имеется в виду Мемельская область, захваченная гитлеровцами. — Составители.

руководителям. В августовском выпуске «Ди лаге» за 1944 год, являвшемся изданием, которое распространялось среди политических руководителей, описывалась депортация 430 тысяч евреев из Венгрии.

Руководящий состав сыграл важную роль в проведении программы рабского труда. Директива Заукеля от 6 апреля 1942 г. назначала гаулейтеров чрезвычайными уполномоченными по мобилизации рабочей силы в их соответствующих гау с полномочиями координировать деятельность всех организаций, имевших отношение к вопросам рабочей силы в пределах их гау, и со специальными полномочиями в области найма иностранных рабочих, в том числе в отношении условий их работы, их питания и расселения. Исходя из этих полномочий, гаулейтеры взяли в свои руки контроль над размещением рабочей силы в их гау, в том числе над размещением рабочих, насильно пригнанных из других стран. При осуществлении этой задачи гаулейтеры использовали многие учреждения партии в пределах своих гау, в том числе подчинявшихся им политических руководителей. Например, директивой Заукеля от 8 сентября 1942 г. относительно размещения по отдельным хозяйствам 400 тысяч женщин-работниц, прибывших с Востока, устанавливается порядок, согласно которому заявления о присылке таких работниц передавались крейслейтерам, чье решение являлось окончательным.

В соответствии с директивой Заукеля, обращение с иностранными рабочими непосредственно входило в ведение политических руководителей, причем гаулейтеры были специально инструктированы предотвращать «слишком большую заботу и внимание к иностранным рабочим» со стороны «политически ненадежных руководителей предприятий».

В число вопросов, связанных с обращением с рабочими, которыми должны были заниматься политические руководители, входило составление крейслейтерами отчетов о случаях беременности среди женщин, использовавшихся для рабского труда; эти отчеты имели своим результатом производство аборта, если родители ребенка не соответствовали расовым требованиям, установленным СС, и обычно вели к заключению в концлагерь матери ребенка. Доказательства устанавливают, что под наблюдением политических руководителей промышленные рабочие расселялись в лагерях в ужасных антисанитарных условиях, работали много часов и не получали достаточного питания.

Под наблюдением тех же политических руководителей сельскохозяйственным рабочим, с которыми обращались несколько лучше, было запрещено пользоваться транспортом, посещать места развлечения и отправлять религиозные обряды; для них не был установлен нормированный рабочий день и были

введены правила, которые давали нанимателю право прибегать в отношении их к телесным наказаниям. Политические руководители, по крайней мере до ортсгруппенлейтеров, несли ответственность за руководство этими вопросами. 5 мая 1943 г. всем политическим руководителям, до ортсгруппенлейтеров, был разослан меморандум Бормана, содержащий инструкции о прекращении жестокого обращения с угнанными в рабство рабочими. Подобным же образом 10 ноября 1944 г. Шпеер циркулярно разослал директиву Гиммлера, предусматривавшую, что все члены нацистской партии в соответствии с указаниями крейслейтера должны быть предупреждены ортсгруппенлейтерами о том, что их долгом является внимательное наблюдение за иностранными рабочими.

Политические руководители непосредственно занимались вопросами обращения с военнопленными. 5 ноября 1941 г. Борман разослал директивное указание до крейслейтеров включительно, предлагая им обеспечить выполнение армией недавно вышедших директив министерства внутренних дел, в которых указывалось, что трупы русских военнопленных следовало заворачивать в листы толя и хоронить в отдаленных местах без всяких церемоний или украшения их могил. 25 ноября 1943 г. Борман разослал циркуляр, предлагавший гаулейтерам докладывать о случаях мягкого обращения с военнопленными. 13 сентября 1944 г. Борман разослал директиву до крейслейтеров включительно, требовавшую установления связи между крейслейтерами и охранниками военнопленных для того, чтобы «лучше согласовать использование военнопленных с политическими и экономическими требованиями».

17 октября 1944 г. директива ОКВ предписывала офицеру, отвечавшему за военнопленных, советоваться с крейслейтером по вопросу производительности труда. Использование военнопленных, особенно военнопленных с Востока, сопровождалось нарушением Конвенции о ведении сухопутной войны в широких масштабах. Доказательства устанавливают, что руководящий состав, до крейслейтеров включительно, участвовал в этом незаконном обращении с военнопленными.

Механизм руководящего состава также использовался при попытках лишить союзных летчиков той защиты, которая им предоставлялась согласно Женевской Конвенции. 13 марта 1940 г. вышла директива Гесса с инструкциями политическим руководителям до блоклейтеров включительно о руководстве гражданским населением в случае приземления вражеских самолетов или парашютистов, которые¹ гласили, что вражеские

¹ Инструкции. — Составители.

парашютисты должны были немедленно подвергаться аресту или «обезвреживаться».

30 мая 1944 г. Борман разослал циркулярное письмо всем гау- и крейслейтерам с сообщением о случаях линчевания союзных летчиков штурмовой авиации, в которые полиция не вмешивалась. Было предложено информировать ортсгруппенлейтеров устно о содержании этого письма. Это письмо сопутствовало пропагандистской кампании, начатой Геббельсом с тем, чтобы поощрять эти линчевания или, по крайней мере, в нарушение Женевской Конвенции, запрещать полиции вмешиваться. Ряд линчеваний был проведен в соответствии с этими указаниями, однако нет данных о том, что они проводились по всей Германии. Тем не менее существование этого циркулярного письма показывает, что верхушка политического руководства использовала его для целей, которые были явно незаконными и требовавшими использования аппарата политического руководства, по крайней мере, до ортсгруппенлейтеров.

Заключение

Политическое руководство использовалось для целей, которые согласно Уставу являлись преступными и включали германизацию присоединенных территорий, преследование евреев, проведение программы рабского труда и жестокое обращение с военнопленными. Подсудимые Борман и Заукель, являвшиеся членами этой организации, были в числе тех, кто использовал ее в этих целях. Гаулейтеры, крейслейтеры и ортсгруппенлейтеры в той или иной степени принимали участие в проведении этой преступной программы. Рейхслейтунг как руководящая организация партии также ответственна за эту преступную программу, как и главы различных руководящих организаций гаулейтеров и крейслейтеров.

Решение Трибунала по этим руководящим организациям распространяется лишь на амтслейтеров, которые были начальниками отделов в аппарате рейхслейтунга, гаулейтунга и крейслейтунга. В отношении других должностных лиц и партийных организаций, примыкавших к политическому руководству, за исключением амтслейтеров, о которых говорилось выше, Трибунал примет предложение обвинения относительно того, чтобы на них не распространялось это решение.

Трибунал объявляет преступной в том смысле, как это определено Уставом, группу, состоящую из тех членов политического руководства, которые занимали посты, перечисленные в предыдущем параграфе, или тех, которые вступали в организацию или оставались в ней, зная о том, что она использовалась для совершения действий, определяемых преступными в

соответствии со статьей 6 Устава, либо тех, которые были лично замешаны как члены организации в совершении подобных преступлений. Основой для вынесения настоящего приговора является участие организации в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, связанных с войной; поэтому эта группа, признанная преступной, не может включать лиц, которые более не занимали постов, перечисленных в предыдущем параграфе, после 1 сентября 1939 г.

ГЕСТАПО и СД

Структура и составные части

Обвинением названы государственная тайная полиция (гестапо) и служба безопасности рейхсфюрера СС (СД) как группы или организации, которые должны быть объявлены преступными. Обвинение представило дело против гестапо и СД вместе, заявив, что это было необходимо благодаря тесному сотрудничеству в работе между ними. Трибунал разрешил СД представить свою защиту отдельно, в связи с заявлением о противоречивости их интересов. Однако, ознакомившись с доказательствами, Трибунал решил рассматривать дело гестапо и СД вместе.

Впервые гестапо и СД были объединены 26 июня 1936 г. назначением Гейдриха, являвшегося начальником СД, на пост начальника полиции безопасности, которое имело целью объединить гестапо и уголовную полицию. Еще до этого СД представляла собой разведывательную агентуру сначала СС, а затем, после 4 июня 1934 г., всей нацистской партии. Гестапо состояло из различных подразделений политической полиции нескольких немецких федеральных государств, которые были объединены под личным руководством Гимmlера с помощью Геринга. Гимmlер был назначен начальником немецкой полиции в министерстве внутренних дел 17 июня 1936 г. и, будучи рейхсфюрером СС и начальником германской полиции, он 26 июня 1936 г. издал декрет, который включил уголовную полицию (КРИПО) и гестапо в состав полиции безопасности и объединил полицию безопасности и СД под руководством Гейдриха.

Объединение полиции безопасности — государственной организации и СД — партийной организации под руководством Гейдриха было оформлено декретом от 27 сентября 1939 г., объединившим различные государственные и партийные учреждения, подведомственные Гейдриху как начальнику полиции безопасности и СД, в одно административное целое — главное имперское управление безопасности (РСХА), которое одновременно являлось одним из главных управлений СС, подведомственных Гимmlеру как рейхсфюреру СС, и управлением министерства

внутренних дел, подведомственным Гимmlеру как начальнику немецкой полиции.

Внутренняя структура РСХА показывает, как оно осуществляло объединенное управление полицией безопасности и СД. РСХА подразделялось на семь отделов-управлений (амт), два из которых (амт-I и амт-II) занимались административными вопросами. Полиция безопасности была представлена амт-IV — главным управлением гестапо и амт-V — главным управлением уголовной полиции. СД было представлено амт-III — главным управлением по деятельности СД внутри Германии, амт-VI — главным управлением по деятельности СД вне Германии и амт-VII, занимавшимся исследовательскими вопросами идеологического характера.

Вскоре после создания РСХА, в ноябре 1939 года, полиция безопасности была «координирована» с СС путем производства всех чиновников гестапо и уголовной полиции в звания СС, соответствовавшие занимаемым ими постам. Созданием РСХА достигались координация деятельности всей полиции и разграничение функций среди высших полицейских чиновников. При этом разграничении СД служила разведывательной агентурой полиции безопасности.

Аналогичная координация существовала и в местных управлениях. В Германии и во включенных в империю районах с целью облегчения гражданского управления местные органы гестапо, уголовной полиции и СД формально существовали отдельно. Однако их координация осуществлялась инспекторами полиции безопасности и СД из аппарата местных высших руководителей СС и полиции, и одной из основных функций местных частей СД было служить в качестве разведывательной агентуры для местных частей гестапо. На оккупированных территориях взаимоотношения между местными частями гестапо, уголовной полицией и СД были несколько теснее. Они были организованы в местные отряды полиции безопасности и СД и находились под контролем как РСХА, так и высшего руководителя СС и полиции, который назначался Гимmlером в аппарат оккупационных властей.

Органы полиции безопасности и СД на оккупированной территории состояли из отделов, соответствовавших различным управлениям РСХА. На оккупированных территориях, которые все еще рассматривались как районы военных действий, или там, где формально немецкий контроль еще установлен не был, структура органов полиции безопасности и СД была несколько иной. Члены гестапо, КРИПО и СД объединялись вместе в организации военного типа, известные под названием эйнзатцкоманд и эйнзатцгрупп, в которых основные должности были заняты членами гестапо, КРИПО и СД, в то время

как члены полиции порядка, Ваффен СС и даже личный состав вооруженных сил Германии использовались для вспомогательных целей. Эти организации находились под общим контролем РСХА, но в районах, прилегающих к линии фронта, поступали под оперативное руководство соответствующего командующего армией.

Таким образом, можно видеть, что с точки зрения их функций как гестапо, так и СД представляли собой важные, тесно связанные между собой группы в составе организации полиции безопасности и СД. Полиция безопасности и СД находились под единоначалием сначала Гейдриха, а потом Кальтенбрунера как начальника полиции безопасности и СД; у нее¹ имелся единый штаб РСХА; у нее имелась собственная система субординации, и ее деятельность была деятельностью единой организации как в Германии, так и на оккупированных территориях и в прифронтовой полосе.

В течение периода, рассмотрением которого в основном занимается Трибунал, кандидаты на должности в полиции безопасности и СД проходили подготовку по линии всех составных частей полиции безопасности: гестапо, уголовной полиции и СД. Некоторая путаница была вызвана тем фактом, что часть организации являлась организационным подразделением нацистской партии, в то время как другая часть организации являлась управлением в правительстве, но это не имеет никакого особого значения ввиду закона от 1 декабря 1933 г., который объявил единство нацистской партии и германского государства.

Полиция безопасности и СД являлись добровольной организацией. Верно то, что большое число гражданских служащих и административных чиновников было переведено в полицию безопасности. Утверждение о том, что перевод был принудительным, является не чем иным, как утверждением о том, что они должны были или согласиться с таким переводом или уйти в отставку со своих постов, что могло вызвать недовольство по служебной линии. В течение войны члены полиции безопасности и СД не имели свободного выбора при назначениях внутри организации, и отказ принять какое-либо назначение, особенно на оккупированной территории, мог привести к серьезному наказанию. Однако остается явным тот факт, что все члены полиции безопасности и СД вступали в организацию добровольно, не побуждаемые ничем иным, кроме желания сохранить свою официальную должность.

Организация полиции безопасности и СД включает также три специальные части, которые должны быть рассмотрены в отдельности.

¹ То есть у СД (служба безопасности). — Составители.

Первая из них — пограничная полиция (гренцполицей), которая была передана в ведение гестапо в 1937 году. В ее функцию входило осуществление контроля над проездом через границы Германии. Она производила арест лиц, незаконно пересекающих границу. Из представленных доказательств также явствует, что она получала директивы гестапо об отправке задержанных иностранных рабочих в концентрационные лагеря. Она также могла ходатайствовать перед местными отделениями гестапо о разрешении заключить арестованных лиц в концентрационные лагеря.

По мнению Трибунала, обвинение в преступлении, выдвинутое против гестапо, должно также распространяться и на пограничную полицию.

Таможенная пограничная охрана (цоллгренцшутц) вошла в состав гестапо летом 1944 года. Функции этой организации были аналогичными функциям пограничной полиции и заключались в проверке соблюдения правил при переезде через границу и особенно в предотвращении контрабанды. Однако нет данных, что ее включение было полным, около половины ее общего состава, насчитывающего 54 тысячи человек, осталось в подчинении имперского финансового ведомства или полиции порядка. За несколько дней до конца войны вся организация была вновь включена в имперское финансовое ведомство. Включение организации в гестапо произошло так поздно, и она так мало участвовала в общей деятельности гестапо, что Трибунал считает, что не следует включать ее при рассмотрении преступности гестапо.

Третьей организацией являлась так называемая тайная полевая полиция, которая первоначально была подчинена армейскому руководству, но которая в 1942 году была переведена военным приказом в полицию безопасности. Тайная полевая полиция занималась вопросами безопасности армии на оккупированной территории, а также предотвращением нападения гражданского населения на военные сооружения и части и совершала в широких масштабах военные преступления и преступления против человечности. Однако не было доказано, что эта организация являлась частью гестапо, и Трибунал считает, что на нее не распространяются обвинения в преступности, содержащиеся в Обвинительном заключении, за исключением тех ее членов, которые, возможно, были переведены в амт-VI РСХА или являлись членами организаций, признанных преступными настоящим приговором.

Преступная деятельность

Первоначально одной из основных функций гестапо являлось предотвращение какой-либо политической оппозиции нацистскому

режиму — функция, которую гестапо выполняло с помощью СД. Основным орудием, которое использовалось для осуществления этой функции, являлись концентрационные лагеря. Гестапо не имело административного контроля над концентрационными лагерями, но, действуя через главное имперское управление безопасности, несло ответственность за содержание под арестом политических заключенных в этих лагерях. Чиновники гестапо обычно отвечали за допрос политических заключенных в этих лагерях.

Гестапо и СД также занимались рассмотрением дел, связанных с государственной изменой, прессой, церковью и евреями. По мере того как нацистская программа антисемитских преследований усиливалась, роль, которую играли эти группы, становилась все более важной. Ранним утром 10 ноября 1938 г. Гейдрих послал телеграмму всем управлениям гестапо и СД, в которой давались инструкции об организации погромов в тот день и об аресте такого количества евреев, которое способны вместить тюрьмы, «особенно богатых» евреев, обращая при этом внимание на то, чтобы арестовывались только здоровые и не слишком старые.

К 11 ноября 1938 г. 20 тысяч евреев были арестованы и многие были посланы в концентрационные лагеря. 24 ноября 1939 г. Гейдриху, начальнику полиции безопасности и СД, было поручено дальнейшее проведение эмиграции и эвакуации евреев из Германии, и 31 июля 1941 г. ему было поручено полнейшее разрешение еврейского вопроса в находившихся под господством Германии европейских государствах.

Был организован специальный отдел управления гестапо главного имперского управления безопасности под начальством штандартенфюрера Эйхмана, и в его ведение были переданы вопросы, касающиеся евреев; это управление использовало своих собственных агентов для «разрешения» еврейской проблемы на оккупированной территории. Управления гестапо на местах были использованы сначала для осуществления надзора над эмиграцией евреев, а затем для депортации их на Восток как из Германии, так и с территорий, оккупированных во время войны. Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД, действовавшие в тылу на восточном фронте, осуществляли массовое убийство евреев. Специальная часть из управления гестапо РСХА использовалась для организации депортации евреев из стран — сателлитов держав оси в Германию для «окончательного разрешения».

Местные управления полиции безопасности и СД играли важную роль в германской администрации на оккупированных территориях. Участие в этой администрации характеризуется мероприятиями, проведенными летом 1938 года по подготовке

к нападению на Чехословакию, которое тогда готовилось. Эйнзатцгруппы гестапо и СД были организованы для того, чтобы следовать за армией в Чехословакию и обеспечить безопасность политической жизни на оккупированных территориях. Были подготовлены планы для проникновения членов СД на эту территорию до начала вторжения и для создания системы карточек на этой территории для того, чтобы указать, какие жители должны находиться под наблюдением, кто должен быть лишен паспорта и кто должен быть уничтожен. Эти планы были значительно изменены в результате отмены нападения на Чехословакию, но в военных действиях, которые действительно имели место, в особенности в войне против СССР, эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД были использованы и применяли зверские меры по усмирению гражданского населения и проводили массовые убийства евреев. Гейдрих отдал приказы инсценировать инциденты на польско-германской границе в 1939 году, которые бы дали Гитлеру достаточный предлог для нападения на Польшу. Личный состав как гестапо, так и СД принимал участие в этих операциях.

Местные части полиции безопасности и СД продолжали свою работу на оккупированных территориях после того, как они переставали быть театром военных действий. Полиция безопасности и СД занимались повсеместными арестами гражданского населения в этих оккупированных странах, заключали большое число этих арестованных в тюрьмы, где их содержали в нечеловеческих условиях, подвергали их зверским допросам третьей степени и посылали многих из них в концентрационные лагеря.

Местные части полиции безопасности и СД также участвовали в расстреле заложников, в заключении в тюрьмы их родственников, в казни лиц, обвиняемых в терроризме и в диверсиях, без всякого суда, и в проведении приказа «Мрак и туман», по которому лица, обвиняемые в действиях, которые считались опасными для оккупационных войск, были либо казнены в течение недели, либо тайно вывозились в Германию, причем им запрещалось поддерживать связь со своей семьей и близкими.

Управления полиции безопасности и СД использовались в проведении в жизнь программы рабского труда. На некоторых оккупированных территориях они помогли местным организациям по набору рабочей силы выполнять план, установленный Заукелем. Управления гестапо внутри Германии несли функцию надзора над рабочими, вывезенными в Германию для рабского труда, и отвечали за привлечение к ответственности тех, кто отсутствовал на месте работы.

Гестапо также ведало так называемыми лагерями трудовой подготовки. Хотя в эти лагеря заключались как немецкие, так и иностранные рабочие, гестапо играло значительную роль

в принуждении иностранных рабочих к работе для германских военных усилий. На последних стадиях войны, по мере того как СС занялась своей собственной программой рабского труда, гестапо было использовано для ареста рабочих с целью обеспечения достаточного снабжения рабочей силой концентрационных лагерей.

Местные управления полиции безопасности и СД также принимали участие в совершении военных преступлений, заключающихся в убийстве военнопленных и жестоком обращении с ними. Советских военнопленных, находившихся в лагерях для военнопленных в Германии, проверяли эйнзатцкоманды, которые действовали в соответствии с указаниями местных управлений гестапо. Комиссары, евреи, представители интеллигенции, «коммунисты-фанатики» или даже те, кого считали неизлечимо больными, рассматривались как «нетерпимые элементы» и уничтожались. Местные управления полиции безопасности и СД участвовали в проведении в жизнь приказа «Пуля», вступившего в силу 4 марта 1944 г., согласно которому определенные категории военнопленных, которые пытались бежать и были пойманы, не рассматривались далее как военнопленные и посылались в секретном порядке в Маутхаузен, где их расстреливали. Члены полиции безопасности и СД обвиняются также в проведении в жизнь приказа о расстреле парашютистов и «командос».

Заключение

Гестапо и СД использовались для целей, которые являлись согласно Уставу преступными и включали преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы на оккупированных территориях, проведение программы рабского труда, жестокое обращение с военнопленными и убийство их. Подсудимый Кальтенбруннер, являвшийся членом этой организации, относился к числу тех, кто использовал ее для этих целей.

Рассматривая дело гестапо, Трибунал имеет в виду всех оперативных и административных чиновников четвертого управления главного имперского управления безопасности или тех, кого касались вопросы, связанные с гестапо, в других отделах главного имперского управления безопасности, и всех местных чиновников гестапо, которые служили как внутри Германии, так и за ее пределами, включая сотрудников пограничной полиции, но не включая сотрудников таможенной пограничной охраны или тайной полевой полиции, за исключением тех членов, о которых говорилось выше.

По предложению обвинения Трибунал не включает лиц, находившихся на службе в гестапо для выполнения чисто канце-

лярской, стенографической, хозяйственной или подобного рода технической повседневной работы. Рассматривая дело СД, Трибунал имеет в виду управления III, VI и VII главного имперского управления безопасности (РСХА) и всех других членов СД, в том числе всех местных представителей и агентов, почетных или каких-либо других, независимо от того, являлись ли они формально членами СС или нет.

Трибунал признает преступной согласно Уставу группу, состоящую из тех членов гестапо и СД, занимавших посты, перечисленные в предыдущем параграфе, которые вступили в организацию или оставались в ней, зная о том, что она использовалась для совершения действий, объявленных преступными в соответствии со статьей 6 Устава, или как члены организации лично принимали участие в совершении подобных преступлений. Основой для вынесения настоящего приговора является то, участвовала ли организация в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, связанных с войной; поэтому эта группа, признанная преступной, не может включать лиц, которые более не занимали постов, перечисленных в предыдущем параграфе, после 1 сентября 1939 г.

СС

Структура и составные части

Обвинение назвало охранные отряды национал-социалистской рабочей партии Германии (общезвестные под названием СС) в качестве организации, которая должна быть признана преступной. Тот раздел обвинения, в котором говорится об СС, включает также и службу безопасности рейхсфюрера СС (общезвестную под названием СД). Последняя организация, бывшая первоначально разведывательным отделом СС, впоследствии стала важной частью организации полиции безопасности и СД, которые рассматриваются в приговоре Трибунала в разделе, посвященном гестапо.

Организация СС была сформирована впервые Гитлером в 1925 году как отборная группа СА для политических целей под предлогом охраны ораторов, выступающих на открытых собраниях нацистской партии. После того как нацисты захватили власть, СС стала использоваться для поддержания порядка и наблюдения за присутствующими на массовых демонстрациях, и по указу фюрера ей была поручена дополнительная функция по охране «внутренней безопасности». СС играла важную роль во время «чистки Рема», 30 июня 1934 г., и вскоре после этого за свои заслуги была сделана самостоятельной организацией нацистской партии.

В 1929 году, когда Гиммлер был впервые назначен рейхсфюрером, организация СС состояла из 280 человек, которых считали особенно благонадежными. В 1933 году она состояла из 52 тысяч человек, набранных из самых различных слоев общества. Первой организацией СС были «Общие СС», которые к 1939 году выросли в корпус, построенный на военной основе, с подразделением на дивизии и полки, общей численностью в 240 тысяч человек. Во время войны эта организация уменьшилась почти до 40 тысяч человек.

СС первоначально состояла из двух отдельных организаций — военных отрядов СС, состоявших из членов СС, добровольно согласившихся на четырехлетнюю военную службу вместо обязательной службы в армии, и соединений СС «Мертвая голова» — специальных войск для охраны концентрационных лагерей, которые с 1934 года перешли в ведение СС. Военные отряды СС были сформированы в военные подразделения, которые должны были использоваться вместе с армией в случае мобилизации. Летом 1939 года военные отряды были превращены в моторизованную дивизию, образовавшую ядро вооруженных сил, которые в 1940 году стали известны под названием войск СС. В то время войска СС состояли из 100 тысяч человек, 56 тысяч из них пришли из военных отрядов СС, а остальные — из «Общих СС» и соединений «Мертвая голова». К концу войны в них насчитывалось около 580 тысяч человек — 40 дивизий. Войска СС в тактическом отношении подчинялись армии, но получали все свое снабжение и экипировку через административные отделы СС и находились под их дисциплинарным контролем.

Центральная организация СС имела 12 главных управлений. Наиболее важными из них были следующие: главное имперское управление безопасности, о котором уже говорилось выше; главное управление по административно-хозяйственным вопросам, которое наряду с остальными своими функциями ведало концентрационными лагерями; управление по вопросам расы и поселений совместно с вспомогательными управлениями по репатриации расовых немцев («фольксдейчмиттельштелле»).

Центральная организация СС имела также правовой отдел, имела свою собственную правовую систему, и ее личный состав подлежал юрисдикции специальных судов.

К главным управлениям СС были также присоединены исследовательские институты, известные под названием институтов по вопросам наследственности (аненэрбе). Утверждалось, что ученые этой организации в основном были почетными членами СС. Во время войны к институтам по вопросам наследственности был присоединен институт военных научных изысканий, который проводил опыты в широких масштабах, используя в качестве объектов живых людей. Сотрудником этого института был

некий доктор Рашер, который проводил свои эксперименты с полного ведома института по вопросам наследственности, эти опыты субсидировались и проводились под покровительством рейхсфюрера СС, который был инициатором создания этого института.

С 1933 года началось постепенное, но всестороннее слияние полиции и СС. В 1936 году Гиммлер, рейхсфюрер СС, стал начальником германской полиции и получил в свое ведение регулярную полицию и полицию безопасности.

Гиммлер установил систему, согласно которой высшие руководители СС и полиции, назначаемые для каждого военного округа, были его личными представителями для координации деятельности полиции порядка, полиции безопасности и СД и «Общих СС» в пределах их юрисдикции. В 1939 году действия СС и полиции были скоординированы путем приема всех должностных лиц полиции порядка и полиции безопасности в СС, причем чины, которые они имели в полиции, соответственно сохранялись и в СС.

До 1940 года СС была организацией, основанной исключительно на добровольных началах. После же образования войск в 1940 году число мобилизованных в войска СС стало постепенно возрастать. По-видимому, около трети всего числа вступивших в войска СС были мобилизованы, причем пропорция мобилизованных возросла к концу войны по сравнению с началом войны; но все же до конца войны продолжался приток добровольцев в значительных размерах.

Преступная деятельность

Части СС были активными участниками мероприятий, приведших к агрессивной войне. Военные отряды СС использовались при оккупации Судетской области, Богемии и Моравии и Мемеля. «Свободный корпус» Генлейна находился под юрисдикцией рейхсфюрера СС во время операции в Судетской области в 1938 году, а «фольксдейчмиттельштелле» финансировало там деятельность пятой колонны.

Организация СС была еще более активным участником в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Благодаря своему контролю над организацией полиции, в частности полиции безопасности и СД, организация СС участвовала во всех преступлениях, которые были описаны в том разделе приговора, который относится к гестапо и СД.

Другие отделы СС были также в равной степени причастны к этой преступной программе. Имеются доказательства того, что расстрел невооруженных военнопленных был обычным явлением в некоторых дивизиях войск СС. 1 октября 1944 г. охрана

военнопленных и интернированных лиц была передана в ведение Гиммлера, который, в свою очередь, передал дела о военнопленных обергруппенфюреру СС Бергеру и обергруппенфюреру СС Полю.

Ведомство СС по вопросам расы и поселений вместе с «фольксдейчмиттельштелле» проявляли активность в осуществлении планов германизации оккупированных территорий в соответствии с расистскими принципами нацистской партии и были причастны к депортации евреев и других лиц не немецкой национальности.

Подразделения войск СС и эйнзатцгруппы, действовавшие непосредственно под руководством главного управления СС, использовались для осуществления этих планов. Эти подразделения были также замешаны в широко распространенных убийствах гражданского населения и в жестоком обращении с ним на оккупированных территориях. Под предлогом борьбы с партизанскими отрядами подразделения СС уничтожали евреев и лиц, которых СС считала политически нежелательными; их отчеты свидетельствуют об уничтожении огромнейшего числа людей. Дивизии войск СС ответственны за множество убийств и зверств на оккупированных территориях, как, например, за резню в Орадуре и Лидице.

Начиная с 1934 года СС была ответственна за охрану концентрационных лагерей и управление ими. Представленные доказательства не оставляют сомнения в том, что постоянное зверское обращение с заключенными концентрационных лагерей являлось результатом общей политики, проводимой СС и состоявшей в том, что заключенные лагерей рассматривались как представители низших рас, на которых следовало смотреть с презрением. Имеются доказательства того, что в тех случаях, когда это позволял наличный состав членов СС, Гиммлер стремился к тому, чтобы состав батальонов охраны постоянно сменялся с тем, чтобы все члены СС прошли инструктаж по поводу тех методов, которые необходимо применять по отношению к представителям низших рас.

После 1942 года, когда концентрационные лагеря были переданы в ведение ВФХА, они использовались как источник рабской рабочей силы. 18 сентября 1942 г. было заключено соглашение с министром юстиции¹, по которому все антиобщественные элементы, отбывшие срок своего тюремного заключения, должны были передаваться в распоряжение СС для умерщвления их непосильным трудом.

Полиция безопасности и СД и даже войска СС постоянно использовались для обеспечения работ, проводимых СС в кон-

¹ Речь идет о соглашении Гиммлера — Тирака. — Составители.

центрационных лагерях, нужной для этого рабочей силой. В связи с тем что концентрационные лагеря находились в ведении СС, она начала целую серию экспериментов над людьми, используя для этого военнопленных и заключенных концентрационных лагерей. Эти эксперименты включали замораживание до смерти и убийства отравленными пулями. СС сумела получить правительственные фонды для исследований подобного рода на том основании, что члены этой организации имели доступ к человеческому материалу, который не был доступен другим организациям.

СС играла особенно значительную роль в преследовании евреев. СС принимала непосредственное участие в демонстрациях 10 ноября 1938 г. Вывоз евреев с оккупированных территорий проводился под руководством СС и при содействии частей полиции СС. Центральные организации СС руководили операциями по истреблению евреев. Фактически это проводилось в жизнь соединениями СС.

Эйнзатцгруппы принимали участие в массовой резне евреев. В этих действиях были замешаны также полицейские части СС. Например, резня евреев в Варшавском гетто проводилась под руководством бригаденфюрера СС и генерал-майора полиции Штропа. Специальная группа, выделенная из центральной организации СС, распорядилась вывозом евреев из различных государств — сателлитов стран оси; истребление евреев проводилось в концентрационных лагерях, находящихся в ведении ВФХА.

Невозможно выделить какую-либо часть СС, которая не принимала бы участия в этой преступной деятельности. «Общие СС» являлись активным участником преследования евреев и использовались для охраны концентрационных лагерей. Войска СС непосредственно участвовали в убийствах военнопленных и зверствах, совершаемых в оккупированных странах. Из личного состава частей СС создавались эйнзатцгруппы; СС осуществляла охрану концентрационных лагерей после того, как в ее состав были включены части «Мертвая голова», под контролем которых первоначально находилась система охраны.

При совершении зверств в оккупированных странах и истреблении евреев там также широко использовались различные части полиции СС.

Центральная организация СС осуществляла верховное руководство над деятельностью этих различных соединений и несла ответственность за планы специального характера, как, например, эксперименты над людьми и «окончательное разрешение» еврейского вопроса.

Трибунал приходит к заключению, что преступная деятельность была достаточно широко известна членам организации для того, чтобы оправдать признание СС преступной организацией

в той мере, в какой это будет изложено ниже. Есть данные о том, что были предприняты попытки сохранить втайне отдельные фазы этой деятельности, однако преступная программа в целом была настолько распространена и включала в себя убийства в таких колоссальных масштабах, что преступная деятельность организации должна была получить широкую известность.

Более того, следует признать, что преступная деятельность СС самым логичным образом вытекала из тех принципов, на которых строилась эта организация. Было сделано все возможное для того, чтобы превратить СС в высоко дисциплинированную организацию, составленную из цвета национал-социалистов. Гиммлер утверждал, что в Германии были люди, «которых тошнило при виде черных мундиров»; он заявлял, что он не ждет «проявления со стороны многих слишком бурной любви к членам организации». Гиммлер также излагал свою точку зрения, заключающуюся в том, что на обязанности СС лежало увековечивание отборных элементов расы в целях превращения Европы в германский континент; СС были переданы инструкции, заключающиеся в том, что ей поручается оказывать содействие нацистскому правительству в окончательном установлении господства над Европой и в уничтожении всех низших рас.

Эта мистическая и фанатическая вера в превосходство нордических немцев превратилась в заученное презрение и даже ненависть к другим расам, приведшие к преступной деятельности такого типа, как это описано выше, что рассматривалось не только как само собой разумеющееся явление, но было даже предметом гордости.

Действия одного из солдат войск СС, который в сентябре 1939 года, действуя исключительно по собственной инициативе, убил 50 еврейских рабочих, которых он охранял, следующим образом объясняются в заявлении одного эсэсовца: он был «особенно чувствительным к виду евреев» и действовал «необдуманно, побуждаемый юношеским духом авантюризма»; трехлетнее заключение, к которому был приговорен этот человек, было отменено в результате амнистии.

Гесс правильно писал, что войска СС являлись более подходящей организацией для осуществления специфических задач, которые должны быть разрешены на оккупированных территориях, благодаря их обширной подготовке в вопросах расы и национальности.

В серии речей, произнесенных в 1943 году, Гиммлер выражает свою гордость по поводу способности СС проводить эти преступные мероприятия. Он побуждал своих подчиненных быть «грубыми и безжалостными»; говоря о расстреле «тысяч видных поляков», он благодарил членов организации за оказанное ими

содействие и за отсутствие с их стороны слабости при виде сотен и тысяч трупов их жертв. Он превозносил безжалостность при истреблении еврейской расы, истреблении, которое было названо им впоследствии процессом «санобработки». Из этих речей явствует, что общие настроения, преобладающие внутри СС, соответствовали тем преступным деяниям, которые совершались этой организацией.

Заключение

СС использовалась для целей, которые согласно Уставу являются преступными и включают преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы, совершаемые при управлении оккупированными территориями, проведении в жизнь программы использования рабского труда, и жестокое обращение с военнопленными и их убийства. Подсудимый Кальтенбруннер являлся членом СС и замешан в этой деятельности.

Рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов «Общих СС», войск СС, соединений СС «Мертвая голова» и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС. Трибунал не включает в это число так называемые кавалерийские соединения СС. Вопрос о службе безопасности рейхсфюрера СС (общезвестной под названием СД) рассматривается в приговоре Трибунала по делу гестапо и СД.

Трибунал объявляет преступной согласно определению Устава группу, состоящую из тех лиц, которые были официально приняты в члены СС и перечислены в предыдущем параграфе¹, которые стали членами этой организации или оставались ее членами, зная, что эта организация используется для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со статьей 6 Устава, или тех лиц, которые были лично замешаны как члены организации в совершении подобных преступлений, исключая, однако, тех лиц, которые были призваны в данную организацию государственными органами, причем таким образом, что они не имели права выбора, а также тех лиц, которые не совершали подобных преступлений.

Настоящее решение основывается на участии этой организации в военных преступлениях и преступлениях против человечности, связанных с войной; эта группа, признаваемая преступной, не включает поэтому лиц, которые перестали быть членами организаций, перечисленных в предыдущем параграфе, до 1 сентября 1939 г.

¹ Имеется в виду абзац. — Составители.

СА

Структура и составные части

Обвинение назвало штурмовые отряды национал-социалистической германской рабочей партии (общезвестные под названием СА) в качестве организации, которая должна быть признана преступной. СА была организована в 1921 году для политических целей. Эта организация была построена по военному принципу. Члены ее носили форму этой организации и имели собственные правила поведения и дисциплины.

После того как нацисты захватили власть, количество членов СА значительно возросло в связи с включением в ее состав нескольких организаций ветеранов. В апреле 1933 года в состав СА был включен «Стальной шлем» («Штальхельм»), организация, состоявшая из полутора миллионов членов, за исключением тех ее членов, которые были старше 45 лет, а также некоторых других; это включение было произведено в соответствии с соглашением между руководителем «Стального шлема» Зельдте и Гитлером. Другая организация ветеранов, так называемый «Киффгойзербунд», была включена в СА подобным же образом, вместе с целым рядом сельских кавалерийских организаций.

До 1933 года не вставал вопрос о том, что членство в СА может быть недобровольным. После 1933 года гражданские служащие подвергались известному политическому и экономическому нажиму с тем, чтобы заставить их вступить в СА. Члены «Стального шлема», «Киффгойзербунда» и сельские кавалерийские ассоциации были включены в состав СА без их ведома; однако Трибунал не считает доказанным, что члены этих организаций в общей массе пытались протестовать против этого включения или что имелись какие-нибудь данные, за исключением отдельных случаев, о последствиях отказа. Поэтому Трибунал считает установленным, что членство в СА, как правило, добровольное.

К концу 1933 года СА состояла из четырех с половиной миллионов членов. В результате изменений, имевших место после 1934 года, в 1939 году число членов СА равнялось полутора миллионам человек.

Деятельность

В первые дни существования нацистского движения бойцы штурмовых отрядов СА являлись «сильной рукой партии». Они принимали участие в стычках в пивных и использовались для уличных боев против политических противников. СА использовалась также для распространения нацистской идеологии и пропаганды и уделяла особенное внимание антисемитской пропа-

ганде, доктрине «жизненного пространства», пересмотру Версальского договора и возвращению Германии колоний.

После прихода нацистов к власти и в особенности после выборов 5 марта 1933 года СА играла важную роль в установлении нацистского режима террора в Германии. СА участвовала в насилиях против евреев и использовалась для ареста политических противников и для охраны концентрационных лагерей, где члены СА зверски обращались с заключенными.

30 июня, 1 и 2 июля 1934 г. имела место чистка руководства СА. Эта чистка, которая привела к убийству Рема, начальника штаба СА, и многих других руководителей СА, была проведена под предлогом существования заговора против Гитлера. Эта чистка привела к значительному уменьшению влияния и мощи СА. После 1934 года политическое значение СА быстро пошло на убыль.

После 1934 года СА начала проводить некоторые виды военной и полувоенной подготовки. СА продолжала заниматься распространением нацистской пропаганды. Отдельные части СА были даже причастны к действиям, которые привели к агрессивной войне и к совершению военных преступлений и преступлений против человечности. Части СА были в числе первых при оккупации Австрии в марте 1938 года. СА дала большую часть личного состава и значительную часть вооружения для «свободного корпуса» Генлейна в Судетской области, хотя этот корпус находился в сфере юрисдикции СС во время операций в Чехословакии.

После оккупации Польши Судетская группа СА использовалась для транспортировки военнопленных. Части СА использовались для охраны пленных в Данциге, Познани, Силезии и в Прибалтийских государствах. Некоторые части СА были использованы для взрывов синагог во время еврейских погромов 10 и 11 ноября 1938 г. Группы СА были причастны к жестокому обращению с евреями в гетто Вильнюса и Каунаса.

Заключение

До чистки, начавшейся 30 июня 1934 г., СА представляла собой группу, состоявшую большей частью из негодяев и головорезов, которые участвовали в нацистских эксцессах того периода. Однако не было доказано, что эти зверства являлись частью конкретного плана ведения агрессивной войны, и Трибунал поэтому не может считать, что эта деятельность является преступной в соответствии с Уставом. После чистки СА превратилась в группу малозначащих нацистских прихлебателей. Хотя в отдельных случаях некоторые части СА использовались для совершения военных преступлений и преступлений против человечности, нельзя сказать, что члены этой организации в общей

массе участвовали в преступных действиях или даже знали о них. На этом основании Трибунал не объявляет СА преступной организацией в том смысле, как это предусмотрено статьей 9 Устава.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КАБИНЕТ

Обвинение назвало правительственный кабинет (рейхсрегирунг) как преступную организацию, состоявшую после января 1933 года из членов тайного совета. Трибунал считает, что решение о признании преступного характера правительственного кабинета не должно быть вынесено по двум причинам:

- 1) потому, что не доказано, что после 1937 года он фактически действовал в качестве группы или организации;
- 2) потому, что группа лиц, против которой здесь выдвинуто обвинение, является настолько малочисленной, что без каких-либо затруднений члены ее могут предстать индивидуально перед судом без вынесения решения о том, что кабинет, членами которого они были, являлся преступной организацией.

В отношении первой причины, на основании которой мы выносим наше решение, следует заметить, что, начиная с того времени, с которого можно считать существовавшим заговор для ведения агрессивной войны, правительственный кабинет не представлял собой руководящего органа, а являлся лишь группой должностных лиц, подчиненных абсолютному контролю Гитлера. После 1937 года не было ни одного заседания правительственного кабинета, но законы принимались от имени одного или более членов кабинета. Тайный совет вообще ни разу не собирался. Некоторое число членов кабинета было, несомненно, замешано в заговоре для ведения агрессивной войны, но они были замешаны в нем, как отдельные лица, и не имеется никаких доказательств того, что кабинет как группа или организация принимал какое-либо участие в этих преступлениях. Следует помнить, что когда Гитлер раскрыл свои цели преступной агрессии на совещании Госсбаха¹, это раскрытие планов имело место не перед кабинетом и с кабинетом даже не консультировались по этому вопросу, но, наоборот, это было сделано тайно перед небольшой группой, на которую Гитлер должен был неизбежно опираться при ведении войны. Точно так же вторжение в Польшу не было санкционировано каким-либо распоряжением кабинета. Напротив, подсудимый Шахт заявил в своих показаниях, что он пытался остановить это вторжение путем обращения к главнокомандующему армией с жалобой на то, что приказ Гитлера был отдан в нарушение конституции, потому что он не был санкционирован кабинетом.

¹ Речь идет о совещании, запись которого была оформлена адъютантом Гитлера — Госсбахом. — Составители.

Однако оказывается, что различные законы, разрешающие действия, которые согласно Уставу являются преступными, циркулярным порядком распространялись среди членов правительственного кабинета, издавались от его имени и были подписаны членами тех министерств, которых данные законы касались. Это, однако, не доказывает, что правительственный кабинет после 1937 года когда-либо фактически действовал в качестве организации.

Что касается второй причины, то ясно, что те члены правительственного кабинета, которые виновны в совершении преступлений, должны предстать перед судом и некоторые из них находятся сейчас перед судом этого Трибунала. Считают, что всего имеется 48 членов этой группы, что 8 из них нет в живых, а 17 находятся сейчас перед судом. И, таким образом, остается самое большее 23 человека, для которых это решение могло бы иметь какое-либо значение. Любые другие лица, которые являются виновными, также должны предстать перед судом, но эти судебные процессы не будут ни ускорены, ни облегчены, если правительственный кабинет будет признан преступной организацией.

В тех случаях, когда для подобных целей используется организация с большим количеством членов, решение Трибунала исключает необходимость вновь ставить вопрос о ее преступном характере на последующих судах над ее членами, обвиняемыми в связи с их членством в участии в ее преступных целях, и таким образом достигается большая экономия времени и труда. Такого преимущества нет в данном деле небольшой группы, подобной правительственному кабинету.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ И ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ

Обвинение также просило, чтобы генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил были признаны преступной организацией. Трибунал считает, что не следует принимать какого-либо решения о признании преступной организацией генерального штаба и верховного командования. Хотя количество лиц, которым предъявлено обвинение, больше, чем в имперском кабинете, оно все же настолько мало, что путем индивидуальных судов над этими офицерами можно будет достигнуть лучшего результата, чем путем вынесения Трибуналом решения, требуемого обвинением. Но еще более убедительной причиной является то, что, по мнению Трибунала, генеральный штаб и верховное командование не представляют собой ни «организации», ни «группы» согласно определению этих терминов в статье 9 Устава.

Необходимо сделать некоторые замечания о характере этой так называемой группы. Согласно Обвинительному заключению и доказательствам, которые представлены Трибуналу, эта группа состоит примерно из 130 офицеров, живых и мертвых, которые в то или другое время, начиная с февраля 1938 года, когда Гитлер реорганизовал вооруженные силы, и до мая 1945 года, когда Германия капитулировала, занимали определенные посты в военной иерархии.

Эти люди являлись высшими офицерами в трех составных частях вооруженных сил: ОКХ — армия, ОКМ — военно-морской флот и ОКЛ — военно-воздушные силы. Над ними стояло единое руководство вооруженными силами — ОКВ — верховное командование германских вооруженных сил во главе с Гитлером — верховным главнокомандующим.

Офицеры ОКВ, включая подсудимого Кейтеля — начальника верховного командования, были в некотором роде личным штабом Гитлера. В более широком смысле они координировали действия трех составных частей вооруженных сил, в особенности в области планирования и в вопросах оперативного характера, и руководили ими.

Отдельные офицеры этой так называемой группы в то или другое время принадлежали к одной из четырех категорий: 1) главнокомандующий одной из трех частей вооруженных сил; 2) начальник штаба одной из трех частей вооруженных сил; 3) «обербефельсхаберы», главнокомандующие действующими армиями одной из трех частей вооруженных сил, которые составляли, конечно, наибольшую группу из числа этих лиц; или 4) офицеры ОКВ, их было 3: подсудимые Кейтель и Иодль и заместитель Иодля — Варлимонт. Именно в таком смысле употребляет Обвинительное заключение термин «генеральный штаб и верховное командование».

Здесь обвинение делает разграничение. Обвинение не обвиняет стоявших ниже на одну ступень военной иерархии командующих армейских корпусов и лиц соответствующих им рангов во флоте и в воздушных силах, и еще ниже стоявших — командиров дивизий или лиц соответствующих им рангов в других составных частях вооруженных сил. Не включаются сюда также штабные офицеры любого из четырех штабов — ОКВ, ОКХ, ОКМ и ОКЛ, а также прошедшие специальную подготовку специалисты, которых обычно называли офицерами генерального штаба.

Таким образом, в действительности перечисленные в Обвинительном заключении лица представляют собой высших военных руководителей Германской империи. Не делалось серьезной попытки утверждать, что они составляли «организацию» в смысле определения статьи 9 Устава. Скорее утверждалось, что они

представляли «группу» — термин, который является более широким по значению и масштабам, чем «организация».

Трибунал не считает, что это так. Согласно доказательствам разработка ими планов в штабах, постоянные совещания между штабными офицерами и армейскими офицерами, их оперативная тактика на поле боя и в штабах были очень сходными с теми, которые практиковались в армиях, флотах и воздушных силах всех других стран. Систему единого руководства ОКВ в вопросах координации и управления можно сравнить с похожей, хотя и несколько отличной системой, используемой другими вооруженными силами, как, например, с англо-американским объединенным штабным руководством.

Говорить о существовании ассоциации или группы, исходя из такого метода их действия, по мнению Трибунала, нелогично. По этой теории верховное военное руководство любой другой страны также является ассоциацией, а не тем, чем оно в действительности является — собранием военных, определенным числом лиц, которые в известный период времени занимали высокие военные посты.

Много доказательств и аргументов сконцентрировалось вокруг вопроса о том, было ли членство в этих организациях добровольным или нет; в данном случае Трибуналу кажется, что этот вопрос не является вопросом по существу. Эта так называемая преступная организация имеет одну черту, которая является главной и которая резко отличает данную организацию от пяти других, поименованных в Обвинительном заключении. Когда кто-либо становился, например, членом СС, он делал это добровольно или недобровольно, но, безусловно, зная, что он вступает в какую-то организацию.

Что же касается генерального штаба и верховного командования, то такой человек не мог знать, что он вступает в группу или ассоциацию, потому что таковой не существовало, пока она не была объявлена существующей Обвинительным заключением. Такой человек лишь знал, что он достигал какого-то высокого положения в одной из трех частей вооруженных сил, и не мог отдавать себе отчета в том, что он становится членом некоего конкретного целого, которое могло быть определено как «группа» в обычном значении этого слова. Его отношения со своими собратьями-офицерами в своей части вооруженных сил и его общение с офицерами двух других частей вооруженных сил в основном были похожи на те, которые существуют на военной службе во всем мире.

Трибунал поэтому не объявляет генеральный штаб и верховное командование преступной организацией.

Хотя Трибунал и считает, что термин «группа» в статье 9 должен означать нечто большее, чем собрание офицеров, он

все же заслушал много показаний об участии этих офицеров в планировании и ведении агрессивной войны, в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Эти доказательства в отношении многих из них ясны и убедительны.

Они были ответственны в большой степени за несчастья и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей. Они опозорили почетную профессию воина. Без их военного руководства агрессивные устремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными. Хотя они не составляли группу, подпадающую под определение Устава, они безусловно представляли собой безжалостную военную касту. Современный германский милитаризм расцвел на короткое время при содействии своего последнего союзника — национал-социализма так же или еще лучше, чем в истории прошлых поколений.

Многие из этих людей сделали насмешкой солдатскую клятву повиновения военным приказам. Когда это в интересах их защиты, они заявляют, что должны были повиноваться. Когда они сталкиваются с ужасными гитлеровскими преступлениями, которые, как это установлено, были общеизвестны для них, они заявляют, что не повиновались. Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершавшихся преступлений в более широких и более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать. Об этом должно быть сказано.

В тех случаях, когда факты требуют этого, эти люди должны быть преданы суду с тем, чтобы те из них, которые повинны в совершении этих преступлений, не избежали кары.

* * *

В соответствии со статьей 26 Устава, требующей, чтобы приговор Трибунала в отношении виновности или невиновности подсудимых был мотивирован, Трибунал приводит следующие основания, по которым он выносит приговор о виновности или невиновности подсудимых.

Геринг

Геринг обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Установлено, что после Гитлера он являлся наиболее выдающимся деятелем нацистского режима. Он был главнокомандующим военно-воздушного флота, уполномоченным по четырехлетнему плану и имел огромное влияние на Гитлера, по крайней мере до 1943 года, когда их взаимоотношения

ухудшились и закончились его арестом в 1945 году. Он показал, что Гитлер информировал его по всем важным военным и политическим вопросам.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

С момента, когда он вступил в партию в 1922 году и стал во главе организации, созданной для «борьбы за улицу» — СА, Геринг являлся советником и активным агентом Гитлера, а также одним из главных руководителей нацистского движения. В качестве помощника Гитлера по политическим вопросам он в большой степени способствовал захвату национал-социалистами власти в 1933 году и прилагал все усилия к тому, чтобы укреплять эту власть и расширять военную мощь Германии. Он организовал гестапо и создал первые концентрационные лагеря, которые передал Гиммлеру в 1934 году; в том же году провел так называемую «чистку Рема» и инсценировал судебные процессы, в результате которых фон Бломберг и фон Фрич были удалены из армии. В 1936 году он стал уполномоченным по четырехлетнему плану и фактически экономическим диктатором Германии. Вскоре после Мюнхенского пакта он объявил, что в пять раз увеличит военно-воздушный флот и ускорит процесс перевооружения, делая упор на наступательное оружие.

Геринг был одним из пяти ведущих руководителей, присутствовавших на «совещании Госсбаха» 5 ноября 1937 г., а также присутствовал на других важных совещаниях, о которых уже упоминалось в настоящем приговоре. Во время аншлюсса Австрии он фактически был центральной фигурой и верховодил событиями. Он заявил на Суде: «Я должен взять на себя стопроцентную ответственность... Я даже отвергал возражения фюрера и привел все к окончательному разрешению». При захвате Судетской области он сыграл свою роль в качестве главы воздушного флота, планируя нападение с воздуха, которое оказалось ненужным, а также в качестве политического деятеля, усыпляя бдительность чехов ложными заверениями в дружбе. В ночь перед вторжением в Чехословакию и захватом Богемии и Моравии на совещании с Гитлером и президентом Гаха он угрожал бомбить Прагу, если Гаха не уступит. Он признал факт угрозы в своих показаниях на Суде.

Геринг участвовал на совещании в имперской канцелярии 23 мая 1939 г., когда Гитлер сказал своим военным руководителям: «Поэтому не может быть и разговора о том, чтобы жалеть Польшу». Он также участвовал на инструктивном совещании в Оберзальцберге 22 августа 1939 г. Представленными доказательствами устанавливается, что он принимал активное участие в последовавших за этим совещанием дипломатических

маневрах. С ведома Гитлера он использовал шведского дельца Далеруса как посредника в переговорах с Англией; как показал Далерус на Суде, для того, чтобы попытаться предотвратить выполнение правительством Великобритании его обязательств по отношению к Польше. Он командовал воздушными силами при нападении на Польшу и во время агрессивных войн, которые последовали за этим.

Даже если он и возражал против планов Гитлера в отношении Норвегии и Советского Союза, как он это утверждал, совершенно ясно, что он делал это только по стратегическим соображениям, и когда Гитлер решил этот вопрос, он последовал за ним без колебаний. При допросе на Суде он заявил, что эти разногласия никогда не носили идеологического или правового характера. Он «пришел в ярость» после вторжения в Норвегию, но только потому, что не получил достаточно своевременного предупреждения о необходимости подготовки воздушных сил к нападению. Он признал, что одобрил нападение: «Мое отношение было абсолютно положительным». Он принимал активное участие в подготовке и проведении югославской и греческой кампаний и показал, что «план Марита» (нападение на Грецию) был подготовлен задолго до этого. Советский Союз он рассматривал как «наиболее страшную угрозу Германии», но заявил, что непосредственной военной необходимости для нападения не было. На самом деле единственно, против чего он возражал, это выбор момента для нападения на СССР. По стратегическим соображениям он хотел отложить его до победы над Великобританией. Он показал: «Моя точка зрения определялась только политическими и военными соображениями».

После его собственных признаний перед Трибуналом, при учете положения, которое он занимал, характера совещаний, на которых он участвовал, публичных речей, которые он произносил, не может оставаться никакого сомнения в том, что Геринг был движущей силой агрессивной войны, уступая в этом только Гитлеру. Он был составителем плана и его главным исполнителем во время военной и дипломатической подготовки к войне, к которой стремилась Германия.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Протоколы судебных заседаний полны признаний Геринга о его причастности к использованию рабского труда. «Мы использовали этот труд по причинам безопасности с тем расчетом, чтобы эти рабочие не могли в своей собственной стране активно действовать против нас. С другой стороны, они оказывали помощь в экономической войне». И далее: «Рабочие принуди-

тельно вывозились в Германию. Этого я никогда не отрицал». Человек, произносивший эти слова, был уполномоченным по четырехлетнему плану, на обязанности которого лежала вербовка и распределение рабочей силы. В качестве главнокомандующего военно-воздушными силами он требовал от Гимmlера новые партии рабов для своих подземных авиационных заводов. «Тот факт, что я просил предоставить мне заключенных из концентрационных лагерей для производства авиационного вооружения, является правильным, и это следует считать в порядке вещей».

В качестве уполномоченного по четырехлетнему плану Геринг подписал директиву относительно обращения с польскими рабочими в Германии и дополнил ее указаниями СД, включая указание о «специальном обращении». Он издал директивы об использовании советских и французских военнопленных в промышленности вооружения; он говорил о захвате поляков и голландцев, если потребуются, в качестве военнопленных и использовании их на работах. Он признает, что русские военнопленные использовались для комплектования расчетов зенитных батарей.

В качестве уполномоченного Геринг был активным руководителем разграбления захваченных территорий. Он разработал планы разграбления советской территории задолго до начала войны с Советским Союзом. За два месяца до вторжения в Советский Союз Гитлер дал Герингу подробные указания об экономическом управлении на этой территории. Для этой цели Геринг создал экономический штаб. Он был рейхсмаршалом великой германской империи, а «приказы рейхсмаршала относятся ко всем экономическим отраслям, включая пищевую промышленность и сельское хозяйство». В его так называемой «Зеленой папке», изданной вооруженными силами Германии, говорится об учреждении «оперативного экономического штаба на Востоке». Этой директивой предусматривались разграбление всей промышленности и прекращение ее деятельности в районах, где не хватало продовольствия, и вывоз продовольствия для нужд Германии из районов, где оно имелося в избытке.

Геринг утверждает, что назначение этой директивы было неправильно понято, но признает, что «это было в порядке вещей, нашей обязанностью было использовать Россию в наших целях». Он принимал участие в совещании 16 июля 1941 г., когда Гитлер сказал, что национал-социалисты не намереваются когда-либо покинуть оккупированные страны и что должны быть предприняты «все необходимые меры — расстрелы, переселение и т. д.».

Геринг преследовал евреев, особенно после ноябрьских погромов в 1938 году, и не только в Германии, где он наложил на евреев штраф в один миллиард марок, как это указывалось

выше, но и на захваченных территориях. Согласно его собственным словам и показаниям, он был заинтересован в этом прежде всего с чисто экономической точки зрения, чтобы завладеть их собственностью и устранить их из экономической жизни Европы. По мере того как эти страны захватывались германской армией, он распространял на них имперские антиеврейские законы. «Рейхсгезетцблатт» за 1939—1941 г. содержит несколько антиеврейских декретов, подписанных Герингом. Хотя уничтожение евреев находилось в ведении Гиммлера, Геринг был не безучастен и не бездеятелен, хотя он и отрицал это при допросе его на Суде. Распоряжением от 31 июля 1941 г. он предложил Гиммлеру и Гейдриху «полностью закончить решение еврейского вопроса в германской сфере влияния в Европе».

Смягчающих вину обстоятельств нет, потому что Геринг был часто — почти всегда — движущей силой событий, уступая первое место в этом только фюреру. Он был главным подстрекателем агрессивной войны в качестве как политического, так и военного руководителя. Он руководил проведением программы рабского труда и был создателем программы угнетения евреев и других рас как внутри страны, так и за границей. Совершение всех этих преступлений он открыто признал. В некоторых конкретных случаях, быть может, показания и противоречивы, но если брать их в целом, то его собственных признаний более чем достаточно для того, чтобы сделать определенный вывод о его виновности. Его вина не имеет себе равных по своей чудовищности. По делу не установлено никаких обстоятельств, которые могли бы оправдать этого человека.

Заключение

Трибунал признает подсудимого Геринга виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Гесс

Гесс обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию в 1920 году и принимал участие в Мюнхенском путче 9 ноября 1923 г.; отбывал тюремное заключение вместе с Гитлером в 1924 году в Ландсбергской крепости, где стал ближайшим личным доверенным лицом Гитлера, оставаясь таковым вплоть до своего отлета на Британские острова. 21 апреля 1933 г. он был назначен заместителем фюрера и 1 декабря 1933 г. — имперским министром без портфеля. Он был назначен членом тайного совета 4 февраля 1938 г. и членом совета министров по обороне империи 30 августа 1939 г. В сентябре 1939 года Гесс был официально объяв-

лен Гитлером преемником фюрера после Геринга. 10 мая 1941 г. он вылетел на самолете из Германии в Шотландию.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

В качестве заместителя фюрера Гесс принадлежал к верхушке нацистской партии, нес ответственность за разрешение всех партийных вопросов и был облечен полномочиями принимать решения от имени Гитлера по всем вопросам партийного руководства. В качестве имперского министра без портфеля Гесс имел полномочия предварительно санкционировать все законопроекты, предложенные различными имперскими министрами, прежде чем они могли войти в силу в качестве утвержденных законов. Занимая эти посты, Гесс активно поддерживал подготовку к войне. Его подпись имеется на законе от 16 марта 1935 г., введившем обязательную воинскую повинность. В течение ряда лет он во многих своих речах поддерживал гитлеровскую политику энергичного перевооружения.

Он говорил народу о том, что каждый должен приносить жертвы для вооружения, повторяя при этом лозунг: «Пушки вместо масла». Хотя в период с 1933 года по 1937 год Гесс произносил речи, в которых он высказывал желание сохранить мир и пропагандировал идею международного экономического сотрудничества, однако ничто в этих речах не может изменить того факта, что из всех подсудимых никто лучше, чем Гесс, не знал, насколько непоколебима была решимость Гитлера осуществить свои цели, каким фанатиком и убежденным сторонником необузданной грубой силы он был и как мало вероятно было, что он воздержится от обращения к силе, если это явится единственным путем, при помощи которого он сможет достичь своих целей.

Гесс был осведомленным и добровольным участником германских агрессий против Австрии, Чехословакии и Польши. Он поддерживал контакт с подпольной нацистской партией в Австрии в течение всего периода между убийством Дольфуса и аншлюссом и инструктировал ее в течение этого периода. Гесс был в Вене 12 марта 1938 г., когда туда вошли германские войска, а 13 марта 1938 г. он подписал закон о воссоединении Австрии с Германской империей. Закон от 10 июля 1939 г. предусматривал его участие в управлении Австрией. 24 июля 1938 г. он произнес речь в память неудачного путча австрийских национал-социалистов, попытка проведения которого имела место за четыре года до этого, восхваляя меры, приведшие к аншлюссу, и защищая захват Австрии Германией.

Летом 1938 года Гесс поддерживал постоянный контакт с Генлейном — руководителем партии судетских немцев в Чехословакии. 27 сентября 1938 г. во время мюнхенского кризиса он

организовал вместе с Кейтелем проведение в жизнь инструкций Гитлера, согласно которым аппарат нацистской партии представлялся для целей секретной мобилизации. 14 апреля 1939 г. Гесс подписал декрет о введении системы управления Судетской областью как неотделимой частью империи, а 10 июня 1939 г. был издан указ, предусматривающий участие Гесса в управлении Судетской областью. 7 ноября 1938 г. Гесс включил партию судетских немцев, руководимую Генлейном, в состав нацистской партии и произнес речь, в которой подчеркнул, что Гитлер готов прибегнуть к войне в случае, если это окажется необходимым для того, чтобы получить Судетскую область.

27 августа 1939 г., когда временно было отложено нападение на Польшу в связи с попыткой склонить Великобританию отказаться от ее гарантий Польше, Гесс публично восхвалял «великодушное предложение» Гитлера Польше и нападал на Польшу, обвиняя ее в агитации за войну, и на Англию, как на страну, ответственную за эту позицию Польши. После вторжения в Польшу Гесс подписал декреты, в силу которых Данциг и некоторые польские территории были включены в империю и было учреждено генерал-губернаторство (Польша).

Эти конкретные меры, которые предпринял подсудимый для поддержки гитлеровских планов агрессивных действий, не определяют полную степень его ответственности. До своего отлета в Англию Гесс был ближайшим личным доверенным лицом Гитлера, отношения были такими, что Гесс должен был быть информирован об агрессивных планах Гитлера тогда, когда они возникали, он действовал для проведения этих планов там, где это действие было необходимым. Улетая в Англию, Гесс vez с собой некоторые мирные предложения, которые, как он утверждал, Гитлер был готов принять. Примечательно, что этот полет произошел всего лишь через десять дней после того, как Гитлер назначил точную дату для нападения на Советский Союз — 22 июня 1941 г.

В беседах, которые он вел по прибытии в Англию, Гесс искренне поддерживал все агрессивные действия Германии, которые имели место до того времени, и пытался оправдать действия Германии в отношении Австрии, Чехословакии, Польши, Норвегии, Дании, Бельгии и Нидерландов, возлагая на Англию и Францию ответственность за войну.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Имеются доказательства, показывающие, что партийная канцелярия под руководством Гесса принимала участие в распространении приказов, связанных с совершением военных преступ-

лений, что Гесс, даже если он не принимал участия в преступлениях, которые были совершены на Востоке, мог быть осведомлен о них, что он предложил дискриминирующие законы против евреев и поляков и что он подписал декреты, принуждавшие некоторые группы поляков принять германское подданство. Трибунал, однако, не считает, что эти обстоятельства определенно указывают на причастность Гесса к этим преступлениям, для того чтобы можно было признать его виновным в них.

Как указывалось ранее, Трибунал после тщательного медицинского освидетельствования и доклада о состоянии подсудимого решил, что он должен предстать перед судом без какой-либо отсрочки слушания его дела. С того времени были поданы дальнейшие ходатайства о том, чтобы он был снова подвергнут медицинскому освидетельствованию. Трибунал отклонил эти ходатайства после получения доклада тюремного психиатра. Тот факт, что поведение Гесса является ненормальным, то обстоятельство, что он страдает потерей памяти, и то, что его психическое состояние ухудшилось за время этого процесса, возможно, является правильным. Но ничто не указывает на то, что он не осознает характера выдвинутых против него обвинений или что он не способен защищать себя. Его интересы были должным образом представлены на этом процессе защитником, назначенным Трибуналом для этой цели. Ничто не указывает на то, что Гесс не находился в здравом рассудке в период совершения тех действий, которые ему инкриминируются.

Заключение

Трибунал признает подсудимого Гесса виновным по разделам первому и второму и невиновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

Риббентроп

Риббентроп обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию в 1932 году. В 1933 году был назначен советником Гитлера по вопросам внешней политики и в том же году — уполномоченным нацистской партии по вопросам внешней политики. В 1934 году он был назначен специальным уполномоченным по вопросам разоружения, а в 1935 году — полномочным министром с чрезвычайными полномочиями; именно в этой должности он вел переговоры об англо-германском морском соглашении в 1935 году и антикоминтерновском пакте в 1936 году. 11 августа 1936 г. он был назначен послом в Англию, 4 февраля 1938 г. он стал

преемником фон Нейрата на посту имперского министра иностранных дел, что явилось частью общей перетасовки кабинета, которая сопровождала увольнение фон Фрича и фон Бломберга.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Риббентроп не присутствовал на «совещании Госсбаха», со званном 5 ноября 1937 г., но 2 января 1938 г. он, будучи все еще послом в Англии, направил Гитлеру меморандум, в котором изложил свою точку зрения относительно того, что изменение статута-кво на Востоке так, как этого хочет Германия, может быть достигнуто только путем применения силы, и внес свои предложения относительно методов, которые могут помешать Англии и Франции вмешаться в европейскую войну, ведущуюся с целью достижения этого изменения. Когда Риббентроп стал министром иностранных дел, Гитлер сообщил ему, что Германии все еще предстоит разрешить четыре проблемы: Австрия, Судетская область, Мемель и Данциг, и указал на возможность «своего рода раскрытия карт» или «разрешения военным путем» этих проблем.

12 февраля 1938 г. Риббентроп присутствовал на совещании между Гитлером и Шушнигом, на котором Гитлер, угрожая вторжением, вынудил Шушнига сделать целый ряд уступок, предназначенных для того, чтобы укрепить положение нацистов в Австрии, в том числе назначить Зейсс-Инкварта министром безопасности и внутренних дел с передачей ему контроля над полицией. Риббентроп находился в Лондоне в тот момент, когда фактически осуществлялась оккупация Австрии, и на основе сведений, полученных им от Геринга, информировал британское правительство, что Германия не предъявляла Австрии ультиматума и ввела свои войска в Австрию лишь для того, чтобы предотвратить гражданскую войну. 13 марта 1938 г. Риббентроп подписал закон, согласно которому Австрия включалась в Германскую империю.

Риббентроп принимал участие в агрессивных планах против Чехословакии. Начиная с марта 1938 года он поддерживал тесный контакт с партией судетских немцев и инструктировал их с тем, чтобы судето-немецкий вопрос оставался актуальным, что могло послужить предлогом для нападения, которое Германия планировала против Чехословакии. В августе 1938 года он принял участие в совещании, имевшем своей целью получение поддержки Венгрии на случай войны с Чехословакией.

После Мюнхенского пакта он продолжал оказывать дипломатическое давление с целью оккупации остальной части Чехословакии. Он играл решающую роль в побуждении словаков

к тому, чтобы они объявили свою автономию. Он присутствовал на совещании 14—15 марта 1939 г., на котором Гитлер угрожал вторжением, вынудил президента Гаха согласиться на оккупацию Чехословакии Германией. После того как германские войска вступили в страну, Риббентроп подписал закон, учреждавший протекторат Богемии и Моравии.

Риббентроп играл особенно значительную роль в дипломатической деятельности, которая привела к нападению на Польшу. Он принимал участие в совещании 12 августа 1939 г., имевшем своей целью получение поддержки Италии в том случае, если это нападение приведет к всеобщей европейской войне. Риббентроп обсуждал с британским послом требования Германии в отношении Данцига и Польского коридора в период с 25 по 30 августа 1939 г., когда ему уже было известно, что германские планы нападения на Польшу лишь временно отложены с тем, чтобы попытаться побудить Британию отказаться от ее гарантий Польше. Те методы, которыми он вел эти переговоры, делают совершенно ясным тот факт, что он не начал их добросовестно с целью добиться урегулирования трудностей, возникших между Германией и Польшей.

Риббентроп был заранее информирован о нападении на Норвегию и Данию, а также о нападении на Нидерланды и подготовил официальный меморандум министерства иностранных дел, являвшийся попыткой оправдать эти агрессивные действия.

Риббентроп присутствовал на совещании 20 января 1941 г., на котором Гитлер и Муссолини обсуждали предполагавшееся нападение на Грецию, а также на совещании в январе 1941 года, на котором Гитлер получил от Антонеску разрешение германским войскам на проход через территорию Румынии для осуществления этого нападения. 25 марта 1941 г., когда Югославия присоединилась к тройственному пакту стран оси, Риббентроп заверил Югославию, что Германия будет уважать ее суверенитет и территориальную целостность. 27 марта 1941 г. он присутствовал на совещании, состоявшемся после государственного переворота в Югославии, на котором были разработаны планы осуществления объявленного намерения Гитлера уничтожить Югославию.

Риббентроп присутствовал в мае 1941 года вместе с Гитлером и Антонеску на совещании, на котором обсуждался вопрос об участии Румынии в нападении на СССР. Он также консультировался с Розенбергом по вопросу о предварительном планировании политической эксплуатации советских территорий и в июле 1941 года, после начала войны, убеждал Японию напасть на Советский Союз.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Риббентроп принимал участие в совещании 6 июня 1944 г., на котором было решено начать проведение программы, согласно которой союзные летчики, производившие атаки на бреющем полете, должны были подвергаться линчеванию. В декабре 1944 года Риббентроп был поставлен в известность о планах убийства одного из французских генералов, находившегося в плену, и дал указание своим подчиненным следить за тем, чтобы подготовка к совершению этого акта проводилась таким образом, чтобы помешать странам, представлявшим интересы воюющих сторон, узнать об этом факте.

Риббентроп также ответствен за военные преступления и преступления против человечности в результате своей деятельности в отношении оккупированных стран и сателлитов стран оси. Высшим должностным лицом Германии как в Дании, так и во Франции Виши был представитель министерства иностранных дел, и поэтому Риббентроп несет ответственность за общий экономический и политический курс, осуществлявшийся при оккупации этих стран. Он настаивал на том, чтобы итальянцы проводили безжалостную оккупационную политику в Югославии и Греции.

Риббентроп сыграл важную роль в «окончательном разрешении» еврейского вопроса, проводившемся Гитлером. В сентябре 1942 года он приказал германским дипломатическим представителям, аккредитованным при правительствах сателлитов стран оси, ускорить депортацию евреев на Восток. В июне 1942 года германский посол в Виши потребовал у Лавалья передачи 50 тысяч евреев для депортации на Восток. 25 февраля 1943 г. Риббентроп заявил Муссолини протест против медлительности итальянцев в депортации евреев из зоны итальянской оккупации во Франции. 17 апреля 1943 г. он участвовал на совещании между Гитлером и Хорти по вопросу о депортации евреев из Венгрии и информировал Хорти о том, что «евреи должны быть либо истреблены, либо заключены в концентрационные лагеря». На том же совещании Гитлер сравнил евреев с «туберкулезными бактериями» и сказал, что, если они не будут работать, их нужно расстрелять.

В качестве защитительного довода в ответ на выдвинутые против него обвинения Риббентроп ссылается на то, что все важнейшие решения принимались Гитлером и что он, Риббентроп, настолько преклонялся перед Гитлером и был таким его верным последователем, что никогда не подвергал сомнению неоднократные заявления Гитлера о том, что он хочет мира, равно как и не сомневался в правдивости оснований, выдвигаемых Гитлером в оправдание своих агрессивных действий.

Трибунал не считает это объяснение соответствующим действительности. Риббентроп участвовал во всех нацистских актах агрессии, начиная с оккупации Австрии и до вторжения в Советский Союз. Хотя он лично имел отношение в большей степени к дипломатической, чем к военной стороне этих актов, его дипломатические усилия были настолько тесно связаны с войной, что он не мог оставаться в неведении относительно агрессивного характера действий Гитлера. Риббентроп также оказывал содействие в проведении преступной политики и при управлении территориями, над которыми вследствие незаконного вторжения Германия получила контроль, в частности, в проведении политики истребления евреев.

Более того, имеются многочисленные доказательства, устанавливающие, что Риббентроп был вполне согласен с основными положениями национал-социалистского кредо и что его сотрудничество с Гитлером и подсудимыми по настоящему делу в совершении преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности было искренним и добровольным. Риббентроп служил Гитлеру добровольно до конца именно потому, что политика Гитлера и его планы соответствовали его собственным убеждениям.

Заключение

Трибунал признает Риббентропа виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Кейтель

Кейтель обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он был начальником штаба с 1935 года по 4 февраля 1938 г. при фон Бломберге, когда тот был военным министром; в этот день Гитлер принял на себя командование вооруженными силами, назначив Кейтеля начальником верховного командования вооруженными силами. Кейтель не имел командных прав над тремя частями вооруженных сил, командующими которыми пользовались прямым доступом к верховному главнокомандующему. Верховное командование вооруженными силами являлось по существу военным штабом Гитлера.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Кейтель вместе с двумя другими генералами присутствовал на совещании с Шушнигом в феврале 1938 года. Их присутствие, как он признал, было «военной демонстрацией», но, поскольку он был назначен начальником ОКВ только за неделю до того дня, он не знал, зачем он был вызван. Затем Гитлер и Кейтель

продолжали оказывать давление на Австрию при помощи ложных слухов, радиопередач и военных маневров. Кейтель провел все военные и иные мероприятия, и в дневнике Иодля по этому поводу записано: «Они подействовали быстро и сильно». Когда Шушниц назначил плебисцит, Кейтель в ту же ночь сообщил об этом Гитлеру и его генералам, и Гитлер издал директиву «план Отто», под которой Кейтель поставил свои инициалы.

21 апреля 1938 г. Гитлер и Кейтель обсудили вопрос об использовании возможного «инцидента», как, например, убийства германского посла в Праге, в качестве предлога к нападению на Чехословакию. Кейтель подписал много директив и меморандумов по «плану Грюн», включая директиву от 30 марта, содержавшую заявление Гитлера: «Моим неизменным решением является разгромить Чехословакию вооруженными силами в ближайшем будущем». После Мюнхена Кейтель поставил свои инициалы под директивой Гитлера о нападении на Чехословакию и издал два дополнения к ней. Во втором дополнении говорилось, что это нападение должно предстать перед внешним миром «лишь как акт умиротворения, но не как мероприятие военного характера». Начальник ОКВ присутствовал при переговорах Гитлера с Гаха, когда последний уступил требованиям Гитлера.

Кейтель присутствовал 23 мая 1939 г., в день когда Гитлер объявил о своем решении «напасть на Польшу при первой удобной возможности». К этому времени он уже подписал директиву, предписывавшую вооруженным силам представить ОКВ к 1 мая плановую таблицу проведения «варианта Вейс». 12 декабря 1939 г. он обсуждал с Гитлером, Иодлем и Редером вопрос о вторжении в Норвегию и Данию. Директивой от 27 января 1940 г. проведение плана в отношении Норвегии было передано под «непосредственное личное руководство» Кейтеля. Гитлер заявил 23 мая 1939 г., что он будет игнорировать нейтралитет Бельгии и Нидерландов, и Кейтель подписал приказы о нападении на эти страны 15 октября, 20 ноября и 28 ноября 1939 г. Все 17 последовательных приказов об отсрочке этого нападения, изданных до весны 1940 года, были подписаны Кейтелем или Иодлем.

Составление конкретных планов действий в отношении Греции и Югославии началось в ноябре 1940 года. 18 марта 1941 г. Кейтель слышал, как Гитлер сказал Редеру, что полная оккупация Греции является предпосылкой общего урегулирования; он также слышал, как 27 марта Гитлер распорядился о разгроме Югославии «с безжалостной суровостью».

Кейтель показал, что противился вторжению в Советский Союз по военным соображениям и также потому, что это было бы нарушением пакта о ненападении. Тем не менее он по-

ставил свои инициалы под «планом Барбаросса», подписанным Гитлером 18 декабря 1940 г., и участвовал на совещании Гитлера с ОКВ и главнокомандующими 3 февраля 1941 г. В приложении, изданном Кейтелем 13 марта, устанавливался порядок взаимоотношений между представителями армии и политическими работниками. Он издал плановую таблицу по вторжению 6 июня и участвовал 14 июня в инструктивном совещании, на котором генералы представляли свои окончательные доклады перед нападением. Он назначил Иодля и Варлимонта представителями от ОКВ по вопросам, касающимся восточных территорий, при министерстве Розенберга. 16 июня он распорядился о том, чтобы все соединения армии проводили экономические директивы по использованию русской территории и разграблению продовольствия и сырьевых материалов, изданные Герингом в так называемой «Зеленой папке».

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

4 августа 1942 г. Кейтель издал директиву о том, что парашютисты должны передаваться СД. 18 октября Гитлер издал приказ о «командос», который в нескольких случаях был проведен в жизнь. После высадки в Нормандии Кейтель подтвердил этот приказ и позднее распространил его на специальные отряды союзных «командос», сражавшихся вместе с партизанами. Он признает, что не считал этот приказ законным, но утверждает, что не мог помешать Гитлеру издать его.

Когда 8 сентября 1941 г. ОКВ издало свои жестокие правила в отношении советских военнопленных, Канарис написал Кейтелю, что в соответствии с международным правом СД не должна иметь к этому никакого отношения. На этом меморандуме рукой Кейтеля сделана пометка, датированная 23 сентября, под которой он поставил свои инициалы: «Возражения возникают из представления о рыцарском ведении войны. Это является разрушением идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры». Кейтель в своих показаниях заявил, что на самом деле он был согласен с Канарисом и спорил с Гитлером, но безуспешно. Начальник ОКВ распорядился о том, чтобы военные власти сотрудничали с эйнзатцштабом Розенберга в разграблении культурных ценностей на оккупированных территориях.

Лахузен показал, что 12 сентября 1939 г. Кейтель, в то время как они находились в штабном поезде Гитлера, заявил ему, что польская интеллигенция, дворянство и евреи должны быть ликвидированы. 20 октября Гитлер сказал Кейтелю, что нельзя допускать, чтобы интеллигенция могла стать руководящим классом, что жизненный уровень должен оставаться низким и что

Польша будет использована только как источник принудительного труда. Кейтель не помнит этого разговора с Лахузенем, но признает, что такая политическая линия существовала и что он заявлял свои протесты Гитлеру по этому поводу, но безрезультатно. 16 сентября 1941 г. Кейтель приказал в качестве ответной меры, в случаях нападения на солдат на Востоке, казнить от 50 до 100 коммунистов за каждого немецкого солдата, добавив, что человеческая жизнь на Востоке не имеет никакой цены. 1 октября он приказал, чтобы военные командующие всегда имели в своем распоряжении заложников для того, чтобы казнить их в случае нападений на солдат. Когда Тербовен, имперский уполномоченный в Норвегии, написал Гитлеру, что предложение Кейтеля о привлечении к ответственности родственников лиц, виновных в совершении диверсионных актов, окажет действие только тогда, если будет санкционирован расстрел, Кейтель написал на этом меморандуме: «Да, это — лучшее решение».

12 мая 1941 г., за пять недель до вторжения в СССР, ОКВ настойчиво требовало от Гитлера издания командованием сухопутных сил директивы о ликвидации политических комиссаров армии. Кейтель признал, что эта директива была передана командирам в действующую армию. 13 мая Кейтель подписал приказ о том, что лица из числа гражданского населения, подозреваемые в преступлениях против войск, должны расстреливаться без суда и что судебное преследование германских солдат за преступления против гражданского населения не является необходимым. 27 июля был издан приказ о том, чтобы все копии этой директивы были уничтожены. Но, несмотря на это, она оставалась в силе. За четыре дня до этого он подписал другой приказ о том, что наказания, выносимые в результате судебного разбирательства, не отвечают требованиям обстановки и что войска должны применять террор.

7 декабря 1941 г., как уже указывалось в данном приговоре, за подписью Кейтеля была издана так называемая директива «Мрак и туман», которая предусматривала, что на оккупированных территориях лицам из гражданского населения, обвинявшимся в преступлениях по оказанию сопротивления оккупационным войскам, может быть предоставлено право предстать перед судом только в тех случаях, если предполагалось вынесение смертного приговора; во всех других случаях лица из числа гражданского населения должны были передаваться гестапо для отправки в Германию.

Кейтель распорядился о том, чтобы русских военнопленных использовали в германской военной промышленности. 8 сентября 1942 г. он приказал, чтобы французские, голландские и бельгийские граждане работали на строительстве Атлантического вала. Он присутствовал 4 января 1944 г., когда Гитлер

приказал Заукелю добыть четыре миллиона новых рабочих с оккупированных территорий.

Перед лицом этих документов Кейтель не отрицает своей связи с этими действиями. Он скорее строит свою защиту на том, что он был солдатом, и на доктрине «выполнения приказов сверху», которая в соответствии со статьей 8 Устава не может быть использована в качестве защитительного довода.

Смягчающих вину обстоятельств нет. Приказы сверху даже для солдата не могут рассматриваться как смягчающие вину обстоятельства там, где сознательно, безжалостно, без всякой военной необходимости или цели совершались столь потрясающие и широко распространенные преступления.

Заключение

Трибунал признает Кейтеля виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Кальтенбруннер

Кальтенбруннер обвиняется по первому, третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию Австрии и в СС в 1932 году. В 1935 году он стал руководителем СС в Австрии. После аншлюсса он был назначен статс-секретарем по вопросам безопасности в Австрии и, когда в 1941 году эта должность была упразднена, он был назначен высшим руководителем СС и полиции. 30 января 1943 г. он был назначен начальником полиции безопасности и СД, руководителем главного имперского управления безопасности (РСХА), — должность, которую раньше занимал Гейдрих до его убийства в июне 1942 года, Кальтенбруннер имел чин обергруппенфюрера СС.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

В качестве руководителя СС в Австрии Кальтенбруннер принимал активное участие в подрывной деятельности нацистов, направленной против правительства Шушнига. В ночь на 11 марта 1938 г., после того как Геринг приказал национал-социалистам Австрии захватить контроль над Австрийским правительством, 500 австрийских эсэсовцев под командой Кальтенбруннера окружили государственную канцелярию, а специальный отряд под командой его адъютанта ворвался в здание этой канцелярии в то время, когда Зейсс-Инкварт вел переговоры с президентом Микласом.

Однако нет никаких доказательств о причастности Кальтенбруннера к плану ведения агрессивной войны на каком-либо другом фронте. Аншлюсс, хотя он и был актом агрессии, не

инкриминируется как агрессивная война, и доказательства против Кальтенбруннера по первому разделу не указывают, по мнению Трибунала, на его непосредственное участие в каких-либо планах ведения подобной войны.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Когда Кальтенбруннер 30 января 1943 г. стал начальником полиции безопасности и СД и главой РСХА, он возглавил организацию, которая включала главные отделы гестапо, СД и уголовной полиции. В качестве начальника РСХА Кальтенбруннер имел право отдавать приказы о превентивном заключении в концентрационные лагеря и об освобождении из них. Приказы такого характера были обычно скреплены его подписью. Кальтенбруннер был осведомлен об условиях содержания в концентрационных лагерях. Он, несомненно, посещал Маутхаузен, и свидетели показали, что он видел, как убивали заключенных, применяя различные способы казни: повешение, расстрел в затылок, умерщвление газом, что являлось частью демонстрировавшихся перед ним экзекуций.

Кальтенбруннер лично отдавал приказы о казни заключенных в этих лагерях, и его управление обычно использовалось для передачи в эти лагеря приказов о казнях, исходивших из отдела Гиммлера. В конце войны Кальтенбруннер принимал участие в подготовке к эвакуации заключенных концентрационных лагерей и к уничтожению значительного числа этих заключенных с тем, чтобы предотвратить освобождение их союзными армиями.

Во время пребывания Кальтенбруннера на должности начальника РСХА эта организация была занята выполнением обширной программы по совершению военных преступлений и преступлений против человечности. Эти преступления включали и жестокое обращение с военнопленными и их убийство. Эйнзатцкоманды, действовавшие под контролем гестапо, производили отбор советских военнопленных. Сведения о евреях, комиссарах и других лицах, которые считались идеологическими противниками нацистской системы, передавались в РСХА, которое направляло этих лиц в концентрационные лагеря, где они умерщвлялись.

Приказ РСХА о введении в действие директивы «Пуля» был издан в период правления Кальтенбруннера; по этому приказу некоторых военнопленных, совершавших побег и захваченных вновь, направляли в Маутхаузен и там расстреливали. Приказ о казни бойцов отрядов «командос» был распространен гестапо на парашютистов в тот период, когда Кальтенбруннер был на-

чальником РСХА. Приказ, подписанный Кальтенбруннером, предлагал полиции не вмешиваться в расправы над союзными летчиками, выбросившимися с парашютами.

В декабре 1944 года Кальтенбруннер принимал участие в убийстве одного из французских генералов, который содержался в качестве военнопленного.

В тот период, когда Кальтенбруннер возглавлял РСХА, гестапо и СД на оккупированных территориях продолжали жестоко обращаться с населением и совершать убийства, используя методы, которые включали пытки и заключение в концентрационные лагеря; обычно это делалось согласно приказам, подписанным именем Кальтенбруннера.

Гестапо несло ответственность за введение жестокого режима трудовой дисциплины для лиц, используемых для рабского труда, и Кальтенбруннер организовал для этой цели ряд исправительно-трудовых лагерей. Когда СС приступила к выполнению своей программы рабского труда, гестапо использовалось в качестве поставщиков необходимой рабочей силы путем отправки рабочих в концентрационные лагеря.

РСХА играло руководящую роль в «окончательном разрешении» еврейского вопроса путем истребления евреев. Для обеспечения выполнения этой программы был создан специальный отдел РСХА, входивший в ведение амт-IV. По его указаниям было убито приблизительно 6 миллионов евреев, из которых 2 миллиона были убиты эйнзатцгруппами и другими частями полиции безопасности. Кальтенбруннера информировали о деятельности этих эйнзатцгрупп, когда он был высшим руководителем СС и полиции; они¹ продолжали свою деятельность и тогда, когда он стал начальником РСХА.

Убийство примерно 4 миллионов евреев в концентрационных лагерях было описано ранее.

Эта часть программы осуществлялась также под наблюдением РСХА, когда Кальтенбруннер возглавлял эту организацию, и специальные команды РСХА рыскали по оккупированным территориям и различным государствам — сателлитам держав оси, обеспечивая отправку евреев в эти «фабрики уничтожения». Кальтенбруннер был осведомлен об этих мероприятиях. В своем письме от 30 июня 1944 г. он описывал отправку с этой целью 12 тысяч евреев в Вену и давал указания о том, что все нетрудоспособные должны были содержаться в готовности для «применения к ним специальной меры», означавшей убийство. Кальтенбруннер отрицал, что он поставил свою подпись под этим письмом, так же как и еще под многими приказами, на которых его подпись была напечатана на машинке или факсимилирована

¹ То есть эйнзатцгруппы. — Составители.

и лишь в редких случаях написана от руки. Невероятно, чтобы при разрешении вопросов такой важности его подпись могла появиться столько раз без его ведома.

Кальтенбруннер заявлял, что, когда он взял на себя обязанности начальника полиции безопасности и СД и главы РСХА, он сделал это согласно договоренности с Гиммлером, по которой его деятельность сводилась к вопросам, касающимся иностранной разведки, а не к всестороннему контролю над деятельностью РСХА. Он заявил, что преступная программа была введена в действие до того, как он приступил к своим обязанностям, что он редко знал о том, что происходило, и что, когда он узнавал об этих фактах, он делал все возможное для того, чтобы предотвратить их совершение. Правильно, что он проявлял особый интерес к вопросам, связанным с иностранной разведкой. Однако он осуществлял контроль над деятельностью РСХА; он знал о преступлениях, которые оно совершало, и он был активным участником многих из них.

Заключение

Трибунал признает Кальтенбруннера невиновным по разделу первому и виновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

Розенберг

Розенбергу предъявляется обвинение по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он стал членом нацистской партии с 1919 года, принимал участие в Мюнхенском путче, имевшем место 9 ноября 1923 г., и пытался предотвратить распад нелегальной нацистской партии в то время, когда Гитлер находился в тюрьме. Будучи признанным идеологом партии, он развивал и распространял нацистские доктрины в редактировавшихся им газетах «Фелькишер беобахтер» и «Национал-социалистиче монатсхефте», а также в многочисленных книгах, которые были им написаны. Его книга «Миф двадцатого столетия» была издана и распространена тиражом более чем в 1 миллион экземпляров.

В 1930 году Розенберг был избран в рейхстаг и стал представителем партии по вопросам внешней политики. В апреле 1933 года он был назначен рейхслейтером и заведующим внешнеполитическим управлением НСДАП (АПА). В январе 1934 года Гитлер назначил Розенберга своим заместителем по вопросам всесторонней духовной и идеологической подготовки членов НСДАП. В январе 1940 года ему было поручено создать «хоэ шуле» — центральный научно-исследовательский институт на-

ционал-социалистской идеологии и воспитания; в связи с этой задачей им был организован «эйнзатцштаб Розенберга». 17 июля 1941 г. он был назначен имперским министром по делам оккупированных восточных территорий.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

В качестве руководителя АПА Розенберг стоял во главе организации, агенты которой активно участвовали в нацистских интригах во всех частях света. Он в своих собственных отчетах утверждает, например, что АПА в большой степени ответственно за присоединение Румынии к странам оси. В качестве главы АПА он играл важную роль в подготовке и планировании нападения на Норвегию.

Розенберг вместе с Редером являлся одним из авторов плана нападения на Норвегию. Розенберг стал проявлять интерес к Норвегии еще в июне 1939 года, когда он совещался с Квислингом. Квислинг указывал на важное значение Норвежского побережья в случае конфликта между Германией и Великобританией и высказал свои опасения по поводу того, что Великобритания может добиться поддержки со стороны Норвегии. В результате этого совещания Розенберг разработал такую систему, согласно которой Квислинг тесно сотрудничал с национал-социалистами и получал поддержку с их стороны по политическим вопросам.

Когда началась война, Квислинг стал выражать опасения по поводу возможности вторжения Британии в Норвегию. Розенберг поддерживал эту точку зрения и передал Редеру план использования Квислинга для совершения переворота в Норвегии. Розенберг оказал содействие при созыве совещаний, имевших место в декабре 1939 года между Гитлером и Квислингом, которые привели к подготовке нападения на Норвегию и во время которых Гитлер обещал Квислингу финансовую поддержку. После этих совещаний Гитлер поручил Розенбергу организовать политическую эксплуатацию Норвегии. Через две недели после оккупации Норвегии Гитлер сообщил Розенбергу, что его решение напасть на Норвегию основывалось «на неоднократных предостережениях со стороны Квислинга, о которых ему сообщал рейхслейтер Розенберг».

Розенберг несет главную ответственность за создание и проведение в жизнь оккупационной политики на оккупированных восточных территориях.

2 апреля 1941 г. Гитлер сообщил ему о предстоящем нападении на Советский Союз, и Розенберг изъявил согласие оказывать содействие этому мероприятию в качестве «советника по политическим вопросам».

20 апреля 1941 г. он был назначен уполномоченным по центральному контролю над проблемами, связанными с восточноевропейским районом. При подготовке планов проведения оккупации Розенберг провел многочисленные совещания с Кейтелем, Редером, Герингом, Функом, Риббентропом и другими высшими руководителями различных имперских ведомств. В апреле и мае 1941 года он подготовил ряд проектов инструкций по вопросам создания администрации на оккупированных восточных территориях. 20 июня 1941 г., за два дня до нападения на СССР, он обратился к своим ближайшим помощникам с речью по вопросам о проблемах и политике, связанных с оккупацией. Розенберг участвовал на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г., на котором рассматривались вопросы администрации и оккупационной политики. 17 июля 1941 г. Гитлер назначил Розенберга имперским министром по делам оккупированных восточных территорий и возложил на него полномочия по руководству гражданской администрацией на этих территориях.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Розенберг несет ответственность за систему организованного грабежа как общественной, так и частной собственности во всех захваченных немцами странах Европы. Действуя по приказу Гитлера от января 1940 года о создании «хоэ шуле», он организовал «эйнзатцштаб Розенберга» и руководил им; этот штаб грабил музеи и библиотеки, конфисковал произведения искусства и коллекции, грабил частные дома. Его собственные отчеты отражают размеры произведенных конфискаций. По мероприятию «М» («мебель»), проведенному в декабре 1941 года по предложению Розенберга, было разграблено на Западе 69 619 еврейских домов, из которых 38 тысяч было разграблено лишь в одном Париже. Потребовалось 26 984 железнодорожных вагонов для того, чтобы перевезти в Германию конфискованную мебель. Начиная с 14 июля 1941 г. «эйнзатцштабом» на Востоке было захвачено более 21 903 предметов искусства, включавших знаменитые картины и музейные редкости.

С назначением Розенберга 17 июля 1941 г. имперским министром по делам оккупированных восточных территорий он стал высшим должностным лицом в этих районах. Он помогал формировать основные положения политики германизации, эксплуатации, насильственного труда, истребления евреев и противников нацистского режима и создал управление, которое проводило эту политику в жизнь. Он принимал участие в совещании от 16 июля 1941 г., на котором Гитлер заявил, что они стояли

перед задачей: «Разрезать этот огромный пирог в соответствии с нашими потребностями для того, чтобы иметь возможность, во-первых, господствовать над ним, во-вторых, управлять им и, в-третьих, эксплуатировать его». Гитлер указал, что предусматривается применение безжалостных мер. На следующий день после этого совещания Розенберг принял это назначение.

Розенберг был осведомлен о зверском обращении и терроре, которые применялись по отношению к народам восточных территорий. Он указывал, что на оккупированных восточных территориях Гаагские Правила ведения сухопутной войны не применимы. Он был осведомлен об опустошении восточных территорий и принимал в нем деятельное участие, отсылая в Германию захваченные на этих территориях сырье и продукты питания. Он заявил, что первой в списке тех требований, которые Германия предъявила Востоку, стояла необходимость кормить германский народ, и что советский народ от этого будет страдать. Его декреты предусматривали окончательную изоляцию евреев в гетто. Подчиненные ему лица принимали участие в массовых убийствах евреев, а его гражданская администрация на Востоке считала необходимым очистить восточные территории от евреев.

В декабре 1941 года он внес предложение Гитлеру о том, что при расстреле 100 заложников¹ следует отбирать только евреев. Розенбергу было известно о вывозе рабочих с восточных территорий, о методах «набора» рабочих и об ужасах, имевших место при транспортировках, о том, как обращались с восточными рабочими в империи. Он сообщал представителям гражданской администрации, какое количество рабочих необходимо было доставить в империю, и выполнение этой разверстки должно было обеспечиваться любыми мерами, которые оказывались необходимыми. Его виза имеется на приказе от 14 июня 1944 г., касающемся «акции Сено», которая заключалась в захвате 40—50 тысяч подростков в возрасте от 10 до 14 лет для отправки их в империю.

В отдельных случаях Розенберг возражал против эксцессов и зверств, совершавшихся его подчиненными и особенно Кохом; однако эти эксцессы продолжали иметь место, и Розенберг оставался на своем посту до конца.

З а к л ю ч е н и е

Трибунал признает Розенберга виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

¹ Речь идет о казни 100 заложников за каждого убитого гитлеровца. — Составители.

Франк

Франк обвиняется по первому, третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения. Франк вступил в нацистскую партию в 1927 году. В 1930 году он стал членом рейхстага, в марте 1933 года — баварским министром юстиции, и когда функции последнего в 1934 году перешли к имперскому правительству, Франк стал имперским министром без портфеля. В 1933 году Франк был назначен рейхслейтером нацистской партии по правовым вопросам и в том же году — президентом академии германского права. Франку было также присвоено почётное звание обергруппенфюрера СА. В 1942 году у Франка обнаружилось временное разногласие с Гиммлером по вопросу о характере правовой системы, которая должна применяться в Германии. В том же году он был освобожден от обязанностей рейхслейтера нацистской партии и президента академии германского права.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Представленные доказательства не убедили Трибунал, что Франк в достаточной степени был связан с общим планом ведения агрессивной войны, для того чтобы Трибунал мог признать Франка виновным по первому разделу.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Франк был назначен главой гражданской администрации оккупированной польской территории. 12 октября 1939 г. он был назначен генерал-губернатором оккупированной польской территории. 3 октября 1939 г. он следующим образом описывал политику, которую намеревался проводить на практике:

«Польша должна рассматриваться как колония, поляки будут рабами великой Германской мировой империи».

Доказательства устанавливают, что в основе этой оккупационной политики было полное уничтожение Польши как национального целого и беспощадная эксплуатация ее человеческих и экономических ресурсов в интересах германских военных усилий. Всякая оппозиция подавлялась с крайней жестокостью. Был создан режим террора, поддерживавшийся полицейскими судами, которые предписывали проводить такие мероприятия, как публичные расстрелы групп, состоявших от 20 до 200 поляков, и широко распространенные расстрелы заложников.

Система концентрационных лагерей была введена в генерал-губернаторстве созданием получивших печальную известность лагерей Трешлинка и Майданек. Еще 6 февраля 1940 г. Франк

своим циничным замечанием корреспонденту одной газеты по поводу вывешенного фон Нейратом плаката о казни чешских студентов дал представление о масштабах, в которых осуществлялся этот террор: «Если бы я хотел вывешивать плакаты по поводу расстрела каждых семи поляков, то не хватило бы лесов в Польше для того, чтобы производить бумагу для этих плакатов». 30 мая 1940 г. Франк на совещании чиновников полиции заявил о том, что он использует преимущество наступления на Западе, которое отвлекло внимание всего мира от Польши, для того, чтобы «уничтожить тысячи поляков, которые, вероятно, будут оказывать сопротивление господству Германии в Польше, включая ведущих представителей польской интеллигенции».

В соответствии с этими инструкциями началось проведение жестокой акции АВ, согласно которой полиция безопасности и СД проводили это истребление, лишь изредка прибегая к методу судебного преследования. 2 октября 1943 г. Франк издал декрет, согласно которому лица не германского происхождения, препятствующие мероприятиям Германии, проводимым в генерал-губернаторстве, должны были подвергаться уголовному преследованию в специальных судах полиции безопасности и СД и приговариваться к смертной казни.

Экономические требования, предъявленные генерал-губернаторству, далеко превосходили потребность оккупационной армии и были вне всякого соответствия с ресурсами страны. Продолжительное, изымавшееся в Польше, направлялось в Германию в столь значительных размерах, что норма питания населения оккупированных территорий была сокращена до голодного минимума. Широко распространены были эпидемические заболевания. Были предприняты некоторые меры для обеспечения питания сельскохозяйственных рабочих, которые использовались для уборки урожая, но потребности остального населения оставались без внимания.

Несомненно, справедливым является заявление защиты, что некоторые лишения в генерал-губернаторстве были неизбежными как результат опустошений, вызванных войной и экономической разрухой, явившейся следствием этого. Но эти лишения были увеличены преднамеренной политикой экономической эксплуатации.

Систему вывоза людей для рабского труда в Германию Франк ввел на самых ранних стадиях своего управления. 25 января 1940 г. он выразил свое намерение вывезти в Германию один миллион рабочих, предложив 10 мая 1940 г. для выполнения этой разверстки устройство полицейских облав. 18 августа 1942 г. Франк сообщил, что 800 тысяч рабочих он уже дал империи, и предполагает, что до конца года сумеет направить туда еще 140 тысяч человек.

Преследование евреев началось в генерал-губернаторстве немедленно. Первоначально на этой территории жили от двух с половиной до трех с половиной миллионов евреев. Их насильственно загнали в гетто, подвергли действию дискриминирующих законов, лишили пищи, необходимой для того, чтобы избежать голодной смерти, и, наконец, систематически уничтожали со зверской жестокостью. 16 декабря 1941 г. Франк заявил правительству генерал-губернаторства: «Мы должны уничтожить евреев, где бы мы ни находили их, и во всех случаях, когда это возможно, для того, чтобы сохранить империю как таковую».

25 января 1944 г. Франк подсчитал, что в генерал-губернаторстве осталось всего лишь 100 тысяч евреев.

В начале своих показаний Франк заявил, что он испытывает чувство «своей величайшей вины» за зверства, совершенные на оккупированных территориях. Однако этот защитительный довод главным образом объясняется попыткой доказать, что фактически он не является ответственным лицом, что он отдавал лишь приказания о необходимых мероприятиях для умиротворения, что эксцессы следует отнести за счет деятельности полиции, которая ему не подчинялась, и что он даже никогда не знал о том, что происходило в концентрационных лагерях. Также выдвигалось утверждение о том, что смертность от голода объяснялась последствиями войны и политикой, проводившейся в соответствии с четырехлетним планом, утверждалось также, что политика рабского труда проводилась под руководством Заукеля и что уничтожение евреев осуществлялось полицией и СС по прямым указаниям Гимmlера.

Совершенно несомненно, что большая часть преступных действий, инкриминируемых Франку, осуществлялась через полицию, что у Франка возникли разногласия относительно сферы юрисдикции с Гимmlером по вопросу о контроле над полицией и что Гитлер решил многие из этих споров в пользу Гимmlера. Поэтому весьма возможно, что некоторые из преступлений, совершенных в генерал-губернаторстве, были совершены без ведома Франка и даже в отдельных случаях несмотря на его противодействие. Возможно также, что некоторые из преступных планов, осуществлявшихся в генерал-губернаторстве, не исходили от Франка, а проводились в соответствии с приказами из Германии. Однако также несомненно, что Франк был добровольным и сознательным участником применения террора в Польше, экономической эксплуатации Польши, которая привела к голодной смерти большое число людей, угона в Германию на рабский труд более чем миллиона поляков и осуществления программы, приведшей к убийству по меньшей мере трех миллионов евреев.

Заключение

Трибунал признает Франка невиновным по разделу первому и виновным по разделу третьему и четвертому Обвинительного заключения.

Фрик

Фрик обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Будучи признан главным нацистским специалистом в области администрации, он был назначен имперским министром внутренних дел в первом кабинете Гитлера. Он оставался на этом важном посту до августа 1943 года, когда получил назначение имперского протектора Богемии и Моравии. В связи с тем, что он стоял в центре всего внутреннего и хозяйственного управления страны, он стал прусским министром внутренних дел, имперским уполномоченным по проведению выборов, генеральным уполномоченным по имперской администрации, членом имперского совета обороны, членом совета министров по обороне империи и членом «коллегии трех». После того как многие страны, присоединенные к империи, были оккупированы, он был назначен главой центрального управления, ведающего их присоединением.

Хотя Фрик официально не вступал в нацистскую партию до 1925 года, он еще до этого был связан с Гитлером и делом национал-социализма во время Мюнхенского путча, в бытность свою ответственным сотрудником мюнхенской полиции. Будучи избран в рейхстаг в 1924 году, он стал рейхслейтером, поскольку являлся руководителем национал-социалистской фракции в рейхстаге.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Фрик, как ярый нацист, ответствен в значительной степени за то, что немецкий народ оказался в полной власти НСДАП. После того как Гитлер стал канцлером империи, новый министр внутренних дел немедленно начал подчинять местные правительства суверенитету империи. Многочисленные законы, которые он разрабатывал, подписывал и проводил в жизнь, ликвидировали все оппозиционные партии и подготовили почву для того, чтобы гестапо и его концентрационные лагеря могли уничтожить всякое сопротивление со стороны отдельных лиц. Он в значительной степени несет ответственность за законодательство, направленное на подавление профсоюзов, церкви и евреев. Он безжалостно и эффективно осуществлял эту задачу.

Перед началом агрессии против Австрии Фрик занимался лишь вопросами внутреннего управления империи. Доказательства не свидетельствуют о его участии в каких-либо совещаниях, на которых Гитлер намечал свои агрессивные планы. На осно-

вании этого Трибунал придерживается того мнения, что Фрик не был участником общего плана или заговора для ведения агрессивной войны, как это определяется в настоящем приговоре. Через шесть месяцев после захвата Австрии в соответствии с законом об обороне империи от 4 сентября 1938 г. Фрик был назначен генеральным уполномоченным по имперской администрации. На него была возложена ответственность за администрацию во время войны во всех областях, за исключением чисто военных и экономических вопросов, в том случае, если Гитлер объявит осадное положение. Ему были подчинены имперские министерства юстиции, просвещения, вероисповеданий и управление по территориальному планированию. Выполняя возложенные на него обязанности, Фрик разработал систему администрации в соответствии с требованиями военного времени. Согласно его собственному заявлению, все это фактически было претворено в жизнь после того, как Германия решила вступить на путь войны.

Фрик подписал закон от 13 марта 1938 г., согласно которому Австрия была присоединена к империи, и был ответственным за осуществление этого закона. Учреждая германскую администрацию в Австрии, он издал декреты, которые вводили германское право, нюрнбергские законы, закон о воинской повинности; он также при содействии Гимmlера занимался вопросами полицейской безопасности.

Он также подписал законы, по которым к империи присоединялись Судетская область, Мемель, Данциг, восточные территории (Западная Пруссия и Познань), Эйпен, Мальмеди и Морено. На него была возложена ответственность за фактическое присоединение этих территорий и за учреждение на этих территориях германской администрации. Он подписал закон об учреждении протектората Богемии и Моравии.

Как главе центрального управления Богемии и Моравии, генерал-губернаторства и Норвегии, ему было поручено установить тесные связи между немецкими официальными лицами в этих оккупированных странах и высшими представителями имперской администрации. Он снабжал административный аппарат на всех оккупированных территориях германскими гражданскими служащими, консультируя Розенберга по вопросам о назначении их на работу в восточных оккупированных территориях. Он подписал указы, по которым Тербовен назначался имперским уполномоченным в Норвегии, а Зейсс-Инкварт — в Голландии.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Ярый антисемит, Фрик постоянно разрабатывал, подписывал и осуществлял бесчисленные законы, направленные на устра-

нение евреев из общественной жизни и экономики Германии. Его деятельность послужила основой нюрнбергских законов, и он активно участвовал в их осуществлении. Он несет ответственность за декреты, запрещающие евреям заниматься различными профессиями, и за конфискацию их имущества; последний декрет он подписал в 1943 году после массового уничтожения евреев на Востоке; этот декрет поставил их «вне закона» и предусматривал передачу их гестапо. Эти законы расчистили путь для «окончательного решения» еврейского вопроса и были распространены Фриком на присоединенные и на некоторые оккупированные территории.

В тот период, когда он был имперским протектором Богемии и Моравии, тысячи евреев были переведены из гетто Терезиенштадта (Чехословакия) в Освенцим, где они и были убиты. Он издал декрет, предусматривавший специальные уголовные законы в отношении евреев и поляков в генерал-губернаторстве.

Полиция официально входила в юрисдикцию имперского министра внутренних дел, но Фрик фактически в незначительной степени контролировал Гимmlера и мало касался полицейских вопросов. Однако он подписал декрет, назначивший Гимmlера начальником германской полиции, а также декреты, устанавливавшие юрисдикцию гестапо над концентрационными лагерями и регулировавшие выполнение приказов о превентивном заключении. Из многочисленных жалоб, которые получал Фрик, и на основании показаний свидетелей Трибунал делает вывод, что он знал о зверствах, совершавшихся в этих лагерях. Будучи осведомленным о методах Гимmlера, Фрик подписал декреты, дававшие последнему¹ полномочия принимать необходимые «меры безопасности» на некоторых присоединенных территориях. Чем оказались эти «меры безопасности», уже говорилось выше.

Как высший представитель имперской власти в Богемии и Моравии Фрик несет общую ответственность за политику угнетения на этой территории после 20 августа 1943 г., за террор в отношении населения, угон на рабский труд и депортацию евреев в концентрационные лагеря для уничтожения. Верно, что обязанности Фрика в качестве имперского протектора были гораздо более ограниченными, чем обязанности его предшественника, и что он не пользовался законодательной властью и имел лишь ограниченные полномочия оперативного характера в протекторате. Тем не менее Фрик очень хорошо знал, какова была в то время нацистская оккупационная политика в Европе, в особенности в отношении евреев, и, приняв пост имперского протектора, он принял на себя ответственность за осуществление этой политики в Богемии и Моравии.

¹ Речь идет о Гимmlере. — Составители.

В то время, как он был министром внутренних дел, вопросы германского подданства в оккупированных странах, так же как и в империи, входили в его юрисдикцию. Создав систему расовой регистрации лиц германского происхождения, Фрик разрешил перейти в немецкое подданство определенным группам граждан из других стран. Он несет ответственность за онемечивание Австрии, Судетской области, Мемеля, Данцига, восточных территорий (Западной Пруссии и Познани), а также Эйпена, Мальмеди и Морено. Он насильственно вводил для граждан этих территорий немецкие законы, немецкие суды, немецкую систему образования, немецкую полицию безопасности и обязательную военную службу.

Во время войны в его юрисдикцию также входили санатории, больницы и психиатрические лечебницы, в которых практиковалась система предания «легкой смерти», уже описанная в этом приговоре. Ему было известно, что душевнобольные, больные и старики — «лишние рты» — систематически подвергались насильственному умерщвлению. Жалобы на эти убийства доходили до него, но он ничего не сделал, чтобы прекратить эти убийства. Согласно отчету Чехословацкой Комиссии по расследованию военных преступлений, 275 тысяч душевнобольных и стариков, за благополучие которых он отвечал, стали его жертвами.

З а к л ю ч е н и е

Трибунал признает Фрика невиновным по разделу первому Обвинительного заключения и виновным по разделу второму, третьему и четвертому.

Ш т р е й х е р

Штрейхер обвиняется по разделам первому и четвертому Обвинительного заключения. Один из первых членов нацистской партии, вступивший в нее в 1921 году, он принимал участие в Мюнхенском путче. С 1925 года по 1940 год он был гаулейтером Франконии. Он был избран в рейхстаг в 1933 году и был почетным генералом СА. Он приобрел позорную славу в связи с преследованием евреев. Он был издателем «Дер штюрмер» — ежедневной антисемитской газеты с 1933 года по 1945 год и ее редактором до 1933 года.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Штрейхер был убежденным нацистом и поддерживал основной политический курс Гитлера. Нет доказательств, которые бы указывали на то, что он когда-либо принадлежал к близкому

кругу советников Гитлера; за время своей деятельности он никогда не был тесно связан с разработкой программы, которая привела к войне. Так, например, он никогда не присутствовал ни на одном из важнейших совещаний, во время которых Гитлер излагал свои решения подчиненным ему руководителям. Хотя он и являлся гаулейтером, нет никаких доказательств, которые свидетельствовали бы о его осведомленности об этой программе. По мнению Трибунала, доказательства не устанавливают его причастности к заговору или общему плану для ведения агрессивной войны, как этот заговор ранее был определен в данном приговоре.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

За 25 лет, в течение которых Штрейхер говорил и писал о ненависти к евреям и проповедовал эту ненависть, он стал широко известен как «антисемит № 1». В своих речах и статьях, неделя за неделей и месяц за месяцем, он отравлял сознание германского народа ядом антисемитизма и подстрекал его к активным преследованиям евреев. Каждый номер газеты «Дер штюрмер», тираж которой достиг в 1935 году 600 тысяч, был наполнен такими статьями, которые часто действовали растлевающе и были отвратительны по своему характеру.

Штрейхер руководил бойкотом евреев 1 апреля 1933 г. Он выступал за нюрнбергские законы в 1935 году. Он несет ответственность за разрушение синагоги в Нюрнберге 10 августа 1938 г. Он открыто выступал 10 ноября с поддержкой еврейских погромов, которые происходили в то время.

Но не только в Германии этот подсудимый проповедовал свои доктрины. Уже в 1938 году он начал призывать к уничтожению еврейской расы. В качестве доказательства были представлены 23 статьи из газеты «Дер штюрмер» за период с 1938 года по 1941 год, в которых проповедовалась доктрина уничтожения и содержались призывы «вырвать с корнем» еврейскую расу. Характерным примером его «учения» была передовая статья в сентябрьском номере за 1938 год, в которой евреи назывались чумой и микробами, не человеческими существами, а «паразитами, врагами, злоумышленниками, распространителями болезней, которые должны быть уничтожены в интересах человечества». В других статьях утверждалось, что еврейский вопрос будет решен лишь тогда, когда будет уничтожено мировое еврейство, и предсказывалось, что через 50 лет еврейские могилы «оповестят весь мир о том, что этот народ убиен и преступников, наконец, постигла заслуженная им судьба».

Штрейхер в феврале 1940 года опубликовал письмо одного из читателей «Дер штюрмер», который сравнивал евреев с тучами

саранчи, которые должны быть окончательно истреблены. Этим ядом Штрейхер отравлял умы тысяч немцев, и в результате они последовали за национал-социалистами в их политике преследования и уничтожения евреев. Передовая статья в «Дер штюрмер» за май 1939 года ясно формулирует его цели:

«Необходимо направить карательную экспедицию против евреев в России, — карательную экспедицию, которая принесет им ту же участь, какой должен ожидать каждый убийца и преступник. Смертный приговор и казни. Евреи в России должны быть убиты. Их нужно вырвать с корнем».

По мере того как война, вначале развиваясь успешно, привела к приобретению все новых территорий для империи, Штрейхер даже увеличил свои усилия в подстрекательстве немцев против евреев. В протоколе Суда имеется 26 статей из газеты «Дер штюрмер», опубликованных между августом 1941 года и сентябрем 1944 года, 12 из них писаны рукой Штрейхера; он в самых недвусмысленных выражениях требовал истребления и уничтожения. Он написал и опубликовал 25 декабря 1941 г.: «Если действительно мы положим конец этому воспроизведению проклятия божьего в еврейской крови, то это может быть сделано только одним путем — уничтожением этого народа, рожденного дьяволом».

В феврале 1944 года в своей статье он заявил: «Тот, кто делает то, что делает еврей, — негодяй и преступник, а тот, кто повторяет его действия и хочет подражать ему, заслуживает той же судьбы — уничтожения, смерти».

Зная об истреблении евреев на оккупированных восточных территориях, этот подсудимый продолжал писать и опубликовывать свою пропаганду смерти. Давая показания перед этим Судом, он яростно отрицал хоть какую-нибудь свою осведомленность о массовом уничтожении евреев. Однако из доказательств явствует, что он постоянно получал текущую информацию о проведении «окончательного решения». Его фотокорреспондент был направлен в гетто на Востоке весной 1943 года в период уничтожения Варшавского гетто. Еврейская газета «Израилитишес вохенблатт», которую Штрейхер получал и читал, содержала в каждом номере сообщение о зверствах против евреев на Востоке и приводила цифры количества евреев, которые были угнаны и убиты. Так, например, за лето и осень 1942 года сообщалось о смерти 72 729 евреев в Варшаве, 17 542 — в Лодзи, 18 тысяч — в Кroatии, 125 тысяч — в Румынии, 14 тысяч — в Латвии, 85 тысяч — в Югославии и 700 тысяч — в Польше. В ноябре 1943 года Штрейхер цитировал дословно статью из «Израилитишес вохенблатт», в которой говорилось, что евреи буквально исчезли из Европы, и комментировал ее заявлением: «это — не еврейская ложь». В декабре 1942 года, ссылаясь на

статью «Лондон таймс», касавшуюся зверств, имевших своей целью уничтожение, Штрейхер заявил, что Гитлер предупредил в свое время, что вторая мировая война приведет к уничтожению еврейства. В январе 1943 года он написал и опубликовал статью, в которой говорилось, что пророчество Гитлера сбылось — мировое еврейство искореняется; он также сказал, что «его радует сознание, что Гитлер освобождает мир от его еврейских мучителей».

В свете доказательств, представленных Трибуналу, Штрейхеру бесполезно утверждать, что разрешение еврейского вопроса, за которое он стоял, строго ограничивалось классификацией евреев как чуждого элемента и принятием дискриминирующих законов, таких, как нюрнбергские, по мере возможности дополняемых международным соглашением о создании в какой-то части света еврейского государства, куда должны были эмигрировать все евреи.

Подстрекательства Штрейхера к убийству и уничтожению в то время, когда евреи на Востоке умерщвлялись самым ужасным образом, несомненно, являются преследованием по политическим и расовым мотивам в связи с совершением военных преступлений, как они определены Уставом, и являются, таким образом, преступлением против человечности.

З а к л ю ч е н и е

Трибунал признает, что Штрейхер не виновен по разделу первому, но что он виновен по разделу четвертому Обвинительного заключения.

Ф у н к

Функ обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Функ — в прошлом журналист по финансовым вопросам — вступил в нацистскую партию в 1931 году и вскоре после этого стал одним из личных советников Гитлера по экономическим вопросам.

30 января 1933 г. он был назначен руководителем прессы в имперском правительстве, 11 марта 1933 г. стал заместителем министра пропаганды и вскоре после этого занял руководящее положение в различных нацистских организациях, которые контролировали прессу, кино, музыку и работу издательств. Он занял пост министра экономики и генерального уполномоченного по военной экономике в начале 1938 года и президента рейхсбанка в январе 1939 года. Он был преемником Шахта на всех этих трех постах. В августе 1939 года он был назначен членом совета министров по обороне империи и в сентябре 1943 года — членом центрального управления по планированию.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Функ начал свою деятельность в области экономики после того, как ясно определились нацистские планы ведения агрессивной войны. Один из его представителей присутствовал на совещании, имевшем место 14 октября 1938 г., на котором Геринг объявил о гигантском увеличении вооружения и дал задание министерству экономики увеличить экспорт с тем, чтобы получить необходимую валюту. 28 января 1939 г. один из подчиненных Функа направил ОКВ меморандум по вопросу об использовании военнопленных с тем, чтобы компенсировать недостаток в рабочей силе, который мог возникнуть в случае объявления мобилизации. 30 мая 1939 г. заместитель министра экономики присутствовал на совещании, на котором был разработан детальный план финансирования войны.

25 августа 1939 г. Функ написал Гитлеру письмо, в котором выражал свою благодарность за то, что он имел возможность участвовать в таких потрясающих мир событиях, и сообщал, что его план «финансирования войны», контроля над заработной платой и ценами и укрепления рейхсбанка был осуществлен, что он незаметно превратил в золото всю наличную иностранную валюту, находившуюся в распоряжении Германии. 14 октября 1939 г. после начала войны он произнес речь, в которой констатировал, что экономические и финансовые учреждения Германии, работающие для выполнения четырехлетнего плана, уже свыше года вели тайную экономическую подготовку к войне.

Функ принимал участие в экономическом планировании, которое предшествовало нападению на СССР; его заместитель ежедневно совещался с Розенбергом по экономическим проблемам, которые могли возникнуть в связи с оккупацией советской территории. Функ лично участвовал в планировании печатания в Германии советских денежных знаков до нападения на СССР с тем, чтобы использовать их для денежного обращения на оккупированной территории СССР.

После нападения он произнес речь и в ней описывал разработанные им планы экономической эксплуатации «обширных территорий Советского Союза», которые должны были быть использованы как источники сырья для Европы.

Функ не принадлежал к числу руководящих лиц, создавших нацистские планы агрессивной войны. Его деятельность в области экономики в качестве агента генерального уполномоченного по четырехлетнему плану протекала под контролем Геринга. Он, однако, участвовал в экономической подготовке некоторых из агрессивных войн, особенно против Польши и Советского Союза, но его вина в связи с этим охватывается разделом вторым Обвинительного заключения.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Занимая пост заместителя министра пропаганды и вице-президента имперской палаты культуры, Функ принимал участие в первоначальной нацистской программе экономической дискриминации евреев. 12 ноября 1938 г. после ноябрьских погромов он присутствовал на совещании под председательством Геринга, на котором обсуждалось решение еврейской проблемы и на котором он предложил декрет, запрещающий евреям участие в экономической жизни страны; этот декрет Геринг опубликовал в тот же самый день от имени управления по четырехлетнему плану. Функ показал, что он был потрясен событиями 10 ноября, но 15 ноября он произнес речь, описывая эти эксцессы как «бурный взрыв негодования немецкого народа, вызванного преступным наступлением евреев на немецкий народ»; он также сказал в этой речи, что устранение евреев из экономической жизни является логическим продолжением их устранения из политической жизни.

В 1942 году Функ заключил соглашение с Гиммлером, согласно которому рейхсбанк должен был получить известное количество золота, драгоценностей и валюты от СС, причем он предложил своим подчиненным, которые должны были разработывать детали соглашения, не задавать лишних вопросов.

В результате этого соглашения СС послала рейхсбанку личное имущество, отобранное у жертв, которые были уничтожены в концентрационных лагерях. Рейхсбанк оставил у себя монеты и банкноты, а драгоценности, часы и личные вещи послал берлинским муниципальным ломбардам. Золотая оправа от очков, золотые зубы и пломбы хранились в сейфах рейхсбанка. Отрицая это, Функ заявлял, что он не знал, что рейхсбанк получал вещи подобного рода. Трибунал придерживается того мнения, что Функ или знал о том, что поступало в банк, или же он умышленно закрывал глаза на происходившее.

Функ, будучи министром экономики и президентом рейхсбанка, участвовал в экономической эксплуатации оккупированных территорий. Он был президентом континентальной нефтяной компании, в ведении которой находилась эксплуатация нефтяных ресурсов оккупированных восточных территорий. Он осуществлял захват золотых фондов Чехословацкого национального банка и ликвидацию Югославского национального банка. 6 июня 1942 г. его заместитель послал ОКВ письмо с требованием выделить в его распоряжение для покупок на «черном рынке» денежные суммы из фонда издержек на оккупацию Франции.

Осведомленность Функа о немецкой оккупационной политике явствует из факта его присутствия на совещании 6 августа 1942 г., на котором Геринг обратился к представителям германской администрации оккупированных районов, сообщил им о разверстке на поставку продуктов с их территорий, причем добавил: «Мне совершенно безразлично, если вы в связи с этим скажете, что ваши люди будут обречены на голодную смерть».

Осенью 1943 года Функ стал членом центрального управления по планированию, которое определяло общее число рабочих, необходимых для промышленности Германии, и которое требовало от Заукеля, чтобы он их дал, обычно путем угона их с оккупированных территорий. Вероятно, Функ не был особенно заинтересован в этом аспекте программы принудительного труда, и он обычно посылал на совещания своего заместителя, часто генерала СС Олендорфа, бывшего начальника СД в самой Германии и бывшего командира эйнзатцгруппы «D». Но Функ знал, что управление, членом которого он являлся, требовало ввоза рабочих для рабского труда и распределения их по различным отраслям промышленности, находившимся под его контролем.

Будучи президентом рейхсбанка, Функ также был косвенно причастен к использованию труда заключенных концентрационных лагерей. Под его руководством рейхсбанк открыл для СС текущий счет в 12 миллионов рейхсмарок для постройки фабрик, на которых должен был использоваться труд заключенных концлагерей.

Несмотря на то, что Функ занимал важные официальные посты, он никогда не играл доминирующей роли в проведении различных программ, в которых он принимал участие. Это является смягчающим обстоятельством, которое Трибунал принимает во внимание.

Заключение

Трибунал не признает Функа виновным по первому разделу, но признает его виновным по второму, третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения.

Шахт

Шахт обвиняется по разделу первому и второму Обвинительного заключения. Шахт был уполномоченным по вопросам валюты и президентом рейхсбанка с 1923 по 1930 год. Он был снова назначен президентом банка 17 марта 1933 г., министром экономики в августе 1934 года и генеральным уполномоченным

по вопросам военной экономики в мае 1935 года. Он ушел в отставку с последних двух постов в ноябре 1937 года и был назначен министром без портфеля. Он был снова назначен на пост президента рейхсбанка на годичный срок 16 марта 1937 г. и на четырехгодичный срок 9 марта 1938 г., но был освобожден с этого поста 20 января 1939 г. Он был освобожден от обязанности министра без портфеля 22 января 1943 г.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Шахт активно поддерживал нацистскую партию до ее прихода к власти 30 января 1933 г. и поддерживал назначение Гитлера на пост канцлера. После этой даты он играл важную роль в интенсивной программе перевооружения, которая была принята, и использовал возможности рейхсбанка в наивеличайшей степени для германских усилий в области перевооружения. Рейхсбанк выполнял свои, ставшие традиционными, обязанности финансового агента германского правительства и выпускал долгосрочные правительственные займы, а собранные в результате фонды использовались для перевооружения. Он разработал систему, согласно которой выпущенные на пять лет векселя, известные под названием векселей «МЕФО», гарантированные рейхсбанком и обеспеченные фактически лишь его положением как эмиссионного банка, использовались для приобретения крупных сумм на перевооружение за счет краткосрочных денежных операций.

В качестве министра экономики и генерального уполномоченного по вопросам военной экономики он активно участвовал в организации германской экономики для войны. Он разработал детальные планы промышленной мобилизации и координации деятельности промышленности с армией на случай войны. Он был особенно озабочен дефицитом в области сырья и начал проводить в жизнь программу накопления запасов и системы контроля над валютой, которая была предназначена к тому, чтобы помешать слабости положения Германии в области иностранной валюты, препятствовавшей приобретению за границей сырьевых материалов, необходимых для перевооружения. 3 мая 1935 г. он послал меморандум Гитлеру, в котором говорилось, что «выполнение программы вооружения в количественном отношении и в наикратчайший срок является задачей германской политики, и поэтому все остальное должно быть подчинено этой цели».

В апреле 1936 года Шахт начал терять свое влияние в качестве центральной фигуры в области германского перевооружения, когда Геринг был назначен на пост уполномоченного по

координации вопросов сырья и иностранной валюты. Геринг выступал за очень широкую программу производства синтетического сырья, против которой Шахт возражал на том основании, что вызванное этой политикой финансовое напряжение может привести к инфляции. Влияние Шахта далее уменьшилось, когда 16 октября 1936 г. Геринг был назначен чрезвычайным уполномоченным по вопросам четырехлетнего плана с заданием «привести всю экономику в состояние готовности к войне в течение четырех лет».

Шахт протестовал против объявления этого плана и назначения Геринга на пост руководителя по проведению этого плана, и совершенно ясно, что предпринятый Гитлером шаг означал решение, что экономическая политика Шахта была слишком консервативной для решительной программы перевооружения, которую Гитлер хотел провести в жизнь.

После назначения Геринга Шахт и Геринг часто вступали в многочисленные споры. Хотя в этих спорах имелся и элемент личных разногласий, Шахт был не согласен с Герингом по некоторым основным политическим вопросам. Шахт, исходя из финансовых соображений, выступал за сокращение программы перевооружения, возражал против предполагавшегося расширения производственных возможностей, считая это неэкономным, в особенности в области синтетического производства, и настаивал на решительном сокращении государственного кредита и на осторожной политике в области германских запасов иностранной валюты.

В результате этих споров и жестокого спора, в котором Гитлер обвинял Шахта в срыве его планов с помощью финансовых методов, Шахт 5 сентября 1937 г. ушел в отпуск из министерства экономики, а 16 ноября 1937 г. вышел в отставку с поста чрезвычайного министра экономики и уполномоченного по вопросам военной экономики.

В качестве президента рейхсбанка Шахт все еще вступал в разногласия. На протяжении 1938 года рейхсбанк продолжал выполнять функцию финансового агента германского правительства и выпускал долгосрочные займы для финансирования вооружения. Однако 31 марта 1938 г. Шахт прекратил практику выпуска краткосрочных векселей, гарантированных рейхсбанком, на расходы по вооружению. В конце 1938 года, пытаясь получить контроль над фискальной политикой через рейхсбанк, Шахт отказался выполнить срочное требование имперского министра финансов на специальные кредиты для выплаты заработной платы государственным служащим, которая не могла быть покрыта за счет существующих фондов. 2 января 1939 г. Шахт совещался с Гитлером и во время этого совещания убеждал его сократить расходы на вооружение. 7 января 1939 г. Шахт

представил Гитлеру отчет, подписанный правлением рейхсбанка, в котором настоятельно требовал решительного сокращения расходов на вооружение и создания сбалансированного бюджета в качестве единственного средства для предотвращения инфляции. 19 января Гитлер освободил Шахта с поста президента рейхсбанка. 22 января 1943 г. Гитлер освободил Шахта с поста министра без портфеля в связи со «всей его линией поведения во время решительной борьбы, которую вел немецкий народ». 23 июля 1944 г. Шахт был арестован гестапо и заключен в концентрационный лагерь, в котором он находился до конца войны.

Совершенно ясно, что Шахт был центральной фигурой в германской программе перевооружения и что предпринятые им шаги, в особенности в первые дни нацистского режима, дали нацистской Германии возможность быстро стать военной державой. Но перевооружение, как таковое, не является преступным актом в соответствии с Уставом. Для того чтобы оно явилось преступлением против мира, как оно предусматривается статьей 6 Устава, должно быть доказано, что Шахт проводил это перевооружение как часть нацистского плана для ведения агрессивных войн.

Шахт утверждал, что он принимал участие в программе перевооружения лишь потому, что хотел создать сильную и независимую Германию, которая могла бы проводить внешнюю политику, способную завоевать ей уважение и равное положение с другими европейскими странами; он утверждал, что, когда он обнаружил, что нацисты перевооружаются с агрессивными целями, он пытался замедлить темпы перевооружения, а также, что после отставки фон Фрича и фон Бломберга он принимал участие в заговоре, направленном на то, чтобы избавиться от Гитлера сначала путем смещения его, а позднее и путем убийства.

Уже в 1936 году Шахт начал выступать за сокращение программы перевооружения по финансовым соображениям. Если бы политика, за которую он выступал, была проведена в жизнь, Германия не была бы подготовлена к общеевропейской войне. Его настойчивые попытки провести эту политику привели впоследствии к его отставке со всех постов, имевших экономическое значение для Германии. С другой стороны, Шахт, будучи прекрасно осведомленным в германских финансах, находился в особенно выгодном положении для того, чтобы понять подлинный смысл сумасшедшего перевооружения, которое проводил Гитлер, и осознать, что принятая экономическая политика могла иметь своей целью только войну.

Более того, Шахт продолжал участвовать в германской экономической жизни и даже, в меньшей степени, — в некоторых из

ранних нацистских агрессий. Перед оккупацией Австрии он установил обменный курс марки и шиллинга. После оккупации Австрии он организовал включение Австрийского национального банка в систему имперского банка и произнес горячую пронацистскую речь, в которой заявил, что рейхсбанк останется нацистским до тех пор, пока он с ним будет связан, восхвалял Гитлера и защищал оккупацию Австрии, осмеивая возражения против того, как она была проведена, и закончил свою речь возгласом: «Нашему фюреру, троекратное зиг-хайль». Он не оспаривал, что эта речь являлась выражением его взглядов в тот период.

После оккупации Судетской области он организовал валютную конверсию и включение в рейхсбанк местных эмиссионных чешских банков. 29 ноября 1938 г. он произнес речь, в которой с гордостью ссылаясь на свою экономическую политику, которая обеспечила высокий уровень германского вооружения, и добавил, что это вооружение сделало возможной германскую внешнюю политику.

Шахт не был причастен к планированию ни одной из агрессивных войн, которые инкриминируются разделом вторым. Его участие в оккупации Австрии и Судетской области (ни одно из этих действий не вменяется в вину как агрессивная война) было столь ограниченным, что оно не является участием в общем плане, инкриминируемом в разделе первом. Он, несомненно, не принадлежал к кругу приближенных Гитлера, который был очень тесно связан с общим планом. Он рассматривался этой группой с нескрываемой враждебностью. Показания Шпеера указывают на то, что арест Шахта 23 июля 1944 г. в той же мере основывался на враждебности Гитлера к Шахту, выросшей из его поведения до войны, как и из подозрений в его причастности к покушению. Поэтому обвинение против Шахта покоится на предположении, что Шахт фактически был осведомлен о нацистских агрессивных планах.

По этому важнейшему вопросу были представлены доказательства обвинением и значительное количество доказательств — защитой. Трибунал рассмотрел с величайшим вниманием все эти доказательства и пришел к заключению, что представленные доказательства не позволяют с несомненностью прийти к указанному выше выводу.

Заключение

Трибунал признает Шахта невиновным в преступлениях, перечисленных в Обвинительном заключении, и предлагает команданту Суда освободить его из-под стражи после перерыва в заседании Трибунала.

Дениц

Дениц обвиняется по разделам первому, второму и третьему Обвинительного заключения. Будучи офицером с 1918 года, в 1935 году он стал командующим первой флотилией подводных лодок, в 1936 году он стал командующим подводным флотом, в 1940 году получил чин вице-адмирала, в 1942 году — адмирала и 30 января 1943 г. стал главнокомандующим германским военно-морским флотом. 1 мая 1945 г. он сменил Гитлера на посту главы государства.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Хотя Дениц создал и обучил германский подводный флот, доказательства не устанавливают его причастности к заговору для ведения агрессивных войн или факта его участия в подготовке и развязывании таких войн. Он был кадровым офицером, занимавшимся исключительно тактическими вопросами. Он не присутствовал на важных совещаниях, на которых объявлялись планы агрессивных войн, и нет доказательств того, что он был осведомлен относительно решений, принятых на этих совещаниях. Однако Дениц вел агрессивную войну в том смысле, как это определено в Уставе. Ведение подводной войны, которая началась немедленно после начала военных действий, было полностью координировано с действиями остальных составных частей вооруженных сил. Совершенно ясно, что его подводные лодки, в то время немногочисленные, были полностью подготовлены для ведения войны.

Правильно, что до его назначения в январе 1943 года главнокомандующим, он не был командующим (обербефельсхабер). Однако такого рода утверждение недооценивает значения поста, который занимал Дениц. Он не был просто командующим армией или командиром дивизии. Подводный флот был важнейшей частью германского флота, а Дениц был его руководителем.

В первые годы войны надводный флот совершил немного рейдов, хотя они и были эффективными, а основной ущерб противнику был нанесен почти исключительно подводными лодками Деница, как об этом свидетельствуют факты потопления кораблей союзных и нейтральных стран, общим водоизмещением в миллионы тонн. Этими военными операциями ведал исключительно Дениц. Командование военно-морскими силами оставляло за собой право решать, сколько подводных лодок должно действовать в каждом отдельном секторе. При вторжении в Норвегию, например, он в октябре 1939 года составил предложения в отношении баз для подводного флота; он

утверждает, что эти предложения были лишь штабной разработкой; в марте 1940 года он составил оперативные приказы для поддержки операций подводных лодок, как об этом говорилось выше в настоящем приговоре.

Тот факт, что роль Деница в германских военных усилиях рассматривалась таким образом, красноречиво доказывается тем, что Редер рекомендовал Деница в качестве своего преемника, а также тем, что Гитлер 30 января 1943 г. назначил его главнокомандующим военно-морским флотом. Гитлер также знал, что подводная война являлась существенной частью германской морской войны.

Начиная с января 1943 года, Гитлер почти непрерывно консультировался с Деницем. Есть доказательства того, что они совещались по морским вопросам примерно 120 раз в течение войны.

Уже в апреле 1945 года, когда, как признает Дениц, он знал, что борьба стала безнадежной, он в качестве главнокомандующего убеждал личный состав флота продолжать борьбу. 1 мая 1945 г. он стал главой государства и в качестве такового приказал вооруженным силам продолжать войну на Востоке, закончившуюся капитуляцией 9 мая 1945 г. Дениц объяснил, что он издал такие приказы для того, чтобы обеспечить для германского гражданского населения возможность эвакуации, а для армии — возможность упорядоченного отступления с Востока.

По мнению Трибунала, доказательства устанавливают, что Дениц активно участвовал в ведении агрессивной войны.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Деницу инкриминируется ведение неограниченной подводной войны в нарушение Морского Протокола 1936 года, к которому присоединилась Германия и который вновь подтверждал правила ведения подводной войны, изложенные в Лондонском морском соглашении 1930 года.

Обвинение утверждает, что 3 сентября 1939 г. германский подводный флот начал вести неограниченную подводную войну в отношении всех торговых судов как вражеских, так и нейтральных, цинично пренебрегая правилами Протокола; оно также утверждало, что сознательно предпринимались усилия в течение всей войны скрыть этот факт лицемерными ссылками на международное право и нарушения его, якобы совершавшиеся союзниками.

Дениц настаивает на том, что в течение всего времени военно-морской флот соблюдал ограничения международного права и Протокола. Он показал, что, когда война началась, руководством для ведения подводной войны был принятый Германией

порядок взятия призов, почти буквально заимствованный из Протокола, что, следуя принятой в Германии точке зрения, он приказал подводным лодкам атаковать все торговые суда в караванах и все те суда, которые отказывались остановиться или использовали радиосигнализацию при появлении подводной лодки.

Когда полученные им отчеты показывали, что британские торговые суда использовались для передачи информации по радио, вооружались и нападали на подводные лодки при их появлении, он приказал своим подводным лодкам 17 октября 1939 г. нападать на все вражеские торговые суда без предупреждения на том основании, что ожидалось сопротивление с их стороны. Уже 21 сентября 1939 г. были изданы приказы о нападении на все суда, в том числе нейтральные, плавающие ночью без огней в Английском канале.

24 ноября 1939 г. германское правительство издало предупреждение нейтральным судам о том, что в связи с частыми стычками, происходящими у берегов Британии и у французского побережья между подводными лодками и союзными торговыми судами, которые были вооружены и имели инструкции применять оружие, а также таранить подводные лодки, безопасность нейтральных судов в этих водах не может быть более гарантирована.

1 января 1940 г. командование германского подводного флота, действуя по указаниям Гитлера, приказало подводным лодкам атаковать все греческие торговые суда в зоне вокруг Британских островов, которая была по распоряжению правительства Соединенных Штатов запрещенной для их судов, а также торговые суда всех национальностей в запретной зоне Бристольского канала. Через пять дней после этого был издан еще один приказ по подводному флоту о «немедленном и неограниченном применении оружия против всех судов» в одном из районов Северного моря, границы которого были указаны.

Наконец, 18 января 1940 г. подводные лодки получили право топить без предупреждения все суда «в тех водах у вражеского побережья, в отношении которых можно сослаться на то, что они были минированы». Следовало делать исключение лишь для судов Соединенных Штатов, итальянских судов, японских судов и судов советского флота.

Вскоре после начала войны британское адмиралтейство в соответствии с руководством и инструкциями торговому флоту от 1938 года вооружило все торговые суда, во многих случаях выделило для сопровождения их вооруженный конвой и дало приказания о передаче оперативных донесений в случае появления подводных лодок, включив, таким образом, торговые суда в систему сигнализации военно-морской разведки. 1 октября 1939 г.

британское адмиралтейство объявило, что британские торговые суда получили указание таранить подводные лодки, когда это возможно.

Рассматривая конкретные обстоятельства данного дела, Трибунал не намерен считать Деница виновным в ведении подводной войны против вооруженных британских торговых судов.

Однако объявление зон военных действий и потопление нейтральных торговых судов, зашедших в эти зоны, представляет иную проблему. Такая практика была принята в войне 1914—1918 гг. Германией и, в порядке контрмеры, — Великобританией. Вашингтонская конференция 1922 года, Лондонское морское соглашение 1930 года и Протокол от 1936 года были подписаны с полным сознанием того, что такие зоны были введены в той войне. Однако Протокол не делал исключения для зон военных действий. Приказ Деница топить нейтральные суда без предупреждения в том случае, если они будут находиться в пределах этих зон, по мнению Трибунала, является поэтому нарушением Протокола.

Утверждается также, что германский подводный флот не только не выполнял правил о предупреждении и спасении утопающих, содержащихся в Протоколе, но и что Дениц преднамеренно приказал убивать людей, спасшихся после потопления судов, независимо от того, были ли они вражескими или нейтральными. Обвинение представило множество доказательств в связи с двумя приказами Деница — оперативным приказом № 154, изданным в 1939 году, и так называемым приказом «Лакония» от 1942 года.

Защита утверждает, что эти приказы и подтверждающие их доказательства не доказывают существования такой политики, и представила много доказательств, свидетельствующих об обратном. Трибунал придерживается мнения, что доказательства не устанавливают с несомненностью, требуемой в данном случае, того факта, что Дениц намеренно приказал убивать людей, спасшихся с потопленных судов. Приказы были, несомненно, двусмысленными и заслуживают серьезнейшего осуждения.

Доказательства далее устанавливают, что правила о спасении утопающих не выполнялись Германией и что подсудимый приказал не выполнять их. Утверждение защиты сводится к тому, что безопасность подводной лодки — что является основным правилом на море — стоит выше, чем спасение людей, и что развитие воздушного флота сделало спасательные операции невозможными. Это, возможно, и правильно, но Протокол весьма точен в формулировках. Если командир не может проводить спасательных операций, он в соответствии с усло-

виями Протокола не может топить торговое судно и должен дать ему возможность безопасно пройти перед перископом. В таком случае эти приказы доказывают, что Дениц виновен в нарушении Протокола.

Учитывая все доказанные факты и в особенности приказ британского адмиралтейства, объявленный 8 мая 1940 г., о том, что все суда, появившиеся в Скагерраке ночью, должны быть потоплены, а также ответы адмирала Нимица на опросный лист, которые гласят, что Соединенные Штаты вели в Тихом океане неограниченную морскую войну с первого дня вступления этого государства в войну, мера наказания Деницу не определяется на основании нарушения им международного права в области подводной войны.

Деницу также инкриминировалась ответственность за приказ Гитлера относительно «командос» от 18 октября 1942 г. Дениц признал, что он получил этот приказ и знал о нем, когда был командующим подводным флотом, однако он отрицал свою ответственность. Он указывал, что в приказе было точно сформулировано, что он не распространяется на лиц, захваченных в ходе морской войны, что у флота не было морской пехоты и что командиры подводных лодок не имели возможности столкнуться с «командос».

В одном случае, когда он был главнокомандующим военноморским флотом, в 1943 году, команда союзного торпедного катера была захвачена германскими военно-морскими силами. Команда была допрошена в разведывательных целях по поручению адмирала, командовавшего этими судами, и затем по его приказу передана в СД и расстреляна. Дениц заявил, что, если бы эти лица были захвачены флотом, их расстрел явился бы нарушением приказа о «командос», что сообщения о казни в оперативной сводке вооруженных сил не было и что его никогда не информировали об этом случае. Он подчеркнул, что адмирал, о котором шла речь, не подчинялся ему по команде, а был подчиненным армейского генерала, руководившего операциями по оккупации Норвегии. Однако Дениц оставил этот приказ в силе, когда он стал главнокомандующим, и в такой степени он несет за него ответственность.

Дениц на совещании 11 декабря 1944 г. сказал: «12 тысяч заключенных концентрационных лагерей будут использованы в доках в качестве вспомогательной рабочей силы». В этот период строительство судов не входило в сферу его юрисдикции, и он утверждает, что это было лишь предложение, сделанное им на совещании, о том, чтобы руководящий офицерский состав содействовал строительству судов, что он не предпринимал никаких шагов, чтобы получить этих рабочих, поскольку этот вопрос не входил в его ведение, и не знает, были ли они вообще

когда-нибудь получены. Он признает, что знал о существовании концентрационных лагерей. Человек, занимавший его положение, должен был обязательно знать о том, что большое количество жителей оккупированных стран подвергалось заключению в концентрационные лагеря.

В 1945 году Гитлер запросил мнение Иодля и Деница относительно того, следует ли отказаться от Женевской Конвенции. Заметки о совещании между двумя военными руководителями 20 февраля 1945 г. показывают, что Дениц высказал свою точку зрения, сводившуюся к тому, что недостатки такой меры перевесят ее преимущества. Резюме мнения Деница, содержащееся в заметках, сделанных одним из офицеров, содержит следующую фразу:

«Будет лучше проводить меры, которые мы сочтем необходимыми, без предупреждения, и любой ценой сохранить репутацию в глазах внешнего мира».

Обвинение настаивало на том, что «меры», о которых здесь говорится, означали, что от Конвенции не следует отказываться, но что ее следует нарушать по усмотрению. Защита объясняет, что Гитлер хотел нарушить Конвенцию по двум причинам: лишить германские войска защиты Конвенции, тем самым предотвращая дальнейшие попытки сдаваться большими группами в плен британцам и американцам, а также дать возможность проводить репрессалии против союзных военнопленных в качестве контрмеры против бомбардировок союзников. Дениц утверждает, что под словом «меры» он понимал дисциплинарные меры против германских войск с тем, чтобы предотвратить их сдачу в плен, и не имел в виду мер против союзников; он утверждает, что это было всего лишь предложение и что в любом случае никакие меры такого рода никогда не предпринимались ни против союзников, ни против немцев. Трибунал, однако, не считает это объяснение правдивым. Германия все же не отказалась от соблюдения Женевской Конвенции. Защита представила несколько письменных показаний для того, чтобы доказать, что британские военнопленные из числа личного состава флота в лагерях для военнопленных, входящих в сферу юрисдикции Деница, подвергались обращению в строгом соответствии с Конвенцией, и Трибунал принимает этот факт во внимание и рассматривает его как смягчающее вину обстоятельство.

Заключение

Трибунал признает Деница невиновным по разделу первому Обвинительного заключения и виновным по разделам второму и третьему.

Редер

Редер обвиняется по разделам первому, второму и третьему Обвинительного заключения. В 1928 году он стал начальником главного морского штаба и в 1935 году — командующим военно-морскими силами (ОКМ); в 1939 году Гитлер произвел его в звание гроссадмирала. Он являлся членом имперского совета обороны. 30 января 1943 г. по его собственной просьбе его сменил Дениц, а он стал адмирал-инспектором военно-морского флота без занятия какой-либо должности.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

За 15 лет, в течение которых Редер командовал германским военно-морским флотом, он строил его и руководил его операциями; он принимает на себя полную ответственность за военно-морской флот до момента своей отставки, последовавшей в 1943 году. Он признает, что военно-морской флот нарушал Версальский договор, и настаивает на том, что «поступать таким образом было делом чести каждого моряка»; он утверждает, что нарушения были большей частью незначительными и что Германия построила меньше, чем ей было разрешено. Эти нарушения, также как и нарушения англо-германского морского соглашения от 1935 года, уже обсуждались ранее в этом приговоре.

Редер получил директиву от 24 июня 1937 г. от Бломберга о специальной подготовке к войне против Австрии. Он был одним из пяти руководителей, участвовавших на «совещании Госсбаха» 5 ноября 1937 г. Он заявлял, что Гитлер созывом этого совещания хотел лишь побудить армию к тому, чтобы ускорить темпы перевооружения, и настаивает на том, что он верил, что австрийский и чехословацкий вопросы будут разрешены мирным путем, как это и случилось, и указывает на то, что подписанное новое морское соглашение с Англией. Он не получал никаких приказов об ускорении темпов строительства подводных лодок, что указывало на то, что Гитлер не планировал войны.

Редер получал директивы о «плане Грюн» и «плане Вейс», начиная с директивы от 3 апреля 1939 г.; последняя предлагала военно-морскому флоту поддержать армию путем высадки с моря. Он также был одним из немногих главных руководителей, которые присутствовали на совещании 23 мая 1939 г. Он присутствовал на инструктивном совещании в Оберзальцберге 22 августа 1939 г.

Идея вторжения в Норвегию впервые возникла у Редера, а не у Гитлера. Несмотря на желание Гитлера обеспечить

нейтралитет Скандинавии, что подтверждается его директивой от октября 1939 года, еще в октябре в военно-морском флоте изучались преимущества, предоставляемые наличием военно-морских баз в Скандинавии. Первоначально адмирал Карлс указал Редеру на преимущества, вытекающие из получения баз в Норвегии. В главном морском штабе был циркулярно разослан вопросник, датированный 3 октября 1939 г., в котором предлагалось высказать соображения по поводу желательности приобретения таких баз. 10 октября Редер обсуждал этот вопрос с Гитлером; запись, сделанная в этот день в его «дневнике боевых действий», гласит, что Гитлер намеревался «рассмотреть этот вопрос». Несколько месяцев спустя Гитлер беседовал с Редером, Квислингом, Кейтелем и Иодлем; ОКВ начало составление планов, и военно-морской оперативный штаб работал совместно с офицерами штаба ОКВ. Редер получил директиву Кейтеля по поводу Норвегии 27 января 1940 г. и последующую директиву от 1 марта за подписью Гитлера.

Редер оправдывает свои действия тем, что этот шаг был предпринят с целью предупредить действия англичан. Нет необходимости снова подвергать обсуждению этот защитительный довод, который довольно подробно рассматривался ранее, когда был сделан вывод, что вторжение Германии в Норвегию и Данию являлось агрессивной войной. В письменном обращении к личному составу военно-морского флота Редер заявил: «Операции военно-морского флота при оккупации Норвегии навсегда останутся великим вкладом военно-морского флота в эту войну».

Редер получал директивы, в том числе указания о бесчисленных отсрочках в отношении нападения на Западе. На совещании 18 марта 1941 г., на котором присутствовал Гитлер, он призывал к оккупации всей Греции. Он заявляет, что это произошло только после того, как англичане произвели высадку и Гитлер отдал приказ о наступлении, и указывает, что военно-морской флот не был заинтересован в Греции. Он получил директиву Гитлера в отношении Югославии.

Редер пытался отговорить Гитлера от намерения предпринять нападение на Советский Союз. В сентябре 1940 года он настойчиво предлагал Гитлеру агрессивную политику в Средиземном море вместо нападения на Россию. 14 ноября 1940 г. он призывал к войне против Англии — «нашего главного врага» — и к продолжению строительства подводных лодок и воздушных сил военно-морского флота. Он выдвинул «серьезные возражения против русской кампании до поражения Англии», согласно записям в делах германского морского оперативного штаба. Он заявляет, что его возражения были основаны на том, что это является нарушением пакта о ненападении, а также на сообра-

жениях стратегического характера. Но как только это решение было принято, он дал разрешение, за шесть дней до начала вторжения в Советский Союз, атаковать русские подводные лодки в специально указанном районе Балтийского моря и оправдывает эти действия тем, что они пытались «разведать», какие маневры на море предпринимали немцы. Из этих доказательств явствует, что Редер принимал участие в планировании и ведении агрессивной войны.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Редер обвиняется в военных преступлениях, совершенных в открытом море. 3 сентября 1939 г. был потоплен невооруженный британский пассажирский пароход «Атения», направлявшийся в Америку. Два месяца спустя немцы обвинили господина Черчилля в преднамеренном потоплении «Атении» с тем, чтобы возбудить враждебность американцев против Англии. В действительности этот корабль был потоплен германской подводной лодкой U-30. Редер заявляет, что командир этой подводной лодки потопил этот корабль по ошибке, приняв его по своей неопытности за вспомогательный крейсер, и что этот факт стал известен лишь по возвращении подводной лодки из плавания через несколько недель после опровержения его Германией и что Гитлер затем дал указание военно-морскому флоту и министерству иностранных дел продолжать отрицание этого факта. Редер отрицает, что он что-либо знал о пропагандистской кампании, направленной против господина Черчилля.

Наиболее серьезным обвинением против Редера является то, что он проводил неограниченную подводную войну, включая сюда потопление невооруженных торговых судов, судов нейтральных государств и не принимал мер к спасению лиц, уцелевших после потопления кораблей, допуская расстрел их из пулеметов, что противоречит условиям Лондонского соглашения от 1936 года. В отношении этого обвинения против Редера, охватывающего период до 30 января 1943 г., то есть до момента отставки Редера, Трибунал приходит к тому же заключению, к какому он пришел в отношении Деница, о котором уже говорилось.

Приказ о «командос» от 18 октября 1942 г., который не имел прямого отношения к ведению войны на море, был передан через посредство военно-морского оперативного штаба нижестоящим военно-морским начальникам с указанием о том, что командующие флотилиями и командиры соединений кораблей должны устно довести его до сведения своих подчиненных. Именно моряками военно-морского флота, а не СД 10 декабря 1942 г. были казнены два человека из состава отрядов «командос»

в Бордо. Военно-морской оперативный штаб ответил по этому поводу, что это было сделано «в соответствии со специальным приказом фюрера, но тем не менее является чем-то новым в международном праве, поскольку солдаты были одеты в военную форму». Редер признает, что он передал этот приказ по команде своим подчиненным и не высказал Гитлеру никаких возражений.

Заключение

Трибунал признает Редера виновным по разделам первому, второму и третьему Обвинительного заключения.

Фон Ширах

Фон Ширах обвиняется по разделам первому и четвертому Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию и СА в 1925 году. В 1929 году он стал руководителем национал-социалистского студенческого союза. В 1931 году его назначили имперским руководителем молодежи нацистской партии, причем под его контролем были все нацистские юношеские организации, включая организацию «гитлеровской молодежи». В 1933 году после того как нацисты взяли в свои руки контроль над правительством, фон Ширах был назначен руководителем молодежи в Германской империи; первоначально это был пост в министерстве внутренних дел, а после 1 декабря 1936 г. он перешел в ведение имперского кабинета. В 1940 году фон Ширах ушел с поста руководителя «гитлеровской молодежи» и руководителя молодежи Германской империи, но сохранил свое положение рейхслейтера, предусматривавшее контроль над воспитанием молодежи. В 1940 году он был назначен гаулейтером Вены, имперским заместителем Вены и уполномоченным по обороне империи на данной территории.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

После того как нацисты захватили власть, фон Ширах, используя физическое насилие и легальный нажим, уничтожал или брал под свой контроль все молодежные группы, которые прежде соперничали с «гитлеровской молодежью». Согласно приказу Гитлера от 1 декабря 1936 г. вся молодежь Германии была включена в организацию «гитлеровской молодежи». К тому времени, когда в 1940 году была официально введена мобилизация в эту организацию, 97 процентов подлежащей мобилизации молодежи были уже членами организации.

Фон Ширах использовал «гитлеровскую молодежь» для воспитания немецкой молодежи «в духе национал-социализма» и

проводил в ее рядах широкую программу нацистской пропаганды. Он сделал «гитлеровскую молодежь» источником пополнения организаций нацистской партии. В октябре 1936 года он вошел в соглашение с Гиммлером, в соответствии с которым члены «гитлеровской молодежи», отвечавшие требованиям, установленным СС, рассматривались как главный источник пополнения рядов СС.

Фон Ширах также использовал «гитлеровскую молодежь» для допризывной подготовки. Были организованы специальные подразделения, главной целью которых была подготовка специалистов для различных родов войск. 11 августа 1939 г. он вошел в соглашение с Кейтелем, по которому «гитлеровская молодежь» обязалась проводить свою допризывную подготовку в соответствии с требованиями, установленными в вооруженных силах, а армия взяла на себя обязательство ежегодно подготавливать 30 тысяч инструкторов для «гитлеровской молодежи». «Гитлеровская молодежь» уделяла особенно большое внимание воспитанию боевого духа, ее программа военного обучения подчеркивала важность возвращения колоний, необходимость «жизненного пространства» и «благородное» предназначение германской молодежи — умереть за Гитлера.

Однако, несмотря на такой военный характер деятельности «гитлеровской молодежи», нельзя сказать, что фон Ширах был вовлечен в развитие гитлеровского плана территориальной экспансии путем агрессивной войны или что он участвовал в планировании или подготовке какой-либо агрессивной войны.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

В июле 1940 года фон Ширах был назначен гаулейтером Вены. В то же самое время он был назначен имперским заместителем Вены и имперским уполномоченным по обороне сначала 17-го военного округа, включая гау Вены, Верхнего Дуная и Нижнего Дуная, а после 17 февраля 1942 г. только гау Вены. Будучи имперским уполномоченным по обороне, он контролировал гражданскую экономику военного времени. Занимая пост имперского заместителя, он являлся главой муниципальной администрации города Вены и под руководством министра внутренних дел ведал правительственной администрацией рейха в Вене.

Фон Ширах не обвиняется в совершении военных преступлений в Вене, а только в совершении преступлений против человечности. Как это явствует из сказанного выше, Австрия была оккупирована согласно общему плану агрессии. Ее оккупация, следовательно, представляет собой преступление, подлежащее юрисдикции Трибунала, как это определяется статьей 6 Устава.

Поэтому «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости» и «преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам» в связи с этой оккупацией представляют собой преступления против человечности в соответствии с этой статьей.

Поскольку фон Ширах был гаулейтером Вены, на него распространялось действие декрета Заукеля, датированного 6 апреля 1942 г., согласно которому гаулейтеры назначались уполномоченными Заукеля по набору рабочей силы и получали полномочия контролировать использование рабочих и обращение с ними в пределах своих гау. В соответствии с директивами Заукеля лица, используемые на принудительных работах, должны были получать такое питание, кров и обращение, при котором была бы возможна их наибольшая эксплуатация при наименьших затратах.

Когда фон Ширах стал гаулейтером Вены, высылка евреев уже началась, и в Вене осталось лишь 60 тысяч евреев из прежних 190 тысяч. 2 октября 1940 г. фон Ширах присутствовал на совещании у Гитлера, где он сказал Франку, что у него в Вене имеется 60 тысяч евреев, которых генерал-губернаторство должно будет забрать у него. 3 декабря 1940 г. фон Ширах получил письмо от Ламмерса, в котором говорилось, что после докладов фон Шираха Гитлер решил из-за недостатка жилых помещений в Вене выслать в генерал-губернаторство 60 тысяч евреев, все еще остававшихся в ней. Тогда и началась высылка евреев из Вены, которая продолжалась до начала осени 1942 года. 15 сентября 1942 г. фон Ширах в своей речи оправдывал произведенную по его распоряжению высылку «многих десятков тысяч евреев в гетто на Восток», оценивая эту меру «как вклад в европейскую культуру».

В то время как евреев высылали из Вены, канцелярия фон Шираха получала доклады, адресованные ему по служебной линии от начальника полиции безопасности и СД, которые содержали описание деятельности эйнзатцгрупп по уничтожению евреев. На многих из этих докладов стояли инициалы одного из главных заместителей фон Шираха. 30 июня 1944 г. в канцелярии фон Шираха также было получено письмо от Кальтенбруннера, в котором последний информировал фон Шираха о том, что 12 тысяч евреев уже находятся на пути в Вену для использования их на важных работах военного значения и что все те, которые окажутся непригодными для работы, должны быть подготовлены для «специального обращения».

Трибунал находит, что фон Ширах, хотя он не был инициатором политики высылки евреев из Вены, участвовал в этой высылке после того, как он стал гаулейтером Вены. Он знал, что

самое большое, на что евреи могли надеяться, было жалкое существование в гетто на Востоке. Бюллетени, описывающие уничтожение евреев, имелись в его канцелярии.

Будучи гаулейтером Вены, фон Ширах продолжал выполнять обязанности рейхслейтера по воспитанию молодежи, и, как таковой, он был информирован об участии «гитлеровской молодежи» в плане, осуществленном осенью 1944 года, согласно которому 50 тысяч молодых людей в возрасте от 10 до 20 лет были эвакуированы в Германию из областей, вновь отвоеванных советскими войсками, и использовались как ученики в германской промышленности и на вспомогательных работах в соединениях германских вооруженных сил. Летом 1942 года фон Ширах телеграфировал Борману и настаивал на том, чтобы английский культурный центр был подвергнут бомбардировке в качестве ответной меры за убийство Гейдриха, организованное, по утверждению Шираха, англичанами.

Заключение

Трибунал признает фон Шираха невиновным по разделу первому Обвинительного заключения и виновным по разделу четвертому.

Заукель

Заукель обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Заукель вступил в нацистскую партию в 1923 году и стал гаулейтером Тюрингии в 1927 году. Он был членом Тюрингского ландтага с 1927 года по 1933 год, был назначен имперским наместником в Тюрингии в 1932 году и тюрингским министром внутренних дел и премьер-министром Тюрингии в мае 1933 года. Он стал депутатом рейхстага в 1933 году. Он имел формальное звание обергруппенфюрера как СС, так и СА.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Доказательства не убедили Трибунал в том, что имя Заукеля в достаточной степени связано с общим планом для ведения агрессивной войны или что он был в достаточной степени причастен к планированию и ведению какой-либо из агрессивных войн для того, чтобы дать Трибуналу основания считать его виновным по разделам первому или второму Обвинительного заключения.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

21 марта 1942 г. Гитлер назначил Заукеля генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы с полномочиями подчинить унифицированному контролю «использование всей наличной рабочей силы, включая иностранных рабочих и военнопленных». Заукель получил указания вести деятельность в рамках управления по четырехлетнему плану, и 27 марта 1942 г. Геринг в качестве уполномоченного по четырехлетнему плану издал декрет о передаче всех подчинявшихся ему отделов по использованию рабочей силы Заукелю. 30 сентября 1942 г. Гитлер дал Заукелю право назначать уполномоченных в различных оккупированных областях и «принимать все необходимые меры для проведения в жизнь» декрета от 21 марта 1942 г.

Основываясь на полномочиях, данных ему этим декретом, Заукель разработал программу мобилизации всех имевшихся ресурсов рабочей силы для империи.

Одним из важных моментов этой мобилизации была систематическая насильственная эксплуатация ресурсов рабочей силы оккупированных территорий. Вскоре после того как Заукель получил назначение на свой пост, он отдал распоряжение руководящим инстанциям в различных оккупированных областях издать декреты о введении трудовой повинности с отбытием ее в Германии. В соответствии с этими декретами уполномоченные Заукеля, поддерживаемые полицейскими властями оккупированных территорий, набирали и посылали в Германию рабочих, необходимых для выполнения разверсток, данных им Заукелем. Он сам предписывал так называемый «добровольный набор», проводившийся целой сворой агентов мужского и женского пола, точно таким же образом, как это делалось при обманной вербовке в далеком прошлом. На самом деле добровольная вербовка была скорее исключением, чем правилом, как об этом свидетельствует заявление Заукеля от 1 марта 1944 г. о том, что «из 5 миллионов иностранных рабочих, прибывших в Германию, даже 200 тысяч не прибыло туда добровольно». Несмотря на то, что он сейчас утверждает, что это заявление неправильно, обстоятельства, при которых оно было сделано, так же, как и доказательства, представленные Трибуналу, не оставляют никакого сомнения в том, что оно по существу было правильным.

Способ, которым несчастных рабочих, угоняемых на рабский труд, отбирали и транспортировали в Германию, и то, что происходило с ними после их прибытия, уже были описаны выше.

Заукель утверждает, что он не несет ответственности за эксцессы, сопровождавшие выполнение программы. Он гово-

рит, что общее количество рабочих, подлежащих набору, устанавливалось на основании потребностей сельского хозяйства и промышленности; ответственность за набор рабочих возлагалась на оккупационные власти, транспортировка их в Германию — на управление железных дорог, а забота о них в Германии — на министерство труда и сельского хозяйства, «германский трудовой фронт» и на различные заинтересованные в этом отрасли промышленности. Он показал, что в той степени, в которой он имел какие-либо полномочия, он всегда требовал гуманного обращения.

Не подлежит сомнению, однако, что Заукель несет полную ответственность за проведение программы рабского труда. В тот период, когда происходили рассматриваемые события, он не преминул учредить свой контроль над теми сферами деятельности, которые, как он сейчас утверждает, входили исключительно в ведение других лиц. Согласно его распоряжениям его уполномоченные были облечены властью набирать рабочих, и он постоянно контролировал меры, которые в то время принимались. Он был осведомлен о безжалостных методах, которые применялись для вербовки рабочих, и энергично поддерживал эти методы на том основании, что они были необходимы для выполнения разверсток.

Распоряжения Заукеля также предусматривали, что он несет ответственность за транспортировку рабочих в Германию, за распределение их по местам работы и за заботу о них и что другие заинтересованные в этих вопросах ведомства подчинялись ему. Его ставили в известность о существовавших тяжелых условиях. Нет никаких данных о том, что, выступая за применение жестокого обращения, он рассматривал его как самоцель или что он выступал за какую-нибудь программу, подобную плану Гимmlера, предусматривавшему истребление путем непосильного труда. Его точка зрения была выражена в распоряжении:

«Всех людей следует кормить, размещать и обращаться с ними таким образом, чтобы эксплуатировать их с наибольшим эффектом при минимально возможных затратах».

Доказательства свидетельствуют о том, что Заукель руководил осуществлением программы, которая предусматривала угон на рабский труд более чем 5 миллионов человек, причем многие из них подвергались при этом жестокостям и терпели величайшие страдания.

Заключение

Трибунал признает Заукеля невиновным по разделам первому и второму Обвинительного заключения и виновным по разделам третьему и четвертому.

Иодль

Иодль обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. С 1935 года по 1938 год он был начальником отдела обороны страны при верховном командовании. После года командования войсками он в августе 1939 года стал начальником штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил. Хотя его непосредственным начальником был подсудимый Кейтель, он докладывал непосредственно Гитлеру по всем оперативным вопросам. В строго военном смысле Иодль фактически планировал войну и является в большой степени ответственным за стратегию и ведение операций.

Иодль строит свою защиту на том, что он был солдатом, давшим клятву в повиновении, а не политиком, и что в связи с его штабной работой и работой по планированию у него не оставалось времени для других вопросов. Он заявляет, что, когда он подписывал приказы, меморандумы и письма или ставил под ними свои инициалы, он делал это вместо Гитлера и часто за Кейтеля, когда тот отсутствовал. Хотя он утверждает, что, будучи солдатом, он должен был подчиняться Гитлеру, он заявляет, что он неоднократно пытался помешать проведению некоторых мер путем промедления, что часто оказывалось успешным, как, например, тогда, когда он противостоял требованию Гитлера об издании директивы о линчевании союзных летчиков-террористов.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Записи в дневнике Иодля от 13 и 14 февраля 1938 г. показывают, что Гитлер инструктировал его и Кейтеля продолжать оказывать начавшееся на совещании с Шушником военное давление на Австрию путем проведения ложных военных маневров и что эти маневры достигли своей цели. Когда Гитлер решил «не допускать» плебисцит Шушника, Иодль представил на совещании «старый проект» — уже существовавший штабной план. Его запись в дневнике от 10 марта показывает, что Гитлер затем приказал готовиться к «операции Отто» и под этой директивой Иодль поставил свои инициалы. 11 марта Иодль издал дополнительные инструкции и в тот же день поставил свои инициалы под приказом Гитлера о вторжении.

Согласно папке Шмундта, Иодль принимал активное участие в планировании нападения на Чехословакию. Он поставил свои инициалы под документами № 14, 17, 24, 36 и 37, содержащимися в папке Шмундта. Иодль признает, что он согласился с ОКХ, что «инцидент», который должен был послу-

жить поводом для вмешательства Германии, должен был произойти не позднее 14 часов в икс день — в день перед нападением, и сказал, что он должен произойти в установленное время при наличии хорошей летной погоды. Иодль совещался с экспертом по пропаганде о «неотложных общих проблемах», — таких, как нарушения Германией международного права, использование этих нарушений врагом и опровержение их Германией. Иодль считал последнюю проблему «особо важной».

После Мюнхена Иодль писал:

«Чехословакия как государство больше не существует. Генерал фюрера и его решимость не остановиться даже перед мировой войной снова завоевали победу без применения силы. Можно надеяться, что скептически настроенные, слабые и сомневающиеся теперь обращены в нашу веру и останутся таковыми».

Вскоре после оккупации Судетской области Иодль занял командную должность и лишь в августе 1939 года стал начальником штаба оперативного руководства ОКВ.

Иодль обсуждал вторжение в Норвегию с Гитлером, Кейтелем и Редером 12 декабря 1939 г. Его дневник полон более поздними записями о его деятельности по подготовке этого нападения. Иодль объясняет, что своим замечанием о том, что Гитлер все еще искал «предлога» для начала операций, он хотел сказать, что Гитлер ожидал надежных разведывательных данных о британских планах, и оправдывает вторжение как необходимый шаг для того, чтобы предотвратить осуществление этих планов. Из его показаний видно, что с октября 1939 года Гитлер планировал нападение на Запад через Бельгию, но колебался в отношении вторжения в Голландию до середины ноября. 8 февраля 1940 г. Иодль, его заместитель Варлимонт и Иешонек, осуществлявшие планирование действий военно-воздушного флота, обсуждали «новую идею» нападения на Норвегию, Данию и Голландию при обеспечении нейтралитета Бельгии. Многие из 17 приказов, откладывавших нападение на Западе до мая 1940 года по различным причинам, в том числе в связи с условиями погоды, были подписаны Иодлем.

Он принимал активное участие в планировании действий против Греции и Югославии. Приказ Гитлера от 11 января 1941 г. об интервенции в Албанию был подписан инициалами Иодля. 20 января, за четыре месяца до нападения, Гитлер заявил на совещании германских и итальянских генералов в присутствии Иодля, что войска, сконцентрированные в Румынии, предназначались для использования против Греции. Иодль был в числе присутствовавших 18 марта, когда

Гитлер сказал Редеру, что вся Греция должна быть оккупирована, прежде чем сможет быть достигнуто какое-либо урегулирование создавшегося положения. 27 марта, когда Гитлер сказал германскому верховному командованию, что разгром Югославии должен быть осуществлен с «безжалостной суровостью» и было принято решение бомбить Белград без объявления войны, он также присутствовал.

Иодль дал показание о том, что Гитлер опасался нападения со стороны России и поэтому напал первым. Эта подготовка началась почти за год до вторжения. Еще 29 июля 1940 г. Иодль предложил Варлимунту подготовить планы, так как Гитлер решил произвести нападение. Позднее Гитлер сообщил Варлимунту, что он планировал начать наступление в августе 1940 года, но по военным соображениям отложил начало этого нападения. Он¹ поставил свои инициалы под директивой Гитлера от 12 ноября 1940 г. о том, что подготовка, приказ о проведении которой был передан устно, должна продолжаться, и также поставил свои инициалы под «планом Барбаросса» 18 декабря. 3 февраля 1941 г. Гитлер, Иодль и Кейтель обсуждали это вторжение, и он присутствовал 14 июня, когда были сделаны окончательные доклады по «плану Барбаросса».

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

18 октября 1942 г. Гитлер издал приказ о «командос», а днем позже дополнительное разъяснение, предназначенное только для командующих. Сопроводительный меморандум был подписан Иодлем. Более ранние проекты приказа были составлены штабом Иодля с его ведома. Иодль дал показание о том, что он усиленно противодействовал этому приказу по мотивам морального и правового характера, но не мог отказать от издания его. Он настаивает на том, что практически он пытался смягчить его жестокость, не информируя Гитлера в тех случаях, когда он не проводился. Он поставил свои инициалы под меморандумом ОКВ от 25 июня 1944 г., подтвердив тем самым еще раз приказ после высадки в Нормандии.

Директива об уничтожении советских комиссаров была изложена в «плане Барбаросса», она предусматривала, что решение о том, подлежат ли они уничтожению без суда, должен был принимать офицер. Проект содержит написанное рукой Иодля предложение о том, что это действие должно явиться ответной мерой; он также показал, что с его стороны это была попытка обойти этот приказ.

¹ Имеется в виду Иодль. — Составители.

Когда в 1945 году Гитлер рассматривал вопрос об отказе от соблюдения правил Женевской Конвенции, Иодль выступил со своим мнением, заявив, что ущерб, который будет нанесен таким действием, перевесит его преимущества; 21 февраля он сказал, что соблюдение Гитлером правил Конвенции несколько не помешает ведению войны, и привел как пример потопление британского госпитального судна в качестве репрессалии, которое было впоследствии объяснено ошибкой. Он заявил, что он сделал так, поскольку это было единственным соображением, которое Гитлер мог принять во внимание, так как моральные или правовые доводы не оказывали на него никакого воздействия, и он также утверждает, что таким образом он предотвратил отказ Гитлера от соблюдения правил Конвенции.

Имеется мало доказательственного материала о том, что Иодль был непосредственно связан с проведением программы рабского труда, и он, очевидно, сосредоточил свое внимание на стратегическом планировании. Но в своей речи 7 ноября 1943 г. гаулейтерам он сказал, что было необходимо действовать «решительно и твердо, ни в чем не раскаиваясь» в Дании, Франции и Нидерландах для того, чтобы обеспечить работу на строительстве Атлантического вала.

Телеграммой от 28 октября 1944 г. Иодль приказал провести эвакуацию всех жителей Северной Норвегии и сжечь их дома с тем, чтобы они не могли оказывать помощь русским. Иодль заявляет, что он был против этой меры, но что таков был приказ Гитлера; он также утверждает, что эта мера не была полностью проведена в жизнь. Документ Норвежского правительства показывает, что такая эвакуация имела место в Северной Норвегии и что 30 тысяч домов были повреждены. 7 октября 1941 г. Иодль подписал приказ о том, что Гитлер не примет предложения о капитуляции со стороны Ленинграда или Москвы, но, наоборот, он настаивал на том, чтобы эти города были полностью уничтожены. Он сказал, что это было сделано потому, что немцы опасались, что эти города могут быть минированы русскими так, как это имело место в Киеве. Никакого предложения о капитуляции никогда не поступало.

По существу его защита строится на доктрине «выполнение приказов сверху», которая в соответствии со статьей 8 Устава не может быть использована как защитительный довод. Смягчающих вину обстоятельств нет. Участие в совершении преступлений, подобных этим, никогда не требовалось ни от какого солдата, и он сейчас не может прикрываться этим мифическим требованием солдатского повиновения при всех условиях в качестве оправдания за совершение этих преступлений.

Заключение

Трибунал признает Иодля виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Фон Папен

Фон Папен обвиняется по первому и второму разделам Обвинительного заключения. 1 июня 1932 г. он был назначен канцлером империи, а 2 декабря 1932 г. его сменил фон Шлейхер. 30 января 1933 г. он был назначен вице-канцлером в кабинете Гитлера и 13 ноября 1933 г. чрезвычайным уполномоченным по вопросам Саара. 26 июля 1934 г. он был назначен посланником в Вену и был отозван оттуда 4 февраля 1938 г. 29 апреля 1939 г. он был назначен послом в Турцию. Он возвратился в Германию, когда Турция порвала дипломатические отношения с Германией, в августе 1944 года.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Фон Папен активно помогал Гитлеру в 1932 и 1933 гг. в формировании коалиционного кабинета и способствовал его назначению канцлером 30 января 1933 г. В качестве вице-канцлера в этом кабинете фон Папен принимал участие в утверждении нацистского контроля в 1933 году; 16 июня 1934 г., однако, фон Папен выступил с речью в Марбурге, которая содержала осуждение нацистских попыток подавить свободную прессу и церковь, осуждение существовавшего господства террора, а также «150% %¹ нацистов», которые принимали «жестокость за жизненную необходимость». 30 июня 1934 г. во время волны жестокостей, сопровождавшей так называемую чистку Рема, фон Папен был арестован органами СС. Аппарат его учреждения также был арестован, а два его помощника, в том числе человек, который помогал ему составить марбургскую речь, были убиты. Фон Папен был освобожден в июле 1934 года. Несмотря на убийство его помощников, фон Папен принял обязанности посланника в Австрии 26 июля 1934 г., через день после того, как был убит Дольфус. Его назначение было объявлено ему письмом Гитлера, в котором ему предлагалось направить взаимоотношения между двумя странами «в нормальное и дружественное русло», и его заверяли «в полном и неограниченном доверии» Гитлера. В качестве посланника в Австрии фон Папен принимал активное участие в по-

¹ Так в оригинале. — Составители.

пытках укрепить позиции нацистской партии в Австрии для того, чтобы добиться аншлюсса. В начале 1935 года он участвовал в совещании в Берлине, на котором был принят политический курс, направленный к тому, чтобы избежать всего, что может создать впечатление о германском вмешательстве во внутренние дела Австрии. Однако он добился ежемесячной дотации в 200 тысяч марок для «мучеников национал-социализма, преследуемых в Австрии». 17 мая 1936 г. он доложил Гитлеру о результатах своего совещания с капитаном Леопольдом, руководителем австрийских нацистов, и настойчиво убеждал Гитлера выступить с заявлением о признании национальной независимости Австрии, предсказывая, что это поможет формированию коалиции против Штаркенберга между христианскими социалистами Шушнига и австрийскими нацистами. 27 июля 1935 г. фон Папен доложил Гитлеру, что союз между Австрией и Германией не может быть осуществлен в результате давления извне, а лишь путем укрепления национал-социалистского движения. Он призывал к тому, чтобы австрийская нацистская партия изменила свой характер и перестав быть централизованной партией германской империи, собрала под свое знамя всех лиц немецкого происхождения.

Фон Папен принимал участие в происходивших время от времени политических демонстрациях нацистов, содействовал распространению нацистской пропаганды и составлял подробные отчеты о деятельности нацистской партии и регулярные доклады о состоянии оборонительных средств Австрии. Проводимая им в Австрии политика привела к соглашению от 11 июля 1936 г., которое номинально восстанавливало взаимоотношения между Германией и Австрией и придавало им «нормальную и дружескую форму», однако соглашение имело секретное приложение, предусматривавшее амнистию австрийским нацистам, снятие цензуры с нацистских газет, возобновление политической деятельности нацистов и назначение людей, дружески настроенных по отношению к нацистам, в кабинет Шушнига.

После подписания этого соглашения фон Папен подал в отставку, но его отставка не была принята. После этого он постоянно продолжал оказывать давление на Австрийское правительство с тем, чтобы добиться введения нацистов в кабинет Шушнига и получить для них влиятельные посты в «Отечественном фронте», единственно легальной партии Австрии. 1 сентября 1936 г. фон Папен писал Гитлеру о том, что антинацисты в австрийском министерстве безопасности препятствовали проникновению нацистов в правительство Австрии, и предлагал придерживаться политики «постоянно нарастающего нажима, направленного к изменению режима».

4 февраля 1938 г. фон Папен был уведомлен, что он отзывается с поста посланника в Австрии; это произошло одновременно со смещением фон Фрича, фон Бломберга и фон Нейрата с занимаемых ими постов. Он выразил Гитлеру сожаления по поводу своего отзыва, ссылаясь на то, что с ноября 1937 года он старался убедить Шушнига встретиться для беседы с Гитлером и Шушниг дал понять, что он согласен на это. Действуя в соответствии с указаниями Гитлера, фон Папен затем возвратился в Австрию и договорился об этой встрече, которая и состоялась в Берхтесгадене 12 февраля 1938 г. Фон Папен сопровождал Шушнига на это совещание и в конце его посоветовал Шушнигу согласиться на требования Гитлера. 10 марта 1938 г. Гитлер приказал фон Папену возвратиться в Берлин. 11 марта фон Папен уже находился в имперской канцелярии, когда был отдан приказ об оккупации Австрии. Не было представлено никаких доказательств того, что фон Папен был за принятие решения оккупировать Австрию силой, но сам он показал, что убеждал Гитлера не делать этого шага.

После аннексии Австрии фон Папен удалился в отставку и перешел на положение частного лица. Нет никаких доказательств того, что он принимал какое-либо участие в политической жизни. Он принял пост посла в Турции в апреле 1939 года, однако не было представлено никаких доказательств того, что его деятельность на этом посту делает его причастным к преступлению.

Доказательства не оставляют никакого сомнения в том, что основной целью фон Папена в качестве посланника в Австрии являлся подрыв режима Шушнига и укрепление позиции австрийских нацистов с тем, чтобы добиться аншлюсса. Для осуществления этого плана он прибегал как к интригам, так и к запугиванию. Но Устав не определяет эти нарушения норм политической морали как преступные действия, какими бы дурными они ни были. Согласно Уставу Папен может считаться виновным только в том случае, если он принимал участие в планировании агрессивной войны. Нет никаких доказательств того, что он был причастен к планам, рассматривавшим оккупацию Австрии как этап на пути к дальнейшим агрессивным действиям, или даже того, что он был причастен к плану оккупации Австрии и при помощи агрессивной войны, если бы в таковой возникла необходимость. Нельзя считать несомненно установленным фактором, что именно это было целью его деятельности. И поэтому Трибунал не может считать, что он принимал участие в общем плане, инкриминируемом в разделе первом, или участвовал в планировании агрессивных войн, как это инкриминируется в разделе втором Обвинительного заключения.

Заключение

Трибунал признает фон Папена невиновным в предъявленных ему обвинениях и предлагает коменданту Суда освободить его из-под стражи после перерыва в заседании Трибунала.

Зейсс-Инкварт

Зейсс-Инкварт обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Зейсс-Инкварт, австрийский адвокат, был назначен государственным советником в Австрии в мае 1937 года в результате нажима со стороны Германии. Он был связан с нацистской партией Австрии начиная с 1931 года, но часто не ладил с партийным руководством и фактически не являлся членом партии до 13 марта 1938 г. Он был назначен австрийским министром безопасности и внутренних дел с правом контроля над полицией в соответствии с одним из условий, навязанных Гитлером Шушнигу на Берхтесгаденском совещании 12 февраля 1938 г.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В АВСТРИИ

Зейсс-Инкварт принимал участие в последних этапах развития нацистских интриг, предшествовавших германской оккупации Австрии, и был выдвинут на пост канцлера Австрии в результате того, что Германия угрожала вторжением.

12 марта 1938 г. Зейсс-Инкварт встретился с Гитлером в Линце и произнес речь, приветствуя вступление германских войск и оправдывая воссоединение Германии и Австрии. 13 марта он добился издания закона, согласно которому Австрия должна была стать провинцией Германии, и сменил Микласа на посту президента Австрии, когда Миклас предпочел отставку подписанию этого закона. Титул Зейсс-Инкварта был заменен новым — титулом имперского наместника Австрии — 15 марта 1938 г., и в этот же день ему было присвоено звание генерала СС. Он был назначен имперским министром без портфеля 1 мая 1939 г.

11 марта 1939 г. он посетил Словацкое правительство в Братиславе и побуждал его объявить свою автономию таким путем, который точно соответствовал бы агрессивным намерениям Гитлера в отношении независимости Чехословакии.

В качестве имперского наместника Австрии Зейсс-Инкварт ввел в действие программу конфискации еврейской собственности. В период его правления евреев заставляли эмигрировать, посылали их в концентрационные лагеря, они являлись

жертвами погромов. В конце своего пребывания у власти он сотрудничал с полицией безопасности и СД по депортации евреев из Австрии на Восток. В то время, когда он являлся наместником Австрии, гестапо направляло в концентрационные лагеря политических противников нацизма, где с ними жестоко обращались и часто убивали.

ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОЛЬШЕ И НИДЕРЛАНДАХ

В сентябре 1939 года Зейсс-Инкварт был назначен начальником гражданской администрации в Южной Польше.

12 октября 1939 г. Зейсс-Инкварт был назначен заместителем генерал-губернатора в польском генерал-губернаторстве и поставлен в непосредственное подчинение Франку. 18 мая 1940 г. Зейсс-Инкварт был назначен имперским уполномоченным по оккупированным Нидерландам. Занимая эти посты, он нес ответственность за управление территорией, которая была оккупирована в результате агрессивных войн и управление которой имело первостепенное значение для успеха агрессивных войн, которые вела в то время Германия. В качестве заместителя генерал-губернатора в генерал-губернаторстве Польши Зейсс-Инкварт поддерживал проводившуюся там жестокую оккупационную политику. В ноябре 1939 года, находясь в инспекционной поездке по генерал-губернаторству, Зейсс-Инкварт заявил, что Польшей следует управлять таким образом, чтобы эксплуатировать ее экономические ресурсы в пользу Германии. Зейсс-Инкварт также выступал за преследование евреев и был информирован о введении в действие акции АВ, в результате чего было убито большое число представителей польской интеллигенции.

Будучи имперским уполномоченным по оккупированным Нидерландам, Зейсс-Инкварт был безжалостен в применении террора для подавления всяческой оппозиции германской оккупации согласно программе, которую он сам описал как «уничтожение» своих противников. В сотрудничестве с высшими местными руководителями СС и полиции он был замешан в расстрелах заложников за преступления, совершенные против оккупационных властей, и в отправке в концентрационные лагеря всех лиц, подозреваемых в противодействии оккупационной политике, в том числе священников и педагогов. Многих сотрудников голландской полиции принуждали принимать участие в этой программе под угрозой репрессий против их семей. Голландские суды также принуждались к участию в проведении этой программы, но когда они выразили свое нежелание выносить приговоры о тюремном заключении, потому что

очень часто заключенных фактически убивали, большое значение было придано использованию полицейских судов.

Зейсс-Инкварт осуществлял управление экономикой Нидерландов, не обращая внимания на правила Гаагской Конвенции, которую он называл устаревшей. Вместо этого он проводил политику, направленную на максимальное использование экономического потенциала Нидерландов, мало обращая внимания на то, как это отражалось на населении. Было широко распространено разграбление общественной и частной собственности, причем этому была придана видимость законности указаниями Зейсс-Инкварта, которому помогали своими манипуляциями финансовые учреждения Нидерландов, находившиеся под его контролем.

Став имперским уполномоченным по Нидерландам, Зейсс-Инкварт сразу же начал отправку принудительно набранных рабочих в Германию. До 1942 года работа в Германии теоретически была добровольной, но фактически имело место принуждение путем сильного экономического и административного нажима. В 1942 году Зейсс-Инкварт своим приказом узаконил применение принудительного труда и прибегал к помощи полиции безопасности и СД для предотвращения уклонений от выполнения этого приказа. За период оккупации свыше 500 тысяч человек были высланы из Нидерландов в империю в качестве рабочей силы, и только очень небольшая часть из них фактически отправилась добровольно.

Одним из первых шагов Зейсс-Инкварта в качестве имперского уполномоченного по Нидерландам было введение в силу ряда законов, утверждавших экономическую дискриминацию евреев. Это сопровождалось рядом декретов, требовавших регистрации евреев, декретов, заставлявших их жить в гетто и носить «звезду Давида», декретов о самовольных арестах и направлении евреев в концентрационные лагеря и, наконец, по предложению Гейдриха, о массовой депортации около 120 тысяч голландцев и 140 тысяч евреев в Освенцим и об «окончательном разрешении» еврейского вопроса. Зейсс-Инкварт признает, что он знал о том, что они направлялись в Освенцим, но он заявляет, что он слышал от людей, побывавших в Освенциме, о том, что евреев там содержали сравнительно хорошо, и что он считал, что их держали там с целью переселения после войны. В свете доказательств и в связи с его официальным положением невозможно поверить этому утверждению.

Зейсс-Инкварт утверждает, что он не несет ответственности за многие преступления, совершенные при оккупации Нидерландов, потому что они либо совершались согласно приказам из империи армией, которая не находилась под его контролем, либо германским высшим руководителем СС и полиции,

который, согласно его заявлению, отчитывался непосредственно перед Гиммлером. Правда, за некоторые из эксцессов отвечают армия и высший руководитель СС и полиции, который, хотя находился в распоряжении Зейсс-Инкварт, мог всегда докладывать непосредственно Гиммлеру. Правильно также и то, что в некоторых случаях Зейсс-Инкварт выступал против крайних мер, к которым прибегали эти организации, например, в том случае, когда ему удалось весьма успешно предотвратить проведение армией политики «выжженной земли» и убедить высших руководителей СС и полиции уменьшить число подлежащих расстрелу заложников. Но остается фактом, что Зейсс-Инкварт был осведомленным и добровольным участником в военных преступлениях и преступлениях против человечности, которые были совершены во время оккупации Нидерландов.

Заключение

Трибунал признает Зейсс-Инкварт виновным по разделам второму, третьему и четвертому Обвинительного заключения и невиновным по разделу первому.

Шпеер

Шпеер обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Шпеер вступил в нацистскую партию в 1932 году. В 1934 году он был назначен архитектором Гитлера и стал близким ему человеком и доверенным лицом. Вскоре после этого он был назначен начальником отдела в «германском трудовом фронте» и официальным главой отдела по вопросам капитального строительства в аппарате заместителя фюрера. Эти посты он занимал до 1941 года. 15 февраля 1942 г., после смерти Фрица Тодта, Шпеер был назначен главой организации Тодта и имперским министром вооружения и боеприпасов (после 2 сентября 1943 г. — министром вооружения и военной промышленности). В дополнение к этим должностям в марте, а затем в апреле 1942 года он был соответственно назначен генеральным уполномоченным по вопросам вооружения и членом центрального управления по планированию; обе эти должности входили в систему четырехлетнего плана. Шпеер был депутатом рейхстага с 1941 года до конца войны.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Трибунал придерживается мнения, что деятельность Шпеера не может квалифицироваться как развязывание, планирование или подготовка агрессивных войн или как заговор, предназна-

ченный для этой цели. Он возглавил промышленность вооружения уже много позже того, как войны были начаты и велись. Его деятельность в качестве главы германской промышленности вооружения являлась в той же мере помощью военным усилиям, в какой все другие отрасли промышленности помогали в ведении войны.

Однако Трибунал не намерен считать, что такая деятельность включает в себя участие в общем планировании для ведения агрессивной войны, как это предусмотрено разделом первым, или ведение агрессивной войны, как это предусмотрено в разделе втором Обвинительного заключения.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Доказательства, представленные по делу Шпеера по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения, относятся исключительно к его участию в проведении программы рабского труда. Сам Шпеер не нес непосредственной административной ответственности за осуществление этой программы. Хотя он высказывался за назначение генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, потому что он хотел бы иметь дело по вопросам рабочей силы, он лично не добился права административного контроля над деятельностью Заукеля. Заукель был назначен непосредственно Гитлером декретом от 21 марта 1942 г., который предусматривал непосредственную ответственность Заукеля перед Герингом как уполномоченным по четырехлетнему плану.

В качестве имперского министра вооружения и боеприпасов и генерального уполномоченного по вооружению в системе четырехлетнего плана Шпеер пользовался широкими полномочиями в области контроля над производством. Первоначально его полномочия охватывали строительство и производство вооружения для ОКХ. Затем его полномочия были постепенно расширены таким образом, что они стали включать морское вооружение, продукцию гражданской промышленности и, наконец, с 1 августа 1944 г. вооружение для ВВС. Как руководящий работник центрального управления по планированию, располагавший верховными полномочиями в области планирования германской промышленности и распределения и разработки сырьевых ресурсов, Шпеер придерживался мнения, что управление имело право давать указания Заукелю о поставках рабочей силы для тех отраслей промышленности, которые оно контролировало, и ему удалось добиться проведения своей точки зрения в жизнь вопреки возражениям Заукеля. Была установлена практика,

согласно которой Шпеер передавал Заукелю заявки на общее число необходимых ему рабочих, а Заукель набирал рабочую силу и распределял ее между различными отраслями промышленности в соответствии с инструкциями, которые он получал от Шпеера.

Шпеер, направляя заявки Заукелю, знал, что они будут удовлетворены за счет иностранных рабочих, работавших по принуждению. Он принимал участие в совещаниях, на которых обсуждались вопросы расширения программы рабского труда с тем, чтобы удовлетворить его нужды. Он участвовал в совещаниях от 10 и 12 августа 1942 г. вместе с Гитлером и Заукелем, на которых было решено, что Заукель должен был насильственным порядком привозить рабочих с оккупированных территорий в том случае, когда это было необходимо для удовлетворения потребностей в рабочей силе тех отраслей промышленности, которыми ведал Шпеер. Шпеер также участвовал в совещании в ставке Гитлера 4 января 1944 г., на котором было принято решение, согласно которому Заукель должен был набрать «по меньшей мере 4 миллиона новых рабочих с оккупированных территорий» с тем, чтобы удовлетворить требования Шпеера на рабочую силу, хотя Заукель указывал, что он может сделать это лишь с помощью Гимmlера.

Заукель постоянно информировал Шпеера и его представителей о том, что иностранные рабочие набираются принудительным порядком. На совещании 1 марта 1944 г. заместитель Шпеера очень подробно расспрашивал Заукеля о том, почему ему не удалось выполнить требование на 4 миллиона рабочих, которые должны были быть доставлены с оккупированных территорий. В некоторых случаях Шпеер требовал рабочих из определенных зарубежных стран. Так, на совещании 10—12 августа 1942 г. Заукелю было поручено доставить Шпееру «еще миллион русских рабочих для германской промышленности вооружения до истечения октября 1942 года». На заседании центрального управления по планированию 22 апреля 1943 г. Шпеер обсуждал планы набора русских рабочих для использования их в угольных шахтах и категорически отклонил предложение пополнить дефицит в рабочей силе на этих предприятиях за счет немецких рабочих.

Шпеер утверждал на Суде, что он выступал за реорганизацию программы использования рабского труда с тем, чтобы обратить большее внимание на использование немецких рабочих в военной промышленности Германии и на использование рабочих на оккупированных территориях в местной промышленности по производству предметов широкого потребления, которые прежде производились в Германии. Шпеер предпринял шаги в этом направлении, создав на оккупированных террито-

риях так называемые предприятия закрытого типа, которые использовались для производства изделий, предназначенных для отправки в Германию. Лица, работавшие на этих предприятиях, не подлежали отправке в Германию на рабский труд, и всякий рабочий, получивший приказ отправиться в Германию, мог избежать депортации, если он поступал на работу на предприятия закрытого типа.

Эта система, хотя она несколько менее бесчеловечна, чем угон в Германию, все же является незаконной. Система предприятий закрытого типа играла лишь незначительную роль во всей системе программы рабского труда; все же Шпеер настаивал на ее проведении в дополнение к программе рабского труда, будучи осведомлен о способах, которыми она проводилась в жизнь. Официально он был основным потребителем рабочей силы и постоянно требовал расширения этой программы.

Шпеер был также непосредственно причастен к использованию принудительного труда в качестве главы организации Тодта. Организация Тодта действовала преимущественно в оккупированных районах и ведала такими объектами, как Атлантический вал и строительство военных автострад, и Шпеер признал, что он использовал ресурсы принудительно набранной рабочей силы для комплектования этой организации рабочими. Он также использовал заключенных из концлагерей на предприятиях, находившихся под его контролем. Первоначально он предполагал использовать этот источник рабочей силы на небольших фабриках, отдаленных от центров, однако позже, опасаясь задеть ведомственное самолюбие Гимmlера, он старался как можно реже прибегать к использованию рабочей силы из концентрационных лагерей.

Шпеер также был причастен к использованию военнопленных в промышленности вооружения, однако он утверждал, что использовал советских военнопленных лишь на предприятиях, предусмотренных Женевской Конвенцией.

Шпеер занимал такое положение, что он не был непосредственно причастен к жестокостям, имевшим место при проведении программы рабского труда, хотя он и знал о том, что они имели место. Так, например, на совещаниях центрального управления по планированию его информировали, что его заявки на рабочую силу столь велики, что они вызывают необходимость в применении насильственных методов при наборе рабочих. На заседании центрального управления по планированию 30 октября 1942 г. Шпеер высказал мнение, что многие из угнанных рабочих, которые заявляли, что они были больны, на самом деле были симулянтами. Он заявил: «Нельзя ничего возразить против того, что СС и полиция предпринимают решительные

меры и направляют уваливающих от работы в концентрационные лагеря».

Однако Шпеер настаивал на том, чтобы угнанные рабочие получали достаточное питание и необходимые условия работы с тем, чтобы они могли работать эффективно.

В качестве смягчающего вину обстоятельства следует признать, что создание Шпеером института предприятий закрытого типа дало возможность многим рабочим остаться дома, на родине, и что на последних стадиях войны он был одним из тех немногих, кто имел смелость говорить Гитлеру, что война проиграна, и предпринимать шаги с тем, чтобы предотвратить бессмысленное уничтожение производственных мощностей как на оккупированных территориях, так и в самой Германии. Он также противодействовал гитлеровской политике «выжженной земли» путем преднамеренного саботирования ее, подвергаясь при этом значительному риску.

Заключение

Трибунал признает Шпеера невиновным по разделам первому и второму и виновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

Фон Нейрат

Фон Нейрат обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он — профессиональный дипломат, находившийся на посту германского посла в Великобритании с 1930 года по 1932 год, 2 июня 1932 г. он был назначен на пост министра иностранных дел в кабинете фон Папена; этот пост он сохранил за собой в кабинетах фон Шлейхера и Гитлера. Фон Нейрат ушел в отставку с поста министра иностранных дел 4 февраля 1938 г. и был назначен имперским министром без портфеля, председателем тайного совета министров и членом имперского совета обороны. 18 марта 1939 г. он был назначен имперским протектором Богемии и Моравии и оставался на этом посту до 27 сентября 1941 г. Формально он являлся обергруппенфюрером СС.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

В качестве министра иностранных дел фон Нейрат давал советы Гитлеру в отношении ухода с конференции по разоружению и из Лиги Наций 14 октября 1933 г., о возобновлении вооружения, об издании 16 марта 1935 г. закона о всеобщей воинской повинности и секретного закона об обороне империи 21 мая

1935 г. Он был одной из главных фигур при переговорах о заключении морского соглашения между Германией и Англией 18 июня 1935 г. Он играл большую роль при принятии Гитлером решения о ремилитаризации Рейнской зоны 7 марта 1936 г. и предсказал, что оккупация может быть осуществлена без противодействия со стороны Франции. 18 мая 1936 г. он сообщил американскому послу во Франции, что политика германского правительства заключалась в том, чтобы ничего не делать в области внешней политики до тех пор, пока «Рейнская зона не будет освоена», и что как только укрепления в Рейнской зоне будут воздвигнуты и страны Центральной Европы поймут, что Франция не сможет вторгнуться в Германию, когда ей это вздумается, «все эти страны начнут вести совершенно иную внешнюю политику и создадутся новые коалиции».

Фон Нейрат принимал участие в «совещании Госсбаха» 5 ноября 1937 г. Он показал, что высказывания Гитлера произвели на него такое впечатление, что с ним случился сердечный приступ. Вскоре после этого он подал в отставку, и его отставка была принята 4 февраля 1938 г., в то же самое время, когда были смещены фон Фрич и фон Бломберг. Несмотря на то, что он знал об агрессивных планах Гитлера, он сохранял формальные связи с нацистским режимом, будучи имперским министром без портфеля, председателем тайного совета министров и членом имперского совета обороны. Он руководил министерством иностранных дел во время оккупации Австрии, заверял британского посла, что эта оккупация не явилась следствием германского ультиматума, и информировал чехословацкого посла, что Германия намеревается соблюдать соглашение об арбитраже с Чехословакией. Фон Нейрат принимал участие в последней стадии переговоров, предшествовавших Мюнхенскому пакту, но заявляет, что он принял участие в этих переговорах лишь для того, чтобы убедить Гитлера приложить все усилия к тому, чтобы разрешить эти вопросы мирным путем.

ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Фон Нейрат был назначен имперским протектором Богемии и Моравии 18 марта 1939 г. Богемия и Моравия были оккупированы вооруженными силами. Согласие Гаха, полученное под принуждением, не может быть рассмотрено как момент, оправдывающий оккупацию. В декрете Гитлера от 16 марта 1939 г., в котором он объявлял об учреждении протектората, говорилось, что эта новая территория «впредь присоединяется к территории Германской империи», что предполагало, что Чехословацкая республика прекратила свое существование.

Но это предположение также основывалось на концепции, заключавшейся в том, что Богемия и Моравия сохраняют свой суверенитет при том условии, что этим не будут затронуты интересы Германии, требующие дальнейшего сохранения протектората. Вследствие этого, даже если полагать, что доктрина покорения может быть применена в отношении территорий, оккупированных в результате агрессии, Трибунал не считает, что этот декрет в действительности означал присоединение этих областей, которое было достаточным для применения этой доктрины. Оккупацию Богемии и Моравии поэтому следует рассматривать как военную оккупацию, предусмотренную правилами ведения войны. Хотя Чехословакия не была участником Гаагской Конвенции 1907 года, правила ведения сухопутной войны, установленные этой Конвенцией, фиксировали существовавшие нормы международного права и с того времени они вступили в силу.

В качестве имперского протектора фон Нейрат учредил администрацию в Богемии и Моравии, аналогичную той, которая существовала в Германии. Свободная пресса, политические партии и профсоюзы были ликвидированы. Все группы, которые могли выступить с оппозиционными взглядами, были объявлены вне закона. Чехословацкая промышленность была включена в систему германской военной промышленности и использовалась Германией в военных целях. Нацистская антисемитская политика и антисемитские законы были также введены в действие. Евреи были изгнаны с руководящих постов в правительстве и деловом мире.

В августе 1939 года фон Нейрат издал воззвание, содержащее предупреждение относительно диверсионных актов, и заявил, что ответственность за все диверсионные акты будет возлагаться не только на отдельных исполнителей, но и на все чешское население. Когда началась война, 1 сентября 1939 г. 8 тысяч известных чешских деятелей были арестованы полицией безопасности в Богемии и Моравии и помещены в превентивное заключение. Многие из этой группы умерли в концентрационных лагерях в результате жестокого обращения. В октябре и ноябре 1939 года чехословацкие студенты провели ряд демонстраций. Следствием этого был приказ Гитлера о закрытии всех университетов, 1200 студентов были брошены в тюрьмы и 9 руководителей демонстраций были расстреляны полицией безопасности и СД.

Фон Нейрат показал, что он не был заранее информирован об этом приказе, но последний был объявлен в обращении за подписью Нейрата, и плакаты с этим обращением были расклеены по всему протекторату, хотя, как он утверждает, это было сделано без его ведома.

31 августа 1939 г. фон Нейрат направил Ламмерсу подготовленный им меморандум по вопросам, связанным с будущностью протектората, и одобренный им меморандум по тому же вопросу, подготовленный Карлом Германом Франком. Оба рассматривали вопрос о германизации и высказывали мнение, что большинство чехов может быть ассимилировано в расовом отношении германской нацией.

Оба защищали необходимость ликвидации чехословацкой интеллигенции и других групп, которые могли бы в будущем оказать сопротивление германизации, причем фон Нейрат предлагал выслать их, а Франк — выслать или подвергнуть «специальному обращению».

Фон Нейрат утверждал, что фактическое применение репрессивных мер осуществлялось полицией безопасности и СД, которые находились под контролем его статс-секретаря Карла Германа Франка, назначенного на этот пост по предложению Гимmlера. Как высший руководитель СС и полиции, Франк докладывал обо всем непосредственно Гимmlеру.

Далее фон Нейрат заявил, что антисемитские мероприятия и мероприятия, имевшие своим следствием экономическую эксплуатацию, проводились в протекторате в результате политики, продиктованной империей. Как бы то ни было, он являлся высшим германским должностным лицом в протекторате в то время, когда управление этой территорией играло важнейшую роль в агрессивных войнах, которые Германия вела на Востоке, причем он знал, что военные преступления и преступления против человечности совершались его именем.

Смягчающим вину обстоятельством должно быть признано то, что он вмешался в действия полиции безопасности и СД, требуя освобождения большого количества чехословаков, арестованных 1 сентября 1939 г., и освобождения студентов, арестованных в конце осени того же года. 23 сентября 1941 г. его вызвал Гитлер и сообщил, что он слишком либерален и что Гейдрих направляется в протекторат для борьбы с чехословацкими группами Сопrotивления. Фон Нейрат пытался отговорить Гитлера от назначения Гейдриха, и когда ему это не удалось, он подал в отставку. Когда его отставка не была принята, он уехал в отпуск — 27 сентября 1941 г. и с этого дня отказался выполнять обязанности протектора.

Его отставка формально была принята в августе 1943 года.

Заключение

Трибунал признает фон Нейрата виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Фриче

Фриче обвиняется по разделам первому, третьему и четвертому Обвинительного заключения. Он был более всего известен как радиокомментатор, выступавший еженедельно с обзором текущих событий в своей собственной передаче «Ганс Фриче говорит». Он начал выступать по радио с сентября 1932 года; в том же году он был назначен руководителем отдела известий по радио, представлявшего собой государственное имперское агентство. Когда 1 мая 1933 г. это агентство было включено национал-социалистами в имперское министерство народного просвещения и пропаганды, Фриче стал членом нацистской партии и перешел в вышеупомянутое министерство. В декабре 1938 года он стал возглавлять отдел внутренней прессы этого министерства; в октябре 1942 года он получил чин министерияль-директора. Прослужив недолгое время на восточном фронте в роте пропаганды, он в ноябре 1942 года был назначен главой отдела радиовещания при министерстве пропаганды и уполномоченным по политической организации германского радиовещания.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

В качестве главы отдела внутренней прессы Фриче возглавил всю германскую прессу, насчитывавшую 2300 ежедневных газет. В его обязанности на этом посту входило проведение ежедневных пресс-конференций для передачи этим газетам директив министерства пропаганды. Однако он подчинялся Дитриху, руководителю имперской прессы, который, в свою очередь, подчинялся Геббельсу. Именно Дитрих получал от Геббельса и других имперских министров директивы, предназначенные для прессы, излагал их в виде инструкций и затем передавал Фриче для информации прессы.

Время от времени «ежедневные информации главы имперской прессы», как кратко назывался этот инструктаж, давали указания прессе осветить в газетах вопросы, как, например, о принципе фюрерства, еврейскую проблему, проблему «жизненного пространства» и другие основные вопросы нацистской идеологии. Перед каждым большим актом агрессии проводилась энергичная пропагандистская кампания. В то время, когда Фриче возглавлял отдел внутренней прессы, он инструктировал представителей печати по поводу того, каким образом следует

интерпретировать в печати операции и войны против Богемии и Моравии, Польши, Югославии и Советского Союза. Фриче не осуществлял никакого контроля над формулированием этой политики и пропаганды, он являлся лишь передатчиком в прессу тех инструкций, которые ему давал Дитрих.

Например, в феврале 1939 года и перед присоединением Богемии и Моравии он получил от Дитриха приказ обратить внимание печати на попытки Словакии добиться автономии, на антигерманскую ориентацию и политику существовавшего в то время Пражского правительства. Этот приказ Дитриха исходил из министерства иностранных дел.

Отдел радиовещания, который Фриче возглавил в ноябре 1942 года, был одним из 12 отделов министерства пропаганды. В первое время Дитрих и другие начальники отделов оказывали влияние на политику, проводившуюся по радиовещанию. Однако к концу войны Фриче стал единственным лицом в министерстве, ведавшим радиовещанием. В качестве такового он составлял и издавал ежедневные «информации» по радиовещанию для всех имперских управлений пропаганды; эти «информации» составлялись в соответствии с общим политическим курсом нацистского режима, на основании указаний отдела политического контроля над радиовещанием министерства иностранных дел и подлежали лишь личному контролю Геббельса.

Фриче вместе с другими чиновниками министерства пропаганды присутствовал на ежедневных совещаниях у Геббельса. На этих совещаниях они получали указания по вопросам текущих событий и линии пропаганды. После 1943 года Фриче сам иногда проводил эти совещания, но делал это лишь в тех случаях, когда Геббельс и его заместители отсутствовали. Но даже в подобных случаях его единственная задача заключалась в передаче директив Геббельса, которые сообщались ему по телефону.

Таковы краткие данные относительно положения Фриче и того влияния, которым он пользовался в третьей империи. Ему не удалось достигнуть положения, достаточно значительного для того, чтобы присутствовать на совещаниях, на которых обсуждались планы, приведшие к агрессивной войне; в действительности, согласно его собственным показаниям, которые не были опровергнуты, он даже никогда не разговаривал с Гитлером. Не имеется также никаких доказательств, свидетельствующих о том, что его информировали о решениях, принимаемых на этих совещаниях. Его деятельность не может быть отнесена по своему характеру к деятельности, которая подходит под определение общего плана для ведения агрессивной войны, как уже было сказано в настоящем приговоре.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Обвинение утверждает, что Фриче подстрекал и побуждал к совершению военных преступлений путем преднамеренной фальсификации информации, в целях возбуждения у германского народа тех инстинктов, которые привели его к совершению зверств, указанных в разделах третьем и четвертом. Однако его положение и официальная должность не были достаточно значительными для того, чтобы можно было прийти к заключению, что он принимал участие в организации или разработке планов пропагандистских кампаний.

Выдержки из его речей, представленные в качестве доказательства, с определенностью указывают на антисемитизм в его речах. Он заявлял по радио, например, что война была вызвана евреями и что их судьба оказалась «такой неприглядной, как это предсказывал фюрер». Однако эти речи не призывали к преследованию или истреблению евреев. Нет доказательств того, что ему было известно об истреблении евреев на Востоке. Более того, имеющиеся доказательства показывают, что он дважды пытался добиться запрещения издания антисемитской газеты «Дер штюрмер», что ему, однако, не удалось.

В своих передачах по радио Фриче иногда распространял ложную информацию, однако не было доказано, что он знал о ее недостоверности. Например, он сообщил, что в районе местонахождения «Атении» в то время, когда судно было потоплено, не находилось ни одной немецкой подводной лодки. Эта информация не соответствовала действительности, однако у Фриче, получившего ее от германского военно-морского флота, не было оснований считать ее ложной.

Есть данные, что Фриче иногда во время своих выступлений по радио делал решительные заявления, носившие пропагандистский характер. Однако Трибунал не намерен считать, что они были направлены к тому, чтобы побудить немецкий народ к совершению зверств над побежденными народами, и поэтому Фриче не может быть признан участником тех преступлений, в которых он обвиняется. Он скорее ставил своей целью возбудить у народа стремление оказывать поддержку Гитлеру и германским военным силам.

Заключение

Трибунал признает Фриче невиновным в преступлениях, предъявленных ему Обвинительным заключением, и предлагает коменданту Суда освободить его из-под стражи после окончания настоящего заседания Трибунала.

Борман

Борман обвиняется по разделам первому, третьему и четвертому Обвинительного заключения. Он вступил в национал-социалистскую партию в 1925 году. С 1928 по 1930 год он являлся членом штаба высшего руководства СА и с 1933 года по 1945 год возглавлял фонд помощи партии и был рейхслейтером. С 1933 года по 1941 год он являлся начальником штаба в управлении заместителя фюрера, а после отлета Гесса в Англию 12 мая 1941 г. он стал главой партийной канцелярии, 12 апреля 1943 г. стал секретарем фюрера. Он политически и организационно руководил фольксштурмом и был генералом СС.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Борман вначале не был видным нацистом, постепенно достиг власти и, особенно в последние дни, достиг большого влияния на Гитлера. Он принимал активное участие в приходе партии к власти и особенно в укреплении гитлеровской власти. Он уделял много времени преследованию церкви и евреев в Германии.

Нет доказательств того, что Борман знал о планах Гитлера по подготовке, развязыванию или ведению агрессивных войн. Он не присутствовал ни на одном из важнейших совещаний, где Гитлер последовательно развивал свои планы агрессии. И нельзя предполагать, что то положение, которое он занимал, давало ему возможность быть осведомленным об этих планах. И только тогда, когда он стал главой партийной канцелярии в 1941 году и позднее, в 1943 году, секретарем фюрера, он стал присутствовать на многих совещаниях, проводившихся Гитлером, куда он получил нужный для этого доступ благодаря занимаемому им положению. Согласно уже изложенной точке зрения, которой решил придерживаться Трибунал в отношении заговора для ведения агрессивной войны, представленных доказательств недостаточно для того, чтобы признать Бормана виновным по первому разделу Обвинительного заключения.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Борман согласно декрету от 29 мая 1941 г. принял должность и полномочия Гесса; декретом от 24 января 1942 г. эти полномочия были расширены, и он получил право контроля над исполнением всех законов и директив, издававшихся Гитлером. Таким

В соответствии с разделами Обвинительного заключения, по которым признаны виновными подсудимые, и на основании ст. 27 Устава Международный Военный Трибунал

П Р И Г О В О Р И Л :

1. Германа Вильгельма ГЕРИНГА — к смертной казни через повешение,
2. Рудольфа ГЕССА — к пожизненному тюремному заключению,
3. Иохима фон РИББЕНТРОПА — к смертной казни через повешение,
4. Вильгельма КЕЙТЕЛЯ — к смертной казни через повешение,
5. Эрнста КАЛЬТЕНБРУННЕРА — к смертной казни через повешение,
6. Альфреда РОЗЕНБЕРГА — к смертной казни через повешение,
7. Ганса ФРАНКА — к смертной казни через повешение,
8. Вильгельма ФРИКА — к смертной казни через повешение,
9. Килиуса ШТРЕЙХЕРА — к смертной казни через повешение,
10. Вальтера ФУНКА — к пожизненному тюремному заключению,
11. Карла ДЕНИЦА — к тюремному заключению сроком на двадцать лет,
12. Эриха РЕДЕРА — к пожизненному тюремному заключению,
13. Балдура фон ШИРАХА — к тюремному заключению сроком на двадцать лет,

Приговор Международного Военного Трибунала (резюлютивная часть)

14. Фрица ЗАУНЕЛЯ — к смертной казни через повешение,
15. Альфреда ИОДЛЯ — к смертной казни через повешение,
16. Артура ЗЕЙСС-ИНКВАРТА — к смертной казни через повешение,
17. Альберта ШПЕЕРА — к тюремному заключению сроком на двадцать лет,
18. Константина фон НЕЙРАТА — к тюремному заключению сроком на пятнадцать лет,
19. Мартина БОРМАНА — к смертной казни через повешение.

Ходатайства о помиловании могут быть поданы в Контрольный Совет в Германии в течение 4-х дней после оглашения приговора через Генерального Секретаря Трибунала.

Приговор составлен в 4-х экземплярах — на русском, английском и французском языках. Все тексты аутентичны и имеют одинаковую силу.

Члены Международного Трибунала: их заместители:

От Великобритании — ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Frederic Lawrence

Norman Birkett

От Союза Советских Социалистических Республик

Миропурский

A. Zhdanov

От Соединенных Штатов Америки

Amos Pinckney

John J. Quinn

От Французской Республики

H. Tomassini de Vauvry

R. Galco

Резюлютивная часть 1 сентября 1946 г.

Приговор Международного Военного Трибунала (резюлютивная часть)

образом, он нес ответственность за законы и приказы, издававшиеся с этого момента. 1 декабря 1942 г. все гау были преобразованы в районы имперской обороны и гаулейтеры партии, подчинявшиеся Борману, были назначены комиссарами имперской обороны. В результате они фактически возглавили военные усилия всего гражданского населения. Так было не только в Германии, но и на тех территориях, которые были включены в состав империи из захваченных и побежденных территорий.

Посредством этого механизма Борман осуществлял безжалостную эксплуатацию покоренного населения. Своим приказом от 12 августа 1942 г. он подчинил все партийные агентства делу выполнения проводившейся Гиммлером программы принудительного переселения и германизации населения оккупированных стран. Через три недели после вторжения в Советский Союз он присутствовал на совещании 16 июля 1941 г. в полевом штабе Гитлера, где также присутствовали Геринг, Розенберг и Кейтель; согласно отчету Бормана, там обсуждались и развивались подробные планы порабощения и уничтожения населения этих территорий. 8 мая 1942 г. он совещался с Гитлером и Розенбергом по вопросу о принудительном переселении голландцев в Латвию, а также о проведении в Советском Союзе программы уничтожения и об экономической эксплуатации восточных территорий. Он был заинтересован в конфискации предметов искусства и другой собственности на Востоке. В письме от 11 января 1944 г. он призывал к созданию огромной организации по вывозу товаров с оккупированных территорий для германского населения, пострадавшего от бомбардировок.

Борман развил чрезвычайно активную деятельность по преследованию евреев не только в Германии, но и в завоеванных и побежденных странах. Он принимал участие в совещаниях, которые привели к вывозу 60 тысяч евреев из Вены в Польшу, в сотрудничестве с СС и гестапо. Он подписал декрет от 31 мая 1941 г., который распространял нюрнбергские законы на аннексированные восточные территории. В приказе от 9 октября 1942 г. он заявил, что проблема окончательного устранения евреев с территории великой Германии не может больше разрешаться путем эмиграции, а лишь путем применения «грубой силы» в специальных лагерях на Востоке. 1 июля 1943 г. он подписал указ, лишавший евреев судебной защиты и передававший их исключительно в ведение гиммлеровского гестапо.

Борман сыграл видную роль в программе рабского труда. Партийные руководители осуществляли надзор над рабским трудом в своих гау, включая наем рабочих, условия их труда.

питание их и расквартирование. В своем циркуляре от 5 мая 1943 г. по корпусу руководителей, разосланном до ортсгруппенлейтеров включительно, он дал инструкции об обращении с иностранными рабочими, указывая на то, что по вопросам безопасности они находились в ведении СС, и приказывал прекратить существовавшее до этого жестокое обращение с ними. Отчет от 4 сентября 1942 г. в отношении вывоза с Востока в Германию 500 тысяч женщин для работы в частных хозяйствах показывает, что контроль должен был осуществляться Заукелем, Гиммлером и Борманом. Декретом от 8 сентября Заукель дал указание крейслейтерам осуществлять надзор над распределением и назначением этих женщин на работу.

Борман также издал целый ряд приказов партийным руководителям относительно обращения с военнопленными. 5 ноября 1941 г. он запретил хоронить русских военнопленных достойным образом. 25 ноября 1943 г. он дал указание гаулейтерам докладывать о случаях мягкого обращения с военнопленными. 13 сентября 1944 г. он приказал крейслейтерам установить связь с комендантами лагерей по вопросу использования военнопленных для принудительного труда. 29 января 1943 г. он передал подчиненным ему руководителям инструкции ОКВ, в которых разрешалось применение огнестрельного оружия и телесных наказаний к провинившимся военнопленным в нарушение правил ведения войны на суше. 30 сентября 1944 г. он подписал декрет, по которому военнопленные изымались из-под юрисдикции ОКВ и передавались в ведение Гиммлера и СС.

Борман несет ответственность за линчевание союзных летчиков. 30 мая 1944 г. он запретил полиции предпринимать какие-либо меры или возбуждать уголовное преследование против лиц, которые принимали участие в линчевании союзных летчиков. Это сопровождалось пропагандистской кампанией Геббельса, подстрекавшей немецкий народ к действиям подобного рода. Борман также присутствовал на совещании 6 июня 1944 г., где обсуждались положения о применении линчевания.

Его защитник, которому пришлось столкнуться с рядом трудностей, не смог опровергнуть эти доказательства. Перед лицом документов, на которых имеется подпись Бормана, трудно представить себе, как бы он мог сделать это, если бы даже подсудимый присутствовал на Суде. Защитник выдвигал довод о том, что Бормана нет в живых и что Трибунал не должен прибегать к статье 12 Устава, которая дает право судебного преследования в отсутствие подсудимого. Но доказательства о смерти не являются убедительными, и Трибунал, как это уже отмечалось ранее, решил судить его заочно. Если

Борман жив и будет арестован впоследствии, Контрольный Совет Германии, согласно статье 29 Устава, может рассмотреть любые смягчающие обстоятельства и изменить или ослабить вынесенный ему приговор, если он это найдет нужным.

З а к л ю ч е н и е

Трибунал не признает Бормана виновным по первому разделу, но признает его виновным по третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения.

В соответствии с разделами Обвинительного заключения, по которым признаны виновными подсудимые, и на основании ст. 27 Устава Международный Военный Трибунал

П Р И Г О В О Р И Л:

1. Германа Вильгельма Геринга — к смертной казни через повешение,
2. Рудольфа Гесса — к пожизненному тюремному заключению,
3. Иоахима фон Риббентропа — к смертной казни через повешение,
4. Вильгельма Кейтеля — к смертной казни через повешение,
5. Эрнста Кальтенбруннера — к смертной казни через повешение,
6. Альфреда Розенберга — к смертной казни через повешение,
7. Ганса Франка — к смертной казни через повешение,
8. Вильгельма Фрика — к смертной казни через повешение,
9. Юлиуса Штрейхера — к смертной казни через повешение,
10. Вальтера Функа — к пожизненному тюремному заключению,
11. Карла Деница — к тюремному заключению сроком на десять лет,
12. Эриха Редера — к пожизненному тюремному заключению,
13. Бальдура фон Шираха — к тюремному заключению сроком на двадцать лет,
14. Фрица Заукеля — к смертной казни через повешение,
15. Альфреда Иодля — к смертной казни через повешение,

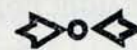
16. Артура Зейсс-Инквирта — к смертной казни через повешение,
17. Альберта Шпеера — к тюремному заключению сроком на двадцать лет,
18. Константина фон Нейрата — к тюремному заключению сроком на пятнадцать лет,
19. Мартина Бормана — к смертной казни через повешение.

Ходатайства о помиловании могут быть поданы в Контрольный Совет в Германии в течение четырех дней после оглашения приговора через Генерального Секретаря Трибунала.

Приговор составлен в четырех экземплярах — на русском, английском и французском языках. Все тексты аутентичны и имеют одинаковую силу.

Члены Международного Трибунала:	Их заместители:
От Великобритании — Председательствующий	
<i>Джеффри ЛОРЕНС</i>	<i>Норман БИРКЕТТ</i>
От Союза Советских Социалистических Республик	
<i>Иона НИКИТЧЕНКО</i>	<i>Александр ВОЛЧКОВ</i>
От Соединенных Штатов Америки	
<i>Фрэнсис БИДДЛ</i>	<i>Джон ПАРКЕР</i>
От Французской Республики	
<i>Анри ДОННЁДЬЕ де ВАБР</i>	<i>Робер ФАЛЬКО</i>

Нюрнберг, 1 октября 1946 г.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

ЧЛЕНА МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ОТ СССР
 ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ЮСТИЦИИ И. Т. НИКИТЧЕНКО
 НА ПРИГОВОР В ОТНОШЕНИИ ПОДСУДИМЫХ ШАХТА,
 фон ПАПЕНА, ФРИЧЕ И ГЕССА И ОБВИНЯЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ:
 ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КАБИНЕТ, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ
 И ВЫСШЕЕ КОМАНДОВАНИЕ ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Трибунал принял решение:

а) об оправдании подсудимых Гельмара Шахта, Франца фон Папена и Ганса Фриче;

б) о применении пожизненного заключения в отношении подсудимого Рудольфа Гесса и

в) об отказе в признании преступными организациями правительственного кабинета, генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил.

В этой части с решением Трибунала я не могу согласиться, так как оно не соответствует фактической стороне дела и покоится на неправильных выводах.

I. НЕОБОСНОВАННОЕ ОПРАВДАНИЕ ПОДСУДИМОГО ШАХТА

Доказательства, представленные Трибуналу в отношении подсудимого Шахта, подтверждают следующие факты:

¹ После оглашения приговора председательствующий сделал следующее объявление: «Член Трибунала от Союза Советских Социалистических Республик желает занести в протокол свое несогласие с решением Трибунала по делам подсудимых Шахта, фон Папена и Фриче. Он придерживается мнения, что они должны быть осуждены, а не оправданы. Он также не согласен с решением в отношении имперского кабинета, генерального штаба и верховного командования, придерживаясь мнения, что они должны быть объявлены преступными организациями. Он также не согласен с решением о мере наказания в отношении подсудимого Гесса и считает, что Гесс должен быть приговорен к смертной казни, а не к пожизненному заключению».

«Это особое мнение будет изложено в письменном виде и приобщено к приговору. Оно будет опубликовано, как только это станет возможным». (Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала 1 октября 1946 г.)

а) Шахт установил контакт с Герингом с декабря 1930 года и с Гитлером — с начала 1931 года. Затем он установил контакт между руководством нацистской партии и крупнейшими представителями германского промышленного и финансового мира. Это, в частности, подтверждается показаниями свидетеля Зеверинга. (Стенограмма вечернего заседания 21 мая 1946 г. и документ США-615.)

б) В июле 1932 года Шахт потребовал от Папена, чтобы тот уступил пост рейхсканцлера Гитлеру. Этот факт подтверждается показаниями Папена во время предварительного допроса и показаниями Шахта на Суде. (Стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 г.)

в) В ноябре 1932 года Шахт собирал подписи германских промышленников, побуждая их выступить за назначение Гитлера рейхсканцлером. 12 ноября 1932 г. Шахт писал Гитлеру: «Я не сомневаюсь в том, что развитие нами событий может привести только к вашему назначению рейхсканцлером. Мы стремимся собрать большое число подписей в промышленных кругах, чтобы обеспечить ваше назначение на этот пост». (Документы ЕС-456, США-773, ПС-3901, США-837.)

г) В феврале 1933 года Шахт организовал финансирование предвыборной кампании, проводившейся нацистской партией, потребовал на совещании Гитлера и Геринга с промышленниками, чтобы последние предоставили для этого 3 миллиона марок (документ Д-203). Шахт признал на Суде, что он указал на необходимость предоставления этой суммы нацистским руководителям (стенограмма вечернего заседания 3 мая 1946 г.), а подсудимый Функ и бывший член правления «И. Г. Фарбен-индустри» Шнитцлер, участвовавшие в этом совещании, подтвердили, что именно Шахт являлся инициатором финансирования предвыборной кампании. (Стенограмма заседания 4 июля 1946 г. и документ ЕС-439, США-618.)

д) Используя свой престиж, Шахт, как он сам признал, в своих неоднократных публичных выступлениях призывал оказывать поддержку нацистской партии и Гитлеру на выборах. (Документы США-615, США-616, стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 г.)

29 августа 1932 г. Шахт писал Гитлеру: «Куда бы моя деятельность ни привела меня в близком будущем, даже если вы меня когда-нибудь увидите в крепости, вы всегда можете надеяться на меня, как на надежного помощника». (Документ ЕС-457, США-619.)

Таким образом, Шахт сознательно и преднамеренно поддерживал нацистскую партию и активно содействовал захвату фашистами власти в Германии.

Еще до назначения на пост генерального уполномоченного по вопросам военной экономики Шахт сразу же после захвата нацистами власти возглавил руководство по планированию и созданию германских вооружений:

а) 17 марта 1933 г. Шахт был назначен президентом рейхсбанка (документ ПС-3021, США-11), который, как он сам заявил в речи перед сотрудниками рейхсбанка 21 марта 1933 г., не был под его руководством «иным учреждением, нежели национал-социалистским». (Стенограмма вечернего заседания 3 мая 1946 г.)

б) В августе 1934 года Шахт был назначен имперским министром экономики. (Документ ПС-3021, США-11.) Его министерство «получило задание проводить экономическую подготовку к войне». (Документ ЕС-128, США-623.) Специальным декретом Шахту как министру экономики были предоставлены неограниченные полномочия в области экономики. («Рейхсгезетцблатт» за 1934 год, часть 1, страница 565.)

в) Используя полученные полномочия, Шахт приступил в 1934 году к осуществлению разработанного им «нового плана» («Рейхсгезетцблатт» за 1934 год, часть 1, страница 826), который, как отметил сам Шахт в своей речи 29 ноября 1938 г., сыграл колоссальную роль в деле вооружения Германии. (Документ ЕС-611, США-622.)

г) В целях наиболее эффективного проведения «нового плана» Шахт использовал средства политических противников нацистского режима, которые явились жертвой террора или же были вынуждены эмигрировать. (Меморандум Шахта Гитлеру от 3 мая 1939 г. — документ ПС-1168, США-137.)

Шахт прибегал к мошенническим операциям и принуждению «в целях приобретения сырья и иностранной валюты для вооружения». (Письменные показания вице-президента рейхсбанка Пуля — документ ЕС-437, США-624.)

д) С первых же дней после своего прихода в рейхсбанк Шахт издал серию декретов (от 27 октября 1933 г., 23 марта 1934 г., 19 февраля 1935 г.), позволивших в дальнейшем осуществить широкую программу финансирования вооружения, которая им была разработана и с помощью которой, как он показал, он «нашел путь для финансирования вооружения».

В своей речи в Лейпциге 4 марта 1935 г. Шахт, подводя итоги своей предшествующей экономической и финансовой деятельности, заявил: «Все, что я говорю и делаю, имеет полное согласие фюрера, и я ничего не буду делать и говорить, что не получит одобрения фюрера». (Стенограмма вечернего заседания 3 мая 1946 г., страницы 1—2.)

Став генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики, Шахт объединил в своих руках руководство всей

германской экономикой, и его усилиями было обеспечено создание гитлеровской военной машины:

а) В секретном законе от 21 мая 1935 г., которым Шахт был назначен генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики, указывалось: «Задача генерального уполномоченного по вопросам военной экономики заключается в том, чтобы поставить все экономические силы на службу войны». «Генеральному уполномоченному по вопросам военной экономики в пределах его компетенции предоставляется право издавать правовые распоряжения, которые могут отступать от действующих законов». «Он ответственно возглавляет финансирование войны и по линии имперского министерства и рейхсбанка». (Документ ПС-2261, США-24.)

б) Шахт финансировал вооружения с помощью системы векселей «МЕФО», являвшейся не имеющей прецедента мошеннической авантюрой в государственном масштабе, благоприятный исход которой зависел от реализации агрессивных планов гитлеровской Германии. Именно поэтому Шахт указал на 1942 год как на срок покрытия векселей «МЕФО» и отметил в речи 29 ноября 1938 г. связь между «смелой кредитной политикой» рейхсбанка и целями гитлеровской внешней политики. (Документ ЕС-611, США-622.)

в) Полностью использовав свои полномочия, Шахт тщательно разработал и проводил в жизнь широкий план экономической мобилизации, позволявшей гитлеровским руководителям в любой момент, который они сочтут благоприятным, развязать агрессивную войну. В частности, из доклада заместителя Шахта Вольтата «Подготовка к мобилизации, проводимая уполномоченным по вопросам военной экономики» явствует, что Шахт предусмотрел до мельчайших подробностей систему эксплуатации германской экономики в военное время, начиная с использования промышленных предприятий, сырьевых ресурсов и рабочей силы и кончая распределением 80 миллионов продуктовых карточек. (Документ ЕС-258, США-625.) Показательно, что этот доклад был составлен месяц спустя после выступления Гитлера на совещании 5 ноября 1937 г., на котором Гитлер изложил конкретные планы агрессии. (Документ ПС-386, США-25.)

Резюмируя проделанную работу, Шахт писал в январе 1937 года: «Я занимался подготовкой в военном отношении в соответствии с тем принципом, что наша военная экономическая организация должна быть построена таким образом в мирное время... чтобы не было необходимости в каких-либо преобразованиях в случае развязывания войны». Шахт подтвердил это заявление на Суде. (Стенограмма заседания 2 мая 1946 г.)

Шахт сознательно и преднамеренно готовил Германию к войне.

г) Бывший военный министр фон Бломберг показал: «Шахт знал очень хорошо о планах развития и увеличения германских вооруженных сил, так как ему постоянно сообщали... обо всем финансировании германских вооруженных сил». (Документ США-838.)

31 августа 1936 г. фон Бломберг сообщил Шахту, что «создание всех авиационных частей должно быть закончено к 1 апреля 1937 г., поэтому в 1936 году должны быть сделаны значительные затраты...» (Документ ПС-1301, США-123.)

Весной 1937 года Шахт принимал участие в военной игре в Годесберге. (Документ ЕС-174.)

д) В меморандуме Гитлеру от 3 мая 1935 г. под названием «Финансирование вооружений» Шахт писал: «Быстрое выполнение программы вооружения в массовых масштабах представляет собой основу германской политики, и поэтому все остальное должно быть подчинено именно этой задаче; завершение этой задачи, достижение этой цели не должно иметь никаких препятствий...» (Документ ПС-1168, США-37.)

В своей речи 29 ноября 1938 г. Шахт заявил, что политика рейхсбанка позволила Германии создать «непревзойденную машину, а эта военная машина в свою очередь сделала возможным достижение цели нашей политики». (Документ ЕС-611, США-622.)

Следует совершенно исключить предположение, что Шахт не был осведомлен, какой политике должны служить эти вооружения, учитывая их беспрецедентные масштабы и явное предпочтение наступательным видам вооружения (тяжелые танки, бомбардировщики и т. п.). Помимо этого, Шахт прекрасно видел, что ни одна страна не собирается воевать с Германией и не имеет к этому причин:

а) Шахт использовал растущую под его руководством германскую военную мощь как предпосылку для того, чтобы выдвигать территориальные требования, которые возрастали пропорционально увеличению вооружений.

Шахт показал на Суде, что «сначала ограничивался (в своих требованиях) колониями, ранее принадлежавшими Германии». (Стенограмма утреннего заседания 3 мая 1946 г.)

В сентябре 1934 года Шахт в беседе с американским послом Доддом указал, что «желает аннексий, если возможно без войны, и с войной, если США будут держаться в стороне». (Документ ЕС-461, США-58.)

В 1935 году Шахт заявил американскому консулу Фуллеру: «Колонии необходимы Германии. Если возможно, мы их приобретем путем переговоров, если нет, мы их захватим». (Документ ЕС-450, США-629.)

Шахт показал на Суде, что оказание военного давления на Чехословакию было «в некотором отношении результатом, плодом его работы». (Стенограмма утреннего заседания 3 мая 1946 г.)

б) Шахт лично участвовал в разграблении частной и государственной собственности стран, явившихся жертвой гитлеровских агрессий.

В протоколе совещания военно-экономического штаба 11 марта 1938 г., в котором участвовал Шахт, сказано, что собравшимся были сообщены последние директивы Гитлера о вторжении в Австрию. Далее в протоколе говорится: «После этого по предложению Шахта было решено, что... все финансовые расчеты будут производиться в рейхсмарках по курсу: два шиллинга за одну рейхсмарку». (Документ ЕС-421, США-645.)

Шахт признал на Суде, что лично руководил захватом Чехословацкого национального банка после того, как Чехословакия была оккупирована. (Стенограмма утреннего заседания 3 мая 1946 г.)

в) В начале 1940 года Шахт предложил Гитлеру свои услуги для ведения переговоров в Соединенных Штатах Америки о прекращении помощи Англии, о чем он сообщил Герингу. (Документ ПС-3700, США-780.)

г) Шахт счел своим долгом публично приветствовать и поздравить Гитлера после подписания им перемирия с Францией, хотя захватническая сущность этого перемирия была ясна Шахту в большей степени, чем кому-либо другому (немецкий документальный фильм — документ США-635).

д) В письме к Функу от 17 октября 1941 г. Шахт высказал предложение о более эффективной эксплуатации оккупированной территории. И в данном случае Шахт действовал по собственной инициативе. (Документ ЕС-504, США-830.)

Шахт принимал участие в преследовании евреев:

а) Шахт показал на Суде, что он «в принципе продолжал политику преследования евреев» (стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 г.), хотя, как заявил Шахт, в этом «в некоторой степени» был замешан вопрос совести, что, однако, «не было настолько серьезным, чтобы вызвать разрыв» между ним и фашистами. (Та же стенограмма и документ США-616.)

б) Шахт в качестве министра экономики подписал ряд декретов, в соответствии с которыми имущество евреев в Германии было подвергнуто безнаказанному разграблению. (Документы США-832 и США-616.) Шахт подтвердил на Суде, что им был подписан ряд антисемитских декретов. (Стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 г.)

О причинах ухода Шахта с поста министра экономики и генерального уполномоченного военной экономики в ноябре 1937 года, а также с поста президента рейхсбанка 20 января 1939 г. и с поста министра без портфеля в январе 1943 года предъявленные Суду доказательства устанавливают следующее:

а) Этой причиной не являлось несогласие Шахта с экономической подготовкой к агрессивным войнам.

За три недели до своего ухода из министерства экономики и с поста генерального уполномоченного военной экономики Шахт писал Герингу: «...Я также не считаю, что мое мнение может расходиться с вашей экономической политикой...» (Документ ЕС-497, США-775).

В ответном письме Геринга говорится: «...Вы обещали мне вашу поддержку и сотрудничество... Вы много раз повторяли это обещание, даже после того, как между нами возникли первые разногласия во мнениях». (Документ ЕС-493, США-642.)

Шахт показал на Суде, что между ним и Герингом существовало «расхождение в ведении дел». (Стенограмма утреннего заседания 3 мая 1946 г.)

Во время предварительного допроса Геринг показал, что уход Шахта из рейхсбанка «не имел никакого отношения к программе перевооружения». (Документ США-648.)

Вице-президент рейхсбанка Пуль подтвердил, что уход Шахта из рейхсбанка объясняется «желанием выпутаться из опасного положения», которое создалось у Шахта «в результате проведения им мошеннических финансовых операций». (Документ ЕС-438, США-646.)

б) Этой причиной не являлось несогласие Шахта с массовым террором, осуществлявшимся гитлеровцами.

Свидетель защиты Гизевинус показал, что он постоянно информировал Шахта о преступной деятельности гестапо, которое было создано Герингом, и тем не менее вплоть до конца 1936 года Шахт «искал поддержку Геринга». (Стенограмма утреннего заседания 26 апреля 1946 г.)

В письме к фон Бломбергу от 24 декабря 1935 г. Шахт предлагал, чтобы гестапо применяло «более осторожные методы», так как открытый террор гестапо «мешает цели, которая заключается в вооружении». (Стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 г.)

30 января 1937 г. Шахт был награжден Гитлером золотым партийным значком. (Документ ЕС-500 и стенограмма вечернего заседания 2 мая 1946 г., страница 44.) Как говорилось об этом в германском официальном издании, «он смог помогать ей (партии) гораздо лучше, чем если бы он был официальным членом партии». (Документ ЕС-460, США-617.)

Только в 1943 году Шахт, поняв ранее, чем многие другие немцы, неизбежность краха гитлеровского режима, установил связь с оппозиционными кругами, ничего, однако, не сделав для свержения этого режима. Не случайно поэтому Гитлер, узнав об этих связях, сохранил Шахту жизнь.

Таким образом, бесспорно установлено:

1) Шахт активно содействовал захвату власти нацистами;
2) Шахт на протяжении 12 лет тесно сотрудничал с Гитлером;

3) Шахт обеспечил экономическую и финансовую базу для создания гитлеровской военной машины;

4) Шахт подготовил экономику Германии для ведения агрессивных войн;

5) Шахт принимал участие в преследовании евреев и в разграблении оккупированных немцами территорий.

Следовательно, доказана руководящая роль Шахта в подготовке и осуществлении общего преступного плана.

Решение об оправдании Шахта находится в явном противоречии с имеющимися доказательствами.

II. НЕОБОСНОВАННОЕ ОПРАВДАНИЕ ПОДСУДИМОГО фон ПАПЕНА

В приговоре не оспаривается то обстоятельство, что фон Папен проложил Гитлеру путь на пост рейхсканцлера и активно способствовал захвату власти нацистами.

Сам Папен в речи, произнесенной 2 ноября 1933 г., по этому поводу заявил:

«Так же, как, став канцлером (это было в 1932 году), я выступал за то, чтобы проложить дорогу молодому боевому движению освобождения, так же, как 30 января я был избран милостивой судьбой для того, чтобы соединить руки нашего канцлера и фюрера и нашего любимого фельдмаршала, так и сегодня я должен сказать германскому народу и всем тем, кто сохранил ко мне доверие: милостивый бог благословил Германию тем, что в дни глубоких страданий он дал ей такого руководителя». (Документ РС-3375.)

Папен отменил декрет Брюнинга о роспуске СС и СА и тем самым предоставил нацистам возможность осуществлять массовый террор. (Документ Д-631.)

Подсудимый путем применения грубой силы устранил социал-демократическое правительство Брауна — Зеверинга. (Показания Зеверинга, стенограмма вечернего заседания 21 мая 1946 г., страница 11.)

4 января 1933 г. Папен совещался с Гитлером, Гессом и Гиммлером. (Документ Д-632.)

Папен принял участие в чистке государственного аппарата от всех «неблагонадежных», с точки зрения нацистов, чиновников, подписал 21 марта 1933 г. декрет о создании особых судов по политическим делам, подписал декрет об амнистии всех лиц, совершивших уголовные преступления в ходе «национальной революции», участвовал в разработке декрета «об обеспечении единства партии и государства» и т. д.

В последующем Папен преданно служил гитлеровскому режиму.

После путча 1934 года Папен приказал своему сотруднику Чирскому явиться в гестапо, зная, какая участь его ожидает. (Документ Д-684.) Папен способствовал тому, что кровавая расправа была сохранена в тайне от общественного мнения. (Документ Д-717 и Д-718.)

Подсудимый сыграл огромную роль в реализации гитлеровских планов по захвату Австрии.

Спустя три недели после убийства Дольфуса 26 июля 1934 г. Гитлер сообщил Папену о назначении его посланником в Вену, специально отметив в письме: «Вы обладали и продолжаете обладать моим полным и неограниченным доверием». (Документ ПС-2799.)

В этой связи нельзя игнорировать показания американского посла Мессерсмита о высказываниях Папена по поводу того, что «захват контроля над Австрией является первым шагом» и что он, Папен, находится в Австрии для того, чтобы «ослабить Австрийское правительство». (Документ США-57.)

Подсудимый был основным советником Гитлера в реализации планов захвата Австрии. Именно он предлагал различные тактические приемы, которые должны были, с одной стороны, усыпить бдительность мирового общественного мнения, а с другой — дать возможность Германии завершить военные приготовления. Это с бесспорностью вытекает из заявления Папена австрийскому министру Бергер-Вальденеггу (документ ПС-1760), доклада гаулейтера Рейнера от 6 июля 1939 г. (документ США-61), доклада Папена Гитлеру от 21 августа 1936 г. (документ Д-706), доклада Папена Гитлеру от 1 сентября 1936 г. (документ ПС-2246, США-67) и ряда других документов, представленных в качестве доказательств.

Папен вел эту игру до тех пор, пока не был отдан приказ о подготовке германских вооруженных сил к вторжению в Австрию. (Документ США-69.) Он принял участие в созыве совещания Гитлера с Шушнигом 12 февраля 1938 г. (Документ США-69.)

Папен в письме Гитлеру настоятельно рекомендовал оказать финансовую поддержку австрийской нацистской организации «Союз свободы», особенно «в связи с продолжением ее борьбы против еврейства». (Документ ПС-2830.)

Неоспоримым является факт захвата нацистами Австрии, и бесспорным является участие Папена в осуществлении этого акта агрессии. После захвата Австрии Гитлер наградил Папена золотым значком нацистской партии. (Документ Д-632.)

При оценке деятельности Папена на посту германского посла в Турции нельзя не принять во внимание провокационную деятельность Папена как дипломата. В то время пост посла в Турции имел большое значение для осуществления гитлеровских планов агрессии.

Официальный нацистский биограф писал о Папене:

«Вскоре (после захвата Австрии) фюреру снова понадобились его (Папена) услуги, и 18 апреля 1939 г. он назначил фон Папена германским послом в Анкаре». (Документ Д-632.)

Следует отметить, что за свою деятельность в Турции Папен был награжден Гитлером «рыцарским крестом» за «боевые заслуги». (Документ Д-632.)

Таким образом, имеющиеся доказательства бесспорно устанавливают:

- 1) Папен весьма активно способствовал захвату власти нацистами;
- 2) Папен использовал все свои силы и связи для установления и укрепления гитлеровского террористического режима в Германии;
- 3) Папен принимал активное участие в осуществлении агрессивных планов гитлеровцев по захвату Австрии;
- 4) Папен верно служил Гитлеру до самого конца, используя свои силы и дипломатическую изворотливость для осуществления нацистских агрессивных планов.

Следовательно, на подсудимого фон Папена ложится весьма большая доля ответственности за преступления гитлеровского режима.

По этим мотивам я не могу согласиться с оправдательным приговором в отношении подсудимого фон Папена.

III. НЕОБОСНОВАННОЕ ОПРАВДАНИЕ ПОДСУДИМОГО ФРИЧЕ

Оправдательный приговор в отношении подсудимого Ганса Фриче исходит из того, что Фриче якобы не достиг в фашистской Германии служебного положения, делающего его ответственным за преступления гитлеровского режима, а его непосредственная деятельность не является преступной. Он характеризуется в приговоре как второстепенная фигура,

осуществлявшая директивы Геббельса, Риббентропа и имперского руководителя прессы Дитриха.

При этом упускается из виду, что именно Фриче был тем человеком, который до 1942 года практически осуществлял руководство имперской прессой, а с 1942 года стал, по его собственному выражению, «главнокомандующим германским радио». (Стенограмма утреннего заседания 23 января 1946 г.)

Для правильного уяснения роли подсудимого Ганса Фриче необходимо исходить из того, что служба пропаганды вообще и в особенности служба радиопропаганды всегда расценивались Гитлером и его ближайшими сподвижниками (например Герингом) как один из важнейших и основных факторов ведения агрессивной войны.

В гитлеровской Германии пропаганда неизменно являлась весьма важным орудием подготовки и проведения актов агрессии и воспитания послушных исполнителей преступных планов германского фашизма.

Этим целям служил очень большой, строго централизованный пропагандистский аппарат. С помощью полицейской системы и цензуры были полностью упразднены свобода печати и слова.

Основным средством пропагандистской деятельности гитлеровцев являлось ложное освещение фактов. Это весьма откровенно высказано Гитлером в «Майн кампф»: «При помощи умелого и длительного применения пропаганды можно представить народу даже небо адом и, наоборот, самую убогую жизнь представить как рай». (Документ США-276, страница 302.)

Распространение провокационных измышлений и систематический обман общественного мнения были необходимы гитлеровскому режиму для осуществления его замыслов в такой же степени, как производство вооружения и разработка военных планов. Без пропаганды, основанной на полном упразднении свободы печати и слова, германский фашизм не смог бы претворить в жизнь планы агрессии, подготовить и осуществить массовые военные преступления и преступления против человечности.

В пропагандистской системе гитлеровского государства наиболее важными элементами являлись ежедневная печать и радио.

В показаниях на Суде, определяя три фактора, обуславливающие возможность успешного ведения войны, подсудимый Геринг выделял: 1) собственно военные усилия вооруженных сил, 2) экономическую войну и 3) пропаганду, причем говорил: «Пропаганда имеет очень большое значение, в особенности пропаганда, которая ведется по радио..,

и Германия по опыту это знает лучше, чем кто-либо другой». (Стенограмма вечернего заседания 15 марта 1946 г., страница 56.)

При таком положении нельзя предположить, что высшее имперское руководство считало возможным поставить второстепенного человека на пост руководителя радиослужбы, осуществлявшего надзор за работой всех радиовещательных компаний и оперативное руководство пропагандистской деятельностью этих компаний.

Подобная точка зрения противоречит представленным доказательствам и фактическому положению вещей.

Начиная с 1942 года по 1945 год Фриче был не только главой отдела радио в имперском министерстве пропаганды, но и «уполномоченным по политической организации радио великой Германии». Это обстоятельство вполне доказано письменными показаниями самого Фриче, данными под присягой. (Документ ПС-3469, США-721.) Таким образом, Фриче являлся отнюдь не просто «одним из начальников двенадцати отделов министерства пропаганды», который только к концу войны приобрел роль лица, ответственного за имперское радиовещание, как это утверждает приговор.

Политическое руководство немецким радио оставалось за Фриче до 1945 года, то есть до момента разгрома и капитуляции фашистской Германии. Поэтому Фриче несет ответственность за лживую и провокационную деятельность германского радио в годы войны.

В качестве главы отдела прессы страны Фриче возглавил всю германскую прессу, включавшую 2300 газет, выходивших ежедневно. Он создал и значительно усовершенствовал отдел информации, добившись с этой целью от имперского руководства десятикратного увеличения денежных субсидий, предоставляемых газетам нацистским правительством — с 400 тысяч до 4 миллионов марок. В последующем Фриче принял энергичное участие в развертывании пропагандистских кампаний, подготовивших акты агрессии против Чехословакии и Польши. (Стенограмма утреннего заседания 23 января 1946 г.) Столь же активная пропагандистская деятельность, подготовлявшая акты агрессии, была развернута Фриче перед нападением на Югославию, что также признано самим подсудимым в показаниях, данных под присягой. (Стенограмма утреннего заседания 23 января 1946 г.)

Перед нападением на Советский Союз Фриче на совещании у Розенберга был предварительно осведомлен о планах военного вторжения. (Документ ПС-1039, США-146 — письменный отчет Розенберга Гитлеру по поводу подготовительной разработки восточноевропейских вопросов.)

Фриче возглавил кампанию германской прессы по лживому освещению агрессивной войны Германии против Франции, Англии, Норвегии, Советского Союза, США и других государств.

Не соответствует действительности утверждение о том, что Фриче не был осведомлен о военных преступлениях и преступлениях против человечности, совершаемых гитлеровцами в оккупированных районах. Из показаний Фриче на Суде видно, что уже в мае 1942 года, в бытность его в отделе пропаганды 6-й армии, он был ознакомлен с приказом Гитлера об убийствах советских политических работников и интеллигенции, так называемым «приказом о комиссарах». (Стенограмма вечернего заседания 28 июня 1946 г.) Также установлено, что еще в начале войны Фриче был осведомлен об осуществлявшемся немецким фашизмом уничтожении евреев в Европе. Так, комментируя слова Гитлера: «результатом войны явится уничтожение еврейской расы в Европе», — Фриче заявил: «Судьба еврейства в Европе оказалась весьма печальной, как это и предсказывал фюрер на случай войны в Европе». (Стенограмма вечернего заседания 22 ноября 1945 г., страница 38, и утреннего заседания 23 января 1946 г., страница 25.) Установлено, что подсудимый систематически пропагандировал человеконенавистническую расовую теорию, характеризуя народы, населявшие страны, сделавшиеся жертвами агрессии, как «недочеловеков». (Стенограмма утреннего заседания 28 июня 1946 г., страница 83, вечернего — страницы 1—2.)

В тот период, когда судьба фашистской Германии была уже предрешена, Фриче выступил с энергичной поддержкой подсудимого Мартина Бормана и других наиболее фанатичных гитлеровцев, организовавших подпольную террористическую организацию фашистской партии, так называемый «Вервольф».

Так, 7 апреля 1945 г. Фриче в своем последнем выступлении по радио проводил агитацию за активное участие гражданского населения Германии в этой подпольной террористической организации гитлеровцев.

Он заявил: «Пусть никто не удивляется, если кое-где в только что оккупированных районах в борьбе принимает участие гражданское население и даже после окончательного проведения оккупации продолжает вестись борьба людьми в гражданском платье. Если без подготовки и без организации из самого инстинкта жизни возникло это исключительное явление, — мы сегодня назовем его «Вервольф». (Документ СССР-496.)

В своих выступлениях по радио Фриче приветствовал применение Германией новых террористических методов ведения войны, в частности применение ракетных снарядов «Фау». Получив предложение о введении в действие средств биологиче-

ской войны, он немедленно направил его для реализации в ОКВ. (Документ СССР-484, доказательства, предъявленные на вечернем заседании 28 июня 1946 г.)

Считаю виновность Фриче полностью доказанной. Его деятельность имела весьма существенное значение в подготовке и проведении агрессивных войн и других преступлений гитлеровского режима.

IV. О МЕРЕ НАКАЗАНИЯ ПОДСУДИМОМУ РУДОЛЬФУ ГЕССУ

Приговор Суда дает правильную и полную характеристику того особого положения, которое занимал в системе руководства гитлеровской партии и государства подсудимый Рудольф Гесс.

Он действительно был «ближайшим доверенным лицом Гитлера».

Гессу были предоставлены исключительно большие полномочия.

В этой связи достаточно указать на декрет Гитлера о назначении Гесса своим заместителем. Там было сказано: «Настоящим я назначаю Гесса моим заместителем и даю ему полную власть выносить решения от моего имени по всем вопросам партийного руководства». (Стенограмма вечернего заседания 7 февраля 1946 г.)

Но компетенция Гесса отнюдь не ограничивалась вопросами партийного руководства.

В официальном издании НСДАП «Партийный ежегодник на 1941 год» сказано: «В дополнение к обязанностям партийного руководителя заместитель фюрера обладает далеко идущими полномочиями в области государства. Этими полномочиями являются:

во-первых, участие в национальном и государственном законодательстве, включая подготовку приказов фюрера. Заместитель фюрера, таким образом, утверждает концепцию партии...;

во-вторых, заместитель фюрера одобряет предполагаемые назначения официальных лиц и лидеров трудовой службы;

в-третьих, он обеспечивает влияние партии на самостоятельные правительства объединенных провинций». (Документ США-255, ПС-3163.)

Гесс был решительным приверженцем агрессивной политики Гитлера. Совершенные им преступления против мира достаточно полно отражены в приговоре Суда. Последним из этих преступлений следует считать миссию, принятую на себя Гессом при отлете в Англию, рассчитанную на то, чтобы облегчить

осуществление агрессии против Советского Союза путем временного замирения с Англией.

Неудача этой миссии привела к изоляции Гесса, и он не принимал непосредственного участия в планировании и совершении последующих преступлений гитлеризма.

Однако не подлежит сомнению то, что Гесс сделал все зависящее от него для подготовки этих преступлений.

Гесс наряду с Гиммлером выступил в роли создателя тех эсэсовско-полицейских организаций германского фашизма, которые впоследствии осуществили наиболее жестокие преступления против человечности.

Подсудимый прямо указывал на «особые задачи», которые должны быть выполнены эсэсовскими формированиями на оккупированных территориях.

При создании войск СС («Ваффен СС») Гесс издал через партийную канцелярию специальный приказ, в котором обязывал органы гитлеровской партии всемерно содействовать набору в эти войска членов партий. Он следующим образом формулировал тогда задачи, стоящие перед «Ваффен СС»:

«Соединения войск СС, состоящие из национал-социалистов, благодаря их усиленной национал-социалистской подготовке в отношении проблем расы и национальности, более подходят, чем другие вооруженные соединения, для специальных задач, которые должны разрешаться на оккупированных восточных территориях». (Документ ВВ-267, ПС-3245.)

Еще в 1934 году подсудимый выступил в качестве инициатора предложения, чтобы так называемая «СД при рейхсфюрере СС» (служба безопасности) приобрела исключительные полномочия, став главенствующей силой в фашистской Германии. 9 июня 1934 г. Гесс издал декрет, согласно которому «СД при рейхсфюрере СС» была объявлена «единственной организацией службы политической информации и защиты партии». (Документ ВВ-257.)

Таким образом, подсудимый принимал непосредственное участие в создании и укреплении системы специальных полицейских органов, подготовляемых для совершения преступлений на оккупированных территориях.

Гесс всегда выступал как последовательный сторонник человеконенавистнической теории «высшей расы».

В речи, произнесенной еще 16 января 1937 г., он, говоря о воспитании немецкого народа, указывал: «Они должны быть воспитаны таким образом, чтобы ставить немцев выше людей других наций, независимо от их социального положения или происхождения». (Документ ВВ-253, ПС-3124.)

Гессом был подписан так называемый «Закон о защите крови и чести» от 15 сентября 1935 г. (Документ США-200, ПС-3179.) В тексте этого закона было указано, что «заместителю фюрера поручается издать необходимые декреты и постановления» для практического проведения в жизнь нюрнбергских законов.

14 ноября 1935 г. Гессом был издан указ согласно закону об имперском гражданстве, по которому евреи лишались права голосовать при выборах и занимать общественные посты. (Документ ВВ-258, ПС-1417.)

20 мая 1938 г. декретом за подписью Гесса действие нюрнбергских законов было распространено на Австрию. (Документ ВВ-259, ПС-2124.)

12 октября 1939 г. Гесс подписал декрет «об учреждении администрации польских оккупированных территорий». («Рейхсгезетцблатт» № 210, 1939 год, страница 2077.) Статьей 2 этого декрета подсудимому Франку были предоставлены в Польше права диктатора.

Имеются веские доказательства того, что подсудимый не ограничился этим общим распоряжением, введя на территориях оккупированной Польши режим произвола. Как видно из письма имперского министра юстиции к начальнику имперской канцелярии от 17 апреля 1941 г., Гесс явился инициатором создания особых «уголовных законов» для поляков и евреев на оккупированных восточных территориях. Роль подсудимого в создании этих «законов» характеризуется министром юстиции следующим образом:

«В соответствии с мнением заместителя фюрера я исходил из той точки зрения, что поляк менее чувствителен к обычному тюремному заключению...». Согласно этим новым видам наказания «заключенные должны содержаться вне тюрем в лагерях и должны быть принуждены к тяжелейшему труду...». «Введение телесного наказания, которое заместитель фюрера вынес на обсуждение, не было включено в проект. Я не могу согласиться с этим видом наказания...». «Судопроизводство, включавшее предъявление обвинения, было упразднено, поскольку казалось совершенно невыносимым, чтобы поляки или евреи могли иметь возможность заставить германского обвинителя предъявлять им обвинительное заключение. Поляки и евреи были также лишены права возбуждать судебное преследование от своего имени или привлекаться на стороне обвинения». «С самого начала имелось намерение, в случае нужды, увеличить «особые условия». Когда эта нужда через некоторое время стала явной, был издан... дополнительный указ, на который имелась ссылка в письме заместителя фюрера». (Документ ВВ-268, Р-96.)

Таким образом, не подлежит сомнению, что Гесс наряду с другими главными военными преступниками виновен в совершении преступлений против человечности.

Учитывая, что Гесс был третьим по значению политическим руководителем в гитлеровской Германии, что он играл решающую роль в преступлениях фашистского режима, я считаю единственно правильной мерой наказания для него — смертную казнь.

V. НЕПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ О ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ КАБИНЕТЕ

Комитет обвинителей поставил перед Трибуналом вопрос о признании преступной организацией правительственного кабинета фашистской Германии. Приговор необоснованно отвергает предложение обвинителей, не признавая гитлеровское правительство преступной организацией.

С этим решением я согласиться не могу.

Трибунал признал установленным, что гитлеровцами совершены бесчисленные и чудовищные преступления.

Трибунал признал установленным, что эти преступления, как правило, совершались преднамеренно и организовано, по заранее разработанным планам и директивам.

Трибунал признал преступными несколько массовых организаций гитлеровского режима, которые были созданы гитлеровцами для выполнения их планов.

При этих условиях представляется тем более необоснованным и принципиально неправильным отказ в признании преступной организацией гитлеровского правительства, которое являлось руководящим штабом, принимавшим прямое участие в разработке этих преступных планов. Члены этого штаба были наделены большой властью, руководили соответствующими ведомствами, каждое из которых по своей линии участвовало в составлении и претворении в жизнь этих планов.

В подтверждение уместно привести несколько фактов.

Немедленно после захвата фашистами власти — 24 марта 1933 г. был издан закон «О защите народа и государства», которым имперскому правительству, помимо рейхстага, было предоставлено право законодательства.

26 мая 1933 г. имперское правительство издает указ о конфискации собственности коммунистических организаций, а 14 июля того же года конфискует собственность социал-демократических организаций. 1 декабря 1933 г. имперское правительство публикует закон «Об обеспечении единства партии и государства».

Продолжая ликвидацию демократических институтов, имперское правительство в 1934 году законом «О реконструкции импе-

рии» отменяет демократические выборы в центральные и местные представительные учреждения. Рейхстаг превращается в учреждение, не имеющее реального значения. (Стенограмма вечернего заседания 22 ноября 1945 г., страницы 23—25.)

Законом от 7 апреля 1933 г. и другими все государственные служащие, в том числе и судьи, замеченные когда-либо в антифашистских настроениях или в принадлежности к левым организациям, а также евреи, были уволены со службы и заменены фашистами. Согласно «Основным положениям немецкого закона о чиновниках» от 26 января 1937 г. «внутренняя связь чиновника с партией является предпосылкой для его назначения на должность... Чиновник должен быть исполнителем воли национал-социалистического государства, руководимого НСДАП». (Документ защиты № 28, страница 59.)

1 мая 1934 г. создается министерство образования, которому поручается воспитание учащихся в духе милитаризма, расовой непримиримости и извращенного фашистскими бредовыми идеями представления о действительности. (Документ ПС-2078.)

Уничтожаются свободные профсоюзы, собственность их конфискуется, а большинство руководителей заключаются в тюрьмы.

Для подавления всякого сопротивления правительством создаются гестапо и концентрационные лагеря. Без всякого суда и предъявления какого-либо конкретного обвинения арестовываются и истребляются сотни тысяч людей по одному подозрению в антифашистских настроениях.

Были изданы так называемые нюрнбергские законы против евреев. Члены имперского правительства — Гесс и Фрик издали дополнительные декреты в развитие этих законов.

Деятельность гитлеровского правительства привела к войне, унесшей миллионы человеческих жизней и причинившей неисчислимый материальный ущерб и неизмеримые страдания народам.

4 февраля 1938 г. Гитлер создал тайный совет министров, в следующих словах определив его назначение: «Для помощи мне советами по вопросам внешней политики я создаю тайный совет». («Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, страница 112, документ ПС-2031.) Внешняя политика гитлеровского правительства была политикой агрессии. Поэтому члены тайного совета должны быть признаны ответственными за эту политику.

На процессе были попытки представить тайный совет как фиктивный, никогда практически не функционировавший. Однако с этим согласиться нельзя. Достаточно вспомнить письмо Розенберга к Гитлеру, в котором Розенберг настойчиво добивается назначения в качестве члена тайного совета министров, чтобы оценить значение этого совета.

Еще большее значение в практической подготовке агрессивных войн имел имперский совет обороны, возглавляемый Герингом. Членами совета обороны, как известно, являлись: Гесс, Фрик, Функ, Кейтель, Редер, Ламмерс. (Документы ПС-2194, ПС-2018.)

Значение совета обороны и его роль в подготовке войн были охарактеризованы Герингом на заседании от 23 июня 1939 г. «Совет обороны империи является решающим центром в империи по вопросам подготовки к войне». (Документ ПС-3787, США-782.)

Тогда же Геринг подчеркнул, что «заседания совета обороны созываются для принятия самых важных решений». Из представленных обвинением протоколов заседаний имперского совета обороны видно, что совет действительно принимал очень важные решения. Из этих протоколов также видно, что в обсуждении мероприятий по подготовке к войне наряду с членами совета обороны участвовали и другие министры. Так, на заседании 23 июня 1939 г. приняли участие министры: труда, продовольствия и сельского хозяйства, финансов, путей сообщения и другие, а протокол заседания был разослан всем министрам. (Документ США-782.)

Приговор Трибунала справедливо отмечает некоторые особенности гитлеровского правительства как руководящего государственного органа: отсутствие регулярных заседаний кабинета, издание в некоторых случаях законов отдельными министрами, пользовавшимися необычной самостоятельностью, огромная личная власть Гитлера. Эти особенности, однако, не опровергают, а лишь подтверждают вывод, что гитлеровское правительство — не обычное правительство, а преступная организация.

Конечно, Гитлер обладал весьма значительной личной властью, но это ни в коей мере не снимает ответственности с правительственного кабинета, члены которого были убежденными приверженцами Гитлера, наиболее приближенными к нему руководящими лицами, практически осуществлявшими и одобрявшими все его мероприятия, пока не пришлось за них отвечать.

Я считаю, что имелись все основания признать гитлеровское правительство преступной организацией.

VI. НЕПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ О ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ И ОКВ

В приговоре неправильно отвергается обвинение в преступной деятельности генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил.

Отказ в признании преступной организацией генерального штаба и ОКВ противоречит фактическому положению вещей и доказательственным материалам, предъявленным в ходе судебного следствия.

Не подлежит сомнению, что руководящий состав вооруженных сил фашистской Германии наряду с партийно-эсэсовским аппаратом являлся важнейшим органом по подготовке и осуществлению агрессивных и человеконенавистнических планов. Это со всей определенностью признавалось и подчеркивалось самими гитлеровцами в их официальных изданиях, предназначенных для офицеров вооруженных сил. В фашистском партийном издании «Политика и офицер третьей империи» прямо говорилось о том, что фашистский режим поддерживают и возглавляют «два столпа: партия и вооруженные силы. Они являются формами выражения той же философии жизни...», «задачи партии и вооруженных сил находятся в неразрывном единстве и в общей ответственности... они зависят от успеха или неуспеха друг друга». (Документ ПС-4060, США-928, страница 4.)

Эта органическая взаимосвязь между гитлеровским партийно-эсэсовским аппаратом и фашистскими вооруженными силами была особенно крепка на той верхней ступени военной иерархии, которую Обвинительный акт объединяет понятием преступной организации — генеральный штаб и ОКВ.

Самый подбор представителей верховного командования в гитлеровской Германии подчинялся критериям преданности режиму со стороны офицеров и их готовности сочетать осуществление агрессии с выполнением преступных директив в отношении обращения с военнопленными и мирным населением на оккупированных территориях.

Руководители германских вооруженных сил были отнюдь не просто офицерами, достигшими определенных ступеней военной иерархии. Они являлись, прежде всего, сплоченной группой, которой были доверены наиболее засекреченные планы гитлеровского руководства. Представленные доказательства полностью подтверждают, что военные руководители вполне оправдали это доверие и были убежденными сторонниками и ревностными исполнителями гитлеровских планов.

Не случайно во главе верховного командования военно-воздушными силами стоял «второй человек» фашистского «рейха» — Геринг; верховное командование военно-морскими силами возглавлял Дениц, впоследствии назначенный Гитлером своим преемником; верховное командование вооруженными силами было сосредоточено в руках Кейтеля, подписавшего большую часть директив об уничтожении военнопленных и мирного населения оккупированных территорий.

Поэтому не могут быть признаны уместными параллели с построением высшего военного командования в союзных государствах.

В демократической стране ни один уважающий себя военный специалист не будет готовить одновременно с разработкой чисто военных планов мероприятия по осуществлению массовых репрессий в отношении мирного населения или заранее санкционировать безжалостное обращение и убийство военнопленных.

Между тем именно этим занимались высшие руководители генерального штаба и ОКВ фашистской Германии. Факт совершения ими тяжчайших преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности не только не отрицается, но специально подчеркивается в приговоре Суда. Однако из этого факта не сделано надлежащего вывода.

В приговоре сказано:

«Они опозорили почетную профессию воина. Без их военного руководства агрессивные устремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными...»

И далее:

«Многие из этих людей сделали насмешкой солдатскую клятву повиновения военным приказам. Когда это в интересах их защиты, они заявляют, что должны были повиноваться. Когда они сталкиваются с ужасными гитлеровскими преступлениями, которые, как это установлено, были общеизвестны для них, они заявляют, что не повиновались».

Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершившихся преступлений в более широких и более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать. Об этом должно быть сказано».

Все эти утверждения приговора справедливы и основываются на многочисленных достоверных судебных доказательствах. Непонятно только, почему «эта сотня высших офицеров», причинившая миру и своей собственной стране столько страданий, не признана преступной организацией.

В обоснование этого в приговоре приводятся противоречащие фактам утверждения:

а) что указанные преступления были совершены представителями генерального штаба и ОКВ как отдельными личностями, но не как членами преступного сообщества и

б) что генштаб и ОКВ были лишь орудием в руках заговорщиков и простыми интерпретаторами их воли.

Многочисленные доказательства опровергают эти выводы.

1. Руководящие представители генерального штаба и ОКВ наряду с узким кругом высших

гитлеровских чиновников привлекались заговорщиками к разработке и осуществлению планов агрессии не как пассивные исполнители, но как активные участники заговора против мира и человечества.

Без их советов и активного содействия Гитлер вообще не мог бы разрешать эти вопросы. В большинстве случаев их мнение было решающим.

Невозможно представить себе, как могли осуществляться агрессивные планы гитлеровской Германии, если бы основной руководящий состав вооруженных сил их полностью не поддерживал.

Гитлер менее всего скрывал свои преступные планы и движущие их мотивы именно от руководящих представителей военного командования. Так, готовя нападение на Польшу, он еще 29 мая 1939 г. на совещании с высшими военачальниками в новой имперской канцелярии заявлял им:

«Речь идет для нас о расширении жизненного пространства на Востоке».

«Таким образом, отпадает вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, и остается решение напасть на Польшу при первой возможности». (Документ Л-79.)

Задолго до момента захвата Чехословакии в директиве от 30 мая 1938 г. Гитлер, обращаясь к представителям военного командования, цинично заявлял:

«Самым благоприятным в военном и политическом отношении моментом является молниеносный удар на почве какого-нибудь инцидента, которым Германия будет спровоцирована в самой резкой форме и который морально оправдывает военные мероприятия в глазах хотя бы части мировой общественности». (Документ ПС-388.)

Перед захватом Югославии в директиве, датированной 27 марта 1941 г., Гитлер, обращаясь к представителям верховного командования, писал:

«Даже в том случае, если Югославия заявит о своей лояльности, ее следует рассматривать как врага и вследствие этого разгромить так скоро, как это будет возможно». (Документ ПС-1746.)

Готовя нападение на СССР, Гитлер привлек представителей генштаба и ОКВ к разработке связанных с этим планов и директив отнюдь не как простых военных специалистов.

В «Указаниях о применении пропаганды в районе «Барбаросса», изданных ОКВ в июне 1941 года, указывалось:

«Пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза». (Документ СССР-477.)

Уже 13 мая 1941 г. ОКВ предписало войскам применение любых террористических мер против гражданского населения временно оккупированных районов Советского Союза.

Там же специально оговаривалось: «Чтобы утверждались только такие приговоры, которые соответствуют политическим намерениям руководства». (Документ С-50.)

2. ОКВ и генеральным штабом были изданы наиболее жестокие постановления и приказы о беспощадных мероприятиях против безоружного мирного населения и военнопленных.

В «Распоряжении об особой подсудности в районе «Барбаросса» ОКВ, подготавливая нападение на Советский Союз, заранее отменило действие военных судов, предоставив право расправы с мирным населением отдельным офицерам и солдатам. Там говорилось, в частности: «Преступления враждебных гражданских лиц изымаются из подсудности военных и военно-полевых судов., заподозренные элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру. Последний решает, должны ли они быть расстреляны., категорически запрещается сохранять заподозренных для предания их суду».

Там же предусматривались «самые крайние меры», в частности «массовые насильственные меры, если обстоятельства не позволяют быстро установить конкретных виновников».

В этом же распоряжении ОКВ заранее гарантировало безнаказанность военным преступникам из числа военнослужащих германской армии.

Там говорилось: «Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок...»

В ходе войны верховное командование последовательно проводило эту линию, усиливая террор в отношении военнопленных и мирного населения оккупированных стран.

В директиве ОКВ от 16 сентября 1941 г. говорилось:

«Следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости». (Документ ПС-98.)

ОКВ 23 июля 1941 г., обращаясь к командующим армейскими группировками, прямо ориентировало их на то, что «не в истребовании дополнительных охранных частей, но в применении соответствующих драконовских мер командующие должны находить средства для содержания в порядке своих районов безопасности». (Документ ПС-459.)

В директиве ОКВ от 16 декабря 1941 г. говорилось:

«Войска... имеют право и обязаны применять... любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху...» (Документ СССР-16.)

К числу наиболее жестоких директив ОКВ об обращении с военнопленными нужно отнести приказ под названием «Кугель» («Пуля»).

Основанием для применения смертной казни к военнопленным служили проступки, которые, согласно международным конвенциям, вообще не могли влечь за собой применения наказания (например побег из лагеря).

В другом приказе — «Мрак и туман» — говорилось:

«За проступки такого рода кара, заключающаяся в лишении свободы и даже в пожизненном заключении, является признаком слабости. Добиться действительной эффективности можно только смертной казнью или такими мерами, которые обуславливают незнание населения о судьбе виновных». (Документ Л-90, США-503, стенограмма вечернего заседания 25 января 1946 г.)

В процессе судебного следствия были широко представлены доказательства применения этих приказов. Одним из примеров подобного рода преступлений является убийство 50 английских офицеров-летчиков. То обстоятельство, что это преступление было инспирировано верховным командованием, не вызывает сомнения.

ОКВ был также разослан приказ об уничтожении отрядов «командос». Суду представлен оригинал этого приказа. (Документ ПС-498, США-501.) Входившие в отряды «командос» солдаты и офицеры союзных армий согласно этому приказу должны были быть расстреляны, за исключением тех случаев, когда был необходим допрос, после которого их все равно расстреливали.

Приказ неуклонно выполнялся командующими армейскими группировками. В июне 1944 года Рундштедт — главнокомандующий немецкими войсками на Западе, докладывая, что приказ Гитлера «об обращении с группами «командос» противника до настоящего времени выполняется». (Документ ПС-531, США-550.)

3. Верховное командование наряду с СС и полицией ответственно за все наиболее жестокие полицейские действия в оккупированных районах.

В инструкции «об особых областях», изданной ОКВ 13 марта 1941 г., предусматривалась необходимость согласования действий на оккупированных территориях между командованием армии и рейхсфюрером СС. Как видно из показаний начальника

третьего управления РСХА и одновременно начальника эйнзатц-группы «Д» Отто Олендорфа и начальника шестого управления РСХА Вальтера Шелленберга, во исполнение указаний ОКВ между генеральным штабом и РСХА было заключено соглашение об организации специальных «оперативных групп» полиции безопасности и СД — эйнзатцгрупп, придаваемых соответствующим армейским группировкам.

Преступления, совершенные эйнзатцгруппами на территории временно оккупированных районов, неисчислимы. Эйнзатцгруппы действовали в тесном контакте с командующими соответствующими армейскими группировками.

Весьма характерен для доказательства этой связи следующий отрывок из отчета эйнзатцгруппы «А»:

«... В наши задачи входило установить личный контакт с командующим и начальником тыла. Нужно отметить, что отношения с армией сложились самые лучшие, в некоторых случаях близкие, почти сердечные, как, например, с командующим танковой группой генерал-полковником Гепнером». (Документ Л-180.)

4. Представители верховного командования действовали во всех звеньях как члены преступной группы.

Директивы ОКВ и генштаба, несмотря на явные нарушения международного права и обычаев ведения войны, не только не вызвали протеста со стороны высших штабных офицеров и командования отдельных армейских групп, но неуклонно претворялись в жизнь и дополнялись изданными в развитие этих директив еще более жестокими приказами.

В этом отношении характерна обращенная к солдатам директива командующего армейской группировкой фельдмаршала фон Рейхенау: «Солдат на восточных территориях является не просто воином в соответствии с искусством ведения войны, но также является носителем беспощадной национальной идеологии». И далее, призывая к истреблению евреев, Рейхенау писал: «Таким образом, солдат должен иметь полное понимание необходимости в жестоком и справедливом мщении против недочеловеков — евреев». (Документ США-556.)

В качестве примера можно также сослаться на приказ фельдмаршала фон Манштейна, адресованный солдатам. В этом приказе, исходя из «политических целей войны», фельдмаршал цинично призывал солдат вести ее, нарушая «установленные правила ведения войны в Европе». (Документ США-927.)

Таким образом, в ходе предъявления доказательств в полной мере установлено, что генеральный штаб и верховное командование гитлеровской армии представляли собою очень опасную преступную организацию.

* * *

Я счел своим долгом судьи написать особое мнение по тем важным вопросам, по которым я разошелся с решением членов Трибунала¹.

Член Международного Военного Трибунала от СССР

Генерал-майор юстиции *И. Т. Никитченко*

1 октября 1946 г.

¹ О том, как реагировала мировая общественность на Особое мнение советского судьи, видно, например, из заявления представителя газеты «Фронт националь»:

«Я с удовлетворением отмечаю вынесение смертного приговора двенадцати подсудимым, но одновременно считаю своим долгом заявить категорический протест от имени всех французских патриотов против совершенно неприемлемого приговора в отношении Шахта, фон Папена и Фриче. Общеизвестным фактом является то, что все они являются участниками нацистского заговора. Шахт предоставил деньги для того, чтобы пустить в ход дьявольскую машину нацизма. Папен непосредственно подготовил захват власти Гитлером.

Рассматривать ОКВ, генеральный штаб, СА и имперский кабинет не как преступные организации, — значит оправдывать фашизм. У французского народа вызывает глубокое удивление уступчивость французских судей в этом вопросе.

Один акт закончен, но трагедия продолжается. Нюрнбергский процесс показал, что следует проявлять бдительность и неустанно бороться с остатками фашизма и что наша задача заключается в том, чтобы окончательно покончить с фашизмом». — Составители.

Исполнение приговора... (faint text)

Исполнение приговора... (faint text)

Исполнение приговора... (faint text)

Исполнение приговора... (faint text)

Исполнение приговора... (faint text)

Исполнение приговора... (faint text)

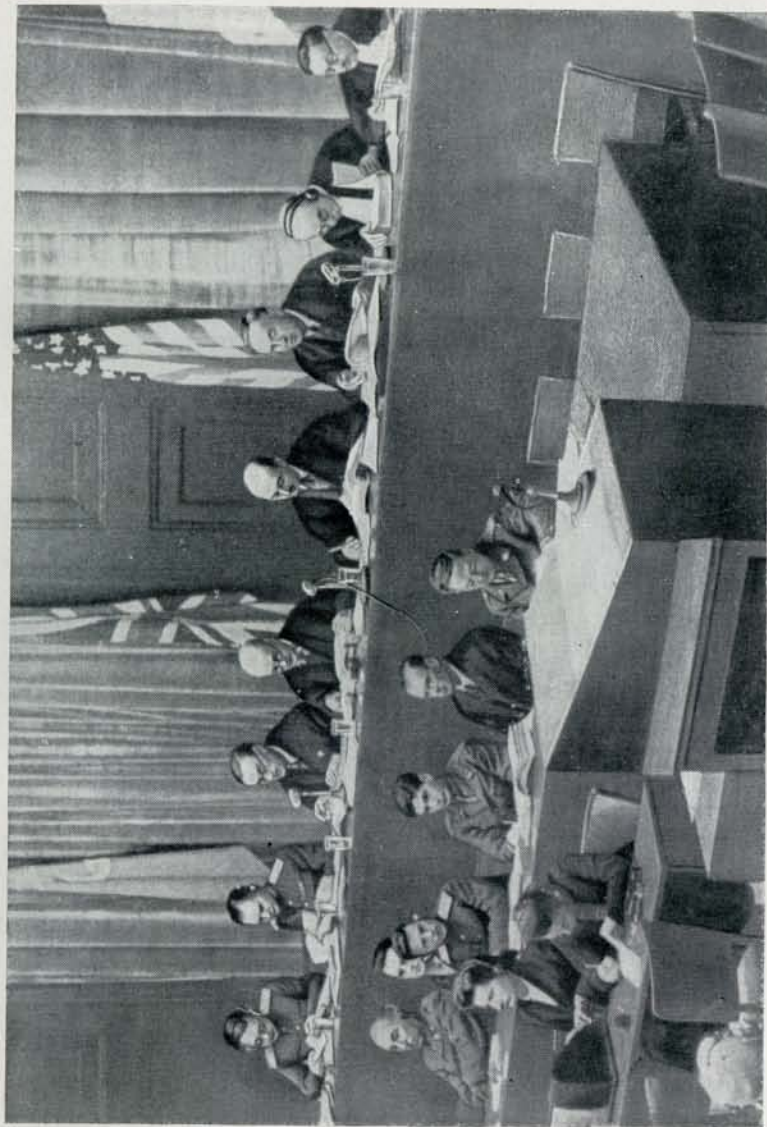
Исполнение приговора... (faint text)

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА

Исполнение приговора... (vertical text on the right edge)

ПРИГОВОРА
ИСПОЛНЕНИЕ

Международный Военный Трибунал в момент оглашения приговора. Оглашает приговор
член Трибунала от СССР И. Т. Никитченко

РЕШЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ЗАСЕДАНИЯ КОНТРОЛЬНОГО СОВЕТА ПО ХОДАТАЙСТВАМ ОСУЖДЕННЫХ О ПОМИЛОВАНИИ

9 и 10 октября 1946 г. в Берлине состоялось 42-е чрезвычайное заседание Контрольного Совета под председательством генерала армии Кенига. На заседании присутствовали: Маршал Советского Союза Соколовский, генерал Макнерни и Маршал Королевских воздушных сил сэр Шолто Дуглас.

I. Контрольный Совет, действуя во исполнение положений Лондонского Соглашения и Устава от 8 августа 1945 г. и своей директивы № 35, рассмотрел все просьбы о помиловании, представленные ему обвиняемыми, осужденными Международным Военным Трибуналом в Нюрнберге 1 октября 1946 г., или их защитниками.

II. Просьбы о помиловании были представлены от имени Геринга, Гесса, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Функа, Деница, Редера, Заукеля, Иодля, Зейсс-Инкварт, фон Нейрата, а также от имени следующих организаций, объявленных преступными по приговору Международного Военного Трибунала, а именно: СС, гестапо, СД и руководящего состава нацистской партии.

III. Просьбы о помиловании не были представлены Кальтенбруннером, фон Ширахом и Шпеером.

IV. Просьбы о помиловании Геринга, Штрейхера, Франка и фон Нейрата были представлены их защитниками без согласия на то или полномочий со стороны подзащитных; тем не менее Контрольный Совет рассмотрел по существу эти просьбы о помиловании наравне со всеми другими.

V. Действуя на основании вышеизложенного, Контрольный Совет решил:

1) что ходатайства, представленные организациями СС, гестапо, СД и руководящим составом нацистской партии, неприемлемы, поскольку Контрольный Совет не уполномочен пересматривать приговоры Международного Военного Трибунала и может только осуществлять право помилования;

2) что ходатайство Редера неприемлемо, потому что Контрольный Совет может осуществлять только право помилования

Нюрнбергская тюрьма, где содержались главные немецкие военные преступники и где был приведен в исполнение приговор Трибунала к смертной казни

по уже принятым приговорам, но не увеличивать меру наказания¹;

3) отклонить просьбы о помиловании, представленные Герингом, Гессом, Риббентропом, Кейтелем, Розенбергом, Франком, Фриком, Штрейхером, Заукелем, Иодлем, Зейсс-Инквартом, Функом, Деницем и фон Нейратом;

4) отклонить ходатайства Геринга, Иодля и Кейтеля, поданные ими на случай, если их просьбы о помиловании будут отклонены, о замене казни через повешение — расстрелом;

5) что просьба о помиловании, представленная от имени Бормана, отклоняется как преждевременная. Однако Борману предоставляется право представить такую просьбу в течение четырех дней после его ареста, когда таковой будет иметь место.

VI. В конце заседания Маршал Соколовский как советский представитель сделал следующее заявление Контрольному Совету:

«Международный Военный Трибунал в Нюрнберге заслушал дело, имеющее совершенно исключительное значение. Трибуналом рассмотрено дело о преступной агрессии, вовлекшей человечество в катастрофу мировой войны, о военных преступлениях, беспрецедентных по масштабам и жестокости, и об организованных гитлеровским государством убийствах миллионов мирных граждан.

Как член Контрольного Совета я должен констатировать, что Трибунал, в течение 10 месяцев тщательно рассматривавший все предъявленные доказательства, вынес приговор, который дает полную картину преступлений гитлеровцев.

Я твердо убежден в том, что осужденные Трибуналом главные военные преступники, с приговором которым мы только что согласились, заслужили определенное им Трибуналом наказание.

Одновременно я считаю своим долгом заявить, что я в полной мере разделяю мнение члена Трибунала от СССР генерала Никитченко и полагаю, что имелись вполне достаточные основания также для осуждения Шахта, Папена и Фриче и применения смертной казни в отношении Гесса и для признания преступными организациями гитлеровского правительства, генерального штаба и верховного военного командования.

Во время разбора дела на Суде было ясно установлено, что Папен и Шахт активно помогали Гитлеру прийти к власти. Шахт обеспечил затем экономическую и финансовую подготовку агрессии. Фриче вместе с Геббельсом в течение ряда лет вел отравляющую германский народ нацистскую пропаганду. Гесс — заместитель Гитлера по партии, третий по значению че-

¹ Подсудимый Редер просил заменить ему пожизненное заключение расстрелом. — Составители.

ловек в гитлеровской Германии, ответствен за все преступления гитлеровского режима.

Отношение мирового общественного мнения к приговору Трибунала и Особому мнению представителя от СССР убеждает делегацию от Советского Союза в Контрольном Совете в справедливости как рассмотренных нами решений Международного Военного Трибунала, так и Особого мнения члена Международного Военного Трибунала от СССР» (ТАСС).

43-е ОЧЕРЕДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНТРОЛЬНОГО СОВЕТА

10 октября 1946 г. в Берлине состоялось очередное 43-е заседание Контрольного Совета под председательством генерала армии Кенига. На заседании присутствовали: Маршал Советского Союза Соколовский, генерал Макнерни и Маршал Королевских воздушных сил сэр Шолто Дуглас.

Контрольный Совет утвердил и подписал закон № 37 об административных судах, который будет опубликован 15 октября.

Контрольный Совет подтвердил, что приведение в исполнение смертных приговоров лицам, приговоренным к смертной казни Международным Военным Трибуналом, состоится 16 октября 1946 г. При казни будут присутствовать члены четырехдержавной комиссии, назначенные для этой цели, а также по два представителя прессы от каждой из оккупирующих держав и один официальный фотограф (ТАСС).

КАЗНЬ ГЛАВНЫХ НЕМЕЦКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

СООБЩЕНИЕ ЧЕТЫРЕХДЕРЖАВНОЙ КОМИССИИ ПО ЗАКЛЮЧЕНИЮ ГЛАВНЫХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Приговоры к смертной казни, вынесенные Международным Военным Трибуналом 1 октября 1946 г. нижеуказанным военным преступникам: Иоахиму фон Риббентропу, Вильгельму Кейтелю, Эрнсту Кальтенбруннеру, Альфреду Розенбергу, Гансу Франку, Вильгельму Фрику, Юлиусу Штрейхеру, Фрицу Заукелю, Альфреду Иодлю, Артуру Зейсс-Инкварту, были приведены в исполнение сегодня в нашем присутствии.

Геринг Герман Вильгельм совершил самоубийство в 22 часа 45 минут 15 октября 1946 г.

В качестве официально уполномоченных свидетелей от немецкого народа присутствовали: министр-президент Баварии д-р Вильгельм Хогнер, главный прокурор г. Нюрнберга д-р Фридрих Лейснер, которые видели труп Германа Вильгельма Геринга.

*Четырехдержавная комиссия
по заключению главных военных преступников*

СООБЩЕНИЕ ТАСС

Нюрнберг, 16 октября. Восемь журналистов — по два от каждой из оккупирующих Германию держав — присутствовали при казни главных немецких военных преступников, приговоренных к смертной казни через повешение Международным Военным Трибуналом.

Казнь была совершена в здании, находящемся во дворе нюрнбергской тюрьмы. Приведение приговора в исполнение началось в 1 час 11 минут и закончилось в 2 часа 46 минут.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ
АССАМБЛЕЕЙ ООН
ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА,
ПРИЗНАННЫХ УСТАВОМ
НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА
И НАШЕДШИХ ВЫРАЖЕНИЕ В ЕГО ПРИГОВОРЕ

*Резолюция, принятая на заседании Генеральной Ассамблеи
11 декабря 1946 г.*

Генеральная Ассамблея признает обязательство, возложенное на нее абзацем (а) пункта I статьи 13 Устава¹, относительно организации исследования и выработки рекомендаций в целях поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации; и принимает к сведению Соглашение об учреждении Международного Военного Трибунала для судебного преследования и наказания главных военных преступников европейских стран оси, подписанное в Лондоне 8 августа 1945 г., и приложенный к нему Устав², а равно и то обстоятельство, что аналогичные принципы были приняты в Уставе Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока, провозглашенном в Токио 19 января 1946 г.³; поэтому Генеральная Ассамблея подтверждает принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедшие выражение в приговоре Трибунала;

¹ Имеется в виду Устав ООН. — Составители.

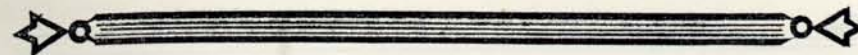
² См. том I, страницы 63—73. — Составители.

³ Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока был создан на основе соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании, Китая, Франции, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Голландии, к которому присоединились Индия и Филиппины. Деятельность этого Трибунала, состоявшего из представителей перечисленных стран, ограничилась рассмотрением одного дела — дела 28-ми главных японских военных преступников, судебный процесс над которыми происходил в Токио с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. — Составители.

предлагает Комитету по кодификации международного права, созданному согласно резолюции Генеральной Ассамблеи от 11 декабря 1946 г., рассматривать в качестве вопроса перво-степенной важности проекты, имеющие целью формулировку и внесение принципов, признанных Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедших выражение в его приговоре, в общую кодификацию преступлений против мира и безопасности человечества или в Международный уголовный кодекс¹.

(Протокол № 95/1).

¹ Несмотря на то, что Генеральная Ассамблея, поручая Комитету по кодификации международного права формулирование юридических принципов, вытекающих из Устава Нюрнбергского Трибунала, предложила рассматривать относящиеся к этому вопросу проекты «в качестве вопроса перво-степенной важности», Комитет по существу вопроса не рассматривал, а лишь составил доклад о передаче формулировки указанных принципов Комиссии международного права. Доклад был представлен второй сессии Генеральной Ассамблеи, которая передала его шестому комитету, а шестой комитет — второму подкомитету, и, наконец, 21 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея согласилась с предложением Комитета по кодификации. Первая сессия Комиссии международного права состоялась лишь в мае — июне 1949 года. Комиссия сдала формулировку принципов Нюрнбергского Трибунала в подкомитет, а подкомитет — обратно в комиссию, но в конце концов формулировка принципов была соединена с разработкой проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. В свою очередь разработка проекта Кодекса, согласно резолюции Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1954 г., была поставлена в зависимость от разрешения другой задачи — определения понятия агрессии. — Составители.

РЕШЕНИЯ ТРИБУНАЛА ПО ПРОЦЕДУРНЫМ ВОПРОСАМ, ПРИНЯТЫЕ В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ

В ходе подготовки и проведения процесса Трибуналом были приняты многочисленные решения по вопросам, связанным с представлением отдельных доказательств, разрешением ходатайств обвинителей и защитников, порядком допросов свидетелей, оглашением документов и др.

Все эти вопросы рассматривались Трибуналом либо в организационных (распорядительных), либо в судебных заседаниях без удаления или с удалением в совещательную комнату.

Решения Трибунала оглашались председательствующим — лордом Джеффри Лоренсом, который решением Международного Военного Трибунала от 17 октября 1945 г. был уполномочен подписывать все официальные распоряжения и приказы, вытекающие из принятых решений.

Ниже приводятся в хронологическом порядке решения Трибунала, за исключением тех, которые были ранее опубликованы¹.

«Краткие меморандумы, излагающие решения Трибунала, должны передаваться защите. Нет надобности возвращать эти меморандумы Трибуналу».

(Протокол организационного заседания от 6 ноября 1945 г.)

«Во избежание замедления или отсрочки процесса обвинители должны заранее сообщать Трибуналу фамилии всех свидетелей или экспертов, которых обвинители желают вызвать».

(Протокол организационного заседания от 12 ноября 1945 г.)

«Защитники организаций СС и СА должны выступить перед Трибуналом по вопросу о том, сколько свидетелей они желают вызвать для дачи показаний».

(Протокол организационного заседания от 17 ноября 1945 г.)

¹ См. том I, страницы 179, 196, 198, 199, 204—239, 513—550. — Составители.

«Все ходатайства защиты, а также распоряжения и решения Трибунала следует немедленно направлять в комнату прессы. Генеральный Секретарь должен следить за этим и докладывать Трибуналу о ходатайствах, которые, по его мнению, должны быть рассмотрены Трибуналом до того, как они будут переданы для опубликования.

Документы будут передаваться прессе по мере их представления Трибуналу в судебном заседании, но они не должны рассматриваться как доказательства, за исключением тех частей документов, которые были уже оглашены в Суде».

(Протокол организационного заседания от 19 ноября 1945 г.)

«Председатель (адвокату Диксу¹): Вы не должны обращаться ко мне по поводу ходатайства, о котором я только что говорил от имени Трибунала. Я уже указывал, что, поскольку вопрос касается юрисдикции Трибунала, оно (ходатайство. — Составители) противоречит статье 3 Устава и не будет рассматриваться.

(Стенограмма судебного заседания от 21 ноября 1945 г.)

«Председатель (адвокату Диксу): Вне зала Суда можно будет, с соблюдением правил безопасности, представить всем² возможность общаться с подзащитными. Здесь, в зале Суда, мы вынуждены ограничить вас письменным общением. Но после окончания заседания вы будете иметь полную возможность лично общаться с подзащитными».

(Стенограмма судебного заседания от 21 ноября 1945 г.)

«Председатель (подсудимому Герингу): Сейчас вы имеете право обращаться к Трибуналу только через защитника».

(Стенограмма судебного заседания от 21 ноября 1945 г.)

«Председатель: Я должен обратиться к заявлению защитника Бормана, в отношении которого Трибунал в соответствии со статьей 12 Устава решил рассматривать дело заочно.

Защитник Бормана возбудил ходатайство о том, чтобы судебный процесс в отношении его подзащитного был отложен.

Имея в виду, что предписания Устава и Регламент Трибунала проводились абсолютно точно во всем, что до сих пор было сделано, а также и то, что защитник Бормана будет иметь достаточно времени до тех пор, пока он будет призван, чтобы защищать своего подзащитного, ходатайство это Трибуналом отклонено».

(Стенограмма судебного заседания от 22 ноября 1945 г.)

¹ Защитник Шахта адвокат Дикс в начале процесса являлся лидером защиты, а затем его сменил защитник Геринга адвокат Штамер. — Составители.

Имеются в виду защитники. — Составители.

«Председатель (адвокату): Трибунал постановил, что эти документы¹ принимаются, но подсудимые могут представить возражения по ним на более поздней стадии процесса. Нет необходимости, чтобы подсудимые это делали на данной стадии процесса. Позднее они смогут представить возражения относительно доказательственной силы этих документов».

(Стенограмма судебного заседания от 23 ноября 1945 г.)

«Председатель (адвокату): Каждый документ, когда он приобщен к делу, становится частью судебного протокола и является для Трибунала судебным доказательством. Каждому подсудимому разрешено критиковать и комментировать любую часть документа, относящегося к его делу».

(Стенограмма судебного заседания от 23 ноября 1945 г.)

«Председатель: Будет более удобным для Трибунала, а также, возможно, и для защиты, чтобы папки с документами представлялись Трибуналу до того, как обвинитель начнет свое выступление по определенному разделу обвинения.

Трибуналу было бы также желательно, чтобы обвинители, если это представляется для них удобным, давали короткие объяснения по документам и обращали внимание Трибунала на те части или разделы представляемого документа, которые обвинители желают особенно подчеркнуть».

(Стенограмма судебного заседания от 23 ноября 1945 г.)

«Трибунал считает, что представление документов должно продолжаться без какого-либо перерыва, но в будущем, насколько это будет возможно, защитники подсудимых должны быть снабжены копиями документов, которые будут представляться в качестве доказательств.

Защите должна быть предоставлена полная возможность ознакомиться с документами, представляемыми Трибуналу, и сравнить их с копиями до того, как Суду передаются подлинники».

(Стенограмма судебного заседания от 23 ноября 1945 г.)

«Трибунал рассматривает дело в соответствии с теми доказательствами, которые ему представляются на Суде, а не в соответствии с тем, что публикуется прессой.

Трибунал считает, что защита должна иметь копии документов до того, как они передаются прессе».

(Стенограмма судебного заседания от 26 ноября 1945 г.)

«Председатель (заместителю Главного обвинителя от США полковнику Стори): Если вы можете давать 250 копий каждого документа прессе, то вы в состоянии давать защите более чем

¹ Речь идет о документах, представленных американским обвинителем. — Составители.

5 копий, а именно: каждому защитнику по 1 экземпляру. Впредь это должно так делаться».

(*Стенограмма судебного заседания от 26 ноября 1945 г.*)

«*Председатель (заместителю Главного обвинителя от США Олдерману)*: Я полагаю, что при цитировании документов вам следовало бы для облегчения работы Трибунала указывать не только номера, присвоенные им по общей описи трофейных документов и по описи документальных доказательств, но также и номера, за которыми они значатся в книге документов. Каждая книга документов, как я понимаю, имеет свою букву и свой номер».

(*Стенограмма судебного заседания от 27 ноября 1945 г.*)

«*Председатель (обвинителю)*: Вы должны придерживаться установленных Трибуналом правил, согласно которым только те части документа будут включены в протокол судебного заседания, которые оглашены на Суде».

(*Стенограмма судебного заседания от 28 ноября 1945 г.*)

«*Председатель*: Трибунал хочет дать ясно понять, если этого не сделано раньше, что, если защитники желают направить господину Мессерсмиту опросные листы в связи с его письменными показаниями, они могут передать их Трибуналу для пересылки по назначению».

(*Стенограмма судебного заседания от 28 ноября 1945 г.*)

«*Председатель (адвокату)*: Трибунал считает, что письма подсудимых, в том числе написанные Зейсс-Инквартром, могут быть приняты в качестве доказательства. Если Рейнер действительно находится в Нюрнберге, подсудимый имеет право ходатайствовать перед Трибуналом о вызове его в Суд для допроса в качестве свидетеля. Тогда подсудимый будет иметь возможность оспаривать содержание писем как своими показаниями, так и при помощи показаний Рейнера. Сами письма принимаются в качестве доказательства».

(*Стенограмма судебного заседания от 28 ноября 1945 г.*)

«*Председатель (адвокату)*: Ваше возражение касается не вопроса о приемлемости документа, а его доказательственного значения. Трибунал уже сообщил защитникам Кейтеля и Йодля, что они в соответствующее время, когда получают слово для защиты, будут иметь возможность ссылаться на любой документ и оглашать те его части, которые найдут нужным огласить, а также критиковать представленные обвинением документы, если сочтут это необходимым. Таким образом, ваше возражение преждевременно. Вы хотите, чтобы огласили еще одну часть этого документа? Вы сможете это сделать впоследствии сами, если найдете необходимым».

(*Стенограмма судебного заседания от 29 ноября 1945 г.*)

«*Председатель (обвинителю)*: Трибунал поручил мне заявить, что показания вызываемого свидетеля¹ должны относиться точно к тому разделу, который теперь рассматривает Суд, то есть к первому разделу Обвинительного акта».

(*Стенограмма судебного заседания от 30 ноября 1945 г.*)

«*Председатель (обвинителю)*: Если вы хотите, чтобы документы были приняты в качестве доказательства, вы должны, разумеется, зачитать их... Если защитники хотят ознакомиться с ними для перекрестного допроса, они могут это сделать».

(*Стенограмма судебного заседания от 30 ноября 1945 г.*)

«Трибунал внимательно рассмотрел вопрос, выдвинутый адвокатом доктором Штамером, и считает, что подсудимые, которые представлены защитниками, не имеют права производить перекрестный допрос свидетелей. Они имеют право выступать в качестве свидетелей² и делать заявления³ в конце процесса».

(*Стенограмма судебного заседания от 1 декабря 1945 г.*)

¹ В связи с вызовом для допроса одного из руководителей гитлеровской разведки и контрразведки генерал-майора Эрвина Лахузена, показаний которого подсудимые имели основания опасаться, защитники попытались сорвать допрос под тем предлогом, что их заранее не уведомили, что такой свидетель будет вызван, а также не поставили в известность, по каким вопросам он будет допрашиваться. После возражений обвинителей (см. том I, страницы 234—236) Трибунал принял указанное решение, которое ограничивало прямой допрос Лахузена вопросами, относящимися к развязыванию агрессивных войн. Однако фактически Лахузена допрашивали и по другим вопросам, в частности по вопросам о преступном обращении гитлеровцев с военнопленными (см. том I, страница 91; том III, страница 113). Одновременно председатель огласил следующее решение Трибунала:

«Трибунал рассмотрит заявление защиты, касающееся того, что должно и что не должно заранее сообщаться защите. В данном случае Соединенным Штатам (имеется в виду обвинитель от США.—Составители) будет разрешено вызвать своего свидетеля. Что касается ограничения характера его показаний первым разделом Обвинительного акта,—мы, я думаю, будем придерживаться такого порядка, что другие обвинители будут иметь право задавать любые вопросы, которые они найдут нужным. Они будут иметь также возможность, если захотят, вызвать свидетеля позже по другим разделам Обвинительного акта.

Что касается перекрестного допроса со стороны защиты, то она получит возможность проводить допрос самым удобным для нее образом. Так, если защитники захотят иметь возможность до перекрестного допроса поговорить со своими подзащитными, то они будут иметь эту возможность». (*Стенограмма судебного заседания от 30 ноября 1945 г.*)

В последующем с целью избежать повторных вызовов свидетелей Трибунал разрешил вести допрос по любому разделу Обвинительного акта.—Составители.

² В данном случае Трибунал исходил из правил англо-американского процесса, согласно которым подсудимый дает показания в качестве первого свидетеля защиты, хотя Устав (п. «в» ст. 17) предусматривал право Трибунала допрашивать подсудимых в качестве таковых.—Составители.

³ Имеется в виду последнее слово подсудимого.—Составители.

«*Председатель*: В будущем следует учесть, что допрошенных свидетелей не должны уводить за пределы здания Суда без разрешения Трибунала».

(*Стенограмма судебного заседания от 1 декабря 1945 г.*)

«*Председатель*: Трибунал принимает возражение защиты и не будет заслушивать эти письменные показания, данные под присягой¹. Конечно, защита или обвинение могут вызвать свидетеля, давшего эти письменные показания».

(*Стенограмма судебного заседания от 3 декабря 1945 г.*)

«Трибунал желает, чтобы я огласил новый распорядок судебных заседаний на ближайшее время. Трибунал считает, что будет более удобным установить время утренних заседаний с 10 до 13 часов с десятиминутным перерывом и время вечерних заседаний с 14 до 17 часов, опять-таки с десятиминутным перерывом. Кроме того, поскольку у Трибунала скопилось большое количество нерассмотренных ходатайств защиты о вызове свидетелей и об истребовании документов, а также ряд вопросов аналогичного характера, требующих рассмотрения, Трибунал решил не проводить по субботам утренних судебных заседаний».

(*Стенограмма судебного заседания от 4 декабря 1945 г.*)

«Трибунал считает, что при представлении документов нет необходимости зачитывать все пометки, находящиеся в начале документа, например: «совершенно секретно», «только через офицера», а также ссылаться на все номера документа и архивные данные в подтверждение его подлинности».

(*Стенограмма судебного заседания от 10 декабря 1945 г.*)

«*Председатель (обвинителю)*: По-моему, мы можем считать, что документ представлен в качестве доказательства»².

(*Стенограмма судебного заседания от 10 декабря 1945 г.*)

«*Председатель (адвокату)*: Обвинение сегодня вечером обеспечит вас тремя документами, о которых шла речь. Что касается письменных показаний, которые, возможно, будут использованы завтра, вас, во всяком случае, смогут снабдить всеми материалами, относящимися к этому вопросу...

Согласно процедуре, установленной Трибуналом, документы или их фотокопии должны помещаться в информационном центре защиты, и вы можете сравнить их и показать своему подзащитному фотокопию или подлинник... Если вы хотите сослаться на весь документ или на часть документа, вы это

¹ Речь шла о письменном показании свидетеля Бергера, данном под присягой в Нюрнберге 22 ноября 1945 г. — Составители.

² Решение принято в связи с ходатайством обвинителя об оглашении нескольких выдержек из документа ПС-1881, представленного в качестве доказательства за две недели до этого. — Составители.

сможете сделать во время вашего выступления. Для работы Трибунала неудобны столь частые перерывы...»

(*Стенограмма судебного заседания от 11 декабря 1945 г.*)

«*Председатель (адвокату)*: Если обвинитель огласит часть протокола допроса, а вы сочтете нужным сослаться на любую другую его часть для того, чтобы та часть, которая была оглашена, не ввела в заблуждение, вы будете иметь право просить об оглашении той части, которую найдете нужным огласить».

(*Стенограмма судебного заседания от 12 декабря 1945 г.*)

«*Председатель (обвинителю)*: Трибунал считает, что если вы собираетесь представить часть протокола допроса, то весь протокол целиком должен быть передан защите и тогда вы сможете оглашать ту часть, которую считаете нужным, а затем защита может сослаться на любую другую часть этого протокола непосредственно здесь, если это потребует для того, чтобы объяснить ту часть, которую вы будете зачитывать. Так что прежде, чем вы будете представлять этот протокол допроса, защитник Розенберга должен иметь копию всего этого протокола допроса на немецком языке».

(*Стенограмма судебного заседания от 12 декабря 1945 г.*)

«*Председатель (обвинителю)*: Не думаете ли вы, что это такая выдержка, которую можно было бы просто кратко изложить, а не оглашать, потому что там фактически сказано, что Заукель, его управление и уполномоченные несли ответственность за все это... Краткого изложения было бы вполне достаточно».

(*Стенограмма судебного заседания от 13 декабря 1945 г.*)

«*Председатель (адвокату)*: Когда Розенберг будет давать показания или когда вы будете выступать от его имени, вам обоим будет предоставлено право заявить о том, что он раньше никогда не видел этого документа. Обвинение желает доказать — и это, очевидно, правильно, — что этот документ найден в архиве Розенберга. Вы, как и Розенберг, можете заявлять или доказывать, что он никогда не видел этого документа».

(*Стенограмма судебного заседания от 13 декабря 1945 г.*)

«*Председатель (обвинителю)*: Трибунал, конечно, сделает это при условии, если обвинение обеспечит возможно скорое представление советскому и французскому членам Трибунала копии этого документа на русском и французском языках»¹.

(*Стенограмма судебного заседания от 14 декабря 1945 г.*)

¹ Решение было вынесено в связи с ходатайством обвинителя о том, чтобы документ ПС-1061, представляющий немецкий отчет об уничтожении гетто в Варшаве («Варшавское гетто больше не существует»), общий объем которого составляет 75 страниц, был принят полностью. — Составители.

«Председатель (адвокату): Как вы уже знаете, только те части документов, которые оглашаются на Суде, рассматриваются как доказательства и заносятся в протокол, поэтому вы через микрофон слышите на немецком языке все, что представляется в качестве доказательства. Вы должны также знать, что по две копии всех документов, которые оглашаются в Суде, направляются в информационный центр защиты. Эти документы передаются на немецком языке. Таков был порядок до сегодняшнего дня.

Предложения господина Джексона¹ очень просты. Насколько я их понял, они заключаются в следующем: вопрос о преступности организаций² не будет обсуждаться до тех пор, пока не будут представлены все доказательства обвинения (большинство документов будет представлено до рождественского перерыва). Защита будет иметь право в любое время до окончания представления доказательств возражать против любой части представленных документов по поводу этих преступных организаций.

То, что вы только что сказали, является общим возражением против процедуры, которая была принята до настоящего времени, и не имеет ничего общего с предложением господина Джексона, который лишь полагал, что прения по правовым вопросам относительно преступного характера этих организаций должны быть отложены до тех пор, пока обвинитель не представил все доказательства.

...Мы считаем, что ваши возражения имеют отношение к вопросу о том, следует ли разрешить правовые вопросы до того, как полностью будут представлены доказательства, или после этого. Тот факт, что вы выступаете на Суде в защиту большого числа членов организаций, не имеет ничего общего с тем, произойдут ли прения по правовым вопросам до, в течение или после окончания представления доказательств».

(Стенограмма судебного заседания от 14 декабря 1945 г.)

«Главные обвинители просили Трибунал изменить распоряжение, предусматривающее, что только те части документов, которые оглашаются в Суде, будут допущены в качестве доказательств.

Для того чтобы члены Трибунала, обвинители и защитники, насколько это возможно, имели все представляемые по делу доказательства полностью, Трибунал, тщательно обсудив поступившую просьбу, принял следующее постановление:

¹ Главный обвинитель от США Р. Джексон внес предложение от имени всех Главных обвинителей.

² Речь идет об СС, гестапо, генштабе, руководстве нацистской партии и других организациях германского фашизма, перечисленных в Обвинительном акте, которые обвинение просило признать преступными. — Составители.

Суду могут представляться все документы полностью. Однако Трибунал будет принимать в качестве доказательств только:

1) документы или выдержки из документов, которые оглашаются в Суде,

2) документы или выдержки из документов, оглашенные в Суде, при условии, если они были переведены на соответствующие языки членов Трибунала и достаточное количество экземпляров на немецком языке было передано в информационный центр для защитников.

Этот порядок не распространяется на документы, которые Трибунал примет в качестве бесспорных доказательств в соответствии со статьей 21 Устава...»¹.

(Стенограмма судебного заседания от 17 декабря 1945 г.)

«Председатель (обвинителю): Мне кажется, что Трибунал найдет удобным, чтобы тот или иной документ оглашался сразу, если вы позже намереваетесь к нему вернуться, вместо того чтобы время от времени зачитывать выдержки. Я хотел сказать, что легче следить за документом, если вы одновременно огласите все выдержки, а не будете возвращаться к одному и тому же документу два или три раза.

...Вы облегчите нашу задачу, если объясните, какой вывод мы должны сделать из этого документа».

(Стенограмма судебного заседания от 18 декабря 1945 г.)

«Председатель (адвокату): Мне кажется, что заявление подсудимого преждевременно. Сейчас рано обсуждать вопрос о том, является ли ваш подзащитный членом имперского кабинета или нет. Этот вопрос будет обсуждаться после того, как обвинение представит все доказательства относительно преступного характера имперского кабинета. Затем вам или другим защитникам, выступающим от имени тех, кого этот вопрос касается, будет предоставлена возможность выдвинуть свои доводы...»

(Стенограмма судебного заседания от 19 декабря 1945 г.)

«Трибунал рассмотрел ходатайство защитника подсудимого Кальтенбруннера² и решил, что предъявление доказательств, которые обвинение собирает представить Суду в отношении Кальтенбруннера лично, а не против гестапо в целом, должно быть отложено до тех пор, пока обвинение не перейдет к вопросу об индивидуальной ответственности каждого из подсудимых.

¹ Окончание не приводится, оно было опубликовано ранее, см. том I, страница 526. — Составители.

² Речь идет о ходатайстве об отложении дела, которое было заявлено в связи с болезнью Кальтенбруннера. — Составители.

Трибунал далее считает, что дело в отношении Кальтенбрунера может быть рассмотрено в последнюю очередь, после того, как будут представлены доказательства индивидуальной ответственности всех остальных подсудимых. Тогда могут быть представлены все доказательства лично против Кальтенбрунера. Если же и к тому времени Кальтенбрунер не сможет присутствовать на Суде, эти материалы будут представлены в его отсутствие.

Трибунал сейчас заслушает доказательства, которые обвинение намерено представить. Поскольку речь идет об устных показаниях, Трибунал разрешает защитнику Кальтенбрунера произвести перекрестный допрос свидетелей на более поздней стадии, если защитник пожелает это сделать».

(Стенограмма судебного заседания от 2 января 1946 г.)

«Председатель (адвокату Бабелю): Насколько я понимаю, ваше ходатайство сводится к следующему. Вы не имеете возможности произвести перекрестный допрос этих свидетелей¹ сейчас и хотите получить возможность, аналогичную той, которая была предоставлена защитнику Кальтенбрунера, то есть произвести перекрестный допрос на более поздней стадии.

Трибунал готов предоставить вам возможность произвести перекрестный допрос этих свидетелей позднее».

(Стенограмма судебного заседания от 2 января 1946 г.)

«Председатель (защитнику Кальтенбрунера): Первоначальное решение Трибунала основывалось на том, что можно разделить представление доказательств отдельно об индивидуальной ответственности Кальтенбрунера и отдельно о преступном характере гестапо. Но когда в вашем присутствии на закрытом (организационном) заседании Трибунала выяснилось, что это сделать невозможно и что доказательства настолько связаны между собой, что невозможно направить обвинение так, чтобы представить доказательства против гестапо и исключить из них материалы о Кальтенбрунере, Трибунал решил, что мы будем полностью заслушивать доказательства, которые обвинение хочет представить. Вы, однако, будете иметь возможность произвести перекрестный допрос любого из свидетелей, которые могут быть вызваны на более поздней стадии процесса. И, конечно, вы будете, кроме того, иметь полнейшую возможность ознакомиться со всеми документальными доказательствами, которые будут направлены против Кальтенбрунера, когда вы будете

¹ Речь идет о свидетелях обвинения (Олендорфе, Вислицени, Шелленберге), вызванных в подтверждение преступной деятельности СС, СД и гестапо. Адвокат Бабель участвовал в перекрестном допросе этих свидетелей 3 и 4 января. — Составители.

выступать по делу своего подзащитного, и действовать в отношении этих доказательств так, как найдете нужным».

(Стенограмма судебного заседания от 2 января 1946 г.)

«Трибунал поручил Генеральному Секретарю сообщить доктору Меркелю¹ следующее:

1. Никакой задержки в проведении процесса не будет допущено.

2. В связи с ходатайством доктора Меркеля о допросе сведущих лиц Трибунал готов рассмотреть подобные ходатайства...

Трибунал поручил Генеральному Секретарю сообщить прессе об изложенном для того, чтобы она знала, что ходатайство об отложении дела поступило и было отклонено Трибуналом».

(Протокол организационного заседания от 5 января 1946 г.)

«Трибунал детально обсудил вопросы, касающиеся составления стенограммы судебных заседаний. Во время этого обсуждения присутствовали представители обвинения, защиты, бюро переводов, а также советский, английский, французский и американский секретари делегаций.

Трибунал принял следующие решения:

1. Бюро переводов должно продолжать работу по изготовлению корреktированного текста стенограммы судебных заседаний на английском языке, сверяя эти стенограммы со звукозаписью, производящейся во время судебного заседания.

2. Этот корреktированный текст стенограммы на английском языке должен быть передан Генеральному Секретарю с тем, чтобы он совместно с советским и французским секретарями обеспечил изготовление откорреktированных соответствующим образом текстов на русском и французском языках.

3. Генеральный Секретарь также примет меры для подготовки к изготовлению такого же откорреktированного текста на немецком языке. Доктор Штамер обещал полное сотрудничество защиты в этом вопросе.

4. Генеральный Секретарь совместно с четырьмя национальными секретарями после консультации с обвинением и защитой определит, какие стилистические или иные дополнения необходимо сделать к четырем откорреktированным текстам для того, чтобы эти тексты были наиболее полными и не содержали в себе серьезных ошибок. В том случае, если Генеральный Секретарь и четыре национальных секретаря не придут к согласованному решению по поводу необходимости принятия тех или иных дополнений или изменений текста, вопрос будет передан на окончательное разрешение Трибуналу.

¹ Адвокат Рудольф Меркель, защитник гестапо, возбудил ходатайство об отложении рассмотрения дела в отношении гестапо. — Составители.

5. Генеральный Секретарь после окончания всей этой работы издаст откорректированные тексты на английском, русском, французском и немецком языках.

6. Трибунал решил отложить на некоторое время остальные вопросы, относящиеся к определению окончательной формы протокола.

Капитан 3-го ранга Стир из бюро переводов представит Трибуналу копии инструкций, данных аппарату бюро переводов для того, чтобы Трибунал был в курсе тех принципов, на основании которых составлялся откорректированный текст, а также передаст Трибуналу сведения об изменениях и дополнениях, внесенных в текст».

(Протокол организационного заседания от 5 января 1946 г.)

«Председатель (адвокату): Вы должны понять, что Трибунал на этой стадии процесса не входит в оценку того, что было сказано обвинением. Когда вы будете представлять дело от имени подсудимого Розенберга, вы будете иметь полную возможность представить любые документы, относящиеся к делу, и сделать замечания относительно документов, которые цитировались обвинителями, а также изложить все свои возражения по поводу того или иного доказательства. Но сейчас не подходящее время для того, чтобы представлять такие возражения, сейчас мы слушаем обвинителя...»

(Стенограмма судебного заседания от 8 января 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): Трибунал считает, что, останавливаясь на вопросах, которые мы уже рассматривали, вы можете освещать их в более суммарном и кратком виде, чем до сих пор делали.

Если вы сможете сократить материал, представляя его в более общем виде, это сэкономит нам значительное время и будет полезно для Трибунала... Это замечание относится и к тем, кто будет выступать после вас».

(Стенограмма судебного заседания от 8 января 1946 г.)

«Председатель (адвокату): Почти все документы, на которые ссылались в этой части дела и которые представлялись обвинителями, раньше уже фигурировали на процессе и должны иметься у защиты в течение многих дней и недель. Поэтому вы должны быть хорошо знакомы с этими документами. Новые документы, на которые здесь ссылались, весьма немногочисленны, а те выдержки, которые сейчас представляются в качестве доказательств, оглашаются перед микрофоном, и защита слушает их текст на немецком языке. Кроме того, защита может завтра изучить этот текст по стенографической записи, а потому я не вижу, какие трудности могут возникнуть для защиты, если следовать тому методу, который сейчас принят.

Обвинители из любезности передают защите заранее свои конспекты на английском языке. Они не обязаны этого делать. Поскольку это касается определенных доказательств, содержащихся в этих документах, как я уже вам указал ранее, подавляющее число этих документов было представлено много дней тому назад и они с тех пор находятся у защиты, причем все это — документы на немецком языке; то же относится и к документам, которые представляются сейчас.

Когда вам нужно сослаться на немецкий документ, этот немецкий документ вы можете получить в информационном центре защиты. Поскольку эти документы представляются обвинителями, начиная примерно с 20 ноября, вы, конечно, имели достаточно времени для того, чтобы изучить их.

...В то время, когда обвинители представляют документы, вам нет необходимости вставать и спорить по поводу интерпретации этих документов. У вас будет достаточно времени до того, как вы начнете представлять ваши доказательства, чтобы подготовить свои возражения против доказательств обвинения и высказать эти возражения...

...Каждый защитник должен иметь полную копию стенографических записей на немецком языке, в которых содержатся все доказательства, представляемые в отношении подсудимых.

...Так же, как и другие члены Трибунала, я стремлюсь к тому, чтобы создать разумные условия для удобства подсудимых и их защитников. Но вам нет необходимости в настоящий момент вставать и выдвигать свои возражения против тех документов, которые сейчас представляются...»

(Стенограмма судебного заседания от 9 января 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): Из того, что вы уже представили нам, совершенно ясно, что Розенберг был распространителем доктрин и идеологии нацистской партии, и я думаю, что нет необходимости развивать эту тему. В подтверждение материалов о том, что Розенберг лично или его помощники пытались распространить свои идеи за границей, мы не требуем никаких деталей. Мы вполне удовлетворены уже представленными материалами о деятельности бюро Розенберга. Что Розенберг был министром по делам оккупированных восточных территорий и что под его руководством находились имперские комиссары и части СС, которые пользовались правом гражданской администрации на оккупированных территориях, вы могли бы сказать одной фразой, не ссылаясь на все эти выдержки из документов.

Мне и другим членам Трибунала невозможно вести дело вместо обвинителей. Мы можем только указывать на то, что данные документы не относятся к делу или являются лишь повторением ранее представленных, и предложить обвинению

принять меры к сокращению представления доказательств. Но как сокращать и что именно сокращать — это дело обвинения».

(Стенограмма судебного заседания от 9 января 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): Когда вы цитируете небольшую часть документа, то вы должны быть уверены в том, что отрывки, которые вы огласили, не должны создавать у Трибунала ложного впечатления при сравнении с остальной частью документа».

(Стенограмма судебного заседания от 10 января 1946 г.)

«Председатель (адвокату): Трибунал считает, что документ, поскольку он является официальным документом, может быть принят Судом согласно статье 21 Устава и что возражения, которые выдвинули против него, не являются достаточными, чтобы этот документ (ВВ-175) не был принят в качестве доказательства...

Трибунал устанавливает, что этот документ является приемлемым в качестве доказательства».

(Стенограмма судебного заседания от 10 января 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): ...Переводы на русский и французский языки должны представляться одновременно. Трибунал считает, что если вы сейчас дадите краткое изложение документа (ЕС-258, США-625), то вам разрешается официально представить его только тогда, когда будет готов перевод. Вы можете сейчас вкратце изложить содержание».

Мне и некоторым членам Трибунала кажется, что будет гораздо лучше, если вы сразу отметите все важное в документе и не будете возвращаться к нему вторично. Трибунал теряет время, когда оказывается вынужденным несколько раз возвращаться к одному и тому же документу. Гораздо более ясным будет представление о документе, если вы сошлетесь на него один раз даже в том случае, когда в нем затронута несколько вопросов.

Может быть, сейчас вы этого не сможете сделать ввиду того, что вы подготовились представлять материалы иным образом. Но в будущем мы хотели бы, чтобы выступающие, когда они ссылаются на документ, из которого они намерены цитировать несколько выдержек, цитировали бы все эти выдержки, по возможности, сразу.

...Если подсудимый Шахт будет утверждать, что он ушел в отставку потому, что был против агрессивных целей, тогда для опровержения этого вы можете ходатайствовать, чтобы ваши доводы были заслушаны Трибуналом».

(Стенограмма судебного заседания от 11 января 1946 г.)

«Председатель: Защита должна понять, что во время представления ею доказательств она будет иметь возможность допрашивать подсудимых, но она не может этого делать в настоящее время. Защита должна ждать до конца представления доказательств обвинением, и тогда каждый защитник будет иметь возможность вызвать того подсудимого, от имени которого он выступает».

(Стенограмма судебного заседания от 11 января 1946 г.)

«В будущем Трибунал намерен придерживаться установленного им правила, согласно которому в целях предоставления членам Трибунала и их заместителям возможности более свободного обмена мнениями в протокол будут записываться только решения Трибунала».

(Протокол организационного заседания от 12 января 1946 г.)

«Трибунал не может устанавливать или фиксировать меру наказания¹, которая должна применяться национальными судами.

Трибунал также не может высказывать своего мнения о виновности или невиновности.

Трибунал не располагает юрисдикцией в отношении военных, национальных или оккупационных судов. Его власть в соответствии со статьей 9 Устава ограничена только вопросом признания преступности организации»².

(Протокол организационного заседания от 12 января 1946 г.)

«Председатель (адвокату Кауффману): Поскольку вы высказали утверждение, что комендант Кох был приговорен к смертной

¹ Речь идет о наказании членов организаций, которые будут Трибуналом признаны преступными. — Составители.

² Согласно статье 9 при рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией.

Вместе с тем статья 10 Устава предусматривала: «Если Трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из Подписавшихся Сторон имеют право привлечь к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию». В соответствии с Московской Декларацией 1943 года, Лондонским Соглашением 8 августа 1945 г. и Уставом Трибунала Контрольный Совет для Германии издал 20 декабря 1945 г. Закон № 10 о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности (см. том I, страницы 79—84). — Составители.

казни за бесчеловечное обращение¹, вам следует представить этот приговор... Вы это утверждали. Меня не интересует, откуда вы это взяли. Вы высказали утверждение, а потому вашей обязанностью является предъявить этот документ».

(Стенограмма судебного заседания от 14 января 1946 г.)

«Трибунал тщательно обсудил те обязанности, которые были возложены на него статьей 9 Устава. Трудно определить, каким образом Трибунал может заслушать представителей упомянутых организаций в соответствии со статьей 9, если учесть многообразие представляемых обвинением материалов.

В связи с этим Трибунал пришел к заключению, что на данной стадии процесса, учитывая поступление многих тысяч ходатайств, обвинение организаций и групп должно быть сформулировано более точно, чем это сделано в Обвинительном акте.

Учитывая вышеупомянутые обстоятельства, Трибунал считает целесообразным по окончании представления обвинением доказательств заслушать мнение обвинения и защиты относительно следующих вопросов, требующих обсуждения:

1. Устав не дает определения преступной организации, поэтому необходимо установить те критерии, по которым данная организация будет признаваться преступной, а также определить характер доказательств, которые будут представляться. Многие лица, обратившиеся с просьбой быть выслушанными Трибуналом, заявляют, что они в свое время были включены в члены организации принудительно, что они не имели понятия о преступных целях организации или не принимали участия в ее незаконных деяниях. Необходимо установить, могут ли подобные доказательства опровергать преступный характер организации или их следует отнести к последующим процессам, упомянутым в статье 10 Устава, когда преступность организации будет уже установлена, если Трибунал действительно решит признать ее преступной, и будет решаться вопрос об индивидуальной ответственности.

2. Исключительно важным для Трибунала является вопрос о том, в течение какого определенного отрезка времени деятельность данной организации должна быть признана преступной. Трибунал уже на данной стадии процесса желает выяснить, предполагают ли обвинители придерживаться тех сроков, которые указаны в Обвинительном акте.

3. Трибунал желает знать, будут ли в свете представляемых доказательств какие-либо лица, входящие в данную организа-

¹ Речь идет об утверждении адвоката о том, что Кох — комендант гитлеровского концлагеря Бухенвальд был якобы в 1944 году приговорен судом СС к смертной казни. — Составители.

цию, исключены из числа преступной организации, несущие ответственность за ее деяния, и если будут, то какие именно. В Обвинительном акте, предъявленном руководящему составу нацистской партии, обвинение оставило за собой право ходатайствовать о том, чтобы руководители, занимавшие менее важные посты, имевшие менее важные звания или принадлежавшие к низшим рангам руководителей, были исключены из числа лиц, включаемых в преступные организации на данном процессе, не освобождая их, однако, от ответственности по другим возбужденным против них делам. Собирается ли обвинение обратиться с подобными ходатайствами? Если да, их следует представить в данное время.

4. Трибунал, кроме того, предлагает, чтобы обвинение:

а) в отношении каждой из организаций суммировало все те элементы и признаки, которые, по мнению обвинителей, являются основанием для обвинения и признания данной организации преступной,

б) уточнило, какие именно действия со стороны отдельных обвиняемых, представших перед Судом на данном процессе, согласно смыслу статьи 9 Устава, подтверждают обвинение в преступности тех групп или организаций, членами которых они являлись,

с) представило в письменном виде краткую формулировку предполагаемой вины тех организаций, которые приговором должны быть признаны преступными.

Трибунал надеется, что нет надобности заявлять обвинению о том, что Трибунал не собирается вмешиваться в неоспоримые права обвинения представлять доказательства так, как это ему кажется наиболее целесообразным, принимая во внимание знание всех тех фактов и документов, которые находятся в распоряжении обвинителей. Но Трибунал считает своим долгом, ссылаясь на статью 9 Устава, в настоящее время ясным и точным образом определить ход дальнейшего ведения дела.

Это решение будет передано обвинителям и защите в письменном виде».

(Стенограмма судебного заседания от 14 января 1946 г.)

«Трибунал решил, что всякие поездки¹ должны предприниматься с совершенно определенной целью. Этот вопрос должен быть передан на разрешение Генерального Секретаря. Почтово-телеграфная связь должна быть по возможности обеспечена».

(Стенограмма судебного заседания от 14 января 1946 г.)

¹ Речь идет о поездках адвокатов по лагерям, где содержались эсэсовцы, гестаповцы и т. п., для беседы с лицами, которые могут быть использованы в качестве свидетелей по делу преступных организаций. — Составители.

«Председатель (обвинителю): Трибунал не интересуется всеми деталями, касающимися того, каким образом подсудимый фон Ширах приобрел власть над немецкой молодежью. Вы нам достаточно сообщили для того, чтобы у нас сложилось мнение, что он сумел приобрести абсолютный контроль над германской молодежью.

Мне кажется, что на настоящей стадии процесса имеет значение один вопрос: можете вы или нет представить Трибуналу какие-либо доказательства того, что подсудимый Ширах принимал участие в достижении агрессивных целей рейхслейтеров, или виновен ли он в совершении военных преступлений или каких-либо преступлений против человечности.

Пока вы нам не начнете представлять именно эти доказательства, ваше выступление не будет ценным для Трибунала». (Стенограмма судебного заседания от 15 января 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): Когда вы имеете дело с подобным документом, нет необходимости оглашать формальную часть. Если вы объясните характер документа и огласите существенную часть, у вас уже не будет необходимости обращаться к формальной части, например; «Я, Роберт Кемпнер, эксперт-консультант» и т. п.

...Если это документ, который мы можем принять без доказательств (вы ведь начали с того, что попросили принять документ без доказательств), и если вы можете коротко сказать о его содержании, то этого будет вполне достаточно и нет необходимости цитировать документ».

(Стенограмма судебного заседания от 16 января 1946 г.)

«Председатель (адвокату): До тех пор, пока обвинитель не представит дополнительных доказательств, что это происходило в период, когда подсудимый Фрик был министром внутренних дел, Трибунал не будет рассматривать этот документ как доказательство против Фрика»¹.

(Стенограмма судебного заседания от 16 января 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): Следует придерживаться принятого решения о том, что документ, который Трибуналом не может быть принят без доказательства, должен быть оглашен, если его намереваются представить в качестве доказательства.

¹ Речь шла о документе, который устанавливал, что гитлеровцы осуществили в Германии в 1939—1940 гг. изуверскую программу так называемой «легкой смерти», заключающуюся в массовом умерщвлении душевнобольных, «неполноценных», стариков и новорожденных детей, а заодно и всех тех, уничтожение которых было желательно для фашистской клики. Эта чудовищная программа германского фашизма была осуществлена эсэсовскими зондеркомандами, одна из которых только в Бернбурге за полтора года отравила газом и сожгла 60 тысяч человек. — Составители,

Вы можете огласить только ту часть документа, которую хотите представить в качестве доказательства. Нет надобности читать все, нужны лишь существенные части документа.

Если же вы хотите огласить содержание допроса¹ или части его, то протокол допроса не будет принят в качестве доказательства».

«Председатель (обвинителю): Неужели вы считаете необходимым углубляться в детали клиринговых операций по каждой стране? Ведь такие же операции по клирингу имели место во всех оккупированных странах, и вы на этих операциях уже останавливались. Поэтому нет нужды так подробно освещать их, говоря о Бельгии».

(Стенограмма судебного заседания от 21 января 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): Очень важно, чтобы этот процесс, как предписывает Устав, проводился как можно быстрее. Вот почему Трибунал просил вас сократить ваше выступление. Это была нелегкая задача. Трибунал весьма благодарен вам за это».

(Стенограмма судебного заседания от 22 января 1946 г.)

«Ввиду ходатайства, представленного вчера защитником подсудимого Гесса, Трибунал откладывает представление обвинителем доказательств индивидуального обвинения Гесса».

(Стенограмма судебного заседания от 24 января 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): Утром у Трибунала были некоторые затруднения, когда он следил за документами, выдержки из которых вы приводили, и у переводчиков были некоторые затруднения. Поскольку книги документов, за исключением той, которая находится передо мной, не имели пометок с номерами «ПС» или других индексов, а также сами документы не имеют порядковой нумерации, членам Трибунала трудно искать эти документы. Переводчикам также трудно найти документы во время их представления.

Не будете ли вы так добры пронумеровать сегодня вечером все эти документы, а затем передать их переводчикам и Трибуналу? Нам легче будет работать.

Нужно точно указывать, какую именно часть документа вы будете цитировать и на какой части страницы, для того чтобы нам легче было следить за цитируемым текстом документа.

...Оглашайте документ, если в нем имеется что-либо существенное, но Трибуналу уже известно число казненных заложников, и то, что вы сейчас говорите, ничего не добавляет к имеющимся сведениям....

¹ Речь идет о представленном французским обвинителем протоколе допроса свидетеля Верльена. — Составители.

Если вы считаете необходимым что-либо особо подчеркнуть, вы можете это сделать, но я считаю, что вы могли бы содержание некоторых документов суммировать и опускать подробности, когда речь идет о расстреле отдельных заложников. Однако вы можете обращать внимание Трибунала на отдельные зверства».

(Стенограмма судебного заседания от 26 января 1942 г.)

«Представленные документы могут быть возвращены только в том случае, если об этом письменно ходатайствуют Главные обвинители или их уполномоченные».

(Протокол организационного заседания от 26 января 1946 г.)

«Учитывая факты, изложенные Трибуналу в письме доктора Леверкюна от 15 января 1946 г., и возражения со стороны обвинения, будет неправильным при данных условиях назначать его защитником, ввиду чего Трибунал отменяет свое решение в этой части»¹.

(Протокол организационного заседания от 26 января 1946 г.)

«Генеральный Секретарь уполномочен указать защитникам руководящего состава НСДАП, что для Трибунала нежелательно получение индивидуальных ходатайств о вызове свидетелей до тех пор, пока обвинение не представит своих соображений по делу обвиняемых организаций, а защита — практической программы своей деятельности в связи с организациями».

(Протокол организационного заседания от 26 января 1946 г.)

«Трибунал будет применять те же принципы принятия без доказательства документов, представленных защитой, что и при представлении документов обвинением; эти принципы распространяются на опубликованные издания, находящиеся в общем пользовании, при условии, что внимание Трибунала будет обращено на выдержки, о которых идет речь».

(Протокол организационного заседания от 26 января 1946 г.)

«Председатель (адвокату): Я уже сказал то, что я должен был сказать от имени Трибунала по этому пункту², но, поскольку защита должна была предвидеть, что будут вызваны свидетели по вопросу об условиях в концентрационных лагерях, она могла подготовиться к перекрестному допросу в течение срока или более дней, пока продолжается процесс».

(Стенограмма судебного заседания от 28 января 1946 г.)

¹ Решение Трибунала в отношении Леверкюна — см. том I, страница 206. — Составители.

² Возможность для защиты дополнительно провести перекрестный допрос или вызвать свидетеля для прямого допроса. — Составители.

«Председатель (обвинителю): Защита должна располагать теми же документами, которые представляются в качестве доказательства Трибуналу. Так как фотографии были представлены Трибуналу, их следовало также передать в информационный центр защиты».

(Стенограмма судебного заседания от 29 января 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): Если у вас нет письменного показания, которое удостоверяет подлинность этих документов, они не могут считаться достоверными. Вы должны доказать подлинность этих документов либо путем вызова свидетелей, либо представления их письменных показаний, данных под присягой».

Документы, на которые вы обращаете сейчас внимание Трибунала, никем не заверены, это документы частного характера и поэтому они, конечно, не могут быть приняты в качестве доказательства... Положение можно очень легко исправить, удостоверив подлинность этих документов... Трибунал считает, что следовало бы представить какое-либо краткое письменное показание, удостоверяющее подлинность документов... Мы не можем принять эти документы только на основании вашего заявления о том, что вы полагаете, что они подлинные».

(Стенограмма судебного заседания от 30 января 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): Трибунал желает, чтобы вы, представляя документ, если он ранее не был представлен в качестве документального доказательства, присваивали ему номер и оглашали номер документального доказательства для того, чтобы стенограмма была полной».

...Трибунал рассмотрел вопрос о доказательствах, которые вы представили о концентрационных лагерях, и придерживается того мнения, что на данной стадии вы представили достаточно доказательств, с оговоркой, что подсудимые могут представить доказательства со своей стороны; кроме того, согласно пункту «е» статьи 24 Устава вы имеете право представить доказательства в опровержение доказательств подсудимых, если Трибунал сочтет нужным принять такие доказательства. Поэтому Трибунал считает, что не в интересах процесса, который согласно Уставу должен вестись быстрыми темпами, дальнейшее представление доказательств по вопросу о концентрационных лагерях, если подобные доказательства не являются каким-либо особо новым материалом о концентрационных лагерях, на которые вы еще не обращали нашего внимания. Если же такой материал имеется, то Трибунал хотел бы, чтобы вы его подробно охарактеризовали, прежде чем он будет представляться».

(Стенограмма судебного заседания от 30 января 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): Я уже сказал, что чрезвычайно важно, чтобы документы, когда они представляются в качестве

доказательства, были бы пронумерованы, кроме того, важно, чтобы номер этого доказательства был оглашен; еще более важно или в такой же степени важно, чтобы свидетельство, удостоверяющее источник этого документа, было также представлено Трибуналу.

К каждому документу, представленному обвинителями от Соединенных Штатов, приложено свидетельство, в котором излагается, где был обнаружен этот документ или каков его источник, и чрезвычайно важно, чтобы такая практика применялась во всех случаях.

...Было бы очень удобно как для Трибунала, так и для защиты, чтобы они были информированы, по крайней мере, накануне вечером о той программе, которой собирается придерживаться обвинитель на следующий день... Это, несомненно, является наиболее удобной практикой, и Трибунал желает, чтобы она впредь проводилась...»

(Стенограмма судебного заседания от 30 января 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): Если документ, будучи частным документом, а не таким, который Трибунал может принять без доказательств, не зачитывался в Суде обвинителями, то он не считается представленным в качестве доказательства».

(Стенограмма судебного заседания от 30 января 1946 г.)

«Председатель: Трибунал указал, что он придает очень большое значение тому, чтобы документы передавались в информационный центр защиты и чтобы копии документов представлялись в соответствии с установленными Трибуналом правилами. Поэтому Трибунал предлагает, чтобы это дело¹ было как можно скорее расследовано. Трибунал надеется, что в будущем этот порядок будет выполняться всеми точно.

...Было бы хорошо, если бы в виде любезности со стороны обвинения тема допроса, не фамилия свидетеля, а тема, по которой свидетель будет давать показания, заранее сообщалась бы защите, чтобы она могла подготовиться к перекрестному допросу».

(Стенограмма судебного заседания от 1 февраля 1946 г.)

«Председатель (адвокату): Когда письменные показания предъявляются обвинителем и один из защитников заявляет, что он не желает подвергать свидетеля перекрестному допросу, он должен информировать обвинение о том, желает ли он после зачитания письменного показания подвергнуть свидетеля пере-

¹ Адвокаты заявили, что они не имеют копий некоторых документов, представленных Трибуналу французскими обвинителями. Трибунал поручил произвести служебное расследование этого факта. В дальнейшем выяснилось, что заявление было сделано без достаточных к тому оснований. — Составители.

крестному допросу. Эту информацию он должен сделать для того, чтобы избежать затрат и забот по доставке свидетеля из отдаленного места».

(Стенограмма судебного заседания от 1 февраля 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): Если от имени подсудимых не будут представлены доказательства, опровергающие доказательства, представленные вами, Трибунал удовлетворится показаниями по поводу того, что нацисты применяли подобные методы пропаганды».

(Стенограмма судебного заседания от 5 февраля 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): Трибунал не может принять голословное заявление без каких-либо доказательств. Ваше утверждение отвергается, следует сначала представить доказательства».

...Этот документ¹ не имеет никакой пометки относительно того, что он найден французским правительственным органом, даже не сказано, что французские власти когда-нибудь видели документ, а потому Трибунал не считает возможным принять в качестве доказательства такой документ...

Если документ не подходит под статью 21 Устава, Трибунал не сможет принять документ в качестве доказательства без письменного показания, данного под присягой, удостоверяющего подлинность документа».

(Стенограмма судебного заседания от 6 февраля 1946 г.)

«Трибунал рассмотрел вопрос о представлении подлинных документов и принимает следующую процедуру:

во-первых, Трибунал желает, чтобы подлинные документы были представлены Генеральному Секретарю в тех случаях, когда это возможно,

во-вторых, в тех случаях, когда невозможно или чрезвычайно неудобно представить подлинные документы, Трибунал будет принимать фотокопии этих документов в том случае, если их будет сопровождать свидетельство, удостоверяющее, что это — точная копия подлинного документа и что подлинный документ является документом аутентичным, причем в этом свидетельстве должно указываться происхождение этого документа и место, где он находится в данный момент,

в-третьих, Трибунал сейчас примет фотокопии в том случае, если обвинение представит Трибуналу в возможно более короткий срок свидетельства, указанные выше.

¹ Речь идет о незаверенной копии распоряжения гитлеровских оккупационных властей, представленной французским обвинителем Жертоффером в качестве доказательства по разделу обвинения «Разграбление произведений искусства», — Составители.

Изложенные правила относятся в равной степени ко всем Главным обвинителям и ко всем документам».

(Стенограмма судебного заседания от 8 февраля 1946 г.)

«Трибунал решил предоставить бюро переводов право при обнаружении ошибок вносить поправки в оглашенные документы. Бюро приняло решение о том, чтобы были представлены исправленные копии тех документов, которые ранее были неправильно переведены.

Трибунал также постановил, что исправленные копии документов должны быть переданы Генеральному Секретарю для включения в книги документов».

(Протокол организационного заседания от 9 февраля 1946 г.)

«*Председатель:* Я не думаю, чтобы Трибунал когда-либо возлагал на обвинение обязанность представлять копию каждого документа каждому защитнику... Если я правильно помню, эта обязанность заключается в том, что подлинник или некоторое количество фотокопий должно быть передано в информационный центр защиты и некоторое количество копий документов должно быть вручено защите. В остальном защита должна полагаться на то, что каждый документ или часть документа, которая представляется в качестве доказательства, оглашается в открытом заседании Суда, и, таким образом, содержание его передается защите по трансляционной сети и вносится в стенограмму судебного заседания. Мы распорядились, чтобы копии стенограммы передавались защите в возможно короткий срок после того дня, когда доказательства были представлены. Помимо этого, мы не считаем нужным обязывать обвинение передавать все документы защите».

(Стенограмма судебного заседания от 11 февраля 1946 г.)

«*Председатель (обвинителю):* Из того, что вы сказали, я понял вас так, что поскольку это касается фотокопии заявления фельдмаршала Паулюса, то согласно желанию Трибунала будет представлено удостоверение о том, что фотостат является точной копией подлинника.

Что же касается вопроса о вызове в судебное заседание свидетелей, могущих дать очень важные показания, то фельдмаршал Паулюс будет вызван для того, чтобы защита подвергла его перекрестному допросу.

...Трибунал считает, что такой вопрос, какой вы задали относительно того, кто виновен в агрессии против Советского Союза, представляет собою один из тех вопросов, который должен решить сам Трибунал. Поэтому это не тот вопрос, на который должен давать ответ свидетель».

(Стенограмма судебного заседания от 11 февраля 1946 г.)

«Если свидетель находится где-либо вблизи от Нюрнберга, то Трибунал сочтет, что в случае представления его письменных показаний лучше вызвать этого свидетеля в Суд, чтобы он мог бы быть подвергнут защитой перекрестному допросу».

(Стенограмма судебного заседания от 11 февраля 1946 г.)

«*Председатель (адвокату):* Если вы проводите перекрестный допрос свидетеля относительно данного письма, то должны представить в качестве доказательства все письмо».

(Стенограмма судебного заседания от 12 февраля 1946 г.)

«*Председатель (адвокату):* Перекрестный допрос является опросом свидетеля по обстоятельствам, относящимся к рассматриваемому Трибуналом делу либо относящимся к степени доверия свидетелю. Вопросы же относительно обращения с военнопленными в Советском Союзе ничего общего не имеют с теми вопросами, которые подлежат рассмотрению этого Суда, они также не имеют отношения к степени доверия свидетелю. Поэтому Трибунал не будет их заслушивать, они не касаются данного Трибунала¹.

...По мнению Трибунала, мысли и действия свидетеля в то время, когда он был военнопленным в Советском Союзе, не имеют никакого отношения к степени доверия к нему, по крайней мере, насколько это касается вопросов, которые ему были поставлены. Трибунал не допускает постановки подобных вопросов».

(Стенограмма судебного заседания от 12 февраля 1946 г.)

«*Председатель:* Мне сказали, что переводчики, когда они употребляют слова «вопрос» и «ответ» перед вопросом и ответом, тем самым помогают стенографии и прессе. Поэтому переводчики могут продолжать говорить «вопрос» и «ответ» перед тем, как дается вопрос и ответ. Это только делает более очевидным, что единственное средство для устранения возникающих затруднений заключается в том, что обвинитель и свидетели должны выдерживать паузу после того, как задан вопрос, и после того, как дан ответ. Нам кажется, что обвинитель и свидетели имеют возможность слышать, когда дается перевод вопроса, и свидетель может давать свой ответ после этого».

(Стенограмма судебного заседания от 12 февраля 1946 г.)

«*Председатель:* Передо мной находится оригинал документа. В нем указано: Берлин, 1 июня 1941 г.; имеется подпись, которая

¹ При допросе Паулюса адвокаты пытались провокационными вопросами ослабить силу его разоблачительных показаний. В частности, ему задавались такие вопросы, какую должность он занимает в Советской Армии, какими преимуществами по сравнению с другими военнопленными он пользуется и т. д. — Составители.

выглядит примерно как Бакке. Возможно, защитник хотел бы ознакомиться с подлинником документа, посмотреть на него. Насколько я понял обвинителя, документ представляет часть Советского правительственного отчета, а если это действительно так, то мы должны принять его без доказательств».

(Стенограмма судебного заседания от 14 февраля 1946 г.)

«Статья 21 Устава в высшей степени ясна, она предписывает Трибуналу приобщать к делу различные документальные доказательства, которые там перечисляются, и, в частности, приобщать протоколы и приговоры военных и других трибуналов Объединенных Наций. Это — протокол и приговор советского военного трибунала, которые в силу статьи 21 Устава Международной Трибуналы обязаны принять в качестве документального доказательства. Это не лишает защитников возможности в своих речах критиковать доказательства, на которых основываются указанные протокол и приговор. Но утверждение, что эти документы не должны быть приняты, мне, а также и другим членам Трибунала кажется совершенно необоснованным».

(Стенограмма судебного заседания от 15 февраля 1946 г.)

«Если обвинение представляет в качестве доказательства какую-либо часть документа, то весь этот документ должен быть доступен защите с тем, чтобы она могла комментировать и критиковать любую часть документа».

(Стенограмма судебного заседания от 18 февраля 1946 г.)

«Ходатайство господина судьи Джексона относительно внесения некоторых исправлений в его речь с тем, чтобы она была более приемлемой для чтения (исправления без изменения смысла), удовлетворено, поскольку это относится к выступлениям и речам».

Такое право должно предоставляться каждому обвинителю при условии, если Трибунал даст на это свою санкцию.

Ходатайство адвоката Меркеля о выделении дела гестапо в отдельное производство отклоняется Трибуналом».

(Протокол организационного заседания от 19 февраля 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): Трибунал понял, что вы готовы не предъявлять этого доказательства ввиду того, что свидетель уже дал показания на Суде... И Трибунал считает, что такое решение было бы правильным. Таким образом, этот документ не будет представлен в качестве доказательства, а оглашенная его часть будет исключена из судебной стенограммы»¹.

(Стенограмма судебного заседания от 22 февраля 1946 г.)

¹ Речь идет о протоколе допроса Бах-Зелевского, допроса, произведенного после дачи им 7 января 1946 г. показаний в судебном заседании (см. том III,

«Трибунал считает, что ходатайство защиты не может быть удовлетворено по следующим основаниям.

Согласно пункту «д» статьи 24 Устава защита должна именно теперь обращаться с ходатайствами о вызове свидетелей и об истребовании документов. Это объясняется главным образом тем, что Трибунал должен доставлять вызываемых свидетелей в Нюрнберг. Трибунал в течение многих недель пытался разыскать и доставить сюда свидетелей защиты и найти истребуемые защитой документы. Нужно выяснить, относятся ли к делу эти свидетели и документы, это будет решать Трибунал. Но совершенно очевидно, что обвинение должно иметь возможность оспаривать утверждение защиты об относимости к делу показаний того или иного свидетеля либо документа, точно так же, как и защитникам такая возможность предоставляется в отношении доказательств обвинения.

Таким образом, для защиты принята такая же процедура, какая была принята и для обвинения, за тем лишь исключением, что защите было предложено одновременно представить все ходатайства о вызове свидетелей и об истребовании документов, чтобы решить вопрос об относимости к делу этих доказательств, а не рассматривать вопрос об относимости в процессе допроса каждого отдельного свидетеля и представления каждого документа. Это необходимо в связи с тем, что сам Трибунал должен разыскивать свидетелей и документы для защитников.

Вы хотели, чтобы обвинение не имело права решать вопрос по поводу вызова свидетелей. Обвинение и не будет решать этого вопроса, решать будет Трибунал, но обвинение должно иметь возможность оспаривать необходимость вызова свидетеля или приобщения некоторых документов на том основании, что показания свидетеля или содержание документа не относятся к делу или являются кумулятивными. При этом все документы должны быть переведены, чтобы Трибунал мог их рассмотреть...

Правильно то, что невозможно окончательно решать вопрос, может ли быть принята часть доказательства до того, как не будет выяснен весь объем вопроса. Именно поэтому Трибунал,

страница 351). При дополнительном допросе 28 января 1946 г. Бах-Зелевский привел ряд новых фактов, связанных с разрушением Варшавы и ролью в этом злодеянии группенфюрера СС Рейнефарта. При оглашении обвинителем протокола допроса защита потребовала повторного вызова Бах-Зелевского. Чтобы не затягивать процесс и имея в виду, что по поводу разрушения Варшавы был представлен ряд документальных доказательств, в том числе документы из гитлеровских архивов, советский обвинитель согласился исключить письменные показания Бах-Зелевского из числа доказательств (см. том III, страница 615). — Составители.

рассматривая предварительно ходатайства защиты о вызове свидетелей, подходит весьма либерально. Если ясно, что показания, которые может дать свидетель, имеют хотя бы какое-нибудь отношение к делу, Трибунал разрешает вызвать таких свидетелей. При этом Трибунал исходит, конечно, из требований Устава о необходимости обеспечить скорый суд...

Защите никогда не указывалось, что возражения против принятия Трибуналом документов обвинения должны быть отложены на более позднюю стадию процесса. Любые возражения защиты рассматривались сразу же на месте. Однако замечания относительно доказательственной силы того или иного представленного обвинением документа должны производиться именно в период представления доказательств защиты.

...Если документ относится к делу — он может быть принят, как гласит Устав.

...Для того чтобы мы не тратили напрасно время и деньги, Трибуналу необходимо заранее знать, имеют ли показания свидетелей, вызванных защитой, и истребуемые ею документы хоть малейшее отношение к данному делу... Поэтому неразумно просить Трибунал доставлять сюда свидетелей и документы (это, кроме того, находится в противоречии с Уставом) до того, как Трибунал заслушает прения по поводу приемлемости документов и свидетелей. Именно этим вопросом Трибунал и занимается. Совершенно верно, что мы не можем решить окончательно вопрос о приемлемости документов и показаний до тех пор, пока мы не заслушали свидетеля или не узнали, какую именно часть документа собираются здесь приводить и относится или не относится она к делу. Поэтому окончательное решение о приемлемости будет вынесено только тогда, когда свидетель будет приведен к свидетельскому пульту и ему будет задан вопрос или соответствующая часть документа будет представлена в качестве доказательства.

Возражения, представленные защитой по поводу документов или показаний, Трибунал заслушивал и решения по ним принимал прямо на месте...

Защитникам предоставляется право в любое время, если они захотят, ставить вопрос об исключении из судебного протокола любых документов, которые, как они считают, не должны быть приняты.

Возражения адвокатов заключались в том, что они не имели достаточно времени, чтобы подробно рассмотреть, относится ли то или иное показание свидетеля или документ к делу и являются ли они, исходя из этого, приемлемыми.

Защита имела достаточно времени, чтобы рассмотреть этот вопрос. Но если и теперь защита обратится с письменным ходатайством о том, чтобы из протокола был вычеркнут любой до-

кумент или любое показание, Трибунал такое ходатайство рассмотрит...»

(Стенограмма судебного заседания от 23 февраля 1946 г.)

«Председатель: ...Некоторое время тому назад Главный обвинитель от Франции подал ходатайство о дополнительном вызове двух свидетелей. Трибунал хотел бы, чтобы ему в случае, если имеется намерение вызвать какого-нибудь свидетеля после окончания представления доказательств кем-либо из Главных обвинителей, подавались соответствующие ходатайства в письменном виде. Трибунал поручил мне также обратить внимание обвинения и защиты на пункт «е» статьи 24 Устава, который касается опровержения ранее представленных доказательств. В случае, если представитель обвинения или защиты в надлежащее время пожелает представить доказательства в опровержение ранее представленных доказательств (после окончания представления доказательств обвинением или защитой), он должен подавать Трибуналу соответствующие ходатайства в письменной форме».

(Стенограмма судебного заседания от 26 февраля 1946 г.)

«Председатель: Точка зрения Трибунала заключается в том, что обвинение должно решить, когда оно собирается представить и огласить этот документ. Если обвинение желает представить этот документ сейчас или после окончания прений по поводу организаций, то обвинение может это сделать.

...Трибунал считает, что обвинение имеет право ходатайствовать, как оно это сделало, о том, чтобы любые из документов были приняты в качестве доказательств, и, таким образом, подсудимые будут иметь право ходатайствовать о представлении документальных доказательств во время представления материалов по индивидуальной защите подсудимых, когда дело дойдет до выступления защиты».

(Стенограмма судебного заседания от 27 февраля 1946 г.)

«Трибунал решил удовлетворить ходатайство защитника Бормана о том, чтобы дело в отношении подсудимого Бормана было заслушано в самом конце, после того как будет заслушано дело в отношении всех остальных подсудимых.

...Трибунал отклоняет ходатайство, поданное от имени всех подсудимых, о том, чтобы дело в отношении организаций, поименованных в статьях 9 и 10 Устава, рассматривалось отдельно от данного процесса».

(Стенограмма судебного заседания от 5 марта 1946 г.)

«Трибунал принимает следующее решение по вопросу об издании стенограммы судебных заседаний:

а) начать официальное издание от имени Трибунала выверенных стенограмм судебных заседаний на английском,

русском, французском и немецком языках, как только будут готовы выверенные тексты;

б) поручить Генеральному Секретарю пригласить на работу заведующего издательским отделом, подобрать для него необходимый штат и создать ему надлежащие условия работы; возложить на заведующего издательским отделом издание стенограмм и разрешение всех технических вопросов снабжения и других проблем подобного рода;

с) возложить на Генерального Секретаря редакторское наблюдение за изданием стенограмм и выполнение этой работы таким образом, чтобы облегчить введение дополнительного материала во всех тех случаях, когда Трибунал сочтет это нужным;

д) предложить Генеральному Секретарю действовать на основе меморандума капитана 3-го ранга Стира от 19 февраля 1946 г. с тем, чтобы получить необходимые фонды и материалы;

е) уведомить Контрольный Совет об этом решении Трибунала и ходатайствовать перед ним о предоставлении необходимых средств и фондов на бумагу и другие материалы».

(Протокол организационного заседания от 6 марта 1946 г.)

«Трибунал считает, что защитник должен предварительно беседовать со свидетелем для того, чтобы выявить, относятся его показания к делу или нет. Защитники не могут говорить об относимости показаний свидетелей, если они не знают, какие показания собирается давать свидетель».

(Стенограмма судебного заседания от 6 марта 1946 г.)

«Председатель (адвокату Штамеру): Я вновь обращаю внимание как ваше, так и всех защитников на то, что они не будут иметь права оглашать те документы, которые были отклонены Трибуналом».

(Стенограмма судебного заседания от 8 марта 1946 г.)

«Председатель: Трибунал рассмотрел те вопросы, которые адвокат Латернзер предполагал задать свидетелю; были также рассмотрены предложения, выдвинутые генералом Руденко и господином судьей Джексоном».

Трибунал пришел к заключению, что вопросы защитника являются неприемлемыми¹.

(Стенограмма судебного заседания от 12 марта 1940 г.)

¹ При допросе гитлеровского фельдмаршала Кессельринга адвокат Латернзер пытался задать ему наводящие вопросы о якобы имевших место нарушениях норм международного права союзными державами. С возражениями против этих провокационных вопросов выступили Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко и Главный обвинитель от США Р. Джексон. — Составители.

«Трибунал постановляет:

1. Предоставить защитникам обвиняемых организаций право посещать во всех четырех зонах оккупации Германии любые лагеря для интернированных гражданских лиц, лагеря для военнопленных, а также тюрьмы и другие места заключения, в которых могут находиться члены организаций и из которых были получены ходатайства в соответствии со статьей 9 Устава, с целью отбора свидетелей для направления их в Нюрнберг для дачи показаний о преступном или непроступном характере обвиняемых организаций.

2. Выделить офицера для сопровождения защитников в лагеря и другие места заключения и возложить на него обязанность обеспечить защитникам доступ к членам обвиняемых организаций, интернированным или находящимся на свободе, в пределах правил безопасности, создать для них возможность побеседовать с любыми лицами, которых они могут избрать в качестве свидетелей, а также обязать его оказывать им всю необходимую помощь для того, чтобы они могли свободно и беспрепятственно отбирать этих свидетелей...

3. При отборе таких свидетелей защитники должны избрать только лиц, располагающих сведениями по вопросам, относящимся к преступному характеру организаций в соответствии с определением, данным в параграфе 6 настоящего постановления.

4. Когда эти лица будут доставлены в Нюрнберг, защитникам будет предоставлено право свободного доступа к ним с тем, чтобы они могли определить, кого из них, если вообще кто-нибудь будет вызываться, они желают вызвать в Суд в качестве свидетеля и кого из них, если они вообще пожелают это сделать, они предпочитают допрашивать в присутствии уполномоченного Трибунала.

При допросе в присутствии уполномоченного защитники и представители обвинения будут пользоваться обычными правами прямого допроса, перекрестного допроса и повторного допроса, а показания будут протоколироваться уполномоченным.

Уполномоченным назначается полковник Нив и ему предоставляется право принимать показания в Нюрнберге и в исключительных случаях в других местах по его усмотрению, а также рекомендовать Трибуналу соответствующих лиц для назначения их помощниками уполномоченного в том случае, если в этом явится необходимость.

Поручить полковнику Ниву в сотрудничестве с канцелярией Генерального Секретаря проведение в жизнь настоящего постановления.

5. После отбора свидетелей для дачи устных показаний и допроса остальных лиц защитникам предоставляется право

обращаться к Трибуналу с ходатайствами о вызове свидетелей в судебное заседание и представлять в качестве доказательств письменные показания свидетелей, которые были допрошены, при условии, что такие показания будут относиться к делу и не будут кумулятивными.

В надлежащих случаях защитникам предоставляется право обращаться к Трибуналу с ходатайствами о направлении опросных листов.

6... с) Указывая, что могут приниматься доказательства, относящиеся к вопросам, предусмотренным пунктом 6(а) ¹ настоящего постановления, Трибунал не выносит решения о том, насколько существенны будут эти вопросы при определении преступности организации или группы в соответствии со статьей 9 Устава.

Ничто в настоящем постановлении не ограничивает прав обвинения или защиты, предусмотренных статьей 24 (е) Устава».

(Протокол организационного заседания от 12 марта 1946 г.)

«Председатель (адвокату Штамеру): Трибунал полагает, что вы должны допросить свидетеля ² сейчас. Если же вы хотите впоследствии ходатайствовать о вызове свидетеля вторично, то вам придется для этого сослаться на очень веские доводы. Вы можете на более поздней стадии процесса представить письменное ходатайство о вторичном вызове этого свидетеля, но я должен сказать, что перекрестный допрос этого свидетеля относится не только к делу подсудимого Геринга, потому что свидетель — член генерального штаба, и, как ему было указано в начале допроса, он является одним из обвиняемых лиц и его показания могут относиться как к делу Геринга, так и к генеральному штабу».

(Стенограмма судебного заседания от 13 марта 1946 г.)

«Председатель: Трибунал должен провести этот процесс как можно быстрее. Поэтому мы не намереваемся заслушивать кумулятивные доказательства. Подсудимый же ранее дал ответ на заданный ему вопрос, и Трибунал не намеревается выслушивать еще раз один и тот же ответ.

...Мы не мешали задавать любые вопросы, относящиеся к делу, однако не хотели бы рассматривать документ, состав-

¹ Пункты «а» и «б» не приводятся, так как они были ранее опубликованы (см. том I, страницы 531—532). — Составители.

² Речь идет о допросе гитлеровского фельдмаршала Альберта Кессельринга, вызванного по ходатайству адвоката Штамера в защиту Геринга, которого адвокат намеревался вызвать вторично в качестве свидетеля защиты по делу преступных организаций (показания Кессельринга см. том II, страница 115). — Составители.

ленный тем же лицом, которое дает в настоящее время устные показания».

(Стенограмма судебного заседания от 16 марта 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): Трибунал считает, что подсудимому следует разрешать давать любые объяснения, какие он считает необходимым дать, чтобы ответить на этот вопрос ¹.

(Стенограмма судебного заседания от 18 марта 1946 г.)

«Председатель: ...По мнению Трибунала, совершенно достаточно, если одна копия документа будет представлена в распоряжение того адвоката, чей подзащитный подвергается перекрестному допросу».

(Стенограмма судебного заседания от 19 марта 1946 г.)

«Трибунал считает, что ...свидетель должен строго ограничиваться прямым ответом на вопрос в том случае, когда поставленный вопрос допускает прямой ответ, и что он не должен давать своих объяснений, прежде чем он не даст прямого ответа. Но после того, как он дал прямой ответ, он может дать краткое объяснение. Свидетель не должен быть ограничен только дачей прямого ответа: «да» или «нет» и оставлением объяснений до повторного допроса защитником».

(Стенограмма судебного заседания от 20 марта 1946 г.)

«Председатель (защитнику Риббентропа): Трибунал не возражает против такого порядка ² при условии, если вы договоритесь с другими защитниками о том, чтобы в случае возникновения какого-либо вопроса интересы подсудимого Риббентропа были представлены на Суде. Трибунал не желает, чтобы впоследствии вы могли выступить и заявить, что вы и подсудимый Риббентроп отсутствовали в зале Суда и что вы возражаете против чего-либо, что могло произойти во время вашего отсутствия».

(Стенограмма судебного заседания от 20 марта 1946 г.)

«Председатель: Трибунал решил, что в настоящее время он будет следовать тем правилам, которые были установлены ранее, а именно:

Во-первых, документы, переведенные на четыре языка, могут быть представлены без оглашения, но при представлении таких документов защитники могут кратко излагать их содержание или каким-либо другим путем сообщить Трибуналу, в какой мере они относятся к делу. Защитники также могут оглашать краткие выдержки, которые имеют непосредственное отношение к делу и считаются важными.

¹ Речь идет о допросе Геринга. — Составители.

² Отсутствие в зале заседания защитника или подсудимого, которому необходимо проконсультироваться со своим защитником. — Составители.

Во-вторых, при представлении документа Трибунал будет заслушивать любое возражение против этого документа, и в связи с этим я сошлюсь на решение Трибунала от 8 марта 1946 г., которое гласит: «Для того чтобы избежать ненужных переводов, защитники должны точно указать обвинению, какие выдержки из документов они намереваются использовать, с тем чтобы обвинение имело возможность возражать против тех выдержек, которые не относятся к делу. В случае разногласий между обвинением и защитой Трибунал решает, какие выдержки имеют непосредственное отношение к делу и должны быть переведены. Только такие выдержки должны быть переведены, если обвинение не потребует перевода всего документа полностью».

Трибунал разрешил подсудимому Герингу, который давал показания первым из подсудимых и который объявил себя ответственным как второй руководитель нацистской Германии, давать показания без каких-либо перерывов, и он осветил всю историю нацистского режима с начала его возникновения и до краха нацистской Германии.

Трибунал не намеревается разрешить кому-либо из других подсудимых касаться тех же вопросов в своих показаниях, за исключением тех случаев, когда это необходимо для их собственной защиты.

Защитники ставятся в известность, что Трибунал, как правило, не будет рассматривать как достоверные доказательства выдержки из книг или статей, выражающих точку зрения каких-то авторов по вопросам этики, истории или определенных событий».

(Стенограмма судебного заседания от 22 марта 1946 г.)

«*Председатель (адвокату Зейдлю):* Трибунал считает, что в соответствии с установленным порядком письменное показание должно быть переведено и передано на рассмотрение Трибуналу. Насколько я помню, подсудимый Риббентроп вызвал этого свидетеля, а потом отказался от него, вы же никогда не ходатайствовали о вызове доктора Гауса в качестве свидетеля.

Я указываю вам и другим защитникам, что совершенно неприемлемым является то, что, когда уже были обсуждены ваши ходатайства в отношении свидетелей и документов, вы в последний момент представляете документ подобного рода без перевода. Однако мы далее не будем обсуждать этот документ. Следует документ перевести на три языка и представить Трибуналу».

(Стенограмма судебного заседания от 25 марта 1946 г.)

«*Председатель:* Трибунал должен вносить в судебный протокол каждый документ, который явится частью протокола не-

зависимо от того, является ли документ подлинником или копией, какой бы документ ни представлялся в качестве доказательства, он должен быть вручен Трибуналу и храниться в Трибунале... Таким образом, в протоколах судебного заседания Трибунала будет указан каждый документ, представленный в качестве доказательства. Но мы не можем рассматривать документ, подобный этому, представляющий собой лишь копию того подлинника, который должен быть представлен в качестве доказательства...»¹.

(Стенограмма судебного заседания от 27 марта 1946 г.)

«*Председатель:* Конечно, обвинению будет очень трудно изложить свои возражения в отношении всех документов, если они представляются Трибуналу все сразу, а не в отдельности. Поэтому я считаю, что было бы наиболее целесообразным, если бы обвинение, как только будут иметься переводы, представило бы свои возражения, с тем чтобы Трибунал мог их рассмотреть. И до тех пор, пока не будет вынесено окончательное решение Трибунала по этому поводу, документы не должны передаваться прессе для опубликования. Документы не могут передаваться прессе до тех пор, пока они не будут приняты Трибуналом в качестве доказательств».

(Стенограмма судебного заседания от 27 марта 1946 г.)

«*Председатель:* Прежде чем будет продолжен допрос подсудимого Риббентропа, Трибунал желает, чтобы я обратил внимание доктора Хорна и подсудимого Риббентропа на то, что Трибунал указал в течение последних дней.

Во-первых, Трибунал указал, что он разрешил подсудимому Герингу, который давал показания первым из числа подсудимых и который объявил себя ответственным как второй руководитель нацистской партии, давать свои показания без какого-либо вмешательства и изложить историю нацистского режима от его зарождения до поражения Германии.

Трибунал не намерен разрешать кому-либо из подсудимых продолжать показания по тем же вопросам и может разрешить им показания по этим вопросам лишь в той мере, в какой это необходимо для их собственной защиты.

Во-вторых, Трибунал решил, что доказательства в отношении несправедливости Версальского договора не могут приниматься Трибуналом.

...И, наконец, Трибунал желал, чтобы я указал доктору Хорну на то, что обязанность защитника состоит в том, чтобы

¹ Решение было вынесено Трибуналом в связи с тем, что защитник Риббентропа адвокат Хорн пытался представить в качестве доказательства никем не заверенную копию документа, без указания места нахождения подлинника. — Составители.

допрашивать подсудимого, а не предоставлять ему возможность произносить речь, и если он дает показания, которые в соответствии с постановлениями Трибунала являются недопустимыми, то Трибунал таких показаний заслушивать не будет»¹.

(Стенограмма судебного заседания от 29 марта 1946 г.)

«Трибунал в целях сокращения времени на допрос не возражает против представления письменных показаний подсудимых вместо устных при условии, если обвинение не будет возражать против существования этих документов и поэтому не будет необходимости в проведении перекрестного допроса».

(Стенограмма судебного заседания от 30 марта 1946 г.)

«Председатель: Имеются два вопроса, на которых я хотел бы остановиться. Первый относится к обвинению, а второй — к защите.

Желательно, чтобы обвинители передавали документы переводчикам, когда намереваются использовать документы при допросе (прямо или перекрестном). Документы не обязательно должны быть на языке, с которого переводит данный переводчик, но какие-то документы на одном из четырех языков должны представляться в распоряжение переводчиков, чтобы оказать им помощь при переводе.

Мне сообщили, что защитники не передают своих документов в отдел переводов за две недели до предъявления этих документов, как это было установлено Трибуналом. Трибунал постановил, чтобы документы представлялись в Секретариат Трибунала либо в отдел переводов за две недели вперед, если возможно. Эти слова «если возможно» поняты неправильно, и иногда документы поступают буквально за два дня до начала допроса подсудимого, а это приводит к затягиванию дела».

(Стенограмма судебного заседания от 2 апреля 1946 г.)

«Защитники будут иметь право представлять от имени организаций письменные показания свидетелей, данные под присягой, при условии, если эти показания относятся к делу и не являются совпадающими. Однако согласно параграфу 5 постановления Трибунала от 13 марта в подобных случаях было бы желательно направлять опросные листы. Обвинение будет иметь право проводить перекрестный допрос.

Защите будет разрешено направлять опросные листы определенным лицам, находящимся в лагерях для интернированных или в других местах заключения, для получения ответов на вопросы, представляющие для них интерес».

(Протокол организационного заседания от 2 апреля 1946 г.)

¹ Третья часть этого решения опубликована ранее (см. том I, страница 532). — Составители.

«Председатель (адвокату): Если бы обвинение при перекрестном допросе поставило какие-либо вопросы в связи с какой-нибудь неточностью показаний Кейтеля по этому разделу, тогда, конечно, вы имели бы право, и это было бы необходимым для вас, привлечь другие доказательства по этому вопросу; но в связи с тем, что его показания ни в какой форме не оспаривались, нет необходимости подтверждать их.

...Что касается вопроса о доказательствах, то существует такое правило: если документ утерян, вы можете доказывать, каково было содержание этого документа...»

(Стенограмма судебного заседания от 8 апреля 1946 г.)

«Председатель: Трибунал пришел к заключению, что в интересах сохранения времени будет целесообразно, если подсудимые будут вызываться в качестве первых свидетелей по делу каждого подсудимого в отдельности, поэтому в будущем подсудимые должны вызываться первыми для дачи устных показаний, за исключением тех случаев, когда имеются особые причины для вызова подсудимого после того, как будут даны устные показания свидетелями по его делу».

(Стенограмма судебного заседания от 9 апреля 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): Трибунал вынес решение о том, что следует проводить только один перекрестный допрос свидетеля. В Уставе ничего не говорится о том, что каждому обвинителю предоставляется право проводить перекрестный допрос, а, с другой стороны, в статье 18 Устава сказано, что Трибунал должен принимать строгие меры с целью предотвращения любых действий, которые могут вызвать неоправдываемую задержку процесса... Поэтому Трибунал не будет более допускать других перекрестных допросов».

(Стенограмма судебного заседания от 12 апреля 1946 г.)

«Председатель (адвокату): Это — документ, и если вы предъявляете документ свидетелю, то вы обязаны представить этот документ в качестве доказательства и присвоить ему соответствующий номер. Вы не можете предъявлять документ свидетелю, не представив его в качестве доказательства в Суд».

(Стенограмма судебного заседания от 23 апреля 1946 г.)

«Председатель: Трибунал всегда ясно указывал на то, что разрешение представлять документы является предварительным и что только тогда, когда документ фактически представляется в качестве доказательства, Трибунал будет решать вопрос об относимости документа к делу и приемлемости его в качестве доказательства».

(Стенограмма судебного заседания от 2 мая 1946 г.)

«Председатель (адвокату): Доктор Дикс, как я уже говорил вам ранее, свидетель не может давать показаний о мыслях и планах другого человека: он может говорить только о его действиях и сделанных им заявлениях».

(Стенограмма судебного заседания от 3 мая 1946 г.)

«Трибунал рассмотрел предложения относительно материалов, которые должны быть напечатаны в первом томе стенограмм судебных заседаний данного процесса.

После обсуждения было принято решение относительно того материала, который будет включен в первый том (точный порядок распределения материала в напечатанном томе будет указан в решении редакции, когда весь материал будет подобран):

1. Титульный лист.
2. Оглавление.
3. Список судей.
4. Список обвинителей, принимавших непосредственное участие в процессе.
5. Список защитников и их помощников.
6. Список главных сотрудников Генерального Секретариата и секретариатов четырех стран.
7. Соглашение от 8 августа 1945 г. и Устав.
8. Регламент.
9. Обвинительное заключение.
10. Расписки подсудимых в получении ими копий Обвинительного заключения.
11. Постановление в письменной форме относительно опубликования извещений, адресованных подсудимому Борману и членам групп и организаций.
12. Сообщение майора Хортина относительно опубликования извещений и последующие подробные сообщения.
13. Сообщение о заседании Трибунала в Берлине по вопросу о предъявлении Обвинительного заключения.
14. Протоколы заседаний Трибунала в Нюрнберге до 20 ноября 1945 г.
15. Ходатайства, поступавшие в Трибунал до начала судебного заседания.
16. Заключение врачей относительно подсудимого Густава Круппа.
17. Постановление Трибунала о назначении судебно-медицинской экспертизы в отношении подсудимого Гесса.
18. Заключение судебно-медицинских экспертов относительно подсудимого Гесса.
19. Заключение судебно-медицинских экспертов относительно подсудимого Штрейхера».

(Протокол организационного заседания от 4 мая 1946 г.)

«Председатель (адвокату): ...Если имеются какие-либо документы, которые используются сейчас при перекрестном допросе и которые не переведены на немецкий язык, то они будут переведены и затем переданы вам. Но если уже производится перекрестный допрос свидетеля, то документы могут быть использованы. Если вы желаете задать свидетелю дополнительные вопросы по поводу этих документов после того, как вы получите их на немецком языке, вы сможете это сделать».

(Стенограмма судебного заседания от 6 мая 1946 г.)

«Председатель (адвокату): По-видимому, вы считаете важным этот документ. Поэтому вам не следует задавать наводящих вопросов. Вы должны спросить подсудимого, что это за документ, а не давать свою интерпретацию».

(Стенограмма судебного заседания от 9 мая 1946 г.)

«Председатель (адвокату Латернзеру): Трибунал постановил, что подобных вопросов задавать не следует¹.

...Вы сейчас проводите перекрестный допрос, и ввиду того что мы не можем зря тратить время, вы имеете право задавать свидетелю только те вопросы, которые вытекают из прямого допроса. По мнению Трибунала, этот вопрос не вытекает из прямого допроса».

(Стенограмма судебного заседания от 14 мая 1946 г.)

«Председатель (адвокату Кранцбюллеру): Вы не можете говорить о мнениях других людей. Вы не можете давать показаний о том, что думали другие люди. Вы можете говорить только о том, что они заявляли и что они делали...»

(Стенограмма судебного заседания от 14 мая 1946 г.)

«Трибунал считает, что любой документ, который передается защитникам, может также передаваться и самим подсудимым. В отношении этой установки не следует делать никаких различий между теми подсудимыми, дело которых уже закончилось, и теми, доказательства по делу которых еще не представлялись».

(Стенограмма судебного заседания от 15 мая 1946 г.)

«Председатель (адвокату Зимерсу): Когда вы проводите прямой допрос свидетеля, вы не должны задавать ему наводящих вопросов, которые вкладывают ему в уста все то, что вы хотите услышать от него в его показаниях. Вы сами излагаете все свидетелю, а затем спрашиваете его: «Разве это не так?»

...Если имеются какие-нибудь выдержки из этого документа, которые не оглашались и которым вы придаете большое значение,

¹ Имеются в виду вопросы адвоката об обращении с немецкими диверсионными группами, захваченными союзными войсками. — Составители.

то вы можете зачитать их сейчас. Что касается остального, то Трибунал считает, что все, что вы должны сделать по этому вопросу, — это спросить свидетеля: помнит ли он о совещании и что на этом совещании произошло.

Если свидетель может по памяти что-нибудь добавить к этому документу относительно совещания, то он имеет право это сделать. Трибунал не намерен мешать вам зачитывать какие-либо выдержки из документов, которые еще не оглашались на Суде, а также получать от свидетеля дополнительные данные относительно того, что произошло на этом совещании.

...Трибунал считает, что вы заблуждаетесь, ибо совершенно очевидно, что документы, которые не были переведены, не могут быть использованы ни обвинением, ни Трибуналом. Если обвинение на определенной стадии процесса не возражало против истребования какого-либо документа, то это не мешает обвинению высказать свои возражения против документа позже, после того, как документ был переведен.

Независимо от того, возражало или не возражало обвинение против документа до того, как он был переведен, обвинители не связали себя обещанием не возражать против данного документа позднее, после того как документ переведен.

(Стенограмма судебного заседания от 16 мая 1946 г.)

«Председатель (адвокату Латернзеру): Вы задаете этот комплекс вопросов каждому из вызываемых свидетелей, которые служили в армии или военно-морском флоте. Трибунал указывает вам на то, что никто из обвинителей во время перекрестного допроса не затрагивал ни одного из этих вопросов. Эти доказательства носят кумулятивный характер. Вы не должны задавать этих вопросов каждому свидетелю, ранее служившему в армии или флоте, это просто лишняя трата времени...»

(Стенограмма судебного заседания от 18 мая 1946 г.)

«Председатель (адвокату): Единственная цель повторного допроса заключается в том, чтобы осветить вопросы, которые не были затронуты при перекрестном допросе. То, что свидетель разъяснял при его перекрестном допросе, мы уже слышали.

...Трибунал не будет слушать показаний такого характера, которые дает свидетель. Если вы хотите доказать факты при помощи этого свидетеля, вы можете это сделать. Но он не может излагать свои взгляды на спорные вопросы».

(Стенограмма судебного заседания от 21 мая 1946 г.)

«Трибунал решил, что защитникам не будет разрешено ссылаться в речах на документы и материалы, которые не были приняты Трибуналом в качестве доказательства».

(Протокол организационного заседания от 30 мая 1946 г.)

«Трибунал установил следующий порядок печатания стенограмм, а также хранения и опубликования документов:

1. Каждый документ или часть документа, представленные в качестве доказательства или принятые Трибуналом без доказательства, будут храниться у Генерального Секретаря.

2. Генеральный Секретарь с одобрения Трибунала будет иметь в своем распоряжении редактора стенограмм судебных заседаний с соответствующим персоналом и всем необходимым для его работы, на нем будет лежать обязанность приведения в порядок, редактирования, подготовки и печатания материала, который Трибуналом разрешен для печатания.

В дополнение к тому материалу, который был одобрен Трибуналом к печатанию, следующий материал будет напечатан согласно дальнейшим распоряжениям Трибунала:

а) документы, представленные целиком, или документы, из которых были представлены выдержки,
 б) фотографии и описания или фотографии недокументальных доказательств,
 в) документы или части документов, принятые Трибуналом без доказательств,

д) объявленные распоряжения и решения Трибунала, которые не были включены в стенограмму,

е) всякий иной дополнительный материал, указываемый время от времени Трибуналом.

3. Генеральному Секретарю поручается:

а) составить список всех документов, представленных Трибуналу в качестве доказательств или принятых Трибуналом без доказательств, и указать в нем те документы, которые не были оглашены, и те документы, из которых оглашались только выдержки,

б) выявить и доложить Трибуналу точки зрения Главных обвинителей и защитников относительно опубликования тех документов или частей документов, которые они представляли,

в) выявить и представить Трибуналу данные о том, в каком объеме можно располагать переводами на английский, русский, французский и немецкий языки материалов, указанных в параграфе 2».

(Протокол организационного заседания от 30 мая 1946 г.)

«Рассмотрев ходатайство обвинения от 21 мая и ответ на меморандум защиты от 29 мая, Трибунал выносит следующее решение:

Ходатайство обвинения о том, чтобы прения о виновности или невиновности подсудимых были заслушаны до представления доказательств по обвиняемым организациям, удовлетворяется.

Трибунал, однако, не будет решать вопроса о виновности или невиновности того или иного подсудимого до тех пор, пока будут представлены все доказательства, и если какое-либо из доказательств по делу обвиняемых организаций, по мнению защитника или подсудимого, может послужить в его пользу, они могут ходатайствовать о том, чтобы подсудимого позднее выслушали по этому поводу.

По окончании представления доказательств по делам подсудимых Трибунал сначала заслушает защитительные речи адвокатов, а затем — заключительные речи обвинителей.

Каждому подсудимому будет предоставлено право выступить в конце процесса (до постановления приговора) с последним словом.

Трибунал придерживается мнения, что прения о виновности или невиновности отдельных подсудимых будет наиболее целесообразно заслушать немедленно после окончания представления доказательств по их делам и до того, как Трибунал перейдет к слушанию дела об организациях. Такой порядок, кроме того, даст уполномоченным, собирающим доказательства по делу обвиняемых организаций, больше времени для завершения этой работы. Указанный порядок ни в коей мере не ущемляет прав отдельных подсудимых, так как несмотря на то, что их дела существенно отличаются от дел организаций, им предоставляется право обращать внимание Трибунала на любые обстоятельства, которые могут выясниться в ходе слушания дел организаций и которые они сочтут важными для их защиты.

Трибунал не находит в Уставе ничего такого, что препятствовало бы проведению подобной процедуры, и статья 9 Устава дает Трибуналу право по своему усмотрению установить порядок рассмотрения доказательств по делу обвиняемых организаций.

Защитникам отдельных подсудимых не будет разрешено подвергать перекрестному допросу свидетелей, вызванных защитниками от имени организаций. Им также не будет разрешено участвовать в разбирательстве дела об организациях, за исключением тех случаев, когда на то будет специальное разрешение Трибунала.

(Стенограмма судебного заседания от 31 мая 1946 г.)

«Председатель (адвокату): Мы не можем разрешить защитникам выступать с такими длинными заявлениями, не связанными с представлением доказательств. Вы не можете делать подобного рода заявлений... Если что-либо неточно переведено, то вы можете обратить наше внимание на это, но не делать общих заявлений относительно перевода документов».

(Стенограмма судебного заседания от 3 июня 1946 г.)

«Председатель (обвинителю): ...Что касается документа, который вы сейчас представляете в качестве доказательства, Трибунал считает, что вы должны продолжать перекрестный допрос в связи с вопросами, затронутыми в этом документе, причем как можно скорее Трибуналу должен быть передан оригинал или фотостат оригинала. Защитнику подсудимого предоставляется право ходатайствовать о том, чтобы настоящая часть перекрестного допроса была вычеркнута из судебного протокола, если обнаружатся существенные различия между переводом этого документа с сербского языка, переданным подсудимому и используемым при перекрестном допросе подсудимого, и оригиналом этого документа».

(Стенограмма судебного заседания от 7 июня 1946 г.)

«Председатель (адвокату): Когда письменные показания, данные под присягой, используются таким образом и представляются свидетелю, который находится у свидетельского пульта, конечно, эти письменные показания должны быть переданы обвинению, чтобы оно могло ознакомиться с их содержанием и могло провести перекрестный допрос по этим пунктам, если в этом возникнет необходимость...»

(Стенограмма судебного заседания от 8 июня 1946 г.)

«Трибунал рассмотрел вопрос о времени, которое требуется защитникам для их речей. Должны неуклонно выполняться положения статьи 18 Устава, которая обязывает Трибунал вести процесс быстро, и нельзя разрешить защитникам занимать своими речами столько времени, сколько они пожелают. В силу необходимости следует установить известные ограничения, так как в противном случае этот уже затянувшийся процесс может длиться до бесконечности.

Трибуналу известно, что обвинение добровольно ограничило продолжительность своих заключительных речей в общей сложности тремя днями. В этой связи известное ограничение во времени должно быть установлено также и для защиты. Доказательства защиты были заслушаны весьма детально, поэтому в речах защиты нет необходимости делать подробный анализ представленных доказательств, а необходимо лишь обобщить основные вопросы.

Трибунал считает необходимым разъяснить, что если в какой-либо из речей будет опущена та или иная тема, это не послужит для Трибунала основанием для специальных выводов. Исходя из этого, речи защитников, по мнению Трибунала, включая речь, которая будет произнесена от имени всех подсудимых относительно общих правовых вопросов, должны занять в общей сложности 14 дней. Тем самым защита получит в два

раза больше времени, чем потребовалось обвинению и на вступительные, и на заключительные речи.

Путем договоренности между защитниками эти 14 дней могут быть распределены по их усмотрению. Трибунал предпочитает, чтобы они сами, а не Трибунал распределили время между собой. Трибунал поэтому просит защитников подготовить свои речи в соответствии с вышесказанным и сообщить Трибуналу возможно скорее о том, как они распределили время между собой. Если они не смогут прийти к соглашению, то Трибунал дополнительно рассмотрит этот вопрос.

Трибунал желает так же указать обвинению, как и защите, что будет весьма удобно, если обвинители и адвокаты представят письменные переводы своих речей в то время, когда они эти речи будут произносить».

(Стенограмма судебного заседания от 13 июня 1946 г.)

«Председатель (адвокату): Вы не должны спрашивать его¹ о том, полагает ли он, что такое мнение могло быть высказано или нет. Это лишь не имеющее под собой реального обоснования предположение, а не доказательство. Поэтому этот вопрос должен быть изъят, ответ на него не должен даваться, и он будет вычеркнут из судебного протокола».

(Стенограмма судебного заседания от 13 июня 1946 г.)

«Председатель: Я должен сделать следующее объявление.

Во-первых, Трибунал решил, что дополнительные свидетели по делам отдельных подсудимых будут заслушаны в Суде после того, как закончится представление доказательств в отношении отдельных подсудимых.

Во-вторых, опросные листы и истребованные документы, которые поступят к этому моменту, должны быть представлены в качестве доказательств.

В-третьих, опросные листы и документы, которые были допущены до окончания представления доказательств защитой, но поступили позднее, будут приняты и рассмотрены Трибуналом с точки зрения их допустимости до окончания процесса».

(Стенограмма судебного заседания от 20 июня 1946 г.)

«Трибунал постановил, что все показания, полученные Комитетом уполномоченных Трибунала, которыми хотят воспользоваться представители обвинения или защиты, должны быть представлены ими в качестве доказательств. Затем, при отсутствии возражений, эти показания будут внесены в судебный протокол.

¹ При допросе свидетеля Гвидо Шмидта (министр иностранных дел в кабинете Шушнига) адвокат Кубушок пытался наводящими вопросами добиться показаний, смягчающих вину подсудимого Папена. — Составитель.

Защита организаций должна приступить к составлению документальных книг по возможности скорее, а также представить свои ходатайства о переводе необходимых документов».

(Стенограмма судебного заседания от 1 июля 1946 г.)

«Трибунал не желает заслушивать содержание опросного листа после того, как он уже однажды слышал показания самого свидетеля».

(Стенограмма судебного заседания от 2 июля 1946 г.)

«Трибунал принял следующие решения:

Во-первых, ходатайство доктора Пелькмана о выделении дела СС в отдельное производство отклоняется.

Во-вторых, ходатайство об отсрочке прекращения заслушивания показаний Комитетом уполномоченных также отклоняется, остается в силе прежнее решение Трибунала о том, что заслушивание Комитетом показаний закончится 5 июля 1946 г., после 5 июля Комитет будет заслушивать показания лишь с особого на то разрешения.

В-третьих, защитники организаций должны обсудить с офицером, специально выделенным подполковником Нивом, все вопросы относительно того материала, который будет включен в документальные книги защиты прежде, чем направить в Трибунал ходатайство об этом материале. Письменные или устные показания, заслушанные Комитетом, не подлежат включению в документальные книги.

В-четвертых, ходатайства относительно документальных книг надлежит представить немедленно, но, в крайнем случае, не позднее 15 июля...

(Протокол организационного заседания от 3 июля 1946 г.)

«Трибунал постановил:

1. Все письменные показания, данные под присягой, и опросные листы, полученные от свидетелей обвиняемых организаций до представления их Трибуналу, будут рассмотрены уполномоченными Трибунала.

2. Уполномоченные будут придерживаться следующего порядка при рассмотрении письменных показаний, данных под присягой, и опросных листов:

a) защитник зачитает уполномоченным резюме письменного показания, или группы письменных показаний, данных под присягой, или опросных листов в присутствии представителя обвинения,

b) обвинение будет иметь право делать замечания и высказывать возражения по поводу данных показаний,

c) если уполномоченные решат, что письменное показание, данное под присягой, или опросный лист относится к делу

согласно параграфу 6 постановления от 13 марта, то они передадут оригинал документа в Генеральный Секретариат для регистрации,

д) уполномоченные представят Трибуналу стенограмму заседания Комитета, включая резюме письменного показания, данного под присягой, или опросного листа. В исключительных случаях они будут обеспечивать перевод всего документа,

е) Комитет уполномоченных продолжит свою работу до получения дальнейших распоряжений Трибунала.

3. Трибунал полагает, что несколько тысяч письменных показаний, данных под присягой, было послано защите членами обвиняемых организаций, находящимися в настоящее время в лагерях. Защита должна суммировать все эти показания, используя для этой цели свой собственный штат и членов организаций, имеющих юридическое образование. Когда все эти показания уже будут суммированы, то оригиналы письменных показаний должны быть переданы в Генеральный Секретариат для регистрации, и резюме этих показаний, заверенные защитником, передаются уполномоченным. Уполномоченные рассмотрят резюме этих показаний и затем передадут их со своим мнением на рассмотрение Трибунала».

(Протокол организационного заседания от 3 июля 1946 г.)

«Трибунал решил: удовлетворить ходатайство подполковника Нива о продлении срока работы Комитета до 13 июля».

(Протокол организационного заседания от 3 июля 1946 г.)

«Трибунал постановил:

1. Ходатайства о вызове свидетелей по делу организаций, которые будут разбираться Трибуналом в открытом судебном заседании в соответствии с параграфом 5 постановления от 13 марта, должны быть представлены Генеральному Секретарю по возможности скорее и, в крайнем случае, не позднее 20 июля.

2. Трибунал считает, что уже заслушано так много показаний и они охватывают такую пространную сферу, что для каждой организации в отдельности потребуется лишь несколько свидетелей для допроса их в Суде».

(Стенограмма судебного заседания от 9 июля 1946 г.)

«Председатель: Довожу до сведения решение Трибунала о процедуре представления доказательств и слушания дел обвиняемых организаций:

1. Трибунал обращает внимание защитников организаций на постановление Трибунала от 1 июля, в котором указывается, что все заслушанные Комитетом показания, которыми хотят воспользоваться защита или обвинение, должны быть представлены в качестве доказательств и, таким образом, зане-

сены в протокол, после чего Трибунал будет рассматривать все возражения против этих доказательств. Для Трибунала будет удобнее, если доказательства будут полностью представлены в начале слушания дела по организациям.

2. Затем защита должна представить свои книги документов, против которых обвинение вправе высказать возражения.

3. Свидетели защиты будут вызваны в судебное заседание и допрошены защитой лишь по вопросам, которые она найдет наиболее важными из тех показаний, которые были даны этими свидетелями перед Комитетом.

Кроме того, защита может затрагивать новые вопросы, имеющие отношение к делу. Дела организаций будут слушаться в порядке очередности, свидетельские показания по делу каждой организации на прямом и перекрестном допросах будут полностью заслушаны Трибуналом, прежде чем он приступит к слушанию дела следующей организации.

4. Защитник каждой организации затем приступит к своей защитительной речи, в которой он будет ссылаться на доказательства, представленные Трибуналу. Защитник также должен обратить внимание Трибунала на вопросы, которые затрагивались в показаниях, заслушанных Комитетом, и в письменных показаниях, данных под присягой, которые он считает наиболее важными и на которые он желает обратить особое внимание Трибунала.

5. Обвинители выступят со своим ответом на выступление защиты после того, как будут закончены все защитительные речи по организациям.

6. Трибунал придерживается того мнения, что заключительные речи защиты и обвинения должны быть весьма краткими и не занимать в каждом отдельном случае более половины дня. Однако если в отдельных случаях этого времени окажется недостаточно, то необходимо обратиться к Трибуналу с письменным ходатайством, в котором должны быть указаны мотивы, подтверждающие необходимость увеличения времени для речей. Ходатайства должны быть представлены не позднее следующего понедельника, то есть 29 июля».

(Стенограмма судебного заседания от 25 июля 1946 г.)

«Председатель: В соответствии с решением Трибунала от 25 июля о порядке слушания дел организаций, Трибуналу было подано несколько ходатайств об увеличении количества времени для речей защитников организаций. Эти ходатайства были поданы, как полагает Трибунал, в связи с некоторым недопониманием значения решения, принятого 25 июля. Не предполагается, что заключительная речь должна включать в себя полный разбор доказательств. Представляя документы, допрашивая

свидетелей и выступая в конце представления доказательств, защитник тогда, когда он это предпочтет, может сделать краткие ссылки на документы, объяснив их характер и те пункты, к которым они относятся. Таким образом, все существенные вопросы будут изложены Трибуналу. Это делает возможным посвятить заключительные речи лишь суммированию показаний и комментариям каких-либо юридических положений, для этой цели половины дня для каждой речи вполне достаточно».

(Стенограмма судебного заседания от 31 июля 1946 г.)

«Председатель: Быть может, будет целесообразно, чтобы защитники организаций знали, что Трибунал предполагает сначала заслушать все устные показания свидетелей по организациям, а затем комментарии по документам, потому что некоторые из документов и многие письменные показания под присягой еще не переведены. Мне кажется, что так будет удобнее для защитников организаций».

(Стенограмма судебного заседания от 1 августа 1946 г.)

«Председатель: Объявляю решения Трибунала по поступившим ходатайствам.

1. В отношении ходатайства доктора Заутера¹.

Письменные показания Пуля не будут исключены из судебного протокола, они останутся в нем. Но ввиду исключительных обстоятельств этого дела подсудимый Функ может быть вновь вызван для дачи показаний по данному вопросу, и он будет вызван после того, как будут даны показания по делу организаций.

2. В отношении возражения доктора Латернзера по поводу использования заявления, сделанного генералом Вальтером Шрайбером², Трибунал не склонен принимать какие-либо по-

¹ Защитник Функа адвокат Заутер возбудил ходатайство об исключении из протокола показаний Эмиля Пуля — бывшего заместителя Функа. Пуль дал подробные показания о сговоре Функа с Гиммлером, согласно которому в рейхсбанке хранились ценности, золотые коронки и зубные протезы, очковые оправы и т. п. неисчислимым жертв гитлеровских концлагерей. — Составители.

² Шрайбер — профессор, генерал-майор медицинской службы гитлеровской армии — обратился в адрес Советского правительства с заявлением, в котором подробно сообщил о мероприятиях верховного командования гитлеровской Германии по подготовке и применению бактериологического оружия. Защита выступила с возражением против принятия Трибуналом этого заявления в качестве доказательства и потребовала доставки Шрайбера в Нюрнберг для перекрестного допроса. Выдвигая такое требование, защита рассчитывала на то, что советскому обвинителю не удастся быстро доставить Шрайбера в Суд и тогда его письменное заявление будет изъято из судебного протокола. Однако расчеты защиты не оправдались: 26 августа Шрайбер был доставлен в зал Суда. Тогда адвокат Латернзер предпри-

казания на такой поздней стадии процесса и вновь обсуждать вопросы, которые всесторонне исследовались Трибуналом. Но, с другой стороны, ввиду большого значения заявления генерал-майора Шрайбера и ввиду его особого отношения не только к делу отдельных подсудимых, но и к делу ОКВ Трибунал предоставит возможность заслушать генерала Шрайбера в качестве свидетеля, если его доставят в Суд до конца слушания дела. В противном случае этим заявлением в качестве доказательства нельзя будет воспользоваться.

В отношении времени, в течение которого следует доставить сюда генерала Шрайбера, если он будет допрашиваться в качестве свидетеля, Трибунал считает целесообразным принять решение о том, чтобы заслушать его, если он будет доставлен сюда, в любое время до окончания заключительных речей по делу организаций. И, конечно, защита по делу организаций будет иметь возможность комментировать любые показания, которые может дать генерал Шрайбер».

(Стенограмма судебного заседания от 12 августа 1946 г.)

«Трибунал удовлетворил ходатайство Генерального Секретаря о разрешении назначить профессора Герберта Крауса помощником редактора стенограмм Трибунала в качестве представителя защиты. Генеральному Секретарю поручено выплачивать профессору Краусу ежемесячный оклад в сумме 3500 марок».

(Протокол организационного заседания от 14 августа 1946 г.)

«Председатель: Трибунал получил ходатайство о том, чтобы защитнику СС был разрешен доступ к отчетам подполковника Нива. Трибунал поручил подполковнику Ниву подготовить в помощь Трибуналу краткий обзор содержания показаний свидетелей, заслушанных Комитетом, и отчет, группирующий и суммирующий показания свидетелей, данных на заседании Комитета. Этот обзор и упомянутые отчеты не являются частью судебного протокола и, по мнению Трибунала, не имеют никакой доказательственной силы. В качестве доказательства Трибуналом будут рассматриваться показания, данные свидетелями перед Комитетом.

Защитники организаций и представители обвинения смогут ознакомиться с этими документами и имеют возможность комментировать их в своих речах в пределах времени, которое было

нял другой маневр: он стал возражать против допроса Шрайбера, считая возможным ограничиться письменным заявлением. И эта попытка не удалась. Шрайбер при его перекрестном допросе не только полностью подтвердил свое заявление, но и дополнил его рядом весьма существенных обстоятельств (см. том VI, страница 291). — Составители.

им для этого отведено. Однако Трибунал не разрешит никакой задержки и не даст никакого дополнительного времени для обсуждения вопроса, связанного с этими материалами.

Трибунал получил также ходатайство доктора Клефиша¹ о разрешении ему при рассмотрении дела организаций выступить с речью по правовым вопросам. Эта речь в письменном виде была передана Трибуналу от имени доктора Клефиша.

Трибунал не предполагает допускать дополнительного выступления адвоката по делу организаций, однако он рассмотрит переданную доктором Клефишем речь в письменном виде». (Стенограмма судебного заседания от 15 августа 1946 г.)

«Трибунал разрешает передать представителям прессы для опубликования доклад Комитета по организациям».

(Протокол организационного заседания от 19 августа 1946 г.)

«Председатель: В отношении ходатайства доктора Штамера от 14 августа 1946 г. Трибунал признает исключительный характер причин, изложенных в ходатайстве, и разрешает вторично допросить Геринга, но лишь по материалам и показаниям об экспериментах, представленным Трибуналу уже после того, как подсудимый Геринг был допрошен, а не по каким-либо другим вопросам².

¹ Адвокат Теодор Клефиш был защитником подсудимого Густава Круппа. После 15 ноября 1945 г. он оказался без подзащитного и решил усилить состав защиты преступных организаций и выступить с общей речью «по правовым вопросам». Такие притязания не имели абсолютно никакого юридического основания и не имели успеха. — Составители.

² Допросом штандартенфюрера СС Вольфрама Зиверса и представленными подлинными документами архива так называемого «Аненэрбе» было установлено, что по заданию гитлеровского верховного командования, в частности командования ВВС, врачи-эсэсовцы систематически проводили изуверские опыты над заключенными концлагерей, в результате которых погибли десятки тысяч людей. Среди подлинных документов, представленных обвинением, фигурировала переписка между Гиммлером и заместителем Геринга — фельдмаршалом Эрхардом Мильхом о производстве серий опытов над заключенными по разработанной ВВС программе. Таким образом, устанавливалась прямая связь между эсэсовским доктором Рашером и Мильхом, между Гиммлером и верховным командованием вооруженных сил. В этой связи защита пыталась выгородить Геринга, который при допросе клятвенно заверял, что он ничего не знал об изуверских опытах. Адвокат Штамер возбудил ходатайство о повторном допросе Геринга, чтобы дать ему возможность «доказать» свою непричастность «к медицинским опытам над заключенными в концлагерях». Против повторного допроса обвинители возражали, так как имелось решение Трибунала о том, что подсудимого можно вызвать только один раз. Однако Трибунал не согласился с мнением обвинителей и в виде еще одного исключения в отношении Геринга (см. решения от 22 и 29 марта) разрешил адвокату повторно допросить Геринга. Допрос Геринга адвокатом и перекрестный его допрос обвинителем Макссуэлл-Файфом состоялся 20 августа 1946 г. — Составители.

Трибунал отклоняет все ходатайства о вызове по этому обстоятельству каких-либо свидетелей¹ и будет слушать показания подсудимого Геринга сейчас же».

(Стенограмма судебного заседания от 20 августа 1946 г.)

¹ Помимо повторного допроса Геринга, адвокат Штамер 16 августа возбудил ходатайство о вызове в качестве свидетеля Шредера. Это ходатайство Трибунал отклонил. — Составители.

ЛЕТОПИСЬ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

8 августа 1945 г. в Лондоне представителями СССР, США, Великобритании и Франции было подписано Соглашение об организации Международного Военного Трибунала для суда над главными военными преступниками европейских стран оси и принят Устав этого Трибунала в качестве неотъемлемой части Соглашения¹.

Для собирания доказательств и поддержания обвинения был создан Комитет обвинителей в составе Главных обвинителей: от СССР — Р. А. Руденко, от США — Роберта Х. Джексона, от Великобритании — Хартли Шоукросса и от Франции — Франсуа де Ментона².

6 октября 1945 г. Главные обвинители подписали в Берлине Обвинительный акт по делу главных немецких военных преступников.

9 октября 1945 г. в Берлине состоялось первое организационное заседание Международного Военного Трибунала.

18 октября 1945 г. в Берлине состоялось заседание Международного Военного Трибунала, на котором был принят Обвинительный акт против главных немецких военных преступников: Геринга, Гесса, Риббентропа, Лея, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Шахта, Густава Круппа, Функа, Деница, Редера, Зейсс-Инкварта, Иодля, Заукеля, Шираха, Нейрата, Шпеера, Папена, Фриче и Бормана, а также о признании преступными организациями руководящего

¹ Предполагалось, что Международный Военный Трибунал рассмотрит ряд дел по обвинению главных военных преступников. Однако западные державы очень скоро отошли от согласованных в ходе войны решений и Потсдамских соглашений. Вследствие такой позиции деятельность Трибунала ограничилась Нюрнбергским процессом главных немецких военных преступников. — Составители.

² В январе 1946 года Главный обвинитель от Франции Франсуа де Ментон был Французским правительством заменен Шампетье де Рибом. — Составители.

состава НСДАП, имперского правительства, ОКВ и генерального штаба, СА, СС, СД и гестапо¹.

18 октября 1945 г. Подсудимым вручен Обвинительный акт на немецком языке. Одновременно каждому подсудимому был передан Регламент Трибунала, список немецких защитников и разъяснены права на защиту.

15—16 ноября 1945 г. Трибунал по ходатайству защитника рассмотрел вопрос о приостановлении дела в отношении Густава Круппа. 15 ноября Трибунал вынес решение о том, что обвинения против Густава Круппа, изложенные в Обвинительном акте, остаются в силе, и дело о нем будет рассмотрено в дальнейшем, если физическое и умственное состояние подсудимого это позволит. Ходатайство Комитета Главных обвинителей в этой связи о предании суду Альфреда Круппа 16 ноября было отклонено Трибуналом. Рассмотрение дела в отношении Густава Круппа не возобновлялось, и вскоре он умер.

20 ноября 1945 г. в Нюрнберге в здании Дворца юстиции состоялось первое открытое заседание Международного Военного Трибунала. Судебное заседание открылось вступительным словом председательствующего — лорда Джеффри Лоренса. Был оглашен Обвинительный акт.

21 ноября 1945 г. Председательствующий опросил всех подсудимых, которые на вопрос «Признают ли они себя виновными» ответили отрицательно. Главный обвинитель от США Роберт Джексон произнес вступительную речь.

22 ноября 1945 г. Представитель американского обвинения полковник Стори доложил Трибуналу порядок представления доказательств американским обвинением и представил доказательства подлинности немецких трофейных документов. Судебно-психиатрическая экспертиза в отношении подсудимого Штрейхера. Оглашение решения Трибунала о признании Штрейхера вменяемым. Американские обвинители начали представление доказательств по разделу обвинения: «Общий план или заговор».

23 ноября 1945 г. Американские обвинители представили доказательства по разделам обвинения: «Экономическая подго-

¹ 25 октября 1945 г. Лей покончил жизнь самоубийством в нюрнбергской тюрьме. В камере было обнаружено письмо Лея, озаглавленное «Мое политическое завещание». Основное содержание письма — религиозно-мистические рассуждения («бог руководил мною во всех моих поступках, он меня возвысил, он же меня уронил») и заверения в преданности Гитлеру. Много места в этом «завещании» уделено антисемитизму («антисемитизмом мы разрушили основную заповедь... Антисемитизм исказил нашу перспективу... Конечно, трудно признаваться в собственных ошибках, но все существование нашего народа стоит под вопросом, и мы, национал-социалисты, должны иметь силу отречься от антисемитизма. Мы должны объявить юношеству, что это было ошибкой... Закоренелые антисемиты должны стать первыми борцами за новую идею. Они должны найти в себе силы побороть себя и должны указать путь своему народу»). — Составители.

товка Германии к агрессивной войне» и «Агрессивная война». Оглашение решения Трибунала о порядке представления документальных доказательств и заявления ходатайств.

26—28 ноября 1945 г. Продолжение представления доказательств американским обвинителем Олдерманом по разделу обвинения: «Агрессивная война».

29 ноября 1945 г. Американский обвинитель Олдерман представил доказательства по разделу обвинения: «Агрессия против Австрии». В качестве доказательства демонстрировался документальный фильм «Нацистские концентрационные лагеря».

30 ноября 1945 г. Допрос заместителя начальника гитлеровской военной разведки и контрразведки Эрвина Лахузена. Обсуждение вопроса о вменяемости Гесса.

1 декабря 1945 г. Оглашение решения Трибунала о признании подсудимого Гесса вменяемым.

3 декабря 1945 г. Американский обвинитель Олдерман представил доказательства по разделу обвинения: «Агрессия против Чехословакии».

4 декабря 1945 г. Главный обвинитель от Великобритании Хартли Шоукросс произнес вступительную речь.

5 декабря 1945 г. Заместитель Главного обвинителя от Великобритании Максвелл-Файф представил доказательства по разделу обвинения: «Нарушения международных договоров».

6 декабря 1945 г. Английский обвинитель представил доказательства, относящиеся к обвинению в агрессии против Польши, Великобритании и Франции.

7 декабря 1945 г. Английские обвинители представляли доказательства по разделам обвинения: «Вторжение в Данию и Норвегию», «Агрессия против Бельгии, Нидерландов и Люксембурга». Американский обвинитель Олдерман выступил по разделу обвинения: «Агрессия против СССР».

10 декабря 1945 г. Американский обвинитель Олдерман выступил по разделу обвинения: «Германское сотрудничество с Италией и Японией и агрессивная война против США».

11 декабря 1945 г. Демонстрация в качестве документального доказательства фильма «Нацистский план».

10—14 декабря 1945 г. Американские обвинители представляли документальные доказательства по разделам обвинения: «Нацистская политика рабского труда», «Гитлеровские концентрационные лагеря», «Преступления против человечности» и «Германизация и разграбление оккупированных территорий».

17—20 декабря 1945 г. Представление обвинением документальных доказательств преступности организаций гитлеровского режима: «Руководящий состав НСДАП», «Имперское правительство», «СА», «СС», «Гестапо» и «СД».

2 января 1946 г.¹ Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности Кальтенбруннера.

3 января 1946 г. Допрос «свидетеля» Отто Олендорфа представителями обвинения — полковником Эйменом (США) и полковником Ю. В. Покровским (СССР). Олендорф признал, что руководимая им эйнзатцгруппа «Д» уничтожила на оккупированной территории СССР свыше 90 тысяч мирных жителей. Перекрестный допрос Олендорфа адвокатами. Допрос Олендорфа членом Международного Военного Трибунала от СССР генерал-майором юстиции И. Т. Никитченко, членом Трибунала от США Фрэнсисом Биддлом и Председательствующим Джеффри Лоренсом. Допрос гауптштурмфюрера СС Дитера Вислицени — ответственного сотрудника главного имперского управления безопасности. Вислицени показал, что гитлеровцы уничтожили около 5 миллионов евреев.

4 января 1946 г. Допрос «свидетеля» Вальтера Шелленберга — бывшего начальника шестого управления главного имперского управления безопасности американским и английским обвинителями, а также членом Трибунала от СССР И. Т. Никитченко. Представление обвинением документальных доказательств преступности гитлеровского генерального штаба и ОКВ.

7 января 1946 г. Допрос обергруппенфюрера СС Бах-Зелевского американским обвинителем Тэйлором, советским обвинителем Ю. В. Покровским и членом Трибунала Биддлом. Представление американским обвинителем документов, касающихся преследования гитлеровцами христианской церкви.

8 января 1946 г. Выступление представителя обвинения от Великобритании Элвина Джонса по разделу обвинения: «Агрессия как база нацистской идеологии» и представление им в качестве доказательства книги Гитлера «Майн кампф».

8—10 января 1946 г. Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Иодля, Розенберга, Франка, Штрейхера.

11 января 1946 г. Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Шахта и Функа. Допрос представителями обвинения от СССР, США и Франции свидетеля Франца Блаха — бывшего узника гитлеровского концентрационного лагеря Дахау. Перекрестный допрос свидетеля адвокатами.

14—16 января 1946 г. Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Деница, Редера, Шираха, Бормана, Зейсс-Инкварта, Фрика.

¹ С 20 декабря 1945 г. по 2 января 1946 г. судебных заседаний не было в связи с объявлением рождественских каникул. — Составители.

17 января 1946 г. Главный обвинитель от Франции Франсуа де Ментон произнес вступительную речь. Представитель французского обвинения представил доказательства по разделу обвинения: «Экономическое разграбление».

18—19 января 1946 г. Представитель обвинения от Франции представлял доказательства по разделам обвинения: «Принудительный труд на оккупированной территории Франции», «Экономическое разграбление Дании, Норвегии и Нидерландов», а также индивидуальной ответственности подсудимого Заукеля.

21—22 января 1946 г. французские обвинители представили доказательства по разделу обвинения: «Экономическое разграбление Франции, Бельгии и Люксембурга».

23 января 1946 г. Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Фриче, Папена и Нейрата. Председательствующий огласил решение Трибунала о принятии в качестве доказательства письменных показаний кельнского банкира Курта фон Шредера о систематическом финансировании им и многими другими германскими монополиями «особых мероприятий» Гиммлера.

24 января 1946 г. Представление французским обвинителем доказательств по разделу обвинения: «Нарушение законов и обычаев войны». Окончание представления обвинением доказательств индивидуальной ответственности Нейрата.

25 января 1946 г. Допрос свидетеля Мориса Лампа — узника гитлеровских концлагерей — французским обвинителем Дюбостом и Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко. Допрос в качестве свидетеля Мари Вайян-Кутюрье о злодеяниях в гитлеровских концентрационных лагерях.

29 января 1946 г. Допрос Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко свидетеля Франсуа Буа — очевидца массового истребления советских военнопленных.

29—30 января 1946 г. Представление французским обвинителем доказательств о злодеяниях в гитлеровских концентрационных лагерях. Допрос в этой связи свидетелей Каппелена, Розера и Балаховского — бывших узников концлагерей.

31 января 1946 г. Представление французским обвинителем доказательств по разделу обвинения: «Террористические действия против патриотов».

1 февраля 1946 г. Выступление представителя обвинения от Франции на тему: «Юридическая квалификация преступлений».

6—7 февраля 1946 г. Выступление французского обвинителя на тему: «Определение понятия преступного заговора». Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Шпеера, Кейтеля, Иодля, Гесса, а также доказательств о разграблении нацистами произведений искусства.

8 февраля 1946 г. Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко произнес вступительную речь. Представитель обвинения от СССР полковник Д. С. Карев доложил Трибуналу порядок представления доказательств советским обвинением.

8—11 февраля 1946 г. советский обвинитель Ю. В. Покровский представлял доказательства по разделу обвинения: «Агрессия против Чехословакии, Польши и Югославии».

11 февраля 1946 г. Представление советским обвинителем государственным советником юстиции 3-го класса Н. Д. Зоря доказательств по разделу: «Агрессия против СССР». Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко допрашивал в качестве свидетеля бывшего фельдмаршала германской армии Фридриха Паулюса.

12 февраля 1946 г. Перекрестный допрос Паулюса защитой, членом Трибунала от СССР И. Т. Никитченко, членом Трибунала от США Бидлом и председательствующим. Допрос советским обвинителем Н. Д. Зоря свидетеля Бушенгагена — бывшего генерала гитлеровской армии.

13—14 февраля 1946 г. советский обвинитель Ю. В. Покровский представлял доказательства по разделу обвинения: «Преступное попрание законов и обычаев войны об обращении с военнопленными».

14—18 февраля 1946 г.¹ советский обвинитель старший советник юстиции Л. Н. Смирнов представлял доказательства по разделу обвинения: «Преступления против мирного населения».

19 февраля 1946 г. Представление советским обвинителем Л. Н. Смирновым вещественных доказательств (мыла, изготовленного из человеческого жира, изделий из человеческой кожи) и демонстрация в качестве доказательства документального фильма о зверствах гитлеровцев на оккупированной территории СССР. Оглашение решения Трибунала об отклонении ходатайства защиты об объявлении перерыва в судебных заседаниях.

20 февраля 1946 г. советский обвинитель государственный советник юстиции 2-го класса Л. Р. Шейнин представил доказательства по разделу обвинения: «Разграбление и расхищение государственной, частной и общественной собственности».

21 февраля 1946 г. советский обвинитель государственный советник юстиции 2-го класса М. Ю. Рагинский представил доказательства по разделу обвинения: «Разрушение и разграбление культурных и научных ценностей». Демонстрация в качестве доказательства документального фильма «Разрушение произведений искусства и памятников национальной культуры на оккупированной территории СССР».

¹ 16 и 17 февраля судебных заседаний не было. — Составители.

22 февраля 1946 г. советский обвинитель М. Ю. Рагинский представил доказательства по разделу обвинения: «Разрушение сел и городов». Демонстрация в качестве доказательств документальных фильмов о разрушении Лидице в Чехословакии и разрушениях, произведенных гитлеровцами на оккупированной территории СССР. Допрос советским обвинителем М. Ю. Рагинским свидетеля академика И. А. Орбели. Перекрестный допрос свидетеля адвокатами.

22 февраля 1946 г. Представление советским обвинителем Н. Д. Зоря доказательств по разделу обвинения: «Угон в фашистское рабство».

23 февраля 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против некоторых ходатайств защиты о вызове свидетелей и приобщении ряда документов.

25 февраля 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против ходатайства защитника Риббентропа о вызове некоторых свидетелей.

25—27 февраля 1946 г. советский обвинитель Л. Н. Смирнов представлял доказательства по разделу обвинения: «Преступления против человечности». Демонстрация документального фильма о преступлениях гитлеровцев против человечности на оккупированной территории СССР.

26 февраля 1946 г. Допрос советскими обвинителями свидетелей Григорьева и Кивелиша.

27 февраля 1946 г. Допрос советским обвинителем Л. Н. Смирновым свидетелей Суцкевера, Ройзмана, Шмаглевской и протоиерея Ломакина. Представление американским обвинителем некоторых дополнительных документов, относящихся к разделу обвинения: «Экономическая сторона заговора».

28 февраля — 1 марта 1946 г. Выступления Главных обвинителей и адвокатов по вопросу о рассмотрении дела в отношении преступных организаций.

2 марта 1946 г. Повторное выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко по вопросу о преступных организациях.

4 марта 1946 г. Оглашение представителем советского обвинения Л. Н. Смирновым некоторых пунктов официального отчета Английского правительства, касающегося расстрела 50 английских летчиков.

5 марта 1946 г. Оглашение решения Трибунала об отклонении ходатайства всех подсудимых о выделении дела в отношении преступных организаций гитлеровского режима в отдельное производство и удовлетворении ходатайства адвоката Бергольда о рассмотрении дела в отношении Бормана после рассмотрения дела всех других подсудимых.

6—7 марта 1946 г. Трибунал заслушал заключения обвинителей по ходатайствам защитников подсудимых об истребовании документов и вызове свидетелей.

8 марта 1946 г. Защита начала представление доказательств. Перекрестный допрос гитлеровского генерала, «свидетеля» Карла Боденшатца Главным обвинителем от США Джексонном и английским обвинителем Гриффит-Джонсом.

11 марта 1946 г. Перекрестный допрос «свидетеля» Мильха — бывшего фельдмаршала гитлеровской армии Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко, Главным обвинителем от США Джексонном и английским обвинителем Робертсом.

12 марта 1946 г. Перекрестный допрос Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко и Главным обвинителем от США Р. Джексонном «свидетеля» Пауля Кернера, вызванного по ходатайству защитника Геринга.

13 марта 1946 г. Перекрестный допрос американским и английским обвинителями «свидетеля» Кессельринга — бывшего гитлеровского фельдмаршала.

15 марта 1946 г. Допрос Геринга его защитником — адвокатом Штамером.

19—20 марта 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Геринга Главным обвинителем от США Джексонном.

20—21 марта 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Геринга заместителем Главного обвинителя от Великобритании Максвелл-Файфом.

21—22 марта 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Геринга Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко. Выступления Главных обвинителей по вопросу об оглашении документов, представляемых защитой. Возражения Р. А. Руденко против оглашения и представления адвокатом Штамером выдержек из так называемой «Белой книги».

25 марта 1946 г. Выступления представителей советского и английского обвинения с возражениями против некоторых документов, представленных адвокатом Зейдлем. Перекрестный допрос обвинителями «свидетеля» Боле — одного из основных руководителей шпионско-диверсионных организаций нацистской партии за границей.

26 марта 1946 г. Протест заместителя Главного обвинителя от Великобритании Максвелл-Файфа против представленного адвокатом Зейдлем третьего тома документов. Обсуждение этого вопроса защитниками и представителями обвинения. Оглашение решения Трибунала об отказе в принятии в качестве доказательства третьего тома документов подсудимого Гесса, представленных его защитником Зейдлем.

27 марта 1946 г. Перекрестный допрос представителями советского, английского, американского и французского обвинения

«свидетеля» Штейнграхта — гитлеровского дипломата, вызванного защитником Риббентропа. Возражения советского обвинителя Покровского и английского обвинителя Максвелл-Файфа против ряда документов, представленных защитником Риббентропа.

28 марта 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против заявления адвоката Зейдля и поставленных им вопросов «свидетельнице» Маргарите Бланк (секретарь Риббентропа). Перекрестный допрос английским обвинителем свидетеля Пауля Шмидта.

1 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Риббентропа заместителем Главного обвинителя от Великобритании Максвелл-Файфом.

2 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Риббентропа французским обвинителем, представителем обвинения от США и Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко.

5—6 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Кейтеля Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко.

8 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Кейтеля представителями обвинения от Великобритании и США.

9 апреля 1946 г. Выступления представителей обвинения от СССР, США и Великобритании с возражениями против некоторых документов, представленных защитником Розенберга. Перекрестный допрос советским обвинителем Ю. В. Покровским и английским обвинителем Элвином Джонсом «свидетеля» Ламмерса — рейхсминистра и начальника имперской канцелярии.

10 апреля 1946 г. Перекрестный допрос советским обвинителем Ю. В. Покровским «свидетеля» Вестгофа. Выступления Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко и представителя обвинения от США с протестом против нарушения защиты порядка представления доказательств, установленного Трибуналом.

12 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Кальтенбруннера представителем обвинения от США.

13 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Кальтенбруннера советским обвинителем Л. Н. Смирновым. Выступление советского обвинителя М. Ю. Рагинского с возражениями против представления в качестве доказательства показаний Данкера по делу Розенберга.

15 апреля 1946 г. Перекрестный допрос обвинителями «свидетеля» Рудольфа Гесса — гитлеровского палача, коменданта концентрационного лагеря Освенцим, где было злодейски умерщвлено не менее 4 миллионов человек.

17 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Розенберга Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко, американским и французским обвинителями. Выступления представите-

лей советского обвинения М. Ю. Рагинского и Ю. В. Покровского с возражениями против принятия некоторых документов, представленных адвокатами Тома и Зейдлем.

18 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Франка представителем советского обвинения Л. Н. Смирновым и американским обвинителем Доддом.

23 апреля 1946 г.¹ Перекрестный допрос советским обвинителем Л. Н. Смирновым «свидетеля» Бюлера — одного из заместителей Франка.

25—26 апреля 1946 г. Допрос «свидетеля» Гизевиуса Главным обвинителем от США Джексонсом и представителем советского обвинения Государственным советником юстиции 3-го класса Г. Н. Александровым.

29 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Штрейхера английским обвинителем Гриффит-Джонсом.

2 мая 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против принятия некоторых документов, представленных защитником Шахта. Перекрестный допрос подсудимого Шахта Главным обвинителем от США Джексонсом.

3 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Шахта представителем советского обвинения Г. Н. Александровым.

6 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Функа обвинителем от США Доддом.

7 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Функа советским обвинителем М. Ю. Рагинским. Выступление представителя советского обвинения Ю. В. Покровского с возражениями против принятия некоторых документов, представленных адвокатом Кранцбюлером в защиту Деница.

9 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Деница английским обвинителем Максвелл-Файфом.

10 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Деница советским обвинителем Ю. В. Покровским.

11 мая 1946 г. Выступление советского обвинителя Ю. В. Покровского с заключением по дополнительному ходатайству подсудимого Геринга о вызове свидетелей.

15 мая 1946 г. Допрос Эмиля Пуля — вице-президента рейхсбанка, который показал, что на основе соглашения Гиммлера с Функом в кладовых рейхсбанка хранились отбираемые эсэсовцами драгоценности, а также золотые оправы от очков, пломбы и зубные протезы жертв концлагерей.

16 мая 1946 г. Выступления представителей советского, английского и французского обвинения с возражениями против

¹ С 19 по 22 апреля судебных заседаний Трибунала не было в связи с объявлением пасхальных каникул. — Составители.

принятия некоторых документов, представленных защитником Редера.

20 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Редера английским обвинителем Максвелл-Файфом и советским обвинителем Ю. В. Покровским.

21 мая 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против некоторых вопросов, заданных адвокатом Зейдлем «свидетелю» Вейцекеру — гитлеровскому дипломату. Перекрестный допрос английским обвинителем Элвином Джонсом свидетеля Зеверинга.

22 мая 1946 г. Перекрестный допрос английским обвинителем «свидетеля» Вейцекера.

24 мая 1946 г. Перекрестный допрос американским обвинителем Доддом подсудимого Шираха.

27 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Шираха представителем советского обвинения Г. Н. Александровым. Допрос Шираха председателем Трибунала.

28 мая 1946 г. Представление американским обвинителем дополнительных документов по делу подсудимого Функа.

29—30 мая 1946 г. Перекрестный допрос французским обвинителем подсудимого Заукеля.

30—31 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Заукеля представителем советского обвинения Г. Н. Александровым и американским обвинителем Доддом. Допрос Заукеля членом Трибунала от США Биддлом.

3 июня 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с заключением по ходатайству подсудимого Геринга о вызове дополнительных свидетелей. Допрос свидетеля Егера — немецкого врача, давшего показания о рабском труде и массовой гибели военнопленных и мирных граждан, угнанных гитлеровцами с оккупированных территорий, на предприятиях Круппа в Эссене.

6 июня 1946 г. Перекрестный допрос английским обвинителем Робертсом подсудимого Иодля.

7 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Иодля советским обвинителем Ю. В. Покровским. Допрос Иодля членом Трибунала Биддлом.

11—12 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Зейсс-Инкварта французским обвинителем Дебене и американским обвинителем Доддом. Допрос Зейсс-Инкварта членом Трибунала Биддлом.

13 июня 1946 г. Оглашение решения Трибунала о заключительных речах адвокатов.

18—19 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Папена английским обвинителем Максвелл-Файфом. Допрос Папена председателем Лоренсом.

21 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Шпеера Главным обвинителем от США Джексоном и советским обвинителем М. Ю. Рагинским. Допрос Шпеера членом Трибунала Биддлом.

25 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Нейрата заместителем Главного обвинителя от Великобритании Максвелл-Файфом.

25—26 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Нейрата советским обвинителем М. Ю. Рагинским. Допрос Нейрата членом Трибунала от СССР И. Т. Никитченко, членом Трибунала от США Биддлом и председательствующим.

28 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Фриче Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко.

29 июня 1946 г. Допрос подсудимого Фриче председательствующим Лоренсом и членом Трибунала Биддлом.

1 июля 1946 г. Допрос советским обвинителем Л. Н. Смирновым и членом Трибунала от СССР И. Т. Никитченко «свидетеля» Арнса — участника злодеяний гитлеровцев над польскими военнопленными.

2—3 июля 1946 г. Представление защитой и обвинением дополнительных письменных доказательств.

4—25 июля 1946 г. Защитительные речи адвокатов.

26 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от США Джексона.

26—27 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от Великобритании Шоукросса.

29 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от Франции Шампетье де Рибя.

29—30 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко.

30 июля 1946 г. Защитники преступных организаций начали представление доказательств¹.

31 июля 1946 г. Представление советским обвинителем М. Ю. Рагинским дополнительных документов в доказательство преступности НСДАП.

1 августа 1946 г. Представитель обвинения от СССР Д. С. Карев дополнительно представил некоторые документы о преступной деятельности гестапо.

5—7 августа 1946 г. Перекрестный допрос английским обвинителем Элвином Джонсом и советским обвинителем Л. Н. Смирновым «свидетелей» по делу СС Бриля, Рейнеке и генерал-

¹ Обвинение представляло доказательства против преступных организаций одновременно с представлением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых. — Составители.

полковника войск СС Хаусера. Допрос Хаусера председательствующим Лоренсом.

8—9 августа 1946 г. Перекрестный допрос английским обвинителем Элвином Джонсом «свидетеля» по делу СС штандартенфюрера Вольфрама Зиверса — директора так называемого «Аненэрбе». Допрос Зиверса членом Трибунала Биддлом. Перекрестный допрос «свидетеля» Браухича представителем советского обвинения Г. Н. Александровым и представителем обвинения от США генералом Тэйлором.

10 августа 1946 г. Перекрестный допрос «свидетеля» Манштейна американским обвинителем Тэйлором.

12 августа 1946 г. Перекрестный допрос Манштейна представителем советского обвинения Г. Н. Александровым. Перекрестный допрос американским обвинителем «свидетеля» Рундштедта.

16 августа 1946 г. Выступления Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко и английского обвинителя Максвелл-Файфа в связи с заявлением адвоката Штамера о непричастности Геринга к преступным медицинским опытам над заключенными в гитлеровских концентрационных лагерях.

22—28 августа 1946 г. Защитительные речи адвокатов по делу преступных организаций.

26 августа 1946 г. Допрос бывшего генерал-майора медицинской службы гитлеровской армии профессора военно-медицинской академии Вальтера Шрайбера представителем советского обвинения Г. Н. Александровым. Шрайбер дал подробные показания о подготовке гитлеровцами бактериологической войны. Перекрестный допрос Шрайбера адвокатом Латернзером.

28—29 августа 1946 г. Заключительная речь английского обвинителя Максвелл-Файфа по делу преступных организаций.

29—30 августа 1946 г. Заключительные речи американских обвинителей Додда и Тэйлора по делу преступных организаций.

30 августа 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от Франции Шампетье де Рива по делу преступных организаций. Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко по делу преступных организаций.

31 августа 1946 г. Оглашение решения Трибунала об отказе в ходатайстве адвоката Зейдля о назначении повторной судебно-психиатрической экспертизы для установления вменяемости Гесса. Последние слова подсудимых. Трибунал удалился на совещание для постановления приговора.

30 сентября — 1 октября 1946 г. Оглашение приговора Международного Военного Трибунала. Объявление председательствующим о занесении в протокол судебного заседания Особого мнения члена Трибунала от СССР И. Т. Никитченко в связи с оправданием Шахта, Папена и Фриче, неприменением смерт-

ной казни к Гессу и непризнанием преступными организациями имперского правительства, ОКВ и генерального штаба.

16 октября 1946 г. Приговор Международного Военного Трибунала, осудившего к повешению Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Кальтенбруннера, Фрика, Франка, Штрейхера, Иодля, Заукеля и Зейсс-Инкварта, приведен в исполнение в здании Нюрнбергской тюрьмы. Геринг за 2½ часа до казни покончил жизнь самоубийством, приняв цианистый калий.

Продолжение

ПЕРЕЧЕНЬ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ОБВИНЕНИЯ ОТ СССР
НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ

Краткое содержание документа	Номер документа
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников ¹ о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае	СССР-1
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками промышленности, городскому хозяйству, культурно-просветительным учреждениям Сталинской области	СССР-2
Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городах Сталино, Артемовске и Краматорске	СССР-2а
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о директивах и приказах гитлеровского правительства и германского военного командования об истреблении советских военнопленных и мирных граждан	СССР-3
Приложение № 1 к совершенно секретному приказу начальника полиции безопасности и СД № 14 от 29 октября 1941 г. о порядке формирования «зондеркоманд» (в этом документе указывается, что «зондеркоманды» создаются в соответствии с договоренностью между начальником полиции безопасности и СД и верховным командованием вооруженных сил от 7 октября 1941 г.)	СССР-3/1
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии об истреблении советских людей путем заражения сыпным тифом	СССР-4

¹ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. была образована Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. В силу статьи 21 Устава Международного Военного Трибунала сообщения, доклады и документы Чрезвычайной Государственной Комиссии (здесь и в последующем дается сокращенное наименование Комиссии) Трибунал должен был принимать без доказательств (в качестве бесспорных доказательств). — Составители.

Краткое содержание документа	Номер документа
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии об истреблении гитлеровцами советских военнопленных в «Гросс-лазарете» города Славута Каменец-Подольской области	СССР-5
Документы (акт и заключения судебно-медицинской экспертизы) об истреблении гитлеровцами советских военнопленных в «Гросс-лазарете» города Славута Каменец-Подольской области	СССР-5а
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецких захватчиков на территории Львовской области	СССР-6
Фотокопии документов, относящихся к Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях на территории Львовской области	СССР-6в
Показания от 27 сентября 1944 г. свидетеля Кочака В. С. — очевидца гитлеровских зверств над советскими военнопленными в Рава-Русской	СССР-6 в/1
Заявление солдата 43-го пехотного французского полка Эмиля Леже о злодеяниях гитлеровцев в Рава-Русской	СССР-6 в/2
Протокол допроса свидетеля Манусевича — узника Яновского лагеря, где он работал в команде заключенных, занятой сжиганием трупов умерших гитлеровцами советских людей. После сожжения 40 тысяч трупов в Яновском лагере команда была отправлена для аналогичных целей в лагерь, размещенный в Лисеницком лесу	СССР-6 в/8
Документы Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городах Львова, Золочеве и Рава-Русская	СССР-6с
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровских захватчиков в Литовской ССР.	СССР-7
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме (в этом лагере фашистские палачи уничтожили не менее 4 миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран)	СССР-8
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях и зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Киеве (по неполным данным в Киеве было замучено, расстреляно и отравлено в «душегубках» более 195 тысяч советских граждан, в том числе: в Бабьем Яру — свыше 100 тысяч женщин, детей и стариков, в Дарнице — свыше 68 тысяч и в Сырецком лагере — свыше 25 тысяч военнопленных и мирных граждан)	СССР-9

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
«Зеленая папка» (директивы Геринга по экономическому разграблению оккупированных территорий Советского Союза)	СССР-10
Инструкция главного управления полиции безопасности и СД «О внутрилагерном режиме» в концентрационных лагерях, изданная в Берлине в 1941 году	СССР-11
Приказ командующего 6-й германской армией генерал-фельдмаршала Рейхенау от 10 декабря 1941 г. «О поведении войск на Востоке»	СССР-12
Фотокопия директивы Геринга от 6 сентября 1941 г. об «Инспекции по охвату и использованию сырья» на оккупированных территориях Советского Союза	СССР-13
Фотокопии директив и приказов гитлеровского правительства и германского военного командования об истреблении советских военнопленных и мирных граждан	СССР-14
Директива гитлеровского верховного командования вооруженными силами от 20 июля 1942 г. № 3142/42 о клеймении советских военнопленных (была разослана не только военным, но и полицейским учреждениям)	СССР-15
Фотокопия совершенно секретной директивы Кейтеля от 16 декабря 1942 г. о борьбе с партизанами на Востоке и на Балканах	СССР-16
Приказ высшего руководителя СС и полиции юга России от 14 сентября 1943 г. об уничтожении железнодорожного имущества при отступлении	СССР-17
Приказ германского командования в городе Пскове от 16 октября 1943 г. об охране дорог и борьбе с партизанами	СССР-18
Донесение командира роты 16-го полицейского полка СС от 13 сентября 1943 г. о карательных операциях роты	СССР-19
Донесение командира отряда полиции безопасности и СД (отряд Крупка) в штаб «зондеркоманды 7b» об использовании мирного населения для разминирования минных полей	СССР-20
Распоряжение командующего жандармерией в Австрии от 4 августа 1942 г. об обращении с иностранными рабочими	СССР-21
Приказ генерального комиссара в Каунасе от 25 июня 1943 г. о регистрации всех мужчин и женщин с целью использования их на принудительных работах	СССР-22
Приказ начальника жандармерии Фюрстенфельдского округа о контроле за обязательным ношением поляками и рабочими из советских граждан специальных опознавательных знаков	СССР-23
Приказ генерального комиссара в Каунасе от 1 ноября 1941 г. о запрещении евреям ходить по тротуарам	СССР-26

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Приказ генерального комиссара в Каунасе от 27 ноября 1941 г. о конфискации имущества, принадлежащего евреям	СССР-27
Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Комиссии по расследованию злодеяний немцев, совершенных в лагере уничтожения на Майданеке в городе Люблине (за четырехлетнее существование этого лагеря нацистские палачи истребили путем массовых расстрелов и умерщвления в газовых камерах около полтора миллиона человек — советских военнопленных, военнопленных бывшей польской армии, граждан различных национальностей: поляков, французов, итальянцев, бельгийцев, голландцев, чехов, сербов, греков, хорватов и большую массу евреев)	СССР-29
Фотодокументы о лагере Освенцим (два альбома)	СССР-30
Фотодокументы о лагере Майданек (один альбом)	СССР-31
Копия приговора Военного Трибунала по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Харькове и Харьковской области	СССР-32
«Лагерь смерти». Сборник документов о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии	СССР-33
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. «Об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР»	СССР-34
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о материальном ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками государственным предприятиям и учреждениям, колхозам, общественным организациям и гражданам СССР	СССР-35
Югославское правительственное сообщение о преступлениях оккупантов и их сообщников	СССР-36
Протокол № 5 заседания Чрезвычайной Государственной Комиссии от 24 июня 1943 г. по материалам о преступлениях оккупантов, связанных:	
а) с ограблением Пятигорского музея изобразительных искусств;	
б) с отравлением больных психиатрической больницы в Сапогове Курской области;	
в) с пытками и расстрелами в городе Купянске	СССР-37
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Минске	СССР-38

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Эстонской ССР	СССР-39
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими варварами в Пушкинском заповеднике Академии наук СССР	СССР-40
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях немецких захватчиков на территории Латвийской ССР	СССР-41
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецких оккупантов в городе Краснодаре и Краснодарском крае	СССР-42
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Харькове и Харьковской области	СССР-43
Сообщение Информбюро Наркоминдела СССР об истреблении гитлеровцами евреев	СССР-44
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях, грабежах и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в городе Ровно и Ровенской области	СССР-45
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецких оккупантов в городе Орле и Орловской области	СССР-46
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях, совершенных немецко-румынскими захватчиками в городе Одессе и Одесской области	СССР-47
Материалы судебно-медицинской экспертизы по исследованию мест массового захоронения жертв немецко-фашистских оккупантов в городе Смоленске и его окрестностях	СССР-48
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях памятников искусства и архитектуры в городах Петродворец, Пушкин и Павловск	СССР-49
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях и злодеяниях, произведенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Новгороде и Новгородском районе	СССР-50
Ноты Народного комиссара иностранных дел Союза ССР:	СССР-51
Нота от 25 ноября 1941 г. «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных»	СССР-51/1
Нота от 6 января 1942 г. «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях»	СССР-51/2

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Нота от 27 апреля 1942 г. «О чудовищных злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления»	СССР-51/3
Нота от 11 мая 1943 г. «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии»	СССР-51/4
Фотостаты и копии показаний ряда очевидцев нацистских зверств в лагерях Освенцим и Биркенау (филиал Освенцима)	СССР-52
Показания взятого в плен 2 мая 1945 г. в Берлине эсэсовца Пауля Вальдмана о фактах массового истребления советских военнопленных в Освенциме и Саксенхаузене, а также о личном его участии в этих злодеяниях	СССР-52/1
Фотостат Обращения к международной общественности освобожденных узников Освенцима	СССР-53
Материалы Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками военнопленных поляков в Катынском лесу	СССР-54
Материалы судебного процесса по делу о зверствах немецких захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период временной оккупации	СССР-55
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецких оккупантов в городе Смоленске и Смоленской области	СССР-56
Выдержки из секретного отчета оперативной группы «А» полиции безопасности и СД о результатах осуществления мероприятий «по полной ликвидации евреев на Востоке»	СССР-57
Секретные материалы из «Кавказской папки» Розенберга:	СССР-58
1. Доклад о преобразовании Кавказа	
2. Заметки для Гитлера	
3. О формировании кавказских воинских частей	
4. Краткий отчет о работе организационного штаба «К»	
5. Указания уполномоченному имперского министра оккупированных восточных областей при командовании армейской группировки «А»	
6. План создания организационной службы штаба «К»	
7. Заметка о назначении уполномоченного министерства на Кавказе	
8. Записка командованию армейской группировки «А»	
9. Заметки о политическом будущем Кавказа	

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Фотостат статьи «Германизировать ли?», опубликованной 20 августа 1942 г. в газете «Дас шварце кор», являющейся органом рейхсфюрера СС Гимmlера	СССР-59
Официальное Сообщение Чехословацкого правительства о германских преступлениях против Чехословакии	СССР-60
Акт осмотра в городе Львове машины, используемой гитлеровцами для перемалывания костей расстрелянных и сожженных советских людей	СССР-61
Протест немецких военнопленных, направленный в январе 1942 года в адрес Международного Красного Креста против зверского обращения германских властей с советскими военнопленными	СССР-62
Сборник актов о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими оккупантами:	СССР-63
1. Акт от 25 марта 1943 г. об истязаниях и казнях жителей Дзержинского района Сталинграда	СССР-63/1
2. Акт от 2 июля 1943 г. о злодеяниях в отношении мирных граждан Сталинграда	СССР-63/2
3. Акт от 21 июня 1943 г. о зверствах на хуторе Вертячий Сталинградской области	СССР-63/3
4. Акт от 25 ноября 1944 г. об издевательствах и расстреле детей Домачевского детского дома Брестской области	СССР-63/4
5. Акт о зверствах в Севастополе	СССР-63/5
6. Акт о злодеяниях в городе Керчи	СССР-63/6
7. Акт от 13 марта 1943 г. о зверствах в деревне Холмец Смоленской области	СССР-63/7
8. Акт о зверствах в Тиберде	СССР-63/8
Письмо акционерного общества «Заводы Дидье» от 25 июля 1943 г. с предложением об установке кремационных печей для СС в Белграде	СССР-64
Объявления высшего руководителя СС и полиции XVIII округа группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Резенера о расстрелах без суда югославских партизан	СССР-65 и СССР-65а
Совершенно секретное распоряжение верховного командования вооруженными силами от 13 мая 1941 г. «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и особых мероприятиях войск»	СССР-68
Заявления немецкой сестры милосердия Елизаветы Клейн о зверствах СС в Риге	СССР-69
Телеграфное распоряжение всем уполномоченным, начальникам и командирам полиции безопасности и СД от 5 апреля 1941 г. № 6122 о задержании югославского военного атташе в Берлине	СССР-71
Объявление немецкой гарнизонной комендатуры в Крагуеваце от 21 октября 1941 г. о казни 100 сербов за ка-	

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
жлого убитого немецкого солдата и о расстреле 2300 югославских граждан	СССР-74
Показания свидетеля Иосифа Малиновского, допрошенного в Варшаве 3 ноября 1945 г., о преступлениях фашистских захватчиков в Польше	СССР-75
Приказ командующего 6-й немецкой армии о передаче военнопленных гестапо	СССР-76
Правительственный отчет о преступлениях гитлеровских оккупантов против Норвегии	СССР-78
Показания допрошенного 25 октября 1945 г. в Дахау Герхарда Адамца — служившего в отрядах «1005а» и «1005б», специально созданных для сокрытия следов гитлеровских зверств на территории Украины и Латвийской ССР	СССР-80 СССР-81
Кинодокументы о зверствах немецких захватчиков Документальный фильм о злодеяниях фашистских оккупантов	СССР-82
Фотодокументы о разрушении и разграблении памятников культуры и искусства в Ленинградской и Харьковской областях	СССР-84
Доклад Ленинградской городской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов	СССР-85
Материалы судебного процесса по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Николаеве и Николаевской области	СССР-86
Материалы судебного процесса по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Смоленске и Смоленской области	СССР-87
Приказ начальника полиции безопасности и СД в Белостоке от 2 мая 1943 г. о сожжении сел	СССР-88
Совершенно секретная инструкция «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими»	СССР-89
Материалы судебного процесса о немецко-фашистских зверствах в Орловской и Брянской областях	СССР-90
Материалы судебного процесса о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Ленинградской области	СССР-91
Распоряжение управления продовольствия и сельского хозяйства от 10 августа 1944 г. об обращении с беременными женщинами не немецкой национальности	СССР-92
Официальный доклад Польского правительства о преступлениях немецко-фашистских захватчиков против Польши	СССР-93
Документальный фильм «Преступления немецких врачей в Данциге»	СССР-94
Документальный фильм «Освенцим»	СССР-95
Документальный фильм «Майданек»	СССР-96
Документальный фильм «Разрушение Смоленска»	СССР-97

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Документальный фильм «Разрушение памятников культуры и искусства»	СССР-98
Фотодокументы «Разрушение церквей и монастырей»	СССР-99
Фотодокументы о военных преступлениях и преступлениях против человечности немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской ССР	СССР-100
Фотодокумент о военных преступлениях в Данциге (отсеченные головы людей)	СССР-101
Фотодокументы о злодеяниях гитлеровцев в Львовской области	СССР-102
Телеграфные донесения 164-ой германской пехотной дивизии (Салоники) на имя начальника штаба 12-ой армии от 18, 24 и 26 октября 1941 г. о проведенной карательной экспедиции, в результате которой три греческих селения стерты с лица земли, а 416 жителей расстреляны	СССР-103
Приказ начальника полиции безопасности и СД в Радоме (Польша) от 28 марта 1944 г. о неуклонном применении приказа верховного командования вооруженными силами «Кугель», то есть о немедленном расстреле военнопленных, бежавших из лагерей, при их поимке	СССР-104
Приказ начальника управления по делам военнопленных верховного командования вооруженными силами генерала Вестгофа от 12 июня 1944 г., которым предписывалось передавать гестапо советских офицеров, бежавших из лагерей, при их поимке	СССР-105
Совершенно секретный приказ Гитлера № 11154/42 от 8 сентября 1942 г. войскам Восточного фронта о принуждении мирных граждан и военнопленных строить оборонительные сооружения	СССР-106
Директива верховного командования вооруженными силами от 16 сентября 1941 г. за подписью Кейтеля «О коммунистическом повстанческом движении в оккупированных областях», в которой указывалось: «...Следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости...»	СССР-107
Приказ управления полиции безопасности и СД РСХА от 5 ноября 1942 г. об «особом обращении» («зондербехандлинг») с советскими военнопленными	СССР-108
Приказ управления полиции безопасности и СД РСХА от 17 декабря 1942 г. о направлении 35 тысяч заключенных концлагерей на предприятия военной промышленности	СССР-109
Приказ начальника полиции безопасности и СД в Радоме (Польша) от 19 июля 1944 г. о расстреле всех родственников мужского пола и заключении в лагерь род-	

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
ственников женского пола лиц, заподозренных в саботаже против немецких властей	СССР-110
Показания бывшего командира роты германской армии Бингеля от 27 декабря 1945 г. о злодеяниях гитлеровцев в лагере для советских военнопленных в районе Умани (УССР)	СССР-111
Материалы дознания, произведенного английскими военными властями о расстреле 7 апреля 1945 г. военнопленных и мирных граждан на кладбище Зельхорст (Ганновер):	СССР-112
1) показания Петра Пальникова от 1 мая 1945 г. 2) показания Карла Фреверта от 1 мая 1945 г. 3) медицинский отчет по эксгумации трупов из могил на кладбище Зельхорст от 4 мая 1945 г.	
Секретная директива главного военно-морского штаба от 22 сентября 1941 г. за № 1-а 1601/41 «О будущности города Петербурга» («фюрер решил стереть город Петербург с лица земли»)	СССР-113
Секретная директива верховного командования вооруженными силами от 7 октября 1941 г. за № 44 1675/41 за подписью Иодля о разрушении Москвы и Ленинграда	СССР-114
Совершенно секретная директива Гитлера от 4 сентября 1943 г. («Движение Кримгильды») об отступлении с Кубани	СССР-115
Приказ гестапо от 29 июля 1935 г. о заключении всех членов Коммунистической партии Германии в концентрационные лагеря	СССР-116
Письмо Розенберга Гитлеру от 6 февраля 1938 г. по поводу назначения Риббентропа министром иностранных дел (документ из сейфа Геринга. Розенберг просил назначить его министром иностранных дел или, в крайнем случае, членом тайного совета)	СССР-117
Папка материалов и приказов начальника управления полиции безопасности и СД РСХА по вопросам обращения с военнопленными, дислокации лагерей, «фильтрации» лагерей и т. д.	СССР-118
Итоговый отчет 15-го полицейского полка «Об усмирительной экспедиции, произведенной в деревне Борисовке с 22 сентября по 26 сентября 1942 г.» (2 полицейских, 1 жандармский и 1 танковый взвод окружили Борисовку, деревня была уничтожена, а 169 жителей, в том числе 97 женщины и 23 ребенка, расстреляны)	СССР-119
Итоговый отчет командира роты 12-го полицейского полка от 1 ноября 1942 г. (эта рота с 29 октября по 1 ноября произвела массовое истребление евреев в Пинском гетто и Кобрине. Только в один день было умерщвлено 10 тысяч человек)	СССР-119a

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Соглашение между Риббентропом и Гиммлером о координации разведывательной работы за границей (под флагом дипломатических представительств в странах, которые поддерживали с гитлеровской Германией нормальные дипломатические отношения, была создана разветвленная разведывательная сеть)	СССР-120
Выписка из приказа по 203-му германскому пехотному полку от 2 ноября 1941 г. № 109 о разминировании минных полей силами советских военнопленных	СССР-121
Выписка из секретного приказа по 76-й германской пехотной дивизии от 11 октября 1941 г. № 665/41 о применении военнопленных и гражданского населения для работ, связанных с опасностью для жизни	СССР-122
Выписка из приказа по 464-му германскому пехотному полку 253-й дивизии от 20 октября 1941 г. об использовании военнопленных для разминирования местности	СССР-123
Выписка из приказа № 166/41 по 60-й германской мотопехотной дивизии, в котором предписывалось: «нельзя допускать человеческого отношения к пленным. Уничтожение противника огнем или холодным оружием должно продолжаться вплоть до его полного обезвреживания»	СССР-124
Инструкция германского верховного командования, озаглавленная «Обращение с гражданским населением и с пленными противниками» (в ней предписывалось: «офицеры ответственны за то, чтобы обращение с гражданским населением было беспощадным»)	СССР-125
Приказ по 101-му германскому мотопехотному полку 18-й дивизии об уgone при отступлении населения и расстреле всех встречающихся на пути мирных граждан	СССР-126
Телеграмма губернатора Варшавы Фишера на имя Франка за № 13256 о приказе Гитлера разрушить Варшаву («сровнять ее с землей»)	СССР-128
Выписка из показаний Вильгельма Венглера о нацистских преступлениях	СССР-129
Постановление о введении воинской повинности в Нижней Штирии от 25 марта 1942 г.	СССР-130
Секретный приказ командира 118-й истребительной дивизии генерал-майора Людвиг Кюблера № 1418/43 от 12 июня 1943 г. «О поведении войск при наступлении» (расстрел пленных и беспощадное обращение с мирным населением Югославии)	СССР-132
Донесения о действиях группы немецких войск от 3 февраля 1943 г. о расстреле пленных югославов	СССР-133
Распоряжение германского главнокомандующего в Сербии от 29 мая 1941 г. о ликвидации Национального	

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
банка Югославии и разделе его активов между Германией и ее сателлитами	СССР-135
Объявление № 20 начальника германской провинциальной администрации относительно конфискации имущества югославских партизан	СССР-137
Распоряжение германского главнокомандующего в Сербии от 26 марта 1943 г. о проведении военно-экономических мероприятий	СССР-138
Распоряжение управления немецкой полевой комендатуры управителю комиссариата Смедерова о выселении словен	СССР-139
Распоряжение главнокомандующего немецкими сухопутными войсками в Югославии от 14 апреля 1941 г. о введении в обращение кредитных билетов германской имперской кредитной кассы и установлении принудительного курса югославской валюты (за 1 немецкую марку — 20 югославских динар)	СССР-140
Распоряжение немецких оккупационных властей от 27 июля 1941 г. о принудительном вывозе словен из Нижней Штирии	СССР-142
Распоряжение управления округом Петтау об удалении со всех зданий надписей и объявлений на словенском языке	СССР-143
Объявление немецких оккупационных властей в Югославии о расстреле 21 января 1942 г. 15 заложников	СССР-144
Объявление немецких оккупационных властей в Югославии о расстреле в 1942 году (дата не указана) 51 заложника	СССР-145
Объявление немецких оккупационных властей в Югославии от 31 марта 1942 г. о казни 29 заложников	СССР-146
Объявление немецких оккупационных властей в Югославии о казни 22 апреля 1942 г. 22 заложников	СССР-147
Объявление немецких оккупационных властей в Югославии о расстреле 31 марта 1942 г. заложников	СССР-148
Заявление бывшего командира корпуса гитлеровской армии генерал-лейтенанта Винценца Мюллера от 8 января 1946 г. (подготовка военного нападения на Советский Союз началась гитлеровской Германией в июле 1940 года)	СССР-149
Заявление бывшего германского военного атташе в Будапеште и командира 10-го корпуса войск СС армейской группы «Висла» генерал-лейтенанта Гюнтера Краппе от 8 января 1946 г. (о подготовке военного нападения на СССР)	СССР-150
Показания Курта фон Эстеррейха — генерал-лейтенанта германской армии, бывшего начальника отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа от 28 декабря 1945 г.	СССР-151

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Показания бывшего вице-премьер-министра Румынии Михая Антонеску от 9 января 1946 г.	СССР-152
Показания бывшего премьер-министра Румынии маршала Иона Антонеску от 6 января 1946 г.	СССР-153
Показания бывшего военного министра Румынии корпусного генерала Кристия Пантази от 7 января 1946 г.	СССР-154
Заявление о подготовке совместной венгеро-германской войны против Советской России бывшего начальника разведки и контрразведки венгерского генерального штаба генерал-майора Штефана Усайси	СССР-155
Заявление Правительству СССР бывшего генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса от 9 января 1946 г.	СССР-156
Заявление оберштурмфюрера СС Нормана Фэрстера (4-я рота батальона особого назначения войск СС) от 10 ноября 1942 г. (взят в плен частями Советской Армии в районе Моздока) о создании в 1941 году так называемого «батальона Риббентропа», который занимался разграблением культурных и исторических ценностей, библиотек и произведений искусства на оккупированных территориях Советского Союза	СССР-157
Обращение группы немецких военнопленных в Международный Красный Крест в связи с опубликованием ноты Народного комиссара иностранных дел СССР от 25 ноября 1941 г. «О возмутительных зверствах гитлеровских властей в отношении советских военнопленных»	СССР-158
Выписка из показаний подсудимого обер-ефрейтора немецкой армии Ле-Курта на судебном заседании военного трибунала 374-й стрелковой любанской дивизии от 29 октября 1944 г. о злодеяниях гитлеровцев (по признанию Ле-Курта, он лично расстрелял 1200 человек)	СССР-162
Директива верховного командования германских вооруженных сил от 18 декабря 1940 г. № 21 о нападении на СССР — вариант «Барбаросса»	СССР-165
Приказ по 512-му немецкому пехотному полку от 10 декабря 1941 г. за подписью полковника Шитнига, в котором предписывалось превращать захваченные районы и области в «зону пустыни»	СССР-168
Заявление бывшего генерала от инфантерии, командира 52-го армейского корпуса германской армии Бушенгагена от 26 декабря 1945 г.	СССР-169
Стенограмма совещания рейхскомиссаров всех оккупированных гитлеровцами территорий под председательством Геринга от 6 августа 1942 г.	СССР-170
Стенограмма выступления Розенберга на совещании руководителей «Германского трудового фронта» (из архива Геринга)	СССР-171

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Заметки Бормана о секретном совещании на квартире Гитлера от 2 октября 1940 г. относительно будущности Польши	СССР-172
Письмо Розенберга Герингу от 6 марта 1944 г. о реорганизации управления экономикой оккупированных восточных областей	СССР-173
Письмо «постоянного представителя имперского министра оккупированных восточных областей» на имя статс-секретаря Кернера от 13 декабря 1943 г. об унификации управления экономикой оккупированных областей	СССР-174
Секретный приказ верховного командования вооруженных сил № 002865/42 от 29 августа 1942 г. за подписью Кейтеля «Об обеспечении вооруженных сил продовольствием»	СССР-175
Совершенно секретная справка референтов Кларе и Бергмана от 19 ноября 1942 г. о состоянии снабжения продовольствием вооруженных сил в связи с приказом Кейтеля от 29 августа 1942 г.	СССР-175/Г
Письмо Розенберга на имя Геринга от 6 апреля 1944 г. с подробным обоснованием предложенной им реорганизации управления экономикой оккупированных восточных областей	СССР-176
Запись совещания в имперском министерстве снабжения (продовольствия и сельского хозяйства) от 29 ноября 1941 г. по вопросу о снабжении советских военнопленных и рабочих (совещанием руководили уполномоченный генерального штаба по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретарь Бакке и министерский-диригент Морриц, в нем приняли участие генерал Рейнеке и министерский-диригент Мансфельд)	СССР-177
Секретное письмо Кальтенбруннера на имя Риббентропа от 28 июля 1943 г. об отпуске министерством иностранных дел 1 миллиона туманов для подкупа с целью оказать решающее влияние на ход выборов в Иранский парламент	СССР-178
Письмо Розенберга на имя Геринга от 24 января 1944 г. о реорганизации управления экономикой оккупированных восточных областей	СССР-179
Письмо Геринга Розенбергу от 14 февраля 1944 г. в ответ на его письмо от 24 января 1944 г.	СССР-179/Г
Заметки для доклада Кернеру от 3 декабря 1943 г. об управлении экономикой оккупированных восточных областей	СССР-180
Доклад руководителя экономической службы при командовании армейской группы «Центр» об экономическом положении в прифронтовом районе	СССР-181

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Протокол допроса Фридриха Паулюса от 12 января 1946 г.	СССР-182
Запись беседы Иона Антонеску с начальником протокольного отдела германского министерства иностранных дел фон Дернбергом от 10 февраля 1942 г.	СССР-183
Протокол допроса бывшего генерала от инфантерии германской армии Бушенгагена от 5 января 1946 г. (допрашивал Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко)	СССР-184
Телеграмма гаулейтера Альберта Ферстера от 1 сентября 1939 г. за № 0166 на имя Гитлера о «воссоединении» Данцига с Германией	СССР-185
Показания представителей югославского дипломатического корпуса об издевательском обращении с ними в Германии и о зверствах гитлеровцев в Югославии	СССР-186
Приказ генерал-лейтенанта германской армии Нейтхольда № 121 от 11 сентября 1944 г. о проведении карательных мер против югославских партизан (мужское население повесить, женщин и детей вывезти, а населенные пункты Загнездье и Удор полностью уничтожить)	СССР-188
Выдержки из протоколов заседаний штаба гаулейтера и имперского наместника Нижней Штирии Юберрейтера с 12 ноября 1944 г. по 15 марта 1945 г., свидетельствующие о массовом уничтожении мирного населения Югославии	СССР-191
Выдержки из регистра лазарета и гитлеровского концлагеря в Саймиште о состоянии заключенных и о массовой смертности среди них вследствие бесчеловечных условий, в которых содержались заключенные	СССР-193
Приказ германского главнокомандующего в Сербии от 30 июня 1942 г. об изъятии из обращения банкнот германской кредитной кассы и замене их динарами	СССР-194
Протокол заседания с участием германского посланника в Загребе обергруппенфюрера СС Каше от 4 июня 1941 г. по вопросу переселения югославского населения	СССР-195
Рецептура изготовления мыла из человеческих трупов, обнаруженная в немецком анатомическом институте медицинской академии в Данциге	СССР-196
Показания Зигмунда Мазура от 28 мая и 11 июня 1945 г. о производстве мыловарения из человеческого жира и выделке человеческой кожи в немецком анатомическом институте в Данциге (директор института профессор Рудольф Шпаннер)	СССР-197
Показания Милораде Мика Елисича и Макванска Митровича о зверствах гитлеровцев в Югославии	СССР-198
Объявление германского главнокомандующего в Сербии об уничтожении деревни Скела («Деревня Скела	

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
сожжена и сровнена с землей») и казни всех проживавших в деревне мужчин в виде репрессии за обстрел немецкой грузовой машины	СССР-200
Сообщение полицейского управления квислинговской администрации Милана Недича в отдел безопасности Белграда о расстреле 11 декабря 1941 г. в Лесковаце 310 заложников	СССР-205
Приказ германских военных властей о конфискации сельскохозяйственных продуктов, сырья, полуфабрикатов и промышленной продукции в оккупированных районах Югославии (этот приказ был издан в 1941 году еще до фактической оккупации Югославии)	СССР-206
Немецкий фотоснимок повешенных советских граждан на балконах Жолковской улицы и на базарной площади города Львова (обнаружен в помещении гестапо Львова в июле 1944 года)	СССР-212
Фотостат предсмертного письма Златы Вишняцкой	СССР-216
Донесение представителя министерства иностранных дел при главном командовании 17-й армии Оберлендера от 28 октября 1941 г., адресованное в отдел информации министерства иностранных дел фон Рентцау (документ из архива фон Дирксена). Донесение озаглавлено: «Предпосылки для обеспечения подвоза и извлечения максимума продовольствия на Украине...» В углу документа штамп: «2-е отделение отдела разведки и контрразведки при штабе группы армий „Юг“»	СССР-218
Протоколы показаний свидетелей о гитлеровском лагере уничтожения в Треблинке	СССР-222
Дневники Ганса Франка — бывшего «генерал-губернатора» захваченной гитлеровцами Польши за 1939—1944 гг.	СССР-223
Переписка фирмы Кори (общество с ограниченной ответственностью) с высшим руководителем СС в Белграде о строительстве кремационных печей для сжигания жертв гитлеровских злодеяний (эта фирма построила четыре печи в Дахау и пять — в Майданеке)	СССР-225
Протокол от 26 февраля 1945 г. районного управления по расследованию военных преступлений немецких оккупантов в Лесковаце (Югославия) о массовом расстреле заложников	СССР-226
Показания генерал-лейтенанта Ганса Пиккенброка — бывшего начальника «Абвер-1» гитлеровской военной разведки и контрразведки от 12 декабря 1945 г.	СССР-228
Показания полковника гитлеровской армии Хорста Кичмана — бывшего германского военного атташе в Финляндии от 27 декабря 1945 г.	СССР-229

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Показания генерал-лейтенанта Франца фон Бентивеньи — бывшего начальника «Абвер-3» гитлеровской военной разведки и контрразведки от 28 декабря 1945 г.	СССР-230
Показания полковника Эрвина Штольце — бывшего заместителя начальника «Абвер-2» гитлеровской военной разведки и контрразведки от 25 декабря 1945 г.	СССР-231 СССР-232
Показания Константина Василиу от 7 января 1946 г.	СССР-233
Запись беседы Иона Антонеску с Риббентропом, состоявшейся 12 февраля 1942 г.	СССР-234
Письмо Гитлера Иону Антонеску от 15 декабря 1943 г.	СССР-235
Запись беседы Иона Антонеску с Гитлером от 3 апреля 1942 г.	СССР-236
Запись беседы Иона Антонеску с Гитлером от 23 марта 1944 г.	СССР-237
Письмо Гитлера Иону Антонеску от 27 июля 1941 г.	СССР-238
Запись беседы Иона Антонеску с Герингом о Трансильвании (дата в документе отсутствует)	СССР-239
Письмо Иона Антонеску Гитлеру от 15 ноября 1943 г.	СССР-240
Письмо Гитлера Иону Антонеску от 25 октября 1943 г.	СССР-241
Письмо Гитлера Иону Антонеску от 5 октября 1941 г.	СССР-242
Письмо Иона Антонеску Гитлеру от 17 августа 1941 г.	СССР-243
Проект письма Иона Антонеску на имя Кейтеля	СССР-244
Телеграмма Кейтеля Иону Антонеску за № 3986 — 1942 г., переданная через германскую миссию (принята 31 октября 1942 г.)	СССР-244а
Телеграмма Иона Антонеску Кейтелю за № 177/сс от 31 октября 1942 г. в ответ на телеграмму Кейтеля № 3986	СССР-245
Запись беседы Иона Антонеску с главой германской военной миссии в Бухаресте генералом Ганзенем от 7 июля 1943 г.	СССР-246
Итоговые материалы Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушении гитлеровцами зданий религиозных культов на оккупированных территориях СССР	СССР-247
Акт от 3 ноября 1943 г. о разрушении гитлеровцами Киево-Печерской лавры	СССР-248
Выписка из материалов Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушении и разграблении немецко-фашистскими захватчиками Киевской психиатрической больницы	СССР-249
Заявление группы врачей в Чрезвычайную Государственную Комиссию об убийстве гитлеровцами больных Киевской психиатрической больницы	СССР-250
Запись речи Геббельса 18 октября 1942 г. на нацистской демонстрации в Мюнхене	
Секретный документ верховного командования вооруженными силами № 00630/41 от 12 апреля 1941 г. за под-	

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
письмо Кейтеля, озаглавленный: «Предварительные указания о разделе Югославии»	СССР-251
Протокол допроса бывшего командующего 4-й гитлеровской авиационной армией генерал-полковника Александра Лера, взятого в плен югославскими войсками, от 24 мая 1945 г.	СССР-253
Совершенно секретная директива начальника полиции безопасности и СД округа Радом от 24 февраля 1943 г. № IV А-326/43 «Об особо строгом допросе» («допрос 3-й степени»)	СССР-254
Формуляр протокола «особо строгого допроса» (допрос с применением пыток), специально разработанный управлением полиции безопасности и СД	СССР-254/1
Объявление немецких оккупационных властей в Югославии о расстреле коммунистов и заложников	СССР-256
Объявление германского главнокомандующего в Сербии от 25 декабря 1942 г. о расстреле 50 заложников	СССР-261
Извещение командира полиции безопасности и СД в Латвии оберштурмбаннфюрера СС Штрауха о том, что он распорядился «смести с лица земли» деревню Аудрины (Латвийская ССР)	СССР-262
Протокол допроса генерал-полковника гитлеровской армии Вальтера Варлимонта — бывшего начальника «отдела обороны страны» и заместителя начальника оперативного штаба руководства ОКВ — от 13 ноября 1945 г.	СССР-263
Протокол допроса Вальтера Варлимонта от 12 ноября 1945 г.	СССР-263а
Показания солдата британской армии Джона Г. Виттона, данные им 3 января 1946 г. в Лондоне, об изготовлении мыла из трупов людей в немецком анатомическом институте в Данциге	СССР-264
Запись о приеме Гитлером 25 января 1939 г. чехословацкого министра иностранных дел Хвалковского	СССР-266
Совершенно секретное сообщение Шмидта из центра «Фольксдейче» от 22 сентября 1938 г. о распоряжении снабдить судето-немецкий «фрейкор» оружием для того, чтобы «фрейкор» мог провести оккупацию чешских областей	СССР-267
Запись секретной беседы Конрада Генлейна с обергруппенфюрером СС Лоренцем, состоявшейся 3 июня 1938 г. в Берлине, по вопросу о тактике Генлейна в его отношениях с правительством Чехословакии	СССР-268
Письмо обергруппенфюрера СС Лоренца от 3 июня 1938 г. о работе Бюрера	СССР-269
Заявление Генлейна, сделанное им по требованию Лоренца, в связи с появившимся в иностранной прессе интервью с Уордом Прайсом	СССР-270

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Запись совершенно секретного совещания, состоявшегося 29 марта 1938 г. в Берлине в министерстве иностранных дел, по судето-немецкому вопросу (на совещании присутствовали Риббентроп, Макензен, Вейцекер, Альтенбург, Лоренц, Гаусхофер, Генлейн, Франк, Кюнцель, Крейсель и др.)	СССР-271
Показания капрала британской армии Вильяма А. Нили, данные им 7 января 1946 г. в Лондоне, об изготовлении мыла из трупов людей в немецком анатомическом институте в Данциге	СССР-272
Указ Гитлера от 12 октября 1939 г. об управлении оккупированными польскими областями и назначении Франка генерал-губернатором, а Зейсс-Инкварта — заместителем генерал-губернатора	СССР-273 СССР-274— СССР-278
Бюллетени распоряжений генерал-губернатора за 1939 и 1940 гг.	
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городах Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области и в городе Ржеве Калининской области	СССР-279
Работа немецкого Верхне-Силезского института по изучению экономических проблем: «Значение польского вопроса для военной промышленности Верхней Силезии»	СССР-282
Выдержки из письма рейхскомиссара Украины Эриха Коха Розенбергу от 16 марта 1943 г. и объяснительная записка сотрудника штаба Коха от 15 марта 1943 г.	СССР-283
Выписка из записи совещания в Ровно 26—28 августа 1942 г., на котором с политическими установками выступал рейхскомиссар Украины Кох	СССР-284
Приложения к донесению уполномоченного имперского министерства оккупированных восточных областей при командующем армейской группировки «Юг»:	СССР-285
1) донесение Житомирского гебитскомиссара генеральному комиссару Житомира от 30 ноября 1943 г.	
2) донесение гебитскомиссара города Коростышева генеральному комиссару Житомира	
3) донесение Казатинского гебитскомиссара	
4) отчет начальника главного отдела доктора Мойзеха от 4 декабря 1943 г.	
Секретная телеграмма верховного командования вооруженных сил № 0689/144 от 8 сентября 1944 г. за подписью Кейтеля, адресованная начальнику генерального штаба сухопутных сил, главнокомандующим Северным и Центральным фронтами, экономическому штабу «Ост» и 1-му военному округу об оказании поддержки Коху в выполнении задания Гитлера по конфискации и вывозу продовольствия и других ресурсов из Прибалтики	СССР-286

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Указ Гитлера от 29 июня 1941 г. об управлении экономикой в оккупированных восточных областях и предоставлении особых полномочий Герингу (помимо Гитлера, указ подписали Кейтель и Ламмере)	СССР-287
Протокол допроса бывшего премьер-министра квислинговского югославского правительства Милана Недича	СССР-288
Указ Гитлера от 1 марта 1942 г. о создании «Эйнзатцштаба Розенберга» и предоставлении ему права конфискации библиотек, исторических архивов и иных культурных ценностей на всех оккупированных территориях	СССР-289
Указ Гитлера от 20 апреля 1941 г. о назначении Альфреда Розенберга «уполномоченным фюрера по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими областями»	СССР-289а
Объявление немецкого коменданта города Киева генерал-майора Эбергарда от 22 октября 1941 г. о расстреле 100 жителей Киева	СССР-290
Объявление немецкого коменданта города Киева генерал-майора Эбергарда от 29 ноября 1941 г. о расстреле в Киеве 400 мужчин	СССР-291
Доклад министерияль-диригента Мансфельда по вопросам использования рабочей силы с оккупированных территорий	СССР-292
Донесение бывшего командира 582-го полка майора Рэслера от 3 января 1942 г. о массовых расстрелах мирного населения в Житомире и сопроводительное письмо к донесению командира 9-го армейского корпуса Ширвиндта, адресованное в Берлин начальнику вооружения и комплектования сухопутных сил, озаглавленное: «Зверства над гражданским населением на Востоке»	СССР-293
Заявление Правительству СССР бывшего заместителя военного министра Венгрии генерал-полковника Имре Рюскицай-Рюдигера от 18 января 1946 г. о подготовительных военных мероприятиях Венгрии к совместному с Германией нападению на Советскую Россию	СССР-294
Протокол допроса «губернатора Транснистрии» Георгия Алексану от 10 января 1946 г.	СССР-295
Распоряжение начальника полиции безопасности и СД о запрещении отдельным лицам оперативной службы фотографировать массовые казни («экзекуции»), изданное на основе приказа Гимmlера от 12 ноября 1941 г.	СССР-297
Директива шефа германской полиции (Гимmlера) № 202/43 от 1 июня 1943 г. «О предотвращении случаев бегства при допросах и самоубийств» (предписывалось связывать арестованным руки и ноги, заковывать в цепи и т. д.)	СССР-298

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Текст речи Гитлера от 30 января 1942 г. (указание превращать населенные пункты в развалины)	СССР-299
Показание Иосифа Кроника от 8 января 1946 г. о расстреле гитлеровцами польских ксендзов	СССР-300
Показание Витольда Орлицкого — садовника Ганса Франка — от 18 сентября 1945 г. об отправке Франком в свое имение в Германии картин и других произведений искусства из разграбленных музеев Варшавы и Кракова, в частности из Вавельского замка	СССР-302
Сообщение Югославской Государственной Комиссии по установлению преступлений оккупантов о произведенных гитлеровцами разрушениях в Белграде	СССР-303
Сообщение Югославской Государственной Комиссии по установлению преступлений оккупантов об убийстве гитлеровцами 3 мая 1945 г. привезенных из больницы 35 больных партизан и санитаров	СССР-304
Сообщение Югославской Государственной Комиссии по установлению преступлений оккупантов, в котором приводятся выдержки из секретного доклада за № 9070/44 генерал-лейтенанта Геслина, командира 188-й германской запасной горнострелковой дивизии, о карательных экспедициях против партизан, проведенных совместно с 3-м бранденбургским полком и другими немецкими полицейскими соединениями	СССР-305
Сообщение Югославской Государственной Комиссии по установлению преступлений оккупантов о зверствах гитлеровцев в отношении югославских военнопленных	СССР-307
Сообщение Югославской Государственной Комиссии по установлению преступлений оккупантов № 2697 о многочисленных фактах сожжения и уничтожения сел и деревень специальными карательными экспедициями	СССР-309
Переписка командира полиции безопасности и СД в Житомире по вопросу о расстреле советских тяжело раненных военнопленных и материалы дознания в связи с побегом 22 военнопленных с места казни	СССР-311
Показания свидетеля Юрия Николаевича Дмитриева — заведующего отделом древнерусского искусства Государственного Русского музея в Ленинграде — о преднамеренном разрушении гитлеровцами историко-художественных памятников Новгорода и Пскова и разграблении художественных и материальных ценностей, находившихся в этих исторических сооружениях	СССР-312
Показания обергруппенфюрера СС фон дем Бах-Зелевского от 28 января 1946 г. о выполнении им приказа Гитлера о разрушении Варшавы и роли в этом злодеянии группенфюрера СС Рейнефорта	СССР-313

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Показания свидетеля Мориса Лампа от 27 января 1946 г. о зверской расправе над узниками лагеря уничтожения в Маутхаузене в связи с восстанием заключенных и побегом из лагеря 800 советских военнопленных	СССР-314
Показания свидетеля Фредерика Риболя от 27 января 1946 г. — узника лагеря Маутхаузен — о злодеяниях, творимых гитлеровцами в этом лагере, и восстании заключенных в феврале 1945 года	СССР-315
Объявление германского главнокомандующего в Сербии о расстреле 19 февраля 1943 г. в Белграде 400 заложников	СССР-319
Объявление немецкого районного коменданта в Позреваце (Югославия) от 3 апреля 1943 г. о расстреле 75 заложников	СССР-320
Объявление немецкого районного коменданта в Позреваце о расстреле 16 апреля 1943 г. 30 заложников	СССР-321
Объявление немецкого военного коменданта Белграда от 14 октября 1943 г. о расстреле 100 заложников	СССР-322
Материалы Югославской Государственной Комиссии по установлению преступлений оккупантов, подтверждающие, что Милан Недич был тесно связан с гестапо и сформировал свое «правительство» по прямому заданию агента гитлеровской разведки Кронхольца, который еще до войны проживал в Югославии под видом директора немецкой транспортной фирмы «Шенкер Акционергезельшафт»	СССР-331
Показания свидетеля Стефана Корбонского, допрошенного в Варшаве 31 октября 1945 г., о массовых расстрелах в Варшаве и Кракове и других злодеяниях гитлеровцев в Польше	СССР-332
Объявление немецкого коменданта города Киева генерал-майора Эберггарда о расстреле 2 ноября 1941 г. 300 жителей Киева	СССР-333
Постановление Ганса Франка «О подавлении сопротивления германскому строительству в генерал-губернаторстве» от 2 октября 1943 г. (были введены «суды» полиции безопасности и СД, состоящие из одного эсэсовца и двух сотрудников полиции безопасности, установлена единая мера наказания — смертная казнь за любое нарушение распоряжений гитлеровских властей)	СССР-335
Совершенно секретный меморандум германского главного военно-морского штаба № 1385/41 от 8 августа 1941 г., озаглавленный «Задачи дальнейшего ведения войны после окончания восточной кампании» и разосланный главнокомандующим армейскими группировками «Запад», «Север» и «Юг» (меморандум представляет собою разработку планов захвата Гибралтара в 1941 году при помощи	

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Испании, овладения Тобруком, нападения на Сирию, Палестину и Египет при помощи Турции)	СССР-336
Показания свидетеля Самуила Ройзмана — узника лагеря смерти Трешлинка (Обермайданек) — от 26 сентября 1944 г.	СССР-337
Показания судьи окружного суда в Лодзи Лукашевича перед Главной Комиссией по расследованию немецких преступлений в Польше о чудовищных злодеяниях гитлеровцев в Трешлинке (Лукашевич вел следствие по этому делу)	СССР-340
Протокол допроса бывшего начальника генерального штаба сухопутных сил гитлеровской Германии генерал-полковника Франца Гальдера от 31 октября 1945 г.	СССР-341
Материалы дознания в связи с сообщением немецких штабных врачей о массовых публичных расстрелах, в том числе показания ефрейтора Пауля Кюнге — очевидца массовых расстрелов польских женщин и детей в городе Швеце (из архива адъютанта Гитлера)	СССР-342
Распоряжение верховного командования вооруженными силами от 16 января 1942 г. за № 539/42 о клеймении советских военнопленных лясисом	СССР-343
Протокол дополнительного допроса бывшего командира роты германской армии Бингеля от 5 января 1946 г. о злодеяниях гитлеровцев в Уманском лагере для военнопленных	СССР-345
Протокол допроса от 28 ноября 1944 г. свидетеля Иосифа Василевича — очевидца злодеяний гитлеровцев в городе Станиславе	СССР-346
Доклад Риббентропа о международном положении, опубликованный в газете «Гамбургер фреденблатт» от 27 ноября 1941 г.	СССР-347
Телеграфное распоряжение Кальтенбруннера от 5 апреля 1944 г. об обращении с выбросившимися на парашютах вражескими летчиками (передать их гестапо)	СССР-348
Нормы продовольствия для советских военнопленных, установленные директивой германского верховного командования сухопутными силами от 6 августа 1941 г. (4 кг хлеба, 400 г мяса, 440 г жиров и 600 г сахара на месяц)	СССР-349
Совершенно секретная директива главной ставки Гитлера от 12 мая 1941 г., составленная Вардимонтом и завизированная Иодлем, об обращении с захваченными в плен советскими политическими и руководящими военными работниками («ответственные политические работники и комиссары должны устраняться»)	СССР-351
Секретное донесение инспектора по вооружению на Украине от 2 декабря 1941 г. в Берлин на имя начальника	

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
отдела вооружения верховного командования вооруженными силами об ужасающих условиях содержания военнопленных	СССР-352
Письмо из архива Розенберга на имя Кейтеля от 28 февраля 1942 г. (в письме, в частности, указывается, что «судьба советских военнопленных в Германии — трагедия огромного масштаба»)	СССР-353
Доклад сотрудника Розенберга — министерского советника Дорша о лагере для военнопленных в Минске, составленный в Берлине 10 июля 1941 г. для Розенберга в связи с его беседой с министром Тодтом	СССР-354
Указания главнокомандующего германскими сухопутными силами от 29 января 1943 г. относительно «права необходимой обороны, применительно к военнопленным»	СССР-355
Секретные заметки для доклада начальнику верховного командования вооруженными силами, составленные 15 сентября 1941 г. начальником управления заграничной контрразведки и подписанные адмиралом Канарисом, относительно изданных военным командованием распоряжений об обращении с советскими военнопленными	СССР-356
Сообщение Югославской Государственной Комиссии по установлению преступлений оккупантов против человечности	СССР-357
Немецкий фотоснимок, сделанный на станции Мга, изображающий советских военнопленных, которые от голода едят прессованные жмыхи	СССР-358
Немецкий фотоснимок, сделанный 28 июля 1941 г., изображающий получение военнопленными продуктов питания	СССР-359
Распоряжение от 21 февраля 1944 г. о передаче движимого еврейского имущества эсэсовцам	СССР-360
Служебная записка рейхсминистра и начальника имперской канцелярии Ламмерса, в которой указывается, что в отношении советских военнопленных Женевская Конвенция не должна применяться	СССР-361
Сообщение Югославской Государственной Комиссии по установлению преступлений оккупантов о разрушении и разграблении культурных и исторических памятников, библиотек, школ, университетов, церквей	СССР-364
Сообщение № 6 Югославской Государственной Комиссии по установлению преступлений оккупантов о злодеяниях гитлеровцев в Целли и Мариборе (было убито свыше 50 тысяч человек)	СССР-364/1
Печатное издание под названием «Ведомости по четырехлетнему плану. Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы»	СССР-365
Указ Гитлера от 21 марта 1942 г. о назначении Фрица Заукеля генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы	СССР-365/1

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Приказ Геринга от 27 марта 1942 г. «О выполнении указа фюрера о генеральном уполномоченном по использованию рабочей силы»	СССР-365/2
Приказ Заукеля № 1 от 6 апреля 1942 г. «О назначении гаулейтеров НСДАП уполномоченными по использованию рабочей силы в подведомственных им областях»	СССР-365/3
Директива Тодта от 28 июля 1941 г. за № 5185/41 всем организациям Тодта в оккупированных восточных областях	СССР-366
Секретный приказ главного командования сухопутных сил от 10 мая 1942 г. № 113210/42 «О мобилизации русской рабочей силы для империи»	СССР-367
Доклад Греческого правительства о преступлениях оккупантов против Греции	СССР-369
Немецкий документальный фильм о разрушении в виде репрессии селения Лидице в Чехословакии	СССР-370
Удостоверение от 1 апреля 1941 г., которым Розенберг уполномочил рейхсгауптштелленлейтера Утикаля возглавить все его «оперативные штабы, создание которых может стать необходимым в ходе этой войны»	СССР-371
Письмо начальника 4-й политической руководящей группы министерства по восточным оккупированным областям на имя Розенберга от 14 сентября 1944 г. «О вывезенных из Украины произведениях искусства» (в частности, указывалось, что Кох вывез из Харькова и Киева картины и другие произведения искусства в свое имение и имение графа Шверина)	СССР-372
Переписка из личного архива Геринга, в частности, его переписка с Розенбергом о «приобретении» коллекций картин	СССР-373
Письмо генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе на имя Розенберга от 29 сентября 1941 г., в котором указывалось, что по распоряжению Гиммлера были вывезены из Минска в Кенигсберг и Лици ценнейшие коллекции картин; что библиотеки, музеи, произведения искусства расхищаются и разрушаются	СССР-374
Доклад немецкого специалиста Абеля, производившего обследование библиотек Минска, озаглавленный «О библиотеках в Минске» (в докладе отмечается, что библиотеки разгромлены и расхищены)	СССР-375
Письмо от 23 августа 1944 г., озаглавленное «Поручение» и подписанное начальником штаба Розенберга Утикалем, о вывозе культурных и исторических ценностей из Латвийской и Эстонской ССР	СССР-376
Статьи и речи Геринга, изданные в 1940 году в Мюнхене	СССР-377
Книга Германа Раушинга «Голос разрушения», изданная в 1940 году	СССР-378

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Письмо имперского министра труда от 19 января 1942 г. относительно руководства использованием рабочей силы	СССР-379
Приказ Геринга от 10 января 1942 г. об использовании рабочей силы	СССР-379а
Протокол допроса свидетеля Гольдфарба от 21 сентября 1944 г. о злодеяниях гитлеровцев в Польше	СССР-380
Инструкция «рабочего отдела по использованию рабочей силы на Востоке» от 26 января 1942 г.	СССР-381
Указания «по обращению с иностранными рабочими из гражданского населения, находящимися в империи» (восточным рабочим носить знак «Ост», содержать их в закрытых лагерях под постоянной охраной, запретить посещение церкви)	СССР-381/1
Указания экономического штаба «Ост» от 8 апреля 1942 г. относительно использования рабочей силы оккупированных восточных территорий	СССР-382
Письмо Заукеля от 8 сентября 1942 г. № УА/2714 «Специальные мероприятия генерального уполномоченного по использованию рабочей силы по отправке восточных работниц для оказания помощи многодетным домашним хозяйствам в городах и сельских местностях» (к письму приложена форма заявки на домашних работниц)	СССР-383
«Памятка домашним хозяйкам об использовании восточных работниц в городских и сельских домашних хозяйствах»	СССР-383/1
Распоряжение № 4 генерального уполномоченного по использованию рабочей силы о вербовке, размещении, обеспечении питанием и обращении с иностранными рабочими и работницами	СССР-384
Запись совещания «Об использовании русской рабочей силы», состоявшегося с участием Геринга 7 ноября 1941 г.	СССР-386
Фотодокументы «Злодеяния немецких оккупантов в городе Львове»	СССР-387
Вещественные доказательства — образцы мыла из человеческого жира, изготовленного немецким анатомическим институтом в Данциге	СССР-393
Вещественные доказательства — образцы человеческой кожи, выделанной в немецком анатомическом институте в Данциге	СССР-394
Приказ от 17 февраля 1942 г. в дополнение к «уголовным предписаниям, действующим в оккупированных восточных областях»	СССР-395
Справка о частях и соединениях СС, действовавших на оккупированных немцами советских территориях и со-	

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
вершавших злодеяния над мирными жителями и военнопленными	СССР-396
Письмо начальника полиции безопасности и СД Латвии от 19 мая 1942 г. в бюро записей актов гражданского состояния города Риги о том, что поименованные в списке 368 неизлечимо больных скончались 29 января 1942 г.	СССР-397
Письмо начальника полиции безопасности и СД Латвии от 15 марта 1943 г. в бюро загс города Риги, удостоверяющее смерть 98 душевнобольных	СССР-398
Письмо оберштурмфюрера СС Табберта окружному комиссару в Двинске «Относительно мероприятий против евреев в Двинске»	СССР-399
Переписка начальника отделения полиции безопасности и СД в Либаве Франка с префектом города Либавы о стерилизации Люциии Страздыньш	СССР-400
Монтажный лист и документы к документальному фильму «Разрушения, произведенные немецко-фашистскими оккупантами на территории Советского Союза»	СССР-401
Официальные материалы уполномоченного Польского правительства об истреблении гитлеровцами душевнобольных на территории Польши	СССР-405
Официальное сообщение Польского правительства об опытах над заключенными, производимых немецкими врачами в концлагере Равенсбрюк	СССР-406
Приказ немецких оккупационных властей, ссылающийся на указания шефа верховного командования, от 6 ноября 1943 г. об отправке всего населения женского пола рождения 1924 и 1925 гг. прифронтовой полосы оккупированных восточных областей на работу в Германию	СССР-407
Указ Гитлера от 1 марта 1942 г. об «Эйнзатцштабе Розенберга» и проведении совместной работы с вооруженными силами	СССР-408
Секретное письмо начальника полиции безопасности и СД Латвии № 357/42 от 28 мая 1942 г. в бюро загс города Риги о том, что поименованные в списке 243 неизлечимо душевнобольных скончались 14 апреля 1942 г.	СССР-410
Официальный отчет и материалы о расстреле 25 марта 1944 г. нацистами 50 военнопленных английских офицеров-летчиков, захваченных после массового побега из лагеря военнопленных «Люфт-3» в Сагане	СССР-413
Донесение начальника 1-го участка полиции безопасности города Двинска о публичном расстреле по постановлению полиции Хан Майеровой за то, что она обменяла кусок материи на 2 килограмма муки	СССР-414
Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях, совершенных германским правительством	

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
и верховным военным командованием в отношении советских военнопленных в лагере Ламсдорф	СССР-415
Протокол допроса свидетеля Венямина Горовица — очевидца злодеяний гитлеровцев в Варшавском гетто — от 5 января 1946 г.	СССР-420
Директива начальника отдела военнопленных VIII военного округа (Бреслау) от 15 августа 1941 г. «Памятка об использовании труда советских военнопленных»	СССР-421
Директива начальника снабжения и вооружения германских вооруженных сил от 17 октября 1941 г. «О расквартировании советских военнопленных»	СССР-422
Заявка на военнопленных	СССР-423
Приказ по лагерю № 44 от 18 июня 1943 г. о «прогулках военнопленных»	СССР-424
Приказ по лагерю № 46 от 16 июня 1943 г. о «прогулках военнопленных»	СССР-425
Инструкция № 8 от 7 мая 1942 г. «Использование на работе советских военнопленных»	СССР-426
Директива верховного командования вооруженных сил от 1 марта 1944 г. о работе военнопленных в лагерях и подчиненных лагерям учреждениях	СССР-427
Приказ по лагерю военнопленных № 71 от 27 июля 1944 г. о лечении военнопленных	СССР-428
Выдержки из директивы управления VIII военного округа (Бреслау) от 28 октября 1941 г. «О советских военнопленных» (одеяла выдавать бумажные; зарывать в землю раздетыми, завернутыми только в оберточную бумагу и без гробов)	СССР-429
Инструктивное письмо германского министерства внутренних дел от 27 октября 1941 г. «О погребении трупов советских военнопленных местными властями»	СССР-430
«Памятка об охране советских военнопленных». Приложение к секретному распоряжению верховного командования вооруженных сил (отдел военнопленных) № 3058/41 от 8 сентября 1941 г.	СССР-431
Приказ по лагерю № 60 от 2 августа 1943 г. «Образ действий при расстрелах»	СССР-432
Приказ от 5 ноября 1943 г. за № 86 по стационарному лагерю VIII-13 (Ламсдорф, Верхняя Силезия)	СССР-433
Объявление немецкой комендатуры города Кисловодска от 7 сентября 1942 г.	СССР-434
Материалы об изуверских опытах над людьми доктора Рашера	СССР-345
Следственные материалы военной прокуратуры 65-й армии (СССР) о массовом уничтожении гитлеровцами мирного населения в Трелинском лагере	СССР-436

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Официальные материалы уполномоченного Польского правительства об истреблении гитлеровцами католического духовенства на территории Польши	СССР-438
Материалы об изуверских опытах доктора Томсона	СССР-439
Фотодокументы об уничтожении гитлеровцами евреев в Польше	СССР-443
Протокол допроса оберштурмфюрера СС Нормана Фэрстера от 14 февраля 1946 г. о действиях батальона особого назначения, созданного по инициативе Риббентропа	СССР-445
Копия письма Рикке на имя Розенберга от 30 марта 1943 г. о невыполнении рейхскомиссаром Украины Кохом указаний Розенберга	СССР-446
Выдержки из речи Фрика в Клагенфурте 16 декабря 1941 г. по поводу вступления Фридриха Рейнера на пост имперского наместника	СССР-449
Статья о деятельности Вальтера Функа, опубликованная 18 августа 1940 г. в газете «Дас рейх» под названием: «Вальтер Функ — пионер национал-социалистского мышления»	СССР-450
Книга министерального советника Ганса Квекке под названием «Имперское министерство экономики»	СССР-451
Статья Функа «Хозяйственная и финансовая мобилизация», опубликованная в ежемесячнике «Дер шулунгсбриф» за 1939 год	СССР-452
Заметки о совещании у имперского комиссара по установлению цен от 22—23 апреля 1943 г. с участием референтов по вопросам цен всех оккупированных областей (в этом документе, в частности, указано, что на 1 октября 1942 г. в Германии работало 5,5 миллиона иностранных рабочих, из них 1,5 миллиона военнопленных)	СССР-453
Протокол допроса 25 февраля 1944 г. в городе Георгиевске немецкого военнопленного Герта Книттеля, который признал, что члены «гитлерюгенд» участвовали в расстрелах мирных жителей	СССР-454
Протоколы допросов свидетеля гитлеровских злодеяний в городе Львове — французской гражданки Иды Том Вассо от 11 и 16 мая 1946 г.	СССР-455
Показания Эриха Редера по вопросу «Развитие немецкой военно-морской политики в 1933—1938 гг.»	СССР-460
Статья «Фриц Заукель — к 50-летию со дня его рождения», опубликованная в «Рейхсарбайтсблатт», 1944, № 29/30	СССР-462
Удостоверение уполномоченного Польского правительства о подлинности рабочей карточки Марии Адлер	СССР-468
Официальный приказ гитлеровской администрации в Польше от 2 февраля 1943 г. на имя Казимира Новака о мобилизации его на работу в Германию	СССР-469

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Секретный приказ по 4-му германскому горному полку № 520 от 6 октября 1943 г. «Как поступать с пленными»	СССР-470
Протокол допроса германского вице-адмирала Ганса Фосса от 14 сентября 1945 г.	СССР-471
Протокол допроса бывшего фельдмаршала германской армии Фердинанда Шернера от 17 сентября 1945 г.	СССР-472
Протокол допроса генерал-лейтенанта германской армии, бывшего коменданта Варшавы Рейнера Штагеля от 15 сентября 1945 г.	СССР-473
Протокол допроса Ганса Фриче от 12 сентября 1945 г.	СССР-474
Выписка из протокола допроса Альфреда Иодля от 8 ноября 1945 г.	СССР-475
Выписка из протокола допроса Вильгельма Кейтеля от 9 ноября 1945 г.	СССР-476
«Указания о применении пропаганды по варианту „Барбаросса“», разработанные в июне 1941 года германским верховным командованием вооруженными силами и подписанные Иодлем	СССР-477
Статья «Имперский министр Альберт Шпеер», опубликованная в газете «Дас рейх» 19 апреля 1942 г.	СССР-479
Издание гитлеровского министерства пропаганды «Германия в борьбе» за 1943 год	СССР-480
Приказ Гитлера от 2 сентября 1943 г. «О концентрации военного хозяйства» и расширении в связи с этим полномочий Шпеера, который стал именоваться «рейхсминистром по вооружению и военной промышленности»	СССР-482
Распоряжение за подписями Шпеера и Функа от 6 сентября 1943 г. в развитие приказа Гитлера «О концентрации военного хозяйства», согласно которому на время войны Шпееру передавались полномочия по регулированию товарооборота	СССР-483
Копия письма Фриче от 19 октября 1944 г. на имя руководителя отдела радиовещания германского верховного командования вооруженными силами майора фон Пассаванта, в котором содержалось предложение о ведении биологической войны	СССР-484
Меморандум немецкого генерал-лейтенанта Фредериче о будущем Чехословакии	СССР-486
Письмо начальника управления полиции безопасности от 21 июля 1939 г. за подписью доктора Беста на имя статс-секретаря и высшего руководителя СС и полиции при рейхспротекторе Богемии и Моравии бригаденфюрера СС Карла Германа Франка о проведении в жизнь приказа Нейрата от 5 мая 1939 г. о назначении фюрера СД политическим референтом при рейхспротекторе	СССР-487
Письмо Нейрата от 31 августа 1940 г. начальнику имперской канцелярии Ламмерсу для доклада Гитлеру с при-	

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
ложением меморандумов Карла Германа Франка и своего по вопросу о будущем статуте Богемии и Моравии (уничтожить Чехословакию как национальное государство)	СССР-488
Сообщение от 17 ноября 1939 г. за подписью имперского протектора Богемии и Моравии барона фон Нейрата, расклеенное на улицах Праги, о том, что в виде репрессии расстреляны 9 студентов и все чешские высшие учебные заведения закрыты на 3 года	СССР-489
Предупреждение чешского населения за подписью Нейрата от августа 1939 года о присоединении Богемии и Моравии к Германии и о поведении чешского народа	СССР-490
Протокол допроса Ганса Фриче от 3 ноября 1945 г.	СССР-491
Протокол допроса Альберта Шпеера от 14 ноября 1945 г.	СССР-492
Выдержки из книги Ганса Фриче «Война поджигателям войны», изданной в 1940 году	СССР-493
Протоколы допросов бывшего статс-секретаря и высшего руководителя СС и полиции при рейхспротекторе Богемии и Моравии Карла Германа Франка от 26 ноября 1945 г. и 7 марта 1946 г., произведенных в Праге	СССР-494
Статья «Барону фон Нейрату 70 лет», опубликованная в газете «Френкишер курир» 2 февраля 1943 г. («Имперский протектор барон фон Нейрат за его выдающуюся работу был неоднократно награжден фюрером, он получил золотой почетный партийный значок, получил звание группенфюрера СС...»)	СССР-495
Текст выступления Ганса Фриче по радио 1 июля 1944 г. по поводу применения «Фау-1» против Англии	СССР-496
Копия приговора Болгарского народного суда от 28 февраля 1945 г. по делу виновников вовлечения Болгарии в мировую войну против союзных народов и ответственных за злодеяния, связанные с этой войной	СССР-504
Телеграмма управления внутренней администрации из Варшавы «правительству» генерал-губернаторства в Краков от 19 апреля 1943 г. по поводу организации обследования Польским Красным Крестом лагерей для военнопленных польских офицеров	СССР-507
Телеграмма управления внутренней администрации из Варшавы «правительству» генерал-губернаторства в Краков от 20 апреля 1943 г. в связи с приказом из Берлина задержать телеграмму Польского Красного Креста в Женеву	СССР-507/1
Секретная телеграмма № 6 управления внутренней администрации из Варшавы «правительству» генерал-губернаторства в Краков от 3 мая 1943 г. о том, что делегация Польского Красного Креста, проводившая обследование Катыни, установила, что при расстреле жертв Катыни применялись немецкие боеприпасы	СССР-507/2

Продолжение

Краткое содержание документа	Номер документа
Архивные материалы главного имперского управления безопасности (дело III, 2253-22), содержащие разработанные в июне 1938 года в Берлине планы использования СД и гестапо на территории Чехословакии	СССР-509
Заявление Правительству СССР от 10 апреля 1946 г. бывшего генерал-майора медицинской службы германской армии, профессора медицины Вальтера Шрайбера о подготовке в 1943 году верховным военным командованием гитлеровской Германии бактериологической войны	СССР-510
Распоряжение главного административно-хозяйственного управления СС всем комендантам концентрационных лагерей об использовании волос заключенных	СССР-511
Письмо Риббентропа на имя Гимmlера от 22 июля 1940 г. с благодарностью за присвоение ему чина обергруппенфюрера СС	СССР-512
Выдержки из протокола допроса Августа Шмидт-Хубера, генерал-майора войск СС, от 12 января 1946 г.	СССР-515
Справка о злодеяниях дивизии СС «Принц Евгений», совершенных в Югославии	СССР-516
Заявление Советскому правительству бывшего командира 97-й германской егерской дивизии, генерал-лейтенанта Фридриха Карла Рабе фон Паппенгейма от 25 марта о разведывательно-подрывной деятельности организации зарубежных немцев НСДАП, которую возглавлял гаулейтер Боле	СССР-517
Заявление бывшего генерал-лейтенанта германской армии Гюнтера Краппе от 22 марта 1946 г.	СССР-518
Сборник Сообщений Югославской Государственной Комиссии по установлению преступлений оккупантов и их пособников	СССР-520

ЗНАЧЕНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Десять с лишним месяцев заседал Международный Военный Трибунал. Он тщательно исследовал многочисленные документы, внимательно выслушал свидетелей, скрупулезно разобрался в преступлениях каждого подсудимого и вынес Приговор. Это был первый в истории Суд народов над агрессией и агрессорами.

Как злейшие враги человечества, мира и прогресса осуждены Геринг и Гесс, Риббентроп и Кейтель, Редер и Кальтенбруннер, Дениц и Штрейхер, Ширах и Шпеер, Функ и Заукель, Йодль и Франк, Зейсс-Инкварт и Фрик, Розенберг и Нейрат. Меч правосудия опустился на головы поджигателей войны. История человечества не знала возмездия более заслуженного и неизбежного.

Приговор Трибунала, признавший агрессию тягчайшим преступлением и покаравший организаторов и исполнителей преступных планов агрессивной войны, справедливо расценивается честными людьми мира как Приговор истории.

Историческое значение процесса ярко показал в речи Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко. «Я приступаю к своей вступительной речи, завершающей первые выступления Главных обвинителей на данном процессе, — сказал он, — с полным сознанием его величайшего исторического значения.

Впервые в истории человечества правосудие сталкивается с преступлениями такого масштаба, вызвавшими такие тяжелые последствия.

Впервые перед Судом предстали преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих чудовищных преступлений.

Впервые, наконец, в лице подсудимых мы судим не только их самих, но и преступные учреждения и организации, ими созданные, человеконенавистнические «теории» и «идеи», ими распространяемые в целях осуществления давно задуманных преступлений против мира и человечества»¹.

Нюрнбергский процесс разоблачил перед всем миром звериную сущность германского фашизма, его теории, преступную политику и практику, его связи, внутренние и международные.

¹ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками», Сборник материалов в семи томах, том I, страница 459.

Чтобы судить фашизм, надо было сначала его победить. Во имя этой победы, во имя спасения человечества от фашистского порабощения народы Советского Союза и другие свободолюбивые народы шли на величайшие жертвы. Из всех стран Советский Союз вынес на своих плечах наибольшую тяжесть войны, принес наибольшие жертвы на алтарь победы, разгромил основные силы гитлеровской военной машины. «Если страны всего мира были спасены от страшного господства нацизма, — писал американский публицист Альберт Кан, — если ночь фашистского темного века не воцарилась на земле, если победа оказалась на стороне человеческого достоинства и прогресса, то это прежде всего благодаря несгибаемой воле, безграничной храбрости и выдающемуся военному искусству народов Советского Союза»¹.

В результате всемирно-исторической победы советского народа и его вооруженных сил над гитлеровской Германией стало реально возможным осуществить принятые в ходе войны декларации об ответственности и наказании военных преступников второй мировой войны.

Еще в декабре 1941 года, ведя великую освободительную войну против фашизма, Советское государство было озабочено обеспечением будущего прочного мира, и в этой связи был поставлен вопрос о наказании военных преступников. «После победоносной войны, — указывалось в Декларации Правительства Советского Союза от 4 декабря 1941 г., — и соответственного наказания гитлеровских преступников задачей союзных государств будет обеспечение прочного и справедливого мира»².

В разгар войны по инициативе Советского Союза была принята Московская декларация, в которой военные преступники предупреждались, что «...Союзные Державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие»³.

Благодаря настойчивой и последовательной позиции Советского Союза, верно своим международным обязательствам и неуклонно отстаивающего дело мира во всем мире, перед Международным Военным Трибуналом предстала группа преступных лидеров гитлеровской Германии.

Иногда Нюрнбергский процесс называют судебным процессом над виновниками второй мировой войны. Нередко такая характеристика означает стремление определенных реакционных кругов свалить всю ответственность на одну лишь гитлеровскую клику. Что и говорить, вторую мировую войну в Европе

¹ «Правда» 6 июля 1960 г.

² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», 1944, том I, страница 169.

³ Там же, страницы 363—364.

развязал германский фашизм, гитлеровская клика. И тем не менее, когда мы говорим о виновниках второй мировой войны, мы не можем забывать, что эта война, как и первая мировая, была порождена системой современного капитализма и свойственными ему противоречиями, которые таят в себе опасность военных столкновений.

Вторую мировую войну развязали империалисты всех стран, преследовавшие в ней свои корыстные, захватнические цели. Это значит, что первоначально война для обеих воюющих группировок была войной империалистической, несправедливой. Но вторая мировая война представляет собой более сложное и многообразное явление, чем первая империалистическая война. Это своеобразие заключалось в значительной мере в той особой опасности, которую для всех народов мира нес фашизм. Угроза фашистского порабощения, нависшая над народами Европы, не могла не сплотить эти народы, не могла не породить общности интересов в борьбе с гитлеризмом. Вот почему по мере того, как гитлеровские агрессоры захватывали одну страну за другой, в Европе нарастало движение сопротивления широких народных масс оккупантам. Усиливалось давление народных масс и на те правительства, которые, хотя и находились в состоянии войны с фашистской Германией, тем не менее в первые месяцы войны пытались сговориться с Гитлером на антисоветской основе. Народы видели в фашизме своего злейшего врага, и поэтому война против него постепенно и по-разному у различных государств становилась войной справедливой, освободительной, пока, наконец, этот процесс не завершился вступлением во вторую мировую войну Советского Союза вследствие вероломного нападения на него фашистской Германии.

Таким образом, со стороны гитлеровского блока вторая мировая война была империалистической, несправедливой на всем ее протяжении. Война, которую вели США, Англия, Франция и другие западные капиталистические страны, начавшись как империалистическая, вследствие указанных выше причин превратилась в освободительную войну.

С этих позиций и следует подходить к решению вопроса о виновниках второй мировой войны — ими являются империалисты всех стран. С этих позиций необходимо подходить и к анализу поведения представителей западных держав на Нюрнбергском процессе.

В Нюрнберге судили главных военных преступников. При этом следует подчеркнуть, что далеко не все главные военные преступники предстали перед Судом; большинство из них, пользуясь покровительством своих заокеанских друзей и единомышленников из империалистического лагеря, остались безнаказанными.

До первой мировой войны 1914—1918 гг. не было ни одной попытки подвергнуть международному уголовному суду военных преступников.

Масштабы первой мировой войны, огромное количество жертв и террористические методы войны, применяемые германской армией, обусловили требование общественных кругов о наказании военных преступников, в первую очередь германского кайзера — организатора преступных методов ведения войны.

Только под давлением общественного мнения авторы Версальского договора включили в него специальный раздел, предусматривавший ответственность военных преступников. Было установлено (статья 227), что Вильгельма II Гогенцоллерна будет судить специальный суд, состоящий из пяти судей, назначенных из представителей США, Великобритании, Франции, Италии и Японии, по обвинению «в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров». Предусматривалось, что суд определит кайзеру наказание, которое будет реально применено. Статья 228 договора предусматривала право союзников привлекать и наказывать сподвижников Вильгельма, виновных в нарушении права (законов и обычаев) войны, независимо от суда над ними в Германии, причем последняя обязуется выдавать таких лиц союзникам.

Известно, что никакого специального суда пяти держав образовано не было, и Вильгельм II, невзирая на декларацию Версальского договора, судим не был.

Совершенно очевидно, что правительства держав Антанты и не помышляли всерьез о суде над германским экс-кайзером. Более того суд над Вильгельмом не входил в их расчеты. Они были скорее заинтересованы в том, чтобы суд не состоялся, чтобы можно было скрыть от народа истинные причины войны, империалистический характер первой мировой войны, ее действительных виновников, подлинных организаторов и вдохновителей.

Боясь суда немецкого народа, Вильгельм II сбежал в Голландию, где правительство Нидерландов приютило его. Союзные державы 15 января 1919 г. потребовали выдать Вильгельма для суда над ним, но правительство Нидерландов отказалось сделать это, мотивируя отказ тем, что Вильгельму II в Голландии предоставлено убежище «как жертве международного конфликта» и что его выдача для суда шла бы вразрез с конституционным правом Голландии и ее «историческими традициями». Отказ, наконец, мотивировался тем, что нормы Версальского договора не обязательны для Голландии, поскольку договор был заключен без ее участия.

Можно было бы, конечно, не останавливаться на ответе Голландского правительства, если бы его «аргументация» не

напоминала нынешнюю аргументацию представителей империалистических держав, всячески укрывающих от суда и наказания гитлеровских военных преступников.

Сомнений нет, что требования союзных держав отнюдь не имели целью действительной выдачи экс-кайзера, а главным образом были заявлены для отвода глаз и успокоения мирового общественного мнения. Невозможно себе представить, что могущественные державы-победительницы не нашли средств, чтобы заставить Голландию подчиниться требованиям правосудия и выдать Вильгельма. Отсюда следовал неизбежный вывод: такого средства не очень искали. И это было ясно не только для Голландского правительства, но и для военных преступников.

Избежали наказания и соратники германского кайзера. Национальные суды союзных держав, главным образом французские, осудили лишь небольшое число военных преступников, преимущественно солдат и унтер-офицеров, оказавшихся у них в плену.

Правда, союзники предъявили Германии требование о выдаче для суда в международных и национальных судах 890 военных преступников, в том числе: фельдмаршала Гинденбурга, генералов Людендорфа и Макензена, баварского кронпринца Рупрехта, адмирала Тирпица, канцлера Бетман-Гольвега и других видных военных преступников. Однако это требование Германия не выполнила, а союзники и не настаивали на выполнении своих требований.

Так закончились бесплодные попытки организовать международный суд над Вильгельмом II и другими военными преступниками первой мировой войны.

Идея Международного уголовного суда впервые в истории воплотилась в жизнь организацией судебного процесса над главными немецкими военными преступниками, в деятельности Международного Военного Трибунала, созданного соглашением от 8 августа 1945 г. в Лондоне между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции, к которому присоединились 19 других государств.

Процесс над главными немецкими военными преступниками привлек внимание миллионов людей во всем мире. Как подчеркнул от имени Международного Военного Трибунала Д. Лоренс, «процесс... является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции, и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре»¹.

Сторонники мира и демократии видели в нем проявление послевоенного международного сотрудничества в борьбе с фашизмом и агрессией. Для всех честных людей мира было ясно,

¹ «Нюрнбергский процесс...», том I, страница 245.

что снисходительное отношение к военным преступникам представляло бы большую опасность. Поэтому народы с неослабным вниманием следили за ходом процесса, требуя сурового наказания главных немецких военных преступников.

С других позиций рассматривали Нюрнбергский процесс враги мира и демократии. Они понимали, что осуждение главных немецких военных преступников наносит удар по агрессии и агрессорам, по поджигателям новой мировой войны. Вот почему международная реакция, возглавляемая империалистами США, шла на всевозможные ухищрения, чтобы спасти от справедливого возмездия военных преступников и превратить их в своих военных союзников.

В 1943 году военное министерство и государственный департамент США согласовали руководящие принципы работы с немецкими военнопленными, придерживаясь которых обязаны были все без исключения военные и гражданские чиновники, назначенные для работы в лагерях. Эти принципы были сформулированы на совещании персонала лагерей 27 июля 1943 г. представителем военного министерства полковником Винлокком, который заявил:

«На нас возложена задача подготовить из немцев кадры, которые могли бы быть использованы для укрепления престижа Америки и проведения нашей политики в самой Германии после оккупации ее союзниками... Термин «фашист», «наци» надо изгнать из нашего лексикона. Помните, что для нас, американцев, для будущей Европы непопулярны до сих пор национал-социалисты могут быть и будут полезней и удобней разных антифашистов и вообще демократов... В Германии и Европе мы американцы, будем устанавливать порядок, а для этого нам нужны многочисленные и близкие нам по духу и убеждению кадры...»¹.

Рьяного защитника гитлеровские главари нашли в лице бывшего председателя «Комиссии Объединенных Наций по расследованию военных преступлений» Сесилия Хэрста. В возглавляемой им комиссии вносились предложения о том, чтобы с Гитлером поступили так, «как это было с Наполеоном, который не подвергся суду, а был только выслан». С аналогичными предложениями выступил американский журнал «Форчун». Журнал ратовал за то, чтобы наказание военных преступников ограничивалось «высылкой их на какой-либо остров, как это было сделано в отношении Наполеона».

В период подготовки Нюрнбергского процесса представитель «Общества хранителей привилегий короля» Чарльз Ф. Аштон (Англия) в официальном обращении на имя Международного

¹ «Новое время» 1948 г. № 7, страница 23.

Военного Трибунала писал: «Ввиду того, что я был апологетом германского национал-социалистского режима, который возглавлялся Адольфом Гитлером, в то время, когда этот режим находился на вершине своей власти, я самым настойчивым образом хочу выступить на процессе в качестве свидетеля защиты в момент, когда превратности судьбы постигли этот режим...»¹.

Попытки реакции сорвать процесс над главными немецкими военными преступниками провалились. Не оправдались и надежды реакции на то, что разрыв между судьями неизбежен, что Нюрнбергский процесс не будет доведен до конца. Приговор Трибунала показал всему миру, что воля к сотрудничеству и готовность к взаимопониманию способны обеспечить единство действий. Несмотря на различия в оценках и подходах, несмотря на существенные расхождения по отдельным пунктам, Приговор Трибунала выражает единодушие представителей четырех стран в осуждении верхушки гитлеровской банды и таких преступных организаций германского фашизма, как руководящий состав нацистской партии, СС, СД и гестапо.

Приговор Международного Военного Трибунала в Нюрнберге вошел в историю как документ, разоблачающий фашизм, как грозное предостережение всем поджигателям войны. Вместе с тем на страницы истории занесено Особое мнение члена Трибунала от СССР И. Т. Никитченко.

Прогрессивные люди горячо поддержали это Особое мнение и тем самым высказали свое несогласие с оправданием Шахта, Папена и Фриче, с отказом Трибунала признать преступными организациями правительственный кабинет, генеральный штаб и верховное командование гитлеровскими вооруженными силами.

«...Мы разделяем соображения советского судьи, — писала в передовой статье «Правда». — Мы понимаем и поддерживаем его Особое мнение, так как Суд имел в своем распоряжении достаточно убедительных данных, подтверждающих вину указанных подсудимых (Шахта, Папена и Фриче. — Авт.). Но и при наличии Особого мнения советского судьи нельзя не подчеркнуть, что вынесенный в Нюрнберге Приговор над гитлеровскими душегубами будет оценен всеми честными людьми во всем мире положительно, ибо он справедливо и заслуженно покарал тягчайших преступников против мира и блага народов. Закончился Суд истории. Впервые справедливая кара опустилась на головы организаторов и руководителей, поджигателей и исполнителей преступных планов агрессивной войны»².

Представителям Советского Союза на Нюрнбергском процессе пришлось выдержать большую борьбу за торжество пра-

¹ Цитируется по предисловию проф. П. С. Ромашкина к книге «Проклятые свастик», М., 1954, страница 5.

² «Правда» 2 октября 1946 г.

восудия не только с многочисленными защитниками подсудимых. Даже такие вопросы, как правила судебной процедуры, порядок представления доказательств, допрос того или иного свидетеля и т. д., не являлись на процессе лишь юридическими вопросами в узком смысле слова. Они имели большое политическое значение, и вокруг этих вопросов происходила острая борьба.

Это была не обычная борьба между обвинителем и адвокатом, не обычные споры юристов, это была напряженная борьба между сторонниками мира и защитниками преступной агрессии, между сторонниками демократии и защитниками фашизма.

Однако было бы серьезным заблуждением недооценивать правовое значение Нюрнбергского процесса.

В Нюрнберге в форме суда над главными немецкими военными преступниками была осуществлена величайшая победа права над беззаконием. «Тот факт, — подчеркнул Главный обвинитель от США Р. Джексон, — что четыре Великие Державы, упоенные победой и страдающие от нанесенного им ущерба, удержали руку возмездия и передали своих пленных врагов на Суд справедливости, является одним из самых выдающихся примеров той дани, которую власть платит разуму»¹.

Отнюдь не случайным является то обстоятельство, что во всех речах Главных обвинителей наряду с детальным разбором фактических обстоятельств дается научный анализ правовых проблем процесса, а в заключительной речи Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко этим проблемам отведено самостоятельное место вслед за исторической оценкой процесса².

В самом начале Нюрнбергского процесса председатель Трибунала подчеркнул: «...На всяком, кто принимает какое-либо участие в этом процессе, лежит огромная ответственность, и он должен честно и добросовестно выполнять свои обязанности без какого-либо попустительства, сообразно со священными принципами закона и правосудия»³.

Любой исследователь материалов процесса, если он только не намерен грешить против истины, должен будет отметить, что на процессе была создана атмосфера строжайшего соблюдения законности и на протяжении всего процесса не было случая, чтобы права подсудимых, предусмотренные Уставом, в какой-либо степени стеснялись или умалались.

Безупречное правовое развитие суда и безукоризненная правовая обоснованность Приговора обеспечивают Нюрнбергскому процессу необычайную силу.

¹ «Нюрнбергский процесс...», том I, страница 277.

² См. там же, том VII, страница 200—205.

³ Там же, том I, страница 245.

В речах Главных обвинителей доказана беспочвенность попыток фашистских адвокатов в Суде и вне Суда оспорить компетенцию Международного Военного Трибунала, показана абсолютная несостоятельность утверждений о том, что будто бы не существует закона, на основании которого Трибунал мог бы судить главных военных преступников.

В этом свете смехотворными выглядят потуги пресловутого гитлеровского генерала Гейнца Гудериана через пять лет после завершения Нюрнбергского процесса прийти на помощь своим коллегам по защите главных военных преступников. В книге «Так это не пойдет!», изданной в Гейдельберге в 1951 году, Гудериан пишет: «Мы утверждаем, что правовая основа судебных процессов в Нюрнберге, Дахау и других пунктах была непрочна» (страница 62). Сей незадачливый фашистский вояка даже превзошел адвоката Штамера — защитника Геринга, он оптом решил «оспорить» все процессы над военными преступниками. Одновременно он занимается неприкрытым пресмыкательством перед Макклоем. «...Заслуживает благодарности поведение верховного комиссара США в Германии господина Макклоя, который позаботился о смягчении приговоров, вынесенных американскими судами военнопленным, заключенным в Ландсберге...» (страница 61).

Спору нет, Макклой действительно позаботился о военных преступниках, осужденных за тягчайшие военные преступления и преступления против человечности и заключенных в крепость Ландсберг. При его помощи были освобождены из Ландсбергской тюрьмы такие матерые фашистские преступники, как заместитель Геринга — фельдмаршал Мильх, генерал Рейнеке и многие другие. Карл Вольф — группенфюрер СС, начальник штаба Гиммлера с 1936 до 1943 года, а в последующем высший руководитель СС в Италии; Зепп Дитрих — обергруппенфюрер СС, убийца с большим стажем, в 1934 году во время так называемого «путча Рема» руководил массовым истреблением своих коллег по партии, а кончил тем, что во время Арденнского наступления в качестве командующего 6-й эсэсовской танковой армией принял участие в убийстве 340 американских солдат и 90 бельгийских мирных жителей; доктор Зандберг — штандартенфюрер СС — признал, что он участвовал в 60 тысячах убийств во время службы в карательных отрядах гитлеровского ведомства. Вот лишь некоторые из многих, которым помог Макклой и за которых его благодарит Гудериан.

Английский лорд Хэнки не обладал возможностями Макклоя, но и он внес свою лепту, выступив в 1950 году с требованием прекратить судебные процессы над военными преступниками, представляющие собой, по его словам, «исключительно опасные

прецеденты для будущего. Чем скорее мы покончим с этими процессами, — писал Хэнки, — тем будет лучше»¹.

Абсолютно беспочвенны содержащиеся в книге Гудериана домыслы о том, что «Нюрнберг, задуманный как символ правосудия, превратился в инструмент мести...» (страницы 63—64).

Следует попутно отметить, что Гейнец Гудериан не оригинален. До него в 1949 году один из ярких защитников фашистского генералитета Монтгомери Бельджон издал в Лондоне книжонку под названием «Суд победителей», а до этого неофициального защитника фашизма о «суде победителей» на процессе говорил адвокат Штейнбауэр, получивший отпор от французского обвинителя. «Ваш приговор, — сказал он обращаясь к Трибуналу, — не будет финалом суда «победителя над побежденными», как этого опасался доктор Штейнбауэр в защитительной речи по делу Зейсс-Инкварта. Этот приговор будет торжественным и ясным выражением вечной справедливости»².

В самом деле, все эти утверждения о «мести», «суде победителей» рассыпаются в прах, как только они сопоставляются с фактами, с исторической действительностью.

Общеизвестно, что в ходе войны против германского фашизма Советское правительство неоднократно заявляло, что Советский Союз не отождествляет гитлеровскую клику с немецким народом, что ответственность понесут только гитлеровцы за совершенные ими злодеяния. «Хотя советские люди пострадали от гитлеровцев больше, чем народы других стран, — подчеркнул Н. С. Хрущев, — мы строили и строим свою политику в отношении Германии не на вражде к немцам. Нашему народу чужды злопамятство и чувство мести»³.

Если мы обратимся к Уставу Трибунала и практике его деятельности, то убедимся, что все без исключения главные немецкие военные преступники на Нюрнбергском процессе пользовались такими процессуальными гарантиями, такими возможностями для защиты от предъявленных обвинений, которые никогда не существовали не только в судах «третьего рейха», но и во многих западных странах.

Перечислим основные процессуальные гарантии:

Обвинительный акт на немецком языке был вручен каждому подсудимому за месяц до начала процесса; все подсудимые имели защитников — немецких адвокатов, в большинстве случаев избранных по своему желанию, причем многие выступающие на процессе адвокаты были официальными единомышленниками подсудимых — являлись членами нацистской партии;

¹ Lord M. H a n k e y, Politics, trials and errors, 1950, p. 58.

² «Нюрнбергский процесс...», том VI, страница 686.

³ «Правда» 6 июля 1960 г.

подсудимым была предоставлена неограниченная временем возможность давать объяснения Трибуналу, ходатайствовать о вызове свидетелей и истребовании документов; защитники подсудимых подвергали перекрестному допросу свидетелей обвинения; наконец, подсудимые выступали перед Судом с последним словом после выступления обвинителей.

«Трибунал весьма удовлетворен, — заявил председатель, — мерами, предпринятыми Главными обвинителями для того, чтобы защита получала доступ к многочисленным документам, на которых основывается обвинение, с целью предоставить обвиняемым полную возможность справедливой защиты»¹.

Трибунал неуклонно требовал от обвинителей передавать защите не в одном, а во многих экземплярах копии всех документальных доказательств обвинения, оказывать помощь защитникам в отыскании и получении документов, доставке в Нюрнберг свидетелей, которых адвокаты желали вызвать. Можно было привести десятки примеров, когда Трибунал, помимо процессуальных гарантий, предусмотренных Уставом, предоставлял защите дополнительные возможности для выполнения адвокатами их обязанностей.

И если следует что-либо с сожалением в этой связи отметить, то лишь то, что некоторые адвокаты иногда злоупотребляли предоставленными возможностями, а Трибунал далеко не всегда реагировал на это. Разве при всем этом у честного человека может возникнуть мысль о том, что в Нюрнберге происходил «суд победителей над побежденными»?

15 августа 1946 г. американское управление информации опубликовало очередной обзор об отношении немецкого населения к процессу. После ряда опросов был сделан вывод, что большинство немцев считает Нюрнбергский процесс справедливым; виновность подсудимых и организаций неоспорима.

В обзоре говорилось буквально следующее: «В течение восьми опросов, которые были произведены с начала процесса Международного Военного Трибунала, процент населения, считавшего, что нацисты получают справедливый суд, никогда не падал ниже 75. Этот уровень был достигнут, что весьма интересно, в то время, когда начались выступления русских обвинителей. Средние данные всех восьми опросов показывают, что 80 процентов считают, что нацистские лидеры находятся перед справедливым судом, 4 процента считают суд несправедливым, а 16 процентов не высказали никакого мнения по этому вопросу».

Не менее разительные данные получены на вопросы о виновности подсудимых. Семь из десяти опрошенных указали, что

¹ «Нюрнбергский процесс...», том I, страницы 244—245.

все подсудимые виновны в участии и планировании войны, и только один из десяти заявил, что не все виновны.

На вопрос «кто из подсудимых, по вашему мнению, не виновен», 70 процентов опрошенных ответили, что все виновны, 9 процентов назвали некоторых и только 1 процент высказался, что никто не виновен¹.

Таковы факты. И как бы ни пытался Гудериан и ему подобные гитлеровские приспешники, перешедшие после краха гитлеровского рейха в услужение к новоявленным претендентам на мировое господство, опровергать эти факты, — их попытки обречены.

* * *

Приведенные в семитомнике материалы достаточно ярко раскрывают роль германского милитаризма в чудовищных преступлениях гитлеровского режима. Можно смело сказать, что без тесного союза и опоры на германских милитаристов Гитлер не мог бы сделать ни единого шага в осуществлении своей реакционной внутренней и агрессивной внешней политики.

Это теперь, когда Западная Германия стала европейским центром подготовки новой мировой войны, теперь, когда международная реакция видит в лице германских милитаристов основную ударную силу в подготовке нападения на социалистические страны, и прежде всего на СССР, идеологам империализма потребовалось реабилитировать германскую военщину, освободить ее от груза тяжких обвинений, который возложила на нее история второй мировой войны.

Современные защитники германского милитаризма ложно утверждают, что если Гитлер и имел на своем пути к власти и реализации своей агрессивной программы серьезное препятствие, то это якобы был германский генералитет.

Кампания реабилитации германской военщины, начатая уже в первые годы после второй мировой войны, нарастала по своим темпам и интенсивности по мере усиления процесса перевооружения Западной Германии, то есть по мере того, как гитлеровские генералы вливались в руководящий слой западногерманского бундесвера.

Нюрнбергский процесс разоблачил разбойничий характер германской военщины, ее роль в подготовке, развязывании и ведении второй мировой войны.

Но эти выводы Нюрнбергского процесса оказались совсем некстати для реакционных кругов Запада. Вот почему буржуазная историческая и юридическая наука в лице ее наиболее реакционных представителей уже в течение ряда лет

¹ См. архив советской части Международного Военного Трибунала.

подвергают обстрелу Нюрнбергский процесс, пытаясь подорвать доверие к его материалам и выводам.

Особую активность проявляют в этом отношении западно-германские реакционные историки и юристы, среди которых, конечно, и те, кто в 1945—1946 гг. являлись адвокатами главных немецких военных преступников. Весьма активную роль в деле реабилитации германских генералов играют... и сами эти генералы, наводнившие в послевоенные годы мировой книжный рынок своими «воспоминаниями», основное назначение которых состоит в том, чтобы отделить германский генералитет от Гитлера и представить германских генералов противниками фашизма и агрессии, возвеличить в глазах нового поколения подлость германской военщины.

Еще на Нюрнбергском процессе генерал Браухич в заявлении на имя Международного Трибунала писал:

«Немецкие солдаты всех рангов подготавливались к обороне и защите своей родины. Они не помышляли о захватнической войне или о распространении германского господства на народы»¹.

Кто же в таком случае вверг Германию и всю Европу в кровопролитнейшую войну? Ответ в ряде случаев гласит: во всем виноват один лишь Гитлер.

Немало усилий для того, чтобы реабилитировать гитлеровский генеральный штаб приложил на Нюрнбергском процессе немецкий адвокат Ганс Латернзер. Читателю, в частности, знакомы эти попытки адвоката по его речи в защиту генерального штаба, опубликованной в пятом томе настоящего семитомника. Однако еще большую активность в этом направлении Латернзер развил после окончания процесса, когда он считал, что политическая обстановка в Западной Германии представляет для этого лучшие возможности.

В книге, изданной в 1952 году, Латернзер пытается доказать, что между германским генералитетом и гитлеровским режимом не было ничего общего.

«Где вы найдете хотя бы крупницу немецкого милитаризма, — писал Латернзер, — которая была бы предтечей и подготовителем наступательных планов Гитлера? Тогдашние офицеры действовали только в духе мира и гуманизма, чтобы в случае вооруженного нападения обеспечить оборону... Если когда-либо и существовало единогласие среди военных руководителей, то, конечно, не в планировании агрессивной войны, а... в отвержении таких планов главы государства»².

¹ «Стенограммы заседаний Международного Военного Трибунала», том 20, страница 574.

² H. Laternser, Verteidigung deutscher Soldaten, Bonn, 1952, S. 26.

Вряд ли следует указывать на то, что Латернзер, которому хорошо знакомы материалы Нюрнбергского процесса, сознательно обошел их, в ряде случаев извратил и все это с единственной целью — оказать услугу агрессивной политике правящих кругов Западной Германии в их стремлении восстановить германский милитаризм.

Читателю, ознакомившемуся с материалами семитомника, хорошо известны факты, устанавливающие тесный союз германской военщины с гитлеровской кликой в подготовке и ведении ряда агрессивных войн. Теперь, однако, те генералы, которые сыграли решающую роль в подготовке Германии к чудовищной агрессии, представляются миру как противники Гитлера, как люди, которые в течение многих лет вели упорную, но безуспешную борьбу с гитлеровскими планами агрессии.

Примером такой фальсификации может служить изданная несколько лет тому назад в Западной Германии книга бывшего начальника военно-исторического управления штаба сухопутных войск Ферстера, книга, которая является сплошным панегириком германскому милитаризму и одному из его столпов — генералу Беку, о котором автор пишет:

«Бек не сомневался в том, что в радикально изменившихся по сравнению с прошлым временем условиях командование вермахта было обязано перед народом сделать все для того, чтобы избавить Германию от ужасов новой войны»¹.

Эта фальсификаторская тенденция Ферстера (как, впрочем, и других западногерманских историков) нашла свое выражение уже в самом весьма характерном заголовке книги: «Генерал-полковник Людвиг Бек. Его борьба против войны».

Можно было бы привести и другие примеры попыток международной реакции спасти лицо гитлеровских генералов, освободить их от ответственности за тяжкие преступления, совершенные в период гитлеровского режима. Но в том-то и состоит историческая ценность Нюрнбергского процесса, что его материалы решительно разоблачают всякие попытки реабилитировать германскую военщину. Вряд ли есть необходимость повторять в настоящей статье уже известные читателю документальные доказательства и исторические факты.

Немецкая национал-социалистская партия была выпестована монополистическим капиталом и милитаристскими кругами, рассматривавшими ее как свою организацию, которая должна была завоевать мелкобуржуазные массы и двинуть их в желательном направлении. Сам «фюрер» Адольф Шикельгрюбер

¹ W. Förster, General oberst Ludwig Beck. Sein Kampf gegen den Krieg. Aus den nach gelesenen Papieren des Generalstabschef, München, 1953, S. 69.

(он же Гитлер) начал свою карьеру в качестве агитатора рейхсвера и состоял в числе шпииков баварской контрразведки, руководимой полковником генштаба Ремом. С самого начала нацистская партия выступала как партия крупного капитала, находящаяся в теснейшей связи с военщиной. Джеффри Нокс, который в качестве председателя Международной комиссии в Сааре хорошо изучил положение на месте, заявил: «Мы должны прежде всего понять, что... нацистская партия до тех пор, пока ее не подобрали руководители прусской военщины, была всего лишь жалкой шайкой сводников и бродяг, не имевшей ни малейшего значения»¹.

Напомним, что еще в 1923 году один из признанных руководителей и идеологов германской военщины Людендорф участвовал вместе с Гитлером в так называемом Мюнхенском путче. Уже тогда германская военщина, ее наиболее реакционные круги, видели в гитлеровской партии ту силу, в союзе с которой можно достичь разбойничьих целей германского империализма.

В условиях напряженной политической борьбы в 1932—1933 гг. решался вопрос: быть или не быть нацистам у власти. И в этот исторический момент именно германский генералитет накладывает свою печать на ход событий. В Фюрстенберге на военном плацу Гитлер встречается с командующим рейхсвера генералом фон Шлейхером и находит в хозяине рейхсвера расудительного союзника, который обещает употребить все влияние, чтобы провести Гитлера в рейхсканцлеры. Гитлер так доволен этим обещанием, что обращается к генералу со словами: «Нужно на перекрестке прибить доску: «Здесь произошла достопамятная беседа Адольфа Гитлера с генералом фон Шлейхером»².

После этого Шлейхер стал действовать. Как показал Папен на процессе, именно в то время у него произошла знаменательная беседа с Шлейхером, в ходе которой последний сказал: «В настоящий момент мы переживаем правительственный кризис и мы ищем канцлера»³.

В изданной уже после войны книге «Дорога к власти» Папен, который и сам сделал все возможное, чтобы привести Гитлера к власти, писал, что решающую роль в этом деле сыграл вермахт.

«Вермахт был решающим фактором в этом случае... Вот почему я хочу сказать, что не только определенная группа генералов была ответственна за события, приведшие к 30 января

¹ Цитируется по книге Г. М. Беспалова «Возрождение германского милитаризма — угроза миру», М., 1953, страница 31.

² Конрад Гейден, История германского фашизма, М., 1935, страница 110.

³ «Стенограммы заседаний Трибунала», том 28, страница 13559.

1933 г., но и офицерский корпус в целом требовал правительства во главе с сильным человеком»¹.

Именно Шлейхер в те решающие дни требовал формирования нового германского правительства на базе «объединения рейхсвера с НСДАП»².

Исторические материалы Нюрнбергского процесса вскрывают тот факт, что олицетворением мощной политической и военной машины «третьей империи» был союз нацистской партии и германской военщины. В достаточно откровенной форме это обстоятельство выразил в свое время нацистский генерал Рейнеке, заявивший, что «двумя опорами третьей империи были партия и вооруженные силы, и каждая из них была бы отброшена назад при возвышении и падении другой»³.

Если верить многочисленным мемуарам гитлеровских генералов, то они, понимая устремление Гитлера к войне, оказываются, принимали все меры к тому, чтобы «сорвать» нацистские планы вооружения, без чего, разумеется, нельзя было приступить к осуществлению программы агрессии, столь «ненавистой» гитлеровским генералам.

Гальдер, например, пишет, что бешеные темпы вооружения Германии в 1934—38 гг. «были навязаны германскому командованию Гитлером вопреки... решительным возражениям» генералов⁴.

Однако документы Нюрнбергского процесса с очевидностью разоблачили эту фальсификаторскую попытку Гальдера. Германский военный министр Бломберг должен был признать в Нюрнберге, что нацистский генералитет рассматривал подготовку к реваншистской войне как свою святую обязанность. «Это, — заявил он, — была одна из главных причин отчасти тайного перевооружения, которое началось примерно за 10 лет до захвата власти Гитлером и особенно усилилось при нацистском господстве»⁵.

Документы процесса, таким образом, устанавливают тот факт, что грандиозная программа вооружения была предпринята германской военщиной вкупе с германскими монополиями еще задолго до прихода Гитлера к власти, а когда последний пришел к власти, то германские генералы не только не возражали против гигантской программы вооружений, но, более того, подталкивали нацистов в этом направлении.

¹ Цитируется по книге G. Savicky, From Nuremberg to the New Wehrmacht, p. 303—304.

² «Стенограммы заседаний Трибунала», страница 310.

³ «Нюрнбергский процесс...», том VI, страница 654.

⁴ F. Halder, Hitler als Feldherr, München, 1949, S. 9.

⁵ «Стенограммы заседаний Трибунала», том 32, страница 464.

Материалы Нюрнбергского процесса разоблачают германский генералитет, стремящийся ныне доказать, что Германия потерпела поражение в войне из-за неустанной агрессивной алчности Гитлера, который-де поставил перед немецким военным командованием явно непосильные задачи. Читателю, однако, уже известны многие документы, опубликованные в семитомнике, которые показывают, что эти «непосильные задачи» были сформулированы самими германскими генералами и адмиралами. Сошлемся для примера на план адмирала Карлса, составленный в сентябре 1938 года, в котором, в частности, указывалось: «...Германия должна занять положение мировой державы... Решение превратить Германию в мировую державу требует от нас соответствующей подготовки к войне...», а затем уже Карлс намечает нападение на многие страны мира¹.

Именно под давлением этого и многих других бесспорных документальных доказательств Бломберг вынужден был признать, что «...германские генералы не были против Гитлера. Не были они против него, так как он достигал тех результатов, которых они хотели»².

Генералы и адмиралы вспомнили о своих «разногласиях» с Гитлером лишь тогда, когда лопнули, как мыльный пузырь, все предначертания Бломберга и Карлса и когда гитлеровская Германия лежала уже в руинах. В действительности Гитлер не делал ни одного шага в области военной политики без активного участия германского генералитета. Об этом, в частности, говорят обширные протоколы ряда секретных совещаний в имперской канцелярии, из которых видно, сколь скрупулезно германская военщина намечала вместе с Гитлером планы агрессии против ряда стран. Известно, что одна из таких основополагающих встреч произошла 5 ноября 1937 г. Именно на совещании Гитлера с его генералами в этот день был выработан перспективный план агрессивной политики нацистской Германии, и в составлении его, как видно из протокола, участвовали фельдмаршал Бломберг, генерал Фрич, адмирал Редер и главнокомандующий воздушным флотом Геринг.

План агрессивного нападения на Австрию был составлен еще 24 июня 1937 г. и подписан Бломбергом. Германская военщина не считалась ни с какими моральными факторами, коль речь шла об осуществлении агрессивных планов.

Перед нападением на Австрию именно германская военщина предложила Гитлеру в целях шантажа организовать проведение ложных военных маневров на границе с Австрией.

¹ См. «Стенограммы заседаний Трибунала», том 6, страница 2278.

² Там же, страницы 2279—2280.

Когда один из военных подручных Гитлера Иодль был уличен в этом на процессе, он сделал следующее заявление: «Мне кажется, что они (ложные маневры) отнюдь не идут вразрез с нормами права. Вообще в игорном доме мировой истории как в политике, так и в войне, всегда пускают в ход фальшивые карты»¹.

Эти слова достаточно ярко раскрывают моральный уровень германской военщины. Кстати нужно заметить, что вся послевоенная фальсификаторская возня по реабилитации германской военщины является примером очередного шулерства западногерманской реакции, пустившей в ход очередную «фальшивую» карту.

Генерал Эрфурт в книге «История германского генерального штаба» пишет, что «Гальдер... был полон решимости всеми средствами бороться против политики войны Гитлера»².

В опубликованных в настоящем семитомнике материалах читатель найдет немало документов, изобличающих Гальдера в активной агрессивной политике. Не кто иной, как Гальдер, будучи начальником германского генерального штаба, лично участвовал в составлении агрессивных планов против ряда европейских стран. Именно Гальдер руководил подготовкой нападения на Чехословакию. 23 мая 1939 г. Гальдер активно участвовал в совещании военной клики с Гитлером, на котором обсуждается план нападения на Польшу. На этом совещании присутствовали, как видно из протокола, Геринг, Редер, Браухич, Кейтель, Мильх, Гальдер, Боденшатц, Шнивиндт и другие генералы.

Этот ставший уже общеизвестным факт не мешает ныне гитлеровскому фельдмаршалу Манштейну писать, что германский генеральный штаб накануне вторжения в Польшу якобы и не помышлял о нападении, а командование вооруженных сил Германии «никогда даже не обсуждало вопроса об агрессивной войне против Польши»³.

Надо ли говорить, сколь лживым является такое утверждение перед лицом бесспорных исторических документов, представленных на Нюрнбергском процессе и ныне предлагаемых вниманию читателя.

Вряд ли есть необходимость подробно раскрывать этапы подготовки гитлеровским командованием нападения на ряд стран Европы. Хочется лишь указать, что особо зловещую роль

¹ «Стенограммы заседаний Трибунала», том 27, страница 12674—12675.

² W. E. Erfurt, Die Geschichte des deutschen Generalstabes 1918—1945, S. 201.

³ Erich von Manstein, Generalfeldmarschal, Verlorene Siege, Bonn, 1955, S. 15.

германская военщина сыграла в подготовке агрессии против Советского Союза.

Читателю уже известны многочисленные документы, изображающие германскую военщину в подготовке и осуществлении преднамеренного, неспровоцированного нападения гитлеровской Германии на СССР. Это, однако, не мешает ныне идеологам германской военщины усердно распространять миф о том, что будто бы не Германия напала на Советский Союз, а напротив, Советский Союз собрался осуществить нападение на Германию, но якобы в последний момент Германия лишь предотвратила это нападение своей контратакой.

Десятки книг изданы ныне на Западе, и в каждой из них под различным соусом преподносится версия о «превентивном» характере войны гитлеровской Германии против Советского Союза. Эту же провокационную мысль усвоил и нынешний боннский министр обороны Франц Йозеф Штраус, который заявляет, что «Гитлер не несет ответственности за нападение на СССР», так как сам Советский Союз «хотел второй мировой войны».

Читатель уже знает из материалов семитомника, что версия о «превентивном» характере войны была выдвинута еще в 1945—1946 гг. на самом процессе, но была разоблачена бесспорными документальными доказательствами и показаниями самих гитлеровцев на процессе. Именно об этом говорят протоколы различных совещаний у Гитлера, из которых, в частности, видно, что план нападения на СССР в общей форме был уже одобрен летом 1940 года. Иодль, который также утверждал, что война носила «превентивный» характер, был разоблачен на процессе собственным признанием, сделанным в 1943 году в докладе гитлеровским гаулейтерам: «...Еще в тот период, когда продолжалась кампания на западе, Гитлер информировал меня — Иодля — о своих намерениях выступить против СССР»¹.

По существу аналогичные показания дали генерал Варлимонт, являвшийся заместителем Иодля, фельдмаршал Паулюс и другие представители германского генштаба.

Международный Военный Трибунал решительно отверг фальшивую версию гитлеровцев о «превентивной» войне против СССР и записал в Приговоре, что нападение гитлеровской Германии на Советский Союз было произведено «без тени законного оправдания. Это была явная агрессия».

Какова же цель этих современных литературно-политических провокаций, чего добивается империалистическая реакция, всячески возрождая миф о «превентивной» войне? Ответ на этот вопрос не представляет больших затруднений.

¹ «Нюрнбергский процесс...», том I, страница 473.

В идеологическом арсенале империализма по-прежнему значительное место занимает пропаганда агрессии против социалистических стран. Вновь и вновь поднимается провокационная шумиха вокруг так называемой «коммунистической опасности», опять идеологи агрессии пытаются сыграть на мифической «угрозе» с Востока.

«Будущее принадлежит тому, кто отважится начать превентивную войну», — писал недавно гитлеровский генерал Боде Циммерман в своем интервью корреспонденту английской газеты «Санди Экспресс». «Напряженность между Востоком и Западом будет существовать вечно и может быть устранена лишь в результате войны. Поэтому Запад, если он хочет разбить Россию, должен развязать превентивную войну...»¹.

Нетрудно понять, что усердные попытки реакционных деятелей Запада оправдать гитлеровскую агрессию против СССР, поддержать тезис гитлеровской пропаганды о превентивной войне, направлены на то, чтобы оправдать подготовку к такой агрессии и в новых условиях.

Материалы Нюрнбергского процесса раскрывают активную роль германской военщины не только в планировании и осуществлении актов агрессии, но и в осуществлении других тяжких военных преступлений. И в этом смысле материалы Нюрнбергского процесса являются исключительно активной силой, разоблачающей фальсификаторские попытки реакции доказать непричастность германского генералитета к злодеяниям нацистского режима во время войны. История этих преступлений и факты, их подтверждающие, подчас настолько очевидны, что даже самые ярые апологеты германского милитаризма не считают возможным начисто отрицать эти преступления. Но для того чтобы спасти лицо германской военщины, делаются попытки свалить всю вину за эти злодеяния на карательные органы «третьей империи» — на СС, гестапо, СД. Еще на Нюрнбергском процессе после демонстрации фильма, смонтированного из немецких кинокадров, Кейтель, когда его спросили о впечатлении, которое произвел на него этот фильм, ответил: «Это ужасно! Когда я вижу такие вещи, мне стыдно, что я немец. Это все эти грязные свиньи из СС».

Если Кейтель не отрицал самого факта совершения чудовищных преступлений, а лишь пытался выгородить военщину, то современные апологеты германского милитаризма и нацизма уже начисто отрицают и самый факт.

Один из таких апологетов гитлеровской военщины Морис Бардеш в изданной им книге «Нюрнберг, или обетованная

¹ Цитируется по книге А. И. Полторака «От Мюнхена до Нюрнберга», М., 1960, страница 140.

земля» писал: «Моя книга имеет своей целью убедить мир в том, что нельзя слепо принимать на веру приговор, подписанный победителями...

В Нюрнберге немцы были судимы на основе софистики и лжи»¹.

Современные фальсификаторы столь недавней истории доходят до того, что отрицают факты массовых уничтожений узников концентрационных лагерей. «Подлейшая фальсификация истории» — под таким заглавием западногерманский журнал «Ди анклаге» поместил статью, в которой пытается доказать, что не только военные не причастны к преступлениям, но и эсэсовцы не совершали преступлений, которые им вменяются Нюрнбергским приговором.

Журнал, в частности, «устанавливает», что ни в одном из концентрационных лагерей не имелось «газовых камер или других установок для массового уничтожения людей». Все приспособления для казни и пыток якобы «при ближайшем рассмотрении оказались бутафорией».

Эта чудовищная, глубоко оскорбительная для человечества версия находит поддержку в лице того человека, который санкционирует возрождение неонацизма в Западной Германии — Конрада Аденауэра. «Я давно уже знаю, — заявил он, — что солдаты войск СС были порядочные люди».

Так теперь в Западной Германии пытаются внушить новому поколению немцев насквозь фальшивую и чудовищную по своему характеру мысль о том, что не было Освенцима и Майданека, не было Бабьего Яра и Трешлинка, Орадур-сюр-Глан и Лидице и что все это, в конечном итоге, выдумки противников Германии.

Надо ли говорить, сколь велико в этих условиях значение материалов Нюрнбергского процесса? Нетрудно заметить, что они далеко не несут еще архивного характера. Они и сегодня находятся на передовой линии борьбы демократии с реакцией, борьбы мира с войной. Материалы Нюрнбергского процесса, разоблачающие невиданные в истории зверства, творившиеся в тесном союзе гитлеровской военщины и эсэсовцев, ярко разоблачают и всех тех, кто пытается взять под защиту гитлеровский режим, гитлеровскую военщину и СС, нацистскую партию и все другие преступные организации преступного гитлеровского режима.

Читателю уже хорошо известно из материалов семитомника, что все основные приказы, предписывавшие совершение военных преступлений и преступлений против человечности, были подготовлены и изданы в недрах германского генерального

¹ См. А. И. Полторака, От Мюнхена до Нюрнберга, страница 183.

штаба. Именно отсюда исходили такие зловещие приказы, как «Мрак и туман», «Пуля», приказ «О комиссарах» и многие другие. Эйнзатцгруппы не действовали изолированно от германских вооруженных сил, — устанавливает Приговор Международного Военного Трибунала.

Еще на Нюрнбергском процессе некоторые гитлеровские генералы, не имея возможности отрицать факты совершения зверств, пытались переложить ответственность за эти зверства на СС. Именно такую попытку сделал гитлеровский фельдмаршал Манштейн. Но он был разоблачен показаниями эсэсовского главаря Олендорфа.

Читатель помнит, что Олендорф являлся начальником управления СД в главном имперском управлении безопасности, а после нападения на СССР стал главарем оперативной группы «Д», действовавшей на Украине в районе расположения 11-й армии, которой командовал Манштейн. Олендорф показал, что еще за две недели до нападения на СССР между германским военным командованием и главным имперским управлением безопасности было заключено соглашение, которое предусматривало сотрудничество германской военщины и гитлеровских карательных органов в осуществлении планов массового уничтожения советского населения. Олендорф говорил об указаниях командования 11-й армии, требовавших «ускорения ликвидации» советских людей. Он показал, что германское командование по существу не только знало о массовых расстрелах, но и направляло туда своих представителей. Этот эсэовец напомнил Манштейну, что германская военщина широко пользовалась изъятиями у жертв ценностями, в частности, часами, отобранными у расстреливаемых. Манштейн вынужден был признать, что он сам издавал приказы, требовавшие от подчиненных совершения чудовищных преступлений. Манштейн приказывал реализовать гитлеровскую политику массового истребления еврейского населения. «Еврейско-большевистская система, — писал Манштейн, — должна быть уничтожена раз и навсегда». Олендорф сообщил Трибуналу, что оперативная группа «Д», находившаяся при штабе Манштейна, с июня 1941 года по июнь 1942 года уничтожила 90 тысяч советских граждан¹.

На процессе не только выявилось единство действий Манштейна и Олендорфа, но и была установлена органическая связь генералитета и СС, которая началась еще с «чистки Рема».

Учитывая, что руководящая роль в совершении тягчайших преступлений против мира и военных преступлений принадлежит гитлеровскому генеральному штабу, Обвинительное

¹ См. «Нюрнбергский процесс...», том IV, страница 622.

заклучение по делу главных немецких военных преступников предусматривало признание Трибуналом генерального штаба и верховного командования преступной организацией.

Такое признание означало бы возможность привлечения к суду и наказания виднейших гитлеровских генералов, виновных в агрессии и военных преступлениях. Оно означало бы, кроме всего прочего, создание морально-политической преграды на пути восстановления германского милитаризма.

Обвинители представили неопровержимые доказательства того, что генеральный штаб как преступная организация гитлеровского режима совершал неслыханные злодеяния. Убедительно прозвучала заключительная речь генерала Тэйлора, который от имени всех обвинителей предупреждал об опасности возрождения немецкого милитаризма.

«Немецкий милитаризм, если он выступит опять, не обязательно сделает это под эгидой нацизма. Немецкие милитаристы свяжут свою судьбу с судьбой любого человека или любой партии, которые сделают ставку на восстановление немецкой военной мощи. Они рассчитают все заблаговременно и хладнокровно. Их не остановят фанатичность идеологии или отвратительные методы; в своем наступательном стремлении они используют преступления для того, чтобы достигнуть мощи Германии и распространения ею террора. Мы видели, как они это делали раньше.

...Немецкие милитаристы примкнули к Гитлеру и вместе с ним создали «третью империю»; вместе с ним они преднамеренно создали такой мир, в котором сила и только сила решала все; вместе с ним они бросили весь мир в пучину войны и принесли ужас и опустошение народам европейского континента. Они нанесли удар всему человечеству, удар настолько дикий и грубый, что совесть всего мира не будет в состоянии оправиться от него в течение многих лет. Это не была война, это было преступление. Они не являлись солдатами, они были варварами. Об этих деяниях нужно сказать все. Мы не можем вновь создать историю, но мы должны позаботиться о том, чтобы исторические факты были изложены правильно»¹.

Однако западные державы, представленные в Международном Военном Трибунале, исходя из интересов их собственной политики восстановления германского империализма, отказались признать германский генеральный штаб преступной организацией и, таким образом, пошли на сознательный срыв решений Ялтинской и Потсдамской конференций о необходимости «раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб, ко-

¹ «Нюрнбергский процесс...», том VI, страница 677.

торый неоднократно содействовал возрождению германского милитаризма»¹.

Как уже указывалось, Советский Союз в лице своего представителя в Международном Трибунале заявил Особое мнение, в котором выразил несогласие с отказом большинства членов Трибунала признать германский генеральный штаб преступной организацией.

Особое мнение по существу предупреждало, что подобное решение Трибунала может лишь способствовать возрождению германского генерального штаба и германского милитаризма в целом. В исторической справке «Правда о политике западных держав в германском вопросе» указывается, что цель, которую ставили перед собой реакционные круги уже тогда в Нюрнберге, заключалась в том, чтобы «оправдать свои действия по сохранению кадров вермахта и создать своего рода моральную и политическую основу для их последующего использования при формировании новых агрессивных германских вооруженных сил»².

Исторические события, последовавшие за Нюрнбергским процессом, показали всю обоснованность такого предположения. За короткое время в Западной Германии создан агрессивный бундесвер, который по своей численности и техническому вооружению является более мощным, чем армии Англии и Франции. Многие десятки гитлеровских генералов, призванные в бундесвер, занимают там руководящие посты. Более того, гитлеровские генералы захватили ответственные посты в НАТО. Достаточно сказать, что главнокомандующим западногерманского бундесвера является гитлеровский генерал Адольф Хойзингер, бывший заместитель начальника нацистского генерального штаба, при ближайшем участии или под руководством которого были составлены и осуществлены планы агрессивных войн против Польши, Бельгии, Франции, Голландии, Дании и Норвегии. Под непосредственным руководством Хойзингера был разработан план нападения на СССР, пресловутый «план Барбаросса». Гитлер ценит заслуги Хойзингера и по свидетельству бывшего начальника генерального штаба генерала Цейтцлера «генерал-лейтенант Хойзингер был незаменим для фюрера»³. Хойзингер попал в список «30 руководящих генералов», каждое перемещение которых могло иметь место только по личному разрешению Гитлера. Ныне Хойзингер насаждает дух реваншизма и агрессии в западногерманском бундесвере. «Сохраним

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», том III, страницы 102—103.

² «Правда о политике западных держав в германском вопросе», Историческая справка МИД СССР и МИД ГДР, М., 1959, страница 78.

³ «О тех, кто против мира», М., 1957, страница 345.

для будущего те старые основы, которые у нас были» — таково кредо нынешнего командующего бундесвера — гитлеровского военного преступника.

Стоит ли удивляться после этого, что на посту главнокомандующего военно-воздушными силами бундесвера находится гитлеровский генерал Йозеф Каммхубер, принимавший активное участие в планировании и осуществлении агрессии против Чехословакии и Польши, совершивший чудовищную провокацию — бомбардировку немецкого города Фрейбурга лишь для того, чтобы приписать этот налет французам и таким образом получить повод для зверской бомбардировки мирных городов Западной Европы.

Гитлеровский генерал Шпейдель, отличившийся невиданными зверствами на советской и французской земле, ныне командует сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе.

Список этих нацистских генералов можно было бы продолжить, но совершенно очевиден тот факт, что бундесвер оказался в руках оголтелых преступников и реваншистов, которые тянут народ Западной Германии по пути гитлеровского разбоя.

Известно, как плачевно закончились попытки некоторых политических деятелей Франции, Англии и США после первой мировой войны возродить германский милитаризм для того, чтобы использовать его в своих целях. Потерпев поражение в 1918 году, германские милитаристы буквально с первого часа после подписания перемирия стремились подготовить благоприятные предпосылки и «переиграть игру» в Европе. Версальский договор открывал им эту возможность. Руководители Парижской мирной конференции 1919 года рассчитывали руками германских генералов вести борьбу против Советской России. Правящие круги западных дежав делали ставку на силы реакции в Германии, помогая им подавить прогрессивные силы немецкого народа. Примерно той же линии в германском вопросе придерживаются в настоящее время вдохновители агрессивных блоков.

Германским милитаристам оставляли наступательное оружие в надежде, что оно будет применено не на западном фронте. Так, 9 марта 1919 г. германская пресса сообщила, что авиация бомбит баррикады восставших рабочих на Франкфуртер Аллее в Берлине, а 17 марта на заседании комиссии Парижской мирной конференции из проекта мирного договора с Германией по настоянию президента США Вильсона была вычеркнута статья о запрещении производства самолетов в Германии. Результаты не замедлили сказаться. Уже в сентябре 1919 года английский представитель лорд Бальфур вынужден был констатировать на одном из заседаний в Париже,

что германская гражданская авиация быстро превращается в грозное оружие. Силу этого оружия Англии пришлось испытать в годы второй мировой войны.

Материалы процесса еще и еще раз напоминают о бесспорной исторической истине, что германские милитаристы всегда действовали в своих интересах, а не в интересах тех, кто помог им встать на ноги.

* * *

Материалы Нюрнбергского процесса помогают вскрыть подлинную роль германских монополий в тех чудовищных преступлениях, которые совершил гитлеровский режим. Конечно, необходимо учитывать, что в составе Международного Трибунала наряду с представителями Советского Союза были и представители капиталистических стран, в интересы которых вовсе не входило разоблачение монополий. Однако ряд обстоятельств, среди которых большое значение имело давление мирового общественного мнения, не позволил западным представителям в Трибунале вовсе исключить доказательства по указанному вопросу.

Это теперь, в расчете на забывчивость, идеологи империализма всячески стремятся представить монополии вообще, и германские в частности, как объединения, преследующие лишь «узко экономические» цели и потому не могущие ни знать возможных направлений политики, ни, тем более, руководить ею. Что же касается военных столкновений между государствами, то здесь, если поверить современным защитникам монополий, нет ничего более невыгодного и разорительного для интересов монополий, чем война.

Применительно к германским монополиям фальсификаторы истории в своих многочисленных «трудах» пытаются внушить читателю мысль о том, что эти монополии не только не содействовали приходу Гитлера к власти, но, более того, делали все, чтобы это предотвратить, что они не знали о намерениях Гитлера вести агрессивную войну и при всех условиях не способствовали осуществлению этой политики.

Конечно, выступая в защиту германских монополий, реакционные историки имеют в виду защитить монополии и других крупных империалистических стран, особенно США, которые, как хорошо известно, были тесным образом связаны с германскими монополиями как до, так и в период второй мировой войны.

В своем стремлении обелить империалистические монополии современные фальсификаторы истории утверждают, что в том, что Германия развязала войну, повинны не крупы и флики, а... германский народ. Именно так говорит западногерманский

историк Вальтер Гёрлиц, с ним солидарен и пустившийся в исторические исследования крупный американский банкир Льюис Броун, утверждающий, что Гитлер опирался не на монополистов и юнкеров, а на немецкий народ и что, придя к власти, он будто бы отбросил монополистов в сторону, как отбрасывают лестницу после того, как она использована.

Уже хорошо известный читателю по материалам процесса Шахт в своей книге «Расчет с Гитлером»¹ пытается представить германские монополии как самого решительного и принципиального врага Гитлера. Вслед за Шахтом Курт Хессе в книге «Политические обвинения против руководителей германской промышленности» пишет: «Мнение о том, что германская промышленность оказала поддержку Гитлеру в захвате власти, является легендой».

Значение материалов Нюрнбергского процесса состоит и в том, что они разоблачают подлинную роль германских монополий в становлении гитлеровского режима и его политики. Материалы процесса являются мощным средством разоблачения современных фальсификаций, о которых шла речь выше.

Известно, что фашизм — это самая реакционная сила, которую империализм рассматривает как последнее средство, чтобы продлить свое классовое господство. Со вступлением капиталистического мира в полосу глубокого кризиса 1929—1933 гг. и обострением в этой связи всех противоречий буржуазного общества фашизм стал главным орудием монополистического капитала в борьбе с революционным движением.

Вспомним политическую обстановку в Германии начала 30-х годов. Страна переживала жесточайший экономический кризис. Производственные мощности были загружены лишь на 23 процента. Число безработных к середине 1932 года достигло 7 миллионов человек. С каждым днем росло возмущение рабочего класса, массовые выступления которого ставили под угрозу самое существование германского капитализма. Спасти свое господство правящие монополистические круги рассчитывали только путем уничтожения остатков демократии и установления террористической диктатуры. Германские монополии нашли в лице нацистской партии, Гитлера такую силу, которая могла бы обеспечить выполнение этих задач в сложной обстановке того времени. Название этой партии — национал-социалистская — их ни в коей мере не смущало, ибо они отлично понимали, что это лишь камуфляж, маскировка. «Главарь фашистов ввел в свой обиход слово «социализм»...

¹ H. Schacht, Abrechnung mit Hitler, Hamburg—Stuttgart, 1948.

для того, — подчеркивал Н. С. Хрущев, — чтобы увлечь за собой больше наивных и неискушенных людей»¹.

На Нюрнбергском процессе Шахт заявил:

«В социальном отношении Гитлер высказал целый ряд хороших мыслей, которые, в частности, сводились к тому, что необходимо избежать классовой борьбы, забастовок, локаутов... И нам казалось, что эти мысли весьма разумны и вполне приемлемы»².

Итак, ставка была сделана на Гитлера, после чего, как это видно из материалов процесса, началась серия встреч воротил германской экономики с нацистской верхушкой. Материалы эти известны читателю, поэтому нет необходимости подробно на них останавливаться. Сошлемся лишь на один пример.

27 января 1932 г. в Дюссельдорфе состоялась очередная встреча промышленников с Гитлером. Короли германской промышленности с вождением внимали планам Гитлера, называвшего демократию «господством глупости», «принципом разрушения». Как отмечалось в протоколе этой встречи, слова Адольфа Гитлера о том, что «мы приняли твердое решение полностью искоренить марксизм в Германии», были встречены бурными аплодисментами.

Шахт следующим образом описывает последние дни, предшествовавшие приходу Гитлера к власти:

«Выборы Гитлера должны были состояться 5 марта (1933 г. — Авт.), и для этой избирательной кампании он нуждается в деньгах. Он попросил обеспечить его деньгами, и я это сделал... Геринг созвал всех этих людей (крупных промышленников. — Авт.), и я произнес речь... Я попросил их сказать, на какие денежные суммы они могут подписаться, и провести подписку в пользу выборов. Они подписались на общую сумму в 3 миллиона марок и распределили ее между собой... Старый Густав Крупп поднялся со своего места, благодарил Гитлера и говорил тогда с ним с большим энтузиазмом»³.

Следует отметить, что это была очередная, но отнюдь не первая финансовая поддержка Гитлера. И до этого Стайнесс, Тиссен, Крупп, Кирдорф, Штраус, Шмиц, Флик и другие германские промышленные и финансовые магнаты до отказа наполняли кассу фашистской партии. Да и не только германские: американский банкир Сидней Уорбург в 1929 году передал нацистской партии 10 миллионов долларов, а в 1931 году — 15 миллионов.

Германские монополисты с большим восторгом давали Гитлеру деньги. Их энтузиазм был вполне понятен, ибо хорошо

¹ «Правда» 15 января 1960 г.

² «Стенограммы заседаний Трибунала», том 21, страница 435.

³ «Стенограммы заседаний Трибунала», том 22, страница 29.

известна была программа Гитлера, сулившая германским монополиям успокоенный тыл и огромные прибыли от реализации агрессивной программы. А что тыл будет спокоен — крупы и флики верили. Сказал же Геринг во время одной встречи с ними: «Жертвы, которые требуются от промышленности, гораздо легче будет перенести, если промышленники смогут быть уверены в том, что выборы 5 марта будут последними на протяжении следующих десяти лет и, может быть, даже на протяжении следующих ста лет»¹.

Может быть, для того чтобы убедиться, насколько нагло лжет теперь Шахт, утверждая, что ни он, ни германские монополии не призывали Гитлера к власти, полезно будет привести следующие слова Папена на Нюрнбергском процессе: «Когда я был канцлером Германии, — вспоминает Папен, — ко мне зашел Шахт... Он сказал мне: «Вот исключительно способный человек... Отдайте вашу должность Гитлеру, это единственный человек, который может спасти Германию»².

Так германские монополии поставили у власти нацистскую партию и Гитлера.

В стране воцарилась открытая фашистская диктатура, а в Европе образовался очаг войны.

С первых же дней прихода Гитлера к власти нацистская партия стала оплачивать монополиям выданные Гитлером векселя.

Нацисты сразу же уничтожили политические партии, профсоюзы, фабзавкомы, деятельность которых мешала монополиям безудержно эксплуатировать германский рабочий класс.

Фашисты обеспечили капиталистам высокие дивиденды, уменьшение подоходного налога, снижение взносов в фонд страхования от безработицы, повышение интенсивности труда и снижение заработной платы в среднем не менее чем на 20 процентов по сравнению с 1932 годом.

«Два «достижения» Гитлера, — пишет Ричард Сэсюли, — завоевали ему симпатии не только руководителей «ИГ», но и всех крупных предпринимателей. В фашистской Германии не было стачек, а через год после прихода Гитлера к власти в Германии не было уже организованного рабочего движения»³.

В 1934 году началось брожение среди штурмовиков, активизировалась оппозиция внутри нацистской партии. Недовольство тем, что Гитлер нарушил свои социальные и экономические обещания, стало исходным пунктом конфликта, который

¹ «Стенограммы заседаний Трибунала», том 22, страница 25.

² Там же, страница 20.

³ Ричард Сэсюли, И. Г. Фарбениндусти, перевод с английского, М., 1948, страница 134.

все более и более обострялся и, наконец, разразился кровавой грозой 30 июня 1934 г. — так называемой «ликвидацией путча Рема». Снова вмешались монополии и генералитет рейхсвера. Устами своего агента Папена в июне 1934 года финансовый капитал заявил, что «социальную демагогию надо прекратить». Вскоре состоялась встреча Гитлера с Круппом, который повторил это требование.

«Варфоломеевская ночь, канун которой Гитлер провел на вилле Круппа в Эссене, — отмечает Норден, — освятила союз Гитлера с финансовым капиталом и генералитетом рейхсвера. Убийство Рема и многих сотен руководителей штурмовых отрядов и рядовых штурмовиков раз и навсегда положило конец попытке представителей мелкой буржуазии играть самостоятельную роль, а призыв к перевороту был заглушен раскатами залпов эсэсовских карательных отрядов»¹.

В 1959 году в Германии вышла книга известного западно-германского экономиста Курта Притцколейта, озаглавленная «Чудо по приказу». Концепции Притцколейта служат целям оправдания крупной буржуазии Германии, стремлением снять с нее вину за приход фашизма к власти, за зверства фашизма, за развязывание агрессивных войн и за национальную катастрофу 1939—1945 гг. Но вместе с тем Притцколейт должен был признать, что период фашистского правления был «золотым временем» для германских монополий.

Германские монополии торопили Гитлера с осуществлением агрессивных планов. «Немецкая промышленность, — подчеркивает Сэсюли, — явилась основой нацистского заговора против мира»². Еще до начала второй мировой войны, после вторжения германских войск в Судеты, Гитлер получил телеграмму: «Под глубоким впечатлением возвращения Судето-немецкой области Рейху... Акционерное общество „И. Г. Фарбен“ передает „в ваше распоряжение полмиллиона рейхсмарок“».

Щедрость германских монополий была вполне понятна. Захват Австрии, например, дал возможность «И. Г. Фарбениндустри» поглотить химический трест «Пульверфабрик», «Шкоде-Верке», «Ветцлер».

В Чехословакии «И. Г. Фарбениндустри» мимоходом прикарманил четвертую по величине химическую компанию в Европе «Ауссигер-Ферейн». «И. Г. Фарбен» не был исключением. В обозе гитлеровских войск всегда шли представители монополий, которые захватывали заводы и фабрики покоренных гитлеровскими ордами стран. Известно, что вслед за нацистской армией во Францию пришли эмиссары «И. Г. Фарбениндустри»,

¹ Альберт Норден, Уроки германской истории, перевод с немецкого, М., 1948, страница 125.

² Ричард Сэсюли, И. Г. Фарбениндусти, страница 35.

захватившие там концерны «Кюльман», «Сен-Дени» и «Сен-Клер дю Рон».

Так германские монополии извлекали огромные выгоды от гитлеровской агрессивной политики.

Но, как известно, этим не ограничивались прибыли монополий от гитлеровской политики захватов. Германские промышленники, как это ни звучит чудовищно, извлекали огромные прибыли и на гитлеровских полях массового уничтожения людей.

Известно, что оборудование концентрационных лагерей — газовые камеры, крематории, костедробилки — было произведено германскими промышленниками, которые были щедро оплачены за свои «труды». Германские монополии, зная о планах гитлеровцев по массовому уничтожению людей, с согласия Гимmlера широко использовали обреченных людей на каторжных работах, заставляя их, прежде чем войти в крематорий, «вырабатываться до смерти».

Чудовищность поведения германских монополистов нашла выражение и в том, что, получив согласие Гимmlера, они начали строить собственные концлагеря при предприятиях концернов.

Печально известен в этом отношении концлагерь «И. Г. Фарбениндустри» в районе Освенцима — Моновице, который имел свою полицию и свою систему медленного уничтожения людей путем использования их на каторжных работах. До 500 тысяч граждан всех стран Европы прошло через лагерь «И. Г. Фарбениндустри». Сотни тысяч людей нещадно эксплуатировались на заводах Круппа, на предприятиях Зауэра и Хеншеля, Мессершмидта и Хейнкеля, «Рейнметалл-Борзиг» и «Миттельдейчепапирверке» и многих, многих других концернов, где были созданы свои концентрационные лагеря.

Концерн «И. Г. Фарбениндустри», продолжая изыскивать новые пути извлечения прибылей, решил заработать и на последней стадии страшной драмы — на уничтожении людей. Так родились сделки между этой монополией и СС, в результате которых «И. Г. Фарбениндустри» продавал эсэсовцам ядовитые газы и химикалии для массовой ликвидации заключенных в лагерях.

Ныне на Западе реакционные историки пытаются представить подобного рода обвинения необоснованными. Но вот что по этому поводу говорил при допросе один из руководителей «И. Г. Фарбениндустри» Шницлер.

«Вопрос: Что вы сделали, когда узнали, что химикалии «И. Г.» применялись для того, чтобы умерщвлять, убивать людей в концлагерях?

Ответ: Я ужаснулся.

Вопрос: Предприняли ли вы что-либо?

Ответ: Я не стал говорить об этом, так как это было слишком страшно... Я спросил Мюллера-Кунради: знаете ли вы, Амброс и другие директора о том, что газы и химикалии применяются для убийства людей?

Вопрос: Что же сказал он?

Ответ: Да, это известно всем директорам И. Г.»¹.

Материалы Нюрнбергского процесса раскрыли еще одну страницу истории тягчайших преступлений германских монополий: они финансировали не только «общие», но и «специальные» дела фашизма. Начиная с 1935 года, как это явствует из опубликованных в Сборнике документов и показаний банкира барона Курта фон Шредера, германские монополии выделяли специальные фонды для «особых заданий» Гимmlера. В Кельнском банке фон Штейна (который ныне в Западной Германии играет значительную роль благодаря своим связям со Стальним трестом) и Шредера был открыт засекреченный счет «С», на который регулярно поступали деньги от всех крупных германских монополий для строительства концентрационных лагерей и газовых камер, для создания человекоистребительной индустрии.

История сохранила списки финансовых покровителей Гимmlера и его эсэсовцев, в которых значились Флик и Шахт; Бютефиш из «И. Г. Фарбениндустри» и Фридрих Рейнгард — председатель наблюдательного совета «Гапаг»; граф фон Бисмарк — занимавший крупный административный пост и адъютант Гимmlера Кранефус, представлявший интересы концерна «Брабаг»; Курт Шмидт — из «Рейнметалл-Борзиг» и Карл Линдемман из «Норддейчер Ллойд» и т. д.

В своих показаниях Курт Шредер при допросе его 5 декабря 1945 г. указал, что сумма «пожертвований» для Гимmlера составляла ежегодно миллион марок. Но банкирский дом Шредера — Штейна был далеко не единственным каналом, по которому стекались к Гимmlеру миллионы марок для осуществления изуверских планов германского фашизма.

Германские монополии натравливали эсэсовских палачей на демократические силы Германии и Европы, вдохновляли их на чудовищные злодеяния, наживались на их преступлениях и самые эти преступления рассматривали как верный способ сохранить свои классовые привилегии, свой эксплуататорский строй, свою неограниченную произвольную власть над миллионами людей.

Преступления германских монополий были настолько очевидны, что после окончания войны не возникало сомнений в том,

¹ «СС в действии. Документы о преступлениях СС», перевод с немецкого, М., 1960, страница 460.

что магнаты германской промышленности будут преданы суду народов вместе с другими военными преступниками. Народы потребовали, чтобы скамью подсудимых заняли не только гитлеровские министры и генералы, но и германские монополисты.

Возмущение общественного мнения зловещей ролью германских монополистов в преступлениях гитлеровского режима было настолько глубоким, что даже американский Главный обвинитель в Нюрнберге вынужден был сделать ряд таких заявлений, которые, казалось бы, не оставляли сомнения в намерении США наказать монополистов Германии.

В этом смысле читатель, видимо, уже обратил внимание на заявление Джексона, сделанное им при рассмотрении вопроса о приостановлении дела в отношении Густава Круппа¹.

Но это заявление было только данью возмущенному общественному мнению. Более глубокие интересы международной реакции заключались в том, чтобы не допустить разоблачения деятельности монополий.

Американский империализм сразу же после войны сделал ставку на Западную Германию как на орудие проведения своей антисоветской политики. Именно поэтому с самого начала было решено восстановить германский военный экономический потенциал. Но точно так же, как для воссоздания гитлеровской армии требовались фашистские генералы и офицеры, так и в данном случае, встав на путь ремилитаризации западногерманской промышленности, американские империалисты твердо решили использовать пушечных королей Германии — Круппа и Флика, военные концерны «И. Г. Фарбениндустри» и другие.

Под давлением общественного мнения были арестованы германские промышленные магнаты. Но арестовать — не значит еще судить, а судить — не значит еще должным образом наказать.

Задача спасения германских промышленных магнатов была возложена на американскую Фемиду. Известно, что первым шагом на этом пути было незаконное оправдание Шахта на Нюрнбергском процессе. По существу, от приговора по делу Шахта зависела судьба руководителей основных германских монополий. Если бы Международный Трибунал признал преступной деятельность Шахта по агрессивному перевооружению Германии, то неизбежно встал бы вопрос и об ответственности руководителей германских монополий, от имени и во имя которых действовал Шахт. А если бы Трибунал признал деятельность монополий по перевооружению преступной, то такой приговор явился бы осуждением далеко не только одних германских монополий.

¹ См. «Нюрнбергский процесс...», том I, страницы 171, 173—175.

Не случайно Шахт в беседе с американским офицером, говоря о намерениях провести судебные процессы германских промышленников, заметил:

«Если вы хотите предать суду промышленников, способствовавших вооружению Германии, то должны будете судить своих собственных промышленников. Ведь заводы «Оппель», принадлежащие «Дженерал-Моторс», работали только на войну».

Вот почему вслед за Приговором Международного Трибунала американские трибуналы в Западной Германии получили директиву: «Принять как прецедент приговор, по которому был освобожден Шахт»¹.

Вопрос об организации Международного судебного процесса над руководителями германских монополий был, по существу, предрешен приговором по делу Шахта, против оправдания которого, как известно, выступил Советский Союз.

Правящие круги США не скрывали своего нежелания участвовать в процессе над руководителями германских монополий, ибо вовсе не были уверены, что на таком процессе, кроме разоблачения германских монополий, не последует разоблачение американских монополий, так много содействовавших перевооружению Германии и приходу Гитлера к власти.

Тогдашний государственный секретарь США Бирнс в письме американскому обвинителю в Нюрнберге генералу Тэйлору² доверительно писал:

«Соединенные Штаты не могут официально предстать в роли государства, не желающего организации такого процесса... Но если планы реализации этого процесса провалятся то ли вследствие несогласия между остальными тремя правительствами, то ли вследствие того, что одно или более из трех правительств не согласится на условия и требования, которые необходимы с точки зрения интересов США, то тем лучше»³.

Следует ли удивляться после всего этого, что американские трибуналы, рассматривавшие дела руководителей германских монополий, прежде всего признали недоказанными обвинения Круппа, Флика и других монополистов «в содействовании осуществлению гитлеровской агрессивной политики».

Ярким примером судебного фальсификаторства может служить дело «И. Г. Фарбениндустри». Состав суда по этому делу был тщательно подобран военным министром США Говардом Патерсоном, бывшим совладельцем адвокатской фирмы «Крават де Герсдорф, Свейн энд Вуд». Эта фирма на протяжении

¹ «The Nation», 1948, 14. VIII, p. 178.

² Небезынтересно отметить, что впоследствии пресловутый Маккарти требовал лишить Тэйлора генеральского звания «ввиду сомнительности в его лояльности».

«The Nation», 1949, 3. XII, p. 534.

многих лет представляла в США интересы «И. Г. Фарбенинду-стри». Было установлено, что защитники получили доступ к архивам «И. Г. Фарбенинду-стри» и, пользуясь этим, уничтожили там изрядное количество документов, устанавливавших тяжкие преступления руководителей концерна.

Приговор по делу «И. Г. Фарбенинду-стри» соответствовал усилиям международной реакции: из 23 обвиняемых 10 были полностью оправданы, а 13 — приговорены к небольшим срокам лишения свободы и вскоре же были освобождены.

Так было совершено циничное надругательство над памятью миллионов жертв, погибших от непосильной работы на заводах «И. Г. Фарбенинду-стри», в лагерях смерти.

Милостивая судьба постигла и руководителей концернов Круппа и Флика.

Так завершился круг. Нетрудно судить, что осталось от «гневных» слов американского обвинителя на Нюрнбергском процессе, заявившего в октябре 1945 года, что если не будут должным образом наказаны круппы, «то одна из основных целей Соединенных Штатов будет уничтожена».

Читатель уже убедился, что «цели» Соединенных Штатов заключались отнюдь не в разоблачении монополий.

Политика западных держав и прежде всего США в послевоенный период привела к тому, что в настоящее время в экономике Западной Германии господствуют те же монополии, которые в свое время привели к власти Гитлера, наметили и осуществили с его помощью программу преступной агрессии и чудовищных злодеяний против человечности. Эта политика, по существу, создала в Западной Германии ситуацию, чреватую новой войной, ибо вложила в руки гитлеровских магнатов еще более мощную силу, чем та, которой они располагали в нацистские времена.

* * *

В Сборнике значительное место отведено документам и материалам о гитлеровских концлагерях и злодеяниях, совершенных там. Это вполне оправдано, ибо «гитлеровские концлагеря, в том числе и Маутхаузен, являлись концентрированным выражением чудовищной сущности фашизма»¹.

Такие документы, как Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по Освенциму и Майданеку, такие свидетельские показания узников Освенцима и Дахау, Равенсбрюка и Маутхаузена, Бухенвальда и Треблинки, как показания Шмаглевской и Вайян-Кутюрье, Блаха и Лампа, Балаховского и

¹ Речь Н. С. Хрущева в Маутхаузене 3 июля 1960 г., «Правда» 4 июля 1960 г.

Ройзмана — с исключительной силой показали чудовищную сущность фашизма, его преступные дела.

Наряду с этим на процессе была разоблачена нацистская верхушка, показаны алчность, стяжательство, аморальность всех «фюреров» и «лейтеров», всех правителей «третьей империи». В Сборнике приводится немало убедительных материалов по этому вопросу. Напомним в этой связи лишь выдержку из стенограммы заседания Трибунала от 9 апреля 1946 г. Допрашивается начальник имперской канцелярии, рейхсминистр и обергруппенфюрер СС Ганс Генрих Ламмерс.

«Обвинитель: И вы и ваши коллеги получали большие выгоды от этого режима. Не так ли?»

Ламмерс: ...Да, конечно, я имел доходы.

Обвинитель: Вы в качестве начальника имперской канцелярии передали 1 миллион марок доктору Лею?»

Ламмерс: Да, это была дотация...

Обвинитель: И Риббентроп тоже получил миллион?»

Ламмерс: Да, он получил миллион в два срока.

Обвинитель: И Кейтель тоже стал миллионером, он получил миллион?»

Ламмерс: Да, он получил дотацию и имение, так как фюрер восстановил дотации, существовавшие при старых прусских королях.

Обвинитель: А вы сами получили 600 тысяч марок. Не правда ли?»

Ламмерс: В день, когда мне исполнилось 65 лет, я получил 600 тысяч марок».

Вряд ли следует комментировать этот допрос. Необходимо лишь подчеркнуть, что все эти миллионы выданы только за один 1939 год, и Ламмерс признавал лишь то, чего уже никак нельзя было не признать, так как под номером ВВ-236 Трибуналу был представлен немецкий документ — бюджет гитлеровского рейха за 1939 год.

По вполне понятным причинам на процессе не была полностью раскрыта действительная роль адмирала Канариса, генерала Остера и других деятелей заговора «20 июля 1944 г.», однако и те данные, которые были установлены, представляют большой интерес.

Заговор 20 июля 1944 г. был организован той частью правящих классов Германии, которая поняла неизбежность поражения и пыталась спасти германский империализм посредством «дворцового переворота» и сговора с реакционными кругами США и Англии. Во главе заговора стояли реакционно настроенные генералы и консервативные политические деятели, вроде бывшего обербургомистра Лейпцига Герделера. Их непосредственной целью было устранение Гитлера и заключение

сепаратного мира с Англией и США. Сейчас англо-саксонская и немецкая реакция подымает на щит «деятели 20 июля», изображая их как «героев сопротивления» фашистскому режиму. Понятно, для чего это делается. Это делается с целью реабилитации тех реакционных империалистических элементов, которые верой и правдой служили Гитлеру до того времени, когда поражение Германии стало неизбежным, а затем «переориентировались» на западные страны.

Как правильно отмечает Ричард Сэюли, «люди, поддерживавшие заговор 20 июля, были настолько влиятельны, что могли с успехом попытаться устранить Гитлера в любое время, начиная с 1933 года. Они так долго ждали, потому что вплоть до июля 1944 года они были довольны Гитлером... Гитлера хотели убить не за то, что он был неправ, а за то, что он потерпел неудачу»¹.

Фридрих Вильгельм Канарис поступил в германскую разведку в 1912 году. После прихода к власти Гитлера Канарис стал одним из его доверенных лиц, а в 1939 году назначен начальником «Абвера». Перед началом войны именно Канарис представил Гитлеру секретные планы французской обороны и фотоснимки всех французских аэродромов. Благодаря Канарису германский генералитет знал во время войны каждый шаг французского главнокомандующего Гамелена. Но одновременно адмирал Канарис был «героем» американской разведки, с которой поддерживал самые тесные связи через военного атташе США в Берлине Турмэна-Смита, и доверенным лицом Пентагона. После неудавшегося покушения на Гитлера, когда были обнаружены связи Канариса с американской разведкой, в числе других был казнен и Канарис. После окончания второй мировой войны американская пропаганда всеми силами пыталась создать вокруг имени Канариса ореол «мученика». Этой же цели и служили допросы вызванных американскими обвинителями в качестве свидетелей Ганса Бернда Гизевиуса и Эрвина Лахузена, которые должны были реабилитировать Канариса и других представителей «генеральской оппозиции».

Читатель знаком с показаниями Гизевиуса и Лахузена². Необходимо лишь отметить следующее.

Ганс Гизевиус начал свою карьеру в гестапо в 1933 году, то есть с самого начала его существования, будучи членом пресловутой организации «Стальной шлем». Он неслучайно пользовался исключительным покровительством эсэсовского палача Далюге (повешен как военный преступник) и был особо приближен к неизвестному Фрику. «Деятели 20 июля» прочли Гизевиуса на

¹ Ричард Сэюли, И. Г. Фарбениндусти, страница 155.

² См. «Нюрнбергский процесс...», том I, страница 723; том II, страница 91.

пост руководителя полицейской системы, он должен был заменить Гимmlера. Гизевиус — один из старейших и руководящих деятелей гестапо, один из опытейших агентов «амт-VI», был двойником: он был не только гитлеровским, но и американским шпионом. Гизевиус был непосредственно связан с Алленом Даллесом и весной 1943 года вместе с другим высокопоставленным гитлеровским шпионом — принцем Максом Гогенлоэ вел в Швейцарии переговоры с Даллесом о сепаратном мире с западными державами и усилении войны против Советского Союза.

Что касается Лахузена — заместителя Канариса, то он весьма охотно пошел навстречу американскому обвинителю Эймену и во всю восхвалял своего покойного шефа. Однако его постигла неудача, когда начался перекрестный допрос. Отвечая на вопрос адвоката: «Известно ли вам, что Канарис в первые годы войны организовывал за линией фронта активный саботаж и сам очень энергично выступал за это?», — Лахузен ответил: «Конечно, это мне известно, и я сообщил об этом американским властям».

Еще более неутешительным для инициаторов допроса был ответ Лахузена на другой вопрос.

«Вопрос: Известно ли вам, что адмирал Канарис в первые годы войны хорошо относился к организациям СС и неоднократно подчеркивал необходимость тесного сотрудничества с этой организацией, так что Геринг даже должен был посоветовать ему быть более самостоятельным со своим аппаратом?»

Ответ: Да, это мне известно»¹.

Видя, что «ореол» вокруг Канариса стал сильно тускнеть, что адвокат явно перестарался, был объявлен перерыв, после которого допрос уже не касался таких острых вопросов.

Относительно Аллена Даллеса следует отметить, что он был связан не только с гестаповцем Гизевиусом и «сиятельным» агентом Гогенлоэ. Он был связан с Кальтенбруннером и резидентом «амт-VI» (заграничная гитлеровская разведка) Вильгельмом Хеттлем.

При допросе Кальтенбруннера его защитником произошел следующий диалог:

«Вопрос: Теперь я назову имя Даллеса. Имели ли вы с ним прямой или косвенный контакт?»

Ответ: Да, я поддерживал контакт с ним через Хеттля».

Стоит ли удивляться теперь, что ходатайство защитника о вызове в Суд для допроса Хеттля по настоянию представителей США в Трибунале не было удовлетворено? Они боялись

¹ Стенограмма заседания Трибунала от 1 декабря 1945 г.

² См. «Нюрнбергский процесс...», том I, страница 214.

разоблачения Аллена Даллеса, а кроме того, как это впоследствии было установлено по материалам процесса, Вильгельм Хеттль был не только резидентом Шелленберга на Балканах, а затем и Швейцарии, но и... американским агентом¹.

* * *

Документы, содержащиеся в семитомнике, еще раз подчеркивают большое историческое значение Нюрнбергского процесса и Приговора Международного Военного Трибунала как акта высшей справедливости.

Материалы процесса показывают, что воля народов оказалась непреклонной и вопреки устремлениям международной реакции были осуждены агрессия и агрессоры, заслуженная кара опустилась на головы тех, кто замыслил и осуществил преступные планы германского фашизма. Вместе с тем эти материалы призывают народы к бдительности, напоминают о том, что в мире еще существуют зловещие силы, которые идут по стопам Гитлера. Материалы процесса зовут к расширению и укреплению великого фронта борьбы за мир и счастье людей, фронта, который в 1945 году разгромил фашизм и сейчас стоит на пути тех, кто вновь хочет опутать мир колючей проволокой концентрационных лагерей и покрыть его бесконечными кладбищами, кто стремится поработить народы, кто лелеет безрасудные планы установления своего господства над миром.

¹ Хорошо информированный гамбургский журнал «Шпигель» опубликовал некоторые сведения о послевоенной деятельности Хеттля и его связях с Алленом Даллесом. «По поручению секретной службы Соединенных Штатов, — писал журнал, — Хеттль вернулся на свою родину, в Зальцкаммерунг. Ему было поручено создание полушпионской, полувоенной организации, которая формировалась преимущественно из бывших служащих СД и войск СС, а также из бывших офицеров вермахта и эмигрантов из балканских государств».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- АБЕНДЕР ЯКОБ** — гитлеровский агент в Югославии, возглавлял фашистскую молодежную организацию — т. V, с. 324
- АБЕЦ ОТТО** — немец, долгие годы проживавший во Франции, организатор комитета «Франс-Аллемань», пропагандировавшего германо-французское сотрудничество; с 1934 года руководитель французской секции шпионского бюро Риббентропа; эмиссар Гитлера во Франции в мюнхенский период; в годы фашистской оккупации Франции официальный представитель гитлеровской Германии при правительстве предателя Петэна — т. III, с. 86, 318, 428, 569; т. IV, с. 233, 251, 252; т. V, с. 88—90, 92, 95
- АВГУСТИН** — оберштурмфюрер СС, подвизавшийся в пресловутом «Аненэрбе» и выполнявший специальные задания Гиммлера, — т. IV, с. 489, 490
- АВГУСТИН** — епископ (354—430 гг.), один из «отцов церкви», фанатичный проповедник религиозного мракобесия, призывавший церковь жесточайшим образом расправляться с инакомыслящими, — т. V, с. 578
- АДАМЕЦ ГЕРХАРД** — вахмистр гитлеровской полиции безопасности, очевидец чудовищных злодеяний гитлеровцев, — т. III, с. 311, 312
- АЖ** — видный парижский адвокат, расстрелянный гитлеровскими оккупантами, — т. IV, с. 178
- АЗИМОВ** — боец Советской Армии, раненый был захвачен гитлеровцами и злодейски убит — т. III, с. 11
- АЙГРУБЕР** — гитлеровский гаулейтер Верхней Австрии, близкий друг Кальтенбруннера, участвовал в истреблении заключенных в Маутхаузене — т. V, с. 130, 131, 135, 680
- АИЖЕНС ЯНИС** — латышский художник, расстрелян гитлеровскими палачами — т. IV, с. 94

¹ Сведения о лицах, упоминаемых в опубликованных в настоящем издании документах, даются, как правило, на то время, к которому документы относятся. Так как в Сборнике немецкие и иные документы публиковались без каких-либо, в том числе и орфографических исправлений, транскрипция некоторых фамилий получилась неодинаковой. В Указателе эти неточности исправлены. Упоминаемые в Сборнике фамилии современных государственных деятелей в Указателе не включены. В отношении членов Трибунала и обвинителей на Нюрнбергском процессе указываются только фамилия, номера томов и страниц, поскольку данные о них имеются в тексте (см. том I, стр. 87—91). По этим же причинам не приводятся данные о подсудимых. Все имена даны в алфавитном порядке, за исключением фамилий главных немецких военных преступников, которые помещены в конце Указателя и в таком порядке, как они фигурировали в официальных документах процесса.

- АИРЕ (АИРО) — генерал, в феврале 1941 года в качестве представителя финского генерального штаба принимал участие в переговорах с уполномоченным гитлеровского верховного командования о совместных операциях против СССР — *т. I*, с. 475; *т. II*, с. 427, 428
- АККЕРМАН — узник гитлеровского концлагеря, замученный в Маутхаузене, — *т. IV*, с. 312
- АКСМАН АРТУР — один из главарей фашистских молодежных организаций, заместитель Шираха, а с 1940 года его преемник; в качестве имперского руководителя молодежи принимал непосредственное участие в многочисленных преступлениях гитлеровцев; ныне благоденствует в Западной Германии и принимает активное участие в возрождении фашизма — *т. I*, с. 701; *т. IV*, с. 600; *т. V*, с. 309, 343; *т. VI*, с. 36
- АЛЕКСАНДРОВ Г. Н. — *т. I*, с. 89, 198; *т. II*, с. 482, 632; *т. V*, с. 116, 213, 320—327, 329—356; *т. VI*, с. 291—298; *т. VII*, с. 611, 612, 614
- АЛЕКСИАНУ ГЕОРГЕ — один из сообщников Антонеску, так называемый гражданский губернатор Транснистрии, военный преступник — *т. II*, с. 503, 504; *т. III*, с. 510—513; *т. VII*, с. 635
- АЛЕКСИЙ — митрополит, а впоследствии патриарх Московский и всея Руси — *т. III*, с. 593, 597—599
- АЛЕШИН Ф. П. — жертва гитлеровских злодеяний — *т. IV*, с. 330
- АЛИБЕКОВ КУЛИ-ЗАДЕ — воин Советской Армии, замученный гитлеровцами в Феодосии — *т. III*, с. 16
- АЛИСТЕР ДЖЕМС МАК — матрос рыболовного тральщика, потопленного пиратами Деница, — *т. IV*, с. 845
- д'АЛКУЭН ГЮНТЕР — штандартенфюрер СС, один из приближенных Гимmlера, редактор официальной газеты эссовцев «Дас шварце кор» («Черный корпус») — *т. V*, с. 572; *т. VI*, с. 102, 103, 106, 107, 112, 125, 141
- АЛЛЕН РОДЖЕР — сотрудник британского министерства иностранных дел — *т. V*, с. 773, 774
- АЛМЕНДИНГЕР КАРЛ — гитлеровский генерал, командовал 17-й армией — *т. VI*, с. 282
- АЛОНЗО МАРИ — узница гитлеровского концлагеря, замучена в Освенциме — *т. IV*, с. 397
- АЛФЕРОВ — шахтер, расстрелян гитлеровскими захватчиками — *т. IV*, с. 133
- АЛЬБАТ — начальник гестапо в Дюссельдорфе — *т. VI*, с. 483
- АЛЬБЕДИЛЛ — майор генерального штаба, помощник германского военного атташе в Хельсинки в период подготовки военного нападения на СССР — *т. II*, с. 512, 660, 661
- АЛЬБЕР — штурмбаннфюрер СС, в период гитлеровской оккупации Латвийской ССР в качестве начальника полиции Резекнеского уезда совершал чудовищные злодеяния — *т. IV*, с. 106
- АЛЬБРЕХТ — капитан 3-го ранга (впоследствии адмирал), участник совещания у Гитлера 23 мая 1939 г., на котором обсуждалась подготовка нападения на Польшу, — *т. I*, с. 619
- АЛЬБРЕХТ РАЛЬФ — *т. I*, с. 90, 672, 676; *т. II*, с. 751—758; *т. IV*, с. 737—745; *т. VI*, с. 8, 57
- АЛЬГЯ-ПАПП ЗОЛТАН — полковник генерального штаба, начальник штаба группы венгерских войск, сформированной для нападения на СССР, — *т. II*, с. 671
- АЛЬТЕН — немецкий социал-демократ, депутат рейхстага, убит в гитлеровском концлагере — *т. I*, с. 766, 770

- АЛЬТЕНБУРГ — гитлеровский дипломат, возглавлял подотдел «IV» (Чехословакия) в политическом отделе министерства иностранных дел в 1938—1939 гг., а в дальнейшем — руководитель отдела информации МИД — *т. II*, с. 224, 291, 384, 394
- АЛЬТЕРМАН — полковник гитлеровской армии, военный преступник — *т. IV*, с. 50
- АЛЬТФЕЛЬДТ — главный инженер немецкой фирмы «Дортмундер Унион», принимавший непосредственное участие в злодеяниях фашистских оккупантов в Донбассе — *т. IV*, с. 54, 65
- АЛЬФИЕРИ — итальянский посол в гитлеровской Германии — *т. V*, с. 84, 93
- АММАН МАКС — рейхслейтер, один из приближенных Гитлера и издатель «Майн кампф», президент имперской палаты печати — *т. I*, с. 669; *т. IV*, с. 880
- АНГЕЛИС МАКСИМИЛИАН — гитлеровский генерал, командовал 2-й бронетанковой армией — *т. VI*, с. 282
- АНДРЕАС — гитлеровский генерал — *т. III*, с. 86
- АНИКЕЕВ ЕМЕЛЬЯН — жертва гитлеровских захватчиков — *т. IV*, с. 333
- АНИСИМОВ — профессор, умерщвлен гитлеровскими палачами в г. Минске — *т. IV*, с. 84
- АНТОНЕСКУ ИОН — маршал, военно-фашистский диктатор Румынии в 1940—1944 гг.; возглавляемая им клика совершила тягчайшие преступления против мира и человечества, против румынского народа; 1 июня 1946 г. казнен по приговору Народного суда Румынской Республики в Бухаресте — *т. I*, с. 475—477, 495; *т. II*, с. 497, 498, 500—510, 583, 685—719; *т. III*, с. 510—513, 553, 794; *т. VII*, с. 358, 443, 628, 630, 632
- АНТОНЕСКУ МИХАИ — военный преступник, бывший вице-премьер-министр, министр иностранных дел и министр пропаганды Румынии — *т. II*, с. 497, 500, 501, 690, 691—693; *т. III*, с. 511, 512; *т. VII*, с. 628
- АППЕНРОДТ — военный преступник, в качестве заместителя гебитскомиссара совершал злодеяния на временно оккупированной гитлеровцами территории Литовской ССР — *т. IV*, с. 122
- АРАШКЕВИЧ — жертва злодеяний гитлеровцев в Катынском лесу — *т. III*, с. 162, 187
- АРЕРХАНД МАУРИЦИЙ — профессор права, жертва злодеяний гитлеровцев в г. Львове — *т. IV*, с. 67
- АРИМОНД — подполковник, помощник германского военного атташе в Венгрии — *т. II*, с. 517, 518, 672
- АРМИН ЮРГЕН — генерал-полковник гитлеровской армии, командовал 5-й бронетанковой армией — *т. VI*, с. 282
- АРНС Ф. — подполковник гитлеровской армии, участник злодеяний фашистов в Катынском лесу — *т. III*, с. 69, 163; *т. VII*, с. 613
- АРТЕМЬЕВА УСТИНЬЯ — жертва фашистских захватчиков — *т. IV*, с. 620
- АРТШВАГЕР — гестаповец в звании оберштурмфюрера СС, участник тягчайших злодеяний против литовского народа — *т. IV*, с. 123
- АРЧБОЛД — автор широко распространенного в Англии труда по уголовному процессу, вышедшего впервые в 1822 году; в дальнейшем эта книга десятки раз переиздавалась и после смерти автора — *т. I*, с. 266

- АСКЕРОВ МУСТАФА — воин Советской Армии, замученный гитлеровцами в Феодосии, — *т. III*, с. 16
- АСМАН КУРТ ВИКТОР — гитлеровский адмирал, официальный историк военно-морских сил Германии — *т. I*, с. 391; *т. II*, с. 436, 438, 439; *т. V*, с. 255—259, 280, 786, 787; *т. VII*, с. 77, 325, 351
- АСТЕР — группенфюрер СС, участник чудовищных злодеяний на территории Эстонской ССР — *т. IV*, с. 135
- АТРОХОВ — узник гитлеровского лагеря уничтожения на Майданеке в Люблине — *т. III*, с. 216; *т. IV*, с. 377, 383
- АТТОЛИКО БЕРНАРДО — итальянский посол в Берлине — *т. II*, с. 267, 268; *т. V*, с. 52
- АТТРТОН ГЕНРИ — *т. I*, с. 90; *т. II*, с. 843—849
- АУМЕЕР — гауптштурмфюрер СС, комендант одного из лагерей в Освенциме, участник чудовищных злодеяний гитлеровцев — *т. IV*, с. 369
- АУЭР — гестаповец, участник злодеяний гитлеровцев на территории Литовской ССР — *т. IV*, с. 123
- АШ Ф. Г. — узник Яновского лагеря — *т. III*, с. 45, 213; *т. IV*, с. 69
- АШЕНЦО — итальянский офицер, расстрелянный гитлеровцами в г. Львове в числе других военнослужащих итальянской армии после падения Муссолини, — *т. IV*, с. 78
- БААС — лейтенант гитлеровской армии, военный преступник — *т. IV*, с. 63
- БАБЕЛЬ ЛЮДВИГ — немецкий адвокат (в адвокатуру вступил в 1909 году), на Нюрнбергском процессе защищал организации СС и СД — *т. I*, с. 93, 207; *т. IV*, с. 153, 469—471; *т. VII*, с. 309, 560
- БАБОР — врач-фашист, производил в концлагере Дахау бесчеловечные опыты над заключенными — *т. IV*, с. 448
- БАЗЕО ЛЕОН — бельгийский гражданин, погиб в гитлеровском концлагере — *т. IV*, с. 374
- БАЗИЛЕВСКИЙ БОРИС — профессор астрономии, свидетель злодеяний гитлеровцев в Катынском лесу — *т. III*, с. 164—169; *т. VII*, с. 233
- БАЙГС КАРЛ — палач, сообщник Ильзы Кох — жены коменданта гитлеровского концлагеря Бухенвальд — *т. IV*, с. 310
- БАЙЕР ЭРНСТ — один из главарей гитлеровских штурмовиков, оберфюрер, автор брошюры «СА» — *т. VI*, с. 85, 92, 93, 597, 598, 711
- БАКИ — статс-секретарь министерства внутренних дел в правительстве Хорти, военный преступник, после освобождения Венгрии казнен по приговору Народного суда Венгерской Республики — *т. IV*, с. 722
- БАККЕ ГЕРБЕРТ — статс-секретарь министерства продовольствия и сельского хозяйства; один из подручных Геринга по «четырёхлетнему плану»; начиная с 1940 года активный участник подготовки нападения на СССР и разграбления его экономики, уполномоченный специального штаба «Ольденбург» по продовольствию и сельскому хозяйству — *т. II*, с. 80, 541, 542, 545, 552, 572; *т. III*, с. 14, 15, 209, 428, 504, 714, 752; *т. V*, с. 74, 164; *т. VI*, с. 706; *т. VII*, с. 576, 629
- БАЛК GERMAN — гитлеровский генерал, командовал 4-й бронетанковой армией — *т. VI*, с. 282
- БАЛАХОВСКИЙ АЛЬФРЕД — руководитель одной из лабораторий Пастера в Париже, был арестован гитлеровцами и содержался в подземном лагере Дора, где производили самолеты-снаряды («Фау-1» и «Фау-2»), а затем в Бухенвальде — *т. IV*, с. 426—431; *т. VII*, с. 606, 682

- БАЛЛАС ВАЛЬТЕР — немецкий адвокат (в адвокатуру вступил в 1921 году), юрисконсульт многих промышленных концернов Рура, на Нюрнбергском процессе был одним из защитников Густава Круппа — *т. I*, с. 93
- БАНДЕРА СТЕПАН — фашист, главарь украинских националистов, платный агент гитлеровской разведки, злейший враг украинского народа; организатор тягчайших злодеяний против народов СССР, после разгрома гитлеровцев проживал в Западной Германии. В 1959 году в связи с расследованием кровавых преступлений аденауэровского министра Теодора Оберлендера, из-за боязни разоблачений, был отравлен своими сообщниками — *т. II*, с. 492, 644
- БАНСЕ — генерал гитлеровской армии, военный преступник — *т. IV*, с. 122
- БАНУР — министерский-диригент гитлеровского министерства путей сообщения — *т. II*, с. 78
- БАР — унтершарфюрер СС, гитлеровский палач — *т. IV*, с. 132
- БАРБАРОССА ФРИДРИХ — император так называемой «Священной Римской империи» (1152—1190 гг.). Совершил ряд завоевательных походов — *т. II*, с. 636
- БАРБЕРИН — немецкий финансовый эксперт в Греции в период ее оккупации гитлеровцами — *т. III*, с. 397
- БАРГЕН — старший препаратор Данцигского анатомического института, в котором фашистские изуверы организовали массовое производство мыла из человеческого жира — *т. III*, с. 315; *т. IV*, с. 545—548, 551, 553, 554
- БАРДОШИ Л. — с января 1941 года министр иностранных дел, а с 3 апреля 1946 г. премьер-министр Венгрии; втянул Венгрию в войну против СССР на стороне фашистской Германии; военный преступник, казнен в 1946 году по приговору Народного суда Венгерской Республики — *т. II*, с. 518, 671, 672, 683, 684
- БАРРЕТ Р. — лейтенант, сотрудник Главного обвинителя от США на Нюрнбергском процессе — *т. I*, с. 556
- БАРРИНГТОН Дж. ХАРКУРТ — *т. I*, с. 90, 651—662; *т. II*, с. 808, 809, 850—855
- БАРТА КАРОЛЬ — венгерский фашист, генерал-полковник, в 1938—1942 гг. военный министр Венгрии; в декабре 1940 года вел в Берлине переговоры с Кейтелем о совместной войне против СССР — *т. II*, с. 514, 515, 518, 519, 604, 664, 667, 668, 670, 671, 678—684
- БАРТЕЛЬ КАЗИМИР — крупный ученый, профессор Львовского политехнического института, убит гитлеровскими палачами — *т. III*, с. 245; *т. IV*, с. 67, 68
- БАСТИАНИНИ АЛЬФРЕДО — офицер итальянской армии, расстрелян в г. Львове гитлеровцами после падения режима Муссолини — *т. IV*, с. 78
- БАУМЕРТ — один из подручных Гимmlера, штандартенфюрер СС, военный преступник — *т. IV*, с. 481
- БАХ-ЗЕЛЕВСКИЙ ЭРИХ — обергруппенфюрер СС и генерал войск СС, гитлеровский палач, руководил борьбой с партизанами на оккупированных территориях Советского Союза и Польши — *т. I*, с. 504; *т. II*, с. 19; *т. III*, с. 351—368, 614, 615; *т. IV*, с. 601; *т. V*, с. 37, 149; *т. VI*, с. 146, 149, 266, 267, 608; *т. VII*, с. 58, 397, 576, 577, 605, 636
- БАХМАН — фельдфебель гитлеровской армии, военный преступник — *т. IV*, с. 106

- БАХМЕЙЕР — эсэсовский палач, один из комендантов гитлеровского концлагеря Бухенвальд — *т. IV*, с. 443; *т. V*, с. 131, 135
- БЕГЕ ЭРЕНФРИД — гитлеровский генерал, командовал 18-й бронетанковой армией — *т. VI*, с. 283
- БЕГОРОВА ЕКАТЕРИНА — жертва злодеяний гитлеровцев — *т. III*, с. 269
- БЕЙЛЬ АЛЬБЕРТ — один из подручных Розенберга по так называемому министерству восточных оккупированных областей — *т. III*, с. 774
- БЕК — заместитель уполномоченного полиции безопасности и СД района Ровно, военный преступник — *т. VI*, с. 178—180
- БЕК ЛЮДВИГ — генерал-полковник гитлеровской армии, в 1934—1938 гг. начальник генерального штаба сухопутных сил Германии, участник «генеральского заговора» 20 июля 1944 г., — *т. I*, с. 750; *т. II*, с. 31; *т. VI*, с. 281, 522, 532, 544, 658, 674; *т. VII*, с. 661
- БЕК ЮЗЕФ — реакционный польский политический деятель, один из главрей фашистской клики пилсудчиков, в 1932—1939 гг. министр иностранных дел Польши — *т. I*, с. 369; *т. II*, с. 330, 332—334, 347, 779, *т. V*, с. 64, 65, 605, 629
- БЕКЕ — представитель фирмы «Отто», которая в период гитлеровской оккупации Донбасса занималась разграблением и разрушением Енакиевского металлургического завода — *т. IV*, с. 59, 65
- БЕКЕЛЬ — немецкий врач, участвовал в истреблении советских военнопленных — *т. III*, с. 31
- БЕКЕР — генерал-майор, преемник генерала Томаса на посту начальника управления экономики и вооружения верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии — *т. II*, с. 633, 667
- БЕКЕРТ — командир 304-го полицейского батальона, участник истребления советских людей и других злодеяний гитлеровцев в г. Киеве — *т. IV*, с. 50
- БЕКИНГ — штандартенфюрер СС, участвовал в злодеяниях гитлеровцев на территории Эстонской ССР — *т. IV*, с. 135
- БЕККЕР — унтерштурмфюрер СС из главного имперского управления безопасности, фашистский палач, изобретатель «душегубок» («газвагенов»), широко применяемых гитлеровскими злодеями для уничтожения мирных граждан, в особенности женщин, стариков и детей, — *т. I*, с. 306, 485, 486; *т. IV*, с. 641, 642, 670; *т. VI*, с. 176, 177, 705
- БЕККЕР — так называемый генеральный комиссар Белоруссии, гитлеровский палач — *т. IV*, с. 90, 91
- БЕККЕР — капитан инженерных войск голландской армии, участник переговоров о капитуляции — *т. II*, с. 124; *т. III*, с. 321
- БЕККЕР — фельдфебель, гитлеровский палач, истреблял военнопленных в «Гросс-лазарете» Славута — *т. III*, с. 51
- БЕККЕР — капитан гитлеровской армии, комендант лагеря военнопленных, военный преступник — *т. III*, с. 49
- БЕКМАНН — военный преступник, участник тягчайших преступлений против литовского народа — *т. IV*, с. 122
- БЕКУ — помощник начальника Даугавпилского отделения гестапо, гитлеровский палач — *т. IV*, с. 106
- БЕЛИНДОРФ — главный врач немецкого военного госпиталя, принимал участие в злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Сталино — *т. III*, с. 355; *т. IV*, с. 56, 65
- БЕЛОВ В. КЛАУС — капитан (впоследствии полковник), один из адъютантов Гитлера, участник секретных совещаний 23 мая 1939 г. и 27 марта

- 1941 г., на которых Гитлер излагал агрессивные планы «третьей империи» — *т. I*, с. 619
- БЕЛОЗЕНКО НИКОЛАЙ — жертва фашистских убийц — *т. III*, с. 196
- БЕЛЬКО П. — жертва фашистских захватчиков — *т. IV*, с. 141
- БЕЛЬЦ — гестаповец, участник злодеяний гитлеровцев в г. Львове и Львовской области — *т. IV*, с. 82
- БЕЛЫЙ ЧЕСЛАВ — жертва фашистских убийц — *т. IV*, с. 71
- БЕЛЯКОВ НИКИФОР — жертва фашистских убийц — *т. III*, с. 269
- БЕМ — майор гитлеровской армии, заместитель коменданта лагеря военнопленных на территории Львовской области, военный преступник — *т. IV*, с. 82
- БЕМ ГЕРМАН — гитлеровский адмирал флота, командовал германскими военно-морскими силами в Норвегии — *т. V*, с. 793; *т. VI*, с. 288; *т. VII*, с. 344
- БЕМ ГЕОРГ — немецкий адвокат (вступил в адвокатуру в 1929 году), служил в армии с 1940 года до конца гитлеровского рейха, на Нюрнбергском процессе защищал СА — *т. I*, с. 93; *т. VI*, с. 424—431, 711; *т. VII*, с. 309
- БЕМЕ — австрийский полковник генерального штаба, руководил военной разведкой и контрразведкой; после «аншлюсса» — генерал гитлеровской армии, командовал 2-й бронетанковой армией на Балканах и 20-й армией в Норвегии — *т. II*, с. 92; *т. VI*, с. 283
- БЕМКНЕР — подручный Зейсс-Инкварты, соучастник его преступлений против голландского народа — *т. V*, с. 850
- БЕНГАЖ ВЛАДИСЛАВ — польский следователь, собравший доказательства об истреблении гитлеровцами 34 тысяч женщин, стариков и детей в специально созданном лагере уничтожения в Хелмно — *т. IV*, с. 36
- БЕНДЕР — тайный советник, руководящий работник гитлеровского министерства финансов — *т. II*, с. 78
- БЕНДЕР — эсэсовский врач лагеря Бухенвальд, военный преступник — *т. IV*, с. 507
- БЕНДТ КАРЛ ГЕЙНЦ — сотрудник гиммлеровской «службы безопасности», военный преступник — *т. VI*, с. 513
- БЕНЕР — гестаповец, участник злодеяний гитлеровцев в Львовской области — *т. IV*, с. 82
- БЕНЕШ ЭДУАРД — в 1918—1935 гг. министр иностранных дел Чехословакии, в 1935—1938 гг. президент Чехословацкой Республики; в 1939—1945 гг. возглавлял чехословацкую буржуазную эмиграцию, действовавшую в соответствии с планами англо-американских империалистов; в 1946—1948 гг. вновь президент Чехословацкой Республики; после провала в феврале 1948 года контрреволюционного государственного переворота ушел в отставку и вскоре умер — *т. II*, с. 291, 307, 382, 395—397; *т. V*, с. 538, 539
- БЕННЕР — военный преступник, принимал непосредственное участие в разграблении картинной галереи Рижского музея — *т. IV*, с. 94
- БЕННКЕРС КРИСТОФЕЛЬ — генеральный инспектор полиции Роттердама, расстрелянный гитлеровцами как заложник, — *т. IV*, с. 175
- БЕНТИВЕНЬИ ФРАНЦ — начальник 3-го отдела центрального управления гитлеровской военной разведки и контрразведки, генерал-лейтенант — *т. II*, с. 95, 104, 486, 490, 649—651; *т. VII*, с. 632
- БЕНЦИНГ — военный преступник, участник разграбления и разрушения музеев в период оккупации г. Киева гитлеровцами — *т. IV*, с. 44, 50

- БЕНЦКЕ — гитлеровский палач, помощник коменданта лагеря-гетто в Минске — *т. IV*, с. 85, 91
- БЕППЛЕ — один из подручных Франка по управлению «генерал-губернаторством» — *т. V*, с. 720
- БЕР РИХАРД — начальник одного из лагерей Освенцима, гитлеровский палач, скрывался 15 лет в ФРГ, о его местопребывании боннские власти знали, но арестовали его только в декабре 1960 года — *т. IV*, с. 369
- БЕРАР — генерал, глава французской делегации при немецкой комиссии по выполнению условий перемирия — *т. III*, с. 331, 332
- БЕРГ — представитель гитлеровской администрации на временно оккупированной территории Литовской ССР, военный преступник — *т. IV*, с. 123
- БЕРГ — подполковник, вице-президент немецкого Красного Креста, принимал участие в преступлениях гитлеровцев — *т. IV*, с. 201
- БЕРГ — один из приближенных Гимmlера, гауптштурмфюрер СС, военный преступник — *т. IV*, с. 481, 482, 489
- БЕРГБОМ — один из руководителей управления «четырёхлетнего плана» — *т. II*, с. 77, 80
- БЕРГЕР-ВАЛЬДЕНЕГГ ЭГОН — австрийский министр иностранных дел в 1934 году — *т. II*, с. 163, 164, 852; *т. VII*, с. 524
- БЕРГЕР ГОТЛИБ — обергруппенфюрер СС, один из ближайших сообщников Гимmlера, с 1940 года до краха гитлеровской Германии — главарь центрального управления СС, ведал лагерями военнопленных, в его подчинении находилось также и управление комплектования войск СС; участник тяжчайших злодеяний против мира и человечности — *т. II*, с. 292; *т. III*, с. 82, 363, 366, 429, 662; *т. IV*, с. 793; *т. VI*, с. 96, 104, 129; *т. VII*, с. 424
- БЕРГОЛЬД ФРИДРИХ — немецкий адвокат (в адвокатуру вступил в 1926 году), служил в гитлеровской армии, на Нюрнбергском процессе защищал Бормана — *т. I*, с. 92; *т. V*, с. 876—882; *т. VII*, с. 309, 608
- БЕРЕЗНИКОВА В. М. — жертва гитлеровских палачей — *т. III*, с. 220
- БЕРЛЯНД С. Б. — свидетель злодеяний гитлеровцев в Бабьем Яру — *т. III*, с. 285; *т. IV*, с. 48
- БЕРНГАРД — генерал-лейтенант гитлеровской армии, осужден за военные преступления на временно оккупированной территории СССР — *т. III*, с. 604
- БЕРНДСЕН ИОЗЕФ — солдат гитлеровской армии, подписавший в числе других 60 военнослужащих протест против зверств гитлеровцев в отношении советских военнопленных — *т. III*, с. 47
- БЕРТОНИ — итальянский финансовый эксперт в период оккупации Греции — *т. III*, с. 397
- БЕРЬЕ (ЛОНГШАМЮ де БЕРЬЕ) РОМАН — видный юрист, жертва гитлеровцев в г. Львове — *т. III*, с. 244; *т. IV*, с. 67
- БЕССИДОН АНДРЭ — 18-летний французский юноша, зверски замученный гитлеровцами, — *т. III*, с. 328
- БЕСТ КАРЛ РУДОЛЬФ ВЕРНЕР — группенфюрер СС, «теоретик» полиции, с 1935 года подвизался на ответственных постах в гестапо, один из главарей СД, в 1942 году наместник оккупированной Дании; в 1946 году за совершенные злодеяния приговорен к смертной казни, но был помилован, а в 1951 году выпущен из тюрьмы

- и проживает в ФРГ — *т. I*, с. 297, 298; *т. IV*, с. 196, 250, 258, 259, 266; *т. V*, с. 86, 87, 551; *т. VI*, с. 468, 471, 472, 476, 483, 485, 493, 512—514, 556, 647, 682, 691, 694; *т. VII*, с. 645
- БЕХЕР КУРТ — штандартенфюрер СС, один из ближайших сообщников Гимmlера — *т. IV*, с. 723; *т. V*, с. 137, 138
- БЕШНИТТ — генерал-лейтенант, командир 254-й дивизии гитлеровской армии, военный преступник — *т. III*, с. 250
- БИДДЛ ФРЭНСИС — *т. I*, с. 87, 263, 267, 270, 645—648, 797; *т. II*, с. 437, 444, 786; *т. III*, с. 124, 140, 368; *т. VI*, с. 32, 111, 126, 171; *т. VII*, с. 307, 513, 605, 607, 612—614
- БИЛЬФИНГЕР РУДОЛЬФ — начальник полиции безопасности и СД в Кракове, один из сообщников Франка, по ходатайству защиты допрашивался 18 апреля 1946 г. в качестве свидетеля в Международном Военном Трибунале — *т. V*, с. 718
- БИНГЕЛЬ — командир роты гитлеровской армии, очевидец массовых расстрелов советских людей в районе Умани и Винницы — *т. III*, с. 48—50; *т. VII*, с. 625, 638
- БИНЕРТ РИХАРД — предатель чешского народа, «президент Чехии» при Нейрате — *т. V*, с. 552; *т. VII*, с. 254, 256
- БИНЬЯМИ ДЖИОВАНИ — итальянский офицер, расстрелян в г. Львове гитлеровцами после падения режима Муссолини — *т. IV*, с. 78
- БИРКАМП — один из гитлеровских палачей, главарь «эйнзатцгруппы Д» (преемник Олендорфа), которая истребляла мирное население оккупированных областей, — *т. IV*, с. 626, 644
- БИРКЕТТ НОРМАН — *т. I*, с. 87; *т. VII*, с. 307, 513
- БИРКЛЕ — профессор судебной медицины в Бухаресте, участник гитлеровской провокации в Катыни — *т. III*, с. 171, 176
- БИРМАН — гитлеровский палач, истреблял советских людей в Яновском лагере — *т. III*, с. 214; *т. IV*, с. 70, 82
- БИСКЕЗЕ ДОНАТО — итальянский офицер, расстрелян в г. Львове гитлеровцами после падения режима Муссолини, — *т. IV*, с. 78
- БИСМАРК ОТТО — крупный прусско-германский государственный деятель и дипломат, провел объединение Германии под главенством Пруссии; канцлер Германской империи с 1871 до 1890 года; проводил по существу враждебную России внешнюю политику, считая в то же время войну с ней чрезвычайно опасной для Германии, — *т. I*, с. 610, 658; *т. II*, с. 347, 396; *т. V*, с. 290, 420, 434
- БИТНЕР — шарфюрер СС, участник гитлеровских злодеяний на территории Львовской области — *т. IV*, с. 82
- БИЧЬ З. Е. — узник Яновского лагеря, очевидец истязаний гитлеровцами французских военнопленных, а также итальянских и чехословацких граждан — *т. IV*, с. 74
- БИШОФ — штурмбаннфюрер СС, начальник строительного бюро концлагеря Освенцим, гитлеровский палач — *т. IV*, с. 369
- БИШОФСГАУЗЕН — гитлеровский каратель, участник расстрела 2300 югославских граждан — *т. III*, с. 281
- БЛАНК МАРГАРИТА — секретарь Риббентропа, по ходатайству защиты была допрошена в судебном заседании Международного Военного Трибунала 28 марта 1946 г. — *т. I*, с. 213; *т. VII*, с. 610
- БЛАСКОВИЦ ИОГАНН — генерал-полковник гитлеровской армии, командовал армией при нападении на Польшу, а с мая 1940 года до краха

- гитлеровского режима — армейской группировкой на Западе — т. I, с. 375; т. VI, с. 227, 234, 237, 238, 247, 278, 282, 655, 659, 660
- БЛАХА ФРАНЦ** — доктор медицины, директор госпиталя в Чехословакии, был арестован гитлеровцами в 1939 году и до апреля 1945 года содержался в различных концлагерях — т. IV, с. 203, 204, 445—471, 819; т. V, с. 761; т. VII, с. 221, 605
- БЛАШКЕ** — бригаденфюрер СС, бургомистр Вены, соучастник Кальтенбрунера в тягчайших злодеяниях — т. I, с. 144—146; т. VII, с. 118
- БЛЕЙБЕК** — эсэсовский профессор, производил бесчеловечные опыты над заключенными гитлеровских концлагерей — т. IV, с. 462
- БЛОК ПЬЕР** — французский инженер, замучен гитлеровцами в Освенциме — т. IV, с. 207
- БЛОМБЕРГ ВЕРНЕР** — германский фельдмаршал, с 1933 года до 1938 года — военный министр Германии — т. I, с. 362—364, 603—605, 614, 615, 666, 731, 732; т. II, с. 13, 27, 38, 50, 59, 61, 62, 176, 177, 257, 260, 806; т. V, с. 20, 106, 227, 228, 237, 264, 269—272, 289, 296, 358—361, 440, 520, 533, 656, 657, 755, 756; т. VI, с. 59, 208—210, 224—228, 234, 239, 278, 409, 658, 659; т. VII, с. 22, 39, 145, 149, 153, 169, 178, 240, 331, 333, 435, 442, 445, 471, 479, 494, 503, 520, 522, 663, 664
- БЛОМЕ** — гитлеровский профессор, заместитель начальника имперской медицинской службы, выполнял специальные задания Геринга по подготовке бактериологического оружия — т. VI, с. 294—296
- БЛОНДИ РОЖЕР** — француз, замучен гитлеровцами в г. Львове — т. IV, с. 78
- БЛЮМ** — гестаповский палач в чине шарфюрера СС, истреблял советских людей в Яновском лагере — т. III, с. 212; т. IV, с. 82
- БЛЮМ ФИЛИПП** — эсэсовский врач, участник убийства 400 советских и польских граждан в Хадамарской лечебнице; в 1946 году осужден в Висбадене военным трибуналом — т. IV, с. 823
- БЛЮМЕНТАЛЬ ШИМОН** — жертва гитлеровских захватчиков — т. IV, с. 67
- БЛЮМЕНТРИТ ГЮНТЕР** — гитлеровский генерал, командовал 25-й бронетанковой армией — т. VI, с. 282
- БЛЮТ** — капитан гитлеровской армии, комендант лагеря «Цитадель», военный преступник — т. IV, с. 82
- БЛЯИНС** — эсэсовский палач, истреблял советских людей в Яновском лагере — т. IV, с. 82
- БЛЯНКЕ** — эсэсовский врач, непосредственный виновник истребления многих тысяч людей в лагере смерти на Майданеке — т. IV, с. 382
- БОГЕР ВИЛЬГЕЛЬМ** — обершарфюрер СС, палач Освенцима; с 1951 года проживал в ФРГ под своей фамилией и оставался безнаказанным — т. IV, с. 369
- БОДЕНШАТЦ КАРЛ** — гитлеровский генерал, ближайший помощник Геринга, военный преступник — т. I, с. 511, 512, 515, 619; т. II, с. 78, 85, 107—114, 402, 756, 860; т. III, с. 777; т. V, с. 40, 234; т. VI, с. 236; т. VII, с. 609, 665
- БОДМАН** — эсэсовский врач, оберштурмфюрер, истреблял советских военнопленных и мирных граждан на территории Эстонской ССР — т. IV, с. 131, 135
- БОЗЕ** — один из помощников Папена, в числе других был убит во время так называемой «чистки Рема» в 1934 году — т. I, с. 741, 747; т. V, с. 406, 409, 410, 414, 522, 834, 835

- БОИ-ЖЕЛЕНСКИЙ ТАДЕУШ** — профессор, польский писатель, автор многочисленных произведений; расстрелян фашистами в г. Львове — т. III, с. 243, 244; т. IV, с. 67, 68
- БОЙКО В.** — 17-летняя санитарка, погибла вместе с ранеными бойцами Советской Армии при захвате госпиталя гитлеровцами — т. III, с. 11
- БОК ТЕОДОР** — гитлеровский фельдмаршал, командовал армейскими группировками в Польше, Франции и на Восточном фронте — т. II, с. 133, 487, 652, 653; т. III, с. 352; т. IV, с. 76, 81; т. VI, с. 220, 282, 429, 660
- БОККЕЛЬБЕРГ** — военный губернатор Парижа в период гитлеровской оккупации, военный преступник — т. III, с. 570
- БОЛДУИН УИЛЬЯМ** — т. I, с. 90, 214, 716—720; т. IV, с. 803—817
- БОЛЕ ЭРНСТ ВИЛЬГЕЛЬМ** — гитлеровский гаулейтер, организатор «пятой колонны» за границей; официально занимал должность статс-секретаря и начальника отдела по делам зарубежных организаций при министерстве иностранных дел, фактически на протяжении многих лет руководил диверсионной и шпионской деятельностью нацистов за пределами Германии — т. II, с. 222, 225, 760, 797, 799; т. VI, с. 583, 585, 586; т. VII, с. 199, 609
- БОЛЕСЛАВ ХРАБРЫЙ** — польский король (1025 г.), в борьбе с так называемой Священной Римской империей отстаивал независимость Польши — т. III, с. 534
- БОЛЬМ** — врач немецкого лазарета, организатор умерщвления 800 больных Киевской психиатрической больницы — т. IV, с. 47, 50
- БОМБЕ ЛОТАР** — штандартенфюрер СС, участник злодеяний гитлеровцев на территории Эстонской ССР — т. IV, с. 135
- БОНИН БОЛЕСЛАВ** — полковник гитлеровской армии, первый офицер штаба 17-й танковой дивизии — т. VI, с. 273—275
- БОННЕ ЖОРЖ** — французский реакционный политический деятель, неоднократно занимал министерские посты; поддерживал тесные связи с гитлеровской кликой — т. IV, с. 754, 755; т. V, с. 626
- БОННУ АЛЬФОНС** — француз, замучен гитлеровцами во Львове — т. IV, с. 78
- БОРБЕ** — штабной врач, гитлеровский палач, истреблял советских военнопленных в Славуте — т. III, с. 51, 56
- БОРКМАН** — один из сотрудников Данцигского анатомического института, где гитлеровцы организовали производство мыла из человеческого жира, — т. III, с. 314, 315; т. IV, с. 545, 546
- БОСС** — гестаповский палач, участник злодеяний гитлеровцев на территории Краснодарского края — т. IV, с. 605, 613, 614
- БОТМАН** — эсэсовский врач, истреблял заключенных гитлеровских концлагерей — т. III, с. 303; т. IV, с. 132
- БОШ КАРЛ** — один из руководителей правления крупнейшего химического концерна «И. Г. Фарбениндустри», участник совещания группы промышленных и финансовых магнатов, на котором решался вопрос о передаче власти Гитлеру, — т. I, с. 794; т. II, с. 13
- БОЭР** — шарфюрер СС, участник злодеяний гитлеровцев на территории Львовской области — т. IV, с. 82
- БРАЗАУСКАС** — жертва гитлеровских захватчиков — т. IV, с. 115
- БРАЙСОН БРЭДИ** — т. I, с. 90, 663—667
- БРАМ** — зондерфюрер, эсэсовский палач, истреблял советских людей в период немецко-фашистской оккупации Смоленска — т. III, с. 28

- БРАМБАУЭР — гитлеровский палач, истреблял советских людей в Яновском лагере — *т. III*, с. 214; *т. IV*, с. 70, 82
- БРАМБЕРГ — генерал-майор гитлеровской армии, комендант г. Риги, военный преступник — *т. IV*, с. 105
- БРАНД — начальник отдела комендатуры г. Вильнюса, участник фашистских злодеяний — *т. IV*, с. 123
- БРАНДЕМ — начальница одного из отделений гитлеровского лагеря смерти Освенцим — *т. III*, с. 279; *т. IV*, с. 364
- БРАНДЕНБЕРГЕР ЭРИХ — гитлеровский генерал, командовал 19-й бронетанковой армией — *т. VI*, с. 283
- БРАНДТ — капитан гитлеровской армии, военный преступник — *т. IV*, с. 56
- БРАНДТ ГАНС — доктор медицины, бригаденфюрер СС, гитлеровский генеральный комиссар по боевым отравляющим веществам, один из проводников национал-социалистской программы «легкой смерти», в результате проведения которой в 1939—1940 гг. в Германии было умерщвлено свыше 275 тыс. человек, — *т. IV*, с. 483, 484, 491; *т. VI*, с. 37, 374
- БРАНДТ КАРЛ — штурмбаннфюрер СС, личный референт и сообщник Гимmlера — *т. IV*, с. 483, 485, 489; *т. VI*, с. 134
- БРАНС — заместитель шефа акционерного общества «Восток», участник злодеяний гитлеровцев на территории Сталинской области — *т. IV*, с. 56, 64
- БРАУМЮЛЕР — один из сообщников Розенберга по «Эйзатцштабу», военный преступник — *т. III*, с. 572
- БРАУН — военный преступник, участник злодеяний гитлеровцев на территории Литовской ССР — *т. IV*, с. 122
- БРАУН — крупный контрразведчик, руководитель гитлеровского разведывательного штаба «Валли-1», специально работавшего против СССР, — *т. II*, с. 491, 641
- БРАУН ОТТО — один из вождей германской социал-демократии; начиная с 1920 года (с небольшим перерывом) на протяжении 12 лет занимал пост прусского премьер-министра; вместе со своими единомышленниками — Зеверингом, Лейпартом и другими социал-предателями расчистил германскому фашизму путь к власти — *т. I*, с. 655, 672; *т. V*, с. 395
- БРАУНЕР — гитлеровский генерал, военный преступник — *т. III*, с. 262
- БРАУНШТАЙН — эсэсовка, надзирательница лагеря уничтожения на Майданеке, выделялась особой жестокостью — *т. III*, с. 216; *т. IV*, с. 377
- БРАУХИЧ ВАЛЬТЕР — гитлеровский фельдмаршал; с февраля 1938 года по декабрь 1941 года — главнокомандующий сухопутными силами Германии — *т. I*, с. 189, 376, 389, 472, 619, 737; *т. II*, с. 147, 249, 260, 261, 273—275, 313, 469, 470, 497, 534, 552, 593, 597, 598, 609—612, 635, 638, 649; *т. III*, с. 92; *т. IV*, с. 750; *т. V*, с. 164, 271, 275, 533, 788; *т. VI*, с. 63, 210, 211, 214—219, 235, 236, 239, 247, 281, 405, 536, 541, 655, 656, 658, 659, 661, 662, 668, 670, 671, 691, 730, 735, 736, 743; *т. VII*, с. 228, 352, 614, 660, 665
- БРЕДОВ — немецкий генерал; убит гитлеровцами во время так называемой «чистки Рема» — *т. I*, с. 730; *т. V*, с. 521, 522
- БРЕЙЕР — гитлеровский полковник, ведал вопросами о военнопленных в системе верховного командования вооруженных сил, военный преступник — *т. II*, с. 813; *т. III*, с. 113; *т. IV*, с. 798; *т. VI*, с. 181
- БРЕЙТИГАМ ОТТО — посланник, во время войны был представителем политического отдела гитлеровского министерства иностранных дел

- в министерстве оккупированных восточных территорий и офицером связи между этим министерством и гитлеровской ставкой; сообщник Розенберга и непосредственный виновник истребления сотен тысяч людей. До 1956 года подвизался в министерстве иностранных дел ФРГ на ответственных должностях, пока не был отозван по требованию общественности Западной Германии; в 1958 году восстановлен и назначен генеральным консулом в Гонконге — *т. II*, с. 553, 788; *т. III*, с. 441, 671; *т. V*, с. 164; *т. VII*, с. 216
- БРЕЙТШЕЙД РУДОЛЬФ — видный деятель германской социал-демократии; после прихода к власти гитлеровцев был заключен в концлагерь и там замучен — *т. I*, с. 142, 769
- БРЕМЕН — гитлеровский генерал, участник фашистских злодеяний на территории Литовской ССР — *т. IV*, с. 122
- БРЕННЕКЕ — гитлеровский генерал, принимал участие в разработке плана нападения на СССР — *т. II*, с. 597, 653
- БРИЛЬ РОБЕРТ — оберштурмбаннфюрер СС, служил на командных должностях в дивизии СС «Лейбштандарте» и в главном управлении комплектования войск СС; по ходатайству защиты допрашивался 5 августа на Нюрнбергском процессе — *т. VI*, с. 456, 555, 606, 704; *т. VII*, с. 613
- БРОДОВСКИЙ — гитлеровский генерал, палач французского народа — *т. I*, с. 435, 436; *т. III*, с. 323; *т. VI*, с. 685; *т. VII*, с. 277
- БРОДСКИЙ И. М. — очевидец массовых злодеяний гитлеровцев в Бабьем Яру — *т. III*, с. 385; *т. IV*, с. 48
- БРОЙЕР — германский посланник в Норвегии до ее оккупации гитлеровцами — *т. V*, с. 282, 283
- БРОКХАРТ СМИТ — *т. I*, с. 90; *т. IV*, с. 712—726
- БРОННИК ВЕРА — жертва гитлеровских захватчиков — *т. IV*, с. 610
- БРУ — французский педагог, замучен гитлеровцами в Освенциме — *т. IV*, с. 365
- БРУДНО ВАЛЬТЕР — *т. I*, с. 90, 680; *т. II*, с. 812, 863; *т. IV*, с. 796—802, 896; *т. V*, с. 698
- БРУКНЕР — главарь переселенческого управления в Страсбурге, штурмбаннфюрер СС — *т. VI*, с. 153
- БРУННЕР — обершарфюрер СС, помощник начальника гитлеровского концлагеря — *т. IV*, с. 105
- БРУННЕР АНТОН АЛОИЗ — гауптштурмфюрер СС, один из помощников пресловутого Эйхмана, непосредственный виновник гибели десятков тысяч людей — *т. IV*, с. 719—721
- БРЮА ЖОРЖ — видный французский ученый, погиб в гитлеровском концлагере Ораниенбург — *т. IV*, с. 207
- БРЮКМАН — фашист, нацистский крейслайтер Гнессен-Насау — *т. VI*, с. 385
- БРЮКНЕР — интендант гитлеровской армии, военный преступник — *т. IV*, с. 44, 50
- БРЮНИНГ ГЕНРИХ — немецкий политический деятель, с 1929 года лидер фракции центра в рейхстаге, был тесно связан с Ватиканом; в 1930 году сформировал правительство, которое было первым в серии переходных кабинетов от веймарского режима к фашизму; в мае 1932 года вышел в отставку, уступив место правительству Папена; после прихода к власти Гитлера эмигрировал в США — *т. I*, с. 573, 655, 677; *т. V*, с. 395; *т. VI*, с. 411, 415; *т. VII*, с. 186, 250, 316, 353

- БУА ФРАНСУА — испанец, узник гитлеровского концлагеря Маутхаузен, выступал свидетелем на Нюрнбергском процессе — *т. IV*, с. 432—439, 771; *т. VII*, с. 606
- БУАССЕ — французский генерал, убит гестапо — *т. VI*, с. 467
- БУГРОВСКИЙ — обергруппенфюрер СС, возглавлял бесчеловечные опыты над заключенными концлагеря Бухенвальд — *т. IV*, с. 428, 508, 509
- БУДЖИНСКИЕНЕ — депутат Верховного Совета СССР, расстреляна гитлеровцами в Каунасе — *т. III*, с. 293; *т. IV*, с. 112
- БУЛЕ ВАЛЬТЕР — гитлеровский генерал-майор, начальник организационного отдела генерального штаба — *т. II*, с. 603
- БУЛЕР — нацистский рейхслейтер, особо доверенный Гитлера и шеф его личной канцелярии, проводил в жизнь национал-социалистскую программу «легкой смерти» — *т. V*, с. 737; *т. VI*, с. 37, 374
- БУЛЛИТ УИЛЬЯМ — американский дипломат и журналист; в 1933—1936 гг. — американский посол в СССР, с 1936 года до 1941 года — посол во Франции; в 1942—1943 гг. — специальный помощник морского министра США; известен своими близкими связями с гитлеровцами — *т. II*, с. 177, 809
- БУЛОШ — генеральный инспектор мостов и дорог Франции, погиб в гитлеровском концлагере Бухенвальд — *т. IV*, с. 207
- БУРАНДТ — советник гитлеровского министерства экономики, участник заседания имперского совета обороны, на котором обсуждались мероприятия по подготовке нападения на Польшу, — *т. II*, с. 80
- БУРДЕНКО Н. Н. — выдающийся советский хирург, академик, главный хирург Советской Армии — *т. III*, с. 28, 30, 32, 68, 184, 186, 289; *т. VI*, с. 83, 89
- БУРЛЕТТ — профессор анатомии Гронингского университета, участвовал в гитлеровской провокации в Катynie — *т. III*, с. 172
- БУРХАРТ — обер-лейтенант гитлеровской армии, участник злодеяний гитлеровцев в г. Сталино — *т. IV*, с. 56, 65
- БУССЕ ТЕОДОР — гитлеровский генерал, командовал 9-й бронетанковой армией — *т. VI*, с. 283
- БУТТЛЕР — гитлеровский генерал, участник злодеяний против итальянского народа — *т. II*, с. 133; *т. VI*, с. 273
- БУТЦ — один из организаторов гитлеровской провокации в Катynie — *т. III*, с. 177, 179—181
- БУХ — председатель высшего партийного суда нацистской партии — *т. VI*, с. 31, 376
- БУХГОЛЬЦ ГАНС — обершарфюрер СС, участник злодеяний гитлеровцев на территории Латвийской ССР — *т. IV*, с. 106
- БУШ ЭРНСТ — гитлеровский фельдмаршал, командовал 16-й бронетанковой армией и армейской группой «Центр» — *т. II*, с. 679; *т. III*, с. 354; *т. IV*, с. 220, 274, 283
- БУШЕ ФРАНСУА — известный французский живописец (1703—1770 гг.) — *т. I*, с. 132; *т. V*, с. 89
- БУШЕНГАГЕН — полковник, а впоследствии генерал гитлеровской армии; начальник штаба германских оккупационных войск в Норвегии — *т. I*, с. 474; *т. II*, с. 511, 512, 593, 621—629, 631, 661; *т. VII*, с. 607, 630
- БУЭНЯ ДОРА — узница гитлеровского лагеря уничтожения Освенцим, жертва бесчеловечных опытов — *т. IV*, с. 31
- БЮЛЕР ИОЗЕФ — палач польского народа, ближайший сообщник Франка; начальник управления, а затем статс-секретарь так называемого

- генерал-губернаторства; в 1947 году приговорен Верховным национальным трибуналом Польской Республики к смертной казни — *т. IV*, с. 597, 692, 695, 696; *т. V*, с. 183, 711, 715, 717, 718, 720; *т. VII*, с. 199, 233, 611
- БЮРКЕЛЬ ИОЗЕФ — нацистский гаулейтер; в качестве имперского комиссара руководил фашистскими заговорщиками, подготовлявшими захват Австрии гитлеровской Германией, — *т. II*, с. 169, 180, 182, 183, 302, 303, 844, 853; *т. V*, с. 511, 604, 844; *т. VI*, с. 144, 230
- БЮРКНЕР — гитлеровский адмирал, разведчик; начальник иностранного отдела штаба верховного командования; начальник отдела разведки и заместитель Канариса — *т. II*, с. 95, 276, 630, 650; *т. III*, с. 115, 118, 120
- БЮРО ЭМИЛЬ — видный французский ученый экономист, замучен гитлеровцами в лагере уничтожения Освенцим — *т. IV*, с. 365
- ВАБЕР — врач гитлеровского лагеря уничтожения Освенцим, военный преступник — *т. IV*, с. 369
- ВАГНЕР — гитлеровский генерал-лейтенант, командир 4-й танково-гренадерской бригады «Нидерланд», военный преступник — *т. IV*, с. 129, 135
- ВАГНЕР — зондерфюрер СС, убийца советских военнопленных в г. Смоленске — *т. III*, с. 28, 225
- ВАГНЕР — гестаповец, оберфюрер СА, участник злодеяний гитлеровцев на территории Литовской ССР — *т. IV*, с. 123
- ВАГНЕР — гитлеровский адмирал, начальник оперативного отдела главного морского штаба — *т. V*, с. 289, 383, 782, 783, 794; *т. VI*, с. 219; *т. VII*, с. 116
- ВАГНЕР РОБЕРТ — нацистский гаулейтер, зверствовал в Эльзасе — *т. IV*, с. 453, 572; *т. VI*, с. 38, 696
- ВАГНЕР ЭДУАРД — генерал-квартирмейстер, ведал оперативными вопросами в верховном командовании вооруженных сил гитлеровской Германии, участник «генеральского заговора» 20 июня 1944 г. — *т. II*, с. 597, 679; *т. III*, с. 356; *т. VI*, с. 274, 541, 542, 670, 736, 737
- ВАЗИКИ — утерштурмфюрер СС, один из конструкторов «душегубки» — *т. V*, с. 135
- ВАЙГЕЛЬ КАСПАР — доктор технических наук, стал жертвой гитлеровцев в г. Львове — *т. IV*, с. 67
- ВАЙКУЛЕСКУ — генерал, губернатор Бессарабии, военный преступник — *т. III*, с. 511
- ВАЙСГАУПТ — гитлеровский генерал, командир 110-й пехотной дивизии, военный преступник — *т. IV*, с. 143
- ВАЙСС MARTIN — гауптшарфюрер СС, начальник тюрем г. Вильнюса, участник злодеяний гитлеровцев на территории Литовской ССР — *т. IV*, с. 123
- ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ МАРИ КЛОД — видный французский общественный и политический деятель; кавалер ордена Почетного легиона; 9 февраля 1942 г. была арестована полицией Петэна, а затем передана гестапо и заключена в концлагерь; содержалась в лагерях смерти Освенцим и Равенсбрюк — *т. I*, с. 511; *т. IV*, с. 204, 209, 211, 214, 394—415
- ВАКС — гитлеровский палач, комендант лагеря в Минске — *т. IV*, с. 85, 91
- ВАЛЕНТИНО АЛЬФРЕДО — итальянский офицер, расстрелян гитлеровцами в г. Львове после падения режима Муссолини — *т. IV*, с. 78

- ВАЛЕРИИ — архимандрит, наместник Киево-Печерской лавры, очевидец злодеяний гитлеровцев в г. Киеве — *т. III*, с. 258; *т. IV*, с. 47
- ВАЛЬДМАН ПАУЛЬ-ГОТЛИБ-ЛЮДВИГ — эсэсовец, очевидец массового истребления гитлеровцами советских военнопленных в Освенциме и Саксенхаузене — *т. III*, с. 32
- ВАН-ГАУЗРАН ТЕОФИЛЬ — бельгийский гражданин, замучен гитлеровцами в лагере уничтожения на Майданеке — *т. IV*, с. 374
- ВАН-ДЕР-ПАЛЬМ БЕРТУС — голландский гражданин, замучен гитлеровцами в лагере уничтожения на Майданеке — *т. IV*, с. 374
- ВАН-ДЕР-ЭССЕН — профессор института в Лувене (Бельгия), давал свидетельские показания на Нюрнбергском процессе — *т. III*, с. 369—380
- ВАНСОВИЧ МИХАИЛ — замучен гитлеровцами в Яновском лагере — *т. IV*, с. 71
- ВАРЛИМОНТ ВАЛЬТЕР — генерал-полковник, начальник отдела, а с апреля 1941 года по сентябрь 1944 года заместитель начальника штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии; палач испанского народа, командовал легионом «Кондор»; за военные преступления и преступления против человечности в 1947 году осужден к пожизненному заключению, но вскоре был помилован американцами — *т. I*, с. 189, 619; *т. II*, с. 31, 80, 147, 444, 469, 482, 483, 491, 492, 533, 548, 549, 551, 626, 630, 632—639, 642, 643, 645, 648, 682; *т. III*, с. 20—22, 24, 93, 95; *т. IV*, с. 772, 773, 807; *т. V*, с. 11, 37, 79, 80, 275, 374, 383, 385, 644, 672; *т. VI*, с. 210, 211, 215, 219, 235, 236, 244, 247, 259—261, 273, 281, 656, 670, 734; *т. VII*, с. 215, 377, 432, 489, 490, 633, 638
- ВАРЦОК ФРАНЦ — гауптштурмфюрер СС, гитлеровский палач, комендант Яновского лагеря — *т. III*, с. 213, 214; *т. IV*, с. 69, 81
- ВАСИЛИУ КОНСТАНТИН — румынский генерал, заместитель министра внутренних дел, один из сообщников Антонеску — *т. II*, с. 692; *т. III*, с. 512, 513; *т. VII*, с. 632
- ВАСИЛЕВИЧ И. А. — свидетель злодеяний гитлеровцев в г. Станиславе — *т. III*, с. 287; *т. IV*, с. 647, 648; *т. VII*, с. 638
- ВАССО ТОМ И. — французская гражданка, свидетель злодеяний гитлеровцев в г. Львове — *т. III*, с. 211, 212; *т. IV*, с. 73, 78; *т. V*, с. 326, 802; *т. VII*, с. 244, 644
- ВАСТИАНИНИ — статс-секретарь итальянского министерства иностранных дел при Муссолини — *т. V*, с. 84, 93
- ВЕБЕР ОТТО — фашистский палач, начальник гестапо в г. Микоян-Шахар в период фашистской оккупации — *т. III*, с. 277
- ВЕГШЕЙДЕР ГАНС — один из фашистских вожаков, в течение 12 лет был нацистским ортсгруппенлейтером — *т. VI*, с. 375, 381, 396, 698
- ВЕДЕЛЬ — гитлеровский генерал, возглавлял отдел прессы и пропаганды штаба оперативного руководства вооруженными силами Германии — *т. II*, с. 633, 645
- ВЕЙГАН — гитлеровский генерал-лейтенант, начальник «военно-экономической инспекции центрального фронта» — *т. III*, с. 652, 791
- ВЕЙГАН МАКСИМ — французский реакционный военный и политический деятель, один из виновников капитуляции Франции перед Гитлером; в 1920 году был официальным представителем при Пилсудском; в мае 1940 года — главнокомандующим французской армией — *т. I*, с. 327; *т. II*, с. 102, 103; *т. III*, с. 123
- ВЕЙДМАН — генерал-лейтенант, командир 41-го танкового корпуса гитлеровской армии, военный преступник — *т. IV*, с. 143

- ВЕЙРАУХ — сообщник Франка, старший административный советник управления внутренней администрации — *т. III*, с. 154, 155, 187
- ВЕЙС MARTIN — гитлеровский палач, начальник так называемой «зондеркоманды» в г. Вильнюсе — *т. IV*, с. 727—730
- ВЕЙСС ВАЛЬТЕР — гитлеровский генерал-полковник, командовал Северной армейской группировкой — *т. VI*, с. 288
- ВЕЙТ ЖАН-ФРЕДЕРИК — узник Маутхаузена — *т. III*, с. 141—144, 813; *т. VI*, с. 186, 187
- ВЕЙХС МАКСИМИЛИАН — гитлеровский фельдмаршал, командовал армейскими группировками в Польше, Франции, на Балканах и на Восточном фронте — *т. II*, с. 488, 653; *т. III*, с. 354; *т. VI*, с. 287, 660
- ВЕЙЦЗЕКЕР ЭРНСТ — гитлеровский дипломат, ближайший помощник Риббентропа; статс-секретарь министерства иностранных дел; с 1943 года посол в Ватикане; в 1947 году был осужден как военный преступник, но вскоре помилован американцами (лично Макклоем) — *т. II*, с. 224, 268—270, 289, 384, 680, 681; *т. V*, с. 247, 790; *т. VII*, с. 612, 634
- ВЕЛЕР ОТТО — гитлеровский генерал, военный преступник — *т. II*, с. 489, 654; *т. VI*, с. 288, 541
- ВЕЛЬДЕ РОБЕРТ — видный голландский юрист, расстрелян гитлеровцами — *т. IV*, с. 175
- ВЕЛЬТЖЕН — гитлеровский полковник, один из помощников Геринга — *т. III*, с. 462—467
- ВЕНК ВАЛЬТЕР — фашистский генерал, особо доверенное лицо Гитлера, ныне возглавляет в ФРГ акционерное общество «Ферро-сталь» — *т. VI*, с. 273, 288
- ВЕНКЕ — гестаповец, истреблял советских людей в Яновском лагере — *т. III*, с. 214; *т. IV*, с. 70, 82
- ВЕНЦЕЛЬ — гауптшарфюрер СС, гитлеровский палач — *т. III*, с. 58, 59
- ВЕРМАН Э. — гитлеровский дипломат, директор политического отдела и статс-секретарь министерства иностранных дел в 1938—1943 гг.; один из ближайших помощников Риббентропа; в 1947 году осужден как военный преступник, но вскоре был помилован американцами — *т. II*, с. 289, 290, 298; *т. VII*, с. 67
- ВЕРТ ГЕНРИК — генерал пехоты, начальник королевского венгерского генерального штаба, военный преступник — *т. II*, с. 514, 516—519, 598, 604, 664, 668—671, 673, 674, 677, 683, 684
- ВЕСТГОФ АДОЛЬФ — гитлеровский генерал, начальник общего отдела управления по делам военнопленных; военный преступник — *т. I*, с. 517; *т. III*, с. 79, 787; *т. V*, с. 595, 675; *т. VII*, с. 101, 610, 624
- ВЕХТЕР — немецкий губернатор «дистрикта Галиции», гитлеровский палач — *т. IV*, с. 69, 81, 596
- ВИДЕМАН ФРИЦ — адъютант Гитлера в 1935—1939 гг.; германский генеральный консул в Сан-Франциско в 1939—1941 гг. — *т. V*, с. 51
- ВИДМАН — эсэсовский врач, испытывал на заключенных действие отравленных пуль; гитлеровский палач — *т. VI*, с. 137
- ВИЗЕ ФРИДРИХ — гитлеровский генерал, командовал 35-м корпусом, а затем 19-й армией; военный преступник — *т. IV*, с. 143; *т. VI*, с. 288
- ВИЛЛИ ГАРОЛЬД — *т. I*, с. 88, 98; *т. VII*, с. 307
- ВИЛЛИНГ КАРЛ — гитлеровский врач, участвовал в убийстве 400 человек — *т. IV*, с. 823

- ВИЛЬГАУЗ ГУСТАВ — оберштурмфюрер СС, комендант Яновского лагеря, фашистский палач — *т. III*, с. 212—214; *т. IV*, с. 69, 70, 81
- ВИЛЬСОН ВУДРО — американский реакционный политический деятель, президент США в 1913—1921 гг. — *т. III*, с. 534; *т. V*, с. 599, 601; *т. VI*, с. 619
- ВИЛЬЯМС — полковник армии США — *т. II*, с. 110—113
- ВИНТЕР АВГУСТ — гитлеровский генерал-лейтенант, заместитель начальника штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил — *т. V*, с. 245; *т. VI*, с. 280, 289
- ВИНЦ — гестаповец, палач из «зондеркоманды СС 10-А», истреблял советских граждан на территории Ставропольского и Краснодарского краев — *т. IV*, с. 605, 613
- ВИРОВ — гитлеровский генерал; комендант г. Киева, военный преступник — *т. IV*, с. 50
- ВИРТ — комиссар уголовной полиции, уполномоченный Гитлера по умерщвлению душевнобольных в Германии; главарь особых отрядов и ряда лагерей уничтожения — *т. VI*, с. 456, 486, 487
- ВИРТС (ВИРЦ) — главный врач лагеря смерти Освенцим, организатор экспериментов над заключенными, гитлеровский палач — *т. IV*, с. 356, 357, 369
- ВИСЛИЦЕНИ ДИТЕР — гауптштурмфюрер СС, нацистский советник при фашистском правительстве Словакии, гитлеровский палач, помощник пресловутого Эйхмана — *т. IV*, с. 301, 712—726; *т. V*, с. 718; *т. VI*, с. 486, 487, 518; *т. VII*, с. 560, 605
- ВИТИНГОФФ ГЕНРИХ — гитлеровский генерал-полковник, командовал 15-й армией на Западном фронте и 10-й армией в Италии — *т. II*, с. 130; *т. VI*, с. 287
- ВИТТОН ДЖОН — английский солдат, очевидец преступлений гитлеровцев в так называемом Данцигском анатомическом институте — *т. III*, с. 315; *т. IV*, с. 550—552
- ВИТЦЛЕБЕН ЭРВИН — гитлеровский фельдмаршал, командовал 1-й армией, участник «генеральского заговора» 20 июля 1944 г. — *т. VI*, с. 288
- ВОЛТЕР — эсэсовский врач, военный преступник — *т. IV*, с. 447, 449
- ВОЛЧКОВ А. Ф. — *т. I*, с. 87; *т. VII*, с. 307, 513
- ВОЛЬДЕМАРАС АУГУСТИНАС — один из лидеров руководимой Сметоной фашистской партии таутининков (см. *т. II*, с. 857) — *т. II*, с. 778
- ВОЛЬТАТ Б. — заместитель Шахта в бытность последнего генеральным уполномоченным по военной экономике, один из подручных Геринга — *т. II*, 784; *т. VII*, с. 519
- ВОЛЬФ ГАНС ГЕЛЬМУТ — штурмфюрер СС, начальник отдела «IV-B-2а» гестапо, военный преступник — *т. VI*, с. 184
- ВОЛЬФ КАРЛ — обергруппенфюрер СС, генерал войск СС, начальник штаба Гимmlера, офицер связи войск СС в ставке Гитлера, а с сентября 1943 года высший руководитель СС в Италии; после краха гитлеровской Германии содержался в Нюрнбергской тюрьме, допрашивался в связи с процессом «И. Г. Фарбениндустри» — *т. I*, с. 189, 311; *т. III*, с. 788; *т. IV*, с. 488, 529, 530; *т. VI*, с. 134, 137
- ВРТОК ДАНЕГГЕР — гитлеровский палач, помощник пресловутого Эйхмана — *т. IV*, с. 301
- ВЫСОЦКИЙ — бригаденфюрер СС, руководитель СС и полиции Литвы, гитлеровский палач — *т. IV*, с. 122

- ВЮСТЕНГАГЕН — гитлеровский генерал-лейтенант, командир 256-й пехотной дивизии, военный преступник — *т. IV*, с. 91
- ГАЗЕ К. — гитлеровский генерал-лейтенант, комендант Берлина, участник «генеральского заговора» 20 июля 1944 г. — *т. II*, с. 679, 680, 682; *т. VI*, с. 283
- ГААЛЬ (ЛЕ ГААЛЬ) — муниципальный советник в Париже, казнен гитлеровцами — *т. IV*, с. 181
- ГААСЕ ВИЛЬГЕЛЬМ — гитлеровский генерал, военный преступник — *т. IV*, с. 126; *т. VI*, с. 284
- ГАБИХТ ТЕОДОР — фашистский вожак, ландеслейтер в Мюнхене; один из организаторов убийства Дольфуса; доверенный Гитлера в Австрии в период подготовки так называемого «аншлюсса» — *т. II*, с. 160; *т. V*, с. 416—418, 524—526; *т. VII*, с. 74
- ГАВЕЛКА — в период гитлеровской оккупации Чехословакии состоял начальником канцелярии «президента», а затем министром транспорта — *т. V*, с. 554; *т. VII*, с. 256
- ГАВЛИК ГАНС — немецкий юрист, был прокурором в Бреслау, член нацистской партии с 1933 года, с 1939 года до 1945 года служил в гитлеровской армии, последний чин — подполковник; на Нюрнбергском процессе выступал в защиту СД — *т. I*, с. 93; *т. VI*, с. 496—519; *т. VII*, с. 309
- ГАЙНЕ — штурмфюрер СС, начальник следственной части Яновского лагеря; гитлеровский палач — *т. III*, с. 212, 213; *т. IV*, с. 69, 81
- ГАЛИФАКС ЭДУАРД ФРЕДЕРИК ВУД (лорд ИРВИН) — английский реакционный государственный деятель; проводил политику сговора с фашистскими агрессорами — *т. II*, с. 190, 310, 312, 359, 401—404, 406, 409, 416; *т. V*, с. 47, 590, 626
- ГАЛЬДЕР ФРАНЦ — гитлеровский генерал-полковник, с сентября 1938 года до сентября 1942 года начальник генерального штаба сухопутных сил — *т. I*, с. 189, 472, 474, 619, 791; *т. II*, с. 80, 133, 147, 249, 271, 274, 488, 489, 514, 516, 532, 534, 592, 594, 597, 598, 601, 604, 609—612, 614, 617, 621—623, 626, 649, 653, 654, 664, 667, 668, 673, 674, 679, 680, 682; *т. III*, с. 19—22; *т. V*, с. 18, 275, 384; *т. VI*, с. 211, 213—215, 219, 233, 247, 281, 655, 656, 659; *т. VII*, с. 207, 637, 638, 663, 665
- ГАЛЬТЕРМАН — высший руководитель СС и полицейфюрер на оккупированной территории УССР, гитлеровский палач — *т. IV*, с. 40, 50
- ГАМАНН — гитлеровский генерал-майор, военный комендант г. Орла; за совершенные военные преступления казнен по приговору военного трибунала — *т. III*, с. 604, 609
- ГАН — гестаповский офицер, истреблял советских граждан на территории Львовской области и Краснодарского края — *т. IV*, с. 82, 605, 611, 613, 614
- ГАНЗ — майор американской армии, сотрудник аппарата Главного обвинителя от США на Нюрнбергском процессе — *т. V*, с. 208
- ГАНЗЕН ХРИСТИАН — генерал от кавалерии гитлеровской армии; руководитель германской военной миссии в Бухаресте; активный проводник планов фашистских заговорщиков — *т. II*, с. 497, 501, 505, 506, 593, 603, 694, 697, 711—717
- ГАНКЕ — эсэсовский врач при лагере № 133; участвовал в умерщвлении 35 тысяч человек — *т. IV*, с. 117, 123
- ГАРМ — бригаденфюрер СС, начальник полиции Литвы в период фашистской оккупации, военный преступник — *т. IV*, с. 122

- ГАРПЕ ИОЗЕФ — гитлеровский генерал-полковник, командовал 4-й и 9-й бронетанковыми армиями и Северной армейской группой — *т. IV*, с. 143; *т. VI*, с. 283
- ГАРРИС СЭМУЭЛ — *т. I*, с. 90, 641—643; *т. III*, с. 432—441; *т. IV*, с. 780—795; *т. VI*, с. 167, 261
- ГАУС ФРИДРИХ — немецкий юрист и дипломат, начальник юридического отдела гитлеровского министерства иностранных дел, а с 1943 года — чиновник по особым поручениям в ранге посла при Риббентропе — *т. I*, с. 212; *т. II*, с. 584
- ГАУСГОФЕР (ГАУСХОФЕР) КАРЛ — один из гитлеровских «теоретиков», проповедник пресловутой геополитики; возглавлял так называемый «центр фольксдейче»; по ходатайству защиты вызывался свидетелем на Нюрнбергский процесс, но побоялся явиться на Суд и покончил жизнь самоубийством — *т. II*, с. 224, 289, 384, 765; *т. VI*, с. 145
- ГАУФФЕ — гитлеровский генерал, начальник штаба германской военной миссии в Румынии — *т. II*, с. 593
- ГАХА ЭМИЛЬ — после мюнхенского сговора империалистов стал президентом Чехословацкой республики; 15 марта 1939 г. подписал позорный документ о ликвидации независимости Чехословакии; за свое предательство был оставлен Гитлером президентом в «протекторате Богемия и Моравия» и верно служил гитлеровцам — *т. I*, с. 368; *т. II*, с. 71, 306—311, 318, 777, 828, 829; *т. V*, с. 55—59, 106, 107, 274, 553, 554, 628, 665; *т. VII*, с. 50, 75, 219, 339, 340, 346, 435, 443, 446, 503
- ГЕБАУЭР ФРИЦ — гитлеровский палач; гауптштурмфюрер СС, комендант Яновского лагеря — *т. III*, с. 213, *т. IV*, с. 69, 81
- ГЕБГАРДТ — гитлеровский профессор в чине группенфюрера СС, проводил изуверские эксперименты над военнопленными — *т. VI*, с. 297
- ГЕБЕЛЬ — химик, по поручению германских химических концернов, в частности «И. Г. Фарбениндустри», испытывал на купленных для этой цели узниках Освенцима действие разных химических препаратов — *т. IV*, с. 33, 356
- ГЕВЕЛЬ (ХЕВЕЛЬ) ВАЛЬТЕР — гитлеровский дипломат, советник германской миссии в Австрии, а впоследствии начальник личного штаба министра иностранных дел в ранге посла; после краха гитлеровского режима покончил жизнь самоубийством — *т. II*, с. 330, 399; *т. V*, с. 381, 537, 783
- ГЕЙДРИХ РЕЙНГАРД — обергруппенфюрер СС, доверенное лицо Гитлера и ближайший помощник Гимmlера; длительное время возглавлял главное имперское управление безопасности, создавал шпионско-террористические центры в Норвегии, Франции, Голландии и ряде других стран; преемник барона Нейрата на посту «протектора Богемии и Моравии», 27 мая 1942 г. казнен чешскими патриотами. Вдове Гейдриха — этого палача чешского народа, убиение сотен тысяч французских, норвежских, голландских и советских людей — боинские власти выплатили крупное пособие и назначили генеральскую пенсию, — *т. I*, с. 302, 378, 483, 484, 490, 693, 733, 738, 740—742, 744, 745, 759; *т. II*, с. 301, 352, 778, 829; *т. III*, с. 137, 234, 239, 261, 267, 518, 521, 531, 570; *т. IV*, с. 195, 313, 454, 624, 626, 627, 645, 686, 687, 689, 693, 716, 781—783, 785—787, 819, 884; *т. V*, с. 124, 127, 135, 302—306, 315, 316, 597, 679, 680, 701, 702, 800, 801, 848, 850; *т. VI*, с. 30, 48, 107, 121, 141, 161, 162, 168, 169, 174, 187, 201, 202, 466, 467, 470, 473—475, 484, 489, 511, 512, 541, 567, 579, 638, 670, 703, 714—716, 719, 736, 737; *т. VII*, с. 28, 30, 47, 65, 66, 68, 131, 142, 144, 225, 245, 264, 274, 399, 414, 416, 418, 438, 449, 485, 497, 505

- ГЕЙМ — гитлеровский полковник, начальник штаба 6-й армии — *т. II*, с. 489, 654
- ГЕЙНРИХ ГОТХАРТ — гитлеровский генерал-полковник; командовал 1-й бронетанковой армией и армейской группировкой «Висла» — *т. VI*, с. 284
- ГЕЙНРИХС АКСЕЛЬ ЭРИК — генерал-лейтенант, начальник финского генерального штаба при Маннергейме — *т. I*, с. 474, 475; *т. II*, с. 594, 605, 621—624, 626—630, 661
- ГЕЙСТ РАИМОНД — американский консул, впоследствии 1-й секретарь посольства США в Берлине с 1929 года по 1938 год — *т. I*, с. 577, 578; *т. II*, с. 7, 8; *т. VI*, с. 86; *т. VII*, с. 65
- ГЕНДЕРСОН НЕВИЛЬ — английский дипломат, посол Великобритании в Берлине в 1937—1939 гг. — *т. II*, с. 111, 310, 356—359, 361, 363—365, 403, 406—408, 411, 415, 416, 418; *т. V*, с. 591, 600, 632
- ГЕНЛЕЙН КОНРАД — главарь гитлеровской агентуры в Чехословакии, возглавлял так называемую Судето-немецкую партию, созданную по указке Гитлера; после расчленения Чехословакии был назначен Гитлером рейхскомиссаром Судетской области, а затем рейхштатгалтером имперской области «Судетенланд» — *т. I*, с. 793; *т. II*, с. 222—226, 273, 284, 286—293, 297, 300, 318, 382—384, 392, 763, 776; *т. V*, с. 48—50, 54, 55, 188, 423; *т. VI*, с. 81, 96, 144, 145, 634; *т. VII*, с. 184, 337, 440, 633, 634
- ГЕППНЕР ЭРИХ — гитлеровский генерал-полковник, командовал 4-й бронетанковой армией, имел непосредственное отношение к массовым убийствам, совершаемым «эйнзатцгруппой А»; участник «генеральского заговора» 20 июля 1944 г. — *т. VI*, с. 267, 284, 541, 542, 736; *т. VII*, с. 129, 540
- ГЕРДЕЛЕР КАРЛ ФРИДРИХ — юрист и финансист, совладелец концерна «Роберт Бош», обербургомистр Лейпцига в 1930 году, в последующие годы — имперский комиссар по контролю над ценами, в 1934 году Гитлер намеревался назначить его президентом рейхсбанка; лидер верхушечной фашистской оппозиции и «генеральского заговора» против Гитлера — *т. I*, с. 735, 746, 750; *т. VII*, с. 683
- ГЕРТНЕР ФРАНЦ — гитлеровский министр юстиции в 1933—1941 гг. — *т. I*, с. 308, 731, 740, 742, 743; *т. IV*, с. 574; *т. V*, с. 576; *т. VI*, с. 59; *т. VII*, с. 12
- ГЕРЦ — гестаповский врач, участник злодеяний фашистских захватчиков на территории Краснодарского края — *т. IV*, с. 605, 607—610, 613, 614
- ГЕРЦОГ ЖАК — *т. I*, с. 91; *т. III*, с. 81, 82, 721—769; *т. IV*, с. 767
- ГЕСЛИН — гитлеровский генерал, командир 188-й германской запасной горно-стрелковой дивизии, военный преступник — *т. III*, с. 72, 73; *т. VII*, с. 636
- ГЕСС РУДОЛЬФ ФЕРДИНАНД — в 1923 году за убийство был приговорен к 10 годам заключения; в 1933 году был назначен Гимmlером в концлагере Дахау инструктором, затем заместителем, а впоследствии комендантом Саксенхаузена. В 1940 году Гесс был переведен в Освенцим, где создал систему лагерей смерти, в которых было истреблено более четырех миллионов человек; после краха гитлеровской Германии Гесс скрывался под фамилией Ланг; в 1946 году был обнаружен и передан Польше. 2 апреля 1947 г. Верховный трибунал Польской Республики приговорил его к смертной казни, повешен на территории Освенцима — *т. I*, с. 196; *т. IV*, 369, 416—425, 718, 719, 894; *т. V*, с. 683—685, 687, 718, 737; *т. VI*, с. 456, 484, 486, 487, 609, 610, 639, 642; *т. VII*, с. 127, 128, 138, 194, 198

- ГЕШКЕ — штандартенфюрер СС, один из подручных пресловутого Эйхмана; в 1944 году возглавлял так называемую оперативную группу в Маутхаузене — т. IV, с. 723
- ГИЗЕВИУС ГАНС БЕРНД — один из крупных гестаповцев, перешедших во время второй мировой войны на службу американской разведке; был непосредственно связан с Алленом Даллесом; от имени руководства «генеральского заговора» вел переговоры о сепаратном мире с западными державами — т. I, с. 198, 723—760, 800; т. IV, с. 185, 230, 662—665, 679, 736, 766; т. VI, с. 489, 591, 592, 712; т. VII, с. 61, 143, 167, 237, 522, 611, 684, 685
- ГИЛКИСОН ВАЛЬТЕР — т. I, с. 88; т. VII, с. 307
- ГИЛЬПЕРТ КАРЛ — гитлеровский генерал, командовал 16-й армией — т. VI, с. 284
- ГИНДЕНБУРГ ПАУЛЬ — германский фельдмаршал, президент Германии в 1925—1934 гг.; ярый монархист и реакционер; один из организаторов военной интервенции против Советского государства; в Германии поддерживал монархические и фашистские организации; 30 января 1933 г. при посредничестве Папена и своего сына фашиста — Оскара Гинденбурга — официально передал власть Гитлеру — т. I, с. 292, 293, 573, 574, 650, 658, 677, 727, 747, 776, 784; т. II, с. 9, 145, 801, 850; т. V, с. 222, 223, 225, 391—394, 396, 398, 399, 401, 402, 528, 650, 666, 752, 755, 788, 839; т. VI, с. 27, 213, 277, 279, 407, 409, 410, 412, 641; т. VII, с. 183, 316, 317, 321, 652
- ГИССЛЕР — нацистский гаулейтер Мюнхена и имперский комиссар обороны — т. IV, с. 453, 459, 791—798; т. V, с. 685; т. VI, с. 482, 580
- ГЛАДИШ — официальный историк гитлеровского военно-морского флота — т. VII, с. 325, 326
- ГЛЕЙЗЕ-ХОРСТЕНАУ ЭДМУНД — фашистский вожак в Австрии; министр без портфеля и министр внутренних дел в кабинете Шушнига — т. II, с. 165, 168—170, 182—185, 190, 196, 199, 208, 679, 846, 847; т. V, с. 417, 429, 478, 531, 845; т. VI, с. 230
- ГЛИНКА — один из фашистских главарей в Словакии — т. II, с. 221, 297, 300, 303, 314; т. V, с. 153, 154
- ГЛОБКЕ ГАНС — ответственный чиновник в гитлеровском министерстве внутренних дел, комментатор нюрнбергских расистских законов, был близко связан с пресловутым Эйхманом; в 1945 году при поддержке некоторых заокеанских покровителей прошел денацификацию, вступил в тесный контакт с Аденауэром и стал его ближайшим советником; статс-секретарь ведомства боннского канцлера — т. IV, с. 242, 243
- ГЛОБОЧНИК О. — нацистский гаулейтер, один из доверенных людей Гитлера; обергруппенфюрер СС, руководитель СС и СД в г. Люблине; один из основных исполнителей чудовищного злодеяния гитлеровцев — истребления в лагере на Майданеке около полутора миллионов человек; высший руководитель СС и полиции в оперативной зоне Адриатического побережья — т. II, с. 169, 181, 183, 184; т. V, с. 473, 480, 531, 604; т. VI, с. 610, 705
- ГЛЮКС РИХАРД — один из ближайших подручных Гимmlера; бригаденфюрер СС и генерал войск СС; главный инспектор гитлеровских концлагерей — т. I, с. 309; т. III, с. 307; т. IV, с. 362, 369, 387, 393, 418, 440, 793; т. VI, с. 130, 131
- ГОБИНО Ж. — граф, крайне реакционный французский социолог, один из создателей человеконенавистнической расовой «теории» — т. VII, с. 226

- ГОЛЬЦЛЕНЕР (ХОЛЬЦЛЕНЕР) — гитлеровский профессор, производил изуверские эксперименты над заключенными Дахау — т. VI, с. 297, 298
- ГОРДОН ЯКОВ — врач, бывший узник Освенцима — т. IV, с. 354, 358, 364
- ГОССБАХ Ф. — личный адъютант Гитлера — т. I, с. 605, 606, 619, 649; т. II, с. 155, 176, 255, 259, 324; т. V, с. 268, 314, 470, 608, 630, 691, 801; т. VI, с. 228, 231, 284, 531; т. VII, с. 153, 336, 430, 442, 479, 503
- ГОТ (ХОТ) ГЕРМАН — гитлеровский генерал-полковник, командовал армией; за военные преступления был осужден на 15 лет тюремного заключения, но вскоре освобожден американцами — т. III, с. 538; т. VI, с. 220, 284
- ГОТТЕБЕРГ — бригаденфюрер СС и генерал полиции, участник тягчайших злодеяний на территории Белорусской ССР — т. IV, с. 91; т. VI, с. 149
- ГОФМАН — личный фотограф Гитлера — т. V, с. 221
- ГОФМАН — гитлеровский генерал, военный преступник; участник фашистских злодеяний в г. Мариуполе — т. IV, с. 61, 64
- ГОФМАН — оберштурмфюрер СС, фашистский палач, комендант гитлеровского лагеря смерти Освенцим, до сих пор не наказан — т. IV, с. 369, 818
- ГОФМАН АЛЬБЕРТ — нацистский гаулейтер и комиссар обороны Южной Вестфалии — т. VI, с. 33, 34, 383—385, 555, 580
- ГОФМАНН — группенфюрер СС, один из подручных Гимmlера — т. IV, с. 50, 692, 695; т. VI, с. 153
- ГРАБЕ (ГРЕБЕ) ГЕРМАН ФРИДРИХ — немецкий инженер, очевидец массовых расстрелов гитлеровцами мирного населения городов Ровно и Дубно — т. VI, с. 177—181; т. VII, с. 133, 383, 384, 400
- ГРАВИЦ — эсэсовский «профессор», возведенный в звание имперского врача СС; инспектор экспериментальных станций ведомства Гимmlера, где производились изуверские опыты над заключенными, — т. IV, с. 453, 486, 488
- ГРАУЕРТ — статс-секретарь гитлеровского министерства внутренних дел — т. I, с. 726, 728—730
- ГРЕВЕНИЦ — нацистский генерал, начальник управления по делам военнопленных верховного командования вооруженных сил — т. III, с. 23, 128, 787; т. V, с. 388; т. VII, с. 101
- ГРЕЙМ РОБЕРТ — гитлеровский фельдмаршал, командовал 6-м воздушным флотом, а с апреля 1945 года — главнокомандующий военно-воздушными силами — т. VI, с. 211, 221, 282, 289
- ГРИГОРЬЕВ Я. Г. — очевидец злодеяний гитлеровцев в деревне Кузнецово — т. IV, с. 618—620; т. VII, с. 608
- ГРИТЦБАХ (ГРИЦБАХ) ЭРИХ — один из ближайших подручных Геринга по управлению «четырёхлетнего плана», статс-секретарь — т. I, с. 677; т. II, с. 417; т. IV, с. 688; т. VI, с. 90, 91
- ГРИФФИТ-ДЖОНС ДЖ. М. ДЖ. — т. I, с. 90, 557, 704—711; т. II, с. 75, 114, 319—369, 759—771; 778, 808; т. IV, с. 746—748, 825—831; т. V, с. 186—197, 615; т. VI, с. 234, 576
- ГРОССКОПФ В. — гитлеровский дипломат в ранге «генерального консула», был назначен в 1941 году Риббентропом в качестве своего представителя в так называемом министерстве Розенберга — т. II, с. 552, 788; т. V, с. 164
- ГРОССМАН — гитлеровский генерал, военный преступник — т. IV, с. 143

- ГРОЦИИ ГУГО — голландский юрист, философ, историк; в 1725 году написал известный трактат «О праве войны и мира»; считается основоположником буржуазной теории международного права — *т. I*, с. 328, 399
- ГРЮНЕР ГУГО — нацистский чиновник в гау Баден; совместно с гестаповцем Эрихом Мейснером участвовал осенью 1944 года по приказу гаулейтера Вагнера в убийстве английских летчиков — *т. VII*, с. 160
- ГУГЕНБЕРГ АЛЬФРЕД — лидер германской национальной партии — партии крупного промышленного и аграрного капитала; входил в коалиционное правительство Гитлера — Гугенберга, играл активную роль в подготовке фашистской диктатуры — *т. I*, с. 657; *т. VII*, с. 257
- ГУДЕРИАН ГЕЙНЦ — гитлеровский генерал-полковник, с июля 1944 года до февраля 1945 года начальник генерального штаба сухопутных сил; после краха гитлеровской Германии был арестован как военный преступник, но вскоре освобожден американцами и использован в качестве консультанта Пентагона; Гудериан издал в США и ФРГ ряд книг, в которых открыто проповедует реваншизм и, фальсифицируя историю, пытается обелить гитлеровский генералитет, — *т. I*, с. 189; *т. II*, с. 31, 133; *т. VI*, с. 281; *т. VII*, с. 656, 657, 659
- ГУНШЕ — гестаповец, один из подручных Эйхмана, непосредственный участник массовых убийств — *т. IV*, с. 301
- ГЮНТЕР — гитлеровский палач, начальник тюрьмы г. Минска в период фашистской оккупации — *т. IV*, с. 672, 783
- ГЮНТЕР РОЛЬФ — штурмбаннфюрер СС, один из подручных Эйхмана, его постоянный представитель в Салониках — *т. IV*, с. 720
- ГЮРОВ — секретарь бывшего премьер-министра и одного из лидеров болгарского фашизма Богдана Филова, казненного в 1945 году по приговору Народного суда Болгарской Республики, — *т. III*, с. 171
- ДАЛЕРУС БИРГЕР* — шведский делец; агент Геринга, через которого нацисты вели переговоры с представителями влиятельных кругов Англии — *т. I*, с. 510; *т. II*, с. 103, 109, 114, 400—419; *т. V*, с. 591, 606, 631; *т. VII*, с. 41, 346, 436
- ДАЛЛЕС АЛЛЕН — руководитель центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки — *т. I*, с. 214
- ДАЛЬБРЮГГЕ — бригаденфюрер СС, особо доверенное лицо Гимmlера; нацистский палач; заместитель Шираха в качестве имперского комиссара обороны Вены — *т. V*, с. 144, 303, 315, 319, 320, 799, 803
- ДАЛЮГЕ КУРТ — один из доверенных Гитлера и ближайший соучастник Гимmlера; генерал полиции, группенфюрер СС; преемник Гейдриха в качестве «протектора Богемии и Моравии»; в 1946 году повешен как военный преступник — *т. I*, с. 691, 693, 728—731, 733, 740; *т. II*, с. 80; *т. III*, с. 503; *т. IV*, с. 37, 453, 454, 819
- ДАННЕКЕР ТЕОДОР — гитлеровский палач в чине гауптштурмфюрера СС; «уполномоченный по еврейскому вопросу» во Франции, сообщник пресловутого Эйхмана — *т. IV*, с. 255, 256; *т. V*, с. 90, 91
- ДАРРЕ РИХАРД ВАЛЬТЕР — один из преступных руководителей «третьей империи»; с 1929 года руководил нацистскими газетами, предначинными для деревни, «рейхсбауэрфюрер», а с 1933 года — министр продовольствия и сельского хозяйства — *т. II*, с. 175, 229, 818; *т. IV*, с. 118; *т. VI*, с. 67, 406
- ДЕБЕНЕ ДЕЛЬФИН — *т. I*, с. 91; *т. V*, с. 448—467

- ДЕККЕР — гитлеровский генерал, военный преступник, участник нацистских злодеяний в г. Минске — *т. IV*, с. 91
- ДЕЛЬПЕШ ГЕНРИ — *т. I*, с. 91; *т. III*, с. 485—495
- ДЕРИНГ — гитлеровский врач, производил в Освенциме изуверские опыты над заключенными — *т. IV*, с. 31, 355, 369
- ДЕРНБЕРГ — гитлеровский дипломат, в 1942 году начальник протокольного отдела министерства иностранных дел Германии — *т. II*, с. 508, 681; *т. VII*, с. 630
- ДЖЕКСОН РОБЕРТ Х. — *т. I*, с. 65, 89, 98, 101, 143, 174—176, 180, 191—193, 195—199, 201, 228—230, 234, 235, 263, 269, 270, 272, 277—340, 402, 416, 419, 457, 533, 540, 544, 552, 594, 618, 636, 645, 733, 749, 752, 797, 799; *т. II*, с. 108—113, 115—122, 142—146; *т. III*, с. 775—788; *т. V*, с. 15—20, 42, 221—241, 482—503, 579, 580, 582—584, 587, 633, 649, 651, 662, 767, 768, 771, 780, 843, 856; *т. VI*, с. 303, 330, 332—336, 339, 340, 348, 351, 353, 354, 356, 359, 360, 402, 403, 422, 442, 464, 491, 493, 550, 551, 564, 651, 653; *т. VII*, с. 7—53, 252, 264, 265, 284, 285, 308, 556, 576, 580, 602, 603, 609, 611, 655
- ДЖОНС Ф. ЭЛВИН — *т. I*, с. 90, 557, 772—776; *т. II*, с. 18—22, 433—455, 782, 804, 832—842; *т. IV*, с. 472—491, 839; *т. VI*, с. 241, 242
- ДИКС РУДОЛЬФ — немецкий адвокат, в 1912—1919 гг. — офицер колониальных войск и судья в немецких колониях; в 1932—1933 гг. — председатель ассоциации немецких юристов; на Нюрнбергском процессе защищал Шахта; в последующие годы выступал на процессах в качестве поверенного руководителя фашистской индустрии, в частности, «фюрера» военной экономики Фридриха Флика; выступал обвинителем на позорном судилище в Карлсруэ — так называемом процессе о запрещении КПП — *т. I*, с. 92, 212, 224, 229, 230, 232, 235, 521, 546, 571, 634; *т. V*, с. 763—772; *т. VII*, с. 308, 552, 558
- ДИЛЬС РУДОЛЬФ — один из организаторов гестапо, сообщник Геринга, правители ФРГ назначили ему солидную правительственную пенсию — *т. I*, с. 725, 727
- ДИНГ — гитлеровский врач в чине оберштурмфюрера СС, искусственно заразил тифом здоровых людей в Бухенвальде — *т. VI*, с. 137, 296
- ДИРКСЕН Г. — крупный помещик, гитлеровский дипломат, был послом в Москве, Токио, Лондоне — *т. III*, с. 570; *т. IV*, с. 14; *т. VII*, с. 631
- ДИТРИХ ЗЕПП — обергруппенфюрер СС, один из наиболее приближенных к Гитлеру нацистских головорезов, командовал дивизией СС «Адольф Гитлер» и 6-й танковой армией во время наступления в Арденнах; был осужден к пожизненному тюремному заключению, но в 1955 году освобожден и благоденствует в боннской республике — *т. VI*, с. 283, 447, 708; *т. VII*, с. 656
- ДИТРИХ ОТТО — статс-секретарь, ближайший сообщник Геббельса; в 1937—1945 гг. — имперский руководитель прессы — *т. II*, с. 189, 305, 306; *т. V*, с. 56; *т. VI*, с. 406; *т. VII*, с. 277, 506, 507, 526
- ДМИТРИЕВ Ю. Н. — крупный специалист в области древнерусского искусства — *т. III*, с. 547, 548, 564; *т. VII*, с. 636
- ДОДД ТОМАС — *т. I*, с. 89, 195, 200—202, 528, 538, 674; *т. II*, с. 23, 203—216; *т. III*, с. 645, 658—720, 743, 744, 760, 766; *т. IV*, с. 295—313, 445—455, 510, 525—537, 539—543, 733, 859; *т. V*, с. 122, 123, 198—209, 295—320, 323, 467—481, 696; *т. VI*, с. 124, 129, 131, 132, 176, 280, 620—653; *т. VII*, с. 264, 611, 612, 614
- ДОДД УИЛЬЯМ — профессор истории, в 1933 году был назначен Рузвельтом послом США в Германии; по возвращении в 1938 году в США Додд подвергся травле со стороны реакционных конгресс-

- менов, обвинявших его в «преждевременном антинацизме», — т. I, с. 663; т. II, с. 12, 27, 160; т. V, с. 521, 764; т. VII, с. 146, 520
- ДОЛЬФУС ЭНГЕЛЬБЕРТ** — австрийский политический деятель клерикально-католического лагеря, с 1932 года канцлер Австрии; в своей внешней и внутренней политике ориентировался на Муссолини и Ватикан; убит гитлеровскими террористами 25 июля 1934 г. — т. I, с. 142; т. II, с. 157—160, 195, 201, 752, 846, 851; т. IV, с. 781; т. V, с. 129, 416—418, 425, 468, 469, 523, 525, 526, 529, 835, 842, 865; т. VI, с. 144; т. VII, с. 74, 152, 492, 524
- ДОННЕДЬЕ де ВАБР АНРИ** — т. I, с. 87, 268, 797; т. VII, с. 307, 513
- ДОНОВАН ДЖЕЙМС БРИТТ** — т. I, с. 90, 539, 540, 541, 543
- ДОРПМЮЛЛЕР ЮЛИУС** — гитлеровский министр путей сообщения — т. II, с. 80; т. VI, с. 744
- ДОРШ** — министеральный советник, один из помощников Розенберга, военный преступник — т. III, с. 98, 99, 813; т. VII, с. 639
- ДОСТЛЕР АНТОН** — нацистский генерал, после краха гитлеровской Германии был осужден в Италии к смертной казни как военный преступник — т. VI, с. 258, 259, 606; т. VII, с. 56, 105
- ДУРКАНСКИЙ (ДУРЧАНСКИЙ) ФЕРДИНАНД** — вице-премьер-министр Словакии, предатель словацкого народа, гитлеровский агент — т. II, с. 221, 298, 302—304
- ДЮБОСТ ШАРЛЬ** — т. I, с. 91, 98, 178, 179, 191, 193, 195—198, 200, 220, 271, 546, 547; т. III, с. 81—93, 123, 131—139, 141—151, 318—336; т. IV, с. 163—215, 284—291, 394—415, 426—437, 460—462, 498—509; т. V, с. 459; т. VII, с. 164, 606
- ДЮПОН ВИКТОР** — узник Бухенвальда, давал свидетельские показания на Нюрнбергском процессе — т. IV, с. 204, 498—509
- ДЮРЛЕВАНГЕР** — нацистский палач, главарь специального подразделения карателей и профессиональных убийц — т. III, с. 357, 363, 366; т. VI, с. 149, 266
- ЕГЕР ВИЛЬГЕЛЬМ** — немецкий врач, давал на Нюрнбергском процессе свидетельские показания о бесчеловечном отношении к рабочим на заводах Круппа — т. III, с. 685, 689, 766, 767; т. V, с. 497, 856; т. VII, с. 247, 612
- ЖЕРТОФФЕР ШАРЛЬ** — т. I, с. 91; т. III, с. 453—484, 488, 568—583; т. IV, с. 216—240; т. VII, с. 573
- ЗАЙДЛ** — нацистский палач, один из подручных пресловутого Эйхмана — т. IV, с. 301
- ЗАММЕРН-ФРАНКЕНЕГГ** — высший руководитель СС и полиции в Варшаве, нацистский палач — т. V, с. 148, 150
- ЗАНДБЕРГЕР МАРТИН** — оберштурмбаннфюрер СС, доверенный Гимmlера и ближайший сотрудник Шелленберга; начальник полиции безопасности и СД в Эстонии во время гитлеровской оккупации — т. IV, с. 135; т. V, с. 141
- ЗАУТЕР ФРИЦ** — немецкий адвокат (вступил в адвокатуру в 1910 году), состоял членом нацистской партии с 1935 года по 1940 год; на Нюрнбергском процессе защищал Функа и Шираха — т. I, с. 92, 204, 512; т. II, с. 613, 614; т. IV, с. 442, 443, 463—465, 510—526; т. V, с. 751—762, 796—804; т. VII, с. 308, 598

- ЗЕВЕРИНГ КАРЛ** — один из вождей германской социал-демократии, министр внутренних дел Пруссии, а с 1928 года — министр внутренних дел общегерманского коалиционного правительства, давал свидетельские показания на Нюрнбергском процессе — т. I, с. 655, 760—777; т. V, с. 395, 404, 664; т. VI, с. 591; т. VII, с. 59, 60, 62, 67, 186, 250, 523, 612
- ЗЕЙДЛЬ АЛЬФРЕД** — немецкий адвокат (вступил в адвокатуру в 1939 году), член нацистской партии с 1938 года, служил в гитлеровской армии с 1940 года до конца «третьего рейха»; на Нюрнбергском процессе защищал Гесса и Франка — т. I, с. 92, 204, 211, 213, 214, 229, 255, 274; т. III, с. 615; т. V, с. 601—621, 708—722; т. VII, с. 175, 189, 190, 211, 232, 235, 308, 584, 609, 610, 612, 614
- ЗЕЛЬДТЕ ФРАНЦ** — фабрикант, фашист, основатель и руководитель «Стального шлема» (см. т. I, с. 793); гитлеровский министр — т. I, с. 657; т. II, с. 553; т. V, с. 770; т. VI, с. 59, 434; т. VII, с. 186, 428
- ЗИВЕРС ВОЛЬФРАМ** — штандартенфюрер СС, тесть Гимmlера и его ближайший сообщник; руководитель так называемого «Института по изучению наследственности» («Аненэрбе») — т. IV, с. 472—491; т. VI, с. 458, 555, 604, 691; т. VII, с. 600, 614
- ЗИМЕРС ВАЛЬТЕР** — немецкий адвокат, на Нюрнбергском процессе защищал Редера — т. I, с. 92, 233, 760—768; т. V, с. 292, 293, 636, 785—795, 821; т. VII, с. 32, 308, 589
- ЗОДЕНШТЕРН ГЕОРГ** — гитлеровский генерал, военный преступник — т. II, с. 597, 653, 659; т. VI, с. 287
- ЗОРИЯ Н. Д.** — т. I, с. 89, 560, 561; т. II, с. 479—527, 600, 621—625, 631—657; т. III, с. 631—657; т. VII, с. 607, 608
- ИЕШОНЕК ГАНС** — гитлеровский генерал-полковник, начальник штаба военно-воздушных сил; осенью 1943 года, после массированного налета английской авиации на остров Пеемунде, где были сосредоточены основные исследовательские работы по производству «Фау», покончил жизнь самоубийством — т. I, с. 619; т. II, с. 294; т. V, с. 275; т. VI, с. 211, 219, 232, 236, 244, 247, 282; т. VII, с. 489
- ИМРЕДИ Б.** — венгерский банкир; в 1938—1939 гг. премьер-министр, в 1944 году — министр без портфеля; организатор и руководитель фашистской партии «Венгерское обновление»; казнен в 1946 году как военный преступник — т. II, с. 268—270, 684, 775, 798, 799; т. V, с. 53
- КАЗАНОВА ДАНИЭЛЬ** — национальная героиня, организатор и руководитель «Союза девушек Франции», активный деятель Коммунистической партии Франции; в 1939 году перешла на нелегальное положение и вела борьбу против гитлеровских оккупантов и предателей французского народа; замучена нацистами в Освенциме — т. IV, с. 396, 411
- КАЛЬБАХ** — гауптштурмфюрер СС, гитлеровский палач — т. III, с. 57, 58, 60; т. VI, с. 706
- КАНАРИС ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ** — адмирал, матерый фашистский разведчик, на протяжении многих лет возглавлял гитлеровскую военную разведку и контрразведку, одновременно был американским агентом; видя, что Гитлер проигрывает войну, принял участие в «генеральском заговоре» — т. I, с. 327, 727, 744, 750, 751, 753—755; т. II, с. 93—104, 179, 182, 292, 485, 486, 490, 491, 515, 551, 633, 640—642, 645, 649—651, 667, 668, 773, 811, 829; т. III, с. 66, 105, 113—115, 118—120, 122, 123, 125; т. IV, с. 795; т. V, с. 46,

- 118, 119, 165, 166, 382, 644, 662—664, 669, 681, 770, 792; т. VI, с. 229; т. VII, с. 15, 26, 49, 98, 99, 222, 228, 274, 447, 639, 683, 684
- КАНЬЯ (КАНИА) — венгерский министр, в 1938 году входил в кабинет фашиста Имреди — т. II, с. 268—270, 677, 775; т. V, с. 53
- КАПЛЕР — оберштурмбаннфюрер СС, в 1944 году проводил массовые казни итальянских патриотов — т. II, с. 133—135
- КАППЕЛЕН ГАНС — очевидец злодеяний гитлеровцев в Норвегии, давал свидетельские показания на Нюрнбергском процессе — т. IV, с. 284—291; т. VII, с. 106, 606
- КАРВИНСКИЙ — австрийский государственный деятель, статс-секретарь в кабинетах Дольфуса и Шушнига, узник гитлеровского лагеря Маутхаузен — т. V, с. 129, 132, 133
- КАРЕВ Д. С. — т. I, с. 89, 558; т. VII, с. 607, 613
- КАРЛС РОЛЬФ — гитлеровский адмирал, в 1940—1943 гг. командовал Северной группой военно-морских сил — т. II, с. 329, 436; т. V, с. 290, 792; т. VI, с. 220, 224, 241, 247, 288
- КАССЕЛЬ ПАУЛЬ — гитлеровский генерал, командир 20-й танковой дивизии, военный преступник — т. IV, с. 91
- КАСТНЕР — руководитель так называемого Комитета спасения еврейского населения Венгрии в годы второй мировой войны, вступил в сделку с пресловутым Эйхманом и сотрудничал с нацистами — т. IV, с. 723, 724
- КАТР КОНСТАН — т. I, с. 91; т. IV, с. 756—763
- КАУФМАН — матерый фашист, нацистский гаулейтер Гамбурга; после краха гитлеровской Германии один из руководителей подпольной фашистской организации, был арестован, но в 1953 году освобожден боннскими властями — т. III, с. 752; т. VI, с. 375, 376, 384, 558, 567, 568, 691, 697, 698
- КАУФМАНН — группенфюрер СС и генерал полиции, гитлеровский палач — т. VI, с. 142
- КАУФФМАН КУРТ — немецкий адвокат (вступил в адвокатуру в 1930 году), состоял членом нацистской партии, служил в гитлеровской армии с 1940 года до 1945 года, на Нюрнбергском процессе защищал Кальтенбруннера — т. I, с. 92, 196, 214; т. IV, с. 416—421; т. V, с. 678—689; т. VII, с. 308, 565
- КАЦМАН — группенфюрер СС и генерал полиции, один из подручных Гимmlера, военный преступник — т. IV, с. 69, 73, 79, 81, 666
- КВИСЛИНГ ВИДКУН — главарь норвежской фашистской организации «Нашунал самлинг», предательски содействовал захвату Норвегии гитлеровцами; в 1942 году был назначен Гитлером главой марionетного правительства; после освобождения Норвегии казнен в 1945 году как один из главных норвежских военных преступников — т. I, с. 380, 381, 423; т. II, с. 436, 439, 440—443, 446—448, 451, 456—460, 782—785; т. III, с. 757; т. IV, с. 291; т. V, с. 70, 280, 705, 706; т. VI, с. 242; т. VII, с. 78, 348, 349, 453, 480
- КЕЛЛЕР АЛЬФРЕД — гитлеровский генерал-полковник, командовал 1-м военно-воздушным флотом — т. VI, с. 220, 289
- КЕМПНЕР РОБЕРТ — т. I, с. 90, 232, 235, 686—693, 714; т. II, с. 818, 819; т. IV, с. 534, 818—823; т. VII, с. 568
- КЕНИГ — эсэсовский врач, производил изуверские опыты над заключенными Освенцима — т. IV, с. 354, 356, 365, 369
- КЕПКЕ Г. — министериаль-директор, возглавлял западный отдел германского министерства иностранных дел — т. V, с. 522, 523

- КЕППЛЕР ВИЛЬГЕЛЬМ — группенфюрер СС; с 1932 года советник Гитлера по вопросам экономики; статс-секретарь министерства иностранных дел по особым поручениям; один из заправил концерна «Герман Геринг» и организаторов захвата Австрии («аншлюсса»); шуриин Геринга — т. II, с. 169, 184—189, 200, 305, 316, 754—756, 846—848; т. V, с. 56, 398, 469, 471, 472, 474, 478, 537; т. VII, с. 335
- КЕРНЕР ПАУЛЬ — член нацистской партии с 1926 года, один из наиболее доверенных людей Геринга; статс-секретарь; главарь концерна «Герман Геринг», а с 1942 года и до конца «третьего рейха» — один из руководителей центрального планирования — т. II, с. 79, 417, 439, 541, 552; т. III, с. 499, 660, 776, 780, 782; т. IV, с. 739; т. V, с. 74, 590; т. VI, с. 67, 71; т. VII, с. 66, 78, 609, 629
- КЕРРЛЬ ГАНС — президент промышленной и торговой палаты, областной хозяйственный советник нацистской партии с 1933 года; один из заправил концерна «Герман Геринг»; генеральный референт в министерстве Функа, а с конца 1943 года, кроме того, руководитель бюро планирования гитлеровского министерства вооружения и военного производства — т. VII, с. 393
- КЕССЕЛЬРИНГ АЛЬБЕРТ — фашистский фельдмаршал, друг Гитлера; последний главнокомандующий гитлеровскими войсками в Бельгии, Италии, Франции; палач и убийца, после войны был приговорен к смертной казни, но помилован американцами и вскоре выпущен на свободу. В Западной Германии возглавляет фашистско-милитаристскую организацию «Стальной шлем» — т. I, с. 546; т. II, с. 113, 115—137, 667, 752; т. V, с. 367, 590; т. VI, с. 220, 284, 289, 660, 675, 685; т. VII, с. 111, 159, 582, 609
- КЕХЛИНГ — подполковник, офицер связи между ставкой Гитлера и Генлейном — т. II, с. 226, 291, 393
- КИВЕЛИША Е. А. — врач, очевидец злодеяний гитлеровцев, давал свидетельские показания на Нюрнбергском процессе — т. IV, с. 144—154; т. VII, с. 608
- КИЛЛИНГЕР М. — гитлеровский дипломат, с 1941 года по 1944 год посланник в Румынии; осуществлял связь между немецкими и румынскими фашистами — «железновардейцами» — т. II, с. 498, 686, 692, 701, 708, 715
- КИНЦЕЛЬ ЭБЕРГАРД — гитлеровский полковник генерального штаба, начальник отдела иностранных армий «Восток» генерального штаба сухопутных сил — т. II, с. 490, 515, 516, 594, 626, 628, 629, 641, 668, 669
- КИРСТЕ — штурмбаннфюрер СС, гитлеровский палач — т. IV, с. 35, 97, 105
- КИТТ — гитлеровский врач, участник чудовищных злодеяний фашистов в Освенциме — т. IV, с. 356, 369
- КИТЦИНГЕР — гитлеровский генерал, командовал тыловыми войсками на Украине, военный преступник — т. IV, с. 40, 50
- КИЧМАН ХОРСТ — гитлеровский полковник, в 1941 году военный атташе в Хельсинки — т. II, с. 511, 660—662
- КЛАУБЕРГ КАРЛ — владелец клиник, профессор медицины; производил массовые преступные опыты над заключенными в Освенциме и других гитлеровских концлагерях; очень быстро дослужился до бригаденфюрера СС; один из приближенных Гимmlера, в 1945 году был осужден, а в 1955 году передан западногерманским властям, где его немедленно освободили и только после многочисленных протестов снова арестовали, — т. IV, с. 369, 421

- КЛАУЗНЕР (КЛАУСНЕР) — фашистский вожак, нацистский ландеслейтер в Австрии — *т. II*, с. 181, 183, 185, 756; *т. V*, с. 468, 477, 604
- КЛАУЗНЕР — министриаль-директор, с которым нацистская верхушка свела счеты во время так называемой «чистки Рема» — *т. I*, с. 730, 741
- КЛЕЙН АЛЬФОНС — гитлеровский врач в чине оберштурмфюрера СС, палач — *т. IV*, с. 356, 369, 823
- КЛЕЙСТ ЭВАЛЬД — гитлеровский фельдмаршал, командовал армейской группировкой «А» и 1-й бронетанковой армией, военный преступник — *т. II*, с. 133, 249, 489, 654, 745; *т. III*, с. 47; *т. VI*, с. 220, 284, 672
- КЛЕФИШ ТЕОДОР — немецкий адвокат, состоял членом нацистской партии, на Нюрнбергском процессе участвовал в качестве адвоката Густава Круппа и помощника защитника штурмовых отрядов нацистской партии — *т. I*, с. 93; *т. VI*, с. 552, 553; *т. VII*, с. 600
- КЛЮГЕ ГЮНТЕР — гитлеровский фельдмаршал, командовал 4-й бронетанковой армией, военный преступник, участник «генеральского заговора» 20 июля 1944 г. — *т. II*, с. 133, 652; *т. III*, с. 64, 99, 352, 354; *т. VI*, с. 220, 272, 274, 284, 660, 672
- КНОБЛАУХ — бригаденфюрер СС, один из приближенных Гитлера и начальник штаба заместителя «фюрера» — *т. II*, с. 77, 79
- КНОП ФРИЦ — оберштурмфюрер СС, фашистский палач, — *т. III*, с. 57, 59—62; *т. VI*, с. 707
- КНОХЕН — гитлеровский палач, начальник полиции безопасности и СД во Франции в период нацистской оккупации — *т. VI*, с. 467, 471, 482, 483, 486, 508
- КОЛЛЕР КАРЛ — фашистский генерал, с октября 1944 года начальник штаба военно-воздушных сил гитлеровской Германии — *т. VI*, с. 282, 507
- КОНТИ Л. — гитлеровский министр здравоохранения, имперский медицинский фюрер, военный преступник — *т. III*, с. 315; *т. IV*, с. 546, 821
- КОППЕ (КОПЭ) ВИЛЬГЕЛЬМ — один из наиболее доверенных Гимmlера, обергруппенфюрер СС и генерал полиции, палач польского народа; комендант лагеря смерти Хелмно, непосредственный виновник смерти 340 тысяч человек; в течение пятнадцати лет скрывался в Бонне и арестован только в июне 1960 года — *т. IV*, с. 567
- КОРДТ Э. — гитлеровский дипломат, советник бюро Риббентропа — *т. II*, с. 224, 304, 384
- КОРТЕН — гитлеровский генерал, сообщник Геринга, начальник штаба военно-воздушных сил, военный преступник — *т. IV*, с. 772; *т. V*, с. 595; *т. VI*, с. 282
- КОХ КАРЛ — фашистский палач, комендант гитлеровского концлагеря Бухенвальд с момента основания лагеря в 1937 году — *т. IV*, с. 310; *т. VII*, с. 565, 566
- КОХ ЭРИХ — обергруппенфюрер СС, облеченный особым доверием Гитлера; на протяжении многих лет гаулейтер Пруссии; в 1941 году был назначен Гитлером рейхскомиссаром Украины, где проявил чудовищную жестокость; по его приказу на территории Польши были убиты сотни тысяч людей; после краха «третьего рейха» скрывался возле Гамбурга под фамилией Бергер. В конце 1958 — начале 1959 года в Польше состоялся судебный процесс, Кох был приговорен к повешению — *т. II*, с. 71; *т. III*, с. 403, 404, 416, 423, 424, 505, 556, 661, 668, 674, 774, 793, 809; *т. IV*, с. 40, 42, 50, 171—174,

- 314, 317, 389, 693—695, 698, 703, 813; *т. VI*, с. 378, 696; *т. VII*, с. 42, 120, 126, 207, 228, 229, 634, 640, 644
- КОШУБ ЭМИЛЬ — гитлеровский врач, производил изуверские опыты над заключенными Освенцима — *т. IV*, с. 355, 356, 369
- КРАМЕР — нацистский контрразведчик, главарь группы «Тамара II», которая должна была по заданию Канариса и Лахузена вести диверсионную работу в Закавказье, — *т. II*, с. 647.
- КРАМЕР — нацистский врач, производил специальные опыты над людьми по заданию Геринга, военный преступник — *т. VI*, с. 297, 298
- КРАМЕР — оберфюрер СА, участник злодеяний гитлеровцев на территории Литовской ССР — *т. IV*, с. 122
- КРАМЕР ИОЗЕФ — фашистский палач, комендант гитлеровских концлагерей Освенцим и Берген-Бельзен; в 1947 году его судили в Люнебурге и по приговору трибунала повесили — *т. VII*, с. 56, 193, 194
- КРАНКЕ ТЕОДОР — гитлеровский адмирал, командовал западной группой военно-морских сил, активный участник захвата нацистами Дании и Норвегии — *т. VI*, с. 242, 248, 288
- КРАНЦБЮЛЛЕР ОТТО — немецкий юрист, служил в гитлеровском морском флоте с 1934 года до 1945 года, судья флота; на Нюрнбергском процессе защищал Деница — *т. I*, с. 92, 196, 218, 222; *т. V*, с. 773—785, 790; *т. VII*, с. 308, 589, 611
- КРАППЕ ГЮНТЕР — гитлеровский полковник генерального штаба, а затем генерал-лейтенант; германский военный атташе в Бухаресте в 1940 году; впоследствии, до пленения его частями Советской Армии, командовал X корпусом войск СС — *т. II*, с. 514, 519, 520, 664, 670; *т. VII*, с. 627, 647
- КРАУС ГЕРБЕРТ — немецкий профессор гражданского и международного права, на Нюрнбергском процессе являлся помощником адвоката Дикса, защищавшего Шахта, — *т. I*, с. 92, 216—222; *т. II*, с. 252, 253
- КРЕБС ГАНС — гитлеровский генерал, начальник генерального штаба сухопутных сил — *т. II*, с. 658; *т. III*, с. 354, 365; *т. VI*, с. 281
- КРЕЙСЕЛЬ — один из вожakov фашистской Судето-немецкой партии — *т. II*, с. 224, 384.
- КРИСТИАНСЕН (ХРИСТИАНСЕН) ФРИДРИХ — гитлеровский генерал, палач голландского народа, военный преступник — *т. II*, с. 113, 752; *т. V*, с. 458—460; *т. VI*, с. 290; *т. VII*, с. 107, 108
- КРИЦИНГЕР — министриаль-директор, один из приближенных к Гитлеру лиц, участвовал в совещании в Ванзее, где нацисты обсуждали чудовищные планы уничтожения 11 миллионов человек — *т. II*, с. 77; *т. IV*, с. 692
- КРОЗИГ (ШВЕРИН фон КРОЗИГ) ЛЮЦ — гитлеровский министр финансов; член имперского совета обороны; после краха Гитлера был «министром иностранных дел правительства Деница»; как военный преступник содержался в Ландсбергской тюрьме, но был помилован — *т. I*, с. 665; *т. II*, с. 80, 156, 193; *т. IV*, с. 533; *т. VI*, с. 411, 416
- КРОНХОЛЬЦ — гитлеровский агент в Югославии — *т. II*, с. 252, 253
- КРУМСИ ГЕРМАН — нацистский палач, один из помощников пресловутого Эйхмана — *т. IV*, с. 301
- КРУПП АЛЬФРЕД — сын Густава Круппа фон Болен унд Гальбах; нынешний владелец концерна «Фридрих Крупп»; непосредственный участник осуществления планов нацистских заговорщиков; в 1947 году осужден как военный преступник, но вскоре освобожден амери-

- канцами и ему были возвращены все предприятия — *т. I*, с. 171—180; *т. II*, с. 13, 28; *т. VII*, с. 603
- КРЮГЕР ФРИДРИХ** — обергруппенфюрер СС, высший руководитель СС и полиции в так называемом «генерал-губернаторстве», статс-секретарь при Франке; палач польского народа — *т. IV*, с. 590, 597, 666, 806, 812, 815; *т. V*, с. 157—161, 178, 179, 183, 712, 714, 719; *т. VI*, с. 142, 718; *т. VII*, с. 233, 235, 249
- КУБЕ ВИЛЬГЕЛЬМ** — нацистский палач, один из приближенных Гитлера и Розенберга; обер-президент в Берлине и Познани, гаулейтер провинции Курмарк; в 1941 году был назначен Гитлером генеральным комиссаром Белоруссии; за совершенные им зверства убит народными мстителями в 1943 году — *т. III*, с. 556—558, 585, 809; *т. IV*, с. 90, 91; *т. V*, с. 701; *т. VI*, с. 736; *т. VII*, с. 390, 640
- КУБУШОК ЭГОН** — немецкий адвокат (вступил в адвокатуру в 1933 году), на Нюрнбергском процессе защищал Папена и имперский кабинет — *т. I*, с. 92, 93, 517, 521, 652, 776, 777; *т. II*, с. 200—203, 618; *т. IV*, с. 468, 469; *т. V*, с. 830—839; *т. VI*, с. 343—350, 358, 401—423, 618; *т. VII*, с. 309, 594
- КУНДТ** — фашист, специальный представитель Генлейна в Праге — *т. II*, с. 291, 293, 297, 300; *т. V*, с. 54
- КУНТЦЕ** — оберштурмфюрер СС, нацистский палач — *т. III*, с. 56, 57, 59, 60, 62, 67
- КЮБЛЕР ЛЮДВИГ** — гитлеровский генерал, военный преступник — *т. III*, с. 73, 354, 396; *т. VII*, с. 626
- КЮНСБЕРГ** — барон, майор войск СС, один из главарей «батальона Риббентропа», занимавшегося разграблением культурных ценностей, — *т. III*, с. 523, 570
- КЮНЦЕЛЬ** — фашист, один из главарей так называемой Судето-немецкой партии, представитель Генлейна в Берлине — *т. II*, с. 224, 384; *т. VII*, с. 634
- КЮХЛЕР ГЕОРГ** — гитлеровский фельдмаршал, военный преступник — *т. II*, с. 592, 652; *т. III*, с. 354, 355; *т. VI*, с. 220, 284
- ЛАГАРД ПАУЛЬ** — реакционный социолог, проповедник расизма — *т. VII*, с. 226
- ЛАМБЕРТ ТОМАС** — *т. I*, с. 90, 741; *т. IV*, с. 875—891
- ЛАММЕРС ГАНС ГЕНРИХ** — один из ближайших помощников Гитлера с 1933 года; с 1937 года рейхсминистр и начальник имперской канцелярии; в 1949 году был осужден к 20 годам тюремного заключения, но в 1951 году выпущен американцами и проживал в ФРГ — *т. I*, с. 480, 511; *т. II*, с. 79, 312, 463, 548, 581, 584; *т. III*, с. 65, 233, 437, 498, 616, 664, 695, 708, 713, 725, 726; *т. IV*, с. 244, 257, 557, 601, 741, 759, 768, 821, 860, 861, 863, 882, 883; *т. V*, с. 151, 173, 175, 185, 206, 310, 311, 314, 337, 340, 341, 384, 385, 462, 466, 480, 481, 510, 524, 525, 533, 534, 539, 541, 542, 545, 547, 549, 609, 658, 671, 691, 692, 695, 696, 709, 711, 713, 715, 729, 733, 737, 752, 753, 756, 757, 770, 801, 811, 868; *т. VI*, с. 38, 55, 59, 61, 63, 64, 66, 67, 71, 73, 210, 417, 422, 623, 741, 743, 744; *т. VII*, с. 56, 125, 185, 484, 505, 534, 609, 635, 639, 646, 683
- ЛАМП МОРИС** — узник гитлеровских концлагерей, давал на Нюрнбергском процессе свидетельские показания о нацистских злодеяниях в Маутхаузене — *т. III*, с. 62, 131—140; *т. IV*, с. 198; *т. VII*, с. 207, 221, 606, 637
- ЛАНДФРИД ФРИДРИХ ВАЛЬТЕР** — статс-секретарь имперского министерства экономики с 1939 года; сыграл исключительно большую роль

- в руководстве военной экономикой и в ограблении оккупированных стран; один из заправил концерна «Герман Геринг»; с января 1945 года президент Прусского государственного банка — *т. II*, с. 80, 822; *т. III*, с. 448, 449; *т. IV*, с. 206, 207, 209, 216; *т. VI*, с. 68; *т. VII*, с. 242
- ЛАНЖЕВЕН П.** — выдающийся французский ученый физик, в 1935 году участвовал в образовании Народного фронта во Франции; в период нацистской оккупации Франции подвергся преследованию гитлеровцев — *т. IV*, с. 183, 395, 396
- ЛАПУЖ** — последователь графа Гобино, расист — *т. VII*, с. 226
- ЛАСЛО Д.** — начальник оперативной группы венгерского генерального штаба при Хорти — *т. II*, с. 507, 517—519, 594, 603, 604, 667—675, 678, 679, 682, 684
- ЛАТЕРНЗЕР ГАНС** — немецкий адвокат, член нацистской партии, служил в военном суде в Висбадене, на Нюрнбергском процессе защищал гитлеровский генштаб и верховное командование; после процесса выступает в ФРГ с рядом клеветнических статей, в которых, подтасовывая факты и документы, пытается обелить немецких военных преступников, — *т. I*, с. 93, 206, 518, 546—548, 768, 769; *т. II*, с. 616—618; *т. III*, с. 590, 591; *т. IV*, с. 151—153; *т. V*, с. 244, 290; *т. VI*, с. 298, 299, 520—546, 616, 661; *т. VII*, с. 309, 580, 589, 590, 598, 660
- ЛАХМАН** — нацистский шпион, представитель так называемого «бюро Риббентропа», осуществлял связь нацистской верхушки с концерном Круппа и другими монополиями — *т. II*, с. 35, 36
- ЛАХУЗЕН ЭРВИН** — фашистский разведчик, заместитель начальника гитлеровской военной разведки и контрразведки, военный преступник — *т. I*, с. 189, 234; *т. II*, с. 91—106, 350, 352, 485, 490—492, 641—647, 650, 668; *т. III*, с. 113—125; *т. IV*, с. 753, 794; *т. V*, с. 644; *т. VI*, с. 145, 163, 181, 182; *т. VII*, с. 123, 377, 448, 554, 555, 604, 684
- ЛЕЕБ ВИЛЬГЕЛЬМ** — гитлеровский фельдмаршал, командовал армейскими группировками «Ц» и «Север» — *т. IV*, с. 134; *т. VI*, с. 220, 285, 539
- ЛЕЙБРАНДТ ГЕОРГ** — нацистский рейхсamtслейтер, военный преступник — *т. II*, с. 553; *т. III*, с. 524
- ЛЕ-КУРТ** — гитлеровский палач, лично умертвил 1200 человек — *т. III*, с. 223, 224; *т. VII*, с. 221, 222, 628
- ЛЕМКИН РАФАЭЛЬ** — профессор, занимался теоретической разработкой вопроса о геноциде; выходец из Польши, обосновался в США и в последние годы подвизался в качестве эксперта при секретариате ООН — *т. V*, с. 541, 843
- ЛЕММ** — командир немецкой подводной лодки, потопившей «Атению» — *т. V*, с. 248, 778
- ЛЕОПОЛЬД ИОЗЕФ** — один из вожаков австрийских фашистов, гитлеровский агент — *т. II*, с. 169, 170, 202, 209, 755, 756, 853; *т. VII*, с. 493
- ЛЕР АЛЕКСАНДР** — гитлеровский генерал-полковник, командовал 12-й армией и 4-м военно-воздушным флотом, военный преступник — *т. III*, с. 613; *т. VI*, с. 220, 285, 539
- ЛЕРНЕР** — генерал-майор войск СС, гитлеровский палач — *т. IV*, с. 50
- ЛЕУНШТЕИН** — начальник гестапо во время оккупации г. Сталино, гитлеровский палач — *т. IV*, с. 56, 64
- ЛЕФЛЕР MARTIN** — немецкий адвокат, состоял в кавалерийских частях СА (штурмовые отряды нацистской партии), помощник адвоката Бёма, защищавшего на Нюрнбергском процессе СА, а до января

- 1946 года, кроме того, был одним из адвокатов, защищавших генштаб и верховное командование — *т. I, с. 93*
- ЛИБЕГЕНШЕЛЬ (ЛИБЕХЕНШЕЛЬ) АРТУР** — оберштурмфюрер СС, в 1943—1944 гг. начальник гарнизона и комендант Освенцима, в последующем — начальник отделения инспекции всех концлагерей; в 1947 году осужден в Кракове и повешен — *т. IV, с. 360, 363, 369; т. VI, с. 132*
- ЛИНДЕМАН ГЕОРГ** — гитлеровский генерал-полковник, командовал 18-й армией (куда входила испанская «Голубая дивизия»), непосредственно участвовал в организации преднамеренного разрушения Новгорода, Петродворца, Пушкина и Павловска, а также в истреблении советских граждан; военный преступник — *т. III, с. 547; т. IV, с. 134, 259, 266; т. VI, с. 285*
- ЛИНДОВ КУРТ** — гестаповец, гитлеровский палач — *т. IV, с. 784; т. V, с. 126, 127; т. VI, с. 183*
- ЛИПСКИЙ ИОЗЕФ (ЮЗЕФ)** — польский дипломат, посол в Берлине в 1934—1939 гг. — *т. I, с. 369; т. II, с. 330, 335, 358, 364, 410, 415, 421, 778, 779; т. V, с. 64, 605, 606, 629, 631*
- ЛИСТ ВИЛЬГЕЛЬМ** — гитлеровский фельдмаршал, военный преступник; в 1947 году был приговорен американским трибуналом к пожизненному заключению, но в 1954 году его освободили — *т. II, с. 249, 374, 375, 652; т. VI, с. 247, 285*
- ЛИЦМАН КАРЛ-СИГИЗМУНД** — обергруппенфюрер СС, так называемый генеральный комиссар Эстонии, гитлеровский палач — *т. III, с. 252; т. IV, с. 125, 126, 134*
- ЛОЗЕ ГЕНРИХ** — группенфюрер СА, нацистский гаулейтер Шлезвиг-Гольштейна; в 1941 году назначен рейхскомиссаром «Остланда». Палач народов Литвы, Латвии и Эстонии. При отступлении гитлеровцев бежал на Запад, попал к союзникам и был осужден к 10 годам заключения, однако отсидел только 3 года; живет в ФРГ и получает пенсию как «отставной чиновник» — *т. III, с. 252, 429, 809; т. IV, с. 92, 105, 119, 122, 125*
- ЛОЛЛИНГ** — штандартенфюрер СС, нацистский доктор, участник изуверских опытов над заключенными — *т. IV, с. 447, 453*
- ЛОМАКИН Н. И.** — благочинный церковью Ленинграда, на Нюрнбергском процессе давал свидетельские показания о преступлениях гитлеровцев — *т. I, с. 511; т. III, с. 593—598*
- ЛОРЕНС ДЖЕФФРИ** — *т. I, с. 87, 98, 179, 180, 198, 208, 212, 244, 247, 518, 533, 546, 549, 579; т. II, с. 91, 203, 216, 263, 276, 277, 302, 307, 321, 376, 419, 444, 484, 485, 487, 495, 502, 506, 509, 515—517, 600, 608, 611, 620, 765, 770, 815, 827, 828, 830, 841; т. III, с. 13, 19—21, 24, 64, 124, 130, 141, 145, 164, 170, 179, 183, 209, 241, 305, 356, 368, 369, 411, 427, 544, 560, 563, 587, 590, 592, 599, 604, 605, 615, 624, 638, 640, 644, 649, 650, 654, 655, 669, 671, 673—675, 745; т. IV, с. 144, 155, 173, 175, 215, 243, 273, 279, 284, 285, 289, 394, 416, 426, 432, 440, 446, 463, 492, 498, 510, 520, 525, 532, 537, 539, 618, 625, 626, 637, 726, 732, 733, 849, 851; т. V, с. 117, 119, 339, 370; т. VI, с. 53, 57, 59, 65, 68, 71, 73, 76, 82, 87, 96, 109, 112, 115, 116, 124, 135, 137, 140, 152, 166, 167, 171, 172, 269, 303, 381, 384, 389, 390, 395, 447, 515, 516, 518; т. VII, с. 307, 309, 513, 551—560, 562—565, 568—576, 603, 605, 612—614, 652*
- ЛОРЕНЦ** — особо доверенное лицо Гимmlера, обергруппенфюрер СС, нацистский палач — *т. II, с. 221, 222, 224—226, 289, 384, 392, 761; т. VI, с. 145, 152; т. VII, с. 633, 634*

- ЛЮДЕНДОРФ ЭРИХ** — генерал-фельдмаршал, один из руководителей германской армии в период первой мировой войны, военный идеолог германского империализма, автор фашистской теории тотальной войны; в 1918 году один из организаторов военной интервенции против Советского государства; в 1919—1923 гг. возглавлял контрреволюционные силы для удушения германской революции; принимал активное участие в мюнхенском фашистском путче 1923 года — *т. I, с. 787, 792; т. VII, с. 228, 652, 662*
- ЛЮДИНГХАУЗЕН ОТТО** — немецкий адвокат, на Нюрнбергском процессе защищал Нейрата — *т. I, с. 93, 518; т. V, с. 863—873; т. VII, с. 309*
- ЛЮТЕР** — гитлеровский офицер, в 1940 году возглавлял в управлении экономики и вооружения ОКВ специальный штаб «Россия» — *т. II, с. 541, 543*
- ЛЮТЕР** — один из сообщников Риббентропа, статс-секретарь гитлеровского министерства иностранных дел, военный преступник — *т. IV, с. 692; т. V, с. 88; т. VII, с. 132*
- ЛЮТЦЕ ВИКТОР** — один из подручных Гимmlера, начальник штаба штурмовых отрядов нацистской партии — *т. VI, с. 81—83, 95, 428, 590, 595, 597*
- ЛЮЭГЕР КАРЛ** — реакционный социолог, подвизался в Вене, расист и антисемит — *т. VII, с. 226*
- МАГУНИЯ** — гитлеровский палач, так называемый генеральный комиссар в Киеве, военный преступник — *т. IV, с. 40, 45, 50*
- МАЗУР СИГМУНД** — сотрудник Данцигского анатомического института, где гитлеровцы изготавливали мыло из трупов людей — *т. III, с. 314, 315; т. IV, с. 544—548, 551; т. VII, с. 630*
- МАКЕНЗЕН Г.** — гитлеровский дипломат, статс-секретарь министерства иностранных дел в 1937—1938 гг.; посол в Италии в 1938—1943 гг. — *т. II, с. 172, 174, 224, 289, 383, 746; т. V, с. 93, 532; т. VII, с. 634*
- МАКЕНЗЕН ЭБЕРГАРД** — гитлеровский генерал, командовал 1-й бронетанковой армией на Восточном фронте и 14-й армией в Италии, военный преступник — *т. II, с. 133; т. III, с. 525, 526; т. VI, с. 285*
- МАК-ИЛЛРЕЙТ И. Д.** — *т. I, с. 88; т. VII, с. 307*
- МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ ДЭВИД** — *т. I, с. 90, 191, 192, 194, 195, 197—204, 219, 229, 257, 258, 264, 266—269, 536, 546, 557, 643—651, 721—723, 764; т. II, с. 67—76, 122—137, 220, 319, 413—419, 433, 772—793, 800—811; т. IV, с. 733, 749—763, 865—869; т. V, с. 42—85, 242—289, 292, 407—447, 513—548; т. VI, с. 330—336, 339, 549—619; т. VII, с. 600, 604, 609—614*
- МАНДЕЛЬ** — узник Яновского лагеря — *т. III, с. 244; т. IV, с. 68, 70*
- МАНСФЕЛЬД** — один из подручных Геринга по управлению «четырёхлетнего плана» и сообщник Заукеля — *т. III, с. 737, 760; т. IV, с. 738; т. VII, с. 629, 635*
- МАНТЕЙФЕЛЬ ГАССО** — ближайший военный сподвижник Гитлера, военный преступник; в Западной Германии занимался восстановлением реваншистской армии и военной промышленности; совладелец фирмы «Немецко-атлантическое объединение» — *т. VI, с. 285*
- МАНШТЕЙН ФРИЦ** — гитлеровский фельдмаршал, военный преступник, был осужден английским военным судом к 18 годам тюремного заключения, но вскоре освобожден; боннские власти назначили ему генеральскую пенсию — *т. IV, с. 50, 629; т. VI, с. 285, 507, 512, 644, 658, 660, 669, 672, 673, 675, 676, 691, 730, 732, 733, 735, 737; т. VII, с. 340, 614, 665, 669*

- МАРКОВ МАРКО — профессор судебной медицины Софийского университета, на Нюрнбергском процессе давал свидетельские показания о фашистской провокации в Катынском лесу — *т. III*, с. 170—182
- МАРКС ГАНС — немецкий адвокат, член «Стального шлема» в 1928—1933 гг.; в 1933 году вступил в нацистскую партию; на Нюрнбергском процессе защищал Штрейхера — *т. I*, с. 92; *т. V*, с. 740—750; *т. VII*, с. 308
- МАРКУЛЛ — сообщник Розенберга — *т. V*, с. 696; *т. VI*, с. 378
- МАРТЕН-АВАР А. — *т. I*, с. 88; *т. VII*, с. 307
- МАСТНЫ ВОЙТЕХ — чехословацкий дипломат, посланник в Берлине в 1932—1939 гг. — *т. II*, с. 399; *т. V*, с. 537; *т. VII*, с. 153, 337
- МАЦУОКА ИОСУКЕ — один из инициаторов развертывания японской экспансии; сторонник антисоветского курса внешней политики и союза с гитлеровской Германией; в 1940—1941 гг. — министр иностранных дел Японии — *т. I*, с. 317, 637—640, 730—739; *т. V*, с. 100, 611; *т. VII*, с. 216, 259
- МЕЙЕР — комендант гитлеровского концлагеря Маутхаузен, фашистский палач — *т. III*, с. 135
- МЕЙЕР АЛЬФРЕД — нацистский гаулейтер, заместитель Розенберга по министерству восточных оккупированных областей, военный преступник — *т. IV*, с. 692, 696, 802; *т. V*, с. 350, 354
- МЕЙЕР-ВЕНДЕБОРН — нацистский крейслейтер Ольденбурга — *т. VI*, с. 558, 559, 698
- МЕЙЕР КУРТ («ПАНЦЕР-МЕЙЕР») — бригаденфюрер и генерал-майор войск СС, командир дивизии «Гитлерюгенд»; в 1947 году за убийство канадских военнопленных был приговорен к смертной казни, которая в порядке помилования была заменена 20 годами тюремного заключения, но очень скоро его освободили, выдали денежную компенсацию; ныне в ФРГ занимается возрождением эсэсовских банд — *т. VI*, с. 447
- МЕЙСНЕР ОТТО — с 1919 года по 1934 год — начальник канцелярии президента Германской Республики, а с 1934 года по 1937 год — начальник имперской канцелярии Гитлера — *т. I*, с. 637, 688; *т. II*, с. 305, 306, 733; *т. V*, с. 56, 222, 223, 391, 393, 394, 397, 401; *т. VI*, с. 71, 406, 416
- МЕЛЛЕ КАРЛ ГЕЙНЦ — офицер гитлеровского военно-морского флота, давал свидетельские показания на Нюрнбергском процессе — *т. IV*, с. 851—856; *т. V*, с. 780; *т. VII*, с. 115
- МЕЛЛЕР АРТУР — проповедник человеконенавистнической расовой теории — *т. VII*, с. 226.
- МЕЛЬМЕР — эсэсовский палач из главного управления гитлеровских концлагерей — *т. IV*, с. 529—534, 540—542
- МЕЛЬНИК — фашист, один из главарей украинских националистов; гитлеровский платный агент, кличка «Консул-1» — *т. II*, с. 492, 644
- МЕЛЬТЦЕР БЕРНАРД Д. — *т. I*, с. 90, 667; *т. II*, с. 820; *т. IV*, с. 534, 535, 832—835
- МЕНГЕЛЕ — эсэсовский врач в чине гауптштурмфюрера, гитлеровский палач; сбежал в Аргентину — *т. III*, с. 279; *т. IV*, с. 356, 359, 364, 369, 407, 421
- МЕНТОН (де МЕНТОН) ФРАНСУА — *т. I*, с. 90, 98, 101, 143, 180, 396—458; *т. IV*, с. 241; *т. VII*, с. 602, 606
- МЕНЬШАГИН — смоленский адвокат, предатель, пособник немецко-фашистских оккупантов — *т. III*, с. 166—169

- МЕРКЕЛЬ РУДОЛЬФ — немецкий адвокат (вступил в адвокатуру в 1931 году), на Нюрнбергском процессе защищал гестапо — *т. I*, с. 93, 216, 247; *т. IV*, с. 358—361, 465—495, 518; *т. VII*, с. 309, 561, 576
- МЕРКЕР — гитлеровский генерал, командир 35-й пехотной дивизии, военный преступник — *т. III*, с. 609
- МЕРТЕН — подручный пресловутого Эйхмана, убийца многих тысяч людей; после вмешательства Международного Освенцимского комитета был арестован в Греции, но отпущен как подданный ФРГ — *т. IV*, с. 720
- МЕТТЕРНИХ ВОЛЬФ — граф, представитель гитлеровской военной администрации в Париже, занимался расхищением произведений искусства — *т. III*, с. 570, 577
- МЕССЕРСМИТ ГЕОРГ — американский дипломат, посол США в Австрии до захвата ее гитлеровцами; в 1945 году — посол в Мексике — *т. I*, с. 516; *т. II*, с. 156, 162, 164, 167—169, 171, 173, 175, 200, 201, 809, 811, 818, 823, 852; *т. V*, с. 418, 419, 422, 423, 527, 532, 730, 764, 836, 837; *т. VII*, с. 145, 224, 254
- МИКЛАС ВИЛЬГЕЛЬМ — президент Австрии до захвата ее гитлеровцами — *т. II*, с. 157, 179, 180, 184, 187, 188, 190, 215, 846, 847; *т. V*, с. 45, 479, 537, 845; *т. VII*, с. 335, 336, 449, 495
- МИЛЛЕР — начальник отдела пропаганды 1-й танковой армии, гитлеровский военный преступник — *т. III*, с. 525, 526
- МИЛЬДЕ-ШРЕДЕН — один из подручных Розенберга, занимался разграблением произведений искусства — *т. III*, с. 553; *т. VII*, с. 390
- МИЛЬДНЕР Р. — начальник гестапо в Катовицах, фашистский палач — *т. IV*, с. 267, 424, 425; *т. V*, с. 679, 680; *т. VI*, с. 197, 479
- МИЛЬХ ЭРХАРД (ГЕРХАРДТ) — гитлеровский фельдмаршал, заместитель Геринга, военный преступник; после краха «третьей империи» был осужден к пожизненному заключению за преступления против человечности, но через несколько лет освобожден американцами; по поручению боннских властей руководит военными поставками и координирует производство многих заводов для ВВС — *т. I*, с. 199, 310, 472, 511, 512, 546, 619; *т. II*, с. 85, 113, 138—152, 157, 172, 752; *т. III*, с. 666, 684, 698, 714, 728—730, 739, 775—789; *т. IV*, с. 488, 768, 775; *т. V*, с. 275, 384, 590; *т. VI*, с. 71, 134—136, 219, 236, 636, 730; *т. VI*, с. 517, 534; *т. VII*, с. 26, 49, 101, 103, 266, 600, 609, 656, 665
- МИТЧЕЛЛ ВИЛЬЯМ — *т. I*, с. 88, 98, 225; *т. VII*, с. 307
- МИХАЙЛОВИЧ ДРАЖЕ — предатель югославского народа — *т. II*, с. 253
- МОДЕЛЬ ВАЛЬТЕР — гитлеровский фельдмаршал, военный преступник — *т. III*, с. 46; *т. IV*, с. 105, 134; *т. VI*, с. 285
- МОЗЕР ГИЛЬМАР — генерал-лейтенант гитлеровской армии, военный комендант г. Люблина, очевидец нацистских злодеяний — *т. IV*, с. 385
- МОНЗЕН — военный министр Норвегии — *т. II*, с. 459
- МОННЕРЕИ ГЕНРИ — *т. I*, с. 91, 201
- МООР — оберштурмфюрер СС, начальник гестапо, нацистский палач — *т. IV*, с. 56, 64
- МОРГЕН — эсэсовский судья, на Нюрнбергском процессе пытался скрыть злодеяния СС — *т. VI*, с. 441, 445, 454, 457, 486, 487, 555, 609; *т. VII*, с. 275, 302
- МУНЬЕ ПЬЕР — *т. I*, с. 91; *т. IV*, с. 764—779
- МУРЕИ ХАРТЛИ — сотрудник Главного обвинителя от США на Нюрнбергском процессе — *т. I*, с. 697
- МУССЕРТ — «фюрер» голландских нацистов — *т. IV*, с. 280—282

- МУССОЛИНИ БЕНИТО — главарь итальянского фашизма; с 1922 года по 1943 год — премьер-министр и фактический диктатор Италии; главный военный преступник; в 1945 году казнен по приговору Военного трибунала Итальянского Комитета Национального Освобождения — *т. I*, с. 313, 376—378, 387, 388, 628, 787; *т. II*, с. 158, 160, 171, 181—183, 190, 194, 267, 268, 293, 317, 348, 367, 368, 372, 374, 378, 380, 497, 676, 686, 746, 769, 771, 773, 786, 831; *т. III*, с. 783, 784; *т. IV*, с. 78, 297; *т. V*, с. 52, 68, 72, 73, 93, 416, 426, 438, 516, 517, 666, 842; *т. VI*, с. 612; *т. VII*, с. 24, 110, 339, 345, 354, 355, 443, 444
- МУСФЕЛЬД — обершарфюрер СС, шеф крематория лагеря уничтожения на Майданеке — *т. IV*, с. 377
- МУФФ ВОЛЬФАНГ — гитлеровский генерал, германский военный атташе в Вене — *т. II*, с. 180, 184; *т. V*, с. 537, 845
- МИОЗАН ЭРИХ — немецкий революционный поэт, участник борьбы за установление в Баварии Советской власти; после прихода гитлеровцев к власти сразу же был заключен в Зонненбургский концлагерь, где подвергался бесчеловечным истязаниям, а в 1934 году повешен в Ораниенбурге — *т. V*, с. 516
- МИОЛЛЕР — один из нацистских вожаков — *т. VI*, с. 379, 380
- МИОЛЛЕР ВИНЦЕНЦ — генерал-лейтенант гитлеровской армии, командовал 12-м корпусом — *т. II*, с. 486—488, 652—659; *т. V*, с. 11; *т. VII*, с. 627
- МИОЛЛЕР ГЕНРИХ — ближайший подручный Гимmlера, обергруппенфюрер СС, начальник IV управления (гестапо) главного имперского управления безопасности; гитлеровский палач — *т. I*, с. 745, 746; *т. III*, с. 110, 113, 116, 117, 122, 705; *т. IV*, с. 300—303; *т. V*, с. 126—128, 139—141, 675, 676, 681, 748; *т. VI*, с. 162, 168, 169, 181, 184, 190, 192, 200, 473—475, 487, 517, 627, 703, 716, 719, 722, 723; *т. VII*, с. 101, 275, 377
- МИОЛЛЕР ЛЮДВИГ — нацистский архиепископ, назначенный лично Гитлером, — *т. I*, с. 298, 699
- МИОЛЛЕР ФРИДРИХ — гитлеровский генерал, военный преступник — *т. VI*, с. 286
- МИОЛЛЕР ХРИСТИАН — начальник отдела гитлеровской разведки в Норвегии — *т. II*, с. 627
- МИОЛЬМАН КАЕТАН — фашистский главарь, активный участник захвата Австрии; в годы второй мировой войны сообщник Зейсс-Инкварты по преступлениям в Польше и Голландии — *т. II*, с. 183, 184; *т. IV*, с. 739, 740; *т. V*, с. 466, 473, 474, 476; *т. VI*, с. 44, 46
- МИОРДЕЛЬ — военный преступник, директор гитлеровской имперской кредитной кассы; после краха нацистской Германии был арестован в Париже — *т. III*, с. 460, 461
- МИОРМЕЛЬШТАДТ — нацистский врач, проводил бесчеловечные эксперименты на заключенных — *т. IV*, с. 446, 447
- НАБЕСБЕРГ — гитлеровский военный преступник, заместитель генерального комиссара Литвы — *т. IV*, с. 122
- НАУЖОКС АЛЬФРЕД ХЕЛЬМУТ — кадровый эсэсовец, участник инсценировки нападения на радиостанцию в Глейвитце, военный преступник — *т. VI*, с. 167—169, 473, 511, 512
- НАУМАН ВЕРНЕР — статс-секретарь гитлеровского министерства пропаганды, заместитель Геббельса, личный друг Мосли и Лавала; в Западной Германии возглавлял подпольную фашистскую организацию, был арестован англичанами и передан британским властям, которые

- освободили его в 1953 году; после освобождения Наумана из тюрьмы его кандидатура была выдвинута в Шлезвиг-Гольштейне в бундестаг от «немецкой имперской партии» — *т. IV*, с. 872; *т. V*, с. 571
- НАУФФЕ — гитлеровский генерал, начальник штаба германской военной миссии в Румынии — *т. II*, с. 497
- НЕБЕ АРТУР — группенфюрер СС, один из заправил ведомства Гимmlера, нацистский палач, главарь так называемой «эйнзатцгруппы В» — *т. I*, с. 725—727, 740, 744—746, 751, 759; *т. III*, с. 356; *т. VI*, с. 162, 475, 650; *т. VII*, с. 101
- НЕДИЧ МИЛАН — предатель югославского народа, гитлеровская марионетка — *т. II*, с. 252, 253; *т. III*, с. 263, 395; *т. IV*, с. 18; *т. VII*, с. 631, 635, 637
- НЕЙБАХЕР ГЕРМАН — фашист, доверенное лицо Гимmlера и Кальтенбрунера; после захвата Австрии гитлеровцами стал бургомистром Вены; во время второй мировой войны выполнял «дипломатические поручения» за границей, в частности, состоял особо уполномоченным по экономическим вопросам в Румынии, Греции и Югославии — *т. II*, с. 715, 716; *т. V*, с. 436
- НЕЙГАУЗЕН ГАНС — один из подручных Геринга по управлению «четырёхлетнего плана», имел ранг «генерального консула»; в период гитлеровской оккупации Югославии — генеральный уполномоченный по экономике Сербии — *т. III*, с. 462, 501; *т. IV*, с. 233; *т. V*, с. 217
- НЕЙТХОЛЬД Ф. — гитлеровский генерал, военный преступник — *т. I*, с. 137; *т. III*, с. 281; *т. VII*, с. 630
- НЕЛЬТЕ ОТТО — немецкий адвокат (вступил в адвокатуру в 1913 году), состоял членом нацистской партии с мая 1933 года, на Нюрнбергском процессе защищал Кейтеля — *т. I*, с. 92, 227, 228, 234, 235, 532; *т. II*, с. 484, 485, 608—612; *т. III*, с. 19, 21, 124, 209, 649; *т. V*, с. 113, 649—677; *т. VI*, с. 405; *т. VII*, с. 308
- НЕРИНГ ВАЛЬТЕР — гитлеровский генерал, военный преступник — *т. III*, с. 46; *т. VI*, с. 286
- НЕРЛИГ — подручный Розенберга, военный преступник — *т. III*, с. 549
- НЕУМ ВАЛЬТЕР — оберштурмбаннфюрер СС, гебитскомиссар, гитлеровский палач — *т. IV*, с. 122
- НЕУМАН (НЕЙМАН) ЭРНСТ — статс-секретарь, подручный Геринга по управлению «четырёхлетнего плана» и сообщник Франка — *т. II*, с. 79, 541; *т. III*, с. 391, 392; *т. V*, с. 74
- НИВ А. М. — подполковник, уполномоченный Международного Военного Трибунала — *т. VII*, с. 307, 582, 595, 599
- НИКЕЛЬ — гауптбаннфюрер, один из вожаков гитлеровской молодежи, сообщник Шираха — *т. V*, с. 311—313
- НИКИТЧЕНКО И. Т. — *т. I*, с. 65, 87, 98, 99, 192, 219, 222, 263, 797; *т. III*, с. 124, 125; *т. IV*, с. 644, 645; *т. VII*, с. 307, 513, 516—541, 546, 605, 607, 613, 614, 654
- НИКОЛАЙ — митрополит Киевский и Галицкий, член Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков — *т. III*, с. 186, 552; *т. IV*, с. 46, 50
- НИЛИ ВИЛЬЯМ — английский капрал, давал свидетельские показания о так называемом Данцигском анатомическом институте — *т. IV*, с. 552—554
- НИМЕЛЛЕР М. — пастор немецкой протестантской церкви; в 1937 году был арестован гитлеровцами и заключен в концлагерь; в ФРГ его пре-

- следуют за выступления против развязывания новой войны — *т. I*, с. 142, 298
- НИМИЦ ЧЕСТЕР ВИЛЬЯМ — американский адмирал — *т. VII*, с. 477
- НИСИН — нацистский палач, комендант одного из гитлеровских лагерей на территории Латвийской ССР — *т. IV*, с. 105
- НОИБАУЭР — капитан II ранга гитлеровского военно-морского флота — *т. V*, с. 247
- НОРДМАН — штандартенфюрер СС, участник фашистских злодеяний на территории Украинской ССР — *т. IV*, с. 50
- НОСКЕ — штурмбаннфюрер СС, гестаповец, военный преступник — *т. IV*, с. 192
- ОБЕРГ — высший руководитель СС и полиции в оккупированной Франции, военный преступник, непосредственный виновник кровавых расправ над населением Франции; после краха гитлеровского рейха был арестован, но суд над ним во Франции многократно откладывался под давлением западногерманских реваншистов — *т. IV*, с. 248
- ОБЕРЛЕНДЕР ТЕОДОР — гитлеровский шпион и палач, военный преступник; в кабинете Аденауэра — министр в течение многих лет; под давлением общественного мнения в 1960 году его вынуждены были уволить в отставку, назначив большую пенсию, — *т. VII*, с. 631
- ОБСТФЕЛЬДЕР ГАНС — гитлеровский генерал, военный преступник — *т. VI*, с. 286
- ОЛДЕРМАН СИДНЕЙ — *т. I*, с. 89, 233, 538, 557, 593—641; *т. II*, с. 41, 155, 221, 255, 263—318, 334, 528—558, 723—745, 762, 773, 774, 789, 808, 843, 844, 852, 853; *т. III*, с. 521; *т. VI*, с. 144, 145, 222—224, 228, 231; *т. VII*, с. 553, 604
- ОЛЛЕНДОРФ ОТТО — нацистский палач, ближайший подручный Гимmlера, начальник III управления главного имперского управления безопасности и главарь так называемой «эйнзатцгруппы D», которая злодейски умервила 90 тысяч человек; уполномоченный полиции безопасности и СД при XI армии, которой командовал фон Манштейн; заместитель Функа — *т. I*, с. 189, 746; *т. III*, с. 367, 730; *т. IV*, с. 622—646; *т. V*, с. 128, 205, 387, 680, 749; *т. VI*, с. 162, 271, 305, 475, 476, 513, 514, 540—542, 608, 625, 643, 644, 655, 736; *т. VII*, с. 58, 108, 109, 161, 225, 242, 283, 397, 468, 539, 560, 605, 669
- ОЛЬБРИХТ — генерал от инфантерии, начальник управления вооружения гитлеровского верховного командования, участник «генеральского заговора» 20 июля 1944 г. — *т. I*, с. 750
- ОКСНЕР — гитлеровский генерал, командир 31-й пехотной дивизии, военный преступник — *т. IV*, с. 91
- ОНЕЗОРГЕ ВИЛЬГЕЛЬМ — гитлеровский министр почт и телеграфа — *т. II*, с. 553
- ОРБЕЛИ И. А. — советский академик, давал свидетельские показания на Нюрнбергском процессе — *т. I*, с. 511; *т. III*, с. 587—592; *т. VII*, с. 608
- ОРЗОС — профессор судебной медицины Будапештского университета, участник гитлеровской провокации в Катынском лесу — *т. III*, с. 172, 177—181
- ОРЛОВ Н. А. — *т. I*, с. 89
- ОСЕЦКИЙ КАРЛ — немецкий прогрессивный публицист и журналист, активный антифашист; после прихода к власти гитлеровцев был арестован и в 1938 году замучен в концлагере — *т. V*, с. 516

- ОСИМА ХИРОСИ — японский генерал, в 1936—1938 гг. — японский военный атташе, а в 1938—1939 и 1941—1945 гг. — посол в Берлине; Международным Военным Трибуналом для Дальнего Востока приговорен 4 ноября 1948 г. к пожизненному заключению — *т. I*, с. 316; *т. II*, с. 529, 725—727, 739, 740, 743, 747, 787, 792; *т. IV*, с. 844; *т. V*, с. 60, 80, 779; *т. VII*, с. 115, 360
- ОСТЕР ГАНС — гитлеровский генерал, нацистский разведчик, один из наиболее приближенных к адмиралу Канарису; участник «генеральского заговора» 20 июля 1944 г. — *т. I*, с. 727, 732, 735, 744, 751, 753—755; *т. II*, с. 94, 95, 102, 650; *т. III*, с. 115; *т. V*, с. 663, 664
- ОСТЕРРЕЙХ — нацист, биограф Функа — *т. I*, с. 668
- ОТТ — нацистский врач, производил изуверские опыты над военнопленными, гитлеровский военный преступник — *т. III*, с. 225
- ОТТ ОЙГЕН — гитлеровский дипломат, германский посол в Японии — *т. II*, с. 738, 739
- ОТТО ГУСТАВ — гитлеровец, предложил применить бактериологическое оружие — *т. V*, с. 573
- ОШВАТ ШТЕФАН — полковник венгерской армии, разведчик, сотрудничал с гитлеровской военной разведкой и контрразведкой — *т. II*, с. 671, 672
- ПААЛЬ — унтершарфюрер СС, гитлеровский палач, лично расстрелял тысячи людей — *т. III*, с. 58, 60, 62
- ПАВЕЛ — принц югославский, гитлеровский агент — *т. II*, с. 246, 247, 785; *т. IV*, с. 884; *т. V*, с. 71, 324
- ПАДАНЫИ ЕНЭ — подполковник королевского венгерского генштаба, разведчик, сотрудничал с гитлеровской разведкой — *т. II*, с. 670, 672
- ПАЛЬМИЕРИ — профессор судебной медицины и криминалистики Неаполитанского университета, участник гитлеровской провокации в Катынском лесу — *т. III*, с. 172, 176, 181
- ПАНКЕ ГЮНТЕР — нацистский палач, обергруппенфюрер СС, генерал-лейтенант полиции, начальник гестапо во время гитлеровской оккупации Дании; после краха «третьего рейха» был арестован в Дании — *т. IV*, с. 258—260, 267
- ПАННЕНБЕКЕР ОТТО — немецкий адвокат (вступил в адвокатуру в 1938 году), на Нюрнбергском процессе защищал Фрика — *т. I*, с. 92, 723, 733; *т. IV*, с. 467, 468; *т. V*, с. 185, 723—739; *т. VII*, с. 308
- ПАНТАЗИ КРИСТЯ — военный министр Румынии, корпусной генерал, военный преступник — *т. II*, с. 501, 692, 694—696; *т. III*, с. 511; *т. VII*, с. 628
- ПАНЦИНГЕР — оберштурмбаннфюрер СС, один из подручных Гимmlера, начальник отдела центрального управления гестапо, а впоследствии начальник V управления главного имперского управления безопасности, нацистский палач — *т. VI*, с. 184, 467, 650; *т. VII*, с. 277
- ПАППЕНГЕЙМ (РАБЕ фон ПАППЕНГЕЙМ) ФРИДРИХ — генерал-лейтенант гитлеровской армии, командир 97-й дивизии — *т. II*, с. 797—799; *т. VII*, с. 647
- ПАРКЕР ДЖОН — *т. I*, с. 87, 797; *т. VI*, с. 172; *т. VII*, с. 307, 513
- ПАССАВАНТ — начальник отдела радиовещания гитлеровской армии — *т. V*, с. 573; *т. VII*, с. 645
- ПАУЛЮС ФРИДРИХ — бывший генерал-фельдмаршал германской армии, давал свидетельские показания на Нюрнбергском процессе — *т. I*, с. 517; *т. II*, с. 249, 484, 485, 488, 496, 497, 501, 513, 516, 592—620

- 653, 669, 670; т. V, с. 11, 108, 384; т. VI, с. 219, 732, 733; т. VII, с. 215, 357, 574, 607, 628, 630
- ПАХОЛЕГГ — врач, узник концлагеря, причастен к опытам над заключенными — т. IV, с. 485, 487—489
- ПЕЛЬКМАН ХОРСТ — немецкий адвокат, на Нюрнбергском процессе выступал защитником организации СС — т. I, с. 93, 207; т. IV, с. 472; т. VI, с. 440—461; т. VII, с. 309, 595
- ПЕНШ — военный преступник из клики Антонеску, заместитель военного министра Румынии — т. II, с. 692
- ПЕТЕРС — гитлеровский полковник, комендант г. Сталино, нацистский палач — т. IV, с. 56, 64
- ПЕТРОВИЧИ — румынский министр, военный преступник из клики Антонеску — т. II, с. 692
- ПЕТЭН АНРИ ФИЛИПП — маршал Франции, фашист, предатель своего народа; в августе 1945 года приговорен к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением — т. III, с. 447; т. VII, с. 178
- ПИККЕНБРОК ГАНС — гитлеровский генерал-лейтенант, начальник 1-го отдела германской военной разведки и контрразведки, заместитель Канариса — т. II, с. 93, 95, 102, 104, 485, 486, 490, 491, 640—642, 650; т. VII, с. 631
- ПИРАДОВ С. К. — т. I, с. 89
- ПИСТЕР GERMAN — оберфюрер СС, с января 1942 года до апреля 1945 года комендант гитлеровского концлагеря Бухенвальд, фашистский палач — т. IV, с. 501, 786
- ПЛАНК — капитан, комендант «Гросс-лазарета Славута», гитлеровский палач — т. III, с. 51
- ПЛЕТНЕР — эсэсовский врач, производил изуверские опыты над заключенными гитлеровских концлагерей — т. IV, с. 486—489
- ПОКРОВСКИЙ Ю. В. — т. I, с. 89, 180, 196, 197, 229, 518, 536, 560; т. II, с. 219, 513; т. III, с. 27—78, 224, 356—361, 639; т. IV, с. 144—151, 456—460, 639—643; т. V, с. 250—252, 289—292, 313, 382—389; т. VII, с. 605, 607, 610—612
- ПОЛИТЦЕР ЖОРЖ — французский философ-коммунист, создатель народного университета, один из организаторов подпольных комитетов интеллигенции; в 1942 году был арестован гитлеровцами вместе со своей женой и после долгих пыток расстрелян — т. IV, с. 171, 181, 183, 395, 396
- ПОЛЛЯЧЕК — оберштурмфюрер СС, начальник лагеря смерти Освенцим, фашистский палач — т. IV, с. 369
- ПОЛТОРАК А. И. — т. I, с. 88; т. VII, с. 307
- ПОЛЬ ОСВАЛЬД — обергруппенфюрер СС, один из ближайших подручных Гимmlера, генерал-инспектор всех гитлеровских лагерей и начальник главного административно-хозяйственного управления СС; за совершенные преступления был приговорен американским военным трибуналом к повешению — т. IV, с. 42, 315, 369, 392, 423, 440, 453, 459, 483, 484, 489, 507, 517—519, 523, 529, 533, 534, 536, 538; т. V, с. 137, 138, 201, 682, 761; т. VI, с. 129, 131, 136, 449, 516, 518, 626, 703, 705; т. VII, с. 238, 276
- ПОПЕСКУ — военный преступник из клики Антонеску — т. II, с. 692
- ПОРТАЦИУС — майор гитлеровской армии, нацистский комендант г. Ка-луги, военный преступник — т. III, с. 653, 792

- ПОССЕ ГАНС — статс-секретарь гитлеровского министерства хозяйства, сообщник Функа по военным преступлениям — т. II, с. 80, 822
- ПОТОПЯНУ — военный преступник из клики Антонеску — т. II, с. 690; т. III, с. 513
- ПРОЗОРОВСКИЙ В. И. — профессор судебной медицины, доктор медицинских наук — т. III, с. 28, 156—161, 183—190, 289; т. IV, с. 609
- ПРЮЦМАН — высший руководитель СС и полиции в Киеве, фашистский палач — т. IV, с. 50
- ПУЛЬ ЭМИЛЬ — директор рейхсбанка с 1935 года, вице-президент рейхсбанка с 1939 года, сообщник Функа — т. IV, с. 510—538, 540—542; т. V, с. 198, 200, 202, 203, 206, 760, 761
- ПУТТКАМЕР КАРЛ — адъютант Гитлера — т. II, с. 441
- ПФЛЮГБЕЙЛЬ КУРТ — гитлеровский генерал, командовал 1-м воздушным флотом — т. VI, с. 289
- ПФУНДТНЕР ГАНС — заместитель Фрика и его сообщник — т. I, с. 690; т. II, с. 80
- РАББЕ — офицер гестапо, гитлеровский палач — т. IV, с. 605, 613
- РАГИНСКИЙ М. Ю. — т. I, с. 89, 561; т. III, с. 517—567, 587—590, 592, 603—624; т. V, с. 209—220, 503—512, 548—557; т. VII, с. 607, 608, 610, 611, 613
- РАЗУМОВ И. В. — уполномоченный Международного Военного Трибунала — т. VII, с. 307
- РАЙХОФ ЮЛИУС — председатель военного суда 267-й гитлеровской дивизии, военный преступник — т. IV, с. 84, 91
- РАМЗАУЭР — гитлеровский врач, производил изуверские опыты над заключенными — т. IV, с. 447
- РАН РУДОЛЬФ — гитлеровский дипломат в ранге советника, военный преступник — т. III, с. 632
- РАТ ЭРНСТ — советник германского посольства в Париже — т. I, с. 302, 670; т. IV, с. 685, 833; т. VI, с. 141
- РАТШЕНХУБЕР — нацистский палач, главарь службы безопасности, один из ближайших подручных Гимmlера, группенфюрер СС — т. VI, с. 497
- РАУС ЭРГАРДТ — гитлеровский генерал, военный преступник — т. VI, с. 286
- РАУТЕР — обергруппенфюрер, высший руководитель СС и полиции в Голландии, нацистский палач — т. IV, с. 777; т. V, с. 848
- РАУФ — оберштурмбаннфюрер СС, начальник второго управления «D» главного имперского управления безопасности — т. VI, с. 176, 177
- РАУШНИНГ GERMAN — единомышленник Гитлера, председатель Данцигского сената; после разрыва с Гитлером издал в США ряд произведений, разоблачающих Гитлера и его клику — т. I, с. 466, 483, 503, 783; т. II, с. 229; т. III, с. 208, 337, 424, 518; т. IV, с. 32; т. VII, с. 58, 120, 124, 244, 641
- РАХНЕР — начальник военного управления так называемого хозяйственного штаба «Ост», гитлеровский преступник — т. III, с. 638
- РАШЕ — фашистский палач, главарь так называемой «эйзатцгруппы С» — т. IV, с. 626
- РАШЕР ЗИГМУНД — эсэсовский врач, один из ближайших подручных Гимmlера, производил по заданиям Гимmlера, Геринга и Мильха изуверские опыты над людьми; с целью скрыть следы злодеяний Гимmlер отдал в феврале 1945 года приказ о расстреле Рашера —

- т. I, с. 311; т. IV, с. 30, 421, 448—450, 454—461, 462, 472, 477, 484—489, 775; т. VI, с. 133—137, 663, 705; т. VII, с. 423, 600, 643
- РАШП ЗИГФРИД — гитлеровский генерал, военный преступник — т. VI, с. 286
- РЕЗЕНЕР (РОЗЕНЕР) — нацистский генерал-лейтенант полиции, палач народов Югославии — т. I, с. 129; т. III, с. 74, 263; т. VII, с. 622
- РЕИ ДЖОН — т. I, с. 88; т. VII, с. 307
- РЕЙНГАРДТ ГАНС — гитлеровский генерал-полковник; по его личной просьбе под его начало были переданы эсэсовские части; был осужден как военный преступник, но после вмешательства Аденауэра досрочно освобожден из тюрьмы и спустя некоторое время стал председателем реваншистского солдатского союза — т. III, с. 358; т. VI, с. 286
- РЕЙНЕКЕ ГЕРМАН — фашистский генерал, во время второй мировой войны — начальник управления по делам военнопленных; после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. был назначен заместителем Фрейслера — председателя «народной судебной палаты» и приговаривал к расстрелу своих коллег; за совершенные преступления был осужден к смертной казни, но помилован, а через несколько лет досрочно освобожден американцами; ныне благоденствует в Западной Германии — т. II, с. 633; т. III, с. 14, 15, 22, 23, 113—116, 118, 121—127; т. V, с. 388, 463; т. VI, с. 181, 294, 654; т. VII, с. 376, 629
- РЕЙНЕКЕ ГЮНТЕР — главный судья войск СС — т. VI, с. 441, 449—451, 456, 691, 704; т. VII, с. 302, 613
- РЕЙНЕР ФРИДРИХ — фашистский вожак, нацистский гаулейтер Зальцбурга, гитлеровский наместник Нижней Австрии — т. I, с. 525; т. II, с. 169, 180, 181, 183—185, 810, 844, 845, 853; т. V, с. 424, 440, 467, 469, 470, 473—475, 477, 531, 604, 845; т. VI, с. 144, 570, 743; т. VII, с. 199, 524, 554, 644
- РЕЙНЕФАРТ ГЕЙНЦ — группенфюрер СС, особо доверенное лицо Гимлера, палач польского народа, военный преступник; в боннской республике — бургомистр, управляет курортом Зильт — т. III, с. 615; т. VII, с. 577, 636
- РЕЙНТХАЛЕР — нацистский вожак в Австрии, назначенный Гессом, — т. II, с. 762
- РЕЙТЕР — нацистский палач, генеральный комиссар полиции в Нидерландах — т. V, с. 450
- РЕЙХЕНАУ ВАЛЬТЕР — гитлеровский фельдмаршал, военный преступник — т. I, с. 498, 731; т. II, с. 31, 133, 179, 182, 206, 637, 677, 773; т. III, с. 24, 237, 345, 346, 357, 358, 605; т. VII, с. 540, 617
- РЕЙХЕРТ — служитель так называемого Данигского анатомического института — т. III, с. 314, 315; т. IV, с. 545, 546
- РЕМ ЭРНСТ — полковник-монархист, участник кровавого подавления Баварской Советской республики; организатор штурмовых отрядов нацистской партии, участник мюнхенского путча; активно способствовал приходу к власти Гитлера и установлению фашистской диктатуры в Германии; выполнял самые темные и кровавые задания нацистской партии; 30 июня 1934 г. убит по личному приказу Гитлера — т. I, с. 577, 678, 729, 730, 740, 741, 755, 756, 758, 786, 791, 792, 795; т. II, с. 7; т. V, с. 17, 521, 748, 766; т. VI, с. 26, 61, 82, 92, 416, 429, 521, 593, 603, 711; т. VII, с. 167, 321, 421, 429, 435, 492
- РЕМЕР — гитлеровский генерал, комендант г. Киева, военный преступник — т. IV, с. 50

- РЕНДУЛИГ ЛОТАР — гитлеровский генерал, военный преступник — т. VI, с. 286
- РЕНТЕЛЬН — фашистский палач, генеральный комиссар Литвы — т. IV, с. 118, 119, 122
- РЕССИНГ — гитлеровский генерал, германский военный атташе в Финляндии — т. II, с. 512, 627, 628, 660, 661
- РЕТТИГЕР — гитлеровский генерал, начальник штаба 4-й армии — т. VI, с. 271, 272, 671
- РЕХБЕРГ АРНОЛЬД — авантюрист, представитель германского монополистического капитала — т. VII, с. 228
- РИБОЛЬ ФРЕДЕРИК — узник гитлеровского концлагеря Маутхаузен — т. III, с. 62, 198, 199; т. VII, с. 637
- РИДДЕР — гитлеровский палач, комендант гетто в г. Минске — т. IV, с. 85, 86, 91
- РИККЕ ГАНС-ИОАХИМ — статс-секретарь гитлеровского министерства продовольствия и сельского хозяйства, ближайший подручный Геринга и сообщник Розенберга, военный преступник — т. III, с. 429, 430, 501, 676; т. V, с. 164, 171, 172; т. VII, с. 644
- РИККЕР ПАУЛЬ — обершарфюрер СС, нацистский палач — т. IV, с. 433—438
- РИТТ — гитлеровский дипломат, германский посол в Вене, причастен к фашистскому путчу в Австрии, в результате которого был убит канцлер Дольфус — т. II, с. 158, 159, 851; т. V, с. 416, 417, 526, 527
- РИТТЕР К. — гитлеровский дипломат; руководитель торгово-политического отдела министерства иностранных дел; посол в Бразилии; во время второй мировой войны — представитель Риббентропа при ставке Гитлера — т. IV, с. 168, 751, 753; т. V, с. 76, 79, 80, 538
- РИХТГОФЕН — гитлеровский фельдмаршал, командовал 2-м и 4-м воздушными флотами — т. VI, с. 289
- РИХТЕР — профессор, член комитета по вопросам бактериологической войны при гитлеровском верховном командовании — т. VI, с. 293
- РОБЕРТС ДЖЕФФРИ — т. I, с. 90, 545—547; т. II, с. 146—149, 467—475, 785, 808, 825—831; т. III, с. 787—789; т. V, с. 357—382; т. VII, с. 612
- РОДЕ — ротенфюрер СС, врач концлагеря Освенцим, фашистский палач — т. IV, с. 356, 369
- РОДЕ ЭРНСТ — генерал-майор полиции и войск СС, начальник штаба Гимлера, нацистский палач — т. VI, с. 273, 540—542, 671
- РОЗЕНБЛИТ С. Я. — т. I, с. 89
- РОЗЕНКРАНЦ — майор, начальник лагеря № 133 для военнопленных, гитлеровский палач — т. IV, с. 117, 123
- РОЗЕР ПОЛЬ — лейтенант французской армии, узник гитлеровских концлагерей, давал свидетельские показания на Нюрнбергском процессе — т. III, с. 145—151; т. VII, с. 193, 606
- РОЙЗМАН САМУИЛ — узник гитлеровского лагеря уничтожения Треблинка, давал свидетельские показания на Нюрнбергском процессе — т. I, с. 511; т. IV, с. 492—497; т. VII, с. 608, 638
- РОММЕЛЬ ЭРВИН — гитлеровский фельдмаршал, командовал бронетанковой армией — т. II, с. 510; т. V, с. 244; т. VI, с. 290
- РООТ — гауптшарфюрер СС, нацистский палач — т. V, с. 132
- РОППЕРТ — гитлеровский генерал, командовал 7-й пехотной дивизией, военный преступник — т. III, с. 609

- РОРШЕЙДТ ГЮНТЕР — немецкий адвокат (вступил в адвокатуру в 1917 году), на Нюрнбергском процессе вначале защищал Гесса, а затем числился помощником адвоката Латернзера — т. I, с. 92, 204, 255—263, 269, 271, 272
- РУДЕНКО Р. А. — т. I, с. 89, 98, 101, 143, 191—196, 198—202, 263, 364, 459, 544, 797, 799; т. II, с. 105, 106, 150—152, 496, 600—608, 620; т. III, с. 121—123, 139, 140, 521, 522, 556; т. IV, с. 437—439; т. V, с. 21—42, 96—122, 163—175, 384, 558—573, 696; т. VI, с. 313, 339, 688—745; т. VII, с. 195—260, 308, 580, 602, 606, 607—610, 612—614, 630, 648, 655
- РУНДШТЕДТ ГЕРТ — гитлеровский фельдмаршал, военный преступник — т. V, с. 176, 244, 672, 710; т. VI, с. 220, 286, 605, 660, 665, 672, 673, 675, 676; т. VII, с. 539
- РУОФФ РИХАРД — гитлеровский генерал-полковник, командовал 4-й и 17-й бронетанковыми армиями, военный преступник — т. VI, с. 287
- РУСТ БЕРНГАРД — главарь ганноверской организации нацистов, гитлеровский министр просвещения Пруссии — т. III, с. 315
- РЮБЕР — гауптшарфюрер СС, гестаповский палач — т. IV, с. 672; т. VI, с. 508
- РЮСКИЦАЙ-РЮДИГЕР ИМРЕ — генерал-полковник, заместитель военного министра Венгрии — т. II, с. 506, 507, 513, 514, 518, 664, 667, 676—684; т. VII, с. 635
- САЙМОН ДЖОН АЛЛЕСБРУК — английский политический деятель, в 1941 году был лордом-канцлером, вел в Англии переговоры с Рудольфом Гессом — т. V, с. 618, 619
- САЛАШИ — главарь венгерских фашистов, организатор партии «Скрещенные стрелы», созданной в 1934 году по заданию Гимmlера — т. II, с. 676, 798
- САЛМУТ ГАНС — гитлеровский генерал, военный преступник — т. VI, с. 287
- САЛЬГЕ — офицер гестапо, гитлеровский палач — т. IV, с. 605, 613, 614
- САРГО — гестаповец, гитлеровский палач — т. IV, с. 605, 613, 614
- СЕМЕНОВСКИЙ П. С. — судебно-медицинский эксперт — т. III, с. 156—161, 184; т. IV, с. 610
- СЕРВАТИУС РОБЕРТ — немецкий адвокат (в адвокатуру вступил в 1924 году), на Нюрнбергском процессе защищал Заукеля и руководящий состав нацистской партии — т. I, с. 92, 207, 236, 249; т. II, с. 618; т. III, с. 587, 591, 592; т. V, с. 594, 670, 805—817, 856; т. VI, с. 351—358, 365—400, 554, 564, 566, 697; т. VII, с. 308, 309
- СИДОР — так называемый премьер-министр Словакии, гитлеровский агент — т. II, с. 302, 303
- СИЛИАКС ОТТО — гитлеровский адмирал, командовал военно-морскими силами в Норвегии — т. VI, с. 288
- СИМОН — обергруппенфюрер СС, командовал дивизией СС «Мертвая голова», фашистский палач — т. VI, с. 708
- СИМОН ГУСТАВ — нацистский гаулейтер Кобленца — Трира и Люксембурга — т. IV, с. 263
- СМИРНОВ Л. Н. — т. I, с. 89, 560, 561; т. III, с. 79, 164—190, 203—317, 401, 593—598; т. IV, с. 7—39, 155—159, 492—497, 618—621, 727—739; т. V, с. 157—162, 176—184; т. VII, с. 607, 608, 610, 611, 613
- СОЛОМОН ЖАК — французский коммунист, выдающийся физик, ученик Кюри; активный деятель Сопротивления; в феврале 1942 года был

- арестован гитлеровцами вместе со своей женой и после долгих пыток расстрелян — т. IV, с. 171, 181, 183, 395, 396
- СТИР — капитан 3-го ранга, начальник бюро переводов Международного Военного Трибунала — т. VII, с. 562, 580
- СТОРИ РОБЕРТ — т. I, с. 89, 187, 191, 192, 231, 551, 556, 565, 579, 633, 634, 661; т. III, с. 578; т. IV, с. 804; т. VI, с. 7—99, 158—204, 262, 265; т. VII, 553
- СТРУЗА — принц, министр иностранных дел в правительстве Антонеску — т. II, с. 500, 691
- СУНЛО КОНРАД — полковник, комендант Нарвика, сообщник Квислинга — т. II, с. 440, 458, 459
- СУРЕС ДАВИД — узник Освенцима; подвергался изуверским операциям эсэсовских врачей — т. IV, с. 32, 355, 357, 358
- СУЦКЕВЕР А. Г. — писатель, очевидец злодеяний гитлеровцев, давал свидетельские показания на Нюрнбергском процессе — т. IV, с. 727—732, 896; т. VII, с. 608
- ТАЛЬВЕЛЛА — генерал, уполномоченный Маннергейма при ставке Гитлера — т. II, с. 512, 660
- ТАМЛЕР — обергруппенфюрер СС, один из доверенных Гимmlера, принимал участие в производстве «Фау» и запуске их на города Англии — т. V, с. 487
- ТАФС — один из нацистских главарей, агентов Гитлера в Австрии — т. II, с. 209
- ТВАРДОВСКИЙ Ф. — гитлеровский дипломат, легационный советник; советник посольства в Москве, заместитель руководителя «культурно-политического» отдела министерства иностранных дел — т. II, с. 224, 384
- ТЕЛЕКИ ПАУЛЬ — граф, премьер-министр Венгрии — т. II, с. 668, 679
- ТЕРБОВЕН ИОЗЕФ — обергруппенфюрер СС, нацистский гаулейтер Эссена, гитлеровский рейхскомиссар оккупированной Норвегии; после капитуляции покончил жизнь самоубийством — т. I, с. 662; т. II, с. 453, 463; т. III, с. 473, 757; т. IV, с. 173, 267, 269; т. V, с. 782, 793; т. VI, с. 696; т. VII, с. 448
- ТИДЕМАН — полицейфюрер, участник гитлеровских злодеяний на территории Латвийской ССР — т. IV, с. 105
- ТИЛЛО — оберштурмфюрер СС, врач концлагеря Освенцим, фашистский палач — т. I, с. 487; т. IV, с. 356, 369
- ТИМ — заместитель Заукеля, военный преступник — т. III, с. 667, 668
- ТИППЕЛЬСКИРХ КУРТ — гитлеровский генерал, начальник отдела иностранных армий генштаба, участник разработки планов нападения на СССР, военный преступник — т. II, с. 490, 641; т. VI, с. 290
- ТИРАК ОТТО ГЕОРГ — гитлеровский министр юстиции, соучастник Гимmlера, военный преступник — т. III, с. 92, 703, 723; т. IV, с. 277, 579; т. V, с. 5, 811; т. VI, с. 37, 131, 198, 570, 743; т. VII, с. 25, 123
- ТИСО ИОСЕФ — предатель словацкого народа, главарь фашистской так называемой «Словацкой народной партии»; действуя по прямому указанию Гитлера, активно помогал расчленению Чехословацкой Республики в марте 1939 года, после чего стал президентом марионеточного Словацкого государства; пользовался особой поддержкой Ватикана; после освобождения Чехословакии был предан Народному суду и казнен — т. II, с. 302—305, 776; т. V, с. 56, 153, 665

- ТКЕЛЬ — фашистский палач, участник гитлеровских злодеяний на территории Латвийской ССР — *т. IV*, с. 106
- ТОДТ ФРИЦ — гитлеровский военный инженер, руководил всеми военно-строительными организациями «третьего рейха»; военный преступник; в 1942 году погиб при автомобильной катастрофе — *т. I*, с. 137, 149, 424, 451, 489; *т. II*, с. 80, 274, 557, 590, 695; *т. III*, с. 83, 98, 99, 323, 647, 662, 697, 717, 719, 720, 733, 763, 764, 770; *т. IV*, с. 132, 720; *т. V*, с. 484—486, 752, 811, 859; *т. VI*, с. 181, 539; *т. VII*, с. 252, 498, 639, 640
- ТОЛЬЦ КАРЛ — заместитель гаулейтера Франконии, сообщник Штрейхера — *т. V*, с. 745
- ТОМА АЛЬФРЕД — немецкий адвокат, с 1926 года был областным судьей, в 1938—1941 гг. — военный прокурор ВВС; на Нюрнбергском процессе защищал Розенберга — *т. I*, с. 92, 207, 213, 229, 230; *т. III*, с. 367, 427; *т. IV*, с. 465—467; *т. V*, с. 690—707; *т. VII*, с. 308, 611
- ТОМАС — бригаденфюрер СС, главарь так называемой «эйнзатцгруппы С», фашистский палач — *т. I*, с. 490; *т. IV*, с. 626
- ТОМАС Г. — гитлеровский генерал, военный преступник; начальник управления вооружения и военной экономики верховного командования вооруженных сил; в 1935—1936 гг. член комиссии по разработке «четырёхлетнего плана», ближайший помощник Геринга — *т. I*, с. 636, 750, 751, 753; *т. II*, с. 11, 17, 24—26, 35, 38, 46, 80, 529, 530, 540—543, 552, 554, 557, 663, 667, 679, 680; *т. III*, с. 416; *т. IV*, с. 672; *т. V*, с. 74, 164, 527, 656, 663, 756; *т. VI*, с. 67; *т. VII*, с. 207, 228, 357
- ТОМС АЛЬБЕРТ — советник рейхсбанка Германии — *т. IV*, с. 526—532, 534, 535, 539—543; *т. V*, с. 760
- ТОННИНГЕН (РОСТ ВАН ТОННИНГЕН) — голландский фашист, военный преступник, сообщник Зейсс-Инкварты — *т. IV*, с. 281; *т. V*, с. 450, 451
- ТОПОЛА — полковник, начальник оперативного отдела финского генерального штаба — *т. I*, с. 475; *т. II*, с. 622, 623, 627—630
- ТОПФ И. — глава немецкой фирмы, снабжавшей гитлеровские лагеря смерти оборудованием для истребления людей — *т. IV*, с. 352, 353, 369
- ТРАЙБХОЛЬЦ — гитлеровский палач, комендант г. Пушкино, военный преступник — *т. III*, с. 541
- ТРАЙНИН А. Н. — член-корреспондент Академии наук СССР, по поручению Советского правительства подписал соглашение об учреждении Международного Военного Трибунала — *т. I*, с. 65
- ТРАЙНИН И. П. — академик, член Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков — *т. III*, с. 254; *т. IV*, с. 50, 139, 142
- ТРАУТЕ — гитлеровский генерал, военный преступник, участник фашистских злодеяний на территории Белорусской ССР — *т. IV*, с. 91
- ТРЕСТИОРАНУ — военный преступник из клики Антонеску, непосредственный виновник смерти 20 тысяч советских граждан — *т. III*, с. 513
- ТРОЛЛ — военный преступник, участник злодеяний гитлеровцев в Югославии — *т. I*, с. 127
- ТРОМ — капитан гитлеровской армии, военный преступник — *т. IV*, с. 56, 64
- ТУКА АДАЛЬБЕРТ (БЕЛА) — фашист, предатель словацкого народа, в период 1939—1944 гг. премьер Словацкого марионеточного «правительства», созданного по указке Гитлера; военный преступник — *т. II*, с. 221, 296, 299, 300, 777; *т. IV*, с. 714; *т. V*, с. 153

- ТУМАНН — оберштурмфюрер СС, заместитель начальника лагеря смерти на Майданеке, гитлеровский палач — *т. III*, с. 216; *т. IV*, с. 377
- ТУРНЕР — фашистский палач, начальник штаба гражданского управления гитлеровского военного коменданта Сербии, военный преступник — *т. II*, с. 252, 253
- ТУССЕН РУДОЛЬФ — гитлеровский полковник генерального штаба, военный атташе в Венгрии — *т. II*, с. 670, 671
- ТЭЙЛОР ТЕЛЬФОРД — *т. I*, с. 89; *т. VI*, с. 193, 205—279, 335, 521, 622, 654—677; *т. VII*, с. 307, 605, 614
- УДЕТ ЭРНСТ — генерал, генеральный директор по снаряжению и снабжению, один из создателей гитлеровских военно-воздушных сил — *т. VI*, с. 220
- УЙЛЕР ЛЕОНАР — *т. I*, с. 90, 660
- УЙСАСИ ШТЕФАН — генерал-майор, бывший начальник разведки и контрразведки венгерского генерального штаба — *т. II*, с. 514—519, 665—675, 679; *т. VII*, с. 628
- УНЦИНГЕР — генерал, глава французской делегации в комиссии по перемирию — *т. IV*, с. 219, 221, 222, 225
- УОЛЛИС ФРЭНК — *т. I*, с. 90, 231, 232, 565—592; *т. IV*, с. 298; *т. VI*, с. 56
- УОЛШ УИЛЬЯМ — *т. I*, с. 90; *т. IV*, с. 657—677, 804, 819; *т. VI*, с. 140—143, 149, 266
- УЛЬМАН — шарфюрер СС, гитлеровский палач, участник фашистских злодеяний на территории Львовской области — *т. IV*, с. 82
- УТИКАЛЬ ГЕРХАРД — рейхсгауптштелленлейтер, один из ближайших подручных Розенберга, военный преступник — *т. III*, с. 522, 561, 574, 577; *т. IV*, с. 765; *т. VI*, с. 49; *т. VII*, с. 640
- ФАБЕР дю ФОР — генерал, начальник районной администрации, военный преступник — *т. IV*, с. 181
- ФАБРИЦИУС — гитлеровский дипломат; в 1941 году посол в Румынии — *т. II*, с. 498, 686
- ФАЛЬКЕНХАУЗЕН АЛЕКСАНДР — гитлеровский генерал, военный губернатор Бельгии и Северной Франции, фашистский палач — *т. III*, с. 726—728, 735, 757, 758, 761; *т. IV*, с. 172—174
- ФАЛЬКЕНХОРСТ НИКОЛАУС — гитлеровский генерал-полковник, командовал нацистскими войсками в Норвегии; военный преступник, приговорен к смертной казни — *т. I*, с. 189; *т. II*, с. 132, 133, 444, 445, 448, 629, 630, 661; *т. III*, с. 473; *т. IV*, с. 183; *т. VI*, с. 220, 244, 247, 290, 666
- ФАЛЬКЕНШТЕЙН — офицер связи ВВС при ставке Гитлера — *т. I*, с. 317; *т. II*, с. 741; *т. VII*, с. 359
- ФАЛЬКО РОБЕР — *т. I*, с. 65, 87, 797; *т. VII*, с. 307, 513
- ФАРР УОРРЕН — *т. I*, с. 90; *т. VI*, с. 100—157, 161, 262, 265, 266
- ФЕГЕЛЕЙН — группенфюрер СС, один из ближайших сообщников Гимmlера и его представитель при ставке Гитлера — *т. V*, с. 245
- ФЕГЛЕР АЛЬБЕРТ — крупнейший финансовый и промышленный магнат, активно содействовал приходу к власти Гитлера и финансировал его партию; военный преступник — *т. II*, с. 13, 14, 28; *т. V*, с. 226
- ФЕМЕР — гестаповец, участник гитлеровских злодеяний в Норвегии — *т. IV*, с. 284, 285

- ФЕРСТЕ ЭРИХ — гитлеровский адмирал, командовал Северной военно-морской базой — *т. VI*, с. 288
- ФЕРСТЕР — эсэсовский палач, один из подручных Кальтенбруннера — *т. IV*, с. 786; *т. VI*, с. 153
- ФЕРСТЕР — член совета обороны, соучастник Шираха, военный преступник — *т. V*, с. 301
- ФЕРСТЕР В. — гитлеровский генерал, ныне преуспевает в Западной Германии — *т. VII*, с. 101, 661
- ФЕРСТЕР НОРМАН ПАУЛЬ — оберштурмфюрер 4-й роты батальона особого назначения войск СС, военный преступник — *т. I*, с. 500; *т. III*, с. 522—524, 551; *т. V*, с. 101; *т. VII*, с. 628, 644
- ФЕРЧ ГЕРМАН — гитлеровский генерал, военный преступник — *т. VI*, с. 283
- ФИГЛЬ ЛЕОПОЛЬД — австрийский политический и государственный деятель, бывший узник гитлеровского концлагеря — *т. V*, с. 844
- ФИЛИМОР Г. Дж. — *т. I*, с. 90, 191, 195, 201, 557; *т. II*, с. 370, 787; *т. IV*, с. 836—856
- ФИНКС ГАНС — фашистский палач, гебитскомиссар г. Вильноса в период немецкой оккупации — *т. V*, с. 229, 230, 232
- ФИСЛЕР — гитлеровский генерал, военный преступник — *т. I*, с. 123
- ФИШБАХ — подручный Зейсс-Инкварта, участник нацистских преступлений против голландского народа — *т. V*, с. 450
- ФИШЕР — эсэсовский врач, производил изуверские опыты над заключенными Освенцима, гитлеровский палач — *т. IV*, с. 354, 356, 369
- ФИШЕР — военный преступник, гитлеровский комендант г. Енакиево в период немецкой оккупации — *т. IV*, с. 60, 64
- ФИШЕР — начальник центрального управления уголовной полиции главного имперского управления безопасности, гитлеровский палач — *т. VI*, с. 196
- ФИШЕР Д. — один из подручных Шираха, военный преступник — *т. IV*, с. 863; *т. V*, с. 301—303, 315
- ФИШЕР ЛЮДВИГ — один из подручных Гимmlера, губернатор Варшавского округа в период фашистской оккупации, палач польского народа; в 1947 году приговорен Верховным национальным трибуналом Польской Республики к смертной казни — *т. III*, с. 260, 391, 614; *т. IV*, с. 489, 578, 601; *т. VII*, с. 248, 626
- ФЛЕХСНЕР ГАНС — немецкий адвокат (вступил в адвокатуру в 1924 году), на Нюрнбергском процессе защищал Шпеера — *т. I*, с. 93, 523, 535, 536; *т. V*, с. 852—862; *т. VII*, с. 309
- ФЛОИТЕР — участник гитлеровских преступлений на территории Сталинской области, военный преступник — *т. IV*, с. 54, 65
- ФОГЕЛЬ ЭРИХ — гестаповский палач — *т. VI*, с. 89, 90
- ФОГЛЕР — военный преступник, комендант г. Макеевка в период фашистской оккупации — *т. III*, с. 555; *т. IV*, с. 58, 64
- ФОГЛЬ — гитлеровский генерал, глава комиссии по перемирию с Францией — *т. III*, с. 331, 733
- ФОЛЬБРЕХТ — штурмфюрер СС, нацистский палач — *т. III*, с. 58—60, 62; *т. VI*, с. 707
- ФОЛЬГМАН — один из подручных Геринга по ВВС — *т. II*, с. 113
- ФОЛЬЦ ГАНС — нацист, историк гитлеровской партии — *т. I*, с. 654, 704, 709; *т. VII*, с. 316

- ФОР ЭДГАР — *т. I*, с. 91, 191—193, 545, 548; *т. III*, с. 369—380, 442—452; *т. IV*, с. 198, 241—283; *т. V*, с. 86—95
- ФОРБС ДЖОРДЖ — посол Англии в Германии — *т. II*, с. 408—410, 412, 413, 418
- ФОРРИНК ЯКУБУС — политический деятель Голландии, узник гитлеровского концлагеря, давал свидетельские показания на Нюрнбергском процессе — *т. IV*, с. 279—283
- ФОРСТЕР АЛЬБЕРТ — один из главарей гитлеровской партии, нацистский гаулейтер Данцига, военный преступник; в 1947 году приговорен в Польше к смертной казни — *т. II*, с. 234, 350; *т. III*, с. 315; *т. IV*, с. 546, 561; *т. VII*, с. 630
- ФОСС ГАНС — гитлеровский адмирал — *т. VII*, с. 257, 645
- ФОХТ — сотрудник гитлеровской жандармерии, фашистский палач — *т. III*, с. 285; *т. IV*, с. 48, 50
- ФРАНК — бригаденфюрер СС, фашистский палач — *т. IV*, с. 529, 530
- ФРАНК — начальник отделения полиции безопасности в период фашистской оккупации Либавы, военный преступник — *т. IV*, с. 33; *т. VII*, с. 642
- ФРАНК КАРЛ ГЕРМАН — обергруппенфюрер СС, заместитель Генлейна по Судето-немецкой партии; статс-секретарь и высший руководитель СС и полиции при Нейрате в бытность его «протектором Богемии и Моравии»; фашистский палач; после освобождения Чехословакии казнен как военный преступник — *т. II*, с. 222—225, 229, 289, 291, 293, 300, 384; *т. III*, с. 261, 530; *т. IV*, с. 10, 867; *т. V*, с. 49, 539, 541—548, 550, 551, 555, 556, 738, 871; *т. VI*, с. 61, 464, 719; *т. VII*, с. 122, 123, 185, 254, 255, 505, 645, 646
- ФРАНЦ КУРТ — оберштурмбаннфюрер СС, комендант гитлеровского лагеря уничтожения Трелинка, фашистский палач — *т. IV*, с. 494, 495; *т. VI*, с. 705
- ФРАУЭНДОРФЕР — рейхсгауптамтслейтер — подручный Ганса Франка, военный преступник — *т. IV*, с. 598, 814, 815
- ФРЕВЕРТ КАРЛ — житель г. Ганновера (Германия), очевидец злодеяний гитлеровцев — *т. III*, с. 194, 195
- ФРЕЙД ЗИГМУНД — австрийский физиолог и психолог, основатель теории психоанализа; идеалистического течения в психологической науке (фрейдизм); после захвата Австрии гитлеровцы заключили Фрейда в гетто, а его четыре сестры были умерщвлены в лагерях смерти; Фрейд был освобожден за крупную сумму, внесенную принцессой Марией Бонапарт, переехал в Англию, где вскоре скончался, — *т. IV*, с. 495
- ФРЕЙДА — известный голландский профессор-экономист, замучен гитлеровцами в Освенциме — *т. IV*, с. 365
- ФРЕДЕРИЧЕ — гитлеровский генерал, командующий войсками в Чехословакии, военный преступник — *т. IV*, с. 867; *т. V*, с. 539, 541, 542, 548; *т. VII*, с. 254, 645
- ФРЕТТЕР-ПИКО МАКСИМИЛИАН — гитлеровский генерал, военный преступник — *т. VI*, с. 283
- ФРЕУНД — фашистский палач, заместитель так называемого рейхскомиссара «Остланд», военный преступник — *т. IV*, с. 122
- ФРИКЕ КУРТ — гитлеровский адмирал; начальник оперативного отдела, начальник главного военно-морского штаба, командующий Южной группой ВМС — *т. II*, с. 453, 837; *т. V*, с. 247, 280, 292; *т. VI*, с. 220, 243, 248, 281, 288, 663

- ФРИСНЕР ИОГАНН — гитлеровский генерал, военный преступник — *т. IV*, с. 134; *т. VI*, с. 283
- ФРИЦ ГЕЙНЦ — немецкий адвокат, на Нюрнбергском процессе защищал Фриче — *т. I*, с. 93; *т. II*, с. 618; *т. V*, с. 873—877; *т. VII*, с. 309
- ФРИЧ ВЕРНЕР — генерал-полковник, главнокомандующий германскими сухопутными силами — *т. I*, с. 293, 294, 363, 606, 614, 615; *т. II*, с. 59, 62; *т. V*, с. 269, 271, 272, 289, 440, 533, 626; *т. VI*, с. 71, 208, 210, 228, 405, 531, 544; *т. VII*, с. 22, 72, 146, 153, 169, 178, 331, 333, 435, 442, 471, 494, 503
- ФРОММ ФРИЦ — гитлеровский генерал-полковник, командовал резервной армией — *т. II*, с. 488, 653, 667, 679, 680
- ФУЛЛЕР ГЕОРГ — американский дипломат; в 1935—1936 гг. — консул в Германии — *т. V*, с. 764; *т. VII*, с. 240, 520
- ФЮСТЕР СЕРЖ — *т. I*, с. 91
- ХАГЕЛИН ВИЛЬЯМ — один из вожakov норвежских фашистов, гитлеровский агент — *т. II*, с. 439, 441, 442, 446, 447, 456, 457, 784, 861; *т. V*, с. 280, 282, 705, 706; *т. VI*, с. 242; *т. VII*, с. 77
- ХАГЕН БРУНО — гауптштурмфюрер, эсэсовский врач, производил изуверские опыты над заключенными — *т. IV*, с. 478
- ХАЙСМАЙЕР — обергруппенфюрер СС, гитлеровский палач — *т. VI*, с. 127
- ХАММЕН — глава германской делегации в Висбадене — *т. IV*, с. 219—227, 232—235, 237, 238
- ХАНДЛОЗЕР — гитлеровский генерал-полковник медицинской службы, начальник военно-санитарной инспекции; принимал личное участие в изуверских опытах над заключенными Бухенвальда — *т. IV*, с. 428; *т. VI*, с. 294, 295, 298
- ХАНН — оберштурмбаннфюрер СС, начальник полиции безопасности Варшавы, фашистский палач — *т. V*, с. 148, 150, 151
- ХАННЕКЕН (ГАННЕКЕН) ГЕРМАН — гитлеровский генерал, один из ближайших подручных Геринга; в 1936 году генеральный уполномоченный по черной металлургии управления «четырёхлетнего плана»; играл крупную роль в военной экономике «третьего рейха»; командовал оккупационными войсками в Дании, палач датского народа — *т. II*, с. 541, 545, 572; *т. IV*, с. 258—260, 266; *т. V*, с. 74, 138
- ХАРМАЗИН (КАРМАЗИН) ГАНС — вожак словацких фашистов, гитлеровский агент — *т. II*, с. 221, 297—299
- ХАРРИС УИТНЕЙ — *т. I*, с. 90
- ХАУЗЕН — гитлеровский генерал, участник злодеяний гитлеровцев на территории Белорусской ССР — *т. IV*, с. 91
- ХАУС — нацистский крейсleiter в Вецларе — *т. VI*, с. 385
- ХАУССЕР ПАУЛЬ — обергруппенфюрер и генерал-полковник войск СС, командовал дивизией СС «Рейх» и 7-й армией, военный преступник; преуспевает в боннской республике — *т. VI*, с. 284, 450, 555, 703; *т. VII*, с. 614
- ХВАЛКОВСКИЙ Ф. — министр иностранных дел Чехословакии с 1 декабря 1938 г., вместе с Гаха подписал 15 марта 1939 г. акт о ликвидации независимости Чехословакии — *т. I*, с. 368; *т. II*, с. 71, 226—228, 296, 306—308, 310, 394, 397—399; *т. VII*, с. 339, 633
- ХЕЕР ГЕЛЬМУТ — гитлеровский адмирал, командовал так называемым «москитным флотом» — *т. V*, с. 288

- ХЕЙЗИГ ПЕТЕР ИОСИФ — офицер гитлеровского военно-морского флота, давал свидетельские показания на Нюрнбергском процессе — *т. IV*, с. 849—850
- ХЕЙНЕС (ГЕЙНЕС) ЭДМУНД — один из приближенных Гитлера, полицей-президент Бреслава, командир штурмовиков, участник поджога рейхстага; убит во время «чистки Рема» по приказу Гитлера, так как располагал разоблачающими материалами, — *т. V*, с. 17
- ХЕЙНРИХ — один из подручных Ганса Франка, начальник управления пропаганды в так называемом генерал-губернаторстве — *т. III*, с. 153—155, 187
- ХЕЛЬДОРФ (ГЕЛЬДОРФ) — граф, один из приближенных Гитлера, полицей-президент Берлина, командир отряда штурмовиков; участник поджога рейхстага — *т. V*, с. 17
- ХЕЛЬРИГЕЛЬ АЛОИЗ — эсэсовец, охранник Маутхаузена, допрашивался на Нюрнбергском процессе — *т. IV*, с. 440—444, 785; *т. V*, с. 125, 799
- ХЕНЗЕЛЬ КАРЛ — немецкий юрист, на Нюрнбергском процессе участвовал в качестве помощника адвоката Пельмана, защищавшего организацию СС, — *т. I*, с. 93, 769—771
- ХЕРСТЕРБЕРГ — гитлеровский генерал, палач югославского народа, военный преступник — *т. I*, с. 136, 137
- ХЕТТЛЬ (ГЕТТЛЬ) ВИЛЬГЕЛЬМ — один из подручных Гимmlера и Кальтенбруннера, крупный нацистский шпион и агент американской разведки, непосредственно был связан с Алленом Даллесом — *т. I*, с. 214; *т. IV*, с. 677; *т. V*, с. 134, 139, 679—681, 684—686; *т. VI*, с. 513, 723; *т. VII*, с. 685, 686
- ХИНГСТ — гитлеровский палач, так называемый гебитскомиссар г. Вильнюса в период фашистской оккупации, военный преступник — *т. IV*, с. 108, 122
- ХИНКЕЛЬ — полковник армии США, участвовал в расследовании преступлений главных немецких военных преступников — *т. IV*, с. 765, 766
- ХИРЛЬ КОНСТАНТИН — автор военных программ нацистов, докладчик по военным вопросам на партийтагах; в 1929 году — руководитель отдела трудовой повинности нацистской партии, а впоследствии рейхсфюрер по вопросам труда — *т. I*, с. 689
- ХИРТ — эсэсовский профессор в чине гауптштурмфюрера; один из организаторов массовых изуверских опытов над заключенными — *т. IV*, с. 288, 289, 473—477; *т. VI*, с. 609
- ХИРТ Э. — блоклейтер нацистской партии в Нюрнберге — *т. VI*, с. 377, 559
- ХОГЕНЛОЕ (ГОГЕНЛОЭ) — принц, штандартенфюрер СС; его отец Макс Гогенлоэ служил фашистам в качестве посредника при переговорах Ренсимена и Генлейна, Гимmlера и Аллена Даллеса, а он выполнял роль гитлеровского палача на территории Эстонской ССР — *т. IV*, с. 135
- ХОИЗИНГЕР АДОЛЬФ — при Гитлере генерал-лейтенант, начальник оперативного отдела генерального штаба сухопутных сил, непосредственный участник нападения фашистских армий на народы Европы; военный преступник; ныне генеральный инспектор и начальник руководящего штаба бундесвера — *т. VI*, с. 219, 273, 276, 671; *т. VII*, с. 115, 671
- ХОЙЛЕР — группенфюрер СС, заместитель и соучастник Функа — *т. VII*, с. 199, 242
- ХОЛМ — генерал-лейтенант медицинской службы, участник гитлеровской провокации в Катани — *т. III*, с. 180

- ХОЛЬЦ — фашистский вожак, заместитель гаулейтера — *т. IV*, с. 829
- ХОМЛОК АЛЕКСАНДР — полковник генерального штаба, венгерский военный атташе в Берлине — *т. II*, с. 515, 667, 679
- ХОРН MARTIN — немецкий адвокат, в 1939—1944 г. — офицер гитлеровской армии, на Нюрнбергском процессе защищал Риббентропа — *т. I*, с. 92, 204, 229, 549, 649, 650; *т. II*, с. 619, 620; *т. V*, с. 622—648, 667, 768; *т. VII*, с. 308, 585
- ХОРТИ НАГИБАНЯ МИКЛОШ — адмирал, регент и диктатор Венгрии с 1920 года по 1944 год; активный участник подавления венгерской революции в 1919 году, руководитель сегединского контрреволюционного движения; в 1941 году стал открытым вассалом Гитлера и принял участие в нападении на СССР — *т. II*, с. 268, 269, 303, 304, 668, 676—680, 684; *т. IV*, с. 722; *т. V*, с. 94, 423, 424, 666; *т. VII*, с. 132, 142, 178, 217, 444
- ХУК — офицер гитлеровской армии, участник фашистских злодеяний в г. Мариуполе, военный преступник — *т. IV*, с. 61, 64
- ХУПФАЕР ТЕО — один из заправил так называемого «германского трудового фронта», руководил этой организацией в Эссене; офицер связи с министерством вооружения и боеприпасов, сообщник Шпеера — *т. V*, с. 507; *т. VI*, с. 556
- ЦВЕТКОВИЧ — премьер-министр Югославии в 1941 году — *т. II*, с. 246, 247, 376, 787
- ЦВИКЛЕР — гитлеровский полковник, начальник штаба танковой группы Клейста — *т. II*, с. 489, 654
- ЦЕИТЦЛЕР КУРТ — гитлеровский генерал-полковник — *т. VI*, с. 273
- ЦЕИТШЕЛЬ К. — штурмбаннфюрер СС, соучастник Абеца, военный преступник — *т. V*, с. 90
- ЦЕНФЕННИГ — гитлеровский комендант г. Вильнюса во время немецкой оккупации, фашистский палач — *т. IV*, с. 728
- ЦЕРНАТТО ГВИДО — австрийский государственный деятель, статс-секретарь — *т. II*, с. 184, 198, 204, 205, 212, 216; *т. V*, с. 470, 472, 473, 475—477, 843
- ЦЕХЕНДЕР — штандартенфюрер СС, командовал 17-м кавалерийским полком 8-й дивизии СС, военный преступник — *т. VI*, с. 273
- ЦИГЛЕР — генерал-майор, командир дивизии «Нидерланд», участник злодеяний гитлеровцев на территории Эстонской ССР — *т. IV*, с. 135
- ЦИРАИС (ЗИРЕЙС) ФРАНЦ — штандартенфюрер СС, комендант концлагеря Маутхаузен, изобретатель первой «душегубки», фашистский палач; был арестован 23 мая 1945 г. — *т. IV*, с. 435, 444, 785—787; *т. V*, с. 131, 133—139; *т. VII*, с. 138—140
- ЦУТАВЕРН — генерал-лейтенант, участник злодеяний гитлеровцев на территории Белорусской ССР, военный преступник — *т. IV*, с. 91
- ЦУТТЕР АДОЛЬФ — подручный коменданта концлагеря Маутхаузен, военный преступник — *т. V*, с. 133, 684; *т. VII*, с. 375
- ЧИАНО ГАЛЕАЦЦО — итальянский фашист, с 1936 года министр иностранных дел; летом 1943 года примкнул к оппозиции фашистской верхушки против Муссолини; в январе 1944 года был предан суду и расстрелян — *т. I*, с. 376, 386; *т. II*, с. 317, 334, 346—348, 371, 372, 375, 677, 745, 746, 769, 780, 781, 786; *т. V*, с. 67—69, 71, 81, 93; *т. VII*, с. 24, 178, 215, 354
- ЧИРСКИЙ ФРИЦ-ГЮНТЕР — один из ближайших сотрудников Папена — *т. V*, с. 406, 410, 443—447, 522; *т. VII*, с. 524

- ШАМПЕТЬЕ ДЕ РИБ — *т. I*, с. 90, 201, 202; *т. VI*, с. 336—339, 678—687; *т. VII*, с. 158—194, 272, 308, 608, 613, 614
- ШАТТЕНФРОХ — один из лидеров австрийских нацистов — *т. V*, с. 436, 437
- ШВАРЦ — гитлеровский офицер, осквернитель Ясной Поляны, нацистский варвар — *т. III*, с. 540
- ШВАРЦ — эсэсовский офицер, начальник лагеря уничтожения Освенцим-III, фашистский палач — *т. III*, с. 291; *т. IV*, с. 369
- ШВАРЦ ФРАНЦ — фашистский вожак, казначей НСДАП — *т. III*, с. 578; *т. VI*, с. 11
- ШВАРЦГУБЕР ГАНС — оберштурмфюрер СС, комендант лагеря уничтожения Биркенау (филиал Освенцима); с января 1945 года заместитель коменданта концлагеря Равенсбрюк, фашистский палач; в феврале 1947 года повешен в Гамбурге по приговору трибунала — *т. IV*, с. 369.
- ШВЕЙХЕНБЕРГ — начальник так называемой «зондеркоманды» г. Вильнюса, гитлеровский палач — *т. IV*, с. 727—731
- ШЕВАЛЬЕ КУРТ — гитлеровский генерал, военный преступник — *т. VI*, с. 283
- ШЕЕР — генерал полиции, фашистский палач, организатор гитлеровских злодеяний в г. Киеве — *т. IV*, с. 40, 50
- ШЕЙДТ ГАНС-ВИЛЬГЕЛЬМ — доверенное лицо Гитлера, один из заправил внешнеполитического отдела нацистской партии, сообщник Розенберга и Квислинга — *т. II*, с. 443, 446, 457, 459
- ШЕЙНГАРТ — высший руководитель СС и полиции в Нидерландах, гитлеровский палач — *т. IV*, с. 692; *т. V*, с. 461, 462
- ШЕЙНИН Л. Р. — *т. I*, с. 89, 560; *т. III*, с. 383—431; *т. VII*, с. 607
- ШЕЛЛЕНБЕРГ ВАЛЬТЕР — фашистский палач, один из ближайших подручных Гимmlера, начальник VI управления главного имперского управления безопасности — *т. I*, с. 189, 745, 746; *т. IV*, с. 624, 782, 790; *т. V*, с. 139, 141, 154, 770; *т. VI*, с. 97, 162, 167, 270, 271, 497, 513, 514, 540—542, 625, 629, 670, 715, 725, 736; *т. VII*, с. 101, 225, 539, 560, 605
- ШЕНХАБЕР — начальник гестапо в г. Вильнюсе, гитлеровский палач — *т. IV*, с. 728
- ШЕППМАН ВИЛЬГЕЛЬМ — фашистский палач, с 1943 года начальник штаба штурмовых отрядов гитлеровской партии; ныне возобновил свою деятельность в Западной Германии в качестве представителя реваншистского «общегерманского блока» — *т. VI*, с. 710
- ШЕРНЕР ФЕРДИНАНД — гитлеровский фельдмаршал, военный преступник — *т. IV*, с. 105; *т. VI*, с. 287; *т. VII*, с. 257, 645
- ШЕРТЕРЛАН — чиновник гестапо, фашистский палач — *т. IV*, с. 605, 613
- ШЕРФ ВАЛЬТЕР — генерал при ставке Гитлера, один из официальных историков фашистского вермахта — *т. V*, с. 255; *т. VI*, с. 270; *т. VII*, с. 325, 326
- ШЕТЕР — гитлеровский палач, орудовавший в Освенциме, — *т. IV*, с. 369
- ШЕФЕР — гитлеровский генерал, военный преступник — *т. III*, с. 609
- ШЕФФЕР — штурмбаннфюрер СА, комендант концлагеря Ораниенбург, гитлеровский палач — *т. VI*, с. 592, 712
- ШИБЕР ВАЛЬТЕР — нацистский вожак, заместитель министра вооружения и военного производства — *т. V*, с. 508, 509, 860
- ШИДЛОВСКИЙ — эсэсовский палач, главный врач концлагеря Бухенвальд — *т. IV*, с. 500, 502, 508

- ШИЛЛЕ — начальник полиции безопасности и СД, фашистский палач — т. IV, с. 106
- ШИЛЛЕР ФРИДРИХ — один из сообщников Розенберга по «эйнзатцштабу», военный преступник — т. III, с. 561
- ШИЛЛИНГ КЛАУС — эсэсовский врач, производил массовые изуверские опыты над заключенными; военный преступник — т. IV, с. 447, 454, 462, 485, 486, 488
- ШИЛФ АЛЬФРЕД — помощник немецкого адвоката, защищавшего на Нюрнбергском процессе Фриче, — т. I, с. 93
- ШИММЕР — один из сообщников Зейсс-Инкварта, палач голландского народа — т. V, с. 450
- ШИРМАН — гитлеровский генерал, участник фашистских злодеяний на территории Белорусской ССР; военный преступник — т. IV, с. 91
- ШИТНИГ — командир 512-го полка гитлеровской армии, военный преступник — т. I, с. 495; т. III, с. 604; т. VII, с. 628
- ШЛЕГЕЛЬ — чиновник гитлеровской тайной полевой полиции, участник фашистских злодеяний в г. Минске — т. IV, с. 91
- ШЛЕГЕЛЬБЕРГЕР ФРАНЦ — статс-секретарь гитлеровского министерства юстиции, военный преступник; в 1947 году за преступление против человечности приговорен к пожизненному заключению, но уже в 1952 году выпущен на свободу; боннские власти выдали ему солидную денежную компенсацию и назначили пенсию в 2894 марки ежемесячно (в 5 раз больше заработка высококвалифицированного рабочего) — т. IV, с. 697—699; т. VI, с. 627
- ШЛЕЗИНГЕР — руководитель имперского управления пропаганды, один из ближайших сообщников Геббельса — т. V, с. 571
- ШЛЕЙЕР И. К. — гитлеровский дипломат, заместитель Абеца, военный преступник — т. V, с. 90, 92
- ШЛЕЙХЕР КУРТ — немецкий генерал, в 1918—1919 гг. — организатор контрреволюционных «добровольных» отрядов; военный министр в кабинете Брюнинга, а затем глава правительства, которое распустило Гитлеру путь к власти; являлся связующим звеном между рейхсвером, германскими монополистами и фашистами; убит во время «чистки Рема» — т. I, с. 574, 577, 657, 730, 741; т. V, с. 223, 262, 393, 394, 397, 400, 401, 407, 409, 414, 521, 522; т. VI, с. 119; т. VII, с. 150, 317, 492, 502
- ШЛЕММ АЛЬФРЕД — гитлеровский генерал, военный преступник — т. VI, с. 287
- ШЛОТЕРЕР ГУСТАВ — министерский директор гитлеровского министерства экономики, представитель Функа в министерстве Розенберга, военный преступник — т. II, с. 552, 824; т. VII, с. 114, 208
- ШМАГЛЕВСКАЯ — узница гитлеровского концлагеря Биркенау, давала свидетельские показания на Нюрнбергском процессе — т. I, с. 511; т. IV, с. 155—159; т. VII, с. 608
- ШМАЛЬШЛЕГЕР — гитлеровский контрразведчик, возглавлял специальный разведывательный и диверсионный штаб «Валли» — т. II, с. 491, 642
- ШМИДТ — бригаденфюрер СС, люблинский губернатор в период оккупации, сообщник Зейсс-Инкварта, фашистский палач польского и голландского народов — т. II, с. 226, 393; т. V, с. 450; т. VII, с. 248, 249
- ШМИДТ ГВИДО — австрийский дипломат, в 1936—1938 гг. статс-секретарь, а в 1938 году — министр иностранных дел в правительстве Шушница — т. II, с. 168, 179, 184, 192, 194—216, 772, 773; т. V, с. 45, 364, 437, 441, 475, 476, 627, 628, 837, 845; т. VI, с. 228; т. VII, с. 214, 594

- ШМИДТ КУРТ — крупный германский финансист, министр хозяйства в правительстве Гитлера — т. VI, с. 595
- ШМИДТ ПАУЛЬ — личный переводчик Гитлера, сотрудник Риббентропа — т. I, с. 475; т. II, с. 498, 499, 685, 689, 736, 769; т. V, с. 94, 425, 529, 530; т. VII, с. 57, 152, 371, 610
- ШМИДТ РУДОЛЬФ — гитлеровский генерал, военный преступник — т. II, с. 124; т. III, с. 609; т. VI, с. 287
- ШМИДТХУБЕР АВГУСТ — генерал войск СС, палач югославского народа — т. VI, с. 709; т. VII, с. 647
- ШМИЦ — эсэсовский офицер, военный преступник — т. IV, с. 43, 50
- ШМУНДТ ГУБЕР — гитлеровский адмирал, командовал Балтийской базой — т. VI, с. 288
- ШМУНДТ РУДОЛЬФ — главный адъютант Гитлера — т. I, с. 472, 616—619; т. II, с. 31, 45, 112, 259—261, 265, 272, 273, 279, 283, 291, 292, 340, 534, 539, 540, 659, 681; т. IV, с. 258, 260; т. V, с. 275, 386, 630; т. VI, с. 144, 219, 231, 233, 236; т. VII, с. 342, 343, 448
- ШНИВИНД ОТТО — гитлеровский адмирал; с 1938 года по 1941 год — начальник главного военно-морского штаба; в 1943—1944 гг. — командующий Северной группой военно-морских сил — т. I, с. 619; т. V, с. 275, т. VI, с. 211, 236, 248, 281, 289
- ШНИЦЛЕР ГЕОРГ — член правления химического концерна «И. Г. Фарбен-индустри»; принимал активное участие в финансировании гитлеровской партии и установлении фашистской диктатуры в Германии — т. II, с. 13, 28; т. V, с. 226, 766; т. VII, с. 517
- ШОБЕРТ ЕВГЕНИЙ — гитлеровский генерал-полковник, командовал 11-й армией, военный преступник — т. I, с. 636; т. II, с. 133, 182; т. III, с. 400, 541, 543, 544, 552, 571; т. IV, с. 629; т. VI, с. 220, 230, 247, 287, 672
- ШОЛЬЦ РОБЕРТ — подручный Розенберга, начальник отдела так называемого «эйнзатцштаба», военный преступник — т. III, с. 575, 578; т. V, с. 704; т. VII, с. 390
- ШОУКРОСС ХАРТЛИ — т. I, с. 90, 98, 101, 143, 176, 177, 341—395, 402, 415, 416, 450, 642; т. II, с. 76, 845; т. V, с. 634, 723, 725; т. VI, с. 574; т. VII, с. 8, 53—157, 287, 295, 308, 602, 604, 613
- ШПАННЕР РУДОЛЬФ — гитлеровский профессор, директор так называемого Данцигского анатомического института — т. III, с. 314, 315; т. IV, с. 544—547, 551, 552; т. VII, с. 630
- ШПАЦИЛЬ ИОЗЕФ — оберштурмбаннфюрер СС, один из подручных Гимmlера, фашистский палач — т. IV, с. 41, 50; т. V, с. 139, 140, 153
- ШПЕЙДЕЛЬ ГАНС — при Гитлере — помощник военного атташе во Франции, где он организовал убийство югославского короля Александра и французского министра Барту, начальник отдела генштаба, начальник штаба нацистского военного командования в Париже, палач французского народа, выдал гестапо своего начальника Ромеля; после краха «третьего рейха» — военный советник Аденауэра, а ныне командующий сухопутными войсками НАТО в центральной зоне Европы — т. II, с. 501, 694
- ШПЕРЛЕ ГУГО — гитлеровский фельдмаршал, военный преступник — т. I, с. 435; т. II, с. 773; т. V, с. 364, 665; т. VI, с. 228—230, 247, 289, 660
- ШПЕРЛИНГ — фашистский палач, комендант г. Минска в период гитлеровской оккупации — т. III, с. 260; т. IV, с. 91

- ШПИЛЬГЕР ВИЛЬГЕЛЬМ — участник злодеяний гитлеровцев на территории Литовской ССР, военный преступник — *т. IV*, с. 122
- ШПОРКЕТ — фашистский палач, шеф «штаба Розенберга» г. Вильнюса в период фашистской оккупации, военный преступник — *т. IV*, с. 123
- ШРАЙБЕР ВАЛЬТЕР — генерал-майор медицинской службы гитлеровской армии, профессор; на Нюрнбергском процессе давал свидетельские показания о подготовке бактериологической войны нацистами — *т. VI*, с. 291—299, 616, 675; *т. VII*, с. 273, 598, 599, 614, 647
- ШРЕДЕР — фашистский палач, генерал полиции, военный преступник — *т. IV*, с. 94, 105
- ШРЕДЕР КУРТ — кельнский банкир, близко связанный с английскими и американскими финансовыми магнатами; обергруппенфюрер СС; играл большую роль в установлении фашистской диктатуры в Германии, широко финансировал Гитлера и «особые мероприятия» Гимmlера — *т. I*, с. 187, 517, 641, 642, 657; *т. V*, с. 225, 397—399, 401, 832; *т. VII*, с. 317, 600, 606
- ШРЕЙБЕР РИХАРД — гитлеровский военный атташе в Осло, военный преступник — *т. II*, с. 439; *т. III*, с. 778, 782
- ШТАДЕН — барон, штурмфюрер СА, участник злодеяний гитлеровцев на территории Литовской ССР, военный преступник — *т. IV*, с. 123
- ШТАЙНЕР — обергруппенфюрер СС, военный преступник — *т. IV*, с. 134; *т. V*, с. 245
- ШТАЛЕКЕР ФРАНЦ — бригаденфюрер СС, начальник так называемой «эйнзатцгруппы А», фашистский убийца многих тысяч людей — *т. I*, с. 302; *т. IV*, с. 629, 669; *т. VI*, с. 504, 514, 515
- ШТАМЕР ОТТО — немецкий адвокат (в адвокатуру вступил в 1907 году), с 1939 года до 1945 года юрисконсульт германского флота, в 1945 году — председатель палаты адвокатов провинции Шлезвиг-Гольштейн; на Нюрнбергском процессе защищал Геринга — *т. I*, с. 92, 192, 208, 221, 228, 229, 235, 512, 523, 525, 549, 632; *т. II*, с. 107—109, 114, 122, 138—142, 400—413, 419; *т. III*, с. 363—366; *т. V*, с. 577—600, 667, 724; *т. VII*, с. 308, 552, 555, 561, 580, 582, 600, 601, 609, 614, 656
- ШТАПФ — гитлеровский генерал, начальник управления экономики и вооружения верховного командования — *т. II*, с. 633; *т. III*, с. 417
- ШТАНТИН — министеральный советник, участник подготовки гитлеровцами бактериологической войны — *т. VI*, с. 293, 294
- ШТАРКЕНБЕРГ ЭРНСТ — глава военно-фашистской организации, существовавшей в Австрии, — *т. II*, с. 163; *т. V*, с. 422, 427, 433, 434; *т. VII*, с. 493
- ШТЕЙНБАУЭР ГУСТАВ — немецкий адвокат (в адвокатуру вступил в 1921 году), на Нюрнбергском процессе защищал Зейсс-Инкварту — *т. I*, с. 92, 771, 772; *т. II*, с. 194—200, 216; *т. IV*, с. 443; *т. V*, с. 451, 840—851; *т. VI*, с. 686; *т. VII*, с. 309, 657
- ШТЕЙНГРАХТ А. — гитлеровский дипломат, статс-секретарь министерства иностранных дел, постоянный заместитель Риббентропа — *т. V*, с. 647; *т. VII*, с. 142, 216, 610
- ШТЕЙНЛЕ — штандартенфюрер СС, гитлеровский разведчик, начальник группы «VI-A» главного имперского управления безопасности, *т. V*, с. 141, 142
- ШТЕККЕР — участник злодеяний гитлеровцев на территории Сталинской области, военный преступник — *т. IV*, с. 56, 65

- ШТЕСС — фашистский палач, лично умертвил в Освенциме 10 тысяч человек — *т. IV*, с. 355
- ШТОЛЬЦЕ ЭРВИН — один из руководителей гитлеровской военной разведки и контрразведки — *т. II*, с. 491, 643—646, 648, 672; *т. VII*, с. 632
- ШТРАССЕР ГРЕГОР — один из авторов программы нацистской партии и основатель первой бригады штурмовиков; с 1924 года вступил с Гитлером в борьбу за власть и к 1930 году стал фактическим главарем нацистской партии; убит во время «чистки Рема» — *т. I*, с. 578, 704, 726, 741; *т. V*, с. 394; *т. VI*, с. 119; *т. VII*, с. 61
- ШТРАУС АДОЛЬФ — гитлеровский генерал-полковник, командовал 9-й армией — *т. VI*, с. 220, 290
- ШТРАУХ — оберштурмбаннфюрер СС, участник злодеяний гитлеровцев на территории Латвийской ССР, военный преступник — *т. III*, с. 616; *т. IV*, с. 100, 105; *т. VII*, с. 633
- ШТРЕКЕНБАХЕР — бригаденфюрер СС, один из ближайших подручных Франка, уничтожал польскую интеллигенцию, военный преступник — *т. V*, с. 184; *т. VI*, с. 718
- ШТРЕЙТВИЗЕР — унтерштурмфюрер СС, один из палачей Маутхаузена — *т. V*, с. 131; *т. VI*, с. 187
- ШТРОП ЮРГЕН — бригаденфюрер СС и генерал полиции, один из подручных Гимmlера; осуществил уничтожение гетто в Варшаве и кровавую расправу с его населением; повешен по приговору Верховного трибунала Польской Республики — *т. I*, с. 306; *т. IV*, с. 663, 669, 702; *т. V*, с. 147—151, 720; *т. VI*, с. 142; *т. VII*, с. 128, 399, 400, 425
- ШТУБЕНРАУХ — гитлеровский генерал, грабитель, военный преступник — *т. III*, с. 557, 584
- ШТУДЕНТ КУРТ — гитлеровский генерал-полковник, палач голландского народа, военный преступник — *т. II*, с. 123—126; *т. VI*, с. 287
- ШТУДТ — гитлеровский генерал, уполномоченный Шпеера во Франции, военный преступник — *т. V*, с. 509
- ШТУКАРТ ВИЛЬГЕЛЬМ — нацистский палач, статс-секретарь гитлеровского министерства внутренних дел, ближайший сообщник Геринга и Фрика, военный преступник — *т. II*, с. 80; *т. IV*, с. 242, 243, 526, 692, 695, 819; *т. V*, с. 731; *т. VI*, с. 68
- ШТУМПФ ГАНС-ИОРГЕН — гитлеровский генерал-полковник; в 1935—1939 гг. — начальник генерального штаба военно-воздушных сил; в 1940—1945 гг. командовал военно-воздушными флотами — 5-м и «Рейх»; военный преступник — *т. II*, с. 85, 133, 282, 752; *т. III*, с. 773; *т. VI*, с. 220, 282, 289
- ШТУРМ — гитлеровский врач, участник злодеяний в «Гросс-лазарете Славута», военный преступник — *т. III*, с. 51, 56
- ШТЮЛЬПНАГЕЛЬ ГЕНРИХ — гитлеровский генерал, командовал 17-й армией и нацистскими оккупационными войсками во Франции; палач французского народа — *т. I*, с. 322, 429; *т. II*, с. 133, 271, 273, 654, 657; *т. IV*, с. 165, 169, 178, 179, 181, 182, 201, 250, 253; *т. V*, с. 301; *т. VI*, с. 220, 287
- ШУЛЬЦ — оберштурмфюрер СС, один из палачей Маутхаузена — *т. IV*, с. 786; *т. V*, с. 131
- ШУЛЬЦ — ротенфюрер СС, один из палачей Освенцима — *т. IV*, с. 369
- ШУЛЬЦ — унтерштурмфюрер СС, участник злодеяний гитлеровцев на территории Латвийской ССР — *т. IV*, с. 106
- ШУМАН ХОРСТ — нацистский профессор, участник подготовки гитлеровцами бактериологической войны; производил изуверские опыты над

- заключенными Освенцима и других концлагерей — т. IV, с. 31, 355, 357, 369, 421; т. VI, с. 293, 294
- ШУНТ — нацистский офицер, участник злодеяний гитлеровцев на территории Сталинской области — т. IV, с. 53, 65
- ШУСТЕР — врач гестапо, участник злодеяний гитлеровцев на территории Краснодарского края — т. IV, с. 605, 613
- ШУСТЕР КАРЛ ГЕОРГ — гитлеровский адмирал, командовал Южной группой военно-морских сил — т. VI, с. 289
- ШУШНИГ КУРТ — один из лидеров австрийской католической «христианско-социальной партии», канцлер в 1934—1938 гг.; после захвата Австрии гитлеровцами был заключен в концлагерь; освобожден в мае 1945 года — т. I, с. 111, 142, 312, 364, 518; т. II, с. 157, 163, 178—181, 183—186, 190, 192, 194, 195—199, 202—216, 755, 772, 773, 810, 827, 845—847, 853, 854; т. IV, с. 442; т. V, с. 43—48, 129, 364, 433, 434, 437—441, 470—478, 537, 627, 665, 820, 836, 837, 842, 845; т. VI, с. 228—230, 247, 252, 658; т. VII, с. 334—336
- ЭБЕРГАРД — капитан гитлеровской армии, комендант г. Феодосии в период фашистской оккупации, военный преступник — т. III, с. 250
- ЭБЕРГАРД КУРТ — гитлеровский генерал, комендант г. Киева во время оккупации, фашистский палач, — т. III, с. 254; т. IV, с. 40, 47, 50; т. VII, с. 635, 637
- ЭБЕРТ ФРИДРИХ — один из лидеров германской социал-демократии, первый президент буржуазной Германской республики (1919—1925 гг.) — т. I, с. 292, 293, 583; т. V, с. 650, 666
- ЭБЕРШТЕЙН К. — барон, обергруппенфюрер СС; высший руководитель СС и полиции обербашишта Мюнхен, фашистский палач — т. V, с. 679, 685; т. VI, с. 449, 450, 580, 703
- ЭЙДЕЛЬ — гауптшарфюрер СС, участник злодеяний гитлеровцев на территории Львовской области, фашистский палач — т. IV, с. 81
- ЭЙМЕН ДЖОН ХАРЛАН — т. I, с. 90, 196, 197; т. II, с. 91—105; т. III, с. 113—121; т. IV, с. 421—424, 440—442, 444, 622—639; т. V, с. 124—132, 134—157; т. VII, с. 605
- ЭЙЗЕНЛЕР Э. — гитлеровский дипломат; в 1931—1936 гг. — посланник в Афинах; в 1936—1939 гг. — посланник в Праге — т. II, с. 224, 286, 287, 384
- ЭЙХМАН КАРЛ АДОЛЬФ — штандартенфюрер СС, один из наиболее приближенных к Гимmlеру фашистских палачей, повинный в смерти миллионов людей; в 1945 году улизнул из американского лагеря для военнопленных и до 1950 года проживал в Западной Германии под фамилией Бринкман, а затем при помощи Глобке получил ватиканский паспорт и выехал в Аргентину; арестован только в мае 1960 года — т. IV, с. 256, 301, 416—418, 476, 478, 623, 676, 677, 692, 712—726; т. V, с. 687, 748; т. VI, с. 163, 201, 486, 487, 517, 518, 626, 638, 703, 719; т. VII, с. 17, 399, 402, 418
- ЭКК — капитан-лейтенант гитлеровского военно-морского флота, приговорен к смертной казни как военный преступник — т. I, с. 212; т. V, с. 780; т. VII, с. 56, 116
- ЭКШЕР — гитлеровский генерал, командир 31-й пехотной дивизии, военный преступник — т. IV, с. 143
- ЭКШЕР ФРАНЦ — немецкий адвокат, профессор уголовного права Мюнхенского университета, на Нюрнбергском процессе защищал Иодля — т. I, с. 92, 205, 206, 213, 236; т. II, с. 614—616; т. III, с. 361—363, 368; т. V, с. 818—829, 852; т. VII, с. 309

- ЭНГЕЛЬ — нацистский палач, участник злодеяний гитлеровцев в г. Львове, военный преступник — т. IV, с. 82
- ЭНГЕЛЬБРЕХТ — гитлеровский генерал, активный участник нападения на Советский Союз, военный преступник — т. II, с. 451, 661
- ЭНДЕРС (ЭНТРЕС) ФРИДРИХ — оберштурмфюрер СС, нацистский врач Освенцима, палач — т. IV, с. 354, 355, 369
- ЭРЛИНГЕР — оберштурмфюрер СС, участник злодеяний гитлеровцев в г. Киеве, военный преступник — т. IV, с. 40, 50
- ЭРНСТ КАРЛ — фашистский главарь, руководитель штурмовых отрядов нацистской партии в Берлине, участник поджога рейхстага гитлеровцами — т. I, с. 730, 739; т. V, с. 17
- ЭРФУРТ — гитлеровский генерал, активный участник нападения на СССР, военный преступник — т. II, с. 624, 630, 661
- ЭСТЕРРЕЙХ КУРТ — генерал-лейтенант гитлеровской армии, бывший начальник отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа — т. I, с. 488; т. III, с. 22—25, 126—130; т. V, с. 388; т. VII, с. 627
- ЭШЕ — нацистский палач, заместитель так называемого рейхскомиссара «Остланд», военный преступник — т. IV, с. 122
- ЮБЕРРЕЙТЕР — фашистский вожак, гаулейтер Нижней Штирии, палач югославского народа — т. III, с. 74; т. IV, с. 442; т. VI, с. 696; т. VII, с. 630
- ЮСТ — гитлеровский генерал, военный комендант генерального округа Литвы в период фашистской оккупации, военный преступник — т. IV, с. 122
- ЮТНЕР МАКС — обергруппенфюрер СА, начальник управления штурмовых отрядов нацистской партии, военный преступник — т. VI, с. 428, 429, 432, 449, 456, 581—589, 596, 598, 599
- ЯГВИЦ — статс-секретарь гитлеровского министерства экономики и один из руководителей внешнеполитического отдела НСДАП, военный преступник — т. V, с. 210, 211
- ЯРАЙСС ГЕРМАН — немецкий юрист, профессор международного права, на Нюрнбергском процессе числился помощником адвоката Экснера — т. I, с. 92, 213; т. VII, с. 38, 190, 202, 203
- ЯЦКЕ — участник злодеяний гитлеровцев на территории Литовской ССР, фашистский палач — т. IV, с. 122

ГИТЛЕР (ШИКЕЛЬГРУБЕР) АДОЛЬФ — т. I, с. 18, 103, 105, 106, 110, 111, 138, 143, 149, 150, 154, 155, 157, 171, 203, 212, 285, 287, 288, 290—295, 308, 309, 311—315, 318, 319, 323, 324, 327, 341, 359, 361—371, 373—384, 386—393, 401, 402, 407—415, 421, 422, 439, 449, 455, 456, 458, 464, 465, 467—469, 472, 473, 475—477, 480, 481, 483, 493, 495—498, 503, 504, 512, 525, 542, 566—570, 572, 574—580, 585, 586, 588, 589, 591, 592, 601, 604, 605, 606, 616, 618, 620, 627—629, 635, 637, 642—646, 650—652, 654—669, 673, 675—678, 680, 684, 687, 688, 692, 695—698, 700, 704—710, 715, 716—718, 720, 722, 723, 730, 733, 736, 737, 739—742, 747—753, 756, 759, 760, 762, 768, 775, 779, 781, 783, 785, 787, 788, 790, 795;

т. II, с. 7—10, 12—16, 18—22, 25—29, 32, 34—39, 41, 43, 45, 46, 52, 53, 60, 62, 67, 71, 94, 95, 99, 100, 111, 112, 116, 120, 141, 142, 145—150, 152, 155, 156, 158—160, 164—166, 169—171, 173, 176—178, 180—182, 189—194, 197, 198, 203—211, 214, 219, 222, 223, 226, 228, 229, 232, 235—238, 241—249, 252—257, 259—261, 264, 268, 269, 272—274, 278, 279, 284, 286, 288, 291—294, 299, 300, 302—304, 306—310, 312, 313, 316—318, 321, 322, 324, 329—332, 334, 336, 339—341, 343, 344, 346, 347, 349—352, 354, 356—359, 361—364, 366, 368, 370—378, 381, 391, 396, 403, 405—418, 422, 434, 435, 437, 438, 441—444, 447, 448, 450, 453, 463, 469, 471, 472, 480, 481, 483, 486, 496, 498—500, 502—504, 507, 512, 513, 522, 523, 531—534, 538, 539, 547—549, 554, 556, 557, 565, 591, 592, 597, 598, 602—605, 609—611, 613—615, 618, 619, 632—636, 638—640, 646, 649, 650, 658—661, 667, 670, 676—681, 686, 689—692, 695—697, 699, 700, 702—707, 718, 719, 730, 742—744, 745, 747, 751—753, 757, 759, 763—772, 774, 776—783, 785—787, 789—792, 797, 800—804, 806—809, 812, 814, 816, 820, 822—824, 827, 829, 830—832, 834, 835, 838—847, 850—857, 861, 862;

т. III, с. 18—20, 22, 82, 90, 94, 96, 97, 119, 208, 214, 229, 236, 238, 240, 241, 252, 278, 290, 335, 337, 339, 341—344, 366, 377, 384, 390, 403, 416, 422, 424, 437, 453, 471, 498, 507, 510, 511, 517, 518, 520, 527, 528, 553, 572, 573, 606, 607, 613—615, 628, 636, 641—643, 647, 648, 660, 661, 666, 670, 677, 695, 696, 697, 699, 704, 706, 708, 709, 713, 715, 716, 721, 722, 725, 726, 750—752, 754, 755, 758, 760—763, 769, 775, 776, 778, 811—815;

т. IV, с. 12, 32, 84, 93, 125, 163, 164, 223, 240, 243, 244, 258—260, 267, 296, 366, 371, 385, 436, 459, 510, 551, 557, 563, 574, 628, 659, 678, 684, 738, 740—742, 744, 745, 755, 759, 767, 769, 770, 771—773, 777, 781, 789, 790, 795, 797—799, 805, 806, 809, 810, 811, 814, 816, 817, 826, 836, 837, 842, 844, 846, 847, 858, 860, 869, 875, 878, 879, 881, 883, 890, 891;

т. V, с. 5, 11, 18, 21—24, 37, 38, 40, 41, 43, 46, 49, 51—58, 60, 62, 64—67, 69—74, 78, 80, 81, 86—88, 94, 97, 99, 102—110, 114, 117, 120—122, 125, 139, 145, 152, 154, 161, 163, 165, 168, 170, 173—180, 186, 196, 197, 213, 221—227, 229—233, 235, 238—242, 244, 250, 251, 259, 263, 266—269, 271—278, 280, 281, 284, 287, 289—291, 296, 297, 299, 314—318, 320, 321, 329, 335—337, 341, 344, 347, 364, 368, 370—372, 379—381, 384, 387, 389—418, 426, 427, 430—434, 438—442, 445—448, 470, 471,

473—476, 478, 479, 503, 506, 509—512, 514—516, 519—521, 523, 526, 527, 529—533, 536—539, 541, 548, 549, 556, 562, 566—568, 572, 573, 588, 589, 591, 592, 595, 598—602, 605, 608—611, 616—619, 624, 626—632, 635—639, 641, 642, 644, 647, 650, 651, 653, 654, 656—663, 665—667, 669—672, 674, 676, 677, 679—681, 684, 685, 690—693, 696, 701, 703, 705, 706, 708—711, 716, 719, 722, 725—739, 742, 743, 747—749, 752—758, 763—771, 779, 781, 788—801, 803, 804, 809, 812, 816—820, 822, 823, 825—828, 830—839, 842, 845, 846, 850, 854, 861, 863—865, 867—873, 878, 880;

т. VI, с. 9, 10, 14, 16, 19, 22, 24, 25, 27—30, 36—38, 41—43, 47, 50, 54, 58, 60, 64, 70, 71, 75, 77, 80—84, 89, 92, 98, 102, 103, 109, 112, 115, 118—120, 122, 128, 132, 144, 164, 193, 194, 203, 206, 207, 210, 211, 213, 214, 217—219, 222, 224, 225, 228, 229, 231—236, 238—243, 247, 248, 250, 252, 253, 256—260, 262, 265, 271, 274, 276—278, 281, 293, 333, 370, 371, 374, 375, 378, 389, 390, 396, 399, 405—414, 416, 418, 420, 421, 428, 429, 432, 434, 435, 438, 448, 449, 454, 473, 476, 479, 480, 482, 485, 486, 488, 490, 507, 511, 517, 520—523, 526, 528, 530—540, 543—546, 549, 550, 560, 592, 603, 604, 606, 613, 616, 617, 621, 627, 631—633, 635, 636, 638—640, 645, 647, 652, 655—657, 659—668, 671, 672, 674, 676, 677, 679, 682—685, 688, 692—697, 700—703, 707, 708, 710—712, 714, 718, 730—734, 738, 739, 743;

т. VII, с. 17, 19—25, 29—42, 44, 46—50, 56—59, 64, 65, 68, 70, 72, 74—80, 89, 90, 95, 100, 102, 105, 107, 112, 115—117, 120—125, 132, 135, 141, 145—150, 152, 153, 162, 165, 167—171, 178, 181, 183, 185—188, 202, 204, 205, 209—215, 218—220, 222—224, 226—228, 230, 231, 234—236, 239—244, 246, 248, 250—253, 257—259, 271, 273, 276—282, 284, 285, 290, 295, 299, 302, 303, 313—317, 319, 321—326, 328—350, 352—360, 369, 372, 374, 375, 379, 384, 385, 389, 390, 392, 396, 399, 402, 408, 419, 421, 428—430, 432, 434—436, 438—448, 452—455, 458—460, 462, 463, 465, 466, 469—475, 477—482, 484, 486, 488—495, 498—500, 502—505, 507—510, 517—521, 523—529, 533, 534, 536, 537, 539, 541, 546, 603, 621, 624, 625, 629, 630, 632—636, 638, 640, 642, 645, 646, 650, 653, 654, 659—666, 670, 671, 674—677, 682—684, 686

ГИММЛЕР ГЕНРИХ — т. I, с. 16, 123, 157, 189, 209, 210, 221, 302, 309, 310, 316, 319, 320, 451, 483, 504, 527, 577, 578, 641, 642, 685, 689, 692, 702, 703, 710, 729, 732, 733, 736—738, 740—742, 745, 755, 758, 759, 792;

т. II, с. 7, 101, 115, 116, 120—122, 192, 222, 281, 291, 293—295, 633, 725, 761, 762, 794, 796, 846, 847, 863;

т. III, с. 23, 63, 64, 82, 85, 92, 129, 133, 135, 138, 139, 208, 237—239, 244, 251, 273, 298, 310, 352, 354, 357, 361, 362, 366, 367, 378, 520, 557, 584, 615, 661, 664, 684, 694, 702—704, 706, 713, 714, 785, 786, 788, 789;

т. IV, с. 26, 66, 68, 79, 92, 210, 211, 258—260, 297, 299, 300, 315, 351, 352, 369, 385, 417, 418, 421, 433, 435, 444, 448, 453, 462, 472—477, 479—482, 485—487, 490, 507, 520, 535, 537, 538, 561, 562—565, 567, 571, 597, 599, 627, 628, 632, 636—639, 641, 645, 664, 669, 677, 711, 713, 715—719, 723, 725, 742, 749, 767, 768, 772, 775, 781, 782, 785, 786, 805, 811, 818, 821, 823, 847, 886, 887, 889, 896;

т. V, с. 5, 22, 37, 38, 79, 81, 83, 97, 98, 124, 125—128, 134, 135, 137—139, 141, 149—152, 154, 156—160, 173, 178, 179, 201, 205, 206, 245, 299, 300, 303, 306, 307, 341, 398, 414, 479, 487, 509, 510, 512, 517, 549, 597, 663, 674—676, 679—682, 684, 685, 687, 688, 693, 694, 696, 702, 711—714, 717—722, 734—739, 743, 745, 747—761, 766, 770, 793, 797, 799, 801, 809—813, 844, 846, 848, 850, 860, 869;

т. VI, с. 11, 12, 21, 32, 33, 37, 76, 81, 102—107, 110, 113—115, 117—122, 127, 129, 131—133, 135—138, 140, 143, 146, 149, 151, 156,

160—162, 164, 184, 190, 194, 198, 267, 270, 271, 273, 274, 276, 284, 295, 298, 376, 378, 383—385, 397, 415, 428, 432, 448—452, 455, 456, 467, 469, 475, 476, 480, 485—487, 494, 497, 498, 513—518, 538, 541, 556, 570, 579, 580, 602—608, 610, 611, 624, 628, 639, 644, 647, 648, 652, 663, 669, 670, 676, 682, 684, 694, 696, 700—703, 705, 709, 710, 714, 716, 724, 725, 729, 741—744;

т. VII, с. 25, 47, 49, 56, 62, 64, 65, 95, 101, 102, 110, 117, 118, 121, 123, 125, 129, 131, 139, 142, 144, 148, 158, 167, 170, 173, 180, 182, 213, 214, 219, 221, 225, 229, 236, 238, 242, 244, 251, 253, 254, 275—277, 281, 283, 291, 292, 315, 384, 385, 390, 392, 395, 412, 414, 422—424, 426, 435, 437, 438, 450, 452, 455, 458, 460, 461, 467, 483, 487, 498, 500, 501, 505, 511, 524, 530, 598, 600, 606, 611, 622, 626, 635, 640, 647, 656, 678, 679

ГЕББЕЛЬС ИОЗЕФ — т. I, с. 18, 195, 450, 481, 572, 588, 589, 660, 669, 700, 739, 790;

т. II, с. 175, 285, 524, 799, 818;

т. III, с. 723;

т. IV, с. 252, 596, 772, 827, 847, 871—873;

т. V, с. 5, 17, 22, 226, 227, 237, 291, 414, 486, 511, 521, 533, 559, 561—563, 566, 568—571, 598, 743, 746, 754, 755, 758, 791, 811, 844, 872—875;

т. VI, с. 12, 13, 60, 63, 376, 384, 428, 432, 480, 572, 579, 595, 637, 696, 712, 743;

т. VII, с. 28, 41, 47, 49, 56, 65, 83, 154, 158, 182, 232, 240, 256, 281, 291, 292, 322, 413, 506, 507, 511, 526, 546, 632

ГЕРИНГ GERMAN ВИЛЬГЕЛЬМ — т. I, с. 6, 8, 18, 92, 99, 101, 102, 106, 109, 110, 143, 145, 158, 170, 179, 180, 191, 199, 209, 210, 222, 228, 235, 243, 245, 246, 303, 314, 321—323, 362—365, 367, 368, 375, 377, 390, 392, 411, 421, 426, 434, 451, 452, 464, 467, 469, 472, 480, 481, 492, 496—498, 500, 502, 503, 511, 525, 530, 546, 549—551, 574—576, 578, 584, 585, 605, 606, 615, 618, 619, 626, 629, 630, 632, 658, 659, 666, 668, 670—673, 675—679, 690, 691, 693, 705, 707, 725—730, 732, 736, 737, 739—741, 744, 747—749, 752, 755, 761, 773, 774, 780, 783—786, 790—792, 794, 795, 800;

т. II, с. 7, 8, 12—14, 17, 23—28, 35, 37, 39, 40, 53, 59—62, 77, 79, 80, 85, 89, 98, 107—110, 113—115, 121, 127, 130, 131, 138, 141—147, 149—152, 165, 166, 172, 174, 175, 177, 178, 182, 184—192, 229, 246, 248, 249, 253, 257, 261, 298, 306, 308, 310, 311, 315—317, 341, 349, 350, 358, 359, 361, 400—405, 407—414, 416—418, 439, 453, 455, 469, 471, 507, 508, 522, 530, 540, 541, 553, 599, 607, 635, 636, 659, 664, 670, 708, 741, 751—759, 762, 773, 784, 811, 818, 820—823, 844, 846—849, 863;

т. III, с. 92, 233, 236, 263, 388, 389, 400, 404, 406, 407, 416, 418, 422, 424, 425, 427—430, 433, 437, 439, 440, 454, 457, 458, 462, 463, 498, 518, 521—523, 525, 527—529, 566, 572, 574, 576, 577, 580, 581, 613, 614, 631, 632, 634, 637, 638, 640, 641, 645, 647, 653, 654, 660, 662, 663, 698, 700, 701, 706, 708, 725, 726, 728, 736, 737, 745, 747, 749, 762, 769, 815;

т. IV, с. 26, 165, 166, 185, 195, 210, 231, 233, 234, 236, 240, 242, 245, 267, 280, 297, 298, 532, 557, 561, 563, 589, 592, 660, 661, 688, 737—745, 749, 764, 770—779, 781, 799, 805, 819, 820, 829, 833, 837, 846, 847, 881—883, 896;

т. V, с. 15—42, 57, 58, 74, 79, 99, 102, 105, 109, 111, 112, 121, 163, 165, 175, 177, 212, 214, 215, 217, 225, 226, 244, 270—272, 274, 275, 329, 338, 339, 351, 384, 392, 402, 404, 405, 414, 425, 438, 439, 463, 471, 472, 478, 503, 517, 518, 533, 537, 549, 577—579, 581, 583, 585, 587—600, 603,

608, 618, 626, 628, 629, 644, 658, 690, 694, 697, 704, 734, 735, 743, 746, 752, 753, 755, 756, 758, 765, 770, 843—845, 847, 864, 880;

т. VI, с. 31, 38, 39, 44, 46—48, 51, 59, 60, 62, 64, 67, 70, 77, 80—82, 90, 91, 95, 97, 98, 120, 129, 140, 144, 159—161, 201, 202, 209—211, 216, 219, 221—223, 226, 228, 229, 235, 236, 239, 247, 282, 293, 294, 298, 304, 334, 335, 417, 428, 449, 458, 462, 466, 494, 535, 593, 596, 612, 625, 636, 638, 647, 649, 650, 671, 688, 689, 695, 699, 712, 714, 735, 737—740, 742—744;

т. VII, с. 13, 15—18, 20—22, 24, 25, 27—29, 36, 37, 40, 41, 43, 44, 49, 50, 59, 60, 63, 65—72, 74, 75, 77, 100—103, 110, 111, 116, 122, 141, 147, 149, 160, 161, 165—167, 169, 171, 177, 181, 186, 188, 204—211, 217, 220, 222, 233, 239, 242, 243, 247, 252, 263—268, 307, 308, 316—318, 321, 323—325, 331, 335—337, 340, 342, 346, 356—358, 385, 387, 393, 398, 414, 415, 434—439, 442, 447, 449, 454, 466—470, 486, 487, 499, 510, 512, 517, 522, 526, 534, 535, 545—547, 552, 581—585, 600—602, 609, 611, 612, 615, 617, 625, 628, 635, 640, 641, 648, 656, 664, 665, 675, 676, 685

ГЕСС РУДОЛЬФ — т. I, с. 8, 18, 92, 99, 101, 102, 144, 145, 191, 195, 197, 204, 213, 222, 243, 246, 248—274, 452, 464, 467, 522, 528, 532, 584, 673, 687, 704—715, 783, 787, 795, 799, 800;

т. II, с. 60, 161, 192, 222, 281, 318, 755, 759—772, 797, 863;

т. IV, с. 557, 560, 565, 659, 660, 684, 724, 741, 746—748, 875, 877—879, 882, 887, 890, 896;

т. V, с. 398, 454, 472, 503, 533, 601—621, 706, 853;

т. VI, с. 26, 61, 63, 64, 67, 71—73, 77, 78, 81, 107, 154, 246, 366, 385, 398, 428, 575, 579, 596, 606, 612, 688, 694, 695, 697, 698, 717, 740, 743;

т. VII, с. 28, 29, 43, 65, 67, 71, 74, 75, 141, 142, 166, 171, 177, 178, 202, 204, 210—212, 219, 252, 263, 265, 268, 271, 302, 307, 308, 310, 315, 336, 401, 404, 412, 438—441, 509, 512, 516, 524, 529—533, 545, 546, 569, 588, 602, 604, 606, 609, 610, 615, 648

РИББЕНТРОП ИОАХИМ — т. I, с. 6, 8, 18, 92, 99, 101, 102, 144, 187, 188, 199, 204, 212, 213, 222, 229, 243, 246, 317, 322, 350, 362, 364, 366—370, 376, 377, 388, 390, 393, 412, 451, 452, 467, 475, 476, 500, 549, 637, 645, 649—651, 657, 721, 722, 746, 752, 779, 780, 783, 800;

т. II, с. 35, 36, 71, 98—100, 146, 178, 181, 182, 190, 191, 206, 207, 208, 211, 222, 224, 232, 233, 235, 236, 247, 248, 253, 257, 259, 267—270, 287—289, 296, 299, 300, 304—306, 310, 312, 318, 328, 330, 333—335, 343, 346, 348, 357, 358, 361, 363—365, 371, 372, 374—376, 383, 409, 410, 434, 435, 493—495, 497—499, 503, 507, 508, 510, 523, 524, 529, 553, 619, 658, 659, 667, 672, 677, 685, 686, 706—708, 715, 725, 726, 730—733, 737—739, 741, 744, 746, 747, 756, 763, 769—782, 784—792, 794, 796, 798, 800, 863;

т. III, с. 92, 125, 522, 527, 529, 545, 551, 566, 581;

т. IV, с. 14, 18, 185, 223, 252, 259, 267, 749—755, 772, 774, 844, 846, 847, 896;

т. V, с. 22, 43—103, 107, 121, 161, 162, 164, 175, 402, 424, 441, 528, 533, 536, 560, 566, 618, 622—633, 635—648, 770, 823, 837, 864, 867;

т. VI, с. 61, 62, 77, 92, 154, 155, 650, 680, 694, 705, 728, 741—743;

т. VII, с. 24, 30, 43, 49—51, 59, 67, 71, 72, 75, 76, 79, 100—102, 109, 111, 123, 132, 142, 150, 166, 178, 204, 213—217, 227, 258, 269, 270, 307, 308, 317, 336, 337, 340, 341, 343, 346, 347, 354—357, 359, 360, 390, 441—445, 454, 512, 526, 545—547, 583—585, 602, 610, 615, 625, 626, 628, 629, 634, 638, 647, 648

КАЛЬТЕНБРУННЕР ЭРНСТ — т. I, с. 6, 8, 92, 99, 101, 102, 145, 196, 199, 214, 243, 245—247, 451, 452, 467, 527, 675, 692, 745, 746, 752;

т. II, с. 169, 186, 493;

т. III, с. 92, 93;

т. IV, с. 197, 258, 260, 416, 423, 433, 435, 436, 440, 444, 454, 459, 586, 623, 629, 639, 716—718, 723, 749, 750, 780—795;

т. V, с. 79, 95, 98, 124—162, 245, 301, 340, 424, 479, 480, 675, 678—689;

т. VI, с. 118, 129, 154, 162, 164, 174, 202, 333, 334, 460, 462, 467, 470, 505—507, 607, 626, 628, 644, 649, 650, 703, 705, 714, 716, 724, 728;

т. VII, с. 18, 30, 43, 49, 67, 100, 101, 103, 105, 109, 111, 118, 140, 142, 150, 167, 171, 173, 178, 186, 198, 225, 226, 238, 260, 274—277, 308, 416, 420, 427, 449, 450—452, 484, 512, 545, 559, 560, 602, 605, 610, 615, 629, 638, 648, 685

РОЗЕНБЕРГ АЛЬФРЕД — т. I, с. 6, 8, 18, 92, 99, 101, 102, 107, 134, 145, 146, 173, 187, 188, 195, 198, 207, 212, 213, 229, 243, 246, 250, 288, 298, 305, 319—321, 323, 380, 381, 392, 438, 451, 452, 464, 467, 480, 481, 486, 492, 498—500, 551, 569, 572, 573, 584, 589, 673, 680—686, 701, 785, 787, 795, 796, 800;

т. II, с. 18, 435, 436, 439—443, 446, 455, 457, 458, 460, 522—524, 545, 547—551, 557, 581, 583—585, 659, 760, 782—784, 787, 788, 812—814, 824, 861, 863;

т. III, с. 26, 64, 95, 98, 99, 251, 252, 366, 403, 415—418, 422, 427, 430, 437, 440, 441, 506, 507, 518—522, 524—527, 529, 545, 549, 553, 556—558, 560, 561, 566, 568—581, 584, 657, 660—662, 667—669, 671—676, 680, 683, 698, 709, 711, 712, 744, 767, 774, 793, 809, 815, 816;

т. IV, с. 9, 10, 14, 50, 92, 107, 122, 123, 125, 453, 454, 459, 465—467, 584, 662, 663, 665, 667, 668, 672, 740, 741, 760, 764—767, 774, 775, 797—802, 820, 880, 881, 883, 884;

т. V, с. 24, 69, 75, 89, 91, 102, 163—175, 208, 213, 308—311, 326, 337, 345, 355, 356, 384, 385, 388, 537, 567, 568, 690—707, 730, 734, 749, 757, 800, 811, 813, 847, 874;

т. VI, с. 9—11, 35, 38, 39, 44, 47—56, 60, 66, 77, 242, 378, 379, 398, 428, 589, 636, 641, 643, 650, 670, 685, 688, 691, 694—696, 738, 741, 742;

т. VII, с. 15, 16, 18, 28, 30, 41, 43, 49, 51, 59, 64, 66, 67, 72, 74, 78, 79, 117, 122, 123, 125, 126, 131, 141, 142, 155, 166, 171, 179, 207, 212, 214, 216, 226—231, 242, 245, 258, 278, 279, 308, 320, 322, 348, 357, 358, 377, 383—385, 389, 390, 394, 443, 447, 452—455, 460, 466, 510, 512, 527, 533, 545—547, 557, 562, 563, 602, 605, 610, 615, 625, 628, 629, 634, 635, 639, 640, 642, 644, 648

ФРАНК ГАНС — т. I, с. 6, 8, 92, 99, 101, 102, 146, 187, 198, 199, 211, 214, 243, 246, 301, 321, 401, 467, 468, 503, 504, 570, 578, 584, 700, 701, 716—720, 783, 800;

т. II, с. 60, 175, 239, 242, 243, 253, 286, 583, 818;

т. III, с. 226—233, 237, 390—392, 422, 430, 526, 529, 534, 537, 566, 608, 614—616, 634, 635, 660, 662—664, 713, 749;

т. IV, с. 10—12, 453, 460—462, 589, 590—592, 594—597, 599—601, 662, 666, 668, 690, 691, 737, 738, 803—817, 867;

т. V, с. 149, 158, 159, 176—184, 313, 314, 317, 342, 353, 354, 481, 554, 708—711, 713—722, 734, 770;

т. VI, с. 9, 44—46, 61, 62, 77, 81, 97, 428, 601, 650, 695, 718, 719, 741, 742;

т. VII, с. 16, 18, 25, 30, 42, 43, 53, 59, 67, 108, 116, 120, 123, 127, 141, 144, 164—166, 171, 175, 179, 188, 192, 198, 199, 231—236, 248—250, 279—281, 308, 324, 385, 397, 456—458, 484, 496, 512, 545—547, 602, 605, 611, 615, 626, 631, 634, 636, 637, 648

БОРМАН МАТИН — т. I, с. 6, 8, 92, 99, 101, 102, 147, 204, 209, 220, 243, 247, 296, 298, 480, 503, 583, 584, 670, 682, 701, 710, 711—715, 779, 800;

т. II, с. 36, 43, 238, 581, 797;

т. III, с. 65, 415, 437, 506, 520, 526, 703, 815;

т. IV, с. 11, 197, 277, 458, 661, 744, 833, 860, 861, 863, 875—884, 886—891;

т. V, с. 5, 22, 24—26, 109, 156, 168, 173, 221, 224, 304, 307, 342, 454, 511, 512, 561, 572, 692, 693, 696, 707, 743, 766, 770, 797, 800, 803, 861, 876—879, 881;

т. VI, с. 9—11, 21, 22, 33, 35, 37—39, 50, 56, 58, 61, 66, 67, 69, 77, 78, 81, 128, 154, 155, 246, 334, 375, 378, 384, 385, 398, 428, 452, 573, 578—580, 650, 696, 699, 717, 741, 743;

т. VII, с. 17, 32, 43, 47, 49, 63, 65, 122, 125, 141, 167, 184, 188, 204, 207, 212, 213, 230, 245, 309—311, 320, 358, 485, 509—511, 513, 528, 546, 552, 578, 588, 602, 605, 608, 629

ФРИК ВИЛЬГЕЛЬМ — т. I, с. 6, 8, 92, 99, 101, 102, 147, 199, 243, 246, 298, 451, 452, 467, 522, 573—579, 581, 584—586, 604, 618, 678, 679, 686—693, 707, 728—733, 741, 742, 744, 752, 800;

т. II, с. 7—9, 60, 80, 89, 175, 192, 193, 253, 312, 463, 553, 802, 818, 819, 863;

т. III, с. 233, 721;

т. IV, с. 244, 267, 296, 297, 454, 467, 468, 557, 565, 659—661, 684, 741, 818—824, 858;

т. V, с. 5, 185, 340, 341, 402, 517, 518, 549, 723, 725—739;

т. VI, с. 9—11, 36, 59, 61, 64, 65, 70, 76, 77, 119, 160, 462, 570, 576, 578, 623, 641, 650, 696, 738—741, 743, 744;

т. VII, с. 18, 24, 30, 43, 59, 61—63, 65, 67, 70—72, 74, 75, 116, 135—138, 141, 144, 166, 171, 180, 211, 237, 281—308, 315, 317, 324, 336, 340, 357, 396, 459—462, 512, 534, 545—547, 568, 602, 605, 614, 644, 648

ЛЕЙ РОБЕРТ — т. I, с. 6, 92, 99, 101, 102, 107, 148, 243, 295, 296, 299, 536, 582, 674, 685, 700;

т. II, с. 53, 175, 818, 834;

т. III, с. 384, 654, 765;

т. V, с. 222, 482, 486, 503, 511, 815;

т. VI, с. 9—11, 20, 24, 34, 41—43, 110, 389, 429, 693, 696, 698;

т. VII, с. 21, 252, 308, 310, 319, 602, 603, 683

САУКЕЛЬ ФРИЦ — т. I, с. 6, 8, 92, 99, 101, 102, 148, 194, 207, 236, 243, 246, 320, 321, 421—425, 451, 452, 492—494, 549, 648, 674, 752;

т. II, с. 618;

т. III, с. 64, 323, 422, 430, 587, 634, 635, 641—643, 645, 646, 654, 655, 657, 659, 661, 665, 667—671, 675—677, 678, 680, 683, 693, 695—698, 702, 704, 708—718, 723, 725—728, 730, 736, 740, 743—745, 749—759, 763—765, 767—769, 773, 774, 778, 780—782, 784, 799, 809, 816;

т. IV, с. 21, 277, 453, 455, 459, 502, 738, 759—761, 764, 767—769, 777, 802, 815, 859, 889;

- т. V, с. 31, 244, 311, 329—356, 483, 484, 502, 508, 510, 594, 670—672, 697, 698, 770, 805, 807—817, 847, 854, 855, 857, 861;
- т. VI, с. 36, 81, 128, 154, 155, 191, 380, 382, 398, 428, 567, 571, 635, 636, 650, 695, 696, 699;
- т. VII, с. 15, 25, 31, 43, 44, 68, 92, 103, 117, 118, 141, 149, 151, 152, 167, 171, 173, 182, 204, 233, 246—248, 252, 253, 290—293, 308, 393, 394, 396, 411, 413, 419, 449, 468, 484—487, 499, 500, 511, 512, 545—547, 557, 602, 605, 612, 615, 640, 641, 644, 648
- ШПЕЕР АЛЬБЕРТ** — т. I, с. 6, 8, 93, 99, 101, 137, 149, 213, 237, 243, 246, 321, 421, 422, 451, 535—537, 648, 674, 675, 752, 789;
- т. II, с. 206;
- т. III, с. 323, 394, 422, 659, 666, 670, 677, 683, 684, 696—698, 701, 704—706, 708, 713—719, 724, 728, 729, 745, 750, 753, 762, 763, 769, 776—778, 780, 784;
- т. IV, с. 306, 307, 436, 437, 764, 768—771, 778, 846, 889;
- т. V, с. 243, 244, 341, 351, 482—499, 501—512, 570, 672, 752, 803, 811, 847, 852—861;
- т. VI, с. 12, 60, 77, 128, 132, 635, 695, 697, 738, 742;
- т. VII, с. 31, 32, 40, 43, 48—50, 57, 59, 103, 118, 141, 151, 152, 167, 171, 173, 184, 198, 251—253, 299—301, 308, 309, 393, 412, 472, 498—501, 512, 545, 602, 606, 613, 645, 646, 648
- ФУНК ВАЛЬТЕР** — т. I, с. 6, 8, 92, 99, 101, 102, 109, 149, 199, 204, 243, 246, 313, 322, 451, 574, 575, 584, 585, 665, 667—672, 679, 752, 753, 800;
- т. II, с. 12, 24, 25, 39, 40, 80, 349, 552, 553, 613, 614, 710, 716, 820—824, 863;
- т. III, с. 422, 429, 430, 525, 728, 729, 762, 769, 776;
- т. IV, с. 453, 455, 459, 463—465, 510, 511, 515—520, 522—527, 533, 535, 537, 538, 660, 832—835;
- т. V, с. 164, 198—220, 341, 506, 751—762;
- т. VI, с. 59, 64—67, 70, 71, 77, 641, 738, 740, 742—744;
- т. VII, с. 24, 28, 30, 43, 44, 65—68, 71, 72, 116, 132, 141, 145, 147, 167, 173, 180, 181, 198, 199, 241—243, 282—284, 308, 317, 357, 454, 465—468, 512, 521, 533, 534, 545, 546, 598, 602, 605, 611, 612, 644, 645, 648
- ШАХТ ГЕЛЬМАР** — т. I, с. 6, 8, 92, 99, 101, 102, 150, 172, 199, 212, 224, 229, 243, 246, 313, 411, 571, 590, 604, 605, 663—668, 733, 735, 737, 748—750, 752, 760, 775, 776, 787, 794, 800;
- т. II, с. 12—17, 24, 25, 27—29, 31—40, 46—49, 60, 156, 165, 177, 193, 751, 818, 820—822;
- т. IV, с. 510, 514;
- т. V, с. 19, 20, 212, 221—241, 528, 664, 730, 763—772;
- т. VI, с. 61, 65, 77, 93, 318, 406, 417;
- т. VII, с. 20—22, 28, 30, 32, 41, 43—47, 51, 59, 63, 68, 70—72, 74—76, 141, 145—147, 167, 168, 171, 173, 180, 182, 186—188, 197, 239—242, 284, 285, 308, 315, 316, 324, 430, 465, 468—472, 516—523, 541, 546, 552, 564, 602, 605, 611, 615, 654, 674—676, 679—681
- ПАПЕН ФРАНЦ** — т. I, с. 6, 8, 92, 99, 101, 102, 150, 204, 237, 243, 246, 359, 517, 573—575, 650, 651—662, 677, 679, 722, 747, 748, 752, 773, 776, 777, 800;
- т. II, с. 162—166, 170—172, 174, 178, 179, 191, 200—204, 206, 209—214, 755, 772, 800, 801, 808, 809, 811, 850—855, 863;

- т. IV, с. 26;
- т. V, с. 44, 223, 262, 390—421, 423—447, 473, 515, 516, 522, 525, 526, 531, 532, 627, 830—839;
- т. VI, с. 59, 61, 77, 407, 411, 738;
- т. VII, с. 31, 32, 43, 44, 49, 62, 68, 74, 75, 141, 150, 166, 171, 182, 183, 214, 240, 250, 294—296, 308, 309, 316, 317, 334, 492—495, 516, 517, 523—525, 541, 546, 594, 602, 606, 615, 654, 662, 676
- КРУПП ГУСТАВ** — т. I, с. 6, 93, 99, 101, 102, 150, 170—180, 243, 642, 674, 710, 799;
- т. II, с. 13—15, 28—30, 35, 36, 156;
- т. III, с. 684—689, 766, 767;
- т. V, с. 225, 226, 231, 488—490, 493, 495, 496, 500—502, 815, 816, 856;
- т. VI, с. 552, 572, 578;
- т. VII, с. 16, 20, 197, 247, 308, 310, 324, 394, 588, 600, 602, 603, 675, 677, 680
- НЕЙРАТ КОНСТАНТИН** — т. I, с. 6, 8, 93, 99, 101, 102, 151, 243, 246, 314, 359, 363, 364, 574—576, 605, 606, 679, 723, 746, 747, 752, 791;
- т. II, с. 60, 165—167, 174, 181, 182, 191, 229, 230, 232, 246, 253, 257, 312, 328, 420, 421, 798, 800, 802—806, 808—811, 863;
- т. III, с. 530, 815;
- т. IV, с. 659, 865—869;
- т. V, с. 342, 419, 445, 513—557, 617, 626, 638, 656, 691, 746, 770, 863—873;
- т. VI, с. 59, 61, 62, 77, 154, 228, 417, 633, 650, 694, 738, 741, 743;
- т. VII, с. 22, 31, 32, 43, 49, 66, 68—70, 72—75, 122, 141, 149, 150, 152, 153, 166, 182, 184, 185, 227, 253—256, 302, 308, 309, 317, 324, 331, 337, 340, 386, 442, 457, 494, 502—505, 513, 545, 602, 606, 613, 646, 648
- ШИРАХ БАЛЬДУР** — т. I, с. 6, 8, 92, 99, 101, 151, 204, 243, 246, 264, 512, 533, 584, 587, 589, 685, 694—703, 792, 800;
- т. II, с. 18, 232, 253, 553, 613, 815—817, 863;
- т. III, с. 211;
- т. IV, с. 440—443, 857—864, 882;
- т. V, с. 136, 295—328, 343, 350, 746, 796—803;
- т. VI, с. 9, 11, 28, 77, 81, 405, 428, 431, 649, 650, 695, 696;
- т. VII, с. 31, 43, 54, 59, 64, 65, 68, 72, 116, 123, 127, 139—141, 149, 155, 164, 165, 167, 171, 181, 192, 214, 238, 243—245, 287—290, 308, 316, 322, 357, 482—485, 512, 545, 568, 602, 605, 612, 648
- ЗЕЙСС-ИНКВАРТ АРТУР** — т. I, с. 6, 8, 92, 99, 101, 102, 111, 152, 237, 243, 246, 312, 423, 451, 525, 771;
- т. II, с. 164—166, 169, 178—181, 183—192, 194, 196, 197—200, 204, 205, 208, 209, 211—216, 242, 253, 298, 302, 303, 755, 756, 762, 811, 843—849, 863;
- т. III, с. 422, 430, 476, 479, 484, 502, 582, 660, 713, 758, 759, 769;
- т. IV, с. 173, 267, 268, 280—281, 443, 754, 764, 774, 776—779, 781, 805, 814;
- т. V, с. 44, 57, 342, 430, 437, 439, 440, 448—481, 531, 603, 681, 717, 718, 734, 840, 841, 843, 845—847, 849, 851;
- т. VI, с. 61, 77, 154, 155, 451, 686, 742;

- т. VII, с. 31, 43, 67, 75, 125, 141, 150, 151, 167, 171, 181, 183, 184, 189, 248—250, 296—299, 308, 309, 334—336, 442, 449, 460, 495—498, 512, 545—547, 554, 602, 605, 612, 615, 634, 648, 657
- ШТРЕЙХЕР ЮЛИУС** — т. I, с. 6, 8, 92, 99, 101, 102, 108, 152, 199, 243, 246—248, 301, 303, 452, 528, 533, 569, 584, 585, 587, 697, 783, 799;
т. IV, с. 26, 659, 661, 825—831;
т. V, с. 186—197, 221, 222, 740—750, 800;
т. VI, с. 81, 398, 428, 567, 595, 637, 649, 650, 695, 696, 711;
т. VII, с. 28, 30, 43, 49, 51, 59, 65, 68, 72, 127, 141, 144, 155, 166, 171, 180, 204, 238, 239, 281, 282, 308, 311, 315, 462—465, 512, 545—547, 588, 602, 603, 605, 611, 614, 648
- КЕЙТЕЛЪ ВИЛЬГЕЛЬМ** — т. I, с. 6, 8, 92, 99, 101, 102, 153, 199, 227, 228, 234, 243, 246, 317, 319, 321, 364, 368, 372, 375, 376, 378, 381, 385, 388, 389, 392, 429, 434, 435, 451—453, 467, 469, 472, 473, 475, 478, 480, 484, 489, 492, 532, 616, 619, 635, 666, 750—755, 794;
т. II, с. 31, 80, 88, 98, 99, 103, 127, 128, 133, 147, 179, 180, 182, 206, 210, 249, 252, 253, 256, 259—261, 263, 264, 268, 271, 273—275, 278—283, 292—296, 305, 306, 308, 310, 313, 315, 332, 336, 341, 342, 352, 374—376, 386, 425, 430, 441, 443, 455, 461, 463, 469, 471, 492, 496, 498, 509, 510, 515, 516, 521—523, 534, 536—539, 548, 551, 553, 557, 565, 569, 581, 583, 584, 597—599, 604, 607, 610, 615, 623, 630, 632, 634, 635, 640, 643—646, 650, 651, 659, 664, 667, 678—682, 686, 706, 709, 710, 728—730, 743, 763, 773, 784, 785, 811, 816, 817, 825—831, 839, 861—863;
т. III, с. 19, 26, 63, 64, 90, 93, 103, 115, 121, 123, 124, 221, 237, 238, 240, 242, 273, 334, 336, 340, 347, 408, 417, 422—424, 437, 447, 492, 497, 498, 505, 566, 570, 571, 573, 581, 647—649, 660, 695—697, 699, 708, 711, 714, 715, 725, 726, 749, 751, 769, 770;
т. IV, с. 168, 169, 172, 173, 175, 185, 198, 258, 260, 267, 563, 576, 577, 588, 742, 751, 756—764, 768, 773, 806, 846, 867, 883;
т. V, с. 24, 45—47, 56, 65, 70, 83, 99, 104—123, 163, 164, 243, 244, 272, 275, 278, 285, 297—299, 337, 348, 358, 364, 373, 382—388, 475, 533, 559, 595, 636, 644, 649, 651—677, 692, 697, 769, 770, 824, 825;
т. VI, с. 38, 44, 49, 57, 60, 61, 63—65, 70, 77, 127, 193, 195, 209—211, 215, 218, 219, 221, 226, 228—231, 233—236, 239, 242, 244, 247, 260—262, 264, 281, 294, 336, 405, 417, 418, 507, 512, 535, 636, 650, 655, 659, 670—672, 675, 685, 723, 734—737, 742—744;
т. VII, с. 18, 21—26, 30, 32, 43, 49, 50, 64, 70—72, 74, 75, 77—79, 98—105, 107, 109—111, 120, 122, 123, 125, 126, 129, 141, 142, 159, 160, 166, 169, 171, 178, 182, 198, 205, 207, 215, 217—223, 244, 271—274, 308, 334, 337, 339, 340, 342, 348, 349, 352, 355, 357, 358, 374, 376, 377, 379, 385, 432, 440, 445—449, 454, 480, 483, 488—490, 510, 512, 534, 535, 545—547, 554, 587, 602, 605, 606, 610, 615, 617, 624, 629, 632—635, 639, 645, 648, 665, 667
- ИЮДЛЬ АЛЬФРЕД** — т. I, с. 6, 8, 92, 99, 101, 102, 153, 195, 205, 213, 236, 243, 246, 313, 314, 322, 381, 388, 389, 391, 392, 422, 436, 451—453, 473, 475, 495, 604, 635;
т. II, с. 31, 43, 98, 99, 122, 133, 137, 179, 181—183, 189, 228, 233, 249, 253, 260, 265, 270, 271, 273, 275, 278—283, 315, 317, 329, 334, 373—376, 378, 379, 441, 444, 447, 448, 453, 469, 472, 483, 489, 492, 498, 530, 531, 533, 534, 546, 549, 551, 553, 565, 577, 597—599, 604, 607, 610, 614, 615, 623, 626, 630, 632—635, 637, 640, 642—646, 659, 667, 681, 686, 730, 742, 743, 772, 811, 825—831, 841, 842, 863;

- т. III, с. 24, 25, 93—95, 121, 361, 447, 611, 625, 749;
т. IV, с. 204, 258, 260, 751, 756, 758—760, 762, 763, 846, 847, 867;
т. V, с. 22, 45—47, 74, 107, 112, 243—244, 272, 275, 279, 357—389, 559, 567, 595, 639, 644, 677, 679, 681, 783, 794, 818—829;
т. VI, с. 25, 209—212, 215, 219, 221, 222, 228, 229—233, 242—244, 247, 252, 260, 381, 336, 501, 507, 522, 535, 656, 658, 659, 670, 671, 734, 737;
т. VII, с. 15, 21, 23, 26, 31, 32, 41, 43, 49, 70, 72—75, 78, 79, 89, 100, 102—104, 111, 114, 123, 126, 129, 141, 142, 166, 169, 171, 182, 217, 218, 220, 222, 223, 272, 273, 293—296, 308, 309, 337, 338, 348—350, 352, 355—357, 383, 432, 446, 447, 478, 480, 488—492, 512, 545—547, 554, 602, 605, 606, 612, 613, 615, 625, 638, 645, 648, 665, 666
- РЕДЕР ЭРИХ** — т. I, с. 6, 8, 92, 99, 101, 102, 154, 169, 185, 233, 243, 246, 314, 363, 375, 376, 380, 381, 391, 467, 469, 472, 473, 546, 605, 606, 619, 752, 760, 763, 772;
т. II, с. 51—56, 59, 62, 85, 123, 124, 147, 261, 341, 374, 376, 435—443, 455, 469, 471, 552, 553, 635, 636, 679—681, 730, 731, 743, 829, 831—842, 861, 863;
т. III, с. 660;
т. IV, с. 836, 837, 839, 846;
т. V, с. 22, 164, 253—294, 381, 384, 533, 608, 636, 658, 705, 778, 785—795;
т. VI, с. 63, 71, 77, 208—211, 220, 221, 224, 228, 235, 236, 239, 241, 242, 247, 254, 281, 405, 536, 661, 670, 672, 675, 743;
т. VII, с. 22, 24, 25, 27, 31, 32, 43, 49, 50, 67, 70—72, 74—80, 103, 105, 111—116, 141, 148—150, 153, 166, 168, 169, 181, 217, 218, 220, 224, 228, 286, 287, 308, 325, 331, 333, 342, 348, 350, 355, 357, 446, 453, 474, 479—481, 489, 490, 512, 534, 545, 602, 605, 612, 644, 648, 664, 665
- ДЕНИЦ КАРЛ** — т. I, с. 6, 8, 22, 99, 101, 102, 154, 196, 212, 243, 246, 351, 467, 452;
т. II, с. 342, 437, 438, 832, 835, 837;
т. III, с. 752;
т. IV, с. 836—838, 840, 842, 844, 846, 847, 849, 850, 852—855;
т. V, с. 23, 242—251, 290, 381, 658, 773, 775, 777—784;
т. VI, с. 77, 210, 211, 221, 222, 241, 255, 281, 405, 536, 568, 650, 735, 737;
т. VII, с. 26, 27, 31, 32, 43, 49, 59, 72, 74, 78, 103, 112—116, 141, 148, 166, 181, 217, 218, 224, 266, 285, 286, 308, 348, 349, 473, 474, 476—478, 512, 535, 545, 546, 602, 605, 611, 648
- ФРИЧЕ ГАНС** — т. I, с. 6, 8, 93, 99, 101, 102, 155, 169, 185, 237, 243, 246, 464, 467, 590, 760;
т. II, с. 553, 618;
т. IV, с. 870—874;
т. V, с. 164, 342, 558—573, 681, 790, 791, 872—875;
т. VII, с. 32, 43, 47, 59, 72, 79, 141, 149, 151, 153, 154, 167, 171, 185, 256—259, 302—304, 308, 309, 322, 357, 506—508, 516, 525, 527—529, 541, 546, 602, 606, 613, 614, 635, 646, 654

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	<i>Стр.</i>
Дворец юстиции в Нюрнберге, где происходил процесс главных немецких военных преступников	32
Суд идет! Перед началом речи Главного обвинителя от США Р. Джексона	48
Общий вид зала заседаний Трибунала	160
Советские обвинители и сотрудники советской делегации в зале заседаний Трибунала	224
Последние слова подсудимых. С последним словом выступает подсудимый Кальтенбруннер	288
Приговор Международного Военного Трибунала (резюлютивная часть) 510—511	
Международный Военный Трибунал в момент оглашения приговора. Оглашает приговор член Трибунала от СССР И. Т. Никитченко	536
Нюрнбергская тюрьма, где до суда содержались главные немецкие военные преступники и где был приведен в исполнение приговор Трибунала к смертной казни	537

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ ГЛАВНЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ	
Речь Главного обвинителя от Соединенных Штатов Америки Роберта Джексона	7
Речь Главного обвинителя от Великобритании Хартли Шоукросса	53
Речь Главного обвинителя от Франции Шампетье де Рива	158
Речь Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко	195
ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА ПОДСУДИМЫХ	
Последнее слово подсудимого Геринга	263
Последнее слово подсудимого Гесса	265
Последнее слово подсудимого Риббентропа	270
Последнее слово подсудимого Кейтеля	271
Последнее слово подсудимого Кальтенбруннера	274
Последнее слово подсудимого Розенберга	278
Последнее слово подсудимого Франка	279
Последнее слово подсудимого Фрика	281
Последнее слово подсудимого Штрейхера	281
Последнее слово подсудимого Функа	282
Последнее слово подсудимого Шахта	284
Последнее слово подсудимого Деница	285
Последнее слово подсудимого Редера	286
Последнее слово подсудимого Шираха	287
Последнее слово подсудимого Заукеля	290
Последнее слово подсудимого Иодля	293
Последнее слово подсудимого Папена	294
Последнее слово подсудимого Зейсс-Инкварта	296
Последнее слово подсудимого Шпеера	299
Последнее слово подсудимого Нейрата	309
Последнее слово подсудимого Фриче	302
ПРИГОВОР	
Приговор Международного Военного Трибунала	307
Особое мнение члена Международного Военного Трибунала от СССР И. Т. Никитченко	516
ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА	
Решение Чрезвычайного заседания Контрольного Совета по ходатайствам осужденных о помиловании	545
43-е очередное заседание Контрольного Совета	547

	<i>Стр.</i>
Казнь главных немецких военных преступников	547
Подтверждение Генеральной Ассамблеей ООН принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедших выражение в его Приговоре	549
Решения Трибунала по процедурным вопросам, принятые в организационных и судебных заседаниях	551
Летопись организации и деятельности Международного Военного Трибунала	602
Перечень доказательств обвинения от СССР на Нюрнбергском процессе	616
Значение Нюрнбергского процесса (заключительная статья)	648
Указатель имен	687
Перечень иллюстраций	758

СПРАВКА

Первые три тома настоящего Сборника подготовлены к печати всем коллективом составителей, т. IV — Д. С. Каревым, т. V — А. Ф. Волчковым, т. VI — Г. Н. Александровым, т. VII — М. Ю. Рагинским.

Заключительная статья к Сборнику написана М. Ю. Рагинским.

Уважаемый читатель!

Выходом в свет VII тома завершается издание Сборника материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками.

Когда намечалось это издание, предполагалось, что объем каждого тома не будет превышать 50 печатных листов. Именно исходя из этого и была установлена цена каждого тома в 14 руб. Однако материалы процесса настолько важны и актуальны в настоящее время, что пришлось некоторые тома выпустить в значительно большем, чем первоначально предполагалось объеме: вместо 350 издательских листов издание содержит 379,08 издательских листов. Ввиду этого пришлось несколько увеличить стоимость издания: вместо 98 руб. — 102 р. 50 к. Разницу в 4 р. 50 к. (45 коп. с 1 января 1961 г.) подписчики внесут при получении VII (последнего) тома.

19. 30. 12.